Рассел Хоуп РОББИНС

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ КОЛДОВСТВА И ДЕМОНОЛОГИИ

М.: ООО «Астрель»: МИФ: ООО « АСТ», 2001. — 560 с.

Пер. с англ. Т.М.Колядич, Ф.С.Капицы.

АНОНС

Энциклопедия колдовства и демонологии Рассела Хоупа Роббинса — единственный в своем роде труд, в котором собран, переведен и систематизирован огромный материал из разных, в том числе редчайших, источников: гравюры экзорцизмов, пыток ведьм и черных месс; протоколы допросов, отчеты об основных процессах над ведьмами и даже подлинные, в факсимильном воспроизведении, договоры с дьяволом — все это вошло в исключительно интересную книгу Роббинса, вышедшую впервые в 1959 г. и неоднократно с тех пор переиздававшуюся. Настоящее издание — первая публикация на русском языке.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Хотя о колдовстве пишут достаточно много, но практически оно почти не исследовано. Представление большинства людей о ведьме основывается на мультфильме Диснея, где они видят сопровождаемую котом старую каргу в остроконечной шляпе, с помелом, вонзающую длинные костлявые пальцы в оцепеневшую жертву — ложное представление, к тому же ежегодно укрепляемое традиционным карнавалом в День Всех Святых. Различие между данным видом колдовства из книжки комиксов, являющимся не более, чем простым чародейством, и тем колдовством, которое в свое время считалось христианской ересью, обычно завуалировано. Я полагаю, что «Введение» и разнообразные статьи данной «Энциклопедии» наглядно покажут и объяснят различия между ними и раскроют, что означало колдовство для мужчин и женщин, обвиненных как колдуны и ведьмы, и для судей, выносивших им приговоры.

В «Энциклопедии» предпринята попытка беспристрастного, логически последовательного изложения истории трехсотлетнего кошмара, от его начала в XV в. к вершине около 1600 г. до завершения в XVIII в. Поскольку колдовство является христианской ересью, материал «Энциклопедии» четко ограничен Западной Европой и кратковременной вспышкой колдовства, случившейся в Салеме. Колдовство не является разделом антропологии, мифологии или фольклора, хотя демонология входит в него составной частью, но его связь с магией, равно как и с современным сатанизмом достаточно ограничена. Фактически колдовство относится к сфере деятельности теологов. Чародейство, распространенное в Африке, Центральной и Южной Америке и других местах, в «Энциклопедии» также не рассматривается.

При выполнении столь обширной и сложной работы практически невозможно избежать отдельных неточностей и упущений. Всеобъемлющая история колдовства должна была бы стать историей цивилизации (или, скорее, нецивилизованности); при этом и сотня томов, по объему равных «Энциклопедии», не вместила бы всего материала, а лишь создала бы неудобства для читателя. Я отобрал то, что посчитал самым важным для создания целостной картины колдовства, представляемой ниже: картины величайших обманов и заблуждений, кажущиеся невозможными, как невозможно и само «преступление» колдовства. Количество статей можно было бы удвоить или даже утроить, но это явно не сделало бы читателя ни богаче, ни образованнее. Конечно, автор книги хорошо представляет возможные упущения. Что же касается неточностей в изложении фактов, то я заранее приношу свои извинения и, по примеру моего учителя, покойного Джорджа Г. Култона (Coulton) из Кембриджского университета, всегда сопровождавшего подобными извинениями свои основные труды по истории, обещаю исправить допущенные исторические неточности в последующих изданиях.

Даже самый беглый просмотр «Энциклопедии» покажет, что источники информации можно было найти только в крупнейших библиотеках, содержащих по крайней мере два миллиона томов. Самое большое и лучшее в мире собрание материалов для изучения колдовства находится в Корнельском университете, около сорока лет любовно и тщательно собиравшееся его первым президентом Эндрю Диксоном Уайтом, особенно в то время, когда он исполнял обязанности полномочного дипломатического советника в Берлине. Разыскивать и приобретать документы Уайту помогал его библиотекарь, профессор истории Джордж Линкольн Барр. К сожалению, Барр, обладавший более глубокими и всесторонними знаниями в области колдовства, чем любой исследователь, занимавшийся когда-либо этим предметом, редко печатался и не оставил литературного наследия. Правда, другой выдающийся исследователь колдовства, Генри Чарльз Ли, оставил свое личное собрание Пенсильванскому университету: но его библиотека, несмотря на то, что она является выдающейся, все же уступает материалами по колдовству Белой коллекции БКУ. Трехтомная работа Ли «Материалы по истории колдовства», опубликованная посмертно в 1939 г. с предисловием Барра и недавно переизданная, является для знатока сундуком с

сокровищами. Однако, работа Ли будет лучше всего оценена читателем, владеющим латынью, немецким, французским, и уже знакомого с предметом исследования. Хотя Ли много раз приглашали, он ни разу не воспользовался книгами из Корнельской библиотеки. Таким образом, многие из уникальных изданий, собранных Уайтом и Барром, представлены в данной «Энциклопедии» впервые. Я пользуюсь случаем еще раз обратиться со словами благодарности к библиотекарям Корнельского университета за их бесконечное расположение.

Однако даже коллекция Уайта не является исчерпывающим собранием, и, не считая шести миллионов томов, хранящихся в Библиотеке Гарвардского университета, читателю, желающему непосредственно познакомиться с первоисточниками, лучше всего было бы отправиться в Резервный фонд Нью-Йоркской публичной библиотеки, особенно богатой материалами, связанными с Америкой. В Нью-Йорке находятся еще три значительных собрания, представляющие интерес для изучения колдовства: в библиотеке Колумбийского университета, богатой редкими французскими изданиями (коллекция, посвященная Жанне д’Арк); в библиотеке Объединенной Богословской семинарии, где хранится огромное собрание Мак-Альпина, насчитывающее около 5000 английских книг XVI и XVII столетии по теологии, а также в новой и небольшой по количеству Боллингенской библиотеке, где хранится несколько подлинных сокровищ, посвященных ведьмам. Книги, подаренные библиотеке Конгресса Гудини, представляют больший интерес исследователям магии, чем историкам колдовства. Для данной книги использованы материалы, отсутствующие в библиотеках Соединенных Штатов, в основном это печатные памфлеты или дешевые брошюрки об английских судебных процессах того времени. Подобные материалы находятся прежде всего в библиотеке Британского Музея, Бодлеанской библиотеке в Оксфорде, Библиотеке Ламбетского дворца, большая часть книг которой сохранилась после нацистских зажигательных бомб, уничтоживших здание библиотеки во время Второй мировой войны. Материалы, связанные с Францией, привлечены из Национальной библиотеки (Париж).

Опора на материалы крупнейших библиотек определяет особое значение данной «Энциклопедии», в которой собрана квинтэссенция из более тысячи первоисточников по колдовству. Отбирая и организовывая даже небольшие фрагменты доступных материалов, нам возможно, удастся донести до непрофессионального читателя то впечатление, которое они производят на исследователя. Колдовство — достаточно отвратительный предмет. Нельзя без отвращения перелистывать страницы первой из напечатанных книг по колдовству (1467), осознавая при этом, что именно эта книга была собственностью монастыря св. Максимина в Тире, и именно она способствовала формированию мировосприятия монахов, обвинивших и приговоривших к смерти за колдовство 300 человек. И это только одно из «сокровищ», переданных Барром библиотеке Корнельского университета! Его комментарий является настолько «гуманным», что мы «едва можем перелистывать эти страницы без содрогания». Прочитав множество подобных отчетов, добросовестно собранных в «Энциклопедии», трудно сохранить беспристрастность, обязательную для исследователя; вполне естественно, что иногда в отдельных репликах проявляется мое собственное отношение к материалу. Ведь читатель и без комментариев издателя увидит, что предмет исследования — колдовство — ужасно: записи официальных писцов, не рассчитывавших на посмертное признание, громче всяких слов кричат о его бесчеловечности.

Если история колдовства позволяет выявить превращение человеческого существа в гнуснейшее из животных, то она также показывает и отдельные вспышки разумного начала в таких людях, как Лоэр, Мейфарт, Шпее, Стапириус или Скотт, Борделон или Калеф, в меру своих возможностей выступавших против заблуждения и, благодаря своему бесстрашию, сумевших заронить зерна сомнения в законности и правомерности охот за ведьмами и процессов над ними. Конец преследований за колдовство был ускорен и немногочисленными смелыми мужчинам и женщинами, противопоставившими господство-

вавшей идеологии лучшие человеческие качества и указавшими путь для миллионов, пораженных длительностью и силой все подминающего под себя суеверия.

Если бы крики и вопли этих мучеников, страдавших за человечность — поскольку и «колдуны», и их защитники действительно существовали — удалось выпустить из стальных дверей библиотек вместе с протестами, то нам удалось бы показать современному читателю, сколь велика опасность фанатизма и ограниченности мировоззрения, и сколь необходимо движение мысли во всех сферах человеческой культуры. В этом случае ценность исследования будет большее, чем просто историческая или сенсационная. Тогда осуществится и основная задача любого научного исследования: изучить прошлое, чтобы понять настоящее и предвидеть будущее.

В заключение я хотел бы выразить признательность всем тем, кто оказал мне различную помощь в подготовке «Энциклопедии»: м-ру Ли Эшу, Нью-Йорк; м-ру Е. Дж. Биллу, ЛБ, Лондон; д-ру Курту Бюлеру, б-ка Пирпонта Моргана, Нью-Йорк; м-с Мод Коул, Резервный фонд Нью-Йоркской публичной б-ки; м-л Терезе д'Альверни, ПНБ; м-с Александре Добкин, Нью-Йорк; м-с Ричард Фрайд, Нью-Йорк; д-ру Альберту Фридману, Гарвардский ун-т; м-с Вохан Гилмор, б-ка фонда Боллингена, Нью-Йорк; м-ру Джону Ханнесону, Исландское собрание, БКУ; м-с Эдит Хендерсон, Библиотека законов Гарварда; д-ру Рудольфу Хиршу, б-ка Ли; м-с Филомене Хулиан, Резервный фонд Нью-Йоркской б-ки; д-ру Ричарду Ханту, ББ в Оксфорде; м-с Фрейе Ярви, Хельсинский ун-т, Финляндия; проф. Уильяму Р.Кисту, БКУ; проф. Джону Е. Келлеру, университет Северной Каролины; м-с Генри Крул, Нью-Йорк, м-ру Герриту Ленсингу, Нью-Йорк; м-ру Джину Либерти, Нью-Йорк; д-ру Генри Ф. Майнсу, Клинтон, Нью-Джерси; м-ру Леонарду Е. Майнсу, Вудсток, Нью-Йорк; д-ру Тауно Мустанойя, ун-т Хельсинки, Финляндия; м-ру Эдварду Нейлу, Гарвардский ун-т; м-с Лизбет Е. Равски, БКУ; м-ру Дереку Руперу, Линкольн-колледж, Оксфорд; проф. Джеймсу Л. Розье, Корнельский ун-т; м-с Марии Сальваторе, Нью-Йорк; д-ру Кеннету Сеттону, б-ка Пенсильванского ун-та; м-ру Льюису М.Старку, Резервный фонд Нью-Йоркской публичной б-ки; проф. Френсису Ли Отли, ун-т штата Огайо; проф. Беатрис Е.Уайт, Вестфилд-колледж, Лондонский ун-т.

Особую благодарность я приношу издателям за их личную заинтересованность и помощь в этой работе.

И на протяжении всех предшествовавших двадцати лет я нахожусь в неоплатном долгу перед моей женой, Элен Анной Минс Роббинс, за ее постоянные советы и непрестанную поддержку. Все годы, в течение которых писалась «Энциклопедия», она целиком и полностью посвятила себя выполнению семейных обязанностей.

Р. Х. Роббинс
Катсбаан Ондерхейгель,
Саджартис, Нью-Йорк,
Сретение Господне, 1959

ВВЕДЕНИЕ

Хотя за тысячу лет каждодневного употребления слова «ведьма» и «колдовство» несколько раз меняли свое значение, сегодня «колдовство» вернулось к своему первоначальному определению, соединяющему черты магии и чародейства, резко расходясь с тем ограничительным толкованием, которое вкладывалось в него в XVI и XVII веках. Если бы под колдовством никогда не подразумевалось ничего большего, чем искусство «потрепанной, старой, беззубой карги с ввалившимися глазами, бродившей по улицам, опираясь на клюку», то Европа не страдала бы на протяжении трех столетий (с 1450 по 1750 г.) от самого потрясающего кошмара, отвратительных преступлений и величайшего позора западной цивилизации, всеобщего ослепления, которое когда-либо претерпевал homo sapiens — человек разумный. Эта книга — об этом позоре и преступлении.

Поразительны и жестоки судебные отчеты, посвященные колдовству, где убожество душит порядочность, низменные страсти прикрываются благочестием, а человеческий разум низводится до соучастия в таких гнусностях, какие постыдились бы совершать даже йэху из книги Свифта.

Ничто не было столь ложным и не длилось так долго. Колдовство разрушило принципы чести, справедливости и правосудия, открывая реестр Зала Позора. Приведем несколько примеров того, как колдовство влияло на самих преследователей:

> Один из верховных судей Англии закрывает глаза на заведомо ложные показания свидетелей обвинения, даже если другие члены суда специально обращают на это его внимание.
>
> Немецкий судья, отвергнутый женщиной, которой он сделал непристойное предложение, в отместку арестовывает ее сестру, обвиняет ее в колдовстве, подвергает жестоким пыткам и в тот же день сжигает живьем.
>
> Известный профессор права из Тулузского университета оправдывает нарушения закона на судах над ведьмами, поскольку «невозможно было бы ни обвинить, ни наказать ни одну из миллионов ведьм, если бы мы придерживались обычных правил судопроизводства».
>
> Один из немецких епископов сжег по крайней мере 900 мужчин и женщин, включая многих уважаемых и состоятельных граждан, конфискуя их имения и собственность ради собственной выгоды.
>
> Шотландский протестантский священник отказал в христианском погребении женщине, задавленной насмерть толпой, из-за того, что шестнадцатилетний подросток назвал ее ведьмой.
>
> Известный французский магистрат сожалеет, что вместо того, чтобы сжечь детей, обвиненных в колдовстве, он лишь приговаривает их к порке, пока на их глазах сжигают их родителей за колдовство.
>
> «Не остается ничего, кроме криков, — воскликнул в отчаянии в 1592 г. некий католический священник и исповедник. — О вера Христова! Доколе это ужаснейшее суеверие будет досаждать тебе? Крикнем же во весь голос: доколе будут гибнуть души невинные?»

Рассмотрим некоторые пытки и несправедливости, которые претерпевали преследуемые за колдовство.

> В Салеме, чтобы заставить двух молодых людей признаться в том, в чем их обвиняли, им скручивали шею и пятки до тех пор, пока из носа не шла кровь.
>
> В Шотландии сожгли как ведьму женщину за то, что она погладила кота, сидевшего в открытом окне, в то самое время, когда у хозяина дома прокисло пивное сусло.
>
> В Англии казнили мать и дочь на основании обвинений десятилетней девочки, которую они якобы околдовали, вызвав у нее припадки.
>
> Во Франции свидетель на процессе над ведьмами в предсмертной исповеди признался, что его показания были продиктованы обвинителем, однако, ничего не было предпринято для пересмотра дела, и обвиненная монахиня умерла в одиночном заключении.
>
> В Шотландии женщина, лечившая детей обмыванием, была обвинена в колдовстве.
>
> В Бостоне была повешена как ведьма бедная иммигрантка, говорившая только по-ирландски и способная лишь произнести простенькие молитвы по-латыни, поскольку она не смогла прочитать «Отче наш» по-английски.

Вероятно, здесь воспроизведены самые бесславные страницы истории колдовства, однако они не являются ни исключительными, ни необыкновенными. Если профессор права ратует за отказ от обычной судебной процедуры на судах ведьм, он просто узаконивает повсеместно распространенную практику: суды за колдовство должны были не устанавливать виновность или невиновность обвиняемых, а лишь осудить их в кратчайшие сроки. Если с помощью истерик ребенок отправлял на смерть двух женщин, то это был лишь один из случаев показаний множества молодых людей, подверженных эпилептическим припадкам (включая и салемских «сучек»); описания «одержимых» детей настолько многочисленны и однообразны, что их пересказ напоминает повторение.

Происходя день за днем в течение столетий, заканчиваясь пыткой и ужасными казнями десятков тысяч, следующие примеры колдовства потрясают именно своей повседневностью:

> Любой, имеющий родимое пятно, жировик, шрам или мозоль (отложения солей), рассматривается как обладатель отметки дьявола и, следовательно, должен быть казнен как колдун. Известный профессор права из Кельна заявил, что никто из имеющих такое клеймо не мог вести безгрешный образ жизни.
>
> У каждой ведьмы есть посылаемый дьяволом домашний дух или чертенок, принимающий вид домашних животных или насекомых. Необходимо тщательно оберегать место заключения ведьмы от пауков и мух, причем любое непойманное животное считается ускользнувшим благодаря своим дьявольским возможностям, таким образом доказывая виновность арестованной.

Обычное сообщение, слух или сплетня являлись достаточным основанием для вынесения обвинения в колдовстве, арестованные подвергались пытке до тех пор, пока не признавали свою вину. Если же сплетня не принималась во внимание, то это также считалось признаком виновности.

Какая пропасть разделяет ведьму из сказки братьев Гримм «Гензель и Гретель» и ту, против которой самые искушенные умы Западной Европы на протяжении трех столетий мобилизовывали все ресурсы церкви и государства! «Германия почти полностью покрыта кострами, сложенными для ведьм», — писал примерно в 1600 г. один искушенный судья по ведьмам. «В соответствии с отчетом, в Швейцарии исчезли многие деревни. В Лотарингии путешественники могут видеть тысячи и тысячи столбов, к которым привязаны ведьмы».

Нельзя усомниться в том, что старая карга была неприятной, нежелательной и злой женщиной, но сама по себе она представляла не большую опасность для общества, чем в наше время цыгане, пользующиеся дурной известностью из-за своей бродячей жизни, мошенничества и ворожбы. Однако власти уделяли нейтрализации колдовства такое большое внимание, что наконец перестали сомневаться в том, что нападение неизбежно. Та, на которую с 1450 по 1750 г. вели охоту инквизиторы, церковные и светские суды, была вовсе не старой каргой, а членом некоего международного движения, мощной разрушительной силой, действовавшей день и ночь ради разрушения истинной религии и против установления Царства Божия. Велики силы зла и их власть; всюду, где нет христианского Бога — есть христианский дьявол. Пособничество Сатане было более тяжким преступлением, чем государственная измена, поскольку земная жизнь человека представлялась ничтожной перед будущей вечной жизнью. Колдовство являлось преступлением против Господа, и поэтому оправдывались любые средства по его искоренению.

«Как бы мы не наказывали ведьм, поджаривая или варя их на медленном огне, все равно этого недостаточно, — заявлял Жан Боден, известный французский адвокат, экономист и политолог, чья книга о ведьмах стала образцом, — ибо это не столь ужасно по сравнению… с той вечной мукой, которая уготована ей в аду; поскольку здесь огонь не может продолжаться более часа или до тех пор, пока ведьма не умрет».

Следующие примеры, внешне похожие друг на друга, помогут прояснить историческую концепцию колдовства, представленную в данной «Энциклопедии», показать ее отличие от современного расширительного толкования чародейства и магии, а также различия между еретиком и колдуном.

Первый пример взят из процесса в Сент-Осайте (Эссекс, Англия, 1582). Перед выездной сессией в Челмсфорде предстали четырнадцать женщин, в основном по двум видам обвинений: наведении порчи и убийстве путем околдования. Большинство из них время от времени ссорились с соседями, поэтому, если у кого-то случалось несчастье с коровами или с гусями, или же не сбивалось масло, подозрение падало на них. Кроме того, нескольких женщин обвинили в вызывании смерти путем колдовства. Так м-с Гаррисон, жена священника, считала, что ряд несчастий, включая ее собственное слабое здоровье, были связаны с колдовством Агнесс Херд. Ее муж пообещал допросить подозреваемую: «Ты, гнусная шлюха! Я знаю, что ты околдовала мою жену, и, как Бог свят, если ты еще раз побеспокоишь ее, я переломаю тебе все кости. И, кроме того, я постараюсь, чтобы тебя повесили». Через несколько месяцев м-с Гаррисон снова заболела, и ее подозрения относительно Агнесс Херд усилились. «Супруг мой, да благословит Господь тебя и твоих детей, поскольку я теперь полностью уверена в ее гнусностях». Через два дня м-с Гаррисон умерла, ее последними словами были: «О, Агнесс Херд, Агнесс Херд, ты погубила меня». Агнесс Херд была привлечена к суду и, к удивлению многих, оправдана.

Другой пример — из Тринга (Лестершир, Англия, 1751). Руфь Осборн и ее супруг, были старыми и бедными людьми, сторонниками малопопулярного мятежа Стюартов 1747 года, имевшими репутацию колдунов. Если у кого-то случались неприятности, в них обвиняли Осборнов. Особенно яростно их обвинял фермер по имени Баттерфилд. Однажды матушка Осборн попросила у него немного пахты,

> «но Баттерфилд ей очень грубо ответил, что у него не хватает даже для своих боровов. Это возмутило старую женщину, которая отправилась восвояси, заявив фермеру, что [Стюарт], претендент [на английский престол], покажет ему и его бычкам. Вскоре после этого несколько телят Баттерфилда заболели, после чего некоторые невежественные люди, слышавшие историю про пахту, стали говорить, о том, будто матушка Осборн околдовала телят».

После этого Баттерфилд продал свою ферму, надеясь отвести от себя злые чары, насланные, по его мнению, Руфью Осборн, и открыл таверну. Но дела пошли еще хуже, и у самого Баттерфилда начались припадки. Тогда распространились слухи о том, что по-

дозреваемых «ведьм» следует подвергнуть «испытанию водой»: если они всплывут, то они — колдуны, если утонут — невиновны. Толпа окружила Осборнов, схватила их и бросила в реку. Г-жа Осборн была завязана в простыню и не тонула, хотя предводитель толпы колол и толкал ее багром. Наконец ее вытащили из воды, почти обнаженную, практически захлебнувшуюся грязью, и бросили на берег, где она «скончалась через несколько минут». Вскоре после этого умер ее муж. Предводитель толпы полагал себя народным героем и принимал поздравления.

В обоих описаниях происшествия сходны. На ферме происходит часто имевшее в то время место несчастье, кто-то заболевает или, как в первом случае, умирает, а обвиняется не пользующийся расположением сосед. Что же превращает суд над Агнессой Херд в дело о колдовстве, а линчевание Руфи Осборн, называемой ведьмой, в обвинение в чародействе?

Ни на одной странице сообщений о злых деяниях или maleficia м-с Осборн не упоминается о ее связи с дьяволом, хотя и подтверждается, что она владеет некими тайнами или магическими способностями. Предпринятые против нее действия основывались на предположении, но не санкционировались никакими религиозными или светскими властями, а их зачинщики были наказаны. Она была «ведьмой» согласно общественному мнению. Но она не была ведьмой, согласно тому значению, какое вкладывали в это понятие юристы и историки середины XVIII века.

С другой стороны, Агнесс Херд преследовалась в судебном порядке согласно уголовному Уложению за «вызывание и заклинание злых и проклятых духов», с помощью которых уничтожалось имущество и была убита женщина. Оккультные способности Агнесс Херд обуславливались связью с дьяволом, факт считался доказанным, поскольку ее семилетней дочери пришлось давать показания об уходе за четырьмя черными дроздами. Эти птицы на самом деле являлись демонами или домашними духами, что доказывалось наличием у Агнесс меток дьявола.

Вместе с тем была принята теория колдовства, где особое место уделялось домашним духам и отметкам дьявола. В награду за союз с ним дьявол придавал ведьме демонов, выглядевших как небольшие домашние животные, птицы или насекомые, чтобы они выполняли ее распоряжения, творя зло. Своих домашних духов ведьма кормила разными лакомствами (как многие кормят своих любимцев), но всем им они предпочитали ее собственную кровь. Любой небольшой жировик или вырост на теле, рассматривался как сосок, из которого кормили домашнего духа. Из-за подобного подозрения каждого арестованного полностью обривали и обследовали, чтобы найти подобные отметки, и где-нибудь хоть одно пятно находилось, иногда даже под веками, под языком или в половых органах. В 1604 г. эта теория получила официальное признание в Уложении короля Якова I, объявившего уголовным преступлением «получение советов, вызывание, увеселение, кормление или вознаграждение любых злых и порочных духов».

В обстановке произвольного толкования мотивов преступления на основании кожных пятен здравый смысл атрофировался. В 1681 г. Генри Холлиуэлл, магистр искусств Кембриджского университета, предпринял попытку научного объяснения «неоспоримого фактического материала». Как утверждает Холлиуэлл, демоны,

> «будучи страшно испорченными… истощаются благодаря постоянному оттоку частиц и потому нуждаются в определенном питании, чтобы восполнить потерю быстроистекающих атомов, что и проделывается высасыванием крови и жизненных сил этих несчастных [ведьм]. …И нет никакого сомнения в том, что этим нечестивым демонам доставляет одинаковое удовольствие высасывать теплую кровь людей и животных, как бывает приятен для здорового и бодрого телосложения глоток чистого и свежего воздуха».

Кошки, белые мыши, дрозды наряду с телесными аномалиями являлись ничем иным, как внешним проявлением заключения договора с дьяволом (сути колдовства). В

этом основном вопросе английские протестанты были едины с европейскими католиками. Решение помогать Сатане, побуждавшее ведьму к заключению договора, закономерно вытекало из ее греховности, вследствие чего хитроумная ведьма должна пытаться обманывать людей, ведя добродетельный образ жизни. Поэтому в колдовстве мог быть обвинен и тот, кто никогда не ходил в церковь, и тот, кто регулярно посещал службы. Их объединяло мысленное отрицание всемогущества Господа и, как следствие, присоединение к тем духовным силам, которые церковь именовала порочными. Таким образом, договор, заключенный с дьяволом или соглашение действовать против христианского Бога и христианской церкви становились «преступлением совести», то есть преступлением, совершаемом мысленно или в воображении. Изначально колдовство не было связано с конкретными действиями, оно относилось к мировоззрению и идеям: никто никогда не видел ведьму, летящей на помеле, но тысячи людей описывали, как и почему она летала. Агнесс Херд была привлечена к суду не за колдовские действия, а за свои убеждения, попытку инакомыслия.

На практике же в Англии (в отличие от Франции или Германии) ведьму обычно обвиняли в причинении конкретного зла. Практические действия замещали их теоретическое толкование. Однако английские теоретики единогласно утверждали, что ведьму можно определить только, если был заключен союз с дьяволом. И преступлением считался именно данный теоретический договор, а не фактически совершенное зло. Известный протестантский проповедник Джордж Гиффорд обобщил это следующим образом:

> «По слову Господнему, ведьму следует придать смерти, но не потому, что она убивала людей — поскольку она не способна на это, если только не является той ведьмой, что убивает с помощью яда, который она или получает от дьявола, или он учит ее изготавливать его, — а потому, что она заключила договор с дьяволами».

На основании подобных утверждений «белая ведьма», постоянно делающая добро своим соседям, проклиналась так же, как и действительно порочная ведьма. Один из самых прославленных протестантских теологов, Уильям Перкинс, в свое время почитавшийся вторым после Кальвина, писал:

> «Подобным образом, хотя ведьма во многих отношениях полезна и не причиняет зла, но творит добро, но уже потому, что она отреклась от Господа, своего господина и повелителя, и связала себя службой врагам Господа и врагам церкви его, единственным достойным ее уделом является смерть, назначенная ей от Господа, она не должна жить».

Таким образом, колдовство отличается от чародейства тем, что оно является разновидностью религии, христианской ересью. Колдовство ограничивается пределами нескольких стран западной Европы, прежде всего Францией, Германией, Шотландией, Англией, до некоторой степени Италией и Голландией. Скандинавские страны, Ирландия и (по другим причинам) Испания были фактически свободны от заблуждения. Колдовство было ограничено во времени, скажем, периодом с 1484 г. (публикацией буллы папы Иннокентия, открывшей ворота для преследований за ведьмовство) по 1692 г. (салемские судебные процессы), включая начальный и заключительный периоды примерно по пятьдесят лет в каждую сторону. Колдовство подвергалось безжалостным нападкам как со стороны светских, так и церковных властей, в результате чего законодательным путем были умерщвлены десятки тысяч человек. В отличие от колдовства, чародейство носило более универсальный характер: Аэндорская волшебница вызывает по просьбе Саула дух Самуила, Медея околдовывает драконов, чтобы Ясон смог завладеть Золотым Руном — все это примеры чародейства. Чародейство распространилось из Европы в Африку и далее через Вест-Индию в Китай, не ограничиваясь определенным периодом времени, не соотносясь с христианством (фактически оно существовало еще до него), редко преследовалось вла-

стями и никогда не вызывало массовых кровопролитий. Чародейство возникло из попыток управлять добрыми или злыми силами и развилось, когда общество достигло определенной стадии развития. Колдовство было частью религии, чародейство — составляющей фольклора.

Подобное определение колдовства, считавшегося, с религиозной точки зрения, преступлением сознания, воображения или мотивации не оспаривалось, это понятие не имело никакого другого значения в то время, когда колдовство властвовало над умами, жизнью и смертью. Его разделяли как католические, так и протестантские теологи, судьи, адвокаты, профессора и администраторы. В 1580 г. адвокат Жан Боден дал юридическое определение ведьмы как «пытающейся перенести законы Господа на договор с дьяволом». В 1599 г. католический демонолог дель Рио определял колдовство как «умение совершать чудеса, выходящие за пределы общепринятого понимания, благодаря силе, получаемой через договор с дьяволом». В 1653 г. определение дель Рио повторил сэр Роберт Филмер, судья, приверженец англиканской церкви: «Колдовство является действием, служащим для совершения чудес с помощью дьявола, в пределах дозволенного Господом». В 1671 г. Эдвард Филлипс, племянник Джона Мильтона, писал, что колдовство — «явное порочное действие, посредством которого, с помощью дьявола или злых духов, могут быть произведены некоторые чудеса, находящиеся вне понимания людей». Коттон Мазер написал в труде об американских колониях: «Колдовство является совершением странных и большей частью порочных деяний, совершаемых при помощи злых духов». Еще в 1730 г., когда вера в дьявола стала угасать, профессор права из университета в Глазго повторял прежнюю формулировку в том виде, в каком она была известна и использовалась на протяжении трехсот лет: «Колдовство — черное искусство, с помощью которого производятся странные и удивительные вещи с помощью силы, полученной от дьявола».

С 1736 г., когда в Англии колдовство исключили из списка преступлений, договор с дьяволом стал считаться предрассудком (за который мог подвергнуться судебному преследованию любой предсказатель), само же понятие продолжало бытовать как обозначение того, что когда-то было внешним проявлением колдовства: мелких неприятностей и бытовых неурядиц, случаев вызывания порчи, для которых было трудно найти естественное объяснение. Явление исчезло, а слово продолжало свою жизнь.

Признание предметом обвинения и поводом для жесточайших наказаний людей их мыслей и фантазий, реальных или сделанных под принуждением, являлось достижением инквизиции. Ее обязанностью было изменить мнение любого, кто мыслил иначе, чем предписывала ему церковь; если же он отказывался изменить своим убеждениям, дополнительной обязанностью инквизиции становилось его уничтожение. «К вере следует склонять, а не навязывать ее, — заявлял св. Бернард. Но далее добавлял: — Однако было бы гораздо лучше действовать силой, принуждением, мечом того магистрата, который носит его не напрасно, нежели терпеть привлечение других к их заблуждению».

Религиозная нетерпимость началась в XII столетии и поддерживалась как церковью, так и государством. Последнее представлено в лице графа Тулузского (до 1224), короля Арагонского (1197) и императора Фридриха II (1224). Церковь шла с ними в ногу. Папа Луций III в 1184 г. (ровно за 300 лет до папы Иннокентия VIII) создал епископскую инквизицию для проводившихся раз в три года расследований ересей (inquisitio). В 1199 г. папа Иннокентий III расширил сферу преследования ересей и способствовал их усилению, разрешив конфискацию имущества еретиков. Его распоряжения позднее стали частью Канонического закона церкви. В декрете «Excommunicamus» (1215), под страхом обвинения в ереси, Иннокентий III принуждает светские власти поклясться, «что они будут делать все возможное, чтобы изгнать из подчиненных им территорий всех еретиков, объявленных таковыми церковью».

В течение столетия инквизиция нападала на вальденсов, катаров и другие еретические секты в Южной Франции, причем столь успешно, что уничтожила большинство еретиков и тем самым осушила источники собственного финансирования. В 1375 г. инквизи-

тор Эймерик сетовал: «В наши дни не осталось больше богатых еретиков, так что принцы, не ожидая получения больших денег, не хотят вводить себя в расходы, очень жаль, что столь полезному учреждению как наше, следует быть столь неуверенным в будущем».

Уже в начале 1258 г. были намечены пути и средства, необходимые для пополнения количества возможных жертв, когда инквизиция запросила папу, «следует ли принимать во внимание чары и колдовство». Разрешение не было дано, поскольку чародейство не означало явной ереси, выявление и устранение которой являлось главной целью инквизиции. Лишь после 1320 г., когда папа Иоанн XXII уполномочил инквизицию в Каркасоне преследовать тех, кто поклоняется демонам, вступает в договор с ними, изготовляет идолов или использует священные предметы для целей магии. Инквизиция медленно и неуклонно начала разрабатывать свою концепцию колдовства как ереси, основанной на магии. Суды по обвинению в еретическом чародействе начались в Каркасоне в 1330 и 1335 гг. (тогда было обвинено семьдесят четыре человека) и регулярно проводились после этого. К 1350 г. в Каркасоне и Тулузе инквизиция сожгла 600 человек как еретиков, занимавшихся новым чародейством. Опыт процессов по колдовству распространялся от инквизитора к инквизитору с юга на север Франции, в южную и западную Швейцарию и далее во французскую Савойю до северной Италии и Рейнланда включительно.

Разрешение папы Иоанна получило новые формулировки в последующих буллах и сохранялось до 1451 года, когда папа Николай V расширил полномочия инквизиции до рассмотрения всех видов чародейства, даже если они «не носят явных признаков ереси». Первыми о колдовстве написали инквизиторы, составившие основополагающие труды на испанском и французском языках. Среди прочих следует упомянуть доминиканских инквизиторов Николаса Эймерика, Никола Жакье, Жана Винетти и Джироламо Висконти. «Молот ведьм» («Malleus Maleficarum»), напечатанный около 1486 г., — самая известная из всех книг по колдовству, был написан двумя инквизиторами, Якобом Шпренгером и Генрихом Крамером, тоже доминиканцами. Их труд стал первым руководством, определявшим колдовство как ересь, включающую договор, шабаш и ночные полеты: «Вера в то, что существуют такие существа как ведьмы, является столь существенной составляющей католической веры, что утверждать противоположное мнение означает провозглашать ересь».

Как теологи, так и светская общественность приветствовали концепцию еретичности колдовства как новое изобретение. Связанные более ранним церковным законом, положениями канона «Episcopi», где прямо говорилось, о том, что вера в колдовство является предрассудком и ересью, инквизиторы начали заниматься крючкотворством, доказывая, что колдовство, о котором там идет речь, отличается от того колдовства, которое установлено инквизицией. Новое колдовство явно являлось ересью, и к нему не относились ограничения, обозначенные в «Каноне». В этот период многочисленные теологи еще могли отказаться поддержать точку зрения инквизиции, как это сделал в XV веке известный францисканец Альфонсо де Спина и в начале XVI века Самуэль де Кассини. Действительно, инквизиция встретилась со значительным противодействием охоте за ведьмами и еще более сильным безразличием. Шпренгер и Крамер, имевшие дурную репутацию, горестно сожалели о повсеместной враждебности немецких правителей и общественности, и папа Иннокентий VIII в булле 1484 г. специально распорядился, чтобы этим следователям не препятствовали.

Все ранние охотники за ведьмами сообщают о конфронтации со скептиками. Жакье пишет, что многие противодействовали инквизиции. Висконти и Пико говорили о том, что многие полагали, что признания получают только под пыткой. Мюрнер был потрясен тем, что отдельные теологи объясняли разрушения чаще естественными причинами, нежели колдовством. И еще в 1514 г. Альциат заявлял, что крестьяне в приальпийских лугах отвечали восстаниями на массовые сожжения, проводившиеся местным инквизитором. Только годы спустя, после десятилетий внедрения новой доктрины и подавления оппозиции, начала расти общественная поддержка заблуждения.

Именно здесь проходит различие между колдовством и чародейством, которое никогда не было «народной верой». Колдовство считалось умственным отклонением, изобретенным инквизиторами на основании права исключительной пытки и конфискации, вскоре колдовство приняли и поддержали светские власти, едва ли отдававшие себе отчет в том, что, колдовство было одним из способов управления ими. Индифферентную общественность безжалостно заставляли верить в колдовство. Там, где принимались методы инквизиции, например, в Германии и Франции, оказывались десятки тысяч ведьм. В Англии же, где пытки не разрешались, а собственность ведьм не конфисковывали, число казней было в сто раз меньше. И в тех европейских автономиях, где пытки были запрещены, например, в герцогстве Юлиерсберг после 1609 г. не был сожжен ни один человек, хотя вокруг происходили постоянные погромы. В Кельне, в результате запрещения конфискации собственности, за исключением двух незначительных вспышек, было гораздо меньше казней за колдовство, чем в других частях Империи. Когда в 1630–1631 гг. император запретил судам присваивать собственность, преследования ведьм пошли на убыль, как, например, в Бамберге, где с 1626 по 1629 г. сжигалось в среднем в год по сто человек, в 1630 г. сожгли только двадцать четыре человека, а в 1631 — ни одного.

На основании буллы папы Иннокентия VIII (1484) колдовство просуществовало много лет после тьмы Средневековья. Вооруженные судебными руководствами, такими как «Malleus Maleficarum», наделенные властью применять пытки к тем, кто предстает перед их судом, инквизиторы наводнили Европу, охотясь за ведьмами. В действие были вовлечены гражданские судьи. Подчиняясь инструкциями, обильно поступавшими в быстро множащихся руководствах, пытками они принуждали обвиняемых к признанию во всех перечисленных преступлениях и раскрыли имена порочных сообщников. Признания ведьм, подтвержденные экспертами и доносчиками, обеспечивали постоянный приток жертв. Повсеместно во Франции и Германии данная процедура была стандартизирована, повторяясь из года в год, она породила со временем огромное количество узаконенных признаний, полученных из уст обвиняемых. На основании подобных признаний последующие демонологи основывали собственные концепции колдовства, не существовавшие нигде, кроме их воображения.

Вот один из типичных списков стандартных вопросов, использовавшихся в Кольмаре (Лоррен) на протяжении трехсот лет охоты за ведьмами:

1. Как давно ты стала ведьмой?
2. Почему ты стала ведьмой?
3. Как ты стала ведьмой, и что при этом произошло?
4. Кто тот, кого ты выбрала своим инкубом? Как его зовут?
5. Как зовут твоего хозяина из числа злых демонов?
6. Какую клятву ты должна была ему принести?

Вопросы продолжались:

21. Каких животных ты околдовала, чтобы они заболели или умерли, и почему ты совершила эти действия?
22. Кто твои сообщники по злым делам?
23. Из чего сделана мазь, с помощью которой ты натираешь свое помело?
24. Какие бури ты вызывала, и кто помогал тебе вызывать их?

Если мы вспомним, что обвиняемому приходилось отвечать, ибо отказ означал умышленное умолчание, требующее более жестоких пыток, что судьи или палачи могли подсказывать «забывчивому» обвиняемому, тогда не будет вызывать загадок однообразие содержания признаний.

Чтобы понять, как получали признание вины и прояснить сущность колдовства, лучше всего пролистать судебные отчеты о судах ведьм. Наиболее подробными является отчеты XVII века, хотя процедура оставалась почти той же, что и в XVI веке. Ниже кратко

обозначены три подобные судебные отчета, полностью они описываются в соответствующих статьях данной «Энциклопедии».

Первый пример характерен для десятков тысяч судебных процессов, проходивших в Рейнланде. Он состоялся в Эйхштадте (Eichstatt) в 1637 г. Обвиняемая была бедной крестьянкой. Ни одно из преступлений, в которых ее обвиняли — ночные поездки, банкеты на шабашах, вызывание бури, эксгумация трупов, прохождение сквозь запертые двери — не было ни реальным, ни доказуемым. Судьи были заинтересованы только в извлечении признания вины и получении имен сообщников, которых рано или поздно ожидала такая же участь.

Ухватимся за нить судебного отчета от 15 ноября 1637 г., когда заключенная отказалась признать себя ведьмой. Ее обыскали на предмет обнаружения отметок дьявола. В отчете, написанном на немецком диалекте от третьего лица, сообщается:

> Где она получила эти дьявольские отметки?
>
> Она не знает. Она ничего общего не имеет с дьяволом.
>
> Поскольку обвиняемая не понимает доброжелательного отношения, ее приводят в камеру пыток.
>
> Признания, полученные в камере пыток: После помещения на дыбу и легкого натягивания веревки она говорит: «Да, может быть, она ведьма». Когда веревку ослабили, она заявила, что не является ведьмой. Поэтому ее снова поместили на дыбу и повернули, один, два и три раза. Наконец ее освободили, после того, как она призналась, что она — ведьма. Но она тут же начала запираться и отрицать сказанное. Поэтому ее снова еще сильнее растянули на дыбе.
>
> Она призналась, что действительно четырнадцать лет назад, еще когда она не была замужем, она стала ведьмой.
>
> Но, поскольку она показала, что вышла замуж двадцать три года назад, как случилось так, что всего только четырнадцать лет назад она стала ведьмой?
>
> В ответ она попросила, чтобы ее сняли с лестницы, тогда она скажет правду. Нет, сперва она должна начать признаваться; иначе она останется на лестнице. Когда она увидела, что ее не собираются отвязывать, она сказала, что восемнадцать лет назад ее супруг пришел домой пьяным и пожелал, чтобы дьявол забрал ее вместе с детьми (в то время она только что родила второго ребенка).

[Согласно отчету, допрос продолжается на следующий день].

> Поскольку заключенная симулирует болезнь и явно хочет отречься от своих показаний, и признаки вчерашнего раскаяния угасают, приказано бичевать ее в камере пыток, чтобы возбудить страх и вынудить к правдивым показаниям. После трех ударов она заявила, что дьявол, одетый в черное, вчера ночью и сегодня утром приходил к ней в тюремную камеру. Вчера ночью он пришел точно между одиннадцатью и двенадцатью часами и имел с ней сношение, но причинил ей такую боль, что она едва смогла его вынести, и теперь ее спина и бедра буквально отваливаются. Кроме того, она снова пообещала отдаться ему телом и душой, никак не обнаруживать их договор, подчиняться только ему и сопротивляться судьям так долго, как она сможет. В свою очередь инкуб обещал помочь ей и приказал подумать о том, каким образом она сможет совершить самоубийство. Для этого она расцарапала ногтями отверстие шириной в полбазена на средней вене правой руки, где две недели назад ей делали кровопускание и были свежие шрамы, так что вены очень легко можно было вскрыть. Подобным образом она могла бы убить себя, не привлекая внимания и отдаться дьяволу телом и душой.

[27 ноября заключенная снова стала несговорчивой].

> Она говорит, что ее показания почти правдивы, но потом тяжело вздыхает.
>
> Все это выглядит как попытка нового отречения. Тогда она снова предстает перед палачом для допроса:
>
> Как она влияла на погоду?

Она не знала, что ответить, смогла лишь прошептать: «О, Матерь Божья, защити меня!»

К одной ноге применили пытку «испанским сапогом», но винты не были затянуты.

Поскольку ответы оказались неудовлетворительными, и, как полагали, она все еще явно находилась во власти дьявола, ее привязали веревками, чтобы подвергнуть порке. Последовало несколько ударов. После чего она призналась, что пятнадцать лет назад вместе с NN она закопала в землю порошок, полученный от дьявола, надеясь, что это вызовет плохую погоду и помешает созреванию фруктов в том году. Так оно и случилось.

Она не хочет продолжать и заявила, что дьявол приказал ей ничего больше не говорить. Не обращая внимания на то, о чем ее спрашивали, она громко читает символ веры. После многократных просьб признаться она получила три удара кнутом, в то время, когда звонили «Аве, Мария».

Суд продолжался, и конец приближался. 11 декабря ее снова привели в камеру пыток, и она подтвердила имена сорока пяти сообщников. В течение трех последующих дней, 13, 14 и 15 декабря, она подтвердила признания, данные в предыдущие месяцы. 17 декабря ее сожгли как ведьму.

Второй пример связан с церковным судом 1631 г. над приходским священником отцом Домиником Горделем, перед епископом Ситье, являвшимся папским наместником в Лотарингии. Первичные обвинения, предъявленные отцу Горделю исходили от лиц, находившихся под пытками по обвинениям в колдовстве.

В башне Веселой [La Joliette] епископского дворца в Туле, 26 апреля 1631 г., в час пополудни в присутствии преподобного магистра Жана Мидо, Великого архидиакона и каноника упомянутой Тульской церкви, магистра Антуана д'Антана, священника-благотворителя сквайра Ситье, доктора медицины Шарля Матио и Жана Марсона, тульского городского хирурга, которых мы попросили помочь в проведении суда и проследить, чтобы к упомянутому Горделю не было применено необоснованного насилия. Заявив упомянутому Горделю, после того как он был серьезно предупрежден о тяжести предъявленных ему обвинений, чтобы он должен добровольно признаться в своем преступлении, не вынуждая нас прибегать к пыткам, которые приготовлены для него, после чего мы заставили его присягнуть на Святом Евангелии, что он будет говорить правду. Он ответил, что не является чародеем и никогда не вступал ни в тайный ни в явный договор с дьяволом.

После этого мы приказали мастеру Пуарсону, палачу Туля, применить тиски для пальцев на левую руку (за исключением пальцев, используемых для благословения). Обвиняемый восклицал: «Иисус, Мария!», и говорил, что никогда не был чародеем. Затем мы применили тиски на те же пальцы правой руки, причем он говорил: «О святой Николай!»

На вопрос, вступал ли он в какой-либо договор с дьяволом, обвиняемый ответил: «Нет», и добавил, что хочет только умереть и предать свою душу Господу.

Затем мы заставили применить упомянутые тиски к большим пальцам ног, на что он отвечал, что никогда не посещал шабаша, и восклицал: «Иисус, Мария! Святой Николай!» и «Святая Мария, Матерь Божья! Господи Иисусе!»

На вопрос, не сопровождал ли он Клода Кателино на шабаш, он ответил, что нет и что он никогда не был на шабаше.

После этого мы поместили его на дыбу и растянули, и мы приказали поднять его до первой перекладины. На вопрос, был ли он когда-либо на шабаше и заключал ли договор с дьяволом, он отвечал только: «Иисус, Мария!», добавляя: «Я умираю!» Принуждаемый сказать, занимался ли он каким-нибудь чародейством или соединял ли присутствовавших на шабаше узами брака, он ответил: «Нет». Однако, мы заметили, что за все это время мы не услышали от него ничего, кроме: «Иисус, Мария!» и того, что он никогда не заключал ни тайных, ни явных сделок с дьяволом и никогда не был на шабаше.

[Пытки были усилены. Отца Горделя поместили на страппадо и, когда он висел с руками, связанными за спиной, применили тиски].

> После этого мы распорядились, чтобы тиски были применены к его левой руке, бедру и левой ноге; на все это он отвечал, что никогда не был на шабаше и кричал: «Я умираю! Я разбит! Иисус, Мария, я проклинаю дьявола!» Услышав это, мы приказали сдавить его сильнее, а он кричал, что говорит правду и никогда не был на шабаше, все время повторяя: «Иисус, Мария! Матерь Божья, сжалься надо мной! Я никогда не заключал никакого договора с дьяволом, ни тайного, ни какого-либо другого. Я никогда не склонялся на его уговоры». Когда его сдавили более сильно, он сказал: Иисус, Мария! Всемогущий господь, помоги мне! Я разбит. Я никогда не видел шабаша. Я никогда не был на шабаше. Я отрекаюсь от дьявола и верую в Святую Троицу. Я предаю себя в руки добрых ангелов. Пощадите! Я взываю о милости Господней!»

Пример третий, возможно, волею случая, самый трогательный, из всех судебных отчетов, хотя и в данном случае ход судебного разбирательства был тот же, что и повсюду. В 1628 году бургомистр Бамберга, 55-летний Иоганнес Юниус был обвинен в колдовстве собственным другом, сознавшимся под пыткой. Подобно другим обвиняемым во время первого допроса он заявил, что ничего не знает о таком преступлении как колдовство. Спустя два дня спустя «упомянутого Юниуса снова убеждали сознаться без пытки, но он снова ни в чем не признался. После чего, поскольку он ни в чем не захотел признаться, его подвергли пытке».

Уникальным в этом деле является письмо, которое Юииусу удалось передать из тюрьмы своей дочери Веронике, где он рассказывает о том, что с ним произошло.

> «Затем пришли палачи, — О, Господи, яви свою милость, — и наложили мне тиски, стянув обе руки вместе, так что кровь брызнула из-под ногтей во все стороны, и в течение четырех недель я не мог ничего делать руками, как ты можешь увидеть по моему почерку.
>
> После этого они раздели меня, связали руки за спиной и поместили на дыбу. Тут я подумал, что наступил конец света. Восемь раз они поднимали меня и позволяли падать вниз, так что я страдал от ужасных мучений. Я сказал доктору Брауну: „Да простит вас Господь за подобное обращение с невиновным и уважаемым человеком“. Он ответил: „Ты — мошенник“.
>
> Это произошло в пятницу, 30 июня, и, с Божьей помощью, я должен был выдержать пытку. Когда наконец палач отвел меня обратно в камеру, он сказал: „Господин, умоляю вас, именем Господа, признайтесь хоть в чем-нибудь, неважно, правда это или нет. Придумайте что-нибудь, потому что вы не сможете выдержать пыток, которым вас подвергнут, но даже, если вы выдержите, вам все равно не суждено спастись — даже если бы вы были графом. Одна пытка будет следовать за другой, пока вы не скажете, что вы — колдун. И без этого, — сказал он, — они не оставят вас в покое, так было на всех процессах, которые они вели, каждый раз одно и то же…“
>
> Затем я должен был сказать, кого из людей я видел [на шабаше]. Я сказал, что не узнал их. „Ты, старый мошенник, я должен заставить палача схватить тебя за глотку. Говори — не было ли там канцлера?“ И тогда я сказал: „Да“. „Кто, кроме него?“ Я никого не узнал. Тогда он сказал: „Водите его по улицам. Начните от рынка, затем перейдите на другую сторону улицы и возвращайтесь по соседней“. Я должен был назвать там несколько человек. Затем началась длинная улица. Я никого не знал. Должен был назвать восемь человек, живущих на ней. Затем — Цинкенворт — еще один человек. Затем по верхнему мосту к воротам Георгтор по обоим сторонам. Снова никого не знаю. [Мне сказали], если я знаю кого-нибудь из замка — неважно, какую должность он занимает — я должен назвать его без страха. И так последовательно они расспрашивали меня по всем улицам, хотя я не мог и не хотел больше говорить. Тогда они передали меня палачу, велев ему раздеть меня, обрить повсюду и подвергнуть пытке: „Этот негодяй знаком с кем-то на рыночной площади, видится с ним ежедневно, и, все-

таки не хочет назвать его“. Он имели в виду бургомистра Дитмайера, поэтому мне пришлось также назвать и его.

Затем я должен был сказать, какие преступления я совершил. Я ничего не ответил. „Вздерните этого мошенника на дыбу!“ Тогда я сказал, что должен был убить своего ребенка, но вместо этого убил лошадь. Это не помогло. Я сказал еще, что якобы взял священную облатку и закопал ее. Когда я сказал это, меня оставили в покое.

И теперь перед тобой, дитя мое, мои действия и признания, из-за которых я должен умереть. И все это чистейшая ложь и небылицы, Господи, спаси и помоги! Поскольку все это я был вынужден сказать из-за страха пыток, кроме той первой, которой меня подвергли. Они ведь никогда не прекращают пыток, пока не признаешься хоть в чем-нибудь, и, как бы ты ни был благочестив, все равно объявят колдуном. Никто не спасется, даже, сам герцог. Если Господь не позволит истине проявиться на свет, все наши родственники будут сожжены. Господь на небесах знает, что я ничего не знаю. Я умираю невиновным, как мученик.

Милое дитя, сохрани это письмо в тайне, чтобы люди не нашли его, иначе меня подвергнут еще более жестоким пыткам, а тюремщика обезглавят. Столь строго это запрещено… Милое дитя, заплати этому человеку талер… Мне понадобилось несколько дней, чтобы написать все это, ибо мои руки искалечены. Я нахожусь в весьма плачевном состоянии. Спокойной ночи, милое дитя, потому что твой отец, Иоганнес Юниус больше не увидит тебя».

Таковы примеры процессов над ведьмами, проводившихся повсеместно в Европе.

С точки зрения традиционного англосаксонского общинного права где судебное заседание служило для доказательства вины обвиняемого, инквизиторские законы католической церкви и европейских стран, основывавшиеся на классических нормах римского права, могли бы показаться отвратительными: обвиняемый должен был доказывать собственную невиновность, тогда как его вина принималась без доказательств. Применительно же к образу мыслей, считавшемуся преступным, такая задача, естественно, была невыполнимой. Другие аспекты инквизиторских законов были столь же нетерпимы по отношению к инакомыслящим:

1. Судебное заседание было тайным.

2. Слухи принимались как доказательство вины. Теоретически это означало показания нескольких достойных людей, на практике же сплетни или наговоры давались под пыткой. Обвиняемый должен был опровергать слухи.

3. Часто точную формулировку обвинения скрывали от обвиняемого. Очень редко ему разрешали пользоваться услугами адвоката, назначаемого судом, но адвокату приходилось опасаться, ибо за слишком хорошую защиту обвиняемого, его также могли обвинить в покровительстве еретику. В конце концов устранили даже подобную видимость защиты.

4. Имена свидетелей или доносчиков сохранялись в тайне, но, по их желанию, устраивались очные ставки с обвиняемыми.

5. Личности, обычно исключавшиеся для дачи показаний на всех других процессах, допускались и поощрялись к даче показаний на судах над ведьмами — дети десяти лет и моложе, уличенные в лжесвидетельстве, уголовные преступники и отлученные от церкви.

6. Не допускались показания, свидетельствовавшие в пользу обвиняемого о его предыдущей жизни и характере. В преступлениях совести поступкам человека вообще не придавалось никакого значения.

7. Свидетельствующего в пользу обвиняемого могли счесть его другом и, следовательно, виновным по аналогии в том же самом преступления.

8. Пытки применялись повсеместно, не существовало никаких ограничений ни ее жестокости, ни продолжительности, если же обвиняемый умирал под пыткой, полагали, что это дьявол сломал ему шею. Даже, если обвиняемый признавался без пытки, он все равно должен был повторить свое признание под пыткой, ибо допускалось, что он мог специально признаться, чтобы избежать пытки. После пытки обвиняемому приходилось

«добровольно» повторять свое признание, чтобы его можно было занести в судебный протокол.

9. Самые жестокие пытки приберегались для того, чтобы заставить обвиняемого стать доносчиком, часто имена «сообщников» подсказывались ему судьями или палачами.

10. Ни один из обвиняемых никогда не оправдывался. В лучшем случае его могли объявить невиновным, и в любой момент снова открыть дело против него. Однако такова была теория, на самом же деле обвиняемого пытали до тех пор, пока он не признавался или не умирал под пыткой.

Порядок ведения суда над ведьмой, обусловленный ее «чрезвычайным преступлением» («crimen exceptum») наиболее полно обобщил Жан Боден в 1580 г., как уже отмечалось выше.

> «Если случается так, что кого-либо обвиняют в том, что он является ведьмой, его ни в коем случае нельзя полностью оправдывать и освобождать, до тех пор, пока наговоры его обвинителей не станут ясными как день, поскольку доказательства подобного преступления столь туманны и сложны, что ни одна ведьма из миллиона не могла бы быть обвинена или казнена, если бы судебное производств» подчинялось всем нормам и правилам».

Жертвы не раскрывали приемы, которыми их принуждали становиться доносчиками, потому что любая попытка публично отречься от своих ложных показаний приводила к еще более серьезным мучениям: так, упорствующие или закоренелые жертвы могли быть лишены обычной милости в виде удушения перед сожжением.

Иногда ведьма сообщала о ложности показаний духовнику, составлявшему краткий отчет. Одна из подобных записей, сохранившаяся лишь в виде описания в одной из книг, также сохранившейся в единственном экземпляре, — была сделана около 1630 года протестантским пастором из Хиршберга, близ Падерборна, Михаэлем Стапириусом. Он подробно излагает типичный ответ одной из ведьм, которую он убеждал отказаться от ложных показаний:

> «Я была подвергнута пытке и мне был задан вопрос: „Что ты знаешь о таком-то и таком-то, что живут около кладбища?“ Меня спрашивали так быстро, что я не могла понять, каких людей он [инквизитор] хочет, чтобы я обвинила. Тогда я упомянула имена тех, о ком люди перешептывались между собой. Но я действительно ничего не знала о них… Я умоляла члена комиссии вычеркнуть их имена, но он ответил, что если я захочу заявить о том, что они невиновны, мне придется снова подвергнуться пытке.

Когда священник умолял другую осужденную ведьму, чтобы она реабилитировала тех невиновных людей, которых она была вынуждена назвать, женщина сказала:

> «Посмотрите, отец, на мои ноги! Они как огонь — готовы вспыхнуть, такая невыносимая боль. Я не могу вынести прикосновения к ним даже мухи, не говоря уже о том, чтобы снова подвергнуться пыткам. Я скорее сто раз умру, чем снова подвергнусь столь страшным мукам Я не смогу описать ни одному живому существу, насколько ужасна эта боль».

Другая женщина рассказала священнику, что боится, что ее доносы на других навлекут на нее вечные муки.

> «Я никогда не думала, что с помощью пытки можно заставить рассказывать такие небылицы, какие я плела. Я не ведьма и никогда не видела дьявола, но должна молить о пощаде и доносить на других. Я умоляю вас, ради Бога, помогите мне спастись!»

Столь неопровержимые разоблачения как представленное, привели к тому, что власти позаботились, чтобы все экземпляры небольшой книги Михаила Стапириуса были уничтожены.

В Англии осужденным было легче заявить о своей невиновности — это не влияло на характер их казни. В 1662 году одна женщина заявила Генеральному прокурору Шотландии:

> «что она не признавалась не потому, что считает себя невиновной, потому только, что была жалким существом, работавшим ради пропитания, и, если бы ее ославили как ведьму, она знала, что будет голодать, поскольку никто после этого не дал бы ей ни пищи, ни приюта, и все мужчины будут бить ее и спускать на нее собак, из-за чего она и захотела покинуть этот мир. Затем она горько заплакала и, на коленях, призвала Господа в свидетели всего того, что она сказала».

В высшей степени изобличающий приговор колдовству был вынесен известным иезуитом, теологом и поэтом, Фридрихом фон Шпее в «Cautio criminalis» («Предписания следователям») (1631). Шпее не только был высокообразованным ученым, но и состоял приходским священником, в чьи обязанности входило сопровождать приговоренных ведьм к столбу. На основании собственного судебного опыта отец Шпее пришел к следующему выводу: «Раньше я никогда не сомневался, что в мире существует множество ведьм, однако теперь, когда я изучаю общественные отчеты, я ловлю себя на мысли, что у нас вряд ли существовала хоть одна».

Все выводы Шпее о кошмаре судов над ведьмами заслуживают самого пристального внимания. Он, в частности, писал:

> «Когда, претерпевая боль, ведьма признавалась, ее состояние невозможно было описать. Она не только не могла спастись сама, но была вынуждена обвинить других, кого она не знала, и чьи имена часто вкладывались в ее уста следователем или палачом, или тех, о ком она слышала как о подозреваемых или обвиняемых. Те, в свою очередь, принуждались обвинять следующих, последние — еще новых, и так это продолжалось. Кто может вмешаться, наблюдая за тем, как это должно продолжаться и продолжаться? …И то же самое происходит с теми, кого злонамеренно оклеветали, если они не хотят отомстить за причиненное злодейство. Их молчание является доказательством вины, если они пытаются это сделать, то распространяется клевета, возбуждаются подозрения и возникают слухи, и все происходящее становится общественным достоянием. Так, те, кого под пыткой принудили донести, якобы охотно называют имена. Изо всего сказанного следует вывод, достойный быть записанным красными чернилами, что, если бы только процессы продолжались с таким же неуклонным постоянством, не спасся бы ни один человек, независимо от пола, состояния, положения или титула, если бы какой-нибудь враг или клеветник захотел бросить на него подозрение в колдовстве».

Чтобы добиться большей поддержки казней и убедить большинство в распространенности и реальности колдовства, признания обвиняемых публично зачитывались перед казнью. В Германии судебный писец использовал свои записи вопросов и ответов для составления официального «отчета», который обязательно подписывался обвиняемым как добровольное признание вины. Кроме публичного зачтения признаний в Англии одновременно выпускались и широко распространялись небольшие памфлеты или дешевые брошюрки, где печатались подобные признания. Так, начиная с самого раннего и самого восприимчивого возраста, детям «промывали мозги», с тем, чтобы они приняли колдовство как то, что существует на самом деле, взрослые же принуждались страхом к молчанию и внешнему безразличию. И почему было бы не поверить, если их пасторы и священники, судьи и юристы, профессора и теологи все заявляли об этом как о бесспорном факте?

На основании наблюдений Германа Лоэра легко увидеть, насколько легко было манипулировать общественным мнением. В 1631 г. в Бонне сильные и поздние заморозки приписывались возмездию Божьему, а в 1631 г., после активных действий судей по ведьмам, подобные же несчастья рассматривались как злодеяния ведьм. Аналогично должны были восприниматься и физические повреждения, претерпеваемые простыми людьми в свете изощренной теории ереси, представляемой гражданскими и духовными инквизиторами, считавшимися «друзьями человечества».

Часто не принимается во внимание и другой важный аспект: в начале XVII века колдовство из явления, представлявшего интерес, превратилось в доходное предприятие. Светские и церковные суды стали самоокупаемыми. Ведьма или ее близкие платили жалованье и чаевые судьям, судебным чиновникам, палачам, врачам, священникам, писарям, стражникам, обслуживающему персоналу. Любая пытка или банкет, проводившийся судьями, когда перед ними представал подозреваемый, так же как и еда, подаваемая заключенному, должны были оплачиваться. Рабочие, возводившие столбы и эшафоты, мужчины, привозившие лес и смолу для казней получали выгоду от смерти каждой ведьмы. Косвенно обогащались владельцы гостиниц, наживаясь на толпах людей, собиравшихся наблюдать за казнями. Необходимость поддерживать жизнедеятельность системы, кормившей такое большое количество людей, являлась основой причиной той последовательности, с которой ведьмы подвергались пыткам до признания вины и обличения сообщников. Приток возможных жертв был исключительно важен. В 1592 г. отец Корнелиус Лоос заявлял: «С помощью жестоких пыток несчастных склоняют сознаваться в том, чего они никогда не совершали, — так жестокие мясники лишают жизни невинных, с помощью новой алхимии производя золото и серебро из человеческой крови».

Лишь в начале XVII века разносторонне развитый бизнес колдовства был однозначно осужден в святцах Трирского собора. В Линденском каноне, отмечается, что сильнейший урон урожаю в Бонне стимулировал враждебность к любому подозреваемому в причинении этого вреда.

> «Это движение поддерживалось многими официальными лицами, стремившимися обогатиться на пепле жертв. И от суда к суду через все города деревни епархии, спешили специальные обвинители, инквизиторы, нотариусы, присяжные, судьи, констебли, тащившие в суд и подвергавшие пыткам человеческие существа обоих полов и сжигавшие их в огромных количествах. Едва ли хоть один из тех, кто был обвинен, избежал наказания. Не избежали его даже видные деятели, управлявшие городом Триром, поскольку судья, два бургомистра, несколько советников и помощников судей были сожжены. Каноники всех корпорационных церквей, приходские священники, благочинные были сметены как во время катастрофы. Безумие разъяренного населения и судов в единой жажде крови и добычи настолько распространилось, что едва ли нашелся хоть кто-нибудь, не запятнанный подозрением в этом преступлении. В то же время нотариусы, переписчики и содержатели гостиниц обогащались. Палач разъезжал на чистокровной лошади подобно дворянину-придворному, купался в золоте и серебре, его жена соперничала с благородными дамами богатством своих нарядов».

Насколько же далеко отстоит нищая старая карга от типичной ведьмы, сжигавшейся на судах (хотя, конечно, было уничтожено и много старых женщин), можно узнать из письма начала XVII века, адресованного графу Вернеру приходским священником из деревни, находившейся около Бонна.

> «Жертвами погребальных костров чаще всего становились колдуны. Наверное, уже вовлекли половину города, поскольку уже арестованы и сожжены профессора, студенты права, пасторы, каноники, викарии и монахи. У вашего превосходительства было семьдесят семинаристов, обучавшихся на священников, один из них, известный как музыкант, был вчера арестован, двух других искали, но они убежали. Канцлер с женой, а также жена секретаря по гражданским делам уже арестованы и казнены. На Рождест-

> во Пресвятой Богородицы здесь была казнена девушка девятнадцати лет, считавшаяся самой милой и добродетельной во всем городе, с детства воспитывавшаяся самим князь-епископом. На моих глазах сожгли и обезглавили каноника собора по имени Ротензаэ. У детей трех и четырех лет оказываются любовники-дьяволы. Также были сожжены студенты и мальчики из благородных семей, девяти, десяти, одиннадцати, двенадцати, тринадцати и четырнадцати лет. В целом дела находятся в столь плачевном состоянии, что никто не знает, с кем общаться и разговаривать без оглядки».

Собственность осужденных обеспечивала заработком тех, кто был связан с судами, и в равной степени становилась источником доходов местных властей и судебных чиновников. После выплаты судебных издержек собственность ведьм конфисковывалась либо вольным городом, либо местным дворянином, епископом, королем или инквизицией, иногда несколько судов, светских и церковных, делили добычу. Не удивительно, что при наличии такого легкого источника наживы, правители Германии в течение длительного времени и Франции соглашались на продолжение охоты за ведьмами.

Возможно, для нашего века, видевшего и Освенцим, и Лидице, и уничтожение нацистами примерно 15 000 000 человек за четыре года, жестокость и несправедливость судей по ведьмам могут показаться и не такими значительными. Потребовалось 200 лет, чтобы сжечь, по самым тщательным подсчетам, 200 000 ведьм. Очевидно, что если говорить о геноциде, колдовство несопоставимо с фашизмом. Но, с другой стороны, теория колдовства была хуже фашизма. В нацистской Германии пытки и истребления людей признавались de facto или проводились без всякой законодательной основы. Защитники нацизма не апеллировали к христианству, напротив, они сочетали чувственный мистицизм и надуманные рассуждения. Кроме того, духовные и интеллектуальные лидеры всего мира противодействовали фашизму задолго до начала войны. Тому, что колдовство является таким отталкивающим и более низким, чем фашизм, способствовало то, что во всей цивилизованной Европе (лишь с небольшим исключением в Голландии) преследования возглавлялись духовенством, освящавшим их именем Христа, а адвокаты и судьи, профессора содействовали при этом им во имя разума.

Один из смелых судей, Герман Лоэр пришел в такой ужас от преследований ведьм (в которых сам принимал участие), что изменил свою позицию. Он едва спасся с семьей из Германии в Голландию (1636); но, опасаясь репрессий, в течение сорока лет, пока ему не исполнился восемьдесят один год, не публиковал свое описание судов. Лоэр рассуждает:

> «Кто возьмет на себя столь опасную задачу? Если кто-нибудь попытается предпринять это во имя христианского милосердия, тогда люди всячески будут стараться помешать ему быть услышанным, но если бы его и услышали, то те, кто начали несправедливые сожжения, будут кричать что не доверяют ему, ибо он покровительствует ведьмам».

Обуздание инакомыслия не являлось идеей горстки греховных личностей, такова была официальная политика как католической, так и протестантской церкви. Среди духовенства можно было найти последних сторонников суеверия и тогда, когда оно уже давно было отвергнуто остальными лидерами общества. Показательным примером может служить Ричард Бакстер, известный пресвитерианский наставник. В 1691 г. он написал книгу «Неоспоримость существования мира духов» («Certainty of the World of Spirits»), в которой поддерживалась вера в ведьм. В то время, когда его современники выступали против заблуждения, Ричард Бакстер выступил сторонником предрассудков и обскурантизма.

Защищавшие человечность священники и церковнослужители выступали и против своей религии, за что подвергались судебным преследованиям как «защитники ведьм» наряду с теми скептиками, что получали от своих оппонентов прозвища «саддукеев и атеистов». Обличая трусов и пустоголовых тупиц, доносчиков и корыстолюбцев, эти люди указывали альтернативный путь. Они светили подобно яркими звездами, освещавшими веру в человека. Только немногие могли ответить: «Нет» на основной вопрос шестнадца-

того и семнадцатого веков: «Одобряете вы или нет суды, приемы, использовавшиеся для получения признаний и весь механизм охоты за ведьмами?» Эти люди, «защитники ведьм», и стали реальными противниками, их отношение к ведьмам стало лишь предлогом для нападения на них за обсуждение общественного устройства и права иметь собственное мнение. Это немногочисленное отважное меньшинство раскачало иго легковерия и открыло дорогу веку разума и горизонтам новой духовности, свободной от контроля за мыслями.

На протяжении всех столетий те, кто по своему происхождению, образованию и положению, являлись совестью мира, принимали и поддерживали заблуждение. Они не только опирались на религиозные чувства, но и извращали саму систему логики и здравого смысла. Все приносилось в жертву предвзятости и предрассудку. Самой ужасающей чертой колдовства являются умозаключения демонологов, высокообразованных людей, авторитетов в своих областях знаний. Именно благодаря их извращенному перевертыванию с ног на голову, превосходящему по своему воздействию худшие действия палачей или судей, столетия колдовской мании можно назвать столетиями нецивилизованности.

Иоганн Мейфарт, протестантский профессор и современник отца Шпее, наглядно описывает логику охотников за ведьмами. Чтобы вынести обвинительный приговор, судьи по ведьмам ставили двойственные вопросы, например: «Хорошей или плохой репутацией пользуется Анна?» Если плохой, она — ведьма, если хорошей — без сомнения — ведьма, поскольку все ведьмы стараются, чтобы о них все отзывались хорошо. Анна была арестована. Судьи спрашивают, испугалась она или нет. Если «да», она — ведьма; если «нет» — она тем более ведьма, поскольку ведьмы всегда притворяются невиновными.

Подобные рассуждения, отобранные из отчетов судов, свидетелем которых был д-р Мейфарт, перекликаются с толкованиями демонологов, применявшими, в свою очередь, закон Оккама: самое извращенное, надуманное, нелогичное объяснение убеждает лучше любого простого действия. В 1608 г. итальянский монах Гваццо дал следующее объяснение поступку девяностолетнего священника, перерезавшего себе горло после того, как его приговорили к сожжению за колдовство. Не принимая объяснения, что старый человек после пыток, в отчаянии от нависшей над ним участи, совершил самоубийство. Гваццо рассказал о том, что случилось на самом деле:

> «Перед ним появился демон и так сильно искушал его, что… он перерезал себе горло своим ножом, и, хотя рана не была столь серьезной, чтобы вызвать мгновенную смерть, демон, испытывавший такое же отчаяние, ко всеобщему удивлению, вдруг схватил его душу и унес ее в ад. Я видел этого человека еще теплым, лежащим на соломе, и, поскольку он вел скотский образ жизни, он и лежал среди пищи скотов. Таков был суд Божий воздающий каждому человеку по деяниям его, и Господь пожелал, чтобы тот, кто прожил девяносто лет, поклоняясь Сатане, закончил свою жизнь в руках Сатаны».

Пауль Гриландус, папский судья, разъясняет, почему не может спастись ведьма, содержащаяся в кандалах в усиленно охраняемой тюрьме, за которой наблюдают стражники. Как заявляет Гриландус, дьяволу не составляет никакого труда помочь женщине изменить обличье и проскользнуть через замочную скважину. Но «причина, по которой ни одна ведьма не может убежать их тюрьмы, заключается в том, что когда однажды дьявол получает над нею власть, он скорее допустит, чтобы она была доведена до смерти, чем спаслась бы от него путем отречения и покаяния». Инквизитор Бартоломео Спина объясняет, почему вол, оставшийся без присмотра и убитый ведьмой, позже находится в своем обычном состоянии, без видимых повреждений. «Ведьмы, — говорит Спина, — убивают и поедают на пиру волов, а затем, с помощью дьявола, снова натягивают кожу на его кости и оживляют его».

Самым распространенным мошенничеством демонологов было объяснение того, как женщина, за которой всю ночь наблюдает ее супруг, может быть в то же время за мно-

го миль отсюда, на дьявольском шабаше. Подобный супружеский обман мог совершаться несколькими способами: ведьма могла оставлять подушку и околдовывать своего мужа, чтобы он принимал ее за свою жену, или дьявол воплощался в тело женщины, находящейся далеко. В 1515 г. в Милане адвокат мог задать кажущийся очевидным вопрос: «Почему бы не допустить, что демону было бы лучше находиться с демонами, а женщине со своим мужем? Зачем отправлять реальное тело на воображаемый шабаш, а настоящее тело оставлять в реальной кровати?» Спустя несколько лет никто уже никто не мог задать подобный вопрос, надеясь при этом избежать наказания.

Когда большинство образованных людей было ограничено рамками подобного восприятия, а малообразованное большинство следовало за ними, надежда человечества на выживание оказывалась призрачной. Еще более поразительно и сенсационно, чем эти интеллектуальные извращения выглядят другие стороны колдовства, показанные в этой книге: подробный анализ техники сношений между дьяволами и людьми, удивительным образом дошедшее до XX столетия суеверие о существовании беспокойных демонов (полтергейстов), отчеты о волкодлаках и вампирах, описания детей-эпилептиков, якобы одержимых демонической силой, вспышки изощренного сатанизма во время черных месс, отмечавшиеся еще среди придворных Людовика XIV. Просто потому, что они производили сенсационное, но не шокирующее впечатление, именно данные стороны колдовства доминировали в средних по качеству книгах, посвященных ведьмам. Несмотря на то, что эти моменты кажутся достаточно увлекательными и обоснованными, они не помогают прояснить основу колдовства, равно как и не дают представление о его подлинной ужасной сущности. Ничто не является более зловещим в колдовстве, чем подавление и разрушение человеческой способности думать и права личности задавать вопросы. Поддавшиеся колдовской истерии и распространявшие ее наносили вред европейской культуре до тех пор, пока это заблуждение не было отвергнуто. Наша цивилизация сегодня во многом задержалась в развитии благодаря этому.

А

АБЕРДИНСКИЕ ВЕДЬМЫ. После опубликования в 1597 г. «Демонологии» короля Якова I по графству Абердин прокатилась волна безумной охоты на ведьм, в результате которой были сожжены двадцать четыре человека. Осужденным предъявлялся полный набор обвинений в колдовстве: пляски с дьяволом вокруг городского креста, применение лигатур для совращения мужей, скващивание молока, очаровывание животных, насылание приворотных чар с помощью гнутых пенсов, завернутых в тряпку с куском красного воска.

Одну из приговоренных, старуху Джанет Уишерт, обвинили в наведении порчи или наговоре на Александра Томпсона, из-за чего он заболел перемежающейся лихорадкой. Подобным же образом она околдовала Эндрю Вебстера, умершего в результате этого. От ее дурного глаза умерли и многие другие. Она вызывала бури, разбрасывая горящие угли, насылала котов, вызывающих дурные сны, расчленяла тело повешенного. Ее сожгли вместе с другой ведьмой, причем «торф, бочки с дегтем, уголь» и услуги палача стоили 11 фунтов и 10 шиллингов.

Среди прочих обвиняемых были и те, кого уличила одна из приговоренных ведьм, которая ради продления собственной жизни помогала судьям искать новые жертвы. Она поклялась, что была на большом сборище в Этхолле, где видела более двух тысяч ведьм. «Она знала их всех достаточно хорошо и видела, какую отметку дьявол сделал каждой из них. Многие из обличенных подверглись пытке „плаванием“: им связывали вместе большие пальцы на руках и на ногах, и, брошенные в таком положении в воду, они всегда всплывали». [См. Судебные издержки процессов над ведьмами].

АВСТРИЯ, КОЛДОВСТВО В. Охота на ведьм в Австрии достигла своего пика в царствование императора Рудольфа II (1576–1612). Ее вдохновителями были иезуиты, заинтересованные в ослаблении протестантизма. Гонения повторились в конце XVII в. в провинциях Штирия и Тироль и нашли отражение в «Уставе уголовного суда» (1701) («Halsgerichtsordnung») — суровом законе, направленном против ведьм.

До 1570 г. судебные преследования ведьм происходили изредка, и, если не считать Каролинский кодекс 1532 г., законом предусматривалось мягкое наказание за колдовство. Так, уголовные законы Тироля в 1499 г. еще не затрагивали ни колдовства, ни чародейства; в 1544 г. колдовство и ворожба рассматривались как заблуждения, и даже Полицейский устав 1573 г., также действовавший в Тироле, приравнивал колдовство к богохульству и наказывал денежным штрафом, из которого доносчик и судья получали по четверти, а половина суммы шла на нужды благотворительности. Подобное регулирование ввел не одобрявший жестокости император Максимилиан II (1564–1576), получивший образование в Испании (где он позаимствовал в качестве образца испанскую инквизицию, не поощрявшую ложных обвинений). Максимилиан считал ведьм и тех, кто обращался к помощи гадалок, просто идиотами. Исключением из этой традиции в Австрии был Каролинский кодекс с его новой теорией о том, что обвиняемые в ереси или злонамеренном чародействе подлежат сожжению. Однако, несмотря на то, что этот кодекс был разработан для всех выборных курфюрсте империи и цитировался всеми последующими охотниками за ведьмами, его часто игнорировали, причем не только в протестантских землях, но и в католической Баварии.

После коронации в 1576 г. преемника Максимилиана число судов над ведьмами возросло. Рудольф II был суеверен, верил в колдовство и считал, что его околдовали. Он находился под влиянием иезуитов, которые приравнивали чародейство к ереси и, согласно этой теории, действовали безжалостно и с необычайным рвением. Отношение к колдовству менялось, что можно проследить на примере суда над 16-летней Анной Шлюттербауэр, из которой изгоняли дьявола в Мариацелле [см. Хайиман, Кристоф] и в 1583 г. в соборе

св. Варвары в Вене при участии епископа Брейсгауского (Баден). Ее пожилая родственница, обвиненная в напущении на нее порчи, была арестована за колдовство. После того как ее несколько раз пытали, она призналась, что совокуплялась с дьяволом, пятнадцать лет вызывала бури и летала на шабаш. Пожилой муниципальный судья, назначенный во время правления скептически настроенного Максимилиана II, счел старуху безумной и отправил ее в сумасшедший дом. Вновь назначенные судьи отменили это решение и постановили протащить обвиняемую привязанной к столбу по городу и затем заживо сжечь [см. Одержимость].

Таким было отношение к колдовству на протяжении последующих 150 лет. Например, в Landgerichtsordnung (Устав земельного суда) 1656 г. одним из оснований для ареста за колдовство считалось обнаружение в имуществе обвиняемого масел, притираний, горшков с паразитами или человеческими костями. Однако в 1679 г. император Леопольд I запретил введение новых пыток и прежде всего ужасной Nagelbett — кровати, утыканной гвоздями. С другой стороны, возобновление преследований в Зальцбурге с 1677 по 1681 г. послужило причиной строительства специализированной тюрьмы. Около ста человек подвергли пыткам ради признания вины, обезглавили, удушили или сожгли. Самому младшему из них было десять лет, старшему — восемьдесят (Riezler, «Hexenprozesse in Bayern»). Как только мания начала ослабевать, ее тут же стимулировали Halsgerichtsordnung (Устав уголовного суда 1707 г., при императоре Иосифе I), где возродили принципы и практику «Malleus Maleficarum». Тем не менее в самой Австрии казни прекратились, и суды происходили только за ее пределами. Императрица Мария-Тереза опубликовала в 1769 г. свой известный уголовный кодекс «Constitutio Criminalis Theresiana… peinliche Gerichtsordnung», в котором ограничивались преследования. К примеру, ни один приговор по колдовству не вступал в силу без утверждения губернатором (ст. 58). Несмотря на подобные нововведения, полное издание кодекса содержит описание и изображение тридцати разрешенных пыток, не отмененных до 1776 г. Лишь спустя одиннадцать лет, 13 января 1787 г., были отменены все статьи о преследовании ведьм.

В немецкоязычной части Тироля до 1660 г. состоялось несколько процессов над ведьмами. В 1637 г. генеральный прокурор Инсбрука доктор Вольперт Мозель разработал ряд инструкций для помощи местным магистратам в обнаружении и наказании ведьм. Своим невежеством они напоминают руководства, публиковавшиеся чиновниками инквизиции, такими, например, как Бордонус (1648 г.). Правда, Мозель добавил к его перечню еще одну улику: если человек обнаружит в своей комнате пояс или другие предметы женской одежды — это значит, что ведьма была где-то неподалеку! Обвиняемой ведьме никогда не сообщались обстоятельства обвинения; если она отрекалась от признания, данного под пыткой, ее должны были пытать снова; имена соучастников следовало выяснять с помощью «умеренной пытки», чтобы гарантировать их точность. Мозель ограничил продолжительность пыток тремя одночасовыми сеансами. В конце века, в 1696 г., аналогичное руководство было выпущено в Инсбруке профессором права и ректором университета Иоганном Кристофом Фрелихом. Если состав преступления весьма серьезен, утверждал Шрелих, обычные юридические гарантии не должны приниматься во внимание. Дурная репутация, прямое родство с ведьмой, уклонение от прямого взгляда считались достаточным основанием для привлечения к суду. Допрос должен был следовать сразу же за арестом, чтобы дьявол не мог подготовить узника. Комната пыток должна быть окроплена святой водой и окурена освященными травами. Показания, полученные от других ведьм под пыткой, о присутствии на шабаше доказывали вину. Меньшие преступления, например, заговаривание воды, могли наказываться публичной поркой, изгнанием или штрафами. Дети до семи лет освобождались от наказания, дети старше четырнадцати приравнивались к взрослым. Любой признанный виновным лишался собственности и состояния. В 1714 г. эта ужасная книга была переиздана.

При таких руководствах отчеты провинциальных судов не производили шокирующего впечатления. В 1673 г. в Гутенхаге (Штирия) судья в течение 11 дней и ночей дер-

жал 57-летнюю женщину коленопреклоненной на острых зубцах пыточного станка, прижигая ей ступни серой, поскольку она не признавалась в союзе с дьяволом. Сойдя с ума, она умерла под пыткой (Holzinger, «Zur Natttfgeechichte der Hexen», 1883). В 1679 г. в Лимце (Тироль) расследовалось дело Эмеренцины Пихлер, через год осужденной вместе с двумя старшими детьми. Ее сожгли 25 сентября, а ее детей, двенадцати и четырнадцати лет, — 27 сентября 1680 г.

В 1679 г. в Мерано (Тироль) четырнадцатилетний бродяга был заподозрен полицией в вызывании бури. Мальчик был настолько невежествен, что даже не знал своего имени, но под пыткой признал обвинение и назвал троих сообщников в возрасте от восемнадцати до двадцати пяти лет. Все четверо были сожжены 13 декабря 1679 г. Казни в этих местах стали настолько распространенными, что священник Лоренц Паумгартнер записал в дневнике, что только в его небольшом приходе в течение 15 месяцев были казнены 13 ведьм (около 1680 г.). В 1688 г. в Штирии по обвинению в колдовстве была сожжена целая семья с детьми и слугами. В 1695 г. в Штейермарке (южная Штирия) некая Марина Шепп, оказавшаяся подсудной петтауским доминиканцам, после шести с половиной часов пыток на раскаленном стуле призналась в сожительстве с дьяволом.

После двух наибольших всплесков около 1670 и 1690 гг. процессы над ведьмами в Австрии постепенно прекратились, что совпало с общим окончанием охоты на ведьм в Европе.

[См. Германия, колдовство в; Каролинский кодекс.]

АКВИНСКИЙ, ФОМА (ок. 1227–1274). Один из пяти великих теологов церкви, доминиканец. Томизм — философия А. — является официальной доктриной Ватикана. Даже в 1879 г. папа Лев III обязывал всех католических священников «принять учение А. как основу своей богословской позиции».

Профессор Джордж Л.Барр, один из признанных историков колдовства, возлагает на А. большую ответственность: «Все эти пособники и слуги Сатаны появились на свет из головы монашествующего логика». Авторы ранних книг о колдовстве постоянно ссылаются на Нидера, Винетти, Шпренгера и Инститориса (авторов «Молота ведьм») цитируют А. наряду с Библией и Августином, как наиболее авторитетный источник — так же, как их последователи цитировали «Молот ведьм». А. отрицал формальный договор между человеком и дьяволом, но его концепция прямого или косвенного общения с Сатаной заложила основу грядущей охоты на ведьм.

Рассуждения А. оказали значительное влияние на пять основных направлений практического изучения колдовства:

1. *Сексуальные сношения с дьяволом*

А. разработал и теоретически обосновал заимствованные у византийских богословов положения о половых извращениях, происходящих во время шабаша ведьм, о том, что человек может совокупляться с дьяволами и что женщина может забеременеть с помощью суккуба, молниеносно переносящего в нее семя мастурбирующего или прелюбодействующего мужчины. В книге «Quaestiones Quodlibetales» А. пишет:

> «В связи с тем, что демон способен украсть семя невинного юноши во время ночной поллюции и влить его в чрево женщины, она может забеременеть. Отцом же будет не дьявол, а мужчина, чье семя оплодотворило ее, причем он при этом потеряет невинность. Таким образом нет никакого чуда в том, что мужчина может быть девственником и отцом одновременно».

Сексуальные сношения с дьяволом были стандартным пунктом обвинений даже на тех процессах, где почти не упоминалось об участии в шабаше.

2. *Перемещения*

А. заимствует рассуждения Альберта Великого о том, что, искушая Христа на горе, Сатана воплотился и, сделавшись невидимым, носил Христа на своих плечах, однако при этом больше ходил пешком, чем летал по воздуху. Отсюда следует заключение, что дьяволы могут переносить ведьм по воздуху, лишь приняв облик человека.

А. развил учение Августина о природе экстаза (rapius) как первоначальной форме астральной проекции, при которой дух может испытывать ощущения независимо от тела. (Другие схоласты, современники А., такие как Джон Солсберийский, критиковали веру в перемещения, считая это иллюзией.)

3. *Превращения*

А. безоговорочно разделял популярную, одобрявшуюся и Августином, теорию о способности дьявола превращать людей в животных (подобно Цирцее, превратившей спутников Одиссея в свиней). Его рассуждения были чрезвычайно сложны: он считал, что дьявол порождает иллюзию в сознании человека, а затем из воздуха создает вторичную внешнюю иллюзию, соответствующую предыдущей ментальной иллюзии. Таким образом, превращений реально не существует, они лишь кажутся реальными благодаря воображению, подобно поддельному золоту алхимиков, которое только выглядит как настоящее. Как и Августин, А. отвергал реальные превращения (ликантропию), допуская лишь «воображаемое появление» (phantasticam apparitionem). Однако поздние богословы цитировали А. для подтверждения возможности превращений.

4. *Вызывание бури*

А. верил в способность дьявола (с Божьего соизволения) причинять зло, включая вызывание бури (как он объяснял в своих комментариях к книге Иова). Кроме того, А. изложил правила применения чар.

5. *Лигатура*

В своих «Quaestiones Quodlibetales» А. писал: «Католическая вера утверждает, что демоны существуют, могут причинять вред и препятствовать телесному совокуплению». Они делают это очень просто, например, вызывая у мужчины отвращение к определенной женщине. А. также верил в то, что по соглашению (joedus) с дьяволом старухи могут портить детей сглазом или с помощью обольщения.

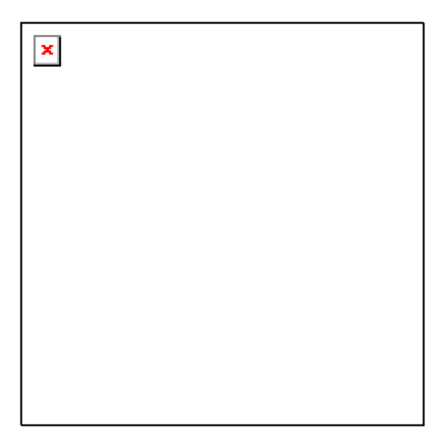
> «Очевидно, что Фома Аквинский прямо или косвенно допускал, толковал и поддерживал веру в колдовство в ее важнейших проявлениях, и что его теории распространялись, дабы подкрепить достоверность других теорий» (1940).
>
> *Чарльз Хопкинс*

Утверждая, что соглашение с дьяволом является ересью, А. кроме этого защищает тезис о том, что сожжение еретиков допустимо, ибо в Новом Завете они названы ворами и волками, а обычай повелевает вешать воров и убивать волков. Когда находившаяся под контролем доминиканцев Инквизиция передавала еретиков гражданским властям для осуществления казни, обычно цитировались слова А.: «Если фальшивомонетчиков или других мошенников приговаривают к смерти без малейшего снисхождения, то еретики должны быть не только отлучены, с того самого момента, как они осуждены, но и умерщвлены» («Summa Theologica», II. XI).

АЛЕКСАНДР VI, папа. В конце XV в. инквизиция развернула борьбу с ведьмами по всей Европе. Папа Иннокентий VIII специальной буллой распространил влияние инквизиции на Германию. Расширяя полномочия, данные папой Иннокентием VIII инквизи-

торам Германии, папа А. VI в булле «Cum acceperimus» (1501) («Об обязанности») подтверждает власть инквизитора Анджело из Вероны над всей Ломбардией.

> «Как нам стало известно, в Ломбардии мужчины и женщины предались колдовству и дьявольским предрассудкам и совершают неподобные деяния.
>
> С помощью ядов (ueneficia) и других разнообразных ухищрений они уничтожают людей, животных и урожай, впадая в скандальное заблуждение. [Следовательно], во исполнение нашего пастырского долга, как заповедано нам Господом, мы преисполнены решимости искоренить подобные преступления, предотвратив, насколько это в наших силах, с помощью Господа, распространение подобной клеветы и заблуждений. Руководствуясь этими причинами, мы направляем тебя и твоих последователей в Ломбардию и выражаем наше полное доверие и повелеваем тебе как одному, так и в компании тех честных людей, которых ты выберешь, ревностно разыскивать поименованных выше мужчин и женщин, карать и наказывать их в соответствии с законом.
>
> Дабы ты преуспел в этой миссии, настоящим мы наделяем тебя полной властью над ними, невзирая ни на какие законы, апостольские установления, разрешения или привилегии, предоставленные в другое время, какого бы рода они ни были».

Александр VI, папа (1492–1503)

Аналогичная булла была дана папой Юлием II Джорджо де Касале (1503), инквизитору из Кремоны, с предписанием уничтожать «огнем и мечом» колдунов в Ломбардии, особенно гнусных и отвратительных, из-за способности превращаться в котов. Он должен был действовать, невзирая на сопротивление священников и мирян. Позже, 20 июля 1523 г., папа Адриан VI сослался на эту буллу и, поскольку колдовство еще имело место, снова подтвердил свои распоряжения в булле, данной Модестусу Винцентинусу, инквизитору из Комо.

АЛЬЕ, ЭЛИЗАБЕТ. Французское колдовство [см. Франция, колдовство в.] XVII в. отличалось рекордным количеством одержимых дьяволом молодых женщин, преимущественно послушниц и монахинь. Некоторые из наиболее известных примеров одержимости и околдовывания людей оказывались мнимыми (например, Грандье, Урбен, Луденские монахини). Во многих других случаях, однако, присутствие дьявола возникало по злому умыслу самих одержимых или по причине злых чар, источник которых не был установлен. Когда священники чувствовали, что экзорцизм удался, они публично заявляли о своем успехе.

Одна из таких «Правдивых историй» («True Relation») связана с Элизабет Алье, в течение 20 лет одержимой дьяволами, которых звали Оргейль и Бонифас, и освобожденной от них после шести попыток экзорцизма, проведенных доминиканским священником из Гренобля отцом Франсуа Фарконе. Он начал 18 августа 1639 г., в субботу. Хотя сестра Элизабет ни разу не шевельнула губами, дьяволы объявили грубыми голосами, что вошли в нее с коркой хлеба, когда девушке было семь лет, и покинут ее тело за 3 дня до смерти

(Св. Григорий рассказывает, как дьявол вошел в монахиню с салатом, который она забыла перекрестить). После 5 бесплодных попыток службы продолжались и в воскресенье. Наконец отец Франсуа причастил девушку и произнес: «Изыди, окаянный!» Чем больше отец Франсуа давил на дьявола, тем сильнее странные конвульсии охватывали Элизабет, ее язык вылезал изо рта «более чем на четыре пальца». Лишь после этого дьявол оставил ее, сказав тихим голосом: «Ухожу, Иисусе!»

АНГЛИЯ, КОЛДОВСТВО В. Отдельные законы, направленные против колдовства, были приняты в Англии очень рано как государством, так и церковью. Однако концепция колдовства в Англо-Саксонии и средневековой Англии отличалась от позднего более сложного представления о заговоре с целью низвержения христианского Бога, включая сюда и соглашение с дьяволом. Вследствие этого, примерно до 1500 г. данное преступление, каким бы отвратительным оно ни казалось некоторым, не относилось к разряду тяжких (хотя иногда каралось весьма жестоко). Колдовство считалось чародейством, вредительством. Колдуны наносили вред скоту или урожаю с помощью заклинаний, ядов, вызывания бури. Колдовством считалась и порча (maleficia), насылаемая на людей, — от болезней и бесплодия до умерщвления. В ранних законодательствах колдовство рассматривалось как преднамеренное злодеяние, которое можно увидеть и доказать.

Черная магия считалась столь же реальной, как и белая, причем обе осуждались. Когда христианская молитва не помогала человеку, ему могли помочь знахарь или знахарка — с помощью какого-либо конкретного предмета, благодаря которому доброе начало (beneficia) могло одержать верх над физическими проявлениями зла (maleficia). И колдовство расценивалось тогда прежде всего как преступление против человека, а не против Бога, как думали в XVI и XVII вв. В результате правила дачи свидетельских показаний, судопроизводства и наказания были такими же, как и при рассмотрении других наказуемых действий. Во времена короля Альфреда, в конце X века, ведьм ссылали наравне с проститутками. В царствование Эдуарда I те, кто сжигал дом или зерно соседа, подлежали сожжению, вне зависимости от того, называли их «колдунами» или нет. Важно было то, что колдуны совершали на самом деле, а не то, что им приписывалось.

Возможно, первые законы против колдовства содержались в «Книге наказаний» («Liber Poenitentialis») Теодора, архиепископа Кентерберийского (668–690). Тогда типичным наказанием за ворожбу был определенный срок поста. Аналогично, в «Конфессионале» «Confessional») Экберта, архиепископа Йоркского (735–766), устанавливалось, что за убийство с помощью колдовства женщину наказывали семилетней епитимьей. С другой стороны, всего через двести лет, при короле Ательстане (925–939), светское уголовное право уже предусматривало смертную казнь за убийство с помощью колдовства — как и за убийство любым другим способом. Вильгельм Завоеватель (1066–1087) смягчил это наказание до ссылки. Как и при других преступлениях, ведьма могла обратиться к «суду Божьему». Так, Агнес, жена Одо, первая из обвиненных в колдовстве в Англии (1209), была освобождена после того, как на «суде Божьем» взяла в руку раскаленное железо.

До 1200 или 1300 г. подозреваемые в колдовстве обычно подвергались допросу в духовном суде, а для наказания передавались светским властям. В XIV и XV вв. обвиняемых могли судить как в церковном, так и в местном или вышестоящем суде. На практике за обвинением следовало легкое наказание, к смерти приговаривались немногие. Так, в 1371 г. мужчина, арестованный за обладание черепом, головой трупа и колдовской книгой (grimoire), был освобожден после обещания никогда не совершать магических обрядов, а его причиндалы были публично сожжены. В 1390 г. в Лондоне Джон Беркинг за предсказания будущего был приговорен к одному часу покаяния у позорного столба, двухнедельному заключению и изгнанию из города. Даже в 1467 г., в то время, когда во Франции сжигали тысячи ведьм, некий Уильям Байг за гадание на кристалле для местных воров был приговорен всего лишь к выставлению в общественном месте с повязкой на голове, на которой было написано: «Я — предсказатель» («Esse sortilegus»). Во время действия

«Уложения» Генриха VIII он был бы повешен, как и по закону Якова I (за вторичное нарушение). В 1525 г. 20 мужчин были признаны невиновными в «убийстве с помощью воскового подобия». В 1560 г. 8 мужчин, включая двух священников, признались в ворожбе и чародействе. Они были освобождены после клятвенного обещания воздерживаться от подобных действий в будущем и краткого покаяния у позорного столба (Три года спустя подобные действия уже наказывались тюремным заключением или смертью). Их клятва гласила:

> «Мы клянемся, что впредь не будем использовать, практиковать, изобретать или применять, заниматься, побуждать, посредничать, советовать или соглашаться участвовать в использовании, практиковании, изобретении, занятиях или применении любых заклинаний, призывании духов, колдовстве, очаровывании, чародействе или в чем-либо, имеющем к нему отношение или содержащем оное, ни для того чтобы заработать или найти деньги или сокровища, ни для истощения, членовредительства или уничтожения кого-либо, ни для побуждения к греховной любви, ни для того чтобы узнавать, рассказывать и заявлять о местонахождении потерянных или украденных товаров, ни ради каких-либо других целей, и прекратить интересоваться чем-либо подобным. Да поможет нам Господь и сия святая книга».

До 1563 г. обвинения в колдовстве не рассматривались в суде, и ответчик мог рассчитывать на легкое наказание за все те действия, которые описывались как «колдовство». Однако, если обвиняемый был дворянином, обвинение в чародействе считалось серьезным проступком и приравнивалось к измене. Сожжение изображения или куклы монарха было тяжким государственным преступлением, потому что оно считалось *преднамеренным*. Совершивший подобное мог в равной мере совершить вооруженный мятеж. Предсказатель, составивший гороскоп монарха, также совершал тяжкое преступление, поскольку враги могли воспользоваться пессимистическим прогнозом. Королева Елизавета была чрезвычайно восприимчива к этому, особенно в конце царствования, и в 1581 г. специальный закон определил за предсказания такое же суровое наказание, как и за сатанинское колдовство.

Так, в Англии обвиняли в колдовстве многих дворян, подозреваемых в политической оппозиции. В 1324 г. 27 подсудимых в Ковентри были обвинены в найме двух некромантов с целью убийства короля Эдуарда. Это было первое слушанье по колдовству в светском суде. Вдовствующая королева Иоанна и монах Рендольф в 1417 г. организовали заговор против Генриха V. В 1441 г. Элеонора Кобхем, герцогиня Глостерская, Марджери Джордан [см. Челмсфордские ведьмы], Роджер Болингброк и Томас Саутвелл добивались смерти короля Генриха VI. В 1478 г. герцогиня Бедфордская была обвинена в чародействе. В 1483 г. бывшая королева Елизавета Вудвилл и Джейн Шор обвинялись Ричардом III в иссушении его руки. В том же году были привлечены к суду за использование чародейства графиня Ричмондская и д-р Мортон (позднее архиепископ Кентерберийский) вместе с другими приверженцами династии Ланкастеров [см. Ланкаширские ведьмы]. Позднее дворянские суды стали рассматривать такой вид преступления, как предсказание, как упование на возможную кончину короля. Соответственно были осуждены: герцог Бэкингем в 1521 г., сэр Уильям Нейвилл в 1532, лорд Хангерфорд, обезглавленный в 1541 году, Генрих Нейвилл в 1546 и графиня Ленноксская в 1562 г.

Преследования за колдовство в разное время возникали в различных местах, поскольку отражали перемены и беспокойство в обществе, особенно когда новые идеи и ценности вытесняли старые. В эпоху слепой веры дьявол не мог сильно навредить верующим: молитва или амулет могли защитить их. Но если спасительная вера давала трещину — тогда приходилось признать могущество дьявола. В Англии подобные сомнения и вопросы стали широко распространяться в годы правления Елизаветы.

Преследования за колдовство начались в Англии в 1563 г., намного позже, чем где-либо, хотя соответствующий закон против колдовства был принят еще при Генрихе VIII,

но действовал недолго и был отменен Эдуардом VI. Только одно положение этого акта сохранялось, и то в смягченном виде. Уложение Елизаветы I, принятое под давлением духовенства, сделало дьявола общепризнанным субъектом государственного законодательства. Преднамеренные действия, вызывающие порчу, сваливали на пачкотню «ведьмы»; вскоре этот ярлык стали считать достаточным подтверждением уголовного преступления даже тогда, когда злонамеренные действия не могли быть доказаны. Закон Елизаветы, подобно принятому при Генрихе VIII, осуждал на смерть за заклинание или вызывание злых или грешных духов с целью нанесения зла или «без всякой цели». После этих статей-ловушек закон переходил к перечню конкретных действий: «ежели кто-либо будет убит или покалечен… истреблен, пострадает телесно или пропадет». Но вызывание злых духов per se (для себя) и чародейство без наступления пагубных последствий тоже считались уголовным преступлением. Подобная позиция отражала противоречие между примитивными и поздними концепциями колдовства, между чародейством, существовавшим в любом первобытном обществе, и колдовством — чародейством, соединенным с ересью, которое могло появиться только в христианском обществе.

Рост суеверий и невежества в царствование Елизаветы можно проследить в описаниях таких известных и типичных процессов, как суды над челмсфордскими ведьмами (1566), первым большим процессом в Англии, сент-осайтскими ведьмами (1582), одними из первых, где пренебрегли традиционными правилами дачи свидетельских показаний, и ужасный суд над уорбойскими ведьмами (1593), когда ужимки 5 больных детей обрекли на смерть троих невиновных.

При Елизавете существовала практика, согласно которой женщина, обвиненная в околдовывании детей, могла лично выслушать их заявления перед лицом суда и попытаться их опровергнуть (какими бы нелепыми они ни были). Ведьма могла быть оправдана. В том же 1582 г., когда были повешены сент-осайтские ведьмы, известная колдунья Эллисон Лоус была просто приговорена к покаянию «с повязкой на лбу» на рыночной площади в Дареме. Даже после принятия нового, более сурового закона при Якове I, когда четырнадцатилетняя Анна Гантер из Нортмортона (Беркшир) заявила, будто одна старуха околдовала ее, суд закончился оправданием обвиняемой. Судьи отказались признать заклинанием следующий текст: «Я, Мери Пепвел, требую, чтобы ты, белая жаба, вышла из Анны Гантер». После суда девочку осмотрел доктор, диагностировавший *врожденную истерию*. Анна призналась, что притворялась одержимой сверхъестественными силами, и была обвинена в клевете. Начиная примерно с 1600 г., было разоблачено много подобных детей: Бартонский мальчик (1597), Нортвичский мальчик (1604), Лестерский мальчик (1616), Билсонский мальчик (1622) и Эдмунд Робинсон — Обманщик из Пендла (1633). [См. Дети-обвинители].

Позже законодательство Якова I в тех же выражениях требовало более сурового наказания за аналогичные преступления. В законе идея о вызывании духов развилась в понятие договора с дьяволом, и уголовным преступлением стал *«союз с любым злым и грешным духом»*. Подобное соглашение было ядром колдовской ереси, хотя многие обвинительные заключения по-прежнему основывались на простых действиях по наведению порчи.

Фантастические процессы елизаветинской эпохи основывались на попытках наощупь «отделять зерна от плевел». «Плевелами» был дьявол, усердно трудившийся над растлением человеческих душ — даже если его слова исходили из уст младенцев. В поздних уложениях закрепилась следующая законодательная процедура: основным доказательством вины стало клеймо дьявола, которое тот давал лишь тем, кто подтверждал свой союз с ним подписанием договора.

К примеру, в 1645 г. в Челмсфорде Метью Хопкинс, сделавший карьеру на обнаружении ведьм, заменил бредовые детские показания поиском бородавок. Возможно, он разработал эту «технику», чтобы перехитрить детей, показания которых уже не пользова-

лись доверием, ибо они часто признавались, что обвиняют старух ради получения прибыли или, как салемские девушки в Америке, ради «удовольствия».

Исследователи расходятся во мнении о том, когда именно мания преследования ведьм свирепствовала с наибольшей силой. Например, Кеттридж полагал, что кальвинисты времен Республики и, следовательно, английские пуритане Нового времени, не были нетерпимее прочих, но его свидетельство тенденциозно. С другой стороны, Нотштейн считал, что протестантские лидеры, высланные из Англии при королеве Марии, распространяли фантастические понятия о колдовстве, приобретенные на континенте. До недавнего времени его поддерживал Тревор Девис, подчеркивавший тенденцию к снижению количества процессов над ведьмами при первых двух Стюартах — Якове и Карле I — и их внезапное оживление при кальвинистах во время Великого мятежа 1642–1660 гг. Это более правдоподобно: чем фанатичнее вера в Бога, тем враждебнее отношение к ереси, — и ведьмы, как слуги дьявола, были худшими еретиками: они были вероотступниками.

> «Суеверие, поощряемое церковью, становится верой. Если признать, что дьявол существует, то недалеко и до предположения, что с ним возможно личное знакомство, соглашения и связи. Протестанты были так же суеверны, как и католики, и Реформация никоим образом не ослабила преследований, основанных на этих нелепых верованиях» (Ewen, «Witch Hunting and Witch Trials», 1929).

Предпринятые впервые Ивеном исследования обвинительных актов, сохранившихся в Государственном архиве Лондона и в других местах, выявили несколько пиков охоты за ведьмами. Наибольшее количество обвинений в колдовстве приходится на время королевы Елизаветы. Новый подъем произошел в период Английской республики. Соотношение количества повешенных с количеством предъявленных обвинений в пяти графствах, составлявших Внутренний округ (наиболее отличились Эссекс, Хартфорд, Кент, Суррей и Суссекс) показывает, что самыми опасными для ведьм были последние годы правления Елизаветы и первые годы царствования Карла I (41% казненных), а также первые годы Английской республики. Массовое истребление ведьм произошло летом 1645 г., во время кампании, предпринятой Метью Хопкинсом. Ниже в таблице показано, какой процент обвиняемых казнили в то или иное десятилетие:

1567 — 20	1607 — 41	1647 — 42
1577 — 32	1617 — 17	1657 — 15
1587 — 21	1627 — 6	1667 — 4
1597 — 21	1637 — 0	

После 1667 г. во Внутреннем округе казней не происходило. Отчеты из других мест слишком фрагментарны, чтобы их можно было использовать. Об изменении отношения к колдовству во второй половине XVII в. ясно свидетельствуют суды Норфолкских сессий. Так, в 1688 г. присяжные сняли обвинение, выдвинутое против Мери Банистер, в околдовывании 13-летнего Джона Стокинга, который визжал, когда она приближалась к нему. С 1661 по 1679 г. на остальных Норфолкских сессиях было рассмотрено 15 обвинений в околдовывании; 6 из них было отклонено, по 8-ми установлена невиновность и 1 обвиняемый умер в тюрьме. Несколькими годами ранее такое вынесение вердиктов было бы невозможно. В Западном округе между 1670 и 1712 г. состоялось только 52 суда по обвинению в колдовстве, и лишь 7 из них закончились осуждением обвиняемых (один смертный приговор был отсрочен). Однако, хотя количество обвинений в колдовстве уменьшилось, возросло количество обвинений в насылании порчи.

Преобладание ведьмовских процессов над прочими варьировалось в зависимости от решительности судов и боязливости местного населения. К примеру, в 1640 г. в Лондоне на основании слухов о колдовстве толпа убила д-ра Лэмба, алхимика, протеже герцога Бэкингема [см. «Возлюбленная» д-ра Лэмба]. Основные гонения на ведьм произошли в

1583 г. в Эссексе, в 1633 — в Ланкашире, в 1643–50 — в Шотландии, в Восточной Англии — в 1645, Ньюкастле — в 1649, Кенте — в 1652 и снова в Шотландии в 1661 г. Ивен делает следующий вывод:

> «Преследования ведьм фактически возникали не в виде отчетливых периодических волн, прокатывавшихся по всей стране, а скорее в виде спорадических вспышек. Поток суеверий, служивший причиной преследований, повсюду проявлял себя отвратительно; а там, где фанатизм был особенно свиреп, иногда хватало влияния одного-единственного человека, чтобы довести рвение до опасной черты».

Примером влияния личности на ход гонений на колдовство являются решения сэра Хейла Метью (1609–1676) и сэра Холта Джона (1652–1710), поочередно исполнявших обязанности Главного судьи Англии. Хейл чистосердечно верил, что ведьмы опасны, и соответственно манипулировал судебной процедурой, чтобы добиться обвинительного приговора. Его пренебрежение к процессуальным правилам можно обнаружить на примере Сент-Эдмундского дела (1645) [см. Сент-Эдмундсберрийские ведьмы], когда, признав достоверность «призрачных показаний», судья Хейл фактически санкционировал салемские казни. В свою очередь Холт поворачивал судебные процессы в противоположную сторону: ни один из обвиняемых в колдовстве не был осужден во время его сессий. Под влиянием его авторитета нижестоящие судьи следовали его примеру; в равной же степени они подражали и Хейлу. На протяжении длительного времени эти личности имели большее влияние, нежели знаменитый Хопкинс Метью, — главный охотник на ведьм, лично ответственный за сожжение по крайней мере 68 человек, известных поименно, и, возможно, многих других, поскольку не все отчеты сохранились. Исступление Хопкинса продолжалось менее года (1645).

Существуют различные мнения о количестве казненных за колдовство в Англии, вплоть до 70 000 за один лишь период действия Уложения короля Якова I (нелепая цифра, приведенная в книге «Социальная Англия» Джеймса Стила, 1903 г.). Ивен полагает, что за все время действия законов, направленных против колдовства, т.е. с 1542 по 1736 гг., а практически за сто лет массовых казней с 1566 по 1685 гг., число жертв составило менее 1000 человек. Нет сомнения, что это максимально приближенные к истине данные, вытекающие из сохранившихся отчетов.

Агнес Уотерхаус, повешенная в Челмсфорде в 1566 г., была, очевидно, первым человеком, казненным за колдовство в Англии в Новое время. Элизабет Хоус была обвинена в 1564 г. в околдовывании, приведшем к смерти, и, очевидно, была повешена выездной сессией в Эссексе, несмотря на то, что заявила суду о своей беременности. В 1565 г. по аналогичному, видимо, обвинению в Кенте была повешена Джоан Байден. Последней повешенной стала Элис Молланд из Экстера, казненная в 1684 г. После реставрации Стюартов в 1660 г. происходило очень мало казней, и все обвинения в колдовстве основывались на нанесении тяжких телесных повреждений или убийстве. Последней во Внутреннем округе казнью за убийство с помощью колдовства стало повешение Джоан Нейвилл 3 сентября 1660 г. После казней в Сент-Эдмундсберри в 1662 г., следующая казнь состоялась не ранее 1674 г., когда Анну Фостер казнили за поджег амбаров. Мери Бегьюлэй была повешена в 1675 г. в Честере, а в 1682 г. в Эксетере повесили еще трех женщин (по приговору сэра Френсиса Норта). Кроме того, в 1693 г. в Бекклесе, Суффолк, вдова Чемберс, обвиненная в колдовстве, умерла в тюрьме предположительно после пытки «хождением» (Хатчинсон). Джейн Уинхем была последней, кого суд присяжных признал ведьмой в 1712 г. в Хартфорде, но исполнение приговора было отложено. И в сентябре 1717 г. в Лестере Джейн Клерк из Грейт-Уигтона вместе с сыном и дочерью стали последними обвиняемыми в колдовстве, но суд отклонил обвинения. В 1751 г. толпа забила Руфь Осборн, подозревавшуюся в колдовстве. Зачинщик линчевания впоследствии был обвинен в убийстве и казнен. После 1700 г. обвинитель сам подвергался опасности. Так, в 1701 г. Ричард Хэтуэй обвинил в колдовстве Сарру Мордайк. Она была оправдана с оплатой судебных

издержек, а Хэтуэй, «ложно обвинивший Сарру Мордайк в колдовстве без всякой на то причины и должного основания», был заключен в тюрьму, пока не вышел под залог с обязательством предстать перед следующей сессией («Архив государственного суда»). К середине XVIII в. колдовство исчезло из законодательства.

По существу, философская основа колдовства как ереси была почти одинаковой во всех странах и во все периоды охоты за ведьмами, вне зависимости от того, какое законодательное оформление она получала. Книга Жакье Никола «Flagellum Haereticorum Fascinariorum» («Бичевание Еретиков»), изданная в 1458 г., охватывала те же территории, что и «Pandaemonium» Бове Ришара (1684), также как и широко распространенные в Англии труды классиков демонологии с континента, таких как Крамер, Шпренгер, Воден, Реми и де Ланкр [См. Ди, Джон].

Преследования колдунов в Англии отличались национальной самобытностью, ибо Ла-Манш предохранял страну от заблуждений, свойственных остальной Европе.

В Англии не было бесчеловечных пыток, ни дыбы, ни тисков — ни одного из немыслимых инструментов немецких тюремщиков или инквизиторов. Конечно, жестокость имела место, и признания извлекались насильственным образом, особенно во время террора Хопкинса. Но есть разница между тисками или медленно нагреваемым железным стулом в Бамберге — и лишением сна, наложением жгутов на конечности, сажанием на хлеб и воду, которые были пределом жестокостей, применявшихся к колдунам в Англии.

В Англии никогда не сжигали ведьм заживо у столба — хотя это практиковалось повсеместно, включая Шотландию. Согласно английским законам, сожжение было наказанием за государственную измену, поэтому случаи сожжения были единичными, а в 1790 г. эта казнь была вообще отменена. Марджери Джордан была сожжена в 1444 г. за государственную измену, а то, что она прибегала к колдовству, было несущественно. Действительно, в 1432 г. ее обвинили в колдовстве, затем освободили под залог, и обвинение было снято. Два священника, арестованные вместе с ней, также были освобождены. Матушка Лейкленд в 1654 г. в Ипсвиче и Мери Оливер в 1659 г. в Норвиче были сожжены за измену супружескому долгу — убийство своих мужей. Убийство же любого другого человека, совершенное другим способом, включая и колдовство, по закону каралось повешением, но не сожжением. Ложные представления о том, что в Англии когда-то сжигали ведьм, очевидно, возникли благодаря обманчивому заглавию памфлета, изданного в те годы:

«Исповедь матушки Лейкленд из Ипсвича, привлеченной к суду и осужденной за колдовство, и принявшей смерть через сожжение в Ипсвиче, в Суффолке, во вторник 9 сентября 1645 года».

Никогда в Англии не было массовых казней, обезобразивших Францию и Германию, где, согласно хвастливым заявлениям де Ланкра или записям городских хроник Бамберга или Вюрцбурга, за несколько недель заживо сгорало несколько сотен человек. Самые массовые казни в Англии — это повешение 19 ведьм в Челмсфорде в 1645 г. или 9 ланкаширских ведьм в 1612 г.

Детальное описание оргий на шабаше, которое стало основой показаний обвиняемых во всех французских процессах, не встречается в английских судебных отчетах. В Англии шабаш состоял в тайном поедании соучастниками баранины в Малкольм-Тауэр [см. Ланкаширские ведьмы]. Единственный мальчик, рассказавший в суде о шабаше континентального типа, на поверку оказался подучен католическим священником. Благодаря Реформации в английских отчетах отсутствуют печальные истории одержимых дьяволом монахинь, которые, побуждаемые неутоленной страстью, часто обвиняли священников в аморальном поведении. Секс благоразумно молчал в веселой Англии — если не считать традиционных (и явно вымышленных) показаний восьмидесятилетних старух о половых сношениях с дьяволом. «О шабашах, священнослужителях дьявола и сатанинских оргиях в Англии не может быть и речи», — писал Кеттридж.

Английские процессы имели свои специфические черты. Английские ведьмы и колдуны, как и все англичане, любили своих животных, и все суды были переполнены мелкими домашними животными — любимцами своих хозяев; этих животных суд считал бесенятами, домашними духами или дьяволами. Искусство прокалывания или обнаружения клейма дьявола, практиковавшееся также и на континенте, было прерогативой английских судов, редко обходившихся без этого испытания. Дети, при виде ведьм бившиеся в припадках и приходившие в себя, когда им удавалось расцарапать обвиняемого до крови, заставлявшие ведьму читать заклинания, подтверждающие ее виновность — тоже часть английского колдовства.

Относительная простота признаний обвиняемых в английских процессах, свободных от всевозможной сатанинской чепухи, была обусловлена отсутствием в Англии централизованного, высокоорганизованного корпуса обвинителей, подобного инквизиции, подгонявшей все показания под единый шаблон, вымышленный демонологами. Кроме того, непрерывная деятельность англиканской церкви, природный скептицизм и относительная кратковременность господства непримиримых кальвинистов уберегли Англию от формирования альтернативных протестантских церквей.

Доводы за и против веры в колдовство открыто обсуждались в Англии на протяжении почти 150 лет (с 1584 г.) не только богословами и судьями, но и широкой общественностью. Писатели имели разные точки зрения на этот предмет. Нигде на континенте не было такого длительного обмена мнениями. Англия не могла избежать заблуждений, охвативших всю западную Европу, — количество веровавших в колдовство поражает, — но она была избавлена от наиболее мерзких особенностей французских и немецких судебных процессов. Даже во время сильнейших массовых истерий некоторые порядочные люди выступали против если не всей теории колдовства, то хотя бы нарушений процесса судопроизводства. Выступления против охоты на ведьм в те годы, когда она была своего рода патриотическим спортом — еще одна особенность Англии в истории колдовства.

Краткая история колдовства в Англии содержится в 60 статьях этой «Энциклопедии» и распределяется следующим образом:

Материалы дискуссий и тексты указов против колдовства см. в статьях: Генрих VIII: закон 1542 г.; Эдуард VI: закон 1547 г.; Елизавета: закон 1563 г.; Яков I: закон 1604 г.; Георг II: закон 1736 г.

Справки о важнейших судах: Челмсфордские ведьмы (1566), Сент-Осайтские ведьмы (1582), Уорбойские ведьмы (1593), Ланкаширские ведьмы (1612), Фавершемские ведьмы (1645); о процессах в Сент-Эдмундсберри и Челмсфордских процессах (1645) см. Хопкинс, Метью; Сент-Эдмундсберрийские ведьмы (1662). См. также Флауэр, Маргарита и Филиппа (1618); Осборн, Руфь (1751); Бэтман, Мэри (1809); Кайтелер, Алиса (1324); Кобхем, Элеонора, герцогиня Глостерширская (1441).

Самые известные мошенники: Бартонский мальчик (1597); Билсонский мальчик (1620); Гюнтер, Анна (1604); Лестерский мальчик (1620); Обманщик из Пендла (об Эдмунде Робинсе) (1633); Даррелл, Джон; Харснетт, Самуэль; Дети-обвинители.

О деятельности двух выдающихся юристов — см. Хейл, сэр Мэтью и Холт, сэр Джон; о главном охотнике на ведьм — см. Хопкинс, Метью.

Наиболее значительные авторы, писавшие о колдовстве — см.: Бакстер, Ричард; Бове, Ришар; Кроуч, Натаниэль; Ферфакс, Эдвард; Гланвиль, Джозеф; Яков I; Мор, Генри; Перкинс, Уильям.

О тех, кто оспаривал веру в колдовство — см. Эйди, Томас; Филмер, сэр Роберт; Гиффорд Джордж; Хатчинсон, Френсис; Скотт, Реджинальд; Вогстаф, Джон; Вебстер, Джон. См. также Ди, Джон.

О судебной практике — см. Свидетельские показания на судах ведьм в Англии; Обвинительный акт. Значительный материал об английском колдовстве находится в статьях: Домашние духи ведьм; Восковое подобие, Клеймо дьявола. Полтергейсты также заре-

гистрированы в Англии; кроме основной статьи — Полтергейст, см. также — Полтергейст в Тедворте (1662) и Полтергейст в Эпворте (1716).

НАКАЗАНИЯ ЗА КОЛДОВСТВО В АНГЛИИ С 1543 ПО 1736 ГГ.

	1542–1547 Генрих VIII (1542)	1563–1604 Елизавета (1563)	1604–1736 Яков I (1604)
ВЫЗЫВАНИЕ И ЗАКЛИНАНИЕ ЗЛЫХ ДУХОВ			
С любой целью	Смерть Конф. имущества	Смерть	Смерть
КОЛДОВСТВО, ЧАРОДЕЙСТВО, ВОРОЖБА, ГАДАНИЕ			
Поиски кладов	Смерть Конф. имущества	1-е: заключение на 1 год 2-е: пожизненное Конф. имущества	1-е: заключение на 1 год 2-е: смерть
Нахождение украденного или потерянного имущества	Смерть Конф. имущества	1-е: заключение на 1 год 2-е: пожизненное	1-е: заключение на 1 год 2-е: смерть
Убийство	Смерть Конф. имущества	Смерть	Смерть
Покушение на убийство	Смерть Конф. имущества	1-е: заключение на 1 год 2-е: смерть	Смерть
Причинение ущерба урожаю или скоту	Смерть Конф. имущества	1-е: заключение на 1 год 2-е: пожизненное	1-е: заключение на 1 год 2-е: смерть
Внебрачная связь	Смерть Конф. имущества	1-е: заключение на 1 год 2-е: смерть Конф. имущества	1-е: заключение на 1 год 2-е: смерть
Уничтожение распятия	Смерть Конф. имущества	1-е: заключение на 1 год 2-е: пожизненное Конф. имущества	1-е: заключение на 1 год 2-е: смерть
Кража трупов	—	—	—

С 1547 по 1563 гг. Эдуард VI отменил наказание за колдовство.

В 1736 г. билль Якова I против ведьм был отменен Георгом II.

Принципы неподсудности духовенства светскому суду и неприкосновенности убежища в храме не распространялись на обвиняемых в ведьмовстве. Согласно законам Елизаветы и Якова I за мужем казненной ведьмы сохранялись права на ее долю имущества, а за ее наследником — потомственный титул. При Елизавете ведьма, осужденная к пожизненному заключению, лишалась своей собственности. Годичное заключение всегда предусматривало публичное покаяние и четырехкратное осмеяние у позорного столба. В «Уложении» Якова I добавлено еще пять наказаний смертной казнью за ведьмовство, что сделало его гораздо более строгим, чем «Уложение» Елизаветы. Билль 1736 г., отменивший наказания, сохранил годичное заключение в тюрьме для тех, кто вызывается найти украденное или предсказывать будущее.

ОСНОВНЫЕ СУДЫ НАД ВЕДЬМАМИ В АНГЛИИ, ПО СООБЩЕНИЯМ В СОВРЕМЕННЫХ ПАМФЛЕТАХ

Елизавета I (1558–1603)

(1566) Первые Челмсфордские суды.
Допрос и признание некоторых ведьм в Челмсфорде, в графстве Эссекс, перед королевскими судьями месяца июля, 26 дня, года 1566 (1566).

1566 Дорсетский суд.
Допрос и признание Джона Уолша перед мастером Томасом Уильямсом, комиссаром преподобного Уильяма, епископа Экстерского, по некоторым вопросам, касающимся колдовства и чародейства в присутствии различных благородных господ и других лиц, августа 20, 1566 (1566).

1579 Абингдонские или Виндзорские ведьмы.
Правдивый пересказ как странных, так и достоверных отвратительных и ужасных злодеяний, совершенных Элизабет Стайл вместе с Рокинхемом, матушкой Даттон, матушкой Девелл и матушкой Маргарет. Четыре общеизвестные ведьмы, арестованные в Виндзоре, в графстве Беркшир, обвиненные и казненные в Абингдоне, февраля 26 дня года 1579 (1579).

1579 Вторые Челмсфордские суды.
Расследование проклятых козней, осуществленных тремя ведьмами, осужденными на последней сессии суда в Челмсфорде, в Эссексе и казненными в апреле 1579 года (1579).

1582 Сент-Осайтские ведьмы.
Полный и достоверный отчет о доносах, допросах и признаниях всех ведьм, арестованных в Сент-Осайте, графство Эссекс, когда некоторые были казнены, а другие признаны судом невменяемыми. Отчеты приведены В.В. в порядке их рассмотрения на суде, 1582 г. (1582).

1589 Третьи Челмсфордские суды.
Арест и допрос трех закоренелых ведьм, привлеченных к суду, справедливо изобличенных и казненных в Челмсфорде, графство Эссекс, июля 5 дня 1589 года. С приложением способов их дьявольских деяний и вызывания их духов, чьи формы при сем установлены доподлинно (1589).

1592 Матушка Аткинс из Пиннера.
Самые грешные дела гнусной ведьмы, подобных которым много лет не зарегистрировано в Англии, использовавшей в своих целях некоего Ричарда Барта, слугу господина Эдлинга из Вудхолла в приходе Пиннер графства Мидлсекс, в миле от Харроу. Совершено недавно, в марте прошлого, 1592 года и заново признано соответствующим истине Г.Б., магистром гуманитарных наук. (1593).

1593 Уорбойские ведьмы.

Наиболее удивительное и примечательное изобличение трех ведьм из Уорбойса, привлеченных к суду, обвиненных и казненных последней выездной сессией суда в Хантингтоне. (1593)

1597 Бартонский мальчик (Томас Дарлинг).
Самая замечательная и правдивая история некой ведьмы по имени Алиса Гудридж из Стейпенхилла, привлеченной к суду и осужденной в Дерби на состоявшейся там сессии суда. А также правдивый отчет о странных мучениях Томаса Дарлинга, мальчика тринадцати лет, одержимого дьяволом, сопровождавшихся страшными припадками и ужасными видениями, описанными им в Бартоне-на-Тренте, в графстве Стаффорд, и о его чудесном исцелении. (1597)

[О памфлетной войне между Джоном Дарреллом и Самуэлем Харснеттом см. специальные статьи]

1612 Нортхемптонские ведьмы.
Ведьмы из Нортхемптоншира: Агнес Браун, Джоан Вохен, Артур Билл, Хелен Дженкинсон, Мери Барбер, казненные в Нортхемптоне 22 июля 1612 года (1612).

1612 Ланкаширские ведьмы (Старуха Демдайк и старуха Четтокс).
Удивительное изобличение ведьм в графстве Ланкастер с обвинением и судом над девятнадцатью ведьмами, пользовавшимися дурной славой, отправленными из тюрьмы на суд, состоявшийся в замке Ланкастер в понедельник, 17 августа прошлого, 1612 года в присутствии сэра Джеймса Элтхема и сэра Эдварда Бромлея. Составлено Джоном Поттсом (1613).

1613 Три бедфордских ведьмы.
Книга о ведьмах, впоследствии осужденных и сожженных в Бедфорде в 1612–1613 гг. (1613).

1618 Маргарет и Филиппа Флауэр (и Раттеркин, и герцог Ратлендский).
Замечательное изобличение чар Маргарет и Филиппы Флауэр, дочерей Иоанна Флауэра, около Бевер-Кастла, казненных в Линкольне 11 марта 1618 года, специально привлеченных к суду и осужденных по их собственному признанию себя виновными в умерщвлении лорда Росса, с приложением их отвратительных деяний, направленных против других детей достопочтенного Френсиса, герцога Ратлендского, а также нескольких допросов и признаний Анны Бейкер, Джоан Виллимот и Элен Грин, ведьм из Лестершира (1619).

1620 Билсонский мальчик (Уильям Перри).
Мальчик из Билсона или достоверное изобличение последних общеизвестных мошенников из числа католических священников, виновных в поддельном экзорцизме или изгнании дьявола из мальчика по имени Уильям Перри (1622).

Король Карл I (1625–1649)

[Единственный серьезный скандал, происшедший во время его царствования, связанный с Эдмундом Робинсоном (Обманщиком из Пендла), не описан в памфлете.]

1643 Ньюберская ведьма.

Несомненное, необыкновенное и правдивое изобличение ведьмы, совершенное членами Армии парламента, и как она переплыла реку Ньюбери, стоя на маленькой круглой доске, а также правдивое описание ее странной смерти (1643).

1645 Челмсфордский суд Хопкинса (Ведьмы из Меннингтри).

Правдивое и точное изложение некоторых сведений, допросов и признаний последних ведьм, привлеченных к суду и осужденных на прошлой сессии, состоявшейся в Челмсфорде в присутствии досточтенного Роберта, герцога Уорвика и некоторых мировых судей 29 июля 1645 года (1645).

1645 Фавершемские ведьмы.

Допрос, признание, суд и казнь Джоан Уилфорд, Джоан Кериден и Джейн Холт, казненных в Фавершеме, в Кенте, …подтвержденные собственноручно Робертом Гринстритом, мэром Фавершема (1645)

1645 Хопкинса Сент-Эдмундские суды и сожжения.

Правдивый отчет о привлечении к суду восемнадцати ведьм в Сент-Эдмундберри 27 августа 1645 года, а также список казненных (1645).

1646 Хопкинса Хантингдонские суды.

Ведьмы из Хантингдона, их допросы и признания. Составлено Уильямом Давенпортом (1645).

1647 Краткий отчет об охоте на ведьм Хопкинса.

Изобличение ведьм в ходе нескольких допросов; затем они предстали перед членами выездного суда графства Норфолк. Опубликовано Метью Хопкинсом, обнаружителем ведьм, для пользы всего королевства (1647).

1649 Сент-Олбенские ведьмы.

дьявольские наваждения или правдивый рассказ о Джоне Палмере и Элизабет Нот, двух общепризнанных ведьмах, недавно осужденных сессиями в Ойере и Сент-Олбене (1649).

1652 Уопингские ведьмы.

Ведьмы из Уопинга, или точное и подробное изложение биографии и дьявольских деяний Джоан Петерсон, обитавшей в Спрус-Айленде, около Уопинга, осужденной за занятия колдовством и приговоренной к повешению в Тайберне 11 апреля 1652 года, в понедельник (1652).

1652 Мейдстонские (Кентские) суды.

Удивительная и трагическая история привлечения к суду, суда, признания и осуждения шести ведьм в Мейдстоне, графство Кент, на вы-

ездной сессии суда, состоявшейся в июле, 30 дня, в пятницу, текущего, 1652 года. Составлено на основе наблюдений Е.Дж., дворянина, ученого, присутствовавшего при признании ими своей вины и вынесении приговора (1652).

1652 Возлюбленная д-ра Лэмба: суд над Анной Бодэнхем (чудо д-ра Лэмба).
Возлюбленная д-ра Лэмба, или страшные и ужасные сообщения из Солсбери, содержащие правдивое, полное и точное известие о великом и удивительном контракте и соглашении, совершенном между дьяволом и г-ой Анной Бодэнхем, со способом ее превращения в мастифа, черного льва, белого медведя, волка, быка и кота. Суд, допрос и признание… перед предводителем баронов Уайтом. Составлено Эдмундом Боуэном, священником (1653).

Король Карл II (1660–1685)

1662 Сент-Эдмундские ведьмы (Роз Каллендер и Эми Дани).
Суд над ведьмами во время выездной сессии в Сент-Эдмундсберри, графство Суффолк, в 10 день марта 1664 [1662] года (1682).

1674 Энн Фостер, ведьма.
Полное и правдивое описание суда, осуждения и казни Энн Фостер… на месте для казней в Нортхемптоне с приложением того, как она по злому умыслу и с помощью колдовства предала огню все амбары и зерно и околдовала целое стадо овец (1674).

1682 Экстерские ведьмы.
Суд, осуждение и казнь трех ведьм, а именно: Темпренс Лойд, Мери Лойд, и Сьюзен Эдвардс, преданных суду в Экстере 18 августа 1682 года (1682).

Последний памфлет

1712 Джейн Венхем, ведьма из Уолкерна.
Отчет, допрос и осуждение Джейн Венхем на предварительном дознании об околдовывании Мэтью Гилстона и Анны Торн из Уолкерна в графстве Герфорд (1712).

1) В круглых скобках приведена дата публикации памфлета;

2) в царствование Елизаветы и Якова I было опубликовано около 50 памфлетов о знаменитых процессах над ведьмами в Англии. В царствование Карла I состоялось лишь полдюжины казней за колдовство, затем количество судов над ведьмами возрастает во время Гражданской войны и достигает своего пика в 1645 году.

Около 30 памфлетов описывают процессы, происшедшие в течение Гражданской войны и Республики. После 1660 г., несмотря на то, что судов над ведьмами становится меньше, памфлеты становятся многочисленнее (возможно, из-за того, что обвинение в колдовстве стало редкостью), и литературные столкновения развиваются вокруг известных процессов, таких, как суд над экстерскими ведьмами в 1682 г. и над Джейн Венхем в 1712 г.

АРРАССКИЕ ВЕДЬМЫ. В 1459–1460 гг. инквизиция организовала охоту на ведьм в Аррасе, одну из наиболее ранних в северной Франции. В то время колдовство еще не имело точного определения, и некоторые епископы отказались предоставить инквизи-

ции полную свободу действий. Через 30 лет парижский парламент реабилитировал всех осужденных. После 1500 г. немногие бы осмелились отменять или критиковать решения инквизиции.

Обвинения против этих новых еретиков — колдунов и ведьм — основывались на опыте борьбы с прежними еретиками — вальденсами или катарами, которые также обвинялись в поклонении дьяволу и поедании человеческого мяса. Параллели были настолько явными, что выражение «alter en vaudois» (вступить в вальденсы) стало обозначать посещение шабаша. Сожжение было уделом как вальденсов, так и ведьм.

В XV в. ведьм часто отождествляли с еретической сектой вальденсов или альбигойцев, обвинявшейся в поклонении козлу. Иллюстрация из французского перевода латинского трактата Иоганна Тинктора «О секте вальденсов». «Действительно, тогда не будет ни послушания, ни подчинения закону и правосудию, ни защиты жизни и государства ни страха и почитания Господа. И все будет перевернуто и смешано, и каждый жалкий грешник будет жить, как захочет. Порочные будут подрывать основы национального и местного управления, и богобоязненные люди будут стонать и молить в отчаянии».

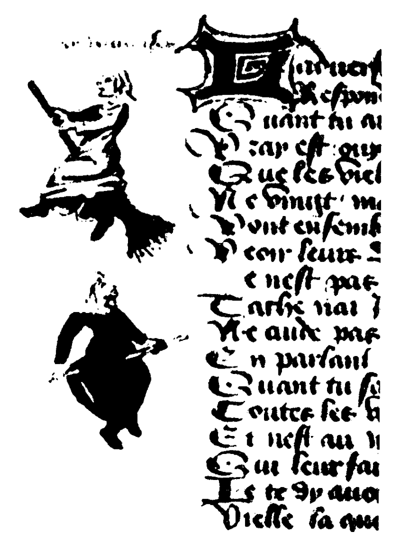
По свидетельству некоего Робина де Вула (заключенного), инквизитор Пьер ле Бруссар арестовал, якобы за принадлежность к вальденсам, слабоумную женщину по имени Даниэль Гренье. Даниэль пытали до тех пор, пока она не назвала сообщников: четырех женщин и старого художника Жеана ля Витта, прозванного «безъязыким аббатом» (Abbe-de-peu-de-sens). Чтобы избежать пыток, он пытался отрезать себе язык, но лишь расцарапал рот, и, как человек умеющий писать, был вынужден дать письменные показания.

Их современник, хронист Жак де Клерк, сообщает о том зле, которое якобы совершили эти первые ведьмы. Мужчины и женщины были неожиданно перенесены к месту встречи, где они нашли дьявола

«в человеческом облике с закрытым лицом, который прочитал или передал им свои приказания и распоряжения, объяснив, каким образом следует служить. Затем он заставил их всех поцеловать себя в зад и дал им по нескольку монет. Наконец он возглавил пышный банкет, в котором участвовали все присутствующие. Потом мгновенно погас свет, и каждый взял себе партнера и познал его плотски. После этого все были неожиданно возвращены туда, где они были первоначально».

Здесь уместно вспомнить, что некий латинский трактат, написанный в мае 1460 г. с целью узаконить массовые аресты и явно принадлежавший перу инквизиторов, включал в себя аналогичные подробности так называемых оргий [см. Сексуальные сношения с дьяволом].

Согласно обычаю, отчеты об этих процессах представлялись на рассмотрение экспертам-богословам. Д-р Жиль Картье и каноник Григорий Николаи (оба из Камбрэ) рекомендовали суду проявить снисхождение, поскольку осужденные не обвинялись ни в убийстве, ни в святотатстве. Инквизитор игнорировал эту рекомендацию и организовал аутодафе. 9 мая 1460 г. Даниэль Гренье и четверо названных ею сообщника (пятый покончил с собой в тюрьме) были приведены на помост перед епископским дворцом. Они были облачены в одежду еретиков и митры с изображениями пляшущих дьяволов. Сам инквизитор произнес проповедь, объявив их вальденсами и еретиками. Описывая их преступления, он опустил лишь упоминание о совокуплении с дьяволом, «ибо невинный слух будет оскорблен этими мерзостными, ужасными и бесстыдными вещами». Пятерых подсудимых обвинили в полетах на палках (baguettes), поклонении дьяволу и в топтании креста, после передачи в руки светских властей все четверо были заживо сожжены, несмотря на их пронзительные крики о невиновности.

Самое раннее (ок. 1440 г.) изображение ведьм, летящих на метле (из рукописи Мартина ле Франка «Le Champion des dames»). В тексте утверждается, что не одна, две или три, а три тысячи ведьм направляются навестить знакомых дьяволов.

Колдун, осужденный инквизицией, в позорной митре еретика.
Из книги Филиппа ван Лимбоха «История Инквизиции» (1692).

Через месяц, в июне 1460 г., инквизитор возобновил свою деятельность, основываясь на именах, добытых у сожженных под пытками. Де Клерк далее пишет:

> «Было брошено в тюрьму много людей благородных, и из низших сословий, и сумасшедших женщин. Их так страшно пытали и ужасно мучили, что они были вынуждены сознаться в предъявленных обвинениях. Они признавались в том, что видели и узнали на ночных собраниях многих благородных господ, прелатов, лордов и других руководителей провинции и города. Их пытали „так долго и часто“, что они старались во всем сознаться, чтобы угодить судьям».

Наиболее влиятельные и богатые люди покупали себе освобождение от пыток и унижений. Неимущих сжигали. Инквизиторы соблазняли наиболее важных обвиняемых, обещая сохранить им жизнь и собственность. Обещания не выполнялись. Имения конфисковывались феодальными властями, а движимое имущество — епископством. По словам де Клерка, лишь немногие отрицали обвинения и отказывались давать взятки судьям.

Когда инквизитор арестовывал и пытал горожан, некоторые священнослужители потребовали амнистировать заключенных, но их требование было отклонено. К концу года купцы уже опасались заключать контракты, и торговый оборот в Аррасе стал уменьшаться. В замешательстве инквизитор обратился за поддержкой к Филиппу Доброму, герцогу Бургундскому; его замешательство усилилось, когда архиепископ Рейнский и епископы Парижа и Амьена объявили шабаш наваждением и сняли выдвинутые трибуналом обвинения в колдовстве. В 1461 г. парижский парламент настоял на освобождении некоторых заключенных, а аррасский епископ Жан Жоффруа, находившийся во время охоты на ведьм в Риме, возвратившись домой, отпустил остальных. Наконец, 10 июля 1491 г. парижский парламент объявил, что инквизитор действовал «ошибочно и против порядка и

правосудия — процесс недействителен, поскольку проводился без соблюдения должных формальностей». В дальнейшем он осудил «нечеловеческие допросы и пытки инквизиции, такие, как сдавливание конечностей, прижигание ступней и вливание в обвиняемых масла и уксуса». Он призвал молиться за тех, кого предали смерти.

АЭНДОРСКАЯ ВОЛШЕБНИЦА. Верившие в колдовство искали подтверждений в Библии и особенно в Ветхом Завете. Одним из широко обсуждавшихся подтверждений была история о так называемой Аэндорской волшебнице в I книге Царств.

Царь Саул, встревоженный нападением филистимлян, искал совета у прорицательницы. Хотя некромантия считалась уголовным преступлением, женщина согласилась вызвать дух его предшественника, Самуила, который мог дать ему совет:

> «И отвечала женщина: вижу как бы бога, выходящего из земли.
> Какой он видом? — спросил у нее Саул.
> Она сказала: Выходит из земли муж престарелый, одетый в длинную одежду.
> Тогда узнал Саул, что это Самуил, и пал лицом на землю и поклонился»
> (I книга Царств, 28).

Затем Саул, очевидно, услышал «голос Самуила», имитировавшийся медиумом с помощью чревовещания, как это делается на современных спиритических сеансах. Известные богословы спорили, услышал ли Саул «дух» Самуила, или это был голос вселившегося в него дьявола.

В латинской Вульгате женщина названа пифией (pythonissa), т.е. предсказательницей судеб, вдохновляемой духом Пифона. Греческая Септуагинта переводит еврейское “obh как heggastramythos (чревовещатель). В «Деяниях» упоминается встреча апостола Павла с «одной служанкой, одержимой духом прорицательным, которая через прорицание доставляла большой доход господам своим (16, 16)».

Аэндорская волшебница.
Иллюстрация (1693) из немецкого перевода «Демонолатрии» Никола Реми (1595).

Саул не смог получить совета у своих профессиональных пророков. Стремясь сохранить монополию на предсказание будущего, они объявили всех остальных прорицателей вне закона:

> «Не должен находиться среди вас… прорицатель, гадатель, ворожея, чародей, вызывающий духов и вопрошающий мертвых. Ибо мерзок пред Господом всякий, делающий это».
>
> (Второзаконие, 18, 10).

К упомянутым лицам принадлежала и Аэндорская волшебница.

Аэндорская волшебница.
Фронтиспис книги «История ведьм, призраков и горных духов» (Бервик, ок. 1803 г.).

Канон англиканской церкви рассматривает прорицательницу как «женщину, имеющую домашнего духа», но не в смысле средства для материализации духов умерших, а в духе «новомодных» представлений XVII в. о христианской колдунье, которая пользуется услугами личного демона, принявшего вид мелкого домашнего животного. В 1611 г. переводчики Библии для короля Якова I озаглавили рассказ об Аэндорской волшебнице «Саул получает совет у ведьмы», подкрепив закон 1604 г. совершенно произвольным толкованием Священного Писания. Между тем, Скотт Реджинальд еще в 1584 г. показал, что разночтение между еврейским и греческим текстами не подразумевает колдовства, тем самым перечеркнув будущие богословские споры:

> «Самуил не воскресал из мертвых, это была лишь иллюзия, обман, практикуемый колдунами. Я знаю, что Августин и прочие авторитеты, отрицающие воскресение Самуила, подразумевают, что дьявол вселился в его подобие. Но при всем уважении к их мнению, я не могу с ними согласиться».

Б

БАВАРИЯ, КОЛДОВСТВО В. Максимилиан I Баварский (1597–1651), издавший радикальные законы против колдовства в 1611, 1612 и 1622 гг., продолжил дело своего суеверного отца Вильгельма, который начал преследовать ведьм в 1590 г. На протяжении сорока лет, с 1590 по 1630 гг., оба герцога следовали советам фанатиков-иезуитов, которые настаивали на ужесточении репрессий против «колдунов» и «ведьм». Однако к 1631 г. уже начало ощущаться влияние умеренных иезуитов, таких как Адам Теннер, друг гуманистически настроенного отца Фридриха фон Шпее. В этом году Максимилиан принял так называемый Эдикт Милосердия: хотя он и поощрял доносительство, практическим результатом его принятия было то, что репрессии медленно, но неуклонно пошли на спад.

Иезуиты появились в герцогстве в 1541 г.; общественность встретила их враждебно, и они принялись потихоньку воспитывать будущего правителя Вильгельма V. В 1590 г. он обратился к своему придворному совету (Hofrat) и иезуитскому университету в Ингольштадте за консультацией по поводу истребления ведьм. 28 апреля университет ответил, что, поскольку преступления колдунов еще не рассматривались в Баварии, судьи нуждаются в помощи. Они должны руководствоваться «Молотом ведьм», а также недавно опубликованным в Мюнхене немецким переводом труда Бинсфельда, обучавшегося у иезуитов, и доступными отчетами о состоявшихся процессах. Кроме того, «герцог должен заявить об обязательном наказании для тех, кто отпускает безнаказанным подозреваемого в колдовстве, и что пытка должна применяться в ведьмовских процессах более безотлагательно, чем во всех прочих». Другой влиятельный советник-иезуит Георгий Валенсийский (1595) утверждал, что лучшие показания в суде — признания самой ведьмы, полученные под пыткой.

Процессуальный образец, рекомендованный университетом (хотя и не оговоренный специально), можно пронаблюдать на примере процессов, состоявшихся в Шонгау, Фрейзинге или Верденфельсе. В Шонгау в 1587–1589 гг. герцог Фердинанд, брат Вильгельма, отложил в сторону все прочие судебные дела и занялся генеральной инквизицией. Шестьдесят три женщины были обезглавлены или сожжены. Мюнхенский придворный совет контролировал судопроизводство, одновременно настаивая на том, чтобы женщин непрерывно пытали до тех пор, пока они не признаются. В Фрейзинге после бури с градом одна женщина сказала, что погода должна ухудшиться. Она была объявлена ведьмой и подвергалась пытке до тех пор, пока не признала свою вину и не обвинила многих других женщин, которые затем были арестованы и казнены. В маленьком альпийском городке Верденфельсе с населением 4700 человек сорок девять женщин были сожжены за 12 месяцев (с 1590 по 1591 гг.). Поселяне вынуждены были заплатить огромную сумму в 4000 флоринов за эту бойню. Наконец судья, специализировавшийся по делам о колдовстве, обратился с прошением к Фрейзингскому епископу, чтобы тот прекратил процессы; он сказал, что, если его работа будет продолжаться так, как она началось, то очень немногие женщины останутся в живых.

Как и в Трире, общественный палач Шонгау Йорг Абриэль становился могущественнее и состоятельнее, изобличая ведьм по всем немецким государствам. Плата за поиск отметки дьявола составляла два форинта, независимо от результатов; плата за казнь — восемь форинтов. Когда Абриэль, баварский двойник англичанина Хопкинса, не смог найти клеймо дьявола на некой женщине, он сказал, что с его точки зрения она выглядит как ведьма. После этого заявления она была арестована и подвергалась пыткам, пока не призналась.

В 1597 г. Вильгельм отрекся от престола в пользу своего сына Максимилиана и постригся в монахи. Максимилиан также обучался у иезуитов; его наставник — Иоганн Баптист Фиклер — в 1582 г. отстаивал применение чрезвычайных мер против колдовства и напичкал будущего герцога своими идеями. Когда Максимилиану было только семнадцать, он наблюдал за пытками ведьм в Ингольштадте и писал своему отцу, что вскоре

пятеро из них будут готовы для сожжения. Максимилиан испытывал личную ненависть к ведьмам, поскольку думал, что его жена бесплодна благодаря лигатуре. Колдовская истерия поддерживалась в суде официальным священником иезуитом Иеремией Дрекселем, который заявлял, что те, кто выступает против преследований за колдовство, недостойны называться христианами.

Во время длительного правления Максимилиана были приняты многочисленные законы против колдовства. Он не делал никаких различий между чародейством и колдовской ересью: вердикт 1611 г. охватывал все виды чернокнижия. «Все те, кто заключил договор с дьяволом, должны быть наказаны пыткой, сожжением и конфискацией имущества». В следующем году он заставлял баварских судей охотиться за ведьмами с еще большим рвением. В 1616 г. последовали дальнейшие законодательные акты, предписывавшие, чтобы подсудимый, отказавшийся от своего признания, подвергался пытке во второй, а при необходимости и в третий раз. В 1619 г. Максимилиан лично вмешался (подобно Якову I) в судебный процесс в Ингольштадте, где судья снял обвинение в колдовстве с женщины и троих детей за недостатком свидетельских показаний. Его директивы (1622) можно сравнить с самыми жестокими законами в истории колдовства. Максимилиан отменил свое постановление 1616 г. и запретил отказываться от показаний после пытки — иначе суды будут длиться бесконечно. Священники должны были допускаться к подсудимым только для того, чтобы выслушать их исповедь, но не для того, чтобы содействовать отказу от показаний. Заявления, сделанные под пыткой, были основанием для ареста, а страх, вызываемый арестом, служил доказательством вины!

Процесс распространения колдовской истерии подробно показан в «Энциклопедии» на примере процесса 1637 г., состоявшегося в Эйхштадте, в нескольких милях северо-западнее Ингольштадта. Дело слушалось в епископском суде, но организация процесса была такой же, как и в суде герцога. Рицлер, баварский историк XIX в., считает, что в одном лишь этом маленьком городке за колдовство было сожжено от одной до двух тысяч человек, и еще столько же на каждой из двух других епископских территорий, во Фрейзинге и Аугсбурге.

В Баварии, как и во многих других частях Германии, мания преследований за колдовство была ослаблена в 1632 г. вторжением шведской армии. Можно отметить, что неурожай хлеба в 1634 г. связывался уже не с колдовством, а с естественными причинами. Но преследования все же продолжались, и закон 1611 г. был повторно принят в 1665 и 1746 гг. В Мюнхене 9 января 1666 г. семидесятилетнего старика обвинили в вызывании бурь. Герцог Фердинанд смягчил суровый приговор, и жертва была всего лишь трижды уязвлена раскаленными щипцами, прежде чем ее сожгли живьем.

Непродолжительное возобновление преследований в начале XVIII в., примерно с 1715 по 1722 гг., отмечено лжесвидетельствами мальчиков; аналогичные лжесвидетельства столетием раньше служили основанием для осуждения многих английских ведьм [см. Билсонский мальчик]. В 1715 г. в Вассербуге, примерно в 35 милях южнее Мюнхена, девять школьников обвинили своего учителя Каспара Швайгера в том, что он был на шабаше. Он был подвергнут жестоким пыткам, но отказался сделать признание; когда его подвергли второму испытанию, он признал свою вину и уличил других. Позже он отказался от своих показаний, но, будучи не в состоянии выдержать дальнейшую пытку, оставил их в силе. Аналогичный суд произошел в 1722 г. в Моосбурге, около Фрейзинга, когда мальчики обвинили Георга Прельса в колдовстве. Комната пыток была окурена благовониями, а кнуты благословлены перед бичеванием. Под пыткой Прельс признал свою вину, но затем отказался от своих показаний. Он был обезглавлен и сожжен. Однако власти побоялись распространения истерии и освободили 13 колдунов, обвинявшихся вместе с Прельсом, некоторые из них уже признались. Годом ранее в Фрейзинге несколько подростков обвинили друг друга; из 11 казненных тогда одному мальчику было 13, троим — 14, и еще троим 16, 17 и 18 лет.

Последний суд, состоявшийся в Эйхштадте в 1723 г., четко и ясно выявил роль церкви в поддержании истерии. Мария Вальбурга Рунг, 22-х лет, была подвергнута пытке светским судом в Маннхейме по подозрению в колдовстве, но судья решил, что она — обыкновенная проститутка. В конечном итоге она предстала перед епископским судом в Эйхштадте и подвергалась пытке, пока не признала себя ведьмой, а затем ее сожгли. Одними из последних осужденных за колдовство в Баварии были два десятка участников массового процесса 1728–1734 гг., в результате которого было казнено несколько женщин. Уголовный кодекс 1751 г. подтвердил смертную казнь через сожжение за договор с дьяволом и обезглавливание за maleficia. Последняя казнь за колдовство в Германии состоялась в 1775 г. в епископском городе Кемптене в Швабии, позже вошедшей в состав Баварии [см. Швагель, Анна Мария]. Две другие поздние казни — в Баварии: казнь тридцатичетырехлетней Вероники Церритш в 1754 г. и Марии Клосснер в 1756 г. не были документированы полностью.

> «Кто осмелится обвинить в ошибках и несправедливости судей, которые огнем и мечом преследовали колдовскую заразу? Однако есть христиане, недостойные называться таковыми; изо всей мочи и не щадя своих сил противодействуют они искоренению этой скверны, утверждая, что в ходе борьбы с нею страдают невиновные. О, вы, противники Славы Господней! Разве закон Божий не предписывает: „Ведьмы не оставляй в живых“? И я кричу изо всех сил, возвещая Заповедь Господню епископам, принцам и королям: „Ведьму не оставляйте в живых! Искореняйте эту чуму огнем и мечом!“»
>
> Отец Иеремия Дрексель (1637)

БАКСТЕР, РИЧАРД (1615–1691). Во всех классических биографических трудах, посвященных Б., знаменитому пресвитерианскому наставнику и писателю, ничего не говорится о его исследованиях по колдовству.

Только в одной из 150 карточек каталога Нью-Йоркской публичной библиотеки указана «Certainty of the World of Spirits» (1691), основная книга Б. по колдовству, опубликованная в конце его жизни. В то время как его современники боролись с колдовским суеверием, Б. поддерживал предрассудки, обскурантизм и деградацию. Почему же об этой книге принято умалчивать? Уж не потому ли, что глупость и тупоумие, проявленные знаменитым наставником в полемике с современниками, могли бы бросить тень на его суждения по другим вопросам? Книга Б. «Certainly of the World of Spirits» — одна из последних англоязычных работ, защищавших веру в колдовство; она заслуживает осуждения еще и потому, что ее автор пытался поддержать угасавшую в Англии веру в колдовство, призывая развернуть террор против ведьм в Новой Англии.

Биография Б. весьма необычна. Сын распутника, принявшего протестантизм, Б. был портным, студентом теологии, школьным учителем, проповедником, армейским капелланом и литератором. В 1685 г. он подвергся годичному тюремному заключению по приговору известного судьи Джефферса за «осквернение церкви».

В различные периоды своей жизни Б. был другом известных охотников на ведьм, таких как судья Метью Хейл и Инкриз Мазер, которым он посвятил свой труд «Glorious Kingdom of God» (1691). Джон Веслей [см. Полтергейст в Эпворте], также веривший в ведьм, был издателем сочинений Б. Наиболее значительная работа Б. — «Saints Everlasting Rest» (1650), но современные читатели, возможно, отдадут предпочтение его комментариям к «A Just and Seasonable Reprehension of Naked Breasts and Shoulders», английскому переводу труда Жака Буало, изданному в 1675 г.

«Certainty of the World of Spirits» сходна по содержанию с «Saducismus Triumphatus» (1681) Гланвиля, «Pandaemonium» (1684) Бове или «Satan's Invisible World Discovered» (1685) Синклера. В книге приводятся многочисленные «повествования» о якобы имевших место в действительности сверхъестественных событиях, чтобы доказать тем, кто «погряз в саддукействе и скотстве», что «невидимые силы или духи» существуют

на самом деле. Б. превозносит всех классических демонологов: Бодена, Реми, Гриландуса, Лафатера, авторов «Malleus Maleficarum» и некоторых менее известных авторитетов, таких как Занши и Даниес, и обоих Мазеров, которые «привели наиболее убедительные доказательства». Несмотря на его ходатайство о приостановлении судебного производства против подученных папистами «одержимых» мальчиков, «похотливых девок и молодых вдов», доверчивость Б. удивительна:

> Вызывание бури: О том, что ведьмы вызывают бури, имеется столь много свидетельств, что, я думаю, нет нужды пересказывать их.
>
> Свидетельство усопшего: Что мы должны сказать о многочисленных известных историях о том, как у покойника начинается кровотечение, когда к нему приводят убийцу или когда убийца дотрагивается до него; душа ли умершего указывает здесь на убийство, или это дьявол требует мести, но все это явно является действием невидимых духов.
>
> Одержимость: Она срыгнула тысячу и две сотни червяков, некоторых длиною в палец и еще длиннее.
>
> Инкуб: И многие дьяволы, которых французы называют ducii, пытаются ежедневно совершать эту мерзость и достигают успеха, как сообщают столь многие, что было бы неблагоразумно отрицать это.

И этот человек еще называл известного судью по ведьмам Хейла «человеком большой набожности и благочестия, обладателем очень тонкой и быстрой душевной восприимчивости»

БАМБЕРГСКИЕ СУДЫ НАД ВЕДЬМАМИ. Массовые истребления ведьм сильней всего свирепствовали в землях, управлявшихся князьями-епископами, например, в Трире, Страсбурге, Бреслау и Фульде, а также в Вюрцбурге и Бамберге. В двух последних княжествах правили исключительно жестокие князья-епископы: двоюродные братья Филипп Адольф фон Эренберг (1623–1631), который сжег 900 ведьм, и «Hexenbischof» («ведьминский епископ») — Годфрид Иоганн Георг II Фукс фон Дорнхейм (1623–1633), который сжег по крайней мере 600 человек. Вот некоторые примеры преследований, происходивших в этих землях.

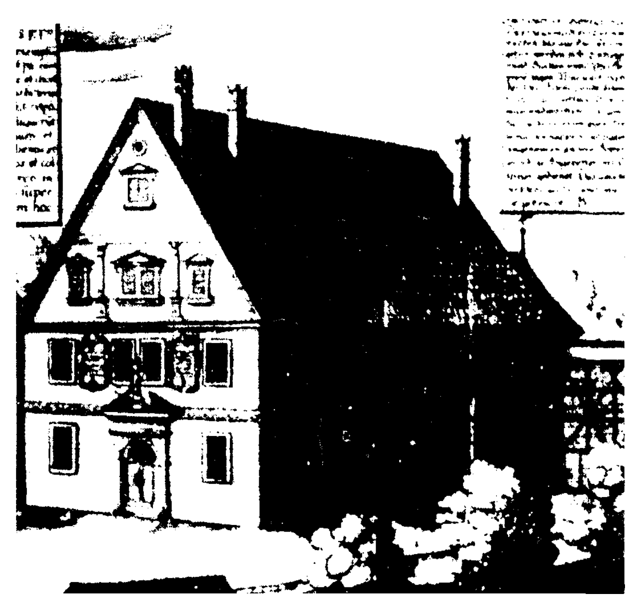
Охота на ведьм началась в Бамберге позже, чем в других княжествах Германии, при епископе Иоганне Годфриде фон Аусхазене (1609–1622), который сжег примерно 300 человек, обвиненных в колдовстве. Самым страшным годом был 1617: было сожжено 102 ведьмы. Но «ведьминский епископ» Иоганн Георг II достиг большего при помощи викарного епископа Фредерика Фернера и докторов права светского совета. Эти фанатики возобновили преследования в 1624 и в 1627 гг. и воздвигли специальный Drudenhaus с помещениями для 30 или 40 заключенных и, возможно, несколько аналогичных тюрем для ведьм в небольших городках епископства — Цейле, Хальсштадте и Кронахе. С 1626 по 1630 гг. процессы над ведьмами были особенно беззаконными и жестокими; только один из комиссаров д-р Эрнест Вазольт сжег 400 человек, обвиненных в колдовстве.

Вице-канцлеру Бамберга д-ру Георгу Хаану иногда удавалось препятствовать проведению процессов, но его относительно умеренная позиция вызвала (как и в случае с Фладе Дитрихом) подозрение в том, что он был союзником ведьм, и его вместе с женой и дочерью сожгли в 1628 г. — несмотря на имперский приказ об их освобождении, где было сказано, что «их арест произведен вопреки имперскому законодательству, и таковых нарушений нельзя терпеть». Фактически же все бургомистры были обвинены и осуждены. Наиболее душераздирающим был процесс Юниуса Иоганна; сохранилось его предсмертное письмо к дочери, свидетельствующее о наиболее омерзительных и уродливых сторонах охоты на ведьм.

Среди жертв было много горожан, занимавших высокие посты. В апреле 1631 г., когда террор начал ослабевать, в тюрьме для ведьм содержалось 22 заключенных, вклю-

чая епископского казначея. Их имущество, которое к тому времени уже было конфисковано, имело суммарную стоимость около 220 000 флоринов. Все эти деньги попали в карман епископа. Кроме того, заключенные (из своего состояния или с помощью своих семей) должны были заплатить высокие гонорары всем, кто был связан с их казнью [см. Судебные издержки процессов над ведьмами].

Поток обвинений, пыток и сожжений нарастал, и некоторым знатным людям удалось бежать в Рим, в Богемию или к императорскому двору в Регенсбург. Но князь-епископ не считался даже с императором, не разделявшим его взглядов на колдовство. Даже личное вмешательство Фердинанда в дело Доротеи Блок, жены богатого горожанина из Бамберга, было оставлено без внимания. Предъявленные ей обвинения не были обнародованы, адвокат не был допущен, и ее, как и многих других, сожгли в мае 1630 г. Ее отец бежал.

Специальная тюрьма для ведьм или Hexenhaus, сооруженная в 1627 г. князь-епископом Бамберга Готфридом Иоганном Георгом II Фукс фон Дорнхеймом, который сжег, по меньшей мере, шесть сотен ведьм.

Скорость подобных «судов» была поразительной даже для того времени. Так, например, в деле фрау Анны Ханзен, 1629 г., читаем:

17 июня. Заключена по подозрению в колдовстве.
18 июня. Отказалась признаться, подвергнута бичеванию.
20 июня. Подвергнута пытке тисками для больших пальцев; призналась.
28 июня. Зачитали ей ее признание.
30 июня. Добровольно подтвердила свое признание; приговорена.
4 июля. Оповещена о дате казни.
7 июля. Обезглавлена и сожжена.

Бамберг стал символом пыток. Среди обычно используемых приспособлений для извлечения признаний из обвиняемых в колдовстве были:

1. Тиски для пальцев (Daumenstock), использовавшиеся в сочетании с
2. Ножными тисками (Beinshraube)
3. Бичевание или бичевание во время подвешивания на
4. Лестнице, разновидность страппадо.

Кроме того, использовались дополнительные пытки, такие как

5. Колодки (Bock), оснащенные железными шипами, пытка, которая могла продолжаться до шести часов.

6. Страппадо (Zug), усовершенствованный вид пытки сдавливанием.

7. Сильное трение шеи веревкой, обернутой вокруг нее, пока кожа не протрется до кости (Schmur).

8. Погружение в ванну с холодной водой.

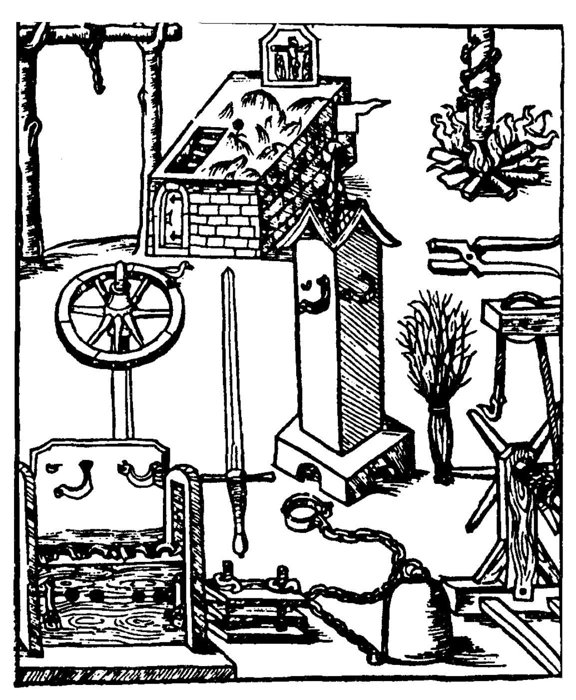
9. Сжигание волос под мышками и в паху, часто с обмакиванием в горящую серу.

10. «Стул для молитв», стояние на коленях на доске с остро заточенными деревянными колышками.

11. Принудительное кормление соленой селедкой при отсутствии воды.

12. Горячие ванны с добавлением извести (в 1630 г. в Цейле 6 человек были убиты подобным способом).

После приговора и на пути к месту сожжения могло быть предписано дополнительное наказание, включая отсечение правой руки и вырывание грудей у женщин раскаленными щипцами.

Инструменты для пыток, использовавшиеся с судах ведьм в Бамберге. Из «Bambergishe Halsgerichtsordnung» (1508).

Однако подобная жестокость начала привлекать нежелательное внимание к Бамбергу, и император под давлением был вынужден принять некоторые меры. Иезуит Ламормаини, духовник Фердинанда, сказал ему:

«Ужасно, что мысли и речи знатных людей повсеместно заняты судебными процессами». Другой иезуит, Генрих Тюрк из Падерборна, выражал свой протест в следующих словах:

> «Некоторые начали испытывать сильную симпатию к несчастным жертвам, и возникли серьезные сомнения в том, действительно ли виновны те многочисленные люди, которые погибли в пламени, и заслуживают ли они столь ужасной смерти. И многие задумывались о том, что подобное обращение с человеческими существами, купленными драгоценной кровью Господней, есть жестокость зверская, хуже всякого варварства».

Беженцы из Бамберга присоединились к этим протестам; советник Дюмблер, чью беременную жену жестоко пытали и сожгли, сказал императору: «Люди протестуют, не желая, чтобы все жители Бамберга предстали перед судом». Он же предложил прекратить

конфискацию собственности заключенных. Один человек, сбежавший из Drudenhaus'а, передал императору письменное обращение Барбары Шварц, которую пытали восемь раз и, не добившись признания, приговорили к трем годам тюремного заключения.

Князь-епископ Бамберга послал в Регенсбург эмиссаров, уполномоченных представлять его интересы, но их приняли весьма холодно. В сентябре 1630 г. отец Ламормаини заявил императору, что люди порицают его бездействие и едва ли изберут его сына императором; если же он будет продолжать игнорировать беззаконие, происходящее в Бамберге, то Ламормаини вряд ли сможет отпустить ему грехи. Спустя некоторое время Фердинанд II затребовал для проверки судебные отчеты и распорядился, чтобы впредь суды основывались на публичном обвинении (прежде основанием для обвинения зачастую служили сплетни или клевета) и чтобы конфискация имущества производилась в разумных пределах. Арестованному разрешалось консультироваться с адвокатом (прежде он содержался в полной изоляции). Однако пытки не были отменены.

Террор начал отступать с начала лета 1631 г., благодаря смерти викарного епископа Фернера (в декабре 1630 г.), угрозе вторжения шведского короля Густава (занявшего в сентябре Лейпциг), возросшему вниманию к военным действиям), а также мерам, принятым императором [см. мандаты 1630 и 1631 гг.] В 1630 г. было казнено 24 человека, а в 1631 г. — ни одного. Епископ Бамбергский умер в 1632 г.; а со смертью кардинал-епископа Венского в 1630 г. мир покинули три самых ревностных сторонника охоты на ведьм.

БАРКЛЕЙ, МАРГАРЕТ.

> Едва ли возможно, чтобы здравомыслящий человек, прочитавший подобную историю, хоть на миг прислушался бы к показаниям, основанным на признании, которые являются почти единственным аргументом тех немногих, кто и в наше время пытается оправдать веру в существование колдовства.

Так писал сэр Вальтер Скотт, впервые рассказавший о казни Маргарет Барклей в 1618 г. на основании городских отчетов Ирвина (Эйршир). Однако, несмотря на известность, ее процесс был не лучше и не хуже тысяч других судов над ведьмами в Шотландии.

Маргарет Барклей, жена Арчибальда Дина, гражданина Ирвина, была не в лучших отношениях со своим деверем и его женой. Наконец, после слишком уж язвительной выходки деверя, Б. возбудила иск против своих родственников по мужу в церковном суде. Церковь посоветовала им помириться. Однако Маргарет жаждала мести и, когда ее деверь отплыл во Францию с Эндрю Траном, мэром их города, она якобы высказала пожелание, чтобы корабль затонул и «крабы съели его команду на дне моря».

Некоторое время спустя бродяга Джон Стюарт, проходя через Ирвин, рассказал о корабле, затонувшем около Падстоу в Англии; его гибель позже была подтверждена двумя спасшимися матросами. Джон Стюарт был арестован за предсказание, а Б. — за колдовство. В тюрьме и, очевидно, под пыткой, Стюарт рассказал, как Б. просила у него помощи против «тех людей, что причинили ей зло», и как он посещал ее в заброшенном доме, где она делала восковые подобия Трана и корабля. Стюарт назвал ее сообщницей Изобель Инч (или Тэйлор). 8-летняя дочь Изобель была арестована и «призналась», что она также находилась в покинутом доме. Ребенок добавил, что когда стемнело, засветились ноздри и зубы дьявольской собаки, и женщины смогли продолжить работу над своими фигурками. Б. будто бы заставила ребенка поклясться хранить все в тайне, пообещав купить ей новую пару башмаков. Хотя до того Джон Стюарт не упоминал ни о каком ребенке, позже он признал, что с ними была «оборванная девчонка».

Такими же были и показания свидетелей, и все было готово для суда.

Во-первых, пытке до признания была подвергнута Изобель Инч. Она была заключена в колокольне, но ей удалось сбежать через крышу церкви. Она поскользнулась и упала. Спустя пять дней она умерла.

Во-вторых, нищий Джон Стюарт, хотя и находился под мощной охраной и был закован в ножные кандалы, ухитрился в день суда задушить себя лентами своего берета.

В-третьих, Б. теперь была единственной из обвиняемых, оставшейся в живых. Она предстала перед местным дворянином графом Эдингтонским, применившим «наиболее безопасную и деликатную пытку», поместив «две ее голые ноги в пару колодок с последующим наложением на них нескольких железных болванок». Наконец, когда она не смогла более терпеть, она закричала: «Уберите это! Уберите! Перед лицом Господа, я все расскажу вам». Железные болванки сняли и поставили перед ней с тем, чтобы ее признание было формально принято судьей как сделанное «безо всякого рода принуждения, добровольно». Во время суда появился ее муж с адвокатом, и это позволило Б. отказаться от своих показаний. «Все, в чем я призналась, было сделано под угрозой пыток, и перед Господом я заявляю, что все, о чем я говорила, было ложью и неправдой». Тем не менее она была признана виновной, задушена и сожжена.

Оставалась четвертая жертва. Под пыткой Б. вовлекла некую Изобель Грауфорд. Она также подверглась пытке и призналась, но проявила при этом необычайную выдержку. Изобель совершенно «замечательно, без всякого крика или восклицаний, страдала под тридцатью камнями [около 420 фунтов], наложенными на ее ноги, не произнося угроз ни в чей адрес, но оставаясь такой, как была, непоколебимой». Но вес увеличивался и увеличивался, пока она не признала то, что от нее требовалось, включая сношения с дьяволом. По окончании пытки она отреклась от всего и умерла, не раскаявшись, наотрез отказавшись простить палача.

БАРРОУС, ДЖОРДЖ. «Самый известный из казненных в этот период (1692, Салем) и одна из наиболее примечательных жертв охоты на ведьм в мире». Так писал Винфельд С.Невинс, общепризнанный авторитет по салемским судам над ведьмами.

Если в Европе многие священники приняли смерть по обвинению в чародействе, то в Англии и Америке казнь священнослужителя была исключением. В Америке (но не в Англии) обвиняемые чаще были из среднего или высшего сословия, и преподобный Джордж Барроус был единственным священником, обвиненным в служении дьяволу. В течение ряда лет, с 1680 по 1682 гг., он был священником в пригороде Салема. Приход был создан незадолго до этого, выделившись из города Салема в 1672 г. В отчетах сохранился спор о жаловании между священником и прихожанами. От своего предшественника, Джеймса Бэйлера, Б. унаследовал раздор среди прихожан и враждебное отношение к пастырю. Когда он вернулся в свой приход из Мэна в 1683 г., по прошествии половины срока своего официального контракта со старостами деревни, он был арестован на основании жалобы Джона Патнема за неуплату долгов. Поскольку приход был должен Б. сумму, в несколько раз превышающую сумму долга, обвинение было снято. Церкви потребовалось 2 года, чтобы преодолеть его дурную репутацию; затем пост священника занял Деодат Лоусон. В 1688 г. он вышел в отставку, и прихожане вновь оставались без священника, пока в ноябре 1689 г. не прибыл преподобный Самуэль Пэррис.

Семья Патнем была в высшей степени противна Б. Поскольку дом приходского священника не был отремонтирован, Б. пришлось временно поселиться у Патнема и его жены, которые вмешивались в его личную жизнь. Когда в 1681 г. умерла вторая жена Б., Патнем намекнул священнику, что он не был с ней так добр, как следовало бы. В 1682 г. Б. возвратился в свой дом в Мэне, оставив у Патнема свою воспитанницу, молодую девушку Мерси Льюис, которую он принял в свой дом в Портленде. Девочка, к которой он испытывал дружескую привязанность, и дочь Томаса Патнема, (племянница Джона) были двумя главными обвинителями против Б. и ответственны за его повешение.

Обвинения были предъявлены «пораженными» девушками из Салема за 2 месяца до того, как «маленький черный священник, живший в Каско Бэй», был отождествлен с Б. Перед этим были разговоры между девочками о собраниях на пастбище у Самуаля Перриса и признания обвиняемых ведьм о ночных полетах на помеле, праздниках с «поджарен-

ным и сваренным мясом», нечестивых причащениях «красным хлебом и красным вином, похожим на кровь» (большинство пуритан считали превращение одного вещества в другое происками дьявола) и проповедях, призывавших к обращению в иную веру. На последующих допросах пытались установить, кто был этим «худым черным человеком в высокой шляпе, похожей на корону».

20 апреля 1692 г. 12-летняя Анна Патнем заявила, что она была «серьезно испугана призраком священника, которой душил ее и принуждал расписаться в своей книге». «[Я] сказала ему: очень скверно, что он, будучи священником, который должен бы учить детей бояться Господа, пришел, чтобы убеждать бедные создания отдать свои души дьяволу». Она продолжала: «О мерзкое создание! Назови мне свое имя, чтобы я знала, кто ты. Тогда он снова мучил меня и принуждал писать в своей книге, но я отказалась. И только тогда он сказал мне, что зовут его — Джордж Барроус». 3 мая Анна развила свое первое показание, прибавив к обвинению Б. умерщвление им как первой, так и второй жены [см. Патнем Анна].

Мерси Льюис, 19 лет, сделала признание 7 мая и отождествила «дьявольскую книгу имен» с одной из тех книг, «что были в кабинете [Б.], когда я жила у него. Я сказала, что не верю ему, потому что я часто бывала в его кабинете, но никогда не видела там этой книги. Но он сказал, что у него в комнате много книг, которых я никогда не видела, и что он может вызвать дьявола». Она также подтвердила, что Анна видела призраки его мертвых жен, но добавила: «На следующую ночь он сказал мне, что, пока это в его силах, он не позволит мне видеть своих покойных жен, потому что я могла бы свидетельствовать против него».

Затем Мерси пересказала историю из Библии и продолжала:

> «Девятого мая мистер Барроус принес меня на необычайно высокую гору и показал мне все царство земное и сказал, что даст мне все, если я распишусь в его книге, а если я не захочу, то он бросит меня вниз и сломает мне шею. Но я сказала, что ему нечего мне дать, и я не буду ничего подписывать, даже если он бросит меня на тысячу вил для сена».

Изо всех одержимых обвинительниц самое оригинальное заявление сделала Абигайл Хоббс, признавшаяся, что 12 мая дьявол в облике Б. принес ей кукол, чтобы вонзить в них иголки.

> В.: Кто принес тебе эти изображения?
> О.: Это был мистер Барроус.
> В.: Как он это сделал?
> О.: Сам, лично.

Являвшийся девушкам Б. был не простым призраком или видением, его можно было потрогать рукой. В это время Абигайл была в тюрьме, а Б. находился в Мэне, на расстоянии восьмидесяти миль. О том, что ее показания не были пересказом сновидений, можно судить из дальнейших расспросов:

> В.: Был ли там с тобой Б. в образе человека?
> О: Да, и таким же он был, когда явился, чтобы заставить меня положить руку на книгу. Он появился как человек, и я тут же почувствовала его руку.

Другое нелепое показание было представлено на суде 5 августа Бенджамином Хатчинсоном, который повторил, что 21 апреля Абигайл Уильяме видела признак Б. перед гостиницей Ингерсолла.

> «Я спросил ее, где стоит маленький человечек. Она сказала: „Как раз там, где прошли колеса телеги“. В моей руке были трехзубые железные вилы, и я метнул их туда,

> где, по ее словам, он стоял. И она [тотчас] забилась в легком припадке и, когда он прошел, сказала: „Ты разорвал его сюртук, и я слышала, как он рвется“. „Где?“ — спросил я. „С той стороны“, — ответила она».

Хатчинсон вошел в «большую комнату» гостиницы, и Абигайл закричала:

> «Он стоит там!» Я спросил: «Где, где?», и тут же выхватил свою шпагу. Но она сказала, что он уже исчез. «Теперь, — сказала она — там серый кот». Тогда я спросил: «Где он стоит теперь?» «Там, — сказала она, — там». Тогда я ударил туда своей шпагой. Затем у нее начался припадок, и когда он прошел, она сказала: «Ты убил его, и тотчас появилась Сара Гуд и унесла его».

Эту историю Абигайл услышала от Мери Уолкотт, рассказавшей ее 19 апреля на процессе против Бриджит Бишоп. Джонатан, брат Мери, якобы ударил призрака так, «что разорвал его верхнюю одежду, и она слышала, как рвется ткань».

На основании таких показаний шести «ведьминских сук», восьми признавшихся ведьм и девяти свидетелей (из них только двое были очевидцами), упомянувших о феноменальной силе Б. (несмотря на свой небольшой рост, он был известным атлетом в Гарварде), тот был осужден. Окончательные показания были даны во время суда над ним, когда девушки обвинили Б., содержавшегося в тюрьме, в том, что он покусал их. Они показали отметки зубов, и судьи заставили Б. открыть рот, чтобы сравнить отпечатки, «которые могли отличаться от принадлежавших другим мужчинам». Зафиксировавший это показание Коттон Мазер отметил 30 свидетельств против Б., «вполне достаточных, чтобы объявить его колдуном» («Wonders of the Invisible World»).

Вердикт был, конечно, утвержден еще до начала суда. Цитируя скептически настроенного Томаса Эйди, Б. открыто разоблачил бредовость предъявленных обвинений: «Не существует и не существовало никогда ведьм, которые, заключив договор с дьяволом, способны посылать его в отдаленные места, чтобы он мучил людей». Подобное заявление было сочтено столь же красноречивым, как и полное признание.

На эшафоте Б. продолжал уверять в своей невиновности и безупречно произносил молитву Господню, (которую ни одно «исчадье ада» — по словам пастора Нуайе — якобы не может проговорить без запинки) — и это столь возбудило собравшихся, что Мазер, наблюдавший за повешением, вынужден был успокаивать их, заявляя, что дьявол наиболее опасен, когда является в обличьи ангела света (Калеф, «More Wonders of the Invisible World»). [См. также Салемские суды над ведьмами, Патнем Анна].

БАРТОНСКИЙ МАЛЬЧИК. Мальчик из Бартона, Томас Дарлинг, один из многих английских подростков, которые, корчась в конвульсиях, обвиняли старых женщин в колдовстве. В этом смысле он продолжает дело дочерей Трокмортона [см. Уорбойские ведьмы] и предвещает «ведьминских сучек» Салема. В заключение Томас был разоблачен в затяжной памфлетной войне между архиепископом Самуэлем Харснеттом и Джоном Дарреллом, защищавшим «экзорцизм» юного Дарлинга. В описаниях тех лет сохранились поразительные примеры многочисленных убийственных фантазий мальчика.

Обвинения Томаса против Алисы Гудридж, 60 лет, и ее матери, Элизабет Райт, в любой другой период истории привели бы его к основательной порке или психиатрическому освидетельствованию. Но в 1596 г. судьи принимали нелепейшие выдумки злых или неуравновешенных детей как весомый аргумент не ради установления истины, а ради подтверждения своих собственных предубеждений. Не занимаясь немецкой юридической акробатикой, английские судьи собственным прагматическим путем достигли аналогичного результата: обвиняемая была казнена за колдовство.

14-летний Томас Дарлинг 27 февраля 1596 г., отбившись от своего дяди во время охоты в лесу, вернулся домой, чувствуя себя больным. На следующий день начались припадки: он видел зеленого кота и зеленых ангелов, а через некоторое время «человека, вы-

ходящего из ночного горшка, адское пламя и открывшиеся небеса». Диагноз врача, нашедшего у мальчика глистов, был отвергнут; мальчику подробно объяснили, что его околдовали. Припадки Дарлинга продолжались, и через несколько недель Томас уже мог детально объяснить их происхождение. Потерявшись, он якобы нечаянно испортил воздух, а в это время «маленькая старушка с тремя бородавками на лице» проходила мимо. Она обиделась и околдовала его, вызвав припадки следующими словами (на основании показаний Томаса):

«Иди к черту на рога,
Я уйду в рай, ты — в преисподнюю».

Тогда родственники мальчика начали искать возможную виновницу и к 8 апреля вышли на Алису Гудридж. Через два дня она призналась, что была в лесу в тот день, но она бранила совсем другого мальчика, который когда-то разбил ей корзину яиц. Позже она призналась, что встретила Томми, который дразнил ее «ведьмой из Стапенхилла». Она ответила ему:

«Каждый мальчик может назвать меня ведьмой,
Но разве у кого-нибудь от этого чешется задница?»

Дело против Алисы Гудридж было построено по традиционным пунктам. Томми обвинил ее в околдовывании; когда ее уводили от него, его конвульсии прекращались. Однажды у него было 27 припадков за 6 часов; он «жалостно вопил, высовывая язык, а шея была так перекручена, что лицо казалось вывернутым назад». Конечно, Алису обыскали на предмет ведьминской метки, и она не смогла правильно прочитать «Отче наш». Ее сосед добавил, что она околдовала его корову. Чтобы заставить ее признаться, была применена пытка, редко упоминаемая в английских отчетах: палач надел на нее пару новых башмаков и «посадил ее близко к огню, чтобы башмаки нагрелись… Ее невыносимо жгло, и она потребовала пощады в обмен на обещание все рассказать, но после прекращения пытки ни в чем не призналась». Однако, позже она рассказала, что ей помогал дьявол, «в обличьи маленькой пятнистой собачки бело-рыжей масти, и я называла ее Минни». Соседская собака, якобы похожая на Минни, была освобождена, когда Алиса сказала, что получила свою от матери Элизабет Райт.

Адские видения 14-летнего Томаса Дарлинга: три дьявола, мучающие ведьм.
Из очень редкого трактата (1597), хранящегося в Ламбетской дворцовой библиотеке.

В связи с этим были привлечены к суду Элизабет Райт, дочь и муж Алисы. Элизабет тоже была обвинена, поскольку при виде ее у Томми тоже начинались припадки, которые теперь сопровождались адскими видениями. «Вон идет матушка Красная шапка! Посмотрите, как ей выбивают мозги! Посмотрите, каково быть ведьмой! Посмотрите, как жабы обгрызают мясо с ее костей!» Кульминационная точка наступила 27 мая 1596 г. с прибытием известного специалиста по изгнанию дьявола Джона Даррелла. Обладая даром чревовещателя, он инсценировал следующую беседу, между «злобным духом и святым ангелом»:

> *Тонкий голос:* «Брат Глассап, мы не можем противиться, его сила так велика, и они постятся и молятся, и священник молится с ними».
>
> *Грубый и глухой голос:* «Брат Радольфус, я схожу к моему хозяину Вельзевулу, и он прикрутит им языки».
>
> *Другой голос:* «Мы не можем противиться. Дайте нам выйти из него и войти в кого-нибудь из находящихся здесь».
>
> *Наконец, голос:* «Мой сын, встань и иди, злой дух покинул тебя. Поднимись и иди».

Подобный экзорцизм якобы вылечил Томаса, поскольку он поднялся и пошел (хотя и был частично парализован в первые три месяца), но, по крайней мере, ни о каких припадках не сообщалось. Вскоре после этого Дарлинг был подвергнут допросу Харснеттом, которому он признался в мошенничестве.

Даррелл, однако, возразил, что признание было вырвано у его пациента после семи недель заключения и угроз «удушить и высечь его», и что Дарлинг подписал чистый лист, заполненный потом Харснеттом. Однако твердая убежденность Даррелла в том, что Алиса Гудридж вызывала припадки у Дарлинга, гораздо сильнее заставляет усомниться в истинности признании последнего, чем его собственный отказ от прежних показаний.

Алиса Гудридж умерла в тюрьме в Дерби, проведя там 12 месяцев. Судьба ее матери Элизабет Райт неизвестна. Томас Дарлинг «прославился» вновь, когда в 1603 г. в Оксфордском университете был приговорен к бичеванию и отрезанию ушей за оскорбление вице-канцлера.

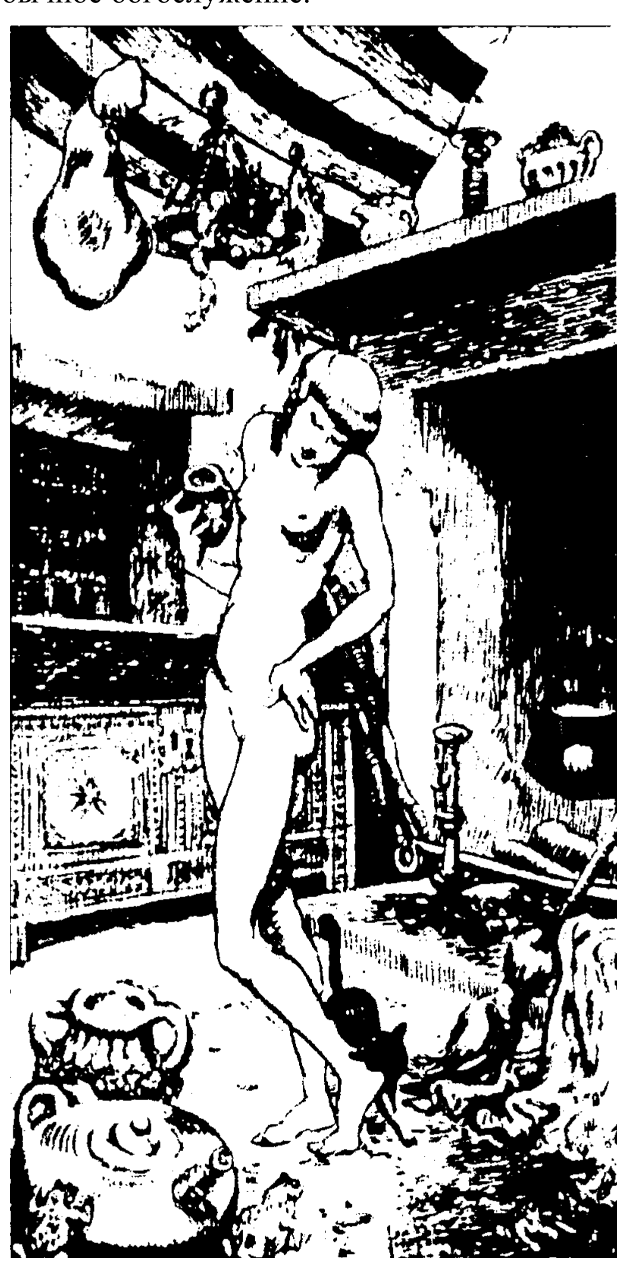
БАСКСКИЕ ВЕДЬМЫ. Когда Пьер де Ланкр писал свой «Tableau» (1612), он имел намерение обратить в истинную веру людей, «отрицавших принципы колдовства, веривших, будто оно не более чем заблуждение, сон и самообман», и потребовать принятия более строгих мер против ведьм. Ланкр исходил из своего опыта исследовательской работы в 1609 г. в баскоязычных провинциях (Па-де-Лабур, Беарн), примыкавших к испанской границе. Вследствие этого в «Tableau» дается подробное описание типичной массовой охоты на ведьм во Франции в начале XVII в., аналогичной тем, которые возглавляли Реми в Лотарингии и Боге в Франш-Конте.

Во всех наиболее масштабных охотах на ведьм как во Франции, так и в Германии создавались независимые трибуналы, обладавшие правом опровергать решения местных и региональных судов. Так, де Ланкр получил свое назначение от короля, и, когда он признался, «что допрос о действиях подозреваемого является уловкой, чтобы заставить его признаться», никто не мог опротестовать это нарушение процессуальной этики.

Как утверждал де Ланкр, Лабур стал пристанищем дьяволов, занесенных из Японии и Западной Индии христианскими миссионерами. Английские виноторговцы видели их, роем летящих в облаках. К 1576 г. ведьм преследовали повсеместно, и 40 из них было сожжено. Но дьяволы быстро обратили в свою веру большую часть тридцатитысячного населения провинции, включая священников, так что провинция стала «скопищем ведьм». Шабаши проводились на центральной площади Бордо; иногда 12 000 ведьм собирались в Генуе, а иногда все они летали на Ньюфаундленд! На некоторых шабашах собиралось по

100 000 ведьм и среди них 2000 детей. Шабаши были хорошо организованы, и за неприсутствие был установлен штраф в 1/8 кроны или 10 су.

Было записано (и Переведено на французский язык) множество признаний, полученных под пыткой; весьма вероятно, что многие из них были подсказаны де Ланкром. 17-летняя Мари Диндар описала, как в ночь на 27 сентября 1609 г., натеревшись мазью, она взлетела в воздух. Она не могла предъявить мазь суду, потому что дьявол рассердился на нее за то, что она раскрыла его тайну, и спрятал мазь. Сабатина де Субье и ее 16-летняя дочь Мари де Нажиль рассказали, как дьявол всегда будил их, когда наступало время шабаша, и открывал окна, чтобы они могли вылететь. Мари де Мариrран, 15 лет, и три ее подруги ездили на дьяволе, принявшем обличье осла, в Биарриц. Отец Пьер Бокаль из Сиборо признался в совершении дьявольской мессы на шабаше, за которую ему заплатили вдвое больше, чем за обычное богослужение.

Молодая обнаженная женщина с котенком и жабами, натирающая себя мазью в традиционной баскской кухне. Современная иллюстрация по мотивам де Ланкра для Музея ведьм в Байонне (Франция).

Следует отдать должное искусству де Ланкра извлекать из девушек мельчайшие подробности их сексуальных сношений с дьяволом. Генри Ли отозвался о ценности подобных вынужденных признаний в колдовстве следующим образом:

> «Признания, которые он добывал из обвиняемых, приведут непредвзятый ум к заключению, что обвиняемые просто изобретали истории которые могли бы удовлетворить судей».

Но де Ланкр отверг все сомнения в достоверности показаний, утверждая, что католическая церковь совершила бы преступную ошибку, наказывая ведьм за иллюзии, а не за реальное посещение настоящего шабаша. Таким образом, любой, кто оспаривал казни оспаривал церковь и впадал в грех.

Массовые сожжения, производившиеся де Ланкром, привели Лабур в состояние всеобщего хаоса. Он видел неистовую враждебность населения, но считал ее происками дьявола. Влиятельные семьи предпочитали спасти колдуна от казни, если он был их родственником; 500 рыбаков, вернувшихся с Ньюфаундленда, превратились в ревущую толпу, жаждущую правосудия, когда узнали, что их возлюбленные сожжены. Наконец, после того, как де Ланкр сжег 3 священников, епископ Байонны Бертран де Эшо освободил 5 других священников из тюрьмы и присоединился к оппозиции, выступавшей против охоты на ведьм. Де Ланкр знал о той ненависти, которую он вызывал, и жаловался, что в ночь 24 сентября 1609 г. черная месса совершалась в его спальне, когда он спал. Судья по ведьмам прилагал все усилия, чтобы теоретически убедить лабуржцев и других французов в существовании дьявола. Превознося дель Рио как первого, кто установил реальное существование шабаша, «и в это должен верить каждый истинный христианин, хотя сегодня и кажется некоторым людям, что это сомнительно», он обнаружил, что большинство здравомыслящих людей и «большинство судей по-прежнему имеют некоторые сомнения» в том, что преступное колдовство действительно существует.

БЕККЕР, БАЛТАЗАР (1634–1698). Голландец по происхождению, Б. в своем труде «De Betoverde Weereld» («Околдованный мир», 1691) «открыто выступил против учений о колдовстве и дьяволе… В награду за старания просветить своих собратьев он был лишен сана и подвергнут поношениям со стороны практически всех писателей своего времени» (Чарльз У.Апхем). Б. разделял убеждения Декарта и датского просветителя Симона Стивена, который отвергал веру в сверхъестественные явления. Он был последним из плеяды голландских мыслителей, от Вейера Иоганна до Гревиуса, которые смогли уберечь Голландию от мерзостей охоты на ведьм. Установленный таким образом либеральный климат сделал Голландию единственной страной, где был переведен Скотт Реджинальд. В 1683 г. Б. привлек всеобщее внимание публикацией своего «Опыта о кометах», где доказывал, что кометы не являются предзнаменованием зла. В 1691 г., сначала в Голландии, и затем в 1693 г. в Германии он выступил в печати против веры в колдовство, выдвинув единственно возможную логическую основу: что духи, плохие или хорошие (существования которых Б. не отрицал), не могут влиять на дела людей, поэтому не следует считать колдовством явления, которые кажутся сверхъестественными. Поскольку вера во влияние духов пришла из язычества, как утверждал Б., нет никаких оснований верить в договор между ведьмой и дьяволом, теоретическую основу преследований. В действительности, добавлял Б., теория колдовства была изобретена папством, чтобы «поддержать огонь чистилища и наполнить карманы духовенства», которое сжигало ведьм, чтобы конфисковать их имущество и платить жалование инквизиторам».

В английском переводе 1695 г. об этом говорится так:

> «Дошло до того, что люди считают добродетелью и высшей доблестью приписывать множество чудес дьяволу; и считают скверной и ересью, если человек не верит, что дьявол может совершить то, о чем говорят сотни людей. Считается неоспоримым, что добродетельный человек, который боится Господа, боится также и дьявола. Если он не боится дьявола, он должен считаться безбожником, который не верит в Господа, ибо он не верит, что есть два бога, один добрый, а другой — злой. Но такую веру, я по-

> лагаю, вполне резонно было бы назвать дитеизмом. Что же касается меня, то, если кто-то захочет назвать мою позицию новым именем, пусть назовет меня монотеистом, верующим в единого Бога».

Как и предвидел Б., его назвали безбожником за то, что он подверг сомнению всю систему веры в колдовство; на него нападали кальвинистские священники. «Они ратовали за выживание языческих предрассудков, чтобы спасти будущее от утраты веры в откровение Господне» (Андриан Дж. Варноу). Отказавшись публично отречься от своих убеждений, 21 августа 1692 г. Б. был выслан реформаторской церковью Голландии, но магистрат Амстердама воспрепятствовал публичному сожжению его книги и продолжал выплачивать ему жалованье священника. Он умер, отлученный от церкви, 11 июня 1698 г.

Балтазар Беккер. «Околдованный мир» (1691) стал одной из последних работ, направленных против колдовства. Из «Furstellung vier neuer Welt», Weisen (1702).

Многие писатели были вовлечены в дискуссию, опровергая и защищая взгляды Б., особенно его отрицание демонической одержимости. Сам Б. отказался участвовать в дискуссии, но выступил в свою защиту в 1692 г. в «Die Friesche Godgelehrheid». После его смерти распространились слухи, что он переменил свои взгляды, но это предположение было опровергнуто его сыном Яном Генрихом Беккером. Дело Б. продолжил Кристиан Томасиус.

БЕЛАЯ ВЕДЬМА. Как отмечал известный юрист Пауль Гриландус (около 1525 г.), гражданский закон не должен наказывать за колдовство, если оно принесло пользу, например, в таких случаях, как излечение болезни или отведение бури. Несколько демонологов соглашались с подобной позицией. Так, например, Гваццо (1608) отличал природную магию — дар, посланный Господом, от искусственной, рожденной благодаря помощи дьявола. Природная магия «была не более, чем точным знанием секретов природы». И Гваццо указывал на библейский пример Товии, излечившего слепоту своего отца с помощью желчного пузыря рыбы. Однако Гваццо признавал, что белая магия может причинить зло и стать противозаконной, когда ее используют с порочными целями с помощью демонов, и она угрожает телу и душе.

С другой стороны, гражданские законодательства, принятые после 900 г., карали знахарство или белую магию отлучением от церкви с последующей передачей для казни в руки светских властей. И эта церковная точка зрения постепенно стала превалировать. Жан Винсент (около 1475 г.) писал, что те, кто использовал травы для лечения заболеваний, поступали так, потому что имели тайный или явный сговор с дьяволом.

Пастух, советующийся с белой ведьмой. Б.Б., Оксфорд.

Так, Джилли Дункан из Нортбервика в 1590 г. была заподозрена в колдовстве, потому что лечила «всех, кого беспокоили или причиняли боли различные недуги или немощи». Фактически теологи стали смотреть на «добрую ведьму» как на «чудовище еще более отвратительное и ужасное», чем злая ведьма. Перкинс писал в 1608 г.:

> «Если дети, друзья или скот человека поражены слабостью или странными мучениям от некоего редкого или неизвестного заболевания, человек этот первым делом вспоминает или узнает, нет ли поблизости знахаря или знахарки, а затем посылает либо направляется к ним за помощью… И излеченные таким образом не могут сказать вместе с Давидом: „Господь помог мне“, а должны сказать: „дьявол помог мне“, поскольку он излечил его. И этих ведьм тоже учитывает закон Моисея».

Перкинс продолжает:

> «Хотя во многих отношениях ведьмы были полезны и не причиняли вреда, а, напротив, вылечили многих, однако, поскольку они отреклись от Господа нашего и связали себя службой с врагами Господа и Его церкви, — смерть их удел, справедливо назначенный Богом: они не должны жить».

Все английские авторитеты, верившие в существование «добрых» ведьм и обычно консультировавшиеся с ними, если врач оказывался бессилен, все равно выступали с их непримиримым осуждением. Фуллер в «Holy and Profane State» писал: «Белые и черные [ведьмы] в равной степени виновны, поскольку одинаково вступают в соглашения с дьяволом»; и Гиффорд в «Dialogue» (1593) утверждал, что белые ведьмы «должны быть искоренены, чтобы другие увидели это и ужаснулись». Коттон Мазер, как это явствует из его проповеди в Бостоне в 1689 г., полагал, что добрых ведьм не существует, и нет «ни одной, которая совершает добро, ни одной».

БЕРГЕРНСКАЯ МОШЕННИЦА. Множество мужчин и женщин было умерщвлено благодаря показаниям детей, и убийцы пользовались большей славой, чем казненные. Примерно 100 лет спустя после суда над Уорбойскими ведьмами в Англии, в 1697 г. в Шотландии состоялся аналогичный суд над рейнфреширскими ведьмами. Ко времени, когда мания преследования ведьм в Англии уже выдохлась, 11-летняя Кристина Шоу, третий ребенок Джона Шоу, помещика из Бергерна, что близ Пейсли, в Рейнфрешире, обвинила 21 человека, 7 из которых были сожжены у столба. Признаки истерии и преступные намерения этой «мошенницы из Бергерна», как ее назвал Хуго Арнот в 1785 г., явно напоминали вызвавшие менее тяжкие последствия действия американских граждан — детей Гудвина или Маргарет Рулл, которые принесли дурную славу Коттону Мазеру в 1693 г.

Как и они, Кристина Шоу слышала об одержимых детях; в этой местности еще сохранились воспоминания о Дженет Дуглас, околдовавшей сэра Джорджа Максвелла всего 20 лет назад.

17 августа 1696 г., в понедельник, маленькая Кристина увидела «молодую, хорошо сложенную девушку», воровавшую молоко, и пригрозила разоблачить ее. Катерина Кэмпбелл, девушка «гордого и язвительного» нрава, в ответ на это пожелала, чтобы дьявол унес душу Кристины в ад! 1 августа Агнесс Найсмит, старая женщина с весьма дурной репутацией, спросила Кристину, как она поживает, но девочка убежала от нее. 22 августа у Кристины начались припадки; она складывалась пополам, заглатывала язык и кричала, что Катерина и Агнесс мучают ее. Во время этих припадков — или дьявольской одержимости — ребенка рвало мусором, который ее якобы заставляли глотать мучители ее духа: гнутыми булавками, мелкими костями, головнями, сеном, гравием, комками шерсти, свечным салом и яичной скорлупой. Она бранилась с призраками этих женщин, цитировала им Библию. Врач Метью Брисбен, сообщил, что, помимо истерических припадков, Кристина «во всех отношениях здорова», но признался, что неспособен диагностировать ее заболевание. Второй врач, д-р Маршалл, согласился с этим заключением.

Спустя пять месяцев, 19 января 1697 г., Тайный совет Шотландии назначил следственную комиссию, которая должна была доложить о бергернцах, подозреваемых в колдовстве. За это время Кристина расширила круг обвиняемых, включив сюда Элизабет Андерсон, 17 лет, ее отца Александра, Джейн Фултон, свою бабушку, двух своих кузенов, косоглазого Джеймса, 14, и Томаса Линдсея, 11 лет. Также обвинялись две женщины из высшего общества: Маргарет Лэнг, «дама чрезвычайного благочестия и мудрости» («Relation», 1697), и ее 17-летняя дочь Марта Семпл. Они смело встретились на очной ставке со своей обвинительницей, хотя вполне могли бежать из города. Маргарет сказала насмешливо: «Пусть боятся те, кому есть чего бояться; я не стану убегать». Презрение Маргарет к происходившим событиям напоминает храброе поведение Агнесс Самуэл на Уорбойском процессе.

Некоторые из обвиняемых, особенно Элизабет Андерсон, сами обвиняли других до тех пор, пока количество обвиняемых не достигло 21. Кристина утверждала, что эти ведьмы досаждали ей в виде призраков, и билась в припадке, когда кого-нибудь из них заставляли дотрагиваться до нее. Как в и 1692 г. в Салеме, шотландская церковь объявила 11 февраля днем всеобщего поста ради исцеления Кристины. Кроме того, священники постоянно посещали Кристину и, по-видимому, поддерживали ее заблуждения (Арно).

Комитет по расследованию не бездействовал и спустя два месяца представил на рассмотрение свой доклад, включавший признания трех внуков Джин Фултон — Элизабет Андерсон, Джеймса и Томаса Линдсеев. Эти дети дополнили обвинения, выдвинутые Кристиной. Они описали, как бабушка брала их на шабаш, и как каждый из них получил кусок печени некрещеного младенца — они отказались его есть, вследствие чего могли свободно признаваться во всем, в отличие от других обвиняемых, ведьм, которые ели плоть и не хотели в этом признаваться. Они сказали, что убили священника (он на самом деле умер некоторое время назад), втыкая иголки в его восковое подобие; они задушили двух детей (также умерших) и перевернули паром, утопив двух человек. Элизабет рассказала, что она видела, как дьявол разговаривал с ее отцом, Агнесс Найсмит и другими на кладбище в Бергерне, замышляя убить Кристину Шоу «путем остановки ее дыхания». Она покопалась в своей памяти и рассказала о встречах с дьяволом семью годами ранее и о полетах со своим отцом.

Подобных детских фантазий было более чем достаточно для того, чтобы санкционировать новую комиссию 5 апреля 1697 г., уполномоченную выносить смертные приговоры. Новые судьи получили еще два признания и 13 апреля 1697 г. представили свой обвинительный акт судье. Обвинители, возглавляемые самим Генеральным прокурором Шотландии, предупредили судей, что, если они оправдают заключенных (уже признанных ведьмами благодаря наличию клейма дьявола), «они станут соучастниками богохульства,

вероотступничества, убийств, истязаний, растлений, в которых повинны эти враги Господа и церкви». Предупрежденный таким образом судья удалился на семь часов и утвердил семь обвинений: троих мужчин (включая 14-летнего Джеймса Линдсея) и четырех женщин — из них двух дворянок, Маргарет Лэнг и ее дочь, служанку Катерину Кемпбелл и Агнесс Найсмит. Все семеро были сожжены 10 июня 1697 г. в Пейсли. Подкова на Георг-стрит и сегодня напоминает об этой казни. Согласно одному отчету, осужденные были так поспешно сняты с виселиц и брошены в огонь, что, возможно, некоторые из них были еще живы, когда их сжигали. Мужчина, чья трость использовалась, чтобы засовывать в костер ноги ведьм, выпадавшие из пламени, отказался взять ее обратно, гневно заявив: «Я не возьму в свой дом трость, которой касалась ведьма».

После сожжения у Кристины Шоу прекратились припадки, ее перестало рвать мусором, и она уже не видела призраков. В 1839 г. двое ученых посетили дом Шоу и обнаружили маленькую дырку в стене комнаты Кристины, обычно загороженную кроватью (комната сохранялась в прежнем виде). «Предположим теперь, — писали Митчелл и Дирки, — что у Кристины Шоу имелся помощник, в существовании которого нет причин сомневаться. Насколько же легко в этом случае можно было забрасывать булавки, солому, кости домашней птицы и т.д. через отверстие у кровати, на которой она лежала». — «Philosophy of Witchcraft», 1839. Между прочим, при предъявлении обвинения было отмечено, что эти предметы выходили у нее изо рта «такими сухими, что казалось, они появляются не из ее желудка» («Sadducismus Debelatus», 1698).

В 1718 г. Кристина вышла замуж за священника и через семь лет после его смерти стала известна введением голландских механизмов для производства тонкой швейной нити, названной по месту ее изготовления — бергернской, что, несомненно, прибавило известности Пейсли как центру изготовления шерстяной нити.

Следует отметить, что вынесение подобных вердиктов в 1697 г. контрастирует с наказанием шестерых жителей Пейсли в 1692 г. за клеветническое обвинение 12 местных дворян в колдовстве. Клеветники должны были заплатить за причиненный ущерб и появиться публично с плакатом на шее: «Мы находимся здесь за очернение добрых имен следующих…», с перечислением тех, кто был оклеветан ими.

БИБЛИЯ, КОЛДОВСТВО В. Одной из насмешек истории является оправдание преследований за колдовство с помощью библейских текстов, изначально предназначенных для религиозной системы, где не было веры в дьявола. Католики и протестанты обычно цитируют книгу Исход:

«Ворожеи не оставляй в живых» (22,18). Но еврейское слово kaskagh (употреблено в Ветхом Завете 12 раз в разных значениях) здесь означает «отравитель», как показал Реджинальд Скотт еще в 1584 г., и, конечно, не имеет ничего общего с изощренной христианской концепцией ведьмы. Однако авторитет Священного Писания был столь силен, что неправильный перевод порождал заблуждения. После казни Гуди Кнапп в Ферфилде (Кент) в 1653 г. ее соседка сказала: «Я долго не могла поверить, что эта бедная женщина — ведьма и что вообще есть ведьмы, пока слово Божье не убедило меня: „Ворожеи не оставляй в живых“».

Другой случай замены еврейского слова «волшебница» на «прорицательница» — содержится в 1 книге Царств (рассказ об Аэндорской волшебнице).

Авторы, которые пытались разоблачить колдовские суеверия, например, Скотт Реджинальд или Эйди Томас, вынуждены были разъяснять две основные ошибки:
1. Многочисленные еврейские слова, обычно переводимые как «отравитель», «колдун» и «ведьма», обозначают разнообразных практиков оккультизма, от фокусников до астрологов. Обозначение их всех одним словом «ведьма» является неподходящим и ошибочным.
2. Понятие «ведьма», включающее договор с Сатаной, перемещения, превращения, шабаш и чародейство, не подразумевается и не встречается нигде в Библии. То, что Ветхий Завет

не упоминает о таких ведьмах, не случайно, ибо само это понятие исходит из христианской демонологии. Так, сэр Вальтер Скотт заметил:

> «Нельзя сказать, что где-либо в Священном Писании говорится о системе колдовства, нарушавшей закон Израилев в том же смысле, в каком европейское колдовство нарушало законы европейских народов, довольно поздно отменивших наказание за него… В Четвероевангелии также не сказано ни слова в этом смысле» («Письма о демонологии и колдовстве»).

Ли также считает, что библейские порицания колдовства почти исключительно направлены против ворожбы.

Фактически в Библии обсуждаются лишь проявления магии и оккультных обрядов, но ничего не говорится о колдовстве как ереси. Приведенные ниже цитаты из канонического текста Библии показывают, как ошибочный перевод и тенденциозное толкование способствовали росту обскурантизма.

> Ворожеи не оставляй в живых (Исход, 22, 18).
>
> Не ешьте с кровью, не ворожите и не гадайте (Левит, 19, 26).
>
> Не обращайтесь к вызывающим мертвых, и к волшебникам, не ходите и не доводите себя до осквернения от них. Я Господь Бог ваш (Левит, 19, 31).
>
> И если какая душа обратится к вызывающим мертвых и к волшебникам, чтобы блудно ходить вслед их, то я обращу лицо мое на ту душу и истреблю ее из народа ее (Левит, 20, 6).
>
> Мужчина или женщина, если будут они вызывать мертвых или волхвовать, да будут преданы смерти: камнями должно побить их, кровь их на них (Левит, 20, 27).
>
> Не должен находиться у тебя проводящий сына своего или дочь свою через огонь, прорицатель, гадатель, ворожея, чародей, обаятель, вызывающий духов, волшебник, вопрошающий мертвых, ибо мерзок перед Господом всякий, делающий это, и за эти-то мерзости Господь изгоняет их от лица твоего (Второзаконие, 18, 10–12).
>
> Пророка, который дерзнет говорить моим именем то, что я не повелел ему говорить, и который будет говорить именем богов иных, такого пророка предайте смерти (Второзаконие, 18, 20).
>
> Ибо непокорность есть такой же грех, что и волшебство и противление то же, что и идолопоклонство (1 книга Царств, 15, 23).
>
> Какой мир при любодействе Иезавели, матери твоей и при волхвованиях ее? (4 книга Царств, 9, 22).
>
> И провел сына своего через огонь и гадал, и ворожил, и завел вызывателей мертвецов, и волшебников, много сделал неугодного в глазах Господа, чтобы прогневать его (4 книга Царств, 21, 6).
>
> И вызывателей мертвых, и волшебников, и терафимов и идолов и все мерзости… истребил Иосия (4 книга Царств, 23, 24).
>
> И, когда скажут вам: обратитесь к вызывателям умерших и к чародеям, шептунам, чревовещателям, тогда отвечайте, не должен ли народ обращаться к своему Богу? (Исайя, 8, 19).

БИЛСОНСКИЙ МАЛЬЧИК. Один из длинного ряда обманщиков в истории английского колдовства, объявившийся спустя 4 года после разоблачения Джона Смита, «лестерского мальчика». В 1620 г. Уильям Перри, известный как «билсонский мальчик», обвинил старую женщину Джейн Кларк в том, что она околдовала его и вызвала у него припадки. Скептическое отношение короля Якова I к лестерскому делу, без сомнения, заставило судей в Стаффорде более внимательно провести дознание, и они отклонили его обвинения. В конце концов мальчик признался, что имитировал припадки, потому что ему нравилось внимание, которое ему при этом оказывали.

Вскоре после этого тот же самый мальчик был снова уличен в мошенничестве и возможном покушении на жизнь людей. Томас Мортон, епископ Личфилда, заинтересо-

вался обвинениями и обнаружил в конце концов, что католические священники научили Перри симулировать одержимость, отрыгивая «изо рта тряпки, нитки, солому, изогнутые булавки».

Перри почти перехитрил епископа Мортона, выпустив на месте черную мочу, так что даже «медики были убеждены, что перестали исполняться природные функции». Епископ Мортон принял решение «не возобновлять судебного заседания», но использовал последнюю попытку, «послав доверенного слугу наблюдать за Перри через отверстие, которое было проделано в спальне над кроватью».

Уильям Перри, юный мошенник, симулировавший припадки, чьи обвинения в колдовстве против старых женщин отклонили судьи в Стаффорде в 1629 г. Данная гравюра дает представление об Уильяме Перри, бытовавшее в XVIII в. (проводится изгнание дьявола).

Поскольку все домашние отправились в церковь, мальчик подумал, что он остался один. «Обнаружив, что все спокойно, Перри поднялся, внимательно осмотрелся, прислушался, и наконец встал со своей кровати, вынул из соломенного тюфяка чернильницу и помочился в ночной горшок». Затем подросток добавил чернил и, «на случай, если его заставят мочиться прилюдно», пропитал кусочек ваты чернилами и поместил его «в свой половой член, прикрыв крайней плотью». Репутация епископа была спасена.

Предполагалось, что дьявол, поразивший мальчика, вызывал у него припадки при чтении первого стиха первой главы Евангелия от Иоанна. Однако дьявол не проявлял себя надлежащим образом, если текст читался на иностранных языках. Тогда Томас Мортон предостерег Уильяма:

> «Мальчик, так кто же питает отвращение к этим словам: ты или дьявол? Если это дьявол, то он (будучи ученым и стариком в возрасте, по крайней мере, шести тысяч лет) знает и понимает все языки; следовательно, он не может не понимать этот же стих по-гречески. Но, если это ты сам, тогда ты — ужасный колдун, притворяющийся дьяволом… Задумайся же об этом и изучи себя сам, ибо теперь тебя подвергнут суду и будут тщательно следить за тобой, когда будет читаться этот текст из Священного Писания».

Затем епископ прочитал по-гречески другой стих, и мальчик, думая, что это первый отрывок, забился в сильнейшем припадке. Позже, когда епископ прочитал по-гречески первый стих от Иоанна, мальчик, приняв его за предыдущий отрывок, остался неподвижным.

БИНСФЕЛЬД, ПИТЕР. Ведущий немецкий авторитет по преследованиям ведьм. Обучался у иезуитов в Риме. Как викарного епископа [Weihbishof], поощрявшего Трирские суды над ведьмами, Питера Бинсфельда (между 1540–1603), цитировали по всей

Германии в течение следующего столетия как католики, так и протестанты. Его «Tractatus de Confessionibus Maleficorum et Sagarum» («Трактат о признаниях грешников и ведьм») был написан на основе процесса над Фладе Дитрихом: «Я хотел, чтобы в основной части моего трактата был рассмотрен вопрос, можно ли принять на веру признания ведьм против их сообщников». Второе издание было расширено, включало в себя аналогичное опровержение с которым выступил Лоос, принужденный публично признать свои ошибки перед Б.

На примере «Tractatus» Б. можно увидеть, как работы демонологов строятся из фрагментов более ранних авторитетных источников (таких, как удачное признание девушки, уличенной во внебрачной связи, из Спины), цитат из других специалистов (таких, как авторы «Malleus Maleficarum», Гриландус, Воден) и собственного опыта судейской работы. Иногда Б. пытается казаться «беспристрастным», следуя неким иррациональным принципам: например, он сомневается в превращениях и клеймах дьявола. Однако его ученый фанатизм просвечивает и здесь. Он оспаривает предсмертное отречение от признания, потому что оно делается без должных юридических формальностей; он соглашается с тем, что в дальнейшем ведьмовские процессы должны обходиться без публичного обвинения; он считает, что легкая пытка — это не пытка; он согласен с законом, запрещающим повторение пытки, но разрешает повторять ее на практике; обыгрывая понятие презумпции виновности, он разрешает судьям (в своих поздних «Commentarius») допрашивать обвиняемых на предмет обнаружения имен подозреваемых; он заявляет, что дьявол не может войти в тело невинных личностей; он узаконивает тайных доносчиков. По всем остальным преступлениям, говорит он, лучше оправдать виновного, чем обвинить невиновного, но по делам о колдовстве каждый из обвиняемых подозревается в ереси.

TRACTAT
Von Bekanntnuß der Zauberer und Hexen. Ob und wie viel derselben zu glauben.

Anfänglich durch den Hochwürdigen Herrn Petrum Binsfeldium, Triertschen Suffraganien/ und der H. Schrifft Doctorn/ kurz und summarischer Weiß in Latein beschrieben.
Jetzt aber der Warheit zu fürderung in unser Teutsche Sprach vertiert/ durch den Wolgelerten M. Bernhart Vogel/ deß löblichen Stattgerichts zu München/ Assessorn.
Exod. XXII. Cap.
Die Zauberer solt du nicht leben lassen.

Gedruckt zu München bey Adam Berg.
Anno Domini M. D. XCI.
Mit Röm. Kay. May. Freyheit/ nit nach zudrucken.

Титульный лист первого немецкого издания (1591) книги епископа Питера Бинсфельда «Tractatus de Confessionibus Maleficorum et Sagarum» (1589), фанатичной и неистовой книги, оказавшей огромное влияние на продолжительность веры в колдовство.

БЛАНКЕНШТЕЙН, КАТЕРИНЫ ТРАГЕДИЯ. «В своих исследованиях, — писал Генри Аи, — я прочитал множество трагических историй и нигде не видел ничего более удручающего, чем слепая и глупая жестокость этого предрассудка [веры в колдовство]». Столь эмоциональную реакцию великого историка вызвал отчет о процессе, происшедшем в 1676 г. близ Наумбурга (возможно, в Альтендорфе, в Саксонии, документы указывают лишь инициалы людей и места).

Суд над Катериной Бланкенштейн, закончившийся ее оправданием и осуждением ее 44-летней дочери, ярче других судов показывает, как idee fixe завладевает умом одного человека или всей нации, когда каждое слово и поступок, какими бы непонятными и неуместными они не были, служат для подтверждения бредовых идей.

Катерина Бланкенштейн, 66–летняя вдова, уважаемая дама, мирно проживала с четырьмя взрослыми сыновьями и двумя дочерьми. Трагедия разразилась 10 марта 1676 г., когда ее дочь отправилась к соседям попросить немного дров. Из-за отсутствия денег она предложила в обмен джем, приготовленный ее матерью, который считался местным деликатесом. Сосед принял варенье и дал немного своему ребенку. Ребенок заболел, изверг из себя четырех глистов и умер через 4 дня. Ясно было, что он пострадал от maieficia ведьмы. На следующий день после смерти ребенка городской совет начал допрашивать Б. Вскоре были собраны следующие показания: заяц, преследуемый толпой мальчиков и собак, таинственно исчез у дома Б. Городской сторож видел на городской площади трех котов с красными глазами. Официальный чиновник суда, отправившийся переписать имущество фрау Б. (для конфискации по предыдущему обвинению), с трудом перемещался по трухлявому полу и видел, как его чернильница опрокинулась на три мешка с зерном. Сборщик налогов вспомнил, что Катерина заплатила ему необычайно малую сумму. К 25 марта совет получил разрешение от совета юридического факультета университета (возможно, из Иены или Лейпцига) на обвинение Б. в убийстве с помощью колдовства.

Сыновья активно выступили на защиту матери, но суд отверг все их аргументы. Они опротестовали ее заключение под стражу, чтобы она легче могла внести залог, настаивали на участии адвоката (что стало возможным только на этой последней стадии охоты на ведьм) и освобождении своей сестры, заключенной в тюрьму за противодействие аресту матери. В течение апреля защита представила свой отчет на рассмотрение в университет, подчеркивая необоснованность обвинений, тщательно и подробно отвечая на каждое из них. «8 апреля суд возвратился к рассмотрению дела и заслушал дополнительных свидетелей. Тюремный сторож рассказал о безразличии Катерины к предстоящей пытке; другой сторож сообщил, что ее раскаяние в навлечении позора на свою семью было явно показным. Возчик пожаловался, что его телега опрокинулась за садом Катерины (дорога была неровной в этом месте, а телега была неравномерно нагружена). Большинство отчетов было отправлено на доследование, и в течение месяца совещательному суду было предписано допросить врача, посещавшего покойного младенца, и приступить к пытке фрау Б. с помощью лестницы и «испанского сапога». Врач счел, что червяки произошли от колдовства — у них было много ног и большие красные головы. Сыновьям удалось отложить пытку на несколько дней; они апеллировали к курфюрсту, но безуспешно. 9 июня, начиная с 11 часов утра, в течение двух часов Б. подвергалась пыткам. Ее жестоко пытали не только с помощью тисков для больших пальцев, «испанского сапога» и лестницы, но и с помощью волосяных веревок, вырывавших клочья мяса из ее ног, и с помощью Schnur, когда веревки царапали шею и так переплетались вокруг головы, что палач боялся, что она может умереть. Она ни в чем не призналась; естественно, что молчание явилось доказательством ее вины. Когда 66-летняя женщина потеряла сознание на лестнице, было сказано, что она спит.

Позже, в июне, заключенную осмотрели на предмет клейма дьявола, ее тело было повсюду обрито двумя женщинами, но палач не смог найти никакого нечувствительного пятна. «Вы можете осмотреть меня где хотите, но нигде ничего нет. Я верю в Господа, моего Создателя, и Иисуса Христа, моего Спасителя», — говорила она палачу. После-

дующие сообщения были отправлены в университет. 23 июня он распорядился, чтобы дело было закрыто, но Катерина должна была принести Urfehde (клятву в том, что она не будет добиваться отмщения) и заплатить судебные издержки в размере 70 талеров — значительную сумму. Несмотря на то, что ее признали невиновной, она должна была заплатить за мучения во время собственных пыток. До 16 июля ее сыновьям не удавалось добиться ее освобождения.

Ее адвокат заметил: «Быть заключенной по данному обвинению значило претерпевать невыносимые оскорбления, поскольку она страдала от вреда, причиненного ее репутации». Общественные сплетни вокруг ее имени продолжались и так разрослись, что фрау Б. пришлось покинуть город. Исчезновение Б. явилось еще одним доказательством ее вины, и магистрат быстро использовал свое влияние, чтобы разыскать и арестовать ее. Однако, на этот раз университет настоял на более основательных доказательствах колдовства. Очевидно, что Катерина позже вернулась домой, потому что была похоронена на местном кладбище.

Трагедия семьи Б. на этом не заканчивается.

Подозрения в колдовстве всегда падали на дочь ведьмы. Спустя 13 лет после суда над матерью (которая к тому времени умерла) ее дочь Л. обвинили в околдовывании, приведшем к смерти 9-месячного младенца 1 мая 1689 г. Единственной связью между дочерью «ведьмы» и отцом ребенка была неуплата последним 30 талеров, которые Л. одолжила ему. Городской суд принял показания об убийстве ребенка и различных животных, приписываемом Л., и ущербе, якобы причиненном сборщику налогов. Не ожидая подтверждения от университета, суд провел пять слушаний, на которых были представлены подобные обвинения. 28 мая ее муж, проживавший отдельно в нескольких милях от Гюстена, в соседнем княжестве Анхальте, появился и запретил ей использовать его деньги на оплату адвоката — ее братья или суд могут нанять его сами, если захотят. Однако, когда адвокат был найден, он изучил отчеты и отказался защищать ее.

В начале июня состоялось еще пять слушаний, и отчеты были поспешно направлены в университет, который на этот раз санкционировал проведение суда. Затем, 17 июня 1689 г., Л. была приготовлена к пытке в подвале дома констебля. При виде инструментов ее решимость пропала. «В чем я должна признаться?» — спросила она. — «Виновна ли ты в смерти ребенка?» После некоторых колебаний она ответила: «Да». Затем она подтвердила стандартные обвинения, предъявляемые всем ведьмам: она якобы отдалась мужчине с темным пером (дьяволу по имени Генрих), продолжала сношения с ним, убивала коров и лошадей и отреклась от Троицы; затем она назвала сообщников. Спустя два дня она попыталась совершить самоубийство, повесившись на своем поясе, но была приведена в сознание после того, как ее лицо совсем уже почернело. Затем она отказалась от своих обвинений против сообщников. Университет пересмотрел все заседания суда и приказал сжечь ее живьем. Те же, кого она обвинила, должны были быть тайно, но тщательно обследованы.

БОНЕ, РИШАР (1641). Ведущий английский демонолог, родился в 1641 г., умер в начале XVIII в., получил образование в Оксфорде, автор «Pandaemonium». Современным читателям Б. был представлен Монтегю Соммерсом в книге, вышедшей ограниченным тиражом. Эта работа состоит из двух частей. Первая содержит банальные комментарии по поводу колдовства, откровенно антикатолические. Некоторые из них заимствованы из Гланвиля, а остальные из мистической теологии не являвшегося авторитетом Даниэла Бревинта, декана собора в Линкольне. Здесь нет ничего, представляющего интерес для широкого читателя, за исключением допущения, что признания ведьм могут быть «следствием глубокой меланхолии или испытываемого сильного страха». Во второй части, напротив, помещено 15 совершенно поразительных историй о духах (включая Полтергейст), одна из которых, «Демон из Шпрейтона», была пересказана Эндрю Лангом («Cock Lane and Common Sense», 1894). Мнение Б. высказано недвусмысленно: «Чем более необъяснимыми кажутся эти вещи сами по себе (реальность этих фактов доказана), тем больше

усилий необходимо, чтобы заставить поверить в эти сверхъестественные силы». Собирая подобные истории у своих знакомых, Б. тем самым отражает свойственный его эпохе интерес к экспериментальной философии, общий с д-ром Мором (которому посвящена его книга) и Гланвилем, «чей поиск доказательств реальности духов сродни преследованию духов» (Дуглас Буш, «Oxford History of Literature», vol. IV, 1915).

Заколдованный замок. Фронтиспис «Pandaemonium» (1684) Ришара Бове, находящегося в Бодлеанской библиотеке Оксфорда.

БОГЕ, АНРИ (около 1550–1619). Верховный судья графства Бургундии, известный адвокат и автор судебного руководства ставшего нормативным повсеместно. Книга Б «Discours des sorciers», выдержавшая 12 изданий за 20 лет, быстро стала авторитетной работой по демонологии. Представленные в ней тщательно подобранные разнообразные истории интересны и во многом проливают свет на психологию веры в колдовство в начале XVII в. «Данный трактат основан на опыте нескольких процессов, на которых я председательствовал течение последних двух лет, состоявшихся по делу нескольких членов этой секты, которых видел и слышал и допрашивал так тщательно как только мог, чтобы выявить всю правду».

В то время, когда Б. был главным судьей Сен-Клоде, 8-летняя девочка Луиза Майлат подверглась изгнанию дьяволов. Она сказала, что дьяволы были ниспосланы Франсуазой Секретен, женщиной, чья репутация до сих пор была безупречной. Б. непрерывно подвергал ее пыткам, пока она не назвала множество сообщников, что стало основанием для массовой охоты на ведьм. В «Discours» Б. описывает 40 ведьм, которых он допросил; вероятно, все они были впоследствии сожжены. Он не щадил даже детей, не достигших половой зрелости, потому что их вина была столь ужасна, и потому, что попав однажды в объятия Сатаны, они редко исправлялись. Многие из его жертв не были удушены перед сожжением. Так Клод Жангюллем трижды срывался со столба, и трижды палач бросал его обратно в пламя.

По своей известности «Discours» соперничал с «Malleus Maleficarum» и превосходил подобные работы известных современников, таких как Боден, Реми или де Ланкр благодаря достоинствам приложения «Порядок действий для судьи, расследующего колдовство», в 70 статьях систематизирующего существующие законы и судебные методы. Успех «Discours» обуславливался обильными похвалами многих профессоров и церковных прелатов, которые были единодушны с Б. в его желании «объединить всех ведьм в одно единое тело, с тем чтобы они могли быть все сожжены на одном костре». Некоторые из названий глав определяют содержание всей книги:

О силах, используемых ведьмами.
Как ведьмы поражают скот.
Ведьмы не способны проливать слезы в присутствии судьи.
Отметки на телах ведьм.
Может ли обвиняемый в колдовстве, умерший в тюрьме, быть похороненным в освященной земле?
О могуществе и достоинстве освященной воды в борьбе против дьяволов.

Семья Б. пыталась не допустить его книгу к публикации; возможно, его родственники тайно сочувствовали жертвам колдовства.

БОДЕН, ЖАН (1529–1596). Работа Б. «De la Daemonomania» [«Демономания»] (Париж, 1580) — примечательное явление в истории колдовства, но мнения по поводу ее достоинств различны. Так, например, архиепископ Харснетт в 1605 г. высмеивал Б. за его веру в перемещения, лигатуру и ликантропию и, прежде всего, в склонности опорочивать Англию, поскольку Б. рассказал «омерзительную, мрачную и нелепую историю о проданном англичанину яйце, с помощью которого ведьма превратила его в осла». Епископ Хатчинсон отвергал его как «законченного пьяницу». Генри Мор, философ из Кембриджа, находил в 1653 г. рассуждения Б. «вовсе не достойными разумного и здравомыслящего человека».

Б. получил великолепное образование по классическим языкам, праву, философии и экономике; тем более достойны порицания его теории, вдохновлявшие веру в колдовство. Родился Б. в 1529 г. в Ангевене, посещал местный университет, стал кармелитским монахом, но ушел из монастыря, чтобы в течение 12 лет обучаться в университете в Тулузе, где стал позже профессором римского права. В 1561 г. отправился в Париж, чтобы служить королю, тогда же начал публиковать свои научные трактаты. Спустя 15 лет Б. опубликовал «Republic», которая, наряду с некоторыми публичными выступлениями, лишила его королевского расположения, поскольку он считал, что право на престол является всеобщим, а король — часть своего народа. «Republic» была наполнена подобными идеями, далеко опережавшими свое время. В том же 1576 г. Б. женился на дочери королевского прокурора в Лионе и обосновался там в качестве местного адвоката, позже став общественным обвинителем. В 1581 г. он посетил Англию в составе свиты герцога Алансонского, поклонника королевы Елизаветы. Б. умер от чумы в 1596 г. в своем родном городе, гордом Ангевене. Из дюжины его работ наиболее примечательна «Daemonomania», впервые опубликованная по-французски в 1580 г. и по-латыни [«De Magorum Daemonomania»] в следующем году; она выдержала 10 изданий до 1604 г. В 1698 г. (в Гамбурге) немецкий перевод опровергался Беккером. «Daemonomania» была принята протестантами, поскольку Б. пропагандировал религиозную терпимость по отношению к французским кальвинистам. Из-за подозрений в симпатиях к кальвинистскому движению его хотели убить в Варфоломеевскую ночь, но ему удалось бежать. Все его труды были осуждены инквизицией. Однако его труд о колдовстве и католики, и кальвинисты приняли единодушно.

Визит дьявола. Немецкий перевод 1698 г. книги Бодена «Demonomania» с добавлением около 500 страниц о колдовстве в XVII в. (включая Салем). Некоторые из примеров проиллюстрированы. На верхней гравюре изображен пьяный юноша, который, проснувшись, обнаруживает маленькие существа, вылезающие отовсюду. Высокий незнакомец (дьявол) принуждает его к распутству, угрожая, в противном случае, сломать ему шею, а фигура со свечой настаивает на покаянии. Незнакомец приказывает сопровождающим его тварям мучить юношу, который спасается благодаря пению петуха.

«Daemonomania» была написана, чтобы помочь судьям изобличать колдовство и основывалась как на опыте судейской работы Б. на процессах ведьм, так и на его общей эрудиции. Согласно указу 1390 г. колдовство было передано для расследования из духовных судов в светские, и Б. был одним из первых, кто попытался дать юридическое определение ведьмы: «Та, которая, зная Закон Божий, пытается действовать по соглашению с дьяволом». В третьей части рассказывается, как подвергать пыткам, допрашивать, осуждать и преследовать ведьм. И хотя время от времени в его рассуждениях проскальзывает заученная юридическая истина: «Я признаю, что гораздо лучше оправдать виновного, чем осудить невинного», — большей частью Б. пишет как явный фанатик, разъяренный более чем умеренными взглядами Вейера, чья «De Praestigiis» была переиздана в Базеле в 1578 г. Б. заранее очерняет тех, кто сомневается в колдовстве, приводя в пример скептиков, позднее оказавшихся главными колдунами. Он утверждает, что, поскольку колдовство должно искореняться без остатка, «нельзя следовать обычным правилам судопроизводства», потому что «доказательства существования этого зла настолько расплывчаты и туманны, что лишь одна ведьма из миллиона будет наказана, если придерживаться установленного порядка судебного разбирательства». Поэтому Б., стараясь «быть святее папы», добавляет собственные доводы и примеры с тем, чтобы поддержать худшие черты охоты на ведьм, зафиксированные в «Malleus Maleficarum». Только по отношению к судам над ведьмами Б. интерпретирует законодательство следующим образом: «Можно пообещать заключенному неприкосновенность или ослабление приговора, если он обвинит своих сообщников. Имена доносчиков должны храниться в секрете. Детей следует принуждать свидетельст-

вовать против своих родителей. Умелые и опытные агенты-провокаторы должны вынуждать обвиняемых признаться. Подозрение является достаточным основанием для пытки, поскольку общественное мнение никогда не бывает ложным. Нельзя оправдать однажды обвиненного человека, пока ложность показаний обвинителя или доносчика не засияет ярко, как солнце». Кроме того, Б. настаивал на грубом обращении с подозреваемыми, и

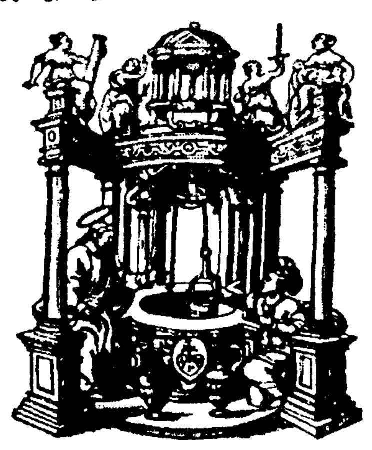

«Рекомендуется, если преступления носят скрытый характер, считать предположения и догадки достаточными доказательствами». — Жан Боден, известный французский адвокат, философ и демонолог.

DEMONOMANIE
DES SORCIERS

A MONSEIGNEVR M. CHREſtoſle de Thou Cheualier Seigneur de Cœli, premier Preſident en la Cour de Parlement, & Conſeiller du Roy en ſon priué Conſeil.

PAR I. BODIN ANGEVIN.

A PARIS,
Chez Iacques du Puys Libraire Iuré, à la Samaritaine,
M. D. LXXX.
AVEC PRIVILEGE DV ROY.

Титульный лист первого издания книги Жана Бодена «Daemonomania» (Париж, 1580), ужасной вехи в истории охоты на ведьм.

сам, как процессуальный судья, пытал детей и инвалидов (девушку, ребенка и женщину слабого здоровья и довольно нежную). Никакое наказание не может быть слишком жестоким для ведьмы. Чтобы вселить в них страх Божий, Б. настаивал на использовании прижиганий и раскаленного железа до тех пор, пока расползающаяся плоть не вывалится наружу: «If faut appliquer les cauteres et fers chauds et couper les parties putrefiees» — «Сожжение на медленном огне слишком приятно для ведьмы, поскольку длится всего полчаса или около этого» [см. Казни]. Нельзя быть снисходительным к ведьмам; фактически, тот судья, который не казнит осужденную ведьму, должен быть сам предан смерти. Б. не умалчивает и о тех фактах, которые могли бы повредить репутации охотников за ведьмами. В Вермонуа, около Сен-Квентина, в 1566 г. женщину сожгли по ошибке живой: палач забыл удушить ее. Б. не печалится по поводу этой судебной ошибки; напротив, он дает ей разумное обоснование: «Нет, не ошибка, лучше скажем, предопределение Господа, который таким образом напоминает нам, что нет преступления, более заслуживающего сожжения, чем колдовство». Такова была методика ведения судебных процессов, благодаря которым укреплялся престиж и авторитет Б. И таков был человек, которого Монтень назвал «более благоразумным, чем все писаки его времени».

БОРДЕЛОН, ЛОРАН (1653–1730). Родился в Бурже и умер в Париже, был капелланом в Сен-Осташе и входил в правящие и интеллектуальные круги столицы. Малоизвестный писатель, типичный для нарождавшегося в то время движения, к которому принадлежал и Сирано де Бержерак (умерший в 1655 г.), пришедший в конце XVII в. к безоговорочному принятию рационализма.

The History of the Ridiculous Extravagances of Monsieur Ouffle» (1711): «Часто случается так, что даже зрелые люди бывают слабоумны, как дети, и, не задумываясь, верят всему, что читают о вещах необычайных, удивительных и нелепых».

В своих 30 работах (включая пьесы и педагогические трактаты), оспаривавших суеверия, Б. постоянно использует иронию: он пародирует «Золотого осла» Апулея, насмехаясь над легковерием читателя, в своей немного педантичной «L'Histoire des imaginations extravagantes de Monsieur Oufle» (Париж, 1710) успешно соединяет юмор с традициями колдовской и демонологической тематики. Он говорит: «С дубоголовыми людьми лучше пользоваться насмешкой, чем разумными аргументами». С месье Уфле (анаграмма французского слова le fou — дурак), этим Дон Кихотом демонологии, проис-

ходят поразительные магические приключения: он встречается с ликантропами, привидениями, астрологами, дьяволами и волшебниками. Б. подкрепляет свою остроумную фантазию аргументами, взятыми из работ известных демонологов, сопровождая их подстрочными примечаниями, чтобы подчеркнуть глупость их создателей. Хотя внешне его старания и не кажутся достойными внимания, мы должны помнить, что в то время с официальной точки зрения «отрицание веры в колдовство было равносильно богохульству» (Доги, «Трактат по магии» (1732). И даже спустя пятьдесят лет после публикации его «Истории» в аббатстве Пуасси ежегодно служили мессу, чтобы защитить своих монахинь от фей (fees)».

БУВЕ, ЛЕ СЬЕР (1641 — нач. XVIII в.). «Manieres admirables» [«Excellent Ways and Means to Investigate All Kinds of Crimes and Witchcraft»], написанный Б., является практическим руководством, как вести протокол. Несмотря на то, что его комментарии относятся к различным преступлениям, Б. уделяет особое внимание предмету «колдовства». Подобно еретикам, колдуны заслуживают сожжения «без сожаления» (sans remission). Книга переполнена яркими описаниями того, что происходит в судебном зале и комнате пыток, сделанными на основе собственного опыта работы Б. в качестве provost general французской армии в Италии. Он предусматривает необычные ситуации и рассказывает, как преодолеть их (например, как пытать заключенного, больного сифилисом); он отмечает, когда заключенный должен закричать от боли, и когда судья должен отбросить всякую жалость. Из-за своей гротескно-доверительной манеры изложения «Manieres admirables» (1659) является, возможно, наиболее бесчеловечным из всех руководств для светских судей.

Две главы заслуживают специального упоминания:

> «Как добрый судья должен руководить пыткой и как он должен допрашивать обвиняемого, и чего он должен остерегаться во время процесса» (Глава 18).
>
> «Судья должен подвергнуть обвиняемого обриванию и добиться, чтобы он был связан, а затем спокойно и сдержанно подвергнуть его пытке, пока заключенный не сможет больше терпеть. Судья должен вести допрос не слишком поверхностно, не слишком сурово, всегда проявляя милосердие и умеренность и принимая во внимание преклонный возраст или молодость обвиняемого, его добрую или плохую репутацию. Судья не должен обращать внимания на крики и вопли: проявляя слишком большую жалость, он теряет возможность выявить правду. Его поведение не должно подчиняться зову сердца, но только гражданскому и церковному закону, однако он не должен быть тираном, но делать лишь то, что диктует правосудие».
>
> «Что следует сделать, если заключенный подозревается в использовании заклинаний, чтобы пытать его» (Глава 20).
>
> «Заключенный должен быть раздет догола. Каждая часть его тела должна быть внимательно осмотрена, особенно ноздри, глаза, интимные места и даже раны и нарывы, поскольку в них может быть спрятан маленький кусочек бумаги, или пергамента, или старой кожи с несколькими словами, написанными на нем. Если никаких заклинаний не будет обнаружено, тогда волосы, борода и видимые волосы на теле должны быть сожжены, поскольку иногда, почти незаметно, заключенный может просто потереть свои волосы и, с помощью дьявола, прячущегося там, не почувствовать боли. Но, если все это ни к чему не приведет, и заклинаний не будет обнаружено, то заключенный, возможно, проглотил записку с его текстом. Следует дать ему рвотное, чтобы вызвать опорожнение, и заклинание выйдет. Когда обвиняемый видит, что это случилось, он настолько напуган, что не знает, что и сказать. Очень часто он тотчас признается, не ожидая дальнейших пыток».

Замечание об инакомыслии, содержащееся в этой главе, иллюстрирует удручающую иррациональность веры в колдовство. Нелепо, замечает Б., верить в то, что заключенный выдерживает пытку, потому что он стоек и мужествен (beaucoup d'esprits). Все

факты доказывают противоположное: он — колдун, поддерживаемый заклинанием, и Б. мог бы переполнить книгу примерами, которые он видел в Италии.

БЭТМАН, МЕРИ. Дело Мери Бэтман, йоркширской ведьмы, «почти ни с чем не сравнимое по жестокости в британских хроникальных записях», показывает, что термин «колдовство» (подразумевавший ересь) часто применялся к «чародейству».

Известно, что Б. родилась в 1768 г. в Топклиффе, Йоркшир, и была замешана в мелких преступлениях, обвинена в убийстве Ребекки Периго в 1808 г. и повешена в следующем году. Все ее преступления, включая убийство, были связаны с предсказанием судьбы, изготовлением заговоренного рвотного, чтобы вызывать выкидыш, уловками для приворота мужей — типичная белая магия. Таким образом Б. добывала средства к существованию; однажды она обманом выманила 70 фунтов у буквально умиравшей с голоду семьи. В моралистическом трактате, опубликованном после ее казни, говорится, что «доверчивость и порок были лучшими друзьями Мери». Если бы она жила двумя столетиями раньше, ее обвинили бы в колдовстве. В XIX в., однако, суд руководствовался явными уликами, а не бездоказательными заявлениями.

БЮИРМАН, ФРАНЦ. Деяния Франца Бюирмана, судьи-убийцы, возможно, самого большого дегенерата за все время судов над ведьмами в Германии, были описаны гуманистом XVII в. Лоэром, очевидцем событий. «Я скорее предпочту, чтобы меня судили дикие животные, чтобы я попал в логово львов, волков и медведей, нежели в руки судьи над ведьмами». Во время визитов Б. в 1631 и 1636 гг. в небольшие деревни Рейнбах, Мескенхейм и Флерцхейм (около Бонна) из 300 жителей он сжег живьем 150 человек.

Б. был назначен разъездным судьей кельнского князь-епископа и имел право отменять решения местных судей. Б. действовал не только в Кельнском архиепископстве, но и в Юлиере, Клевсберге и аббатском городе Зигбурге. Как утверждал Луис Гиббонс, Б. был «злобным человеком низкого происхождения, который сделался орудием в руках людей, занимавших более высокое положение, чем он сам». С тех пор, как ему было позволено конфисковывать имущество своих жертв, рвение его не знало границ.

Ниже приведено несколько типичных рассказов о мужчинах и женщинах, умерщвленных в Рейнбахе в 1631 г.:

Пытка Кристины Бюффген в 1631 г., проведенная судьей Францом Бюирманом в Рейнбахе; она умерла на четвертый день пыток. Из книги Германа Лоэра «Hochnotige Klage».

1. Кристина Бюффген, преуспевающая пожилая вдова, бездетная, щедрая и весьма уважаемая. Б. арестовал ее по подозрению в колдовстве на основании «презумпции» или обвинения двух заключенных. На незаконном судебном разбирательстве (пятеро из семи экспертов отказались принимать участие в суде) фрау Бюффген завязали глаза, подвергли

экзорцизму, обрили и провели прокалывание [см. Прокалывание], ее поместили на стул пыток и тисками сдавливали ноги, пока она не призналась. Когда пытка прекратилась, она публично отреклась от своих показаний. Подвергнутая новой пытке, она отказалась назвать «сообщников». Кристина Бюффген умерла на четвертый день пыток, и судья Б. конфисковал ее собственность. Только в 1926 г. были отслужены мессы за упокой ее души в церкви Святого Георга в Рейнбахе.

2. Фрау Пеллер, жена советника юстиции, обвинялась как и ее сестра, отвергнувшая ухаживания Б. Без уведомления местных органов правосудия фрау Пеллер была арестована утром и к двум часам пополудни подвергнута пытке. Б. велел выбросить ее протестующего мужа из зала суда. Подобно фрау Бюффген, она была подвергнута экзорцизму, обрита, обыскана — помощник палача изнасиловал ее во время этой процедуры — и подвергнута пытке. Чтобы заглушить ее крики, судья Б. воткнул ей в рот грязный платок. После того, как ей предложили назвать сообщников, она назвала столько имен, что допрос поспешно прекратили. Она была немедленно приговорена и сожжена живьем в соломе — обычный способ казни в этой части Рейнланда. Ее запуганный муж умер спустя несколько месяцев.

Пытка Лиртшена, бургомистра Рейнбаха в 1631 г. Его ноги были раздроблены, а шея разорвана железным ошейником. Подобную пытку описал Герман Лоэр, позднее опубликовавший разоблачение, направленное против Бюирмана, с иллюстрациями мучений жертв. Единственный экземпляр этой книги находился в 1636 г. в Мюнхене. Эти гравюры взяты из дубликата коллекции гравюр, находящейся в БКУ.

3. Герр Лиртшен был бургомистром Рейнбаха и деверем советника юстиции. После применения ножных тисков и «крокодильих челюстей» он не признался. Тогда ему на шею надели железный ошейник с четырьмя железными кольцами, каждое из которых привязали к веревкам, укрепленным в углах комнаты, так что получился крест святого Андрея. Палач так тряс этим «крестом», что железный ошейник разрывал шею. Лиртшен по-прежнему отказывался признаться. Тогда его привязали к металлическому стулу для ведьм, под которым горел огонь. После продолжительной пытки в течение 24 часов, он по-прежнему отказывался давать ложные показания. Спустя два дня Лиртшен был сожжен живьем вместе с фрау Пеллер.

Два других типичных процесса, характеризующих В., состоялись в 1636 г.:

4. Мэр Рейнбаха, образованный и состоятельный д-р Швагель, был наиболее серьезным оппонентом Б. В 1631 г. он выступал против суда над Кристиной Бюффген, и поэтому, вернувшись в Рейнбах в 1636 г., Б. арестовал Швагеля как «покровителя ведьм». После 7 часов непрерывных пыток Швагель умер. Его труп выволокли из тюрьмы и сожгли. Швагель завещал значительную сумму бедным, но Б. забрал ее.

Б. столкнулся с повсеместным, но безрезультатным противодействием горожан и духовенства. Среди неортодоксальных священников в 1636 г. были известны доминиканец Иоганн Фрейлинк, приходской священник Рейнбаха отец Вейнхарт Хартманн, публично возражавший против происков Б., и отец Хюбертус из Мекенхэйма, выступивший с проповедью против преследований, за что сам был объявлен колдуном. Наконец, во время расследований в Зисбурге в 1636 г., Б. обнаружил, что его собственный палач оказался колдуном, и незамедлительно сжег его.

В

ВАМПИР.

> «Его кожа была румяной и светлой, ногти длинными и злобно искривленными, рот еще сочился кровью от последнего ночного пиршества. Кол прошел прямо сквозь грудь вампира, пронзительно вскрикнувшего, когда из раны потекла кровь. Затем он был сожжен дотла».

Так описано появление в 1732 г. в Белграде вампира. Для многих современных читателей образ В. связан прежде всего с Дракулой, героем романа Брэма Стокера, опубликованного в 1897 г. и удачно экранизированного в 1927 г. Действительно, представления о В. весьма различны: это и мифический персонаж, представленный в фольклоре всех времен и стран; и герой народных рассказов о маньяках с противоестественной жаждой крови или преждевременно похороненных; и участник религиозных сюжетов о неприкаянных душах. Нет ничего удивительного в том, что художественные произведения сформировали распространенное представление о В. как о летучей мыши-демоне, сосущей кровь спящих женщин. Подобный монстр, предшественник Дракулы, изображен в книге Преста «Varney the Vampire» (1847). Действительно, с начала XIX в. В. стал достойной темой для многих серьезных писателей, видимо, находившихся под влиянием ученых трудов о вспышках вампиризма по всей Восточной Европе на протяжении XVIII в.

Примечательные описания В. содержатся в следующих произведениях: «Коринфская невеста» Гёте (1797), «Леонора» Бюргера (1773), «Фалаба-разрушитель» Р.Саути (1801), «Вампир» Д.Байрона (1819), «Франкенштейн» М.Шелли (1818). В. изображают также Т.Готье в «Смерти любовника» «La Morte amoreuse», 1836), Бодлер в «Вампире» (1855), Маркиз де Сад в «Жюльетте» («Juliette», 1796), а также Ш. ле Фану «Кармилле» («Carmille», 1872), М. Джеймс в «ГерцогеМагнусе» («Count Magnus», 1905), Ю.Бенсон в «Комнате в башне» («The Room in the Tower», 1912) и Ф.Кроуфорд в романе «Жизнь за кровь» («For the Blood is the Life», 1911).

Откуда же возник тот образ В., который так привлек внимание писателей?

Само слово «вампир» — венгерского происхождения и имеет соответствия в славянских языках; возможно, оно образовано от турецкого uber [ведьма]. В. иногда соотносится с латинским strix [сова-сипуха]; в Португалии ему соответствует bruxsa — женщина-птица, сосущая кровь детей. В Англии слово «вампир» впервые использовано около 1734 г. и объяснялось следующим образом: «Тела умерших людей, одушевленные злыми духами, которые выходят из могил в ночное время, сосут кровь живых и губят их». И гораздо позже, уже в 1762 г., оно стало применяться к летучим мышам, которые якобы нападали на животных.

В Западной Европе до конца XVII в. отмечались только единичные упоминания о В., а теоретические обсуждения вопроса о В. стали появляться в печати лишь с середины XVIII в. Августин Кальме в «Traite sur les apparitions» (1751) говорит, что В. стали известны только в последние 60 лет и были в основном замечены в Венгрии, Моравии, Силезии и Польше. Много рассказов о В. известно также в Греции и Албании.

Очевидно, что В. родственны волкодлакам [см. Ликантропия], отличаясь от них лишь двумя качествами: тем, что они суть ожившие мертвецы и тем, что они должны сосать кровь из живых, чтобы сохранять жизнеспособность.

Существуют две точки зрения на сущность В.: первая — это демон, который входит в мертвое тело; и вторая, возможно, более распространенная, — это дух умершего, вернувшийся в его тело. Монтегю Саммерс пишет: «Он [В.] — часть темной стороны природы, он обладает таинственными и ужасными качествами, …хотя в строгом смысле и не является демоном («Vampire: Kith and Kin»). Вальтер Мап в «De Nugis Curialium» [«Courtiers' Trifles»] в конце XII в. придерживался первой точки зрения; он рассказывает о

демоне, воплотившемся в даму знатного происхождения, перегрызавшую горло маленьким детям.

Уходящее корнями в незапамятные времена представление о В. дополнялось, объединяя различные суеверия и небольшую, как всегда бывает в фольклорных жанрах, примесь реальных фактов.

1. Широко распространенное суеверие о призраке или мертвеце, вернувшемся в свое старое логово, приняло завершенную форму в легендах о Холлоуине. День всех святых или День поминовения всех усопших, отмечаемый 1 ноября, вобрал в себя множество языческих обрядов, включая кельтский праздник в честь бога Самхейна, Повелителя Мертвых. Следующий день, 2 ноября — праздник всех усопших, традиционный день возвращения духов. Возвращение мертвых вызывало страх и, следовательно, их нужно было умилостивить. Большинство погребальных обрядов в первую очередь призваны убеждать в том, что мертвые не вернутся; множество историй о людях, не обретших упокоения из-за того, что погребальные службы были неправильными или неполными, побуждают живых выполнять эти необходимые обряды. Так, Одиссей должен был возвратиться назад, чтобы успокоить душу Эльпенора, а Ахилл — выполнить требования души Патрокла. Наиболее частыми объектами посещения В. были родственники, чаще всего жены (память которых о муже была особенно яркой). В одном из наиболее ранних (1196 г.) рассказов о В. (хотя и не о кровососущей разновидности), в «Historia Rerum Anglicarum» Уильяма из Ньюбери, мертвый муж досаждал своей жене; когда же гробница была вскрыта, чтобы укротить оживший труп, тело было найдено почти не сгнившим, таким, каким оно было в день погребения.

2. Существование маньяков, которые жаждут крови. Подобное состояние, конечно, крайне редко и ненормально и отличается от каннибализма, иногда принимавшего крайние формы, как у женщины-самаритянки, описанной в Библии (4 книга Царств, 6, 24–30).

3. Преждевременные похороны или случайное погребение человека в состоянии каталепсии или бесчувственности. Саммерс (без ссылки на источник) говорит, что в начале XX в. в Соединенных Штатах сообщалось в среднем об одном преждевременном погребении в неделю («Vampire: Kith and Kin»), в книге «Buried Alive» (1895) Франц Хартман ссылается на 700 случаев в его собственном врачебном округе в конце XIX в.; правда, надо отметить, что доктор был оккультистом. В древние времена, когда медицинские знания были менее развиты, ошибки могли быть более частыми, отмечал Роор в «De Masticatione Mortuorum» (1679), и вандалы, грабящие труп вскоре после погребения, легко могли быть испуганы его «воскрешением». Усилия при освобождении из гроба могли вызвать и внешние повреждения тела, и кровотечение.

Обсуждая белградских В. в 1732 г., д-р Герберт Майо в «On the Truths Contained in the Popular Superstitions» («Об истине, заключенной в народных суевериях», 1851) предполагает, что это были люди, «просто живые или по крайней мере жившие в течение некоторого времени после погребения; короче говоря, те, которых погребли живыми, и чья жизнь, если она еще продолжалась, была оборвана из-за невежества и варварства откапывавших их». Возможность этого проиллюстрирована в истории, цитируемой Саммерсом («Vampire in Europe»). Некий сельский житель Заретто, слишком много выпив и попав под дождь, вымок до нитки и прилег отдохнуть в своих мокрых одеждах. «Его охватили ужасные конвульсии, ближе к одиннадцати часам он впал в состояние комы. Он стал холодным, и его дыхание остановилось. Наконец он умер… В восемь часов на следующее утро его взяли, чтобы похоронить». Дорога пролегала через гористую местность, и подпрыгивание похоронных дрог неожиданно вывело Заретто из пьяного оцепенения.

4. Традиционная мстительность, стремление наказать обидчика, зачастую усиленное религиозными нормами. Иногда люди, отвергнутые обществом при жизни, оставались отверженными и после смерти. Подобным образом становились В. те, кто вел «порочную и распутную жизнь, и зачастую отлученные от церкви своим епископом» (Аллатиус, «De Graecorum Hodie Quorundam Opinationibus», 1645); умершие проклятыми, клятвопреступ-

ники, погребенные без надлежащего обряда (например, без причастия), вероотступники, самоубийцы, оборотни и мертворожденные незаконные дети от незаконнорожденных родителей (в Венгрии). В славянских странах считали, что трупы, через которые перепрыгнула кошка или перелетели птицы, могли стать В.; подобное верование отразилось в английском фольклоре в обычае удалять животных с места, где труп ожидал погребения. Существует множество легенд, в которых рассказывается, как тело отлученного от церкви не разлагалось; шотландское народное поверье основывается на мнении, что тело самоубийцы остается нетленным, пока не пройдет срок его жизни. С другой стороны, нетленность тела святых считается чудом. Свойственная монолитным сообществам враждебность ко всему необычному проявилась в убеждении, что старые, бедные и искалеченные могут быть колдунами или даже В.; так, заячья губа, волосы на ладонях, голубые глаза, рыжие волосы считались в разные времена признаками В.

5. Совпадение сообщений о вампиризме с вспышками чумы и эпидемиями, в равной степени вызывавшими ужасное зловоние. Д-р Мор, известный кембриджский платоник, в «An Antidote Against Atheism» («Противоядие от атеизма», 1653) рассказывает, как В. мучил священника в Пентше, в Силезии. Однажды вечером,

> «когда этот богослов, как обычно, сидел со своей женой и детьми, собравшимися вокруг него, упражняясь в музыке, по всей комнате вдруг разлилось неожиданное зловоние. Вслед за этим священник и его семья обратились к Господу с молитвой. Тем не менее запах усилился и стал сверх всякой меры несносным, настолько, что они были вынуждены подняться в свою комнату. Он и его жена не находились в кровати и четверти часа, когда они почувствовали такую же вонь в спальне. И в то время, как они жаловались друг другу на это, из стены вышел призрак и крадучись подошел к кровати богослова, дохнул на него пронизывающе холодным духом и испустил такой невыносимый смрад, что ни описать, ни вообразить это невозможно».

С древних времен считалось, что зловоние предвещает и сопровождает появление чумы. Уильям из Ньюбери приводит историю отлученного от церкви развратного мужа, терроризировавшего свой родной город:

> «Воздух стал гадким и испорченным, когда это зловонное и гниющее тело бродило вокруг, вследствие чего разразилась ужасная чума и не стало дома, в котором бы не оплакивали своих близких, и вскоре город, который еще совсем недавно был густо населен, оказался покинутым полностью, потому что и те, кому посчастливилось выжить после этой эпидемии и опасных нападений, поспешно переехали в другие районы, чтобы тоже не погибнуть».

Два молодых человека, обнаружив труп этого мужчины, рубили его лопатой, пока не хлынула кровь, а потом сожгли его. Уильям продолжает:

> «Чума, так жестоко уничтожившая людей, полностью прекратилась сразу же, как только это проклятое чудовище было уничтожено, как будто оскверненный воздух был очищен тем огнем, который сжег отвратительное животное, заражавшее всю атмосферу» («Historia Rerum Anglicarum»).

Вампиризм и эпидемии, в равной степени терзавшие юго-восточную Европу в конце XVII и начале XVIII вв., продолжались до XIX в. Эпидемии свирепствовали на Хиосе в 1708, в Межибоже и Белграде в 1725 и 1732, Сербии в 1825, Венгрии в 1832 и в Данциге в 1825 году. Вампиризм был столь же опасен и в другие времена и стал предметом академических трактатов, издававшихся в немецких университетах, особенно в Лейпциге. В одном из богословских исследований, принадлежащем перу Иоганна Генриха Цопфта (Сопфиуса) и названном «Dissertatio de Vampiris Serviensibus» (1733), дается классическое описание В.:

«Вампиры выходят из своих могил ночью, нападают на людей, спокойно спящих в своих постелях, высасывают всю кровь из их тел и уничтожают их. Они досаждают живым мужчинам, женщинам и детям, не считаясь ни с возрастом, ни с полом. Те, кто волей судьбы попадает под их злобное влияние, жалуются на удушье и полную потерю сил, после чего они вскоре угасают».

Кальме добавляет к этому: «Люди, которые были мертвы достаточно долго, поднимаются из могил и приходят нарушать покой живых, чью кровь они сосут и пьют». Никакая чума, когда «за несколько часов в деревне заболевают пять или шесть человек», не может быть сравнима с вампиризмом. «The Jewish Spy of d'Argens» (1729) продолжает: «Их симптомы — полнейшее истощение и слабость, как будто от исключительной потери крови… Несмотря на все, что может сделать местный аптекарь, больные люди угасают в течение нескольких дней». Позднее неизвестный фактор, вызывающий смерть, будет назван бактерией или вирусом.

6. Существование определенных отклонений от нормы, которые соответствуют действиям В.: некрофагия (поедание мертвых тел), некросадизм (повреждение трупов, чтобы вызывать половое удовлетворение) и некрофилия (совокупление с трупом, как нормальное, так и педерастическое и мастурбационное). Известен случай во Франции в конце XIX в., когда в 1886 г. к суду был привлечен за вандализм и некрофилию некий Анри Бло. Он был

«привлекательным молодым человеком двадцати шести лет, немного болезненного телосложения. Его волосы свешивались со лба, как у пуделя. Он носил прекрасные, тщательно ухоженные усы. Глубоко посаженные черные глаза находились в постоянном движении. В его внешности было что-то кошачье, а в лице — нечто от хищной ночной птицы. Ночью 25 марта 1886 г. Бло открыл калитку, ведущую на кладбище Сен-Уэн, приблизился к одной из канав, где были похоронены те, кто не имел права на отдельную могилу, и вынул доски, удерживавшие землю на последнем из гробов. Надпись на кресте сообщала, что в гробу было тело восемнадцатилетней Фернанды Мери, сценическое имя Карманио, балетной танцовщицы, похороненной накануне вечером. Бло вынул гроб, открыл его и достал тело молодой девушки, которое и перенес на насыпь в конце канавы. Там, со всевозможными предосторожностями, он преклонил колени на несколько листов белой бумаги, взятых из цветочных подношений, и совокупился с трупом. После этого он заснул и проснулся слишком поздно, чтобы возвратить труп на место, успев лишь незамеченным покинуть кладбище».

12 июня Бло снова осквернил труп, но, не проснувшись вовремя, был обнаружен и арестован. 27 августа он появился на суде и беззаботно ответил, к ужасу судьи: «А что вы хотите? У каждого свой вкус. Мой связан с трупом». Он был приговорен к двум годам тюрьмы. (Альбер Бателль, «Les Causes criminelles et mondaines», 1886).

7. Эрнест Джонс объясняет, что В. — это «ночной дух, обнимающий спящего, чтобы сосать из него кровь; очевидно, что он — следствие кошмара». Сексуальная неудовлетворенность вызывает эротические сновидения; в случае же, если нормальные проявления чувственности подавлены, неудовлетворенность принимает крайние формы, такие как оборотничество и вампиризм, где «ненависть и чувство вины играют гораздо большую роль», и проявляется оральный садизм. Согласно поверью, В. можно извести, если найти его могилу, затем произвести эксгумацию трупа (который будет найден в превосходной сохранности) и уничтожить его одним ударом копья или лопаты прямо в сердце. Кальме, бенедиктинский монах, писал: «Ни одни человек не может освободить себя от ужасного нападения, пока не выроет трупа из могилы, не забьет ему в грудь острый кол, отрубит голову, вырвет сердце, или даже сожжет тело без остатка».

Ты снова должен выйти в мир
И, как чудовищный вампир,
Под кровлю приходить родную,
И будешь пить ты кровь живую
Своих же собственных детей.
Во мгле томительных ночей
Судьбу и небо проклиная,
Под кровом мрачной тишины
Вопьешься в грудь детей, жены,
Мгновенья жизни сокращая…
Когда с кровавыми устами,
Скрежеща острыми зубами,
В могилу с воем ты придешь,
Ты духов ада оттолкнешь
Своею страшною печатью
Неотвратимого проклятья.

Д.Байрон. «Гяур».
Перевод С. Ильина.

ВЕБСТЕР, ДЖОН (1610–1682). Житель Йоркшира, евангелистского вероисповедания, прошел путь от учителя и проповедника до врача. Написал многочисленные неопубликованные работы по различным предметам от педагогики до металлургии, до конца жизни продолжал полемику в «The Displaying of Supposed Witchcraft» (1677). Пространная цитата дает представление о содержании труда и о позиции В.:

«Очевидно, что один сон в его пустой голове оборачивается тысячей ведьмовских *деяний в реальном мире». Фронтиспис немецкого перевода (1719) книги Вебстера «Displaying of Supposed Witchcraft» (1677), в которой высмеиваются верующие в колдовство. В верхней части гравюры, над дверью, помещен портрет месье Уфле, персонажа, созданного в 1710 г. аббатом Лораном Борделоном, дабы высмеять колдовство.*

«…я согласен, что существует много разных обманщиков, мошенников и разнообразных личностей, подверженных заблуждению, меланхолии и фантазии.

Но телесные связи, совершаемые между дьяволом и ведьмой, когда он сосет ее тело или вступает с ней в плотское совокупление, или существование ведьм, превращающихся в котов или собак, вызывающих бури или нечто подобное, неоспоримо опровергаются. То же самое можно сказать о существовании ангелов и духов, истинности их проявлений, природе астральных и сидерических духов, силе заговоров и приворотного зелья вместе с другими случаями, трудными для понимания. Написано Джоном Вебстером, практикующим врачом».

ВЕДЬМА. Представление о В. как о еретике (обсуждаемое в статьях Суды и Колдовство), приведшее к тысячам узаконенных убийств в Западной Европе между 1500 и 1700 гг., проиллюстрировать очень трудно. Гораздо легче, на основании распространенного мнения, представить как воплощение зла женщину, «старую, хромую, с затуманенным взором, мерзкую и всю в морщинах» (Скотт Реджинальд). Поскольку большинство обвиняемых были женщинами, подобное представление преобладало и поддерживалось в литературе и иллюстрациях, дойдя до нашего времени в творениях Уолта Диснея. Нидер (ок. 1435 г.) заявил, что ведьм было больше, чем колдунов, потому что женщины обладают лживым языком и рассказывают другим о том, чему они научились. Кайзерсберг (1510) согласился, добавив, что женщины более легковерны, впечатлительны, склонны к галлюцинациям, чем мужчины. Король Яков I повторил эти объяснения в Шотландии (1597).

Харснетт, ставший архиепископом Йорка, в «Declaration of Popish Impostures» (1599), следуя за Скоттом, тоже описывает В. как старую каргу:

«Из их [мошенников] показаний вырисовывается представление о ведьме — как о старой, побитой морщинами старухе, согнутой от старости в дугу, так что подбородок соединяется с коленями, опирающейся на посох, с ввалившимися глазами, беззубой, с фурункулами на лице и трясущимися от паралича конечностями, разговаривающей сама с собой на улицах, забывшей «Отче наш» и, в то же время, сохранившей достаточно злой язык, чтобы назвать шлюху шлюхой».

Отметив, что любое необъяснимое нарушение спокойствия часто вменялось в вину В., в особенности на английских колдовских процессах, Харснетт продолжает:

«Если она хотела околдовать старую жену, то говорила в дымоход: „Пакс, Макс, Факс“; или могла произнести заговор на мельничные колеса сэра Джона Грентхема: „Пусть те, кто крадет мельничные колеса взывают к милости Господней. И тогда — берегитесь! Будьте начеку, соседи мои!“ Если есть у вас больная овца, боров с паразитами, лошадь с язвами на копытах, школьник-озорник, пустомеля девчонка за прялкой или засидевшаяся в девках неряха, и ни каша, ни хлеб с маслом не могут сделать ее толстой, ее легко научить корчиться в падучей: закатывать глаза, скрежетать зубами, перекашивать рот, трястись всем телом, деревенеть руками и ногами. И тогда, если старая матушка Нобс когда-нибудь называла ее идиоткой или посылала к черту, — нет сомнения, что матушка Нобс — ведьма, а девушка — проклята ею».

Джозеф Эдисон дает похожее описание «сморщенной карги», Молли Уайт.

Созданный в XVII в. сборник рассказов-карикатур отразил живописное представление о ведьме во французских и немецких трактатах и в английских памфлетах того времени. Оно настолько укоренилось, что мадам Буриньон (ок. 1666 г.) сказала об одной из своих послушниц, которую трое священников объявили ведьмой, что, «не зная, какого вида существо должно быть ведьмой, она думала, что ведьмы безобразны и уродливы… и не могла поверить, что эта девушка — ведьма» (Хейл, «Modern Relations»).

В свою очередь, теологи исходили из народных представлений, и, как заметил Бинсфельд, безобразие стало признаком или показателем [indicium] В. Воден в

«Demonomanie» (1580) цитирует пословицу «безобразна как ведьма» и слова Джироламо Кардано (1550), заявлявшего, что он никогда не видел ведьмы, которая не была бы уродлива.

В юмористической книге конца XVIIs. «The Strange and Wonderful History of Mother Shipton» («Удивительная и чудесная история матушки Шиптон», 1686) описывается рождение Урсулы Сутхэлл, позже известной как ведьма — матушка Шиптон: «длинная, очень широкая в кости, с большими вытаращенными глазами, очень колючими и свирепыми. Ее нос, украшенный огромными прыщами, был невероятной длины со множеством изгибов». Урсула была отпрыском ведьмы и дьявола. Обычно считали, как замечает Боден, что дети «следовали примеру своей матери». Рождение от В. считалось доказательством того, что ребенок является ведьмой. В «Compendium Maleficarum» (2 изд., 1626) Гваццо объясняет:

> «Инфекция колдовства часто распространяется как зараза к детям от их греховных родителей, которые пытаются добиться благосклонности своих дьяволов. Поскольку алчность Сатаны всегда была безграничной и неудовлетворимой, то, если он однажды входил в семью, он никогда не покидал свой плацдарм без больших осложнений. И это одно из многих явных и определенных свидетельств против того, кто обвинен в колдовстве, если один из его родителей был уличен в данном преступлении. Известны многочисленные примеры наследования этой заразы детьми, поскольку дьявол всегда озабочен увеличением числа своих сторонников. И он достигает этого наилучшим способом, заставляя и принуждая тех, кто уже находится в его власти, развращать своих собственных детей».

Три веселящиеся ведьмы (гравюра, приписываемая Гансу Бальдунгу Грюну). Молодая ведьма справа играет в чехарду, искусно поддерживая над собой горящий ночной горшок. Эта картинка была задумана как новогодняя поздравительная открытка.

Некоторые из ранних писателей и художников придерживались менее распространенного представления о В. как о юной и привлекательной девице, очевидно, более соблазнительной для дьявола-обольстителя, чем старая карга. Гравюры Ханса Бальдунга Грюна (ок. 1514 г.) отражают эту мало распространенную точку зрения. Она была недавно возрождена в панно, предназначавшихся для Музея колдовства в Биаррице, и в изображениях баскских ведьм — молодых обнаженных женщин, намазывающих себя для полета. Истребление молодых и миловидных ведьм, очевидно, было связано с пуританскими настроениями — как у протестантов, так и у католиков — и с опасениями, что соединение красоты с колдовством может обернуться ересью.

Представление о ведьме времен Елизаветы. Из очень редкого трактата «A Most Wicked Work of a Wretched Witch» (1592) («Самые злые козни проклятой ведьмы»), хранящегося в библиотеке Ламбетского дворца.

Ведьма в черной остроконечной шляпе и пелерине, оседлавшая помело или беседующая со своим котом, является составной частью фольклора. К сожалению, подобное представление опровергается тем фактом, что большинство обвиненных в колдовстве не были старухами-чародейками. Даже в Англии, где, несомненно, было привлечено много уродливых старух, гораздо чаще обвинялись молодые женщины.

В Шотландии, на судах над Нортбервикскими ведьмами в 1590 г. обвиненные женщины «слыли столь же честными согражданами, как и другие жители города Эдинбурга». В Германии большинство сожженных составляли молодые, образованные, богатые и пользующиеся уважением женщины, как явствует из письма канцлера князь-епископа из Вюрцбурга в августе 1629 г. [полный текст см. Вюрцбургские процессы]. Одна из сожженных, 19-летняя Барбара Гебель, так описана в реестре палача: «Она была прекраснейшей девушкой в Вюрцбурге». Примерно в то же самое время в Кельне была сожжена другая молодая ведьма, про которую говорили, что она «была самой прекрасной девушкой во всем Кельне».

Наиболее полно ситуацию в Германии оценивает Джордж А.Барр: «Никто не должен завидовать жившим в то время. Злоба и зависть частенько диктовали имена, провозглашаемые в комнате пыток. Богатство, ученость, красота и добродетель часто становились подлинной причиной для обвинения».

Тем же, кто сомневался в преступлениях этих людей, демонологи отвечали, что внешне благочестивое поведение было изощренной уловкой дьявола: для прикрытия своей дьявольской работы ведьмы делали все, что должен делать добропорядочный католик.

Обвинения в колдовстве могли быть выдвинуты и церковными властями, и даже толпой против любого ученого или мыслящего человека. Д-р Ди, астролог королевы Елизаветы, был обвинен Тайным советом в 1555 г. в использовании магии, чтобы убить королеву Марию, но не был осужден. Однако его колдовская репутация усиливалась, а с ней убывала популярность. В 1583 г. на него напала толпа, которая затем разграбила его дом и уничтожила библиотеку. Королева же продолжала его поддерживать и в 1590 г. выделила ему 100 фунтов на алхимические опыты. Другой алхимик, д-р Джон Лэмб, был менее удачлив: его линчевали как колдуна в 1640 г. [см. «Возлюбленная» д-ра Лэмба]. Нодье выступил в защиту высокообразованных людей, обвиненных в колдовстве, таких как Савонарола, Нострадамус, Фома Аквинский, Роджер Бэкон и Альберт Великий. Английский перевод, сделанный Дж. Девисом, опубликованный в Лондоне в 1657 г., был озаглавлен «The History of Magic by Way of Apology for all the wise men who have unjustly been reputed magicians» («История магии в защиту всех мудрых людей, которых несправедливо сочли магами»). Катрин Кеплер, мать известного астронома, преследовалась за колдовство в 1620 г. в Гуглингене, в Швабии (Гюнтер, «Ein Hexenprozess», 1906). Сохранился полный отчет о суде над ней, и ее 49 ответов отражают (ввиду отсутствия вопросов в судебных отчетах) установившийся порядок допроса подозреваемых ведьм [см. Признание].

Немецкое представление о ведьме (ок. 1709 г.). «Ведьма должна быть злобной старой женщиной, живущей в маленьком прогнившем домике под горой, на опушке леса; она должна часто сидеть у дверей и прясть. У нее должен быть черный кот, две или три метлы, чертенок или два, и два-три дьявольских соска, чтобы черти могли сосать ее». — «Round About Our Coal Fire» (английская рождественская открытка, ок. 1700 г.)

В сочинениях демонологов можно найти множество синонимов для слова «ведьма». Джордано де Бергамо (1470) отмечает:

bacularia — от «езды на палке»
fascinatrix — от «дурного глаза»
herberia — от ее ядовитых трав
maliarda — от зла или порчи, которые она приносит
pixidaria — от ее коробки с магическими мазями

Бинсфелъд в 1589 г. приводит другие названия:

femina sage — мудрая женщина
lamia — кровососущее ночное чудовище
incaniator — чародей
magus — знахарь
maleficius — злодей, приносящий вред людям, животным или собственности
sortiariae mulier — женщина, предсказывающая будущее с помощью жребия
strix — ночная птица
veneficia — отравитель
vir sortilegi — волшебник

Но, как замечает иезуит Каспар Шотт, lamia и strix означали одно и то же, то есть saga («Physica Curiosa», 1657). Другие латинские термины для слова «ведьма» встречаются в классических трактатах по колдовству, включая anispix, auguris, divinator, januatica, ligator, mascara, phitonissa, sortilega, stregonis и stregula.

Потт приводит наиболее распространенные немецкие синонимы к слову «ведьма»: Нехеп, Tochterdes Dormers, Unholdinnen, Cabelreiterinnen [наездницы на сенных вилах] Wettermacherinnen, Zauberinnen и иногда Truten и Wickhersen [от wicken — «предсказывать будущее»]. Hexerei впервые появилось на судебных процессах в Люцерне, где мужчина по имени Геглер был подвергнут пытке за колдовство.

Широкий спектр определений приводится в английских трудах. Уиклиф в «Apology for Lollard Doctrines», например, перечисляет: arioler [чревовещатель], augurer [гадатель], enchantress [чародейка], haruspex [предсказатель по внутренностям], phytoness [заклинатель], sortileger [предсказатель будущего] и множество — mancers — людей, чьей профессией было предсказывать будущие события по воздуху [aeromancer], цифрам и линиям [geomancer], воде [hydromancer] или огню [pyromancer]. По мере развития колдовства возникла необходимость классифицировать различные типы ведьм. Эйди, основывая свою классификацию на Второзаконии, устанавливает 9 разновидностей В. Джон Гоул в 1646 г. признался на суде, что имеется 8 классов В.:

1. Предсказатель, цыганка или предсказательница будущего.
2. Астролог, звездочет, предсказывающая по планетам ведьма.
3. Поющая, скулящая или считающая ведьма, пользующаяся знаками и цифрами.
4. Ведьма, отравляющая снадобьями.
5. Экзорцист или ведьма, заклинающая духов.
6. Ведьма-гурман.
7. Знахарка, мудрая, ученая или искусная ведьма.
8. Некромант.

Подобная классификация носила во многом теоретический характер, поскольку все эти злодеяния рассматривались как зависящие от дьявола и равно считались ересью. Так, Дамхудер в «Practica Rerum Criminalium» (1554) приходит к выводу: «Итак, sortilegi, divinatores (предсказатели) и malefici, (вызывающие порчу), практикующие это дьявольское суеверие, должны быть названы врагами Спасения, и следует верить, что они суть

враги рода человеческого». И англичанин Гиффорд замечал: «Волшебник, чародей, предсказатель и все остальные их виды составляют один круг» («Discourse of the Subtle Practices of Devils by Witches and Sorcerers» — «Беседа о мерзких дьявольских делах ведьм и чародеев»).

РАЗНОВИДНОСТИ ВЕДЬМ

(Уильям Вест. «Символография». Лондон, 1591)

Колдуны:

Колдунами считаются те, кто бормотанием определенных суеверных слов совершает вещи, превосходящие природу, вызывая призраки умерших, притворно заявляя об обнаружении вещей в удаленных и тайных местах и показывая их в любом образе или подобии.

Колдуны прорицающие:

Предугадывают и предвидят вещи, которые должны произойти, и вызывают злых духов с помощью неких заговоров и определенных формул. И с помощью этих слов, как требуется от них, отвечают голосом или как-то иначе, взглянув на появляющиеся перед их глазами в стекле, кристаллах или кольцах картины или образы предметов, которые ищут.

Гадатели:

Знатоки искусства гадания, которое может произноситься предсказывающими духами. Могут указать тех, кто украл вещи, и рассказать, где вещи, потерянные или украденные, находятся.

Фокусники:

Фокусники и ложные целители, которые для исцеления всех болезней и болячек человека и скота используют или некоторые определенные заговоры, или письмена, называемые чарами или заклинаниями, которые вешаются на шею или некоторые другие части тела.

Чародеи и заклинатели:

Чародеи или заклинатели, которые полагают, будто с помощью произносимых специальных слов, надписей, подобий, трав или других предметов они могут сделать то, о чем заявляют, поскольку дьявол либо помогает, либо руководит ими в совершении чудес. От них несколько отличаются ведьмы или карги, и авгуры или предсказатели по полету птиц, а также предсказатели по внутренностям жертвенных животных.

Ведьмы:

Ведьмой или каргой является та, которая, введенная в заблуждение союзом, заключенным с дьяволом, убеждаемая, побуждаемая или обманываемая им, полагает, будто она может сделать по злому умыслу или с помощью проклятия сотрясение воздуха молниями и громом, чтобы вызвать град и бури, передвинуть зеленые поля или деревья в другое место, перемещаться на своем домашнем духе (который обманом принимает форму козла, свиньи или теленка и т.п.) на некую достаточно отдаленную гору в удивительно короткий промежуток времени, а иногда летать на посохе, вилах или некоторых других орудиях и проводить всю ночь напролет со своим возлюбленным, играя, борясь, пируя, танцуя, развлекаясь и ублажая дьявольское вожделение тысячей непристойных забав и чудовищных насмешек.

ВЕДЬМИНСКИЙ ЗНАК. Формально ведьминский знак, считавшийся доказательством колдовства, — дополнительные груди (polymastia) или соски (polythelia), причем последние более часто встречаются у мужчин, чем у женщин. Фактически большинство описаний говорят о ведьминских знаках как о некоем естественном физическом уродстве. Маргарет Маррей ссылается на эксперимент, когда из 315 человек, выбранных случайно, у 7 процентов были обнаружены дополнительные соски. Один из скептиков XVII в., Эйди,

критикует традицию рассматривать в качестве ведьминских знаков геморроидальные шишки, длинные мясистые бородавки, миндалевидную железу под языком:

> «Очень немногие не имеют никаких личных меток на своем теле, таких как родинки или родимые пятна, которые сплетники называют личными отметками дьявола и многие честные мужчины и женщины имеют на телах наросты, которые эти сплетники называют дьявольскими сосками».

Согласно английской теории XVII в. считалось, что подобные соски использовались чертенятами, домашними духам и другими представителями дьявола, и поэтому являлись главными признаками колдуна или ведьмы. В книге Майкла Дальтона «Country Justice» (1618) в качестве второго признака ведьмы назван следующий: «Для так называемых домашних духов они имеют некие шишки или небольшие соски на своем теле и в некоторых других интимных местах, посредством которых духи сосут их». Большинство женщин, арестованных Хопкинсом, после того, как им не давали спать две, три или четыре ночи и принуждали оставаться в непрерывном движении, приходили в изнеможение и подтверждали слова Дальтона. Так, на судах в Суффолке в 1645 г.

Ч.ЛЭМ, «ВЕДЬМЫ И ДРУГИЕ НОЧНЫЕ СТРАХИ»

Мы поступаем чересчур опрометчиво, огульно зачисляя наших предков в дураки из-за чудовищной, на наш взгляд, непоследовательности их представлений о колдовстве. Мы находим, что в отношении зримого мира они были столь же разумны, а в понимании исторических аномалий столь же проницательны, как и мы. Но раз допустив, что открыт мир незримый, а с ним и неукротимая деятельность злых духов, какой мерой возможности, вероятности, уместности и сообразности — того, что отличает допустимое от явно нелепого, — могли они руководствоваться, прежде чем отвергнуть или принять на веру те или иные свидетельства? Если девы чахли, медленно угасая, в то время как таяли перед огнем их восковые изображения, если хлеба полегали, скот увечился и вихри в дьявольском разгуле вырывали с корнем дубы в лесу, а вертела и котлы пускались в устрашающий пляс вокруг какой-нибудь сельской кухни, когда не было ни малейшего ветра, — все это казалось одинаково вероятным, пока были непонятны законы, управляющие такого рода явлениями. Представление о том, что князь тьмы, минуя красу и гордость нашей земли, свирепо осаждает податливое воображение немощной старости, для нас a priori так же правдоподобно, как и неправдоподобно, ибо мы не располагаем ни средством постигнуть его цели и виды, ни данными, чтобы установить, по какой цене эти старческие души пойдут на торжище дьявола. Или, раз воплощением всяческой нечисти почитался козел, вовсе незачем так уж удивляться, что дьявол якобы является иногда в его образе и подтверждает тем самым подобное олицетворение. Что между обоими мирами вообще установились связи — возможно, ошибка, но, поскольку такое допущение было однажды сделано, я не вижу, почему какому-нибудь подтвержденному свидетельствами рассказу этого рода следует доверять меньше, чем любому другому, только оттого, что он нелеп. Нет закона для суждения о беззаконном, и нет правила, которое годилось бы для опровержения грез.

Ч.Лэм. «Очерки Элии».

> Маргарет, жена Бейтса из Фрамлинхема после двух или трех дней бодрствования призналась, что однажды во время работы она почувствовала, как нечто поднялось по ее ногам, вошло в ее интимные места и ущипнуло ее за эти места, где и были обнаружены эти метки. И в другое время, когда она была на церковном дворе, она почувствовала, что нечто снова щиплет ее в этих местах; и позднее она призналась, что имеет еще два соска, сделанные когда-то, чтобы можно было сосать ее.

Отчеты о судах над ведьмами в Англии, Шотландии и Новой Англии изобилуют описаниями ведьминских знаков. Шедуэлл, драматург периода Реставрации, ссылается на распространенное мнение: «Наличие у них шишек и сосков подтверждают все, кто верит в колдовство» (Ланкаширские ведьмы, 1681). Так, у Элизабет Сойер, ведьмы из Эдмонтона (1621), обнаружили «нечто, подобное соску, толщиной в мизинец, длиной в полпальца, имевшее на конце пупырышек, похожий на сосок, и выглядевшее так, как будто кто-то сосал его». Мери Рид из Кента (1652) «имела явственно различимый сосок под своим языком и показывала его многим». Темпренс Ллойд, одна из последних женщин, повешенных в Англии за колдовство, (1682, Эксетер) была осмотрена Анной Уэйкли: «Во время осмотра на ее теле обнаружили в интимных местах два соска, висевших плотно и напоминавших кусочки мяса, которые сосал ребенок. И каждый из упомянутых сосков был около дюйма в длину» (Хоуэлл, «State Trials», 1816). При обследовании Бриджит Бишоп, одной из салемских ведьм (1692), «женщина-заседатель обнаружила необычный сосок на ее теле, но во время второго осмотра, через три или четыре часа не было найдено ничего похожего». — К.Мазер, «Чудеса невидимого мира», 1693 г.

Доводы, что подобные выступы имеют естественное происхождение, были бесполезны. Например, они не помогли Элизабет Райт и ее дочери Алисе Гудридж, обследованным в 1596 г.

> Они раздели старую женщину и обнаружили за ее правым плечом нечто, очень похожее на вымя овцы, с двумя сосками, подобными двум большим бородавкам: один сзади подмышкой, другой на ладонь выше, у самого ее плеча. На вопрос, давно ли у нее эти соски, она ответила, что родилась с ними. Тогда они осмотрели Алису Гудридж и обнаружили на ее животе дырку величиной в два пенса, свежую и кровоточащую, как будто некая большая бородавка была вырвана в этом месте» («Удивительнейшая история ведьмы по имени Алиса Гудридж», 1597).

Алиса сказала, что она поранилась ножом два дня назад, поскользнувшись на лестнице, но врач сказал, «похоже, что отсюда сосали» [см. Бартонский мальчик].

Осмотр обычно происходил публично. Так, не позднее 1717 г. в Лестере одну старую женщину обследовали «перед большим количеством добропорядочных женщин этого города. Они показали под присягой, что обнаружили в ее секретных местах два белых куска мяса, похожих на вымя овцы или на сосок кошки». В некоторых случаях обследование производилось свидетелями обвинения, как на суде в Сен-Осайте над Сесиль Целлс. Даже мертвые не освобождались от публичного осмотра. Восьмидесятилетняя Алиса Самуэл была повешена как ведьма по показаниям пяти истеричных детей [см. Уорбойские ведьмы]. В отчете о казни рассказывается:

> «Тюремщик, чьей обязанностью является наблюдать за их погребением, снял с них одежду и, когда они были обнажены, обнаружил на теле старой женщины Алисы Самуэл маленький комок мякоти длиной полдюйма, выступающий, как будто сосок, увидев который, он и его жена сначала намеревались не показывать его людям, поскольку он находился в таком интимном месте, которое неприлично видеть. Однако, все-таки не желая прятать столь необычную находку и прилично прикрыв интимное место немного выше соска, они позволили осмотреть его тем, кто стоял рядом. После того, как жена тюремщика взяла этот сосок в руки и слегка оттянула его, из него показалась сперва смесь желтого молока и воды, с виду похожая на молозиво (как сказал тюремщик). Во второй раз появилось нечто вроде чистого молока, и в самом конце — кровь» («Самое необыкновенное и удивительное изобличение», 1593).

Ведьминские знаки часто путали с клеймом дьявола, естественными пятнами на коже, по общему мнению, нечувствительными к боли и считавшимися клеймом, определявшим владельца как дитя Сатаны. Так, Джон Белл, священник из Гледсмура, в начале XVIII в. включал в одну категорию «нечто вроде синяка, или маленький сосок, или крас-

ные волдыри, подобные укусам блох, иногда заполненные мякотью, иногда пустые внутри» (Белл цитирует памфлет 1645 г. «Законы против ведьм и колдовства»). Дальтон не отличал сосков от других знаков, которые бывают в интимных местах, не кровоточат «при прокалывании и, таким образом, требуют внимательного и тщательного поиска». И великий эксперт Хопкинс безоговорочно считал соски дьявольскими метками («Изобличение ведьм», 1647).

ВЕЙЕР, ИОГАНН (1515–1588). В. один из первых усомнился в надобности охоты на ведьм. Проводил различие между простыми женщинами, не причинившими зла и все же обвиненными в сговоре с дьяволом (возможность которого В. не отрицал), и коварными колдунами, действовавшими сообща с Сатаной. Женщины думали, что они творят зло, а на деле это были просто галлюцинации, вызываемые дьяволом, настоящее же зло совершалось самим дьяволом без человеческой помощи. В. скорее руководствовался состраданием, чем разумом. В результате его стремление отличить безобидных ведьм от злобных колдунов было легко отклонено более последовательными оппонентами, например, Боденом. Во многих случаях В. принимал за истину самые невероятные истории. К примеру, он буквально поверил в рассказ о Гамельнском крысолове (как и Гланвиль сто лет спустя) и датировал случившееся 16 июня 1284 года. В. считал, что однажды помешал дьяволу улететь с юной девственницей в замок Кальденброк в Гельдре.

Однако, несмотря на веру в могущество дьявола, В. опротестовал столько выходок охотников за ведьмами, что практически оказывал смягчающее влияние. Клевское и Юлиерсбергское герцогства, где он был личным врачом герцога Вильгельма, в конечном счете стали (в относительной степени) приютом разума, наряду с палатинатами Рейн и Нассау в Германии, повсюду охваченной беззаконными казнями. Его взгляды встречали такое противодействие, что без поддержки герцога он был бы сожжен как союзник ведьм.

В. родился в Брабанте, в дворянской семье, обучался у Корнелиуса Агриппы, средневекового ученого, имевшего репутацию колдуна, затем получил образование в Париже и стал врачом. Он был наставником двух сыновей и племянника французского короля Франциска I, путешествовал с мальчиками по Франции, Африке и на Крит.

Иоганн Вейер (1515–1588), личный врач герцога Вильгельма и активный противник преследований за колдовство.

Когда его служба закончилась, он получил место в Клеве, стал известным диагностом и написал свои книги по колдовству. Как медик, В. понял, что отчеты о шабашах и одержимости были следствием психической неуравновешенности. По этой причине и потому что почти все заболевания тогда приписывались колдовству, он понял, что задачей врача является борьба с подобными предрассудками.

Как протестант, В. особенно враждебно относился к невежественным священникам и монахам, которые при первых признаках любой болезни объявляли об одержимости и зарабатывали деньги на экзорцизме. Подобные священнослужители возводили на невиновных ложные обвинения и наполняли своими жертвами тюрьмы.

> «Ежедневно мы убеждаемся в том, какое гнусное охлаждение к Господу и сближение с дьяволом, ненависть между родственниками, ссоры между соседями, враждебность между крестьянами, столкновения между городами, постоянные истребления невиновных проистекают из веры в колдовство ведьм, плодоноснейшего источника всех бед».

В шестой книге своего труда «De Praestigiis» (1563) В. яростно выступает против жестокого содержания в тюрьмах, где заключенные которых «постоянно таскают страдать от ужасных пыток, видят в смерти желанное избавление от мучений» и охотно признаются во всех преступлениях, которые вменяются в вину, лишь бы не попасть в ужасную тюрьму под бесконечные пытки». Разоблачение типичных приемов охотников за ведьмами — одна из вершин его труда, который можно поставить рядом с книгой отца Шпее.

DE
PRAESTIGIIS
DAEMONVM, ET IN-
cantationibus, ac uene-
ficijs, Libri V.
Authore IOANNE VVIE-
RO Medico.
Totius Operis Argumentum in Præ-
fatione comperies.

Nolite uos consortes esse dæmoniorum.
1. Corinth. 10.
Resistite diabolo, & fugiet à uobis,
Iacobi 4.

Cum Cæsareæ Maiest. gratia
& priuilegio.

BASILEAE, PER IOAN-
nem Oporinum. 1563. 6

Титульный лист первого издания «De Praestigiis» (Базель, 1563) д-ра Иоанна Вейера.

> «Но как это непохоже на обычное судопроизводство, когда по злонамеренному обвинению или ложным подозрениям неграмотных и невежественных крестьян старые женщины, обманутые или одержимые дьяволом, ввергаются судьями в ужасные камеры с ворами и в пещеры гнусных демонов, а затем калечатся самыми изощренными пытками, которые могут изобрести деспоты. И эта жестокость продолжается, пока самые невиновные не будут вынуждены признать себя виновными. Это происходит до тех пор, пока эти кровопийцы не принудят их отдать Господу свои невинные души в пламени костра, а не страдать более от пыток тиранов. Если действительно, не вынеся жестокости пыток, они умирают в руках палачей или, истощенные страданиями и длительным заключением, совершают самоубийство, чтобы освободиться (как действительно могло быть) от суровости мучений и зловония тюрьмы, то слышат радостный крик, что это дьявол убил их. Но, когда появится величайший ловец душ, от которого ничто не скроется, ваши гнусные деяния будут разоблачены. Вы — тираны, кровожад-

ные судьи, мясники, мучители и безжалостные разбойники, которые отбросили всякую человечность и не знают жалости. Итак, я обвиняю вас перед судом Великого Судии, который рассудит нас, и правда, которую вы попираете ногами и сжигаете, поднимется и обвинит вас, требуя отмщения».

Через 14 лет после появления «De Praestigiis», в 1577 г. В., видя возрождение охоты на ведьм, написал сокращенный и обновленный вариант своей ранней работы «De Lamiis» («О ведьмах»), охватывающий более или менее тот же материал. Его уверенность, что бесполезно признание, полученное под пыткой, подготовило общественную поддержку для последующих атак, предпринятых гуманистами-иезуитами, отцами Теннером, Лайманом и Шпее, а также Лоосом. Наблюдая за жестоким неурожаем 1565 г., В. подытоживал в письме к доктору в Вюртемберг:

«Ведьмы, особенно, когда подвергаются очень суровым пыткам, признаются во многом таком, что является просто россказнями, пустяками, небылицами, которые никогда не могли бы соответствовать природе вещей. Никто не смог бы отнестись с доверием к той части их признаний, где они говорят, что так или иначе связаны с дьяволом, тем самым соглашаясь подчиняться его злой воле; когда они добровольно признаются, что волновали воздух, вызывая бурю с градом, уничтожали урожай и виноградники или совершали какие-либо другие злодейства… если нет другого доказательства, кроме признания старой женщины, потерявшей рассудок в тюрьме или под пытками, которой мы не поверили бы во всех прочих вопросах, ибо что положительное можно извлечь из бредового признания демонически одержимой старой карги?»

ВЕЙР, ТОМАС (ок. 1600–1670). Долгое время после казни в 1670 г. майора В. помнили как одного из самых известных (в народном мнении) шотландских колдунов. Общественный интерес усиливался предшествовавшей известностью В. как выдающегося парламентария, одно время командовавшего Эдинбургской гвардией, и как страстного евангелистского лидера. Неожиданно в возрасте 70 лет он добровольно признался (хотя сперва ему никто не поверил) во множестве отвратительных преступлений: прелюбодеянии, кровосмешении, педерастии и в колдовстве, худшем изо всех преступлений. Он вовлек в это дело и свою 60–летнюю сестру, Дженет Вейр, которая была сожжена как ведьма на основании ее собственного признания, при отсутствии независимых свидетельских показаний.

В XIX в. Роберт Чамберс написал в «Традициях Эдинбурга» («Traditions of Edinburg», 1825): «Единственное заключение, какое современный человек может сделать по поводу В., — что старик был не в своем уме, — подтверждается некоторыми обстоятельствами. Самое первое, что говорит в его пользу, — это несомненное помешательство его сестры». Это суждение, безусловно, верно, хотя и не объясняет должным образом психологию этой пары: самодурный и своевольный мужчина, почти всю жизнь проживший по-холостяцки, неистово верующий в геенну огненную и вечные муки, неожиданно признается во всех тех грехах, с которыми он якобы боролся. Возможно, разгадка его душевного состояния кроется в его заявлении, «что, если бы он не ощутил этого ужаса, терзавшего его изнутри, он едва бы поверил в существование Господа».

Его жизнь можно пересказать в двух словах. Он родился в добропорядочной семье, жившей в Ленарке, примерно в 1600 г. В 1641 г., будучи лейтенантом шотландской пуританской армии во время Гражданской войны, он был ярым противником роялистов. В 1649 и 1650 гг., уже в звании майора, командовал войсками, защищавшими Эдинбург (Хикс, «Ravillac Redivivus»). Он был инспектором государственной почты, чем и зарабатывал себе на жизнь. Помимо военной деятельности он аккуратно посещал церковные собрания протестантов-евангелистов, никогда не претендуя на функции священника или проповедника. Современник пишет:

«Он пользовался таким уважением в строгой секте пресвитерианцев, что, если четверо встречались вместе, можно было быть уверенным в том, что майор Вейр был одним из них. На частных собраниях он молился, вызывая всеобщее восхищение, что заставляло многих из прихожан считаться с его мнением [ценить его общество]. Многие посещали его дом, чтобы услышать, как он молится».

Уже в старости, в 1670 г. (некоторые источники сообщают, что тогда ему было 76 лет), В. решил обнародовать свою тайную жизнь, которую он так лицемерно и успешно скрывал все эти годы. Сначала никто не верил ему, но, поскольку он настаивал на своем, профос послал врачей, чтобы они обследовали его. Однако врачи сочли его нормальным и заявили, что его «дурное расположение духа возникло вследствие уязвления его совести». Теперь профос был вынужден арестовать его на основании его же собственных показаний. Майора В. доставили в суд 9 апреля 1670 г. и обвинили по четырем пунктам:

1. Преднамеренная попытка изнасилования собственной сестры Джейн, когда той было десять лет, и длительное кровосмесительное сожительство с ней, начиная с шестнадцати ее лет и до пятидесяти, когда он уже «не хотел ее из-за возраста».
2. Кровосмесительная связь с падчерицей, Маргарет Бурдон, дочерью его умершей жены.
3. Прелюбодеяние с «несколькими и разными личностями» и сожительство с Бесси Уимс, «служанкой, которую он держал в своем доме двадцать лет, и все это время возлежал с ней так бесцеремонно, будто она была его женой».
4. Содомия (скотоложство) с кобылами и коровами «и особенно осквернение себя связью с кобылой, на которой он ездил по Западному округу около Новых Мельниц».

Очевидно, колдовство считалось само собой разумеющимся, хотя формально и не выдвигалось в качестве обвинения, но упоминалось в показаниях. Сестра майора В. была обвинена вместе с ним в кровосмешении и колдовстве, «но особенно за беседы с ведьмами, некромантами и дьяволами».

Бау, Эдинбург, дом майора Томаса Вейра. «Замечали, что его дом, теперь, как известно, покинутый всеми людьми, иногда в полночь наполнялся светом и странными звуками танцев, воем и, что удивительнее всего, шумом прялки. Некоторые даже иногда видели, как майор около полуночи выходил из дверей, садился на черную лошадь без головы и скакал галопом в вихре пламени» (Р.Чамберс, «Traditions of Edinburgh», 1825).

Главным показанием против В. было его собственное признание и показания свидетелей о том, что В. делал подобные признания в их присутствии. Однако его золовка Маргарет показала, что, когда ей было 27 лет, «она видела майора, своего шурина и ее сестру Джейн, лежащих вместе в амбаре в Бикет-Шоу, и еще видела их вместе нагими в постели, и что она находилась этажом выше и слышала, как кровать тряслась, и слышала неприличный разговор между ними». Майор В. признался в скотоложстве с кобылой в 1651 или 1652 г. и сказал, что женщина видела его в это время и подала жалобу, но никто не поверил ей, и она была «проведена по городу [Ленарку] и высечена общественным палачом за клевету на такого замечательного святого человека».

Джейн сыпала историями о домашних духах, которые, помогая ей, выпрядали «необычайное количество пряжи быстрей, чем это могли бы сделать три или четыре женщины». Много лет назад, будучи учительницей в Далкейте, она продала свою душу дьяволу, проговорив в присутствии маленькой женщины: «Все мои беды и горести, убирайтесь за дверь!» В 1648 г. они с братом «ездили из Эдинбурга в Муссельбург и обратно, в карете, запряженной шестеркой лошадей, которые казались огненными». Джейн В. представила в качестве улики трость майора, сделанную из терновника и украшенную резными головами, якобы служившую волшебной палочкой. После этой подсказки окружающие вспомнили, что В. всегда держался за свою палку во время молитвы, как будто хотел получить вдохновение от дьявола.

Большинство судей признали майора В. виновным. Джейн В. была признана виновной единогласно.

Майор В. был удушен и сожжен недалеко от Эдинбурга 11 апреля 1670 г., а его сестра Джейн — на следующий день на Зеленном рынке в Эдинбурге. На лестнице она обратилась к толпе, проявив сочетание тонкой проницательности и религиозной чувствительности: «Я вижу большую толпу людей, пришедших сюда сегодня поглядеть на смерть бедного старого, несчастного существа, но считаю, что немногие среди вас скорбят и плачут о поруганном Писании».

Это событие было запечатлено во множестве памфлетов и личных дневников и продолжало обсуждаться по крайней мере все последующее столетие. Дом Вейров в Эдинбурге не был заселен и стал источником для многих рассказов о духах и таинственных происшествиях. Видели, как экипажи призраков подъезжали к его дверям, чтобы унести майора и его сестру в ад. После того, как дом оставался незанятым более столетия, одна совсем бедная пара соблазнилась низкой рентой и, к удивлению всего города, въехала туда, но на следующее утро они сбежали, утверждая, что, когда они лежали в постели, к ним подошел теленок и поглядел на них. Дом Вейров оставался пустым еще пятьдесят лет. Незадолго перед его сносом (не позднее 1830 г.) сэр Вальтер Скотт настаивал на том, что нужно сохранить этот старый дом как пример народного воображения: «Каким же смельчаком был тот дерзкий студент, который осмелился приблизиться к мрачным руинам, рискуя увидеть, как заколдованная свита майора бродит по старым комнатам, или услышать жужжание некромантического колеса, которое создало его сестре славу прядильщицы».

ВЕНХЕМ, ДЖЕЙН. Суд над В. в 1712 г. стал событием, потому что был последним в истории колдовства в Англии. Хотя присяжные во время сессии в Хартфорде вынесли обвинительный вердикт, судья настоял на оправдании. Вся Англия была возбуждена судом и жадно читала многочисленные памфлеты, в которых высказывались мнения за или против ее виновности. Пятьюдесятью, даже двадцатью годами ранее, В. очевидно была бы осуждена и повешена, поскольку показания против нее были аналогичны тем, что выдвигались на всех предшествующих судах.

Во-первых, В. имела дурную репутацию как «знахарка из Уолкерна». Она уже обвинялась в угрозах и околдовывании Метью Гилсона, сельскохозяйственного рабочего. Она попросила пучок соломы, а он ей отказал. Затем Гилсону пришлось вдруг выбежать

из амбара на большак и просить солому у каждого встречного. Ничего не получив, он собрал пригоршни свежего навоза и насовал себе за пазуху. Хозяин Гилсона в связи с этим случаем назвал В. «ведьмой и сукой». В. подала на него в суд за клевету, но сэр Генри Чаунси, местный магистр, убедил обе стороны решить спор частным порядком при посредничестве местного священника Гардинера. Веривший в ведьм, Гардинер выбранил В. за то, что она не живет в мире со своими соседями, но, в связи с изменившимися в то время взглядами, фермер должен был заплатить штраф в 1 шиллинг.

Некоторое время спустя, когда у Анны Торн, молоденькой служанки Гардинера, начались припадки в связи с тем, что она увидела «маленькую старую женщину, лицо которой было закрыто капюшоном», этой женщиной не мог быть никто иной, кроме В. Оказалось, что Анна была околдована «беговым заговором». Несмотря на вывихнутое колено, Анна бежала без оглядки с удивительной быстротой и достаточно долго, пока не повстречалась с В.

На вопрос, куда она бежит, Анна ответила: «К Крамеру за хворостом, чтобы развести огонь».

«У Крамера нет хвороста, — ответила старая женщина в накидке для верховой езды. — Здесь достаточно хвороста, иди к тому дубу и собери его».

Когда Анна собрала охапку, ведьма, как она утверждала, велела ей снять платье и фартук и завернуть хворост в одежду, дав ей большую булавку, чтобы скрепить вязанку. Анна прибежала домой наполовину обнаженная и сказала: «Я обнажена и обесчещена».

Спустя несколько дней в тюрьме В. обыскали на предмет ведьминской метки, и, под давлением местного священника, она призналась, обвинив трех других женщин (которых позже освободили). Затем она была задержана до суда присяжных. 16 свидетелей, включая 3 священников, дали показания против нее. У нее под подушкой была обнаружена магическая мазь, сделанная из перетопленного трупного жира, а в ее доме были найдены странные пироги из перьев. Несмотря на яростную оппозицию духовенства, суд отказался выдвигать какие-либо другие обвинения, кроме «тесного общения с дьяволом в облике кота». На основании этого обвинения присяжные заседатели возобновили заседание, чтобы признать ее виновной. Выездной судья Джастис Пауэлл, возможно, придерживавшийся указаний главного судьи Холта, сделанных несколькими годами ранее, препятствовал присяжным заседателям, хотя ему и пришлось подписать приговор. Ему удалось добиться отсрочки, и В. была вскоре оправдана. Она приобрела дружеское расположение местного дворянина, который выделил ей маленький домик, где и прожила без дальнейших эксцессов до своей смерти в 1730 г.

Интересное дополнение к данному суду, проливающее некоторый свет на феномен девичьей одержимости, связано с главным свидетелем против В. — служанкой Анной Торн. У нее были припадки, ее беспокоили видения дьяволов в облике котов, ее рвало булавками. Доктор приказал ей мыть лицо и руки дважды в день, и чтобы во время ее выздоровления за ней присматривал «молодой парень, охочий до девок». Молодой человек оказался эффективным лекарством против истерик Анны, и вскоре эти двое счастливо поженились.

ВИСКОНТИ, ДЖИРОЛАМО (Хиеронимус Висекомес) (? — ок. 1477). В «Little Book on Witches» (рукопись примерно 1460 г.) В. одним из первых поддержал веру в колдовство. Происходил из известной миланской семьи, был профессором логики в Миланском университете (1448) и главой доминиканцев Ломбардии (с 1445). Несомненно, был инквизитором в Комо, производившим массовые сожжения ведьм, отмеченные в «Malleus Maleficarum». Свою книгу В. написал, чтобы доказать, во-первых, реальность колдовства (включая перемещения и оргии на шабаше) и, во-вторых, еретичность колдовства. То, что ведьмы могли быть психически неуравновешенными — для него не было оправданием; уже то, что они верили в свои заблуждения, являлось достаточным основанием для сожжения. Тех же, кто защищал ведьм, следовало отлучать от церкви.

В. подготовил почву для принятия «Malleus Maleficarum», также как это сделали Нидер (1435), Винетти (1450), Жакье (1458), А. де Спина (1459), Маморус (1462), Виньяти (1468), Бергамо (1470) и Винсент (1475).

ВОГСТАФ, ДЖОН (?-1677). Забытая в наше время книга В., критиковавшая веру в колдовство, при его жизни, в конце XVII в. выдержала два издания за два года. Спустя 34 года после его смерти память о нем еще была свежа, и книга «The Question of the Witchcraft Debated» была переведена на немецкий язык. В. получил образование в Оксфорде, удачно унаследовал поместье своего дяди в Дербишире, где «посвятил себя изучению политики и наук». К несчастью, В. мало писал и умер молодым, подорвав здоровье «продолжительным употреблением крепких напитков».

Его книга обширна и превосходна, а многие страницы непревзойденны. Однако ее затмевают оккультные сенсации Гланвиля, Бакстера, Мазера или даже Эрика Касабона, который опровергал В. Но его откровенность заставляет усомниться даже самых легковерных:

> «Очевидно, что кровь человека не должна быть такой дешевой и не должна так легко проливаться теми, кто, под именем Господа, потакает чрезмерным страстям и честолюбивым намерениям; поскольку бесспорно, что в этом подлунном мире нет ничего столь же священного, как жизнь человека, о сохранении которой особенно радеют все формы правления и политики, законы и магистраты».

Следующие ремарки снова подчеркивают ужасы преследований, о которых так часто умалчивали сторонники охоты на ведьм:

> «Без содрогания и ужаса я не могу думать об огромном количестве людей разных времен и стран, которые были принесены в жертву этой беспощадной доктрине. Тысячи, сотни тысяч одних лишь зарегистрированных смертей, причем многие здесь умерли не простой смертью, но испытав ужасные, исключительные пытки. Но как много еще и тех, кого постигла та же участь, но о ком не сохранилось памятных записей».

«ВОЗЛЮБЛЕННАЯ» ДОКТОРА ЛЭМБА (?-1640). Д-р Л. был личным врачом герцога Бэкингема. Как и Ди, протеже королевы Елизаветы, он занимался алхимией и эзотерической магией. В книге Бакстера «World of Spirits» приводится несколько рассказов об этом.

Однажды Л. пригласил своих друзей — сэра Майлса Сендса и мистера Бакстера — на утренний аперитив и показал им «развлечение». Силой заклинания он создал дерево, растущее в его комнате, и трех маленьких мужчин с топорами, срубивших его. Несмотря на предупреждение ничего не трогать, мистер Бакстер положил в карман щепку с дерева, упавшую на его пиджак. Ночью его потревожили странные шумы. Как рассказывает Бакстер, его жена сказала: «Ты рассказал мне, что был сегодня у д-ра Л., и, боюсь, ты что-то прихватил».

Он ответил: «Я положил щепку в свой карман». «Умоляю тебя, — сказала она, — выбрось ее, иначе нам не будет покоя». Когда Бакстер сделал это, в доме тотчас стало тихо, и все снова отправились спать.

Такова была репутация д-ра Л. Поэтому не удивительно, что в 1640 г. толпа прогнала его по улицам Лондона до Креста святого Павла и забила камнями до смерти как чародея. Карл I выехал, чтобы остановить расправу, но прибыл слишком поздно. Не сумев наказать главарей, король наложил на Лондон штраф в 600 фунтов.

«Возлюбленной» д-ра была Анна Бодэнхем, его служанка, вызвавшая скандал тем, что, будучи замужем, проживала в доме неженатого хозяина. Л. научил миссис Бодэнхем, необразованную женщину, некоторым трюкам. После его смерти, пользуясь его известностью, с помощью маленькой книги заговоров и огорода с целебными травами, она приоб-

рела известность как знахарка. Чтобы ее считали сведущей в оккультных науках, она носила на шее жабу в зеленом мешочке. Затем она переехала в деревню Фишертон Эйнджер в Уилтшире. Соседи советовались с ней по поводу предстоящих событий и иногда насчет ядов. Запутанная тяжба в семье Ричарда Годдарда стала причиной ее смерти.

Миссис Годдард, которую все считали психопаткой, боясь, что две дочери попытаются ее отравить, сама пыталась отравить их, для чего получила от Анны Бодэнхем три пакетика с сушеной вербеной, сушеным укропом и срезанными ногтями.

В 1653 г. к миссис Бодэнхем обратился м-р Мейсон, собиравший информацию для иска против своего тестя, Годдарда. Кроуч в «Kingdom of Darkness» (1688) дает описание одного из редких в английском колдовстве способов гадания. Анна Бодэнхем

> «взяла свой посох и обвела им круг около дома, затем взяла в руки книгу и пронесла ее по кругу. После этого она положила на книгу зеленое стекло и поставила на него глиняный горшок с углями, куда она бросила нечто, имеющее очень раздражающий запах, призывая Вельзевула, Торментора, Сатану и Люцифера. Неожиданно поднялся очень сильный ветер, от которого сотрясался весь дом. Наконец распахнулась черная дверь, и оттуда появилось пять духов… в обличье оборванных мальчиков. Один из них был больше, чем другие. Они обежали вокруг дома, где она нарисовала посохом, подобрали крошки хлеба, которые ведьма бросила на землю, и запрыгали над сковородкой с угольями внутри круга, а собака и кошка ведьмы плясали с ними».

После этого представления она сказала мистеру Мейсону, что он должен требовать 1500 фунтов единовременно и 150 фунтов ежегодно или преследовать его судебным порядком. За этот совет миссис Бодэнхем было заплачено 3 шиллинга.

Посредником в подобных предприятиях Бодэнхем и Годдардов была служанка Анна Стиль. Эта девушка покупала мышьяк для мисс Годдард. Когда предполагаемые жертвы, две ее дочери, узнали об этом, они начали расследование. Испугавшись, Анна Стиль бежала, украв немного столового серебра. Она была вскоре задержана и, чтобы спастись от наказания, обвинила Бодэнхем в колдовстве. Анна Стиль описывает, как Бодэнхем превратилась в черную кошку, чтобы склонить ее на службу дьяволу. Миссис Бодэнхем уколола Анне палец и, смочив в крови ручку, заставила ее поставить свою подпись в красной книге, содержавшей имена всех тех, кто продал себя дьяволу. Один из чертенят, похожих на «больших мальчиков с длинными косматыми волосами», направлял ее руку. После подписания все сказали «Аминь», и чертенок дал Анне серебряную монету.

След укола на пальце Анны и кусок серебра были решающими показаниями против Бодэнхем на суде. Чтобы придать своим обвинениям больший вес, Анна билась в припадках, описывая, как черный человек без головы сражался за ее душу. Она впадала в оцепенение при приближении миссис Бодэнхем, пробуждаясь вполне здоровой после того, как ведьму уводили. Обвиняемую осмотрели и обнаружили две ведьминские метки, одну — на плече, другую — на женских органах. Миссис Бодэнхем была осуждена и повешена в Солсбери (Уилтшир) в 1653 г. На пути к месту казни 80-летняя женщина умоляла дать ей пива, чтобы опьянеть перед повешением. Никого не забыв, она прокляла всех своих обвинителей и палачей. Она отказалась, чтобы над ней пели псалом, и полностью отрицала все обвинения в сделке с Сатаной.

ВОЛКОДЛАК ИЗ АНЖЕРА. В 1598 г. во Франции прошло несколько громких судов по обвинению в ликантропии (оборотничестве). Одним из обвиняемых был Жак Руле, нищий из Кода, что около Анжера. Его поведение в тюрьме показало, что он был слабоумным и эпилептиком. Его показания были столь же противоречивы, сколь и фантастичны. В свои вымышленные преступления он впутал своего брата Жана и кузена Жюльена, хотя, как было доказано, они в это время находились в другом месте, на расстоянии многих миль — тем более невероятен от факт, что его показания были приняты к рассмотрению. Руле был обвинен в оборотничестве после того, как один солдат и несколько

крестьян обнаружили его в кустах полубнаженным, с всклокоченными волосами; его руки были в крови, а под ногтями застряли клочки человеческого мяса. Рядом нашли изуродованный труп 15-летнего мальчика по имени Корнье. Руле признался в убийстве юноши и описал жертву и место убийства со множеством подробностей.

Судья Пьер Эро допросил заключенного 8 августа 1598 г.

> Вопрос: Ваше имя и положение?
>
> Ответ: Меня зовут Жак Руле, мне 35 лет, я беден и нищенствую.
>
> В.: В чем Вас обвиняют?
>
> О.: В том, что я вор, в том, что я оскорбил Господа. Мои родители дали мне мазь, я не знаю ее состава.
>
> В.: Вы натерлись мазью и превратились в волка?
>
> О.: Нет, но из-за нее я убил и съел ребенка Корнье. Я стал волком.
>
> В.: Вы были в волчьей шкуре?
>
> О.: Нет, я был одет так же, как и сейчас. Мои руки и лицо были в крови, потому что я ел плоть ребенка, о котором говорил.
>
> В.: Превращались ли ваши руки и ноги в волчьи лапы?
>
> О.: Да, превращались.
>
> В.: Превращалась ли ваша голова в волчью, стал ли ваш рот больше?
>
> О.: Не знаю, что тогда было с моей головой: я кусал своими зубами. Моя голова была такой же, как и сегодня. Я поранил и съел много других маленьких детей. Я также был на шабаше.

Суд присяжных приговорил Руле к смерти, но он, что интересно, подал апелляцию в парижский парламент, который смягчил приговор, заменив его двухлетним пребыванием в лечебнице для умалишенных Сен-Жермен-де-Пре с обязательным наставлением в вере, «о которой он забыл по крайней скудости ума». Подобное объяснение ликантропии как психического заболевания предвосхищает суд над Жаном Гренье двумя годами позже.

В том же году, 14 декабря, парламент Парижа приговорил портного из Шалона к смерти за ликантропию. Он обвинялся в том, что убивал детей, заманивая их к себе в лавку или подстерегая в лесу, а затем поедал их мясо. В его лавке якобы была найдена целая бочка костей. На суде были вскрыты такие ужасающие подробности, что судьи распорядись, чтобы все отчеты о суде были сожжены.

ВОЛКОДЛАКИ ИЗ ПОЛИНЬИ. Одна из наиболее популярных историй о волкодлаках, впервые рассказанная Вейером, который счел ее бредом, родившимся под пыткой. Однако, Боге и Вайро пересказали ее, чтобы доказать существование ликантропии (превращения человека в волка или другого дикого зверя). Рассказ был связан с Пьером Бурго (Большим Питером), Мишелем Вердюном (или Удоном) и Филибером Менто, в декабре 1521 г. подвергнутых пытке генеральным инквизитором Безансона доминиканцем Жаном Буаном (или Боммом). Подозрение пало на этих людей, когда путешественник, проезжавший через округ Полиньи, подвергся нападению волка; он ранил волка и проследил его по следу до хижины, где обнаружил женщину, промывавшую Вердюну рану. В своем признании Мишель Вердюн рассказал о Пьере, в котором он якобы поддерживал веру в дьявола.

Затем признался Пьер Бурго. Он рассказал, что в 1502 г. ужасная буря разбросала его овец. Во время поисков он повстречался с тремя черными всадниками, которым поведал о своем несчастье. Один из всадников (которого, как выяснилось позднее, звали Моисей) пообещал Пьеру утешение и помощь, если он будет служить ему как господину и повелителю, и Пьер согласился скрепить сделку в течение недели. Вскоре он обнаружил своих овец. Во время второй встречи, узнав, что добрый незнакомец был слугой дьявола, Пьер отрекся от христианской веры и поклялся в верности, поцеловав левую руку всадника, которая была черной и холодной как лед. Спустя 2 года Пьер начал склоняться к христианству. В этот момент Мишель Вердюн, другой слуга дьявола, получил указание вер-

нуть Пьера на стезю дьявола. Вдохновленный обещанием получить сатанинское золото, Пьер посетил шабаш, где каждый нес тонкую зеленую восковую свечку, горящую синим пламенем. Затем Вердюн приказал ему раздеться и натереться волшебной мазью; так Пьер стал волком. Спустя 2 часа, Вердюн применил другую мазь, и к Пьеру вернулся его человеческий облик. Как Пьер признался под пыткой, в обличьи волка он совершил различные злодеяния. Он напал на 7-летнего мальчика, но ребенок так визжал, что Пьеру пришлось надеть свои одежды и снова стать человеком, чтобы избежать разоблачения. Он признался в том, что съел 4-летнюю девочку и нашел ее мясо восхитительным. Будучи волком, он спаривался с настоящими волчицами и, как сообщает Боге, все трое мужчин говорили, что «ощущали от этого такое же удовольствие, как будто совокуплялись со своими женами».

Конечно, все трое были сожжены.

ВОЛКОДЛАКИ ИЗ СЕН-КЛОДА. В Юрском округе Франции волкодлаки были обычным явлением: Пьер Бурго из Полиньи (1521), Жиль Гарнье из Доля (1573) и 4 члена семьи Гандильон из Сен-Клода (1598) — две сестры, брат и его сын. История последних имеет особое значение, поскольку она зафиксирована очевидцем, судьей Боге.

Перинетта была бедным слабоумным существом, которая вовсе не сомневалась в том, что она — волк. Она встретила свою смерть следующим образом: 16-летний Бено Бидель из Найзана взобрался на дерево, чтобы сорвать фрукт, оставив свою младшую сестру сидеть у дороги. На девочку напал бесхвостый волк, и Бено спрыгнул с дерева, чтобы спасти сестру. Во время борьбы волк вырвал нож у Бено и вонзил ему в шею. Подросток заметил, что вместо передних лап у этого волка были человеческие руки, и смог рассказать об этом прежде, чем умер от ран. Перинетту обнаружили на месте преступления разъяренные крестьяне и, виновную или нет, разорвали на куски.

Вторая из Гандильонов, Антуанетта, кроме того, что была ликантропом, как утверждалось, могла выть, посещать шабаш и спать с дьяволом, приходившим к ней в виде козла.

Брат Пьера был обвинен в колдовстве, вызывании града, заманивании детей на шабаш, превращении в волка, в убийстве и поедании животных и людей. Под угрозой применения пытки он признался, что

> «Сатана одел их в волчью шкуру, которая полностью покрыла их, и они вчетвером отправились бегать по окрестностям, охотясь то за людьми, то за животным, в соответствии с требованиями их аппетита. Они признались также, что длительный бег их утомлял.
>
> Однажды, в Страстной четверг, Пьера видели лежащим в постели в каталептическом состоянии, а пробудившись, он рассказал, что был на шабаше волков. Его сын Георг признался, что намазался мазью и превратился в волка; вместе со своей теткой он загрыз двух козлов».

Боге, как председательствующий на сессии в Сен-Клоде, посетил трех ликантропов в тюрьме:

> «Вместе с нашим писцом лордом Клодом Менье, я видел всех четверых, и приказал им принять тот облик, в котором они бегали в полях, но они сказали, что не могут превратиться в волков, потому что у них нет больше мази, и что они потеряли эту способность, когда были арестованы. Я заметил также, что у них поцарапаны лица, руки и ноги, и что Пьер Гандильон обезображен так сильно, что едва имел какое-либо сходство с человеком, и внушал страх тем, кто смотрел на него».

Если говорить серьезно, то подобное свидетельство просто говорило о том, что заключенные безумны. Тем не менее, все трое — Антуанетта, Пьер и Георг — были осуждены и сожжены.

ВОСКОВОЕ ПОДОБИЕ. Нанесение повреждений восковым подобиям, куклам, фигуркам или глиняным болванчикам посредством симпатической магии якобы производило аналогичные повреждения на теле врага, которого они представляли. Повреждение могло сказаться в виде «постоянной немощи» (как допускал Яков I) или же привести к смерти. Подобное убеждение столь же примитивно, сколь и распространено, и существует сегодня как в первобытных культурах, так и в суевериях так называемых цивилизованных наций, например, в 1946 г. мексиканская колдунья в Колорадо заменяла статуэтку фотографией. Это суеверие распространилось из Египта в Грецию и Рим; из античного Рима восковые подобия перекочевали в европейское колдовство. Гораций в «Сатирах» упоминает восковое подобие, сделанное — ведьмой Кандидой для любовных целей. Начиная с очень ранних времен, английские и шотландские суды наполнены обвинениями в изготовлении подобий. Синклер ссылается на группу поклонников дьявола, сжигавших восковое подобие, чтобы вызвать смерть шотландского короля Дуффуса (968 г. до н.э.) и на, вероятно, более исторически достоверный случай с 12 ведьмами, сжигавшими изображение короля Якова III в 1479 г. в Эдинбурге.

Возможно, наиболее четкое описание восковых подобий было сделано старой матушкой Демдайк на суде над ланкаширскими ведьмами в 1612 г. Она призналась:

> «Наиболее быстрый способ отнять у человека жизнь с помощью колдовства — сделать изображение [фигурку] из глины, похожее формой на человека, которого они намереваются убить, и тщательно просушить его. И если вы захотите, чтобы один его член стал слабее прочих, то возьмите колючку, шпильку или иголку и воткните их в тот член фигурки, которому вы желаете слабости. Когда вы захотите, чтобы любая часть тела начала чахнуть, тогда возьмите эту часть фигурки и сожгите ее. Таким же образом можно умертвить и все тело» («Wonderful Discovery of Witches in the Country of Lancaster», 1613) — («Удивительные разоблачения ведьм в Ланкастере»)

В 1597 г. в Шотландии Джанет Лейск из Фортефера насадила восковую фигурку на вертел и шесть часов держала над огнем, «и как таял воск, так в то же самое время и его тело покрывалось испариной». При отсутствии куклы [volt] в раннем трактате по колдовству «La Vauderye» (1460) предполагается, что можно с тем же эффектом втыкать булавки в дерево.

Обвинения в произведении maleficia с помощью куколок могли включать в себя весьма неконкретные свидетельства. Во время суда над ведьмами в Лондоне в 1537 г. свидетель показал, что видел толпу людей в церковном дворе, глазевших на то, что на первый взгляд напоминало недоношенного ребенка. «Церковный служитель вынул узел, завязанный наподобие перекрученной простыни, развязал его и обнаружил там подобие из воска, сделанное в форме маленького ребенка с двумя булавками в нем». Свидетель затем спросил одного из зевак, знает ли он, что это такое, и получил ответ, что это приспособление, вызывающее угасание человека; но, чтобы достигнуть большего эффекта, фигурка должна быть помещена в лошадиный навоз или в навозную кучу.

Небольшие фигурки могли быть сделаны или из воска или из глины (шотландские corp chre). 26 февраля 1579 г. в Абингдоне матушка Стил и три другие женщины были осуждены за убийство путем изготовления «изображений из красного воска длиной в пядь и толщиной в три-четыре пальца» и прокалывания их шипом шиповника. Другие ведьмы, как обнаружилось на процессе над леди Фуллис в 1590 г. в Шотландии, втыкали в фигурки наконечники стрел. Если восковая фигурка оставалась спрятанной, жертва должна была испытывать недомогание в течение «жизни» фигурки, обычно равнявшейся двум годам. Глиняное подобие обычно изготовлялось из отвратительных составляющих: земли со свежей могилы, пепла от сожженных костей мужчины или женщины, черных пауков, «с внутренней частью из бузины, вымоченной в воде, в которой полоскались жабы» («Examination of Jonh Walsh», 1566). Глиняное подобие могло быть помещено в реку с

В романе «Возвращение на Родину» (1878) Т.Гарди дает классическое описание колдовства, происходившего в Англии в середине XIX в.:

Со свечой в руке она прошла в заднюю комнату, служившую кладовой, где среди прочей утвари стояли две больших коричневых миски, содержавших около центнера жидкого меда весь сбор прошлого лета. На полке под мисками лежала плотная и гладкая желтая масса в форме полушария — воск того же сбора. Сьюзен сняла с полки этот ком, отрезала от него несколько ломтиков, сложила их в ковш и, вернувшись в жилую комнату, поставила его на горячую золу в очаге. Как только воск размягчился до консистенции теста, она тщательно перемесила ломти. И теперь на ее лице появилась более внимательное выражение. Она продолжала разминать воск, и видно было, что она старается придать ему определенную форму — именно форму человека.

Нагревая и разминая, надрезая и скручивая, расчленяя и соединяя вновь, она через четверть часа слепила фигурку высотою в шесть дюймов и в достаточной мере похожую на женщину. Затем положила ее на стол, чтобы она застыла и отвердела. В ожидании, пока это сделается, Сьюзен взяла свечу и поднялась наверх, где лежал мальчик.

— Ты не заметил, милый, что сегодня было на миссис Юстасии, кроме темного платья?

— Красная лента на шее.

— Может, еще что вспомнишь?

— Да нет — вот только на ногах сандалии.

— Красная лента и сандалии, — повторяла она про себя.

Сьюзен принялась копаться в своих вещах, пока не отыскала обрывок узенькой красной ленты; его она отнесла вниз и завязала вокруг шеи вылепленной фигурки. Потом достала пузырек с чернилами и гусиное перо из расхлябанного письменного столика у окна, зачернила ноги изображенья в тех местах, которые предположительно должны были быть закрыты туфлями, и на подъеме каждой ноги прочертила крест-накрест черные полоски, приблизительно так, как ложилась шнуровка в модных тогда туфлях-сандалиях. Наконец, голову куклы она обвязала черной ниткой, в подражание ленте для волос.

Отведя руку, она некоторое время созерцала плоды своих трудов с удовлетворением, но без улыбки. Всякий, знакомый с обитателями Эгдонской пустоши, узнал бы в этом изображении Юстасию Ибрайт.

Из своей рабочей корзинки она достала бумажку с наколотыми на нее булавками: булавки были такими, какие выделывались в старину, — длинные и желтые, с головками, имевшими склонность отваливаться при первом же употреблении. Их она со злобной энергией принялась втыкать со всех сторон в восковую фигурку — в голову, в плечи, в туловище, даже в ноги снизу сквозь подошвы, — пока не воткнула не меньше пятидесяти, так что вся кукла ощетинилась булавками.

Затем она подошла к очагу. Топливом служил торф, и высокая кучка золы, какая обычно остается от торфа, снаружи казалась темной и погасшей, но, пошевелив ее совком, Сьюзен обнаружила рдеющую алым огнем внутренность. Сверху она положила еще несколько свежих кусков торфа, взяв их из угла печки, после чего огонь заметно оживился. Наконец, ухватив щипцами вылепленное ею изображение Юстасии, Сьюзен сунула его в самый жар и пристально следила за тем, как оно стало размягчаться и таять. Одновременно с ее губ слетали какие-то невнятные слова.

Это был поистине странный жаргон — молитва «Отче наш», читаемая задом наперед, — обычное заклинание, когда ищут помощи у злых сил против врага. Сьюзен трижды медленно выговорила свое зловещее моление, и к концу его восковая фигурка уже значительно уменьшилась. Когда воск капал в огонь, в том месте взлетал высокий язык пламени и, обвиваясь вокруг куклы, слизывал еще часть ее состава. По временам вместе с воском сваливалась булавка и потом лежала, раскаленная докрасна, на горячих углях.

Т.Гарди «Возвращение на Родину».

тем, чтобы его унесла вода. И если такое подобие проколоть там, где должно быть сердце, жертва умирала в течение 9 дней.

Восковые подобия часто представлялись на «Дворянских судах». Госпожа Кобхем, жена герцога Глостерширского, в 1442 г. была обвинена в «чародействе и некромантии», в соучастии в заговоре против короля Генриха VI. Главными обвиняемыми, осужденными на суде, были преп. Роджер Болинброк и каноник Томас Саутвелл, причем первый был повешен, обезглавлен и четвертован, а другой умер в тюрьме. Герцогиня Глостерширская была привлечена к суду, потому что она якобы попросила двух клириков сделать предсказание о жизни короля и приказала некой Марджори Джордмейн, «ведьме из Эя», сделать «подобие из воска, представляющее короля, который с помощью их чародейства потихоньку начал чахнуть. Она намеревалась тем самым в конце концов подорвать здоровье короля и привести его к смерти» («Chronicle» Хейла, 1548). Марджори Джордмейн была сожжена за измену, а герцогиня приговорена к публичному покаянию и пожизненному заключению.

16 апреля 1594 г. Фердинанд Стэнли, граф Дерби, умер после 12 дней странного заболевания, во время которого его 52 раза вырвало и 29 раз у него был жесточайший понос. За 5 дней до смерти в его спальне было обнаружено «подобие из воска с волосами, похожими на волосы его превосходительства, коими был обернут его живот от пупка до интимных мест» (Джон Стоу, «Annales», 1631). Слуга выбросил подобие в огонь, полагая, что подобное действие успокоит ведьму, «но вышло иначе, несмотря на его любовь и преданность, поскольку после того, как фигурка растаяла, граф все более и более угасал». Граф поверил, что он был околдован. Однако очевидно, что фигурка была прикрытием, потому что у графа проявились признаки отравления и «его рвота была окрашена серебром и черными металлами». В дальнейшем подозрение пало на главного конюшего, который сбежал (Хатчинсон, «Historical Essay on Witchcraft», 1718).

Другое примечательное дело, касающееся знати, случилось в 1609 г. Леди Френсис Эссекс наняла д-ра Фурмана, чтобы сделать своего мужа импотентом и добиться аннулирования брака, и наделить необычайной потенцией сэра Роберта Карра, за которого она хотела выйти замуж. В этом замысле были использованы небольшие куколки; одна изображала «обнаженную женщину, расчесывавшую перед зеркалом волосы», а другая — женщину, «великолепно убранную в шелк и атлас». В 1613 г. леди Эссекс вышла замуж за Роберта, сделавшегося графом Сомерсет, но оба были обвинены в убийстве дворянина, раскрывшего их интригу. Процесс был начат верившим в ведьм сэром Эдмундом Коком, Верховным судьей Англии, но был прерван и продолжен королем Яковом I, которого представлял сэр Френсис Бэкон. Графиня и граф Сомерсет были признаны виновными, заключены в тюрьму, но вскоре прощены.

Симпатическая магия также практиковалась в Европе. Так, король Филипп Красивый обвинил архиепископа Гишара в покушении на его жизнь с помощью подобий, а Филипп VI подобным же образом обвинил графа Робера Артуа. В 1347 г. св. отец Этьен Пепин в епархии Клемонт был приговорен к 15 годам одиночного заключения за изготовление восковых подобий. Епископ Френсис Хатчинсон упоминает о покушении на жизнь папы Урбана VIII в г., произведенном неким Центини, племянником кардинала, который вместе со своим помощником, странствующим монахом, втыкал булавки и иголки в восковое подобие. Центини был казнен. Боден, известный французский демонолог, считал, что подобия безвредны: они приводят к конкретному результату не чаще, чем в двух случаях из ста («Demonomanie», 1580).

Конечно, демонологи отрицали, что ведьма обладает какой-либо силой, чтобы вызвать порчу. Maleficium производится невидимым демоном, утверждал Нидер в «Praeceptorum» (примерно в 1470 г.), с соизволения Господа. Подобная теория создавала для ведьмы дилемму. Втыкание булавок в фигурку не было явной ересью, но по сути это было колдовство. Действие могло бы превратиться в ересь, если бы ведьма просила дья-

вола о нем, потому что тем самым ведьма признавала бы власть дьявола. С другой стороны, если ведьма приказывала дьяволу навредить с помощью куклы, тогда это было обычное чародейство, потому что она не допускала, что дьявол разделяет власть с Господом. Однако Гриландус, известный юрист, верил в то, что все чародеи, «проявляющие признаки ереси», должны наказываться как еретики, и любое чародейство, осуществленное ведьмой, которая прямо заявляет о своем договоре с дьяволом, является ересью, независимо от характера действия и исполнителя. Итак, для ведьмы не осталось никакой лазейки: на практике чародейство было ересью, а ересь, согласно совету церковных судов, наказывалась смертью. Если иногда втыкание булавок в подобие случайно могли признать простым чародейством без ереси, тогда ведьма могла быть наказана гражданскими судами. Однако гражданские суды наказывали простых чародеев еще строже, чем церковные, и всегда приговаривали их к смерти.

Можно отметить любопытное продолжение истории восковых подобий, отражающее влияние магии на христианство. При экзорцизме священник должен был изготовить восковое подобие одержимого дьяволом, добавив, если было известно, имя дьявола или любой подходящий эпитет, и бросить его в огонь. С этим языческим действием христианин знакомился при чтении Откровения Иоанна Богослова или Книги пророка Иеремии (Стампа, «Fuga Satanae», 1597).

ВЫВОРАЧИВАНИЕ РУК (squassation). Последняя пытка, применявшаяся при question extraordinaire (чрезвычайных допросах), чтобы получить от заключенных сведения об их мнимых помощниках. Допрашиваемых подвешивали на страппадо, их руки связывали за спиной веревкой, которую затем прикрепляли к блоку в потолке комнаты для пыток. Жертву поднимали над землей, а затем неожиданно опускали на несколько футов, так что она почти касалась земли. Толчок вызывал нечеловеческую боль и полный вывих конечностей. Чем с большей высоты бросали жертву, тем сильнее была боль. Применение данной пытки более трех раз («суровая пытка») обычно приводило к смерти. «Очень суровая» пытка состояла из добавления груза к ногам заключенного, когда он висел, и из стяжки веревок на руках. Во Франции использовались камни или свинцовые грузы от 40 до 240 фунтов; в Маконе к висящему телу был подвешен 600-фунтовый груз.

В «History of the Inquisition» (1692) Филипп Лимбох оставил детальное описание В. р.:

> «Руки заключенного связывались за спиной, груз прикреплялся к ногам, после чего он поднимался вверх, пока его голова не достигала самого потолка. Подобным образом он висел некоторое время, так что под тяжестью все связки и сухожилия сильно вытягивались, и вдруг неожиданно он опускался резко с провисанием веревки, но без касания земли. Из-за резкого толчка его руки и ноги выворачивались, вследствие чего он испытывал исключительную боль — шок, который усиливался неожиданным прекращением падения и давлением груза, выкручивавшего его тело особенно сильно и жестоко».

ВЫЗЫВАНИЕ БУРИ. Мнение о том, что ведьмы могут вызывать бури — еще одно традиционное фольклорное верование, прикрепившееся к теории колдовства. В XIII в. его истинность была признана такими авторитетами церкви как Фома Аквинский и Бонавентура. Благодаря их поддержке общественность быстро приучилась воспринимать колдовство как ересь. «Этот бесплодный труд, поглотивший массу времени, все же стал подтверждением истинности данного явления», — писал Александр Робертс в «Treatise of Witchcraft» (1616). 21 статья «Liber Poenitentialis» («Уложения о наказаниях», ок. 700 г.) архиепископа Теодора Кентерберийского предусматривала за вызывание бури 5-летнее покаяние с годичным сроком содержания на хлебе и воде. Таким образом церковь признавала способность колдунов управлять погодой, что само по себе было высокой оценкой. Молитор в 1489 г. отмечал широкое распространение веры в то, что колдуны вызывают

гром и молнию. Народные представления связывали вызывание бурь с лапландцами, и Ричард Эден в «Истории путешествия в Вест- и Ост-Индию» (1577), повторяя Олафа Магнуса описывал, как финские ведьмы добивались нужного результата:

> «Они завязывали три узла на веревочном кнуте. Развязывая один из них, они вызывали умеренные ветры. Когда они распускали другой, ветер делался сильнее. Распуская третий, они вызывали настоящую бурю, и в старые времена умели также вызывать гром и молнию».

В 1563 г. король Швеции включил четырех колдуний в свою армию, воевавшую против датчан, возможно, рассчитывая получить от них помощь такого рода.

Способность вызывать подобные чудеса и добиваться результата, когда церковные молитвы оказывались бессильными, было трудно отрицать. Следовательно, многие ведьмы признавались в умении вызывать бурю. Так, они рассказывали демонологу Реми, что били воду в пруду прутом, вследствие чего она якобы поднималась, образуя облака, которые можно было направлять, вызывая молнии, град или дождь, в зависимости от желания ведьмы. Следуя за Цезальпинусом, Реми описывает другой способ вызывания дождя. Маленькая девочка, помогавшая своему отцу в поле, была удручена его жалобами по поводу засухи. Она, не долго думая, решила помочь ему и, подражая своей матери, помочилась в маленькую ямку, перемешала получившуюся грязь и вызвала необходимый дождь. Муж донес на жену, которая была сожжена заживо как ведьма. Нидер описывает третий способ: мужчина под пыткой признался, как он бросил жертвенного цыпленка в небо, из-за чего дьявол произвел бурю.

Скотт, насмехавшийся над колдовством как заблуждением, составил длинный список других средств, с помощью которых «всякие ополоумевшие старухи» рассчитывали влиять на погоду. Скотт внес в список «бросание кусочка кремня через левое плечо на запад, бросание щепотки морского песка в воздух, смачивание метлы и разбрызгивание с ее помощью воды, выкапывание ямки в земле и наливание в нее воды, вываривание щетины борова в кипящей воде, раскладывание палок на сухом речном берегу или сожжение дотла полыни. Ведьмы признавались во всех этих действиях, которые, как подтверждали авторы книг, совершались ведьмами, чтобы вызывать необыкновенно сильные бури и дожди».

«Ведьмы признались в том, что они вызывали бурю с градом на шабаше или где хотели, чтобы уничтожить плоды земли. Для чего, по их признанию, они били воду прутом и затем бросали в воздух или воду порошок, который дал им Сатана. От этого поднималось облако, которое впоследствии превращалось в тучу с градом, выпадавшим там, где хотели ведьмы. При отсутствии воды они использовали свою мочу.
Гваццо, «Compendium Maleficarum» (1626).

Скотт опускает другие приемы, упоминаемые в различных источниках, такие как варка яиц в ведре, произнесение заговора, свист (на корабле), варка ребенка в котле или колочение мокрой тряпкой по камню.

Другой англичанин, Г.Мор, стойкий защитник веры в колдовство, рассказывает хорошо известную и распространенную у демонологов историю о зловредной ведьме Констанции. Подобно злой фее, она рассердилась на то, что ее не пригласили на свадьбу. Оставшаяся без выпивки и веселья, одинокая и забытая, она попросила дьявола «перенести ее по воздуху» к горе, возвышавшейся над деревней. Здесь, «вырыв ямку и помочившись в нее», [она] вызвала сильную бурю с градом и направила ее так, что она прошла только над деревней и обрушилась на плясавших гостей с [такой] силой, что они были вынуждены оставить это занятие». Констанция также упоминается Боденом в связи с бурей, уничтожившей урожай хлеба; Анна Миндлен и некая Агнесс были обвинены, признались и были сожжены.

Ведьмы, вызывающие бурю (из книги Ульриха Молитора «De Lamiis» (1489). «Воистину, весьма очевидно, что некоторые слова и обряды на самом деле вызывают бурю или по крайней мере, сотрясение воздуха».

Мор, рассказав несколько похожих случаев вызывания бури (включая заимствованные из Вейера), признается: «Я не могу точно сказать, есть ли какая-либо естественная связь между этими обрядами и возникновением бурь. Но то, что между ними есть сверхъестественная связь — видно с первого взгляда». Подобное заключение, сделанное в 1653 г., контрастирует с более ранними взглядами, один из которых приведен Молитором

в «De Lamiis», 1489 г.: «бури, град или отравленный воздух не являются делом неких злобных женщин, но вызваны действиями природы или терпимостью божественной воли, которая позволяет дьяволу поражать нас, возможно, для того, чтобы наказать нас или чтобы принудить искать защиты у Господа».

В Бодлеанской библиотеке в Оксфорде находится уникальный памфлет, датируемый 1716 г.: «The whole Trial and Examination of Mrs. Mary Hicks and her daughter Elizabeth but of nine years of age, who were condemned at the last assizes held at Huntingdon for witchcraft and were executed on Saturday the 28-th of July, 1716» («Суд и допросы Мэри Хикс и ее дочери Элизабет, девяти лет, осужденных за колдовство на последней выездной сессии присяжных, состоявшейся в Хантингтоне, и казненных в субботу 28 июля 1716 г.»). Их обвиняли в вызывании бури, из-за которой много кораблей оказалось на грани гибели. Чтобы совершить это, миссис Хикс сняла чулки и выстирала их с мылом. Однако данный случай является вымышленным, поскольку в описании имеются внутренние противоречия, а независимых свидетельств не сохранилось.

В истории колдовства существуют два хорошо известных примера вызывания бури в Британии. Один является частью запутанного судебного процесса над Нортбервикскими ведьмами 1590 г. Группе инакомыслящих шотландцев якобы удалось с помощью магических средств вызвать бурю, приведшую к крушению корабля, на котором король Яков I возвращался из Дании. В памфлете того времени «Новости из Шотландии» рассказывается, как Агнесс Семпсон «взяла кота, окрестила его, а затем привязала к каждой его лапе куски полового члена покойника и некоторые его суставы». Затем бросила кота в море. Ведьмы были уверены, что они виновны в возникновении ветра, замедлившего движение корабля короля. «Даже когда для остальных кораблей был хороший попутный ветер, кораблю Его величества ветер все время дул навстречу».

Другой случай очень прост: вынужденное признание в 1645 г. Джона Ловеса, 70 лет, пастора из Брандестона, которого пытал Хопкинс, желавший, чтобы тот признал себя виновным в вызывании бури, которая потопила судно из Норвича с четырнадцатью людьми на борту, причем все они утонули. Сломленный, наполовину сумасшедший старик на вопрос, не жаль ли ему этих людей, ответил: «Нет, мне было весело видеть, какой силой обладают мои чертенята» (Стирн, «Confirmation and Discovery of Witches»). В 1631 г. Бакстер повторил этот рассказ, чтобы доказать существование дьяволов. Однако епископ Хатчинсон в начале XVIII в. комментирует показания Ловеса следующим образом: «Чудовищная выдумка, не имеющая ни единого доказательства».

ВЮРЦБУРГСКИЕ ПРОЦЕССЫ.

> «Что же касается ведьм, которые, как ваша милость думает, давным-давно канули в Лету, то они снова появились, и никакими словами нельзя это описать. Горе и несчастье всем нам! В городе их уже почти 400 обоих полов, высокого и низкого происхождения и даже из духовенства. Их обвиняют так сильно, что могут арестовать в любую минуту. Здесь, очевидно, и многие люди Его милости, князь-епископа, которые должны быть казнены: клирики, советники и врачи, должностные лица города, судебные исполнители, некоторых из которых Ваша светлость знает. Студенты права были арестованы. Мой господин, из более чем сорока студентов князь-епископа, которые должны были вскоре стать священниками, тринадцать или четырнадцать объявлены колдунами. Несколько дней назад был арестован декан, двое других, которым были предъявлены обвинения, бежали. Нотариус нашей кафедральной консистории (церковного суда), очень образованный человек, вчера был арестован и подвергнут пытке. Одним словом, вовлечена, наверное, третья часть города. Самые богатые, самые привлекательные, наиболее известные из духовенства уже казнены. Неделю назад была сожжена девушка девятнадцати лет, о которой говорили, что она была самой прекрасной во всем городе и считалась девушкой исключительной порядочности и чистоты. Через семь или восемь дней за ней последуют другие, лучшие и более привлекательные. Такие люди идут в пламя, надев чистую одежду и не испытывая страха.

Итак, за отречение от Господа и посещение шабаша сожжены многие, против кого никто не мог сказать дурного слова.

Напоследок скажу о 300 детях, трех и четырех лет, которые говорят, что имели связь с дьяволом. Я видел семилеток, отправлявшихся на смерть, и храбрых маленьких школьников десяти, двенадцати, четырнадцати и пятнадцати лет от роду. Из благородства я не могу и не должен писать более об этих страданиях. Существуют еще личности более высокого положения, которых вы знаете и которыми восхищаетесь, и едва ли поверите в правдивость происходящего с ними. Но суду виднее».

Затем следует постскриптум:

«P.S. Происходит много поразительных и ужасных вещей. Без сомнения, что в месте, называемом Фро-Ренгберг, дьявол служил черную мессу вместе с 8000 своих приспешников (т.е. ведьм). Вместо святых даров они причащались кожурой и обрезками репы. С содроганием я описываю все эту грязь, самое ужасное и опасное богохульство. Также верно, что они просили не вносить их в Книгу жизни, и согласились, чтобы их решение было запротоколировано нотариусом, который хорошо известен мне и моим коллегам. Мы надеемся также, что книга, в которой они записаны, еще будет найдена, ибо все прилежно ищут ее».

Это примечательное письмо, описывающее Вюрцбург в августе 1629 г., было написано в Германии канцлером архиепископа Вюрцбурга своему неизвестному другу. В его человеческих интонациях отражена живая реальность охоты за ведьмами, часто игнорируемая теми, кто изображает ведьм в виде безобразных, никчемных старух.

В это время в Вюрцбургском и Бамбергском епископствах шла одинаково жестокая охота на ведьм, которой руководили два двоюродных брата — князь-епископ Филипп Адольф фон Эренберг из Вюрцбурга (1623–1631), который сжег 900 ведьм, и князь-епископ Готфрид Иоганн Георг II Фукс фон Дорнхейм из Бамберга (1623–1633), который сжег 600 ведьм. Как и в Австрии или Баварии, главными зачинщиками охоты на ведьм были иезуиты, приглашенные в Бамберг в 1612 г. и составившие окружение епископа Филиппа в качестве политических советников. В связи со смертью епископа Юлиуса Эшера фон Меспельбрунна (1617) в Вюрцбург приехал новый епископ — Иоганн Готфрид фон Аусхазен (1617–1623) из Бамберга; но, хотя единичные казни над ведьмами случались еще начиная с 1600 г., настоящего террора не было до тех пор, пока в 1623 г. троном не овладел епископ Филипп Адольф. Отчеты с 1627 по 1631 гг. неполны; так, например, в одном отчете за 1627 г. перечисляется только 29 казней, а в другом указывается 42.

Можно отметить несколько типичных судебных процессов:

В 1626 г. крестьянина обвинили в maleficia на основании расхожей сплетни. Под пыткой он указал еще семерых соучастников, позднее тоже сожженных за колдовство. Одного из них перед казнью истязали раскаленными щипцами.

В январе 1628 г. трое детей, старшему из которых было 13, младшему — 8, признались в сношениях с дьяволом. Двое были сожжены, а младший возвращен под стражу для проведения дальнейшего расследования [см. Сексуальные сношения с дьяволом].

В октябре того же года был подвергнут допросу школьник по имени Иоганн Филипп Шук. После 46 ударов плетью он продолжал упорствовать, а еще после 77 полностью признался в посещении шабаша и назвал сообщников. Он был убит 9 ноября. Другой школьник, 12 лет, после многочисленных ударов бичом сделал подобное признание и обвинил священников в посещении шабаша. Он был убит 10 ноября.

Список жертв 29 отдельных массовых казней был напечатан Гаубером в «Bibliotheca Magica» (Лейпциг, 1738). Он датируется 16 февраля 1629 г. и включает в себя имена 157 человек. В нем поровну мужчин и женщин, причем многие из них занимали высокое положение и были состоятельны. Есть в нем и дети, причем 13 из них моложе 12 лет. Хотя он хорошо известен, его стоит процитировать здесь в виде иллюстрации, дающей представление о темпах роста колдовской истерии за один только год:

Список ведьм, которые приняли смерть от руки палача, и чьи тела были затем сожжены в Вюрцбурге

Пятая казнь, восемь человек:

Лутц, преуспевающий торговец. Купец по имени Рутчер. Жена главного профоса кафедрального собора. Матушка Гоф Зайлер. Жена Иоганна Штейнбаха. Жена сенатора по имени Баунах. Женщина по имени Бабель Цникель. Неизвестная старуха.

Седьмая казнь, семь человек:

Неизвестная девочка 12 лет, приезжая. Неизвестная приезжая женщина. Сельский староста. Три неизвестных женщины, приезжие. Тогда же на рыночной площади был казнен стражник, позволивший бежать некоторым заключением.

Восьмая казнь, семь человек:

Сенатор Баунах, самый богатый бюргер в Вюрцбурге. Главный профос кафедрального собора. Неизвестный приезжий. Мужчина по имени Шлейпнер. Женщина, продававшая маски. Две неизвестных женщины.

Десятая казнь, три человека:

Штейнахер, один из преуспевающих горожан. Двое неизвестных приезжих, мужчина и женщина.

Одиннадцатая казнь, четыре человека: Швердт, викарий кафедрального собора. Жена профоса из Рейнсакера. Женщина по имени Штихер. Зильберганс, скрипач.

Тринадцатая казнь, четыре человека:

Старуха Хоф-Шмидт. Неизвестная старуха. Маленькая девочка девяти лет. Ее младшая сестра.

Девятнадцатая казнь, шесть человек:

Сын городского главы из Ротенхама был казнен в шесть часов вечера во дворе ратуши, а его тело сожжено на следующий день. Жена секретаря Шелльгара. Еще одна женщина. Мальчик десяти лет, еще один мальчик, двенадцати лет. Жена пекаря по имени Брюглер, сожжена заживо.

Двадцать первая казнь, шесть человек:

Дитрих, начальник госпиталя, очень образованный человек. Мужчина по имени Штоффель Хольцман. Мальчик четырнадцати лет. Младший сын сенатора Штольцбергера. Два семинариста.

Двадцать третья казнь, девять человек:

Сын Давида Крота, школьник. Два младших сына повара князь-епископа, школьники. Старшему четырнадцать, а младшему двенадцать лет. Мельхиор Гаммельманн, приходский священник из Гаха. Никодемус Хирш, каноник Нового собора. Кристофер Бергер, викарий Нового собора. Семинарист. NB. Судебный чиновник из Брембаха и семинарист были сожжены заживо.

Двадцать пятая казнь, шесть человек:

Фридрих Бассер, второй викарий собора. Штааб, приходский священник из Гаха. Ламбрехт, каноник Нового собора. Жена Галлуса Гауса. Мальчик, неизвестный. Женщина по имени Шельмрей, владелица магазина.

Двадцать шестая казнь, семь человек:

Давид Ханс, каноник Нового собора. Сенатор Вейденбуш. Жена владельца гостиницы из Баумгартена. Старуха, неизвестная. Младшая дочь Валькенбергера. Казнена отдельно, и тело сожжено в гробу. Младший сын судебного чиновника. Вагнер, второй викарий собора, сожжен заживо.

Двадцать девятая казнь, девять человек.

Фиртель Бек. Клингель, хозяин гостиницы. Управляющий из Менгельшейма. Жена пекаря из Оксенгейта. Толстая дворянка. NB. Мейер, доктор богословия из Гаха и каноник из Гаха были тайно казнены в пять утра, а их тела сожжены Титулованный дворянин, юнкер Фишбаум. Пауль Беккер из Брейт-Гута. До них было казнено еще два человека, февраля шестнадцатого дня, 1629 года.

Примерно в это время юный родственник князь-епископа был обезглавлен за колдовство. Мальчик был единственным наследником князь-епископа, и, останься он в живых, он унаследовал бы значительное состояние. Случай описан неким советником-иезуитом, который, очевидно, является одним из виновников случившегося. Эрнест фон Эренберг был примерным студентом с великолепным будущим, но, как уже говорилось, неожиданно оставил научные занятия, увлекся женщиной старше себя, начал пить и предаваться разгулу. Иезуиты изощренно допросили его и решили, что он был замешан во всех видах порока, включая частые посещения шабаша. Эрнеста обвинили, без его ведома осудили и приговорили. Однажды утром юношу разбудили и сказали, что сейчас он перейдет к лучшей жизни. Ни о чем не подозревая, он оказался в замке, в драпированной черным камере пыток. При виде всех ее ужасов Эрнест потерял сознание. Некоторые из судей были так тронуты, что просили князь-епископа смилостивиться над юношей, но Филипп Адольф подтвердил приказ о казни. Эрнест сопротивлялся палачу, и тот в схватке разрубил ему голову. Иезуит, описывавший происходящее, продолжает: «Он упал на землю без всяких признаков печали или проявлении сожаления. Utinam non etiam in eternum rogum cecidisset. Да не допустит Господь, чтобы он попал в преисподнюю!»

После этой казни князь-епископ, возможно, внутренне переменился, поскольку ввел поминальные службы по жертвам колдовских процессов, и истерия пошла на убыль. Приближение к городу шведской протестантской армии также (по крайней мере, на время) приостановило казни. Их главным виновником, вне зависимости от роли советников-иезуитов и степени личного раскаяния в содеянном, несомненно, является князь-епископ. Некоторые авторы (наподобие Дифенбаха) пытались обелить его, называя «человеком не жестоким» и обвиняли «мирских советников, вынуждавших его принимать решения, которые позорили его имя и положение». Лейтцшуэ также характеризует его «как благородного и набожного». Однако, как и Жюль Байсак, никто не сочтет подобные критерии подходящими для оценки человека, позволявшего сжигать детей 9 и 10 лет.

Казнь еретиков в Праге. Гравюра XVII в.

Г

ГАДАНИЕ. История колдовства начинается и заканчивается чародейством. Самые ранние гражданские законы наказывали гадателей за попытку обнаружить спрятанные сокровища, а наиболее поздние — за мошенничество. Г. считалось обычным преступлением, связанным с обманом, а вовсе не с применением дьявольских средств. Следовательно, когда прорицатели попадали под суд, они редко удостаивались тяжелых наказаний.

Советующийся с ведьмой. Дьявол надевает на него шутовской колпак. Из коллекции Дьюса. Б.Б.

В 1647 г. в Англии Уильям Байг был обвинен в использовании «магического» кристалла для обнаружения украденного, и его приговорили к появлению в общественном месте с повязкой «Я — гадатель» («Ecce sortilegus») на лбу. В 1546 г. сын графа Уэстморленда находился под следствием за соучастие в магических действиях и за использование кольца для поиска спрятанных сокровищ. В 1560 г. два священника и несколько высокопоставленных людей были осуждены за вызывание духов с помощью трех магических кругов, с целью найти предполагаемый сундук с золотом, и только один из них был отлучен от церкви. В 1598 г. Роберт Браунинг из Олдема в Суссексе был помещен в тюрьму за обман «подданных короля» и «внушение им мысли, будто с помощью заклинаний и вызывания злых духов они смогут разыскать украденное и найти серебряные и золотые клады».

Гадание на металлах. Из «De Re Metallica» (1556) Агриколы. «Среди шахтеров бытует мнение, что рогатка может существенно помочь в нахождении жил, хотя многие считают это сомнительным».

Христианский церковный закон довольно рано стал считать все попытки найти спрятанные сокровища или предсказать будущее еретическим колдовством, унаследованным от язычников древней Греции и Рима. «Гадание, — писал Перкинс (1608), — это часть колдовства, посредством которой человек с помощью дьявола обнаруживает неизвестное в прошлом, настоящем или будущем».

Гадание может быть осуществлено как с помощью приспособлений, так и без них. Истинные средства, например, предметы или явления природы, такие как полет птиц, исследование внутренностей, астрология, сны или бросание жребия (или костей) являются «созданиями Господа». Ложные или фальшивые средства, такие как некромантия или «черное искусство», происходят от дьявола, который появляется перед ведьмами в образе мертвого тела». Классическим образцом некромантии была Аэндорская волшебница, «чей пример прямо свидетельствует, что есть виды гадания, благодаря которым колдуны и чародеи обнаруживают странные вещи с помощью дьявола, появляющегося перед ними в виде тени умершего». Наиболее безнравственный вид гадания, в соответствии с Перкинсом, тот, который совершается без всяких средств, «сам по себе и благодаря незамедлительной помощи домашних духов. Он определен и недвусмысленно запрещен в книге Левит (19, 31) и практикуется двумя путями: внутренне, когда дух находится внутри колдуна, или наружно, когда он только вдохновляет его». Но в любом случае такое гадание является доказательством договора гадателя с дьяволом.

Маги, разрывающие козла. Из немецкого издания «De Remediis Utriusque Fortunae». Из коллекции Дусе Б.Б.

Как только «белых ведьм» стали признавать виновными наравне с «черными», так и магов стали осуждать за некромантию. Маг, заявляющий, что «имеет дело только с добрыми духами, — утверждал Генри Холлиуэлл (1681), — обманут иллюзиями, которые создает дьявол или злой дух». И, если они не понимают злой сущности этих духов, и не заключают с ними «явных контрактов», то это вовсе не смягчает их вину. Как указал Августин, и черная, и белая магия одинаково отвратительны для христиан из-за вызывания духов.

Хотя «гадание без средств» основывалось на соглашении с дьяволом, это преступление редко выделялось на судах, считаясь частью традиционной магии. Генри Ли не припоминает «ни на одном из многочисленных судов над ведьмами ни одного случая, когда колдун или ведьма обвинялись бы в вызывании духов умерших».

Виды гадания:

Аксиномантия — по семенам
Алектриомантия — с помощью петуха или другой птицы
Альфитомантия — с помощью еды, муки или отрубей
Антинопомантия — с помощью внутренностей женщин и детей
Арифмомантия — гадание по числам
Астрагаломантия — на игральных костях
Аэромантия — по воздуху
Ботаномантия — по травам
Гастромантия — по звукам из живота
Геомантия — по земле
Гидромантия — гадание на воде
Гиромантия — по вращению шара или круга
Дактиломантия — на пальцах
Демономантия — по наущению злых демонов или духов
Идоломантия — по идолам, изображениям, фигуркам
Ихтиомантия — по рыбам
Капномантия — гадание по дыму
Карромантия — гадание по растопленному воску
Катокстромантия — гадание на зеркалах
Каттабомантия — по медным сосудам
Клеромантия — с помощью жребия
Косциномантия — гадание на решете
Кристалломантия — по стеклу
Крифомантия — на зернах
Лампадомантия — по свету свечей и ламп
Леканомантия — гадание на миске с водой
Ливаномантия — по сжиганию ладана
Литомантия — по камням
Логарифмомантия — по таблице логарифмов
Махаромантия — с помощью ножей, сабель
Ойномантия — по вину
Омфиломантия — по форме пупка
Ониромантия — по снам
Онихомантия — по гвоздям
Ономатомантия — по именам
Орнитомантия — по полету и крику птиц
Пиромантия — по огню
Подомантия — по ногам
Психомантия — по человеческой душе, привязанностям, желаниям, религиозным или моральным наклонностям
Роадомантия — по звездам
Сикомантия — на винных ягодах
Спаталамантия — по шкурам, костям, экскрементам
Стареомантия — по явлениям природы
Стерномантия — по груди и животу
Сциомантия — по теням
Теомантия — по Священному Писанию
Териомантия — по поведению зверей
Тиромантия — по свертываемости сыра
Туфрамантия — по пеплу
Хартомантия — по написанному на бумаге
Хиромантия — по руке
Цефалономантия — по жареной ослиной голове
И одним словом нагомантия или некромантия — все виды обследования, вопрошания и гадания при посредстве умерших.

Джон Гоул, «Mysmantia» (1652)

ГАРНЬЕ, ЖИЛЬ. В 1573 г. Доль в провинции Франш-Конте был охвачен своеобразной эпидемией нападений на маленьких детей. Их последствия были настолько серьезными, что местный парламент опубликовал следующее заявление:

> «Независимый суд парламента в Доле настоящим объявляет, что в Эспани, Сальванже, Куршепо и прилегающих деревнях в последнее время часто видели и встречали оборотня, который, как говорят, уже поймал и унес несколько маленьких детей, ибо их не видели с тех пор. Вследствие этих нападений и нанесения ущерба нескольким всадникам, которые отогнали его с большим трудом и опасностью для жизни, упомянутый суд, желая предотвратить любую большую опасность, повелевает и разрешает, независимо от указов об охоте, проживающим в упомянутых и иных местах собраться с пиками, алебардами и палками, чтобы охотиться и преследовать упомянутого волкодлака везде, где возможно, поймать и убить его, не подвергаясь какому-либо наказанию или штрафу… Принято на заседании упомянутого суда, в тринадцатый день месяца сентября 1573 года» (Буркело).

В уединенной хижине возле Арманжа жил Г., лионец, по прозвищу «отшельник из Сен-Бонно», и его жена Аполлония — обездоленные и угрюмые затворники.

9 ноября, спустя два месяца после приведенного заявления, несколько крестьян спасли маленькую девочку, которая была сильно укушена в пяти местах громадным волком; при их приближении волк скрылся в темноте, но некоторым показалось, что они узнали Г. 15 ноября пропал десятилетний мальчик. Слухи и подозрения распространились быстро, и Г. и его жена были арестованы и подвергнуты пытке в Доле по подозрению в ликантропии.

Г. сделал соответствующее признание, подтвердив два из предъявленных ему обвинений.

24 августа или около того в грушевом саду около деревни Перус Г. убил 12-летнего мальчика. «Несмотря на то, что была пятница», — он хотел съесть его, но ему помешали появившиеся люди. Люди показали под присягой, и Г. подтвердил, что он появился тогда в человеческом, а не в волчьем обличье.

6 октября или около того в винограднике около леса Ля-Сьер Г. в обличье волка напал на 10-летнюю девочку. Он загрыз ее, раздел, а затем съел — великолепный образец партенофагии, порока, исключительно свойственного ликантропам. Мясо так пришлось ему по вкусу, что он отнес немного домой своей жене.

9 ноября или около того Г. в образе волка напал на девочку на лугу Ля-Пупе, между Отюном и Шастенуа. Однако ему помешали трое прохожих, и он должен был убежать.

15 ноября или около того между Гредизаном и Менотом, в миле от Доля, Г. в обличье волка задушил 9-етнего мальчика. Он отгрыз ему ногу и съел мякоть бедра и большую часть желудка.

На основании этих признаний Г. был заживо, без милости предварительного удушения, сожжен в Доле 18 января 1574 г.

ГВАЦЦО, ФРАНЧЕСКО-МАРИЯ [также Гваччио, Гвацци] (точные даты жизни неизвестны), странствующий монах начала XVII в., присоединился к Братствам св. Амброзия Нимского и св. Варнаввы в Милане в эпоху буйного расцвета суеверий. Как замечает Ли, «невежество той эпохи было неописуемым». Сам Г. был тому примером: он повторяет с невероятной серьезностью, что Лютер — потомок монахини и дьявола. Обсуждая, «могут ли ведьмы с помощью своего искусства создать какое-либо живое существо, он одолжил у дель Рио следующий exemplum [пример]:

> «В Бельгии жил похотливый деревенский малый, имевший дело с коровой, которая вскоре забеременела и через несколько месяцев произвела на свет плод мужского пола, который был не теленком, а человеком. Многие видели, как он выходил из живота своей матери, и, подняв его с земли, отдали кормилице. Мальчик вырос, был крещен, вос-

> питан в христианской вере и заявил, что хочет молитвой и трудом искупить грех своего отца, и так продолжалось до зрелости. Но он стал чувствовать в себе отдельные коровьи наклонности, например, тягу к поеданию травы и жеванию жвачки. Что следует думать об этом? Был ли он человеком? Для меня это несомненно; но я отрицаю, что его матерью была корова. Каким же образом это могло случиться? дьявол был уведомлен о грехе его отца и ради своего удовольствия сделал корову якобы беременной, а затем тайно принес откуда-то младенца и поместил его в корову, которая раздулась от ветров, чтобы казалось, будто он родился от коровы».

Подобные анекдоты типичны для того времени.

По заказу миланского епископа Г. написал энциклопедический «Справочник о ведьмах» («Compendium Maleficarum»), чтобы раскрыть, разоблачить, классифицировать и проиллюстрировать колдовство. Г. был хорошо известен как юридический советник на судах по колдовству (хотя очень редко описывал свою деятельность). В 1605 г. он отправился в Клеве, чтобы поддержать обвинение против женщины, подозревавшейся в околдовывании сиятельного герцога Иоанна Вильяма, давно и активно преследовавшего всех подозреваемых в колдовстве. Для своего справочника Г. использовал материалы предшествующих демонологов, особенно дель Рио и Реми; в общей же сложности он цитирует 322 автора. Из-за такой насыщенности «Компендиум» стал одной из главных демонологических книг XVII в. и был с трудом опровергнут лишь Синистрари.

Иллюстрация из книги Гваццо «Compendium Maleficarum» (Милан, 1626), впервые опубликованной в 1608 г. «Чем в больший порок демоны вовлекают людей, тем большее оскорбление наносится Господу, и тем большую силу Он применяет к демонам, чтобы наказать их».

ГВИННЕР, ЭЛЬЗА. Судебное производство против ведьм в разных государствах Германии было различным. Суд над Эльзой Лауббах в 1601 г., женой пекаря Мартина Гвиннера, отражает практику, принятую в имперских городах (рейхсштадтах) Священной Римской империи. Оффенбург (в соврем. Бадене) — город с населением 2000–3000 жителей. Он был строго католическим и через свои школы подчинялся иезуитам: любой, не исповедовавшийся на Пасху, попадал на три дня в тюрьму, а затем получал две недели для выполнения этой обязанности, или ему грозило дальнейшее заключение. Оффенбург управлялся городским советом (ратушей) из 22 членов, 10 избирались косвенно торговыми гильдиями и 10 кооптировалось самим советом, наряду с двумя священниками ex

officio. Из членов совета выбирался мэр и четверо исполнителей, которые являлись государственными судьями на процессах над ведьмами.

Советник фракции охотников на ведьм Рупрехт Зильберрад решил уничтожить противостоявшего ему члена совета Георга Лауббаха, чья жена в 1597 г. одной из первых в Оффенбурге была сожжена за колдовство. 7 сентября 1601 г. Зильберрад обвинил двух дочерей Лауббаха, Адельгейду и Елену, в том, что они якобы убили колдовским способом его сына, а 31 октября добавил к ним третью дочь Лауббаха, Эльзу Гвиннер. «Показания» были даны двумя бродягами, арестованными за кражу винограда. Вместо того, чтобы наказать у позорного столба за воровство, их обвинили в колдовстве и пытали до тех пор, пока они не назвали дочерей Лауббаха, особенно Эльзу, своими сообщницами в maleficia. Бродяги упомянули и других знатных горожанок, включая золовку Зильберрада, но на эти разоблачения никто не обратил внимания.

В день своего ареста Г. подверглась пытке, но ни в чем не призналась. Хотя она ужасно кричала во время растягивания на страппадо, все, что она могла сказать, было: «Господи, прости их, ибо не ведают, что творят!» Несмотря на общественное порицание, по совету викария решили арестовать младшую дочь Эльзы, Агату, надеясь получить от нее признание, которое могло бы изобличить ее мать. Но Агата отказалась сотрудничать. Вследствие этого ее мать подверглась более жестокой пытке во второй раз 7 ноября 1601 г., но даже тогда, когда тяжелейший груз был привязан к ее телу, а она была подвешена за запястья, она отказалась говорить. Спустя неделю судьи вернулись к допросу Агаты, но девочка отказалась наговаривать на свою мать, и признание было вытянуто у нее с помощью порки. 22 ноября оба бродяги были казнены, и в тот же самый день Эльзе рассказали об обвинениях Агаты и устроили очную ставку с дочерью. Подойдя к девочке, она воскликнула в гневе: «Почему я не утопила мою несчастную дочь сразу же после рождения, обмывая ее в лохани?» — «О, зачем ты не сделала этого, мама?», — прорыдала Агата.

Поскольку Г. все еще молчала, ее подвергли пытке тисками для пальцев, что вынудило ее признаться в сношении с дьяволом. Затем ее бросили в ледяную тюрьму. Пытку возобновили в четвертый раз 11 декабря, когда Эльза была так истощена, что во время истязаний приходилось приводить ее в чувство холодной водой. Признавшись в половых сношениях с дьяволом и полете на шабаш, она вдобавок обвинила двух женщин в пособничестве. Однако два дня спустя она отреклась от признания и настаивала на своей невиновности, несмотря на увещевания священника признать свою вину. 15 декабря судьи сказали ей, что будут пытать ее непрерывно, пока она не сознается. Обвинение в причинении смерти сыну Зильберрада, по которому ее арестовали в первый раз, было забыто, и целью стало заставить ее назвать тех, кто был на шабаше. Эльза не назвала никого и настаивала, что ее предыдущие признания были ложными. Увидев тщетность своих усилий судьи, на основании всех обвинений, приговорили ее 19 декабря, а 21 декабря 1601 г. сожгли. В течение этого времени ее младшая дочь Агата содержалась в цепях в маленькой тюрьме, где священник пытался уговорить ее свидетельствовать против матери. Ее отец и родные были так шокированы тем, что она оговорила собственную мать, пусть даже под поркой, что отреклись от нее. Теперь на руках у городского совета оказался нежелательный узник — ребенок, слишком юный для того, чтобы приговорить его к сожжению. Однако через три недели после казни жены Мартин Гвиннер смягчился и подал формальное прошение совету, чтобы Агату простили, принимая во внимание ее чрезвычайную молодость. Она была освобождена при условии высылки в любой католический город Германии. Фракция Зильберрада сильно возражала против такого проявления милосердия.

Две сестры Эльзы, Адельгейда и Елена, очевидно, не попали под суд, поскольку 4 февраля 1602 г. члены совета ополчились против Зильберрада и 4 его сторонников и арестовали его. Однако, по настоянию церкви, они содержались под домашним арестом, и Зильберрад был вскоре освобожден, получив возмещение за причиненный ущерб и восстановив свое прежнее положение.

В Оффенбурге продолжались охоты за ведьмами, поскольку они были выгодны для судей, и суды стали еще более беззаконными и жестокими. Судьи ввели железный ведьминский стул, к которому привязывали жертву и поджаривали до признания. Это новое приспособление быстро доказало, что наиболее состоятельные лица в городе были ведьмами [см. Германия, колдовство в]. Около 1630 г. преследования прекратились из-за военных действий, но позже были возобновлены.

Этот судебный процесс типичен для католических городов Германии. Но столь же жестокие суды происходили и в протестантском городе Линдхейме [см. Шулер, Иоганн]. В обоих городах состоятельные горожане без малейших улик обвинялись в колдовстве, подвергались пыткам до бредовых признаний вроде договора с дьяволом и полетов на шабаш, затем сжигались, а их собственность конфисковывалась. Таким образом, ради выгоды католики и протестанты состязались в очищении своей веры от союзников дьявола.

ГЕНРИХ VIII: закон 1542 г. Первый в современной Англии билль, направленный против колдовства. До этого колдовство считалось или преступлением против церкви, подлежащим разбору в низших церковных судах, или (особенно применительно к известным людям) политическим преступлением, наказывавшимся Королевским Тайным советом или советом епископов. Некоторые законы против чародейства были приняты очень рано, еще в англосаксонские времена [см. Англия, колдовство в].

Хотя закон 1542 г. отличался от всех английских законов, направленных против колдовства, наибольшей широтой, сохранился отчет только об одном обвинении по нему (обвиняемый был прощен). Через 6 лет, в 1547 г., он был заменен раздельными законами об измене и уголовных преступлениях, что, по-видимому, не вызывало разногласий [см. Эдуард VI]. Однако фразеология этого билля была сохранена во всех последующих законах, вплоть до Якова I.

Выделение в билле лишь некоторых аспектов колдовства является убедительным доказательством изолированности английского колдовства. Так, например, в нем не упоминается о договорах с дьяволом, столь существенных для полностью сложившихся концепций колдовства Европы и Новой Англии. Но зато в него были включены различные действия ведьм: гадания по драгоценным камням, простая maleficia, симпатическая черная магия, с использованием восковых подобий, кольца и бутылки или переворачивание придорожных крестов с целью обнаружения спрятанных под ними сокровищ. Само колдовство не считалось преступлением. Лорд Кетлин — Главный королевский судья, установил в 1561 г., что изготовление любовных зелий не является основанием для привлечения к суду. Закон любопытен и тем, что в отличие от более поздних актов, в нем не проводится различие преступлений по степени, и все они, как главные, так и второстепенные, рассматриваются как уголовные и, следовательно, наказываются смертью.

Билль против заклинаний, колдовства, чародейства и магии

I. Те, кто противозаконно вынашивают коварные замыслы и

а) занимаются колдовством, вызыванием духов, получая с помощью подобных средств знания для своей собственной выгоды о скрытых сокровищах из золота и серебра, которые могли бы или могут быть найдены в земле или других потайных местах;

б) используют и занимаются колдовством, магией и чародейством ради причинения ущерба соседям и их собственности;

в) для своих нечестивых целей изготавливают или заставляют изготавливать подобия и изображения мужчин, женщин, детей, ангелов или дьяволов, зверей или птиц;

г) изготавливают короны, скипетры, сабли, кольца, стекла и другие вещи, с верой в подобные фантастические приспособления, раскапывают и вынимают кресты в пределах королевства и посредством их заявляют о том, где могло бы находиться потерянное или украденное;

Все названное не может рассматриваться иначе, как тяжкое преступление против законов Господа и подданных Его величества, и души таких преступников обречены на бесчестье перед Господом, лишение всех прав и позор в королевстве.

II. Во исправление вышеизложенного Его величеством королем с одобрения членов Палаты лордов духовных и светских и Палаты общин, избранных в настоящий Парламент, данной им властью устанавливается, что любая личность или личности, которые после 1-го мая будут использовать, заниматься, практиковать или заставлять использовать или заниматься любыми заклинаниями и вызываниями духов, колдовством, магией или чародейством, намереваясь:

а) получить или разыскать деньги или сокровища;

б) разорить, уничтожить или испортить кого-либо или его близких или имущество;

в) подстрекать кого-либо к противоестественной любви с нечистыми или непристойными намерениями;

г) для поругания Христа или извлечения выгоды вырывать или выдергивать кресты, или посредством вызывания и заклинания духов, колдовства, магии или чародейства узнавать, где скрыто потерянное или украденное;

Любая попытка совершить вышеуказанное, начиная с 1-го мая будет объявляться и рассматриваться как преступление. Любое лицо или лица, совершившие вышеуказанное, их наставники, соучастники и поставщики будут объявляться и рассматриваться как преступники. В соответствии с данным актом названные преступники или преступник должны быть осуждены по закону на смерть и конфискацию имущества, движимого и недвижимого, земель и всего состояния, как и иные преступники, на основании общих законов королевства, с лишением права убежища в храме и церковного погребения.

ГЕОРГ II: закон 1736 г. Последним в Англии человеком, казненным за колдовство, была Алисия Молланд из Экстера в 1684 г. Последнее обвинение такого рода было предъявлено в 1717 г. Джейн Клерк, но затем отвергнуто судом присяжных. К концу XVIII в. вера в практическое колдовство сошла на нет, сохраняясь лишь среди самых невежественных верующих и необразованных монахов. Еще в 1770 г. Дж. Весли сетовал, что «неверующие изгнали колдовство из мира».

В конечном счете практика оказалась сильнее теории, и в 1736 г. закон 1604 г. был отменен. Инициаторами выступили члены парламента Хиткот, Кондуит и Круз.

Новый закон был полной противоположностью старому: ведьм больше не наказывали; вместо них подвергались преследованию те, «кто считал себя ведьмами». В определенном смысле подобный курбет напоминает переворачивание вверх дном положений канона «Episcopi» буллой папы Иннокентия VIII в 1484 г., когда вера в ведьм была превращена из ереси в догму.

Как ни странно, но по последней статье закона можно преследовать предсказателей судьбы и в настоящее время — не за то, что они колдуны, а за то, что они изображают колдунов. В остальном он следует формулировкам предшествовавших законов. Ирландский закон против колдовства, принятый в 1587 г., не был отменен до 1821 г.

I. Настоящим предписывается Его величеством, с всеобщего одобрения и согласия членов Палаты лордов, как духовных так и светских, и членов Палаты общин собравшихся на настоящей сессии, данной ему властью, что закон, принятый в первый год царствования короля Якова I озаглавленный «Акт против ворожбы, колдовства и сношений с злыми и грешными духами», впредь, с 24 дня июля, объявляется отмененным, полностью недействительным и недействующим (за исключением статьи об отмене закона, принятого на пятом году царствования королевы Елизаветы и озаглавленного «Акт против ворожбы, чародейства и колдовства»).

II. Далее предписывается властью вышеназванных, что впредь и после указанного 24 июня Акт, принятый парламентом Шотландии и девятой сессией парламента королевы Марии (1562), озаглавленный «Против колдовства», объявляется отмененным.

III. Далее предписывается, что впредь и после названного 24 июля прекращается рассмотрение, приведение приговоров в исполнение, слушание уже начатых дел против лица или лиц за занятие колдовством, чародейством, ворожбой или заклинанием или за другие преступления с таким же обвинением в любом суде, какие есть в Великобритании.

IV. И для более действенного предотвращения и наказания любых притязаний на вышеуказанные искусства и способности, посредством которых невежественные люди часто вводили в заблуждение и обманывали, далее предписывается, что если любое лицо будет впредь и далее, после 24 июня, притворяться, что занимается или использует любые виды колдовства, чародейства, ворожбы или предпринимать предсказание судьбы, или симулировать знание любой оккультной или хитрой науки или искусства, или рассказывать, где и каким образом можно открыть украденное или найти потерянное, то любое лицо, совершившее такое нарушение, будучи законно признано виновным в обвинительном акте или жалобе в суд в части Великобритании, называемой Англией, а также в обвинительном акте или печатном пасквиле в части Великобритании, называемой Шотландией, будет за каждую такую попытку наказываться заключением на срок до одного года без права освобождения под залог (поручительство) и единожды в каждом квартале названного года в городе с рынком в названной страде в течение торгового дня должно стоять непокрытой головой у позорного столба в течение одного часа и еще должно (если вынесший приговор суд это решит) внести денежный залог в своем хорошем поведении, причем сумму и срок должен определить суд присяжных соответственно обстоятельствам дела, а также определить, на какой срок будет продлено заключение, пока этот залог не будет внесен.

ГЕРМАНИЯ, КОЛДОВСТВО В. Германия была классической страной охоты на ведьм. Если в Англии казнили не более 1000 ведьм, то в Германии их погибло не меньше 100 000. Английское законодательство запрещало использовать пытки, тогда как в Германии они были разрешены. Дж. Барр сообщает, что одна женщина была подвергнута 56 различным пыткам. В Англии ведьм сжигали только после удушения, а в Германии сожжение заживо было предпочтительным способом казни. Современник, хронист из Вольфенбюттеля, писал в 1590 г.: «количеством столбов место казни напоминало небольшую рощу». Во время путешествия в Кельн в 1631 г. кардинал Альбицци отметил: «Ужасное зрелище предстало нашим глазам. За стенами многих городов и поселений мы видели многочисленные столбы, к которым были привязаны бедные и жалкие женщины, сжигавшиеся за колдовство». В Нейссе (Силезия) палач предвосхитил нацистов XX века, сконструировав печь, в которой только за один 1651 г. зажарил 42 женщины и девушки. За 9 лет он сжег более тысячи человек, включая малышей от 2 до 4 лет. Такова была действительность охоты на ведьм в Германии.

В состав Германии входило около 300 больших и малых автономных территорий. Конституционно они составляли Священную Римскую империю и признавали Каролинский кодекс 1532 г., предусматривавший за колдовство пытки и смертную казнь. В действительности же каждая земля подчинялась своим законам. Не только протестантские земли, как, например, Саксония, где закон 1572 г. был значительно суровее Каролинского, но и Бавария игнорировала имперское законодательство. Иногда это было к лучшему. Так, Бернард фон Рейсфельд, архиепископ Мюнстерский, разрешил в 1563 г. судить за колдовство, но так сопротивлялся дальнейшим преследованиям, что это привело к его отставке в 1566 г.

В 1582 г. Генеральный синод протестантов Гессель-Касселя установил, что дьявол властен лишь над теми, кто боится колдовства, и, следовательно, никто не должен быть осужден за чародейство (Лангин). В 1657 г. в Аморбахе (Майнц) судья Даниэль фон Франкенштейн отказался преследовать мнимых возбудителей бури, уничтожившей виноградники, потому что сиятельный князь-архиепископ Майнца Иоганн Филипп фон Шенборн (друг Шпее) освободил ведьм, арестованных ранее.

Правители изменяли законы в соответствии со своими вкусами. Так, Вильгельм III, герцог Юлиесбергский, находился под влиянием своего врача, скептика И.Вейера, и герцогство выделялось свободой от преследований. Лишь в 1581 г., после апоплексического удара, герцог уволил Вейера и разрешил пытать ведьм. Филипп Адольф фон Эренберг, князь-епископ Вюрцбургский, безжалостно уничтожил сотни ведьм, включая (с одобрения иезуитов) и собственного наследника. Но вскоре после этой утраты (около 1630 г.) он изменил свои взгляды, разрешил погребение казненных и прекратил суды. Под влиянием идей Фомы Аквинского Фридрих I Прусский около 1700 г. собственноручно наказал одного из своих баронов за то, что тот казнил 15-летнюю девочку, признавшуюся на исповеди в сношениях с дьяволом.

В дальнейшем, поскольку преследования ведьм достигли максимума под влиянием Реформации (1570) и Тридцатилетней войны (1618–1648), когда обширные пространства переходили от католичества к протестантизму и наоборот, критерии определения колдовства менялись ежегодно. Так, в 1573 г. женщина, обвиненная в колдовстве протестантским судом в Хагенау (Эльзас), была освобождена. В 1577 г. она снова предстала перед судом, но уже католическим. Судебное разбирательство продолжалось целый год, женщину 7 раз пытали, наконец исповедали и сожгли. Одновременно казнили ее соучастника и привлекли еще шестерых женщин. Бамбергский епископат, возглавляемый князь-епископом Готфридом Иоганном Георгом II, был признанным центром преследования ведьм, однако, когда в 1632 г. жители восстали и приветствовали протестантскую шведскую армию, судебные процессы были приостановлены до 1636 г.

Действия властей часто не отличались последовательностью. Так, вначале иезуиты допускали колдовство, и их ведущие богословы, например, дель Рио, писали ужасные книги в поддержку охотников за ведьмами. Позже на этой позиции осталось меньшинство, и поэтому В.Таннер (1617) и отец Шпее (1631) возглавили борьбу с обскурантизмом. Лютеранин Карпцов, прозванный «законодателем Саксонии», хваставшийся, что он прочитал Библию 53 раза, и считавший себя последователем Фомы Аквинского, по слухам, отправил на костер 20 000 ведьм.

Князь-епископ Фульды Балтазар фон Дернбах назначил судьей над ведьмами Бальтазара Росса, жестокого фанатика, надеясь с помощью террора усмирить протестантов. Росс превзошел в садизме Бюирмана, всаживая раскаленные вертела в женщин, подвешенных на дыбе. С 1603 по 1606 гг. он казнил 300 человек. Однако в 1606 г. новый аббат, Иоганн Фридрих фон Швальбах, прекратил суды и посадил Росса в тюрьму (до казни в 1618 г.), но не за «сожжение невинных», а за «установление и присвоение непомерных налогов».

Дальнейшие расхождения были обусловлены тем, что для арбитражного рассмотрения спорных случаев привлекались богословские факультеты университетов, позиции которых не отличались единомыслием. Например, когда Максимилиан II, герцог Баварский, решил ввести пытки для ведьм, трое его советников выступили с возражениями. Тогда он обратился к университетам: Кельнский отверг пытки, а во Фрейбурге и Ингольштадте их одобрили. Даже в течение одного-двух десятилетий позиции могли существенно меняться. Во время Бланкенштейнского процесса 1676 г. университет рекомендовал оправдать женщину, обвинявшуюся в убийстве с помощью колдовства. Спустя же всего 13 лет, в обстановке повсеместной истерии, тот же университет потребовал сожжения живьем ее дочери по сходному обвинению.

Таким образом, во множестве независимых государств, из которых состояла Германия, понятие колдовства существенно различалось. Некоторые из них, например, Австрия, Бавария, Трирское епископство, княжества Бамберг и Вюрцбург, свободный город Кельн рассмотрены в отдельных статьях; отдельные статьи посвящены также нескольким частным случаям, иллюстрируют типичную практику преследования ведьм за два столетия:

Фладе, Дитрих (Трир, 1588)
Лемп, Ребекка (Нордлинген, Швабия, 1590)
Юниус, Иоганнес (Бамберг, 1628)
Бюффген, Кристина (Рейнбах, 1631 Кельн)
Неизвестная женщина (Эйхштадт, 1637)
Шулер, Иоганн (Линдхайм, Гессе-Дармштадт, 1663)
Бланкенштейн, Катерина (Наумбург, Саксония, 1676)
Алерс, Альта (Саксония, 1694)
Мария Рената (Вюрцбург, 1749)
Швагель, Анна Мария (Кемптен, Бавария, 1775)

Все эти статьи оставляют жуткое и ужасающее впечатление.

Несмотря на различные подходы к колдовству, из судебных отчетов столь различных государств вырисовывается общий образец немецкого преследования за колдовство, действовавший на всех германских территориях и отличный от аналогичных судебных уложений Франции или Англии. И фактически, даже если описать каждое государство в отдельности, оно не многим будет отличаться от данного образца. Кошмары следовали один за другим, и, как это явствует из вышеперечисленных статей, даже теряли свою остроту из-за повторений.

Концепция колдовской ереси пришла в Германию поздно, и суды над ведьмами не были повсеместными до 1570 или 1580 гг., в то время как повсюду в Европе массовые суды над ведьмами начинались с XV в., особенно в южной Франции и в районе итальянских Альп, распространившись затем в Швейцарию, Францию и Тироль.

Молитор, профессор права в Констанце, посвятивший книгу о колдовстве эрцгерцогу австрийскому Сигизмунду, основывался на фактах деятельности инквизитора Крамера из Тироля [см. «Молот ведьм»], организовавшего охоту за ведьмами. Отсюда «колдовская ересь» стихийно распространилась через южную Швабию в Вюртемберг и Франконию, а затем в Рейнланд. Единичные суды над ведьмами отмечались в Гейдельберге в 1475 г., Метце — в 1488, Фельсе — в 1506, Вальдзее в 1518 и Гамбурге в 1521 г., а далее повсеместно. Из южной Франции, где собственная инквизиция, боровшаяся с альбигойцами, еще в XIV в. перешла на ведьм, поиски ведьм прошли по долине Роны, через Лион и соединились с тирольской волной во Франш-Конте, Эльзасе и Лотарингии.

Существует ошибочное мнение о народном происхождении понятий о колдовстве. Но обычные люди не мстили ведьмам, подавая на них в суд. Конечно, злые колдуны могли подвергнуться линчеванию, но организованного преследования не было никогда. Оно не могло бы возникнуть без вмешательства священников и пасторов, которые настраивали безразличных или враждебно настроенных прихожан на веру в гибельность предполагаемых сношений колдунов с дьяволом. Инквизитор Крамер был изгнан из Тироля разгневанными жителями. Концепция суда над ведьмами (доносы неизвестных осведомителей, таинственное и ужасное преступление, заставляющее приостановить обычную процедуру судопроизводства, пытки, принуждающие к признанию и сожжение осужденных) была чужда обычному тевтонскому праву. Но, в отличие от Англии, сохранившей похожую систему англосаксонского обычного права, Германия заменила ее римским имперским и каноническим законодательством. Новые идеи распространялись по всей Германии тысячами проповедников (подобных Планчу в 1507 г. или Кайзерсбергу в 1517 г.), сотнями законов и руководств для судей, пока колдовская ересь не вошла в повседневную практику.

Однако ее концепция вполне оформилась лишь после Тридентского собора 1563 г., когда под влиянием ордена иезуитов Германия вновь вернулась в лоно католической церкви. Подобно тому как доминиканские инквизиторы распространили теорию колдовской ереси в XVI и XVII вв. по всей Европе, так и иезуиты внедрили ее в Германии в XVII и XVIII вв. Сначала они набрали силу в Австрии, а затем, в 1590 г., несмотря на апатичность местного духовенства, настояли на принятии законов, с которых в Баварии началось

преследование ведьм. Влияние иезуитов преобладало в Бамбергском, Вюрцбургском и Трирском епископствах.

В 1589 г. Клаудио Аквавита, глава ордена, распорядился, чтобы его члены в Рейнланде склоняли местных правителей к судебному преследованию ведьм, а жителей — к доносам на соседей. Священники же, напротив, не должны были вмешиваться в процессы. Похожие распоряжения были сделаны и другими иезуитами, например, Георгом Шерером и Иеремией Дрекселем. А иезуитские богословы, в частности, Петр Тирский, начали пропаганду в университетах.

Эти внезапные изменения взглядов хорошо видны в отчетах о сожжении ведьм до и после третьей четверти XVI в.:

Вальдзее (Вюртемберг)	1518–1581	2
	1581–1594	28
Энсгейм (Эльзас)	до 1571	2
	1571–1620	88
Ханн (Эльзас)	до 1572	4
	1572–1620	150
Оснабрюк (Ганновер)	1583	21
	1589	133

Однако католики вовсе не обладали «монополией» на преследование колдовства; протестанты тоже стали гонителями ведьм, причем не то что бы не менее, а иногда даже более ярыми. В эту эпоху вера в Бога неразрывно связывалась с убеждением в существовании его антагониста, и страх и ненависть по отношению к тем, кто вступал в сношения с последним, распространились во всех государствах империи как среди католиков, так и среди протестантов. Можно сказать, что лютеране были даже более «помешаны на дьяволе». В Большом катехизисе Лютера он упомянут 77 раз, а Христос — только 63 раза; и в выявлении врагов Господних они были не менее принципиальны, чем католики. Так в протестантской Саксонии, в Кведлинбурге с населением в 12 000 человек в один день 1589 г. было сожжено 133 ведьмы — одно из самых больших зафиксированных сожжений. 4 красивых девушки были освобождены палачом, объявившим, что дьявол покинул их.

Сожжение заживо в соломенной хижине фрау Пеллер и бургомистра Лиртшена в 1631 г. Из книги Германа Лоэра «Hochnotige Klage».

Неверно утверждать, что одна религия подвергала ведьм большим гонениям, чем другие, поскольку примитивные люди, мало соприкасавшиеся с какой-либо верой, часто признавали лишь авторитет личности. Для Бамбергского епископа Готфрида Иоганна Георга таковым являлся профессор Карпцов из Лейпцига. И все-таки наиболее жестокие и длительные судебные процессы происходили в католических княжествах и прежде всего там, где правили князья церкви: в Майнце, Бамберге, Вюрцбурге и Трире, а также Фульдском аббатстве.

В 22 деревнях, принадлежащих монастырю св. Максима (в окрестностях Трира), с 1587 по 1594 гг. было казнено 368 ведьм. Хроника утверждает, что 2 деревни были стерты с лица земли, а в двух других остались в живых лишь две женщины. В Страсбурге с 1615 по 1635 гг. сожгли 5000 ведьм (Клеле). Католический ученый Карл Хаас считает, что в протестантских землях Вюртемберга и Швабии в это же время гонений было меньше, и, кроме того, они раньше прекратились. Так, в Пруссии король Фридрих Вильгельм практически прекратил суды над ведьмами в 1714 г. (последний состоялся в 1728 г.), в то время как в австрийском Тироле в 1707 г. был принят наиболее суровый закон против ведьм. В католических районах лютеранского Вюртемберга гонения усилились в 1746–1747 гг. В католическом Энлангене (баденском городе, принадлежавшем Австрии) с благословения Фрейбургского университета 24 апреля 1751 г. была заживо сожжена женщина. В 1749 г. гражданские власти в Вюрцбурге казнили сестру Марию Ренату, приговоренную епископским судом. И последней за колдовство в Германии была казнена Анна Мария Швагель в 1775 г. Кардинал Гонорий начертал на приговоре собственной рукой: «Да свершится правосудие».

Преследование ведьм достигло высшей точки во время Тридцатилетней войны. Безжалостность воюющих и их религиозный фанатизм стимулировали желание уничтожать ведьм, хотя во многих местах военные действия вызывали, по крайней мере, временное прекращение сожжений — в связи с оккупацией этих территорий шведской армией. После войны истерия редко восстанавливалась в прежнем объеме. Однако в некоторых местах, особенно пострадавших от войны, время повернулось вспять. Жесточайшие вспышки гонений отмечались в имперских городах: Эслингене (Вюртемберг) в 1662–1665 гг. и в Зальцбурге (Австрия) в 1677–1780 гг. Но военные годы были самыми худшими.

Так, за один 1629 г. в Мильтенбурге (архиепископство Майнцское), маленьком городке с населением 3000 жителей, было сожжено 178 человек и еще 56 в деревнях. В Бургштадте, с еще меньшим населением, — 77 ведьм, а в небольшой деревне Эйхенбугель — 19 ведьм.

В Германии колдовская ересь не просто распространилась шире, чем в других странах; преследования здесь были безжалостнее, чем где бы то ни было. Не имеющий себе равных по жестокости суд над ведьмами состоялся в 1661 г. в Линдхейме; его описание и сейчас читается как кошмар [см. Шулер, Иоганн].

Без пыток охотники за ведьмами могли бы найти очень мало жертв. Маркграф Филипп запретил пытки в 1526 г., и о колдовстве здесь не слышали до 1564 г., когда с помощью пытки изобличили жертву, сожженную как ведьму. Суды над ведьмами умножились лишь после того, как была подавлена оппозиция, протестовавшая против пыток. Германия была страной пыток. И в этом смысле Бамберг, средоточие ужаса, не был исключением: во многих городах имелись специальные тюрьмы для ведьм и «ведьминские башни» (Hexenturm), где применялись одни и те же пытки.

В Теттванге (Вюртемберг, около Констанца) в 1608 г. отец семейства умер в тюрьме от пыток; его жену 11 раз подвешивали на страппадо до признания, а их 12-летняя дочь в течение одного дня подвешивалась 11 раз, причем к ее ногам привязывали 50-фунтовый груз. Только через десять недель после этого палач решил, что она достаточно поправилась, чтобы выдержать дальнейшие пытки и не умереть от них. В Хагенау (Эльзас) Анну Швагель, 65-летнюю вдову, содержали в тюрьме 4 месяца (1627–1628). За это время ее

несколько раз подвешивали на страппадо, а также пытали «испанским сапогом». Все это было общепринятой практикой; более оригинальные методы отражены в различных источниках [см. Библиография].

В отчете о судах в городе Оффенбурге упоминается о пытке с помощью утыканного острыми иглами железного стула, под которым разводили огонь. Подобное приспособление почти всегда приводило к признанию в течение 15 минут. В том же отчете сообщается лишь о двоих, которые не признались: Якобе Линдере, подвергнутом пытке трижды в январе 1629 г., и Готтер Несс, также подвергшейся пытке три раза в том же году. Когда ее посадили на стул в третий раз 3 декабря 1629 г., она была так слаба, что могла умереть в любую минуту. Напротив, некоторые эксперты считали наиболее эффективным методом получить признание и имена сообщников — лишение сна, которое применял в Англии Хопкинс. В распространявшемся в начале XVII в. в Эльзасе справочнике по ведьмам отмечалось, что этот простой метод имеет то преимущество, что обвиняемый никогда не умрет под пыткой.

Документы опровергают и другое заблуждение, что ведьмы якобы были отбросами общества. О том, что за люди обвинялись в колдовстве, свидетельствуют два письма Дурена, священника из Альфтера, около Бонна (официальной резиденции кельнского архиепископа), к графу Вернеру фон Сальму. Первое описывает ситуацию в начале XVII в. следующим образом:

> «Я не писал так долго потому, что ничего примечательного не случалось, кроме яростного сожжения ведьм, начавшегося в Бонне. Сейчас в тюрьме находится состоятельная женщина, муж которой недавно был членом боннского магистрата и хозяином гостиницы „Под знаком цветка“. Не знаю, Ваша милость, были ли Вы с ним знакомы. Возможно, что она и ведьма, и день ото дня усиливается мнение, что ее казнят, и, без сомнения, некоторые из этих (лютеранских) тупиц последуют за ней».

Второе, более позднее, письмо иллюстрирует истерию преследований:

> «Жертвами погребальных костров в основном становились мужчины. Кажется, вовлечено полгорода: профессора, студенты, изучавшие право, пасторы, каноники, викарии и монахи уже арестованы и сожжены. Семьдесят семинаристов готовились принять сан у его преосвященства; один из них, одаренный музыкант, вчера был арестован, двух других искали, но им удалось бежать. Канцлер с супругой и жена его личного секретаря уже схвачены и казнены. На Рождество Пресвятой Богородицы (7 сентября) казнили воспитанницу князь-епископа, девятнадцатилетнюю девушку, известную своей набожностью и благочестием. Я видел обезглавленного и сожженного каноника Ротензаэ. Трех-, четырехлетних детей объявляли любовниками дьявола. Сжигали студентов и мальчиков благородного происхождения от девяти до четырнадцати лет. В заключение скажу, что дела находятся в таком ужасном состоянии, что никто не знает, с кем можно говорить и сотрудничать».

Очень похожий отчет дается и канцлером Вюрцбурга, написанном позднее, в 1629 г. [см. Вюрцбургские процессы].

Согласно приведенным письмам, ведьм обнаруживали среди богатых горожан. И это не было случайностью. Как светские, так и духовные суды одобряли конфискацию собственности еретика как «второе оружие инквизиции» (пытка была первым). Когда пахло деньгами, протестанты становились столь же религиозными, как и католики. Более того, без надежды на скорую наживу лишь немногие светские суды так легко последовали бы за духовенством. Цольден-Хеппе считает, что протестантские правители небольших территорий превосходили всех яростью преследований.

Иллюстрацией того, как преследование ведьм связывалось с извлечением выгоды, может служить Оффенбург (Баден), маленький город с населением в 2–3 тысячи жителей. В 1627 г. несколько женщин из Оффенбурга были вовлечены в процесс другими «ведьма-

ми» из соседнего городка Артенберга, чья вина уже считалась доказанной; эти «ведьмы» якобы видели обвиняемых на шабаше на горе Блоксберг. Оффенбургский штадтсрат (городской совет), действуя через комитет, затем начал поиски ведьм, особенно среди обеспеченных горожан и собрал большие доходы от пятерых ведьм, которых он сжег 12 января 1628 г. Затем наступило затишье на полгода, пока город был оккупирован шведской армией. Но 27 июня совет начал с того, на чем остановился, и стимулировал истерию, объявив награду в 2 шиллинга за каждую пойманную ведьму. К 7 июля он нашел и сжег 4 богатых женщин. В это время австрийские власти, которым в городе принадлежала значительная собственность, объявили, что собственность ведьм переходит к императору. Оффенбургский штадтсрат, не видя никаких оснований для пополнения императорской казны, прекратил преследовать ведьм до тех пор, пока решение о конфискации не будет отменено. После тяжбы Австрия сняла свои притязания, и ратуша вернулась к сожжениям. Она экспроприировала собственность четырех состоятельных женщин, сожженных 23 октября, еще четверых 13 декабря и трех богатых мужчин 22 января 1622 г.

Священник благословляет орудия пыток перед их применением.
Из книги Германа Лоэра «Hochnotige Klage».

Некоторые из горожан поняли, что скоро все будут объявлены колдунами, и обжаловали практику использования показаний, полученных под пытками. Подобное заявление подрывало саму основу охоты на ведьм, и городской совет быстро усмирил оппозицию тем, что сжег двух ее представителей. Затем он вернулся к делам. 4 мая были сожжены две женщины, 25 мая — еще четыре и один мужчина, 8 июня — две женщины и два мужчины, а 29 августа — еще две ведьмы. Затем появилось новое препятствие: духовенство пожаловалось, что его доход от конфискаций слишком мал. И снова суды над ведьмами прекратились, пока ратуша не достигла соглашения с духовенством. В октябре сожжения возобновились: четверых сожгли 19 октября и еще стольких же 23 ноября. Но духовенство почувствовало, что не сможет реализовать своих притязаний, и тайно подучило осужденных ведьм отказаться от своих показаний. Поскольку теперь был затронут их карман, церковники решили опротестовать моральную сторону пыток. Разразился скандал, и населению Оффенбурга удалось обуздать ратушу по крайней мере на несколько лет. Таким образом, всего за два года (1628–1629) в одном лишь маленьком городе было сожжено по обвинению в колдовстве 79 человек (Карл Лемпенс, со ссылкой на «Offenburger Ratsbucher»). Другой подобный скандал в связи с распределением прибылей разразился в Хагенау (Эльзас) в 1629 г. 29 января были казнены четыре состоятельных человека, и это вызвало разбирательство между Hexenausshuss, городской комиссией по колдовству, и

Reichsshultheiss, судебными властями, представлявшими интересы императора. Требования были удовлетворены после раздела прибылей на три части: комиссии Хагенау, императору и эрцгерцогу Леопольду как оберландфогту. При этом городу указали, что, если выплаты не будут сделаны, то многие ведьмы избегнут казни, и имя Господне будет опорочено.

Бамбергское епископство превосходило остальных не только в пытках, но и в извлечении легких денег. Список, составлений в 1631 г. после прекращения казней в конце 1630 г., дает представление о размере собственности, изъятой у некоторых ведьм, сожженных в предыдущем году. Все они были состоятельными гражданами, например:

Георг Нейдекер, состояние — 100 тысяч флоринов,
Барбара Шлейх, — 2 тысячи флоринов,
Кристина Мильтенбергер — 9–10 тысяч флоринов,
Маргарета Офелер — 7–8 тысяч флоринов
Маргарета Эдельверт — 10 тысяч флоринов,
Каспар Кюрнер, бейлиф из Мюнхберга — 9–10 тысяч флоринов,
Вольфганг Гофмейстер, казначей из Бамберга — 50 тысяч флоринов.

Документ гласит, что князь-епископ и его люди собрали с казненных 500 тысяч и еще 222 тысячи с тех, кто еще был в тюрьме (апрель 1631 г.).

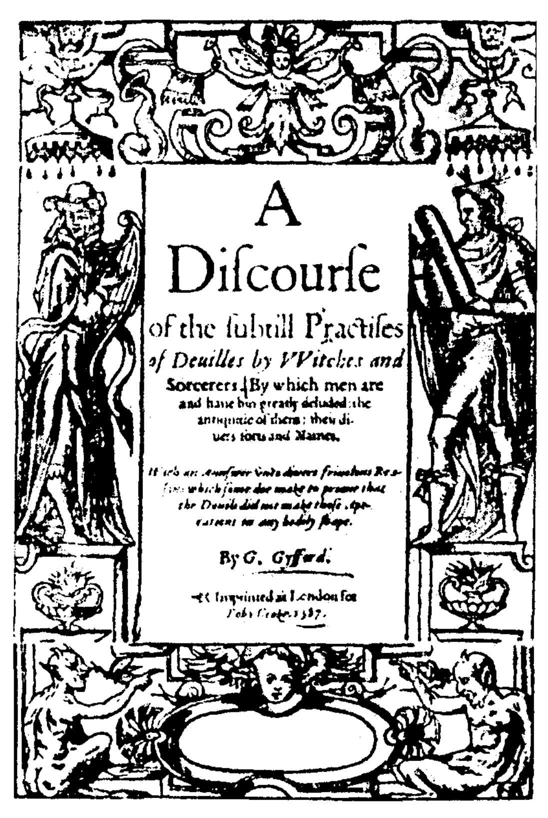
Когда конфискации запрещали, гонения на ведьм прекращались. Так, когда император Фердинанд II (1619–1637) запретил все конфискации как грязное дело (schmutzig), и в тех районах, где указ выполнялся, охота за ведьмами ослабевала.

Ужас (Schrecken) — наиболее подходящее слово для определения охоты на ведьм в Германии. Немногие смельчаки, выступавшие против нее — священники, адвокаты, коммерсанты — обвинялись в более тяжком преступлении, чем колдовство, союзничестве с ведьмами. Им угрожали, их пытали, обрекали на молчание, ссылали или сжигали.

Возможно, наиболее четкое представление об охоте на ведьм в Германии содержится в немногочисленных личных письмах тех, кто случайно выжил, например, Лемп и ее семьи, или в поразительном послании бургомистра Юниуса к дочери. Даже подневный отчет о пытке и признании неизвестной женщины в Эйхштадте поражает читателя меньше. Теория редко трогает сердце, и эти душераздирающие письма лучше, чем любой список казненных, передают зловещую сущность немецкой охоты на ведьм.

ГИФФОРД, ДЖОРДЖ (?-1620). Три года спустя после атаки на охотников на ведьм, предпринятой Скоттом, вышла книга Г. «Discourse of the Subtle Practices of Devils by Witches and Sorceres» (Лондон, 1587), за которой последовал его главный труд — «A Dialogue Concerning Witches and Withcrafts» (Лондон, 1593, переиздан в 1603). Г. — известный своим нонконформизмом проповедник из Мелдона (Эссекс), центра «страны ведьм». Последняя его книга создана в форме беседы между суеверным сельским жителем, его женой, школьным учителем, верящим колдовство, и Даниэлем, осторожным скептиком. «Dialogue» представляет собой довольно сложную дискуссию по поводу колдовства. «Дьявол поразил твой ум слепотой и неверием, чтобы ты отвернулся от Господа и поклонялся ему». Как замечает Эйди, Г. выступает как современный человек, когда говорит: «Ведьма не способна с помощью домашнего духа или каких-либо сил или уловок как-нибудь повредить жизни, здоровью или благосостоянию какого-либо человека с помощью насылания на него болезни или немощи». Г. «отдает дань распространеннейшим заблуждениям своего времени», признавая, что у ведьм есть домашние духи, но он считает, что обманутыми в этом случае являются сами ведьмы. «Если боров и корова умерли, почему вы уверены, что кот [домашний дух] ведьмы причинил им вред? Разве они не могли умереть от естественных причин, ведь, как вы знаете, даже здоровые люди и животные иногда скоропостижно умирают».

Позиция Г. основывается на том, что дьявол могущественен и не нуждается в том, чтобы какая-нибудь старуха осуществляла его злодеяния. Опасность заключается в том, что введенные в заблуждение христиане принимают притязания старых женщин за чистую монету и, приписывая Сатане большую силу, ищут помощи у «белых» ведьм. «Я скажу, что только единый Бог, а вовсе не ведьма, дает дьяволам силу, чтобы вызывать чуму и другие болезни». Ведьма — соучастница, дьявол — основное действующее лицо. Но Библия справедливо требует, чтобы ведьмы были преданы смерти, ибо они — «богохульствующие враги Господа». Пусть они ни разу не хотели убить или нанести вред кому-либо; пусть они даже, в меру своих представлений, стремятся делать добро — они все равно должны умереть, ибо они имеют дело с дьяволом».

A Discourse of the subtill Practises of Deuilles by Witches and Sorcerers. By which men are and haue bin greatly deluded: the antiquitie of them: their diuers sorts and Names.

By G. Gyfford.

Imprinted at London for Toby Cooke. 1587.

Титульный лист книги Джорджа Гиффорда «Discourse» (1587), второй по значению английской книги о колдовстве. Из БКУ.

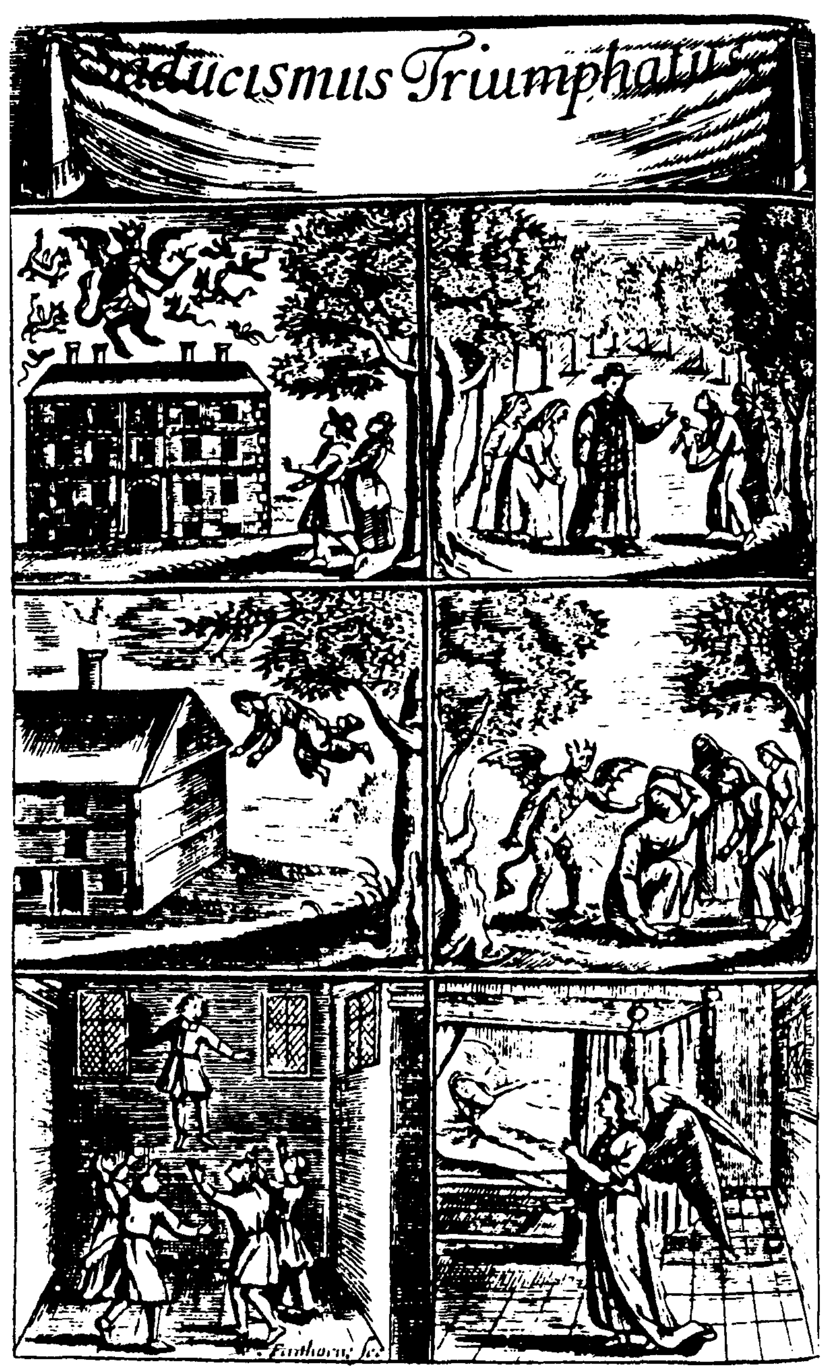
В заключение Г. призывает судей проявлять «особую осторожность и мудрость». Нельзя полагаться на признания ведьм, потому что основным источником информации для нее является дьявол. «Необходимо беречься, чтобы не оказаться под его влиянием». Не являются надежными и публичные сообщения о чародействе, ибо «по клятвам много невиновных осуждено на смерть и пролито много невинной крови».

ГЛАНВИЛЬ, ДЖОЗЕФ (1636–1680). «Блистательный защитник» суеверия и автор очень популярного «Saducismus Triumphatus, of full and plain evidence Concerning Witches and Apparitions». «Полагали, что он поставил веру в призраков и колдовство на непоколебимую основу науки и философии, — писал Кеттридж. — Никакая другая работа по этому предмету не оказала более сильного влияния».

Г. получил степень магистра искусств в Оксфорде в 1658 г., сожалея, что не отправился в Кембридж, и в конце концов стал капелланом короля Карла II. Его интерес к оккультизму поддерживался верой в то, что наука может объяснить все сверхъестественные явления, и усилился во время исследования им Полтергейста из Тедворта.

«Saducismus Triumphatus» опровергал таких скептиков, как Вогстаф и Вебстер. Г утверждал: «Атеизм возник из саддукейства. И те, кто не осмеливаются прямо заявить, что Господа не существует, удовлетворяются тем, что (в качестве первого шага) отрицают

существование духов или ведьм». Книга Г. обрела успех не благодаря своей аргументации, а из-за собранных в ней 26 «рассказов» о ведьмах. Однако лишь один из этих рассказов Г. получил из первых рук, да и то, от эпилептика. Некоторые из описываемых случаев обсуждались на неофициальных сеансах, которые проходили в замке Редли, доме леди Анны Конвей, и посещались ее врачом д-ром Френсисом ван Гелмонтом, Г.Мором, леди Ройдон и ученым Робертом Бойлем. На эти собрания приходили известные медиумы, которые демонстрировали свое мастерство.

Фронтиспис второй части книги Гланвиля «Saducismus Triumphatus» (2-е издание, 1683), описывающей шесть дьявольских случаев. «Возможно, одна из наиболее компетентных книг, из когда-либо опубликованных в защиту суеверий», — В.Е.Х.Лекки, 1865. Картины представляют «Барабанщика» из Тедворта, сомерсетскую ведьму (Юлиану Кох), левитацию Ричарда Джонса из Шептон-Мейла, прогулку ведьм в Тристер-Гэйт (Уинкентон), Маргарет Джексон, шотландскую ведьму, посвятившую себя дьяволу, и призрака из Амстердама.

К сожалению, критерии истинности, которых придерживался Г., едва ли можно назвать научными: он принимал на веру даже показания участников колдовских процессов. Так, например, он рассказывает о том, что Ф.Ньютон, обвиненная в колдовстве, почувствовала сильную боль, когда печная труба в ее тюрьме нагрелась, и моча околдованной женщины выступила на ней. Или о крестьянине, бросившем в костер отрубленные уши своего околдованного скота, принудив Юлиану Кох, 70-летнюю ведьму, ринуться из последних сил, чтобы выхватить их из пламени. И множество других, столь же неправдоподобных историй, этот член Королевского общества принимает за чистую правду: «Чем более абсурдными и непостижимыми выглядят эти рассказы, тем более достоверными кажутся они мне из-за своей правдивости, пусть скептики и отрицают, что все это могло быть на самом деле». Подобные легенды ни в коей мере не были ответом на логическую аргументацию Вебстера или Вогстафа, и неудивительно, что, как с сожалением признает Г.:

> «никакие другие сведения не имеют столь дурной славы и не вызывают у людей такого беспокойства, как те, что относятся к колдовству и призракам. Над ними иронизирует и смеется большинство людей (особенно в наше время) и, не долго думая, презрительно критикуют, называя выдумками и бабушкиными сказками».

Джозеф Гланвиль (1636–1680). Отец современных психологических исследований.

Легко посмеяться над доверчивостью Г., однако, теоретически он пытался сохранять скептицизм и объективность и тщательно исследовать полученные свидетельства о сверхъестественном. В этом отношении его можно считать отцом современных психологических исследований.

ГЛЕНЛУССКИЙ ДЬЯВОЛ. История дьявола, появившегося в 1654 г. в Гленлусе, представляет собой типичный пример полтергейста, в котором весьма очевидно участие одного подростка. Его создало совпадение «дьявольской угрозы» (damnum minatum) старого нищего Эндрю Агню, которому не подали милостыню, и последующего зла (malum secutum). Действительно, угроза, «относившаяся к мастеру Томасу Кемпбеллу, явно намекала на последовавшие за ней дьявольские козни, за два года погубившие его отца и мать. Несчастье произошло, и, при повторном совпадении, нищий был повешен.

Томас, скептичный юноша, был сыном Гилберта Кемпбелла, ткача из Гленлуса, около Ньютон-Стюарта, в Геллоуэе. Томаса отправили в среднюю классическую школу (колледж) в Глазго, но он боялся, что из-за семейных проблем его могут вернуть и заставить продолжать дело отца. Поэтому, когда вернувшийся домой мальчик услышал о нищем, он стал делать фокусы, известные под названием «полтергейст», — бросать камни в

двери, окна, вниз по дымоходу, подрубать нитки в ткацком станке и рвать одежду, стаскивать покрывала и рыться в чуланах, шлепать маленьких детишек и зажигать огонь. Для избавления ткач попросил местного священника помолиться и устроил день молитвы и поста.

Когда сосед предложил отослать детей, беспорядки прекратились. Но священник сделал Кемпбеллу замечание за то, что он укрывает детей от наказания Божьего, и принудил его вернуть их домой. «Детей, которые были поблизости, привели домой, — писал Синклер, первым сообщивший о деле, — но никаких беспорядков не последовало, пока не вернулся Томас, один из его сыновей, находившийся дальше других от дома. Тогда дьявол начал снова, и в воскресный полдень дом был объят пламенем». Соседи потушили огонь. Затем священник взял Томаса в свой дом — вероятно, это было то, что хотел мальчик, — но за это время другие дети переняли его трюки, и беспокойства продолжались. Когда другие священники настояли, чтобы Томаса снова вернули домой, «возвращаясь мальчик заявил, что слышал голос, говоривший с ним и запрещавший ему входить в дом или в какое-либо другое место, где его отец занимался своим ремеслом. Однако он вошел в дом, но так тяжело страдал, что был вынужден снова вернуться в дом священника.

Все так называемые беспокойства полтергейста были обусловлены интеллектуальным и эмоциональным уровнем талантливого подростка, который хотел продолжить обучение в школе. «Дьявол» настоял на его образовании: когда джентльмены посетили дом, населенный призраками, «в первый же приход дьявол сказал: „Quum literarum — хорошая латынь“. Это первые слова примитивной латыни, которым обучаются школьники, попав в среднюю классическую школу» (Синклер). Мальчик назвал 4 или 5 человек, которые «попали в черный список» как «гленлусские ведьмы». Когда некоторые посетители заподозрили, что в беспокойствах виноваты дети, и сказали: «Мы думаем, что этот голос исходит от детей», дьявол ответил: «Вы лжете. Бог накажет вас за ложь», и прогнал их, добавив, что будет говорить только со священником (легковерие которого, без сомнения, было самым профессиональным). И, как будто подчеркивая намерения Томаса, после молитвы священника дьявол сказал: «Если сын доброго человека с Божьей помощью не победит нас, молясь в колледже Глазго, мой отец [Сатана] и я устроим здесь несчастье». Подозрение о том, что остальные дети разделяли намерения Томаса, основано на спокойствии, с которым его сестра продолжала одевать своих кукол, когда дьявол поклялся, что «выбьет ей мозги». Война умов закончилась в пользу Томаса, когда, принудив священника остаться под угрозой сожжения дома, дьявол посмеялся над ним: «Теперь вы, сэр, приняли мое приглашение». И, подобно юноше, дьявол очень разозлился, когда семья решила игнорировать его угрозы. Скандал, начавшийся примерно в ноябре 1654 г., продолжался (прерываясь, когда Томас уезжал в Глазго) где-то до сентября 1656 г., а затем прекратился. К этому времени Томас, очевидно, уже настоял на своей точке зрения.

ГОДЕЛЬМАНН, ИОГАНН ГЕОРГ. Один из протестантских авторов, писавших о колдовстве, профессор права в Ростокском университете, в 1591 г. представил первую диссертацию «De Vadis, Veneficis et Lamiis». Безуспешно пытался различить разные типы ведьм, более или менее виновных, настаивая, что те, кого обычно казнят за колдовство, это всего лишь глупые помешанные старухи. В эпоху, когда суеверия господствовали повсюду, такие взгляды были просвещеннее общепринятых. Но Г. сам сводил их на нет, признавая существование ведьм, могущество дьявола и реальность договора с ним. Хотя он был уверен, что рассказы ведьм о шабаше и инкубе — следствие наваждения, насылаемого дьяволом, либо результат галлюцинаций, вызываемых колдовскими мазями, он все же считал, что ведьмы могли причинять вред (включая «лигатуру», но исключая вызывание бури). Он полагал также, что врачи могли бы научиться у ведьм диагностике болезней и использованию восковых подобий для обратного колдовства, восстанавливающего здоровье.

Сентиментальные аргументы Г. в защиту беспомощных старух не могли помочь им, поскольку судьи считали, что заблуждения равнозначны прямым действиям. Его список предполагаемых вопросов обвиняемым в колдовстве немногим отличается от списков, рекомендованных другими демонологами. Так, например, он спрашивает: «Соответствует ли истине то, что год назад в Вальпургиеву ночь ты крестообразно бросала песок на скот Н.?» или «Соответствует ли истине, что с помощью чародейства ты отравила пастбище своего обвинителя, так что большая часть скота умерла?» Однако, критикуя нарушения судопроизводства и получение показаний с помощью пытки, Г. тем самым способствовал преодолению заблуждений. Возражая Бодену, он доказывал, что одни и те же законы могут быть применены во всех судах, и что гораздо лучше отпустить безнаказанными многих виновных, нежели осудить одного невиновного.

ГОРДЕЛЬ, ДОМИНИК. Дело Горделя, приходского священника, обвиненного в колдовстве в 1631 г. в северо-восточной Франции, представляет собой превосходный пример светского суда тех лет. Стенографический отчет, подписанный епископом Сите, наместником Лотарингии, шаг за шагом раскрывает отвратительные методы французского судопроизводства. В отличие от англосаксонской юриспруденции, устанавливавшей презумпцию невиновности, европейский закон (одобренный католической церковью) был инквизиторским, и суть его состояла в том, что не обвинители доказывали вину (как в английском праве), а обвиняемый доказывал свою невиновность.

«После этого мы поместили его на лестницу и растянули». — Ричард Вестерн, «Treatrum Grudelitatum Haereticorum» (1587).

В течение долгого времени инквизиция придерживалась мнения, что при таких серьезных преступлениях как чародейство, обычными правилами получения показаний можно пренебречь. Принимались к рассмотрению свидетельства преступников, лишенных гражданских прав, и детей в возрасте двух лет [см. Свидетель]. Отказ обвиняемого признать свою вину считался доказательством того, что дьявол держит его мертвой хваткой, и пытка применялась до тех пор, пока сломленная жертва не признавалась в том, что от нее требовалось. Иногда обвинение могло быть опровергнуто, и обвиняемого оправдывали, но в эпоху расцвета процессов над ведьмами такое случалось редко. Либо обвиняемый признавался сразу, испугавшись пытки, а затем его сжигали — либо его пытали до признания и тоже сжигали.

Суд над отцом Г. показывает самые худшие стороны инквизиторских судов. Г. было предъявлено обвинение в колдовстве; его обвинителями были 4 ребенка и несколько взрослых, уже осужденных за колдовство. Свидетельские показания были получены под давлением, причем пытка велась по нарастающей и была остановлена только на грани смерти. Данный отчет XVII в. дает правдивое описание ужасающего отчаяния честного деревенского священника, уверявшего в своей невиновности, взывавшего о помощи к Господу, пресвятой Деве Марии и всем святым. Неослабевавший град вопросов постепенно превратился в кошмарную бессмыслицу.

Приведенный ниже отчет — стенографическая запись показаний, данных под присягой, прочитанная затем всеми участниками процесса для подтверждения ее точности.

> Мы, епископ Сите, наместник монсеньера кардинала Лотарингии в епископстве Туль, наблюдая суд с применением пытки (по просьбе попечителя упомянутой епархии) против Доминика Горделя, священника прихода Вомкур, обвиненного и осужденного за колдовство и другие преступления и черные искусства, принимаем к сведению:
>
> Предварительное обвинение, выдвинутое против упомянутого священника, устные слушания окончательного обвинения, признания, противоречия и отрицания;
>
> Засвидетельствование и сравнение показаний вышеупомянутого предварительного свидетельства с обвинениями, особенно Клода Кателино и Анри, жены Дидье Гобара из Бетанкура сожженных по обвинению в колдовстве, которые поддержали обвинение в чародействе против упомянутого Горделя и придерживались его до конца; другими обвинениями Бастьена Клода и Менжотт, детей Клодона Пеллетье из Гимонта, также Туссена и Жана, детей Жана Ноэля из Бетанкура, также обвиненных в колдовстве на основании их собственных признаний и по этой причине содержавшихся в качестве заключенных в Мирекуре, — всех, кто подтвердил обвинения против упомянутого Горделя при личной ставке с ним, что они несколько раз видели его на сатанинских сборищах и что он совершал там действия черной магии.
>
> Вопросы, заданные упомянутому обвиняемому по поводу его неблагочестия и экзорцизмов, проведенных им, а также его ответы по этому поводу; заверенные показания обвиняемого; наше расследование, связанное с установлением их достоверности; другая часть показаний, представленная в его защиту; описание законодательных процедур и пытки обвиняемого, проведенной сегодня в присутствии врача и хирурга, которые обследовали его тело на предмет всевозможных клейм дьявола по решению упомянутого Главного попечителя на вышеназванном суде и другие соответствующие действия.
>
> После обсуждения, установив полную законность вышеупомянутых судебных действий, не имея предрасположения к выдвинутым обвинениям, мы осуждаем упомянутого обвиняемого Горделя и приговариваем его к пытке, обыкновенной и чрезвычайной, с помощью тисков для больших пальцев, страппадо и простых тисков, с тем, чтобы исторгнуть из него информацию и ответы по всем пунктам обвинения, принятым на основании предварительных слушаний, и заставить его назвать своих сообщников и другие свои прегрешения, которые он скрывает. Полный отчет записан и передан упомянутому Главному попечителю по его требованию, чтобы он мог определить приговор.
>
> В башне, называвшейся Веселой, в епископском дворце Туле, 26 апреля 1631 г. в час дня пополудни в присутствии преподобного Жана Мидо, архидьякона и каноника вышеназванной церкви в Туле, метра Антуана д'Антана, священника, ведающего раздачей милостыни в округе Сите, и, кроме того, Шарля Матио, доктора медицины, и Жана Марсона, хирурга из Туля, которого мы попросили помочь в ведении суда и проследить, чтобы никакой излишней жестокости не было применено к вышеупомянутому Горделю. Объявив вышеупомянутому Горделю, после того, как его серьезно предупредили о тяжести предъявленных ему обвинений, что он должен откровенно признаться в своем преступлении, не принуждая нас применять пытки, которые приготовлены для него, затем мы приказали ему поклясться на Священном Писании нашего Господа, положив руку на книгу, что он будет говорить только правду. Он ответил, что он не чародей и никогда не имел ни косвенного, ни прямого договора с дьяволом.

На основании всего этого мы предписали мастеру Пуарсону, палачу [executeur des hautes oeuvres], применить щипцы на его левую руку (кроме пальцев, использовавшихся для молитвы). Обвиняемый призвал «Иисус, Мария» и сказал, что он никогда не был чародеем. Тогда мы применили щипцы для тех же самых пальцев на правой руке, после чего он крикнул: «Святой Николай!»

На вопрос о том, имел ли он какой-либо договор с дьяволом, он сказал: «Нет», и что он хочет только умереть от рук Господа.

Тогда мы разрешили применение упомянутых щипцов на его больших пальцах, после чего он сказал, что никогда не видел и не посещал шабаш, и выкрикнул: «Иисус, Мария! Св. Николай!» и «Св. Мария, Матерь Божья! Господи Иисусе!»

На вопрос, не он ли сопровождал Клода Кателино на шабаш, он ответил, что нет и что он никогда не был ни на одном.

После этого мы поместили его на лестницу и растянули, и приказали поднять его на первую ступеньку. На вопрос, был ли он когда-либо на шабаше и заключал ли договор с дьяволом, он ответил только: «Иисус, Мария!», добавляя: «Я умираю!» Увещеваемый сказать, совершал ли он когда-либо какое-либо действие, связанное с чародейством, и не выполнял ли он обязанностей священника, совершающего бракосочетание на шабаше, он ответил: «Нет». Однако мы заметили, что за все это время он не сказал ничего, кроме «Иисус, Мария!» и того, что он никогда не совершил никаких соглашений, подразумеваемых или открытых, с дьяволом, и что он не был на шабаше.

Тогда мы приказали отвязать его и затем снова во второй раз привязали его к вышеупомянутой лестнице. Все время он продолжал говорить: «Иисус, Мария! Святой Николай! Матерь Божья, помоги мне!» На вопрос, присутствовал ли он на шабаше, он сказал: «Нет!» Растянутый более сильно, он громко кричал: «Иисус! Я умираю!» После обещания отвязать его, если он скажет правду, он ответил, что никогда не был на шабаше, и не смог сказать ничего, кроме: «Матерь Божья, помоги мне!» Призываемый отречься от всех договоров, которые он мог заключить с дьяволом, он сказал, что отрицает их существование, и что он никогда не был на шабаше. На вопрос, как часто он был на шабаше и кого он там видел, он сказал, что не видел никого и что он не знает, что это за шабаш, и никогда не был там, выкрикивая: «Св. Николай! Возлюбленный Христос! Господи, сжалься надо мной! Они ломают тело невиновного человека!»

Тогда мы чуть-чуть освободили его и затем растянули в третий раз на вышеназванной лестнице и принуждали его сказать правду. На это у него не было другого ответа, кроме слов: «Я умираю! Св. Николай! Иисус! Мария! Матерь милосердная, не покинь меня!» На вопрос, как он вылечил человека, чей глаз выпал из глазницы, он ответил, что сделал это, используя оливковое масло и призывая имя Господа. Он продолжал обращаться к Иисусу, Марии, Матери Божьей и св. Николаю, умоляя, чтобы они не покидали его, и отдавал свою душу в руки Господа. «Я никогда не видел ни шабаша, ни воскового подобия, и не рассыпал волшебного порошка». Затем он процитировал по-латыни: «Libera mea calumniis hominum, Maria, mater gratiae, mater misericordiae!» и затем, «Св. Доминик, мой святой покровитель, помоги мне! Maria, mater gratiae, mater misericordiae, tu nos ob hoste protege et hora mortis, suscipe! Пощадите, пощадите! Я умираю! Я умираю! Св. Мария в том порукой, что я говорю правду. Я никогда не видел шабаш и не знаю, что это такое. Я никогда не прокалывал восковое подобие, не видел его и сам никогда не вступал ни в какой договор с дьяволом».

Предупрежденный не доверять дьяволу, который намеренно обманывает его, он повторял, что никогда не вступал в договор с дьяволом. На этом мы освободили его до некоторой степени, в то время, как он кричал: «О, о, я умираю, я не могу больше выдержать!» Мы постоянно убеждали его проявить благоразумие ради своего духовного спасения, ибо он не может быть никем иным, кроме как чародеем в виду многочисленных обвинений, выдвинутых против него; пожалеть себя самого, поскольку он использовал экзорцизм нечестивым образом, и непременно виновен в колдовстве или ереси. Он ответил, что, если он когда-либо осуществил экзорцизм необдуманно, он просит прощения, все это время заявляя, что он никогда не был колдуном.

После этого мы приказали, чтобы тиски были применены к его левой руке, бедру и левой ноге; на все это он отвечал, что он никогда не был на шабаше и «Я умираю! Я разбит! Иисус, Мария! Я проклинаю дьявола!» Мы приказали сдавить его еще сильнее,

вследствие чего он кричал, что сказал правду, и что он никогда не был на шабаше, все время повторяя: «Иисус! Мария! Матерь Божья, сжалься надо мной! Никогда у меня не было никакого договора с дьяволом, тайного или какого-либо другого. Я никогда не соглашался на его предложения!» Сдавленный более сильно, он завопил: «Иисус, Мария! Отец Всевышний, помоги мне! Я разбит! Я никогда не видел шабаша. Я никогда не был на шабаше. Я проклинаю дьявола и признаю Святую Троицу! Я передаю себя в руки добрых ангелов. Пощадите, я умоляю Господа о пощаде!»

Наконец мы распорядились, чтобы он был снят с лестницы, на которой он был растянут примерно в течение четверти часа, в то время, как применялись тиски с целью вызвать мучения, и чтобы он был помещен около огня. Мы предупредили его, чтобы он помнил о Божьем наказании которого он не избежит, даже если сможет избежать суда человеческого, и что он должен признаться в своем преступлении с тем, чтобы спасти свою душу. Но он продолжал отвечать, что он всегда был достойным человеком и благочестивым священником и что он никогда не совершал ни одного из преступлений, в которых его обвиняют. Затем мы оставили его в упомянутой башне Веселой около огня со стражником, которого мы приставили к нему, и приказали ему подписать данный отчет о судебном разбирательстве, проведенном нами в нижеуказанный год и день.

Подписано: Ж.Мидо, К.Матико, Ж.Марсон, К. де Гурней, епископ Сите, Дом Юссон, писец.

Мы предлагаем попечителю данной епархии обратить внимание на настоящий отчет обо всех судебных разбирательствах, чтобы принять окончательное решение или требовать дальнейших показаний, которые он сочтет необходимыми для правосудия.

В Туле, в указанный год и день.

Подписали: К. де Гурней, епископ Сите и наместник, Дом Юссон, писец.

ГОУДИ, ИЗОБЕЛЬ. Биография Г. началась в 1647 г., когда она встретила дьявола в церкви в Олдерне. Здесь она вступила с ним в договор, отрекшись от христианского крещения, получив новое имя — Джанет, клеймо дьявола на своем плече и новое крещение своей же собственной кровью, которую дьявол высосал из нее. Она поклялась ему в верности, положив одну руку на голову, а другую — на подошву своей ноги. Церемонию вел дьявол, похожий на священника, читающего проповедь с кафедры.

Черный Джек, порющий ведьм. Рис. Крукшенка. «Другие спасались, выкрикивая: „Милости! Пощады!“ и тому подобное, в то время как Сатана продолжал бить их цепом или тонким хлыстом, не обращая внимания на их крики и жалобы». Вальтер Скотт (1830).

В четырех различных признаниях, сделанных явно без применения пытки между 13 апреля и 27 мая 1662 г., Г. как бы обобщила распространенные в Шотландии верования о колдовстве. Женщина, по-видимому, была сумасшедшей, поскольку из ее заявлений оче-

видно, что она верила во все те вещи, о которых рассказывала, не задумываясь о том, возможны ли они на самом деле (например, ее превращение в галку или кошку, полеты по воздуху на шабаш). Ее воображение было не слабей, чем у Золя!

К несчастью, двое серьезных ученых, Маргарет Маррей и Монтегю Саммерс, именно этой болтовней старой женщины подкрепляли основополагающие выводы своей теории колдовства, не менее безумные, чем признания Г. Так, Саммерс верил, что ее признания «правдивы по своей сути» и сожалел, что он не может опознать главаря ведьминского сборища в Шотландии.

Г. рассказала, как метла или стул, оставленные в кровати, могли обмануть ее мужа, когда она отправлялась на шабаш. Она ездила на любом клочке соломы, выкрикивая: «Лошадь и повозка во имя дьявола!» На лету она могла застрелить любого христианина, который при виде ее не осенял себя крестом. На шабаше, перед пиром, произносилась благодарственная молитва:

«Мы едим это мясо во имя дьявола,
Пусть печаль и горести уйдут прочь
Мы разрушим дом и конюшню,
Погубим овец и весь скот в хлеву,
Мало что сохранится
Из всех остальных запасов».

Ее несвязная речь рассматривалась как прямое подтверждение идеи ковена (организации) из 13 ведьм. У каждой ведьмы был свой собственный дьявол, называвшийся также странно, как и приписываемые ведьмам домашние духи: Свейн, Рори, Рычащий Лев, Роберт де Руль или Красный Ривер. Во время сборищ они вызывали бури, ударяя мокрой тряпкой по камню и произнося заговор, который Г. честно пересказала судьям:

«Я ударяю этой тряпкой по этому камню,
Чтобы вызвать ветер во имя дьявола,
Он не утихнет, пока я снова не попрошу его».

С помощью другого заговора ведьмы могли превращаться в животных [см. Превращения]. Иногда они стреляли эльфийскими стрелами, которые, как видела Г., точили маленькие мальчики-эльфы, чтобы калечить или убивать людей; а когда они промахивались, дьявол очень сердился на них.

По словам Г., дьявол строго контролировал своих ведьм и бил их, приговаривая: «Я очень хорошо знаю, что вы обо мне говорите». Он был вне себя, когда они отсутствовали на встречах или не подчинялись его приказам. Александр Элдер часто бывал бит, и был слишком слаб, чтобы сопротивляться. Но Маргарет Уилсон давала сдачи, и Бесси Уилсон «могла говорить с ним грубо и умело отвергала его брачные притязания». Обычно же ведьмы спасались бегством, крича: «Сжальтесь! Пощадите! Смилуйтесь, наш господин!» Нелепость этого описания привлекла Крукшенка, и его изображение Черного Джона — дьявола, порющего олдернских ведьм, можно найти в некоторых изданиях книги В.Скотта «Письма о демонологии и колдовстве».

В судебных отчетах не говорится о судьбе Г. Но нет никаких сомнений в том, что она была казнена. Примечательно, что период Реставрации в Англии был отмечен уменьшением количества судов над ведьмами, тогда как в Шотландии в первые годы правления Карла II наблюдались наиболее активные преследования за колдовство.

ГРЕНЬЕ, ЖАН. История Г. из департамента Ланды является классическим примером ликантропии, о чем подробно рассказывает де Ланкр.

В 1603 г. в деревне на юго-западе Франции несколько девушек пасли овец; внезапно они были напуганы странно выглядевшим 14-летним мальчиком, который сказал им,

что он — волкодлак. Жанна Габорьен, старшая из девочек, принялась расспрашивать мальчика. Он рассказал следующее:

> «[Мужчина] дал мне накидку из волчьей шкуры. Он обертывает меня ею, и каждую пятницу, воскресенье и понедельник, и примерно на час в сумерки во все другие дни я становлюсь волком. Я загрызал собак и выпивал их кровь, но маленькие девочки имеют более приятный вкус, их плоть нежна и сладка, а кровь обильна и тепла».

Г. стал виновником собственного несчастья, хвастаясь тем, что он — волкодлак. После убийства нескольких детей в Сен-Северском округе Гаскони и соответствующего свидетельства трех девочек (29 мая 1603 г.) ему поверили. Прокурор округа Рош-Шале передал Г. местному судье, который нашел его признания, разоблачавшие других ликантропов, и показания родителей исчезнувших детей настолько ужасными, что передал дело верховному судье в Кутра (2 июня). Верховный суд обыскал дома тех, кого обвинил Г., в поиске волшебной мази. Хотя ничего не было найдено, отец Г. и сосед М. дель Филлер были арестованы. Отец Г. убеждал суд, что его сын — всем известный дурачок, и приводил в пример его утверждения о том, что он будто бы переспал со всеми женщинами их деревни. Судья нашел, что отец Г. и его сосед имеют хорошую репутацию и ничем себя не запятнали.

Тем не менее, судебные чиновники тщательно проверили показания Г. Они шаг за шагом проследили его мнимые подвиги и допросили каждого упомянутого человека. Эти показания доказали, что Г. странствовал по окрестностям и досконально знал их. Несколько детей, видевших, как одного из них схватил волк, связали это с рассказом Жана. Эти свидетельства были столь изобличающими, а Г. так упорно настаивал на своих показаниях, что суд распорядился повесить его, а тело сжечь дотла. Виновность отца Г. и М. дель Филлера была под сомнением, поэтому они были подвергнуты пытке и признались, что действительно ловили маленьких девочек, но только для забавы, а не для еды.

Парламент Бордо решил пересмотреть дело и все показания. «Проведенное расследование было настолько полным, насколько это возможно», — отметил де Ланкр, вкратце пересказывая суть дела:

> «Г. дал следующие показания: „Когда мне было десять или одиннадцать лет, мой сосед дель Филлер в глубине леса познакомил меня с Метром де ла Форе, черным человеком, который отметил меня своим ногтем, а затем дал мне и дель Филлеру мазь и волчью шкуру. С этого времени я и бегал в образе волка“. Рассказывая о детях, которых он, по его словам, убил и съел, допрашиваемый признался, что однажды в маленькой деревне, названия которой он не помнит, по пути из Кутра в Сен-Анле, он вошел в пустой дом, где нашел ребенка, спящего в колыбели. Поскольку ему никто не препятствовал, он вытащил младенца из колыбели, унес его в сад, затем перепрыгнул через изгородь и съел его, чтобы утолить голод. В приходе Сен-Антуан де Пизон он напал на маленькую девочку, пасшую овец. Она была одета в черное платье, имени ее он не знает. Он разорвал ее когтями и зубами и съел. За шесть недель до того, как его поймали, он напал на другого ребенка в том же приходе около каменного моста. В Эпароне он дрался с охотничьей собакой некоего М.Милье и убил бы ее, если бы хозяин не подбежал с рапирой в руке».

Г. сказал, что волчья шкура была в его распоряжении, но он выходил на охоту за детьми по распоряжению своего господина Метр де ла Форе. Перед превращением он натирался мазью из маленького горшочка и прятал свою одежду в зарослях.

Местный парламент действовал на удивление мягко и интеллигентно. Он послал двух врачей осмотреть Г., которые решили, что мальчик страдает «расстройством, называемым ликантропией, что вызвано (тут врачи впали в суеверие) злым духом, который морочит людей, вызывая это в их воображении». 6 сентября 1603 г. парламент просто осудил Г. на пожизненное заключение в местном монастыре.

Суд вынес свое решение, принимая во внимание юный возраст и слабоумие этого мальчика, который был глупее нормальных детей семи или восьми лет. «Его настолько плохо кормили, и он настолько задержался в развитии, что и ростом был не выше десятилетнего. Этот подросток был брошен собственным отцом, у него вместо настоящей матери — жестокая мачеха, и до него никому нет дела. Он скитался, выпрашивая хлеб, и не получил никакого религиозного образования. Его подлинная натура была совращена злым наущением, нуждой и отчаянием, и дьявол сделал его своей добычей» (де Ланкр).

Спустя 7 лет, в 1610 г. де Ланкр посетил францисканский монастырь в Бордо, где Г. был заключен, и нашел его по-прежнему хрупкого телосложения, очень застенчивым и нежелающим смотреть кому-либо в лицо. Его глаза были глубоко посажены и беспокойны, зубы длинны и выступали вперед, ногти черны и местами обгрызены; его рассудок — совершенно девственен, и он казался неспособным понимать даже самые простые вещи. Он по-прежнему утверждал, что был человеком, волком и что и сейчас бы ел маленьких детей, если бы только мог. Ему также нравилось смотреть на волков. В ноябре 1610 г. Г. умер как «истинный христианин».

ГРИЛАНДУС, ПАУЛЬ. «The Tractatus de Hereticis et Sortilegiis» [«Трактат о еретиках и ведьмах»] является, после «Malleus Maleficarum», возможно, наиболее значительной работой по колдовству, опубликованной до середины XVI в.; благодаря частым цитированиям, она продолжала оказывать преобладающее влияние на всех поздних демонологов. Г. был папским судьей на судах над ведьмами в римском округе, и в этот трактат он включил многие из своих собственных наблюдений.

Г. рассматривает очень обширную область: демонологию, договоры с дьяволом, одержимость, полеты на шабаш — он говорит, что в них верят почти все теологи — превращения, мессы любви и смерти (очень ранняя отсылка) и maleficia, включая лигатуру, восковые подобия и яды. Обсуждение этих вопросов по-школярски подкрепляется множеством теологических и юридических ссылок. Однако ход его логических рассуждений иногда нарушается оговорками, недопустимыми для большинства авторов: например, что он никогда не видел ведьмы, пойманной с поличным (in fragrante crimine).

В отношении гадания Г. цитирует великолепную пунктуационную шутку. Генерал советовался с демоном на предмет, идти ли ему на войну и получил такой ответ: «Ibis redibis non morieris in hello». В зависимости оттого, где ставится запятая, после redibis или non, пророчество может означать или «Иди, ты вернешься, и не падешь в битве» или «Иди, ты не вернешься, падешь в битве».

Другая история, известная Г. «из первых РУК», связана с мужем, который уговаривает свою жену взять его с собой на шабаш. Он обещал, что ни при каких обстоятельствах не оскорбит дьявола произнесением имени Господа или Христа. На банкете он обнаружил, что его еда безвкусна и попросил соли которой дьяволы боятся, поскольку она используется при экзорцизме). Наконец, он получил немного и в восторге закричал: «Слава Богу, вот соль!» При этих словах собрание исчезло, а он оказался в сотне миль от дома. Он разоблачил свою жену перед инквизицией, и она была сожжена.

Поскольку авторитет Г. был очень велик, подобные случаи переписывались поздними авторами. Таким образом каркас суеверия был укреплен глупейшими историями предшествующего столетия. А ведь Г. был доктором права!

ГРИРСОН, ИЗОБЕЛЬ. Для того, чтобы лучше представить себе колдовство в обычной трактовке, как трактовали его судьи, священники, да и сами обвиняемые, лучше всего прочитать судебный отчет. В настоящей «Энциклопедии» приводятся образцы из Англии, Франции и Германии. В этой статье описаны обвинительные акты, представленные Верховному уголовному суду на процессе 1607 г. в Эдинбурге (Шотландия) и внесенные в регистрационные книги. Первый издатель назвал их «самыми абсурдными и экстраординарными», но на самом деле все обвинения были такими же, как и те, на основа-

нии которых сотни шотландских мужчин и женщин приговаривались к смерти во время разгула колдовской истерии.

Обвиняемая Г., жена Джона Булля, рабочего из Престонпенса, предстала перед судом 10 марта 1607 г. Приводимые ниже 6 пунктов обвинения из судебного отчета не нуждаются в комментариях.

1. Затаив жестокую ненависть и злобу против Адама Кларка полтора года назад, Изобель Грирсон использовала все дьявольские средства, чтобы отомстить ему. В частности, в ноябре 1606 г., между одиннадцатью и двенадцатью часами, Изобель Грирсон «в облике собственного кота и в сопровождении множества других котов, дьявольским образом вошла внутрь его дома, где они учинили разгром и устрашающий шум. Упомянутый Адам, лежавший в постели со своей женой, был охвачен таким страхом, что чуть не сошел с ума». В это время дьявол, похожий на черного человека, протащил по дому за волосы служанку, после чего она шесть недель болела.

2. Озлобившись против Уильяма Барнета, второго мужа Маргарет Миллер, вдовы, Изобель Грирсон хотела убить его «дьявольскими и нечестивыми средствами — как явная чародейка и ведьма». В январе 1650 г. она подбросила под его дверь кусок сырого мяса, после чего дьявол в виде обнаженного младенца появлялся по ночам в его доме в течение полугода. Дьявол также появлялся в облике Изобель Грирсон, которая «самым непристойным и гнусным образом мочилась на упомянутую Маргарет Миллер и на различные части упомянутого дома». Уильям Барнет начал чахнуть и умер в 1605 г. «в ужасных страданиях и муках». Изобель была обвинена «как причастная к смерти и болезни упомянутого выше Уильяма».

3. Изобель Грирсон была обвинена в насылании болезни на Роберта Педдана девять лет назад, в октябре 1598 г. Прохворав некоторое время, он вспомнил, что, одолжив у Изобель девять шиллингов и четыре пенса, он отказался отдать ей долг, и Изобель пообещала, что «он пожалеет об этом». Педдан заплатил деньги Изобель и попросил восстановить его здоровье. Он поправился.

4. Роберт Педдан предъявил обвинение, что в июне 1606 г., проходя мимо открытого окна его дома, Изобель протянула руку, чтобы погладить его кота. Педдан в это время варил эль, и сваренный напиток тотчас прокис, «стал тухлым и черным, густым, как сточная грязь, с отвратительным и несносным запахом, так что никто не мог ни пить, ни нюхать его».

5. Изобель была обвинена в том, что она задумала покушение на жизнь Маргарет Дональдсон, жены Роберта Педдана в 1600 г. Заболев, Маргарет заподозрила, что Изобель околдовала ее, и попросила соседей помирить ее с Изобелью, после чего поправилась. Но Изобель подумала, что Маргарет ославила ее как ведьму и вернула свое заклятие, сказав: «Варись в котле на адском огне». Маргарет снова заболела, но поправилась в течение 9 недель. В декабре 1606 г. она повстречалась с Изобель, которая снова прокляла ее: «Прочь, воровка, я еще доберусь до твоего сердца за то, что ты клевещешь на меня». После этого Маргарет снова заболела.

6. Последнее обвинение заключалось в том, что Изобель Грирсон была «известной чародейкой и ведьмой, обижавшей людей, насылая и снимая болезни, использовавшей дьявольские и богопротивные средства, а также заговоры и другие чертовы штучки, чтобы обеспечить свое существование».

После того, как были заслушаны все относящиеся к делу свидетельства [в шестом обвинении не возникло необходимости], судья признал ее «заслуживающей наказания по всем и каждому в отдельности из записанных выше обвинений». Изобель Грирсон была удушена и сожжена в Кастлхилле (Англия), а ее собственность конфискована королем.

ГЮНТЕР, АННА. История Г. является прекрасной иллюстрацией того, как молодая девушка, склонная к истерии, может быть настроена так, что ее болезнь будет казаться следствием колдовства. В 1601 г. 14-летняя Г., жившая в своем доме в Нортмортоне

(Беркшир), страдала припадками, но медицинский диагноз «падучей болезни» [эпилепсии] или «родового удушья» (истерии) не мог удовлетворить невежественных людей. Ее отец, знатный дворянин, пригласил известных оксфордских врачей и специалистов по определению околдовывания. Анна страдала отеками тела, пенотечением изо рта, периодической слепотой и глухотой; она чихала, ее рвало, из горла, груди и пальцев у нее выходили булавки. Она постилась десять или двенадцать дней и могла предсказывать простейшие домашние события. Причину своего несчастья Анна приписала 3 ведьмам: Агнесс Пепуэлл, Элизабет Грегори и Мери Пепуэлл, которые досаждали ей вместе со своими домашними духами, являясь в виде призраков.

Казнь Урбена Грандье.

Припадки вызвали всеобщий интерес, и в 1605 г. упомянутые 3 женщины были отправлены в Эбингтон, но суд признал их невиновными. Вскоре после суда Анна была передана на попечение Генри Коттона, епископа Солсбери и отца 19 детей, который обнаружил ее мошенничество, пометив булавки, которые она якобы срыгивала. 27 августа 1605 г. король Яков I подверг ее личному допросу и отправил на попечение капеллана архиепископа Кентерберийского, Самуэля Харснетта, который перед этим разоблачил шарлатанство Джона Даррелла. В последующие месяцы Анна призналась Харснетту и д-ру Эдварду Джордану, что в то время, когда она страдала «от естественной хвори», отец побудил ее симулировать более необычные симптомы, и что она приучилась прятать булавки, которые потом «выходили» из ее тела. Ричард Нейл, впоследствии (1631) епископ Йоркский, также активно разоблачал подобные мошенничества. После года дальнейших обсуждений генеральный прокурор сэр Эдвард Кок обвинил мистера Брайана Гюнтера и его дочь в преступном сговоре, ряд свидетелей, включая местного викария, утвердили под присягой сверхъестественные способности Анны, включая способность ее подвязок без чьей либо помощи завязываться «в узлы наподобие требухи». Чем закончились эти обвинения, неизвестно.

Необходимо заметить, что данное дело дает ключ к другим случаям аналогичных припадков у подростков. Установленным фактом является то, что перед ее «околдовыванием» друзья приносили ей памфлеты и книги о колдовстве. Среди них была работа самозванного экзорциста Даррелла, а также трактат об уорбойских ведьмах. Из подобных книг Анна заимствовала свои идеи: так, домашнего духа, которого она приписывала Элизабет Грегори, она назвала «Поймай», по имени духа, упоминавшегося на уорбойском суде. Кроме того, девочка заставила трех женщин прочитать тот же самый заговор, который был изобретен девушками из Трогмортона, заменив упоминавшиеся там женские имена местными: «Во имя Сына и Святого Духа, да будет так. Аминь. Я, Мери Пепуэлл, приказываю тебе, белая жаба, выйти из тебя, Анна Гюнтер».

См. также Дети-обвинители.

Д

ДАРРЕЛЛ, ДЖОН (ок. 1562–1602). В «памфлетной войне» с Харснеттом, будущим архиепископом Йоркским, Д. выступал на стороне экзорцистов. Д. является единственным английским экзорцистом, и именно его одиозная репутация вызвала появление «Канона 72», запретившего экзорцизм в англиканской церкви. Благодаря этому в английском колдовстве отсутствуют мрачные обряды, составляющие яркий колорит французского колдовства.

Д. получил образование в Кембридже и вернулся в свой дом в Менсфилде (Ноттингемшир), чтобы стать независимым священником. Впервые попытался произвести экзорцизм в 1586 г. над истеричной Катрин Райт из Дербишира. После целого дня молитв, по подсказке Д. Катрин обвинила некую Маргарет Ропер в насылании на нее демона по имени Миддлкуб, который якобы овладел ею. Однако трюк не удался: вскоре Катрин созналась, что симулировала припадки и видения, «обнаружив, что это смягчает суровость свекра». Магистрат пригрозил Д. тюрьмой.

Не прошло и десяти лет, как Д. снова предпринял изгнание дьявола, ставшее известным в связи с именем Томаса Дарлинга (Бартонского мальчика). В следующем, 1597 г., Д. побывал в Клайвортхолле (Ли, Ланкашир), где произвел экзорцизм над несколькими членами семьи Николаса Старки, а в ноябре того же года — в Ноттингеме. Здесь он привлек к себе внимание, публично изгоняя дьявола из Уильяма Соммерса. Хотя Д. пригласили на должность священника в церковь Св. Марии, он был вскоре после этого уволен архиепископом Йоркским. В 1599 г. Д. был допрошен в Ламбетском дворце, объявлен мошенником, лишен сана и приговорен к году тюремного заключения. Остальная часть его жизни прошла в безвестности.

Уильям Соммерс, мальчик из Ноттингема, против своей воли отданный в ученики к городскому музыканту, бежал от своего хозяина. Когда, вернувшись, он обнаружил, что должен отработать пропущенное время, иначе хозяин «с радостью избавится от него, он притворился больным, и действительно простыв от холодного купания, расстроил свой желудок». Соседи тотчас заподозрили, что он одержим дьяволом и достали памфлет об уорбойских ведьмах, чтобы сравнить симптомы. Этот памфлет обеспечил Билли новыми идеями; теперь юнец заявил, что его околдовала «старуха, которую он повстречал, за то, что он нашел и не отдал ей ленту от шляпы». 5 ноября 1597 г. Д., отдохнувший от своих подвигов в Клайвортхолле, был приглашен изгнать дьявола из мальчика. Д. рассказал Билли о его сходстве с бартонским мальчиком и о том, что Билли совершенно точно воспроизводит истерические припадки Томаса Дарлинга — скрежещет зубами, перекручивается так, что «лицо выворачивается назад, перекашивает рот, пускает пену с губ». Д. объявил, что мальчик страдает за грехи всего Ноттингема, и попросил всех горожан один день попоститься. Он «потребовал, чтобы все мужчины отказались от общества своих жен той ночью, и на следующий день они увидят необычайные вещи».

Д. произнес проповедь, перечислив 14 признаков одержимости, которые Билли послушно продемонстрировал. «Он говорил, при этом его губы едва шевелились; осмотрев его, люди увидели, что его язык загнут внутрь, в глотку». Д. перешел к 3 признакам изгнания дьявола, и Билли Соммерс имитировал их по порядку, крича, разрывая одежду и падая как мертвый. По окончании мальчик выглядел выздоровевшим, но Д. намекнул на возможное повторение и собрал пожертвования. Следующий этап наступил, когда Билли обвинил 13 женщин в околдовывании его с помощью насылания дьявола. Некоторые горожане, усомнившиеся в его истории, тщательно изучили его обвинения и выявили обман: например, у него не всегда наступал припадок при приближении ведьмы. Однако те, кто поддержал мальчика, «имели на это готовые возражения, что дьявол мог и не допустить припадков, чтобы спасти ведьм, и тем самым заставить усомниться в деяниях Господа» (Хатчинсон).

Невестка Д., Мери Купер, приняла участие в фарсе и обвинила в колдовстве некую Алису Фримен; последняя пыталась избежать неприятностей, заявив, что она беременна, но Д. возразил, что, если это так, то она носит плод дьявола! Ее брат, олдермен (член муниципального совета), поместил Соммерса в работный дом, где рассказал городскому совету о его обмане. Д. настаивал на том, что мальчик одержим. В марте 1598 г. состоялось общественное расследование, но Билли, напуганный предупреждением, что, если он мошенник, то «заслужил виселицу», настаивал на одержимости. Д. таким образом был временно оправдан. Однако на суде над обвиненными им ведьмами Билли Соммерс признался в некоторых трюках: он рассказал, что «накапливал во рту слюну и вспенивал ее, пока она не начинала стекать по подбородку».

Соммерс и Д. были подвергнуты допросу архиепископом Кентерберийским, епископом Лондонским и двумя лордами — членами Верховного суда. Харснетт, капеллан епископа, описывает, как Билли Соммерс «доказал», что женщина была ведьмой. Он знал, когда она должна была явиться в суд.

> После чего, зная, когда ушел мастер Даррелл, и учтя время пути и то, что она, вероятно, будет отрицать, что она ведьма, я около одиннадцати часов сказал тем, кто был рядом со мной во время одного из моих припадков, что Миллисент Хорсли подвергается допросу и отрицает все обвинения в колдовстве.

Несмотря на то, что 34 из 44 свидетелей были его приятелями, Д. был заключен в тюрьму. Это не вызвало удивления у тестя Д., Роберта Купера: «Я всегда предполагал и верил в душе, что Уильям Соммерс дурачит всех как только может, что он никогда не был одержим, никто не вселялся в него и не изгонялся из него, и мистер Даррелл поступал здесь очень нечестно».

Однако у Д. были и поклонники. Так, например, епископ Холл в «Invisible World Newly Discovered» говорил о нем как о «добропорядочном и страстном проповеднике, который предпринял и, с благословения Господа, совершил эти прославленные изгнания злых духов… чем не только укрепил свою силу, но и снискал немалую зависть сомневавшихся». Почти через столетие историю ноттингемского мальчика повторил Ричард Болтон в «Complete history» (1715) в качестве неопровержимого факта.

ДЕМОНОЛОГИ. После того, как ранние авторы (до 1550 г.) определили основные черты колдовской ереси, и их положения дошли до местных судей, с 1580 по 1620 гг. теория совершенствовалась и углублялась авторами многочисленных руководств. Этих демонологов лучше было бы назвать «ведьмологами», поскольку они были более озабочены преступлениями ведьм, чем кознями дьяволов. Ниже перечислены наиболее известные авторы этой группы, рассматриваемые в специальных статьях. Реми, Боге, Гваццо и Синистрари имеются в английских переводах.

Жан Боден «De la demonomanie des sorciers» (Paris, 1580); Питер Бинсфельд «Tractatus de confessionibus Maleficorum et Sagarum» (Treves, 1589); Николас Реми «Demonolatreia» (Lyon, 1595); Мартин Антуан дель Рио «Disquisitionum Magicarum» (Louvain, 1599); Анри Боге «Discours des sorciers» (Lyon, 1602); Франческо-Мария Гваццо «Compendium Maleficarum» (Milan, 1608); Пьер де Ланкр «Tableau de l'inconstance des mauvais anges» (Paris, 1612); Людовико-Мария Синистрари «De Demonialitate» (1700).

Аргументы, случаи, судебные отчеты, личные наблюдения и авторитет авторов определили популярность этих книг. Их влияние подкреплялось частыми переизданиями и постоянным цитированием в менее знаменитых трудах. Во время расцвета колдовского суеверия было опубликовано много аналогичных книг, не ставших столь же авторитетными. Среди них можно выделить труды следующих авторов: Ламбер Дано «Les Sorciers» ([Geneve], 1564); Людвиг Лафатер «De Spectris, Lemuribus et Magis» (Geneve, 1570); Пьер Ноде «Declamation contre l'erreur execrable des maleficiers, sorciers» (Paris, 1578); Иоганн Георг Годельманн «Disputatio de Magis» (Frankfurt, 1584); Джованни Лоренцо Ананиа «De

Natura Demonum» (Venice, 1589); Хеннинг Гросиус «Magica» (Eisleben, 1597); Петрус Вальдерама «Histoire generate du monde» (Paris, 1619); «Processus juridicus contra Sagas» [Cologne], (1629), иногда ошибочно приписываемый Паулю Лайманну; Генрих фон Шультхайс «Eine aussfuehrliche Instruction» (Cologne, 1634); Бенедикт Карпцов «Practica Nava Rerum Criminalium» (Wittenberg, 1635); Жак д'Отюн «L'incredulite savante et la credulite ignorante au sujet des magiciens et des sorciers» (Lyons, 1671); Бартоломео Энхорн «Magiologia» (Basel, 1674).

Пример рассуждений демонологов: как делаются «ведьмины кольца». Генри Мор (1653) навел справки «о происхождении больших темных колец в траве, которые мы называем «ведьмиными кольцами», были ли они местом встреч ведьм или местом танцев тех маленьких крошечных духов, которых называют эльфами или феями». — Натаниэль Кроуч, «The Kingdom of Darkness» (1688).

Демонологи создали миф о колдовстве, повторяя друг друга, как будто повторение могло подтвердить достоверность. Так, дель Рио повторяет положение «Malleus Maleficarum», источника вдохновения для всех последующих специалистов, о том, что демон-инкуб спрашивает ведьму, желает ли она забеременеть или нет. Синистрари, последний из демонологов, заимствует у Гваццо описание клейма дьявола в виде «заячьего следа, жабы, паука, маленькой собачки или мыши-сони». Но и сам Гваццо взял это описание у дель Рио (1599).

Поскольку многие из этих авторов были юристами, теологами или судьями на ведьмовских процессах, они обладали неоспоримой возможностью развивать теорию колдовства так, как сами того хотели. Вследствие этого записи признаний, которые они получали, — это не описания галлюцинаций истязуемых женщин, а всего лишь отражение их собственной фантазии — реальности, еще менее объективной, чем галлюцинации.

В Англии колдовская истерия протекала намного мягче, чем во Франции или Германии, вследствие чего и английские теоретики были гораздо рассудительней. Кроме того, книги экстремистского содержания появились в Англии очень поздно, когда вера в колдовство уже стала угасать. Единственной ранней параллелью с европейскими авторами была деятельность короля Якова I. Английские демонологи никогда не испытывали страшного влияния французских авторов, которые писали в разгар преследований за колдовство. В числе английских авторов были: король Яков I «Demonology» (Edinburgh, 1597); Ришар Бове «Pandaemonium» (London, 1684); Натаниэль Кроуч «The Kingdom of

Darkness» (London, 1688); Ричард Бакстер «The Certainty of the World of Spirits» (London, 1691); Ричард Бултон «A Complete History of Magic» (London, 1715).

Логика демонологов

Типичные рассуждения демонологов: «С другой стороны, [их] мнения были поддержаны и оживлены сторонниками, привлеченными их намерением, освящены особым вдохновением и полны всепобеждающей силы богословских аргументов». — Лекки, «History of Rationalism in Europe».

Факт	Объяснение
1. Престарелый священник 90 лет посажен в тюрьму, ожидает сожжения за колдовство. В отчаянии он совершает самоубийство, перерезав себе горло.	1. После того, как он заснул в башне, в отчаянии, что его должны были сжечь за преступление, в котором он признался, перед ним появился демон и уговорил его утром в субботу, 25 сентября года 1605, теперь уже прошедшего, перерезать себе горло ножом; и хотя рана не была настолько серьезной, чтобы вызвать немедленную смерть, однако демон, находившийся в состоянии бешенства, яростно схватил его душу и к всеобщему удивлению унес ее в ад. Я видел еще теплого мертвого мужчину, лежавшего на соломе: всю жизнь он прожил как животное, потому и лежал на подстилке для животных. Поскольку Всемилостивый Господь вознаграждает каждого человека в соответствии с его деятельностью, он сделал так, что тот, кто в течение девяноста лет своей жизни следовал за Сатаной, погиб от рук Сатаны. Гваццо «Compendium Maleficarum» (1626).
2. Следы скота часто можно обнаружить на пойменных лугах.	2. Свидетели подтверждают под присягой, что они видели мужчин и женщин, танцующих в хороводе, некоторых с «раздвоенными копытами, как у буйволов или козла — казалось, что они были духами в облике похотливых сатиров». Пастух признался, что он играл на своем посохе и ударял по нему пальцами, как будто это была свирель… Добавим ко всему этому, что на месте, где они танцевали, был найден круг с явными отпечатками раздвоенных копыт. Реми «Uemonolatreiae». Цитируется Г.Мором (1653), Н.Кроучем (1688).
3. Мужчине наскучила его жена, и он отказывается спать с ней.	3. Лигатуры существуют двух видов… Как я часто видел, муж может испытывать к жене столь сильное отвращение, что не в силах выносить ее присутствие (так сильно лигатура мучает его), и он принужден уйти, иногда даже громко плача. Жакье «Flagellum Haereticorum Fascinariorum» (1581).
4. Человек склонен к галлюцинациям, особенно, когда он голоден, очень нервничает или находится в смятенном состоянии духа.	4. «Ежели его здоровье не крепко, если он страдает от рвоты желчью, если его тело истощено от продолжительного поста или недосыпания, если он страдает мозговой болезнью или исключительно робок и склонен к сильным замутнениям сознания, то ни одному из его [видений] не следует верить, поскольку такие люди, даже когда не спят, полагают, что они видят, слышат или чувствуют то, что нельзя увидеть, услышать или почувствовать; поскольку дьявол очень легко обманывает их, ибо они охотно принимают на веру образы, которые им только кажутся». Гваццо «Compendium Maleficarum».
5. Заключенный находится в усиленно охраняемой тюрьме и не может оттуда убежать.	5. Почему дьявол, который наделяет ведьм возможностью летать по воздуху и пролезать через замочную скважину, не помогает убежать обвиняемым ведьмам? «Причина, по которой ни одна ведьма не может убежать из тюрьмы в том, что, получив власть над ними, дьявол стремится, чтобы их отправили на смерть, и они не смогли бы освободиться от него через покаяние и отречение». Грилландус «Tractatus de Sortilegiis» (1536).
6. В горных районах часто встречаются нагромождения ледников.	6. «Некоторые из тех, что были сожжены, признавались, что во время ненастной погоды, дьявол брал многих из них в горы, чтобы разбивать лед, и огромные кучи льда часто обнаруживались в горах». «Errores Gazariorum» (около 1450).
7. Оставленный без присмотра рогатый скот зачастую находят некоторое время спустя в хорошем состоянии.	7. Ведьмы убивают быка и пожирают его, а затем оживляют, натягивая кожу на кости. Б.Спина «Quaestio de Strigibus» (1523).

8. Женщина не может выдержать пытки и признается в своем преступлении.	8. Дьявол прячется в волосах женщины, подвергаемой пытке, и вдохновляет ее продержаться как можно дольше. «Но когда боли нет конца, и ее уже не в силах выдержать самый закаленный человек, она говорит: „Оставьте меня, ибо тот, кто меня обманывал, уже сказал мне довольно. Теперь я готова говорить правду“. И, как только она освобождается от дьявола, от которого она должна очень торжественно отречься, она рассказывает всю правду, начиная с того момента, когда она впервые отдалась дьяволу». Гваццо «Compendium Maleficarum» (1626).
9. Эразм обнаружил в своем доме блох, столь многочисленных, что не мог ни спать, ни читать, ни писать (19 ноября 1533 г.).	9. Ведьма в местечке около Килхова призналась, что насылала целые мешки блох, чтобы заразить чумой Фрейбург. Она была сожжена.

Вдохновителям колдовской истерии противостояло небольшое число отважных авторов, рисковавших своим состоянием и жизнью. Однако, если бы эти авторы не защищали человеческую честь и порядочность, не отстаивали законность и не выступали против обскурантизма в пользу здравого смысла, бытование колдовства могло бы продлиться гораздо дольше. Приведем некоторые имена: Самуэль Кассини «Question de le Strie» (Pavia, 1505); Иоганн Вейер «De Praestigiis Daemonum» (Basel, 1563); Реджинальд Скотт «The Discovery of Witchcraft» (London, 1584); Германн Витекинд «Christlich Bedencken und Erinnerung von Zauberey» (Heidelberg, 1585); Корнелиус Лоос «De Vera et Falsa Magia» (Cologne, 1592); Алонсио Салазар де Фриас [«Regulations for Spanish Inquisition», 1611]; Адам Таннер «Disputationes» (Ingolstadt, 1617); Иоганн Гревиус «Tribunal Reformatum» (Hamburg, 1622); Габриэль Ноде «Apologie pour les grands hommes soupconnez ae magie» (Paris, 1625); Антониус Преториус «Crundlicher Bericht von Zauberey und Zauberern» (Frankfurt, 1629); Фридрих фон Шпее «Cautio Criminalis» (Rinteln, 1631); Иоганн Матеус Мейфарт «Christliche Erinnerung» (Schleusingen, 1635); Герман Лоэр «Hochnotige» (Amsterdam, 1676); Балтазар Беккер «De Betoverde Weereld» (Amsterdam, 1691); Роберт Калеф «More Wonders of the Invisible World» (London, 1700); Христиан Томасиус «De Crimine Magiae» (Halle, 1701); Лоран Борделон «Histoire des imaginations extravagantes de Monsieur Oufle» (Paris, 1710); Френсис Хатчинсон «An Historical Essay Concerning Witchcraft» (London, 1718).

ДЕМОНОЛОГИЯ. Демонология, т.е. «логия» или наука о демонах, рассматривается здесь как составная часть теории колдовства, а не как антитеза теологии (наука о Боге). Теологи исходили из того, что их просвещенные читатели уже имеют некоторое понятие по поводу проблемы добра и зла. Демонологи же перелагали эту труднейшую теоретическую проблему простым языком для священников и магистратов низших уровней. Суд над Жанной д'Арк был международным событием, и ее ответы изучались не только ее судьями и схоластами, но даже различными факультетами Сорбонны. Хитроумнейшие вопросы, например, действительно ли святой Михаил был благосклонен к ней? — рассматривались европейскими экспертами, определявшими степень ее виновности. Подобным же образом схоласты различали формы обращения к дьяволу: просьба означала признание его могущества и, следовательно, была ересью. Признание же, учитывающее, что Господь дал Сатане некоторую власть (например, над погодой), ересью быть не могло. Среди других исследователей этой дилеммы особенно пунктуальным был юрист Гриландус [см. Чародейство].

На практике священники и судьи, которые допрашивали ведьм, не были высоко образованными людьми — Карпцов жаловался, что большинство судей в Саксонии грубы и малограмотны. Сами обвиняемые, пусть даже состоятельные и грамотные, чаще всего были простыми городскими или деревенскими жителями, чье религиозное образованием не выходило за рамки, определяемые приходской церковью. И для судей, и для их жертв дьявол был сверхчеловеческой личностью, воплощением зла; он действовал подобно без-

жалостным разбойникам военных лет, чьи повадки были особенно хорошо знакомы в начале XVIII в. Теологи-теоретики подробно обсуждали, каким образом дьявол мог украсть семя у мужчины и достаточно долго сохранять его теплым, чтобы оплодотворить женщину [см. Сексуальные сношения с дьяволом] — на практике же судьи заставляли обвиняемую признаться в сношениях с дьяволом, а затем выносили ей приговор, не задумываясь о том, теплым или холодным было семя. «Простонародное мнение, — подводил итог епископ Хатчинсон в 1718 г., но это справедливо и для более раннего времени, — заключается в том, что дьявол в общем похож на мужчину, но с хвостом, когтями, рогами и раздвоенным копытом».

Вместилище беззакония. Голова дьявола из книги Ф.Барретта «Magus» (1801).

Специалисты вроде Бодена, дель Рио или Реми, несмотря на всю свою образованность и опыт, более подробно писали о проделках ведьм (таких, как договор с дьяволом и шабаш), чем о кознях демонов. Права дьявола не оспаривались, но его агенты представали перед судом.

дьявол обладал властью, хотя о ее масштабах не было единого мнения. Вейер, врач-скептик, писал в 1563 г.:

> «Сатана обладает большим мужеством, невероятной хитростью, сверхчеловеческой мудростью, острейшей проницательностью, совершенной рассудительностью, несравнимым мастерством в плетении самых хитрых интриг и злобной и беспредельной ненавистью ко всему человечеству, безжалостной и непреходящей».

Французский судья по делам ведьм Боден распространял отличительные признаки Сатаны на дьяволов, занимающих более низкое положение (1580 г.):

> «Очевидно, что дьяволы обладают глубочайшими знаниями обо всем. Ни один богослов не может истолковать Священное Писание лучше них, ни один адвокат лучше них на знает законов и установлений, ни один врач или философ лучше них не разбирается в строении человеческого тела или в силе камней и металлов, птиц и рыб, деревьев и трав, земли и небес».

Примерно в то время, когда работал Боден, во Франции появилось много небольших памфлетов, подтверждающих удивительные способности дьявола. Так, например, одна книжка, опубликованная в Париже в 1619 г., имела следующий заголовок: «Удивительная, но правдивая история, происшедшая в Солье, в Провансе, с мужчиной, который посвятил себя церкви, но, поскольку он не выполнил своих обязательств, дьявол отрезал его интимные части».

Михаил Пселл классифицировал дьяволов по месту их обитания [см. Дьявол], и по крайней мере две их разновидности не имели отношения к ведьмам. Другие демонологи пытались классифицировать их по степени демонического могущества. Альфонс де Спина устанавливает 10 разновидностей дьяволов:

> 1. Парки. Некоторые говорят, что видели парок, снующих нить судьбы; но, если это так, то они не женщины, а демоны (ибо Августин говорит, что судьбу определяет воля Божья).
>
> 2. Полтергейсты, обычно называемые duende de casa, которые производят мелкие пакости ночью, вроде разбивания вещей, стаскивания постельных принадлежностей, имитации шагов наверху. Они передвигают вещи, но наносят незначительный ущерб [Бинсфельд считал, что полтергейст следует рассматривать как заявление «нанимателя» о том, что договор расторгнут].
>
> 3. Инкубы и суккубы. Особенно подвержены воздействию этих дьяволов монахини. Когда они пробуждаются утром, они «обнаруживают себя нечистыми, как будто имели дело с мужчинами».
>
> 4. Марширующие призраки, которые являются в виде толпы людей, производящей много шума.
>
> 5. Домашние духи ведьм, которые едят и пьют с людьми, подражая ангелу из книги Товита.
>
> 6. Демоны, вызывающие ночные кошмары, которые пугают людей во сне.
>
> 7. Демоны, образующиеся из семени и его запаха, когда мужчина вступает в связь с женщиной. Эти демоны заставляют мужчин мечтать о женщинах с тем, чтобы иметь возможность «получить их семя и создать нового демона» [де Спина в это не верил].
>
> 8. Демоны-обманщики, которые иногда появляются в облике мужчин, а иногда и женщин.
>
> 9. Чистые демоны (но в действительности, возможно, самые отвратительные), которые нападают только на святых.
>
> 10. Демоны, которые обманывают старух (называемых xorguinae или bruxae), внушая им мысль о том, что они якобы летали на шабаши [см. Перемещения].

Другие демонологи строили иерархию демонов согласно приписываемой им способности побуждать людей к совершению 7 смертных грехов. Бинсфельд. (1589), например, привел такой список:

Люцифер — гордыня
Маммона — алчность
Асмодей — разврат
Сатана — гнев
Вельзевул — обжорство
Левиафан — зависть
Бельфегор — праздность

В книге «Magus or Celestial Intelligencer», опубликованной в Лондоне в 1801 г., Френсис Баррет, оккультист, родившийся на два столетия позже, чем следовало бы, изменил список дьяволов и классифицировал грехи. Маммона стал князем искусителей и соблазнителей, Асмодей — мстителей за причиненное зло, Сатана — обмана (обслуживающим ведьм и заклинателей) и Вельзевул — ложных богов. Кроме того, Пифон был представлен как князь духов лжи, Велиал — вместилище порока (карт и костей), Мерихим —

духов, вызывающих заразные болезни, Абаддонна — войн и Астарот — обвинителей и инквизиторов.

Частью процедуры экзорцизма, до сих пор включаемой в «Rituale Romanum» (издание 1947 г.), является допрос вселившегося дьявола. Священник требует, чтобы он назвал свое имя и ранг, и дьявол, подобно военнопленному, обязан честно ответить. В известном экзорцизме в Аухе (1618) дьявол назвал свое имя как «Махонин, третьей иерархической ступени и второго лика архангелов, и добавил, что прежде, чем войти в тело одержимого, он жил в воде» [см. Экзорцизм]. Согласно первобытным анимистическим представлениям знание имени дьявола давало экзорцисту власть над ним.

Бегемот, демон желаний желудка. — Коллин де Планси, «Dictionnaire infernal» (1863).

Во время экзорцизма люди всегда называли имена дьяволов, вселившихся в них [см. Фери]. Знакомые с существующей номенклатурой из прочитанного или услышанного на проповеди, одержимые обычно называли имена, знакомые экзорцисту — если сам дьявол не желал представиться. Так, когда были околдованы луденские монахини, сестра Мария на основании знания Священного Писания сказала, что была одержима Потифаром, а сестра Мария — святым духом Дагона; оба дьявола были насланы колдунами, отцом Пикаром и сестрой Мадлен Буве («Recit veritable», 1643). Другие монахини добавили к списку:

Сестра Анна — Левиафана
Сестра Барбара — Анситифа
Сестра Луиза де Пинтевилль — Арфаксата
Сестра Анна — Гонзагу
Сестра Мария Шерон — Гронгада
Сестра Мария дель Джезу — Фаэтона
Сестра Елизавета — Асмодея
Сестра Франсуаза — Кальконикса

Один из наиболее полных списков дьяволов и их функций был сделан известным экзорцистом отцом Себастьяном Михаэлисом в «Admirable History» (1612).

Балберит, демон, вселившийся в сестру Мадлен из Прованса, послушно рассказал священнику не только о других дьяволах, вселившихся в монахинь, но добавил имена особых святых, чьей функцией было противостоять им. Поскольку дьяволы были восставшими и падшими ангелами, они установили свои ранги по типу ангельских. Ангельская иерархия, из трех ликов по три чина каждый, была установлена в IV в. н.э. в трактате «Божественные имена» Псевдо-Дионисия и в посланиях апостола Павла (Кол. 16, Еф. 21).

Первый лик:

Серафимы
Херувимы
Престолы

Второй лик:

Господства
Начала
Власти

Третий лик:

Силы
Архангелы
Ангелы

Балберит упоминает многих бывших ангелов, докучавших сестре Мадлен, самые важные из которых описаны Михаэлисом:

Первый лик

1. Вельзевул был князем Серафимов и следующим после Люцифера. Поскольку все «князья», т.е. все начальники девяти ангельских хоров, являются падшими, то следует знать, что первыми от хора Серафимов отпали Люцифер, Вельзевул и Левиафан, которые возглавили все восстание. Но четвертым был Михаил, который первым выступил против Люцифера, и все добропорядочные ангелы последовали за ним, так что теперь он является самым главным из них. Когда Христос спускался в ад, Люцифер сидел там в оковах и управлял всеми… Вельзевул склоняет людей к гордыне. И как Иоанн Креститель занял место Люцифера в Раю благодаря своему смирению, так и Вельзевул имеет на небесах своего противника — святого Франциска.

2. Левиафан является князем той же степени, и главарем еретиков, склоняющим людей к грехам, прямо противоречащим вере [Противостоятель: апостол Петр].

3. Асмодей, той же степени. Он продолжает быть Серафимом до сегодняшнего дня, сгорая от желания соблазнить людей своей свинской роскошью, и является князем желаний [Противостоятель: Иоанн Креститель].

4. Балберит является князем Херувимов. Он склоняет людей к самоубийствам, склоке, сваре и злословию [Противостоятель: Варнава].

5. Астарот, князь Престолов, всегда любит пустое времяпрепровождение и праздность. Он склоняет людей к безделью и лени [Противостоятель: Варфоломей].

6. Веррен, также князь Престолов, следующий после Астарота, склоняет людей к нетерпимости [Противостоятель: Доминик].

7. Грессил. Третий в ряду Престолов, склоняет людей к нечистоте и неряшеству [Противостоятель: Бернар].

8. Соннелон, четвертый в ряду Престолов, возбуждает в людях ненависть к врагам [Противостоятель: Стефан].

Второй лик

9. Карро, князь Властей, склоняет людей к жестокосердию [Противостоятель: Винцент].

10. Карниван, также князь Властей, склоняет людей к непристойностям и бесстыдству [Противостоятель: Евангелист Иоанн].

11. Элле, князь Господств, подстрекает людей к нарушению обета бедности [Противостоятель: Мартин].

12. Розье, второй в ряду Господств, сладкими речами склоняет людей к любострастию [Противостоятель: Василий, который не слышит его очаровывающих речей].

13. Верье, князь Начал, склоняет людей к нарушению обета послушания и делает шею жесткой, как железо, чтобы она не могла согнуться в поклоне [Противостоятель: Бернар].

Третий лик

14. Велиал, князь Сил, склоняющий людей к высокомерию. Его Противостоятель — святой Франциск Полский, известный великою кротостью и человеколюбием. Велиал также склоняет благородных дам украшать себя в соответствии с новой модой, развращать своих детей и болтать с ними во время мессы, отвлекая их от служения Господу.

15. Оливий, князь Архангелов. Подстрекает людей быть жестокими и безжалостными к бедным [Противостоятель: Лаврентий].

Подобные списки были распространены в работах теологов и демонологов, и знаменитый Амбруаз Паре в главе о чудовищах в «Opera Omnia» (1572) описывает дьяволов подобным образом. Знание святого, который противостоял дьяволу, имело практическое значение не только для экзорцистских молитв, но и для неблагочестивых сношений с дьяволом. Дьявола можно было вызвать более безопасно, если обратиться вначале к его противостоятелю; многие grimoires — самодельные книги по вызыванию духов — состоят из подобных заговоров.

Число дьяволов было легион. Святой Макарий Египетский молил Господа позволить ему увидеть силы зла; глаза святого открылись, и он увидел дьяволов «многочисленных как пчелы». Де Спина в 1459 г. полагал, что около трети ангелов стали дьяволами, особенно 133, 306, 668. Один «кибернетик» XVI в. насчитал 66 князей, командующих 6 660 000 дьяволами. Другой установил более точно — 7 409 127 демонов управляются 79 князьями преисподней. Вейер уточнил эти цифры, доведя их до 7 405 926 демонов и 72 князей ада. Спустя несколько лет другой исследователь говорил, что количество дьяволов больше, чем половина всего населения мира.

ДЕТИ ГУДВИНА. История, случившаяся с 4 детьми Джона Гудвина, является классическим примером одержимости дьяволом в Америке. Случай, произошедший в Бостоне в 1688 г., сегодня бы назвали эпилептическими припадками, быть может, с некоторой примесью детской симуляции.

> «Я полагаю, что не нарушу приличий, если поведаю обществу, что одной из причин спасения детей стала странная смерть ужасной старухи, которая, как предполагалось, во многом приложила руку к их недугу. Когда она умирала, богадельня, где она жила, была повергнута в ужас устрашающими звуками, и казалось, что смерть ее ускорилась из-за зловещих ударов, исходивших из невидимого мира», — пишет К.Мазер в «Memorable Providences» (Бостон, 1689), предвосхищая на несколько лет похожие явления в Салеме.

Вместе с тем, этот случай еще раз демонстрирует готовность некоторых здравомыслящих людей поверить в сверхъестественное объяснение достойной сожаления, но вполне естественной болезни. Как и в случае с уорбойскими ведьмами, пострадал не пользующийся популярностью человек, ставший козлом отпущения, и еще одна старуха была казнена.

Кроме взрослого сына и младенца у Джона Гудвина было еще 4 ребенка — 2 мальчика, пяти и одиннадцати лет, и две девочки, семи и тринадцати, воспитанные в строгости и религиозном духе. Летом 1688 г., когда старшая дочь спросила у прачки-ирландки, куда делось белье, мать этой прачки, некая Гуди Гловер,

> «скандальная старая женщина… защищая свою дочь, осыпала девочку очень плохими словами. Бедное дитя сразу же почувствовало себя нездоровой и одержимой странными припадками, вроде тех, что бывают при эпилепсии или каталепсии или тех, что называют болезнью от испуга».

Вскоре все дети были поражены подобным образом; врачи были в замешательстве, и (как в случае с уорбойскими ведьмами) пришли к выводу, «что ничто, кроме дьявольского колдовства не могло быть источником подобных заболеваний». Дети периодически становились немыми, глухими и слепыми.

> «Иногда их языки загибались в глотку, иногда выворачивались на всю длину на подбородок. Они так раскрывали рты, что их челюсти выпадали из суставов, и снова стискивали их с такой силой, что они защелкивались подобно пружинному замку. То же самое происходило с их ключицами, локтями, запястьями и отдельными конечностями. Временами они могли, лежа в бесчувственном состоянии, выгибаться так, будто их шея была привязана к пяткам, затем распрямляться и выгибаться снова, так что кожа едва не лопалась на животах. Они кричали так жалобно, как будто их резали ножом или нестерпимо сильно избивали. Их шеи то выгибались так что, казалось, в них нет ни единого позвонка, то вдруг становились такими жесткими, что они не могли пошевельнуть головой. То вдруг они принимались с такой силой крутить головами, что их лица выворачивались назад, и, когда мы прилагали все усилия, чтобы уберечь их от повреждений, они вопили изо всех сил».

Однако на протяжении всего этого времени дети старались хорошо высыпаться: припадки редко происходили после 10 часов вечера.

По истечении некоторого времени, их отец пожаловался в магистрат на свою соседку Гуди Гловер, которую он заподозрил в околдовывании детей. К.Мазер, свидетель всего происшествия, твердо заявлял, что «у Гудвина не было доказательств того, что она причинила им какой-нибудь вред».

> «Но старуха не могла отрицать свою заинтересованность в околдовывании детей… Был выдан ордер на обыск дома старой женщины, откуда в суд были принесены несколько небольших подобий или куколок младенцев, сделанных из тряпок и набитых шерстью козла и другими подобными составляющими. Когда все это было представлено, злодейка призналась, что применяла следующий способ вызывания болезней у объектов своего злодейства — она поглаживала эти маленькие подобия пальцем, смоченным слюной».

Чиновники магистрата далее обнаружили, что она не может прочитать «Отче наш» по-английски. При этом не приняли во внимание тот факт, что старая женщина была ирландкой и говорила только по-ирландски (суд велся через переводчиков), произносила свои молитвы по-латыни, и, как всякая ирландская эмигрантка середины XVII в., была наполнена простонародными суевериями (например, верила в ведьмовство). В беседе с Мазером она говорила всякий вздор и «почти ничего не сказала об обстоятельствах своей связи с дьяволом». Матушка Гловер была осуждена судом, в который входил судья Стаф-

тон, выборный губернатор Массачусетса, позже отправивший на виселицу салемских ведьм.

Маленькие странности этих детей и сегодня можно было бы с тем же успехом объяснить дьявольскими кознями:

> «Если их родители не одобряли какую-либо неподходящую вещь, которую они произносили или делали, с ними могли случиться ужасные душераздирающие припадки. Если им предстояло сделать или принять участие в каком-нибудь полезном деле, на них тут же сваливались все беды. Иногда им требовался час или два, чтобы раздеться вечером или одеться утром.
>
> Если кто-нибудь подходил к ним, чтобы помочь развязать шнурок, расстегнуть пуговицу или еще что-нибудь, они скрючивались, не позволяя ему этого сделать. Иногда они так вертелись в своих кроватях, что в течение одного или двух часов туда не могли положить никаких постельных принадлежностей. Если они шли мыть руки, то их ладони стискивались столь сильно, что они не могли ничего сделать. Но, когда их друзьям надоедало ждать, они всегда делали то, что от них требовалось. Если им предстояло работать, суставы их тут же начинали столь сильно трещать, что они с горечью отступались от работы. Если кто-то приказывал им протереть чистый стол, они не могли сделать этого, не создав беспорядка; если нужно было вытереть грязный стол, они начинали испытывать такие мучения, что это тоже оказывалось невозможным».

«Когда я молился в комнате, ...ее позы были точно такие же, как у закованной в кандалы ведьмы, перед тем, как она умерла». Коттон Мазер (1688).

Мазер придерживался устойчивого мнения, что все эти припадки — дело рук дьявола, и что дьявол не понимает никаких человеческих расчетов; с его точки зрения, это доказывало, что дьявол не знает наших мыслей:

> «Мы можем дурачить [дьяволов], когда говорим одно, а подразумеваем другое. Это обнаружилось, когда детей раздевали. Дьяволы всегда могли удивительным образом, превышающим силу любого обманщика, так перекручивать ту часть тела, с которой следовало снять одежду, что раздеть ребенка было невозможно. Так, если мы говорили: «Развяжи его галстук», в то же самое время подразумевая расшнуровать башмак, то галстук, а не башмак становился странным образом недоступен».

Наконец, припадки, которые продолжались более года, прекратились. Мазер связывает их прекращение со смертью второй старухи, подозревавшейся в чародействе. «После случившегося я убежден, — замечает он, — что никогда не следует даже на йоту при-

слушиваться к человеку, который собирается убедить меня, будто дьяволов или ведьм не существует».

Роберт Калеф, купец из Бостона, писал в своей книге «More Wonders of the Invisible World» (1700), опубликованной в Англии, поскольку И.Мазер в то время был цензором в Америке и возглавлял Гарвардский университет:

> «Мистер К.Мазер далеко опередил всех священников своей страны в этом деле, взяв к себе домой одного из этих детей и организовав вокруг него такие интриги, что опубликованный после этого в «Memorable Providences» репортаж о случившемся в эпоху сэра Уильяма [Фипса] [1692 г.] раздул пламя, угрожавшее поглотить всю страну».

Мазер оставил еще два подробных отчета об «одержимости»: Мерси Шорт и Маргарет Рулл. Его отец, И.Мазер, в «Illustrious Providences» излагает дело Джона Стиля (1679 г.), который мучил своего деда Уильяма Морза с помощью полтергейста и подвергался припадкам наподобие тех, что были у Гудвинов и других одержимых детей. «Он лаял как собака и кудахтал как курица… его язык как будто выпадал изо рта». Вследствие этого двоих подозреваемых, Гуди Морз и Калеб Поуэлл, обвинили в колдовстве. В 1720 г. в Литтлтоне (Масс.) 3 юных девушки, одиннадцати, девяти и пяти лет, демонстрируя такие же симптомы, какие были у детей Гудвина, убедили своих соседей в том, что они находятся под властью злых сил. Спустя 8 лет старшая дочь, накануне пострижения в церкви в Медворте, решилась признаться в обмане; оказалось, что девушки назвали ведьмой первую попавшуюся женщину. В качестве примера английского мошенничества, аналогичного делу детей Гудвина и хорошо известного в Америке, можно вспомнить случай с ведьмами из Сент-Эдмундсберри [см. Сент-Эдмундсберрийские ведьмы].

ДЕТИ-ОБВИНИТЕЛИ. Во время столетней охоты за ведьмами сотни людей были отправлены на смерть из-за безответственных проделок непослушных детей. Эти маленькие чудовища особенно свирепствовали в Англии, а американские дети копировали их ужимки. Во Франции подобные проделки совершали девочки, обвинявшие священников в аморальном поведении [см. Кадье, Катрин; Лувьерские монахини].

Германия была столь занята массовыми казнями, что показания детей носили случайный характер. Однако один пример превосходит английские аналоги. В Хагенау (Эльзас) бедствия войны и плохие урожаи приписывались колдовству. 16 июня 1627 г. по обвинению в колдовстве были казнены 3 женщины и 14-летняя девушка, Мария Нитхен. Среди других Мария обвинила Петера Роллера, 13-летнего мальчика. Во время допросов у Роллера обнаружилось богатое воображение, он изобретал фантастические истории о шабашах и заявлял, что на них присутствовали все, кого он знал. Обвиненные им попадали в камеру пыток, где им не оставалось делать ничего другого, как признаться и назвать новых сообщников. Чтобы сохранить собственную жизнь, мальчик утверждал, что он околдован; благодаря этой уловке он был отправлен в больницу, а не на эшафот. Спустя 9 месяцев, 23 марта 1628 г., Петер Роллер подвергся допросу. Он был вполне способен контролировать ситуацию и рассказал, что именем Христа он только что вырвался из лап дьявола, который приходил соблазнять его через больничное окно. Такой смелый поступок был благосклонно принят судьями, приставившими к мальчику двух капуцинов, чтобы они помогли ему завершить это доброе начинание. К 17 мая Петер освободился от власти дьяволов и вернулся домой. Этот 13-летний мальчик был виновен в том, что 24 человека были сожжены, 3 покончили с собой в тюрьме и 3 стали калеками после пыток.

Большинство историй о молодых людях, рассказывающих под присягой небылицы, связано с Англией. Они начались с известного процесса 1593 г. над уорбойскими ведьмами, когда 5 юных истеричек отправили на виселицу пожилую супружескую пару и их дочь. Четыре года спустя юный мошенник Уильям Соммерс, мальчик из Ноттингема, подученный «экзорцистом» Дарреллом, обвинил 13 женщин, якобы околдовавших его. Ра-

зоблаченный прежде, чем их осудили, Соммерс признался, что изучал брошюру об уорбойских ведьмах, чтобы симулировать соответствующие симптомы. В 1604 г. Анна Гюнтер использовала тот же самый памфлет, чтобы узнать, как должен вести себя околдованный ребенок. Симптомы, сопровождавшие истерию 13-летнего мальчика Джона Смита из Лестера, настолько напоминали дело в Уорбое, что налицо была явная симуляция [см. Лестерский мальчик]. На основании показаний Смита 9 человек были казнены за колдовство, прежде чем король Яков I приказал провести расследование, изобличившее мошенника, и освободил тех, кто еще был в тюрьме.

Даже когда юные вредители не следовали уорбойскому образцу, на них влияли разговоры взрослых об этом и похожих процессах. В 1596 г. в Бартоне-на-Тренте 13-летний Томас Дарлинг был одержим припадками, видел зеленых котов и обвинил Алису Гудридж в колдовстве; Алиса была осуждена и умерла в тюрьме [см. Бартонский мальчик]. Через некоторое время Дарлинг был разоблачен Харснеттом, будущим архиепископом Йоркским. Уильям Соммерс, также руководствовавшийся уорбойским памфлетом, в 1597 г. был направлен к Дарлингу, «чтобы, наблюдая за ним во время припадков, [он] смог бы научиться их делать лучше». В 1597 г. дети Николаса Старки из Ланкашира были подвержены припадкам и меланхолии; фальшивый экзорцист Хартли, якобы вселивший в них демона, был осужден по отдельному обвинению в создании магических кругов и повешен в Ланкастере (Г.Мор, «A True Discourse Concerning the Certain Possession», 1600). В 1620 г., спустя 4 года после разоблачения лестерского мальчика, Уильям Перри, билсонский мальчик, также симулировавший одержимость, был застигнут при засовывании под свою крайнюю плоть чернильного тампона, который должен был окрасить его мочу в черный цвет.

К несчастью, большинство подобных детей так и не было разоблачено, и суды, основанные на детских фантазиях, происходили на протяжении многих десятилетий. В 1634 г. 10-летний Эдмунд Робинсон стал первым из плеяды обманщиков из Пендла. Спустя 5 месяцев он признался в своем обмане, но за это время трое из обвиненных умерли в тюрьме. В 1644 г. в Сент-Эдмундсберри Роза Каллендер и Эми Дьюни были казнены за колдовство по заявлению истеричных детей, хотя обман был замечен еще на суде. Спустя сто лет после уорбойского дела, в 1697 г., 11-летняя девочка из Пейсли (Шотландия), демонстрируя срыгивание мусора, обвинила 21 человека в том, что они вызывали ее припадки; на основании ее слов, подтвержденных 3 другими детьми, 7 из обвиненных были сожжены [Бергернская мошенница].

Американские дети также оказывались мошенниками. 4 детей Гудвина из Бостона напоминают детей Трокмортона из Уорбоя. В 1688 г. они обвинили ирландскую поденщицу, впадая в конвульсии при ее появлении. Несчастная женщина была повешена за колдовство. В 1720 г. 3 молоденькие девушки в Литтлтоне (Массачусетс) обвинили своих соседей в том, что они были ведьмами; 8 годами позже старшая дочь призналась, что все это было розыгрышем, девушки обвинили в колдовстве первую попавшуюся женщину. Но типичным американским примером является Салем. От выходок нескольких «ведьминских сучек» там погибло 22 человека. Причину раскрывает следующее признание одной из них: «Мы хотели немного позабавиться». 14 лет спустя Анна Патнем, предводительница этих девушек, призналась в обмане: «Это было величайшее наваждение Сатаны, который обманул меня в то печальное время, и я боюсь, что была орудием в его руках, …чтобы сделать меня и моих земляков виновниками пролития невинной крови». Однако выдумки этих молодых девушек губернатор Хатчинсон назвал «столь подробными, что не оставалось места для сомнений в их достоверности».

Среди английских священников, боровшихся против рассмотрения судами показаний малолетних обманщиков, был архиепископ Харснетт, автор «Discovery of Fraudulent Practices» (1599), доказавший несостоятельность Даррелла, и епископ Хатчинсон, который, очевидно, нанес им последний удар в 1718 г. Перечень наиболее знаменитых случаев мошенничества, на основании данных Хатчинсона, прилагается ниже.

Знаменитые случаи мошенничества: одержимые подростки.

(По Фрэнсису Хатчинсону, с дополнениями).

1533. Элизабет Бартон, девушка из Кента. Священник подсказал девушке симулировать припадки, а затем заявить, что она излечилась благодаря заступничеству святой Девы Марии. Таким образом часовня этого священника в Албингтоне (Кент) стала местом массового поклонения, «и паломники устремились к ней, дабы на них сошла Божья благодать». Впоследствии Элизабет заявляла о видениях, предупреждающих Генриха VIII об опасности повторной женитьбы; она вовлекла в это дело многих священников и дворян и, наконец, призналась в жульничестве. Перед казнью Элизабет Бартон заявила: «Они восхваляли меня, пока мои выдумки приносили им доход».

1544. Элизабет Кросс, девушка из Холла-на-Уэлле, притворявшаяся ясновидящей.

1574. Агнесс Бридж, одиннадцати лет, и Рашель Пиндер, двенадцати лет, симулировали одержимость и срыгивали булавки. Они были разоблачены и признались в обмане.

1575. Милдред Неррингтон из Кента впадала в истерики, «такие сильные, что четверо мужчин едва могли удержать ее». Она обвинила старую женщину в колдовстве, но позже призналась в своем обмане перед мировыми судьями [сообщает Реджинальд Скотт].

1579. Элизабет Ортон из Флинтшира симулировала падучую. Она публично призналась в Честерском соборе в 1582 г.

1595. Томас Дарлинг, бартонский мальчик.

1597. Уильям Соммерс, ноттингемский мальчик [см. Даррелл, Джон].

1604. Томас Харрисон, нортвичский мальчик.

1604. Анна Гюнтер.

1616. Джон Смит, лестерский мальчик.

1620. Уильям Перри, билсонский мальчик.

1633. Эдмунд Робинсон, один из обманщиков из Пендла [также сообщается Джоном Вебстером].

1697. Ричард Дагдейл, мошенник из Сьюри (Ланкашир), одержимый Сатаной; боролся с девятью евангелистскими священниками, пока они не изгнали из него дьявола.

Кроме многочисленных статей, упомянутых выше, см. также Австрия, колдовство в; «Возлюбленная» доктора Лэмба; Полтергейст в Эпворте; Гленлусский дьявол; Лилльские монахини; Моровские ведьмы.

ДИ, ДЖОН (1527–1608). Будучи выдающимся человеком, Д. имел такие многогранные интересы, что ни одна из книг о елизаветинской эпохе не обходится без упоминания этого «Мерлина королевы Елизаветы». Его колдовская слава заслоняла остроту его ума.

В возрасте пятнадцати лет он поступил в Кембриджский университет, и с этого времени до самой смерти в возрасте 81 года поставил себе задачу работать по 18 часов ежедневно, отводя 2 часа на еду и 4 часа на сон. Однако большая часть из его 79 работ сохранилась в рукописях; одна из них, длиннее, чем Библия, оказалась настолько «утомительной для издателей», что они отказались печатать ее! Но он делал и очень серьезные предложения; например, Д. безуспешно пытался использовать свой огромный авторитет, чтобы склонить протестантскую Англию принять в 1582 г. папскую буллу, вводящую реформу календаря (так и не принятую до 1752 г.). Д. предложил собирать рукописи, рассеиваемые после ликвидации монастырей, предвосхищая появление Комиссии по историческим рукописям (1869). Он предложил создать королевскую библиотеку, предвидя появление Британского музея (1753). Он предложил снимать копии с важнейших трудов, хранившихся в библиотеке Ватикана, предвидя проект университета св. Людовика по

микрофильмированию рукописей (1954). Он щедро делился своими огромными научными знаниями по навигации (он был другом Меркатора) с исследователем Арктики капитаном Джоном Девисом, предвидя открытие Северо-Западного пролива «Наутилусом» (1958).

Д. выявил множество тонкостей, которые оправдывают его вмешательство в изучение колдовства:

1. Несмотря на покровительство королевы Елизаветы, он был посажен в тюрьму при королеве Марии как «сообщник исчадий ада, вызыватель и заклинатель злобных и проклятых духов». Его обвинили, но затем сняли обвинения в убийстве детей.

2. В течение своих десятилетних странствий по всей Европе, побывав на службе у графа Палатина, польского короля Стефана, императора Рудольфа и графа Розенберга из Богемии, Д. искал книги по магии и колдовству. Его комментарии по поводу сделок очень забавны: «Я долго искал, прежде чем смог ее [очень редкую книгу] повстречать. Некоторые книготорговцы были столь невежественными, что я даже не смог убедить их в существовании этой книги; но теперь я достал ее». Во время странствий была разграблена его библиотека, находившаяся в Мортлейке, близ Лондона, но Д. удалось спасти около 3000 томов, большая часть из которых теперь находится в музее Ашмола в Оксфорде и в Британском музее.

Джон Ди и Эдвард Келли во время занятий некромантией.

3. Д. лично встречался с несколькими великими демонологами: скептиком И.Вейером в Лувене и Боденом во время своего визита в английский суд в феврале 1581 г. Подобные встречи, несомненно, вдохновили его на создание библиотеки.

4. Благодаря Д. и его библиотеке идеи европейских демонологов входили в английское сознание и образ жизни. Когда Д. был ректором Манчестерского колледжа в Ланкашире, местные мировые судьи брали у него книги по колдовству. Так, например, примерно в 1596 г. Эдмунд Хопвуд, помощник лейтенанта в Ланкашире, взял у него книгу Вейера «De Pratstigiis Daemonum a Fustis Daemonum», книгу Меньи по экзорцизму «Flagellum Daemonum» и известную «Malleus Maleficarum».

5. У Д. попросили совет по поводу предполагаемой одержимости семьи Старки, которая была подвергнута экзорцизму шарлатаном Хартли [см. Даррелл, Джон]. Духовник Д. преподобный Метью Палмер спросил Хартли, что тот делал с детьми Старки:

Хартли: Молился.
Палмер: Ты молился! Ты не умеешь молиться. Какую молитву ты произносил?
Хартли: Никакой, кроме Молитвы Господней.
Палмер: Скажи ее.

Хартли не смог ее произнести. Д. «наотрез отказался вмешиваться в историю и посоветовал отцу семейства получить совет у добропорядочных священников и один день попоститься». Но он «дал такой резкий отпор [Хартли], что дети чувствовали облегчение и три недели спустя».

6. Возможно, менее достойной была связь Д. с Джоном Келли, шарлатаном, с которым в 1581 г. в Уоттондейле он пытался вызвать духов, чтобы обнаружить спрятанные сокровища.

Несмотря на свою эрудицию или благодаря ей, Д. легко поддался обману. Наиболее поразительным примером его наивности является обмен женами со своим помощником Келли, который был моложе его на 26 лет.

Позавидовав, что у Д. молодая и красивая жена Джейн, Келли сообщил о словах духа, рекомендовавшего «общее и частичное сожительство любой пары из нас четверых». Джейн сомневалась, но Д. сказал ей: «Не существует иного средства, кроме того, что было сказано о нашем перекрестном сожительстве, так и следует сделать. …И она выразила готовность исполнить его требование, покоряясь непостижимой воле Господа».

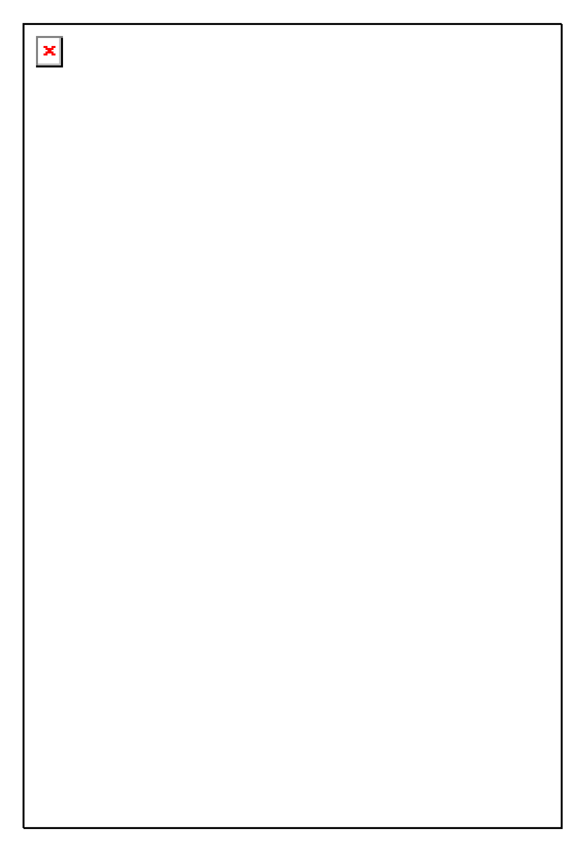
В интересном письме архиепископу Витгифту в 1594 г., Д. писал, что считает себя преданным христианином, несмотря на свои герметические исследования. Но его поиски призраков с помощью магических камней и его исследования в эзотерических областях алхимии относятся скорее к истории магии, чем к истории колдовства.

ДОГОВОР С ДЬЯВОЛОМ. Договор с дьяволом был основой колдовства. Благодаря договору оно рассматривалось как ересь и, следовательно, подпадало под юрисдикцию инквизиции. И для каждого демонолога, как протестантского, так и католического, соглашение сотрудничать с дьяволом, противореча и не покоряясь Господу, было основой преступления колдунов. Так, Гиффорд сообщает мнение, распространенное среди английских протестантов: «По слову Божьему ведьма должна умереть не за то, что она убивает людей — она не может этого сделать, если только она не из ведьм, убивающих ядами, которые они или получают от дьявола, или делают по его наущению; но уже за то, что она общается с дьяволами». Именно договор, а не злодеяния ведьм, образовывал состав преступления. И так называемые «белые ведьмы» заслуживали осуждения в той же степени, как и ведьмы, творившие зло. Перкинс в 1608 г. подробно объяснил это тождество:

> «Даже если ведьма не причиняет вреда, а приносит пользу, она отвергает Господа Бога нашего и признает законы врага Его и церкви; следовательно, смерть будет уделом, определенным ей от Господа: она не должна жить».

Если убрать договор, трактовка колдовства как ереси исчезнет. «Сколь бы ни были неразумны или ни расходились со Священным Писанием эти утверждения [о существовании договора], они представляются неотъемлемой частью религии, включающей в себя веру в подобного рода колдовство», — отмечал американский скептик Роберт Калеф.

Ранние католические демонологи и все протестантские авторитеты моделировали договор с дьяволом на основе церковных церемоний, которые они знали; их описания относительно логичны. Для Мора в 1653 г. «нет ничего неразумного в том, что такие церемонии могли осуществляться между злым духом и человеком, если аналогичные церемонии используются для того, чтобы крепче привязать человека к Господу» — «Antidote Against Atheism». Но поздние католические авторы добавили в него фантастические выдумки, созданные их собственным воображением.

«Клянешься ли ты подчиниться своим хозяевам или тем, кто равен им по влиянию… почитать их, мести, кружиться, бить в барабаны, завывать, вопить, летать, готовить, сосать и все прочее, что тебе прикажут? …Я клянусь… Очень хорошо, ты ведьма, моя дорогая. Поздравляю!» — Гойя (1799).

Первое подробное описание договора дается в книге Нидера «Formicarium» (ок. 1435), второй печатной книге по колдовству, в рассказе о молодом человеке, сожженном за колдовство:

> «Во-первых, в субботу, перед освящением святой воды, будущий послушник должен пойти со своими наставниками в церковь и там в их присутствии отречься от Христа и его веры, крещения и католической церкви. Затем он должен выразить почтение magisterulus, то есть «маленькому хозяину» (так они обозначают дьявола). Затем он пьет из фляги [кровь убитых детей]; после этого он обязан соблюдать и хранить в тайне наше искусство и главные правила секты».

Почти через 200 лет появилось английское протестантское описание, совпадающее с предыдущим во всем, за исключением местных отклонений. Томас Купер в «The Mystery of Witchcraft» (1617) копирует евангелический ритуал. Ведьма

> «должна быть торжественно связана договором в Доме Господа, там открыто заявить о своем подчинении ему [дьяволу], отрекаясь от всех прежних обетов, данных перед Господом. Обычно все происходило в следующем порядке. Сатана богохульственно занимал место, где отправлялись священные обряды, и делал следующее: Во-первых, требовал от всех новообращенных признать договор действительным, заставляя их повторять следующую формулу: «Я, имярек, здесь признаю, что на таких-то условиях отдаю себя Сатане, чтобы он распоряжался мною по своему усмотрению». Во-вторых, после приведенного признания Сатана предлагал своим вассалам поцеловать его зад в знак полной подчиненности. …В-пятых, для того, чтобы они подтвердили свой договор, он получает удовольствие от другой, проводимой ими, церемонии — попрания креста в знак их отречения от Троицы, от спасения их душ Господом и от крещения».

Торжественный публичный договор. «Ведьмы отрекаются от крещения, христианской веры, отказываются от подчинения Господу, отвергают покровительство Святой Девы, которую, насмехаясь, они называют «La rousse». Наконец они отрицают причастие Святой церкви и попирают ногами Крест Господний и статуи Девы и других святых». — Гваццо (1626).

Немец Бинсфельд, охотившийся за ведьмами епископ, чей влиятельный «Tractatus» выдержал 8 изданий с 1589 по 1623 гг., также выстраивает концепцию колдовства вокруг договора: ведьмы отрекаются от Господа и своего крещения, вступают в соглашение с дьяволом, чтобы поклоняться и вечно служить ему. Его взгляды были сходны с позицией яростного антипаписта Перкинса, примерно в то же время, в 1608 г., писавшего: «Основанием для всех практических проявлений колдовства является союз или договор, заключенный между ведьмой и дьяволом, который взаимно связывает их друг с другом».

Торжественный публичный договор. «Ведьма заново крестится во имя дьявола и, отрекшись от христианского имени, принимает другое». — Гваццо (1626).

Эта общая концепция договора постепенно разрабатывалась Отцами Церкви, исходя из символической фразы Исайи: «Мы заключили союз со смертью и с преисподнею сделали договор» (28, 15). Как Ориген (185–254 гг.), так и Августин (354–430 гг.) связывают предсказания, лигатуру и заговоры с pacta cum daemonibus (договором с демонами). Формулировка Августина вошла в канонический закон, и вследствие этого, как отмечает Генри Ли, «остается постоянной частью церковной юриспруденции». «Все суеверия, как незначительные, так и пагубные, — заявлял Августин, — вырастают из гнусного согла-

шения людей и демонов, безнравственного договора о предательской дружбе, который следует отвергнуть по сути» («De Doctrina Christiana»). Уделив особое внимание гаданию, Фома Аквинский подчеркивает наличие договора: «Любые гадания и магические вычисления считаются суевериями, поскольку вытекают из действий демонов, и, следовательно, находятся в связи с тем или иным договором, заключенном с ними» («Summa Theologica»).

Торжественный публичный договор. «Дьявол подтверждает решение ведьмы, расцарапывая ей лоб, чтобы стереть крестильный елей». — Гваццо (1626).

Старинные легенды повествуют о договорах с дьяволом, обещавшим помощь в жизни земной и требовавшим расплаты в жизни вечной. Эти легенды, используемые поздними демонологами в качестве избитых примеров, вошли в европейскую традицию примерно в IX в. из византийских источников. Крестовые походы помогли их распространению; появились также легенды о перемещениях ведьм. Хинкмар из Реймса (умер в 882 г.) был первым автором, включившим в «Житие св. Василия» рассказ о слуге сенатора, влюбившемся в дочь своего хозяина. Продав свою душу дьяволу, камердинер завоевал ее сердце. Он спасся только с помощью святого, который заставил дьявола расторгнуть контракт. Эта легенда часто пересказывалась в последующие столетия. В XIII в. старинный рассказ о соглашении между Теофилусом из Адана и дьяволом превратился в историю с подписанием договора кровью. Другими ранними авторами, чьи рассказы о договорах заимствовались демонологами, были бенедиктинец Фома Аквинский, Вальтер Мап, Цезарий Гейстербахский и Винсент из Бове.

К концу XIV в. (1398 г.) Парижский университет официально утвердил теорию о том, что колдовство включает в себя договор с дьяволом. Все было готово, чтобы инквизиция начала борьбу с ересью чародейства, распространяя суеверие, уродовавшее Европу в течение двух столетий.

Теологи различают два вида договора: подразумеваемый, но не выраженный прямо, или Частный договор (Professio Tacita), и признаваемый открыто Публичный договор (Professio Expressa). Влиятельный судья по делам ведьм Гриландус одним из первых (в 1525 г.) разработал эту классификацию, используя как доказательство заранее подготовленные им заявления, которые его жертвы подтверждали под пытками. В «подразумеваемом договоре» ведьма брала на себя обязательство подчиниться дьяволу не непосредственно, а через другую ведьму; в конечном счете ожидалось, что ведьма признает его публично. Публичный договор (Professio Expressa) мог быть заключен или на шабаше, со всеми необходимыми обрядами (solemnis sive publica), или без свидетелей через подписание соглашения (privata). «То, что называется торжественным или публичным, — писал скептик Скотт, — совершается там, где ведьмы собираются на свои сборища в установленное время и не только видят дьявола в зримой форме, но ведут с ним разговоры и дру-

жеские беседы». Со времени Бинсфельда (1585 г.) текст договора был настолько формализован юристами, что стал напоминать «контракт между двумя купцами или землевладельцами».

Торжественный публичный договор. «Ведьмы передают дьяволу часть своей одежды в знак того, что дьявол отделяет их от духовных, телесных, природных и земных вещей». — Гваццо (1626).

Протестантские демонологи, как уже было сказано выше, без угрызений совести заимствовали католические теории колдовства, но, не желая ссылаться на традицию католической церкви, старались умалчивать о том факте, что столь необходимый договор с дьяволом ни разу не упоминается в Библии. Перкинс обошел это препятствие следующим образом:

> «Явный договор называется таковым, поскольку он совершается в торжественных выражениях с обеих сторон… И он не определен в Священном Писании столь же твердо, как в сочинениях ученых мужей, которые записывали признания ведьм. Для последующей ратификации ведьма лично передает дьяволу собственноручно подписанный документ и немного своей крови, как залог и плату за скрепление сделки».

Договор с дьяволом, подписанный кровью ведьмы, является самой эффектной частью теории, которую во всех ее разновидностях увековечила легенда о Фаусте.

Жутковатая сцена ратификации договора, несомненно, навеяна рассказами демонологов: вот молодой человек, продавший свое тело и душу ради 12 лет удовольствий, приходит подписать контракт. «Он протянул левую руку. Дьявол схватил ее и сжал с такой силой, что наполнил его ладонь кровью, выдавленной из под кончиков трех пальцев» (Гваццо, 1608). Снова, как почти во всех теориях колдовской ереси, мало что отличает здесь католиков от протестантов. В очень раннем трактате «Errores Gazariorum», написанном инквизитором из французской Савойи примерно в 1450 г., рассказывается о признании некоего Жана Стипилиуса, сожженного затем у столба, что он дал кровь из своей левой руки дьяволу, чтобы написать договор. Почти два с половиной столетия спустя К.Мазер все еще верил этой легенде, хотя и смягчал ее в соответствии с протестантским здравомыслием.

Описывая одержимость Маргарет Рулл, Мазер рассказывает, что обращенного в христианство индейца дьявол соблазнил подписать Книгу Смерти — «пером и чернилами».

Торжественный публичный договор. «Ведьмы клянутся дьяволу в верности, стоя в кругу, начертанном на земле, либо ради того, чтобы указать, что дьявол хочет, чтобы они поверили, что он является господином на небе и на земле, либо потому, что круг является символом божества, а земля — скамейкой Божьей». — Гваццо, 1626.

Торжественный публичный договор. «Ведьмы просят дьявола, чтобы их имена были вычеркнуты из Книги Жизни и вписаны в Книгу Смерти». — Гваццо (1626).

Отец Коттона, И.Мазер, твердо верил в существование договора. Для укрепления веры читателей в Бога он включил в «Illustrious Providences» (1684) следующую историю. В 1658 г. в Кане (Франция) молодой студент, растратив все свое состояние, «оказался в нищете и одиночестве». Незнакомец, узнавший причину его страданий, дал ему денег. «Он быстро удовлетворил свои потребности, но, как только деньги кончились, вернулась нищета». Незнакомец, который оказался дьяволом, снова дал ему денег при условии, что студент «подпишет договор своей кровью». Позже студент раскаялся в своем поступке и упросил нескольких протестантских священников помочь расторгнуть контракт. Окончание приводим со слов И.Мазера:

> «После этого священники решили назначить день поста и молитвы на том самом поле и в том самом месте, где несчастный совершил ужасную сделку, встав вокруг и поставив его в середину. Особым образом укрепив себя в вере, что многократно усиливает молитву, они начали ревностно молить Господа, чтобы Он проявил свою власть над Сатаной, и принудил его расторгнуть этот договор. После нескольких часов, проведенных в молитве, над ними распростерлось облако, и из него выпал этот самый

контракт, с которого капала кровь студента. Подняв и осмотрев его, они разорвали его на кусочки».

Торжественный публичный договор. «Ведьмы обещают жертвовать маленьких детей, убивая с помощью чародейства по одному в месяц или высасывая их кровь каждые две недели». — Гваццо (1626).

Однако, фактическое подписание документа было всего лишь частью договора (даже не всегда включавшейся в ритуал его публичного признания). В самом подробном описании этого ритуала в «Compendium Maleficarum» (1608). Гваццо определяет все его части, несомненно, смоделированные по образцу католической литургии. В издании 1626 г. приведены изображения 7 его этапов (воспроизведенные нами):

«1. Отрицание христианской веры. Гваццо приводит пример типичной клятвы: «Я отрицаю создателя небес и земли; я отрекаюсь от своего крещения; я отрицаю богослужение, которое я раньше отправлял перед Господом. Я присягаю дьяволу и верю только в него». Топтание креста, сопровождавшее эту клятву, с ранних времен было важнейшей частью ритуала [см., например, Жакье, Никола].

2. Новое крещение, совершаемое дьяволом, и наречение новым именем.

3. Символическое смывание освященного елея (масла, смешанного с бальзамом).

4. Отрицание крестных родителей и подписание новых восприемников.

5. Символическая передача дьяволу клочка одежды.

6. Клятва верности дьяволу, стоя внутри магического круга на земле. Лимбох в «History of the Inquisition» (1692) приводит немногим отличающуюся процедуру: «Как символ всего этого [союза] они помещают свои левые руки за спину и дотрагиваются до руки дьявола, предлагая ему что-нибудь в знак своего подчинения».

7. Просьба, обращенная к дьяволу, вписать их имена в Книгу Смерти.

8. Обещание приносить в жертву дьяволу детей (породившее истории о ведьмах, которые убивают детей). Ранние «Errores Gazariorum» считали детьми тех, кому было меньше трех лет.

9. Обещание платить ежегодную дань указанному демону. Принимались подарки только черного цвета.

10. Отметка различных частей тела клеймом дьявола, например, заднего прохода у мужчин, грудей и половых органов у женщин, так что отмеченное место становилось нечувствительным. Клеймо могло отличаться по форме, быть похожим на след кролика, жабу или паука. Таким образом дьявол метил только тех — и в этом Гваццо расходился с большинством других специалистов — в ком он сомневался.

11. Обязанности при служении дьяволу: никогда не принимать святого причастия, разбивать священные реликвии, никогда не использовать святую воду или освященные свечи, молчать о сделке с Сатаной.

Торжественный публичный договор. «Ведьмы клянутся никогда не поклоняться святому причастию, всегда поносить святую Деву и святых, плевать на святые реликвии и уничтожать их как можно больше, не использовать святую воду или освященные свечи, никогда полностью не сознаваться в своих грехах и, наконец, хранить в строжайшей тайне свою сделку с дьяволом». — Гваццо (1626).

Синистрари, последний из классических демонологов, следовал за перечнем, составленным Гваццо. Однако он опустил пункты 3, 4, 8 и 9, заменив их тремя другими: сбрасывание святых реликвий, клятва в верности на «грязной черной книге» и обещание вовлекать других.

Иллюстрируя свою концепцию договора, Гваццо рассказывает о 12-летней Доминике Фальве, которая, собирая со своей матерью камыш, разговорилась с незнакомцем. «Девочку заставили принести клятву этому человеку, и он пометил ее бровь своим ногтем в знак нового союза, а затем он возлег с ней в присутствии ее матери. Женщина, в свою очередь, развратничала с ним в присутствии собственной дочери».

Другой пример Гваццо приводит из «Antichrist» (1597) Раймонда. Молоденькая девушка призналась инквизиторам из Аквитании в 1594 г., что ее любовник-итальянец взял ее на шабаш накануне Иванова дня (24 июня).

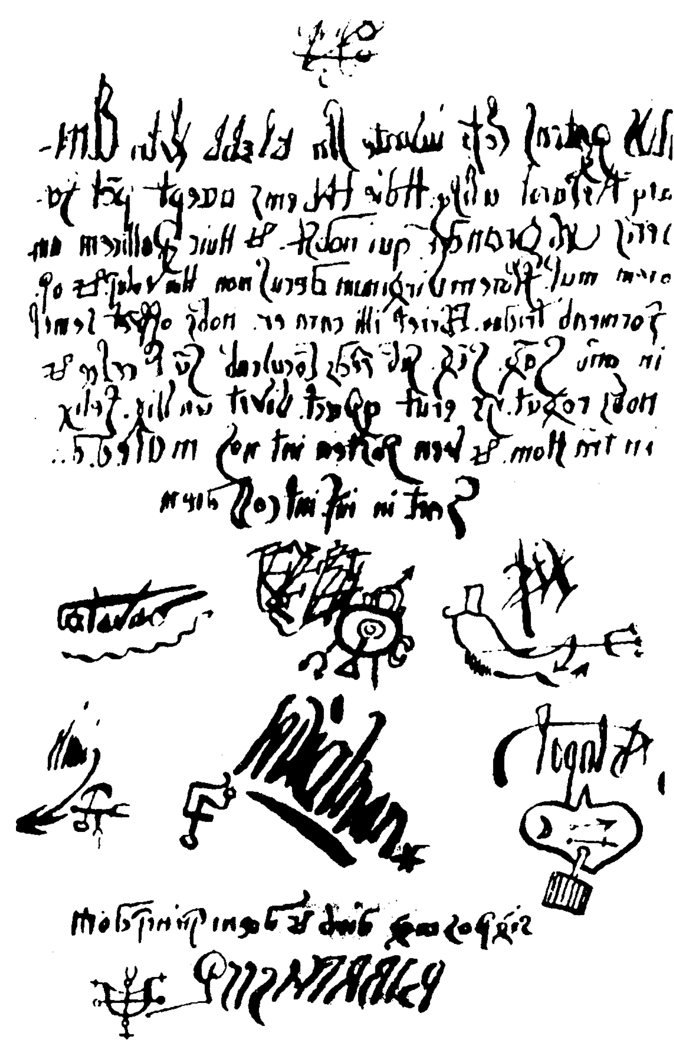
Очертив магический круг, он поместил в него большого черного козла, двух женщин и мужчину, одетого как священник. Когда итальянец сказал дьяволу-козлу, что девушки хотят стать его подчиненными,

> «козел велел ей перекреститься левой рукой, и все присутствующие стали поклоняться ему, целуя его под хвостом. Затем все взяли в руки свечи, зажженные от черной свечи, горевшей между его рогами и бросали деньги в чашу для пожертвований».

Во второй раз девушка оставила козлу прядь своих волос.

Пункт договора «ведьма есть рабыня», записанный Филмером в 1653 г., «клятвенно обязывает ее верить в дьявола и принадлежать ему телесно и духовно». С другой стороны, «дьявол должен быть готов подчиниться любому ее приказанию, появиться в обличье любого существа, советовать и помогать ей в получении удовольствия, наград, богатства или продвижении по службе, перемещать ее куда она пожелает и выполнять любое другое распоряжение». Пример такой помощи со стороны дьявола сообщила Джейн Вейр, сестра майора Вейра, на суде в 1670 г.: у нее был домашний дух, который прял за нее «за короткое время столько, сколько могли выполнить три или четыре женщины».

Филмер обсуждал вопрос о том, кто получал наибольшую выгоду от сделки: дьявол мог не исполнить своих обещаний, в свою очередь, ведьма могла совершить предсмертное покаяние. Однако дьявол находился в менее выгодном положении, поскольку он творил свои злые козни только с соизволения Господа; если же ведьма просила сделать что-нибудь такое, чего Господь ему не позволял, то «дьявол мог потерять ее доверие и подтолкнуть ее к покаянию!»

Договор между дьяволом и Урбеном Грандье, представленный как доказательство на его суде в Лудене в 1634 г. Этот договор написан по-латыни, с использованием зеркала, справа налево (поскольку дьяволы совершают большинство вещей наоборот, чтобы показать свою противоположность христианской вере. Внизу — подписи Сатаны, Вельзевула, Люцифера, Элими, Левиафана и Астарота.

Значение договора подчеркивается и тем, что сохранилось очень мало документов, претендующих на то, что они являются подлинниками, написанными самим дьяволом. Конечно, любой демонолог мог объяснить, что дьявол, чтобы защитить своих последователей, всегда уничтожал подобные изобличающие свидетельства. Однако на известном процессе священника Урбена Грандье [см. Луденские монахини] подобный документ был представлен как улика! Он состоит из 2 частей: одна — клятва в верности, подписанная отцом Грандье, и вторая — клятва группы дьяволов в преданности священнику. Последняя написана справа налево на сокращенной латыни. Приводим ее транскрипцию и сокращенный перевод:

Договор между дьяволами и отцом Урбеном Грандье

[Написан справа налево, словами, перевернутыми задом наперед, и с использованием латинских сокращений]

mlE ntvL bbzlB ntS entvuj rfcL snetpp soN tcap tpecca smebah eidh qsila toratsA qta ciuh te .e sibon iuq rdnarG brU siredeof munigriv merolf ium meroma mecilloq oudirt bacinrof .po te pulov noh nom suced ona ni lemes terffo sboN. re arac illi teirbe sbon te ealccE as baclucoc sdep bus gis gas xilef giv na teviv tcap q ;ture suispi tagor .D delam son tni aetsop nev te moh art ni mead ssoc tni fni ni tcaF

[Подписи демонов]

rcfL buberzleB sanataS

nahtaiveL imilE

htoratsA

mod pcnirp mead te baid gam sop giS

tprcs htrblB.

[Тот же самый текст, написанный слева направо, с сохранением общепринятых сокращений]

Nos pptens Lcfr juvnte Stn Blzbb Lvtn Elm atq Astarot alisq hdie habems accept pact foederis Urb Grandr qui nobis e. et huic pollicem amorem mul florem virginum decus mon hon volup et op. fornicab triduo ebriet illi cara er. Nobs offret semel in ano sag sig sub peds coculcab sa Ecclae et nobs rogat ipsius erut; q pact vivet an vig felix in tra horn et ven postea int nos maled D. Fact in inf coss daem

[Подписи демонов]

Satanas Belzebub Lcfr

Elimi Leviathan

Astaroth

Sig pos mag diab et daem princp dom

Blbrth scrpt.

Латинский текст договора:

Nos praepotens Lucifer, juvante Satan, Belzebub, Leviathan, Elimi, atque Astaroth, allisque, hodie habemus acceptum pactum foederis Urbani Grandieri qui nobis est. Et huic pollicemur amorem mulierum, florem virginum, decus monarcharum, honores, voluptates et opes. Fornicabitur triduo; ebrietas illi cara erit. Nobis offerit semel in anno sanguinis sigillum, sub pedibus consulcabit sacra ecclesiae et nobis rogationes ipsius erunt quo pacto vivet annos viginti felix in terra hominum, et veniet postea inter nos maleficere Deo.

[Подписи демонов]:

Satanas Belzebub Lucifer

Elimi Leviathan

Astaroth

Factum in infernis, inter consilia daemonum. Sigilla posuere magister diabolus et daemones principes domini. Baalberith, scriptor.

Перевод:

Мы, всемогущий Люцифер, сопровождаемый Сатаной, Вельзевулом, Левиафаном, Астаротом и другими, сегодня заключаем договор о союзе с Урбеном Грандье, который теперь находится с нами. И мы обещаем ему любовь женщин, цветы девственности, милость монахинь, всемирные почести, удовольствия и богатства. Он будет вступать во внебрачные связи каждые три дня; увлечения будут приятны для него. Он будет приносить нам раз в год дань, отмеченную его кровью; он будет попирать ногами реликвии церкви и молиться за нас. Благодаря действию этого договора он проживет счастливо двадцать лет на земле среди людей и, наконец, придет к нам, понося Господа. Дано в аду, на совете дьяволов.

[Подписи демонов]:

Сатана, Вельзевул, Люцифер, Элими, Левиафан, Астарот. Заверяю подписи и отметку главного дьявола, и моих хозяев, князей преисподней. В углу подпись Баалберита, писаря.

Договор с дьяволом Урбена Грандье

Domine magigisterque Lucifer to deum et principem agnosco, et polliceor tibi servire et obedire quandiu potero vivere. Et renuncio alterum Deum et Jesum Christum et alios sanctos alque sanctas et Ecclesiam Apostolicam et Romanam et omnia ipsius scramenta et omnes orationes et rogationes quibus fideles possint intercedere pro me; et tibi polliceor quid faciam quotquot malum potero, et attarahere ad mala per omnes; et abrenuncio chrismam et baptismum, et omnia merita Jesu Christi et ipsius sanctorum; et si deero tuae servitui et adorationi; et si non oblationem mei ipsius fecero, ter quoque die, tibi do vitam meam sicut tuam. Feci hoc anno et die.

Urb. Grandier. Extractum ex infernis.

Перевод:

Мой хозяин и господин Люцифер,, я признаю тебя как моего Господа и князя и обещаю служить и подчиняться тебе в течение всей моей жизни. И я отрекаюсь от другого Господа, от Иисуса Христа, всех святых, апостольской и католической церкви, всех святых таинств, молитв и обращений, благодаря которым правоверные могут повлиять на меня. И я обещаю тебе, что я буду совершать столько зла, сколько я смогу, и что я приведу всех к совершению зла. Я отрекаюсь от помазания, крещения, всех милостей Иисуса Христа и его святых. И если я не смогу служить и поклоняться тебе, и если я не буду воздавать тебе дань трижды в день, я отдам тебе мою жизнь в собственность. Совершено в такой-то день и год.

Урбен Грандье. Извлечено из ада.

Договор с *дьяволом*

Договор между дьяволом и дворянином из Пиньеролля, заключенный в 1676 году. Этот высокопарный, в духе историй о Фаусте, документ был, очевидно, написан юристом и представлен на суд «как описание этого отвратительного греха». Благодаря этому свидетельству рыцарь был осужден и заключен:

1. Люцифер, ты обязан немедленно доставить мне 100 000 фунтов золотом!

2. Ты будешь доставлять ко мне в первый вторник каждого месяца 1000 фунтов.

3. Ты будешь приносить мне золото в монетах, находящихся в обращении, такого качества, чтобы не только я, но и все те, кому я захочу дать немного, могли использовать их.

4. Вышеупомянутое золото не должно быть фальшивым, не должно исчезать при передаче в другие руки или превращаться в камень или уголья. Это должен быть металл, отмеченный руками людей, законный и распространенный во всех землях.

5. Если я буду нуждаться в значительной сумме денег, независимо от времени или предназначения, ты обязан указать мне тайные или спрятанные сокровища. А также, если я отправлюсь туда, где они могут быть спрятаны или закопаны, ты должен предоставить их в мои руки, так, чтобы не причинить мне вреда, где бы я ни находился в это время, чтобы я мог распоряжаться ими в соответствии с моими собственными желаниями и потребностями.

6. Ты обязан не причинить никакого вреда моему телу и моим конечностям и не делать ничего для ослабления моего здоровья, но охранять меня от человеческих болезней и повреждений в течение пятидесяти лет.

7. Если же, несмотря на мои ожидания, я окажусь больным, ты обязан обеспечивать меня проверенным лекарством, чтобы помочь мне восстановить мое прежнее хорошее самочувствие так быстро, как это только возможно.

8. Наше соглашение начинается с этого дня… в году 1676 и заканчивается в тот же самый день в 1727. Ты не должен тайно изменять этот срок или посягать на мои права, или переносить час расплаты (как ты привык делать).

9. Когда мое время окончательно выйдет, ты обязан позволить мне умереть, как и всем остальным людям, без всякого стыда или бесчестия, и позволить быть достойно похороненным.

10. Ты обязан заставить меня быть любимым и принятым королем и всеми аристократами, так, чтобы я мог быть всегда уверен в доброжелательном расположении и привязанности, и чтобы все соглашались без вопросов с тем, что я могу пожелать от них.

11. Ты обязан переносить меня (и любого другого), не нанося повреждений, во все концы мира, туда, куда я пожелаю, независимо от того, как велико это расстояние. Ты должен сделать так, чтобы я сразу же смог свободно разговаривать на языке этого места. Когда же я удовлетворю свое любопытство, ты должен доставить меня обратно домой.

12. Ты обязан защищать меня от всякого вреда, причиняемого бомбами, огнестрельным и любым другим оружием, чтобы ничто не могло поразить меня и повредить мое тело или конечности.

13. Ты обязан помогать мне в моих отношениях с королем и помогать мне одерживать верх над моими личными врагами.

14. Ты обязан предоставить мне волшебное кольцо, чтобы я мог надеть его на палец и стать невидимым и неуязвимым.

15. Ты обязан предоставлять мне правдивую и всестороннюю информацию, без искажения или двусмысленности, по каждому вопросу, о котором я тебя спрошу.

16. Ты должен заблаговременно предупреждать о любом секретном договоре против меня, и предоставить мне способы и средства, чтобы расстроить эти замыслы и свести их на нет.

17. Ты обязан научить меня тем языкам, какие я пожелаю выучить, так, чтобы я мог читать, разговаривать и высказываться так совершенно, как будто я владел ими с детства.

18. Ты обязан наделить меня здравым смыслом, пониманием и умом, так, чтобы я мог обсуждать все проблемы логически и мог дать обоснованное суждение о них.

19. Ты обязан защищать меня и присматривать за мной во всех заседаниях суда и совещаниях у короля, епископа или папы, перед которыми я могу предстать.

20. Ты должен защищать меня и мое добро от повреждений, неважно; домашних или иностранных, от воров и от вреда.

21. Мне должно быть позволено вести мою общественную жизнь как добропорядочному христианину и беспрепятственно посещать церковную службу.

22. Ты обязан научить меня, как приготовлять лекарства и правильно их использовать и применять в должных количествах и дозах.

23. В случае сражения или битвы, если я буду атакован и подвергнусь нападению, ты должен принять вызов за меня и обеспечить помощь и поддержку против всех врагов.

24. Ты обязан помешать любому, неважно кем он является, узнать о нашем союзе и соглашении.

25. Так часто, как я пожелаю твоего присутствия, ты должен появиться передо мной в милом и приятном облике и никогда в пугающем или ужасающем обличьи.

26. Ты должен проследить, чтобы все выполняли мои распоряжения.

27. Ты должен обещать мне и связать себя обещанием сохранять нерасторжимыми эти пункты и усердно исполнять каждый из них. Если ты проявишь неподчинение даже в незначительной степени или проявишь любое пренебрежение, тогда этот договор и союз аннулируются и навсегда лишаются силы.

28. В обмен на вышеупомянутые обещания я клянусь и обещаю представить в твое распоряжение несколько мужчин и женщин. Кроме того, я отрекаюсь от Господа, самой Святой Троицы; я полностью отрекаюсь от обетов, данных ради меня при крещении и подчиняюсь тебе полностью телом и душой, вечно и навсегда.

ДОМАШНИЕ ДУХИ ВЕДЬМ. Домашний дух, личный демон или чертенок являются почти исключительно английским и шотландским вкладом в теорию колдовства; вопрос о них редко обсуждался в европейских судах или руководствах. Бытовало убеждение, что дьявол, вступая в соглашение с ведьмой, якобы приставлял к ней какого-нибудь незнатного демона, принимающего облик небольшого домашнего животного, чтобы тот давал ей советы и осуществлял небольшие злонамеренные поручения, включая убийство. «Каждый из нас имеет духа, ожидающего, когда мы соизволим позвать его», — заявляла Изобель Гоуди, шотландская ведьма. Ведьма могла также унаследовать домашнего духа от другой ведьмы. Небольшое существо требовало постоянной заботы от своей хозяйки, отвечавшей за него. Преданного «домашнего» демона, однако, нужно было отличать от самого дьявола, иногда посещавшего ведьму в облике небольшого животного. Гваццо в 1608 г. объяснял: «дьявол может появляться во множестве различных призрачных образов: собаки, кошки, козла, быка, мужчины, женщины или рогатой совы… Но поскольку

человеческая форма во всех отношениях является самой совершенной и красивой, перед нами он обычно появляется в ней». «Роберт Артиссон» леди Алисы Кайтелер, появлявшийся в виде черного человека, кота или лохматой собаки, был не домашним духом, а самим дьяволом.

Скотт в «Discovery of Witchcraft» (1584) первым использовал слова «домашний дух» и «чертенок» в данном конкретном смысле, хотя «домашний дух» появился в печати 20 годами раньше. В Америке К.Мазер первым упомянул «о чертенке, сосущем человека». Две ядовитых жабы, сосавшие грудь феи Розамунды, пока королева Элеонора и 4 ведьмы держали ее в темнице, будучи явно сказочными персонажами, не могут считаться примером упоминания о домашних духах в XII веке. В законе Елизаветы от 1563 г. домашние духи еще не упоминаются, а с 1604 г. «советоваться, заключать сделки, нанимать, кормить или вознаграждать любого злого и порочного духа» уже считалось преступлением. За это время развилась и теория домашних духов: суды над ведьмами переполнены сообщениями о чертенятах, по-видимому, считавшихся противниками ангелов-хранителей. С тех пор, как домашнего духа стали представлять как существо, непременно живущее в доме или на ферме, ни одна ведьма не обходилась без него. И, если у нее не было кота, судьи обычно обнаруживали пчелу, муху или мышь, являвшихся посланцами дьявола. В результате такого допущения каждое обычное домашнее животное рассматривалось как потенциальный носитель зла. В «Dialogue» (1593) Гиффорда фермер рассказывает:

«У ведьм есть свои духи, у некоторых один, у некоторых больше, скажем, два, три, четыре или пять, некоторые в одном облике, а некоторые — в другом, наподобие кошек, ласок, жаб или мышей, которых они кормят молоком или цыплятами или позволяют им сосать постоянно по капле крови». — Джордж Гиффорд.
«Dialogue Concerning Witches» (1593).

> «Когда я выхожу в сад, я пугаюсь, поскольку все время вижу зайца, который, как подсказывает мне мое сознание, является ведьмой или каким-то ведьминским духом — так пристально он смотрит на меня. Иногда я вижу мерзкую ласку, пробегающую через мой двор, а иногда в амбаре мне попадается большой облезлый кот, который мне также подозрителен».

Образец домашнего духа представлен в признании Урсулы Кемп в «Правдивом и достоверном отчете» о судах над сент-осайтскими ведьмами в 1582 г.»:

> «У нее было четыре духа, из которых двое были женского пола, а два других — мужского. Мужские духи должны были наказывать и убивать до смерти, женские должны были насылать хромоту и другие телесные болезни… Мужской дух, похожий на серого кота, звался Титти; другой, похожий на черного кота, звался Джеком; женский дух, похожий на черную жабу, звался Пигином; и другой, похожий на черного ягненка, назывался Туффином».

Эти существа совершали maleficia: черный кот наслал болезнь на жену соседа, жаба Пигин вызвала болезнь ребенка, черный ягненок следил за людьми и однажды сообщил ведьме, что у некой Элизабет Беннет есть «два духа, один, похожий на черную собаку по имени Саккин, и другой, похожий на красного льва, по имени Лейерд». Урсула Кемп позволяла этим чертенятам сосать кровь из своей левой груди, «которая, когда она ее терла, начинала кровоточить».

Очень богаты описаниями домашних духов челмсфордские суды. Во время второго суда в 1597 г. младший сын Элен Смит заявил, что его мать держит трех духов: Большого Дика в плетеной бутылке, Маленького Дика в кожаной бутылке и Вилли в куче шерсти. К несчастью, когда был произведен обыск, «духи исчезли». На том же самом суде Элизабет Фрэнсис прокляла жену своего соседа за отказ дать ей немного дрожжей, после чего появился «дух белого цвета в обличье, напоминающем мохнатую собаку», обещавший нанести вред несчастному соседу. От духа удалось откупиться куском хлеба.

Во время знаменитых уорбойских судов 1593 г. Алиса Семуэл была обвинена в околдовывании нескольких детей. Приведенное описание сделано в 1715 г. Ричардом Бултоном:

> «Во-первых, когда от нее потребовали назвать имена духов (с помощью которых она околдовывала), она ответила, что их звали Дергун, Поймай и Белый, чьи имена она часто повторяла. На вопрос, не она ли околдовала до смерти леди Кромвель, она ответила, что сделала это. Когда ее спросили, с помощью которого из своих духов она околдовала упомянутую леди до смерти, она ответила, что с помощью Поймая. И когда ее спросили о причине, она ответила: «За то, что упомянутая леди приказала сжечь клочок моих волос и мою волосяную сетку».
>
> По ее словам, Поймай хотел, чтобы она отомстила упомянутой леди. И вслед за этим упомянутая матушка Семуэл разрешила ему пойти и сделать то, что он хотел. Когда же ее спросили, что сказал ей Поймай, вернувшись домой, она призналась, что он сказал ей, что отомстил за нее. Кроме того, перед своей смертью она призналась ради установления истины, что именно она была виновата в смерти упомянутой леди Кромвель».

Другой рассказ — Потта — иллюстрирует историю ланкаширских ведьм (1613):

> «Дженет Девис, дочь Элизабет Девис, последней жены вышеназванного Джона Девиса из Пендл-Фореста, вдова, призналась в том, что ее вышеупомянутая мать является ведьмой; и что она знает, что это так, поскольку она видела духа, приходящего в разное время к ее упомянутой выше матери в ее собственный дом, называемый Малкинг-Тауэр, в обличье черной собаки, которую она называла Баллом. И однажды упомянутый Балл спросил ее мать, чего она хочет, чтобы он сделал для нее; и ее допрашиваемая мать ответила, что она хотела бы, чтобы упомянутый Балл помог ей убить Джона Робинсона из Барли, иначе называемого Свейром. С помощью этого Балла упомянутый Свейр был убит колдовским способом».

Классическое описание домашних духов приведено Хопкинсом в «Discovery of Witches» (1647). После того, как в течение 4 ночей Хопкинс не давал спать Элизабет Кларк, он увидел домашних духов, приходивших к ней:

1. Хольта, который приходил в облике белого котенка.

2. Ярмару, который приходил в облике белого безногого спаниеля. Похлопав его по животу, она сказала, что хорошо кормила его, и добавила, что он высосал достаточно крови из ее тела.

3. Гадкого Тома, напоминавшего длинноногую борзую с головой, как у быка, длинным хвостом и огромными глазами, который, когда следователь заговорил с ним и убедил его отправиться в место, предназначенное для него и его ангелов, тотчас принял образ ребенка четырех лет без головы и, сделав полдюжины оборотов вокруг дома, исчез у дверей.

4. Льстеца и Дерюгу, похожих на черных кроликов.

5. Вестника, похожего на черного хорька. Все они быстро исчезали.

Хопкинс поклялся под присягой, что лично видел этих чертенят, когда наблюдал за Элизабет Кларк в ее камере; это показание приняли, и миссис Кларк была осуждена. На той сессии только по обвинению в обладании домашними духами было повешено 7 женщин.

Преподобный Джон Гоул, выступавший против методов Хопкинса, высмеивал его способы получения доказательств с помощью домашних духов. Он писал:

> «Таким образом, в дверях [тюрьмы] делается небольшая дырочка, чтобы чертенок мог войти внутрь. И, поскольку он может принять любую неопределенную форму, надзиратели должны все время быть начеку и подметать комнату и, едва завидя каких-либо пауков или мух, тут же убить их. Если же они не смогут убить их, значит это и есть домашние духи».

В судебных отчетах представлены другие любопытные имена домашних духов. Хопкинс также сообщает: «Элемансер, Пиневокер, ворона Пикин, Гризель, Гридегюнт… такие, что не может изобрести ни один смертный». В обвинительном приговоре 1583 г. (Эссекс) названы «три чертенка, иначе именуемые духами. …Пигин, напоминавший крота, Рассолт, напоминавший серого кота, и Данзотт, напоминавший темную с подпалинами собаку». В 1588 г. у другой эссекской ведьмы было 3 духа: кот Лайтфут, жаба Ланч и ласка Мейкшит. Изобель Гоуди называла своих духов Свейн, Рори, Макгектор, Роберт Рулл и так далее.

Ведьма должна была кормить своих чертенят. Она могла давать им изысканные деликатесы, как делала миссис Херд, которая в 1582 г. в Сент-Осайте была обвинена в кормлении своих дроздов и крыс («имевших маленькие рожки, вроде коровьих») «пшеницей, зерном, овсом, хлебом и сыром, …водой и пивом для питья». Маргарет Коттон, как было установлено на суде в Кембридже в 1602 г., якобы кормила «неких существ в облике цыплят… поджаренными яблоками и кларетом». В 1651 г. была повешена Анна Боденхем, кормившая своих чертенят крошками хлеба [см. «Возлюбленная» д-ра Лэмба].

Все чертенята требовали человеческой крови, и каждая ведьма кормила их из своих пальцев или небольших сосков на своем теле. Это были ведьминские знаки, на предмет которых тщательно обыскивался каждый подозреваемый в ведьмовстве. Эти маленькие соски или жировики необходимо отличать от клейма дьявола, которым он метил тех, кто заключил с ним договор, что составило часть европейской демонологии.

В Англии XVII в. существовала теория, что подобные соски составляют кажущиеся достоверными доказательства колдовства (поскольку их нельзя было опровергнуть). Матушка Агнес Ватерхаус, одна из челмсфордских ведьм, наняла своего кота Сатхана, чтобы он попытался уничтожить портного по имени Уордел, но кот признался, что неспособен разрушить веру Уордела и навредить ему! На вопрос: «Когда этот кот сосал твою кровь?», миссис Ватерхаус ответила: «Никогда». Однако ее обыскали и соответствующая метка

была найдена на ее голове. Анна Ушер на суффолкских судах в 1645 г., после того, как Хопкинс две ночи не давал ей спать, призналась:

> «Примерно год тому назад она почувствовала, как нечто, похожее на небольшого кота, прошло между ее ног один или два раза и сильно ее оцарапало. После этого она почувствовала, что в ее интимных местах завелось нечто вроде двух бабочек, вызывавших зуд, плясавших и сосавших. Она нащупала их руками, растерла и убила их».

Ведьмы и их домашние духи. Фронтиспис книги «Discovery of Witches» (1647), принадлежащей перу Метью Хопкинса, «отъявленного негодяя, который запугивал эссекских франклинов, опустошая их карманы».

В «Melampronoea» (1681) Генри Холиуэлл, магистр искусств Кембриджского университета попытался дать научное объяснение чертенятам, сосущим кровь. Отвечая скептикам, он исходил из того, что признания ведьм якобы сделали сосание «фактом, не требующим доказательств». Демоны

> «настолько распутны, что при продолжительном выделении частиц могут исчезнуть и, следовательно, нуждаются в питании, чтобы восстановить часть исчезнувших атомов, что и делается путем сосания крови и жизненных сил этих несчастных [ведьм]… И нет никакого сомнения в том, что эти нечистые дьяволы могут получать такое большое удовольствие в сосании теплой крови людей или животных, точно также, как жизнерадостное и здоровое существо получает удовольствие от освежающего глотка чистого и свежего воздуха!»

Ко всем подобным аргументам Томас Эйди прибавил резонное заключение, что большинству бедных людей кровь нужна для того, чтоб жить, и лишь единицы дают ее домашним духам.

Описания домашних духов на судах ведьм в Англии даны в статьях Челмсфордские ведьмы, Сент-Осайтские ведьмы.

ДОНОСЧИКИ. В 1649 г. в Сент-Олбени некий Джон Палмер, прежде чем его повесили за колдовство, назвал 14 мужчин и женщин в качестве своих сообщников:

> «В Хитчине он насчитал двоих: Мери Байченс и Уидоу Палмер. В Нортоне — Джона Селмона-старшего, его жену Юдифь и Джозефа Салмона, Джона Лаймена-старшего, его жену Мери и сына Джона, дочь Джоан и внучку Мери. На месте казни он назвал еще двоих: Сару Смит, служанку м-ра Бомонта, и Анну Смит, служанку мистера Рейнолдса» («Дьявольские наваждения», 1649).

Необычно в этом отчете следующее: все 14 не были повешены за колдовство, поскольку обвинения осужденного колдуна не сочли доказательством вины. Так, например, Джон Лаймен умер в 1688, Мери — в 1706, Джозеф — в 1684 и Юдифь — в 1692 г. Подобного послабления или небрежности в преследовании ведьм не могло бы случиться в Европе. Прецедент повторился на суде над сент-осайтскими ведьмами в 1582 г., когда Урсула Кемп была обвинена в наведении хромоты на девушку-служанку. Допрошенная весьма пристрастным судьей, миссис Кемп назвала ведьмами нескольких своих знакомых, которые, в свою очередь, вовлекли других, пока 14 женщин не были арестованы. Но из этого предполагаемого сборища только две были повешены по обвинению в нескольких убийствах.

Доносчики более успешно действовали в Шотландии. Говоря о ведьмах, осужденных в 1678 г. за околдовывание сэра Джорджа Максвелла, епископ Хатчинсон в 1720 г. отмечал, что «тот, кто признался первым, был прощен и использован как свидетель против остальных». Все шестеро, изобличенные им в колдовстве, были казнены. Столетием раньше, на судах над нортбервикскими ведьмами в 1590 г., после суровой пытки Гилли Дункан призналась в том, что она была ведьмой и назвала много людей, которых затем изобличили в колдовстве. Обвинения стали расти как грибы, пока не было обвинено 70 человек. На Абердинских судах в 1597 г. многие из 24 сожженных мужчин и женщин были первоначально обвинены осужденной ведьмой, которая ради продления своей жизни сотрудничала с судьями.

Шотландские судьи поощряли анонимных доносчиков с помощью приспособления, по достоинству оцененного французским демонологом Боденом, надеявшимся ввести его не только в Милане, но и по всей Европе. Его описал Скотт в «Demonology» (1584):

> «В церкви помещается полый кусок дерева или ящик, в который каждый может свободно бросить небольшую записку, содержащую имя колдуна, место, время, факт и т.п. И этот самый ящик, запертый на три различных замка, открывается каждый пятнадцатый день тремя инквизиторами или чиновниками, назначенными для этой цели, которые хранят три отдельных ключа. Таким образом, обвинивший не может быть ни узнан, ни унижен молвой по поводу причинения зла своему бедному соседу».

Наиболее широко доносчики были распространены в Германии. В начале XVII в. иезуит Шпее, исповедавший столь многих сожженных ведьм в рейнских землях, описывал, как заключенную «принуждали обвинять других, которых она не знала, и чьи имена часто вкладывались в ее уста следователями или предлагались палачом, или о ком она слышала как о подозреваемых или обвиняемых. Те, в свою очередь, были вынуждены обвинять других, а те — следующих». У нотариуса хранился список всех имен, упомянутых во время суда. Специальный судья по делам ведьм Балтазар Росс, которого назначил в 1603 г. князь-епископ Фульды, обеспечивал приток новых жертв с помощью особого допроса:

> «Освежи свою память! Разве ты не видела на шабаше такого-то и такого-то с такой-то и такой-то улицы? Не бойся назвать их. Ты не должна щадить их, нет! И богатый, и бедный получат то, что им причитается».

В 1628 г. бургомистр Бамберга Юниус на допросе заявил, что не знает имен тех, кто был с ним на шабаше. Тогда судьи приказали, чтобы его провели по улицам дабы опознать ведьм. Только на одной улице он был принужден указать 8 человек.

На основании всестороннего знакомства с документами судебных процессов в Германии Джордж Барр подводит итог распространенной практики судопроизводства:

> «Ни одно признание не считалось полным и ни одна ведьма не освобождалась от адских мук, пока не называла сообщников. При этом судьи не удовлетворялись оглаской одного или двух имен. Я прочитал список из полутора сот имен, вышедших из уст только одной ведьмы, и я знаю еще о некоторых других, обвинивших более сотни каждая. В записях признаний, хранившихся в одном из местных судов на протяжении семи лет, …содержится около 6000 обвинений от примерно 300 ведьм, то есть в среднем по двадцать человек на одного обвиняемого. При таких обстоятельствах вы легко можете увидеть, как множились суды над ведьмами, когда начинал катиться снежный ком».

Несмотря на запрещение подобной практики Каролинским кодексом Карла V (1532), в немецких городах жителей подвергали пыткам, чтобы получить имена сообщников. Эта инквизиторская методика одобрялась большинством демонологов. Так, Боден верил, что «никакие правила не следует соблюдать при таком злодейском преступлении», и что доносчики должны поощряться, даже с обещанием неприкосновенности или смягчения наказания (если доносчик подобным же образом признавался колдуном). Образец был установлен к середине XV в., когда профессор права Виньяти рассказал, как один человек сознался в колдовстве и вовлек многих других, и на основании данного обвинения инквизиторы пытали этих людей до тех пор, пока они не признали своей вины. Этот случай был известен Виньяти из личного опыта.

Если мужчина или женщина знали, что они пользуются репутацией колдунов, они должны были обратиться в местный гражданский или духовный суд для проведения слушаний о их виновности. Молчание же воспринималось как доказательство вины. Когда предполагаемая ведьма появлялась в суде, ее следовало подвергнуть пытке до признания, являлась ли она таковой на самом деле или нет. Ле Сьер Буве считал, что отрицание вины являлось достаточным основанием для усиления и продолжения пытки. Тот, кого уже обвинили, практически не имел шансов на спасение.

Английские законы разрешали обвиненному в колдовстве опровергать ложные показания, данные под присягой, но у большинства людей на это не хватало денег, и они должны были страдать от последствий дурной репутации. Л'Эстранж Ивен, проведший весьма любопытное исследование английских судов XVII в., дает следующий комментарий:

> «Вполне очевидно, что большинство доносов не основано ни на чем, кроме слухов. Тем не менее, было общепринятой практикой, чтобы арестованный по обвинению в колдовстве оставался в тюрьме, пока не умрет от холода, голода или болезни, или от всевозможных мучений, даже если палач не имел случая выполнить свои обязанности» («Witchcraft in the Star Chamber», 1938).

Существовал юридический трюк, заключавшийся в том, что обвиняемый в колдовстве мог подать иск о возмещении ущерба. Так, например, в суде Королевской скамьи Ричард Элсон начал судебное преследование против Ричарда Мора за слова: «Ричард Элсон — колдун, и он околдовал моего сына». Ему возместили убытки в размере 6 футов, 1 шиллинга и 2 пенсов. Пастор Джон Лоуэс, повешенный во время истерии Хопкинса в 1645 г., несколькими годами ранее выиграл значительную сумму в 45 фунтов, 10 шиллингов, 10 пенсов за возмещение ущерба от ложного обвинения в колдовстве. В 1658 г. Розамонда Свейн возбудила иск против Ричарда Аткинсона и претендовала на 100 фунтов возмещения морального ущерба. Вердикт неизвестен.

Несколько похожих случаев произошли в Соединенных Штатах.

В 1656 г. в Вирджинии священник из Шотландии начал процесс за клевету против Уильяма Хардинга, который назвал его колдуном. Хардинг был приговорен к 10 ударам плетью и изгнанию из колонии.

В 1660 г. в Кембридже миссис Уинфред Холман, пожилая вдова, обвинила своих соседей, семью Гибсонов, которые сказали, что она — ведьма. Результат ее иска неизвестен.

В 1664 г. Ральф и Мери Холл [см. Нью-Йоркские ведьмы] были обвинены в колдовстве, но магистраты в Брукхейвене не только отвели обвинения, но решили, что истец «поступил нехорошо, сказав о женщине, то, что он сказал, и, следовательно, обязан заплатить женщине пять марок».

> «Не следует завидовать жившим в то время. Злоба и зависть часто диктовали имена, называемые в комнате пыток. Богатство, ученость, красота, добродетель были частым основанием для обвинений».
>
> *Джордж Линкольн Барр (1886).*

На судах в Андовере, одновременных с салемскими судами, был обвинен «достойный господин» из Бостона. Он начал судебное производство за оклеветание личности и требовал возмещения убытков в 1000 фунтов. Когда его друзья в Андовере начали собирать показания в его пользу, обвинения прекратились, и прочие обвинения в колдовстве тоже пошли на убыль.

Окончательная дискредитация фальшивых свидетелей или доносчиков произошла 17 октября 1711 г., когда Верховный суд отменил «несколько обвинений, решений суда и лишений гражданских прав», выдвинутых против тех, кто был казнен в Салеме, и выделил в декабре 578 фунтов 12 шиллингов, чтобы заплатить компенсацию.

См. также Признания; Свидетельские показания на судах в Англии; Свидетельские показания на судах в Европе; Пытки; Свидетель.

ДЬЯВОЛ. Слово «дьявол» обозначает воплощение высшего зла, противостоящее христианскому Богу. При использовании во множественном числе, «дьяволы» являются синонимами демонов или злых духов, зловредных существ, обладающих сверхъестественной силой, так что именно дьявол или Вельзевул становится «князем бесовским» (Матф. 12, 24).

Человек подписывает договор с дьяволом или продает свою душу дьяволу. С другой стороны, ведьма может действовать заодно с демоном или низшим дьяволом; подсудимого обвиняют во вступлении во внебрачную связь с демоном или низшим дьяволом, получении клейма дьявола или обращении за помощью к дьяволу для совершения maleficia; дьявол, вселяющийся во время демонической одержимости также представляется одним из подобных уполномоченных Сатаны.

Слово «дьявол» происходит от греческого diabolos, которое имеет следующие аналоги: в итальянском языке — diavolo, испанском — diablo, французском — diable. Первоначальное значение — обвинитель или клеветник.

При переводе Ветхого Завета на греческий египетские евреи III в. до н.э. использовали слово «diabolos» вместо еврейского «Сатана» для обозначения ангелоподобного существа, чьей обязанностью было удостоверяться в верности людей Богу. Он не был злым, но стал таковым после отождествления его внутренней сущности с его функциями. Так, Сатане была дана власть причинить страдания Иову (Иов 1, 6–17; ср. с I Царств. 21, 1). Когда же греческая Септуагинта была переведена на латынь, «diabolos» превратилось в «diabolus» (в первых переводах) или в «Satan» в Вульгате (за исключением Пс. 19).

Раннее изображение дьявола. Из «Travels» Мандевилля напечатанного в Страсбурге (1484); хранится в БКУ.

Однако в Новом Завете греческое слово «satanas» использовалось для обозначения чего-то иного, не противника людей, как в книге Иова, а противника Бога, искушавшего Христа на горе: «Отойди, сатана» (Матф. 4, 10). Везде в Новом Завете «сатана» означает «дьявол», а в Апокалипсисе — именуется как «великий дракон, древний змий, называемый дьяволом и сатаною» (Апок 12, 9).

Страшный суд. Душа взвешивается на весах перед Богом-Отцом и Пресвятой девой Марией. Из рукописи, хранящейся в НБП.

В английских переводах Ветхого Завета еврейское слово «satan», как и в греческом тексте «satanas», следуя за латинской традицией, переводились как «Сатана» (кроме перевода 9 псалма, сделанного Уиклифом, где он использовал слово «дьявол»). Так две различные концепции перемешались, заставив ошибочно поверить в то, что христианская идея злого полубога была известна евреям до вавилонского пленения, в то время как идея о существовании главного врага Божьего развилась гораздо позже, уже под персидским влиянием.

В дальнейшем «дьявол» сравнялся с «демоном», хотя первоначально слова различались. Греческое «demon» означало охранительный дух или источник вдохновения и иногда использовалось в этом значении в английском языке (пишется «daemon»), как у

Шекспира: «O Anthony! Thy daemon that thy spirit which keeps thee, is noble, courageous, high inmatchable». (О, Антоний! Тот демон, что хранил тебя — воплощенье мужества и силы! — пер. М.Донского).

Дьяволы, держащие совет в аду, внизу слева. В доме справа рождается Мерлин (будущий чародей), отпрыск женщины и дьявола. Из рукописи, хранящейся в НБП.

В греческой «Септуагинте» использовалось «demon» вместо еврейских слов, означающих «карающие идолы» (schedim) и «волосатые сатиры» (seirim) и также для «разрушителя» в поздней истории о Товии, где злой дух убил 7 мужей Сары, прежде чем был побежден ангелом Рафаилом (Тов 6, 14; 8, 3). Вульгата латинизировала греческое слово в «demon» или «demonium». В английской Авторизованной версии (1613) оба слова переводились как «дьявол», но Уиклиф также иногда использовал старое англосаксонское слово «fiend», означающее «враг». В обновленной версии (1881) во Второзаконии и Псалтири оно заменено на «демон», а в Новом Завете сохранено слово «дьявол».

Так первоначальное различие видов духов было унифицировано взаимозаменявшимися переводами «дьявола», «демона», «недруга». Все эти термины перешли на Сатану, который вобрал в себя все библейские ссылки на любого врага Господа, начиная со змея (Быт 3), князя противного царства зла (Енох) и кончая «князем, господствующем в воздухе» (Еф 2, 2). Кроме того, дьяволу давались имена: Вельзевул, «глава дьяволов» (Лука 11, 15), Асмодей, «злой дух» из легенды о Товии (Товит 3, 8), «ангел бездны, имя ему по-еврейски — Аваддон [«разрушитель»], а по-гречески Аполлион» (Апок 9, 11), Бегемот и Левиафан (Иов 40, 5; 41, 1), Велиар (2 Кор 6, 15) или Люцифер, чьим именем пророки

называли Сатану до его падения (Исайя 14 12). Доктора демонологии изобретали различные личности под каждое имя, и на основании этих примеров создали и назвали легионы новых дьяволов.

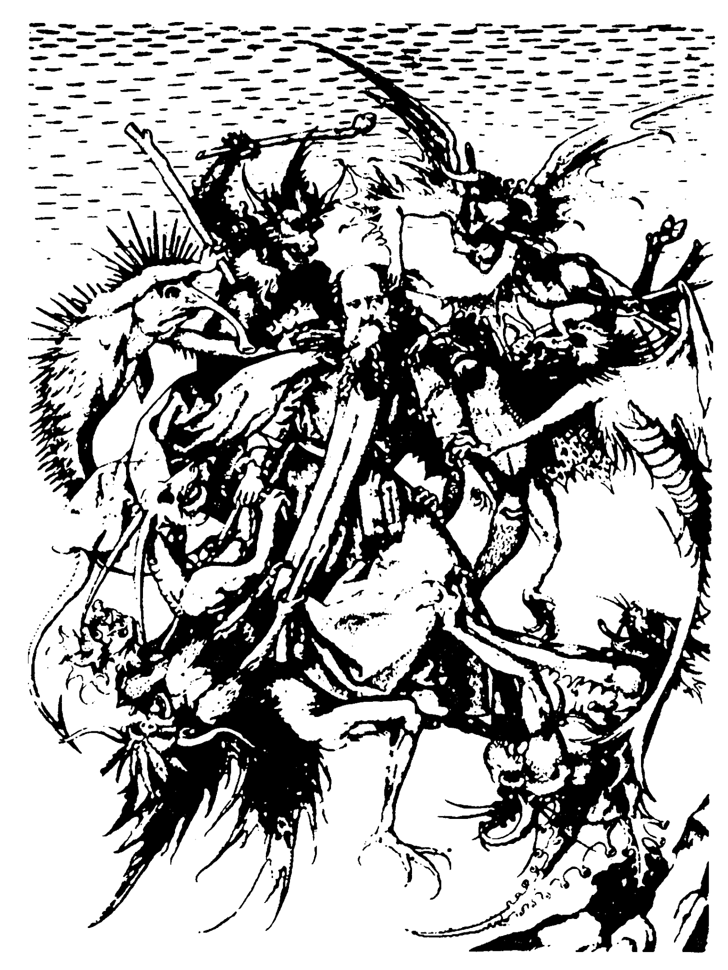

Ангелы, спасающие душу, преследуемую дьяволом.
Из легенды о Теофилусе из «Собрания чудес», хранящегося в НБП.

Человек создает своих богов, хороших или плохих, по своему подобию, результат зависит от степени развития личности и от того, в какое время она живет. Концепция христианского дьявола была во многом определена так называемыми отцами-пустынниками, отшельниками египетских пустынь в IV — III вв. до н.э., которые создали из своих видений и воспоминаний о развенчанных богах (таких, как парнокопытный Пан) синтетический образ гротескного человекообразного дьявола, представленный в иллюстрациях данной «Энциклопедии». Облик дьявола был узаконен Толедским собором в 447 г. н.э., и последующие авторы внесли в него мало новшеств.

Но ранние христиане не всегда представляли дьявола в виде человека. Так, например, в «Житии святого Антония» (примерно 360 г. до н.э.), приписываемом Афанасию, дьяволы появляются во множестве обличий, кроме черного мальчика и огромного мужчины. Они выглядят как «зверь, похожий на мужчину, у которого ноги и ступни, как у осла», и как леопарды, медведи, лошади, волки и скорпионы. «Лев рычал, как будто хотел напасть, буйвол, казалось, хотел поднять на свои рога, змея извивалась». Священные образы голубя и ягненка были запрещены дьяволу. Дьяволы часто меняли облик, «принимая вид женщин, диких зверей, ползучих тварей, гигантских тел и трупов солдат… в другое время они принимали подобие монахов и подражали речи святых людей». Наиболее опасным проявлением дьявола было появление его в виде ангела, наводящего ужас, «полуденного дьявола» из Псалтири; подразумевалось, что именно его испугалась Мария во время благовещения.

Считалось, что дьяволы возвещали о больших беспорядках «звуками и криками, какие бывают от невоспитанных юнцов или от разбойников» («Житие св. Антония»), или от «плачущих младенцев, мычания быков, львиного рыка, шума [движущейся] армии» (Иероним, «Житие св. Илария», ок. 390 н.э.). Афанасий свидетельствует, что дьяволы появлялись и уходили, хотя двери были закрыты. Часто они испускали зловоние и св. Иларий писал, что «запахи тела, одежды и испражнений демона причиняют обычному человеку страдания».

Искушение святого Антония. Офорт Мартина Шонгауэра.

Временами дьявол не создавал для себя тело из воздуха, но брал во владение тело человека или животного, как в истории о дьяволе по имени Легион, вошедшем в гадаринских свиней (Марк 5). Михаил Пселл рассказывает о демонах, живших под землей, неспособных выносить ни чрезвычайного холода, ни лучей солнца, искавших «убежище и жилье в телах животных». В «Житии святого Илария» описывается изгнание подобного дьявола, жившего в верблюде [см. Экзорцизм].

Известное изображение рогатого бога ведьм Элифасом Леви (1861).

Низшие демоны — сельские боги, сатиры и гоблины.
Из «Historia de Gentibus Septentrionalibus» (1555) Олафа Магнуса.

Пселл тщательно разработал виды дьяволов и различал шесть разновидностей, в соответствии с местом их обитания — в воздухе, море и т.д. Его перечень цитировал Гваццо и позже Генри Холиуэлл в «Melampronoea» (1681). Приводим описание из «Compendium Maleficarum» Гваццо (1603):

> «Первые — огненные, потому что обитают в верхнем воздухе и никогда не спускаются в низшие территории, пока не наступит Судный день, не общаются с людьми.
>
> Вторые — воздушные, потому что они обитают в воздухе вокруг нас. Они могут спускаться в ад, образуя тела из воздуха, могут временами быть видимыми для людей. Очень часто, с соизволения Господа, перемешивают воздух и вызывают штормы и бури, и все это они замышляют для уничтожения человечества.
>
> Третьи являются земными, и очевидно, что они сброшены с небес на землю за их грехи. Некоторые из них живут в лесах и рощах и расставляют ловушки для охотников; некоторые обитают в полях и сбивают с пути ночных путешественников; некоторые обитают в потайных местах и пещерах, в то время как другие наслаждаются тайной жизнью среди людей.
>
> Четвертые — водяные, поскольку обитают под водой в реках и озерах, и полны гнева, буйства, беспокойства и обмана. Они вызывают штормы на море, топят корабли в океане и уничтожают жизнь в воде. Когда подобные дьяволы являются людям, они бывают чаще женского пола, чем мужского, поскольку они живут во влажных местах и ведут более легкую жизнь. Но те, которые живут в более сухих и твердых местах, обычно представлены мужским полом.
>
> Пятые — подземные, потому что живут в пещерах и расщелинах гор. Они самого низкого происхождения, обычно надоедают тем, кто работает в ямах или шахтах в поиске сокровищ, и всегда готовы навредить. Они же вызывают землетрясения и смерчи, сотрясают фундаменты домов.
>
> Шестые — светобоязненные, потому что они особенно ненавидят и презирают свет, и никогда не появляются в дневное время; они также не могут принять телесный облик до наступления ночи. Эти дьяволы совершенно непостижимы, и их характер вне человеческого понимания, потому что они — черные изнутри, сотрясаемы холодными страстями, злобны, беспокойны и возбуждены; и когда они встречают людей ночью, они яростно душат их и, с соизволения Господа, часто убивают их своим дыханием или прикосновением. …Этот вид дьявола не имеет никакого отношения к ведьмам; их нельзя удержать заговорами, поскольку они избегают света, голосов людей и любого шума».

В действительности подобная классификация имела мало общего с реальной практикой обнаружения ведьм. Судьи не были образованными теологами и адвокатами, кото-

рые могли оценить эти тонкости, и дьявол представлялся им (как и их подсудимым) вполне человекообразным. Это видно из описаний двух основных разновидностей дьяволов, фигурирующих на судах: мужчина (инкуб) и женщина (суккуб), изредка принимающие облик животного (козла), т.е. почти всегда в виде человека. В статьях Сексуальные сношения с дьяволом, Кошмар и Шабаш описаны страшные, но человекоподобные проявления Сатаны. Другие аспекты, связанные с образом христианского дьявола, овладевающего человеческими существами, можно найти в статьях Экзорцизм и Одержимость — о разумном, решительном противнике, все же чувствительном к оскорблениям и заботящемся о собственной безопасности. Самым низшим дьяволом был Полтергейст, но описания его немногочисленны или сделаны уже после эпохи колдовских суеверий, и полтергейст больше попадает в сферу спиритуализма. Дальнейшее обсуждение дьяволов — см. в статье Демонология.

Ведьмы, несущие кота (гравюра XVI в.)

ДЬЯВОЛ, БРОСАЮЩИЙ КАМНИ. Д., б. к. (1682) представляет классический пример типичных проявлений полтергейста. Создававшееся им беспокойство описано двумя современниками — И.Мазером в «Essay for the Recording of Illustrious Providences» (1684) и Р[ичардом] Ч[емберленом], секретарем провинции Нью-Хемпшир, в трактате, опубликованном в Лондоне в 1698 г., с очень длинным и увлекательным заголовком:

«Lithololia, or the Stone-Throwing Devil: Being an exact and true account, by way of journal, of the various actions of infernal spirits, or — devil incarnate — witches, or both; and the great disturbance and amazement they gave to George Walton s family, at a place called Great Island [Newcastle] in the province of New Hampshire in New England, chiefly in throwing about, by an invisible hand, stones, bricks and brickbats of all sizes, with several other things, as hammers, mauls, iron crows, spits, and other domestic utensils, as came into their hellish minds, and this for the space of a quarter or a year».

Перевод:

«Литололия, или дьявол, бросающий камни: Точное и достоверное описание в виде дневника различных действий адских духов или ведьм (воплощений дьявольских), или и тех, и других вместе; и великом беспокойстве и удивлении, которые они вызвали у семьи Георга Уолтона в месте, называемом Грейт-Айленд [Ньюкастл] в провинции Нью-Хемпшир в Новой Англии, главным образом разбрасывая повсюду невидимой рукой камни, кирпичи и обломки кирпича разной величины наряду с некоторыми другими предметами, такими как молотки, колотушки, чугунный лом, вертела и другие домашние принадлежности, что только ни приходило на их дьявольский ум, и все это на протяжении четверти года».

Несколько известных людей, включая Самуэля Дженнингса, губернатора Вест-Джерси, Вальтера Клерка, выборного губернатора острова Род-Айленда, и еще шестеро,

поставили свои подписи под рассказом Чемберлена, чтобы «подтвердить правдивость того, чему они были свидетелями, как, по крайней мере, полдюжины камней в тот вечер были брошены кем-то невидимым в поле и в двери дома, и в одну из комнат Джорджа Уолтона».

Мазер описывает бросание камней, продолжавшееся на протяжении лета 1682 г. и повторившееся весной 1683 г.:

> «11 июня 1682 года, в воскресенье, ночью град камней обрушился на стены и крышу дома Джорджа Уолтона. Некоторые из домашних вышли наружу. Они обнаружили на некотором расстоянии от дома ворота, сорванные с петель, и камни обильно падали на них, иногда достигая их, иногда задевая, не причиняя никакого вреда; хотя казалось, что они летят с огромной силой, однако они более чем мягко касались их; камни падали вокруг дома; двери тут же закрыли; оконные стекла разлетелись на куски под градом камней, которые казались прилетевшими ниоткуда, свинец из оконных створок, оконные переплеты и прочее были с силой вырваны и согнуты».

Описание Чемберлена кажется составленным из необработанных заметок очевидцев, совпадающих с описанием, данным Мазером 21 июня 1682 г., когда он гостил в доме Уолтона:

> «Около полуночи …два очень больших камня, весивших примерно по 30 фунтов, обычно лежавшие в кухне около дымохода, начали летать, как описано выше, между моей дверью и стеной в прихожей с небольшими промежутками во времени. Их громоподобный шум, должно быть, заставил людей подняться ко мне снизу (я уже не говорю о том, что он разбудил и меня). Они рассказали мне, что несколько картин сорвалось со стен, и вещи перемещаются по комнатам. Но постоянное громыхание, производимое этой огромной машиной поблизости, и дополнительное беспокойство, причиненное четырьмя кирпичами, лежавшими во внешней комнате с дымоходом, (один из тех, что использовались в ту воскресную ночь, как уже упоминалось), не позволили мне отдохнуть и принудили подняться с моей кровати».

Подобный случай убедил Чемберлена

> «и других во мнении, что существуют такие существа, как ведьмы, и проявления колдовства или, по крайней мере, злонамеренные действия злых духов, в которые некоторые не очень верят, как в случаи с ведьмами, полностью отвергая как их действия, так и их существование. …Тот, кто рассуждает таким образом об этих необычных происшествиях, наносит вред собственной душе и отвергает неопровержимые доводы, упорно пытаясь противостоять им, и в то же время смятенно подпадет под влияние учения демонов, духов и ведьм. Очевидно, что тот, кто это делает, бессознательно подрывает основы лучшей религии в мире».

Простейшее объяснение полтергейста в Нью-Хемпшире таково. Чемберлен был очень непопулярной личностью. Нью-Хемпшир в течение 50 лет находился в состоянии административного хаоса. Чемберлен был «секретарем» или правившим губернатором в течение 2 лет и ничего не сделал для прекращения беспорядков. Ливень из камней не был направлен против Уолтона, который просто принимал у себя Чемберлена. На самом деле бросание камней часто использовалось для выражения общественного недовольства.

Е

ЕЛИЗАВЕТА: закон 1563 г. С 1547 по 1563 гг. в законодательных уложениях Англии не существовало законов, направленных против колдовства. Но колдовство широко обсуждалось. Фактически наблюдался больший, чем прежде, интерес, и существовало множество концепций. Некоторые критики, например, Нотштейн, чьи взгляды разделяли Саммерс и Девис, приписывали взлет активности в борьбе против ведьм возвращению 472 сосланных протестантских лидеров (многие из которых стали епископами англиканской церкви или государственными деятелями), бывших свидетелями сожжений ведьм в таких известных центрах как Страсбург, Франкфурт, Цюрих, Женева и Базель. В проповеди перед королевой Елизаветой в Оксфорде, примерно в 1560 г., епископ Джон Юэлл обрушивался

> «на тех (я имею в виду ведьм и чародеев), число которых за последние несколько лет значительно увеличилось по милости Вашего величества. Я видел наиболее очевидные и явные знаки их греховности. Подданные Вашей милости подвергаются смертельным истязаниям, их цвет угасает, их плоть гниет, их речь бессвязна, их разум похищен. Вследствие чего Ваши несчастные подданные подают униженное прошение о том, чтобы был принят закон против подобных преступников и определено им должное наказание».

Кеттридж, сводивший к минимуму влияние протестантского экстремизма, указывал, что формулировки закона 1563 г. точно повторяли закон Генриха VIII. Более того, первые попытки установить контроль над колдовством были предприняты уже в законе от 1559 г. при королеве Марии, когда католические епископы еще удерживали власть. И действие этого закона было приостановлено лишь в связи с народными волнениями, возникшими при принятии Закона о подчинении церкви государства и Закона о главенстве англиканской церкви. Однако и кальвинисты, и католики были одинаково неутомимы в сражении с дьяволом и его ведьмами. Большинство приговоров за колдовство во время правления Елизаветы было вынесено в Эссексе, где один из кальвинистов, охотившихся за ведьмами, однажды пожаловался, что «наше светское наказание за колдовство слишком незначительно».

Очевидно, что духовенство всех уровней не сопротивлялось принятию закона, наказывающего за чародейство, и было склонно к его богословской поддержке. Синод англиканской церкви, как «третья сторона», встретился с членами Палаты лордов и общин на открытии сессии парламента в 1563 г. и выступил с предложением, чтобы «были назначены болезненные, суровые наказания, включая смертную казнь, для ведьм, чародеев, волшебников, колдунов и им подобных». С 1550 г. вопросы о колдовстве включались в программы епископских инспекционных поездок. В одном из опросных листов церковным старостам и прихожанам задается вопрос: «Знаете ли вы кого-нибудь, кто использует чары, колдовство, магию, вызывание духов, ведовство, предсказание будущего или любые другие искусства или представления, распространяемые дьяволом и особо пагубные для женщин во время родовых мук?»

Однако представляется более вероятным, что основной толчок к принятию закона исходил от Тайного совета и носил политический характер. Опасность для английского правительства, так же как и для Римской империи, заключалась не в мелких действиях, приносящих вред скоту или людям, а в весьма реальной угрозе политического прогнозирования. Только за год или два, предшествующих принятию закона, 9 человек были подвергнуты пыткам в Вестминстере перед Королевским судом за вызывание духов и чародейство. Они признались в злодеяниях и были приговорены к стоянию у позорного столба и клятве «избегать подобных действий в будущем».

С другой стороны, Хатчинсон в «Historical Essay» (1720) отмечает осуждение за измену графини Леннокской и еще четверых, которые «обращались к неким людям, выдававшим себя за волшебников, чтобы узнать, как долго будет жить королева». Подобное чародейство действительно представляло угрозу; достаточно заметить, что постановления, предшествующие закону 1563 г., были направлены против «ложных и фантастических пророчеств», написания, напечатания, пения или любых других открытых речей и поступков, использования орудий, животных и всевозможных ухищрений для предсказания кровопролитий и войн.

Королева Елизавета процарствовала лишь один месяц, когда за составление гороскопа королевы был арестован сэр Энтони Фортескью. Он был осужден в 1563 г. вместе с Артуром и Эдмондом Поллами (племянниками кардинала) и еще 5 лицами за измену. Все они утверждали, что «ничего не собирались предпринимать при жизни королевы, которая, согласно их предсказанию, не должна была пережить следующую весну». Предсказание ее приближавшейся кончины легко могло спровоцировать восстание, и в такие неустойчивые времена Елизавета не могла рисковать. Предсказания усилились во время ее правления (особенно после 1578 г.), так что в законе 1581 г. предписывалось, что, «если кто-либо будет уличен в изготовлении фигур, а равно в попытках узнать с помощью составления гороскопа, гадания на числах или любого другого пророчества, колдовства, предсказания …как долго проживет Ее высочество, — каждый подобный случай будет считаться уголовным преступлением». В целом протестантская Англия была вполне готова поверить, что католики склонны к колдовству против Елизаветы. «Колдовство вдруг стало наиболее опасным и презираемым из всех преступлений», — заключал Нотштейн.

Закон, направленный на политическое истолкование колдовства, мог пользоваться общественной поддержкой по совершенно другой причине. Всегдашняя подозрительность и враждебность простонародья по отношению к ведьмам вполне естественно возрастала в те моменты, когда какое-либо несчастье, причина которого не была выяснена, рассматривалась как «maleficia». Действительно, до 1563 г. известны лишь разрозненные отчеты местных (городских, архиепископских) судов, направленные против ведьм. Врачи также сильно сопротивлялись деятельности знахарок из-за их дилетантизма. Томас Гейл в 1562 г. осуждал подобных ведьм, навеки искалечивших более 300 человек, обнаруженных им в двух лондонских больницах. В дальнейшем основным районом преследования ведьм при Елизавете стал населенный и промышленно развитый юго-восток, особенно подверженный кальвинистскому влиянию и, следовательно, идеологически более подготовленный к осуждению колдовства как порождения дьявола.

Предпринятая в январе 1563 г. попытка возродить закон Генриха VIII против колдовства потерпела неудачу — этот закон был отменен еще в 1547 г. при Эдуарде VI. 19 марта 1563 г. новый закон был принят обеими палатами парламента. Парламент Шотландии и католическая королева Мария приняли аналогичный закон (отмененный позже, при Георге II). Закон Елизаветы был заменен более строгим законом при короле Якове I. В Ирландии закон против колдовства продолжал действовать до 1821 г.

Основным положением закона Елизаветы была смертная казнь за убийство с помощью чародейства и годичное заключение с покаянием у столба за колдовство, не приведшее к смерти. Собственность конфисковывалась только при вторичном обвинении и только при преступлении, связанном с гаданием, покушением на убийство и супружеской изменой. По закону 1604 г. конфискация собственности была вообще исключена из наказаний. На первый взгляд, закон Елизаветы казался мягким, наказание смертью было оставлено лишь за убийство, но именно с него началась колдовская истерия в Англии. Первый большой суд, основанный на данном законе, состоялся над челмсфордскими ведьмами. Без этого закона не было бы 563 обвинений и 82 известных казней за колдовство.

Акт против колдовства, заклинаний и ворожбы

Поскольку в настоящее время гнусные занятия ворожбой, вызыванием духов, чародейством и колдовством обычно остаются без должного наказания по закону, принятому на 33 году царствования короля Генриха VIII, который объявлял их преступлением, но отмененном в первый год царствования короля Эдуарда VI, и со времени его отмены многие дьявольские и фантастические личности изобретали и применяли способы заклинания и вызывания злых и проклятых духов и занимались колдовством, чародейством и заговариванием для уничтожения людей, имущества их соседей и окружения и с другими непристойными и богопротивными целями и намерениями, подвергая опасности свои души, к большому бесчестью и беспокойству окружающих,

I. Во исправление вышеуказанного да будет установлено Ее величеством королевой с одобрения лордов духовных и светских и Палаты общин и текущей сессии парламента, что:

а) любое лицо или лица, после 1 июня сего года использующие, практикующие и упражняющиеся в любых заклинаниях и вызываниях нечистых и злых духов с любыми намерениями и целями,

б) любое лицо или лица, после указанного дня использующие, практикующие и упражняющиеся в колдовстве, заклинаниях, заговорах и чародействе, при котором кто-либо будет искалечен или убит, а равно и в других подобных попытках вышеуказанного вызывания или заклинания, их сообщники и помощники в колдовстве, заклинаниях и чародействе; а также и лица, практикующие указанные занятия, не приведшие к чьей-либо смерти, их помощники и сообщники в названных занятиях — да будут по закону осуждены и наказаны смертью как уголовные преступники с лишением привилегий и права убежища в храме.

Оставлять жене указанного выше преступника ее титул и приданое, равно как и его наследникам и преемникам, в соответствии с их правами на наследство и титул, если они не подвергаются изгнанию с лишением гражданских прав.

II. Да будет установлено всеми вышеуказанными, что любая личность или личности, которые после названного 1 июня будет заниматься, использовать или упражняться в колдовстве, заклинаниях, заговорах или чародействе, при котором:

а) кто-либо будет истощен, избит, искалечен телесно, а также

б) чье-либо имущество, движимое или недвижимое, будет разрушено, испорчено или приведено в негодность, — что каждый подобный преступник или преступники, равно как и, их сообщники и помощники, осужденные в законном порядке за преступление, совершенное впервые, должны понести наказание в виде тюремного заключения сроком на год без права выхода под залог и один раз за каждую четверть указанного года должен будет простоять шесть часов у позорного столба на рыночной площади и публично покаяться в своих преступлениях, а за подобное преступление, совершенное вторично вышеуказанные должны быть осуждены по закону и наказаны смертью как изменники и лишены гражданских прав и права убежища в храме.

Оставлять жене указанного выше преступника ее титул и приданое, равно как и его наследникам и преемникам, в соответствии с их правами на наследство и титул, если они не подвергаются изгнанию с лишением гражданских прав.

III. Установить, что если совершивший любое из вышеназванных преступлений, за которые следует наказание смертью, будет пэром, то он должен быть судим равными ему в этом отношении, как положено изменнику или государственному преступнику и не иначе.

IV. Для решительного искоренения, уничтожения и прекращения колдовства, заклинаний, чародейства и заговоров настоящая сессия парламента данной ей властью постановляет: если кто-нибудь впредь с 1 июня возьмется за колдовство, заклинания, чары или гадания, чтобы рассказать или заявить о том, где находится серебро, золото или другое сокровище, спрятанное в земле или другом месте, или о местонахождении украденно-

го или потерянного имущества, или будет заниматься или использовать любое колдовство, заклинания, чары или гадания для склонения кого-либо к незаконной любви, уничтожения или причинения телесного вреда кому-либо, то каждое такое лицо должно быть осуждено за первое такое преступление тюремным заключением в течение года без права выхода под залог с обязательным стоянием у позорного столба один раз за каждую четверть указанного года в течение шести часов с публичным раскаянием в совершенных преступлениях. И, если кто-либо, осужденный за указанное преступление, уже совершил однажды такое же преступление, то каждый такой преступник, осужденный во второй раз, будет наказан пожизненным заключением с полной конфискацией всего имущества в пользу Ее величества, ее наследников и преемников.

ЕРЕСЬ. Колдовство считалось ересью. Е. (от греческого «свободный выбор») была одной из трех разновидностей отступления от канона, признанного католической церковью:

Раскол — расхождение в способах управления церковью, но не в основах веры, имеющее, по определению Августина, характер «скорее внешний, чем внутренний».

Е., согласно канону и Фоме Аквинскому, — «ошибочное, преднамеренное и последовательное противодействие истине, официально установленной церковью».

Отступничество — отрицание богодухновенности Священного Писания, истинности христианского вероучения, особенно религиозных обрядов.

Все эти расхождения подразумевают, что допустима только одна жизненная философия; они могут существовать только в однородном христианском обществе, которое контролируется государством, устанавливающим наказание за свободный выбор. Эти понятия не применимы к тем, кто никогда не исповедовал христианство: неверным (магометанам и иудеям, как приверженцам религий, противоположных вере в Христа), язычникам (исповедующим многобожие) и варварам (всем остальным).

Чаще других с колдовством связывают два еретических движения — альбигойцев (или катаров) и вальденсов.

Катары (катаристы, катариты) — широко распространенное движение, включавшее множество ответвлений. Существовало с X по XIV вв., возникло в восточной Европе и постепенно охватило большую часть континента. Основной догмат включает веру в двух равноправных извечных богов — доброго и злого. Бог зла, Сатана, управляет миром, который, следовательно, приравнивается к преисподней в отличие от Царства Небесного, управляемого добрым богом. Катары разделяли идею всеобщего спасения тех, кто «возрожден» через духовное крещение Христом. Нормы жизни и поведения для посвященных и простых верующих были различными.

Альбигойцы — названные так по происхождению течения из города Альбы в Провансе в XII в. Во Францию Е. была занесена около 1020 г., по торговым путям из Восточной Европы. Часто альбигойцев называли bougres (пройдохи) из-за приписывавшихся им чудовищных преступлений. В 1150 г., благодаря покровительству герцога Гильома Аквитанского, приобрели огромное влияние в южной Франции. Папа Иннокентий VIII пытался примириться с ним, но затем направил северофранцузских дворян в крестовый поход против них в 1209–1229 гг. Южная аристократия была уничтожена или куплена, но Е. ухитрилась выжить, обусловив введение в 1232 г. инквизиции папой Григорием IX. Преследования были завершены примерно к 1330 г., практически одновременно с признанием чародейства Е. (например, в послании папы Бенедикта XII к епископу Каркасонскому, призывающего его начать охоту за ведьмами).

Вальденсы названы по имени основателя течения Пьера Вальдо, богатого купца из Лиона. Около 1170 г. он «обратился» и решил проповедовать Евангелие на местном языке. Сначала его последователей приняли, но вскоре приходское духовенство выступило с протестом. Вальденсов обвинили в отрицании непогрешимости Библии как единственного руководства для христиан и в моральном противостоянии духовенству. В отличие от аль-

бигойцев, вальденсы подчеркивали неприятие священства. Во время альбигойской войны также преследовались, но некоторым удалось скрыться в долинах Пьемонта, в местах, впоследствии названных их именем — Вальденсах. В 1440 и 1445 гг. папа Евгений IV настаивал на гонениях против «тех, кого обычно называют stregulae или stregones (ведьмы) или вальденсы». В 1487 г. папа Иннокентий VIII поддержал их истребление, нанеся фактически первый удар по колдовству.

Значение Е. состоит в том, что это не просто грех, а преступление, наказываемое смертью. Такая теория была разработана в XI и XII вв. Папа Иннокентий III, например, писал королю Франции в 1198 г., что «против еретиков необходимо использовать меч духовного отлучения, а если этого мало, то и физическое истребление». Латеранский собор 1125 г. включил этот эдикт в Корпус канонического права и постановил, что все еретики должны отлучаться от церкви и передаваться светским властям для наказания смертью. Пять лет спустя Фридрих II, император Священной Римской империи, включил это постановление в гражданский закон. Позднее этот принцип подтверждался как церковными, так и светскими законами. Слова «проклинать колоколом, книгой и свечой» отражают лишь церковные средства, применявшиеся для отлучения еретиков, и не связаны непосредственно с колдовством.

Однако теория Е. лежит в основе всех мучительных и духовно бесплодных порождений колдовской истерии. Когда жажда политической или экономической власти заменила собой религиозную одержимость, воображаемые сделки с дьяволом потеряли свое значение, и колдовство исчезло.

О колдовстве как ереси см. также: Инквизиция; Казни; Колдовство; Суды; Франция, колдовство в; Чародейство; Шабаш.

Ж

ЖАКЬЕ, НИКОЛА. Ж. — известный доминиканский инквизитор (1465) в Турне (северная Франция), выступавший против гуситов в Богемии (1466) и в Лилле (1468–1472). В 1452 г. в возрасте 50 лет Ж. написал «Tractatus de Calcatione Demonum», направленный против многочисленных еретиков, которых он позднее приравнял к аррасским вальденсам как haeretici fascinarii [колдовские еретики]. Ж. был первым демонологом того классического типа, к которому относятся такие деятели, как Боден, Реми и дель Рио. Возможно, их было бы лучше назвать «ведьмологами», поскольку все они разрабатывали основную колдовскую тему — договор с дьяволом, и были практически заинтересованы в существовании ведьм. Дьявола нельзя было вызвать в суд, но его «верные друзья» были всегда под рукой.

«Flagellum Haereticorum Fascinariorum» [«Бичевание колдовской ереси»], написанный в 1458 г., чтобы уничтожить канон «Episcopi», известен благодаря отрывку, включенному в антологию 1581 г. Вкладом Ж. в теорию колдовства было утверждение о том, что оно является новой ересью; на своих шабашах ведьмы якобы строят новую империю дьявола, выполняя евангельское пророчество (Иоанн 12, 31). Колдовство признавалось худшей из всех ересей, поскольку ведьмы преднамеренно отрекались от Бога и католической церкви. Ж. утверждал, что лучше быть иудеем, мусульманином или даже солнцепоклонником, чем ведьмой! Прекратить преследования? Нет! Ведьмы не только поклоняются идолам, но и совершают гнуснейшие преступления. И если правосудие не считает ведьм еретиками, то почему они не несут наказания за содомию и убийства?

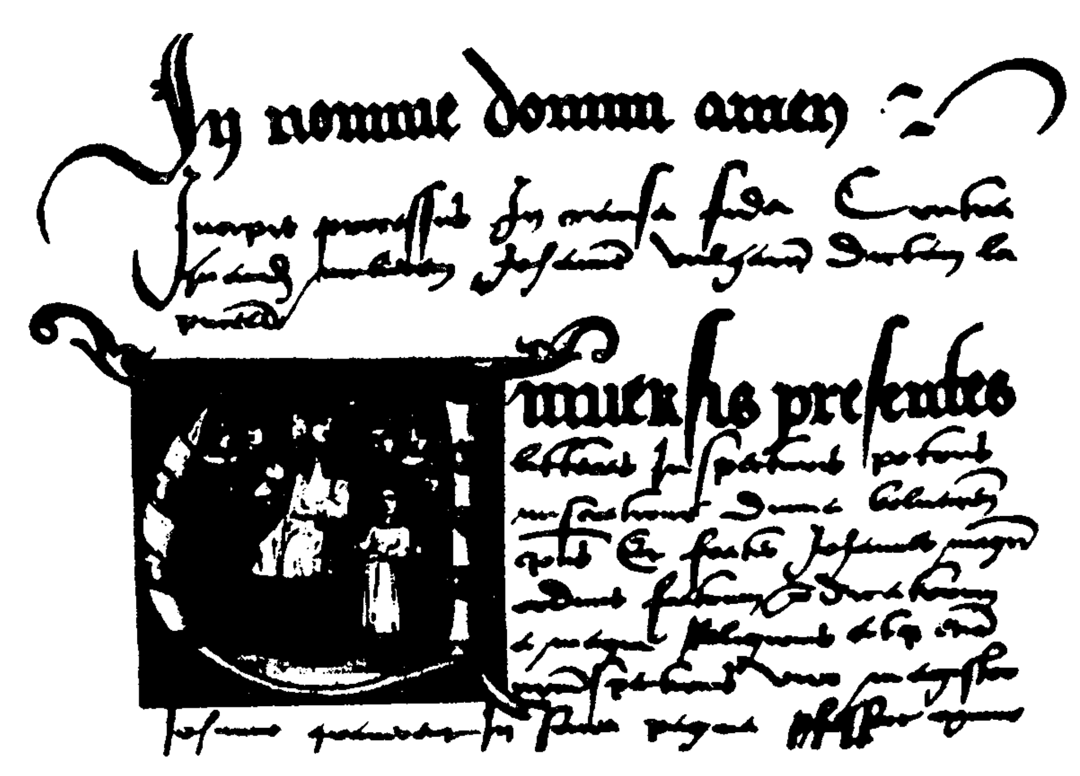
Типичен лишь один образец рассуждений Ж. — как сделать так, чтобы из показаний неотвратимо следовало обвинение [другие примеры см. в статье Демонологи].

Ведьма признается в том, что видела некую женщину на шабаше.

Женщина отвечает, что в ведьму воплотился дьявол. Судья должен поддерживать обвинение до тех пор, пока обвиняемая не представит последнего контрдовода. И дьявол, явись он в суд по вызову, мог бы совершенно справедливо утверждать, что действует по соизволению Божьему. Женщине теперь приходилось доказывать, что Бог разрешил дьяволу вселиться в нее. Иначе она «осуждалась за фальсификацию и наговор».

Подобные нелепые показания были проблемой для салемских судов, но в течение трех столетий неразумность продолжала брать свое. Следует отметить, что инквизиция не отрицала того, что дьявол может оклеветать невиновных (об этом говорил инквизитор Бернард из Комо в 1510 г.), но тут же утверждала, что, если показаний ведьмы вполне хватает, чтобы отправить ее на костер, то их должно быть достаточно и для сожжения тех, кого она обвинила (инквизитор Спина, ок. 1523 г.)

ЖАННА Д'АРК. Подобно тому, как король Яков Шотландский в 1590 г. поверил в ведьмовство Агнесс Семпсон, пересказавшей ему слова, которые он говорил своей жене в первую брачную ночь, король Франции Карл VII в 1429 г. поверил Ж., когда она воспроизвела его личную ежедневную молитву. Но суеверный король не был надежным союзником, и, когда Ж. была схвачена, Карл ничего не сделал для того, чтобы освободить или выкупить ее. Напротив, он перенес свою веру в мистического спасителя на юного пастушка, которого быстро поймали англичане и утопили в Сене. Суд над Ж., организованный англичанами и их бургундскими союзниками, носил явно политический характер и был запланирован, чтобы дискредитировать тот успех, который она принесла французскому королю: если Ж. была ведьмой, то он получил свою корону благодаря колдовству. Священники, проводившие суд над Ж., были вследствие этого более, чем обычно, щепетильны в сведении процесса к вопросам религии, т.е. ереси.

«Proces de condamination» (обвинительный процесс), по рукописи конца XV в., находящейся в ПНБ. «Во имя Господа, аминь. Здесь начинается процесс, рассматривающий обвинения против некой женщины Жанны, обычно называемой ла Пуселль [Девственница]. Для всех тех, кто может увидеть этот настоящий документ, Пьер, Божьей милостью епископ Бове, и брат Жан Леметр, доминиканский инквизитор, муж величайшей набожности и благочестия, известный знаток Священного Писания…»

Сегодня литература о Ж. насчитывает более 4000 названий. В публичной библиотеке Нью-Йорка имеется почти 700 из них, но лишь в одной журнальной статье упоминается колдовство. Часто предполагалось, что Ж. была осуждена за колдовство. Это неточно. Она была чародейкой, согласно общественной молве, и изначально обвинялась в колдовстве, но официально была осуждена за ересь и сожжена как закоренелая еретичка. Это отражает неразвитость концепции колдовства в 1431 г., когда было проще получить обвинение в ереси, чем в чародействе. Уже через столетие вполне мог произойти обратный результат.

Ж. (Жанетта или Иоанна д’Арк) была захвачена в плен во время неудачного штурма Компьена 23 мая 1430 г. Вандомским Бастардом, находившимся на службе у Жана де Линьи (из Люксембургского дома). Спустя три дня после взятия ее в плен доминиканец Мартин Биллорини, генеральный викарий инквизиции в Париже, объявил об инквизиторском судопроизводстве в отношении Ж., «как серьезно подозреваемой в зловредной и ошибочной ереси». 14 июля Пьер Кошон, епископ Бове, француз-предатель, воевавший на стороне англичан, провозгласил епископскую юрисдикцию по отношению к Ж. как подозреваемой в чародействе и вызывании дьяволов. За нее он обещал Линьи 10 000 наличными, а Вандому — ежегодную ренту в 300 фунтов стерлингов, взятых из налогов в Нормандии. Компьенцы колебались, ожидая ответных действий со стороны французского короля в виде выкупа. Проанглийски настроенный Парижский университет успокоил их совесть, указав, что они должны действовать «во имя Господа, святой церкви и процветания христианского королевства». К середине ноября Ж. была передана епископу Кошону. Инквизитор, вовсе не желавший принимать участия в сделке, должен был согласиться допрашивать ее вместе с епископом.

Ж. была заключена в Руанский замок, поскольку английские оккупационные власти заявили, что епископская тюрьма недостаточно надежна. На время перевозки ее по-

местили в специально изготовленную железную клетку, где она едва могла встать во весь рост, с цепями на шее, руках и ногах.

9 января 1431 г. было проведено неофициальное слушание дела Ж. перед небольшим, специально подобранным судом. Для специального судопроизводства епископом Кошеном из соседней епархии были назначены 9 членов церковного суда, известные своей образованностью и проанглийскими настроениями. Полные достоинства ответы Ж. на 4 заседаниях произвели благоприятное впечатление, усиленное показаниями женщин, назначенных герцогиней Бедфордской, установивших, что Ж. была девственницей (и, следовательно, не ведьмой), и благоприятными показаниями, представленными королевскими нотариусами от ее соседей из Домреми, места ее рождения. «В ней нет ничего такого, чего они не хотели бы видеть в своей собственной сестре». Но епископ Кошон отвел эти свидетельства и выдвинул несколько «пунктов обвинения».

После этого неофициального слушания 21 февраля 1431 г. в Руанском замке начались регулярные предварительные допросы [proces d'office] перед 42 священниками (редко собиравшимися вместе в одно и то же время). Епископ из Бове был назначен председательствующим, но передал полномочия своему канонику Жану д'Эстиве. Во время второй сессии, 22 февраля, к суду присоединился руанский инквизитор Жан ле Метр. После шестого заседания епископ Кошон решил проводить последующие слушания за закрытыми дверями перед несколькими надежными следователями, «чтобы не утомлять остальных». Начиная с 10 марта, Ж. допрашивали в ее тюремной камере. Допрос вращался вокруг ее заявления, что божественные голоса, услышанные ею в момент откровения, исходили от святого Михаила, святой Екатерины и святой Маргариты, и вокруг отказа принять мнение церкви по этим вопросам. Обвинение основывалось на том, что эти голоса исходили от дьявола, и это толкование подкреплялось с помощью вопросов о феях, священном дереве, мандрагоре и ловле бабочек.

Как обычно на подобных судах, судьи мыслили схоластическими терминами и, чтобы проверить религиозность Ж., пытались смутить ее искусными вопросами. Здесь приведено несколько случайно выбранных вопросов шестнадцатого заседания (последнее состоялось 17 марта 1431 г.), позже представленных как доказательство ее еретических взглядов:

> «В.: Видела ли ты ангелов воочию?
>
> О.: Я видела их своими собственными телесными очами, так же хорошо, как я вижу вас. И когда они ушли, я плакала и хотела, чтобы они взяли меня с собой.
>
> В.: Какое имеется доказательство, что откровения исходили от Бога и что святая Катерина и святая Маргарита действительно вмешивались?
>
> О.: Я повторяла вам достаточно часто, что это были святая Екатерина и святая Маргарита. Верьте мне, если вы хотите верить.
>
> В.: Говорила ли святая Маргарита по-английски?
>
> О.: Почему она должна говорить по-английски, если она не была англичанкой?
>
> В.: Как ты узнала, что святая Екатерина и святая Маргарита ненавидят англичан?
>
> О.: Они любят то, что любит Господь, и ненавидят то, что ненавидит Господь.
>
> В.: Бог ненавидит англичан?
>
> О.: Я ничего не знаю ни о любви ни о ненависти Господа к англичанам, ни о том, что Он будет делать с их душами. Но я знаю, что они будут изгнаны из Франции, за исключением тех, кто умрет здесь.
>
> В.: Были ли у святого Михаила волосы?
>
> О.: Зачем вы об этом спрашиваете? Вы хотите постричь его?
>
> В.: Целовала ли ты святого Михаила и святую Екатерину?
>
> О.: Да
>
> В.: Они приятно пахли?
>
> О.: Разумеется, они пахли приятно.
>
> В.: Обнимая их, чувствовала ли ты какую-нибудь теплоту или что-нибудь подобное?

О.: Я не смогла бы обнимать их, не чувствуя их или не дотрагиваясь до них.
В.: Какую часть ты обнимала, верхнюю или нижнюю?
О.: Более прилично обнимать их выше, чем ниже.
В.: Был ли святой Михаил обнажен?
О.: Неужели вы думаете, что Господу не во что одеть его?»

Были поставлены специальные, очень трудные вопросы, но Ж. избежала ловушки с изворотливостью, достойной ее инквизиторов.

На вопрос: «Кто является истинным папой?» (подразумевались трое соперничавших пап), она ответила, что «верит в истинного папу в Риме». Один священник выразил протест против того, что ее поставили перед дилеммой: «Испытываешь ли ты благодать Божью?», предвидя затруднительное положение; «нет» стало бы признанием вины; «да» — доказательством ее дьявольской самонадеянности. Она ответила: «Если нет, то, может быть, Господь позволит ввести меня в состояние своей милости, а если я имею его расположение, пусть Господь сохранит меня в этом состоянии».

После предварительного дознания 27 марта Ж. была предана официальному «суду инквизиции» [proces ordinaire or proces de droil inquisitorial] в Руанском замке, состоявшему из 37 духовных судей (включая 2 английских священников, Уильяма Бралбестера и Джона де Хемптона), и снова возглавлявшегося епископом Бове и инквизитором. Против нее было выдвинуто семьдесят пунктов обвинений:

> «Явно подозреваемая, о чьей дурной репутации идет молва и доносят добродетельные и достойные граждане… объявляется и признается чародейкой, ведьмой, предсказательницей будущего, ложной пророчицей, вызывательницей злых духов, заклинательницей, верящей в суеверия, применяющей и пользующейся искусством магии, сомневающейся в католической вере, раскольницей… хулительницей Господа и святых, скандалисткой и бунтовщицей, нарушительницей спокойствия, подстрекательницей к войне… неприличной и бесстыдной, соблазнительницей князей и простых людей… еретичкой или, по крайней мере, явно подозреваемой в ереси».

После пространных показаний о ее ранней жизни и колдовских обычаях Домреми основные нападки сосредоточились вокруг ее откровений. Ж. попала в ловушку, когда призналась в том, что не подчинилась своим «голосам», когда пыталась убежать из тюрьмы, спрыгнув с высокой башни в Боревурском замке, и когда она приказала штурмовать Париж. Ей подставили логическую дилемму: или у нее не было откровений от Господа, или она не подчинялась откровениям Господа. Более того, она призналась, что чувствовала побуждение прыгнуть с башни; значит, она отказалась от своей воли и подчинилась дьяволу.

После тщательного исследования показаний, на основании этих первоначальных 70 пунктов обвинения 2 апреля суд вычеркнул все обвинения в чародействе или колдовстве (которые едва ли могли быть подтверждены) и сократил количество обвинений до 12. В одном, связанном с ее верой в призраков, было отмечено: «Повсюду появляются мужчины и женщины, притворяющиеся, будто они имеют сношения с Господом и Его ангелами, и сеют ложь и заблуждения». Два основных обвинения были связаны с ношением мужской одежды и отказом принять воинствующую церковь. «В случае, если бы Церковь захотела, чтобы она поступила вопреки тем распоряжениям, которые якобы были ей от Господа, она не смогла бы этого сделать». В этом отношении Ж. была просто преждевременным протестантом.

Отчеты по этим 12 пунктам были представлены на рассмотрение 16 докторам теологии и 6 лиценциатам права. Через три дня они объявили, что обвинения подтвердились. «Она выдавала себя за авторитет, за доктора, за магистра», — негодовали они. На основании этого заключения капитул Руанского собора объявил Ж. еретичкой.

18 апреля 1431 г. епископ и инквизитор убеждали Ж. отречься. Она отказалась. Ж. заболела, но врачи вылечили ее, поскольку герцог Уорвикский заявил: «Король Англии

слишком много заплатил за нее, чтобы отказать себе в удовольствии видеть ее сожжение!» Другая возможность отречься была предоставлена Ж. 2 мая в Руанском замке на официальной сессии перед 60 теологами. Ж. настаивала на своем. 9 мая были приготовлены инструменты для пытки, но 12 мая судьи высказались против пытки, на том серьезном основании, что все судебное разбирательство было проведено тщательно, и не стоит давать повода для клеветнических измышлений о том, что ее признание было вынужденным.

Чтобы ускорить казнь, кардинал-епископ Винчестера передал ее дело Парижскому университету. С 29 апреля по 14 мая 4 объединенных факультета Сорбонны обсуждали отчеты о ее суде. Ректор Пьер де Гонда вернул единодушно принятый вердикт: если она не признается в своих заблуждениях, ее следует передать светским властям для казни. Данное решение было провозглашено в Руане 23 мая 1431 г. Пьер Морис, руанский каноник, умолял Ж.:

> «Предположим, что король Франции своей властью доверяет тебе защиту некоего места, предупредив тебя, что никто ни под каким видом не должен войти. Некто говорит, что он пришел с соизволения короля, не представляя тебе никакого письма или определенного знака. Ну как, должна ли ты поверить ему и пустить его? Подобным образом Господь наставлял святого Петра и его преемников. …Следовательно, ты не должна была доверять тем, кто, как ты говоришь, появился перед тобой. Подчинись церкви и отдай себя в ее распоряжение».

На все подобные обращения Ж. отвечала:

> «Несмотря на то, что я уже говорила о моих поступках и словах на этом суде, я настаиваю на своей позиции и хочу подтвердить ее. Даже если бы я увидела, как зажигают огонь, хворост воспламеняется, и палач готов начать сожжение, и если бы я сама была на этом костре, я не смогла бы сказать ничего другого».

24 мая 1431 г. на кладбище Сен-Уэн в Руане в присутствии английского кардинал-епископа Винчестера и епископа Норвича, множества признанных клириков и адвокатов, Гильом Эрар, ректор Парижского университета, произнес проповедь, взяв за основу слова евангелиста Иоанна «Кто не пребудет во Мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет; а такие ветви собирают и бросают в огонь, и они сгорают» (Иоанн 15, 6). Палач был готов воплотить эту метафору в жизнь. Неожиданно Ж. пожелала произнести предсмертное обращение к папе и затем сдалась, пообещав отказаться от своих видений и войти в лоно церкви. Английские солдаты впали в ярость от того, что жертва ускользала от них, и забросали камнями французских священников. Ж. подписала поспешно составленное признание:

> «Я, Ж., называемая ла Пуселль [Девственница], раскаявшаяся грешница, после того, как я осознала глубину своего заблуждения, и благодаря милости Господа нашего вернулась в лоно святой церкви, признаюсь, чтобы все могли видеть меня вступающей в ее лоно непритворно и с чистым сердцем, что я раньше грешила, притворяясь, будто я имела откровения от Господа и ангелов, святой Екатерины и святой Маргариты. Я отрекаюсь от всех своих высказываний и поступков, которые не угодны церкви и хочу жить в союзе с церковью. Свидетельствую это собственноручно».

В самом начале ее пожизненного заключения — «На хлебе печали и воде скорби» — не в церковной тюрьме, как она ожидала, английские охранники унесли ее женский наряд, который она сохранила, и заменили его мужским. В «Voces de rehabilitation», ставшем основой обвинительного процесса, говорится, что, возможно, она была принуждена надеть его, чтобы попытаться освободиться. Духовный суд, немедленно проинформированный о перемене ею одежды, осудил ее 28 мая как закоренелую еретичку. Ж. отреклась

от своего признания и настояла на том, что ее видения имели божественный характер. 29 мая два странствующих монаха попытались склонить ее отречься. На следующий день, 30 марта 1431 г., епископ Бове и инквизитор зачитали постановление об отлучении ее от церкви: «С сего времени изгнать ее и исключить из причастных церкви как отравленное [ересью] отродье и передать гражданскому правосудию».

Отречение Жанны д'Арк от своих признаний, послужившее поводом осудить ее как закоренелую еретичку и затем сжечь заживо. На правом поле переписчик пометил ее «фатальные слова» — «Responsio mortifera». Из Б.П.

«На вопрос, о чем эти голоса говорили ей, Жанна ответила, что через святую Катерину и святую Маргариту Господь раскрыл ужаснейшую ошибку, которую она совершила своей изменой, согласившись отречься и отвести свое прежнее признание, чтобы спасти свою жизнь. Попытавшись таким образом спасти свою жизнь, она погубила себя. Также она сказала, что эти голоса говорили ей перед прошлым вторником, что она должна делать, и что должны сделать с нею к этому времени. Кроме того, она сказала, что голоса сказали ей, что, когда она будет на эшафоте перед народом, она должна с достоинством отвечать на все, что ей будет говорить капеллан. И Жанна сказала также, что он — лживый проповедник и обвиняет ее в совершении множества вещей, которых она не совершала. Наконец она заявила, что, если она скажет, что Господь не посылал ее, то погубит себя, поскольку правдой было то, что сам Господь направил ее». — Я подтверждаю выше записанное. Буагийом.

Однако светский суд так и не состоялся, и, как только священники покинули Старую рыночную площадь, бейлиф Руана приказал начать казнь. 20-летняя девушка в митре с надписью «закоренелая еретичка, вероотступница, идолопоклонница» была поставлена на вершину погребального костра, так, чтобы огонь распространялся постепенно. Когда ее платье сгорело, палач уменьшил огонь, чтобы толпа могла поглазеть на «все тайные места, которые могут или должны быть у женщины»… И когда народ получил удовлетворе-

ние, и увидел, что она умирает, привязанная к столбу, палач раздул огромный огонь над бедным телом, которое было вскоре сожжено, и кости и плоть превратились в уголья».

Поскольку суд над Ж. был по сути политическим (чтобы удовлетворить господствовавшую Англию), то и реабилитационный процесс 16 июня 1456 г., аннулировавший все его вердикты, был столь же политическим (чтобы умиротворить победившую Францию). В XIX в. интерес к Ж. был возрожден клерикальной партией Европы, «как к олицетворению теснейшей связи патриотизма и католической веры» («Британская энциклопедия»). 6 июня 1904 г. папа Пий X провозгласил Ж. «преподобной», а 13 декабря 1908 г. ее причислили к лику блаженных. 9 мая 1920 г. она была канонизирована папой Бенедиктом XV, и 10 июня 1920 г. французское правительство объявило день ее рождения национальным праздником.

З

ЗАГОВОР. Различие между заговором и молитвой было незначительным. Во времена христианства в З. нередко включали священные имена, используя латинские фразы, имитирующие литургию, причем эффективность их действия основывалась на вере в Господа Бога.

Широко известен заговор «Белый „Отче наш“»:

Matthew, Mark, Luke and John,
Bless the bed that I lie on.

[Марк, Матвей, Лука и Иоанн,
Благословите мою кровать.]

мог служить и молитвой при отходе ко сну, и заговором.

З. на кровь, распространенный и в Англии, и во Франции, и в Германии, отражает подобную двойственность и определяет типичную литературную форму З.:

1. Упоминание о предшествующем случае успешного излечения порчи или повреждения.

2. Обращение к божеству с просьбой об успешном излечении.

В английской версии XV в. читаем: «Когда Господь мучился на кресте, Лонгин подошел с копьем и пронзил ему грудь. Из раны полилась кровь и вода. Лонгин вытер глаза и увидел мужа добродетельного. Я заклинаю тебя, кровь, чтобы ты не текла из тела этого христианина».

Просьба подкрепляется повторением: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь».

Ведьмы, якобы обладавшие оккультными знаниями, использовали заклинания для усиления действия своих трав и амулетов. Закономерно, что заклинания иногда фигурируют в показаниях на судах ведьм. Так, заклинание, исцеляющее очарованного человека, было прочитано Джеймсом Девисом на суде над ланкаширскими ведьмами в 1612 г.:

«На Светлый пяток я спешил как мог
Пока не услышал к обедне звон
Самих небесных колоколов.
Служит обедню сам Господь,
Сам Господь с апостолами.
Что держит Господь в своей руке?»
Держит малый жезл
[небольшая гибкая трость, принадлежность официальных лиц].
«Что держит он в другой руке?
Ключи от небесных врат.
Откройтеся, врата небесные,
Затворись, замкнись дверь адова!
Пусть идет дитя помазанное
К своей матери кроткия,
Кто тот, что испускает свет божественный?
Мой сын, на древе распятый,
Распят он гвоздем железным
Через сердце милосердное.
Пусть тот, кто заклинает святой пяток,
Его дитя, узнает
Синий крест и красный крест,
На котором был распят Господь,
Гавриил пусть уложит его спать

В саду Гефсиманском,
Пусть покроется он росой небесною,
Подойдет к нему наш Господь:
Почему не спишь, почему ты бдишь, Гавриил?
Преследуют меня розги и костер,
Потому не могу я ни спать, ни проснуться.
Встань, Гавриил, и иди за мной
Ни розги, ни костер не достанут тебя.
Слава Господу Иисусу. Аминь».

На основании этих показаний Джеймс Денис был осужден как «самый опасный и зловредный колдун из когда-либо живших в этих местах Ланкашира».

Вкладывание в амулеты записок с заклинаниями было официально разрешено церковью и заслужило одобрение Фомы Аквинского:

«Вешать на шею святые слова, в которых нет ничего фальшивого или ложного, конечно, допустимо, хотя было бы лучше от этого воздерживаться». Протестанты считали заговоры предрассудком. Томас Эйди, например, ссылался на «заговор папы Льва» от поражения в битве, состоявший из трехкратного повторения имени Господа и молитвы «Отче наш». Он писал: «Многие ирландские мятежники, поклонявшиеся идолам, были сражены, несмотря на то, что носили в кармане заговор, составленный папскими прислужниками, этими колдунами нашего времени». Перкинс также осуждал заклинания, использующие имя Иисуса, чтобы отвести дьявола или защититься от колдовства, потому что «невежественные люди думают, что Христос — волшебник, и что совершение таких странных дел его именем является добродетелью».

В ранней редакции «Malleus Maleficarum» (1486) дается семь правил для различения добрых и зловредных заклинаний. Заклинание считалось законным, если оно:

1. Не содержало словесных намеков на любой сговор с дьяволом.
2. Не включало упоминаний неизвестных имен.
3. Ничего неправдивого.
4. Использовало единственный ритуал — признание креста.
5. Никаких рекомендаций о способе написания, произнесения, ношения и использования заклинания.
6. Содержит только библейские фразы в их оригинальном контексте.
7. Заверение в том, что действенность заклинания всецело зависит от воли Божьей.

В качестве меры предосторожности «Malleus» рекомендовал для заклинаний только стандартные католические молитвы, такие как «Отче наш», «Аве, Мария» или «Помилуй мя».

Однако большинство молитв, использовавшихся для изгнания дьявола, при благословении соли для животных, в литании против лигатуры, очень похожи на языческие заговоры.

Ни одна ведьма не освобождалась от ответственности на основании того, что ее заговор мог быть молитвой. Перкинс в «Discourse of Witchcraft» («Рассуждения о колдовстве», 1608) определяет «природу и истинную суть заклинания»: это короткий стихотворный отрывок, «используемый дьяволом как пароль и знак для совершения чудес». Ваиро (1583) пишет, что заговоры были изобретены дьяволами, чтобы удовлетворить их «свирепую ярость» против человечества. В Шотландии использование заговоров означало смерть через сожжение, и в 1678 г. известный юрист сэр Джордж Маккензи оправдывал такое наказание:

«Хотя сами по себе заклинания не могут произвести тех действий, за которые ведьма несет наказание, но, поскольку эти действия неосуществимы без помощи дьявола, а он не поможет тому, кто всецело ему не подчинится, то вполне справедливо, что заклинатели должны быть наказаны за вероотступничество и ересь».

Переход от якобы религиозных амулетов к дьявольским амулетам и магическим знакам был незаметен. Яков I верил в то, что дьявол учит ведьм, как совершать убийства с помощью восковых подобий.

На суде ведьм в Сент-Осайте в 1582 г. Урсула Кемп призналась в том, что одна знахарка научила ее лечить артрит, — и была осуждена и казнена за это. Она должна была:

> «взять кал и мочу борова, смешать их и держать в левой руке; в другую руку взять нож, проколоть лекарство три раза и затем бросить его в огонь. Названным ножом сделать три укола под столом и оставить его там стоймя. Затем взять три листа шалфея и столько же иван-чая, положить их в эль и пить перед сном и утром натощак. Принимая это, она получила облегчение своей хромоты» («Правдивое и точное описание…»).

«Люди верят, что зубы повешенного важны при чародействе, что без них нельзя достигнуть успеха. Какая жалость, что люди верят в подобную чепуху!» — Гойя (1799).

Почти комическое обвинение легло в основу затянувшегося процесса над доктором Джоном Файеном в 1590 г. Домогаясь любви сестры одного из своих школяров, Файен пообещал «учить его без порки», если тот принесет ему три волоса «с интимных частей тела своей сестры». Доктор дал мальчику «кусок заговоренной бумаги… чтобы тот завернул их, как только выдернет». Спавший вместе с сестрой мальчик оказался очень неловок. «Однажды ночью, когда она спала, и ее брат был в постели с ней, [она] закричала, что брат не дает ей спать». Крик разбудил ее мать, которая, сама будучи ведьмой, догадалась о проделке, которую собирался предпринять ее сын. Она «жестоко порола его, пока он не рассказал ей правду». Затем мать «пошла к молодой телке, у которой никогда не было теленка, и которая не сходилась с быком, и с помощью ножниц срезала три волоса с вымени телки и завернула их в ту самую бумагу, которую вернула мальчику, велев отдать ее упомянутому господину, что он тотчас и сделал». Файен взял волосы, полагая, что они от юной дамы, и «применил свое искусство к ним». Тотчас телка пришла к дверям церкви и «направилась прямо к школьному учителю, подпрыгивая и танцуя вокруг него». Она хо-

дила за ним по всей церкви и по городу, а люди думали, что это сделано с помощью дьявола, и слава доктора как «великого заклинателем» росла.

Double, double, toil and trouble

Fire burn, and cauldron bubble.

Беда и сеть, расти, расти

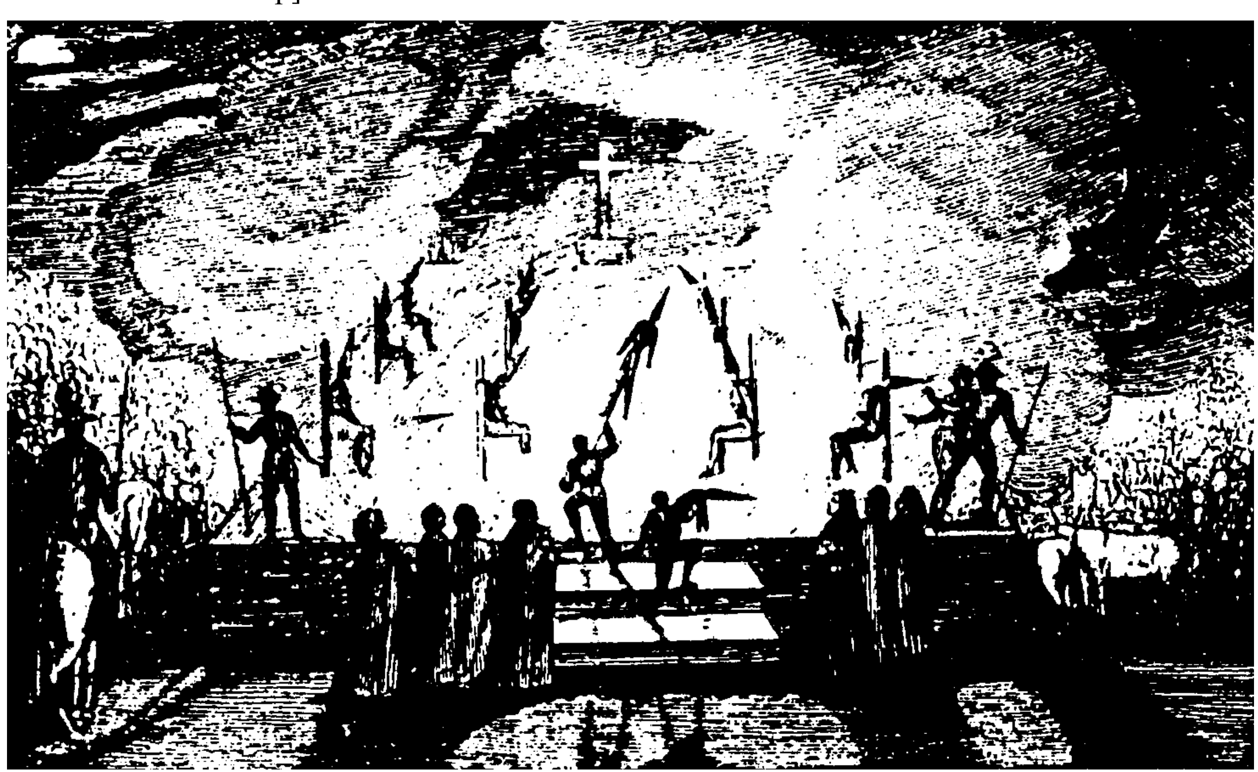
Огонь, гори! Котел, кипи!

Ведьмы за работой. Офорт Ганса Бальдунга Грюна.

Защита от зловредных заговоров и приносящих вред амулетов ведьм могла быть обеспечена встречными заговорами. Гваццо, например, предлагал чтение молитв и использование религиозных символов «для таких молитв, которые станут надежной защитой и оплотом против уловок Князя Тьмы». Мери Гортадо, страдавшая от полтергейста в Саймон-Фоллсе, Массачусетс, в 1638 г., получила облегчение, поместив в доме лавровые ветки. «И пока ветки оставались зелеными, все было спокойно». При экзорцизме постоянно использовались травы. Синистрари перечисляет множество составляющих для изгнания демонов, начиная с касторового боба до коралла, гагата и жасмина, менструальной крови. Он упоминает любопытный рецепт курений против инкубов, состоящий из лекарственных трав (большинство из них стимуляторы и афродизиаки!): «Сладкий ирис, семена индийского перца, корни аристолохии, большой и малый кардамон, имбирь, перечные стручки, гвоздика, корица, мускатный «цвет», мускатный орех, камедь, ладан, дерево и корень алоэ, ароматный сандал. Эти составляющие должны быть заварены в трех с половиной квартах бренди и воды». В 1597 г. Дженет Лейск из Шотландии добавила в этот список красную нитку и рябиновую щепку, привязываемую изнутри к одежде для защиты от околдовывания. В 1665 г. в Йорке была осуждена одна женщина за чары, которые она считала благочестивыми: она якобы освободила человека от одержимости дьяволом, возложив на него серебряное распятие. Генри Хэлиуэл, священник из Кембриджа, однако, использовал более простой способ для защиты от ведьм и дьяволов: «Душа способна подняться на такую высоту и сделаться настолько божественной, что ни колдовство, ни злые

демоны не смогут получить власть над телом». Ту же мысль, правда, более простым языком, высказал Перкинс, отметив, что самое верное и законное средство — «обет милосердия, данный на Евангелии и скрепленный святым причастием». Боден, католический демонолог, был согласен с ним в главном: милосердие — это лучшая защита, поскольку ведьма не может принести вреда милосердному, даже если он порочен в другом».

ЗЕЛЬЕ. По общему мнению, ведьмы совершают свои maleficia посредством договора с дьяволом или с помощью колдовских порошков, ядов и мазей. Еще с классических времен травы и экзотические составляющие использовались как яды и афродизиаки. Как заметил в 1678 г. известный юрист сэр Джордж Маккензи, «не только ведьмы, но и естествоиспытатели могут предложить снадобья, склоняющие мужчин и женщин к физическому влечению». Вера в магическую силу ведьминских отваров является составляющей частью скорее литературы и фольклора, чем колдовской ереси как таковой. Жители Лестера, обвинившие в 1717 г. старую женщину в краже банки с «бальзамом из розмарина и цветов календулы …с квартой эля», не слишком боялись, что их обвинят в договоре с дьяволом. В обвинениях иногда упоминаются дьявольские жидкости; так Агнесс Семпсон, одна из нортбервикских ведьм, призналась, что «взяла черную жабу, повесила ее вверх лапами на три дня и собирала капавший с нее яд в раковину устрицы». Гораздо чаще в обвинениях упоминалась одержимость или изготовление летательной мази, из которых прямо следовало основное обвинение в посещении шабаша. Составляющие этих притираний рассматриваются далее в посвященных им специальных статьях [Летательная мазь, Ядовитая мазь и Заговор].

Сожжение умерших еретиков и костей еретиков.

И

ИНКВИЗИЦИЯ. Если бы не И., — католический суд, выявлявший, обвинявший и каравший за религиозную неправоверность, — ни один человек не умер бы за колдовство. Все остальные суды над ведьмами, светские и духовные, протестантские и католические, основываются на ранних инквизиторских образцах, нашедших наиболее яркое воплощение в булле 1484 г. папы Иннокентия VIII.

Когда христианство стало государственной религией Римской империи, христиане тут же проявили не свойственную им ранее нетерпимость к другим учениям. К 430 г. до н.э. гражданский кодекс уже карал ересь смертью, хотя этот закон не слишком строго соблюдался, пока не вступили в силу более суровые законы последующих веков. В 1144 г. папа Люций II неуверенно и неконкретно высказался о необходимости должного наказания за ересь. Однако спустя всего 4 года папа Люций III уже создал первую епископскую И. и приказал епископам производить систематические расследования или inquisitio по поводу отклонений от официального учения церкви. Любой, «отмеченный одним только подозрением», должен был доказать свою невиновность или подвергнуться наказанию светскими властями. Все законодательные чиновники должны были сотрудничать с И., или же им грозило отлучение от церкви.

Ужасы инквизиции. Приписывается Самуэлю Кларку «Martyrology» (1651)

Вскоре оказалось, что эти местные И. не соответствуют поставленной задаче, и папа Иннокентий III назначал inquisitores прямо из Ватикана, с абсолютными полномочиями, превышающими права местных администраторов. Декрет, впоследствии вошедший в

качестве последней части в Корпус канонического права, появился в виде буллы от 25 марта 1199 г. судьям города Витербо:

> «Светские законы наказывают предателей конфискацией собственности и смертью, из милосердия они щадят их детей. Тем более мы должны отлучать от церкви и конфисковывать собственность тех, кто является предателями веры Иисуса Христа; ибо куда более великий грех — нанесение оскорбления божественному величию, чем величию суверена».

В декрете 1215 г. «Excommunicamus» [«Мы отлучаем»] Иннокентий III усилил свои более ранние требования, подчеркивая, что все светские власти должны публично поклясться «прилагать все усилия, которые в их власти, по искоренению на землях, вверенных в их подчинение, всех еретиков, отмеченных церковью».

Деятельность по укреплению нового трибунала была продолжена при папе Григории IX, который в 1233 г. заявил, что «inquisitores hereticae pravitatis» с этого времени и далее будут доминиканцы, назначаемые и подчиненные только папе. Инквизиторы не покидали область, пока ересь не была искоренена; их штаб-квартирами становились местные доминиканские (иногда францисканские) монастыри.

Ужасы инквизиции. Приписывается Самуэлю Кларку «Martyrology» (1651)

И. возникла около 1200 г. из-за того, что католическая церковь, стремительно утрачивавшая свою силу, твердость и моральную чистоту, постепенно теряла верующих в большей части цивилизованной Европы (в основном, в южной Франции и в богатых городах центральной Франции и Рейнланда). В конце XII в. Питер де Во писал, что «почти все бароны [Прованса] стали укрывателями и защитниками еретиков», и И. уже в 1204 г. вы-

ступила против альбигойцев этого района, составлявших большинство населения [см. Ересь].

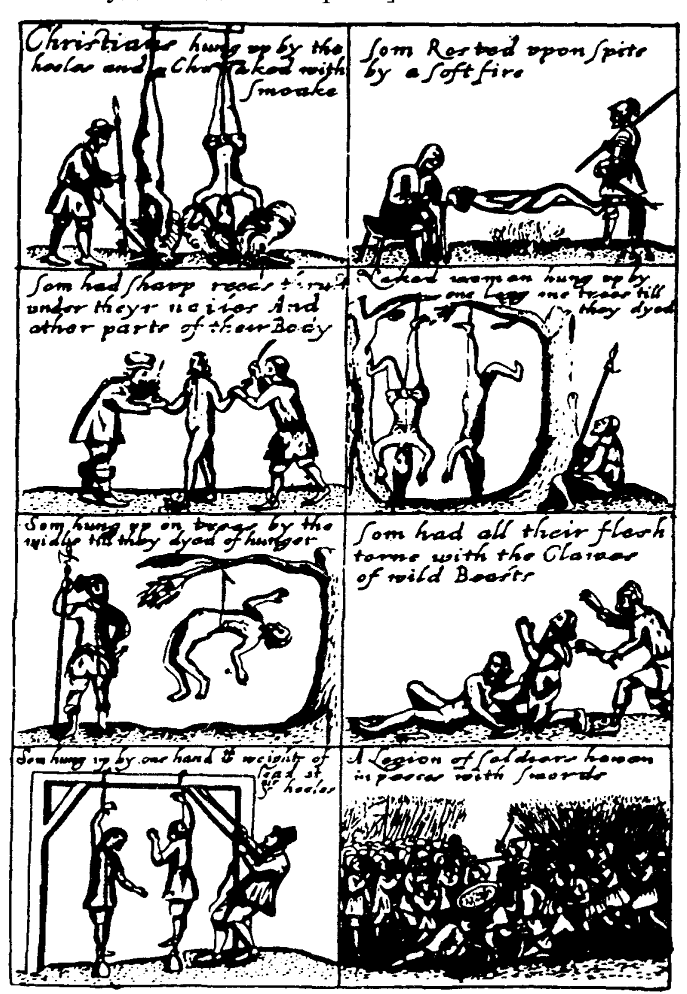
Процедура расследования И. ереси была повторена в более поздних судах над ведьмами, перешедшими в юрисдикцию И., когда она решилась объявить колдовство формой ереси. Постепенно сформировавшаяся методика И. может быть обобщена следующим образом:

1. Обвиняемый считался виновным пока он не доказывал свою невиновность. И. приняла этот принцип римского имперского закона, но там, где речь шла о делах веры, доказать чью-либо невиновность было практически невозможно [см. Показания на судах ведьм в Европе].

2. Подозрение, сплетни или оговор считались достаточными основаниями для обвинения и вызова на суд И. [см. Люксейльский суд над ведьмами 1529 г.]

3. Чтобы узаконить деятельность И., любое преступление, независимо от его характера, соединялось с ересью. Так, убийцы изувера-инквизитора Питера Мартира в 1252 г. были осуждены не за убийство, а за ересь (как противники И.).

4. Личность свидетелей не устанавливалась, а их обвинения часто не доводились до сведения подзащитного. В 1254 г. папа Иннокентий IV гарантировал анонимность обвинителей [см. Показания на судах ведьм в Европе].

Ужасы инквизиции. Приписывается Самуэлю Кларку «Martyrology» (1651)

5. Против еретиков допускались показания осужденных за лжесвидетельство, лишенных гражданских прав, малолетних детей и даже отлученных от церкви (включая осужденных за ересь), не рассматриваемые при других преступлениях. Если свидетель обвинения отрекался от своих показаний, он преследовался за лжесвидетельство, но его показания сохраняли силу. Однако, согласно инквизитору Николасу Эймерику (1360), если

отречение оказывалось не в пользу обвиняемого, судья мог принять повторные показания свидетеля.

6. Ни одному свидетелю не разрешалось давать показания в пользу обвиняемого, также не принималось во внимание ни одно свидетельство, характеризовавшее его как порядочного гражданина или христианина.

7. Обвиняемому запрещался защитник, поскольку адвокат мог оказаться виновным в защите ереси. (Изредка адвокаты все же допускались, особенно, когда инквизиторы заседали в епископских судах, и в XVII в. это право было восстановлено окончательно.)

8. Судьи были инквизиторами. Лишь иногда в inquisitio разрешалось заседать епископам или даже мирянам.

9. Судьи должны были вынуждать обвиняемых к признанию. Инквизитор Сильвестр Приериас в 1521 г. рассказал, как это происходило [см. Свидетель].

10. Хотя технически пытки разрешались только в крайнем случае, на самом деле они использовались постоянно и могли быть применены к любому свидетелю. Гражданские власти также применяли пытки, но И. расширила и систематизировала их использование. Как средство обнаружения ереси пытки были санкционированы папой Иннокентием IV в 1257 г. в булле «Ad extirpanda» и подтверждались последующими папами, пока не были запрещены папой Пием VII в 1816 г.

11. По закону пытка не могла быть повторена, но на самом деле она нередко «продолжалась», пока обвиняемый не признавался в том, что от него требовалось. Распространенным явлением было три круга (сессии) пыток. Около 1623 г. И. были введены в некотором роде более мягкие инструкции по ведению судов над ведьмами. «Instructio pro Formandis Processibus in Causis Strigum» была напечатана несколько раз, но подлинник встречается теперь редко. Хранящийся в БКУ экземпляр римского издания 1657 г., является, возможно, единственным сохранившимся. В нем говорится, как И. под давлением умеренных взглядов некоторых иезуитов и в равной степени под влиянием их оппонентов признала, что в течение двух предшествующих столетий ее судьи прибегали к пытке, предопределявшей смерть, без тщательного изучения свидетельских показаний. В предисловии утверждается:

> «Ежедневно на судах за колдовство инквизиторы совершают серьезнейшие ошибки, так что И. едва ли сможет найти хоть один суд, проведенный в соответствии с законом, где женщины не были бы осуждены на основании самых незначительных показаний и признаний, извлеченных противозаконными способами, вследствие чего И. вынуждена наказывать своих судей за применение исключительных пыток. В дальнейшем все инквизиторы должны более строго придерживаться закона».

Защитники И. иногда ссылаются на эти поздние инструкции, согласно которым обвиняемый ежедневно должен был получать копию протокола заседания и иметь возможность нанять адвоката (который оплачивался судом, если обвиняемые оказывались малоимущими). Однако, даже эти «мягкие» инструкции разрешали применение пыток.

12. Вынужденный признаться под пыткой обвиняемый должен был повторить свое признание «добровольно и непринужденно, без давления или страха», имея в виду комнату пыток. Так полагалось, и в судебных отчетах утверждалось, что он признал свою вину без пытки [см. Шпее, Фридрих фон].

13. Каждый обвиняемый должен был назвать или выдумать имена сообщников или тех, кого он подозревал в ереси.

14. Обычно ни одна апелляция не рассматривалась.

15. Собственность обвиняемого конфисковывалась И. Все папы приветствовали эту практику как одно из сильнейших средств в борьбе против ереси. Иннокентий IV говорил, что она висела как дамоклов меч над головами еретиков и князей. Поскольку конфискация была обычным делом, она редко упоминалась специально, за исключением приговоров об отлучении от церкви умерших (Танон).

Вследствие этого, как показывают все отчеты и признают даже сами инквизиторы, для обвиненного шансы избежать смерти практически равнялись нулю. «Ни разу не случилось, чтобы кого-нибудь оправдали полностью и без затруднений», — замечает Генри Чарльз Ли, и поныне являющийся крупнейшим исследователем И. Альтернативой обвинительному приговору был вердикт «не доказано». Вначале, вместо сожжения, И. наказывала осужденного еретика общественным презрением, предвосхищая остракизм евреев нацистами. В «Руководстве для инквизиторов» известного Бернарда Гидониса (1261–1331), лично осудившего 930 еретиков, описывается его методика:

> «В качестве наказания вам предписывается ношение двух крестов из желтого фетра, одного спереди и другого сзади, на каждом виде одежды, за исключением рубашки. Вы никогда не должны выходить за порог без крестов на видном месте, одна сторона которых должна быть двадцати дюймов в длину и другая — шестнадцати дюймов, и каждая сторона креста должна быть двенадцати дюймов шириной. Если они оторвутся или истреплются, вы должны починить их».

Но когда пытку было разрешено продолжать до признания жертвы, меньшие наказания уступали место основному наказанию в виде сожжения у столба. И в XVII в., когда И., проложившая дорогу для гражданских и епископских судов, уже почти не преследовала ведьм, Луис Парамо в 1598 г. подсчитал, что И. сожгла 30 000 ведьм в течение 150 лет [см. Казни].

Хотя И. содержала и снабжала персоналом собственные тюрьмы и комнаты пыток (иногда сдававшиеся в аренду) и приговаривала к пожизненному заключению, она редко выносила приговор или осуществляла казнь тех, кого осуждала. Благодаря законоустановлениям, введенным в практику в 1231 г., она «передавала» осужденных еретиков соответствующим гражданским властям (для казни), демонстрируя свое величайшее милосердие: «Мы настойчиво просим светский суд смягчить ему приговор, чтобы можно было избежать кровопролития и опасности для жизни». Однако, если светские судьи действительно проявляли милосердие, они обвинялись в потворстве еретикам. Когда сенат Венеции в 1521 г. отказался санкционировать инквизиторские казни в Брешии, папа Лев X обнародовал буллу, проклинающую их «властью церкви и другими соответствующими законодательными мерами».

Независимо от того, были обвиняемые казнены или нет, их собственность конфисковывалась И. Понимая потенциальные возможности этого закона, светские власти не чинили препятствий. Указание предполагаемых сообщников обеспечивало постоянный приток дальнейших жертв, чья собственность в свое время должным образом конфисковывалась. Подобным образом формировалась скрытая материальная заинтересованность у тех, чьими основными обязанностями и умениями были искоренение личностей, имевших (справедливо или нет) репутацию инакомыслящих, не признающих современных взглядов церкви на отдельные вещи. Иногда добыча делилась между епископом и светским правителем; иногда все захватывал местный инквизитор, даже не всегда посылая долю чиновникам инквизиции в Рим. Конфискация была столь повальной, что немногим более чем за столетие И. истощила основные источники доходов, и инквизитор Эймерик жаловался в 1360 г.: «В наши дни больше нет богатых еретиков, поэтому князья, не предвидя в будущем большого количества денег, не позволяют вводить себя ни в какие расходы; достойно сожаления, что такое полезное учреждение, как наше, должно быть так не уверено в своем будущем».

Рвение И. и сотрудничавших с ней правительств в поиске еретиков было пропорционально богатству конфискуемого имущества. «На севере Франции, — говорится в «Encyclopaedia Britannica» (11 изд.), — действия инквизиции часто прерывались, поскольку там было меньше еретиков, чем на юге, а чем они были беднее, тем меньше было желания преследовать их».

Взятка стала распространенным явлением, и за деньги иногда можно было откупиться от пытки и смерти. Корнелиус Агриппа, известный врач, в «De Incertiludine et Vanitate Scientiarum» (1531) рассказывает о коррумпированности И. в Милане:

> «Здесь никого не удивляет, если инквизиторы заменяют физическое наказание денежным штрафом, ибо подобное действие приносит им значительный доход. Некоторые несчастные платят ежегодную дань; если они прекращают платить, то тотчас снова предстают перед И. Более того, когда собственность еретиков конфискуется в общественную казну, инквизитор получает от нее хороший процент. Наконец, единичное обвинение, подозрение в ереси или чародействе, или упоминание И. влекут за собой дурную славу, от которой можно было освободиться, только дав инквизитору много серебра. В то время, как я был в Италии [ок. 1511–1518] большинство инквизиторов герцогства Милан штрафовало подобным образом многих благородных дам, равно как и бедных, но честных женщин, запуганных до смерти, и получало огромные суммы денег».

Не удивительно, что Агриппа имел постоянные неприятности от И., которая считала его колдуном.

Знамя инквизиции

В «Histoire de l'Inquisition» (1909) католика де Козона утверждается, что И. «изобрела такое преступление как колдовство и основывалась на пытке как средстве его доказательства». Подобный процесс действительно имел место. Первым появился запрос 1257 г. с просьбой расширить толкование понятия ереси и включить в него чародейство. Он был отклонен папой Александром VI, хотя чародейство отчетливо пахло ересью, что было несомненно, ибо в него почти всегда вовлекался дьявол. Но папа посчитал, что простое чародейство входит в компетенцию светских судов, и И. должна позволить им судить колдунов. В течение десятилетия, начиная с 1320 г., благодаря авторитету папы

Иоанна XXII, И. Каркасона была уполномочена расследовать магию, колдовство и особенно поклонение демонам. Но в 1333 г. были восстановлены прежние законы о подозреваемых в ереси. Однако по всей южной Франции, и особенно в Каркасоне и Тулузе, И. активно преследовала ведьм как еретиков, причем не только в 1326 и 1330 гг. в Тулузе и Нарбонне, но постоянно и повсюду. В 1451 г. папа Николай V разрешил И. преследовать чародейство, даже не связанное с ересью. Это расширение взглядов было подтверждено в 1505 г. папой Сикстом V в булле «Coeli et terrae creator», где осуждались астрология, гадание, заклинания, содержание демонов и все формы магии, причем даже те, которые ранее не были запрещены. На протяжении всего XV и начала XVI вв. папы подтверждали авторитет И. в вопросах колдовства. Александр VI в 1501 г. благословил преследования в Ломбардии, Юлий II (1523) разрешил инквизиторам в Комо действовать без сотрудничества с местными епископами.

Основополагающий вопрос о том, когда колдовство превращалось в ересь, был рассмотрен инквизитором Цезарем Кареной в «Tractatus de Officio Sanctissimae Inquisitionis» (1636). Он пришел к выводу, что чародейство становилось еретическим, когда:

> «Использовались любые священные реликвии, такие как святая вода, освященное масло или применялись христианские молитвы.
>
> Если просили у дьявола сделать нечто, превышающее власть, данную ему Господом (например, оживлять мертвых).
>
> Если дьяволу воздавались те же почести, что и Господу.
>
> Если все это делалось чародеем, заключившим договор с дьяволом».

Однако, И. также могла наказать и нееретическое чародейство, продолжает Карена, такое как простое излечение с добрыми намерениями, или использование христианских молитв в суеверных целях (например, чтобы избежать заболеваний). Во всех обвинениях инквизитор был единственным судьей, определявшим ересь. Некоторые инквизиторы, такие как Люпо да Бергамо, советовали, чтобы случаи неерeтического чародейства рассматривались епископскими судами.

Светские суды не преследовали колдовство. Первые робкие попытки преследований были сделаны в Париже в 1390 г. [см. Парижские суды над ведьмами]. В том же году Парижский университет санкционировал проведение подобных судов светскими властями и в 1398 г. объявил все магические действия, не поддающиеся разумному объяснению, как обусловленные фактически заключенным договором с дьяволом. История колдовства — это история о том, как светские и духовные суды постепенно продолжили дело, начатое И. Кроме процессов над священниками и духовенством, И. (за исключением Испании) после 1500 г. очень редко занималась делами колдунов. Колдовская истерия развивалась спорадически, так что в то время, как в южной Франции И. столетиями пытала ведьм без официальных протестов, процесс 1459 г. в Аррасе, на севере Франции, вызвал значительную оппозицию и был осужден несколькими епископами и парламентом Парижа.

Хотя учреждение и управление судебными преследованиями за колдовство в большинстве случаев переходили в руки светских властей, технические приемы — пытки для обеспечения признания вины и конфискация собственности виновного — были настолько усовершенствованы И., что приводились в действие без вынесения основного обвинения. Городские советы и епископские суды не внесли в них никаких изменений. Примечательно, что их использовали и протестантские трибуналы в различных государствах, составлявших Священную Римскую (т.е. немецкую) империю. Так, например, в Саксонии в 1572 г. и в Палатинате в 1582 г. в основном применялись инквизиторские методы проведения судов над ведьмами.

Преследование светскими судами исконно религиозных преступлений стимулировалось перспективой получения дополнительного источника доходов для светских властей, перенявших инквизиторские методы конфискации собственности осужденных. Так,

например, во Франции назначался специальный королевский чиновник [procureur des encours], следивший за тем, чтобы поместья еретиков входили в земли, принадлежавшие короне, а их движимое имущество и деньги отправлялись в королевскую казну. Следует заметить, что там, где не разрешалась конфискация собственности (как, например, в немецком графстве Юлиерсберг), ведьм практически никогда не судили.

Даже после распространения руководств по ведению судов над ведьмами в XVII в. было выпущено в свет множество инквизиторских трудов, более внимательных к юридическим вопросам, но гораздо более обскурантистских, чем прежние. Среди подобных сочинений, представляющих интерес лишь для специалистов, отметим следующие:

> Игнациус Люпо да Бергамо «Nova Lux in Edictum. Sanctissimae Inquisitionis ad Praxim Sacramenti Penitentiae» (1633).
>
> Цезарь Карена «Tractatus de Officio Sanctissimae Inquisitionis et Modo Procedendi in Causis Fidei» (1636).
>
> Джованни Альберини «Manuale Qualificatorum Sanctae Inquisitionis» (1642).
>
> Франциск Бордонус «Sacrum Tribunal Judicum in Causis Sanctae Fidei» (1648) и «Manuale Consultorum in Causis Sanctae Officii» (опубл. поем., 1693).
>
> Себастьян Салельский «De Materiis Tribunalium Sanctae Inquisitionis» (1651).
>
> Тома Дельбен «De Officio Sanctae Inquisitionis Circa Haeresim» (1666).

Бордонус перечисляет признаки колдовства, большинство из которых являлись достаточным основанием для применения пытки: книги с заклинаниями, клейма, выжженные И. на теле подозреваемого за предыдущее преступление, горшок с человеческими останками или священными предметами, сообщения о беседах с невидимым дьяволом, предложения обучать чародейству, неожиданная смерть после встречи с предполагаемой ведьмой, вызывание дьявола, расчленение трупов на виселицах, безобразная или деформированная внешность, происхождение от ведьмы, угрозы, после которых случилось несчастье и собирание ядовитых трав («Sacrum Tribunal»). Подобные сочинения продолжали печататься на протяжении XVII в., и поэтому И. должна принять на себя ответственность не только за первоначальное формирование концепции колдовства, но и за ее утверждение.

> «Вера должна быть внедрена путем убеждения, а не навязана этим людям. Однако было бы гораздо лучше, чтобы они были принуждены мечом того [магистрата], который носит свой меч не напрасно, нежели позволить им вовлечь многих других в свое заблуждение».
>
> *Бернар из Клерво (1091–1153).*

Место И. в истории Европы определил католический историк лорд Актон:

> «Основным принципом инквизиции является сеяние смерти… [Либерализм] смел это ужасающее здание нетерпимости, тирании, жестокости, воздвигнутое поклоняющимися Христу, чтобы сохранить собственную веру. Многое можно извлечь из деятельности церкви в защиту брака, права на погребение, упразднения рабства, прекращения войн и помощи бедным. Но ничего нельзя извлечь из ее злодеяний по отношению к неверующим, еретикам, дикарям и ведьмам. Здесь полная ответственность лежит на инквизиции; ее инициатива и достижения были самыми полными» («Letters to Mary Gladstone»).

Основные статьи о развитии И. теории колдовской ереси см. ниже: Свидетельские показания на судах ведьм в Европе (Англии); Ересь; Суды; Пытка и Колдовство. Папские буллы, подтверждающие и узаконивающие позиции И. рассматриваются в ст. Иоанн XXII. О ранних инквизиторах, развивших теорию колдовства, см. Первые исследователи кол-

довства; Жакье, Никола (1458); Висконти, Джироламо (1460); «Молот ведьм» («Malleus maleficarum») (1486); Сирвело, Педро (1521); Спина, Бартоломео (1523). О формах вынесения приговора ведьме см. Приговор. Наиболее распространенные инквизиторские суды: аррасский суд над ведьмами [Аррасские ведьмы] и люксейльский суд над ведьмами; смешанные суды — см. Жанна д'Арк (1431) и Ре, Жиль де. Об испанской И., организации, действовавшей независимо от папской И. и произведшей умеренное влияние на колдовскую истерию, см. Испания, колдовство в; Фриас, Алонсо Салазар де.

ИНКУБ. Многие отцы церкви считали, что И. является ангелом, павшим из-за страсти к женщине. По существу И. — это распутный демон или гоблин, ищущий сексуальных связей с женщинами. Его называют также follet (франц.), alp (нем.), duende (исп.) и folletto (ит.). Соответствующий ему дьявол, появляющийся перед мужчинами, называется суккуб. И. или суккуб, находящиеся в союзе с определенной ведьмой или чародеем, известны под названием magistellus или «личный дух». Поскольку ночной кошмар сексуален по своему внутреннему содержанию, И. часто отождествляется с марой — демоном дурных снов, отсюда и латинское название ночного кошмара — incubo («лежать навзничь», ср. с соврем, англ, incubator). В «Описании Уэльса» в «Chronicle» Какстона приводится одно из ранних английских определений И.:

«Тот негодяй, что тайно по ночам
По женщинам летает с целью блуда,
Инкубом назван.
Тот, с кем блуд творят мужчины — истинный суккуб».

Образованный Гваццо, подробно обсуждая в «Compendium Maleficarum» (1608) некоторые теоретические тонкости, пишет: «[Инкуб] может принимать и мужское, и женское обличье, иногда он появляется как мужчина в самом расцвете сил, иногда как сатир; перед женщиной, которая известна как ведьма, он обычно принимает образ похотливого козла».

Хотя сама склонность И. к распутству не подвергалась сомнению, в средние века имели место некоторые дискуссии по поводу телесного проявления этих дьяволов, пришедших в христианство из еврейского фольклора и классической мифологии. Развитие однозначной теории, возможно, задержалось из-за нерешительности Августина, отметившего лишь тот факт, что существование этих демонов «подтверждено такими людьми [безупречной честности и репутации] и такими неопровержимыми свидетельствами, что было бы опрометчиво отрицать его». Однако Августин верил, что дьяволы часто повреждают женщин, испытывая к ним влечение и вступая с ними в плотскую связь». Один из поздних демонологов, Синистрари (умер в 1701 г.) объяснял, как дух может приобрести телесную оболочку:

> «Если мы попытаемся узнать у специалистов, как это возможно, чтобы дьявол, у которого нет тела, мог совершать действительное соитие с мужчиной или женщиной, они единодушно скажут, что дьявол вселяется в тело того или иного человеческого существа (мужского или женского пола, в зависимости от обстоятельств) или сам изготавливает себе тело, смешивая разные материалы, наделяет его движением и посредством этого совершает половые действия с человеческим существом».

Только к XIII в. великие учителя церкви признали существование И. Фома Аквинский (1225–1274) писал:

> «Однако, если иногда после сношений с демонами рождаются дети, то это не благодаря тому, что семя выпускается ими из тел, которые они приняли, но через семя, взятое для этой цели у мужчины, когда тот же самый демон, который вел себя как суккуб для мужчины, становился инкубом для женщины («Summa Theologica»).

Предполагалось, что отцом Мерлина был дьявол. Изображение дьявола, совокупляющегося с женщиной в кровати. По рукописи XIV в. ПНБ.

Повсюду в «De Trinitate» заявляется:

> «Дьяволы действительно собирают человеческое семя, посредством которого они способны производить телесные воздействия; но это не может быть сделано без некоего местного передвижения, чтобы дьяволы могли перенести семя, которое они собрали и ввести его в тела других людей».

Цезариус из Гейстербаха верил, что дьяволы собирают человеческое семя, выпускаемое во время ночных извержений или мастурбаций и используют его, чтобы создавать для себя новые тела. Бонавентура писал об этом же:

> «Дьяволы в облике женщин [суккубы] отдаются мужчинам и получают их семя; с помощью искусного мастерства демоны сохраняют его потенцию, и после этого, с соизволения Господа, они становятся инкубами и изливают его в женское влагалище».

Демону-И. приходилось претерпевать боль, чтобы получить семя лучшего качества. Синистрари обобщает исследования двух авторов конца XVI в., доминиканца Томаса Малвенды и д-ра Франциска Валезиуса (не присоединяясь к ним):

> «То, что инкуб вводит в чрево, является не просто человеческим семенем нормального объема, но обильным, очень густым, очень теплым, полным жизненной силы и свободным от сыворотки. Более того, это для них легко, поскольку они выбирают для себя страстных, грубых мужчин, чье семя по своей природе очень подвижно; и суккуб имеет с ним сношение, а затем инкуб совокупляется с женщинами похожего телосложения, заботясь о том, чтобы они оба получили большее удовольствие, чем от нормального оргазма, поскольку, чем большим является половое возбуждение, тем обильнее [выделяется] семя».

Изобретательность поздних демонологов, опровергавших положения канона «Episcopi» о том, что колдовские действия — иллюзия или галлюцинация, была предвосхищена хитроумием христианских теоретиков, вытеснявших разумные взгляды на природу эротических сновидений и насаждавших взамен свою теорию о любовниках И. Теоретики победили, и рациональные мнения по этому вопросу (высказывавшиеся еще Жерве из Тильбюри в 1214 г.) не были слышны, пока не прошли столетия колдовской истерии. Только тогда, во времена Людовика XV, его личный врач де Сент Андре снова смог вы-

двинуть предположение, что И. был частично результатом перевозбужденного сознания и частично следствием запрета на половые сношения:

> «Чаще всего инкуб является химерой, в основе которой лежит не более чем сновидение, извращенное воображение, причем чаще всего это воображение женщины. …Не последнюю роль в истории инкубов играют различные хитрости. Чтобы скрыть свой грех, женщина или девушка, только на словах являющаяся монахиней, — развратница, притворяющаяся добродетельной, часто выдает своего любовника за инкуба, который совратил ее» («Lettres au sujet de la magie, des malefices et des sorciers», 1725).

Подобный комментарий был весьма далек от взглядов «Malleus Maleficarum», где рассказывается, например, как монахиня спала с И., появлявшимся перед ней в облике некоего епископа Сильвануса, «в похоти своей лживо заявлявшего, что он и есть епископ». Монастырь поверил объяснению епископа, что некий И. принял его облик. Скотт, повторяя эту легенду в «Discovery of Witchcraft» (1584), — книге, опередившей свое время, — сатирически комментирует ее: «Какой великолепный пример колдовства — или мошенничества, содеянного Сильванусом!»

Клейн (1698) ссылается на пример из истории: судебный процесс, предметом которого была уже не мужская, а женская честь. Дворянин Жером Огюст де Монлеон отсутствовал дома в течение 4 лет. Вскоре после его смерти, примерно в 1636 г., жена родила ребенка, которого, как она заявила, она зачала от своего мужа, якобы явившегося к ней во сне. Низший суд решил, что сын не является законным наследником, но парламент Гренобля, по совету врачей и повивальных бабок, заявивших, что подобные происшествия возможны, хотя и редко случаются, отменил это решение. Правда, при дальнейшем расследовании факультет Сорбонны в Париже решил, что суд в Гренобле просто вступился за честь дамы.

Демонологи той эпохи в большинстве своем вторили друг другу, разрабатывая новые аспекты своей доктрины, и, как писал Монтегю Соммерс, «дружной фалангой выступали» за то, что И. действительно существуют.

Делъ Рио в «Disquisitionum Magicarum» (1599) писал:

> «Поскольку многие считают его существование аксиомой, не требующей доказательств, то опровергать его есть признак упрямства и глупости; ибо вера в него является также общим мнением отцов церкви, теологов и философов, правдивость которых признается во все времена и всеми народами».

Бинсфельд в «De Confessione Maleficarum» (1589) писал:

> «Это является бесспорной истиной, которая не только доказывается со всей очевидностью практически, но также подтверждается исторически, что бы ни предполагали отдельные доктора и законоведы».

Особенно были подвержены нападениям развратных демонов монахини. Уже в 1467 г. де Спина рассказывает, как в течение ночи монахинь могли посещать И., и, пробудившись утром, они «находили себя оскверненными, как будто соединялись с мужчиной» [«si cum viris miscerentur»]. Согласно Тома из Кантимпре, И. особенно любит искушать в исповедальне. Синистрари рассказывает о монахине, которая заперлась в келье после обеда. Любопытная сестра стала следить за ней и «вскоре услышала, как будто два голоса беседовали шепотом (который она легко различала, поскольку две кельи были разделены только легкой перегородкой), затем некий шум [une sonorete vaginal], скрип кровати, стоны и вздохи, как будто два любовника испытывали оргазм». Расследование, проведенное аббатиссой, не выявило никого в келье. Но любопытная сестра проделала дырочку в перегородке «и смогла увидеть миловидного юношу, лежащего с монахиней, после чего сочла нужным, чтобы и другие монахини насладились этим зрелищем». Под угрозой пыток мо-

нахиня призналась, что в течение длительного времени имела «неприличные интимные сношения с И.».

В раннем христианстве нередко встречаются истории о нападениях И. на святых женщин. Так, святая Маргарита из Кортоны осаждалась так же, как и святой Антоний и святой Илларий [см. Суккуб]: «Преследуя ее в келье, когда она плакала и молилась, дьявол пел самые грязные песни и неприлично настраивал Христову невесту, плачущую и славящую Господа, петь вместе с ним… но молитвами и слезами она отвергла его и выгнала искусителя».

Приведем еще две истории, связанные с И.

Одна описана в «Sancti Bernardi Vita Secunda» («Житии св. Бернара»). Когда святой Бернар посетил Нант в 1135 г., к нему обратилась за помощью обезумевшая женщина. Случилось так, что в течение 6 лет она наслаждалась сношениями с И.; на седьмой год муж обнаружил ее неверность и оставил ее. Дьявол же требовал внимания к себе. Бернар посоветовал ей взять с собой в постель его посох. Той ночью дьявол не смог даже близко подойти к ней и в гневе пригрозил жестоко наказать ее после отъезда Бернара. Но Бернар собрал всю конгрегацию и торжественно предал И. анафеме, чтобы он никогда не досаждал ни этой, ни другим женщинам. Когда собравшиеся погасили зажженные свечи, которые они держали в руках, таким же образом была погашена сила И. В «Житии» не сообщается, вернулся ли муж к своей жене. Ее измена, впрочем, могла бы и не обнаружиться, если бы она, подобно тем женщинам, которых допрашивал инквизитор Сильвестр Приериас, спала на левой стороне кровати и никогда не будила мужа, забавляясь с И. Сношения с И. оправдывали как аннулирование брака [развод], так и сожжение обвиняемой. Однако Потт упоминает редкий случай, когда суд, состоявшийся в Майнингене в 1613 г., не приговорил женщину к сожжению и разрешил ее мужу вступить в новый брак [см. Иудейское колдовство].

Голова злого демона, видимо, инкуба, из «The Magus» (1801) Фрэнсиса Баррета.
Из библиотеки Герритта Ленсинга, Нью-Йорк.

Другая история приводится цистерцианским приором Цезариусом Гейстербахским (который пересказал легенду о святом Бернаре) в своем «Dialogus» (около 1230 г.). Цезариус ручался за достоверность этой истории, очевидцами которой были его аббат и его приятель-монах по имени Жерар.

У священника в Бонне была очень хорошенькая дочь. Чтобы уберечь ее от чрезвычайно пылких вожделений молодых каноников, в свое отсутствие он держал ее взаперти в верхнем этаже дома. Но дьявол в облике человека без труда преодолевал препятствия и развлекался с ней. Наконец девушка раскаялась и призналась своему отцу, который отправил ее на другой берег Рейна. Тогда дьявол появился перед ее отцом, выговаривая:

«Проклятый священник, зачем ты отобрал у меня мою жену? Ты сделал это во вред себе». Затем он так ударил священника в грудь, что тот умер на третий день.

Отношение И. к человеку, если верить рассказу Цезариуса, содержало в себе некий элемент заинтересованности; но общепринятым все же было мнение Фомы Аквинского, что дьяволы вступают в подобные сношения только для того, чтобы унизить человека и показать свою ненависть к Господу («Summa Theologica»). В ранних апокрифических «Деяниях апостола Фомы» приводится рассказ, сходный с историей св. Бернара: когда Фома убеждал демона уйти, тот возражал, что ему придется искать другую женщину или, когда апостол уйдет, снова вернуться к своей первой даме (которой он обладал каждую ночь в течение 5 лет!). Были и другие свидетельства о том, что демоны должны чувствовать определенное физическое удовольствие от обладания женщиной, и что их особенно влечет к женщинам с красивыми волосами (ср. 1 Кор 11, 10, вместо «ангел» подразумевая «И.»). Однако Гильом Овернский весьма остроумно заметил, что не только похоть заставляет демонов искать женщин: ведь они могли бы гораздо лучше удовлетворять свои желания среди себе подобных. Приериас в «De Strigimagis» (1521) развивает предположение Гильома, приписывая демонам оригинальное извращение: «Очевидно, что демоны strigimagae, повсеместно практикуя всяческие непристойности, добавляют в них еще больше нечестивостей, скажем, таких, как использование раздвоенного пениса [membra genitali bifurcato], чтобы одновременно развратничать двумя органами».

Андраш, великий маркиз преисподней.
Из «Dictionnaire Infernal» К. де Планси (1863).

Церковь была озабочена тем, чтобы определить отношение к женщине в зависимости от степени ее греха. «Malleus Maleficarum» (1486) дает три градации: 1) те, кто подчиняется добровольно, такие как ведьмы; 2) те, кого ведьмы вовлекают спать с И. против их воли; 3) те, кого И. изнасиловал. Священники иногда замечали, что девушки вовсе не стремились избавиться от одержимости, даже когда они искали заступничества у Господа:

> «В 1643 г. вышестоящее церковное начальство приказало мне провести экзорцизм у молодой девушки двадцати лет, которую преследовал И. Она призналась без огово-

рок во всем, что этот проклятый дьявол делал с ней. Но после того, как она все рассказала мне, я пришел к выводу, что она все же косвенно поощряла дьявола, хотя и не желала в этом признаться. Действительно, сильное возбуждение в половых органах всегда возвещало ей о его приближении; но, вместо того, чтобы предаться молитве, она бежала прямо в свою комнату и бросалась на кровать. Я попытался пробудить в ней чувство веры в Господа, но не преуспел, и казалось, что одержимость дьяволом доставляет ей удовлетворение» (Делacc, «Les Incubes», 1897).

Молодая вдова из Ростока (1698) каждые несколько лет имела нового демона-любовника. Она вызывала своего И., когда хотела, словами: «Komm Raster und Knaster mie».

Когда инквизиторские суды над ведьмами пошли полным ходом, каждую ведьму уже заведомо подозревали в сношениях с И., и всех подозреваемых женщин пытали до тех пор, пока они не признавались в этом преступлении. На этой стадии появились наиболее фантастические и дикие рассказы, и демонологические труды наполнились И. [см. Сексуальные сношения с дьяволом].

Из-за того, что И. был весьма специфическим существом, сексуальные сношения с ним считались мужеложством или скотоложством, т.е. грехом гораздо более тяжким, чем внебрачная связь или адюльтер (впрочем, Синистрари высказывал иное мнение). Наряду со многими юристами XVII в., Альфонс Лигуори в «Theologia Moralitis» дает следующее объяснение: «Грех с суккубом или инкубом называется скотоложством. К данному греху также добавляются намеренное оскорбление религии, содомия, адюльтер и кровосмешение». Для укрепления подобной теории широко распространялись многочисленные описания чудовищ, полулюдей, полуживотных, рожденных от этих союзов.

Некоторые из приведенных выше описаний показывают, что церковь была способна бороться с И., например, силой анафемы или молитвы. Но Синистрари считал, что И. и суккуб «не подчиняются экзорцистам, не боятся экзорцизма, не проявляют никакого уважения к святым дарам, при появлении которых они не испытывают благоговейного страха… Иногда они даже смеются над экзорцизмом, сами нападают на экзорцистов и разрывают святые одежды». Синистрари приводит из своей практики историю о том, как настойчивый И. ухаживал за красивой и благочестивой матроной из Падуи, искушая ее любовными словами и страстными поцелуями, такими легкими и нежными, «что ей казалось, будто ее гладят легчайшими опахалами». Даже после экзорцизма и благословения ее дома демон-любовник продолжал оказывать ей знаки внимания и в раздражении обратился к полтергейсту. Он собрал черепицу с кровли и построил стену вокруг кровати, такую высокую, что «супруги не могли покинуть кровать без помощи лестницы». Некоторые из поздних демонологов придерживались мнения, что только дьяволы низшего разряда становились И. Подобное убеждение могло проистекать из теории о том, что менее разумные и менее чувствительные демоны якобы нечувствительны к экзорцизму; или же здесь могла возникнуть частичная связь с полтергейстами, которые тоже почти не уважали христианских обрядов. Монтегю Соммерс предположил, что «барабанщик» из Тедворта, эпвортский полтергейст и другие подобные существа могут быть И., «очень надоедливыми и беспокойными духами».

Верования в И., мару, волкодлака и вампира имеют много общего, поскольку в основе каждого из них в равной степени лежит подавленное желание сексуального удовлетворения [см. Кошмар]. Последствия такого подавленного желания колебались от простой субституции в сновидении с И. до полной трансформации в ночном кошмаре и патологических садистских реакций при мнимом превращении в волкодлака. Но, поскольку концепция демона-любовника оказалась наиболее привлекательной для всех, И. прочно занял первое место в работах демонологов.

ИННОКЕНТИЙ VIII, **Джованни Батиста Цибо (1432–1492), папа (1484–1492).** Родился в Генуе, начал службу у кардинала, к 35 годам стал епископом, в 41 — кардина-

лом. В августе 1484 г. был избран папой и правил до своей смерти. В последние месяцы поддерживал себя сосанием молока из женской груди. Его попытка омоложения с помощью переливания крови закончилась смертью 3 мальчиков. Католические хронисты того времени (например, Бурхард) ничего не говорят о его характере, но отмечают, что он содержал любовницу, от которой у него было 2 детей. Сына он женил на девушке из семейства Медичи, а дочь выдал за папского казначея. Таков был человек который через несколько месяцев после избрания на папский престол основал инквизицию против ведьм.

И. опубликовал один из основополагающих документов в истории колдовства, буллу от 5 декабря 1484 г. — «Summis desiderantes affectibus» [«С наибольшим рвением»]. «Она заставила европейских юристов почти три столетия сражаться с дьяволом и спасать человечество из его когтей… она послужила основанием для безжалостных преследований» (Хансен).

Иннокентий VIII, Джованни Батиста Цибо (1432–1492), папа (1484–1492).

Спустя несколько веков после канона «Episcopi» 906 г. до н.э., папы начали распространять веру в колдовство. Одна из первых булл была послана в 1233 г. папой Григорием IX доминиканцу Конраду Марбургскому, и следствием этого (по мнению Монтегю Саммерса) явилось введение инквизиции в Германии. Две буллы папы Александра IV от 1258 и 1260 гг. содержали предупреждение как францисканским, так и доминиканским инквизиторам, чтобы они отличали простое колдовство от еретического. В течение XIV и XV вв. почти каждый папа издавал буллы против чародейства, большинство из них направлено против определенных лиц или групп, например: Иоанн XXII (1316–1334); Бенедикт XII (1334–1342); Григорий XI (1370–1342); Александр V (1409–1410); Мартин V (1417–1431); Евгений IV (1431–1447) — четыре буллы; Николай V (1447–1455); Каликст III (1455–1458) и Пий II (1458–1464). Только одна из этих булл — Евгения IV от 1437 г., адресованная всем инквизиторам, отражающая растущую веру в различные аспекты maleficia, не упоминает о перемещениях, инкубе или шабаше (впервые упомянутых в булле 1500 г., Александром VI).

Сикст IV, опровергая кармелитов в трех буллах 1473, 1478 и 1483 гг., впервые приравнял чародейство и черную магию к ереси, тем самым облегчив задачу охотников за ведьмами.

Булла И., последовавшая за длинной чередой папских посланий, осуждающих ведьм, имела большее значение благодаря быстрому распространению ее посредством печати. Сэр Вальтер Скотт назвал ее «Набатом против страшного преступления».

Данная булла была перепечатана в качестве предисловия к «Malleus Maleficarum» [«Молоту ведьм»], творению двух инквизиторов, назначенных И. в Германию. Поскольку эта книга переиздавалась каждые несколько лет, булла И. имела хождение, несравнимое с прежними буллами. Более того, их распространение ограничивалось определенными местностями, эта же булла проникла во многие провинции.

В этом отношении «Summis desiderantes affectibus» явилась вехой, отметившей окончательное опровержение канона «Episcopi». Эта булла вошла в Корпус канонического права, став единым законом для инквизиторов.

В своей булле папа жалуется, что деятельность двух доминиканских инквизиторов, Генриха Инститориса и Якова Шпренгера, не пользуется поддержкой, потому что к его великому удивлению — ни духовенство, ни миряне не знают о распространенности и преступности колдовства в Германии; отныне же каждый должен будет содействовать их расследованиям, иначе «на него падет гнев всемогущего Господа».

Булла Иннокентия VIII

«Всеми силами души, как того требует пастырское попечение, стремимся мы, чтобы католическая вера в наше время всюду возрастала и процветала, а всякое еретическое нечестие далеко искоренялось из среды верных. Не без мучительной боли недавно мы узнали, что в некоторых частях Германии, особенно в Майнском, Кельнском, Трирском, Зальцбургском и Бременском округах, очень многие лица обоего пола, пренебрегши собственным спасением и отвратившись от католической веры, впали в плотский грех с демонами, инкубами и суккубами и своим колдовством, чарованиями, заклинаниями и другими ужасными суеверными, порочными и преступными деяниями причиняют женщинам преждевременные роды, насылают порчу на приплод животных, хлебные злаки, виноград на лозах и плоды на деревьях, равно как портят мужчин и женщин, домашних и других животных, а также виноградники, сады, луга, пастбища, нивы, хлеба и все земные произрастания; что они нещадно мучат как внутренними, так и наружными ужасными болями мужчин, женщин и домашних животных; что они препятствуют мужчинам производить, а женщинам зачать детей и лишают мужей и жен способности исполнять свой супружеский долг; что, сверх того, они кощунственными устами отрекаются от самой веры, полученной при святом крещении, и что они, по наущению врага рода человеческого, дерзают совершать и еще бесчисленное множество всякого рода несказанных злодейств и преступлений, к погибели своих душ, к оскорблению Божеского величия и к соблазну для многого множества людей. И хотя возлюбленные сыны наши, Генрих Инститорис и Яков Шпренгер, члены ордена доминиканцев, профессора богословия, нашим апостольским посланием были назначены и до сего времени состоят инквизиторами, первый — в вышеназванных частях Верхней Германии, обнимающих, как надо понимать, и провинции, и города, и земли, и епархии, и другие такого рода местности, а второй — в некоторых областях вдоль Рейна; однако, некоторые клирики и миряне в этих странах, не в меру высоко ставя свое разумение, не стыдятся упорно утверждать, что так как в полномочных грамотах не были поименно и точно указаны эти епархии, города и местности, а также некоторые лица и их проступки, то поэтому вышепоименованным инквизиторам в вышеназванных провинциях, городах, епархиях, землях и местностях нельзя заниматься инквизицией и что их не должно допускать к наказанию, заключению в тюрьму и исправлению упомянутых лиц за вышесказанные злодейства и преступления. Благодаря сему в вышесказанных провинциях, городах и епархиях, землях и местностях, подобные провинности и преступления и остаются безнаказанными, к очевидной пагубе их душ и потере ими вечного спасения. Но мы устраним с пути все помехи, которые могут каким-либо образом препятствовать исполнению обязанностей инквизиторов; а дабы зараза еретического нечестия и других подобного рода преступлений не отравила своим ядом невинных людей, мы намерены, как того требует наш долг и как к тому побуждает нас ревность к вере, применить соответствующие средства. Посему, дабы названные местности не остались без должного обслуживания инквизицией, мы нашей апостольской властью постановляем: да не чинится никакой помехи названным инквизиторам при исполнении ими их обязанностей и да позволено будет им исправлять, задерживать и наказывать лиц, совершающих указанные преступления, как если бы в полномочных грамотах были точно и поименно названы округа, города, епархии,

местности, лица и преступления. С великим попечением мы распространяем эти полномочия на названные местности и поручаем вышеназванным инквизиторам, чтобы они и каждый из них, при помощи нашего возлюбленного сына Иоанна Гремпера, магистра из Констанцской епархии, всякого из названных областей, кого найдут виновным в указанных преступлениях, исправляли, заключали под стражу и наказывали с лишением имущества, а также даем названным инквизиторам полную возможность во всех церквах, где они найдут то потребным, проповедовать слово Божие и все иное совершать, что они найдут полезным и необходимым. Особым посланием мы повелеваем почтенному собрату нашему епископу Страсбургскому, дабы он, поскольку названным инквизиторам сие потребуется, торжественно заявлял, чтобы никто и ни в чем не чинил им какой-либо помехи и не наносил никакого вреда; тех же, кои будут чинить препятствия, какого бы положения эти лица ни были, он должен без всякого прекословия карать отлучением, запрещением в священнослужении, лишением таинств и другими еще более ужасными наказаниями, а если потребуется, то и привлекать к содействию против них руку светской власти. Никто не должен нарушить это наше послание или дерзновенно поступить противно ему. Буде же кто-либо попытается это сделать, то пусть знает, что он навлечет на себя гнев всемогущего Бога и апостолов Петра и Павла.

Дано в Риме, у св. Петра, от воплощения Господа в 1484 г., нашего первосвященства 1-м году, 5 декабря».

ИОАНН XXII, **папа (с 1313 по 1334 г.).** Один из самых суеверных пап, считавший, что враги всегда стремились отнять у него жизнь с помощью чародейства. В 1317 г. подверг подозреваемых пытке до признания в подобной попытке. Спустя три года, 22 августа 1320 г. в Авиньоне приказал кардиналу Гильому Гудену от своего имени учредить инквизицию в Каркасоне для преследования колдунов, чародеев и тех, кто вызывал демонов, изготовлял восковые подобия или оскорблял святые таинства, как еретиков и конфисковывать их собственность. Таким образом, хотя ранние буллы (например, Александра IV от 1258 г.) и были направлены против использующих магию, именно Иоанн XXII стал первым папой, обратившимся к теории колдовства и распространившим обскурантизм.

> [Святейший Папа], страстно желая, чтобы все злодеи, отравляющие святую паству, были отторгнуты от святой церкви, указывает, повелевает и поручает тебе своим именем разыскивать и всячески преследовать тех, кто приносит жертвы поклоняется или отдает почести дьяволу, заключает с ним договор, тайный или публичный, скрепленный подписями или нет, изготовляет или собирается изготовлять восковое подобие для вызывания дьявола или для его призыва с целью причинения порчи, кто, злоупотребляя таинством крещения, крестит восковые или иные фигуры или вызывает дьявола, чтобы заставить его делать подобное… а также и тех чародеев и ведьм, которые используют таинство литургии для освящения призраков и другие святые таинства для чародейства или колдовства.

Иоанн XXII многократно, в 1323, 1326, 1327 и 1331 гг. побуждал начать охоту за ведьмами. Буллой от 1317 г. он разрешил суды над умершими еретиками, ибо «даже память об умершем должна быть осуждена». В 1330 г. в послании инквизиторам Тулузы и Нарбонна он приравнял магию к ереси, как преступление против Бога. В булле от 1326 г. (или 1327 г.) он дополнил преступления ведьм и признал их реальность. Благодаря его невежеству учение превратилось в предрассудок:

> Некоторые люди, являющиеся христианами лишь по именам, отказывающиеся от света истинной веры, предают себя смерти и торгуются с преисподней. Они поклоняются и обожают дьявола, приобретают и изготовляют статуэтки, сосуды, зеркала и другие предметы, с помощью которых управляют демонами, получают от них ответы на вопросы и помощь в своих гнусных делах, чем отдают им себя в позорную зависимость и приводят к позорному концу.

ИПСВИЧСКОЕ КОЛДОВСТВО. 14 мая 1878 г., спустя 186 лет после единственного значительного суда над ведьмами в Америке, в Салеме, Массачусетс, снова состоялся судебный процесс по обвинению в maleficia. «Это то же самое, что делают ведьмы, втыкая в людей булавки и совершая прочие вещи, от которых случаются неприятности», — говорилось в комментариях одного религиозного журнала спустя несколько лет («Advance», 4 октября, 1917). Газеты того времени назвали этот случай «ипсвичским колдовством».

Во времена младенчества «Христианской науки» некоторые разногласия среди последователей Мери Бейкер Эдди привели Лукрецию Браун из Ипсвича к убеждению в том, что ей был причинен вред «зловредным животным магнетизмом» Даниэла Спофforда, свободомыслящего любителя ученых занятий. Мисс Доркас Роусон, якобы исцелившая Лукрецию, заставила одержимую девушку возбудить иск против Спофforда, как месмериста, вызвавшего у нее телесные страдания «посредством упомянутой силы». Обвинительный акт, похожий на документы XVII в., обвиняет Спофforда в «зловредном и преднамеренном» причинении Лукреции Браун «больших телесных и душевных страданий, серьезных спинномозговых болей и временных помутнений рассудка». Истица боялась продолжающегося гипнотизма Спофforда, потому что была «совершенно не способна избежать его власти и влияния, которое он распространял на нее». В соответствии с официальным сообщением Сибиллы Уилбур в «Life» (1907) миссис Эдди возражала против этой акции; тем не менее она присоединилась к истице в зале суда в Салеме, настойчиво поддерживая ее. Обвинение было отклонено на том основании, что суд не способен контролировать сознание Спофforда.

Один из сектантов, Эдвард Аренс, доказывал, что обвинение справедливо, благодаря чему приобрел расположение Аза Гилберта Эдди, мужа миссис Эдди. В октябре того же года (1878) Эдди был арестован за попытку убийства Аренса, но из-за множества противоречивых и ненадежных свидетельств обвинение не было принято. Спустя два года миссис Эдди попыталась отмежеваться от Ипсвичского дела, заявляя о полной неосведомленности в законодательных процедурах и демонстрируя заверенные свидетельства о том, что Аренс был инициатором этого дела.

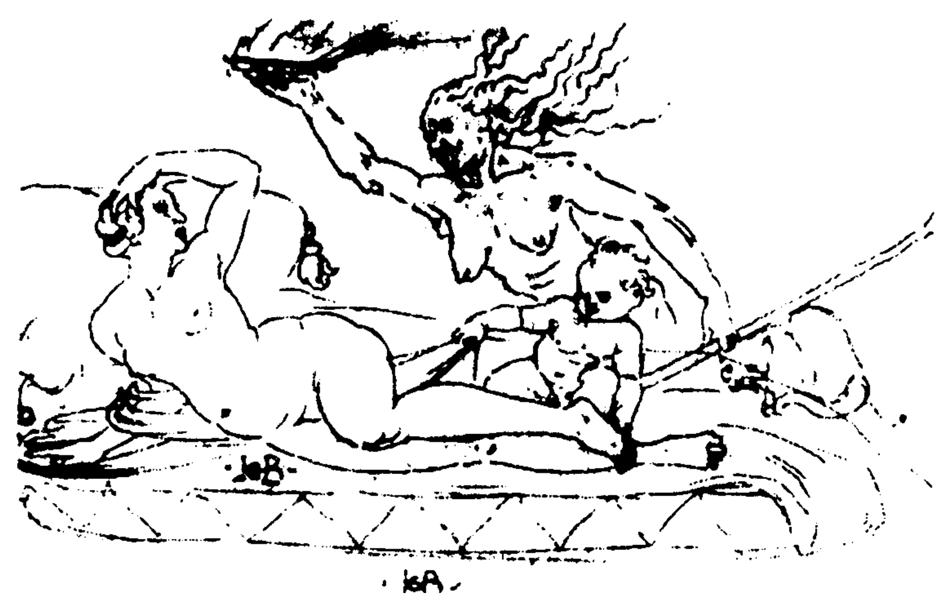
ИРЛАНДИЯ, КОЛДОВСТВО В. Колдовская истерия практически миновала Ирландию. Относительная изоляция страны, отсутствие контакта между правящим протестантским меньшинством и местным католическим большинством, полное отсутствие сочинений или дискуссий по поводу колдовства — вот некоторые из обстоятельств, обусловивших специфику Ирландии. Всего известно не более полдюжины судов над ведьмами, состоявшихся между 1324 и 1711 гг. Любопытно, что, за исключением первого, и обвиняемые, и судьи на всех этих судах были протестантами.

В 1317 г. епископ Ричард де Ледреде из Оссори, которого сенешаль Килкенни назвал «грубым, порочным монахом, сующим нос не в свои дела [trutannus]», обнаружил в своей епархии «совершенно новую и зловредную секту, …пытавшуюся препятствовать спасению душ». Около 1324 г. он обвинил леди Алису Кайтелер в еретическом чародействе. После продолжительного законодательного и физического сражения, где знать противостояла клирикам, леди Алиса бежала в Англию, а ее служанка и несколько других «сообщников» были сожжены, остальные подвергнуты бичеванию, сосланы или отлучены от церкви. Этот процесс широко обсуждался, за ним последовали еще несколько сожжений за ересь (например, в 1327 и 1353 гг.). Епископ тоже не избежал обвинения в ереси, но смог оправдаться и вернуться к управлению своей епархией. Дело Кайтелер на два года опередило буллу против чародейства папы Иоанна XXII, всегда опасавшегося покушений на свою жизнь с помощью восковых подобий или дьявольских колец.

Следующее упоминание о колдовстве относится к 1447 г., когда парламент выступил перед королем с протестом, заявив, что «повреждение или уничтожение человека с помощью чародейства или некромантии… они [Палата лордов и Палата общин] полагают

и считают практически неосуществимым», более того, «ни одно подобное действие никогда не осуществлялось на этой земле».

Даже в течение XVI в., когда колдовская истерия свирепствовала повсеместно, в Ирландии было спокойно. В ноябре 1578 г. (снова в Килкенни) состоялся странный суд, в результате которого две ведьмы и «арап» были казнены в соответствии с «естественным правом, поскольку в нашем королевстве мы не обнаружили ни одного закона, чтобы судить их». Негр-колдун стал уникальным явлением на Британских островах. Его казнь, возможно, стала следствием неправильной этимологии: некромантию (вызывание духов умерших) спутали с «негромантией» — гаданием негров! Естественное право было вскоре заменено законом, и в 1586 г. ирландский парламент принял закон королевы Елизаветы от 1563 г., не отменявшийся до 1821 г.

Молодая ведьма, приглашенная на шабаш. Приписывается Хансу Бальдуну Грюну.

И в XVII в. случаи преследования ведьм немногочисленны и относятся к чародейству. В 1606 г. священник вызывал «нечистых и лживых духов», чтобы установить местонахождение «коварного предателя Хью из Тайрона». В 1609 г. одержимая девушка была излечена освященным поясом из монастыря Святого Креста около Тарла. Однажды некая служанка с помощью магических трудов и чтения задом наперед отрывков из Священного Писания предсказала, где находится украденное столовое серебро. Полтергейст близ Лимерика 1644 г. на 18 лет обогнал «барабанщика» из Тедворта; другой случай произошел спустя 16 лет (в 1678 г.) в Дублине. И в самом деле, сведений маловато. С 1324 до 1661 гг., когда Флоренс Ньютон, ведьма из Йолла, была обвинена в околдовывании юной служанки, в Ирландии не произошло ничего заслуживающего нашего внимания.

Еще один примечательный случай, происшедший до 1711 г. (когда в Ирландии состоялся последний ведьмовской процесс), описан в памфлете того времени «The Bewitching of a Child in Ireland» (1609), позднее пересказанном Гланвилем. Подав милостыню нищенке, 19-летняя девушка получила от нее несколько листьев щавеля. Едва она проглотила лист, «как почувствовала сильные боли в желудке, урчание во всех местах тела, забилась в конвульсиях и наконец упала в обморок, как мертвая». Врач в отчаянии послал за священником, чье присутствие только усилило истерию.

> Она сперва начала кататься по земле, затем ее стошнило иголками, булавками, волосами, перьями, пучками ниток, кусками стекла, оконными гвоздями, втулкой, гвоздями из колес тележки или повозки, стальным ножом длиной примерно в пядь, яйцами и рыбными чешуйками».

Предположили, что старая нищенка околдовала девушку, она был арестована, осуждена, и, как утверждает Гланвиль (пересказывая памфлет), сожжена.

См.: Мегги-Айлендский суд над ведьмами; Кайтелер, Алиса; Ньютон, Флоренс.

ИСПАНИЯ, КОЛДОВСТВО В. В Испании существовало жесткое различие между чародейством и еретическим колдовством; чародейство яростно преследовалось на протяжении многих столетий, нападки же на колдовскую ересь носили ограниченный характер. Эта умеренность была следствием того, что страну полностью контролировала испанская инквизиция, националистическая по сути и независимая от Рима. Благодаря этому обстоятельству Испания, где истребители еретиков имели больше власти, чем их французские и немецкие собратья, меньше пострадала от охоты на ведьм, хотя фактически испанская инквизиция сожгла самое большое количество еретиков в Европе.

Чародейство существовало повсюду. Вследствие смешения культур христианизированного язычества римского времени, суеверий вестготских завоевателей V-VII вв., мавританских традиций астрологии и гадания и оккультных традиций евреев — предрассудки глубоко укоренились в Испании. Астрология и некромантия являлись официальными курсами в университетах. Внешние проявления суеверий, магии и колдовства продолжались до нового времени.

Франциско Хименес, инквизитор Толедо (1436–1517)

Так, например, с 1370 г. в Кастилии были объявлены еретиками и гадальщики, и те, кто получал у них советы. Если они были мирянами, то их должны были наказывать правительственные чиновники, если они относились к духовенству — епископы (закон 1387 г.). Запрет был усилен в 1414 г. Но, по-видимому, на него мало обращали внимание. Так, Сирвело, только в 1539 г. написавший первую испанскую книгу о колдовстве, считал, что чародейство должно находиться под контролем светских властей (игнорируя тем самым его непременную еретичность). Проблема еретичности чародейства рано стала предметом дискуссий, но область действий, допускаемых законом, долго выходила за рамки ограничений, установленных в «Repertorium Inquisitorum» (1494 г.) и в испанском издании трудов инквизитора Эймерика, опубликованном в 1585 г. Франциско Пеньей.

В этот период сомнительных определений инквизиторы проявляли относительную терпимость, завесившую от их личных качеств; одно и то же правонарушение могло быть по-разному наказано различными судами. Каждый инквизитор работал под строгим наблюдением Супремы, высшего политического руководства всего корпуса испанской инквизиции, который в 1568 г. (!) выносил порицание инквизитору, наложившему штраф за произнесение заговора с целью исцеления болезни (видимо, данный случай рассматривался как нееретическое чародейство). С другой стороны, в 1585 г. сарагосские инквизиторы не получили выговора, когда вынесли вердикт, что хранение пальца мертвого человека в качестве талисмана является ересью.

Поведение мирянина регулировалось эдиктом Великого инквизитора Алонсо Манрике, принятым в начале XVI в. Обязанностью католика было доносить инквизиции на любого, кто оказывал гостеприимство домашним духам, применял любой способ гадания, вычерчивал круги для вызывания демонов, использовал астрологию для предсказания будущего, хранил зеркала или кольца для связывания духов, обладал grimoires или любыми другими магическими книгами.

Тюрьма в Севилье.

Сторонники теории о еретичности чародейства особенно вдохновлялись буллой папы Сикста V от 1585 г., в которой осуждались и объявлялись ересью все гадания (включая астрологию), заклинания, видимость власти над демонами, все виды чародейства, магия и предрассудки. Супрема осуществляла распространение данной буллы вплоть до начала следующего столетия. За три года до этого, в 1582 г., Испания выступила против преподавания в Саламанкском университете астрологии (которая считалась ересью из-за использования при гадании) и внесла труды по данному предмету в список запрещенных книг. В течение XVII в. меры против астрологии были усилены, и еще в 1796 г. инквизиция обвиняла своих светских коллег в том, что они рассчитывают положения планет. Начиная с 1600 г., инквизиция распространила свою юрисдикцию на все типы чародейства, даже когда подозрение в ереси считалось незначительным, и часто принуждала епископские или гражданские суды передавать ей своих подсудимых. В результате обвиняемый редко подвергался пыткам в двух или трех судах (как было в случае с де Ре) и наказания испанской инквизиции были легче, чем у светских судов.

После того, как версия о договоре с дьяволом оправдала настороженное отношение испанской инквизиции к чародейству, распространилось множество инструкций по допросу подозреваемых. В одной из них, «Praxis Procedento» (1655), Супрема дает образец

того, как следует допрашивать zahori, того, кто может видеть сквозь предметы (например, через землю) и находить спрятанные предметы. Поскольку повсеместно верили, что спрятанные сокровища охраняются демонами, zahori должен был признаться в договоре с ними.

Когда пришло время, и вся Европа стала высмеивать чародейство и наказывать чародеев как мошенников, испанская инквизиция все еще была убеждена в реальности магии вплоть до XIX в. Так, например, 15 октября 1818 г. севильский трибунал приговорил Анну Барберо за богохульство, клевету и договор с дьяволом к двум сотням ударов розгой и 6-летнему изгнанию (позже замененному 8 годами в исправительном доме для проституток). Похожий приговор был вынесен Франциске Ромеро 18 июня 1819 г. Возможно, потому что в XIX в. состоялось очень мало судов над морисками и иудеями, испанская инквизиция находила больше времени для преследования за чародейство (как и папская инквизиция в южной Франции, посчитавшая необходимым объявить колдовство ересью после того, как она успешно уничтожила альбигойцев). Генри Ли заметил, что в Толедо с 1575 по 1610 гг. только полтора процента всех дел относилось к чародейству, а в период с 1648 по 1749 гг. это соотношение поднялось более чем до восьми процентов. С 1780 по 1820 гг., в последние сорок лет работы испанской инквизиции, почти 70 процентов судов были основаны на суевериях (не включая maleficia).

То, что Испания была избавлена от кошмарной охоты на ведьм, охватившей в свое время Францию и Германию, частично было связано с географическими условиями (поскольку Испания лежала в стороне от основного течения европейской мысли) и частично с испанской инквизицией. Другие окраинные страны (например, скандинавские) также были избавлены от этого безумия, но по противоположной причине — потому что папская инквизиция не достигла их. В 1436 г., когда во Франции и Италии сжигали женщин за посещение шабаша, епископ Авильский, ученейший Альфонсо Тостадо, заявил, что шабаш — это бред, вызываемый снадобьями. Даже легковерный де Спина полагал, что шабаш является не более чем наваждением, вызываемым злобой дьявола. Однако в 1494 г. «Repertorium Inquisitorum» установил, что если шабаш [исп. — aquellarre, козлиное поле] существует на самом деле, то колдуны (jorguinas) являются вероотступниками, если же это заблуждение — то еретиками, но и тот, и другой случай относится к сфере деятельности испанской инквизиции. Первая казнь ведьмы, осуществленная испанской инквизицией, произошла в 1498 г., когда Грациа де Валле была сожжена в Сарагоссе; другие казни состоялись в 1499 и 1500 гг. (3 женщины), 1512 (две) и 1522 гг. Льоренте, историк начала XIX в., утверждал, что 30 ведьм были сожжены в 1507 г. в Бискайе.

В 1526 г. светские суды провели массовые суды за колдовство в Наварре, где Супрема расследовала все обвинения. Разумный подход, широкое обсуждение данной темы в дискуссиях и скептическое отношение 10 членов Супремы, объясняют отсутствие какой-либо обскурантистской паники в Испании вплоть до начала XVII в. Обсуждались следующие вопросы:

1. Действительно ли ведьмы совершали те преступления, в которых они сознавались или это наваждение? Голосование было шесть к четырем в пользу реальности преступлений.

2. Если их преступления реальны, то следует ли обращаться с ведьмами как с прочими раскаявшимися преступниками, т.е. «примирять» их с церковью, или они должны быть доставлены в светские суды для казни? Большинство избрало прощение, однако, если предполагалось убийство, то светские суды должны подвергать их пытке как убийц.

3. Если их преступления иллюзорны, то каким образом их наказывать? Никакого решения не было принято.

4. Входят ли их преступления в сферу полномочий инквизиции? Большинство отвечало положительно.

5. Являются ли признания ведьм, при отсутствии прочих показаний, достаточными для обвинений? Мнения снова разделились. Вальдес, будущий Генеральный инквизитор, заявил, что саморазоблачения достаточно только для незначительных наказаний.

6. Как лучше всего следует избавляться от колдовства? Только трое из Супремы были за усиление преследований, большинство отдало предпочтение проповедям. Кроме того, Вальдес заявил, что не следует принимать у ведьм показаний против других лиц.

Эти умеренные заключения не обнародовались до 1530 г., пока в Наварре (1527) и Бискайе (1528) не произошли две массовые вспышки, спровоцированные некоторыми инквизиторами. В 1530 г. Супрема подавила угрозу охоты на ведьм в Наварре и, несмотря на оппозицию, заставила замолчать собственных ревностных инквизиторов в Барселоне в 1537 г., Наварре в 1538 г. и в Галисии в 1551 г. В остальной части страны епископские и гражданские суды, как и отдельные трибуналы инквизиции, иногда пытались применять обычные европейские приемы преследования ведьм, но Супрема гасила эти отклонения, намекая, что колдовство является иллюзией.

Однако в 1610 г. в Наварре все же разразилась колдовская истерия. Стремясь опередить инквизицию, светские суды поспешно сжигали свои жертвы. Де Ланкр, судья на массовых процессах баскских ведьм в 1609 г., предполагал, что вспышка в Наварре распространилась из Па де Лабура, и предпочитал жестокое обращение с ведьмами во Франции снисходительному подходу к испанским ведьмам.

Аутодафе в Испании. Из Филиппа ван Лимбоха. «Histoire Inquisitionis» (1692).

В последующие 75 лет испанская инквизиция пересмотрела свое скептическое отношение к охоте на ведьм и вместе с королем и епископами выступила в крестовый поход против тех, кто сотрудничал с Сатаной. Но специалисты вскоре разошлись во мнениях, Супрема вновь поменяла курс и издала Эдикт милосердия, обещавший раскаявшимся преступникам безнаказанность. Сбор показаний и признаний был поручен Алонсо Салазару де Фриасу. Его отчет, хотя и не отрицавший преступности колдовства, сделал осуждение почти невозможным и привел к прекращению процессов над ведьмами в Испании. Правда, в 1622, 1637, 1640 и 1641 гг., состоялись отдельные суды, но на них не было вынесено обвинительных приговоров. Супрема постоянно отстаивала снисходительность или отвод обвинений, иногда открыто противодействуя истерии, как например в 1641 г., когда она

приказала инквизиторам преследовать тех, кто избивал предполагаемых ведьм. В последующие десятилетия, произошло, возможно, порядка полдюжины судов за колдовство, но никто не был казнен после 1611 г., хотя суды по обвинениям в чародействе продолжались.

См. также Фриас, Алонсо Салазар де; Сирвело, Педро Санчес; Спина, Альфонс де.

ИУДЕЙСКОЕ КОЛДОВСТВО. Иудейского колдовства как такового не существовало. Колдовство было богохульственной пародией на христианство и связывалось только с христианами. Колдуна считали еретиком, т.е. христианином, настаивавшим на расхождениях с официальной католической догмой. Следовательно, ни один иудей не мог быть им по определению. Поэтому евреев редко преследовали за колдовство. Конечно, на них нападали, как на приверженцев Сатаны, и, наряду с язычниками (т.е. мусульманами) и ведьмами, они служили для христиан живой мишенью. Обвинения против евреев были аналогичны типичным обвинениями против ведьм (и других еретиков); в особенности же их обвиняли в использовании ядовитых трав и ритуальных убийствах для изготовления колдовских зелий и мазей. С другой стороны, ведьм обвиняли в посещении шабаша, часто (особенно в самых ранних описаниях) называемого синагогой. Эти названия, взятые из иудейской религии, считались достаточно оскорбительными, чтобы использовать их против ведьм.

Если христианство исключало иудеев из системы колдовской ереси, то и сами иудеи, в свою очередь, не имели никакого отношения к этой ереси. Во-первых, хотя у евреев существовала развитая демонология, с призраками и злыми духами (существование которых никогда не оспаривалось), ни в религии, ни в фольклоре они не имели персонифицированного носителя зла, подобного христианскому дьяволу, противнику Господа. Сатана являлся отвлеченным понятием. Следовательно, основной пункт колдовской ереси — договор с дьяволом — был неприменим к евреям.

Во-вторых, несмотря на то, что евреи имели всемирную репутацию магов, подобная традиция сохранялась в рамках религии: ангелы, а не дьяволы, призываемые именем Господа, были ответственны за сверхъестественные действия. Магия никогда не соперничала с правоверием. Талмудическая традиция, рассматривая различные виды чародейства, признавала могущество демонов наряду с могуществом ангелов и осуждала лишь симпатическую или «гомеопатическую» магию.

В-третьих, еврейская магия не носила недоброжелательного характера. Дьяволы использовались не для причинения вреда, а лишь для обнаружения спрятанных сокровищ или потерянной собственности. Еврейский тип мышления не допускал черную магию, поскольку вся магия была белой и поскольку волшебники выходили из числа наставников и не имели дурной репутации.

В-четвертых, иудейская религия осуждала доносчиков, которые, по мере развития охоты на ведьм, стали необходимыми для проведения судов.

Одновременно с полным отрицанием любой связи иудея с колдовской ересью иудаизм продолжал развивать собственные традиции чародейства и магии, совершенно не подпадающие под христианскую концепцию колдовства. Таков, например, еврейский инкуб.

Согласно христианской доктрине, половые сношения (неважно, добровольные или принудительные) с дьяволом карались смертью как скотоложство, потому что дьявол не являлся человеком. Еврейское мышление не трактовало их столь серьезно (например, они не могли служить основанием для развода) просто потому, что они касались дьявола. Евреи изготавливали восковые подобия, но не с целью повредить или убить чьего-то врага (подобно христианам), а для того, чтобы возвратить украденное.

Иудейская теория и здесь отличалась от христианской: прокалывание фигурок не считалось ни симпатической, ни дьявольской магией, но основывалось на представлении об «ангелах-хранителях» (приписываемых каждому человеку или животному). Ангел обворованного мог перенести предполагаемую боль (от укалывания изображения булавка-

ми) на ангела вора, который, в свою очередь, мог причинить боль самому вору, вынудив его вернуть украденное. Наряду с другими предрассудками, евреи верили в дурной глаз, некромантию и другие виды гадания, сокровища, волшебную палочку (воспринятую из Германии), свидетельство усопшего, сокровища, зарытые в земле, лигатуру (также из Германии), магию трав и одержимость. Их амулеты были известны настолько широко, что в конце XIV в. епископ Зальцбурга попросил у евреев мезузу, чтобы поместить на ворота своего замка!

Изредка репутация магов приносила евреям неприятности. Так, например, в 1573 г. один чеканщик из Берлина был подвергнут пытке до признания, что он убил курфюрста с помощью магических напитков. Он был убит с нечеловеческой жестокостью: его разорвали на части. Куски трупа были сожжены вместе с якобы принадлежавшей ему книгой по магии. В 1579 г. подобным образом казнили 24 евреев во Франкфурте-на-Одере.

Различные виды демонического колдовства, встречавшиеся у евреев, пришли к ним из господствовавшей христианской культуры; например, названия ведьм: estrie, broza, mare (нем. или франц.) транслитерировались по-еврейски и применялись для обозначения дьяволов. Утверждение из книги «Sefer Hasidim», этического трактата XIII в., в полной мере можно отнести и к еврейскому «колдовству»: «Что делают иноверцы, то делают и евреи».

Й

ЙОРГЕНСДОТТЕР, СИРИ. Случай с Й. является документальным свидетельством того, как описания известных судов над ведьмами спустя много лет влияли на молодежь и провоцировали ее обвинять людей в колдовстве. Й. была 13-летней норвежской девочкой, в 1730 г. дословно повторившая миф о Блакулле [Блокуле], изобретенный шведскими детьми в Море 61 год назад. Нельзя точно установить, узнала ли Сири об этой истории непосредственно от своей прабабки, которую она называла ведьмой, и которая, очевидно, помнила о шведских событиях, повлиявших на всю Скандинавию, или же она услышала об этой истории на проповеди. Однако магистрат отметил, что описание Й. точно соответствует тому, что было рассказано Каппелио в «Relationes Curiosae» о ведьмах Моры и Эльфдала. Магистрат отправил девочку к декану и пастору для обследования. Они безоговорочно поверили девочке; но епископ и губернатор оказались не столь легковерными, и до суда дело не дошло. Однако в 1669 г. та же самая история привела к казни почти сотни людей, осужденных как ведьмы лишь на основании подобного показания.

Сообщение декана и пастора

Сири рассказала им, что, когда ей было семь лет, бабушка взяла ее в свинарник, где натерла свинью какой-то мазью, которую она взяла из рога, после чего они обе поднялись в воздух и после короткой езды прибыли на место, которое ее бабушка называла Блаакуллен. По пути они встретили трех мужчин, одетых в черное, которых бабушка назвала «дедушкиным ребятами». В Блаакуллене они оставили свинью вне здания, вошли внутрь и сели за стол рядом с дьяволом, которого ее бабушка называла «дедушкой». Им подали пудинг с кремом, маслом, сыр, хлеб, свежую и вяленую рыбу, пиво для питья. Там было семь столов и все места были заняты. После еды гости начали бросаться кусками хлеба.

Затем в полу открылся люк, и вспыхнуло голубое пламя, внутри которого были маленькие человечки, двигавшиеся по кругу и издававшие пронзительные звуки. Дьявол, одетый в черное и носивший шляпу, сидел за передним столом. Он пилил железные цепи, обмотанные вокруг его талии, но, как только цепь распиливалась, она вновь становилась целой. Дьявол долго беседовал с гостями, и после того, как он поговорил с бабушкой, они отправились домой. На прошлое рождество Сири снова отправилась со своей бабушкой в Блаакуллен. Они пировали, как и раньше, и в это время дьявол пометил ее мизинец. Процедура состояла в следующем: дьявол отрубил ножом кончик ее пальца, высосал немного крови и ею вписал имя девочки в большую книгу, а затем укусил ее за правое ухо. На ее пальце был виден шрам, и было замечено, что у нее не было чувствительности там, где дьявол порезал и укусил ее. После этого бабушка умерла после непродолжительной болезни. Когда она заболела, она дала девочке деревянную чашку с мазью, которую, как она сказала, ей дал дьявол и которую нужно было использована для поездки в Блаакуллен с Анной Холстенштадт и Горо Брайден в следующий канун Троицы. После смерти бабушки девочка переехала к своему дяде. Вскоре после этого ее тетка нашла мазь и сожгла вместе с метлой, на которой она ездила. Сири призналась двум девочкам, которые все рассказали ее тетке. Тогда ее дядя отвел ее к декану. Три раза.»ребята дьявола» приходили по одному поговорить с ней. Первый просил ее не рассказывать ничего, двое других угрожали оторвать ей голову, потому что она раскрыла то, что знала. Она также сказала, что видела, как ее бабушка воткнула нож в стену, привязала к нему три ремешка, которые дал ей дьявол и доила любую корову в округе, какую хотела. В конце она сказала, что Анна Холстенштадт приходила к ней летом, и она приказала ей ничего никому не рассказывать под угрозой ухудшения ее здоровья.

К

КАДЬЕ, КАТРИН. Судебный поединок между отцом Жаном-Батистом Жераром и юной К. перед парламентом Прованса в 1731 г. вызвал интерес во всей западной Европе, и в поддержку обеих сторон было издано множество книг. Этот случай привлек к себе всеобщее внимание благодаря скандальной истории священника, развратничавшего с молодой девушкой, которая занималась грубым мошенничеством (например, обмазывалась менструальной кровью), чтобы выдавать себя за святую. Значение этого суда для истории колдовства иногда заслонялось скандальным характером обвинения в соблазнении. Адвокат отца Жерара действительно взялся опровергать обвинение в колдовстве лишь потому, что оно якобы привело к внебрачной связи. «Иначе мы должны откровенно признаться, что напрасно тратим время, доказывая несостоятельность такого обвинения как чародейство». В действительности же дело Жерара и Кадье означало конец официальных преследований за колдовство во Франции.

Главные герои процесса напоминают персонажей прежних французских судов, где подверженные эпилепсии монахини обвиняли своих духовников в дьявольской аморальности: сестра Мадлен Демандоль де ла Палу против отца Луи Гофриди в 1611 г. (также в Провансе), сестра Жанна де Анж против отца Урбена Грандье в 1634 г. в Лудене и сестра Мадлен Бове против отца Томаса Буля в 1647 г. в Лувьере. Благодаря принятию в 1682 г. известного эдикта Людовика XIV в этом деле не фигурировали фантастические подозрения о черных мессах. Отцу Жерару инкриминировалось околдовывание (или гипнотизирование) девушки с аморальными намерениями, хотя обвинение и включало чародейство, квиетизм [опасную ересь], духовное кровосмешение, вызывание выкидыша и склонение к лжесвидетельству. Или отец Жерар был виновен в аморальном поведении, — или же К. следовало обвинить в лжесвидетельстве. Вынесение вердикта по этому вопросу затруднялось из-за религиозной одержимости К. и постоянных интриг ее брата, убеждавшего общественность в святости своей сестры, а также из-за деятельности монахов, создававших атмосферу враждебности по отношению к иезуитам. Действительно ли отец Жерар развращал К. или нет, — в любом случае против него было достаточно аргументов: он посылал ей любовные письма и признавался в совершении некоторых действий, которые (даже, если он и не хитрил) предоставляли возможность для грязных домыслов.

Мари-Катрин К. родилась в Тулоне в 1709 г., воспитывалась овдовевшей матерью в глубоко религиозном духе. Один из трех ее братьев, Этьен Тома К., стал якобитским (доминиканским монахом), а самый младший — приходским священником. Подростком она проявляла себя как «ревностно верующая» и часто падала в обморок в церкви. В 18 лет, превратившись в восхитительную молодую девушку, К. присоединилась к свободно организованной группе женщин, которые, хотя и жили в своих собственных домах, посвятили себя молитвам и размышлениям. Духовным руководителем этих ревнительниц Третьего ордена святой Терезы был хорошо известный и высоко уважаемый иезуит отец Жерар, бывший школьный учитель, а с 1728 г. — ректор Королевской семинарии морских священников в Тулоне.

К. честолюбиво стремилась стать святой и, добиваясь привилегированного положения в глазах своего покровителя отца Жерара, рассказала ему, что Господь указал ей на него в видении. Это была явная девическая увлеченность человеком пятидесяти лет (Подобная привязанность могла стать достаточным доказательством чародейства!). Его присутствие, действительное или воображаемое, давало ей большое эмоциональное удовлетворение. Она свидетельствовала, что «чувствовала нечто вроде пальца, двигавшегося внутри нее, заставляя ее всю покрываться потом, и это происходило всякий раз, когда отец Жерар приходил в дом».

Прошел год или больше, и отец Жерар, вдохновитель духовных исканий девушки, пришел к выводу, что признаки святости у нее сомнительны. Весной 1730 г., в отчаянии

от того, что духовник отказался поддержать ее стремления, она вняла его совету и вступила в монастырь Сен-Клер д'Олиоль. Здесь она вела себя как одержимая, впадала в прострацию, конвульсии, эпилептическую истерию, галлюцинации и припадки безумия. В сентябре епископ Тулона отправил ее домой к матери и назначил ей нового духовника, 38-летнего отца Николаса из Сен-Жозефа, приора монастыря Босоногих кармелиток в Тулоне. Отец Николас попробовал провести экзорцизм, и К. поняла, что ее попытки стать святой провалились. Подстрекаемая своим братом, она заявила, что отец Жерар околдовал и совратил ее: ее «чудеса» отныне были уже не знаками святости, а кознями дьявола. Ее брат, отец Этьен К., также убедил двух сторонниц отца Жерара, некую 65-летнюю даму и 23-летнюю девицу ла Баратилль (скудоумную, но с богатым воображением) присоединиться к К. и обвинить иезуита в соблазнении. Со временем адвокаты К. представили еще четырех ее сторонниц и четырех монахинь, которые поклялись, что отец Жерар был близок с ними.

Отец Жерар обратился в связи с этими ложными обвинениями к своему епископу, в то время как друзья К. обратились к лейтенанту полиции в Тулоне. Епископ сказал, что он не обладает судебными полномочиями, и дело было передано гражданским властям. Скандал получил широкую известность, вследствие чего парламент Экса по приказу короля постановил начать слушанья 10 января 1731 г. По своему общественному резонансу этот процесс может сравниться только с делом Дрейфуса, происшедшем двумя столетиями спустя.

Чтобы заручиться общественной поддержкой перед судом по обвинению в околдовывании, К. и ее брат собирали громадные толпы на ночные экзорцизмы. К. появлялась «бесчувственная и неподвижная, ее шея распухла, и опухоль достигала ее губ». Этьен занимался изгнанием дьявола из своей сестры, «раздевшись до рубашки, с фиолетовой епитрахилью вокруг шеи, держа в одной руке святую воду, в другой — „Rituale“ [требник], который отец Николас позаботился принести с собой». Прибывшие вскоре другие священники отрицали ее одержимость, и К. пришлось «выздороветь» прежде, чем ее смог осмотреть врач. На следующую ночь до 4 утра К. «каталась по комнате и так визжала, что ее слышала половина улицы». Она заявила, что иезуиты пытались помешать ей нанять адвоката и дурно обращались с ней, пока она ожидала суда в монастыре (как и Мадлен Бавен).

В случае с К. отец Жерар оказался в сложной ситуации. Преисполненная решимости стать святой, она изучила жития таких известных мучениц как святая Тереза и святая Екатерина из Сиены и смоделировала свои действия по их образцу. В июне 1729 г. она заявила об «интимной связи с Господом». В ноябре Господь сказал ей, что она должна страдать, позволив своей душе впасть в смертный грех. Она стала биться в конвульсиях и дергаться, теряла дар речи, пока в феврале 1730 г., поняв, что отец Жерар по-прежнему к ней равнодушен, чудесным образом нашла спасение в молитвах по недавно умершей монахине! Тем временем ее брат Этьен подробно описывал в дневнике все трансы, стигмы и видения своей сестры (включая явление ей кровоточащего сердца и обнаженных мужчин и женщин), возможно, в расчете на ее будущую канонизацию.

Во время подобных аномальных проявлений отец Жерар, естественно, проводил с ней много времени. Он получил специальное разрешение от аббатисы писать К. письма, не подвергавшиеся цензуре, и посещать ее наедине. С этого момента уже трудно отделить факты от вымысла, поскольку правдивые показания обеих сторон чередуются с ложными. Но обвинения против отца Жерара становились все безумнее, пока наконец не достигли своей цели. Временами они казались скопированными с «лувьерских ересей» 1647 г. Хотя обвинители были явными неврастениками, все же вполне возможно, что в их обвинениях содержалась какая-то доля истины.

«Justification de demoiselle Catherine Cadiere» (1731), отдельные абзацы которого приводятся ниже по английскому изданию, было написано для того, чтобы «научить лиц одного со мной пола, чтобы они были настороже против проявлений жалости». Понимая, что она будет скомпрометирована, если признается, что уступила похотливым домога-

тельствам отца Жерара, К. подчеркивала, что он околдовал ее. В английском «Деле мисс Мари-Катрин Кадье» (1732) объясняется, как это было:

> «Наклонившись и приблизив свой рот к ее рту, он дышал на нее, что производило такое сильное впечатление на рассудок молодой леди, что она тотчас влюбилась в него и согласилась отдаться ему. Так он околдовал ум и влечения несчастной грешницы».

Подобная страстная влюбленность, ставшая основой для обвинения в чародействе, все же не привела к «потере девичьей чести». К. была таким образом в положении, способном вызвать сочувствие у суда, обратившись к нему: «Вы видите перед собой молоденькую девушку двадцати лет, погруженную в пучину зла, чье сердце осталось незапятнанным».

К. описала шаг за шагом, как отец Жерар соблазнял ее, заявляя, что все, что он делает, совершается по воле Божьей. Свидетели подтвердили, что видели, как священник обнимал и целовал К., и помещал ее руки под свою рясу. «Мое дорогое дитя, — повторял он постоянно, — я хочу привести тебя к совершенству; не мучайся оттого, что происходит с твоим телом, отгони сомнения, страхи и колебания. Таким образом твоя душа окрепнет, станет чище, просветится. Она станет полностью свободной».

«Один день я помню лучше, чем другие, — показала К., — поскольку, очнувшись от продолжительного обморока, я обнаружила себя распростертой на полу, а отец Жерар находился позади меня и, обнажив мои груди, шарил по ним руками». Когда К. спросила, что он делает, отец Жерар ответил ей, что такова была воля Господа, чтобы она испытала унижение, прежде чем перейти к блаженству. «Он сказал мне, что однажды Господь пожелает, чтобы он лег своим животом на мой живот».

В связи с другим случаем К. заявила:

> «Отец Жерар обнаружил меня в кровати, и, заперев дверь, лег позади меня. Пододвинув меня к краю кровати, он положил одну руку под мои ягодицы, а другую спереди; затем он раздел меня и без всякого предупреждения поцеловал. Он часто обнажал меня, в то время как его руки изучали каждый укромный уголок моего тела. И поскольку я обыкновенно впадала в бессознательное состояние, я не могу ответить, что он делал, когда я была в таком состоянии. Я могу только припомнить, что, когда я пришла в себя, я обнаружила, что нахожусь в таком состоянии, что отец Жерар не пожелал даже посмотреть на меня».

Он посещал ее почти каждый день, иногда занимаясь с ней любовью в течение 2 или 3 часов.

С удивительным пониманием психологии пятидесятилетнего человека, К. описывает, как отец Жерар возбуждался от эротических садистских бичеваний:

> «Иногда он наносил мне удары лозой и тотчас после этого целовал места, которые побил. Однажды, придя ко мне, чтобы наказать меня за то, что я отвергаю милость Господа, заперев дверь, приказал мне преклонить перед ним колена. Он держал в своей руке лозу и сказал мне, что, несмотря на то, что я заслуживаю, чтобы весь мир увидел то, что он делает со мной, он требует, чтобы я дала клятву никогда не рассказывать об этом. Я обещала, не зная, что он собирается делать. Очевидно приободренный моим обещанием, он сказал мне, что такова воля божья, чтобы я, отвергшая милость Господа, сняла свои одежды и предстала перед ним обнаженной. При этих словах я возмутилась, мой разум помутился, и я упала без чувств [en defaillance] на пол. Он поднял меня. К моему удивлению, я была так ослеплена, что подчинилась ему беспрекословно и позволила ему сделать все, что он хотел. Он приказал мне прежде всего снять вуаль, затем шапочку, пояс и, наконец, платье; сорвав его, он раздел меня, оставив только рубашку. В этом неодетом положении я чувствовала, как он целует мои ягодицы. Я не уверена в том, что он делал дальше, но чувствовала нечто вроде уныния, какого не зна-

ла прежде. После этого он помог мне одеться. Не один раз он заставлял меня лежать на кровати, и в этом положении бичевал меня, затем целовал без всякого внешнего приличия, всегда утверждая, что это новый путь достижения высшей стадии блаженства».

На другой день упомянутый отец Жерар заставил ее снять и рубашку и, уложив ее на кровать, сказал ей, что ее следует наказать за грех, который она совершила, не чувствуя себя свободной от угрызений совести. При этом она чувствовала влагу [mouille] и щекотание [chatouille] в своих интимных местах. Он снова подверг бичеванию обе ее ягодицы [fesses], а затем поцеловал их и нежно царапал ее, пока она не стала вся мокрая.

Во многих местах К. описывает позицию, которую она принимала во время этого ритуала: отец Жерар приказывал ей влезть на кровать и подложить подушечку под колени, чтобы приподнять их. В английском издании «Case of Mistress Mary Catherine Caediere» иронически добавлено: «Последующее трудно объяснить, но легко вообразить». Когда аббатиса запретила отцу Жерару посещать К., он нашел окно с вынутой решеткой, через которое мог целовать девушку и время от времени бичевать ее.

«Он дышал на меня каким-то особенным образом», — Из «Recuceil de pieces» (1731

Отец Жерар принял эти обвинения не без сопротивления. На некоторые из них он сразу дал прямой ответ. Он согласился, что, посещая К., по три часа держал ее дверь запертой, поскольку хотел скрыть ее ангелическую одержимость. Когда отец Этьен К. начал повсюду рассказывать о «чудесах», происходящих с его сестрой, отец Жерар убедил К. вступить в монастырь, чтобы ее святость не была разглашена раньше времени. Он не целовал ее, а наклонялся к ней, поскольку был глуховат. Когда она захотела пить, он принес ей кувшин воды, а она назвала эту воду в обвинении абортивным снадобьем. В его письмах говорилось об одной лишь Господней любви: «Не имей собственной воли и в равной степени не испытывай любви. Делай, что я говорю тебе, как хорошая [маленькая] девочка, которая не находит ничего необычного в просьбе своего отца».

Некоторое время спустя отец Жерар заподозрил, что К. — обманщица, и представил суду несколько контрдоводов, разоблачавших ее. Но К. уже договорилась с тремя девушками, пообещав заплатить им за дачу нужных показаний [Эти показания весьма курьезны: девушка якобы поймала отца Жерара и Катрин «с поличным» и спросила у святого отца, какого цвета одежда необходима ему для следующего богослужения]. 7 мая 1730 г. К. изобразила «преображение», или предсмертную агонию, в честь страстей Господних,

при этом ее лицо было все в крови. Это «чудо» произошло 6 июня и 7 июля, вследствие чего отец Жерар пришел к выводу, что К. испачкала лицо собственной менструальной кровью. Ее адвокат возразил, что у нее было еще «преображение» 20 июля, а ни у одной женщины не бывает двух «беспокойств» в месяц. Регулярность менструаций также заставила усомниться в заявлении К., что отец Жерар якобы вызвал у нее выкидыш. Он представил в качестве следующего доказательства ее дневник, в котором отмечены регулярные периоды — 8 марта, 4 апреля, 8 мая, 11 июня, 4 июля, 8 августа и 9 сентября. «Следовательно, не было никаких задержек и никаких подозрений в беременности в период, названный девицей К. [середина лета], и, таким образом, ее заявление о вызывании выкидыша не представляется правдоподобным».

«Дочь моя, я хочу привести тебя к высшей стадии совершенства. Не страдай оттого, что может произойти с твоим телом»

К. призналась, что она постилась на протяжении нескольких дней, но по ночам прокрадывалась в монастырский сад, чтобы полакомиться персиками. Однажды она оказалась в ловушке, подстроенной разгневанными монахинями. Она выскользнула из этой ловушки, сказав, что Господь вызвал ее обжорство, чтобы унизить ее, и что, обрывая некоторые плоды, она заставляет дерево лучше плодоносить! Отец Жерар разоблачил другое «чудо», предъявив суду оригинал «Святого Креста», одного из «небесных видений» К., в свое время удивившего многих свидетелей. Адвокат Жерара назвал К. «хитроумной, ловкой девицей». Кроме того, он попытался дискредитировать сторону обвинения и представил суду проститутку, чтобы обвинить приора Николаса Кадье в аморальности.

Суд завершился путаницей обвинений. Выяснилось, что у К. были на теле гноящиеся нарывы, которые она объявила стигмами. Чтобы создать особый «знак благочестия», отец Жерар имел обыкновение отодвигать ее вуаль и сосать язву на ее шее. Это он делал каждый день в течение 3 месяцев. Он также признался в целовании язвы или стигмы около ее левой груди (кстати, мадемуазель Демандоль и Маделин Бавен, каждая, имели в подобном месте стигмы или язвы). В своем описании К. добавляла, что «именно ее он целовал с особенной чувственностью». Адвокат К. ухватился за это признание, чтобы высмеять отца Жерара. «Вот, действительно ангел чистоты, — заявлял он суду, — который учит нас искусству любования обнаженным телом девушки или женщины, которую он страстно любит и даже бичует ее, без каких-либо следов эротического возбуждения и без

ущерба для его души. Какое чудо непорочности!» Адвокат отца Жерара ответил ему тем же: «Может ли кто-либо действительно поверить, что такие предметы как язвы могут быть подходящим топливом для огня страсти?»

Парламент Экса принимал показания почти год и вынес свой вердикт 11 октября 1731 г. Мнения судей разделились: 12 придерживались точки зрения, что отец Жерар должен быть сожжен, а 12 осудили на повешение К.

«Иногда он бил меня плетью и затем целовал место, куда ударил меня».

Решающий голос принадлежал президенту Лебре, который передал отца Жерара церковным властям за поведение, недостойное священнослужителя, и отправил К. к матери. Таким образом, он указал, что обвинения в колдовстве не были доказаны. Решение президента Лебре не было поддержано толпой, избившей отца Жерара и восторженно поднявшей на руках адвоката К. До конца своих дней К. мирно жила в своем доме, а отец Жерар, оправданный церковью, вернулся в свой родной Доль, где и умер в 1733 г.

КАЗНИ. В континентальной Европе как духовные, так и светские суды сжигали осужденных ведьм. Эта практика основывалась на теологии Августина, расширенной и дополненной последующими теоретиками преследований, такими как Фома Аквинский, инквизиторы Бернард Гидонис и Николас Эймерик. В «Liber de Fide ad Diaconum» Августин писал, что

> «Никоим образом не подлежит сомнению то, что каждый язычник, еврей, еретик и раскольник отправится в вечный огонь, который приготовлен дьяволом и его ангелами, если до конца своей жизни он не будет прощен и возвращен в лоно католической церкви — non solum omnes paganos, sed et omnes Judaeos, et omnes hereticos atque schismaticos, qui extra Ecclesiam catholicam praesentem funiunt vitam, in ignem eternum ituros, qui paratus est diabolo et angelis eius».

Это положение, включенное в «Декреталии» папой Григорием IX, во время разгула репрессий вновь подтвердил кардинал Беллармино (1542–1631), следующим образом оправдывавший смертную казнь за колдовство и ересь: «Лишение закоренелых еретиков жизни в конечном счете идет им на пользу, ведь чем дольше они живут, пребывая в своем заблуждении, тем больше людей совращают и тем на большие проклятия себя обрекают».

Первоначально инквизиция лишь приговаривала к казни (фактическое же исполнение осуществлялось по решению светского суда), причем сожжение было принято и католическими исполнительными властями, и протестантами. Кальвин был одним из наиболее преуспевших в сожжении тех, кого он называл ведьмами. В XV в. Висконти написал книгу, в которой доказывал, что ведьм следует сжигать как еретиков; такова же была точка зрения Фомы Эрастуса, изложенная в «De Lamiis» (1571). Иост Дамхудер, великий авторитет в уголовном праве XVI в., в книге «Enchiridion» (1554) выразил общепринятое мнение:

> «Те, кто убивает с помощью чародейства или заговора, должны быть сожжены в огненном пламени, ибо это не просто убийство; ведь чародей хуже убийцы и заслуживает смерти через сожжение. Соответственно этому тот, кто с помощью магии препятствует естественному размножению мужчин или женщин или делает так, что женщина теряет способность зачать или родить ребенка, выношенного в ее животе, как и тот, кто иссушает молоко кормилицы или другими средствами чародейства или maleficia убивает людей изнутри (с помощью еды или питья) или снаружи (другими способами) должен считаться убийцей».

Во всех странах, кроме Англии (и Новой Англии), ведьм казнили путем сожжения. В Италии и Испании еретики сжигались живьем. В Шотландии, Германии и Франции ведьму казнили через удушение или повешение, а затем тотчас зажигали погребальный костер, всегда принимая меры против того, чтобы ведьма не отреклась от признания, сделанного под пыткой. Казнь Дженет Райд в 1643 г. характерна для шотландского судопроизводства. Ее «взял локман [производитель казни], связал ей руки за спиной, доставил к месту казни, удушил у столба и сжег дотла». Если ведьма отрекалась от своего признания или не раскаивалась, ее оставляли гореть заживо. В другом документе — письме графа Мара с протестом к Тайному совету от 1 декабря 1608 г. так описывается этот второй способ:

> «Хотя они и оставались непреклонными в своем отрицании [вины] до конца, их вскоре сжигали живьем столь жестоко, что некоторые из них умерли в отчаянии, отрекаясь и богохульствуя, а другие, наполовину сожженные, выбирались из огня, и их снова бросали туда, пока они не сгорали совсем» («Register of Privy Council of Scotland», 1624).

Если ведьма не соглашалась сотрудничать с судом, костер разводился из сырого дерева, чтобы продлить казнь. Подобный метод, продлевавший мучения осужденного, поддерживал известный французский адвокат Боден, чья книга «De Magorum Daemonomania» (1580) была общепризнанным руководством:

> «Какое бы наказание мы ни назначили ведьмам, — жарить ли, варить ли их на медленном огне [brusler a petit feu], — это для них недостаточно, и это ничто по сравнению с мучениями, которые для них в этом мире уготовил Сатана, не говоря уже о вечной агонии, которая приготовлена для них в аду, поскольку земной огонь не может гореть больше часа или около того, пока ведьма не умрет».

По поводу акта милосердия в виде удушения перед сожжением Генри Ли замечает: «Человеческая слабость заставляла их подтверждать свои признания, чтобы избежать ужасной смерти от огня. Вся система была направлена на то, чтобы поддержать веру в колдовство и умножить количество жертв».

Невозможно установить, сколько «ведьм» и «колдунов» было казнено в Европе в период колдовской истерии, с 1450 по 1750 гг. Несмотря на то, что подробные судебные отчеты велись начиная примерно с 1600 г. и даже раньше, их сохранность существенно колеблется в зависимости от места и года. Некто, путешествуя по Шотландии в 1644 г.,

писал: «Я помню, что видел девять ведьм, сожженных одновременно в Лейт-Линксе» (Дейлиуэлл, «Darker Superstitions of Scotland», 1834). Однако Тревор Девис обнаружил «только одно серьезное обвинение за колдовство» в отчетах Верховного суда Шотландии за данный год. С другой стороны, в беспристрастных судебных отчетах отражено, что в 1583 г. в Оснабрюке в Германии была сожжена 121 ведьма; в 1589 г. — около 133; в 1612 в Эльвангене — 167 ведьм; в Вюрцбурге в 1628 и в январе и феврале 1629 гг. состоялось 158 сожжений. Спина, официальный представитель Ватикана, ссылается на инквизитора, заявлявшего, что за один год в Комо он и его 10 помощников сожгли 1000 ведьм (конкретный год не назван, но, видимо, это был 1523 г.). За 5 лет, с 1631 по 1636 гг., в отчетах о 3 маленьких деревушках, находившихся под юрисдикцией архиепископа Кельна — в Рейнбахе, Мекенхейме и Флердхейме указано, что от 125 до 150 человек из 300 жителей были сожжены как ведьмы. Реми, Генеральный прокурор Лотарингии, чье ведомство должно было хранить текущие отчеты, хвастался, что за 10 лет, с 1581 по 1591 гг. он сжег 900 человек. Другой пример точного указания числа жертв можно найти, скажем, в Кольмаре, где в 1571 г.:

> «в четверг, после дня святой Маргариты, шесть женщин были сожжены в Хаттштадте, среди них были мать и ее восемнадцатилетняя незамужняя дочь. Мать, вступив в сношения с дьяволом, закончила их, выдав за него свою дочь. 3 ноября пять ведьм были сожжены в Херрлишхейме. 4 декабря 3 ведьмы сожжены в Аммершвейере. 12 декабря мертвая ведьма найдена в Башне ведьм в Кольмаре».

Различные способы казни: обезглавливание, повешение, бичевание до смерти, сожжение живьем. Из книги известного юриста Иоста Дамхудера «Enchiridion» (1554). НПБ.

Множество старинных монографий по колдовству освещают события, происходившие в определенном графстве или городе в определенный период времени; но эти книги, многие из которых представляют собой сброшюрованные памфлеты, чаще всего публиковались каким-нибудь местным издателем и имели незначительное распространение вне территории, где они печатались. Лишь отдельные известные процессы детально описывались и получали мировую известность. Из-за различных условий хранения исторических документов количество казненных можно определить лишь приблизительно. Людовико из Парамо в «De Origine et Progressu Officii Sanctae Inquisitionis» (Мадрид, 1598) ут-

верждает, что инквизиция только на протяжении 150 лет сожгла 30 000 ведьм (цитируется Лимбохом, 1692). Однако, если действительно требуется установить приблизительное количество жертв, наиболее вероятным предположением представляется вывод Джорджа Л. Барра, установившего, что только в Германии было сожжено, по крайней мере, 100 000 мужчин, женщин и детей. Для всей Европы эту цифру следует удвоить.

Поскольку количество сожжений на континенте было, даже по самым умеренным оценкам, очень значительным, существует опасность неоправданно завышенной оценки количества казненных в Англии. Эйди говорит о «нескольких тысячах» сожженных в Шотландии; Захария Грей (в 1744 г.) приводит цифры от 3000 до 4000 казненных в период между 1640 и 1660 гг.; а Роберт Стил (в 1903 г.) дает цифру в 70 000 человек между 1603 и 1628 гг. Л'Эстранж Эвен, один из немногих авторов, работавших с подлинными документами, делает такое попутное замечание:

> «Сама случайная природа суда над ведьмой заставляла любопытных принять и сохранить наиболее сенсационные положения свидетелей и обвиняемых. Значительная часть подобного материала доступна, в основном, в виде небольших дешевых брошюрок, прежде всего показывающих, что суды за колдовство со свидетельствами, от которых волосы встают дыбом, были достаточно необычными явлениями, способными возбудить интерес читающей общественности» («Witchcraft and Demonianism»).

Эвен «предполагает», что всего в Англии было казнено порядка 1000 ведьм.

КАЙЗЕРСБЕРГ, ГЕЙЛЕР ФОН (1445–1510). Доктор теологии Бадена и Фрейбурга, проповедник в Страсбурге (1478). Благодаря своим изысканным и страстным проповедям приобрел большую популярность у прихожан. «Die Emeis» [«Муравейник»] представляет собой собрание его проповедей, произнесенных в Страсбурге в Великий пост 1308 г., переписанных монахом Джоаном Паули и опубликованных в 1517 г. В одной проповеди говорится о волкодлаках, которые, как полагает К., могут быть дьяволами, ведущими себя как волки; превращение людей в волков он отвергает. В 17-й проповеди, одной из 26, посвященных колдовству, К. отстаивает веру в то, что maleficia совершается только с соизволения Господа, и что в действительности их совершает дьявол, а не ведьма. Так, например, ни мазь ведьмы, ни ее заклинания заставляют ее раздвоенную палку летать по воздуху, но могущество дьявола, допущенное Господом. Beneficia доброй ведьмы в равной степени связана с дьяволом, и светский закон также не должен уклоняться от предания ее смерти.

Фрагмент страницы из сборника проповедей «Die Emeis» (1517)
Гейлера фон Кайзерсберга, первой работы по колдовству, напечатанной в Германии.

«Муравейник» (1517) примечателен также как первая книга по колдовству в Германии. Проповеди иллюстрированы, и две гравюры приводятся в «Энциклопедии»: приготовления к шабашу (приписывается Бальдунгу Грюну) и волкодлак, нападающий на человека (иллюстрация к Ликантропии). Лютер цитировал эту книгу в своих проповедях в Виттенберге в 1518 г. Более ранний немецкий сборник проповедей (1505 г.) Мартина Плантша опубликован в переводе на латынь в 1507 г. Оба сборника проповедей простодушно обсуждают колдовство как реально существующее явление и показывают, как эта концепция распространялась сверху вниз, от пастыря к прихожанам.

КАЙТЕЛЕР, АЛИСА. Первая ведьма Ирландии, леди Алиса Кайтелер была обвинена в 1324 г. в еретическом колдовстве, причем некоторые пункты обвинения во многом сходны с обвинениями, обычно предъявлявшимися двумя столетиями спустя. Подстрекателем был Ричард де Ледреде, епископ Оссорский, францисканец, обучавшийся во Франции. Весьма вероятно, что, узнав там о ведьмовских процессах, он необдуманно попытался ввести их в Ирландии. В качестве мишени епископ выбрал самую состоятельную даму Килкенни; перспектива конфискации собственности еретички, без сомнения, обусловила его рвение. Леди К. получила свое состояние, пережив нескольких мужей: Уильяма Оутлоу, Адама ле Блонда и Ричарда де Балле. Джон ле Пуэр, ее четвертый муж, в момент ее ареста был при смерти.

Епископ де Ледреде выдвинул несколько обвинений против К., ее сына от первого брака (Уильяма Оутлоу) и их сообщников:

> 1. Чтобы добиться эффективности своего чародейства, они отреклись от Господа и католической церкви и уклонялись от выполнения всех христианских обязанностей;
> 2. Они приносили в жертву живых существ, прежде всего петухов, Роберту Артиссону (filius Artis), демону, «одного из низших классов ада».
> 3. Они пытались узнать будущее через дьяволов.
> 4. Они пародировали религиозные церемонии на ночных собраниях, которые заканчивались погашением свечей и восклицаниями: «Фи! Фи! Фи! Аминь».
> 5. Чтобы вызвать любовь и ненависть или убить, или нанести вред людям и животным, они изготавливали порошки и мази из внутренностей жертвенных петухов, «неких ужасных червяков», трав, ногтей мертвых людей, волос, мозга некрещенных детей, вместе сваренных в черепе обезглавленного разбойника на огне из дубовых дров.
> 6. Леди Алиса обладала магическими порошками. Их нашел ее четвертый муж и отослал епископу. Все ее дети, кроме первенца, объединившись, подали жалобу, что она убила своих мужей и путем магии лишила их наследства.
> 7. Леди Алиса имела сексуальные сношения с Робертом Артиссоном, который иногда появлялся в виде кота, черной лохматой собаки или черного человека, несущего железный прут.

Последующие хронисты развивали тему, исходя из этих первоначальных обвинений.

Леди Алиса была достаточно влиятельной, чтобы противостоять епископу, и он отомстил ей отлучением от церкви. Тогда леди Алиса посадила епископа в тюрьму; в ответ на это он отлучил от церкви всю свою епархию и вызвал ее сына Уильяма Оутлоу в епископский суд. В это время Лорд — Главный судья (сторонник Алисы) объявил отлучение незаконным, и епископа заставили отменить свое решение. Через несколько дней епископ де Ледреде появился в полном облачении с ватагой монахов в светском суде, но его буквально выгнали. Решительно настроенный епископ вернулся и потребовал гражданского ареста тех, кого он обвинил в чародействе. Его вышвырнули во второй раз. Однако де Ледреде настоял, чтобы леди Алиса переехала в Англию. Джон ле Пуэр помог епископу арестовать своего пасынка Уильяма Оутлоу на 9 недель. Однако настоящей жертвой всей этой суматохи и козлом отпущения стала служанка леди, Петронилла де Мите, Ее шесть раз высекли, и она призналась во всем, что хотел епископ, — в принесении жертв

Артиссону и посещении ночных оргий, а также в том, что леди Алиса была самой порочной и искусной чародейкой из когда-либо живших на земле. Петронилла, ставшая первой жертвой колдовской истерии в Ирландии, была отлучена от церкви и сожжена заживо 3 ноября 1324 г. в Калкенни. Ли сделал следующее важнейшее замечание по поводу данного процесса:

> «Этот случай интересен как пример переходного состояния веры в колдовство, между ранней магией и позднейшей колдовской ересью. Он иллюстрирует также один из основных моментов уголовного судопроизводства последующих столетий, объясняющий безоговорочную веру в чародейство. Бесконечно повторяющаяся пытка не только приводила допрашиваемого в состояние, когда он признавался во всем, что от него требовали, но и производила такое впечатление, что он до конца не рисковал отречься от своих показаний».

Правила судопроизводства в церковном суде в Ирландии контрастировали с обычным судебным правом того времени. Так, светский суд, состоявшийся в том же 1324 г. над 27 мужчинами и 2 некромантами в Ковентри, оправдал их всех, хотя они объединились для того, чтобы уничтожить короля Эдуарда III и делали для этого его восковые подобия

КАНОН EPISCOPI. До XIII в. официальная и общепринятая позиция христианских теологов заключалась в том, что все действия ведьм являются иллюзиями или фантазиями, происходящими во сне и, следовательно, вера в колдовство является языческой, а потому еретической. Эта позиция явно противоречила позднейшим взглядам инквизиторов, приравнивавших чародейство к ереси и считавших, что колдовство, ночные полеты, сношения с демонами, превращение в животных происходят в действительности, а, следовательно, неверие в колдовство является ересью [см. Иннокентий VIII].

Одним из самых ранних и постоянно цитируемых документов, отражающих ранние взгляды, является канон (постановление) капитула епископов. Реджино из Прюма, трирский аббат, первым представивший его текст около 906 г., ошибочно относил его к собору в Анкаре (314 г. н.э.). Но каково бы ни было происхождение этого канона, на протяжении многих столетий он считался наиболее авторитетным источником. Еще в XII в. епископ Грациан из Болоньи включил его в сборник «Корпус канонического права» («Corpus juris canonici»), сделав таким образом частью Канонического закона.

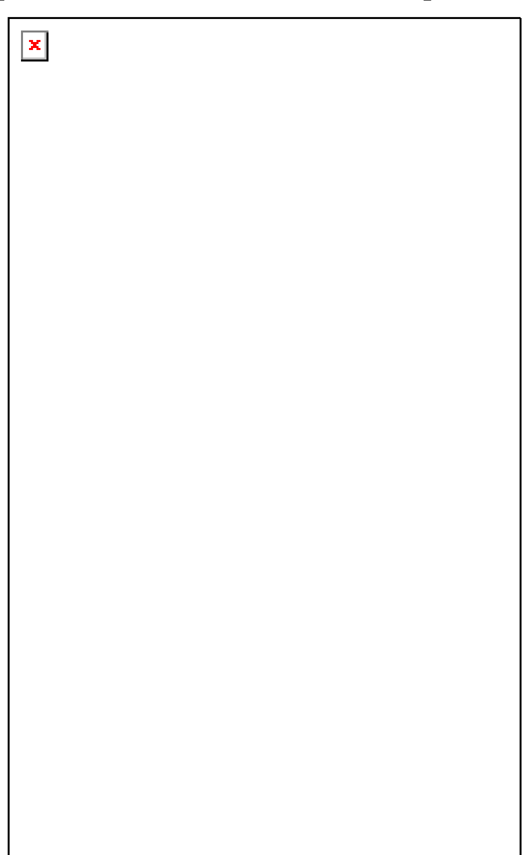
После XVI в. ночные полеты были приняты как часть теории колдовской ереси, в X в. в каноне «Episcopi» вера в ночной полет определялась как ересь. Из Бонавентуры фон Генелли «Das Leben einer Hexe» (1847).

Поскольку К. явно противоречил цельной теории колдовства, разработанной церковными и светскими демонологами, он постоянно подвергался сомнению, искажался и даже отвергался (например, Фомой Аквинским).

Один из способов борьбы с его влиянием заключался в заявлении, что, даже если ведьма всего лишь видела свои магические действия во сне, одно воспоминание о таком сне делало ее виновной, как будто бы ее сновидение было реальностью.

Достаточно удивительно, что подобная казуистика проникла в протестантские рассуждения, и философ-материалист Томас Гоббс в «Leviathan» («Левиафан», 1651) очутился в компании с «Malleus Maleficaram»: «Что же касается ведьм, то я не думаю, что их колдовство обладает реальной силой, но их справедливо наказывают за то, что они верят, будто могут приносить людям вред, и за то, что они непременно сделали бы это, если бы могли».

Другой способ обойти догму заключался в утверждении, что положения К. относятся лишь к периоду его составления, и демонологи не должны применять их к более поздним колдовским сектам. Одним из первых инквизиторов, отвергавших К., был Жакье, заявивший в 1458 г., что только тот, кто верит, что ведьмы на самом деле летают на шабаш, является правоверным католиком. Однако даже в 1613 г. де Ланкр должен был лицемерно признавать К., сохраненный папой Григорием XIII (1572–1585) в «Декреталиях». Он был использован в качестве лазейки дель Рио, считавшим, что некоторые ведьмы посещают шабаш лишь в видениях. Их необходимо примирять с церковью, для чего — и здесь он сам себе противоречит — их можно пытать до признания.

Согласно канону «Episcopi», вера в полеты была заблуждениями, основанными на суевериях. Сатирический офорт Гойи, изображающий двух ведьм на метле, с надписью: «Метла, возможно, является наиболее существенным инструментом для ведьмы. Кроме того, что она используется для подметания, метлу можно также, согласно столь многим историям, превратить в мула, который бежит так быстро, что даже дьявол не может соперничать с ним». — Гойя (1799).

Интересный пример прямого влияния К. и его отражения в сознании простого мирянина содержится в «Кентерберийских рассказах» Д.Чосера, где сельский пастор проводит такое различие между maleficium (черной магией или колдовством) и белой магией (дохристианскими языческими заговорами, например, насылающими сон):

«Что можно сказать о тех, кто верит в гадания по полету птиц, по зверям, жребию, в геомантию (гадание по линиям и фигурам), в сны, скрип дверей, потрескивание стен, крысиную возню и другую чепуху? Конечно, все они противны Господу и святой церкви. Поэтому да будут все они прокляты, если не пожелают исправиться, те, кто верит во все эти вещи. Заклинания же, исцеляющие людей или животных, если они помогают, по соизволению Господа, могут лишь усилить веру и почтение к Его имени» («Рассказ священника»).

Канон «Episcopi»

«Епископы и священники должны стараться всеми силами искоренить совершенно из своих приходов дьяволом изобретенное пагубное искусство гадания и колдовства, и если кого-либо, мужчину или женщину, заподозрят в принадлежности к подобного рода преступлению, пусть епископы и священники изгонят их из своих приходов самым постыдным образом, ибо апостол сказал: „Еретика, после первого и второго вразумления, отвращайся, зная, что таковой развратился и грешит, будучи самонужден“ (Тит. 3, 10-11). Будучи развращены, пленены дьяволом и покинуты создателем, они ищут помощи у дьявола, а посему церковь должна быть очищена от подобной заразы. Не следует упускать из внимания и того, что некоторые преступные женщины, совратившиеся вслед сатаны (1 Тимоф. 5, 15) и, соблазненные внушением и нашептываниями демонов, верят и утверждают, будто они ночною порой скачут на каких-то животных с Дианой, языческой богиней, или с Иродиадой и бесчисленными множеством других женщин и будто они проносятся таким образом в безмолвии глубокой ночи через необозримые пространства, повинуясь во всем велениям богини и являясь по ее вызову на служение ей в известные ночи.

И пусть бы они одни погибали в своем неверии, а то они увлекают на путь погибели и других. Ибо бесчисленное множество, обольщенное этим ложным мнением, верит, что это правда, и, веря так, впадает в заблуждение язычников, полагая, что кроме единого Бога, существуют какие-то другие божественные существа. А посему священники во вверенных им церквах со всею настоятельностью должны проповедовать народу, что все это сущая ложь, и внушать, что подобные видение вселяются в души маловерных силою не божественного, но злого духа. Именно сам Сатана, который преображается в ангела света, пленяет женщину, подчиняет ее себе, понуждает к отпадению от веры, затем принимает образы и подобия различных лиц и ведет с нею во время сна демоническую игру, показывая ей то веселые, то печальные виды, то знакомых, то незнакомых лиц. При этом совратившийся ум полагает, что все это происходит не духовно, но в телесном виде.

С кем же, конечно, не бывает, что в ночных грезах он будто покидает самого себя, и кто во сне не видывал того, что не приходилось никогда видеть наяву? Но кто же может быть столь глуп и безрассуден, чтобы все подобное, происходящее с духом, относить и к телесному существованию? Пророк Иезекииль, как он сказал, видел и слышал Господа не в плоти, но в духе, и апостол Павел не решился сказать, что был восхищен во плоти. Посему всенародно должно быть объявлено, что тот, кто верит чему-нибудь подобному, является отступником от веры, а кто не имеет правой веры в Бога, тот уже не чадо Божье, а чадо того, в кого он верит, то есть дьявола. Ибо самим Господом написано: „вся тем быша“ (Иоанн 1, 3).

Следовательно, если кто-то верит в возможность того, что какое-либо существо может измениться или преобразиться в лучшее или худшее состояние, в иной образ или подобие без участия самого Создателя, который все творит и которым все создано, тот вне сомнения, неверный и хуже язычника» (2–я часть декрета Грациана, предм. XXVI, вопрос V, канон XII).

КАРОЛИНСКИЙ КОДЕКС. Общий уголовный кодекс для всех государств, входивших в Священную Римскую империю, был принят регенсбургским рейхстагом в 1532 г. в царствование Карла V. Закон, происходивший от Бамбергского уголовного уло-

жения («Bambergische Halsgerichtsordnung», 1508) устанавливал все основные наказания за колдовство. Тем не менее, в конце XVI в. судьи часто игнорировали предписания К. и судили обвиняемых по своему усмотрению. Так, после суда в Бамберге обвиняемые и их родственники умоляли императора ввести в этом княжестве К., чтобы защитить их от подобных противоправных действий.

Приводим статьи, регламентирующие суды над ведьмами.

21. Относительно доказательств против тех, кого подозревают в предсказании будущего посредством чародейства. Никто из подозреваемых в предсказании судьбы посредством чародейства или других магических искусств не должен подвергаться тюремному заключению или пыткам, если это единственное обвинение. Вместе с тем, любой, кто считает себя предсказателем и обвинен в этом, должен понести наказание. Если же обвиняемый в предсказательстве будет признан виновным в причинении своей жертве недуга, увечья, телесных повреждений или финансовых потерь, судья может продолжить производство против него в соответствии с соответствующими статьями.

44. Относительно достаточных доказательств колдовства. Если кто-либо обучает колдовству других, совращает их на занятие колдовством, чем вовлекает в грех, если к тому же он участвует в таких же действиях вместе с другими ведьмами, мужчинами или женщинами и тем более, если он обвинен в этом другими ведьмами, эти показания являются достаточным доказательством колдовства и основанием для пытки.

52. О том, как допрашивать для признания в колдовстве. Если кто-либо признался в колдовстве, он должен быть допрошен под присягой о его первопричине и деталях, о том, с кем, где и когда он занимался колдовством я посредством каких действий и слов. Если при этом окажется, что допрашиваемый скрыл или утаил что-либо связанное с упомянутым колдовством, это должно быть разыскано, если оно может быть найдено. Но если колдовство производилось посредством слов или действий, то расследование должно установить их значение для колдовства. Он должен быть допрошен о том, где и от кого он научился колдовству, и как стал им заниматься. Если колдовство использовалось против других лиц, то необходимо установить, против кого именно, и какой вред им был нанесен.

109. Наказание за колдовство. Если колдовством нанесен ущерб или телесное повреждение кому-либо, то виновный должен быть наказа смертью через сожжение. Но если колдовство не принесло вреда, он должен быть наказан иначе, соответственно тяжести преступления, и приговор суда должен соответствовать нижеследующим условиям.

116. Наказание за распутство, противное природе. Обвиненные в скотоложстве, мужеложстве, лесбиянстве должны быть лишены жизни и приговорены к смерти через сожжение.

КАРПЦОВ, БЕНЕДИКТ (1595–1666). Известен тем, что подписал смертные приговоры 20 000 человек. Возможно, распустивший в 1675 г. эту легенду Филипп Андреас Ольденбургский, и преувеличивал, но его оценка, вынесенная тогда, когда еще была свежа память об этом человеке, не могла быть полностью неправдоподобной, более того, Ольденбургский восхищенно цитирует его. Независимо от того, соответствует это истине или нет, К. повлиял на развитие колдовской истерии в Германии сильнее, чем кто-либо другой. Прозванный «законодателем Саксонии», он был сыном известного профессора права в Вюрцбурге, сам являлся профессором в Лейпциге, заседал в Collegium Scabinorum Lipsienum (Верховном суде Лейпцига), расследуя тысячи запутанных дел, направлявшихся туда для пересмотра. Обычно местные судьи были настолько малообразованны, что во многих частях Германии их заставляли представлять судебные отчеты на рассмотрение правовых факультетов близлежащих университетов. Но зачастую решения последних не имели никакой силы или игнорировались. Однако К. возродил этот обычай и таким образом влиял на вердикты повсеместно по всей Саксонии и, публикуя свою точку зрения, косвенно влиял на протестантские суды в других немецких княжествах.

Его труд «Practica Rerum Criminalum» [«Об уголовных законах»], впервые опубликованный в 1635 г. и переизданный 9 раз, к 1723 г. был чем-то вроде «Malleus Maleficarum» для протестантов. Но протестантского в нем было немного, поскольку источниками К. были известные католические демонологи, особенно авторы «Malleus Maleficarum», Гриландус, Реми, Бинсфельд, дель Рио и прежде всего Боден. Но популярностью своего труда К. обязан не столько цитатам из авторитетных источников, сколько своей собственной репутации внутри Саксонии. Деятельность Бинсфельда в значительной степени ограничивалась Триром, Боден судил ведьм очень недолго. К. много лет контролировал законы целого государства.

К. не внес ничего оригинального ни в теорию, ни в законодательную практику охоты на ведьм и не обладал большим интеллектом. Он просто истолковывал безжалостные законы, введенные в Саксонии курфюрстом Августом в 1579 г. (вместо имперского Каролинского кодекса), облачив их в пышный законодательный наряд, цитируя разные источники и, во имя учения Лютера, распространяя свои взгляды с высоты профессорского звания. Искренне верующий, посещавший церковь каждую субботу и причащавшийся каждый месяц, утверждавший, что прочитал Библию 53 раза, он был вместе с тем безжалостным фанатиком. Мальбланш, историк XVIII в., полагал, что «слепое и временами глупое религиозное рвение затуманивало его ум». В течение сурового периода Тридцатилетней войны его догматические законы, направленные против ведьм, якобы вызывавших разрушения, отметали все разумные доводы. Он выступал прежде всего против И.Вейера, считая, что за колдовские преступления нужно судить только по инквизиторской методике и что, поскольку колдовство есть дело тайное и отвратительное, не следует ограничивать местных судей законодательными техническими формальностями в получении показаний. Время от времени он возвращался к мнению, что местный судья должен обладать широкими полномочиями при рассмотрении «исключительных» преступлений.

Без сомнения К. считал себя реформатором. Он выступал против содержания заключенных в подземной тюрьме, где они могут быть убиты ядовитыми змеями. Заключенный должен получать уведомление о своей казни за три дня, в течение которых он должен получать хорошую еду и вино. Невежественные новички не должны быть судьями в местных судах.

Однако, когда дело доходило до основных принципов, К. ни на йоту не отличался от демонологов. В отношении колдовства не должно было существовать никаких ограничений. Намерение есть достаточное доказательство. Ведьмы летают на Блоксберг. Шабаш — реальность, а не иллюзия. Ведьмы имеют сексуальные сношения с дьяволами дважды или трижды в неделю и иногда рожают эльфов. Чародейство и колдовство — это одно и то же, поскольку оба связаны с дьяволом. Ссылаясь на Библию, К. рекомендовал пытки и определял 17 различных методик, включая медленное обжигание тела свечами, вбивание деревянных клиньев под ногти с последующим поджиганием. Если заключенный отрекался от признания, его следовало снова подвергнуть пытке. Погребение не разрешалось, поскольку разлагающийся труп ведьмы наводил ужас на других.

Иногда аргументы К. были весьма утонченны: если кого-либо обвиняет его сообщник, то это еще не основание для ареста, однако, обвиняемого следует допросить, и, если его показания расходятся с показаниями обвинителя, то это является основанием для подозрений и, следовательно, его можно подвергнуть пытке. Нельзя, писал К., допускать, чтобы обвиняемый задавал вопросы свидетелям, поскольку он может смутить их и таким образом избежать заслуженного наказания.

В конце «Practica» К. поместил 36 решений лейпцигского Верховного суда, принятых с 1558 по 1622 гг., на которые постоянно ссылались впоследствии, и, таким образом, стал неоспоримым авторитетом.

Влияние К. очевидно на протяжении почти ста лет после появления «Practica», особенно, когда одна из его точек зрения была приведена, чтобы приговорить к смерти бедную женщину Анну-Марию Розенталь в Винтерберге (Вестфалия) в 1728 г. Генеральный

прокурор ссылается на доказательства колдовства, упомянутые в работе «известного криминалиста» К., и подчеркивает, что К. рекомендует судьям выносить вердикты, исходя из обстоятельств каждого конкретного дела. Отчет из Арнсберга показывает, что и здесь К. и дель Рио ставили выше противоречивого Каролинского кодекса в трактовке некоторых показаний. Только в конце XVII в. К. подверг критике другой юрист, также протестант, Томасиус.

КАССИНИ, САМУЭЛЬ ДЕ. Францисканский монах, родился в Турине, получил образование в Париже, постоянно проживал в Милане, был одним из немногих теологов, противостоявших вере в колдовство. Идея колдовства медленно распространялась в течение XV в., когда демонология, развитая святыми пустынниками из Египта, соединилась с вековыми традициями магии (как черной, так и белой) и положила начало новой ереси. После публикации «Malleus Maleficarum» в 1486 г. против него выступили только три известных автора: Симфорен Шампье (ок. 1500), Самуэль де Кассини (ок. 1505) и Джанфранческо Понцинибио (ок. 1520).

Q̃Uestionē quãdã de lamijs quas strigas vocãt sępenũero ventilatã cũ tñ i ea nõ fuerit vsq̃z adhuc agnitus rei ditius expositus. nũc breui cõpẽdio eliquare de hac ipsa re in aio est. Agor enim cõscie stimulo: cũ videã plerosq̃z p inscitiã in errorē labi torpescere ac segnitet. ꝛ vt i quasi prospectu sit ipsius rei alta difficultas arduas magis in corpore quoniã concentias conclusiones hic subnecto. ꝛ sunt hec.

Prima cõclo. Si diabolus inuenerit corp⁹ aptũ natũ moueri nec tñ dispositũ potẽtia ppinqua põt illũ assumere sz nõ mouē.

Scda cõclo. Si inuenit dispositũ potẽtia ppinqua põt assumē ꝛ mouē.

Tertia cõclo Si inuenerit nõ aptũ natũ nãliter moueri ꝛ dispositum supnãliter ad moueri: ꝛ illa supnã̃lis dispõ sit ad finem bonũ mediatũ q: vz possit mediare actus deformitatis q sit ipsius diaboli: tunc diabolus ꝛ põt assumē ꝛ mouē.

Quarta cõclo. Si sit dispositũ ad finē bonum mediatũ quē vz mediat actus difformitatis bonis: nũc ẽt assumere põt ꝛ mouere.

Quinta cõclo. Si sit dispositũ ad finē bonũ oio imediatũ: nũc nõ potest assumere neq̃z mouere nec quasi testis adesse illi motui quem opatur imediate diuina vis.

Sexta cõclo. Qñ solus supnãliter disponit: si solũ moueat a deo imediate: nũc est miraculũ lz intercedat pñtia angeli vt scũ est in delatione abacuch ꝛ helie ꝛ philippi.

Septia cõclo. Corpus dispositũ illis duob⁹ modis pmis nõ posset de⁹ imediate mouere de potentia ordinata ne videret esse imediata cã malorũ culpe. de potẽtia ã absoluta posset q: posset ratificare illos actus alr diuina lege phibitos pter q̃ aĩaĩ odij diuini ne videret dea negare seipsũ.

Страница из «Question de le Strie» (1505) францисканского монаха Самуэля де Кассини, одной из очень немногих работ, появившихся до 1550 года, в которой доказывается несостоятельность идеи колдовства. Сохранилось только 2 экземпляра книги, один в Милане и другой в БКУ.

В основном К. апеллировал к канону «Episcopi», в котором вера в ночные полеты ведьм осуждалась как ересь. В течение столетий инквизиторы вынуждены были продолжать отрицать или оправдываться по поводу этого постулата католической религии. Таких откровенных атак на теорию колдовской ереси не случалось уже очень много лет. К. обвинил самих инквизиторов в ереси, поскольку они с пренебрежением относились к церковным традициям; вместо того, чтобы поощрять фальшивые обвинения, им следовало бы восстанавливать собственность и доброе имя обвиненных.

КВАКЕРСКОЕ КОЛДОВСТВО. Квакеры занимают почетное место в истории колдовской ереси. Ни один квакер не высказался в защиту этого заблуждения, некоторые критиковали его. Хотя Георгий Фокс, основатель Общества друзей, никогда не оспаривал «дух колдовства», тем не менее он высмеивал такие предрассудки, как вызывание ведьмами бурь. В 1676 г. он призвал всех «тружеников моря» не заблуждаться на этот счет.

«Пусть профессора богословия из Новой Англии разберутся в том, следует ли бросать в море некоторых бедных простых людей, которые якобы являются колдунами. …Ведь нет никакого сомнения, что посылает ветер и вызывает сильный шторм на море Господь, а не колдуны, эти злоязычные люди, о которых ходят напрасные сплетни».

В течение XVII в. секта подвергалась многим оскорблениям, и к физическому насилию добавились сатирические сочинения, связывающие их с колдовством. «У квакера откровение возникает только тогда, когда с ним делается колдовской припадок». В немецких и английских работах квакеры обвинялись в использовании особого средства, называемого квакерским порошком, которое помогает им обращать людей в свою веру.

Ко времени обоснования квакеров в Америке вера в колдовство повсеместно угасала. Таким образом, их рационализм не был исключительным явлением. Хотя в 1718 г. в Пенсильвании было возрождено английское «Уложение» Якова I, оно не применялось ни разу. В Пенсильвании состоялся только один суд, 27 декабря 1683 г., над двумя старыми женщинами-шведками, обвиненными в околдовывании животных. Этот, едва ли не единственный ведьмовской процесс, был отменен по техническим причинам. Стоит воспроизвести неофициальную легенду о проведении суда Уильямом Пенном. Пени спросил одну из обвиняемых: «Являешься ли ты ведьмой? Летала ли ты по воздуху на метле?» Смущенная женщина сказала, что летала. Тогда Пени заявил ей, что она имела полное право летать на метле, поскольку не существует никакого закона, запрещающего это делать, и приказал ее отпустить.

Бенджамин Франклин высмеял колдовство в «Pennsylvania Gazette» от 22 октября 1730 г., описав воображаемый суд над ведьмой около Маунт Холли, Нью-Джерси. Многие восприняли его мистификацию как реальный факт, и она была перепечатана в британском «Gentleman's Magazine» 1731 г.

КЕЛЬНСКИЕ СУДЫ НАД ВЕДЬМАМИ. В вольном городе Кельне, за исключением двух вспышек массовой охоты на ведьм, примерно с 1625 по 1626 и 1630 по 1636 гг. преследования за колдовство случались гораздо реже, чем в других германских землях. Эта относительная свобода была связана как с просвещенностью, так и с более мягкими законами, по которым городской совет сохранял за собой исключительное право ареста. Сплетни, обвинения соучастников и слухи о встречах на шабаше обычно не принимались во внимание, и колдовство наказывалось просто поркой. Но верно и то, что, что в 1610 г. городской совет не предпринял никаких действий против толпы, которая забила камнями ведьму на основании одного лишь слуха об ее участии в шабаше.

Из многих судов, состоявшихся около 1626 г., наиболее известен тот, что был связан с Екатериной Гено. Монахини монастыря Св. Клары обвинили ее в околдовывании. На церковном суде ее адвокат (разрешение на защитника было само по себе необычным) оспаривал правомочность обвинения, выдвинутого одержимыми; помощник епископа и викарный архиерей сняли обвинение, вынеся вердикт: «Невиновна!» Но кельнский архиепископ Фердинанд, проживавший в Бонне, настоял на том, чтобы светский трибунал провел новый суд, и добился осуждения и сожжения Екатерины Гено.

Вторая вспышка преследований произошла в 1629 г. и снова встретила значительное сопротивление. Одна из одержимых, Кристина Плюм, обвинила многих горожан в колдовстве. Когда многие священники развенчали ее обвинения, заявив, что женщина помешана, они сами оказались в числе «колдунов», Архиепископ, безвольный фанатик, призвал городской совет усилить охоту на ведьм и постановил создать комиссию для установления признаков колдовства. Судьи все еще были относительно гуманны: конфискация собственности не разрешалась, хотя семья осужденного и должна была оплачивать все издержки, пытка разрешалась только по распоряжению суда, а не по прихоти палача (как было повсеместно). Отправной точкой начала процесса над ведьмой оставалось ре-

шение об аресте, но, поскольку городской совет ограничивал аресты, Кельн не пережил такого массового террора, как Бамберг и Вюрцбург.

Значительную роль в противодействии колдовству в Кельне играли иезуиты. Так, например, с целью противодействия подстрекательским книгам о магии и колдовстве они перепечатывали работы таких умеренных авторов, как иезуит Адам Теннер или Иорданиус, каноник из Бонна, написавший «Disputatio Brevis et Categorica de Proba Stigmatica», где опровергалось мнение Остермана (1629) о том, что отметки на теле являются одним из признаков ведьмы. Шпее был переведен из Падерборна в иезуитский колледж в Кельн в ноябре 1631 г., и в 1663 г. там было опубликовано 3-е издание его гуманистического по взглядам исследования «Cautio Criminalis».

Либеральное влияние некоторых иезуитов и других инакомыслящих было подавлено после лейпцигской битвы 1631 г., когда множество охотившихся за ведьмами церковных сановников, в том числе архиепископ Майнцский, епископы Бамбергский, Вюрцбургский, Вормсский, Шпеерский и аббат Фульдский, бежали со своими сокровищами в безопасный Кельн. Выдворенные из своих собственных владений шведской армией и протестантами, эти прелаты начали организовывать охоту за ведьмами в Кельне. К 1636 г. ситуация стала настолько скандальной, что папа был вынужден послать в Кельн кардиналов Гиретти и Альбицци, чтобы прекратить суды. По словам кардинала Альбицци, во время этой поездки: «Ужасное зрелище предстало перед нашими глазами. За стенами многих городов и деревень мы увидели многочисленные столбы, к которым привязывались бедные, жалкие женщины, сжигавшиеся за колдовство». Эта папская миссия усилила оппозицию внутри города, и общие перемены в религиозном климате ослабили манию. После 1636 г. в течение многих лет в Кельне не было сожжений ведьм. Последняя же казнь состоялась в 1655 г.

КЛЕЙН, ИОГАНН. Профессор права в Ростокском университете, вследствие этого стал членом комиссии, которая в конце XVII в. пересматривала сложные дела ведьм, представленные судами Мекленбурга. Основная проблема касалась сексуальных отношений между ведьмой и дьяволом, и, чтобы внести ясность в этот сложный вопрос, К. написал диссертацию. Он верил в реальность сношений, но не верил, что от них может родиться потомство (если это все же случается, то это дьявольское наваждение). Некоторые из его аргументов и примеров приведены в других статьях, прежде всего в статье Сексуальные сношения с дьяволом.

КЛЕЙМО ДЬЯВОЛА. Клеймо (отметка, печать) дьявола [stigmata, sigillum diaboli] встречаются почти во всех отчетах о ведьмах или судах над ведьмами и показывают, как извращенные умы и истерическая глупость могут привести к неверному объяснению природных явлений и тем самым вызвать убийство тысяч мужчин, женщин и детей.

Клеймо дьявола часто смешивается с ведьминским знаком, и поздние охотники за ведьмами принимали и то, и другое как достаточное доказательство для установления колдовства. Термины использовались как взаимозаменяемые во время преследований и даже отдельными демонологами. Различие заключалось в том, что клеймо дьявола напоминало шрам, родимое пятно (родинку) или татуировку, в то время как ведьминский знак был выростом (отростком) на теле, который якобы могли сосать домашние духи (согласно английской концепции).

В соответствии с теориями, бытовавшими в XVI и XVII вв., дьявол скреплял соглашение с ведьмами, ставя на их теле некую опознавательную отметку, наподобие той, которой фермер клеймит скот. Одним из первых отметил подобные клейма известный кальвинистский теолог Ламберт Дано в «Les Sorciers» (1564), переведенной на английский под названием «Диалог ведьм» (1575). «Нет ни одной ведьмы, — говорит Дано, — на которую бы [дьявол] не поставил некую отметину или знак своей власти и исключительного права над ними». Судьи всегда должны, когда подозреваемые предстают перед ними, уда-

лить волосы и побрить, где представляется возможным, все тело, иначе клеймо может остаться незамеченным под волосами в любом месте». Синистрари, один из поздних демонологов, также верил, что

> «дьявол ставят ставит на [ведьм] некую отметину, особенно на тех, в чьей преданности он сомневается. Однако, эта отметина не всегда одной и той же формы или контура, иногда она похожа на зайца, иногда на лапку жабы, на паука, щенка, соню. Она ставится в самых интимных местах тела; у мужчин под веком или подмышками, или на губах или плечах, в заднем проходе или еще где-нибудь, у женщин, обычно, на груди или в интимных местах. Иногда печать, которой делают эти отметки, является просто дьявольским когтем» («De Demonialitate»).

Подобные отметки были самым верным признаком ведьмы, и нахождение их служило достаточным основанием для применения пытки, как отмечал Нехринг в 1666 г., или для вынесения смертного приговора (Скотт, «Discovery of witchcraft», 1584). К.Мазер придавал огромное значение «прокалыванию» ведьм:

> «И, кроме того, почему бы не поискать ведьминских отметок? Их свойства и качества описаны авторами, имеющими большой авторитет, и никогда не видел ни одной подобной отметки, но, несомненно, что любой хирург, едва взглянув на них, сразу скажет, что они волшебные».

Большинство человеческих существ имеют определенные недостатки, которые можно считать *клеймом дьявола*. Распространены бородавки, родимые пятна и различные виды nevus, или бугорков красного или пурпурного цвета, также как и сухие плотные наросты на коже и различные виды мозолей. Старые раны оставляют пятна рубцовой ткани. Любое нарушение пигментации порождает пятна странной формы, дающие простор для фантазии; и по сей день еще кое-кто считает родинки земляничками.

Подобные природные особенности считались возможными отметками, указывающими на то, что их носитель в страхе и покорности подчиняется дьяволу. Специалисты придерживались мнения, что, если мужчина или женщина, зная об опасности обнаружения подобной отметки, соглашались принять это клеймо, они добровольно вступали в договор с дьяволом и, следовательно, были колдунами. Священник Гофриди в 1611 г. признавался: «Подобные отметки были сделаны как знак того, что я буду хорошим и верным слугой дьявола всю мою последующую жизнь».

Отметки следовало искать в любых частях тела, особенно на левом плече (как указывал, Боге) или (в Англии) на пальце. Одна из жертв инквизитора Жакье (около 1450 г.) имела на своем бедре отметку, сделанную копытом дьявола. Но, если отметка не обнаруживалась сразу же, интимные и потайные места прокалывались, как предлагал дель Рио в «Disquisitionum Magicarum» (1599), причем особо тщательно обследовались половые органы и задний проход. Чтобы облегчить поиски отметок, а также выявить спрятанные амулеты, ведьме обычно обривали половые органы, часто публично. В Нортбервике ведьмы якобы участвовали в некой церемонии, во время которой «дьявол лизал их своим языком в самые интимные части тела, прежде чем принял их в качестве своих слуг», в связи с чем им обычно ставилась отметка под волосами в некоей части их тела. Когда Агнесс Семпсон, одна из обвиненных, была обрита «дьявольская отметка была найдена внутри ее интимных органов». В 1658 г. другая шотландская ведьма, Маргарет Тейлор, в Аллоа, призналась, что дьявол «в образе молодого человека в темных одеждах и голубой шапке… поставил на нее свое клеймо… на ее интимные половые органы».

Жак Фонтен, врач французского короля Генриха IV, очевидно, один из наиболее образованных и ученых мужей во Франции в начале XVII в. в книге «Des Marques des sorciers et de la reele possesion que le diable prend sur le corps des Hommes» (1611) утверждал, что «авторы, которые говорят, что трудно отличить клеймо дьявола от природных

недостатков, карбункулов или лишаев, прежде всего показывают, что они несведущи в медицине». Он детально описывает, как дьявол делает подобные отметки:

> «Некоторые говорят, что Сатана ставит на них подобные отметки раскаленным железом и с помощью определенной мази, которую он вводит под кожу ведьм. Другие говорят, что он метит ведьм собственным пальцем, когда является в человеческом облике или в виде духа. Если бы клеймо было сделано раскаленным железом, это неизбежно привело бы к тому, что на части тела, отмеченной подобным образом, остался шрам, но ведьмы признаются, что они никогда не видели никакого шрама поверх отметки. …Но нет необходимости доказывать это, поскольку дьявол, обладающий медицинскими знаниями и располагающий лучшими средствами, чтобы сделать свое дело, должен лишь омертвить это место. Что же касается шрама, то дьявол столь искусен, что может поместить раскаленное железо на тело, не оставив никакого шрама».

Фонтен был одним из 4 врачей, назначенных, чтобы обследовать отца Луи Гофриди [см. Экс-ан-Провансские монахини], священника, обвиненного в колдовстве, на чьем теле он нашел три клейма дьявола.

Обычно считалось, что, если бородавка или мозоль не кровоточили и были нечувствительны к прокалыванию иглой, то подобная реакция доказывала причастность к колдовству. Старый шрам тоже мог не иметь чувствительности. Гваццо в «Compendium Maleficarum» ссылается на такой случай, имевший место в Бриндизи в ноябре 1590 г.

> «Перед тем, как подвергнуться пытке, Клавдия Богарта была обрита наголо в соответствии с обычаем, так что был обнаружен шрам в верхней части ее брови. Инквизитор, уже тогда подозревая правду, что это отметка, сделанная когтем дьявола, которая перед этим была закрыта ее волосами, приказал, чтобы глубоко вонзили в нее булавку. И, когда это было сделано, она не почувствовала никакой боли, не показалась в ране ни единая капля крови. Однако, она настаивала, отрицая истину, повторяя, что нечувствительность была вызвана много лет тому назад ударом камня».

Позже она была подвергнута пытке, пока не призналась.

Усовершенствованной разновидностью отметок дьявола были невидимые. Их также можно было обнаружить прокалыванием — там, где находилось нечувствительное пятно, которое не кровоточило.

Сильный эмоциональный шок от публичного раздевания и обследования под насмешками толпы любопытных вполне мог вызывать временную анестезию (потерю чувствительности). Один подобный пример был установлен проницательным судьей в 1649 г. в Ньюкастле-на-Тайне, на процессе, спровоцированном странствующим профессиональным разоблачителем, которого в конце концов вывели на чистую воду, — после того как он погубил 220 человек, за каждого из которых власти заплатили ему по меньшей мере 20 шиллингов.

> «Упомянутый, пользующийся репутацией искателя ведьм, известил подполковника Хобсона, что он распознает ведьму в любом облике, даже если она совсем не похожа на ведьму. И когда упомянутый указал на одну представительную и приятную женщину, подполковник сказал: „Эта женщина не может быть ведьмой, и ее не нужно пытать“. Но этот шотландец ответил, что она — ведьма, поскольку в городе говорят, что это так, и, следовательно, он будет пытать ее. И вскоре на глазах у всех [он] заголил ее, забросив юбки ей на голову, причем от испуга и стыда вся кровь бросилась в одну часть ее тела. И затем он вонзил булавку в ее бедро и после этого неожиданно опустил ее юбки, а затем спросил, нет ли на ее теле таких мест, которые не кровоточат при прокалывании. Но, будучи в смущении, она немногое могла сказать. Тогда он приподнял ее юбки, вытащил булавку и отвел ее в сторону как обвиняемую и дочь дьявола. И [он] начал пытать других обвиняемых. Но подполковник Хобсон, видя, что женщина потрясена, и кровь ее остановилась в надлежащих частях, заставил, чтобы эту женщину

вновь привели и заголили до бедер, и потребовал, чтобы шотландец вонзил булавку в то же самое место, и тогда из него потекла кровь, и упомянутый шотландец очистил ее от подозрений и сказал, что она не дочь дьявола».

Один или два ортодоксальных демонолога относились скептически к значению клейма дьявола. Дель Рио возражал, что, с одной стороны, клеймо дьявола не всегда бывает нечувствительным, и, с другой стороны, иногда настоящие ведьмы могли притворяться, что чувствуют боль при прокалывании; об этой уловке предупреждали и другие авторитеты (например, Михаэлис в 1582 г.). Бинсфельд в «De Confessionibus Maleficorum» (1589) предположил, что клеймо есть плод воображения следователей; если дьявол знает, что его последователей так легко распознать, он не будет настаивать на клейме (отсюда развитие теории о невидимых клеймах). Дель Рио соглашался с этой точкой зрения Бинсфельда и добавлял, что настоящее клеймо зачастую существует очень недолго, и что невиновные люди с родинками или бородавками иногда наказываются несправедливо.

Бинсфельд и дель Рио не понимали, какая серьезная ересь лежала за их незначительными возражениями. Одно зерно здравого смысла могло уничтожить теорию колдовства. Поэтому против этих двух демонологов, чье мнение оказывало определенное влияние, выступил Питер Остерман, профессор права Кельнского университета, написавший в 1629 г. целый трактат о неизбежности и убедительности клейм дьявола, с помощью весьма натянутых доказательств подводя итог исследованиям всех прежних авторов — Бодена, Реми, де Ланкра. Он утверждал, что еще не представало перед судом ни единого человека, который, имея клеймо, вел бы безупречный образ жизни; и ни один из осужденных за колдовство не был без клейма. Клеймо — это самое высшее доказательство, гораздо более бесспорное, чем обвинения или даже признание. Его «Commentarius Juridicus» были кратким изложением как народного, так и официального мнения, бытовавшего в эпоху всеобщей веры в колдовство.

КОБХЕМ, ЭЛЕОНОРА, герцогиня Глостерширская. Позор Элеоноры Кобхем, герцогини Глостерширской в 1441 г. удовлетворил многочисленные группировки ее врагов: тех, кто был оскорблен ее недавним открытым сожительством с герцогом Глостером, тех, кто интриговал против герцога и тех, кто с подозрением относился к «новому учению» друзей герцога. Несмотря на политические мотивы, все противники дружно обвиняли герцогиню в ереси и колдовстве. В свое время Глостер обвинил архиепископа Йоркского и кардинала Бофора, епископа Винчестерского, в злоупотреблениях, совершавшихся ими во время несовершеннолетия короля Генриха VI. Епископы немедленно нанесли ответный удар, выдвинув против жены Глостера обвинение в том, «что она с помощью чародейства и колдовства пыталась извести короля, чтобы продвинуть к короне своего мужа». — Холиншед, «Chronicle», 1587. Вместе с ней были обвинены каноник Томас Саутвелл из Вестминстера, отец Джон Хан, оксфордский священник Роджер Болинброк и Марджери Джордан (ведьма из Эйра). Обвинения основывались на изготовлении воскового подобия короля (Холиншед, «Chronicle»). Болингброк был одним из всемирно известных ученых, астрономом и алхимиком (по словам Уильяма Ворчестерского), фаворитом Глостера, а, следовательно, и подозреваемым; его заставили свидетельствовать против герцогини и публично отречься от своих магических инструментов на дворе собора Святого Павла; «говорят, там был разукрашенный стул, на котором он любил сидеть: на четырех углах его стояло четыре меча, и на каждом мече висела фигурка из бронзы, и было еще много других инструментов». Болинброк был повешен, обезглавлен и четвертован. Его сообщник, Саутвелл, обвиненный в произнесении похоронной мессы по королю, умер в тюрьме, не дождавшись приговора. Джон Хан был прощен. Марджери Джордан приняла на себя вину в изготовлении подобия и 27 октября 1441 г. была сожжена за измену высшей степени, а не за простое колдовство (за которое она уже была легко наказана несколько лет назад).

Светский трибунал обвинил герцогиню в сохранении привязанности своего мужа с помощью приворотного зелья. Но это обвинение вскоре потерялось на фоне более серьезных обвинений «в некромантии, колдовстве или чародействе, в ереси, и в измене», выдвинутых духовным судом, где преобладали клерикальные враги ее мужа. Ни герцог, ни герцогиня не смогли подавить оппозицию, и К. признала большинство обвинений. 9 ноября 1441 г. она была приговорена к публичному покаянию у позорного столба в Лондоне и пожизненному заключению (Стоу, «Annales», 1631).

КОГШОЛЛСКИЕ ВЕДЬМЫ. К 1700 г. обвинения за колдовство в Англии стали редкостью (хотя в 1712 г. некая Джейн Вейнхем была осуждена, но затем помилована). Народные же предрассудки, видимо, имели более глубокие корни, чем судебные процедуры. Примером такой сравнительно поздней охоты на ведьм, вероятно, поощрявшейся местным священником и закончившейся линчеванием, может служить история одной очень старой женщины из Когшолле (Эссекс) в 1699 г.

Пожилая вдова Коман считалась ведьмой. Викарий Когшолла, преподобный Дж. Бойс, решил спасти ее душу. Спустя некоторое время в присутствии жителей деревни священник принудил ее признаться в основных составляющих колдовства: заключении договора с дьяволом, клятве не переступать порога церкви в течение 5 лет, неумении правильно прочитать «Отче наш», изготовлении воскового подобия курицы и втыкании в него булавок, вскармливании «из своего зада» домашних духов. Кроме того, она не смогла повторить простейшую формулу экзорцизма, предложенную мистером Бойсом: «Во имя Господа, я отрекаюсь от дьявола, его чертенят или приспешников».

Несомненно, вдохновленная отношением своего духовного наставника, толпа предприняла решительные действия против старой женщины. Возглавляемые Джеймсом Хейном, прихожане подвергли ее «плаванию» в пруду; как сообщил викарий, «сотни могут подтвердить под присягой, что она все время плавала как пробка». В результате такого купания она простудилась и умерла. Спустя 52 года, в 1751 г., когда «плавание» старухи Осборн вызвало ее смерть, главарь толпы был обвинен в убийстве и повешен.

Мистер Бойс не выразил протеста; по-прежнему намереваясь доказать, что миссис Коман была ведьмой, он попросил повивальную бабку обследовать ее труп «в присутствии нескольких степенных женщин». Настойчивость священника была вознаграждена, поскольку повивальная бабка уверила его в том, что

> «она никогда в жизни не видела ничего подобного! Ее ягодицы были открыты как мышиная нора, и там были два длинных отростка [соска], один из которых при надавливании начал кровоточить; и это не были ни бородавки, ни геморроидальные [шишки], поскольку она знала их форму, но именно наросты с отростками с сосками, из которых как будто только что сосали».

После подобного «показания» миссис Коман была погребена без отпевания 27 декабря 1699 г.

КОЛДОВСТВО. На протяжении более чем двух веков К. являлось неотъемлемой частью религиозной и интеллектуальной жизни Европы, причем в разные времена оно понималось совершенно по-разному, что и показывают приведенные ниже толкования этого понятия. Лингвистические варианты и неточность употребления дополнительно затемнили его исконное значение.

1587. Джордж Гиффорд: [Ведьма, это та,] «которая, действуя с помощью дьявола или дьявольского искусства, приносит вред или исцеляет, находит скрытые вещи или предсказывает будущее, и все это изобретено дьяволом, чтобы опутать и обречь на вечные муки человеческие души».

1599. Мартин дель Рио: [К.] — «это искусство делать чудеса, находящиеся вне человеческого понимания, с помощью договора, заключенного с дьяволом».

1608. Уильям Перкинс: «Ведьма — это колдунья, которая с помощью открытого или тайного союза с дьяволом сознательно и умышленно использует его помощь, чтобы творить чудеса».

1608. Франческо-Мария Гваццо: «К. — это форма магии, когда с помощью дьявола один человек приносит вред другому».

1653. Сэр Роберт Филмер: «Колдовство — это искусство делать чудеса с помощью дьявола и при соизволении Господа».

1671. Эдвард Филипс (племянник Джона Мильтона): «Колдовство — это особое зловредное искусство делать с помощью дьявола или злых духов чудеса, превосходящие понимание обычного человека».

1689. Коттон Мазер: «Колдовство — это делание странного и по большей части плохого с помощью злых духов, заключивших договор с грешными человеческими детьми».

1730. Уильям Форбс (профессор права из университета в Глазго): «Колдовство есть черное искусство делать чудеса благодаря силе, полученной от дьявола».

Для тех, кто, подобно богословам, судьям или адвокатам, был связан с защитой и обороной веры, колдовство означало только одно: союз с дьяволом, чтобы делать зло [см. Договор с дьяволом]. И для католиков, и для протестантов колдовство было ересью. «Тот факт, что колдовство было ересью и преследования за колдовство было преследованиями за ересь, — писал Джордж Л.Барр, — мы не можем принять легко, но в нем и заключается суть дела».

Ни одно из приведенных выше определений особо не оговаривает магию или чародейство, хотя магия представляет собой другой аспект этого «мошеннического искусства». Вера в магию стала основой веры в К. еще тогда, когда в ней не было элемента ереси, и для народного мышления магия была сутью К. и задолго до, и через много лет после эпохи охоты за ведьмами.

Разрозненные описания развития К. за первые XIII веков нашей эры придают особое значение чародейству. Поскольку практически все ранние источники были написаны христианами, христианская концепция дьявола наложилась на народные верования. Затем схоласты, хорошо знакомые с развитой демонологией, извлекли из этих источников концепции, которых там никогда не было. Августин — один из отцов церкви, повсюду видевший дьявола, принимавший на веру любую историю о демонах, заложивший основы Корпуса канонического права, который стал неисчерпаемым кладезем для многих демонологов. Он разделяет с Фомой Аквин-ским сомнительную заслугу изобретения демонологии и К.

> «Ведьмы — это те, кто из-за значительности своих преступлений обычно называются malefici или носителями зла. Эти ведьмы с соизволения Господа возбуждают стихии и смущают умы людей, не очень верующих в Господа. Не применяя никакого яда, они убивают с помощью великой силы своих заговоров. …Они вызывают дьяволов и ухитряются так возбудить их, что те начинают убивать их недругов с помощью злых уловок. Ведьмы используют кровь своих жертв и часто оскверняют трупы мертвых. …Применяя черные искусства, ведьмы смешивают кровь с водой, чтобы цвет крови мог скорее вызвать дьяволов, поскольку, как говорят, дьяволы любят кровь» (Грациан, «Decretum»).

До 1350 г. под К. подразумевалось в первую очередь чародейство, пережиток распространенных суеверий, имевших языческое происхождение. Но, будучи дохристианскими, эти суеверия не представляли из себя какой-либо религии, оппозиционной христианству или просто более древней. Чародейство (магия) широко распространено и старо как мир: чародеи пытались приспособить природу к человеческим нуждам уже в ту дорелигиозную эпоху, когда жрецы еще не овладели всеми племенными знаниями. Стадиям развития первобытного общества в любой части мира, в любое время, независимо от за-

имствований или прямого влияния, свойственны аналогичные основные идеи, хотя их логическое обоснование может быть разным. Так, многие проявления чародейства — вызывание духов, вера в демонов, заговоры и обряды, обеспечивающие благосостояние людей и животных или способствующие их гибели и смерти, обнаруживаются как в Европе, так и в Африке, Азии, Северной и Южной Америке. Любопытное сходство подобных ритуалов и культов доказывает ложность этимологии слова voodoo от названия ереси XIII в. из Вудуа в Южной Франции. На самом деле здесь нет никакой связи, и voodoo происходит из эве — африканского языка Дагомеи и Того.

В первые тринадцать веков К. наказывалось смертью лишь в том случае, если приводило к какому-либо повреждению, а гадание или знахарство приравнивались к проституции и наказывались соответственно. В XIV в. церковные законы стали более тщательно разрабатывать тему чародейства. В 1310 г. Трирский собор запретил гадание, любовные зелья, вызывание духов и подобные действия. В 1432 г. епископ Безье отлучил от церкви всех чародеев и им подобных. Законодательство ужесточилось и в XV в. Эти законы все еще не предусматривали договоров с дьяволом и полетов на шабаш, свойственных позднейшей колдовской ереси, хотя на инквизиторских судах подобные преступления были представлены уже в 1330 г. (в Тулузе).

Христианство не протестовало против веры в нарушение нормального хода вещей; каждый святой совершал чудеса, а каждый пустынник преодолевал уловки дьяволов. Церковь выступила против «чудес» тогда, когда они стали совершаться демонами. Сочинения ранних и средневековых богословов наполнены случаями чародейства и магии, всегда рассматриваемыми серьезно и с полным доверием. В подобной обстановке чародейство рассматривалось как нечто повсеместно распространенное. Примерно с середины XIV в. К. начало принимать иной облик: постепенно из старого представления о магии выросла новая концепция ереси. Ересь считалась изменой Господу, «сознательным отрицанием догмы или слепой приверженностью к секте, чье учение осуждалось церковью как противоположное вере», как писал в одной из работ Бернард Гидонис (1261–1331). Новое понимание К. впервые проявилось, очевидно, на судах в Тулузе и Каркасоне, до 1350 г., когда 600 человек были сожжены за ересь [о ранних судах см. Суды]. Инквизитор Бернард из Комо упоминает антикатолическую секту ведьм, осужденных в 1360 г. в Комо. Около 1400 г. преследовалось К., связанное с договором и шабашем, в итальянской Савойе и в граничащих с ней районах Швейцарии. Очевидно, что его влияние распространялось из южной Франции через альпийские долины в северную Италию.

Колдовская ересь вводилась и распространялась инквизицией, которая отвечала за нерушимость церковной догмы. На этом этапе светские суды еще никоим образом не влияли на идею К. Постепенно инквизиция присвоила право распоряжаться понятием К. и толковать его по своему усмотрению. Вначале она преследовала просто чародейство. В булле 1258 г. папы Александра IV инквизиторам разрешалось преследовать чародеев, когда их искусство вступало в противоречие с положениями веры. Эта тонкость оставляла все на рассмотрение инквизиторов. За исключением периода с 1307 по 1320 гг., когда папа Иоанн XXII предоставил инквизиторам полный контроль над всеми видами чародейства, такая ситуация продолжалась до 1451 г., и формулировка 1258 г. была повторена во многих буллах. Лишь папа Николай V в письме к Югу Ленуару, инквизитору Франции, предоставил инквизиции полномочия судить за любое чародейство, даже если в нем «не проявляются признаки ереси». «Malleus Maleficarum» (1486) — исследование двух таких инквизиторов — стал первым руководством, определявшим К. как ересь, включавшую в себя договор, шабаш и ночные полеты: «Убеждение, что ведьмы существуют, является настолько существенной частью католической веры, что противоположное мнение является ересью». Людовикус отдал должное деятельности инквизиции, заявив, что мир был бы уничтожен ведьмами, если бы не инквизиторы, которые только между 1450 и 1598 гг. сожгли, как он установил, по крайней мере 30 000 мужчин и женщин.

Около 1550 г. К. наконец проявилось как «тщательно разработанное теологическое понятие» и было введено даже в протестантское гражданское законодательство. К. без сопутствующего вреда, если оно влекло за собой договор с дьяволом, рассматривалось как преступление в лютеранской Саксонии после закона 1572 г. и в законе кальвинистского палатината с 1582 г. К 1600 г., после многих лет пыток, признаний и казней, еретическое К. достигло вершины развития в солидных трактатах признанных теологов и адвокатов, большинство из которых уже не было инквизиторами. Влияние их трудов продолжалось еще сотню лет, примерно до 1700 г.

Почему инквизиции понадобилось превратить К. в новую ересь? Возможно, основной тому причиной были успехи инквизиторов в искоренении предыдущих ересей. На протяжении всего XIII в., сосредоточив свои усилия на жителях южной Франции, с помощью деятельности известного инквизитора Бернарда Гидониса, инквизиция истребила альбигойцев и прочих еретиков. Около 1320 г., как говорится в «Британской энциклопедии» (11-е изд.), «преследования прекратились за отсутствием предмета». К. действительно было изобретено, чтобы заполнить брешь: первые суды за чародейство состоялись в Провансе. Между 1350 и 1400 гг. различные суды позволили доминиканским инквизиторам выдумать теорию чародейства как измены Господу, которая, согласно Иосту Дамхудеру (1554), влиятельному специалисту по уголовному праву (чья книга одно время считалась самым авторитетным источником в штате Делавер), была «серьезнейшим и величайшим из всех преступлений». Универсальность данной теории неизмеримо увеличила количество возможных еретиков. Каждый европеец стал потенциальным еретиком или ведьмой, а, следовательно, возможным источником доходов для инквизиторов, которые делились с гражданскими властями конфискованной собственностью всех тех, кто был осужден за ересь.

Однако, начав преследовать колдовскую ересь, инквизиция вскоре утратила контроль над нею. К началу XVI в. в Германии и Франции искоренение К. велось уже светскими властями. Еще в начале 1390 г. указ парижского парламента предоставил светским властям право выявлять ведьм, а инквизиторским, духовным и местным судам — судить их.

Большинство государств, входивших в Священную Римскую империю, управлялось князьями, которые были католическими епископами. В этих княжествах ведьм чаще пытали в епископских, чем в инквизиторских судах. Только в Италии, где была значительная светская оппозиция, инквизиция все еще действовала, поддерживаемая папством. В Испании же инквизиция была самостоятельной организацией и подавляла расхождение во мнениях иными способами, чем обвинения в колдовстве.

Однако, все суды придерживались инквизиторской концепции К., и в этом не было никаких существенных различий между католиками и протестантами. И Бамбергское Уголовное уложение (Halsgerichtsordnung) 1507 г., и «Layenspiegel» Тенглера (1508 г.), и Каролинский кодекс императора Карла V (1532 г.) — были светскими кодификациями инквизиторских установок и стандартом для верхнего Рейнланда. И принятый в нижнем Рейнланде «Praxis Rerum Criminalium» 1544 г. Иоста Дамхудера, был не чем иным, как введением идей «Malleus Maleficarum» в уголовное законодательство. Эта традиция оказала влияние даже на Томаса Гоббса, писавшего в «Leviathan»:

> «Что же касается ведьм, то я не думаю, что их К. обладает реальной силой; но их справедливо наказывают за то, что они верят, будто могут приносить людям вред, и за то, что они непременно сделали бы это, если бы могли; и их деятельность действительно больше напоминает новую религию, чем ремесло или науку».

Во взглядах XVI-XVII вв. — эпохи охоты на ведьм — К. уже переросло свою связь с чародейством. Ведьмы в основном наказывались за заключение соглашения с дьяволом и отрицание Господа, а не за вызывание бури для повреждения урожая или околдовывание до смерти соседского ребенка. Принимая подобные показания на судах (где они счи-

тались доказательством связи с дьяволом), инквизиторы постепенно приучали общественное мнение к стандартным обвинениям против тех, кого они называли ведьмами. Так вера в чародейство соединилась с верой в ересь; но эта колдовская ересь и в период своего возникновения, и в период своего расцвета и упадка была явлением интеллектуального, а не социального порядка. Один из недавних исследователей, Джордж Л.Барр, возможно, знавший об истории К. больше, чем кто-либо, включая великого Генри Ли, писал: «Какие бы связи ни находили здесь антропологи или фольклористы (с общечеловеческим контекстом), К., которого боялись и против которого боролись наши предки, никогда не было обычным К. Оно принадлежало только христианской мысли относительно позднего времени. Только христианин мог быть колдуном».

«Ты знаешь будущее, жизнь и смерть, расположение звезд, их фатальные силы — лучше, чем дьявол. Но ты не знаешь, что твое знание ведет тебя только в пламя ада».
Черные искусства колдовства. Гравюра С. де Пас. ББО.

Цепочка цитат, открывающая эту статью, точно отражает понятия теологов: католик дель Рио приводит описание, аналогичное тем, что дают сторонник англиканской церкви Филмер и протестант К.Мазер. Каждый из них рассматривал К. как дьявольский преступный сговор против Господа и трактовал его с точки зрения своего личного и национального религиозного опыта [см. Договор с дьяволом]. Сильвестр Приериас, папский обвинитель Лютера, разрешал инквизиторам преследовать ведьм не столько за ночные полеты на шабаш, сколько потому, что они отрицали католическую веру и совершали «много вещей, имевших привкус ереси». Основное преступление заключалось в вызывании дьявола и противостоянии церкви; насылание смерти или болезни было дополнительным. Как далеко отстоял Приериас от своего противника? Лютер, который верил, что лично разговаривал с дьяволом, уверял, что «Наши обычные грехи обижают и гневят Господа… Каков же тогда должен быть Его гнев против К., которое мы можем справедливо обозначить как измену Его Божественному величию и ниспровержение бесконечной силы Господа?»

К. считалось недопустимым преступлением, поскольку включало в себя недопустимые вещи. Как для духовных, так и для гражданских судов на протяжении более двух

столетий одновременность таких явлений, как не пользующаяся симпатией соседка и мертвая корова или больной ребенок была доказательством причинно-следственной связи: ведьма занималась К. Сила, необходимая для причинения подобного вреда, могла быть приобретена только через договор с дьяволом. Предполагаемый договор являлся «преступлением совести», заключавшимся в инакомыслии. Его идея была изобретена судьями, а признания извлекались под пытками. Вовсе не удивительно, что великий юрист Гриландус, веривший в реальность К., говорил, что он никогда не видел и не слышал о ведьме, пойманной на месте преступления.

Благодаря тому, что К. было настолько серьезным, насколько и трудно доказуемым, в 1468 г. оно было объявлено crimen excepta, чрезвычайным преступлением, предусматривавшим чрезвычайные меры судопроизводства и пресечения. Принимались показания неправоспособных лиц: например, свидетельства маленьких детей о встречах с дьяволом, показания соучастников, лжесвидетелей и отлученных от церкви. Пытка разрешалась, чтобы вынудить преступника признаться; в действительности же на ней настаивали, поскольку признание без пытки считалось ненадежным. И чтобы обеспечить занятость и оплату целого аппарата охотников за ведьмами, обвиняемым приходилось называть или изобретать имена сообщников, которых в свою очередь пытали, чтобы они признались и назвали следующие имена. На тех территориях, где идея crimen excepta отвергалась, К. не было. Так, например, в герцогстве Юлиерсберг ни одна ведьма не была сожжена в период с 1609 по 1682 гг.

Раннее средневековье, так называемые «темные века», были относительно свободны от преследований. Заблуждение было продуктом Ренессанса. В средние века условия были более или менее стабильными, в XVI и XVII вв. происходило брожение умов, и, следовательно, установившийся социальный порядок ощущал большую потребность в защите от возможных ниспровергателей. Казни создавали обстановку террора, которая, по мысли властей, должна была обеспечить покорность масс. Около 1600 г. Боге описывал собственные впечатления: «Германия почти полностью занята строительством костров для [ведьм]. Швейцария также была вынуждена стереть с лица земли многие из своих деревень. Путешествующий по Лотарингии может видеть тысячи и тысячи столбов, к которым привязывали ведьм».

Как только феодализм начал перерастать в капитализм, колдовская истерия достигла своей вершины. Так, например, в Англии охота на ведьм впервые усилилась при Елизавете, а затем — в XVII в., в период Республики, во многом отмеченном прогрессивными политическими, экономическими и философскими взглядами. Однако, с падением феодализма в 1686 г. и полной победой капитализма, воплотившейся в новом монархе Вильгельме Оранском, немецкоязычном князьке из самого большого в Европе банковского сообщества, К. прекратилось. Коммерция не способна была развиваться в нестабильном мире, где инквизиция могла преследовать давно умершего человека и конфисковывать его собственность у наследников спустя многие годы. Деловые люди не могли полагаться на мир, где коммерческие соглашения могли быть своенравно уничтожены при намеке на ересь.

Конец К. наступил в различных странах в разное время. Датой последних казней можно считать следующие: в Голландии 1610, В Англии — 1684, в Америке — 1692, в Шотландии — 1727, во Франции — 1745, в Германии — 1775, в Швейцарии — 1782, в Польше — 1793. В Италии инквизиция приговорила к смерти шарлатана Калиостро в 1791 г., но заменила приговор пожизненным заключением.

Многие факторы способствовали тому, что К. перестало восприниматься как ересь. В Германии обвинениям в колдовстве подверглось почти все население, и многие земли были вынуждены прекратить репрессии ради сохранения оставшихся в живых.

В Англии этому способствовала как клерикальная оппозиция, так и скептики, озабоченные искажением библейских текстов, поскольку верующие в ведьм чаще ссылались на Библию, чем на церковную традицию. В Голландии, одной из первых стран, перерос-

ших феодализм, К. исчезло очень рано: после 1610 г. там не было убито ни одной ведьмы. Подобная рационалистическая атмосфера привлекла в Голландию многих преследуемых за К., как католиков, так и кальвинистов, а также и ученых, противостоявших заблуждению. Во Франции эдикт Людовика XIV от 1682 г. в большей степени, чем любые другие законы, прекратил преследования за К. Но во всех странах заблуждение могло бы просуществовать гораздо дольше, если бы не активная оппозиция некоторых ведьм, отрицавших свое преступление и проклинавших судей на пути своему костру, а также и тех людей, которые, опережая свое время и часто рискуя карьерой, состоянием и иногда жизнью, своими сочинениями вдохновляли сограждан и стали невоспетыми героями человечества.

Головы двух дьяволов, Из книги Ф.Барретта. The Magus (1801).

> «Когда мы говорим, что К. и вера в него распространены повсеместно, мы вкладываем в это слово смысл, противоречащий как этимологии, так и истории этого слова. …О повсеместном распространении К. можно говорить лишь постольку, поскольку оно включает в себя элементы магии и религии».
>
> *Джордж Л.Барр (1911)*

КОННЕКТИКУТСКИЕ ВЕДЬМЫ. Охота на ведьм в Коннектикуте, как и в целом в Америке, было эпизодической и ограниченной как по масштабу, так и по времени, по сравнению с ее размахом и продолжительностью в Европе. Не обладавшие полной свободой воплощения своих религиозных и политических идей в Англии, пуритане самым суровым образом подавляли любую ересь в Новой Англии, как противоречащую и Господу, и их собственной политической теократии. Вера в ведьм была завезена сюда первыми поселенцами как часть их духовного мира, а теория и практика в Новой Англии брали свое начало у таких суровых протестантских авторов, как Перкинс и Хопкинс.

С 26 мая 1647 г., когда была повешена Элси Юнг, первая ведьма, казненная в Новой Англии, суды стали постепенно разворачивать свою работу. Мери Джонсон из Вестхерсфильда была обвинена за близость с дьяволом и осуждена «главным образом на основании ее собственного признания. …Она говорила, что дьявол появлялся перед ней, спал с ней, очистил ее печь от золы и выгнал кабанов из посевов. Она не могла удержаться

от смеха, глядя, как он хватал их». (Хатчинсон, «Historical Essay», 1718). В 1645 и 1650 гг. в Спрингфилде нескольких жителей заподозрили в колдовстве. Одна из подозреваемых, Мери Парсонс, призналась после длительного допроса. Она была подвергнута пытке в Бостоне 13 мая 1651 г. и приговорена к смерти, но не за «различные дьявольские штучки, совершенные с помощью колдовства», а за убийство ребенка, и получила временную отсрочку исполнения приговора. В том же самом году Гудвайф Бассет была осуждена в Стратфорде. Две подозреваемых в колдовстве были казнены в Нью-Хейвене, последняя в 1653 г. В 1658 г. Элизабет Гарлик из Истхемптона, Лонг-Айленд, была подвергнута пытке в Коннектикуте, но была оправдана. В 1669 г. Катрин Харрисон из Уэзерфилда была заключена в тюрьму по обвинению в колдовстве, «не испытывая страха Божьего, на его глазах [она] имела близость с Сатаной, великим врагом Господа и человечества». Присяжные в Хартфорде приговорили ее к смерти, но суд отменил это решение и выслал ее из города «ради ее собственной безопасности» [см. Нью-Йоркские ведьмы). И в 1697 г. Уинфред Бенхем и ее дочь, хотя и отлученные от церкви, были оправданы; их обвинителями были «дети, которые притворялись, что видели их призраков» (Калеф).

В 1662 г. в Хартфорде юная Анна Коль страдала от припадков, во время которых она говорила непонятные слова, перемежая их с некоторыми голландскими, причем она не владела этим языком, хотя некоторые ее соседи говорили по-голландски. «Несколько достойных людей» были тронуты ее бредом, который при переводе дал основания привлечь девушку-голландку и «распутную и невежественную женщину» матушку Гринсмит, которая уже находилась в тюрьме по подозрению в колдовстве. Благодаря мощным семейным связям и влиянию Стьювезанта, губернатора Нового Амстердама (Нью-Йорк), девушка была оправдана. Но матушка Гринсмит, ознакомленная с переводом ее показаний, призналась, что имела «близость с дьяволом». И.Мазер продолжает:

> «Она также заявила, что дьявол сначала появился перед ней в виде оленя или фавна, прыгавшего вокруг нее, вследствие чего она не очень испугалась. Но постепенно он становился более развязным и наконец заговорил с ней. Кроме того, она сказала, что дьявол часто познавал ее плотски. И что ведьмы собирались в месте, находившемся не очень далеко от ее дома; некоторые в одном виде, другие в другом; а одна прилетала к ним в виде коровы».

На основании этого признания она была казнена вместе с мужем, хотя он и заявлял о своей невиновности. После их повешения к Анне Коль «вернулось здоровье, и она продолжала здравствовать многие годы».

Другой примечательный суд состоялся в 1671 г. в Гротоне и был снова связан с помешанными подростками. 16-летняя Элизабет Кнап «была подвержена странным припадкам, иногда плакала, иногда смеялась, иногда жутко рыдала, что сопровождалось сильными движениями и колебаниями ее тела, ее язык по многу часов был завернут внутрь, под самое небо, и его нельзя было разогнуть, хотя некоторые и пытались сделать это с помощью пальцев. Шесть человек едва могли удержать ее во время приступов, и она скакала по дому, визжа и жутко тараща глаза.

Позже, явно не шевеля губами или языком, она производила странные звуки, оскорбляя священника. «Она выкрикивала во время одного из своих припадков, что женщина (одна из ее соседок) являлась ей и была причиной ее недуга». Однако обвиненная пользовалась большим уважением в обществе, и люди вступились за ее честь. Элизабет Кнап поправилась и призналась, что ей досаждал сам дьявол, появлявшийся перед ней в облике добропорядочной личности. Самуэль Уиллард, сыгравший видную роль на судах в Салеме, был в то время пастором в Кротоне и отметил этот случай одержимости (который И.Мазер опубликовал в «Magnalia Christi Americana»). Наблюдения Уилларда над Элизабет Кнап, возможно, углубили его скептицизм в 1692 г., поскольку, как и Мерси Шорт, она просто подражала салемским девушкам.

В целом с 1647 по 1662 гг. в Коннектикуте известно всего 9 случаев повешения за колдовство и, возможно, еще два, случившихся раньше (9 женщин и 2 мужчин).

КОРИ, ЖИЛЬ. Из всех обвиняемых на салемских судах самым стойким был 80-летний К. В течение двух дней его медленно сдавливали до смерти грузом, опускаемым на его тело. Согласно английскому закону, обвиняемый должен был отдать себя «на милость Господа и монарха» и заявить о своей виновности или невиновности. Если же он хранил молчание, его наказанием было peine forte et dure — медленное раздавливание с помощью все более и более тяжелых чугунных болванок, пока обнаженная жертва не соглашалась говорить или умирала. Еда разрешалась, «только в первый день — 3 кусочка самого плохого хлеба, и на второй день — три глотка стоячей воды, которая находилась на самом близком расстоянии от двери тюрьмы». — Сэр Уильям Блекстон. Современник Роберт Калеф рассказывает, как умирал К. 19 сентября 1692 г., в понедельник, в открытом поле позади тюрьмы города Салема, «при сдавливании его язык вывалился изо рта, шериф с помощью трости с трудом вправил его обратно».

Наказание было фактически незаконным, поскольку, хотя peine forte et dure в Англии не было отменено до 1827 г., в Массачусетсе оно было запрещено еще в 1641 г. 46-ой статьей Закона о привилегиях: «В качестве телесных наказаний мы не разрешаем тех, которые антигуманны, носят варварский характер или жестоки».

Сегодня нельзя определить, какое отвращение и противодействие снискали себе охотники на ведьм, устроившие это ужасное зрелище. Но некоторые сомнения в правомерности их действий явно возникли, поскольку на другой день, оправдывая их поступок как попытку «воздать мерой за меру», семейство Патнем (главные провокаторы на судах ведьм) вынуждено было распространить очередную фантастическую историю. Как и в других эпизодах салемского процесса, здесь возникает подозрение о тайном руководителе (Анна Патнем), «дергавшем за веревочки» и определявшем линию поведения. В истории было некоторое рациональное зерно, поскольку за 16 лет до этого К. действительно обвинялся в избиении человека до смерти, но немногие помнили об этом, и сам судья Сьюэлл признался, что «не мог об этом вспомнить, пока Анна Патнем не пересказала слов, произнесенных призраком К. в ночь шабаша [18-го], накануне казни [19-го]».

Эта история является самой бесчеловечной из всего салемского кошмара. Это величайшая ложь Салема. Томас Патнем, отец Анны, свидетельствовал:

> «Прошлой ночью мою дочь Анну ужасно мучили ведьмы, угрожая, что ее задавят камнями до смерти перед К.; но, благодаря милости Господа, она получила наконец небольшую передышку. После чего перед ней появился (как она говорила) мужчина в развевающемся саване, который рассказал ей, что его убил К., затоптав до смерти своими ногами. После этого убийства ему [К.] явился дьявол и заключил с ним договор, пообещав ему, что он не будет повешен. Призрак сказал, что Господь ожесточил его сердце, и он будет сопротивляться суду и не умрет легкой смертью; потому что с ним следует сделать то, что он сделал мне. Призрак также сказал, что К. привлекался к суду по обвинению в убийстве, и что он [убитый] был знакомым ее отца, и что все это случилось до ее рождения».

Некоторые критики нашли серьезные причины, по которым старик мог отказаться давать показания: они говорят, что в те времена собственность преступника конфисковывалась и не наследовалась. В соответствии с данной точкой зрения (впервые предложенной на обсуждение в 1840 г.) К. молчал только для того, чтобы передать свою собственность наследникам. Но это вступает в противоречие с фактами: в Америке собственность не конфисковывалась. Осужденные и казненные ведьмы (например, Джон Проктор) подписали завещание и передали свою собственность наследникам. Более того, «Уложение» 1604 г. короля Якова I, согласно которому, после окончания выездной сессии суда, преследуемым передавались копии всех документов, специально сохранял «наследнику и

преемнику каждой подобной личности его или ее титулы, передаваемые по наследству, наследство и другие права, как будто не было проведено никакого лишения гражданских и имущественных прав предшествующего владельца или наследодателя».

Казнь раздавливанием до смерти.
Из «Theatrum Crudelitatum» Рихарда Ферштейна (1587).

К. видел, что суд был связан призрачными показаниями, и игнорировал законы, применяемые к другим преступлениям, и что он никогда не добьется беспристрастного слушанья; поэтому он продемонстрировал свое презрение к происходящему. Как бы он мог доказать, что он не колдун, когда ему предъявлялись косвенные свидетельства? Отказавшись от дачи показаний, хотя и принеся себя в жертву, он обратил внимание общественности на творящееся зло.

КОШМАР. Обычно используется как обозначение 1) демона (мары), якобы вызывающего дурные сны; 2) самого дурного сна. Нападавший демон часто рассматривался как инкуб или суккуб; так Бейлей в «English Dictionary» (1785) определяет инкуба как «ночной кошмар, заболевание, когда человеку во сне кажется, что на нем лежит большой вес; дьявол, который плотски познает женщину в образе мужчины». Подобная концепция очень древняя, поскольку в еврейской книге «Zohar» говорится, что эротические сны у мужчин вызываются суккубом, стремящимся зачать от него злых духов.

Хотя как мара, так и демон-инкуб являются проекцией подавленных сексуальных желаний, для удобства исследования различаются две дополняющие друг друга концепции: у демона-мары преобладает страх, а у демона-инкуба основным является удовольствие (хотя и соединяемое со страхом). Оба явления кажутся реально существующими, недаром Чарльз Лэм в очерке о колдовстве отмечает «дневную живость видений до самого пробуждения».

С 1627 по 1740 г. демоны и насылаемые ими дурные сны вызвали появление, по крайней мере, 16 трактатов, но первое классическое описание сновидения в Англии появилось не ранее 1763 г.:

> «Ночной кошмар обычно охватывает людей, спящих на спине и часто начинается с страшных снов, которые вскоре сопровождаются затруднением дыхания, ощущением сдавливания груди и общим лишением свободы движений. Во время этой агонии они вздыхают, стонут, произносят неясные звуки и остаются в когтях смерти до тех пор, пока сверхъестественными усилиями своей натуры или с внешней помощью не спаса-

ются от этого ужасного сонного состояния. Как только они сбрасывают эту пространную подавленность и способны двигать телом, они поражаются сильным сердцебиением, большим беспокойством, слабостью и стесненностью движений, симптомы которых постепенно стихают и сменяются приятным ощущением, что они спаслись от такой неминуемой опасности» (Дж. Бонд, «An Essay on the Incubus or Nightmare»),

Все писавшие о данном предмете сходятся в наличии трех признаков ночных кошмаров:

1. Неописуемо ужасный страх, называемый в медицинских сочинениях Angst (использовался Фрейдом в 1895 г., чтобы описать невроз, связанный с подсознательным подавлением сексуальных желаний и активности), часто сопровождаемый сладострастными ощущениями.
2. Ощущение тяжелого веса на груди, затрудняющего дыхание.
3. Чувство полной беспомощности перед лицом этих ужасов.

Подобный сон обычно сопровождается такими физическими проявлениями, как описано выше Бондом, и еще повышением кровяного давления. С другой стороны, наиболее распространенный обычный страшный сон не имеет признаков, описанных в пунктах 2 и 3, и характеризуется сильными эмоциями, вызывающими пробуждение; завершение сна блокируется пробуждением, и его содержание трудно вспомнить. В то время, как ночной кошмар и по сей день имеет те же самые типичные черты, которые схоласты былых времен приписывали демону-маре.

Поскольку ужас, лежащий в основе ночного кошмара, основывается на подавлении сексуальных желаний, он может быть тем сильнее, чем сильнее степень подавленности. Эрнест Джонс в «On the Nightmare» объясняет кошмар с точки зрения фрейдизма:

«Скрытое содержание ночного кошмара состоит в воображении нормального сексуального сношения, особенно в том виде, как это характерно для женщины: давлении на грудь, подчинении чужой воли, изображаемой как ощущение паралича, и половой секреции. Прямо указывают на его сексуальную природу и другие признаки: сильное сердцебиение, потливость, чувство удушья и т.п., являющиеся просто результатом подавления проявлений, испытываемых в некоторой степени во время коитуса, когда имеет место страх».

Рассуждения Джонсона не очень отличаются от рассуждений Жерве из Тилбюри (ок. 1218), который называл ночные фантазии, вырастающие из застенчивости и меланхолии, ламиями, которые «тревожат умы спящих и давят на них своей тяжестью». Жерве продолжает: «Некоторые заявляют, что они видели эти фантазии во сне столь же отчетливо, что им казалось, все это было наяву. И мне приходится переубеждать их, потому что я знаю женщин, моих соседок, которые признавались мне, что, к стыду своему, они видели ночью обнаженные органы мужчин и женщин».

Подобный вид сексуального опыта описан монахиней из Лувьера, сестрой Марией де Сент-Сакрамент, рассказавшей о том, что случилось с ней после приставаний отца Пикара:

«Однажды отец Пикар проходил мимо меня и положил руку мне на живот, и тотчас я была осаждена самыми волнующими фантазиями. После того, как я отправилась в кровать, примерно в девять часов вечера, три раза я видела, как сильные чудесные вспышки упали с потолка на покрывало. Я очень испугалась. На следующий день чудовищный вес опустился на мои плечи, так что я думала, что задохнусь.

Я с трудом приплелась, как только смогла, в келью матушки-настоятельницы и почувствовала, как эта тяжесть упала на землю с большим грохотом. В ту же самую секунду я сама рухнула на пол и поранилась, кровь хлынула у меня из носа и рта».

Сексуальное желание у большинства мужчин и женщин обычно не переходит в ночной кошмар, хотя может вдохновлять эротические сны. Однако у личностей, предрасположенных к эмоциональной нестабильности, жесткое подавление подобных эротических желаний вызывает сны, где человеческие существа замещаются сверхчеловеческими фигурами или даже неприятными животными, олицетворяющими силу и энергию.

«Изумительное описание» подобного рода ночного кошмара дает Бове в «Pandaemonium» (1684):

> «Мы увидели бедного молодого человека, лежащего безмолвно на кровати, его глаза были выпучены и устремлены в одну сторону комнаты, его руки были сжаты, волосы стояли дыбом и все тело покрыто потом, как будто он побывал в ванной. Наконец, …он поведал нам свою удивительную историю. Он рассказал нам, что лежал примерно с полчаса, пытаясь заставить себя заснуть, но не мог из-за головной боли, и примерно в это время в комнате перед ним появились двое в облике очень красивых молодых женщин, чье присутствие осветило помещение… они стремились лечь к нему в постель, находясь одна с одной стороны, другая, следовательно, с другой стороны, чему он всячески сопротивлялся, ударяя их несколько раз кулаками, но при этом ничего не чувствовал, кроме пустоты. Они были настолько сильными, что стащили с него все постельные принадлежности, хотя он прилагал все усилия, чтобы удержать их, но они вытащили его из ночной рубашки. Он так долго боролся с ними, что пришел к выводу, что ему суждено умереть от их насилия. В течение всего этого времени у него не было сил ни говорить, ни звать на помощь».

Женщина, давшая обет безбрачия, может испытывать ночной кошмар, подавляя естественную потребность, и, действительно, самые яркие описания ночных кошмаров и инкубов исходят из монастырей. Парацельс в начале XVI в., утверждал, что демоны изготовлялись из менструальных выделений и, следовательно, монастыри были семинариями ночных кошмаров. Половое воздержание порождает подавление эмоций и, как следствие, различные виды галлюцинаций и видений [см. Ликантропия и Вампир].

Взаимоотношения между желанием и страхом и происходящий вследствие этого конфликт в сознании личности проиллюстрирован в рассказе Бодена о ночном кошмаре одной молодой женщины:

> «Молодая леди деликатных, неустойчивых привычек, примерно пятнадцати лет, перед началом месячных была охвачена приступом данного заболевания и стонала так болезненно, что разбудила своего отца, спавшего в соседней комнате. Он поднялся, вбежал в ее комнату и нашел ее лежавшей на спине, и кровь обильно струилась у нее изо рта и носа. Когда он потряс ее, она проснулась и рассказала, что ей показалось, будто какой-то большой тяжелый мужчина подошел к ее кровати и без всяких церемоний распростерся на ней. Несколько ночей назад она слышала во сне его стоны; теперь же ей показалось, будто этот мужчина придавил ее, и на следующий день у нее случились обильные месячные, после которых ее жалобы прекратились».

Как пишет Бартон в «Анатомии меланхолии» (1621), симптомы, связанные с ночными кошмарами, обычно исчезают после свадьбы.

Современные обозреватели и историки подтверждают свидетельства ранних источников об остром ощущении реальности во время ночного кошмара. В «Treatise on the Incubus or Nightmare» (1816) Дж. Уоллер писал: «Действительно, я не знаю способа, с помощью которого человек может убедить себя в том, что видения, возникающие во время ночного кошмара, не реальны, пока он не получит свидетельства других людей, которые присутствовали при этом и бодрствовали». Психиатр, обсуждающий ночной кошмар с удушьем, подтверждает это заявление: «Я обнаружил, что жертвы клаустрофобии ведут очень активную жизнь во сне и могут вводить ни с чем не сравнимые ужасы в свои сны». — Фодор, «Journal of Nervous and Mental Diseases», т. CI. Подобные замечания так-

же проясняют «признания» некоторых ведьм по поводу шабаша, после того, как инквизиторы установили определенный образец.

Как говорилось выше, мару часто смешивают с инкубом. Аналогия между искушениями св. Бернарда или св. Маргариты Кортонской и бредом сумасшедшего отмечалась уже в 1834 г.:

> «Подобные галлюцинации настолько совпадают, что явления, вызванные ими, отличаются только в деталях. Рассказы наших психопатов напоминают рассказы древних святых и мистиков… различие лишь в именах. Таким образом, чтобы понять сущность инкуба, нужно прислушаться к одному из тех больных людей, которые жалуются на ночные посещения. Инкуб тот же, каким он был в былые времена, и поступает подобным же образом» (Лере, «Fragments psychologiques sur la folie», 1834).

Ночной кошмар: старая гравюра Симонета из коллекции Дьюса. ББО.

Ночные кошмары косвенно соотносились с колдовством по двум резонам. Кошмар мог быть творением вселившихся демонов или возникнуть по требованию какой-либо ведьмы. Францисканец отец Кандидус Броньолус в «Manuale Exorcistarum» (1651) приводит молитву против дьявола, который «не должен досаждать мне ни в моих фантазиях, ни в воображении, ни телесно, особенно в тех членах, которые предназначены для деторождения». Подобное обращение напоминает гимн «Procul recedant omnia» (упоминаемый в статье о суккубе). Аналогичная связь была принята Боденом в «Demonomanie» (1580), которому рассказал о ней богатый фермер Николас Нобе: его часто посещал ночной суккуб или cache mares, и всегда на следующее утро старая ведьма приходила к нему просить подаяния.

Чтоб кошмаром стать в ночном тумане,
Из норы в трясине вылезает демон,
Ищет он девицу с беспокойным сном.
С адскою усмешкой ей на грудь садится,
Голова бессильно мечется в подушке,
Свесились бессильно руки-ноги вниз,
Чуть не задохнулась — не хватает духа,
Сердце замирает — смерть ее близка.

Эраэмус Дарвин (1731–1802)

КРОУЧ, НАТАНИЭЛЬ (1632–1728). Английский издатель и писатель, специализировавшийся на публикации компиляций или антологий. Ему принадлежит 45 различных работ. По словам одного из современников, К. «публиковал очень полезные и забавные вещи».

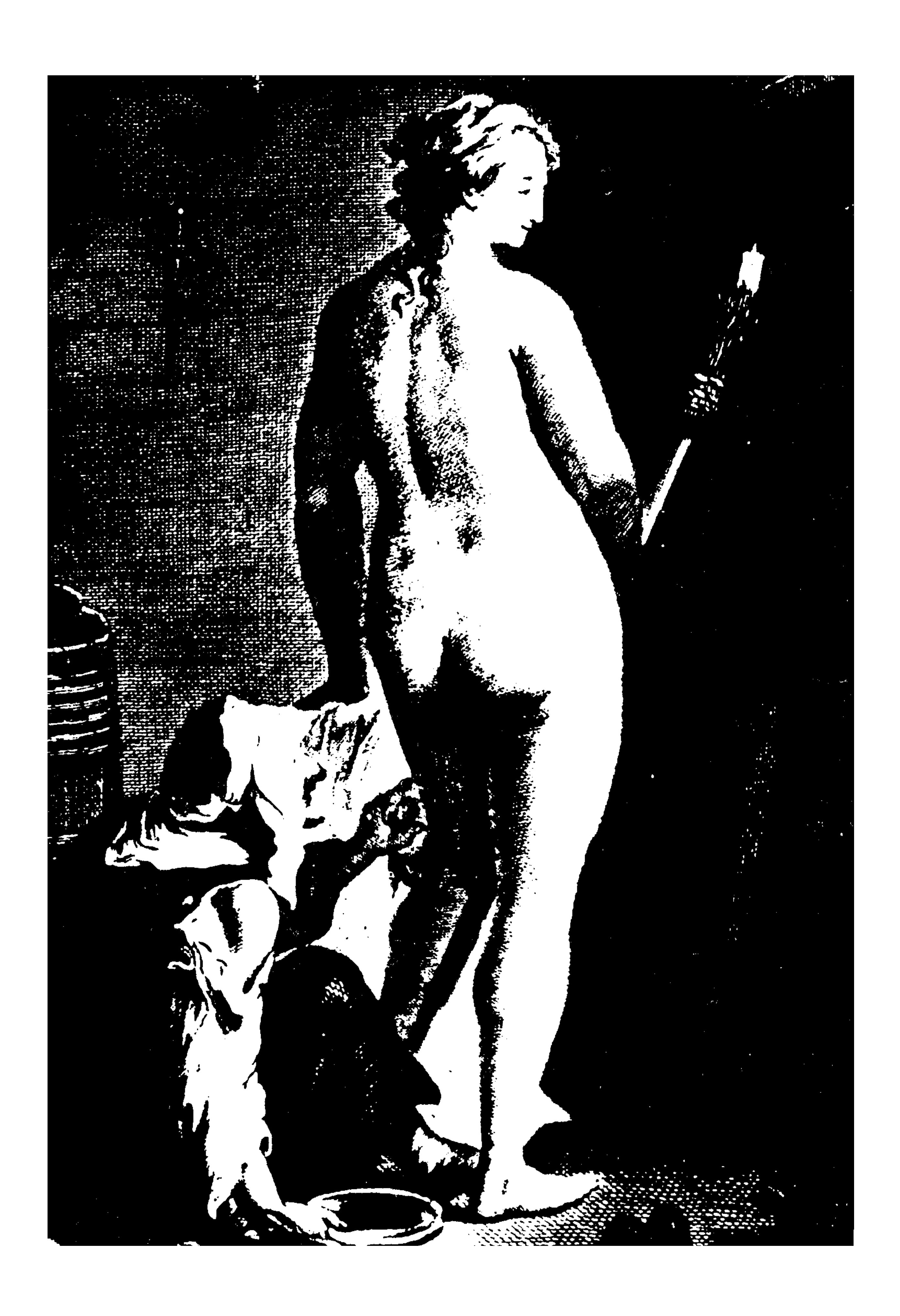
Его серия из 12 «книг по одному пенни» об английской истории заслужила похвалу Д-ра С.Джонсона, как «наиболее подходящая для отсталых читателей».

Под псевдонимом Р.Б. [Ричард Бартон] написал «The Kingdom of Darkness» (1688), один из последних диких выпадов сторонников колдовства, фантастическую смесь из грубых историй о ведьмах и дьяволах, чтобы опровергнуть «распространенные возражения и предположения саддукеев и атеистов своего времени, отрицавших существование духов, ведьм и т.п.».

К. выступает как здравомыслящий человек: «подобные превращения находятся вне пределов возможностей всех дьяволов ада, …но с тех пор, как существует особый вид меланхолии, называемый ликантропией, люди начали воображать, что они превращаются в волков или других зверей». Но в основе его книги лежат все те же старые идеи, знакомые нам по процессам над ведьмами, с добавлением некоторых новшеств, таких, как рассказ о происхождении ведьминых кругов [см. Демонологи]. Книга проиллюстрирована небольшим количеством гравюр, а устрашающий фронтиспис показывает ведьм в действии: приготовляющих зелье из младенцев, воздающих почести дьяволу — козлу, танцующих в круге, — и повешенных!

Фронтиспис книги Н.Кроуча «The Kingdom of Darkness» (1688),
самой яростной английской книги в поддержку колдовской истерии.

Л

ЛАМИЯ. Общеупотребительное латинское слово, обозначающее ведьму. Согласно классической легенде, Л. была королевой Ливии, чья красота очаровала Зевса, от которого она родила нескольких детей. Гера, разгневанная неверностью своего мужа, превратила красоту Ламии в безобразие и убила ее детей. В отчаянии Л. стала убивать чужих детей. Ламия также могла возвращать свою прежнюю красоту, чтобы соблазнять мужчин и сосать их кровь. Слово «lamia» использовалось в Вульгате как эквивалент еврейского имени Лилит (первоначально вавилонский ночной дух, в еврейском фольклоре — имя первой жены Адама, а в книге «Emek ham-melech» — призрак-соблазнитель). «Авторизованная версия» переводит «ibi cobavit lamia» (Исайя 34, 11) как «сова-сипуха поселится здесь», в то время как «Исправленная версия» называет ламию «ночным чудовищем» (Исайя, 34).

Таким образом, это слово имеет многочисленные ассоциации в фольклоре и легендах. В сочинениях демонологов lamia часто обозначало вампира или «ночной кошмар». Жерве из Тилбюри (ок. 1218 г.) видел в lamia, называемой в народе masca, обычную ночную галлюцинацию, подобную маре, «которая тревожит умы спящих и давит их своей тяжестью». В дальнейшем образ lamia усложняется, поскольку связывается с striga или strix (совой-сипухой), вампиром, который нападает на детей, и используется для обозначения злых существ, тревоживших спящих. Слово явно имеет два значения: одно подчеркивает дьявольскую природу (наподобие демона-суккуба), а другое (появившееся уже в начале IX в.) — ведьма. Николай из Жуэ, профессор теологии в Праге и Гейдельберге (1402–1435) утверждал, что lamia действительно была демоном в облике старухи, которая воровала детей и поджаривала их на огне. Потт, исследуя сексуальные сношения между людьми и демонами (1689), различал несколько видов lamia: женщины, легко поддающиеся влиянию, обманутые дьяволом, воображающие, что могут совершать различные магические трюки, и женщины, сознательно вступающие в договор с дьяволом, чтобы удовлетворять его непомерные сексуальные желания.

ЛАНКАШИРСКИЕ ВЕДЬМЫ. Из множества памфлетов и брошюр, описывающих суды над ведьмами в Англии, «The Wonderful Discovery of Witches in the Country of Lancaster» (1613) выделяется особо. Этот массовый суд над 20 обвиняемыми в колдовстве был самым большим в Англии к этому времени (1612) и вызвал значительный переполох во всех северных графствах. Брошюра была необычайно длинной (188 с.) и подробной; это был полуофициальный отчет, записанный клерком суда Томасом Поттом, одобренный как «тщательно составленное и правдивое изложение» судьей сэром Эдвардом Бромлеем. Таким образом, документ стал своего рода настольной книгой по ведению судов над ведьмами.

Старуха Демдайк, как прозвали миссис Элизабет Саутерн, 80-летнюю слепую женщину, призналась, что стала ведьмой примерно в 1560 г., когда «дьявол или дух в образе мальчика забрал ее душу». Спустя 5 лет эта «порочная зачинщица несчастья» убедила подругу и соседку миссис Анну Уитл («старуху Чаттокс») присоединиться к ней в «самых жестоких и отвратительных делах, убийствах, греховных и дьявольских кознях». Этим двоим помогали их дочери: старухе Демдайк — Элизабет Девис, а старухе Чаттокс — Анна Редферн, вместе с другими родственниками и соседями».

Потт карикатурно изобразил каждую из четырех участниц в своей брошюре. Старуха Чаттокс была «иссохшим, отжившим свой век и дряхлым существом, чье зрение почти померкло». Старуха Демдайк была «самой отвратительной каргой, которая когда-либо появлялась на свет». Элизабет Девис «с самого рождения была заклеймена нелепейшей отметкой: ее левый глаз был расположен ниже правого; один смотрел вниз, другой — вверх. Она была столь сильно изуродована, что благороднейшие из присутствовавших в этом достойном собрании и большинство народа признались, что не часто видели подобное».

В марте 1612 г. старуха Демдайк предстала перед местным судьей Роджером Новеллом для допроса по подозрению в колдовстве согласно общественному мнению. Подобный допрос был одним из путей «сбора компрометирующих материалов». Старуха Демдайк обвинила свою внучку Алисой Девис и подругу старуху Чаттокс. Все трое были отправлены в Ланкаширский замок на выездную сессию присяжных. Алисой Девис обвинили в нанесении увечий странствующему торговцу. Ее злые намерения якобы вызвали случившийся с ним удар:

> «С помощью дьявольского колдовского искусства его голова была свернута набок, глаза и лицо деформированы, ноги искривлены, руки парализованы, особенно левая, кисти скрючены и вывернуты из суставов, тело не способно ни к какой работе».

Алисой призналась, и связь между причиной и следствием была установлена. Старуху Чаттокс обвинили

> «в том, что, она мошеннически практиковала, использовала и применяла различные безнравственные и дьявольские искусства, называемые колдовством, заклинаниями, заговорами и чародейством, над Робертом Наттером из Гринхеда, что в Пендл-Форесте в графстве Ланкашир, и посредством колдовства преступно убила его».

Кроме того, Элизабет Девис, дочь старухи Демдайк, вместе с Анной Редферн, дочерью старой Чаттокс, обвинялись в том, что они своими чарами вызвали смерть Роберта Наттера.

Описание суда (от 17 августа) исключительно не только по своей полноте, но и по приписываемому обвиняемым замыслу разрушить тюрьму, чтобы освободить заключенных, — новизна этого обвинения придавала правдоподобие другим, более банальными пунктами.

В начале апреля, в Страстную пятницу, Элизабет Девис якобы устроила срочное собрание двух семей в доме своей матери Малкин-Тауэре в Пендл-Форесте для «срочных действий по освобождению ее матери» (старухи Демдайк), ее дочери [Алисой] и других ведьм из Ланкашира». Собрание посетили примерно 80 женщин и 2 или 3 мужчины; 16 были названы по именам (но только около половины из них были осуждены). Это была «очень жизнерадостная, веселая и многочисленная компания». Этот первый английский шабаш кажется не более чем типичной английской вечеринкой. «Вышеназванные личности получили на обед говядину, бекон и жареную баранину». Кастрированный баран был, по общему признанию украден Джеймсом (преступление, заслуживавшее виселицы и без колдовства), Группа намеревалась убить священника в Ланкашире, взорвать замок (идея, явно заимствованная из замысла «Порохового заговора» Гая Фокса, несколько лет назад пытавшегося взорвать палаты парламента) и освободить обвиняемых. В отчете Потта сказано, что все «вышли из вышеназванного дома в своем собственном образе и подобии», сели на лошадей и «тотчас исчезли из …вида». Это звучит как попытка добавить превращения (и, возможно, перемещения) к уже установленным преступлениям обвиняемых в колдовстве. Другое собрание состоялось на следующий год. Слухи об этих ассамблеях достигли ушей судьи Новелла, арестовавшего и отправившего 27 апреля в Ланкастер 9 ведьм (некоторые из обвиненных бежали).

Суд восхвалял себя за объективность и честность, но, чтобы добиться осуждения всех обвиненных, он фактически в основном полагался на показания Элизабет Девис и ее детей, Джеймса (которому было чуть более 20) и Джанет (9 лет). Элизабет Девис отказывалась признаться, пока «благодаря Господу не привлекли Джанет Девис, ее собственную дочь, маленькую девочку примерно 9 лет, неожиданного свидетеля, для того, чтобы раскрыть все их деяния, собрания, переговоры, убийства, заговоры и гнусности». Когда двое других ее детей присоединились к Джанет, Элизабет сделала «совершенно свободное и добровольное признание». Хотя позднее она отреклась от него, ее признание по-прежнему

осталось в силе и стало главным доказательством против нее. Она умерла, заявляя о своей невиновности.

Джанет рассказала, как «дух в облике черной собаки» по имени Балл помогал ее матери убивать людей. Джеймс Девис свидетельствовал, что он тоже видел и черную собаку, и изготовление магических глиняных подобий, и слышал, как его бабушка говорила, что Элизабет наслала смерть на человека, отказавшегося подать ей милостыню. Джеймс рассказал фантастическую историю о краже причастия в Страстной четверг. Когда он вернулся домой, заяц попросил у него хлеба; Джеймс перекрестился, и заяц исчез.

Джеймс и Джанет опознали большинство ведьм, присутствовавших на предполагаемом обеде в Малкин-Тауэр. Несмотря на сотрудничество с судом по обвинению своей матери и установлению имен соучастников, Джеймсу тоже было предъявлено два обвинения. На основании заявления 9-летней Джанет еще было добавлено обвинение в том, что Джеймс якобы использовал собаку по имени Денди, чтобы насылать смерть. Содержавшийся в заключении в замке, Джеймс признался перед тремя свидетелями. Как утверждал Потт, он был «самым опасным и порочным колдуном из когда-либо живших в этой части Ланкашира».

По обвинению в околдовывании до смерти Роберта Наттера, «показания не были очень весомыми», и Анна Редферн была признана невиновной. Подобный приговор не удовлетворил ни суд, ни толпу. Ее снова подвергли пытке ради признания в околдовывании до смерти отца Роберта, Кристофера Наттера, а затем осудили. Оба показания были явно одинаковыми и во многом основывались на сплетнях «восемнадцатилетней или девятнадцатилетней давности».

Алиса Наттер, мать умершего Роберта, была «богатой женщиной, имевшей большое поместье, и обладала «хорошим характером, свободным от зависти и злобы». Она была отмечена как присутствовавшая в Малкин-Тауэр. Миссис Наттер была названа ведьмой, потому что Джеймс Девис сказал, что его бабушка называла ее ведьмой, а Дженет Девис сказала, что, по словам ее матери, Алиса была ведьмой, и Элизабет Девис призналась, что они с Алисой околдовали человека насмерть. Чтобы полностью удостовериться в том, что Джанет точно определила Алису Наттер, судья Бромлей, «очень подозрительный по поводу обвинений этих молодых девчонок», показал Джанет нескольким заключенным и «другим незнакомым женщинам». Джанет, много раз видевшая всем известную миссис Наттер и несколько минут назад дававшая показания против нее, это испытание выдержала благополучно. «Это не подлог и не ложное обвинение, — сообщал Потт, — но само Провиденье Божье, обнаружившее ее». Миссис Наттер умерла, заявляя о своей невиновности, осужденная, как говорил Нотштейн, на основании «самого шаткого [свидетельства] из когда-либо выдвигавшихся на судах».

Аналогичные показания были представлены и против остальных обвиняемых. Показания признавшихся ведьм принимались охотно, потому что «кто как не ведьмы могут доказать и свидетельствовать о деяниях ведьм?» Неизвестно, как были получены эти признания: старуха Демдайк умерла в тюрьме. Старуха Чаттокс, «публично обвиненная во всем этом на открытом суде, униженно обливаясь слезами, призналась, что все это правда». Однако почти все остальные обвиняемые настаивали на своей невиновности, «яростно и неистово рыдая, даже у виселицы, где и умерли нераскаявшимися (все, кого мы знали)».

Всего было повешено 10 обвиняемых, включая старуху Чаттокс и ее дочь Алису Редферн, Элизабет Девис (дочь старухи Демдайк, умершей в тюрьме) и ее детей — сына Джеймса и 11-летнюю дочь Алисой, и миссис Алису Наттер. Двое других были приговорены к одному году заключения в тюрьме с четырехкратным покаянием у позорного столба», остальные были прощены.

На третий день суд над ланкаширскими ведьмами был прерван судом над тремя ведьмами из Солсбери, обвиненными в нанесении увечий молодой женщине. Воспользовавшись сомнением, на мгновение возникшим у судьи, три ведьмы уговорили его допро-

сить пострадавшую. Она призналась, что ее обвинения были ложными; их выдумал католический священник, разъяренный переходом трех женщин в протестантскую веру. Этот перерыв не оказал влияния на основной суд.

Ланкаширское дело 1612 г. следует отличать от бесславного мошенничества 1634 г. (Пендл), когда осудили 17 человек, оклеветанных мальчиком, в конечном счете получивших отсрочку исполнения смертного приговора благодаря Карлу I. Среди обвиненных там была Джанет Девис.

ЛАНКР, ПЬЕР ДЕ (Пьер де Ростегю) (1553–1631). «Наши отцы жили в заблуждении, основанном на ошибочных концепциях, что ведьм нельзя осуждать на смерть, но следует просто отправлять обратно к их пасторам и кюре, как будто это простое заблуждение и пустые иллюзии», будучи судьей, де Л. пытался исправить эту ошибку и хвастался тем, что сжег 600 человек. Сегодня его деятельность имеет особое значение, поскольку он подробно описал охоту на ведьм в «Tableau de l'inconstance des mauvais anges» [«Описание непостоянства злых духов»] (1612). Другие его работы по колдовству: «L'Incredulite et mescreance du sortilege» [«Неправдоподобие и заблуждение колдовства»] (1622) и «Du Sortilege» [«Колдовство»] (1627).

Л. родился в Бордо в 1553 г. в семье состоятельного виноградаря, ставшего королевским чиновником и принявшего имя де Ланкра. Изучал право в Турине и в Богемии, в 1579 г. стал доктором права и в 1582 г. адвокатом парламента Бордо. В 1588 г. женился на Жанне де Монс, внучатой племяннице Монтеня. Монтень также был адвокатом в парламенте Бордо и, возможно, имел в виду законодательные действия Л., когда писал в своих «Опытах»: «Ведьмы моей части страны живут в постоянном страхе за свои жизни, так как каждый новый автор превращает фантазии в реальности. …Наша жизнь слишком реальна и существенна, чтобы опасаться этих сверхъестественных и фантастических вещей». В 1599 г. Л. отправился в паломничество в Святую Землю, но добрался только до Неаполя. Проезжая через Рим, он видел девушку, превращенную дьяволом в мальчика, что, без сомнения, углубило его веру в колдовство.

В конце 1608 г. (10 декабря) король Генрих IV уполномочил Л., теперь состоятельного магистрата, расследовать дела ведьм в Па-де-Лабур, баскоязычной территории, на юго-западе Гюйенны [см. Баскские ведьмы]. 4 февраля 1609 г. парламент Бордо ограничил его следовательскую деятельность и включил в его комитет своего президента д'Эспанье. Срок его полномочий истекал 10 ноября 1609 г. Однако, д'Эспанье вышел в отставку 5 июня, и его партнер в одиночестве отыскивал ведьм по клеймам дьявола. Л. обнаружил, что все население в 30 000 человек, включая всех священников, было заражено колдовством. Очевидно, что данная ересь проникла в Лабур через Беарн в конце XV в. (поскольку баскские слова, обозначающие колдовство, заимствованы из романских языков). Занесенная однажды, она свободно распространилась по всей территории благодаря ее изолированности.

«Tableau…», объемом почти в 600 страниц, рассказывает об основных делах, расследованных Л. в Лабуре, с добавлением некоторых рассуждений по демонологии. Кроме шабаша, Л. посвящает около 150 страниц ликантропии, основываясь на деле Жана Гренье. Спустя почти столетие аббат Борделон подверг Л. особому осмеянию в «Histoire… de Monsieur Oufle» (1610). Борделон высмеивает «Tableau…», пародируя его двухстраничные гравированные изображения шабаша в еще более фантастических иллюстрациях своей книги, и иронизирует: «Это описание всего происходящего на шабаше столь пространно и подробно, что я, наверное, вряд ли узнал бы о нем больше, даже если бы побывал там».

В возрасте 63 лет Л. вышел в отставку и поселился в Лобере на Гаронне, там написал остальные работы по колдовству. Он умер в 1631 г., и его могила надписана по-баскски. У него не было законного сына, поэтому его состояние перешло к его внучатым племянникам, а свою библиотеку он завещал своему незаконнорожденному сыну, иезуиту.

Очень редкая иллюстрация из «Tableau de l'inconstance des mauvais anges» (2-е изд.) Пьера де Ланкра (1613), отражающая интересную концепцию шабаша. Де Ланкр дает следующие пояснения:

***А:** Сатана, проповедующий в облике козла, сидя на золотом стуле. Один из его пяти рогов зажжен, чтобы зажигать все свечи и огни шабаша. **Б:** Королева шабаша, увенчанная короной, справа от него. Слева — другая, которой воздаются меньшие почести. **В:** Перед троном ведьма показывает похищенного ребенка. **Г:** Здесь представлены гости шабаша, каждый со своим демоном. Единственная еда — трупы, повешенные люди, сердца некрещенных детей и нечистые животные, которых никогда не ели христиане. Все безвкусно и без соли. **Д:** В крайнем правом углу — бедные ведьмы, которые не осмеливаются приблизиться к высочайшему торжеству, им разрешено присутствовать только в качестве зрителей и скрываться в тени в углах. **Е:** После праздника следуют танцы, поскольку, наполнившись едой, неважно, качественной или призрачной, но самой вредной и отвратительной в любом случае, каждый дьявол ведет того, кто сидел рядом с ним за банкетным столом, под проклятое дерево. Там первый дьявол поворачивается лицом внутрь к танцующим, а второй смотрит наружу, в то время как остальные чередуются таким же образом. Затем все танцуют, топая ногами и двигаясь настолько неприлично, насколько можно вообразить. **Ж:** Музыканты, исполняющие концерт, под музыку и песни которых ведьмы слоняются и танцуют. **З:** Ниже находится группа женщин и девушек, которые танцуют в круге, спина к спине. **И:** Сковородка над огнем, чтобы приготовить яды, вызывающие смерть и болезни людей или порчу скота. Одна ведьма держит в руке змей и жаб, а другая отрубает им головы и снимает шкуры и затем бросает их в горшок. **К:** Во время шабаша несколько ведьм на раздвоенных палках и метлах, другие на козлах, со своими детьми, которых они обучают и посвящают в колдовство, прибывают, чтобы присутствовать перед Сатаной. Другие, поднявшись вверх, направляются к морю, чтобы вызывать бури и ураганы. **Л:** Слева — благородные лорды и леди и другие богатые могущественные ведьмы, которые руководят важнейшими делами шабаша, где они часто появляются замаскированными, чтобы их нельзя было узнать. **М:** Маленькие дети помогают ведьмам, которые привели их на ритуал шабаша, используя палки и белые прутики, чтобы помешать жабам выбраться из небольшого ручейка.*

ЛАТО, ЛУИЗА. Л., «бельгийская стигматичка», демонстрировала многие классические симптомы околдованных детей и, кроме того, свои знаменитые кровоточащие язвы или стигмы. Однако из-за того, что она жила во второй половине XIX в., ее случай больше описывался врачами, чем демонологами или экзорцистами. Именно поэтому ее «экстазы» стали образцом для сравнения с многими молодыми женщинами в истории колдовства, у которых были припадки и видения, от девушек на уорбойском суде до детей Гудвина. Возможно, самой близкой к ней по времени параллелью была история Фери, одержимой 8 дьяволами.

Л. родилась в Хайно в 1850 г. и, хотя ее родители были здоровы, считалась болезненным ребенком. В возрасте 11 лет, как раз после того, как она посетила богослужение со своей 78-летней бабушкой, на нее напал бык. В 16 она ухаживала за домашними, умиравшими во время эпидемии холеры, и сама выносила трупы. В 17 лет она чуть не умерла от ангины. Она впервые приняла причастие в 11 лет и после этого причащалась каждую неделю, спустя 5 лет она присоединилась к Третьему ордену святого Франциска. Нет сомнений, что Л. была очень простодушной и милосердной девушкой, религия была главной опорой ее жизни.

Grand maladie (великая болезнь), сделавшая ее знаменитой, началась, когда ей было 18, за несколько недель до начала ее первых менструаций. У нее возникла потребность претерпеть агонию распятого Христа. Она потеряла аппетит, ее рвало кровью, и целый месяц она не ела ничего, кроме воды. 15 апреля 1868 г. у нее было видение младенца Христа и она впала в экстаз; 19 апреля у нее начались менструации. В мае у нее появились первые кровотечения из бока и ног, повторявшиеся через более или менее равномерные интервалы в последующие несколько лет.

Д-р Бурневилль, психиатр, проанализировал эти признаки по двум группам: стигмы, одно из второстепенных доказательств колдовства, и экстазы, типичные признаки одержимости.

Первая стадия одержимости демонами: контрактура с потерей сознания.

1. Кровоточащие язвы или стигмы.

Гнойнички, образовавшиеся под кожей, наподобие пузырей, содержащих кровь с очень большим содержанием белых частиц. Эти гнойнички лопались и продолжали кровоточить до двадцати четырех часов со средней потерей примерно 250 граммов крови.

Другое кровотечение происходило из трещин или небольших припухлостей, твердых на ощупь и выглядящих как жесткие прыщики. Окружающая их кожа не была ни опухшей, ни воспаленной. У Луизы был также «терновый венец», от двенадцати до пятнадцати точек на лбу, из которых она могла выдавить немного крови.

2. Экстазы или бешенство наподобие одержимости дьяволом более раннего времени, характеризующиеся тремя стадиями:

а) контрактуры: Луиза, бросалась на землю как безумная, сломленная и потрясенная. Эта стадия сопровождалась периодической потерей сознания.

б) коленопреклонение: Луиза падала на колени, одна рука на животе, голова поднята вверх, как будто она следит за невидимым зрелищем. Продолжалось примерно пятнадцать минут и сопровождалось бледностью и приливами крови, рыданиями, снижением пульса и температуры тела.

в) прострация: Луиза погружалась в глубокий сон, вытянув все конечности. Она производила судорожные движения, вызывавшие полную неподвижность тела в положении распятого. Спустя несколько часов Луиза начинала расслаблять тело, ее глаза оставались закрытыми, лицо становилось мертвенно бледным, покрывалось холодным потом и руки казались ледяными.

В добавление к этим двум основным признакам Луиза часто обходилась без еды и воды, сна или мочеиспускания и очищения (якобы на протяжении двадцати или тридцати дней). После того, как ей исполнилось двадцать пять лет, ее истерия, очевидно, прекратилась.

На основании своей длительной практики в Сальпетриере, госпитале для душевнобольных в Париже, д-р Бурневилль приводит примеры ряда пациентов, чьи симптомы сходны с теми, что были у Л. Он диагностировал «желудочные и кожные кровотечения, соединенные с конвульсиями». Все это он определял как «истерию».

ЛЕВ X, папа (с 1513 по 1521). Обнаружив, что обвиняемые в колдовстве виновны в ереси, инквизиция, освобождала их для передачи светским властям с формальной рекомендацией проявить милосердие. Если же гражданский суд проявлял милосердие, его чиновники объявлялись покровителями еретиков и такими же преступниками. Булла папы Л. от 15 февраля 1521 г. разоблачает легенду о том, что инквизиция якобы не выносила смертных приговоров. В этом году сенат Венеции отказался утвердить массовые казни жертв инквизиции в Брешии и потребовал от епископа Капо д'Истриа, папского легата, чтобы он объяснил необходимость сожжений. Спор между церковью и государством получил огласку. Вслед за этим Л., «меценат ренессансного гуманизма», как называл его Монтегю Соммерс, написал своему инквизитору следующее:

«На основании упомянутых писем [сената Венеции], ограничивавших власть поименованного легата, мы сомневаемся, сможете ли вы, обладая настолько ограниченной властью, продолжать действовать так же, как и до публикации этих [венецианских] писем. И, поскольку недопустимо, противоречит установленным законам и священным канонам, наносит вред свободе церкви то, что законодатели вмешиваются в церковное судопроизводство и отказываются приводить в исполнение казнь по нашему распоряжению, пока они не увидят и не исследуют судебные отчеты и приговоры, как будто у них есть власть и право над священниками в религиозных вопросах, хотя их компетентность никогда не признавалась в подобных случаях, и единственное, что они должны были сделать, это осуществлять казнь без единого вопроса. По этому поводу среди сторонников веры Христовой невозможны никакие разногласия.

Ради благой цели спасения душ и быстроты исполнения, решения упомянутых судов не должны вырождаться в несправедливость и разрушение, и должны исполняться без промедления, чтобы эти несчастные души не были больше отягощены столь серьезными грехами, и все сомнения по поводу судебных процедур должны быть отринуты.

Силой нашей апостольской власти мы устанавливаем и объявляем, что ты должен продолжать действовать в соответствии с предписанными обязанностями против всех ведьм и колдунов, отступников от веры, в зависимости от степени их вины в соответствии с законом, обычаем и привилегиями, так же, как и тогда, когда вышеупомянутые письма [венецианского сената] не были опубликованы.

И мы объявляем и приказываем тебе призывать и приказать упомянутому сенату Венеции, дожу и чиновникам больше не вмешиваться в подобные суды, но незамедлительно, без изменений или расследования приговоров, вынесенных духовными судьями, исполнять их так, как они обязаны. И, если они пренебрегут своими обязанностями или откажутся их выполнить, ты обязан принудить их церковным порицанием и другими соответствующими законодательными мерами. Данное распоряжение не оспаривается».

ЛЕСТЕРСКИЙ МАЛЬЧИК. Редкий случай разоблаченного мошенничества (1616).

В конце XVI — начале XVII вв. показания подростков отправили на виселицу множество старых женщин. Дело Л. м. выглядит настолько же невероятным, как и описанные нами случаи с бартонским мальчиком, мальчиком из Нортвича, билсонским мальчиком или Эдмундом Робинсоном [см. Бартонский мальчик, Билсонский мальчик, Обманщик из Пендла]. Суды, основанные на обвинениях этих молодых людей, следовали образцу, установленному в 1593 г. во время обвинения ведьм из Уорбоя, за исключением показаний лестерского и билсонского мальчиков, опровергнутых после реабилитации тех, кто был необоснованно обвинен.

Мальчик из Лестера — Джон Смит из Хазбенд-Босуорта в Лестершире, был младшим сыном сэра Роджера Смита (потомка графов Дерби). В 1607 г., когда ему было только 4 или 5 лет, Смит обвинил в околдовывании нескольких женщин, но осуждения не последовало. По мере развития эпилептоидной психопатии (известным симптомом которой является склонность ко лжи и обману), он научился выдавать свои фантазии за видения. Когда ему было 13 лет, на основании одних лишь его показаний были осуждены и казнены 9 ведьм. Подобно салемским девушкам, Смит заявлял, что ведьмы мучили его. Как и у Маргарет Рулл, его припадки были такой силы, что мужчины не могли его удержать. Подобно Мадлен де Демандоль [см. Экс-ан-Прованские монахини], чья одержимость стала широко известна в Англии к 1613 г., он издавал лошадиное ржание, независимо от того, демон или ведьма поражали его. Как и у детей Трокмортона, у него была готовая формулировка заклинаний, произнесения которых он требовал от обвиняемых; возможно, он почерпнул ее из бесед со старшими о наиболее известных в Англии случаях многолетней давности.

Современник описывал его припадки следующим образом:

«Юный джентльмен двенадцати или тринадцати лет страдал разнообразными припадками. Сэр Генри Хастингс сделал все, что мог, чтобы удержать его при припадке, но и он, и другие мужчины, столь же сильные, как и он, не смогли удержать его. Если его рука была свободна, он так сильно бил себя в грудь, защищенную одной лишь рубашкой, что удары были слышны в любом углу его комнаты. Иногда пятьдесят, а иногда порядка двух или трех сотен ударов, которые были способны сбить наземь сильного мужчину. И тем не менее, он не причинял себе вреда».

Он обвинил 9 женщин в том, что они околдовали его.

«Шесть ведьм имели шесть разных духов, одного — в образе лошади, другого — собаки, третьего — черного хорька [хорька лесного], четвертого в виде рыбы, пятого — жабы, и с помощью всех этих духов мучили его. Он должен был подавать сигнал, соответствующий духу. Так, когда его мучила лошадь, он должен был ржать, когда его мучил кот — мяукать и т.п. Иногда во время припадка к нему приводили [ведьм] и заставляли их произносить определенные слова и звать своих духов по имени, и все они, одна за другой, говорили примерно следующее: «Я такая-то и такая-то, заставляю тебя, лошадь, если я ведьма, выйти вон из ребенка». И затем другая с помощью своего духа делала то же самое, а затем и все остальные. Если кто-нибудь из них говорил слова, противоположные этому «заговору», [мальчик] страшно мучился; но, если [они] гово-

рили так, как он от них требовал, то после последних слов он выходил из приступа так тихо, как будто кто-то укладывал его спать».

Подобно большинству детей-обвинителей, он мог бы остаться неразоблаченным, если бы случай не привел короля Якова I в Лестер во время одного из его исторических путешествий по стране (15 августа 1616 г.), спустя несколько недель после повешения 9 ведьм, указанных Смитом (18 июля 1616 г.). Всегда интересовавшийся оккультизмом, Яков I допросил мальчика, «после чего Джон Смит начал запинаться, так что король заподозрил ложь; и затем подчиненные [архиепископа Кентерберийского] раскрыли весь обман» — (Осборн). Король был поставлен в известность о мошеннике, поскольку, «после незначительного нажима [мальчик] смог повторить все свои трюки несколько раз в день».

Еще шесть «ведьм», оклеветанных Джоном Смитом, все еще находились в заключении. Но в октябре начался новый суд (с участием представителя архиепископа), закончившийся их освобождением, к несчастью, слишком поздним для одной из них, уже умершей в тюрьме.

Это был не первый пример разоблачения обмана суеверным королем. В начале своего правления он установил мошенничество «женщины, [которая] притворялась околдованной, что якобы вызывало появление булавок из ее рта, которые были изъяты из различных тайников на ее груди». В апреле 1605 г. Яков I раскрыл мошенничество Ричарда Хайдока, так называемого «спящего проповедника» из Оксфорда.

Сэр Хемфри Уинч, легковерный магистрат, и его помощник Крю, потворствовавшие безумствам Джона Смита, были дискредитированы королевским разоблачением, но избежали наказания. Однако Джеймс предоставил Бену Джонсону тему для комедии «Дьявол в дураках». Эта пьеса высмеивала невежд, верящих в колдовство, повествуя о том, как «мальчик тринадцати лет оставил [дьявола] в дураках, но лишь на один день».

ЛЕМП, РЕБЕККА. Письма Л., заключенной в тюрьму в 1590 г. за колдовство, своему мужу Петеру, высокообразованному бухгалтеру из Нордлингена в Швабии, соперничают по остроте переживаний с письмом Иоганнеса Юниуса к дочери. Преследования ведьм в Швабии поддерживались не только пасторами или священниками, но и местными юристами — Себастьяном Роттингером, Конрадом Графом и бургомистром Георгом Ферингером, руководившим преследованиями. Несмотря на благоприятные показания соседей, осмелившихся выступить в их защиту, в 1590 г. 32 известные и занимавшие высокое положение женщины были сожжены. Среди них были фрау Л. и жены бывшего бургомистра, сенатора, основных городских чиновников.

Приведенные ниже 4 документа были зачитаны на суде и включены в судебный отчет.

I

Первое, волнующее письмо к Л. было написано шестью ее детьми вскоре после ареста их матери в апреле 1590 г., когда ее муж был в отъезде. Дети не могли понять, что происходит, и, спустя несколько дней, когда их отец все еще отсутствовал, написали своей матери. Иоганн, младший школьник в семье, продемонстрировал свою грамотность, подписав свое имя по-латыни.

> «Почтительно приветствуем тебя, дорогая возлюбленная матушка! Сообщаем тебе, что мы все здоровы. Мы получили от тебя весточку и знаем, что с тобой также все хорошо. Мы ожидаем, что батюшка приедет домой сегодня, с соизволения Господа. И мы дадим тебе знать, как только он приедет домой. Всемогущий Господь и Святой Дух даруют тебе свою милость, и, если это будет угодно Господу, ты сможешь вернуться к нам домой в добром здравии. Господи, благослови это! Аминь!
>
> Дорогая возлюбленная матушка, пусть тебе купят пива, хлеба для супа и немного жареной рыбы и пошлют к нам за цыпленком. Я только что убил двух. Преподобный Руммель [друг семьи] обедал с нами. Если ты нуждаешься в деньгах, пошли за ними, в

твоем кошельке осталось еще немного. Будь здорова, моя возлюбленная матушка, не беспокойся насчет хозяйства, ты скоро вернешься к нам.

Ребекка Лемп, твоя любящая дочь,
Анна Мария Лемп, твоя любящая дочь,
Мария Саломея Лемп, твоя любящая дочь,
Иоганнес Конрад Лемп, tuus amantissimus filius,
Самуэль Лемп, твой любящий сын,
X [отметка Питера Лемпа].
Пусть Господь пошлет тебе тысячу раз добрую ночь».

II

Вторым является письмо Л. к мужу, в котором она беспокоится, что тот может поверить обвинению против нее. Простодушная, она просит его не волноваться, поскольку она не сделала ничего дурного, и ее не будут пытать.

> «Мой дорогой возлюбленный муж, не беспокойся. Какие бы тысячи обвинений мне не предъявляли, я невиновна, и пусть все демоны ада придут и разорвут меня на куски, если я солгала. Даже если они разотрут меня в порошок, разрежут на тысячу кусков, я ни в чем не признаюсь. Поэтому не беспокойся, ибо совесть и душа моя чиста. Будут ли меня пытать? Я не верю в это, поскольку я ни в чем не виновата. Муж мой, если я в чем-то виновна, пусть Господь отвернет от меня навсегда свой лик. Если они не поверят мне, всемогущий и всеведущий Господь совершит чудо, чтобы они поверили. Если же я останусь в этой беде, значит, нет Господа на небесах. Не отворачивайся от меня, ты знаешь, что я невиновна. Во имя Господа, не покидай меня в страдании, которое душит меня».

III

Третьей является записка Л. к мужу, спустя несколько месяцев, после того как ее пытали 5 раз, и она призналась. Неизвестно, как она написала это письмо и тайно переправила из тюрьмы, но письмо было перехвачено и зачитано на суде как свидетельство дополнительной вины, самоубийства, потому что она просила своего мужа принести ей яд.

> «О избранник моего сердца, я должна пребывать в разлуке с тобой, хотя я совершенно невиновна. Если это неправда, пусть Господь вечно карает меня за мои прегрешения. Они принуждают и заставляют сознаваться, они так пытали меня, но я невиновна, как Господь на небесах. Если я знаю хоть самую малость о тех вещах, в которых я призналась, пусть Господь закроет передо мной врата небесные! О, дорогой мой, возлюбленный муж, мое сердце скоро разорвется! Увы! Увы! Мои бедные дети-сироты! Муж, пошли мне что-нибудь, чтобы я могла умереть, иначе я испущу дух под пыткой; если не можешь сегодня, сделай это завтра. Ответь мне сразу же. Р.Л.
>
> [На обратной стороне] О, муж мой, я невиновна, они силой отнимают тебя у меня! Как может Господь допускать это? Если бы я была ведьмой, то пусть бы Господь не щадил меня. О, что я сделала плохого? Почему Господь не слышит меня? Пошли мне что-нибудь, чем я могла бы спасти свою душу».

IV

Затем суд продиктовал письмо, которое Л. должна была написать своему мужу, заверяя его, что она лгала и что она действительно была ведьмой, недостойной его и своих детей. Однако Питер Лемп слишком хорошо знал свою жену, чтобы попасться на подобную уловку, и решительно ответил суду в следующем письме:

> «Уважаемые и достопочтимые господа, мудрейшие и великодушнейшие!
>
> Недавно, 1 июня, я обратился к суду со смиренным прошением, связанным с моей дорогой женой, в котором я просил освободить ее, но моя просьба была отклонена. Пусть на этот раз результат будет иным. Поскольку с тех пор я получил от моей жены

правдивое описание, в котором она рассказывает, что заключена в тюрьме в одиночку из-за того, в чем она не виновна, и просит меня прийти ей на помощь, меня, ее самого ближайшего, самого дорого и лучшего друга, ее мужа, супруга и поддержать ее в страданиях и унижении. По правде говоря, если бы я не был христианином, я бы не искал, как помочь ей и утешить ее. [Питер Лемп затем просит встречи со свидетелями, потому что он уверен, что обвинения были получены под пыткой.] Я надеюсь, я верю, я знаю, что в течение всей моей жизни моя жена даже никогда не думала о том, в чем ее обвиняют, не говоря о том, чтобы это сделать. Я клянусь в этом моей душой. Очень многие высокоуважаемые люди, которые знают меня и мою жену, свидетельствуют, как и я, что она всегда была богобоязненной, целомудренной, честной женой, противницей всякого зла; что она всегда почитала меня преданно как своего дорогого супруга. Она была, кроме того, доброй матерью своей семьи, бережно воспитавшей наших дорогих малышей, обучившей вместе со мной их не только катехизису, но более того, Священному Писанию, особенно прекрасным псалмам Давида. Действительно, благодаря Господу — и я говорю это без хвастовства — все дети, которыми Господь благословил нас, без исключения, знают и могут прочитать наизусть несколько псалмов.

Никто на свете — клянусь всей моей верой, — не может сказать, что моя жена причинила кому-либо даже самое малое зло, все равно какое, или заподозрить ее в этом…

Вот почему, от своего имени и от имени моих дорогих маленьких детей, которых теперь шесть — благодарение Господу! — я смиренно прошу вас, из любви к Господу и помня о Страшном суде, когда сам Иисус Христос будет нам судьей, я умоляю вас, олицетворяющих собой мудрость и законность, употребить свою власть, чтобы вынести благоприятное решение для моей дорогой жены и освободить ее».

Получив данное прошение Питера Лемпа, суд подверг Л. дальнейшим пыткам и осудил на сожжение 9 сентября 1590 г.

Затем охота на ведьм усилилась, и тюрьмы переполнились. Преследования прекратились только в 1594 г., когда Мария Холлин, владевшая таверной «Корона» в Нортлингене, подтвердила свою невиновность после пребывания в течение 11 месяцев в вонючей темнице, 56 раз подвергнутая самым жестоким пыткам, какие мог измыслить суд (самый высокий уровень зарегистрированных пыток, когда жертва выжила). Суд пришел к выводу, что использование пыток на самом деле в интересах обвиняемого, поскольку это быстро устраняло состояние неопределенности и неясного беспокойства. Мария Холлин была спасена благодаря вмешательству ее родного города Ульма, обжаловавшего порядок судопроизводства над ней. Но ее сопротивление в Нортлингене придало смелость пастору Вильгельму Лутцу выступить от имени протестантских церквей и, при поддержке общественного мнения, заставить неистовых законоведов прекратить свои незаконные суды. «Судебное производство никогда не прекратится, — говорил он в проповеди, — поскольку есть люди, которые доносят на своих свекровей, жен и мужей, провозглашая их колдунами. Когда же придет этому конец?»

ЛЕСТНИЦА (пытка). Способ пытки, повсеместно использовавшийся во Франции и Германии обычно на предварительных стадиях «допроса». Затем следовали страппадо и выворачивание рук.

Обвиняемый, одетый только в рубашку или панталоны, помещался горизонтально на спине, располагаясь на лестнице [echelle] или дыбе [иногда называемой le grand tresteau (большими козлами)], или на земле между двумя установленными столбами. Ноги прикреплялись веревками к одному концу, руки, связанные вместе и вытянутые над головой, прикреплялись к другому концу специальным жгутом. Когда жгут затягивали, веревка сокращалась, и тело с силой растягивалось в воздухе.

Более жестокое использование лестницы производилось с перекручиванием [tortillons] веревки, чтобы усилить боль. Заключенный, мужчина или женщина, привязывался к двум вертикалям лестницы относительно тонкими веревками, начиная от плеч, пальцев рук до пальцев ног. Веревки обвязывались вокруг тела и вокруг конечностей и

верхних частей тела. При подобном способе пытки небольшие палки могли быть вставлены в веревки, чтобы закрутить их как жгуты. Веревки переплетали и натягивали так, что конечности и суставы сдавливались во многих местах, и узлы веревок с силой впивались в тело.

Растягивание заключенного на дыбе, лестнице или (как на этой иллюстрации) на веревках, прикрепленных к двум крюкам, было первой стадией пытки. Здесь палач причиняет дополнительную боль, закручивая жгут на бедре.
Из «Enchiridion» (1554) Иоста Дамхудера.

ЛЕТАТЕЛЬНАЯ МАЗЬ. Чтобы добиться перемещения или превращения, ведьмы натирали свои тела мазью. В одном из первых рассказов, приведенных Нидером и датируемым примерно 1435 г., рассказывается о том, как женщина натирала себя мазью, сидя при этом в большой квашне для замешивания опары. Она тотчас заснула и представила себя летящей, сотрясая квашню так сильно, что выпала и разбила себе голову. С другой стороны, почти все поздние демонологи верили в физическую возможность перемещений.

Европейские демонологи описывали некоторые из способов приготовления этих мазей, частично основываясь на народных лечебных травах, частично используя элементы классической магии и собственное воображение.

Так, например, Приериас, папский ставленник, выступавший против Лютера, говорил в 1521 г., что мазь, использовавшаяся для полетов по воздуху, изготавливалась, в основном, из толстого куска мяса сваренных детей, желательно некрещенных. В 1608 г. Гваццо повторил эту выдумку. Френсис Бэкон усилил этот намек, и в «Sylua Sylvarum» саркастически заметил, что «жир детей, вырытых из могил», может быть смешан с мукой тонкого помола и «соком из волчьих ягод, волчьей отравы и лапчатки ползучей». Он добавлял, что, с научной точки зрения, «весьма вероятно, что снотворные (наркотические) вещества вызывают у ведьм иллюзию полета», и что галлюцинации вызывались «не с помощью заклинаний, …но исключительно с помощью мазей и натирания себя повсюду». Позднейшие члены Королевского общества не отличались такой научностью взглядов, как Бэкон. Например, Гланвиль верил в перемещения. Другой ученый, Мор, объяснял, что магическая мазь «заполняет поры, выводит холод и сохраняет тепло и дух, что тело и сила

духа могут поддерживаться соответствующим образом, чтобы снова принять душу при ее возвращении» («Antidote Against Atheism»). С другой стороны, Жан де Нино говорил в 1615 г., что мазь должна втираться в тело, пока оно не покраснеет, так, чтобы лекарство могло проникнуть в кожу как можно глубже.

DE
LA LYCANTHROPIE,
TRANSFORMATION, ET
EXTASE DES SORCIERS.

Où les astuces du Diable sont mises tellement en euidence, qu'il est presque impossible, voire aux plus ignorants, de se laisser doresnauant seduire.

Auec la refutation des argumens contraires, que Bodin allegue au 6. chap. du second liure de sa Demonomanie, pour soustenir la realité de ceste pretenduë transformation d'hommes en bestes.

Le tout composé par I. DE NYNAULD, Docteur en Medecine.

A PARIS,
Chez IEAN MILLOT, Imprimeur & Libraire, demeurant en l'Isle du Palais, au coing de la ruë de Harlay, vis à vis les Augustins.

M. DC. XV.
Auec Priuilege & Approbation.

Титульный лист известной книги Жана де Нино о превращениях, в которую включены рецепты магических мазей для полетов по воздуху и для превращения в животных. Из БКУ.

В то время, как английские теоретики обсуждали мази, английские ведьмы, подвергавшиеся пыткам на судах, возможно, знали о них очень немного. Один из единичных судов, на котором были представлены мази, связан с ведьмами из Солсбери [см. Ланкаширские ведьмы]; он состоялся в 1612 г.

Джанет и Эллен Бирлей были обвинены в околдовывании ребенка до смерти. 14-летняя Грейс Соуэрбатс показала, что эти женщины вырыли маленький трупик и

> «взяв его, отварили часть в горшке, часть изжарили на углях, и упомянутые Джанет и Эллен съели понемногу того и другого. И после этого упомянутые Джанет и Эллен положили кости упомянутого ребенка в горшок, а жиром, который вышел из названных костей, как они утверждали, они натирали себя и могли принимать образы других существ».

Единственным слабым местом в этом, данном под присягой, показании было то, что со свидетелей подучил иезуитский священник, который хотел отомстить обвиненным женщинам, за то что они отступились от католицизма.

Французский суд в Кресси, около Лозанны, в 1664 г. Волки-оборотни схватили ребенка и принесли дьяволу, который высосал его кровь через большой палец. Затем ведьмы разрубили тело и сварили его, часть съели, а часть «ввели в свои мази наряду с другими составляющими». Во всем этот ведьмы признались; естественно, что после этого их сожгли. Фактически этот миф был одним из самых ранних в истории колдовства, и почти два столетия спустя его теми же самыми словами пересказал Нидер. Ужасная история время от времени повторялась в работах демонологов и в признаниях ведьм на судах. Так,

например, в Бамберге ведьмы выкопали тело младенца в Вальпургиеву ночь. Дель Рио в «Disquisitionum Magicarum» объяснял, что используя таким образом жир умерщвленных детей, ведьмы, кроме всего прочего, издевались над мирром (смесью масел и бальзама), используемым при миропомазании.

Нет сомнений в том, что самым полным описанием является сделанное Жаном Нино в «De la Lycanthropie…» [«Ликантропия, метаморфозы и экстазы ведьм»] (1615). Нино, в отличие от Мора, отрицал, что «дьявол может отделить душу от тела чародея» и сохранять тело живым до его возвращения. Он классифицировал мази по трем разделам:

1. Воображаемое посещение шабаша. Данная мазь вызывала фантастический мир видений, восстанавливаемый в памяти ведьмы после пробуждения. Подобно Вейеру и Гваццо, Нино выделял жир ребенка как основной ингредиент, к которому добавлялись соки из травы водяного пастернака [ache], аконита, лапчатки ползучей, ядовитого паслена и сажи. Нино приводит характерные типичные примеры, когда за женщинами, натертыми этой мазью, наблюдали всю ночь, а при пробуждении они сообщали мельчайшие детали о шабаше, происходившем на расстоянии многих миль (точно также как и женщина у Нидера в квашне для замешивания теста). Похожий рецепт (в 1563 г.) дается Вейером, врачом-скептиком, указывающим на естественные наркотические свойства лечебных трав, которые часто вызывают «великий беспорядок в умах» («De Lamiis»).

2. Езда на метле и полеты по воздуху. Мазь, вызывающая физическое ощущение езды, состояла из простых наркотиков, таких как белладонна. Существовали и другие способы: можно было съесть мозг кота или напиться спиртного. Нино проницательно избегает точных деталей, «из боязни предоставления злобным личностям возможности совершения зла». Об эффективности подобной мази Нино услышал в 1603 г. от францисканского монаха, который, догадавшись, что его тетка является ведьмой, наблюдал за ее приготовлениями к ночному полету. Затем он сам натерся этой мазью и посетил шабаш; при возращении, в наказание за его вмешательство, теленок, на котором он летел, уронил его в Рейн, откуда его спас дружески расположенный к нему мельник. Он донес на свою тетку, но никто не хотел верить ему, потому что, говорит Нино, многие влиятельные люди сами были колдунами.

Ведьмы, натирающие себя летательной мазью. Гравюра Х.Бальдунга Грюна. Ведьма справа впадает в гипнотическое состояние; позади нее сладострастная юная развратница, увлекаемая к своему любовнику старшей ведьмой.

3. Для превращения в зверя (при пробуждении ведьма продолжала твердо верить в изменение собственного образа). Эта мазь включала целый список составляющих, наподобие тех, что встречаются в «Макбете»: части жаб, змей, ежей, волков и лисиц, и человеческая кровь смешивались с травами, корнями и другими похожими составляющими, «которые обладали способностью вызывать беспокойства и обман воображения». Мазь намазывалась «по всему телу, слоем толщиной примерно в два дюйма», как утверждал Сьер де Бовуа де Шавинкур, описавший поимку волка-оборотня.

Некоторые врачи считают, что средства, использовавшиеся ведьмами, вызывают бредовое состояние: это высокотоксичный аконит, смертоносный паслен (белладонна) и водяной пастернак (ache), упоминаемый Нино соотносимый с водяным болиголовом крапчатым, тоже токсичным. Гваццо включал как «природные наркотические порошки»: белладонну, плевел, мандрагору, касторовые бобы, опийный мак.

В приложении к книге Маргарет Маррей «Witch Cult in Western Europe» (1921) профессор Кларк устанавливает, что аконит в небольших дозах вызывает сердцебиение, белладонна — бредовое состояние, а болиголов крапчатый — паралич и перевозбуждение; втирание же подобных мазей в кожу может усиливать все физиологические возможности. Недавно интерес к этим растениям был стимулирован публикацией книги Р.Гордона Вассона о магических грибах из Мексики. С другой стороны, Отто Снелл еще в 1891 г. сообщал о своих личных экспериментах с подобными средствами и не отмечал никаких вредных проявлений, кроме головных болей от небольших доз.

ЛИГАТУРА (насланная импотенция). Л. — состояние импотенции, вызываемое чародейством; обычно осуществляется завязыванием узлов на нитках или на мотках, а также с помощью зелий. Боязнь импотенции была обычным явлением. Вергилий в восьмой «Эклоге» упоминает о 9 узлах, препятствующих совокуплению, а Петроний (I в. н.э.) пишет о возобновлении половой потенции. Очевидно, что Л. была простым добавлением к колдовской ереси, поскольку она существовала как до, так и после эпохи охоты на ведьм.

Гваццо, успешно обобщивший в «Compendium Maleficarum» (1608) опыт своих предшественников, классифицировал Л. по 7 основным пунктам:

> 1. Когда один из супругов становится враждебным к другому или оба ненавидят друг друга.
> 2. Когда какое-либо физическое препятствие удерживает мужа и жену в различных местах или когда разыгрывается их фантазия.
> 3. Когда недостаток живой силы служит помехой эрекции и препятствует эякуляции.
> 4. Когда семя не плодоносит.
> 5. Когда мужской член становится вялым, в то время как мужчина хочет осуществить половой акт.
> 6. Когда женщине даются разные натуральные порошки, чтобы воспрепятствовать ее зачатию.
> 7. Когда женские половые органы становятся узкими или закрываются, или когда мужские органы сокращаются.

Доминик де Сото замечает, что из-за того, что дьявол не хочет препятствовать блуду, Л. не так распространена, как другие виды maleficia.

Типичный способ Л. — vaecordia [лат.], aiguillette [франц.] или girlanda delle streghe [ит.] — завязать несколько узлов на веревке или полоске из кожи и спрятать ее. Подобный «отвратительный грех, за который ведьма заслуживала смерти» (по словам Бодена), продолжал действовать, пока веревку не находили и не развязывали; если же этого не случалось, Л. становилась постоянной.

Другой способ был связан с применением зелья. В замке Бассомпьер старик, женатый на красивой молодой женщине, содержал любовницу. Жена стала ревновать и обратилась за советом к соседке, которая дала ей траву, чтобы положить мужу в суп. Когда

муж проснулся на следующее утро, он оказался импотентом. «Поскольку он не надеялся скрыть это от нее», он рассказал своей жене. Осознав нанесенный себе ущерб от отсутствия брачных удовольствий, жена созналась в том, что натворила, «сказав, что сделала это из-за большой любви, которую она испытывала к нему». Получив эту информацию, помещик разыскал ведьму и заставил ее применить другую траву, чтобы восстановить его половую потенцию. Ведьма же, «обвинившая сама себя», была вскоре после этого сожжена.

Большинство демонологов, особенно де Сото, Боден, Реми и Гваццо говорили об импотенции, вызываемой магическим путем. В 1567 г. одна женщина рассказала Бодену что существует более 50 способов завязывание aiguillette (шнурков) — в зависимости от цели (воздействие на мочеиспускание, сношения или плодовитость одного, обоих или всех партнеров) и продолжительности (день, месяц или навсегда). Если человек находится под Л., на его теле должны появиться выделения, указывающие на детей, которые могли бы быть зачаты. Однако Боден не верит в утверждение «Malleus Maleficarum», будто ведьмы могут спрятать пенис мужчины в его живот. Эта особенность, видимо, была характерна для немецких ведьм. В Шотландии в 1590 г. Джанет Грант и Джанет Кларк были осуждены за то, что брали половые члены у одних мужчин и приделывали их другим [см. Скотт, Реджинальд].

Поскольку предполагаемая болезнь исходила от дьявола, лечить ее было трудно. В «Malleus Maleficarum» рекомендуется вступить в дружеские отношения с ведьмой. Гриландус рассказывает об уважаемом гражданине, неспособном осуществлять брачные отношения, который искал помощи у белой ведьмы или magus. Она дала ему зелье, которое вызывало страшные ночные кошмары, но помогло ему со временем создать большую семью. Другие авторы отвергали попытки излечения Л. с помощью чародейства.

Иво из Шартра (умер в 1115 г.), был первым католическим теологом, всесторонне обсуждавшим препятствия к осуществлению брака. Фома Аквинский также принимал идею Л. Обсуждая препятствия к супружеству, он писал:

> «Некоторые говорят, что такой вещи [как Л.] не существует и что она является следствием неверности, а не демонов, как воображают мужчины, и, испуганные собственным воображением, находятся в подавленном состоянии духа. Но католическая вера учит, что демоны существуют и что они могут приносить вред мужчинам и препятствовать плотским сношениям» («Quodlibeta»)

Теологи нашли сверхъестественную причину для объяснения естественных явлений. Молитор (1489) рассказывает, как жены приводили своих супругов, утративших потенцию, в суд, врачи обследовали их и объявляли импотенцию результатом колдовства. Ранее Петрус Мамор (1462) жаловался, что многие в Аквитании заявляют об impotentia ex maleficio, чтобы добиться отмены брака. Это следовало из различия (установленного Аквинским) между естественной frigiditas, когда мужчина (frigidus) не мог спать ни с какой женщиной вообще, и Л., когда мужчина (maleficiatus) не мог вступать в сношения только с одной женщиной. Корпус канонического права (Грациан, «Corpus Juris Canonici», около 1140 г.) устанавливает 4 пункта:

> 1. Сношениям можно воспрепятствовать намеренно.
> 2. Л. допускается только по соизволенью Господа.
> 3. Дьявол способствует Л. (достаточно любопытно, что Бог дает дьяволу власть только над половыми органами).
> 4. Облегчение может наступить с Божьей помощью и с помощью воздержания и молитв. Белых ведьм следует избегать.

Известный францисканец, отец Кандидус Броньолус Бергамский в «Manuale Exorcistarum» (1651) приводит французскую молитву против импотенции, часто вызываемой дьяволом у человека, вступающего в законный брак только для плотского удовлетво-

рения своей похоти:

«Господи, избавь меня от этой maleficium, от которой я связан лигатурой. …Я не буду впредь видеть в браке только лишь средство для избежания греха распутства».

Вне Рима Л. была признана однозначным основанием для расторжения брака: «Если она не может быть излечена, этим супругам разрешено разойтись». — «Decretum». «Лигатура, если она постоянна и препятствует браку, требует отмены предполагавшегося бракосочетания и расторжения уже заключенного» («Hostiensis» и Альфонс де Вера Крус).

ЛИКАНТРОПИЯ (оборотничество). Увеличение общего количества судов за колдовство в конце XVI в. привело и к увеличению числа случаев Л. Большинство людей верило, что человек действительно может становиться ликантропом или волкодлаком, т.е. человеком-волком [нем. Wahr-Wolffe; франц. gerulf или loup-garou; итал. lupo manaro]. Лишь немногие, как, например, Скотт (1584), придерживались мнения, что «ликантропия — это болезнь, а не превращение». При таком душевном расстройстве человеку представлялось, будто он является диким животным и действует подобным образом. Вспышки подобного сумасшествия зарегистрированы. Так, в беарнском приходе Люк, в XVII в., многих людей охватывала страсть лакать по-собачьему, причем лечили их не лекарствами, а стеблями целомудренника, обматывая их вокруг шеи.

Характерными чертами Л., вырастающей из галлюцинаций и садистской жажды крови, были: 1) превращение в животное, 2) ночные прогулки по окрестностям, 3) нападения на животных и людей, чтобы разорвать их плоть, и 4) возвращение в человеческую форму.

Представление о превращениях восходит к древности. В греческом мифе рассказывается о Ликаоне, который превратился в волка, пожертвовав ребенка на алтарь Зевса Ликейского. Платон развил легенду: поедание плоти человека, принесенного в жертву на этом алтаре, вызвало превращение. Вергилий также описывает превращение чародея в волка.

Наиболее известен классический рассказ о Л., приведенный Петронием в «Пире Тримальхиона». Тримальхион отправился ночью к своей любовнице Мелиссе и попросил знакомого проводить его часть пути. Когда они проходили мимо кладбища, Тримальхион с удивлением увидел, как человек остановился, разделся догола, положил свою одежду на землю, помочился вокруг себя, а затем превратился в волка и с воем убежал в лес. «Не думайте, что я шучу, я не солгу даже ради всех денег на свете», — заявляет Тримальхион. Затем он подошел, чтобы подобрать его одежду, но она обратилась в камень. Вспотев от страха, он прибежал к Мелиссе, которая сказала ему: «Если бы ты только появился раньше, ты бы смог помочь нам, потому что сюда прибежал волк и перепугал весь наш скот. Но он получил по заслугам, хотя и убежал, поскольку наш работник воткнул лопату ему в шею». Подозрения Тримальхиона предвосхищают завершение истории. На обратном пути он заметил, что одежды исчезли, а земля вокруг покрыта кровью. Дома он нашел своего знакомого, истекающего кровью, обильно льющейся из раны на шее, которую перевязывал доктор. «Так я узнал, что он был оборотнем [versipella], и после этого я никогда не мог есть вместе с ним, даже, если бы он пригрозил, что убьет меня».

Данная история, относящаяся к I в. н.э., постоянно пересказывалась демонологами, а четыре ее основные черты появлялись в большинстве поздних рассказов о ликантропах: превращение при лунном свете, освобождение от всех одежд, мочеиспускание или какие-то другие заговоры, чтобы обеспечить возвращение в человеческую форму, и ранение, не исчезающее после обратного превращения.

Старая норвежская сага показывает, как факт смешивался с вымыслом. Для тепла и устрашения противника воины или разбойники одевались в шкуры убитых ими медведей [ср.: berserker — человек в медвежьей шкуре]. От этого естественного поступка было недалеко до описания человека с чертами дикого зверя и даже обладавшего сверхъестест-

венной силой. В конце концов значение этого слова расширилось, и berserk'ом стали называть человека, в безумии воображавшего себя диким зверем. Подобное объяснение проливает свет на многочисленные истории превращений в волка, которые сохранились в Западной Европе. Примечательно, что раннее (около 1000 г.) значение слова werewolf в Англии — «находящийся вне закона».

Другим фольклорным реликтом, включенным в теорию ликантропии, был мотив «шкуры наизнанку». Когда в 1541 г. в Павии был схвачен маньяк, вообразивший себя волком, он рассказал поймавшим его, что отличается от настоящего волка тем, что его мех растет не снаружи, а изнутри. Чтобы проверить достоверность его рассказа, власти незамедлительно отрубили ему руки и ноги. Хотя этим и была доказана его невиновность, как сообщает И.Финцелиус (1556), он вскоре умер.

Формирование представления о ведьмах, посещавших шабаш, привело к допущению аналогичных сборищ волков (как отметил Боге в 1603 г.). Каспер Пейцер, протестантский врач, в «Commentarius de Praecipibus Divinationum Generibus» (1560) приводит типичный балтийский рассказ из Ливонии (Латвии) о сборище и ночном походе тысяч волков-оборотней, возглавляемых дьяволом:

> «На Рождество хромоногий мальчик бродил повсюду, созывая бесчисленных сторонников дьявола на тайное сборище. Отставших или шедших неохотно остальные били железными кнутами до крови, оставляя следы. Вдруг их человеческие черты исчезли, и все они стали волками. Их собралось много тысяч. Впереди шел вожак, вооруженный железным кнутом, и войско следовало за ним, в твердом убеждении, что они превратились в волков. Они набрасывались на стада коров и отары овец, но не имели власти умерщвлять людей. Когда они подошли к реке, вожак ударил своим кнутом по воде, и она расступилась, оставив сухую тропинку посредине, по которой и прошла стая. Они пробыли волками двенадцать дней, по истечении которых волчьи шкуры исчезли, и к ним вернулся человеческий облик».

Поставленные перед необходимостью объяснения пребывания ведьмы дома, в то время, когда она посещала шабаш, следователи должны были обосновать и физическое присутствие обвиняемого в тот момент, когда он якобы был животным. Возможность подобной иллюзии объяснялась следующим образом: либо душа покидала тело (как утверждал Боден, которому возражал Нино), либо оно заменялось подобием тела, либо демон создавал подобие волка. Например, Рениус (как до него и Олаф Магнус (1555), обсуждая латвийских ликантропов, объяснял, что существуют три типа волков-оборотней:

> 1. Люди, которые действуют как волки и наносят вред скоту. Они не превращаются в волков, но верят в собственное превращение в волков, а те, кто считает их волками, страдают аналогичными галлюцинациями (как утверждал Петр Тирский в 1594 г.).
>
> 2. Люди, представляющие во сне, что они наносят вред скоту, в то время как на самом деле дьявол побуждает настоящих волков совершать тот вред, который эти люди представляют в своем воображении как совершенный ими.
>
> 3. Люди, которые представляют, что они волки и приносят вред, который в действительности причиняет дьявол, превращающийся в волка (Такова была, в основном, позиция Августина в «De Civitate Dei».).

Истории о ликантропах в Курляндии (Латвия), как добавляет Рениус, были насколько яркими, что только скиф мог бы не прийти от них в ужас.

Чтобы подкрепить примером галлюцинацию первой группы, Рениус рассказывает историю, относящуюся к 1584 г. Фермер выстрелил в волка, укравшего его овцу, а позже обнаружил, что один из его арендаторов ранен:

> «При допросе жена арендатора, по имени Лебба, рассказала о следующих событиях, которые были полностью подтверждены многочисленными свидетелями. Когда муж сеял рожь, он советовался со своей женой, как бы ему раздобыть немного мяса,

чтобы устроить хороший праздник. Жена убеждала его ни под каким видом не красть из стада своего землевладельца, потому что оно охраняется свирепыми собаками. Однако он пренебрег ее советом и напал на овец своего хозяина, но пострадал и, прихрамывая, отправился домой, но, разъяренный своим неудачным покушением, напал на собственную лошадь и перегрыз ей горло, отчего она сдохла».

Волк-оборотень нападает на человека. Гравюра из первой работы о колдовстве, напечатанной в Германии, Гейлера фон Кайзерсберга, «Die Emeis» (Страсбург, 1517). Из БКУ.

Ранение волка и последующее обнаружение соответствующей раны у человека (как у Петрония) является повторяющимся мотивом в историях о ликантропии. Так, Боден рассказывает, как королевский обвинитель Бурден уверял его, что он подстрелил волка, попав стрелой в ляжку зверя. Спустя несколько часов эту стрелу нашли в бедре человека, находившегося в кровати. Нино, скептически настроенный врач, в «De la Lycanthropie» (1615) рассказывает о дровосеке, отрубившем лапу у волка, напавшего на него: «волк» тотчас превратился в женщину, у которой не было руки. Она была сожжена живьем.

Гваццо, просвещенный итальянский монах, написавший «Compendium Maleficarum» (1626), пытался согласовать убеждение в том, что Л. была иллюзией, с верой, что человеческие существа получали раны, идентичные тем, которые были нанесены оборотню. Он приводит следующий пример:

«Во Фландрии, в городе, находившемся недалеко от Диксмейде, некий крестьянин выпивал в таверне со своим юным сыном и присматривал за хозяйкой, подсчитывавшей, сколько она принесла ему пива. Он заметил, что она отмечает вдвое больше, чем он пил, но спокойно продолжал выпивать. После очередной порции он позвал хозяйку и спросил, сколько он должен, и она назвала сумму, которую насчитала. Он отказался уплатить ее и, растолкав стоявших рядом с ним, бросил на стол ту сумму, которую считал достаточной, и пошел прочь. Разъяренная хозяйка закричала ему вслед: „Меня зовут так-то и так-то, и, даю голову на отсечение, сегодня ты не попадешь домой“. Но он ушел, не обращая внимания на ее угрозы. Подойдя к реке, он даже с помощью своего сына (достаточно сильного парня) не смог сдвинуть с берега свою лодку, которая казалась буквально пригвожденной к земле. Два или три солдата случайно проходили по дороге, и крестьянин обратился к ним: „Приятели, помогите мне спустить эту лодку на воду, и я обещаю вам хорошую выпивку“. Они пришли и трудились изо всех сил в течение длительного времени, но напрасно, пока один из них, задыхаясь и обливаясь потом, не сказал: „Давайте выгрузим эти тяжелые тюки. Может быть, мы сможем спустить пустую лодку“. Когда вещи были выгружены, они увидели в трюме огромную странную жабу, смотревшую на них светящимися глазами. Один из солдат тотчас же пропорол ей горло кончиком сабли и бросил ее в воду, где она поплыла брюхом кверху, как будто мертвая. Другие поранили ее еще больше, когда она поплыла, после чего

лодка неожиданно сползла на воду. Вне себя от радости крестьянин повел своих помощников в ту же самую гостиницу и приказал подать вина. Служанка принесла его. Мужчина спросил, где хозяйка, и узнал, что она заболела и прикована к постели. „Как? — удивился он. — Вы, дураки, должно быть думаете, что я пьян? Едва ли полчаса прошло с тех пор, как я оставил ее в полном здравии, как и вас. Пойду посмотрю, что за беда с ней приключилась“. Он отправился в спальню и увидел, что женщина умерла от ран и порезов на шее и животе. „Как она получила эти раны?“ — спросил крестьянин. Служанка сказала, что она не знает, и что, как ей известно, эта женщина не выходила из дома. Они отправились к магистрату, и было обнаружено, что раны хозяйки находились как раз там, куда солдаты поразили жабу, которую так и не нашли».

«Как же следует объяснить эту историю?», — спрашивает Гваццо. — Никто не должен впадать в заблуждение, что человек может действительно превратиться в зверя, или зверь — в человека, поскольку все это магические чудеса и иллюзии, которые принимают форму, но не являются реальностью тех вещей, которыми они кажутся». Однако, в таком случае, может ли эта иллюзия действительно иметь место? Гваццо применяет все свои способности, чтобы доказать недоказуемое:

«Иные тела дьявол подменяет, и, пока они отсутствуют или спрятаны где-нибудь в тайном месте, сам овладевает телом спящего волка, образовываясь из воздуха, и, окутав его, производит те действия, которые, как полагают люди, совершаются отсутствующей зловредной ведьмой, которая выглядит спящей».

У дьявола есть еще одна уловка с далеко идущими последствиями. «Иногда он окутывает ведьму воздушным подобием зверя, каждая часть которого соответствует той или иной части тела ведьмы. Если напасть на это, сделанное из воздуха, изображение, «окружающий воздух легко рассеется, и будет ранено ее настоящее тело». Но, если ведьма спит (как вначале предполагал Гваццо), тогда дьявол ранит ее отсутствующее тело соответственно ране, полученной телом зверя. Подобная трактовка объясняет все происшествия.

Не все были удовлетворены этим искусным объяснением. Роберт Бартон в «Anatomy of Melancholy» (1621) развивает точку зрения Скотта, что Л. — душевное заболевание: некоторые «называют ее разновидностью меланхолии. Но я скорее отнесу ее к сумасшествию, как делает большинство». Подобный рационализм скорее присущ англичанам, поскольку в Англии рано исчезли волки, и кошка или заяц заменили их при превращениях. Жерве из Тилбюри, автор XII в., заметил: «В Англии мы часто видим людей, превращающихся в волков в новолуние». В «Topographica Hibernica» (около 1188) он приводит случай, который считает имевшим место в действительности. Путешествовавший по Ирландии священник заблудился в лесу и повстречал волка, заявившего, что он — человек. Животное объяснило, что в VI в. аббат из Сен-Натали проклял деревню Оссори, поэтому каждые семь лет двое из ее жителей должны были превращаться в волков. Если они выживали, то им разрешалось восстановить человеческий облик и вернуться, в то время как другая пара должна была занять их место. Человек-волк просил, чтобы священник отпустил грехи его умирающей волчице-жене. Перепуганный священник пошел с волком. «Более того, чтобы устранить все сомнения, используя свою лапу как руку, [волк] снял шкуру с головы волчицы и спустил ее до живота, с тем, чтобы священник мог увидеть тело старой женщины». Волк поблагодарил священника и благополучно вывел его из леса.

В Англии вера в оборотней сохранилась в литературе, и в романе «Уильям из Палермо» (переведенный с французского оригинала конца XIII в.) приведен редкий рассказ о благородном человеке-волке:

«Чтобы сохранить правопреемство трона для своего собственного сына, завистливая мачеха с помощью магической мази и чар превратила Альфонса, сына испанского короля, в волка. В образе волка он похитил младенца, наследника трона Сицилии, у

порочного дяди и отдал его на попечение пастуха. Спустя несколько лет человек-волк привел императора Рима, когда тот охотился, к месту, где Уильям пас коров. Император воспитал Уильяма вместе со своей собственной дочерью. Достигнув зрелости, дети сбежали, превратившись в белых медведей. Человек-волк, не открыв им своего имени, привел их обратно на Сицилию, где Уильям вернул свой трон. Затем человек-волк отправился обратно в Испанию и заставил свою безнравственную мачеху вернуть ему прежний вид с помощью кольца, привязанного красной ниткой у него на шее. После чего, признанный правомочным наследником, Альфонс женился на сестре Уильяма».

Во всех этих историях и в «Lai de Bisclavaret» симпатии читателей — на стороне ликантропа, потому что он был превращен не по своей воле. В «Bisclavaret» Марии Французской (бретон. garou — оборотень) животное агрессивно только к врагам: неверной жене и ее вероломному любовнику. Рыцарь из Бретани был женат на прекрасной даме, но покидал ее на три ночи каждую неделю. Стремясь узнать, куда он уходит, жена обнаружила, что он — оборотень. Рыцарь признался, что он превращается в волка, снимая свою одежду, но не рассказал, где прячет ее. «Я могу принять человеческий облик только тогда, когда я снова ее надену». Жена настаивала и узнала, что он оставлял одежду под кустом около старого каменного креста на углу часовни. Жена заставила своего любовника украсть одежду, и, когда ее муж оказался не в состоянии вернуть себе человеческий облик, вышла замуж за своего любовника. Спустя год король ранил волка во время охоты, и тот лизал ему ноги. Король сделал волка (превращенного мужа) своим домашним любимцем. Волк бегал по двору, никому не причиняя вреда, за исключением нападений на жену и ее любовника, когда те наносили визит королю. При ответном визите короля волку удалось откусить женщине нос. Это вызвало подозрение, и при аресте женщина призналась в своем преступлении. Волку вернули одежду, и рыцарь принял свой прежний облик. Король возвратил ему титул и земли, а неверную жену изгнал. С тех пор, в наказание за неверность, все ее дочери рождались без носов.

— Умоляю, скажи, какова его болезнь?
— Очень вредная болезнь, мой господин,
Ее называют ликантропией.
— Что это такое?
Это слово нужно поискать в словаре.
— Я скажу тебе:
Всех, одержимых ею, переполняет
Такое меланхолическое настроение,
Что они воображают, будто
В волка превратившись,
Крадутся на церковный двор в глухую полночь,
И вырывают мертвые тела.
Так, две ночи назад, около полуночи,
Я повстречал герцога на лужайке
Позади церкви Святого Марка
С ногою человечьей на плече.
Ужасно воя, он поведал, что стал волком,
Одно отличье между ними:
Волк покрыт шерстью снаружи,
Он — изнутри.
Пусть, сабли обнажа,
Ему плоть рассекут и шерсть найдут.

Джон Вебстер. «Герцогиня Мальфи» (1614).

Превращение в волка достигалось с помощью надевания волчьей шкуры, магического пояса из волчьей шкуры или натирания тела специальной мазью (как поясняет де Ланкр). Могло применяться и заклинание: на судах шотландских ведьм Гоуди прочитала заклинания для превращения в животных и для обратного возвращения человеческой формы. Пьер Гандильон [см. Волкодлаки из Полиньи] превращался, натирая себя росистой травой или умываясь водой.

Л. была не просто фольклором или легендой. Как и колдовство, она считалась преступлением против Господа, и еще безжалостнее наказывалась законом. В «Энциклопедию» включено описание нескольких известных судов над ликантропами. Они приводятся по точным описаниям, сделанным известными демонологами на основании личного опыта или современных отчетов.

См.: Волкодлак из Анжера; Волкодлаки из Полиньи; Волкодлаки из Сен-Клода; Гарнье, Жиль (1573); Штубб, Петер (1589);

ЛИЛЛЬСКИЕ ПОСЛУШНИЦЫ. Колдовство было тесно связано с молодыми женщинами, страдавшими от мнимых или подлинных физических или душевных болезней. Один из самых очевидных обманов связан с 32 девушками, которых приютила в монастырском приюте в Лилле (департамент Норд, Северная Франция) Антуанетта Буриньон.

Антуанетта Буриньон (1616–1680) открыла свой приют около 1653 г. и вскоре собрала под свою опеку 50 девушек-сирот. Будучи очень набожной, она решила основать монастырь, «где содержала девушек в строгости и хорошем порядке», с чем и были связаны все обвинения в 1658 г. Позднее Буриньон стала известна своим мистицизмом; она была изгнана из Фландрии и умерла во Фрисландии, где ее уважали больше. Буриньон много писала; наиболее известны две ее книги — «La Parole de Dieu» [«Мистицизм для верующих»] и «La vie exterieure» [«О внеземной жизни»]. Возможно, занятия мистицизмом мешали ей руководить монастырем, поскольку вскоре ее подопечные оказались ведьмами! Когда пастор допросил девушек, в возрасте от 8 до 22 лет, все 32 из них «заявили, что имели ежедневные плотские сношения с дьяволом, ездили на шабаш или на сборища, где ели, пили, танцевали и совершали другие распутные и сладострастные действия».

Л. п. рассказали, как они пользовались доверчивостью Буриньон. 13-летняя девочка призналась: «Меня должны были выпороть [за кражу], но я сказала: „Не делайте этого, и я скажу вам, кто заставляет меня совершать это озорство“». Она избежала наказания, поведав об искушении дьяволом, появлявшимся в виде «красивого молодого юноши немного старше, чем она сама». Еще одна 12-летняя послушница тоже решила, что дьявол — это хорошее оправдание, чтобы избежать наказания за мелкое преступление. Ее описание шабаша действительно является трогательной волшебной историей, мечтой печальной маленькой сироты о веселой жизни богачей.

> Когда она была очень маленькой и играла с девочками в деревне, они спрашивали ее, пойдет ли она с ними на посвящение [шабаш], где получит хорошее угощение и возлюбленного. Вскоре после ее согласия, к ней явился возлюбленный на маленькой лошади, взял ее за руку и спросил, будет ли она его госпожой. И только она сказала: «Да», как была поднята в воздух с ним и другими девушками, и они все вместе полетели в большой замок, где играли на инструментах, танцевали, пировали и пили вино.

Невероятно доверчивая мадам Буриньон обладала добрым сердцем и подвела итог затруднительному положению таким образом:

> «Я была сильно ошеломлена, оказавшись в доме с тридцатью двумя существами, заявившими, что все они отдали души дьяволу. Вначале я предложила освободить их от послушания, но затем испугалась, что меня обвинят в том вреде, который они могут

принести, оказавшись вне стен монастыря… Я была так сильно удручена всем этим, что не могла понять, какой мой поступок будет угоден Богу».

После смерти Буриньон ее учение приобрело сторонников и проникло в Шотландию. Удивительно, но мадам Буриньон так и не признали ведьмой, хотя все основания к тому давало мнение писавшего о ней Жака Кокберна, воздавшего должное ее тайному знанию людских мыслей, предсказаниям и сверхъестественному получению знаний без книг или наставников. Кокберн, однако, критиковал ее действия и высказывания, считая их «следствием меланхолического ума и помешанного сознания».

ЛООС, КОРНЕЛИУС (1546–1595). Отец Л., известный теолог, был первым, кто в Германии поднял голос против охоты на ведьм, за что был подвергнут пытке и сослан. То, что он хотел сказать, было настолько изобличающим, что инквизиция обрушилась на протестантскую типографию, куда в 1592 г. Л. тайно направил свою рукопись. В течение почти 300 лет его работа, считавшаяся уничтоженной, была известна только по высказываниям оппонентов, пока в 1886 г. два из четырех ее разделов не были случайно обнаружены величайшим американским исследователем колдовства Джорджем Л.Барром.

Корнелиус [Калидус] Лоос, голландец, родился в Гульде в 1546 г. Быстро снискал авторитет в университетах Лувена и Льежа. Из-за религиозной борьбы в Голландии принял профессорство в католическом колледже в Майнце, где написал много работ, разоблачавших протестантов. Благодаря своему авторитету получил звание почетного профессора в Трире.

В это время Трир был центром преследований ведьм. Лично наблюдая за судами, Л. был настолько напуган, что решил попытаться остановить их. Возможно, на него оказал влияние голландский скептик И.Вейер, чьи работы были ему доступны. Л. разговаривал с влиятельными людьми, писал письма гражданским и духовным властям.

Когда эти шаги оказались безрезультатными, он начал писать трактат. В «Vera et Falsa Magia» [«Истинное и ложное чародейство»] он выступает против веры в физическое существование дьяволов («дьяволы не имеют тела») и использования пытки для получения признания. «Жалкие существа принуждаются суровостью пыток признаться в вещах, которые они никогда не совершали; так жестокие мясники истребляют невинные жизни, а новые алхимики чеканят золото и серебро из человеческой крови».

Л. особенно критиковал «Malleus Maleficarum» («Молот ведьм»), осуждая за поощрение преследований в Германии, и влиятельного викарного епископа Трира Бинсфельда за поддержку разваливающейся системы. Только однажды его возмущение вылилось наружу, когда он писал о якобы имевшем место договоре с Сатаной: «И остается лишь восклицать: „О, христианская вера! Доколе будут тебе досаждать подобными ужасающими предрассудками?“, и громко кричать: „Собратья во Христе! Доколе жизни невинных будут подвергаться опасности!“»

Неправоверные высказывания Л. распространились, и, по указанию папского нунция, епископа Оттавио, полемика была подавлена, а Л. заключен в башню местного бенедиктинского монастыря Св. Максима. После длительного заключения, подорвавшего его здоровье, в понедельник 15 марта 1593 г., преклонив колена перед толпой церковных сановников, Л. произнес публичное отречение (написанное главным его оппонентом Бинсфельдом), Дель Рио, демонолог-иезуит, напечатал его текст, чтобы дискредитировать идеи Л. Неверие в элементы колдовства — договор с дьяволом, сексуальные сношения с ним, полеты по воздуху и все остальное — считалось ересью.

Основное содержание этой, еще не опубликованной, работы может быть ясно из «Содержания». Книга I: природа магии, сущность демонов, особенности колдовства, божественное промышление, согласие ведьм, предполагаемое соглашение. Книга II: власть дьяволов, бессилие дьяволов, отравление и магия, различие дьяволов, невещественные субстанции, вселение в тела.

Отец Л. был сослан и получил приход в Нотр-Дам-де-ла-Шапель в Брюсселе. Осознавая опасность, он тем не менее не мог молчать, и вскоре был схвачен как закоренелый еретик. Удивительно, но он не был казнен, а после многих месяцев заключения освобожден. Смерть 3 февраля 1595 г. избавила его от третьего отречения и, возможно, сожжения. В соответствии с его волей он был похоронен в маленькой приходской часовне перед фигурой Христа, несущего крест.

ЛООТЕН, ТОМАС (1599–1659). Л. был обвинен в чародействе на гражданском суде в 1659 г. в Вальеле, маленьком городке, находящемся между Дюнкерком и Лиллем (департамент Нор).

Судебных отчетов того времени о судах над ведьмами не слишком много, а таких, как из Вальеля, особенно. Этот отчет представляет полную хронологическую последовательность судебных действий: от предварительного расследования до завершающего дело сожжения трупа спустя 47 дней; включает в себя официальное заявление бейлифа из Метерена, Жака Вандеваля Младшего, официального обвинителя «главного суда города и округа Вальель», описание процедуры суда, пытки с помощью гарроты и признания, явно извлеченного после 48 часов мучений. Кроме того, здесь находится подневный перечень судебных издержек, которые должны были оплачиваться за счет заключенного, с приложением кратких комментариев о суде. Взятые вместе, эти судебные описания и заметки (написанные по-фламандски), образуют бесценный и оригинальный источник сведений о гражданском судебном процессе. Бесспорно, что подобный порядок был характерен для тысяч подобных дел. Он может быть восстановлен следующим образом:

21 сентября. Томас Лоотен, старик, живущий в Метерене, подозревается своими соседями в причинении смерти ребенку посредством предложения ему заговоренных слив. Преследуемый сельчанами, он отдает себя в руки бейлифа и требует суда, чтобы оправдаться. Горожане — члены городского суда, приказывают, чтобы он был отправлен в тюрьму под охраной двух констеблей.

23 сентября. Бейлиф сообщает, что нашел двенадцать свидетелей против Л., и судьи приказывают ему обыскать дом Л. в поиске магической мази и порошка.

25 сентября. Три свидетеля допрошены.

27 сентября. Первый публичный допрос заключенного перед одиннадцатью судьями (количество колебалось от четырех до двадцати четырех):

> В.: Когда вы родились, кто ваши родители, и где вы жили после женитьбы?
>
> О.: Я родился в Зюдберквине и мне примерно шестьдесят лет, моего отца звали Мейлард, мою мать — Наннетт Хейеманн, и я жил в приходе Метерен со времени моей женитьбы.
>
> В.: Почему вы добровольно сдались властям?
>
> О.: Потому, что ребенок Адама Викерта умер примерно месяц назад, и толпа заподозрила меня в его убийстве с помощью чародейства, и я захотел оправдаться.

30 сентября. Бейлиф требует от суда предъявить доказательства колдовства или признать их отсутствие.

11 октября. Допрашивается следующий свидетель.

16 октября. Вызов предыдущего свидетеля.

28 октября. Бейлиф объявляет, что у него есть необходимое свидетельство, чтобы доказать чародейство, судьи спрашивают заключенного, хочет ли он предъявить опровержение.

29 октября. Судьи спрашивают заключенного, будет ли он пользоваться услугами адвоката.

31 октября. Двое судей, Пьер Боддар и Франсуа Хизенбрант, от имени всей скамьи судебных заседателей посещают заключенного в тюрьме и сообщают ему, что бейлиф, обвиняющий его по должности, собрал достаточно показаний, чтобы доказать чародейство,

и что обвиняемый имеет право доказывать противоположное, если он полагает это возможным. Они же посылают узнать у него, не хочет ли он предложить противоположное свидетельство в свою защиту. Он отвечает отрицательно и отвергает услуги адвоката, утверждая, что

> «он не виновен ни словом, ни поступком ни в одном из чудовищных преступлений, приписываемых ему, и он примет тот вердикт, который вынесут судьи, из уважения к ним, но они должны прилагать все усилия, чтобы тщательно разобраться в деле, чтобы потом не осуждать себя до конца жизни».

1 ноября. Суд (присутствуют восемь членов) прибегает к услугам случайно оказавшегося в их городе дюнкеркского палача [bourreau], чтобы «посмотреть, действительно ли он отмечен stigma diaboli». Находят отметку

> «в которую вышеупомянутый палач несколько раз вонзал булавку до самой головки, при этом заключенный ничего не чувствовал, и не пролилась ни единая капля крови, хотя вышеназванный палач сдавил метку снизу, чтобы заставить ее кровоточить. И вышеназванный палач объявил под присягой, что у заключенного есть вышеназванная дьявольская метка, и что он сам исследовал и казнил 500–600 ведьм, так что он совершенно уверен, что это — подлинное клеймо дьявола».

Он поставил крест под собственным свидетельством. Ввиду данного открытия, судьи приказали заключенного «подвергнуть пытке, чтобы получить заверенную подобным же образом клятву по поводу поступков, по которым он обвиняется».

2 ноября. Л. подвергнут пытке с помощью гарроты: «посажен на деревянный стул с вытянутыми руками, его ноги скручены под другим стулом и плотно связаны», а шея заключена в железный воротник, который можно стянуть щипцами. Он подтверждает, что в таверне Жана Боона некий Роберт Бьек говорил, что, по словам Жана Мерлинка, Л. был колдуном; что он давал сливы многим детям, включая ребенка Адама Викерта, и что он слышал, что этот ребенок заболел и умер спустя несколько дней. На вопрос, почему он не пожаловался судьям по поводу подобных обвинений, он отвечал, что сделал это, и что это было причиной, почему он оказался в тюрьме. Пытка была продолжена без дальнейших замечаний.

4 ноября. Пытка продолжена, палач свидетельствует, что состояние заключенного таково, что он может выдержать еще более суровую пытку. Заключенного

> «поместили на другой стул, предварительно благословленный, его рубашка снята и сожжена в его присутствии, а другая, освященная, надета на него, после того, как все его тело окроплено святой водой отцом Мартином, капуцинским монахом, проводившим над ним экзорцизм. Наконец, судьи встают по бокам заключенного, так, чтобы, когда это окажется необходимым, они могли позвать врача обследовать его и определить состояние жертвы».

В восемь часов вечера Л. сломался и признался. Его признание стандартно, перечислены все хорошо известные преступления и несколько местных имен названо для правдоподобия. Л. говорит, что он был чародеем в течение восьми лет, что он подписал договор с дьяволом кровью, «выдавленной из его правого пальца», и ему поставили клеймо на плечо, и что дьявол по имени Арлекин появлялся перед ним, одетый в зеленое и с деформированной ступней. Затем Л. дал список мест, где он посещал шабаш, всегда в компании трех или четырех красивых женщин, с одной из которых он всегда имел сексуальные сношения, и говорил, что он пировал, получая пиво, яблочный сидр и телятину (без соли). Он получил зеленые мази от дьявола и мог летать, куда захочет. Дьявол приободрял его, чтобы он смог вытерпеть пытки, и дал ему огромные суммы денег, чтобы он

купил коров и лошадей для перепродажи. Он дал ребенку Викерта «три сливы, на которые он перед этим плюнул, за что и получил от дьявола пять монет».

4 ноября. Около восьми вечера Л. обнаружен со сломанной шеей, «задушенный самим дьяволом», спустя двадцать часов после того, как его освободили от гарроты. Бейлиф и судьи приказали, чтобы мертвое тело приволокли к эшафоту для сожжения и затем отвезли на повозке в Граверсберг для общественного обозрения на колесе [roue].

6 ноября. Приговор приведен в исполнение в соответствии с распоряжением.

Каждый раз, когда судьи заседали, они получали гонорар в 2 ливра 10 паттаров (стоимость хорошего обеда); за один день (1 ноября) они собирались четыре раза. За каждое собрание был сбор в 10 паттаров (очевидно, судебные издержки). Два врача получили 12 ливров; бейлиф — по 22 паттара за допрос каждого из шестнадцати свидетелей; трем охранникам — по 8 паттаров в день, была выплачена сумма в 68 ливров и 8 паттаров — солидная часть расходов: они работали 47 дней, а им заплатили за 57. Кроме того, заключенный был обременен платой за поиск в его доме ведьминских порошков; расходами по его перевозке из Вальеля в Метерен; стоимостью бумаги для записей суда над ним, с 27 сентября (одиннадцать листов по 8 паттаров каждый); за дорожные расходы для двух судей, чтобы препроводить сожженное тело в Граверсберг и даже за дерево, израсходованное во время пытки. Л. также должен был заплатить за еду, которой питался, когда находился в заключении, в рукописи для этой цифры оставлен пропуск. Услуги палача и строителя эшафота были оплачены бейлифом каждому отдельно. В целом стоимость собственной казни обошлась Л. более чем в 197 ливров и 10 паттаров (3950 паттаров). Подобная плата может быть соотнесена со стоимостью коровы, которая в том же самом документе колебалась от 10 до 16 или 20 паттаров (один ливр) или теленка, который оценивался в 5 паттаров. Чтобы выплатить эти и другие долги, судьи распорядились конфисковать собственность Л.

Необходимо сделать последнее замечание по поводу дела Л. Ближайший окружной суд в Касселе, услышав о деятельности палача в Вальеле, запросил имена тех его жителей, которых назвал Л. Суд в Вальеле сразу же отправил список тех, кто, по словам Л., якобы был с ним на шабаше. Однако приведенные документы не содержат сведений об их дальнейшей судьбе.

ЛОЭР, ГЕРМАН. «Попасть в руки судьи по делам ведьм, — писал Л. около 1650 г., — означает, что обвиняемому придется бороться за свою жизнь со львами, медведями и волками, не имея никакой защиты, поскольку он лишен любого оружия». Данная цитата взята из книги: «Hochnotige unterthanige wemutige Klage der frommen Unschultigen» [«Самая кроткая униженная жалоба набожных невиновных»] (1676), сохранившейся в единственном экземпляре.

Л. ничего не преувеличивал, он был судебным чиновником в Рейнбахе около Бонна во время двух фантастических всплесков охоты на ведьм в 1631 и 1636 гг., унесших по одному человеку из каждых двух семей. В предшествующие сотни лет деревня не знала ни одного случая заключения, приведшего к казни. Но все изменилось после визитов сюда объезжавшего свой округ судьи Бюирманна. Л., как один из семи местных заседателей, увидел, как ужас овладевает деревней, и принял участие в сборе денег на взятку судье, чтобы он убрался восвояси. Бюирманн уехал, но вернулся в 1636 г. Л. вместе с мэром и еще одним чиновником пытался противодействовать Бюирманну, но не получил поддержки и, тайно распродав большую часть своей собственности (насколько смог), едва спасся со своей семьей в Амстердаме. 3 августа 1636 г. Бюирманн нагло конфисковал оставшуюся собственность Л. Став голландским подданным, Л. возобновил свой бизнес и прожил больше 80 лет.

Л. чувствовал, что обязан записать свои наблюдения, чтобы «просветить власти о судебном разбирательстве, установленном для униженного населения маленьких городков и деревень». Он подчеркивал 3 момента:

1) невиновные, допрашиваемые на судах ведьм, подвергаются пыткам и умирают невиновными; 2) при пытках жертвы лгут; 3) все жертвы могут быть принуждены признаться во всем, особенно, когда пытка повторяется. Л. обязывал местных князей Германии внимательно рассматривать судебные отчеты, уменьшить высокие гонорары, которые чиновники получали за пытку каждой ведьмы и, кроме всего прочего, остановить пытки.

> Ранних христианских мучеников ложно обвиняли в ужасных преступлениях, но в наши дни христианские ведьмы еще более несправедливо обвиняются в смертных грехах, которые они не совершали — и не могли совершить.
>
> Г.Лоэр «Hochnotige Klage» (1676).

В приведенном отрывке Л. описывает, как судья вел процесс, яростно нападая на обвиняемого:

> «Ты ведьма, вероотступница, собака безгласная! [du stummer Hund]! Признайся в грехе колдовства! [Zauberlaster]; раскрой имена своих сообщников! Ты, грязная потаскуха, дьявольская распутница, ты, немая гадина! [du alte garstige Hur, du Teuffelsbuhlin, du Rupffenmachersche, du stumme Krotte]! Говори и признавайся во имя Господа! Проглоти освященную соль! Выпей святой воды! Расскажи, кто научил тебя колдовству [Zauberen], и кого ты видела и признала на шабашах ведьм [Zaubertanz]. Тогда тебя не будут больше мучить, но подарят тебе вечную жизнь».

Хотя Л. начал собирать материал, приехав в Амстердам, он не публиковал свою книгу до 1676 г., пока ему не исполнился 81 год, опасаясь репрессий.

«Кто мог бы исполнить такое опасное дело? Если же кто-нибудь предпримет его ради христианского милосердия, то он может и не быть услышанным, если же он будет услышан, то те, кто начал неправедное сожжение ведьм, будут кричать, что ему нельзя доверять, поскольку он поддерживает ведьм».

Как только он понял, что должен высказаться, и что книга может получить широкое распространение, Л. сам субсидировал публикацию. «Hochnotige» была проиллюстрирована картинами пыток ведьм, 7 из которых воспроизведены в данной «Энциклопедии».

Иллюстрация, показывающая ужасы судов над ведьмами,
включенная Лоэром в его книгу, сохранившуюся только в одном экземпляре.

ЛУВЬЕРСКИЕ МОНАХИНИ. «Вопрос, были ли бедные монахини одержимы или нет, остается открытым, — я не допрашивал их, однако, совершенно бесспорно, что подобное дело является ужасным скандалом». Первоначальная реакция епископа из Эвре кажется вполне разумной.

Во Франции XVII в. колдовство проявлялось, в основном, в истериках юных монахинь, околдованных своими наставниками, которые принуждали их к аморальности и даже богохульству. По отношению к подобным отчетам возможны три подхода: либо они совершенно ложны, как фантазии молодых женщин, живущих в монастырях, где запрещены половые сношения; либо они абсолютно правдивы, и священники, наставлявшие монахинь в вере, были аморальными выродками; либо они являются неудачными толкованиями странных происшествий или преувеличениями некоторых злопамятных людей. Таким образом, каждая значительная вспышка сатанизма в монастырях имела две стороны — обвиняющих монахинь и обвиняемых священников, яростно боровшихся за общественную поддержку. Случай с лувьерскими монахинями в 1647 г. в Нормандии — третий крупный скандал такого рода. Оба главных героя, сестра Мадлен Бавен и отец Тома Буле, имели предшественников: в 1634 г. в Лудене (сестра Жанна д'Анже и отец Урбен Грандье) и в Провансе в 1611 (сестры Мадлен де ла Палу де Демандоль и отец Луи Гофриди). Все эти суды осложнялись жесточайшим соперничеством между живущим в миру духовенством (приходскими священниками) и монашеством (монахами и монашествующими). Почти пародией на эти запутанные судебные тяжбы выглядит случившееся почти сотню лет спустя, в 1731 г., когда были сняты обвинения сестры Кадье, и обвиняемый священник Жерар не был (как отец Буле) сожжен заживо.

О трех последовательно сменявших друг друга настоятелях монастыря в Лувьере — отце Давиде, отце Пикаре, отце Буле, и о монахине Мадлен Бавен, повествуют по крайней мере 34 книги и памфлета того времени. Основным источником информации являются судебные отчеты и автобиография или исповедь, написанная самой Мадлен. Как писал Мишле: «Нет книги более замечательной и более ужасной». Однако все согласны с заявлением Мадлен, что ее показания перед судом «есть не что иное, как живое подтверждение тех предположений, которые содержались в вопросах» следователей. На допросе ее принудили «сказать и о том, что она знала, и о том, чего не знала, и заверить свои показания». И в своей автобиографии Мадлен просит своих читателей «отличать то, что, было подлинным, от того, что могло быть галлюцинациями».

Из различных источников того времени, часто противоречивых, можно составить следующее описание:

Наружная часть старой часовни монастыря в Лувьере до перестройки в 1867 г.

«Рано оставшуюся сиротой Мадлен Бавен привезли в Руан ее тетка и дядя и в возрасте 13 лет отдали ученицей к портнихе. Здесь, пока мадам Анна угождала посетителям внизу, Мадлен и около полдюжины других молоденьких девушек в верхнем ателье шили церковные облачения, и их часто навещали священники, наблюдавшие за работой. Когда ей было около 18, ее соблазнил один из них, отец Бонтемп, францисканец, имевший до этого близость с тремя девушками. Чтобы избежать подозрений со стороны тетки, Мадлен

решила поступить в небольшой францисканский монастырь терциариев в Лувьере, основанный в 1616 г. как благотворительный дом для бедных. Поскольку она была глубоко религиозной, ее поступок практически никого не удивил».

Первым капелланом этого монастыря, посвященного св. Людовику и св. Елизавете Венгерской, был отец Пьер Давид. В документе того времени («Recit veritable», 1643) говорится: «Под прикрытием святого образа жизни он сеял семена пагубной доктрины, исповедуя учение иллюминатов». Представители этой еретической мистической секты, наряду с адамитами и квиетистами, полагали, что личность, исполнившаяся или озаренная Святым Духом, не может совершать никакого греха, что нужно поклоняться Господу обнаженным по примеру Адама, и при совершении обряда любое действие, совершенное с внутренним спокойствием и набожностью, не является грехом.

Очевидно, что отец Давид, по крайней мере, интересовался подобными ересями, поскольку после его смерти епископ сжег его книги. Монахини в Лувьере находились в бедствующем и униженном состоянии, они привыкли получать святое причастие обнаженными, затем поститься в течение 8 или 9 дней. Подобная практика, возможно, первоначально чистая по намерению, легко порождала неправильную интерпретацию и извращения.

Мадлен провела три года послушницей отца Давида и от него узнала обо всех этих ересях. Он, например, приказал «раздеваться до пояса и причащаться с обнаженной грудью». Другие монахини не давали ей прикрыться одеждой и принуждали вытягивать руки. Она писала об отце Давиде:

> «Наиболее святые, добродетельные и преданные вере монахини стремились, полностью обнажившись, танцевать перед ним в подобном состоянии и прохаживаться обнаженными в садах. Но и это было не все. Он принуждал нас ласкать друг друга похотливыми объятиями и (то, о чем я не могу сказать даже шепотом) предаваться наиболее гнусным и греховным [лесбиянским] гнусностям… Я была свидетельницей шуточного обряда обрезания, осуществленного над искусственным фаллосом, который, видимо, был сделан из теста, и который затем несколько монахинь схватили, чтобы удовлетворить свои желания».

Однако отец Давид никогда не вступал с ней в сексуальные сношения, а совершал только допустимые вольности, удовлетворяясь «непристойными ласками и совместной мастурбацией».

Ее «обучение» продолжил другой приходской священник, отец Метьюрен Пикар, сменивший отца Давида на посту капеллана в 1628 г., и его помощник, отец Томас Буле. «Непристойные действия [отца Давида] продолжались как сами собой разумеющиеся». Как признавалась Мадлен, она сопротивлялась этому, и монахини считали ее упрямицей. Во время ее пасхальной исповеди отец Пикар раскрыл ей свою страсть и забавлялся с ней. «После этого я никогда не исповедовалась ему… Почти все время он трогал руками интимные части моего тела, хотя я всегда была одета подобающим образом, а не раздета, как злонамеренно свидетельствуют некоторые монахини». Мадлен пыталась отказывать ему в окончательной близости, но иногда отец Пикар принуждал ее, и, наконец, она забеременела.

Другие монахини были также вовлечены в любовные игры капеллана. Отец Пикар обвинялся в изготовлении любовных зелий из кусочков просфоры, смоченных «несколькими сгустками менструальной крови», и зарывании их в землю. Очарованные этими зельями, монахини якобы получали предрасположение к «совершению наиболее грязных действий» с ним. Для других зелий отец Пикар смешивал внутренности умерщвленных младенцев, раздробленные конечности мертвых тел и «кровь, профильтрованную через освященную просфору».

Один или два раза в неделю, как призналась Мадлен, она отправлялась на шабаш. Около 11 часов ночи, как она рассказывала, она потеряла сознание и впала в «вид транса

или экстаза». На шабаше присутствовали оба капеллана, отец Пикар и отец Буле, и три или четыре монахини из ее монастыря с несколькими мирянами и несколько демонов в облике полулюдей-полузверей. Священник служил черную мессу по «богохульному листу», отчетливо пародируя настоящую литургию. После пира, состоявшего из «двух перемен включая вареное человеческое мясо», монахини совокуплялись с призраком отца Давида или с некоторыми живыми священниками. Однажды Мадлен лежала с отцом Буле, в то время как отец Пикар, ожидая, «крепко держал меня за руки, пока отец Буле лежал на мне».

На эти полночные шабаши священники приносили большие общинные облатки. Происходившее далее следует описать собственными словами Мадлен. Отслужив черную мессу, священники вырезали из этих священных облаток

> «круглый кусок примерно в полпенса из центральной части и прикрепляли его к куску кальки или пергаментной бумаги, вырезанному таким же образом, с помощью какого-то жирного клея, типа сапожного воска. Затем они размещали это приспособление над своими половыми органами, в области желудка, и, оснащенные таким образом, отдавались присутствующим женщинам… На шабаше [отец Пикар] имел соитие со мной пять или шесть раз… но только один или два раза тем способом, который я описала».

В течение нескольких лет Мадлен посещал дьявол в облике большого черного кота.

> «Он не менее чем два раза входил в мою келью. Я увидела этого проклятого инкуба в облике кота на моей кровати в самой неприличной позе, какую только можно представить, демонстрирующего мощный пенис, такой же, как мужской. Я испугалась и попыталась выбежать, но он мгновенно прыгнул на меня, силой затащил меня на кровать и затем яростно изнасиловал, заставив испытать совершенно особые чувства».

Все эти фантастические оргии продолжались постоянно с 1628 г. и закончились со смертью отца Пикара в 1642 г. Ни жалобы, ни слухи так и не просочились во внешний мир, хотя в течение нескольких лет сама Мадлен (когда была послушницей) была привратницей и ходила в город по несколько раз в неделю, а приходящие священники регулярно выслушивали исповеди. Только после смерти Пикара монахини признались в одержимости дьяволом, обратив на себя внимание церковных властей.

Отец Эспри де Борроже, невежественный провинциал из капуцинов (написавший в 1652 г. отчет об их припадках), говорил, что молодые женщины, внешне здоровые

> «ночью и днем в течение четырех лет страдали от самых поразительных конвульсий и в течение двух лет по три и более часа ежедневно подвергались экзорцизму, страдая от постоянно повторяющихся приступов безумия: контрактур, животного воя, криков и выкриков. И кроме всех этих исключительных мучений, они испытывали особенные побуждения своих личных демонов, мучивших их трижды или четырежды в день».

Из 52 монахинь, по крайней мере, 14 заявили, что одержимы (назвав имена своих личных демонов — Потифар, Дагон, Гронгад и др.), и еще четверо подвергались мучениям [см. Демонология]. Стремясь избежать сурового наказания, монахини признались во всем, чего от них требовали, и возложили вину на Мадлен Бавен. Толпы собирались в церквах, где монахи из разных орденов проводили публичные экзорцизмы, и монахини, польщенные или напуганные известностью, демонстрировали самое необычное поведение. Произнося проповедь, отец Эспри де Борроже сказал, что злоба дьявола подобна жужжанию мухи. Тотчас по церкви разнесся голос, без сомнения, одной из помешанных: «Что ты сказал? Мухи?! Мухи?! Ты скоро увидишь могущество этой дьявольской мухи!» Собравшиеся монахини подняли шум, принялись вопить и корчиться. Но не все считали

эти истерико-эпилептические припадки демонической одержимостью. Д-р Эвелин, королевский врач, сообщал, что он не нашел никаких признаков одержимости, а обнаружил мошенничество и обман и полагал, что монахини отрепетировали свой экзорцизм.

Епископ Эвре, монсеньор де Перико, обследовавший монастырь по поводу колдовства в марте 1643 г., обвинил сестру Мадлен Бавен в чародействе, посещении шабаша, подписании договора с дьяволом, краже святых даров и совокуплении с дьяволом. Мадлен призналась в том, что она — ведьма и была исключена из ордена и приговорена к пожизненному заключению в подземной тюрьме с содержанием на хлебе и воде, получаемых для поддержки ее существования трижды в неделю. Труп отца Пикара, вдохновителя всех колдовских и безнравственных действий, был тайно эксгумирован и отлучен от церкви. Наткнувшись на труп священника в выгребной яме, брат и племянник Пикара потребовали объяснений. В связи со скандалом по поводу эксгумации трупа и подозрениями в колдовстве, по совету королевской комиссии для расследований, местный парламент Руана взял дело в свои руки. Окончательное расследование, как гражданское, так и церковное, тянулось 4 года до 1647 г.

Экзорцизм сестры Мадлен Бавен, проводимый монсеньором де Перико, епископом Эвре. Рисунок современника.

Мадлен Бавен содержалась в монастыре урсулинок в Руане, где с ней жестоко обращались. Главный пенитенциарий (разновидность инквизитора) «грубо и неприлично» дважды осмотрел ее в поисках клейма дьявола и наблюдал за другими обысками. Она пыталась совершить самоубийство, останавливая свои менструации с помощью бандажей, глотая пауков и пытаясь подкупить мальчика, чтобы он принес ей мышьяк. В августе 1647 г. суд отсрочил обычный приговор, но не отменил ее одиночного заключения. Она не долго терпела подобное обращение и умерла в тюрьме в возрасте 40 лет в том же самом году.

Один свидетель, перед тем как его сожгли как еретика, признался, что он подсказал Мадлен Бавен все ее показания об оргиях на шабаше, но все, что он говорил, было «просто сплетнями и болтовней». История с «богохульным листом», якобы читавшимся на черной мессе, «была предложена допрашивавшим его главным пенитенциарием, подкупившим его шестью су, чтобы он дал показания против Мадлен и очернил ее имя. Поскольку он был совершенно без средств, он согласился принести лжесвидетельство ради денег».

Отец Томас Буле, ставший капелланом после смерти отца Пикара, был арестован по подозрению в колдовстве. После 3 лет заключения, он был приговорен, на основе данных показаний, за околдовывание монахинь. С другой стороны, следует заметить, что двое других священников, также обвиненных с Буле, были оправданы, потому что единственное свидетельство против них исходило от осужденных преступников. Отец Буле был приговорен к пытке, «с тем, чтобы он раскрыл своих сообщников», а затем к amende honorable. Его доставили на Старую рыночную площадь, «его голова и ноги были обнажены, он был в одной рубахе, с веревкой вокруг шеи, в руке он держал зажженную тонкую восковую свечу весом в два фунта». 21 августа 1647 г. его сожгли живьем на Старой рыночной площади, а пепел его развеяли на все четыре стороны.

В то же самое время парламент Руана объявил эксгумацию отца Пикара незаконной, но признал его виновным в колдовстве; его труп должны были позорно и публично сжечь (вместе с отцом Буле). В это же самое время был сожжен другой священник, Дюваль, также обвиненный Мадлен Бавен. Монахини Лувьера, околдованные двумя капелланами для совершения аморальных действий, должны были быть распределены по другим монастырям, чтобы изгнать «сухотку» из их душ.

ЛУДЕНСКИЕ МОНАХИНИ. Во Франции XVII в. жизнь большинства священников немногим отличалась от жизни мирян, лишь некоторые соперничали с ними в изысканности манер и свободе поведения. Одним из них был красавец Урбен Грандье, назначенный в 1617 г. приходским священником в Сен-Пьер дю Марш в Лудене. Оказавшись в сложном положении (возникшем, скорей всего, в результате его знаменитых любовных похождений), отец Грандье обратился к влиятельному кардиналу Ришелье, в то время еще находившемуся в немилости у короля Людовика XIII. Священника заподозрили в том, что он является отцом ребенка Филиппы Тринкан, дочери луденского общественного обвинителя, в то время как он находился в открытом сожительстве с Мадлен де Бру, одной из своих юных послушниц. Никого не удивило, что отец Грандье, ведший в течение 13 лет веселую и скандальную жизнь «в браке по согласию», 2 июня 1630 г. был обвинен в аморальном поведении перед судом своего врага, епископа Пуатье, и признан виновным. Но отец Грандье имел политические связи, и его всего лишь отстранили от богослужений, а через год он был восстановлен в своих правах по распоряжению бордосского архиепископа Сурди.

Отец Урбен Грандье, обвиненный монахинями Лудена в 1633 г. в колдовстве.

Опасаясь мести, его противники обратились к другому его недругу, отцу Миньону, духовнику маленького монастыря урсулинок в Лудене. Их план заключался в том, чтобы убедить нескольких сестер, что они одержимы, и при экзорцизме заставить их поклясться, что отец Грандье околдовал их. Матушка-настоятельница сестра Жанна де Анж (мадам де Беклье) и монахини объединились. Они бились в чудовищных конвульсиях, задерживали

дыхание, чтобы раздуться до невероятной величины, гримасничали и говорили чужими голосами. Сестра Жанна заявляла, что они одержимы двумя дьяволами, Асмодеем и Забуллоном, посланными отцом Грандье. Однако интрига не удалась, и 21 марта 1633 г. архиепископ просто запретил отцам Миньону и Пьеру Барре продолжать экзорцизм.

Хотя монахиням было позволено вернуться к своей прежней жизни, заговор против отца Грандье продолжался. Монсеньор Жан де Лобардемон, родственник настоятельницы и влиятельный друг всесильного кардинала Ришелье, по поручению правительства прибыл в Луден наблюдать за выполнением распоряжения о сносе фортификационных сооружений. Лобардемону донесли, что Грандье опубликовал ядовитую сатиру, вызвавшую ярость Ришелье; он был также осведомлен, что одна из одержимых монахинь, Клер де Сазильи, находилась в родственных отношениях с кардиналом. Нельзя было упускать случай унизить приходского священника, и Ришелье был готов употребить свою власть. В соответствии с этим Лобардемону было предписано инсценировать судебное заседание с двумя услужливыми мировыми судьями, сенешалем и гражданским чиновником, чтобы арестовать Грандье и обвинить его в колдовстве.

Был возрожден первоначальный замысел. При экзорцизме, проводимом францисканцем отцом Лактанцием, капуцином отцом Транквиллом и иезуитом отцом Сирином, монахини возобновили свои обвинения против Грандье. Некоторые из его отвергнутых любовниц помогли создать атмосферу предвзятости вокруг его дела. «Шестьдесят свидетелей заявляли о супружеской измене, кровосмешении, богохульстве и других преступлениях, совершавшихся обвиняемым даже в самых сокровенных местах церкви (таких как ризница, где хранилось святое причастие) в любое время дня и ночи» (де Нио). Священники позаботились о том, чтобы провести публичный экзорцизм монахинь, и огромные толпы собирались, чтобы наблюдать и слушать разоблачение отца Грандье.

Наконец отец Грандье был вынужден сам экзорцировать монахинь, потому что они заявляли, что он вызвал их одержимость. Поскольку одним из явных признаков демонической одержимости была способность одержимых говорить на иностранных языках, отец Грандье заговорил с одной из монахинь по-гречески. Но монахиню подучили: «О, коварный! Ты же хорошо знаешь, что одним из первейших условий нашего договора было никогда не говорить по-гречески». Де Нио сообщает, что священник «не осмелился допрашивать по-гречески ни ее, ни других монахинь, хотя его и побуждали к этому, и выглядел очень смущенным». В конце представления монахини обступили священника, обвиняя его в колдовстве. Настоятельница поклялась, что отец Грандье околдовал их, перебросив через монастырскую стену букет роз.

Во время выдвижения обвинений, отец Грандье не предпринимал никаких ответных шагов, полагая, что он не может быть обвинен в вымышленном преступлении. Однако 30 ноября 1633 г. он был заключен в Анжерский замок. Согласно отчету, составленному впоследствии Никола Обеном, клейма дьявола быстро обнаружили с помощью следующей уловки: разрезая острым концом ланцета и заставляя его кричать от боли, затем тотчас дотрагивались до его тела в другом месте тупым концом, не причиняя боли. В стенографическом отчете отмечено 4 таких места на ягодицах и мошонке. Аптекарь из Пуатье, бывший свидетелем мистификации, быстро выхватил свой ланцет и мгновенно доказал чувствительность плоти священника. Доктор Фурно, хирург, приготавливавший его к пытке, также свидетельствовал, что не нашел никаких явных клейм дьявола.

Суд в Лудене не соответствовал никаким нормам и был насмешкой над правосудием. Во-первых, согласно законодательству, сначала Грандье должен был быть допрошен светским судом и иметь возможность подать апелляцию в парламент Парижа (обычно равнодушный к обвинениям в колдовстве). В данном же случае процессом руководил кардинал при посредстве марионеточного следственного комитета. Во-вторых, не были соблюдены обычные судебные процедуры. Обвинение предъявило отцу Грандье договор с дьяволом, якобы написанный его собственной рукой, который демон Асмодей стащил из кабинета Люцифера и представил суду (рукопись сохранялась в течение многих лет как

вещественное доказательство) [см. Договор с дьяволом]. Суд не позволил монахиням отказаться от прежних показаний против священника, объясняя их volte-face (резкую перемену взглядов), как попытку дьявола спасти своего слугу. Монахини настаивали на том, что их признания были продиктованы монахами, живущими в миру и ненавидящими приходского священника. Проигнорировали и появление в суде матушки-настоятельницы с петлей вокруг шеи, угрожавшей повеситься, чтобы искупить свои прежние ложные показания. Лобардемон предупредил друзей Грандье, желавших явиться в суд, чтобы выступить в его защиту, чтобы они молчали, иначе он обвинит их в колдовстве. Местный врач, Клод Киле из Шинона разоблачил мошенничество монахинь при публичном экзорцизме, послужившем поводом для обвинения Грандье. Он пожелал дать свои показания следственной комиссии; монсеньор Лобардемон тотчас приказал его арестовать, и д-р Киле спасся, бежав в Италию. Лобардемон выдал ордера на арест трех братьев Грандье, двое из которых были приходскими священниками, и они также были вынуждены спастись бегством. В Лудене состоялось собрание в защиту священника, организованное луденским бальи, который обжаловал порядок ведения процесса. Лобардемон разогнал его за якобы допущенное выступление против короля, что приравнивалось к государственной измене.

RECIT
VERITABLE
DE CE QVI S'EST
PASSE' A LOVDVN.

Contre Maistre Vrbain Grandier Prestre Curé de l'Eglise de S. Pierr de Loudun, attaint & conuaincu di crime de Magie, malefice & possessio: arriuée par son faict és personne d'aucunes des Religieuses Vrseline de la ville de Loudun.

A PARIS,
De l'Imprimerie de PIERRE TARGA, ru Sainct Victor au Soleil d'or.
M. DC XXXIV.

Титульный лист одного из многих современных трактатов, написанных за и против обвинений отца Грандье в колдовстве.

18 августа 1634 г. был вынесен приговор, включавший в себя пытки обеих степеней и сожжение заживо следующим образом:

> «Мы постановили и постановляем признать упомянутого Урбена Грандье, должным образом пытанного, виновным в преступлениях магии, maleficia и вызывании одержимости демонами нескольких монахинь-урсулинок данного города Лудена, так же как и других светских женщин, наряду с другими проступками, и преступлениями, приведшими к тому же. Для искупления таковой вины, мы приговорили и приговариваем упомянутого Грандье к amende honorable [публичному покаянию] с обнаженной головой, веревкой вокруг шеи, с зажженной тонкой восковой свечой в руке, перед входом в церкви Св. Петра де Марш и Св. Урсулы в этом городе. Стоя на коленях, он должен просить прощения у Господа, короля и перед законом; сделав это, он должен быть переведен на городскую площадь Св. Креста и привязан к столбу на эшафоте, воздвиг-

> нутом на упомянутом месте для этой цели, и там должен быть сожжен живьем вместе со всеми соглашениями и магическими снадобьями, использовавшимися им, равно как и с рукописной книгой, составленной им против целибата священников, а его пепел развеян по ветру. Мы повелеваем и приказываем, чтобы каждый предмет его движимой собственности был получен и конфискован королем, но сначала взята сумма в 500 ливров для покупки бронзового знака, на котором будет выгравирован отрывок из приговора настоящего суда, чтобы установить его на видном месте в упомянутой церкви, дабы он оставался там вечно. И прежде чем приступить к казни, согласно настоящему приговору, мы приказываем упомянутого Грандье подвергнуть пыткам первой и последней степени [la question ordinaire et extraordinaire] для установления его сообщников. Дано в Лудене против упомянутого Грандье, казненного 18 августа 1634 г. ».

Даже под пыткой, настолько жесткой, что костный мозг брызгал из его переломанных конечностей, Грандье утверждал, что невиновен, и отказывался признавать фальшивые обвинения и называть имена вымышленных сообщников. В рукописи тех лет, найденной в Пуатье, говорится, что отец Транквилл и другие капуцины помогали при пытке и ломали ему ноги. Они были так разъярены его стойкостью, что утверждали, будто каждый раз, когда он молится Господу, он в действительности обращается к дьяволу — своему Господу. Отцу Грандье было разрешено сделать предсмертное заявление и получить милость в виде удушения перед сожжением. Однако, францисканские монахи, сопровождавшие его на смерть, не позволили ему говорить, залив ему нос и рот святой водой. В одном спорном документе говорится, что для уверенности в его молчании монахи разбили ему губы тяжелым распятием, якобы предлагая Грандье поцеловать его. Они связали петлю гарроты таким образом, чтобы ее нельзя было затянуть. Францисканец отец Лактанций лично зажег погребальный костер и вместе с мадам Лобардемон с вожделением следил за тем, как корчился Грандье, сжигаемый заживо.

Современный рисунок отца Урбена Грандье, сожженного живьем в Лудене в 1634 г.

Расписка за дерево, использованное для сожжения отца Урбена Грандье: «Я, нижеподписавшийся, подтверждаю, что получил сумму в девятнадцать ливров и шестнадцать су за бревна, использованные для изготовления погребального костра для месье Урбена Грандье, для столба, к которому он был привязан, и за дрова, которые я привез. Дано в Лудене, в этот двадцать четвертый день августа, 1634 г., Делиар».

Судьба, хоть и в небольшой степени, воздала должное его мучителям. Отец Лактанций сошел с ума и умер через месяц, его последними словами были: «Грандье, я не виновен в твоей смерти». Отец Транквилл, также потеряв рассудок, умер через пять лет. Доктор Маннури, прокалыватель ведьм, был так удручен своими ложными обличениями, что умер в страшном помутнении рассудка. Отец Барре в 1640 г. был изгнан из Франции за тайный сговор с симулянтами одержимости из Шинона [см. Одержимость].

Даже после убийства Грандье, когда демоническая одержимость монахинь должна была прекратиться, они продолжали свои представления, и город и монастырь получали прибыль, привлекая заезжих зевак.

Типичным для монахинь, подвергавшихся экзорцизму, было поведение одной из них, сестры Клер:

> «Богохульствуя, она упала на землю в конвульсиях, задирая вверх нижнюю юбку и рубашку, демонстрируя свои интимные части тела без всякого стыда и бормоча непристойные слова. Ее жесты были настолько неприличными, что аудитория отводила взгляд. Она выкрикивала снова и снова, оскверняя себя руками: «Приди, ну же, foutez-moi (возьми меня)!»

Она звала приора по имени, хотя, как говорили, она никогда не видела его до этого, упрашивая быть своим любовником. Подобное зрелище продолжалось целый час.

> «[В другое время] монахини ударяли себя по груди и спине головами, как будто у них были сломаны шеи, с непостижимой быстротой. Они переплетали руки в местах соединения с плечом, локтем или запястьем, два или три раза вокруг. Лежа ничком, они соединяли ладони своих рук с подошвами; их лица делались такими ужасными, что никто не осмеливался глядеть на них; их глаза открывались и не мигали. Их языки неожиданно вываливались изо рта, ужасно перекручиваясь, черные, твердые и покрытые прыщами, однако и в этом состоянии их речь была ясной. Они опрокидывались назад, пока их головы не доходили до ног, и ходили в таком положении с удивительной

скоростью и длительное время. Они издавали столь ужасные и столь громкие крики, каких никто никогда не слышал. Они пользовались неприличными выражениями, которые могли заставить покраснеть самых развращенных мужчин, и столь развратно обнажались и предлагали себя присутствующим, что могли бы удивить обитательниц худшего в стране борделя».

Английский дворянин лорд Монтегю был так потрясен экзорцизмами, проводимыми иезуитом Жаном Джозефом Сурином, что перешел в католицизм. Однако, когда племянница кардинала Ришелье, герцогиня д'Эгильон, посетила Луден, она распознала мошенничество и все рассказала своему дяде. Ришелье сразу потерял интерес к делу, отменив «пособие», которое пожаловал одержимым за произнесение речей против Грандье. Не получая регулярной помощи за свои представления, монахини потеряли всякий интерес. Так деньги, вернее их отсутствие, способствовали излечению одержимости там, где экзорцизм потерпел неудачу.

ЛЮДОВИК XIV: эдикт 1682 г. Эдикт стал поворотным пунктом в истории колдовской истерии во Франции. Он тесно связан с ужасной вспышкой сатанизма в самом королевском дворе, разоблаченной на судах в «Огненной палате» (chambre ardente), и с королевскими упреками нормандскому парламенту, высказанными через двенадцать лет, в 1670 г. Эдикт преследовал несколько целей: определял колдовство как «мнимую магию, предрассудок, суеверие, клевету» самого низкого уровня, и тем самым развенчивал ужасный миф о шабаше, использовавшийся демонологами в качестве основы всех ведьмовских процессов. До определенной степени он даже защищал тех, кто был одурачен предсказателями или чародеями. Он наносил тяжелый удар по богохульникам и святотатцам, которые демонстративно высмеивали религию или оскверняли церковные обряды. Основанием для судебного преследования стал факт преступления колдуна, а не простое подозрение в колдовстве. Наконец, акт представлял собой кодекс, которому должны были следовать все местные суды или парламенты. До этого законы против колдовства зависели от местных обычаев и прецедентов, и наказание колебалось в зависимости от отношения судей и степени запуганности населения. Вследствие подобной зависимости от индивидуальных решений, парламент Нормандии, например, судил обвиняемых ведьм по собственному усмотрению. Правда, благодаря расплывчатости формулировок статьи второй, новый королевский эдикт тоже предоставлял множество лазеек для местных судей.

Когда Людовик XIV в 1670 г. отсрочил приведение приговора двенадцати осужденным ведьмам, парламент Руана пытался добиться пересмотра решения Его величества. Но выдвинутые обвинения были более чем нелепыми. В округах Кутансе, Каретан, Э-де-Пюи в Верхней Нормандии случилась эпидемия нервных заболеваний. Местные врачи, неспособные ее прекратить, поставили традиционный диагноз — чародейство. Как обычно, источники колдовства были найдены: многие припомнили, что видели своих соседей на шабаше. Среди показаний под присягой, собранных в мае 1669 г., были рассказы Жерома де Буланже, наблюдавшего в течение получаса полет обнаженных людей по воздуху, и Мишеля Маре, видевшего более 200 обнаженных людей, танцевавших близ Э-де-Пюи, а также Исаака Маре, заснувшего в хижине в лесу и разбуженного группой обнаженных людей, окруживших козла и державших черные свечи. Некоторые крестьяне заявляли, что видели священников с обнаженным причтом, которые, стоя на головах, служили черную мессу. Местный кюре обобщил обвинения в своем послании:

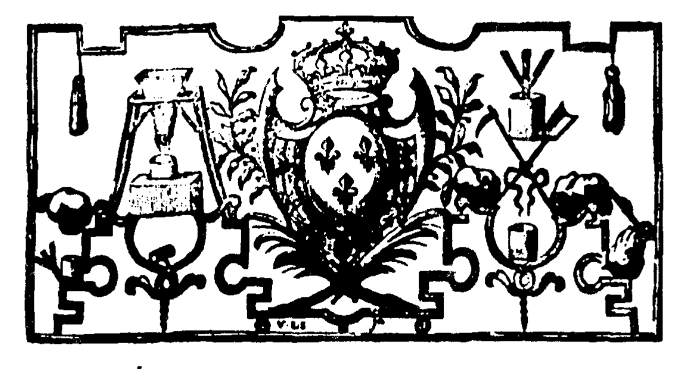
«Этот шабаш был точно таким, как описывается во всех книгах, во все времена и во всех местах. Ведьмы смазывали себя, а высокий мужчина с рогами уносил их в трубу. Их действия следовали установленному образцу: танцы, которые они называли „удовольствием“, разрубание младенцев на маленькие кусочки и варка их вместе со змеями на огне, получение дьявольского порошка для наведения порчи, подписание кровью договора с их господином [дьяволом] в образе огромного козла, окруженного

черными свечами. Единственное, что отличало шабаш в Э-де-Пюи, было то, что дьявол ставил клеймо на своих вассалов для большего подчинения. Необычно было и то, что было опознано более сотни священников. Что же до меня, то я убежден в истинности всего, что было сказано на суде, и верю, что дьявол [в образе крысы] действительно разговаривал с одним из обвиняемых, мальчиком десяти лет».

Всего за колдовство было осуждено 525 человек. Некоторые были названы (и сосчитаны) дважды. Девять доносчиков назвали имена:

Жан ле Кустеле	154
Маргерит Марджери	90
Жак де Гастолуа	85
Симон Марджери	78
Жан ле Маршан	43
Шарль Шампель	35
Анн Ноэль	20
Рене ле Маршан	15
Катрин Робер	5

Суд проследил, чтобы большинство арестованных сознались. Парламент утвердил смертный приговор первым двенадцати осужденным (еще тридцать четыре ждали подтверждения), когда их семьи обратились за милостью к королю. По совету своего министра Кольбера король заменил приговоры высылкой из провинции и возвратил осужденным их собственность.

ÉDIT DU ROI,

POUR *la punition de différens crimes, notamment des Empoiſonneurs, ceux qui ſe diſent Devins, Magiciens & Enchanteurs; & portant reglement pour les Epiciers & Apothicaires.*

Donné à Verſailles, au mois de Juillet 1682.

Regiſtré en Parlement le 31 Août audit an.

LOUIS, par la grace de Dieu, Roi de France & de Navarre: A tous préſens & à venir, SALUT. L'exécution des Ordonnances des Rois nos prédéceſſeurs, contre ceux qui ſe diſent Devins, Magiciens & Enchanteurs, ayant été négligée depuis long-temps, & ce relâchement ayant attiré des Pays étrangers dans notre Royaume, pluſieurs de ces Impoſteurs, il ſeroit arrivé que ſous prétexte d'horoſcope & de devination, & par le moyen des preſtiges des opérations des prétendues magies & autres illuſions ſemblables dont cette ſorte de gens ont accoutumé de ſe ſervir, ils auroient ſurpris diverſes perſonnes ignorantes ou crédules, qui s'étoient inſenſiblement engagées avec eux, en paſſant des vaines curioſités aux

Первая страница подлинного текста эдикта Людовика XIV. Из БКУ.

Руанский парламент, сжигавший ведьм со времен Жанны д’Арк, был опозорен и обратился к королю с просьбой об отмене помилования. Король проигнорировал это обращение и принудил парламент Нормандии выполнить его распоряжение. Спустя примерно двенадцать лет, частично благодаря решимости Кольбера, укреплявшего авторитет центрального правительства, Людовик опубликовал свой знаменитый эдикт:

Эдикт от июля 1682 г.

Зарегистрирован парламентом 31 августа 1682 г.

Статья 1.

Все, кто занимается ворожбой или называют себя предсказателями, после обнародования этого эдикта должны тотчас покинуть свои дома под страхом телесного наказания.

Статья 2.

Запрещаются все практические действия из области магии или предрассудков, устные и письменные оскорбления Священного Писания и литургии (в заговорах), произнесение или совершение чего-либо, необъяснимого по природе (в пророчествах). В равной степени те, кто совершал или использовал указанные действия и те, кто обучал им, должны понести наказание в соответствии с тяжестью преступления.

Статья 3.

Если после обнародования этого эдикта злонамеренные личности увеличат и соединят предрассудки с нечестием и богохульством под предлогом якобы магических действий или других подобных обманов (таких как некромантия), они должны наказываться смертью.

В целом провинциальные парламенты подчинились эдикту. В Париже сожгли трех пастухов, обвиненных в распространении эпидемии среди овец, но они явно подкрепляли свои чары мышьяком. Сожжения в Бордо продолжались до 1718 г., пока там не сожгли последнего колдуна (мужчину, обвиненного в наложении лигатуры). Несмотря на то, что скептическое отношение к колдовству, выраженное в эдикте, не получило поддержки, авторитет короля стал главным фактором, обусловившим подчинение закону и прекращение охоты на ведьм по всей Франции.

ЛЮКСЕЙЛЬСКИЙ СУД НАД ВЕДЬМАМИ. Суд над мадам Деслэ ла Мансени, 27-летней супругой Жана де ла Тура, из Люксейльского округа во Франш-Контэ, вошел в историю колдовства как одно из документальных свидетельств длительной работы инквизиции по подстрекательству охоты за ведьмами.

В 1529 г. генеральный инквизитор Безансона, посетивший при неясных обстоятельствах деревню Анжье, собрал слухи о ересях, ходившие среди ее жителей. Когда собралось достаточное количество обвинений, их проанализировали, но ни одно не могло быть подтверждено само по себе. Обвиняемая считалась ведьмой на основании общего мнения, и, следовательно, должна была подвергнуться пыткам. Инквизиция, без сомнения, настаивала на секретности, чтобы защитить свои источники информации: раскрытие свидетелей могло привести к краху операции.

Жалобы и обвинения сосредоточились вокруг одной женщины, Деслэ ла Мансени. Они сочетали в себе несчастья, не поддающиеся объяснению, и традиционную maleficia (порчу), сопровождаемую угрозами смерти. Ребенок заболевал, ответственность за это возлагали на ведьму. Маленького сына Мансени принудили дать изобличающие показания против своей матери. Типичным является данное под присягой свидетельство Антуана Годена:

«Антуан Годен, около 40 лет, житель вышеупомянутого Анжье, ясно помнивший последние тридцать лет, принеся присягу и будучи допрошен, как и предшествующие по тому же самому вопросу, и настаивая на верности своей присяге, что он знает, что

Деслэ ла Мансени считается и слывет в упомянутой округе ведьмой [genosche] и порочной, согласно общественному мнению, женщиной и чародейкой. …Далее он сказал, что слышал, как сын упомянутой Деслэ говорил в поле, что его мать отправилась задом наперед на витой ивовой палке на сборище. Также он свидетельствовал, что слышал, как люди говорили, что упомянутая Деслэ произносила трижды проклятия по адресу женщины по имени Пренс, пока она рожала, и упомянутая Деслэ взяла прялку и сказала, что они немного поколдуют в упомянутом Анжье. …В мае это признание было снова зачитано вышеупомянутому Антуану, и он настаивал и настаивает на вышесказанном признании».

Вооружившись подобными слухами, собранными от примерно двух дюжин соседей в марте 1529 г., инквизитор начал допрашивать подозреваемую женщину перед комиссией из 6 человек, включая приходского священника, губернатора Люксейля и его заместителя. В продолжение нескольких заседаний сессий Деслэ заявляла о своей невиновности, и ничто не указывало на ее вину. Однако инквизитор что-то заподозрил и заключил ее en prison ferme (в тюрьму усиленного режима). Наконец он передал ее гражданским властям, чтобы подвергнуть пытке сдавливанием. Вскоре Деслэ ла Мансени призналась и сообщила своим судьям то, что они хотели услышать: о неосуществленных обещаниях дьявола сделать ее богатой, об отрицании католической веры, вызывании бури с градом, полете по воздуху на смазанной мазью палке, плясках на шабаше, совокуплениях с месье Рондо, дьяволом, холодным, как лед [froid comme glace], и применением черного порошка для отравления скота. К 8 апреля ведьма назвала своих помощников на sabbats et sinagogues des diables (на шабашах и дьявольских сборищах). Сообщения о суде были переданы для подтверждения богословами 18 декабря 1529 г. Деслэ ла Мансени была повешена, а ее тело сожжено по обвинениям в убийстве, отречении от католической веры и впадении в преступную ересь. В приговоре колдовство даже не упоминалось.

М

МАЗЕР, ИНКРИЗ (1639–1723). Младший сын известного пуританского семейства; окончил Гарвард (1656) и Тринити-колледж в Дублине (1658): служил священником в Англии; в 1658 г. отказался подчиниться восстановленной англиканской церкви. До конца своей жизни служил пастором Северного собора в Бостоне и президентом Гарварда (1685–1701). В интересах колонистов М. вел большую пропагандистскую работу против Англии и англиканской церкви. «Британская энциклопедия» (11-е изд.) ставит его в один ряд с Джонатаном Эдвардсом и Бенджамином Франклином, как «величайших американцев периода, предшествовавшего войне за независимость».

Обеспокоенный снижением интереса к религии и ростом рационализма в Новой Англии, М. начал собирать рассказы о случаях проявления «божественного провидения», демонстрирующие «реальность призраков, духов и ведьм». Его «An Essay for the Recording of Illustrious Providences» (1684) («Собрание известий о божественном провидении») стало американским аналогом труда Гланвиля «Удар по современному саддукейству». «Современные описания, — писал М., — отличаются свежестью и новизной, что способствует более успешному обращению неверующих». Среди записанных им рассказов — известия о «барабанщике» из Тедворта, дьяволе, кидающем камни, варианты легенды о докторе Фаусте (договор студента с дьяволом). Каждый рассказ «точно соответствует истинному происшествию». Сын М. — Коттон Мазер стал продолжателем дела отца в борьбе за ортодоксальные идеи Конгрегации и получил сомнительную славу наиболее активного охотника за ведьмами в Америке.

МАЗЕР, КОТТОН (1662–1728). «Колдовство является таким ужасным и гнусным преступлением, что, если бы мысли Господа совпадали с нашими мыслями, а пути Господа — с нашими путями, то ему не было бы никакого прощения». Так писал М., ставший хрестоматийным примером порочности и вреда, которые мог принести искренний, богобоязненный человек, оказавшийся фанатиком извечной борьбы между правдой и кривдой, между Господом и Сатаной.

Коттон Мазер (1662–1728).
«Колдовство является самой подлой изменой Господу.
Ведьму нельзя терпеть ни на небесах, ни на земле». — Коттон Мазер.

Одаренный сын известного человека, Инкриза Мазера, также священника. Поступил в Гарвард в 12 лет, а в 25 стал служить в Северной церкви Бостона, самой большой в Новой Англии, пока его отец представлял колонию в Англии. Когда губернатор попросил у бостонского духовенства совета в деле салемских ведьм, М. сформулировал «Ответ…», вдохновлявший преследования. Такая позиция М. не удивительна, поскольку она уже оставила след в «Memorable Providences Relating to Witchcrafts and Possessions» (1639), где он заявил, что «существует как Бог, так и дьявол и колдовство». Читатель этой книги, как надеялся М., научится таким образом «со страхом и содроганием трудиться ради своего спасения».

М. расследовал многие случаи чародейства и использовал свое влияние, чтобы изобличить и наказать любого подозреваемого в договоре с дьяволом. Когда наблюдавшие за казнью преподобного Барроуса захотели освободить его, М., по словам судьи Сьюэлла, убедил толпу в его виновности. Написанный по заказу губернатора с целью узаконить суды над ведьмами, труд М. «Wonders of the Inuinsible World» (1693) является «описанием страданий, принесенных в страну колдовством» [например, Салем], в свое время действительно усилил заблуждения людей и подхлестнул истерию.

В оправдание концепции колдовства М., следует заметить, что он колебался по поводу «призрачных показаний» и требовал дополнительных доказательств. Он отмечает в своем «Diary» («Дневнике») по поводу Салема:

> «Согласно предопределению свыше, дьяволы необычным образом телесно овладели многими жителями Салема и прилежащих мест, и их дома наполнились ужасными криками людей, которых мучили злые духи. В основе этого удивительного происшествия лежит исключительно колдовство, и многих людей обвинили, арестовали и преследовали на основании видений потерпевших. С моей стороны, я боялся начать действовать и осуждать кого бы то ни было как соучастника демона на основании такого зыбкого показания, как видение призрака. Естественно, я всегда выступал против подобных свидетельств как публично, так и частным образом».

Однако, изучив материалы суда над преподобным Барроусом, он нашел суд справедливым: «Если бы я был одним из судей, я не мог бы не оправдать его».

В 1696 г., всего 4 года спустя после судов над салемскими ведьмами, председательствовавший там судья Самуэль Сьюэлл признал свое собственное участие ошибкой и употребил все свое влияние против М., который вдохновил его вынести обвинительный приговор. Еще больше репутацию М. подорвало появление «More wonders of the Invisible World» (1696 г., опубл. в Лондоне в 1700 г.) Роберта Калефа, несмотря на то, что его отец, Инкриз Мазер, как президент Гарварда, настоял на публичном сожжении этой «порочной книги» [см. Дети Гудвина], Медленный рост религиозной терпимости и скептицизм по отношению к колдовству — все складывалось против М.; несколько раз он был обойден президентством в Гарварде. Наконец, в 1721 г., ожесточенный либеральными течениями в Гарварде, М. убедил лондонского купца Элию Йейла подыскать кальвинистский колледж, соответствующий его взглядам. Хотя в последние годы М. и разражался новыми сочинениями, его преследовали личные неудачи. Он по-прежнему сохранял свое положение как противник колдовства, хотя его теория не признавалась и была предана забвению уже в 1723 г. В своем дневнике от 1724 г. он жалуется, что «некоторые, с целью оскорбить меня, называют своих негров именем Коттона Мазера, с тем, чтобы они могли, с оттенком правды, приписывать совершенные преступления одному из носителей имени, которым небеса наградили меня».

То, что М. просто отражает предрассудки и ограниченность своего времени, является объяснением, но не оправданием, и, как духовный лидер, он должен быть помещен гораздо ниже тех, кто (подобно Роберту Калефу), используя лучшие аргументы, выступал против заблуждения колдовства.

Выдержки из «Ответа нескольких священников Его превосходительству и Высокому совету касательно колдовства в Салеме» (1692):

V. Когда первый допрос выявляет обстоятельства, связанные лишь с подозрением в колдовстве, мы хотели бы, чтобы они были учтены в минимальной степени, без шума и публичности, поскольку они слишком поспешно разоблачают допрашиваемых и поэтому не могут стать основанием для суда, иначе законность его может быть оспорена перед лицом Господа.

VI. Показания, по которым может быть установлена виновность в колдовстве, должны быть более значительными, нежели показания одержимых о призраке, якобы вызвавшем их болезнь. Кроме того, не подлежит сомнению, что демон может, с соизволения Господа, появляться в образе как виновной, так и невиновной личности. В равной степени мы не можем считать бесспорным доказательством вины повреждение, якобы нанесенное пострадавшему взглядом или прикосновением обвиняемого, ибо оно может быть ложным вследствие дьявольского обмана.

VIII. Тем не менее нам не остается ничего, кроме как покорнейше рекомендовать правительству немедленно и сурово преследовать тех, кто стал невыносим, в соответствии с законами Господа и всей английской нации, принятыми для выявления колдовства.

МАРА. Так назывался воображаемый демон, садившийся по ночам на грудь и вызывающий ощущение удушья. Часто М. соотносится с самим ночным сном. Термин «М.» — восходит к Ветхому Завету (староангл. mare — демон, в отл. от mere — кобыла), встречается также во французском языке для обозначения ночного кошмара: caucher — сдавливать (обнимать). Очень часто используется наравне с инкубом — как в «Англосаксонских глоссах» (ок. 700), так и у Бэкона (1626): «Инкуб, которого мы называем мара». М., как и инкуб, известны под научным термином ephialtes (греч. — перепрыгивать) и под немецким alp или mara.

Изображение М. во всех описаниях одно и то же, как, например, в работе Р.Макниша «The Philosophy of Sleep» (1830):

> «Чудовищная старая карга, сидящая на его груди — безмолвная, неподвижная и злобная, воплощение самого дьявола, чей невыносимый вес стесняет дыхание, и чье удушливое, мертвенное и бесчувственное дыхание заставляет окаменеть от ужаса и делает его состояние невыносимым».

В то время как реальность М. принималась традиционными демонологами, король Яков I в «Demonology» (1597) отрицал ее: «Является ли М., которая досаждает спящим людям, разновидностью этих духов? Нет, это не что иное как

> «естественная болезнь, которой медики дали имя инкубус, иначе incubando, потому что это густая флегма, скапливающаяся в груди и на сердце, когда мы спим, сковывающая жизненные силы и саму душу, что заставляет нас думать, что некая неестественная ноша или дух лежит на нас и удерживает в лежачем положении».

М. также нападает на лошадей, и сэр Томас Браун (1646) рассказывает, что в конюшнях вешали камень, предохраняющий от заболевания [см. Кошмар; Сонный оберег].

МАРИЯ ШОТЛАНДСКАЯ: закон 1563 г. В тот же год, когда в Англии был принят закон королевы Елизаветы против колдовства, аналогичный закон был принят и в Шотландии, при королеве Марии. Его формулировки были очень расплывчатыми, и колдовство отождествлялось в нем с чародейством (добрым или злым) или предсказанием судьбы, и любой занимавшийся им, подлежал наказанию наравне с еретическими ведьмами.

Поскольку Ее величеству королеве и представителям всех трех графств в настоящем парламенте стало известно об отвратительных и опасных предрассудках, которые распространились среди подданных нашего королевства посредством колдовства, чародейства и некромантии.

И поскольку вера в них противна Господу, и во избежание распространения этих предрассудков впредь, Ее королевское величество и три вышеназванных графства настоящим повелевают:

Никто в упомянутом графстве, независимо от состояния или звания не имеет права заниматься любым колдовством, чародейством или некромантией.

Заниматься каким-либо искусством или умением, оскверняющим наших подданных.

Никто не должен обращаться за помощью, советом или консультацией к вышеназванным колдунам, чародеям или некромантам.

Смертная казни должна быть уделом вышеназванных осквернителей, равно как и тех, кто занимается вышеуказанным или ищет у них помощи.

Их должны приговаривать к казни суды, шерифы, председатель суда пэров, бейлифы, лорды, имеющие королевское достоинство и привилегии, их представители и обычные судьи, которым дано право казнить.

Настоящий закон ратифицирован и введен в действие в 1649 г., а отменен в 1736 г.

МЕГГИ-АЙЛЕНДСКИЙ СУД НАД ВЕДЬМАМИ. Последний суд над ведьмами в Ирландии, состоявшийся в 1710–1711 гг. Случай на острове Мегги (находящемся около Каррикфергуса) необычен благодаря связи ведьм с полтергейстом. «Беспокойный дух» стал провозвестником предполагаемой одержимости демонами, которая, в свою очередь, явилась основанием для суда. Действующими лицами этого пролога были: вдова пресвитерианского священника, проживавшая вместе со своим сыном Джеймсом Халтриджем и его женой, молодая служанка, ребенок (косвенно участвовавший в деле) и уличный мальчишка (возможно, вымышленный персонаж). Один из последних и был виновником проделок — бросал камни и дерн в окна, крал книги и стаскивал с кровати постельное белье (или укладывал белье таким образом, как будто под ним кто-то лежит). Было замечено, что ничего странного не происходило, когда все были в спальнях. «Буйство духов» разворачивалось двумя волнами: первая прекратилась, когда вернулся м-р Халтридж с собакой, спугнув на некоторое время полтергейст. Затем, в феврале 1711 г. беспорядки начались вновь с еще большей силой. Однажды ночью вдова Халтридж, вынесшая основную тяжесть этих беспокойств, почувствовала колющую боль в спине. Через несколько дней она умерла.

За ее кончиной последовало обвинение в колдовстве. 18-летняя девушка, Мери Дунбар, «очень смышленая юная особа», была нанята, чтобы помогать мисс Халтридж во время траура. Очевидно, юную девушку вдохновили слухи о том, что вдова умерла с помощью колдовства; у служанки начались припадки, и она видела призраки разных женщин, мучившие ее. К концу марта она назвала ведьмами семь местных жительниц, все они были арестованы. Мери «опознала» и восьмую подозреваемую: «Как только она вошла в комнату, упомянутая Мери впала в такой сильный болезненный припадок, что трое мужчины едва смогли удержать ее. Она кричала: «Ради Христа, уберите дьявола из комнаты». Когда ее спросили, она ответила, …что увидела «ту женщину, которая мучила ее». Но, очевидно, что у судей было достаточно заключенных, и эта женщина не была арестована.

Суд состоялся в Каррикфергусе 31 марта 1711 г. и продолжался с шести утра до двух пополудни. Главное свидетельство против обвиненных ведьм включало различные описания припадков Мери. Д-р Тинсдалл, викарий Белфаста, оставил свидетельство очевидца:

«В суде было представлено большое количество предметов, и под присягой подтверждено, что она срыгнула их из своего горла. Я держал их все в руках и обнаружил, что там было большое количество перьев, ваты, пряжи, булавок и две огромные пуговицы от верхней одежды, их было столько, что они наполнили мою ладонь. Они свидетельствовали перед судом, что видели, как эти предметы выходили из ее рта, и приняли их в свои руки, когда она их срыгнула».

У заключенных не было адвоката, но многие из них были известны, как «работящие, трудолюбивые, набожные люди, часто молившиеся вместе со своими семьями, как публично, так и дома, большинство из них могли правильно произнести молитву Господню, которую, как говорят, они выучили в тюрьме, поскольку были пресвитерианцами». Мнения судей разделились. Судья Энтони Эптон

«полностью придерживался мнения, что суд не может признать их виновными на основании единственного показания пораженной о являвшихся к ней призраках. …Если бы обвиняемые были на самом деле ведьмами и находились в сговоре с дьяволом, едва ли можно было предположить, что они будут столь ревностно посещать богослужения».

Но судья Джеймс Маккартни признал обвиняемых виновными, присяжные заседатели согласились с ним, и женщины были приговорены к годичному заключению с четырехкратным покаянием у позорного столба.

МЕЙФАРТ, ИОГАНН МАТЕУС.

«Послушайте, вы, алчно жаждущие денег судьи и алчущие крови преследователи: все призраки дьявола являются ложью! Самое время теперь, чтобы правители назначили лучших судей и доверили веру более умеренным священникам, и тогда дьявол с его лживыми иллюзиями будет посрамлен».

Написавший приведенные выше строки, М. был протестантским двойником XVII в. католика Шпее, у которого он позаимствовал некоторые из своих аргументов. Будучи свидетелем сотен судов над ведьмами и сожжений ведьм, М. подверг едкой критике всю процедуру судопроизводства. Он говорил, что отдал бы тысячу талеров, чтобы не слышать о пытках. Он видел выворачиваемые ступни, глаза, вырываемые из глазниц, и заключенного, сжигаемого расплавленной серой и поливаемого маслом. Он видел палачей, вставляющих пылающие катыши серы в половые органы женщин, когда те висели на страппадо. Он наблюдал их упоение ужасом, пока их жертвы не сознавались или не умирали (задушенные дьяволом, как объясняли судьи). «Christliche Erinnerung» (1635) М. и «Cautio Criminalis» (1631) Шпее, живые и непосредственные свидетельства очевидцев, являются замечательным введением в теорию и практику колдовства.

Обращаясь к священникам, администраторам и судьям, Тюрингии и Франконии, М., лютеранский профессор теологии в Эрфурте, рисует картину ненависти, подозрительности и террора, порожденных в Германии колдовской истерией. Однажды начавшись, преследование распространялось из дома в дом, из деревни в деревню, из города в город. Не только бедные были обесчещены, но многие землевладельческие и купеческие семьи были разорены, потому что, как только выносились обвинения, судьи стремились лишь доказать виновность и отнять собственность. Подобно Шпее, М. обнародует дилеммы, используемые судьями для доказательства вины любого обвиняемого. Если репутация были плохой, он объявлялся виновным, если хорошей — то же самое, поскольку ведьмы всегда пытались казаться добродетельными. Если при аресте подозреваемые были испуганы, они явно были колдунами, боявшимися заслуженного наказания; если спокойны — виновными в той же степени, поскольку ведьмы всегда притворялись невиновными.

Обвиняемые должны были назвать других ведьм. Одна жертва, после трех дней пыток, лицом к лицу столкнулась с женой бюргера, имевшей безупречную репутацию. Она взмолилась:

> «Я никогда не видела тебя на шабаше, но, чтобы покончить с пыткой, я должна обвинить кого-нибудь. Ты пришла мне на ум, поскольку, когда меня вели в тюрьму, ты встретила меня и сказала, что никогда не поверишь в то, что услышишь обо мне. Но, если меня снова будут пытать, я снова обвиню тебя».

Вследствие этого судьи продолжили пытку, чтобы заставить ее повторить свои обвинения, и жена бюргера подверглась преследованиям. Многие бы отказались от своих обвинений, если бы не боялись повторения пытки. «О, Господи, — кричали они, — она бесконечна».

С горечью М. описывает профессионального охотника за ведьмами, откровенничающего со своей женой:

> «Лиза, благодари Господа, за то, что ты принадлежишь мне, поскольку выше, чем я взобрался, взобраться уже невозможно. Я обладаю всей полнотой власти над богатыми и бедными, над молодыми и старыми, над мужчиной и женщиной, мальчиком и девочкой, слугой и служанкой, горожанином и крестьянином, рыцарем и дворянином, врачом и лиценциатом, мастером и бакалавром. Я знаю все их хитрости, и ты должна благодарить Господа за это».

В 1635 г. протесты, подобные М. были возможны; они предвосхищали окончание колдовской истерии. Если бы они не звучали, то те, кто наживался на обнаружении ведьм, торжествовали бы гораздо дольше. Например, в Германии суды над ведьмами продолжались в течение всего XVIII в.

МОЛИТОР, УЛЬРИХ. Был одним из первых авторов, писавших о колдовстве. Хотя М. и отличался умеренностью взглядов, на практике он враждебно относился к чародеям, «подозреваемым в ереси». Он не находил ничего предосудительного в сожжении у столба мужчины, обвиненного в околдовывании соседа и эпизодической езде на волке.

Доктор права Падуанского и профессор Констанцского университетов. В последнем была впервые напечатана его книга «De Lamiis et Philomels Mulieribus» [«О чародейках и предсказательницах»] (1489), диалог, написанный, чтобы рассеять сомнения людей, подобных эрцгерцогу Сигизмунду Австрийскому и «самым известным врачам». Сигизмунд узнал о колдовстве от доминиканских инквизиторов Шпренгера и Инститориса, приехавших в Тироль, чтобы искоренить колдовство. Понятие о колдовской ереси вовсе не было распространено повсеместно. Поэтому Сигизмунд (в диалоге) отрицал ценность признания, полученного под пыткой, «поскольку страх наказания побуждает людей сказать то, что противоречит природе вещей». Если бы колдуны могли вызывать бури, можно было бы распустить армию и завести вместо нее нескольких ведьм. Все эти признания о сношениях с дьяволом вырастают потому, что «болтливость женщин питается многими глупостями, в которые они безоговорочно верят».

Колдун, едущий на шабаш, одна из шести иллюстраций из книги Ульриха Молитора о ведьмах «De Lamiis» (1489).

В противовес подобным высказываниям, М, выдвигает очень слабые возражения, обычно цитируя Библию, отцов церкви и даже «Историю Короля Артура» и Вергилия (поскольку поэты говорят правду!). Но все перекрывает вера М. в силу дьявола, всегда действующего по соизволению Господа, чтобы обманывать людей, которые, следовательно, являются виновными. Он объясняет происхождение Мерлина не от женщины и демона (точка зрения, которой придерживались большинство исследователей), но от обычного человека. Женщина действительно отдалась дьяволу и думала, что она беременна, Господь позволил дьяволу надуть ее живот ветром и вызвать родовые боли. В критический момент дьявол подставил реального младенца, которого он украл. Мать же думала, что ребенок был ее собственным, а дьявол — его отцом. М. утверждает, что дьявол не может производить потомство, даже если он сначала действует как суккуб и затем использует полученное таким образом семя как инкуб, потому что он не может сохранять семя свежим!

По поводу посещения шабаша М. заявляет:

> «Неверно, что ведьмы идут тысячи фарлонгов в тишине ночи, чтобы собраться на шабаш. Они оказываются во власти снов или сильных видений… которыми дьявол поражает их сознание. Так, обманутые ложными явлениями, они, проснувшись, верят, что подобные вещи действительно произошли с ними».

Но иллюзия была столь же греховна, как и реальный полет на шабаш, поскольку они отрекались от Господа и, следовательно, являлись еретиками.

«МОЛОТ ВЕДЬМ» («Malleus Maleficarum»). «М. в.» или «Hexenhammer» (1-е изд. 1486 г.) — бесспорно, основной и самый мрачный из всех трудов по демонологии. Он был общеобязательным кодексом, объединявшим древние легенды о черной магии с церковной догмой о ереси, открывшим шлюзы потоку инквизиторской истерии столь широко, насколько это вообще мог сделать печатный труд. Его авторы стремились воплотить в действие библейское указание: «Не оставляй ворожеи в живых» (Исход 22, 18). Руководство для охоты на ведьм переиздавалось, по крайней мере, 13 раз до 1520 г. и еще не менее 16 изданий вышло между 1574 и 1669 гг. — многие ранние издания выходили без ука-

зания места и времени издания. Известно, по крайней мере, 16 немецких, 11 французских, 2 итальянских и несколько английских изданий (преимущественно поздних — 1584, 1595, 1604, 1615, 1620, 1669 гг.). «М. в.» стал источником вдохновения для авторов всех последующих руководств и удерживал главенствующую позицию даже после появления трудов таких выдающихся авторитетов, как Реми (1595) и дель Рио (1599).

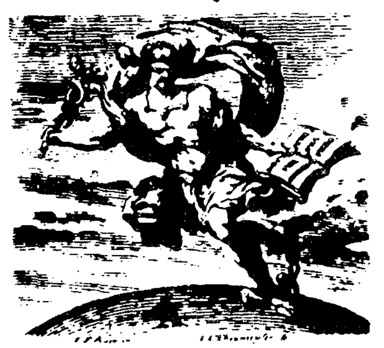
MALLEVS
MALEFICARVM,
MALEFICAS ET EARVM
hæresim frameâ conterens,
EX VARIIS AVCTORIBVS COMPILATVS,
& in quatuor Tomos iustè distributus,

QVORVM DVO PRIORES VANAS DÆMONVM versutias, præstigiosas eorum delusiones, superstitiosas Strigimagarum cæremonias, horrendos etiam cum illis congressus; exactam denique tam pestiferæ sectæ disquisitionem, & punitionem complectuntur. Tertius praxim Exorcistarum ad Dæmonum, & Strigimagarum maleficia de Christi fidelibus pellenda; Quartus verò Artem Doctrinalem, Benedictionalem, & Exorcismalem continent.

TOMVS PRIMVS.
Indices Auctorum, capitum, rerúmque non desunt.

Editio nouissima, infinitis penè mendis expurgata; cuique accessit Fuga Dæmonum & Complementum artis exorcisticæ.

Vir sine mulier, in quibus Pythonicus, vel diuinationis fuerit spiritus, morte moriatur Leuitici cap. 10.

LVGDVNI,
Sumptibus CLAVDII BOVRGEAT, sub signo Mercurij Galli.

M. DC. LXIX.
CVM PRIVILEGIO REGIS.

Титульный лист одного из поздних изданий «Молота ведьм» (Лион, 1669), куда было включено несколько демонологических сочинений.

Его значение и место среди книг своего времени было обусловлено несколькими причинами: во-первых, схоластической известностью авторов, доминиканцев Якова Шпренгера (1436–1495) декана Кельнского университета и приора Генриха Крамера (латинизированное Инститорис) (ок. 1430–1505); во-вторых, папской буллой 1484 г., которую Крамер получил от папы Иннокентия VIII, чтобы подавить оппозицию, выступавшую против охот на ведьм; и, в-третьих, детальной разработкой процедуры судопроизводства над ведьмами, «чтобы как духовные, так и гражданские судьи располагали готовыми

приемами пыток, ведения суда и вынесения приговора». Большинство аргументов было заимствовано из трудов доминиканского приора Нидера — «Formicarium» (1435) и «Praeceptorium».

«М. в.» состоит из трех частей. В первой обсуждается необходимость глубокого осознания должностными лицами гнусности колдовства, включающего отречение от католической веры, преданность и поклонение дьяволу, подношение ему некрещеных детей и плотские сношения с инкубом или суккубом [см. Договор с дьяволом]. Неверие в колдовство (с позволения канона «Episcopi») являлось ересью. В Библии говорится, что ведьмы существуют, а следовательно «любой кто не верит в установления Священного Писания является еретиком». Формула отречения (приведенная в части III) для тех, кого серьезно подозревали в ереси (но против кого не было свидетельства под присягой), звучала так: «Я клятвенно отрицаю ту ересь, или, вернее говоря, неверие, которое неверно и лживо утверждает, что на земле не существует ведьм». По данному обвинению законом допускались показания любых свидетелей, поскольку колдовство рассматривалось как высшая форма измены христианскому долгу. Вследствие этого показания о колдовстве разрешалось давать свидетелям, обычно не допускавшимся в суд: преступникам, отлученным от церкви, уличенным в лжесвидетельстве, причем их имена могли оставаться в секрете.

Во второй части устанавливаются три типа злодейств, совершаемых ведьмами и противодействие каждому из них. Здесь же Шпренгер и Крамер подтверждают все истории о деяниях ведьм, договор с дьяволом, сексуальные отношения с дьяволами, перемещения, превращения, лигатуру, порчу урожая и скота — фактически, самый широкий круг чародейств.

Третья часть (видимо, написанная Крамером, имевшим больший практический опыт) содержала формальные правила для возбуждения судебного иска против ведьмы, обеспечения ее осуждения и вынесения приговора. Здесь же разграничивается юрисдикция инквизиторских, епископских и светских судов, причем два последних суда побуждаются к более активному преследованию ведьм. Причина заключается в том, что ведьмы, которые юридически не могут преследоваться инквизицией как еретики, должны передаваться двум другим судам. В третьей части заканчивается обсуждение приемов допроса свидетелей, а также ареста, заключения и пыток ведьм, и таких практических вопросов как преодоление молчания ведьм — технически ведьму нельзя было осудить без ее собственного признания. Там же устанавливается, что обвиняемый (и его защитники, если таковые имеются) не должны знать имени обвинителя.

Аргументы, содержащиеся в почти четверти миллиона слов, представляют собой фантастическое принесение логики и здравого смысла в жертву заранее сложившейся богословской концепции. Например, слову «женщина» (femina) приписывается происхождение от fe [вера] и minus [малый], а «дьявол» (diabolus) — от dia [два] и bolus [смерть], т.е. «убивающий душу и тело». Даже в первой части игнорируются разумные аргументы. Так, объявляются еретиками те, кто «верят в существование демонов, кроме как в воображении масс, которые и приписывают свои собственные лжеучения дьяволу. Разные облики, рисующиеся уму, возникают как плод сильного воображения, Человеку лишь кажется, что он видит бесов или ведьм». Затем авторы «М. в.» продолжают: «Все это противоречит истинной вере, утверждающей, что ангелы, низринутые с неба, превратились в бесов, что поэтому они, обладая большей силой, чем мы, могут также и достигнуть большего, чем можем сделать мы». Хотя Чарльз Уильямс называет этот силлогизм «почти первоклассным», Ли характеризует интеллектуальный уровень книги следующим образом: «Ее жалкий стиль своим однообразием напоминающий бесцельную, сбивающую с толку бесконечную ходьбу с места на место, представляет собой блуждание мысли, неспособной к концентрации и готовой следовать за любой навязчивой идеей».

Иллюстрация из парижского издания «Malleus Maleficarum», 1497 г.

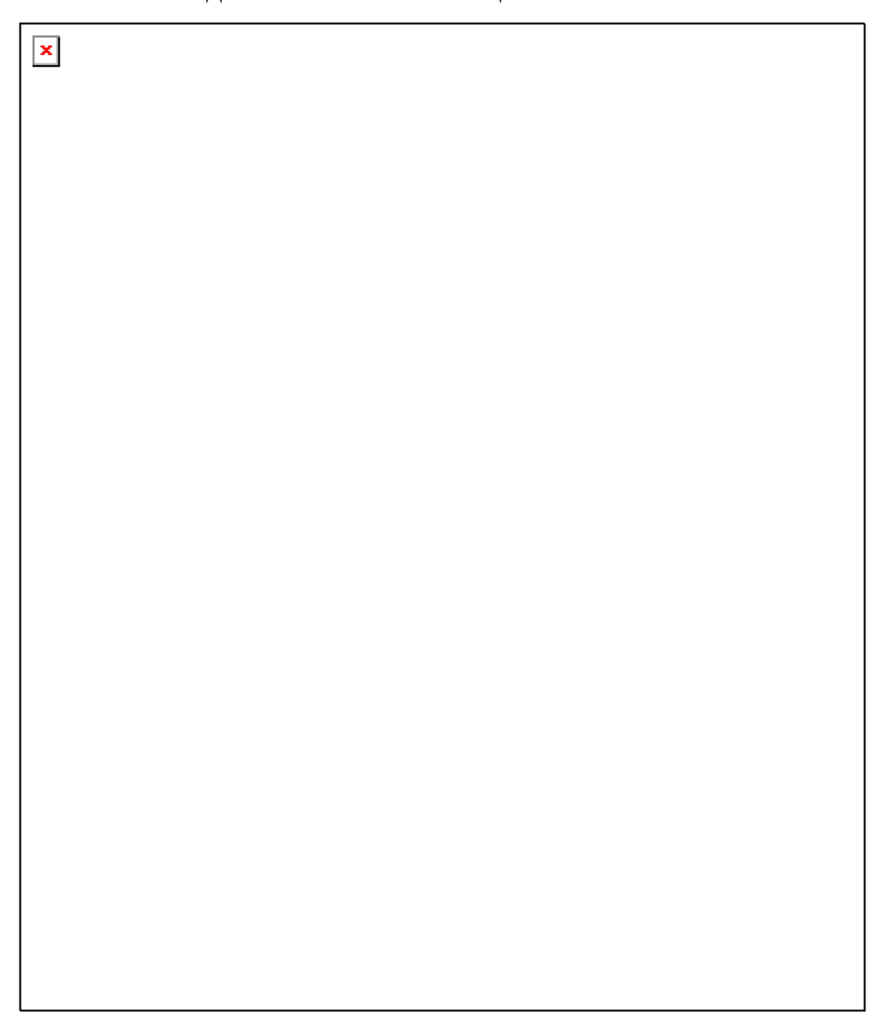
Как апологеты демонологии, так и независимые мыслители подчеркивают, что было бы нелогично и неверно осуждать представления XVI в. с точки зрения современных критериев. Конечно, в этом они правы, но, тем не менее, гуманистический, научный и разумный подход уже в то время был присущ мыслящим людям, по праву и долгу совести осуждавшим демонологов и мракобесов, отбросивших развитие цивилизации на несколько сотен лет назад.

Крамер начинал свою деятельность в Тироле, где возбудил к себе сильную враждебность со стороны местного населения. Чтобы обосновать охоту за ведьмами, он уговорил одну распутницу спрятаться в печи, притворившись, что там поселился дьявол. Ее голос обвинил многих людей, которых Крамер жестоко пытал. В конце концов епископу Бриксенскому удалось изгнать Крамера, но он уже получил награду за свои труды от эрцгерцога Сигизмунда (которому Молитор посвятил свой труд в 1489 г.) Совместный труд двух друзей-инквизиторов одобрен официальным письмом богословского факультета Кельнского университета от 1487 г., и это тоже освещает его с весьма неожиданной стороны. Дело в том, что это одобрение обманчиво, поскольку (как заметил Хансен), его подписали лишь четыре профессора из всего университета, и их поддержка ограничивается заявлением, что части I и II не противоречат католическому вероучению, и что часть III заслуживает доверия благодаря приведенным в ней свидетельствам. Еще четыре профессора вместе с университетским педелем дополнительно одобрили положение против священников, неосторожно отрицающих колдовство. Тем не менее, их заявление не появлялось в кельнских изданиях до 1494 г., пока не умер педель, после чего оно было подшито и в более ранние издания, предназначенные для продажи вне Кельна. В результате все пришли к выводу, что письмо — подделка, прибавляющая престиж книге. Коллеги Шпренгера по университету не отслужили заупокойную мессу после его смерти 6 декабря 1495 г. Это упущение могло быть вызвано тем, что он завещал свое имущество за пределы Кельна, но, с другой стороны, могло быть обусловлено и его академической непорядочностью. Авторы «М. в.» стремились любыми средствами добиться обязательного сожжения ведьм. Особенно примечательно то, что протестанты, повсюду противостоявшие инквизиции, считали «М. в.» авторитетом и законом во всем, что касалось ведьм.

МОРОВСКИЕ ВЕДЬМЫ. Неожиданная вспышка преследований ведьм в Море (Далекарлия или Даларн, Швеция) в 1669 г. — один из наиболее поразительных случаев в истории колдовства, закончившийся сожжением 85 человек, уговоривших три сотни детей полететь в Блокулу. «Непонятно, — недоумевал скептически настроенный епископ Хатчинсон, — зачем люди запугали детей таким множеством сказок, что им уже и не снилось ничего, кроме дьявола; и что, кроме того, заставляло бедных женщин города подтверждать то, что дети говорили о них?»

Подлинные документы суда были опубликованы Беккером в «World Bewitched» и переведены с голландского на английский д-ром Энтони Хорнеком (1641–97), как приложение к «Saducismus Triumphatus» Гланвиля.

Сообщения о том, что дьявол сделал сотни детей, «покорными своей воле» и что он «показывался по всей стране», привели к началу расследования в августе 1669 г. Беда началась 5 июля 1668 г., когда пастор Элфдале в Далекарлии сообщил, что 18-летняя девушка Гертруда Свенсон обвиняется Эриком Эриксоном, 15 лет, в краже нескольких цыплят для дьявола. Подобным образом обвинили многих людей, и все они заявили о своей невиновности, за исключением одной 70-летней женщины.

Оригинальная иллюстрированная суперобложка книги «Der Konigs Herren Commissarien gehaltenes Prolocol uber die entdeckte Zauberey in dem Dorff Mohra» («Протокол г-на Королевского комиссара о колдовстве, обнаруженном в деревне Мора») (Гаага, 1670), описывающей колдовство в Море.

Интерес к делу возрастал, и в мае 1669 г. король Карл XI предписал комиссии, чтобы обвиняемые в колдовстве искупали свою вину молитвами, без заключения в тюрьму или применения пытки. Однако молитвы вызывали массовую истерию, и, когда 13 августа 1669 г. королевская комиссия впервые собралась, три тысячи людей явились, чтобы по-

слушать проповеди и помочь следователям. На следующий день, выслушав рассказы детей, члены комиссии выявили 7 ведьм. 23 добровольно признались, были осуждены и сожжены в течение 2 недель; 7 других были отправлены в Фалун, где были позднее сожжены. Кроме того, было сожжено 15 детей, 36 детей от 9 до 15 нашли менее виновными и подвергли суровому наказанию, 2 других, «которые не имели большой склонности» к колдовству, потому что были слишком молоды (до девяти лет), осудили к «порке розгами по рукам в течение трех суббот подряд у церковной двери, а тридцать шесть вышеназванных также предстояло сечь подобным образом, единожды в неделю, в течение целого года».

25 августа, «в ясный и чудесный день, когда солнце сияло вовсю», через 12 дней после начала работы комиссии, состоялась массовая казнь осужденных. Перед сожжением ведьм принуждали коллективно признать справедливость детских обвинений. «Сначала большинство из них делали это очень неохотно, отрицали, не пролив ни единой слезинки, хотя многие против своей воли и склада характера». Когда же их допрашивали поодиночке, многие продолжали «упорствовать в своем отрицании».

Свидетельства, узаконившие это массовое убийство, распадаются на 3 пункта: 1) доставка детей на шабаш; 2) собственно шабаш; 3) предполагаемые maleficia.

Ведьмы возили детей, одетых в красное или голубое на козлах, палках или на спящих мужчинах! Они влетали через окна, дьявол перед этим отодвигал раму, «чтобы освободить им дорогу». Если дети позже раскаивались и выдавали имена ведьм, ведьмы секли их. «Судьи не нашли никаких следов от розог, но ведьмы сказали, что они исчезают мгновенно».

Местом собраний ведьм была Блокула, прекрасный большой луг, конца которому не было видно. В усадьбе или доме, где они встречались, были ворота, окрашенные в различные цвета; через эти ворота они входили на маленький отдельный луг, где ходили звери, на которых они обычно ездили». Это сказочное место использовалось для дьявольских обрядов, состоявших из 7 действий:

1. Отрицание Господа, с надрезанием пальца и подписью своего имени кровью в книге дьявола.

2. Крещение дьяволом.

3. Клятва в верности [дьяволу]. Ведьмы бросали в воду детали часов и говорили: «Как эти детали часов никогда не вернутся в часы, из которых они взяты, так пусть моя душа никогда не вернется на небеса».

4. Банкет. Меню включало «мясной суп с капустой и беконом, овсянку, хлеб с маслом, молоко и сыр».

5. Танцы, заканчивавшиеся «дракой между собой».

6. Музыка и совокупление.

7. Строительство каменного дома, где ведьмы смогут спрятаться в Судный день; но стены этого дома все время рушились.

Ведьмы обещали дьяволу совершать зло, но их обещания касались простого наведения порчи. В это мрачное повествование включен поразительный рассказ о том, как у свидетеля заболела голова.

> «Священник из Эльфдаля заявил, что ему показалось однажды ночью, будто эти ведьмы были над его головой, и после этого у него была продолжительная головная боль. Одна из ведьм также призналась, что дьявол послал ее мучить этого священника: ей было приказано взять гвоздь и вонзить в его голову, но он вошел не очень глубоко, и поэтому получилась только головная боль».

Как и следовало ожидать, ведьмы не могли осуществить никаких колдовских трюков, приписываемых им, но верующие имели на это готовый ответ: «Члены королевской парламентской комиссии действительно проявляли упорство и предпринимали значительные усилия, чтобы убедить их показать некоторые из своих трюков, но безуспешно, и все

они единодушно признали, что их колдовство исчезло как только они во всем сознались». Из Моры истерия распространилась через Нордланд в две шведскоязычные провинции Финляндии и к 1675 г., в Стокгольм. Здесь она была окончательно остановлена, когда молодому доктору Урбану Хьярне удалось продемонстрировать, что это сумасшествие вызвано болезненным воображением, путанными и полубезумными мыслями или чистой злобой и желанием привлечь внимание. Из-за галлюцинаций или внешнего давления в истерию оказались вовлечены и образованные люди: школьный учитель, позже декан Моры, настаивал, что дьявол носил его на остров Блакулла [Блокула]; Лундиус, профессор из Упсалы, и советник по имени Андрес Стьернхок верили, что дьявол являлся им трижды за ночь.

Любопытным эпилогом событий, связанных с Морой, стал случай, происшедший шестьдесят лет спустя, когда 13-летняя норвежская девушка Сири Йоргенсдоттер детально воспроизвела все, что она слышала или читала о Море, обвинив 7 старых женщин в колдовстве.

МОР, ГЕНРИ (1614–1687). Провел всю жизнь в стенах Крайст-колледжа в Кембридже, покидая их только ради посещения сеансов леди Реглей (см. Гланвиль) и местных процессов над ведьмами. Выйдя в отставку, отказался от двух епископских должностей. Был лидером кружка кембриджских платонистов, философов, противостоявших средневековой схоластике, непреклонности кальвинистов и ритуалистике епископалианцев. Подобно Платону и Плотину обратился к мистицизму, сосредоточившись на «мировой» душе, «действительном познании вечных истин», существовании бессмертной души.

Находясь под влиянием нового научного мышления XVII в., тяготевшего к материализму, М. пытался доказать существование Господа с помощью видимых признаков, наиболее очевидными из которых были ведьмы и демоны. «Нет призраков — нет Господа», — заявлял он. В «Противоядии от атеизма» (1653) М. признавал реальность существования ведьм, основываясь на показаниях незаинтересованных свидетелей, совпадению показаний очевидцев и чувственным эффектам, производимым колдовством. Подобная позиция была прогрессивнее позиции его современника, Мерика Касобона, доктора богословия, верившего в ведьм, потому что все верили в ведьм («Of Credulity and Incredulity», 1668).

Доказательства М. были безвредны лишь теоретически. Своим трудом М. обеспечил философское обоснование самым рьяным охотникам за ведьмами. Ни один английский автор так полно и откровенно не принимал всю атрибутику колдовства, сконструированную личностями вроде Реми и Бодена. Даже Мерик Касобон признавал, что эти специалисты были более легковерны, чем он. М. искренне верил в перемещения, превращения, шабаши, домашних духов и сексуальные сношения с дьяволом.

Защита М. колдовства выглядела в XVII в. столь же фантастично, как если бы ученый-атомщик XX в. верил в «чудовищ с бычьими глазами». Как один из наиболее ученых и уважаемых английских профессоров, М. поощрял невежество и предрассудки вместо того, чтобы использовать свое духовное превосходство для спасения от колдовской истерии менее одаренных и талантливых людей. Он лично допрашивал девушку, обвиненную в колдовстве в Кембридже. Она дала фантастические показания о дьявольском сборище. М. писал:

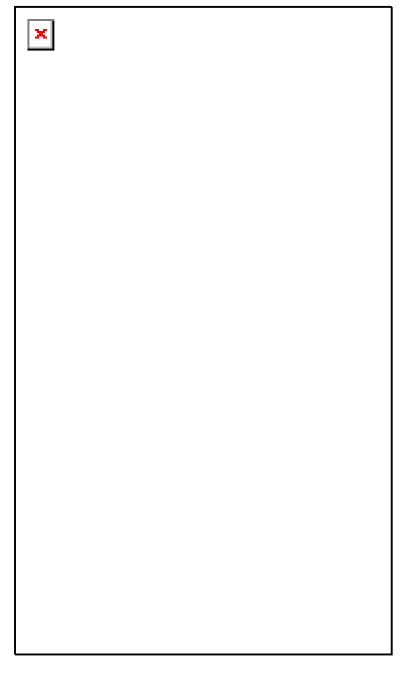
> «Что касается лично меня, то я смотрел бы на весь этот рассказ как на глупую фантазию или сон больного человека, если бы не моя вера, которая так сильно укрепилась ощутимым удовлетворением, полученным мною от того, что я услышал от четырех или пяти ведьм, которых допрашивали перед этим. Хотя то, что я услышал было обычным показанием добровольно признавшейся ведьмы».

Вместо применения научных методов для разрушения предрассудка М. использовал их, чтобы усиливать веру в ведьм. Он объяснял холодность дьявола как следствие сгущения воздуха, а ликантропию толковал следующим образом:

> «Поскольку, как я предполагаю, дьявол вселяется в их тела, и благодаря его таинственной сущности, проникающей глубже и быстрее, чем любое пламя или разъедающая жидкость, расплавляет их структуру до такого состояния, что делает ее легко поддающейся его воображению; то ему легко придать им любую форму, какую он захочет, и надуть таковые формы и фигуры воздухом, что он обычно и делает».

Большинство авторов восхваляют М. как «одного из наиболее духовных английских философов», очень легко забывая о его взглядах на колдовство. Но вся его философия покоится на фундаменте из веры в демонов, ведьм и чудеса.

«МЫШИНАЯ МАСТЕРИЦА». В конце XVII в. рациональный подход часто применяли к абсолютно иррациональным проблемам. Подобная смесь здравого смысла и фантазий на суде над ведьмой в Саксонии в 1693 г. (в отчетах не указан город), к счастью, закончившемся без казней, отражает смятение умов, вызванное ростом скептицизма по отношению к колдовству. 10-летняя Альта Алерс научилась делать фокусы и мистифицировала своих одноклассников, «создавая» с помощью маленького кусочка какого-то желтого вещества живую мышку из носового платка. Трюк породил слухи, и девочка была арестована; она раскрыла секрет своего фокуса и сказала, что научилась ему от Эльше Небелинг, старухи 63 лет. 25 августа 1693 г. начался суд, где Эльше заявила, что, хотя она и имеет репутацию ведьмы, она всего лишь бедная вдова и не умеет делать мышей из платков. И Альта, и Эльше содержались в тюрьме. 3 августа 3 детей по просьбе суда описали трюк. 11 сентября обвинитель официально допросил Эльше и неделю спустя обвинил ее в колдовстве и, в соответствии с заповедью из книги Исход (12, 15), потребовал смертной казни [см. Библия, колдовство в]. Поскольку Эльше была еще ребенком, суд назначил ей совет защитников. Двое адвокатов оспаривали ее дело. Обвинитель доказывал преступность появления мышей и, ссылаясь на Реми и Карпцова, доказывал необходимость выявления правды с помощью пытки обвиняемой девочки с кнутом и щипцами. Защита возражала, что «изготовление мышей» — всего лишь ловкий фокус и, даже если это чародейство, то оно сделано по неведению, без тайного злого умысла.

Поиск клейма дьявола с помощью прокалывания.

1 октября 1693 г. судья передал судебные отчеты на юридический факультет университета для получения непредвзятых рекомендаций. Он задал три вопроса:

1. Поскольку как девочка, так и женщина отрицают свою причастность к чародейству, должны ли они быть подвергнуты пытке, или им должны быть показаны ужасные инструменты, или применены щипцы и страппадо, и должны ли они быть обысканы на предмет клейма дьявола?

2. Если будут обнаружены клейма дьявола, как должна быть наказана Альта?

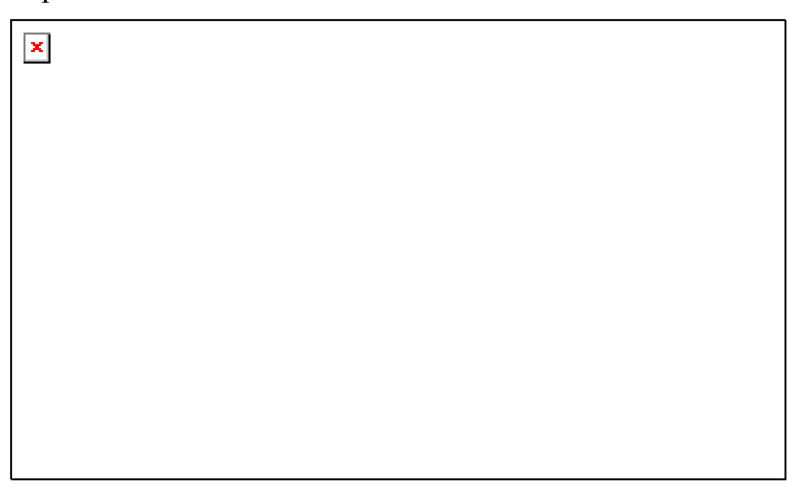
3. Если Альту не подвергать пытке, то, что с ней следует сделать?

Ответ пришел: освободить заключенных. Альта содержалась в тюрьме в течение 6 недель, и это является достаточным наказанием. Мягкость университета достойна похвалы, поскольку суды над ведьмами и казни на основании аналогичных обвинений продолжались на протяжении всего XVIII в.

Н

НИДЕР, ИОГАННЕС (ок. 1380–1438). Доминиканец, профессор теологии Венского университета (1425), приор в Нюрнберге и Базеле (1431). Автор второй (после де Спины) печатной работы (ок. 1435, опубл. 1475), в доступной форме объясняющей колдовство.

«Formicarium» («Муравейник») написан в форме диалога между богословом и скептиком, обсуждающими вопросы, поставленные на Совете церквей в Базеле (1431). Большинство приводимых Н. историй современны и отражают возраставший интерес к приближавшимся процессам над ведьмами.

Первая страница второго издания книги Нидера «Formicarius» (Аугсбург, 1484) воспроизведенная по экземпляру, хранящемуся в БКУ.

Книга Н. переиздавалась до 1692 г. 6 раз. Пятую часть книги, где описаны «ведьмы и их мошенничества», иногда присоединяют к «Malleus Maleficarum» («Молоту ведьм»). Хотя Н. обсуждает способность ведьм творить зло, он не останавливается особо на тех деталях, которые подчеркивали поздние демонологи (шабаши, договор, ночные полеты и сношения с дьяволом). По своим взглядам Н. был скептиком. В раннем сочинении «Praeceptorium Divinae Legis» он утверждает, что превращения — плод сновидений, реальные превращения невозможны, и видения рая и преисподней являются просто предрассудками, созданными дьяволом.

НИПЕН, ОЛЕ И ЛИСБЕТ. В местах, недосягаемых для инквизиции, колдовство оставалось по своей основе чародейством с элементами христианства. Повсюду в восточной Европе колдовство определялось как подрывное движение, чтобы сбросить христианского Бога (католического и протестантского), но в окраинных районах Европы договор с дьяволом, шабаш, пытки и изобличения встречались редко. Дело Н., слушалось в 1670 г. в Ленстранде (Тронхейм) — одно из дюжины, случившихся в Норвегии, демонстрирует форму суда над ведьмой, применявшуюся в стране, свободной от колдовской истерии. Наказание Н. было вызвано реальными занятиями белой магией, предполагаемым maleficia, злобой и завистью односельчан. Супруги были осуждены на смерть на основании слухов, предрассудков и предположений. Однако в этом случае не было ни организованной охоты на еретиков, ни подтасованного суда, ни денежной выгоды от казни. Суд над Н. вырос из фольклорных представлений о магии, он не был связан с религией, хотя в обвинительном акте стояло обвинение в «signeri» (колдовстве, букв. «осенении крестом») и «презрительной насмешке над словом Божьим». Сохранился подробный протокол суда, краткий вариант которого приводится ниже.

В 1667 г., на рождественском вечере, Эрик Квенельд оскорбил Оле Н., назвав его колдуном. Эрик обвинил Оле в насылании ревматизма на его руки, пригрозив пустить Оле «красного петуха», если тот не излечит его. В последовавшей ссоре были произнесены резкие слова, и Оле Н. понял, что Квенельд настраивает священника и соседей против него. Спустя 3 года, 30 апреля 1670 г. Оле Н. привлек Квенельда к суду за клевету. Это первое слушанье вызвало опровержение со стороны Квенельда, и свидетели показали, что супруги Н. действительно занимались чародейством; в частности, Лисбет Н. использовала заговоры и соль, чтобы лечить болезни.

Демонстрируя признаки колдовства Оле Н., Квенельд жаловался, что не может поднять руки, его грудь стала большой, как у женщины, а у его жены брови так нависли над глазами, что она не могла видеть, а ее уши свешиваются на плечи, как у собаки. Трое соседей дали показания, что Оле или Лисбет Н. произносили заговоры над их больными конечностями, одновременно натирая их солью; более или менее излечившись, они давали Лисбет небольшую плату. Лисбет возражала, что, поскольку в ее заговорах использовались слова Божьи, они не могли причинить большого зла, могущество заключалось не в соли, но в «молитвах», которые она читала над ними. Один заговор или молитва должен был исцелять грипп:

> «Христос отправился в церковь с книгой в руке. Подошел к шедшей туда же деве Марии. „Почему ты такой бледный, мой возлюбленный сын?“ „Я подхватил сильнейший грипп [? greb]“. „Я исцеляю тебя от сильнейшего гриппа — грипп с кашлем, кишечный грипп, черный грипп, грудной грипп — выйди из плоти и костей и уйди в песок и камни! Во имя Отца, Сына и Святого Духа, аминь“.

Прошло 4 месяца, и в августе Лисбет на основании репутации была обвинена в колдовстве и использовании святотатственных молитв. Четыре свидетеля дали показания против нее, но они просто добавили новые примеры использования Лисбет заколдованной соли, облегчения болей и страданий путем переноса их на животных или других людей. Пастор прихода клялся, что он слышал, как супруги Н. занимались колдовством, и судебные заседатели подтвердили, что никто «не может отрицать, что в течение многих лет по поводу Н. ходят слухи, и что многие откармливают для них животных, потому что боятся их»

Лисбет допросили:

1. Добровольно ли она служила Сатане с помощью своих запрещенных молитв? Нет, равно как и не думала, что они, могут быть так неверно истолкованы; она проклинает свое невежество и отсутствие понимания. Побуждаемая судом проклясть Сатану, она сделала это.

2. Пользуясь какой силой, она помогала или причиняла вред людям и животным? Если она помогала кому-либо, то это благодаря силе Божьей, и она никому не причинила вреда.

3. Знает ли она других людей в округе или вне его, которые знают эти молитвы, кроме Анны Шергстадт? Она сказала, что знает только о ней одной, она слышала, как Анна читала ее против отморожений.

4. Намеревалась ли она причинить зло (действительно поразившее девочку) самой девочке или ее хозяйке Кари Окстад? Она настаивала, что ни в чем не виновата.

Третье слушанье состоялось 27 августа 1670 г., во время которого девочка поклялась, что она стала калекой по ошибке, вместо своей хозяйки, Кари Окстад (которую Лисбет считала виновной в клевете на своих дочерей).

В своем отчете окружному судье префект Ханс Эдварсен обвинил как Оле, так и Лисбет Н. по 4 пунктам:

1. Произнесение имени Божьего всуе.

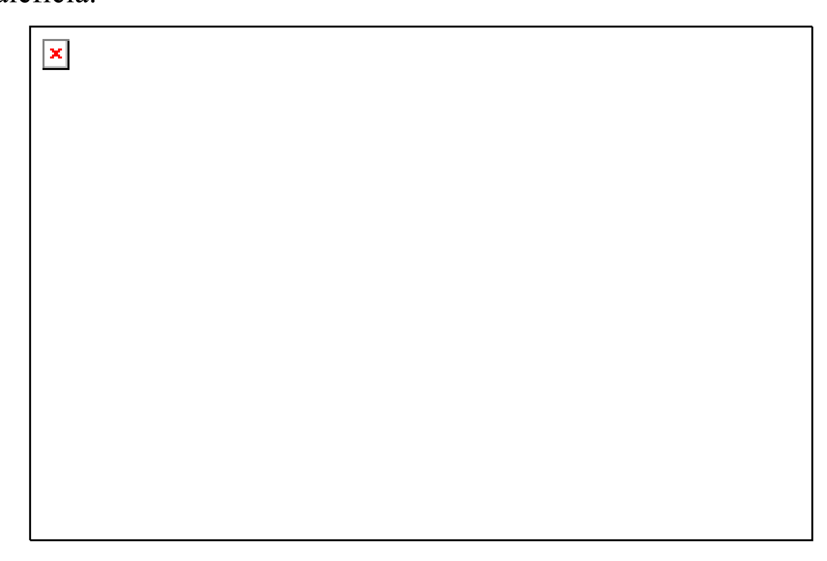
2. Причинение вреда соседям, доведение некоторых до сумасшествия, уродование одних и нанесение увечий другим (например, появление висящих ушей и свисающих бровей), насылание слепоты, которая излечивалась, когда потерпевшие обращались к Н.

3. Лечение людей путем перенесения с помощью дьявола их недугов от них на их врагов или, при неудаче в этом, на животных.

4. Их общая дурная репутация, подтвержденная священником и населением округа.

Префект предложил, чтобы супругов сожгли, после того, как они под пыткой признаются во всем. Приговор включал в себя преступления изо всех четырех пунктов, в большей или меньшей степени, причем особенно подчеркивалось произнесение имени Господа всуе и дурная репутация. Отмечался и их отказ признаться (хотя не указывается, применялась ли пытка). На основании законов Господа и королевского уложения Оле и Лисбет Н. были приговорены к сожжению, но Оле был сначала обезглавлен.

НОРВЕГИЯ, КОЛДОВСТВО В. Как и в других скандинавских странах, в Норвегии колдовство никогда не становилось ведущей социальной проблемой, в отличие от стран, находившихся под влиянием инквизиции. Однако вера в чародейство и демонов внедрилась здесь глубоко и была во многом связана с морскими традициями. Так, ведьмы наделялись способностью вызывать бури, топить лодки или отводить косяки рыб. Они совершали все это, кружась в облике лебедей или гусей, бросая связанное в узел полотенце, открывая сумку с ветрами или с помощью свиста. Великие шабаши на Рождество и Иванов день, когда могло собраться 60 ведьм, проходили на севере: на горе Лидерхорне, около Бергена, в Бальвольдене, на горе Домен в Восточном Финмарке, в Доврефйорде и на Гекле в Исландии. Некоторые из этих мест были достаточно отдаленными, но ведьмы из Норвегии легко перемещались туда, превращаясь в кошек, собак, волков или воронов или оседлывая кочергу, черную овцу или собаку. На шабаше они пили пиво и мед, танцевали и играли в карты, иногда дьявол исполнял для них мелодию на langspil (национальный струнный инструмент, на котором играли с помощью смычка) или дудке, барабане и роге. Колдовство в Норвегии было насыщено легендами и мифами сильнее, чем религиозной ересью, поэтому договор и шабаш реже становились основой судов над ведьмами, чем чародейство и maleficia.

Население Норвегии пользовалось репутацией вызывателей бурь, уничтожавших корабли. Из «Historia de Gentibus Septentrionalibus» (1555) Олафа Магнуса.

Очевидно, в Н. состоялось менее двух дюжин судов над ведьмами. Самым ранним из зарегистрированных был суд в Бергене, состоявшийся в 1592 г., когда Олаф Гурдал был приговорен к смерти. Двумя годами позже, также в Бергене, были осуждены еще три ведьмы: Дитис Ренке приговорили к изгнанию, а Иоханна Иенсдоттер (фламандка) и Анна Кнутсдоттер, жена Керстена Йода, были сожжены. Почти 30 лет прошло, прежде чем со-

стоялся следующий суд, в 1622 г. в Сюннебю, но обвиняемая [фамилия не указана] повесилась в тюрьме в ожидании приговора; ее тело было сожжено.

В 1650 г. Карен Торсдаттер призналась, что в возрасте 26 лет она поступила в услужении к мужчине, называвшему себя Люцифером. Он учил ее, как с помощью магии воровать молоко у чужих коров (например, втыкая нож в стену) и защищать от порчи собственных. Она назвала несколько человек, летавших по воздуху вместе с ней: Кристину Клод, их предводительницу, — верхом на теленке; Сидсель Мортенсен (вдову бургомистра), — на кочерге, сама она якобы летала на коте. Однажды они попытались убить двух магистратов, но потерпели неудачу, потому что те были очень богобоязненны, а один из них носил крест на золотой цепочке. Бодил Квам, женщина, обвиненная Карен, призналась в езде на кочерге и попытке убийства магистратов. Другая женщина, обвиненная Карен в вызывании бури, была арестована на своей свадьбе с местным судьей; когда она предстала перед судом, ее муж яростно защищал ее и успешно настоял на том, что в связи с серьезностью обвинения не следует верить показаниям мошенниц (коими он назвал Карен и Бодил). Карен и Бодил были приговорены к сожжению в Кристиансанде.

В 1670 г., год суда в Нипене, в Кристиансанде произошел другой случай. Находившийся по делам в Копенгагене член совета, Нильс Педерсен, страдавший от болей и потерявший дар речи, посчитал себя околдованным. После длительного расследования Карен Снедкерс призналась, что она пыталась причинить ему вред, сделавшись невидимой и посыпав солью его одежду. Со своей напарницей, Дороти Фюдвик, она полетела в Копенгаген и вылила ему пузырек в рот, когда он спал. Превратившись в ворона, она зарыла шерсть, когти, кости и перья в саду городского чиновника, Иоганна Ворма, с тем, чтобы заболели его цыплята и животные. «Она выдергивала волосы у своего слуги Уайтгуса, и он превращался в жеребца, на котором она ездила, если хотела быстро попасть куда-либо». Многие свидетели выступили против нее. На последнем слушании Карен Снедкерс призналась, что летала в обличье ворона вместе с двумя другими ведьмами, чтобы вызвать ветер и уничтожить корабль члена совета Педерсена. Одна ведьма села на руль, другие на фальшборты, но так и не смогли причинить вред Педерсену, потому что он держал в руках молитвенник. Карен была сожжена вместе с шестью другими женщинами, которых она обвинила в колдовстве.

Один из последних судов в Н. произошел в 1680 г. в Сондморском округе завершился казнью, другой — в 1684 г. в Йедерне, но судьба обвиняемых неизвестна. Мужчина по имени Ингебригт признался, что, трижды обойдя задом вокруг кладбища, он отрекся от Господа и примкнул к дьяволу. Двумя телячьими хвостами он играл на барабане на нескольких шабашах в Доврефйорде. Кроме того, он украл освященную просфору, чтобы отравить скот. Ингебригт обвинил других, но затем снял свои обвинения. Он был приговорен к сожжению.

Приведем еще одно дело: в 1687 г. девушка была обвинена призраком ее ребенка в убийстве, совершенном 14 лет назад. Очевидно, она призналась, когда дух привел ее и судебных заседателей к месту преступления. Девушку казнили. В 1701 г. произошел аналогичный случай, детально описанный ректором высшей школы в Бергене. Ректор понял, что призрак был мистификацией, но многие люди верили в него и, кроме того, обвиняемый сознался! Призрак 1687 г. не исчез даже после казни своей матери и разговаривал с губернатором; тот попросил его показать, какие ужасные звуки он может издавать. Призрак издал ужасающий рев, но это не произвело никакого впечатления на губернатора; призрак сказал, что это было лучшее, что он мог сделать. Он потребовал водки и еды, пригрозив обитателям дома, и затем действовал как полтергейст, бросая вниз через трубу глину и камни.

Несколько других случаев, связанных с норвежским полтергейстом, произошли в XVII в. С августа 1722 по май 1723 г. дом Стефана Ольсена в Анденаэсе был охвачен странными звуками и кухонными беспорядками: летали тарелки и выдувался огонь из печки. В документе тех лет (составленном приходским пастором преподобным Йенсом

Ведингом) не сказано, что дух, на вопрос, говорит он от имени Господа или от дьявола, ответил «теми же сами словами и детским голосом». Два маленьких мальчика часто становились свидетелями якобы имевших место беспорядков. Во время последнего проявления полтергейста был громкий стук по стенам и приподнималась крыша. Что-то вроде кожаного мешка вылетело из дома в поле, вороны собрались вокруг него и кружились несколько часов. После этого все успокоилось.

Похожий демон докучал семье пастора из Ваагена (Нордланд) в 1726 г., с февраля до Пасхи. Здесь снова 14-летний мальчик был центром беспокойств. Он сказал, что он слышал, как ему в ухо шептали по-датски и по-латыни, что вода лилась на него ночью, а иногда его таскали по двору. Мальчик проявлял сверхчеловеческую силу, часто люди были вынуждены ложиться на него, чтобы удержать в горизонтальном положении. После 8 недель угроз со стороны пастора беспокойства прекратились.

Следует упомянуть самый последний полтергейст из Хеллесо в Сенсене, происшедший примерно в 1730 г. Пока рыбаки были в море, в доме были слышны сильные постукивания, но ничего не было найдено, кроме следов от ударов дубинкой на стенах. Когда обитатели дома находились в постелях, огонь мог распространиться по полу, двери открывались и камни влетали в комнаты. Если домашние читали Библию и пели гимны, звуки становились громче. Когда и почему прекратились беспорядки, приходской священник, описавший эту историю, не отмечает.

НОРМАНДСКИЕ ОСТРОВА, КОЛДОВСТВО В. Нормандские острова пострадали от охоты за ведьмами, возможно, больше, чем любая другая часть Великобритании. Этим они обязаны в первую очередь тому, что административно они принадлежали Англии (английские монархи конфисковывали имущество и собственность осужденных), а в плане культуры тяготели к Франции (арест и суд над ведьмами отражали ее жесточайшие обычаи). Процент осужденных был удивительно высок, причем ведьм чаще сжигали, чем вешали.

На Гернси, небольшом острове с несколькими тысячами жителей, за время правления Елизаветы, Якова I и Карла I были подвергнуты пыткам за чародейство 58 женщин и 20 мужчин, в основном, местные жители, и все, кроме восьмерых, осуждены, например:

3 женщины и 1 мужчина были сожжены живьем;

24 женщины и 4 мужчины были сначала повешены и затем сожжены;

1 женщина сначала была выслана, но по возвращении повешена;

3 женщины и 1 мужчина были высечены, каждому отрубили одно ухо;

22 женщины и 5 мужчин были высланы.

Приведенные цифры полностью противоположны тем, которые, согласно самым надежным источникам, отражают статистику охоты на ведьм в Англии, где суд признавал виновным только одного из каждых пяти обвиняемых [см. Англия, колдовство в]. Джерси был в некотором отношении менее фанатичным, чем Гернси, но между 1562 и 1736 г. там прошло 66 судов, и, по крайней мере, половина обвиненных были повешены или сожжены.

Против колдовства не существовало ни одного закона, но в 1591 г. в Джерси был проведен любопытный декрет, запрещавший тем, кто искал «поддержку у ведьм и предсказателей в своих болезнях и несчастьях, …получать таковую под страхом тюремного заключения». Во всех отчетах упоминается maleficia, например, насылание блох на постель или одежду, высушивание вымени у коровы (возможно, с помощью некоего черного порошка). Ведьмой, очевидно, считалась та чародейка, которая могла помочь queraude (белая ведьма) или, что более вероятно, та, что причиняла вред.

Подчинение дьяволу, конечно же, не было забыто. Характерны признания, где упоминался шабаш, наподобие сделанного Колетт дю Монт в 1617 г. Она якобы разделась, втерла черную мазь в спину и живот, снова оделась и полетела на шабаш, где собралась группа в 15 или 16 человек (а не традиционное собрание тринадцати). Сначала, как

она утверждала, она «никого не могла узнать, поскольку все были черны и бесформенны» [tous noircis et deffigures]. Колетт имела сношения с дьяволом в виде черного пса, стоявшего на задних лапах (его передние лапы сильно напоминали человеческие руки), она посетила праздник, где не было соли, а вино было плохого качества. В том же самом году Исабель Деке отправлялась на шабаш в те ночи, когда ее муж ловил рыбу, где целовала зад дьяволу. Она была помечена в верхней части бедра, «данная метка была исследована повивальными бабками, сообщившими, что в нее втыкали маленькую булавку, и женщина не почувствовала боли, и не было видно никакой крови».

Необычной чертой судов на Нормандских островах является использование пыток для извлечения признания после вынесения смертного приговора. Самым распространенным методом было страппадо, но веревку здесь привязывали к 2 большим пальцам, чтобы вырвать их, когда заключенного неожиданно отпускали. Естественно, пытка проводилась не для того, чтобы получить признание вины, но чтобы вынудить назвать имена сообщников; как только чье-либо имя звучало из уст обвиняемого, этот человек попадал под подозрение на основании общественного мнения и сплетен [coutume renomee et bruit desgens], и, поскольку слухи были основой для обвинения, суды никогда не оставались без работы.

> «Как много невинных погибло в пламени или по заявлениям о сверхъестественных обстоятельствах? Я не стану утверждать, что ведьм не существует; но с тех пор, как сложность осуждения их признается на острове, они как бы исчезли, будто показания о них стали не более, чем иллюзией».
>
> *Филипп ле Жье (1635–1715), лейтенант-бейлиф Джерси.*

НОРТБЕРВИКСКИЕ ВЕДЬМЫ. Массовые процессы в Нортбервике в 1590–1592 гг. возникли из-за ряда неожиданных, едва ли не чудесных, исцелений, осуществленных служанкой, а также из-за того, что обвиняемые в своих признаниях называли сообщников, и со временем было обвинено 70 человек, включая графа Босуэлла, обвиненного в государственной измене. Нелепо основываться на сообщениях об этом шотландском суде для доказательства существования организованных сборищ ведьм и оргий на шабаше, как это делают некоторые известные авторы. Допросы обвиняемых проводились в присутствии суеверного короля, стремившегося точно следовать французским демонологам, и, кроме того, признания извлекались под ужасными пытками.

Своим возникновением суды были обязаны любопытству Дэвида Ситона, выборного бейлифа Транента, небольшого городка в 10 милях от Эдинбурга, по поводу подозрительных ночных прогулок его молодой служанки, Джилли Дункан. Джилли быстро приобрела репутацию целительницы «всех тех, кого беспокоили или причиняли муки любого рода недомогания или немощь». Как показалось Ситону, ее искусство было противоестественным и дьявольским; чтобы выявить ее связь с Сатаной, он подверг ее пыткам: резко дергал ее голову веревкой, которой она была обвязана, раздрабливал пальцы тисками и обследовал ее на предмет клейма дьявола, которое, как он предполагал, было на ее горле. После этого она призналась ему в «преднамеренном обольщении и связи с дьяволом».

Вскоре после того, как хозяин передал ее властям, она была вынуждена назвать своих сообщников, тут же «арестованных один за другим». Среди указанных ей «бесчисленных» лиц, живших около Эдинбурга и Лейта, были пожилая и получившая хорошее образование Агнесс Семпсон, д-р Джон Файан, школьный учитель в Солтпенсе, и две женщины, Эвфемия Маклин и Барбара Напьер, «пользовавшиеся репутацией самых добропорядочных горожанок из когда-либо проживавших в городе Эдинбурге».

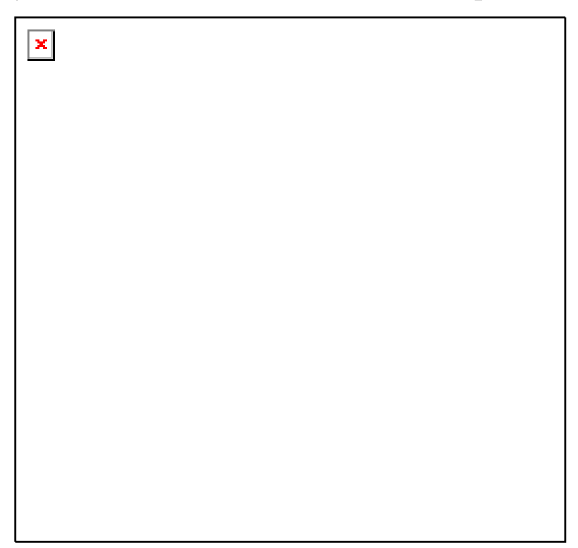
Агнесс Семпсон, превосходящая, «по положению и уровню развития обычный уровень, серьезная и точная в своих ответах», была допрошена самим королем Яковом I в замке Холируд. «Она настойчиво отрицала все, что было выдвинуто в качестве ее обвинения». Поэтому «все ее волосы были обриты, в каждой части тела», она была грубо обы-

скана, и клеймо дьявола обнаружено на наружных половых органах. Она была прикована к стене ее камеры уздечкой ведьмы, железным инструментом с четырьмя острыми зубьями, вставленными ей в рот, так что два зуба сдавливали язык, а два других давили на щеки. Ей не давали спать. Кроме того, вокруг ее головы была обмотана веревка, причинявшая совершенно невыносимую боль. Только после подобных тяжелых испытаний Агнесс Семпсон признала 53 обвинения, выдвинутых против нее, в основном, связанных с лечением болезней с помощью заговоров. Она начала с признания простейших заговоров, белого «Отче наш» («Откройтесь, врата небесные») и черного «Отче наш»:

«В четырех углах дома по четыре ангела. В середину грядут Иисус Христос, Лука, Марк, Матфей, Иоанн. Да будет Господь над этим домом и над нами!»

А на суде ее простая, искренняя вечерняя молитва превратилась в заговор для вызывания дьявола:

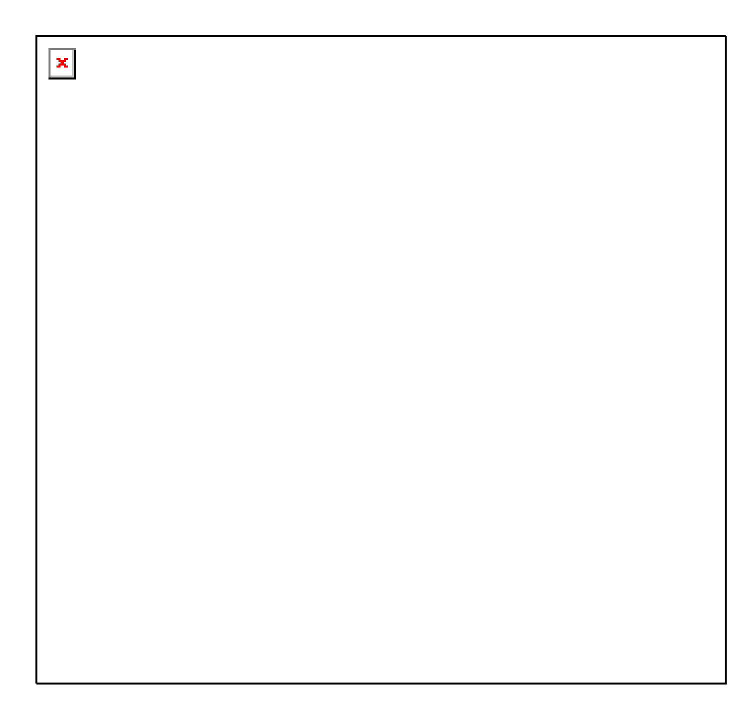
«Матфей, Марк, Лука и Иоанн! Благословите мою кровать!»

Деяния Нортбервикских ведьм. Из оригинального трактата «News from Scotland», уникальная копия которого хранится в библиотеке Ламбетского дворца.

Затем пришел черед предполагаемых историй о волшебных порошках, домашнем духе в виде собаки по имени Элва, жившей в колодце. Наконец, истощенная пытками и допросами, Агнесс рассказала о собрании около 90 женщин (в «Новостях из Шотландии» говорится о 200) и 6 мужчин в день всех святых. Развеселившись от выпитых бутылей вина, они поплыли в «решетах или ситах» в Нортбервик. Здесь они высадились и танцевали в круге с Джилли Дункан, игравшей на еврейской арфе; мужчины поворачивались «шесть раз против солнца [движения часовой стрелки], и женщины шесть раз». Церковь была освещена черными свечами, и дьявол, в образе мужчины лежавший на перилах кафедры, приказал, «чтобы в знак преданности они поцеловали его в зад, причем каждый делал это как будто наслаждаясь». Затем они обсуждали способы причинения вреда королю и вызывания бури, которая могла бы уничтожить его корабль, плывущий в Данию.

Легковерный монарх был так очарован этой историей, что заставил Джилли Дункан сыграть «Gyllatripes» перед ним на арфе «к его большому удовольствию и удивлению». Продолжая допрос Агнесс, король Яков I решил, что все ведьмы «были исключительными лгуньями». Когда Агнесс шепотом пересказала ему слова, которые он говорил своей 15-летней королеве, Анне Датской, во время их свадебной ночи в Осло (Норвегия), Яков признал, «ее слова как самые правдивые и, следовательно, принял на веру все остальное, что было заявлено перед этим». Следует напомнить, что единственным свидетелем подобного выходящего за пределы разумного представления был он сам; фанатика можно было легко убедить, особенно, когда все это выглядело как возможный заговор против его жизни.

Король Яков I допрашивает обвиненных женщин на суде в Нортбервике в 1590. Иллюстрация из «News from Scotland» (1591).

Признания Агнесс Семпсон стали еще более удивительными: она якобы подвесила черную жабу на три дня и собрала ее яд в устричную раковину; она пыталась достать что-нибудь из белья короля, чтобы заколдовать его с помощью яда и заставить короля чувствовать, «как будто он лежит на острых зубьях и концах иголок». Агнесс Семпсон и другие ведьмы изготовили восковое подобие короля и расплавили его. Она получила саван и два сустава от трупа, чтобы сделать магический порошок. Она помогла вызвать самый известный шторм в истории колдовства, окрестив кота, привязав конечности мертвецов к его лапам и закинув его в море. Выдумки бедной Агнесс так утомили ее палачей, что они прекратили пытку, но она была задушена и сожжена как ведьма.

Барбара Напье, золовка лейрда из Каршогхилла была обвинена в сотрудничестве с Агнесс Семпсон и Ричардом Грехемом, якобы известным чародеем. Прежде всего она была обвинена «во множестве предательских заговоров, предпринятых с помощью колдовства, чтобы уничтожить королевскую персону с помощью изображения из воска и чтобы утопить корабль, плывший из Лейта в Кинхорн, когда шесть человек пропали без вести». Заслушав эти обвинения, судья сессии выездных присяжных прекратил дело. Этот поступок привел короля в такую ярость, что он заставил суд собраться снова и распорядился, чтобы Барбара Напье была задушена и сожжена у позорного столба, ее собственность конфискована в его пользу. Те судьи, которые голосовали за ее освобождение, были затем подвергнуты пытке за «сознательно допущенную ошибку на сессии, оправдавшей ведьму», в связи с чем король Яков I произнес свою Толбутскую речь. Миссис Напье молила о пощаде в связи с беременностью, и, спустя некоторое время, «поскольку никто не настаивал на ее преследовании, была освобождена».

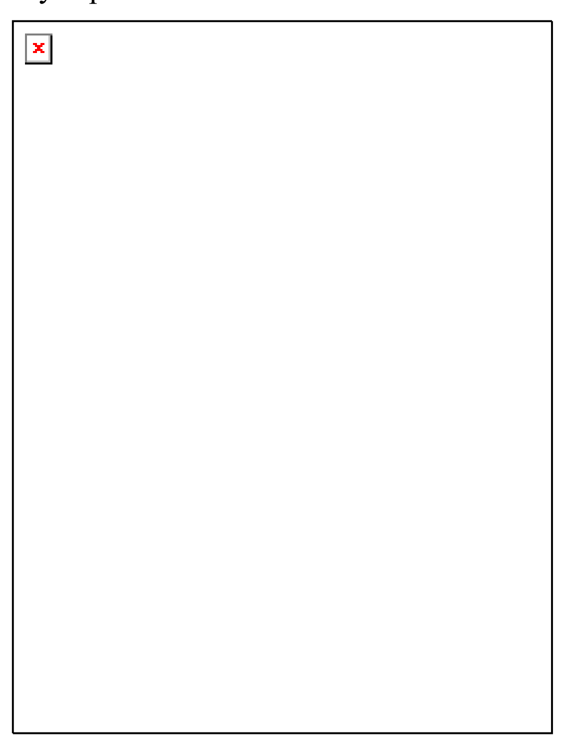
Другой известной обвиняемой была Эвфемия Маклин, дочь лорда Клифтонхолла и жена Патрика Москропа, богатого и влиятельного человека. 6 адвокатов взяли на себя смелость защищать ее. Она отказалась признаться в чем-либо (основными обвинениями были знахарство и околдовывание). Судья размышлял всю ночь, и старшина присяжных был вынужден распустить суд, прежде чем был возвращен обвинительный вердикт. Возможно, потому что Эвфемия была подругой графа Босуэлла и католичкой, король Яков I настоял на том, чтобы она была «заживо сожжена дотла» 25 июля 1591 г. Граф Босуэлл, несмотря на то, что его содержали в Эдинбургском замке, смог убежать без вреда. Позже Ричард Грэхем был обвинен вместе с Барбарой Напье в том, что он якобы помогал Босу-

эллу околдовывать короля. После допросов, проведенных лично Яковом I, Грэхем был сожжен в феврале 1592 г. вместе с другими обвиненными «в колдовстве и чародействе».

НЬЮБЕРСКАЯ ВЕДЬМА. Происшествие во время гражданской войны в 1643 г. дает представление о применении «закона Линча» и очень необычной казни ведьмы через расстрел.

Некто из армии Кромвеля, находившейся под командованием графа Эссекcского, квартировавшего в Ньюберри, увидел женщину, идущую по воде как будто на ходулях. «Приглядевшись, они заметили, что это была толстая доска или кусок древесины, слегка притопленная в воде, на которой она стояла… поворачивая и направляя ее по ветру в ту сторону, в какую она хотела».

Схватив женщину, солдаты посчитали ее ведьмой, «поэтому и решили расстрелять ее». В этом месте начинается полный вымысел, и в опубликованном описании рассказывается, как «издевательски и громко смеясь над ними, она ловила их пули своими руками и жевала». Наконец, один солдат глубоко разрубил ей лоб, ибо это самый верный способ, «защиты от самого сильного чародейства, «и выстрелил из пистолета над ее ухом, от чего она свалилась как бревно и умерла».

«Мы не собираемся судить ее душу, хотя зло ее грешной жизни и смерти заслуживают осуждения». Титульный лист трактата, посвященного ведьме из Ньюберри (1643). ББМ, Лондон.

НЬЮ-ЙОРКСКИЕ ВЕДЬМЫ. На протяжении XVII в. Нью-Йорк оставался свободным от преследований за колдовство, за исключением двух судов, описанных ниже. Во время салемских судов Нью-Йорк стал пристанищем для тех, кто смог убежать из Массачусетской колонии. Среди гостеприимно принятых здесь были Натаниэль Керн с женой, Филипп и Мери Инглиш, имевшие рекомендации к губернатору Бенджамину Флетчеру. Существование маленькой колонии изгнанников, возможно, вдохновило Джозефа Дадли, бывшего вице-губернатора Массачусетса при Андросе, проживавшего здесь после своей отставки в 1689 г., домогаться от голландских пасторов отправки непредвзятого сообщения о показаниях, использовавшихся против ведьм, губернатору Бостона, сэру Уильяму Фипсу.

Основной причиной отсутствия в Нью-Йорке судов над ведьмами было голландское влияние, как предполагал Барр, указывая на целый ряд интеллектуальных лидеров,

противостоявших охотам над ведьмами — Беккера, Вейера и Гревиуса, — и полное отсутствие судов над ведьмами в Голландии после 1610 г. Даже, когда обвинения в колдовстве и выдвигались, в Нью-Йорке они принимались спокойно как судьями, так и магистратом. Так, например, в 1670 г. была представлена требование жителей Вестчестера против Кетрин Гаррисон, богатой вдовы, недавно приехавшей из Вестфилда (Коннектикут), чтобы она вернулась к прежнему месту проживания. «То, что она поселилась среди них, противоречило добропорядочному и тихому облику города, поскольку она находилась под подозрением в колдовстве, что дало местным жителям определенные основания для опасений». Спустя месяц она была вызвана в Нью-Йорк вместе с капитаном Ричардом Пентоном, «в чьем доме она проживала». Тем не менее магистрат постановил:

> «Причины [подобных подозрений] мне не вполне ясны. Вместе с тем, чтобы дать возможно большее удовлетворение просителям, претендующим на то, что их жалоба выражает отношение общества, и не будучи уверен, что могу решить дело в настоящий момент, я откладываю его до следующей выездной сессии присяжных».

К октябрю 1670 г. Кетрин Гаррисон была оправдана.

По делу Кетрин Гаррисон, вдовы, которая, согласно жалобе некоторых жителей Вестчестера, перешла границы добропорядочного поведения, полномочиями данного суда решено: поскольку против нее не было предъявлено ничего, что заслуживало бы продления данного обязательства, она освобождается от него и получает свободу оставаться в городе Вестчестере, где она теперь проживает, или где-либо еще в провинции [Нью-Йорк] в свое удовольствие.

Приводим отчет, присланный в 1665 г. с Лонг-Айленда, заселенного новоангличанами (из графства Суффолк), но с 1664 г. административно подчинявшегося Нью-Йорку. Во-первых, он заслуживает внимания потому, что является типичным образцом американского обвинения XVIII в. за колдовство (по типу напечатанных Вестом в «Simboleography» в 1594 г. [см. Обвинительный акт]. Во-вторых, он затрагивает только чародейство или maleficia, и не содержит никаких упоминаний о договорах с дьяволом или собраниях ведьм. Действительно, закон штата Нью-Йорк признавал колдовство не само по себе, как попытку, а лишь тогда, когда оно приводило к убийству, которое подлежало наказанию. В-третьих, потому что суд нашел обвинение недостаточным, и судья просто обязал подзащитных вести себя добропорядочно. В Англии или Новой Англии подобные обвинения, без сомнения, удостаивались осуждения и казни.

> В 1665 г., октября 2 дня, на выездной сессии суда в Нью-Йорке. Суд над Ральфом Халлом и его женой Мери по подозрению в колдовстве. Имена членов Большой коллегии: Томас Бейкер из Истхемптона, председатель, капитан Джон Саймондс из Хемпстеда, м-р Халлет, Энтони Уотерс из Ямайки, Томас Уэнделл из Маспетта, м-р Николс из Стемфорда, Бальтазар де Хаарт, Джон Гарленд, Джекоб Лейстер, Антонио де Милль Александр Манро, Томас Сирл из Нью-Йорка.

Энтони Эллерд, нью-йоркский шериф, доставил заключенных в зал заседаний, где было зачитано нижеследующее обвинительное заключение, сначала против Ральфа Халла, а затем и против Мери, его жены:

> «Констебль и надзиратели города Сиэтлкотта (ныне Брукхейвен) в восточном конце Йоркшира (графство Саффолк), около Лонг-Айленда, именем нашего короля доносят о том, что вышеупомянутый Ральф Халл с декабря 25 дня все двенадцать месяцев 15 года царствования Карла II, Божией милостью короля Англии, Шотландии, Франции и Ирландии [1663 г.] во многие дни и по многу раз в день учинял (как подозревают) в вышеупомянутом городе Сиэтлкотте зловредные и преступные деяния над личностью Джорджа Вуда, от которых зловредных и преступных действий упомянутый Джордж Вуд страдал самым опасным и смертельным образом, и недолго спустя после

указанных вышеназванных зловредных и преступных действий упомянутый Джордж Вуд умер».

По второму обвинению Ральфу Халлу вменялось

«совершение зловредных и преступных действий над младенцем Энн Роджерс, вдовы упомянутого покойного Джорджа Вуда. Благодаря упомянутым зловредным и преступным действиям вышеназванный ребенок (согласно подозрению) самым опасным и смертельным образом заболел и зачах и через недолгое время умер. Вышеупомянутый губернатор и надзиратели заявляют, что названный выше Джордж Вуд и упомянутый ребенок в названном месте и в названное время в царствование нашего господина короля Карла II были злобно и умышленно убиты (также согласно подозрению) вышеназванным Ральфом Халлом в нарушение законов и установлений правительства».

Подобное обвинение было зачитано и против Мери, жены Ральфа Халла. Хотя было зачитано обвинение заключенным по нескольким пунктам, ни один свидетель не явился, чтобы дать показания в суде. Тогда служащий суда вызвал Ральфа Халла, велел ему поднять руку и зачитал следующее:

«Ральф Кларк, ты стоишь здесь обвиненный в том, что ты, не испытывая страха Божьего, совершил на Рождество 25 декабря 1663 г. и совершал еще много раз (как подозревают) зловредные и отвратительные действия, именуемые обычно колдовством и чародейством, зловредно и преступно упражнялся над телами Джорджа Вуда и младенца Энн Роджерс и посредством указанных действий (как подозревают) Джордж Вуд и младенец были доведены до болезни и до смерти. Ральф Халл, что ты скажешь о себе: виновен ты или нет?»

Мери, жена Ральфа Халла, тоже была допрошена подобным образом. Они заявили суду о своей невиновности и о том, что отдают себя на суд Божий и человеческий. Затем их дело было передано коллегии присяжных, которая вынесла следующий вердикт:

«Серьезно обсудив представленное в настоящем заседании дело по обвинению заключенных и тщательно взвесив доказательства, мы находим, что имеются основания подозревать женщину в том, что ей вменяется в вину, но не имеется ничего, за что она заслуживала бы лишения жизни. В отношении же мужчины мы не находим достаточных оснований для обвинения».

Вследствие этого суд вынес такой приговор: мужчина должен поклясться своей жизнью и имуществом, что его жена будет появляться на каждой сессии суда, пока они будут жить в данной провинции. В это время они должны вести себя добропорядочно. Итак, они были возвращены под опеку шерифа и, дав обязательство, занесенное в протокол в соответствии с решением суда, были освобождены.

21 августа 1668 г. в Форт-Джеймсе было подписано постановление, освобождающее Халлов, жителей Грейт-Минифорд Айленда [Сити-Айленд, Нью-Йорк], «от обязательной явки в суд и других обязательств, поскольку не было прямых доказательств для их дальнейшего преследования».

НЬЮТОН, ФЛОРЕНС. Впервые о суде над Н., «ведьмой из Йолла», на выездной сессии присяжных в Корке (Ирландия) в сентябре 1661 г. сообщил Джозеф Гланвиль на основании записей председательствующего судьи, сэра Уильяма Эштона. По сути, это удивительный отчет очевидца о действительно имевшем место суде над ведьмой в Ирландии в середине XVII в. Неважно, насколько нелепыми были показания и как нелогичны основания для суда, он представляет собой полную противоположность немецким судам: суд был публичным, на нем присутствовали и дали присягу свидетели (включая майора и

священника), не использовалась пытка для получения признания, была предпринята попытка соблюсти общий порядок судопроизводства.

Против Н. было выдвинуто 2 обвинения: околдовывание в виде насылания припадков на молодую служанку Мери Лонгдон, и доведение до смерти Дэвида Джонса. Когда Мери отказалась дать Н. немного соленого мяса на Рождество, та ушла с проклятьями и пожеланиями зла [damnum minatum]. Через неделю, когда Мери несла вещи для стирки, «ведьма из Йолла» заговорила с ней, сбросила ее корзину и «насильно поцеловала ее». Вскоре после поцелуя Мери начали одолевать видения: около ее кровати появилась женщина в вуали, которую «маленький старичок в шелковых одеждах» представил как матушку Н. Мери отказалась подчиниться призраку старика, после чего стала демонстрировать обычные признаки одержимости демонами или истерии: сверхъестественную силу, потерю памяти, срыгивание «иголок, булавок, подковных гвоздей, шерсти и соломы». В добавление ко всему — что явилось необычным — шел похожий на полтергейст дождь из камней, «переходивший за ней с места на место». Скептики могли сожалеть о том, что никто «не мог никогда поймать их, за исключением нескольких, которые она и ее хозяин поймали в свои руки. Среди них один имел отверстие, она привязала его (как ей посоветовали) кожаным шнурком к своему кошельку, но он тотчас пропал, хотя шнурок остался завязан крепким узлом». Пока продолжались эти беспорядки, Мери Лонгдон утверждала, что видит, как Н. мучает ее и вонзает в нее булавки. Когда на ведьму надели наручники, у Мери прекратились припадки.

После предварительного слушанья перед мэром, 24 марта 1661 г., матушка Н. была заключена в тюрьму. Несколько любителей поиска ведьм применили свое мастерство для доказательства ее виновности. Один из них ткнул шилом в руку матушки Н., «но не смог проткнуть кожу, хотя шило так согнулось, что никто не смог выпрямить его. Тогда мистер Блэкуолл взял ланцет и надрезал ей одну руку на полтора дюйма длиной и на четверть дюйма глубиной, но рана совсем не кровоточила. Тогда он надрезал другую руку, после чего из них полилась кровь».

Гланвиль не сообщает заключение суда, но, без сомнения, Н. была казнена.

О

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ. Ниже приводятся основные типы формальных обвинений, предъявлявшиеся обвиненным в колдовстве в Англии и Америке. О. а. отличается от делавшегося под присягой заявления присяжных об известных им фактических обстоятельствах дела, которое, в соответствии с «Eirenarcha» Уильяма Лембарда (1614) было «личным заявлением присяжных заседателей… без любой другой информации». О. а., таким образом, был «вердиктом присяжных заседателей, основанным на обвинениях третьих лиц и заверяющим истинность обвинений» Уильям Вест в «Simboleography» добавляет, что О. а. «составляется, чтобы предоставить его обвиняемым для ответа на него». В Шотландии О. а. назывался dittay. В Англии заявления обычно писались по-английски, а обвинения (за исключением периода с 1651 по 1659 гг.) — по-латыни, лишь после 1731 г. стал использоваться английский язык.

Поскольку многие местные суды редко рассматривали некоторые виды преступлений, и судебные чиновники могли сомневаться в правильности латинских оборотов и выражений, Уильям Вест воспроизводит несколько сотен типичных О. а. Оставалось только заполнить имена и даты, скопировать латинский текст, и суд мог получить соответствующий законодательный документ. Колдовство является лишь одним из множества видов преступлений, выделяемых Вестом, таких как «ловля фазанов и куропаток в силки и другие приспособления в чужих владениях без лицензии», «непосещение церкви в течение шести месяцев», «насильственное вторжение» и «убийство». Общественная жизнь елизаветинской Англии предстает в несколько неожиданном свете, когда мы встречаем у Веста среди наиболее типичных образцов, например, такие:

> Расследование убийства в присутствии коронера около трупа убитой своим сожителем с помощью удара топора по голове выявило, что убитая была беременна.
>
> За публичное объявление о том, что королева имела двух или трех детей от лорда R.D.
>
> Мужеложство, совершенное священником, по происхождению итальянцем, рожденным в городе Риме, с мальчиком пятнадцати лет.
>
> Против такого-то, вломившегося в дом, и совершившего убийство дубиной в постели, с одобрения и согласия жены убитого.

Образцы латинских О. а., приведенные Вестом, соответствуют тем, которые использовались, например, на суде над ланкаширскими ведьмами. Достаточно любопытно, что в обвинениях Ральфа Халла и его жены в 1665 г. в Нью-Йорке и Марты Кори в Салеме в 1692 г. дословно цитируется труд Веста.

Образец О. а. №1 (перев. с латин.):

> Околдовывание лошади, отчего она начинает чахнуть и ей становится хуже.
>
> Именем Ее величества королевы установлено, что NN из города N в графстве N, вдова в X день X месяца X года царствования Елизаветы, нашей королевы и прочая, некие злонамеренные действия, называемые по-английски чарами и окол-довыванием в выше названном городе выше упомянутого графства, злобно и дьявольски над и против некой лошади, белого цвета, оцениваемой в четыре фунта товаров и движимого имущества, некоего М.М. из упомянутого городе N, упомянутого графства N, применяла, практиковала и использовала. Посредством чего упомянутая лошадь упомянутого М.М. в упомянутый день X. в упомянутом городе N. стала болеть и чахнуть вопреки установленным нашей королевой законам.

Образец О. а. №2 (перев. с латин.):

За убийство человека с помощью колдовства, предусмотренное законом от 5 года царствования королевы.

Присяжные заседатели, представляющие Ее величество королеву, настоящим установили, что N.N. из города N. в графстве N., вдова, в X день X месяца, в X год правления Елизаветы, милостью Божьей королевы Англии и прочая, с упомянутого дня совершала отвратительные действия, называемые в Англии колдовством и чародейством, злонамеренно и обманным образом применяемые и используемые в городе N. графства N., посредством которых упомянутый M.M. с X. дня X. месяца X. года, наиболее опасно и смертельно заболел и зачах, и в X. день X. месяца вышеупомянутого года, этот M.M. от выше названных действий умер в упомянутом графстве N. Итак, выше названные присяжные заседатели настоящим устанавливают, что оный N.N. из вышеназванного города, с помощью средств и способов установленных выше, злонамеренно и преступно довел до смерти и умертвил оного M.M. в городе N. вопреки воле вышеназванной королевы и законам вышеназванного парламента, собравшегося в городе Вестминстере графства Мидлсекс на пятый год ее правления, предусматривающим подобные дела.

После суда О.а. сопровождался вердиктом либо подтверждающим обвинительное заключение («billa vera»), либо «ignoramus», т.е. опровергающим, игнорирующим его. Обвиняемый обычно умолял признать его невиновным — Po[nit] se[super] patriam de bono et malo. Вердикт выносился (non) cul [pabilis] [(без) порицания] со стандартным замечанием: ca [talla nulla] [не имеется имущества для конфискации]. Присуждение казни указывалось посредством Jud[iciu]m [secundum formam statuti].

Следующий документ, направленный против Марты Кори (1692 г.), характерен для более поздних американских обвинений и отражает английский образец, все еще использовавшийся спустя почти столетие после Уложения 1604 г.

Обвинительный акт против Марты Кори из Салема, 1692:

Провинция Массачусетский Залив в Новой Англии. Anno Reels et Reginae Willm. et Maria, nunc Anglicec. Anno quarto. Essex SS.

Присяжные заседатели именем царствующих короля и королевы установили, что Марта Кори, венчанная жена Жиля Кори из Салема, 21 дня месяца марта четвертого года царствования наших суверенных правителей Уильяма и Марии, милостью Божией короля и королевы Англии, Шотландии, Франции и Ирландии, защитников истинной веры и прочая, равно как и в разнообразные другие дни и время, как раньше, так и позже, совершала определенные отвратительные действия, называемые колдовством и чародейством, злобно и мошеннически использовала, практиковала и осуществляла в вышеназванном городе Салеме графства Эссекс над и против некой Элизабет Хаббард, незамужней; и от вышеназванных гнусных действий указанная Элизабет Хаббард на 21 день марта вышеупомянутого года и в различные другие дни и времена в равной степени как до, так и после подвергалась и подвергается истязаниям, недугам, коликам, истощению и мучениям, также благодаря различным другим колдовским действиям Марты Кори, задуманным и совершенным до и после этого времени, вопреки установлениям господ наших царствующих короля и королевы и против законов, предусматривающих такие дела. Свидетели: Элизабет Хаббард, Мерси Льюис, Анна Патнем, Эдвард Патнем, Иезекииль Чивер.

ОБМАНЩИК ИЗ ПЕНДЛА. Первая крупная охота на ведьм на севере Англии закончилась массовой казнью 9 ланкаширских ведьм в 1612 г. Вторая по величине охота состоялась в 1633 г. в Хорстоне (также в Пендлском округе графства Ланкашир), где было около 30 арестованных, 17 из которых (на ком были обнаружены клейма дьявола) были обвинены в колдовстве. Некая девушка, 20-летняя Мери Спенсер, была осуждена за то, что по пути к колодцу за водой часто пускала свое ведро катиться с горы перед собой и бежала впереди, в шутку крича ведру, чтобы оно следовало за ней.

Главным свидетелем обвинения был парень по имени Эдмунд Робинсон, показавший, что, когда он побил двух гончих за то, что они не хотели гнать зайца, они обратились в женщину и мальчика. Поскольку он отказался принять взятку, чтобы сохранить молчание, женщина повезла Эдмунда на мальчике, превратившемся в белую лошадь, на шабаш. Здесь он увидел примерно 60 человек. Все они вошли в амбар. То, что он увидел там, воспринимается как эротические ночные видения мальчика на пороге половой зрелости. Эдмунд присягнул, что

> «он увидел шестерых [ведьм], которые, наклонившись, дергали шесть отдельных веревок, прикрепленных или привязанных в верхней части амбара. Вскоре после дергания перед взором доносчика появились свежепахнущее масло в брусках и молоко, как будто слетавшие с упомянутых веревок. Все это падало в лохани, которые были размещены под упомянутыми веревками… И все это время, дергая за веревки, они корчили такие безобразные рожи, как будто хотели напугать доносчика, так что он был рад выбежать и убраться восвояси».

Данные Эдмундом показания под присягой были подтверждены его отцом. Не зная имен всех людей, которых он видел на шабаше, Эдмунд был уполномочен ходить по окрестностям, посещать рыночные места и церкви и выискивать ведьм по их внешности. За каждую опознанную ведьму он получал плату. Викарий Килдвика, преподобный Джон Вебстер, описывает, как юный Робинсон вошел в его церковь во время проповеди. Робинсон

> «был поставлен на хорах (поскольку ему было не более десяти или одиннадцати лет) и стал оглядываться вокруг себя, что на некоторое время вызвало небольшое беспокойство среди прихожан. И после молитвы я спросил, в чем тут было дело, и люди сказали мне, что это был мальчик, который обнаруживает ведьм. Из-за этого я отправился в дом, где он должен был оставаться на ночь, где и нашел его и двух очень неприятных личностей, которые должны были направлять его и все организовывать. Я захотел немного поговорить с мальчиком наедине, но в этом они полностью отказали. Тогда в присутствии большого количества людей я подвел мальчика поближе ко мне и сказал: „Добрый мальчик, скажи мне честно и серьезно, в самом ли деле ты видел и слышал все эти необычные вещи на сборище ведьм, о которых ты, как говорят, рассказывал? И не подучил ли тебя кто-либо рассказывать все это о себе самом?“ Но те двое, не давая мальчику ответить, оттащили его от меня и сказали, что он был допрошен двумя компетентными мировыми судьями, и они никогда не задавали ему подобных вопросов. На что я ответил: „Значит, обвиненные не были виновны“».

Ирония судьбы заключалась в том, что одной из тех, на кого указал Робинсон, была Дженет Девис, которая 22 года назад давала ключевые показания как главный ребенок-обвинитель на первых ланкаширских судах над ведьмами.

Сомневаясь в правильности обвинительного вердикта, местные судьи переправили дела наверх, в Королевский совет для дальнейшего решения. Сперва обвиняемые и обвинители были допрошены преп. Джоном Бриджманом, епископом Честерским (Ланкашир входил в его епархию). Епископ пришел к выводу, что в основе большинства обвинений — клевета и мстительность. Четверо обвиняемых (включая Мери Спенсер), мистер Робинсон и Эдмунд были затем отправлены в Лондон, где королевский врач, скептически настроенный д-р Гарвеи, и сам король Карл I тщетно искали необходимые клейма дьявола. Когда Эдмунда подвергли допросу, он сознался, наподобие своих предшественников [см. Лестерский мальчик; Бартонский мальчик; Даррелл, Джон (Ноттингемский мальчик); Билсонский мальчик], что его истории о ведьмах были подсказаны его отцом и полностью сфабрикованы «ради зависти, мести и в надежде обогащения». Во время предполагаемого шабаша он на самом деле собирал сливы. Обвинения были разоблачены как фальшивые,

все осужденные были, к счастью, освобождены. Что произошло с Эдмундом Робинсоном дальше — неизвестно.

ОДЕРЖИМОСТЬ. В многочисленных статьях настоящей «Энциклопедии» описываются различные случаи демонической О. — ряда монахинь во Франции, детей в Англии или Америке, а также вызванные ими преследования священников или старых женщин как колдунов и ведьм.

О. терминологически отличается от наваждения. Считалось, что при наваждении дьявол, «осаждал» тело пораженного снаружи [ср. лат. obsedere (сидеть на)]. При одержимости дьявол досаждал ему изнутри. Однако, и то, и другое рассматривалось как такое состояние рассудка, при котором жертва не несла ответственность за то, что она говорила или делала. Епископ Монтегю, одним из первых после Шекспира использовавший эти понятия в 1642 г., различал две способности Сатаны: «заставлять жертву действовать» и «вселяться в нее».

Поскольку считалось, что добродетель личности является защитой от одержимости, ранние святые страдали только от наваждений. Теологи замечали, что нападки становились сильнее, когда жертвы были бледными, одинокими или подавленными, и, действительно, христианская демонология в основном была разработана жившими в египетских пустынях отшельниками с этими характерными признаками. В Житии св. Илария (ок. 390 г. н.э.) рассказывается, что «его искушения были многочисленными, днем и ночью демоны чередовали свои ловушки… Очень часто, когда он лежал, голые женщины появлялись перед ним». И св. Афанасий описывает, как дьявол искушал св. Антония «по ночам принимая форму женщины и подражая женским ужимкам, чтобы обольстить его».

В западнохристианской традиции теория О. основывается на Новом Завете, где, например, Христос излечивает мужчину, «одержимого бесами» (Марк 5; Матфей 8; Лука 8), который «с давнего времени и в одежду не одевавшийся и живший не в доме, а в гробах», «его связывали цепями и узами, чтобы сберечь. Но он разрывал узы и был гоним бесами в пустыню». Описания одержимых и бесноватых [«порабощенных дьяволом»] множились в сочинениях ранних отцов церкви; так, Кирилл Иерусалимский (IV в. н.э.) описывает, как дьявол

> «тиранически использовал чужое тело и другие приспособления как свои собственные, он бросался сверху на тех, кто стоял прямо, искажая их речь и разрывая уста. Пена шла вместо слов, человек погружался во тьму: его глаза были открыты, но его душа не была видна в них, и несчастный бился в конвульсиях перед смертью» (Катехизис).

В «Житии св. Галлы» (VII в.) рассказывается, как молодая девушка каталась по земле и, «жестоко терзая свое тело, начала испускать громкие и ужасные крики, сопровождающиеся самыми бранными словами».

Непреднамеренная О. (в противоположность искусственно вызванным состояниям транса шаманов и современных спиритистских медиумов) напоминала эпилепсию или истерию следующими типичными проявлениями:

> 1. Сведение мышц и искривление лица и тела, которые не могут быть представлены иначе, как в ненормальном положении.
>
> 2. Срыгивание инородных предметов (аллотриофагия) типичная для душевнобольных и истеричных людей, часто с целью совершить самоубийство.
>
> 3. Изменение голоса (на глубокий и грубый). В Англии подобное чревовещание было распространено повсеместно, и Эйди наблюдал, как «с помощью такой уловки [молодые люди] уверяли, что они одержимы дьяволом, разговаривающим внутри них».

Мор в «Antidote Against Atheism» (1653) заявляет, что все эти симптомы и признаки являются доказательством того, что «дьявол попал в тело человека, используя его органы

ради собственного удовольствия, ибо выполнение подобных курбетов и прыжков далеко превышает возможности, силу и подвижность членов околдованных или одержимых людей». Роберт Бартон в «Anatomy of Melancholy» (1621) полемизировал по поводу того, действовал ли дьявол прямо на сознание или косвенно, с помощью состояния тела, которое влияло на рассудок». Некоторое демонологи, отмечая клинический факт, что истерические эпилептики дурно пахнут, склонялись к последней точке зрения. Боден думал, что вонь исходит от дьявола, захватившего тело, а сэр Метью Хейл полагал, что она исходит из «симпатической связи между телом и душой».

Если дьявол мог (с соизволения Господа) вызывать О. по своей собственной воле, то демонологи обычно наделяли ведьму возможностью вызывания О. Любые необычные припадки у ребенка тотчас порождали крики «Держи!» «Лови!» по адресу какого-нибудь несчастного соседа, якобы наславшего своих домашних демонов, чтобы докучать ребенку [см. Царапанье]. Ведьма могла мучить свою жертву через еду, и Анри Боге обнаружил, что яблоки, в которые прятался дьявол, чтобы незаметно проникнуть в тело, были самыми отборными. «При этом Сатана снова и снова применяет — средства, с помощью которых он соблазнил Адама и Еву в раю. В 1585 г., — продолжал Боге, — испуганные прохожие бросили в реку в Аннеси (Савойя) яблоко, которое издавало «громкий и жуткий шум. …Нет никакого сомнения, что это яблоко было наполнено дьяволами, и ведьма потерпела неудачу в попытке предложить его кому-либо».

В Европе О. особенно процветала в монастырях. Одна истеричная монахиня быстро заразила целую толпу, и с помощью прямого побуждения или самовнушения весь монастырь был охвачен дьяволами и только позже утихомирен экзорцизмами.

Гваццо замечает, что среди женщин О. «особенно подвергаются те, кто связан обетом девственности, и просто удивительно, какими желаниями дьявол окружает их, чтобы заставить отказаться от целомудрия». В 1585 г. Боден считал, что О. демонами была обычна для Италии и Испании, однако в начале XVII в. она была наиболее распространена во Франции.

ОСНОВНЫЕ ГРУППОВЫЕ ЭПИДЕМИИ

1491, Камбре. Редкое происшествие для столь раннего времени. Монахини проявляли сверхчеловеческую силу, лаяли, как собаки, и предсказывали будущее. Инициатор вспышки Жанна Пуатье, истеричная нимфоманка, была со временем изобличена в колдовстве; после ее устранения, монастырь снова вернулся к нормальной жизни (де Ланкр, дель Рио).

1526, Лион. Типичная О.демонами, монахини подвергнуты экзорцизму.

1550, Верте, графство Хорн в Брабанте. Монахини одолжили бедной женщине три фунта соли, а получили обратно шесть фунтов. Тотчас монахини вскарабкались на деревья, как кошки, невидимая сила схватила их, побила и подняла на несколько футов в воздух, не причинив вреда. Достойная женщина из города была подвергнута пытке до признания в том, что она околдовала монастырь (Вейер).

1552, Кенторп, около Страсбурга. Монахини благородного происхождения освободились от О., когда Элизабет Кама, повар, была изобличена как ведьма и дочь ведьмы. Вейер обследовал обвиняемую в Клеве (Вейер, Боден).

1554. Рим. Восемьдесят две одержимых женщины, крещеные еврейки, обвинили своих родственников в насылании дьяволов на них с целью отмщения за их вероотступничество. Папа Павел VI хотел изгнать всех евреев, но его отговорили (Боден).

1555. Рим. Восемьдесят пораженных детей в приюте для сирот.

1560, Ксанте (Испания). Монахини блеяли, как овцы, разрывали свои простыни, впадали в конвульсии в церкви, их поведение напоминало монахинь из Вертета (Вейер).

1565, Кельн. Монахини из Назаретского монастыря имели любовников, но утверждали, что дьяволы отводили им глаза, принимая облик собак, чтобы бесстыдно совратить

их. Доктор Генри Вейер, сын известного скептика, посетил монахинь (Вейер, Боге, Михаэлис). [Сексуальные сношения с дьяволом].

1566, Амстердам. Тридцать мальчиков в приюте были одержимы. При экзорцизме их рвало «иголками… кусками ткани, пищи, волос, стекла» (Вейер, Михаэлис, Мор).

1577, Одергейм-на-Рейне. Монахиням докучали похотливые дьяволы, которые в облике собак ласкались к сестрам под аккомпанемент тихой ночной музыки (Вейер).

1585, Монс. Сестра Жанна Фери была подвергнута экзорцизму архиепископом Камбре [см. Фери, Жанна].

1590, Милан. Тридцать одержимых монахинь. Здесь, как и в большинстве подобных отчетов, отмечалось быстрое распространение массовой истерии.

1611, Экс-ан-Прованс. Сестры Мадлен Демандоль де ла Палу и Луиза Капо обвинили в околдовывании монахинь отца Луи Гофриди. Он был подвергнут пытке и сожжен, две монахини высланы [см. Экс-ан-Прованские монахини].

1613, Лилль. Вспышка эпидемии, распространившейся из монастыря бригиттинок в Эксе. Три монахини обвинили четвертую, Мари де Сенс, в околдовывании, говорили на иностранном языке, страдали от пароксизмов, «посещали» непристойные оргии. Известный экзорцист, отец Франсиск Домптиус, посетил их. Сестра Мари да Сенс имитировала признание сестры Мадлен из Экса, описывая подробности шабаша. По понедельникам и четвергам ведьмы якобы вступали в сношения обычным путем. По вторникам они занимались содомией. В этот день все мужчины и женщины совершали свальный грех, вопреки предопределенному природой. Они оскверняли себя многими странными и противоестественными способами, женщины с женщинами и мужчины с мужчинами. Суббота предназначалась для скотоложства. «в этот день они должны были сходиться с разными животными: собаками, кошками, свиньями, козлами и летающими змеями». По средам и пятницам ведьмы пели литании дьяволу (Михаэлис).

1628, Мадрид. Здесь испанская инквизиция распределила пораженных монахинь в другие монастыри (Хуан Антонио Льоренте).

1634, Луден. Самый известный из всех случаев О. Мать-настоятельница демонстрировала классические симптомы О. Отец Урбен Грандье, противник кардинала Ришелье, был обвинен в околдовывании монахинь и сожжен. Истерия продолжалась после его казни и распространилась на другие монастыри [см. Луденские монахини].

1640, Шинон. Отец Боре, известный по Лудену, продолжал экзорцизмы в Шиноне, но был заподозрен архиепископом лионским: девушки «верили, что они действительно одержимы, только на основании твоих слов, так что причиной их недуга является доверие, которое они имеют к твоему мнению». Отец Боре наконец был изгнан за потворство мадмуазель Белокин, обвинившей священника в изнасиловании ее на алтаре, в то время как пятна на алтарных покровах оказались просто кровью цыпленка.

1642, Лувьер. Восемнадцать монахинь «одержимы» по подсказке Мадлен Бавен. Отец Буле обвинен и позже (в 1647) сожжен живым [см. Лувьерские монахини].

1656, Падерборн. Массовая истерия, поразившая целую епархию. Одержимые, говорившие на многих языках, обвиняли преимущественно капуцинских монахов, которые и была заподозрены. Служанку бургомистра арестовали и нашли принадлежащие ей предметы, якобы использовавшиеся при чародействе (жабу, волосы, иголки).

1662, Оксонн. Три епископа и пять врачей решили, что монастырь одержим. Сестра Дениза не чувствовала никакой боли от иголок, воткнутых ей под ногти (возможно, пример анестезии, свойственной истеричкам). Разгневанная толпа линчевала женщин, обвиненных в околдовывании монахинь [см. Оксоннские монахини].

1669, Мора. Эпидемия, затронувшая множество детей, пораженных галлюцинациями по поводу шабаша [см. Моровские ведьмы].

1670, Хоорн. Дети-сироты моложе 12 лет, одержимые.

1681, Тулуза. Мари Клозетт и пять других одержимых монахинь подвергнуты экзорцизму. Парламент расследовал и обнаружил, что девушки — обманщицы; но монахини

обвинили правительственных адвокатов в отклонениях от католичества, свободомыслии и атеизме.

1682, Салем. Единственная массовая эпидемия О. в Америке [см. Салемские суды].

1687, Лион. Массовая истерия примерно пятидесяти монахинь.

1744, Ланды. Отец Эртен, мечтавший сотворить чудо, провел экзорцизм молодых девушек, которые считали себя одержимыми.

1749, Унтерцелль (Нижняя Франкония). О. монахинь в течение нескольких лет с конвульсиями, опуханием и бредом. Помощница настоятельницы Мария Рената сожжена за колдовство [см. Рената, сестра Мария].

ТИПИЧНЫЕ СЛУЧАИ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ОДЕРЖИМОСТИ

1566. 27 августа король Франции Карл IX наблюдал за экзорцизмом монахов Вервена, проводимом над мадам Николь Отри в Лаоне, когда она была публично высечена, чтобы «достигнуть, с Божьей помощью, изгнания дьяволов из ее тела».

1583, Вена. 16-летняя девушка страдала от судорог и считалась одержимой. После шести недель экзорцизма иезуиты изгнали 12 652 живых демонов, которых ее бабушка содержала в виде мух в стеклянной банке. 70-летняя бабушка была подвергнута пытке до признания сексуальных сношений с дьяволом в образе клубка ниток. Ее протащили за хвостом лошади к месту казни и сожгли заживо. Иезуиты прославляли приговор и принуждали судей усилить охоту за ведьмами.

1586. Генрих III, будущий король Франции, сын Екатерины Медичи, под влиянием предрассудков послал трех врачей обследовать девушку, якобы одержимую дьяволом. По словам ее матери, во время менструации у девушки были «des fleurs blanches» (белые цветы). Однако доктора исследовали выделения и нашли инфекционную гонорею [chaudepisse], а повивальные бабки обнаружили, что девушка не была девственницей. За два года перед этим она симулировала О., и священник, чтобы одурачить ее, прочитал полатыни отрывок из Цицерона. Она же, полагая, что это слова из Библии, забилась в припадке. Девушку приговорили к публичной порке в Амьене.

1598, Париж. Марта Бросье заявила, что одержима. Капуцинские монахи решили, что ее одержимость была настоящей, но врачи не согласились с этим, и епископ Мирон Анжерский, используя как образец Вергилия, также решил, что она мошенничает. Монахини направили дело на папский суд, но, когда иезуиты встретились с врачами, они прекратили его, а девушка и ее отец были оставлены в Риме на произвол судьбы.

1691. Мари Воле из Бурга вела себя как одержимая, доктор Родес и лионский каноник Д'Эстанж не нашли никакого демона и посоветовали ей выздороветь.

1816. Последний пример жульничества под Амьеном, когда девушка пыталась отвлечь внимание от своей беременности, заявлением, что она одержима. Она назвала трех дьяволов, досаждавших ей: «Мими, Зозо и Крапуле». Иезуитский священник попробовал провести экзорцизм. Мими оставался спокойным, Зозо разбил окно в церкви перед тем, как улететь прочь, Крапуле однако, остался и занял позицию в наружных половых органах девушки. На этом месте иезуиту было запрещено продолжать экзорцизм под угрозой ареста.

Подобные душевнобольные, естественно, привлекали внимание теологов, которые пытались классифицировать их симптомы. В одном трактате (Руан, 1644), вызванном Лувьерским делом, предлагается одиннадцать показателей настоящей О.:

1. Полагать себя одержимым.
2. Вести порочный образ жизни.
3. Жить вне законов общества (не подчиняться правилам общества).
4. Быть постоянно больным, впадать в тяжелый сон и срыгивать необычные объекты: жаб, змей, червяков, железо, камни и т.п. или искусственные предметы: гвозди, бу-

лавки и т.п., которые, впрочем, могут быть иллюзией, вызываемой ведьмами, а не проявлением одержимости, вызываемой дьяволом.

5. Богохульствовать.
6. Вступать в договор с дьяволом.
7. Испытывать беспокойство от духов («абсолютная и внутренняя О. и проживание в теле»).
8. Пугающее и ужасающее выражение лица.
9. Нежелание жить.
10. Впадение в неконтролируемое и яростное состояние.
11. Произведение звуков и движений подобно животным.

Кроме того, следующие проявления должны настораживать священников как очевидные признаки демонической одержимости, несущие тайную и скрытую информацию: говорение или понимание иностранных языков, проявление сверхнормальной силы и невозможных телесных движений и реакция на священные предметы.

Другой трактат, также посвященный беспорядкам в Лувьере, составленный Пьером де Борроже, дает разнообразный перечень явных признаков, представляющих О. в более общем плане:

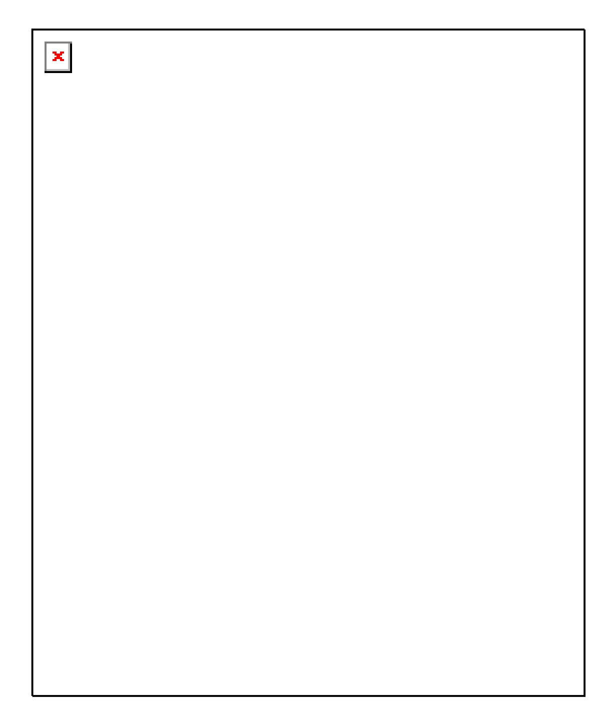
1. Незнание того, что был припадок после того, как он закончился.
2. Постоянные неприличности и богохульства.
3. Обстоятельные описания шабаша.
4. Боязнь священных реликвий и причастия.
5. Яростные ругательства при любой молитве.
6. Похотливое поведение и проявления сверхнормальной силы.
7. Аналогичные проявления у других одержимых.

Наиболее удачное обобщение признаков О. дано Гваццо в «Compendium Maleficarum» (1608, 1626):

> «Следующее является обычной практикой, чтобы определить, действительно ли больной человек одержим [energumenus] демоном. [Священники] тайно прикладывают к больному человеку писание со священными словами Господа или реликвиями святых или освященной фигуркой.… или некоторыми другими священными вещами. Священник помещает свою руку и свою епитрахиль на голову одержимого и произносит священные слова. После этого больной человек начинает трястись от испуга и от причиняемой ему боли делает множество странных вещей. Если демоны живут в его голове, он испытывает пронзительнейшие боли, или же его голова и лицо покрываются жгучим румянцем, как будто он горит в жару. Если дьявол сидит в его глазах, он заставляет их кружиться бешеным образом. Если же он в спине, то вызывает конвульсии конечностей спереди и сзади, а иногда делает все тело таким жестким и несгибаемым, что никакой силой нельзя разогнуть его. Иногда [одержимые] падают навзничь, будто мертвые или страдающие третичной эпилепсией, обливаясь потом, но по приказанию священника они поднимаются, и жидкость уходит туда, откуда она пришла. Если демон находится в горле, оно бывает настолько стянутым, что больной как будто вот-вот задохнется. Если дьявол находится в благородных частях тела, таких как сердце или легкие, он вызывает удушье, сердцебиение и обморок. Если он поражает желудок, то вызывает икоту и рвоту, так что иногда больные не могут принимать еду или не могут усвоить ее. И он заставляет их ввести в задний проход нечто вроде небольшого шарика, с урчанием и другими непотребными звуками, и поражает их ветрами (кишечными газами) и схватками в области живота. Иногда их узнают по резкому запаху серы или другого резко пахнущего вещества».

Аналогичный список симптомов околдовывания приводится в статье Порча.

Если, после выявления названных выше признаков и симптомов было установлено, что пораженные действительно одержимы дьяволом, то проводился экзорцизм.

Нападение демона или истерико-эпилептический припадок, сопровождаемый классическими симптомами: разрыванием одежды, раздиранием тела и высовыванием языка.

Одержимым монахиням в континентальной Европе соответствовали одержимые девушки и молодые люди в английских и американских домах (наиболее известные случаи см. в статье Дети-обвинители). Эти английские юнцы во всем походили на монахинь. Описанный Бакстером (из Корнелиуса Геммы) случай с 15-летней Катериной Гуалтер, одержимой из Лувена (1571), мог бы произойти с любым из мальчиков, разоблаченных в Англии.

> «Она выделила с испражнениями живого угря. Вначале он лежал в выделениях как мертвый, но, когда его поместили в воду, он ожил. Когда он умер, его пытались сохранить, но он исчез… Затем она срыгнула огромные комья волос вместе с грязной водой, напоминавшей гной, и что-то вроде помета голубей и гусей, и в нем были куски дерева, напоминавшие недавно отколотые щепки старого дерева, и множество кусков кожуры, похожих на пергамент. После этого она срыгнула бесчисленное количество камней, некоторые наподобие ореха, другие как куски, выбитые из старых стен со следами извести на некоторых из них».

Бакстер, протестант, добавляет: «То, что ее излечил священник, вовсе не делает историю неправдоподобной, поскольку известно и множество случаев мошенничества».

В протестантских странах экзорцизм не привился, и попытки его проведения в Англии, предпринятые независимым священником Дарреллом (ок. 1600) привели к принятию «канона 72» епископальной церкви, практически запрещавшего экзорцизм. Не считая отдельных случаев, например, выступления одного священника на Ламбетской конференции 1958 г., объяснявшего О. некоторыми душевными расстройствами, англиканская община отвергала теоретические утверждения о возможности дьявола входить в человеческие тела. Евангельские протестанты в целом принимали рекомендации Лютера по излечению О. с помощью молитвы, поскольку всемогущий Бог знает, когда дьявол должен выйти. Как сообщалось Шеллом, Лютер выражал свое неуважение к вселившемуся дьяволу, яростно ударяя доставленного к нему одержимого, причем произведенный им шок, очевидно, приводил к успеху. К.Мазер также полагался на молитву при лечении детей Гудвина, М.Рулл, М.Шорт и других одержимых детей в Америке. В «Memorable Providences» он предпринимает попытку показать «тесное родство между колдовством и

О.» Он приводит в качестве примера юношу шестнадцати лет, родившегося в Голландии и проживавшего в Нью-Хейвене, у которого были припадки и связь с дьяволом, желавшим, чтобы мальчик подписал с ним договор. Когда мальчик отказался,

> «дьявол плотски овладел им и с тех пор не прекращал мучить его чрезвычайно. Если кто-либо заговаривал с ним, дьявол отвечал (и много раз он лаял как собака, и шипел как змея), иногда с чудовищными проклятиями в адрес Христа, и в другое время мальчик был очень чувствителен».

Джордж Барр замечает, что сообщения Мазера напоминают описание эпилепсии.

Как только католики выпустили руководства по выявлению О., аналогичные книги появились и у протестантов. Очень популярный труд М.Дальтона «Guide to Jurymen» (1627) приводит семь признаков околдованности (Дальтоновская концепция О.):

> 1. Когда неожиданно и без всякой видимой причины или естественного объяснения здоровое тело подвергается припадкам.
> 2. Когда двое или несколько лиц подвержены похожим странным припадкам.
> 3. Когда группа больных во время своих припадков действительно совершает множество вещей, говоря, что ведьмы или другие отсутствующие личности заставляют их делать подобное.
> 4. Когда группа совершает или произносит множество странных вещей, а об их припадках не всегда известно.
> 5. Когда проявляется сверхъестественная сила, так что сильный человек или двое. не способны удержать на постели ребенка или расслабленного.
> 6. Когда кто-либо срыгивает скрученные булавки, иголки, гвозди, уголь, свинец, солому, волосы или тому подобное.
> 7. Когда кто-либо отчетливо видит некоего призрака и вскоре после этого несчастье постигает его.

Джордж Барр приводит важное различие между колдовством и О.:

> «Безумие или даже подозрение в нем, было лучшей защитой против обвинения в колдовстве, и Иоганн Вейер, который первый выступил против преследований, не решаясь (как мы видим сейчас) сказать всю правду о пытках, он пытался спасти ведьм, признавая их умалишенными… Но различие между одержимым и колдуном было очень существенным: первый был невольной жертвой дьявола, последний — его сознательным и находящимся в здравом уме союзником. В первом случае с дьяволом иногда обращались очень сурово, но только для того, чтобы изгнать его и освободить страдальца — никогда не калеча и не доводя его до смерти. Колдун же наказывался за преступления, совершенные по его собственной воле и, гораздо чаще, за извлечение одержимости на других… Нет, заявление о сумасшествии всего лишь могло оправдать ведьму, поскольку жертва дьявола не могла быть его добровольным союзником; но в действительности такое оправдание подействовало всего лишь раз или два».

Когда вера в колдовство угасла, вера в О., приписываемая личному дьяволу, также прекратилась. Когда две дочери (шестнадцати и восемнадцати лет) Джеймса Уильямса из Фитс-Хилла в Иллинойсе (1871) повели себя так, будто сошли с ума, «видя» ведьм, едущих на лошадях и просящих отдать их души дьяволу, они привлекли к себе внимание общественности. Нормальные в течение дня, девушки становились одержимыми ночью: они проглатывали булавки, ловили и поедали мух, бились в конвульсиях. Но никто не поверил в участие дьявола. Эстеррайх писал в 1930 г.:

> «Среди цивилизованных народов одержимость начинает быстро исчезать, как только вера в духов теряет свою силу. В современной Европе этот рубеж отмечен наступлением века Просвещения. Не только рационалистические крайности способствовали непредубежденному взгляду с точки зрения трезвого интеллектуального крити-

> цизма. …Величайшим поворотным моментом в представлениях о мире стало то, что на этой стадии европейская мысль достигла полного освобождения от старой теологической системы или, по крайней мере, сделала последние приготовления к этому».

Дальнейшее рассмотрение теории демонической О. — см. Экзорцизм; Яков I; Даррелл, Джон; Харснетт, Самуэль; Хатчинсон, Френсис. Образцы демонической О., эпилепсии или истерии, реальной или мнимой см.:

Англия: Уорбойские ведьмы (1595); Бартонский мальчик (1597); Гюнтер, Анна (1604); Лестерский мальчик (1616); Билсонский мальчик (1620); Обманщик из Пендла (об Эдмунде Робинсоне, 1633); Сент-Эдмундские ведьмы (1662).

Бельгия: Лато, Луиза (1868).

Германия: Хайцман, Кристоф (1677); Рената, сестра Мария (1749).

Ирландия: Ирландия, колдовство в; Ньютон, Флоренс (1661); Мегги-Айлендский суд над ведьмами (1711).

Норвегия: Йоргенсдоттер, Сири (1730).

Франция: Фери, Жанна (1585); Фонтен, Франсуаза (1591); Экс-ан-Прованские монахини (1611); Лилльские послушницы (1613); Луденские монахини (1634); Алье, Элизабет (1639); Лувьерские монахини (1647); Оксоннские монахини (1662); Кадье, Катрин (1731).

Шотландия: Гленлусский дьявол (1654); Бергернская мошенница (1697); Питтенвимские ведьмы (1704).

Швеция: Моравские ведьмы (1669).

США: Коннектикутские ведьмы (1662); Дети Гудвина (1668); Патнем, Анна (1692); Салемские суды (1692); Шорт, Мерси (1693); Рулл, Маргарет (1693).

ОКСОННСКИЕ МОНАХИНИ. Монахини урсулинского монастыря в Оксонне, якобы одержимые дьяволом с 1658 по 1663 гг., менее известны, чем монахини из Прованса (1611), Лудена (1634) или Лувьера (1647), хотя их истории одинаковы и столь же непристойны. Главное различие заключается в том, что жаждавшие сексуальных контактов девушки обвиняли в непристойном поведении не своего духовного наставника, а 47-летнюю мать-настоятельницу монастыря сестру Сенколомбу (Барбару Буве). Обвинения в лесбиянстве в монастырях не часто предавались гласности. Хотя они произошли позже, чем другие проявления одержимости, однако выходки в Оксонне были подвергнуты тщательному расследованию, и в результате обвинявшаяся мать-настоятельница была признана невиновной и врачи установили, что одержимость была фальшивой.

История создавалась более 5 лет и выплыла наружу только в 1660 г., когда были выдвинуты обвинения в колдовстве против Барбары Буве. 8 монахинь были сексуально возбуждены одним из двух духовников монастыря, безобразным, но молодым отцом Нуве. Монахиня Мари Бортон «страдала, по его мнению, сильным искушением плоти». Другие, особенно во время менструаций, страдали эротическими фантазиями. Единственной причиной этого могло быть колдовство. Поскольку отец Нуве был также связан с искушением монахинь, он предположил, что его также околдовали. Вследствие этого 2 крестьянина были схвачены и обвинены в колдовстве, но, поскольку никаких других показаний не было, суд приговорил их только к высылке. Однако, как только они покинули зал суда, толпа их линчевала.

Следующим шагом стал экзорцизм. Отец Нуве провел несколько служб в часовне, где происходили поразительные зрелища. Сестра Дениза двумя пальцами подняла тяжелую вазу, которую едва могли передвинуть двое сильных мужчин, другие монахини принимали причастие, лежа на животе, с приподнятыми в воздух головами и руками, и ногами, отогнутыми назад, чтобы образовать дугу. Отец Нуве производил некоторые изгнаниями дьявола, лежа с девушками так близко, что «только покрывало сестры отделяло ее лицо от лица священника». Духовник проводил значительную часть времени, путешествуя

с сестрой Клодин Бурже, они спали в одной и той же комнате, но, как они утверждали, в разных кроватях.

Барбара Буве, с 1651 г. мать-настоятельница, поссорилась с предшественником отца Нуве — отцом Бортоном, чьи 3 сестры находились в ее монастыре. За непослушание она была наказана постом и бичеванием. Поскольку она также выступала против изгнания дьявола отцом Нуве, возникло подозрение, что она является причиной вселения дьявола в монахинь. 28 октября 1660 г. сестра Сенколомба была официально обвинена в колдовстве. 13 ноября в тяжелых кандалах ее поместили в одиночную камеру, и 5 января 1661 г. она предстала перед судом дижонского парламента по обвинению в колдовстве.

Монахини проявили единодушие в нападках на сестру Сенколомбу. Сестра Анриетта Кузен признавалась, что Барбара Буве положила руку на ее грудь [gorge] и страстно поцеловала ее, когда же Анриетта стала протестовать, мать-настоятельница якобы ответила: считай, что тебя целует церковная статуя. У сестры Умберты Бортон возникали видения ада, где матушка-настоятельница [un serpent dans les parties (всунула змею в ее половые органы»)] и, обняв, «легла на нее, как мужчина на женщину». Сестра Шарлотта Жоли видела, как матушка-настоятельница ласкала языком сестру Габриэллу де Мало и помещала свою руку ей под нижнее белье, в то время как обе делали «непристойные прикосновения». Сестра Франсуаза Бортон, часто насиловавшаяся дьяволом Асмодеусом, показала под присягой, что Барбара Буве «однажды посадила ее к себе на колени и поместила палец в интимные части тела, подобно тому, как это делает мужчина».

Кроме того, Барбара Буве сказала, что монахиня беременна и «взяв ее руку в свою, заставила ее приоткрыть свое тайное место, чем вызвала истечение наружу большого количества крови, как чистой, так и в сгустках». Другая сестра имела видение Барбары Буве, которая появилась перед ней, держа в одной руке украденную облатку, на которой покоилось la partie honteuse («неприличное место») мужчины, а в другой — искусственный фаллос, сделанный из полотна, которым «она совершала с собой непристойные действия». Таковы были свидетельства. Но 18 марта 1661 г. Дижонский парламент потребовал продолжить расследования, и, наконец, в августе 1662 г. отвел обвинения. Сестра Сенколомба переменила монастырь, и постепенно истерия монахинь прекратилась.

В течение нескольких лет врачи неоднократно обследовали монахинь. Один врач заявил, что они мошенницы, и только некоторые из них больны; другой поверил, что они были действительно одержимы дьяволом; третий полагал, что тут нет ничего демонического. 15 июня 1662 г. д-р Баше написал официальное заключение канцлеру, в котором утверждал:

«Уверяю Вас, Ваша честь, что во всех этих действиях, физических или духовных, монахини не проявили законных или убедительных признаков истинной демонической одержимости, ни в понимании иностранных языков, ни в знании спрятанных секретов, ни в откровениях, ни в левитациях, ни в перемещениях из одного места в другое, ни в неестественных позах, которые обычно возникают в этом случае».

ОСБОРН, РУФЬ. Хотя последняя казнь в Англии над ведьмой произошла в 1682 г., а последнее официальное обвинение за колдовство — в 1712 г. [см. Венхем, Джейн], однако, еще в 1751 г. в Тринге, Гертфордшире, пожилая пара была подвергнута линчеванию толпой, объявившей их колдунами.

О. и ее муж были очень старыми и столь же бедными, сторонниками непопулярного восстания против Стюартов 1745 г. и, кроме того, считались колдунами. Когда происходило какое-либо несчастье, винили Осборнов. Особенно они поносились фермером по имени Баттерфилд, который, отказавшись дать матушке О. немного пахты, обнаружил, что его коровы умирают. Баттерфилд тогда продал свою ферму и открыл таверну в Габлкотте в надежде направить в другую сторону заговор, который, как он утверждал, напустила на него Руфь О. Но дела шли все хуже, и сам Баттерфилд начал страдать припадками. Белая ведьма из Нортхемптона сказала ему, что он действительно был околдован.

Без всякой причины молва об этом распространилась в трех рыночных городках, где подозреваемые ведьмы должны были подвергнуться испытанию всплыванием или утоплением в ручье у Лонгмарстона. 22 апреля 1751 г. толпа начала искать жертвы. Для безопасности местные власти поместили Осборнов в работный дом, но толпа обнаружила их местонахождение, «разбила окна работного дома, вытащила колья и снесла часть дома». Толпа даже обыскала коробку для соли, «предполагая, что она могла спрятаться в пространстве, меньшем, чем необходимо для кошки». Когда толпа пригрозила сжечь здание, надзиратель был вынужден показать место, где они прятались. Оба Осборна раздеты догола, обриты, связаны крест-накрест рука к руке, протащены на расстояние в две мили к ручью и брошены в него. Миссис О., связанная в рубашке, не тонула, тогда главарь толпы, трубочист по имени Томас Коллей, толкал и колол ее. Наконец, эта старая женщина, которой было за 70, была «брошена совершенно обнаженная на берег, почти задохнувшаяся от грязи, где испустила последний вздох в течение нескольких минут, истоптанная и избитая палками». После того, как она умерла, ее муж был похожим образом истерзан и умер некоторое время спустя. Коллей, великий герой толпы, открыл свою коллекцию.

На выездной сессии присяжных в Гертфорде 30 июля Коллею было предъявлено обвинение в преднамеренном убийстве. Он был признан виновным и повешен в цепях 24 августа 1751 г., в субботу.

П

ПАРИЖСКИЕ СУДЫ НАД ВЕДЬМАМИ. Спустя 500 лет стало возможным прочитать стенографический отчет, сохранившийся в рукописях из Гранд-Шатле, уголовного суда Парижа, первого в Европе светского суда по колдовству. Он состоялся в Париже в 1390 г. после того, как парламент Парижа постановил, что колдовство является как светским, так и духовным преступлением. Ранние светские суды представляют разительный контраст и с ранними церковными судами (например, инквизиторским судом 1460 г. в Аррасе), и поздними судами обоих типов (например, процессом над отцом Горделем или гражданским судом в Эйхштадте). На П. обвиняемым вменялись в вину конкретные преступные действия (maleficia); принимались меры, чтобы определить степень виновности обвиняемых; судебные процессы были открытыми и в них участвовало почти две дюжины адвокатов и судей. Парламент Парижа заслушивал апелляцию и открывал дело. Тем не менее, для получения признания применялись пытки. В 1390 г. в Шатле слушалось два дела по колдовству; описанное ниже является вторым из них, продолжавшимся почти год.

29 октября 1390 г. суду представлено показание Жана де Рильи, что некая Жеан де Бриге, по прозвищу ла Кордьер, использовавшая чародейство, чтобы излечить его, была ведьмой [devine]. Жеан сказала Рильи, что ему осталось жить только неделю, потому что он был околдован некой Жилетт, которая имела от него двоих детей. Жеан попыталась помочь ему, изготовив деревянную фигурку Жилетт [vault] и покормив грудью двух жаб. Рильи поправился и заявил, что он был «расколдован» обвиняемой. В своем опровержении 34-летняя Жеан отрицала, что знакома с искусством ворожбы, но призналась в знакомстве с некой Марион из Роз-ан-Бри, научившей ее пользоваться заклинаниями, применять «Во имя Отца, Сына и Святого Духа», не мыться и не читать «Отче наш» по воскресеньям. Она однажды ассистировала Марион, помогавшей одному мужчине отыскать свой потерянный кошелек.

9 февраля 1391 г. суд был отложен более чем на три месяца. В этот день Жеан призналась, что она научилась приемам колдовства у своей тетки. Чтобы вызвать дьявола по имени Оссибют, она должна была просто сказать: «Приди ко мне, ответь мне и научи меня всему, что я потребую от тебя». Сжалившись над больным Рильи, она узнала от дьявола, что его околдовала Жилетт. В качестве платы за дьявольские услуги Жеан предоставила Оссибюту не обычное подношение в виде руки или пальца мертвеца, но полную пригоршню конопли и пригоршню угольев из своего очага. Она призналась, что двумя годами ранее содержалась в Мейо за чародейство, но была освобождена под обязательство больше не заниматься этим делом. Получив подобное признание, профос посоветовался со своими экспертами и приговорил Жеан к сожжению. Поскольку повивальные бабки показали, что она находится на пятом месяце беременности, приговор был отсрочен.

Но Жеан не была казнена и по истечении восьми месяцев. Хронику событий можно представить следующим образом:

5 апреля 1391 г. Другие повивальные бабки решили, что Жеан не беременна, но «злые духи скопились в ее теле, из-за чего она раздулась».

13 июня 1391 г. Жеан призналась, что она спала с мужчиной за восемь дней до своего заключения, и знала, что она не забеременела.

16 июня 1391 г. Профос подтверждает свой первоначальный приговор. Жеан тотчас подает прошение в парламент Парижа.

1 августа 1391 г. Парламент обязывает профоса пересмотреть судебные отчеты с помощью двух судебных адвокатов.

2 августа 1391 г. Вновь открывается суд перед тремя членами парламента и девятью другими высшими чиновниками. Жеан сообщает новые подробности о своих отношениях с Оссибютом. Двумя годами ранее она вызывала его в таверну Вилльнев-Сен-Дени, чтобы обнаружить спрятанное серебро.

Суд решил, что Жеан темнит, и что, следовательно, ее следует «подвергнуть допросу», чтобы после пытки добиться признания. Жеан заявила, что ей не в чем больше признаваться. Ее полностью обнажили, обрили и привязали к козлам (или лестнице). Она тотчас захотела признаться, поэтому ее освободили и, согласно обычаю, обогрели у огня. Ее заявление придало совершенно другой оттенок делу: к Жеан обратилась Масетта, жена Рильи, с просьбой околдовать ее мужа, дабы она освободилась и смогла завести интрижку с викарием из Гюрара. Масетта разлюбила своего мужа, потому что он бил ее. Вместе две женщины приготовили зелье по рецепту Масетты, чтобы убить Рильи, а также изготовили восковое подобие под чтение христианских молитв.

3 августа 1391 г. Увидев, что Жеан настаивает на своих обвинениях, суд арестовал Масетту, жену Рильи.

4 августа 1391 г. Масетта де Рильи, встретившись на очной ставке с Жеан, сначала отрицала все заявления. Но, когда ее подвесили на дыбу, она согласилась, что обвинения справедливы. Так ее дело соединилось с делом Жеан.

5 августа 1391 г. Обе обвиняемых повторили свои признания, вероятно, без пытки. Однако до вынесения приговора было необходимо решить две законодательные проблемы: 1) Предусмотрено ли их преступление гражданскими законами или оно должно быть рассмотрено церковным судом? 2) Если принималась гражданская юрисдикция, каковым должно было быть наказание? Все юристы (за исключением одного) пришли к единому мнению, согласившись признать юрисдикцию гражданского суда; несогласившийся юрист заявил, что никакое околдовывание не может привести к реальному увечью или смерти, и, следовательно, данное преступлению состоит в злонамеренности и является еретическим. Только один юрист предложил наказание в виде стояния у позорного столба и шестимесячного заключения на хлебе и воде вместо сожжения. Получив подобные рекомендации, профос возложил ответственность на гражданский суд и объявил приговор: сожжение.

6 августа 1391 г. Вальтер, сенешаль, представлявший парламент Парижа, потребовал пересмотреть решение суда, чтобы вновь расследовать вопрос юрисдикции.

8 августа 1391 г. Парламент определил, что дело находится в сфере полномочий гражданского суда.

11 августа 1391 г. Окончательное появление двух подсудимых в суде; они подтверждают свои признания. Профос описывает способ их казни: их следует провести в Шатле, увенчав митрами как чародеек, выставить к позорному столбу, затем переправить к Поросячьему рынку, чтобы сжечь заживо.

12 августа 1391 г. Перед вынесением приговора профос советовался с тремя юристами из парижского парламента. Трое склонялись к смертному приговору, один — ввиду того, что убийства все же не было — к длительному заключению. Юристы решили начать дальнейшее обсуждение вопроса, «оказавшегося серьезным и значительным».

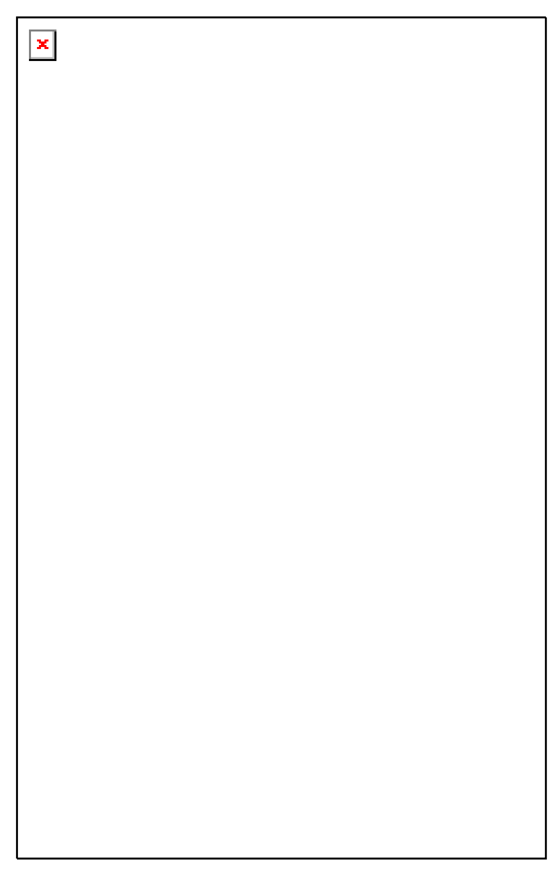
16 августа 1391 г. Профос советуется с пятью другими высшими адвокатами, включая председателя апелляционного суда, и все одобряют казнь ведьм.

17 августа 1391 г. Дополнительное слушание, назначенное судебным адвокатом для допроса г-на Рильи, который утверждает, что никогда не видел, как его жена пыталась отравить его. Затем Рильи добавляет, что его паж недавно обнаружил двух жаб на внутреннем дворе замка и убил их. Адвокат представляет свидетельства, подкрепляющие обвинение, такие как кусок причастия, три листа барвинка, два стебля горчицы, лучину, воск и волос.

19 августа 1391 г. Эти предметы были показаны заключенным. Масетта объясняет их магическое применение, но отрицает их использование при любом колдовстве. Наконец смертный приговор оглашается и приводится в исполнение в тот же день.

ПАТНЕМ, АННА. Изо всех девушек-обвинительниц на Салемских судах над ведьмами, П. была самой младшей, но не по годам развитой, проявляя удивительно живое литературное воображение для девочки 12 лет. Она свидетельствовала на всех судах, кроме

одного. Ее показания необычайно убедительны по использованию характеристических деталей, как сообщение Дефо о миссис Вил. Так, при допросе преп. Барроуса 3 мая 1692 г. она поклялась под присягой, что видела двух духов с кровавыми ранами, запечатанными сургучом.

Одержимая (Патнем?) из Салема.
Гравюра, сделанная во время Салемских судов над ведьмами, 1692.

> «И один призрак сказал мне, что был первой женой [мистера Барроуса] и [мистер Барроус] ударил ее ножом под левую руку и положил кусок сургуча на рану. И она отодвинула в сторону развивающийся рукав и показала мне место, и также сказал мне, что она находилась в доме, где теперь живет мистер Перис, где все это было сделано. И другой призрак сказал мне, что мистер Барроус и его жена, которая у него есть теперь, убили [ее] на корабле, куда она пришла, чтобы повидаться с друзьями. И они оба попросили меня, чтобы я собралась рассказать об этих вещах магистратам перед лицом мистера Барроуса».

На всех судах за спиной П. стояла ее мать, 30-летняя женщина. Она была женой Томаса Патнема, констебля деревни Салем, бывшего судьи и уважаемого человека. Из-за давности событий сложно установить, руководила она своим ребенком или нет, но это можно предположить по лексике рассказа маленькой А.П. о двух женах мистера Барроуса и на основании собственных показаний миссис Патнем об убийствах, якобы совершенных Джоном Уиллардом.

По-видимому, существовал тайный сговор, когда Эдвард Патнем, дядя Анны, поклялся под присягой, что видел «следы цепочки и укусы», которые якобы нанесла Анне некая миссис Нарс. Ребекка Нарс, находившаяся в тюрьме на расстоянии нескольких миль, якобы кусала П. и била ее призрачной цепью, оставляя следы «в форме кольца и трех полос поперек кольца, она получила шесть ударов цепью с интервалом в полчаса; один след был особенно примечателен, с шестью полосками поперек руки». Не было ли это одной из выдумок миссис Патнем?

Некая ловкая рука организовала визит к 60-летней Марте Кори двух детективов, одним из которых был дядя П. Кто предложил Эдварду Патнему сперва спросить у Анны, во что был одет призрак Марты Кори, с тем, чтобы он мог по одежде установить идентичность Марты и ее призрака? Кто подучил Анну ответить, что призрак «сказал ей, что его зовут Кори, и что она [Анна] видела его только ночью, а потому и не могла видеть, во что он был одет»?

Подозрения по поводу роли миссис Патнем — это не просто интерпретация истории в свете сегодняшнего дня. Она была заподозрена как агент-провокатор еще во время судов. Например, Джон Тарбелл свидетельствовал, что однажды в доме Патнемов он

> «задал вопрос, действительно ли девочка [Анна], подвергшаяся нападению призрака, первой заговорила о г-же Нарс, до того, как о ней упомянули другие. Они сказали, что девочка рассказала им, что увидела призрак бледной женщины, которая сидела на месте ее бабушки, но она не знала ее имени. Тогда я спросил их: „Но кто сказал ей, что это была матушка Нарс?“ Мерси Льюис сказала, что это сказала г-жа Патнем; г-жа Патнем сказала, что это сказала Мерси Льюис. Так они сваливали одна на другую, приговаривая: „Это ты“ или „Это ты сказала ей“. Таким образом, еще до того, как в доме Томаса Патнема кто-либо, кроме его дочери, подвергся нападению призраков, они уже сказали ей, что это была г-жа Нарс».

> «Я не знал ни одного Патнема, который назвал бы свою дочь Анной», — писал Чарльз Сазерленд Тепли в биографии Ребекки Нарс (Бостон, 1930).

Другое заявление по поводу дела Элизабет Проктор было сделано двумя мужчинами, Самуэлем Бартоном, 28 лет, и Джоном Хьютоном, 23 лет, утверждавшими, что мистер и миссис Патнем подговорили Мерси Льюис назвать Элизабет Проктор ведьмой.

Спустя 14 лет после окончания судов, появилось признание Анны П. о роли, которую она сыграла. Без него будет неполным непосредственное показание о массовом мошенничестве и обмане, совершенным девушками. Признание было зачитано в церкви деревни Салем новым пастором, преподобным Джозефом Грином; следует подчеркнуть, что Анна П. не отрицала колдовство — она просто признавала, что была введена в заблуждение Сатаной.

> «Я смиренно прошу прощения перед Господом за те мрачные и мерзостные поступки, совершенные семьей моего отца около 1692 года, когда, находясь в нежном возрасте, по промыслу Божьему, я была выбрана орудием для обвинения нескольких человек в ужасных преступлениях, за которые их лишили жизни, теперь же я могу справедливо и с полным основанием считать их невиновными. И это было величайшим наваждением Сатаны, обманувшего меня в то мрачное время, когда из-за простого страха я наряду с другими стала орудием, пролившим по неведению и против своей воли на себя и на эту землю кровь невинных. Несмотря на все, что было сказано мною против этих людей, я правдиво и прямо заявляю перед Господом и людьми, что сделала это не во гневе или по злоумышлению против любого из них, поскольку не испытывала ничего такого против ни одного из них, но лишь по неведению, будучи введенной в заблуждение Сатаной.
>
> И поскольку я была главным орудием обвинения г-жи Нарс и ее сестер, я хотела бы лежать в пыли и быть униженной за то, что вместе с другими стала причиной печали и горя для них и их семей, и я хочу лежать в пыли и страстно молить о прощении Господа и всех тех, кому я причинила столько горя, обиды, чьи родственники были казнены или обвинены».

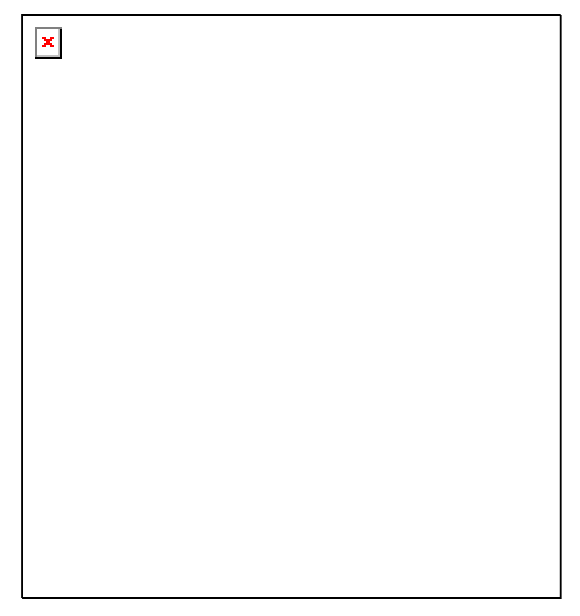
См. также: Барроус, Джордж; Кори, Жиль; Салемские суды над ведьмами.

ПЕРВЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ КОЛДОВСТВА. Труды 30 авторов, отмеченные ниже, раскрывают развитие теории колдовства и отражают, как авторитет ученых (за ред-

ким исключением) помог к 1550 г. превратить колдовство в безжалостно искореняемую ересь. Почти все эти ранние работы написаны по-латыни, но переводы быстро доводили теорию до самой широкой общественности: немецкий — в 1517 г., итальянский — в 1523 г., испанский — в 1539 г. Рукописи, написанные на диалектах, позднее не публиковались, кроме одной, опубликованной по-немецки в 1456 г. и другой — по-французски — в 1460 г. Англия была относительно свободна от преследований, а, следовательно, и от теоретических руководств (вплоть до конца XVI в.).

Всем теологам пришлось преодолевать препятствие в виде канона «Episcopi», в котором вера в женщин, скачущих по небесам вместе с Дианой, была объявлена предрассудком. Это следовало обойти, прежде чем могли начаться преследования за колдовство. Было необходимо опровергнуть три главных тезиса канона: 1) современные ведьмы не такие, как описаны в каноне; 2) канон не был одобрен Вселенским собором и, следовательно, не является документом, обязательным для исполнения; 3) следование положениям канона вступает в противоречие с необходимостью искоренения ведьм (как честно признался Жакье). Позже Спина в качестве массированной атаки добавил четвертый аргумент: канон не является первоисточником. Работа этих оппонентов облегчалась принятием папских булл, осуждавших колдовство: Григория IX (1231), Александра IV (1258), Иоанна XXII (1320), Иннокентия VIII (1484), Юлия II (1504), Льва X (1521) и Адриана VI (1523). Полемика преследовала цель — превратить колдовство в новую ересь (многие авторы так и называли ее — nova); этот эпитет показывает, что простые магические действия, входившие в колдовство, не составляли его основы, которая заключалась в договоре с дьяволом для отречения от христианского Бога и католической веры.

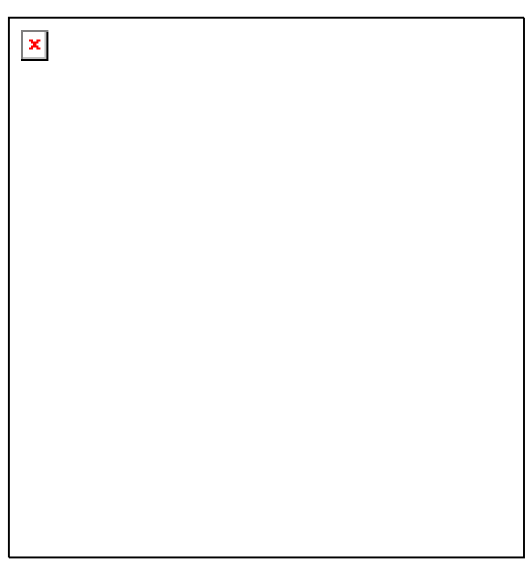
В трудах рассматриваемых авторов вырисовывается идея шабаша ведьм. Сама теория выводится из вопросов, задававшихся инквизиторами, принуждавшими обвиняемых соглашаться с ними. Затем инквизиторы публиковали признания. Другие инквизиторы развивали их и, на основе собственных выдумок, изобретали новые детали. Нидер, самый первый из упомянутых авторов, в 1435 г. даже не упоминает шабаш, но к 1450 г. инквизитор во французской Савойе уже был в состоянии сообщить подробности. В 1510 г. Бернард из Комо развил их дальше, и в 1521 г. Приериас свел их воедино. Ко времени Гриландуса (1536) различались признаки черной мессы. Причины предполагаемого роста ереси единодушно приписывались усилению деятельности дьявола. Только Меймор согласился, что во Франции причиной была Столетняя война, и колдовство было привнесено иностранцами.

Ведьма «заряжает» мужчину через его ногу.
Одна из ранних иллюстраций из книги «De Lamiis» (1489) Ульриха Молитора. БКУ.

Одновременно с поддержкой предрассудков некоторые стремились опровергать их. До 1550 г. это было можно сделать и остаться в живых, после 1550 г. и в течение следующего столетия оппонентов принуждали к молчанию запугиванием или угрозой смерти. В списке борцов за человечность можно отметить Симфорена Шампье (ок. 1500 г.), францисканца Самуэля де Кассини (1505), миланского адвоката Андреаса Альциата (ок. 1514 г.) и, наконец, флорентийского адвоката Франческо Понцинибио, которые полностью отвергали как колдовство, так и инквизицию [см. Демонологи].

Магия и чародейство не прекратили своего существования: все принимали их, и некоторые думали, что они могут даже приносить пользу. Так, гражданское законодательство не преследовало добрую ведьму, которая снимала порчу и останавливала бури. Представляя теорию колдовства как ересь, теологи знали, что они пробивают новую дорогу. Наиболее известны были доминиканские инквизиторы, особенно Николас Эймерик, Никола Жакье, Жан Винетти и Джироламо Висконти. Отдавая дань авторитету Фомы Аквинского, доминиканца, следует сказать, что он несет ответственность за распространение церковью веры в колдовство.

«Если кто-нибудь сомневается, действительно ли существуют описываемые ведьмы, позвольте ему напомнить, что, кроме примеров всех времен и многих стран, имеются различные примеры даже в Священном Писании». — Уильям Перкинс, «Discourse» (1608).

Инквизиторы встречали значительное сопротивление, на что они постоянно жаловались. Нидер и Винетти сетовали, что многие не верили в демонов-инкубов; Жакье — что «многие» выступали против инквизиторов; Висконти (как и Пико) — что «многие» верили в извлечение признаний только под пыткой, для опровержения чего он и написал книгу. В силу этих обстоятельств Спина должен был написать книгу против неверующих. Томас Мюрнер обвинял отдельных теологов в объяснении несчастий скорее естественными причинами, чем колдовством. И некий Оранус (которого цитирует дель Рио) сетовал, что столь много образованных людей во Франции были скептиками (называя среди прочих Монтеня). И Альциат (ок. 1514 г.) заявлял, что крестьяне в приальпийских долинах восставали по поводу повсеместных сожжений, проводимых местным инквизитором.

Это свидетельство очень важно, поскольку оно разрушает расхожее представление, что менее образованные люди были склонны верить в колдовство, и что только образованная часть общества противостояла ему. Верно обратное. Колдовство было понятием навязываемым, но не популярным, введенным непосредственно инквизицией и вызывавшим оппозицию населения (наряду с горсткой адвокатов и врачей). Только позднее, после десятилетий внедрения новой доктрины, появилась общественная поддержка этого заблуждения.

Первые высказывания о колдовстве к моменту публикации «Malleus Maleficarum»

Дата	Автор	Общественное положение	Заглавие книги, публикации	Дата, место публикации	Примечания
ок. 1435	**Нидер, Иоганнес**	**Доминиканский профессор и приор**	**«Formicarius»**	**ок. 1435, Аугсбург**	**Вторая из напечатанных книг по колдовству. Нет комментариев по шабашу.**
ок. 1450	**Винетти, Жан**	**Инквизитор в Каркасоне**	**«Tractatus contra Demonum Invocatores»**	**—**	**Первая книга, определяющая колдовство как ересь.**
ок. 1450	**—**	**Инквизитор во Французской Савойе**	**«Errores Gazariorum»**	**—**	**Превосходно развитая идея шабаша.**
ок. 1456	**Хартлиб, Иоганн**	**Личный врач короля Баварии**	**«Buch aller botenen Kunst, Unglaubens und der Zauberei»**	**—**	**Первая работа, написанная по-немецки.**
1458	**Никола Жакье**	**Инквизитор во Франции и Богемии**	**«Flagellum Haereticorum Fascinariorum»**	**1581**	**Первое основное определение колдовства как новой ереси.**
1458	**Альфонс де Спина**	**Францисканец (обращенный еврей)**	**«Fortalicium Fidei»**	**1467, Страсбург**	**Первая из опубликованных книг по колдовству.**
1460	**—**	**Инквизитор в Лионе**	**«La Vanderye de Lyonois»**	**—**	**Первая работа, написанная по-французски.**
1460	**Висконти, Джироламо**	**Инквизитор, профессор, Провинциал из Ломбардии**	**«Lamiarum sive Striarum Opusculum»**	**1490, Милан**	**Даже защита ведьм является ересью.**
ок. 1460	**Мартин из Арля**	**Профессор и каноник в Испании**	**«Tractatus de Supersticionibus»**	**1517, Париж**	
ок. 1462	**Мамор, Петрус**	**Каноник, регент ун-та в Пуатье**	**«Flagellum aleficorum»**	**1490, Лион**	**Распространением во Франции колдовство было обязано Столетней войне и магии, введенной иностранцами. Описан шабаш.**
ок. 1468	**Амброджо де Виньяти**	**Юрист в Падуе, Болонье и Турине**	**«Tractatus de Haereticis (lectures)»**	**1581**	**Настаивает на осторожности в обвинениях сообщниками.**
Ок. 1470	**Джордано де Бергамо**	**Магистр теологии в Кортоне (Италия)**	**«Quaestio de Strigis»**	**—**	**Принимает колдовство как ересь, но пытается соотнести с Каноном «Episcopi».**
ок. 1475	**Винсент, Жан**	**Приор в Вандее (Франция)**	**«Liber Adversus Magicas Artes»**	**—**	**Принимает магию; отвергает колдовство.**

Первые авторы о колдовстве (от «Malleus Maleficarum» до 1550 г.)

Автор	Общественное положение	Заглавие книги	Дата, место публикации	Примечания
Иннокентий VIII	Папа	Булла «Summis desiderantes aflectibus»	1484, Рим. Напечатано в «Malleus»	Назначил Шпренгера и Крамера в качестве инквизиторов для усиления судов за колдовство с применением пытки.
Шпренгер, Яков Крамер, Иоганн	Инквизиторы	«Malleus Maleficarum»	ок. 1486	Принесшая самый большой вред в связи с колдовством как заблуждением. Развита теория колдовства как ереси в правовой кодекс, стала образцом на 300 лет.
Молитор, Ульрих	Профессор правового ун-та в Констанце	«Tractatus de Pythonicis Mulieribus»	1489?, Констанца	Если колдовство является иллюзией, оно должно быть наказано как настоящее.
Шампье, Симфорен	Врач	Dialogue in Magicarum Artium Destructionem»	ок. 1500, Лион	Шабаш — иллюзия; maleficia вызывается естественными причинами. Врачи должны лечить введенных в заблуждение. Удивительна по прогрессивным взглядам.
Приериас, Сильвестр	Инквизитор в Ломбардии; папский обвинитель Лютера	«Sylvestrina Summa»	1504, Болонья	Находился под сильным влиянием «Malleus». Поверхностное толкование канона «Episcopi».
		«De Strigimagarum Daemonumque Mirandis»	1521, Рим	Полностью поддерживает теорию колдовства. Дает руководство для судей. Осуждение ведьм считает неизбежным.
Кассини, Самуэль де	Францисканец (противостоял Савонароле)	«Question de le Strie»	1505?	Первая книга, в которой автор нападает на веру в колдовство как на ересь, называя инквизиторов еретиками.
Кайзерсберг, Гейлер фон	Священник	«Die Emeis»	1517, Страсбург	Первая книга по колдовству, напечатанная в Германии (представляет собой собрание проповедей). Ратует в равной степени и за сожжение белых ведьм.
Трифемиус	Аббат	«Liber Octo Questionum» «Antipalus Maleficiorum»	1508?, 1515, Оппенхайм 1508?, 1555, Ингольштадт	Последователь «Malleus». Все беды вызываются ведьмами, которых следует сжигать.
Бернар из Комо	Инквизитор в Комо	«De Strigiis [in Lucerna Inquisitorum]»	(1510) 1566, Милан	Поддерживает теорию шабаша как реального и телесного.
Тенглер, Ульрих	Адвокат	«Layenspiegel»	1509?, Аугсбург?	Последователь «Malleus»; светские суды должны следовать за инквизицией в процедуре проведения судов за колдовство.
Альциат Андреас	Адвокат в Милане	«Parergon Juris»	(ок. 1514) 1558, Базель	Скептик; заблуждение колдовства в связи с шабашем может быть излечено травами.
Помпонацци Пьетро	Профессор в Падуе	«De Naturalium Effectuum Causis»	(1520) 1556, Базель	Склонен к скептицизму; избежал наказания официальным заявлением, что как философ, может ошибаться, однако, как католик, он безоговорочно верит в учение церкви.
Понцинибио, Джанфранческо	Адвокат во Флоренции?	«Tractatus de Lamiis»	(ок. 1520), 1563, Венеция	Очень важная работа, полностью противостоящая колдовству как заблуждению и порядку ведения судов инкви-

				зицией. Принимает простое чародейство.
Пико делла Мирандола, Джанфранческо	Адвокат	«Strix» «Strega» (итальянский вариант)	?1523 1524, Болонья 1555, Печия	Первая книга о колдовстве, напечатанная в Италии. Принимает заблуждение колдовства, особое внимание уделяет инкубу.
Спина, Бартоломео	Теолог, член папской академии	«Quaestio de Strigibus»	(1523), 1525 Венеция	Последователь Приериаса. Самая яростная пропаганда колдовства как заблуждения до этого времени. Выступал против Понцинибио.
Грилландус, Пауль	Судья, назначенный папой для судов над ведьмами на территориях, подчинявшихся Риму	«Tractatus de Hereticis et Sortilegiis»	(1525), 1536, Лион	Основная работа, в которой детально рассматриваются все аспекты колдовства как заблуждения с точки зрения духовного суда.
Сирвело Педро	Инквизитор Сарагосы	«Opus de Superstitione» «Reprobacion» «Relationes XXI Theologicae»	1521, Алькала 1539	Первая книга о колдовстве, опубликованная по-исп., считалась классической на протяжении столетия; относительно умеренная по взглядам.
Франсиско де Витторио	Профессор теологии ун-та в Саламанке	—	(1540)	Склонен к скептицизму.

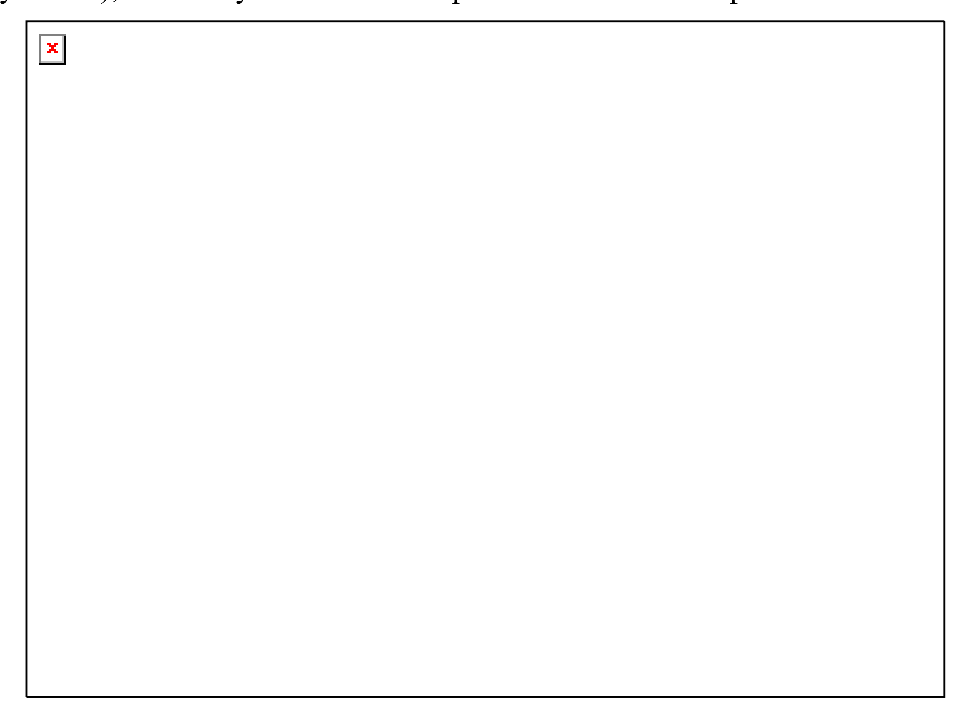
Перемещения

Канон «Episcopi» называет еретическим предрассудком веру в басни «порочных женщин, заявляющих, будто под покровом ночи они ездят на всяких тварях с языческой богиней Дианой и летают на огромные расстояния». Демонологам всегда приходилось отмежевываться от данного прямолинейного утверждения, отрицающего перемещения, ибо ночные полеты по воздуху являлись одной из самых характерных черт колдовской ереси. Они исходили из нескольких положений [см. Первые исследователи колдовства], но обычно избирали простейший способ доказательства, отождествляя наваждение с действием. Следовательно, если женщина, находившаяся в здравом уме (даже, если она спала), полагала, будто она летала на шабаш, это считалось столь же преступным, как если бы она на самом деле садилась на настоящую метлу и действительно отправлялась в полет. Сэр Чарльз Макензи, королевский юрист, в 16/8 г. сформулировал это следующим образом: «Поскольку, просыпаясь, эти ведьмы хотят видеть данные сны и испытывать в них блаженство, у них и нет никаких снов, кроме тех, которые они уже видели» — «Laws and Customs of Scotland». Приериас (1504) добавлял, что канон осуждал веру в Диану, но не веру в полет. На практике, однако, тонкости теории не могли быть изучены, и судьи в судах получали признания о перемещениях, которые якобы происходили на самом деле.

Молитор (1489) приводит рассказ о соотношении тела и духа, который воспроизводили многие поздние демонологи, писавшие в различных аспектах о перемещениях, превращениях и посещениях шабаша: «И во время сна, и в бодрствующем состоянии дьяволы могут вызывать впечатления столь похожие на реальность, что люди полагают, будто они видят это или поступают так на самом деле». Молитор рассказывает, как святой Герман, проживавший в жалкой хижине, наблюдал, как его хозяин перед отходом ко сну приготовил еще один роскошной ужин. Позже Герман наблюдал, как злые духи лакомились этой едой в присутствии соседей по дому.

> «Из этой истории, вы видите, что в тот самый момент, когда человек находится в одном месте, он способен в образе духа появиться в другом, поскольку те соседи, которые в ту ночь спали в своих собственных кроватях, благодаря силе демонов появились как призраки в доме, где нашел приют святой Герман».

В популярных иллюстрациях распространялось представление о метле как традиционном приспособлении для полета. Однако, на начальной стадии бытования этого заблуждения метла употреблялась наравне с другими приспособлениями, такими как расщепленная палка (очень распространенная), ручная прялка или даже полотенце. В раннем труде «Errores Gazariorum» (1450) говорится, что палка [baculum] с летательной мазью предоставлялась каждой ведьме, после того как она совершала позорный поцелуй. Боге (1602) полагал, что ведьма путешествовала «на белой скамье, которую помещала между ног». Ламбер Дано в «Les Sorciers» считал, что дьявол помогал только тем ведьмам, «которые были настолько слабы, что не могли перемещаться сами», давая таким скамью или прут и «некую мазь». Боден в «Daemonomania» (1580), рассказывает, что ведьмы ездят на метле или на черном баране, Гваццо добавлял козлов, быков и собак. Животные появились раньше, чем метлы, и Молитор (1489) рассказывает о волках как средстве передвижения. На ранних гравюрах в его книге «De Lamiis» изображена ведьма, едущая на волке, вместе с ведьмой, сидящей верхом на расщепленной палке. Стефан из Бурбона (ум. в 1261) писал, что «добрые женщины», посетительницы мифической Госпожи Изобилия, ездили на палках, а злые «strigae» (прототипы поздних ведьм) — на волках. Возможно, метла одержала верх из-за традиции ее восприятия как женского атрибута (соответственно вилы — мужской), и потому что она легко распознавалась как фаллический символ.

Три ведьмы, танцующие в воздухе. Рис. Бонавентуры фон Генелли (1847).

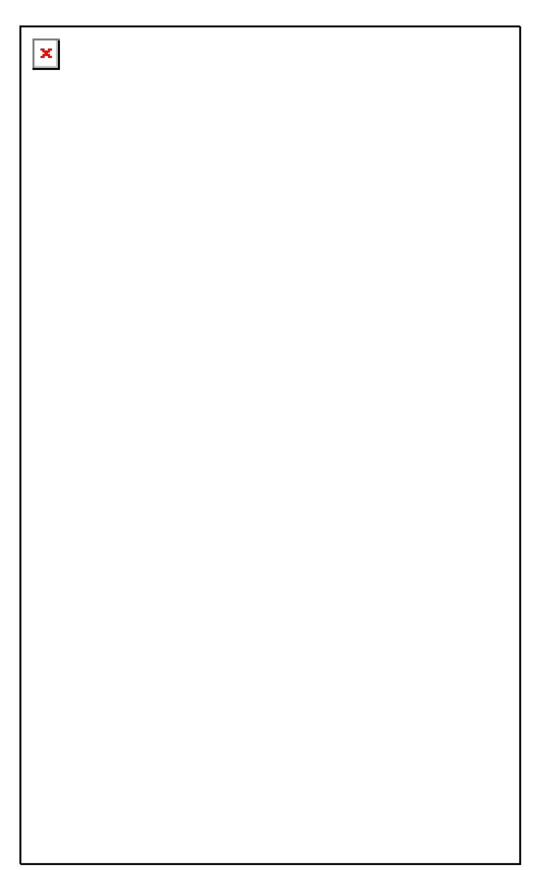
Перед путешествием ведьмы натирали себя и свои палки специальной летательной мазью. Полет сквозь трубу, как способ выхода, впервые упоминается около 1460 г. Петрусом Мамором — полет считался в некотором роде опасным, но обычно предпринимались предосторожности. Одна опасность заключалась в звуке церковных колоколов, заставлявшем метлу приземлиться. Скорость полета, в соответствии с Грилландусом (1525), обычно была достаточной, чтобы избежать этой опасности. Грилландус, тем не менее, приводит признание некоей Лукреции, которая, возвращаясь с шабаша в Беневенто, была бесцеремонно сброшена своим демоном при звоне в Анджелусе. Лукреция была в соответствии с этим сожжена. Иоганн Цандт рассказывал Бинсфельду, что в Трире в начале XVII в. в мае предписывалось непрерывно звонить в колокола по ночам, чтобы защитить город от летающих ведьм. Чин благословления церковных колоколов включен в «Pontifical» Эксберга, архиепископа Йорка (732–766), где объяснялось, почему демоны так сильно боялись их: «Пока звонят эти колокола, да исчезнет сила врагов, так же как и тени

призраков, повреждения от ураганов, ударов молний, вред от грома, бурь и всех штормовых ветров».

Единогласно утверждая виновность ведьм, власти никогда не сходились во мнении о реальности их перемещений (а также шабаша), но подавляющее большинство следовало за «Malleus Malejicarum» и верило в то, что они возможны. Гваццо заявлял:

> «Я придерживаюсь того мнения, что ведьмы иногда действительно перемещаются с места на место с помощью дьявола, который в виде козла или другого фантастического животного телесно переносит их на шабаш. Это общее мнение теологов и юристов Италии, Испании и католической Германии, которого придерживаются и многие другие».

Приериас объясняет, что перемещение оказывалось возможным благодаря тому, что вещественная материя подчиняется распоряжениям ангелов, (неважно, добрых или злых), по аналогии с движением сфер, также управляемых ангелами. Эта аналогия применительно к перемещениям выводилась из Библии, где рассказывалось о перенесении Сатаной Христа на высокую гору. Не забыли демонологи и античную легенду из Апулея о полете Памфила в облике совы, после того как он намазался волшебным жиром. Более того, верующие могли указать на многих приговоренных ведьм, признавшихся в перемещениях, «которых они никогда не совершали, или же наказанных попами за грехи, которых на самом деле не было» (Лимбох, основывающийся на таких авторах как Приериас и Спина).

«Постепенно он все более совершенствуется. Теперь он может чуть-чуть подпрыгивать. Со временем он будет даже делать больше, чем его учитель». Офорт Гойи (1799).

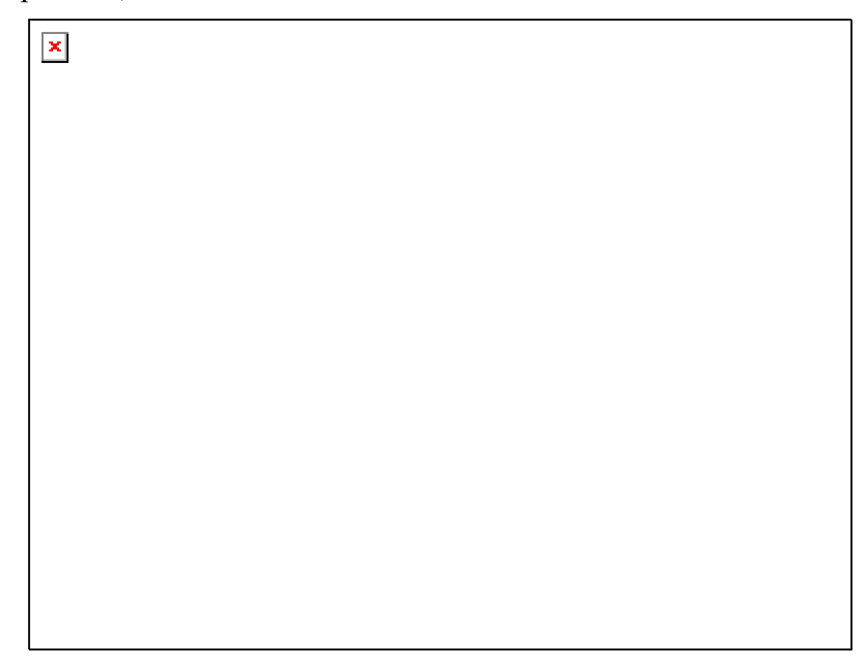
Перемещения ведьм напоминали вознесения церковных святых. Так, в «Ada Sanctorum» говорится о 70 полетах, совершенных св. Джозефом из Купертино (1603–1663), малограмотным человеком, с 8 лет страдавшим эпилептическими припадками и конвульсиями. Рассказывали, что он поднимался на восемь ярдов к распятию и даже со-

вершил это чудо в присутствии испанского посла. Мор в «Antidote Against Atheism» (1653) сообщает о славившейся своей святостью Магдалине Крусии, аббатисе из Кордовы (Испания), которая «иногда могла подняться над землей на высоту трех или четырех прыжков». В другое время, «неся образ Христа в своих руках и горестно рыдая, она распускала свои волосы так, что они падали до пят, а затем уменьшались до их обычной величины». Позже она призналась в том, что является ведьмой и замужем за дьяволом тридцать лет.

Известный флорентийский юрист Понцинибио детально классифицировал аргументы за и против перемещения. Однако он представил их в таком схоластическом виде, что вряд ли сегодня они кого-нибудь убедят. В пользу перемещения он перечисляет 10 доводов, включая признания ведьм и сообщения свидетелей, физическую возможность осуществления этого действия дьяволом и то, что полет воспринимают скорее как реальное событие, нежели как вымысел. Сам Понцинибио склонялся к противоположной точке зрения, но его пять доводов являются скорее мнениями, чем аргументами. Один из них таков: ведьмы — существа, чья вера дала трещину. Позже Понцинибио был опровергнут Гриландусом, составившим похожие перечни.

Кроме Понцинибио, перемещения опровергали другие ранние демонологи: Жан Винсент, Кассини и Кайзерсберг. Де Спина выдвинул предположение, что дьявол дурачил ведьм, пародируя ангелов, переместивших пророка Аввакума из Иудеи в Вавилон. Боден придерживался той точки зрения: тела ведьм оставались дома, и только их дух отправлялся на шабаш; так же полагали протестанты Лютер и Меланхтон.

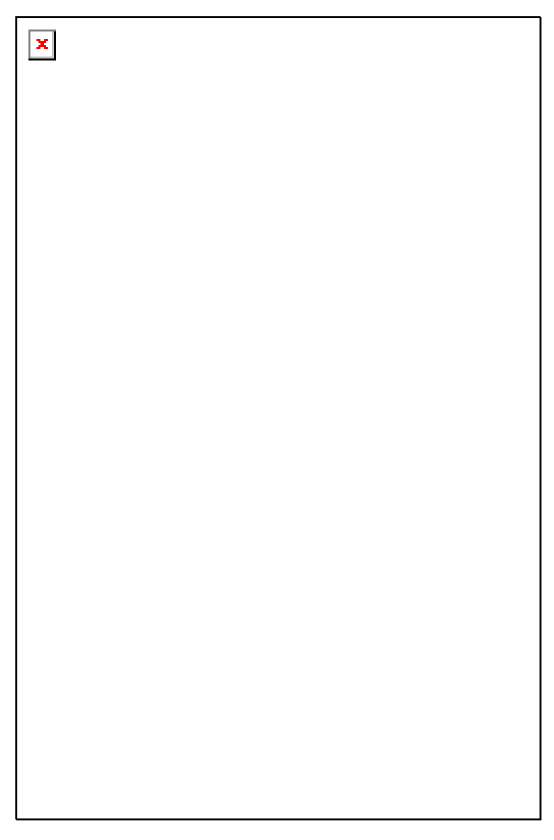
В 1560 г. Джамбатиста Порта писал, что подозреваемая ведьма пообещала принести ему сведения из отдаленного города. Она закрылась в комнате, и Порта, подсматривавший через щель, увидел, как она разделась, натерлась мазью и впала в транс. Он вошел в комнату, попытался разбудить ее и наконец избил, не оставив на ней живого места, но так и не разбудил ее. Позже ведьма рассказала о путешествии над морями и горами и о других невозможных вещах. Даже после того, как ей показали ее синяки, женщина попрежнему утверждала, что она летала.

«Иногда ведьмы действительно перемещаются с одного места на другое с помощью дьявола, который в виде козла или другого фантастического животного материально переносит их на шабаш. Подобной точки зрения обычно придерживаются католические теологи и юристы в Италии, Испании и Германии». — Гваццо (1626).

Аналогичную историю рассказал д-р Гассенди, друг Мольера. Он встретился с пастухом, мнимым волшебником, который, проглотив волшебный порошок, якобы улетел на черном коте. Доктор наблюдал за человеком, лежавшим в кровати в состоянии транса, и,

чтобы убедить других жителей в лживости историй, которые хотел рассказать пастух, дал им лекарство, вызвавшее те же самые галлюцинации, что и порошок пастуха.

«И вот они летят!» Ведьма, путешествующая на уродливом дьяволе. Бедняга дьявол, над которым все насмехаются, оказывается, может быть и полезным. Офорт Гойи (1799).

Все эти сомнения отвергал Гваццо, писавший, что «те, кто считают что перемещение не реально, а является только сном или иллюзией, впадают в очевидный грех в связи с отсутствием подлинного уважения к нашей матери церкви».

Если женщина действительно летала на шабаш, она должна была обмануть своего мужа. Реми пишет об одной ведьме, которая погрузила своего мужа в глубокий сон, натерев его ухо летательной мазью; другие ведьмы оставляли в кровати подушку, щетку или вязанку соломы, которые их мужья принимали за своих жен, а одна даже убедила своего демона остаться и заменить ее. Один из первых адвокатов, допрашивавших ведьм, Андреас Альциат из Милана (ок. 1515 г.) задает очевидный вопрос: «Почему нельзя допустить пребывание демона с демоном [cur non potius cacadaemonem cum suis daemonibus], а жены с ее мужем? Зачем перемещать реальное тело на вымышленный шабаш, а фантастическое существо — в реальную кровать?»

Современное распространение таких новых выдумок космического века как «телепортация» и «астральная проекция» указывает на живучесть народного верования в перемещение.

ПЕРКИНС, УИЛЬЯМ (1555–1602). Известный английский демонолог и пуританский проповедник, автор «Discourse of the Damned Art of Witchcraft», посмертно напечатанного в 1608 г. Другие его многочисленные и бескомпромиссные работы, в которых он выступает против католицизма, утвердили за ним славу евангелиста с крайними взглядами. Наряду с Мором и Холиуэллом, также верившими в ведьм, П. был членом-корреспондентом Крайст-колледжа в Кембридже.

Как отмечается в «Dictionary of National Biography», английские и европейские протестанты «на протяжении XVII в. считали его авторитетом, лишь незначительно уступавшим Хукеру или Кальвину». К 1610 г. «Discourse» был переведен на немецкий. В ре-

зультате П. стал авторитетней короля Якова I в полемике с теми, кто «считает колдовство простой иллюзией, а ведьм — личностями, обманутыми дьяволом». П. заслужил эту популярность, очевидно, благодаря тому, что, во-первых, королю не слишком везло в охоте на ведьм, а во-вторых, потому что сам он пренебрежительно относился к европейскими демонологам (за исключением Реми) и практически полностью опирался на Библию. В «Holy State» (1642) Томас Фуллер отмечает его как воплощающего лучшие качества «верующего священника». В «Advertisement to the Jurymen of England» (1653) Филмер все еще считал необходимым опровергать рассуждения П. полувековой давности, и даже в 1693 г. К.Мазер с одобрением отозвался о «Discourse» в «Wonders of the Invisible World». В семи главах «Discourse» описываются истинные и ложные чудеса, союз дьявола и ведьм, гадание, добрая ведьма («худшая из двух»), обнаружение и наказание ведьм. Издатель книги П., Томас Пикеринг, попросил его «отдельно высказаться об этих частностях»; эти высказывания вкратце отражают суть взглядов П. на колдовство:

> 1. Грубо ошибаются те, кто категорически отрицает существование ведьм… заявляют, что у них нет союза с дьяволом, или утверждают, что они не способны совершить то зло, что приписывается им.
>
> 2. Обоснованно осужденных ведьм следует наказывать смертью, как высшей степенью наказания, что по закону Моисея является извечно справедливым.
>
> 3. Чудеса католической церкви в наши дни являются не чудесами, а фальшивкой или обманом.

ПЕРТСКИЙ СУД НАД ВЕДЬМАМИ. Стенографические отчеты наиболее малодоступны из всех официальных судебных документов. Приводимый ниже отчет о суде в Перте, состоявшемся в 1623 г., представляет ценность из-за того, что в нем приведены показания, которые в Шотландии могли привести к аресту за колдовство: среди них простейшие народные заговоры, преимущественно умилостивительного содержания, купание и принятие ванны. Договор с дьяволом, основа системы колдовства, лишь подразумевался. Однако, на других шотландских судах над ведьмами, договор расшифровывался, как, например, в обвинениях против шестерых женщин, сожженных в Борроустоне 23 декабря 1679 г. исходя из заповедей Священного Писания (Левит, 20; Второзаконие, 18). Женщин обвинили в том, что «вступив в договор с дьяволом, врагом Спасителя нашего, они отреклись от благословенного Господа и Спасителя и своего крещения, и отдались дьяволу душой и телом».

Ниже приведен стенографический отчет суда над Изобель Холдейн в Перте в 1623 г.

> 15 мая 1623 г.
>
> Изобель Холдейн, подозреваемая в колдовстве, предстала перед сессией суда в Перте после молитвы Господу, чтобы Он открыл ее сердце и расслабил ее язык для правдивого признания:
>
> В.: Обладает ли она каким-либо искусством лечения мужчин, женщин или детей или больных?
>
> О.: Нет.
>
> В. Вылечила ли она ребенка Эндрю Дункана?
>
> О.: По указанию Дженет Коу она спустилась с Александром Лоукертом к Тарретпорту и там внизу набрала воды, принесла ее в дом Эндрю Дункана и, стоя на коленях, омыла ребенка во имя Отца, Сына и Святого Духа. После этого, взяв воду вместе с нижней сорочкой ребенка, в сопровождении Александра Лоукерта, бросила все вместе в ручей, но во время пути она немного пролила, о чем горько сожалела, потому что, если кто-нибудь наступит на это место, болезнь перейдет с больного ребенка на него.
>
> В.: Беседовала ли она когда-либо со сказочным народцем?
>
> О.: Десять лет тому назад, лежа в своей кровати, она была поднята вверх, Господом или дьяволом, она не знает, [и] перенесена на склон горы. Гора раскрылась, и она вошла туда. Она оставалась там три дня, т.е. со вторника до субботы, до пятнадцати часов. Она встретила мужчину с седой бородкой, затем перенесшего ее обратно.

Свидетель Джон Роуч показал под присягой: когда он пришел в мастерскую Джеймса Кристи, чтобы мастер сделал для него колыбель, потому что его жена была на сносях, упомянутая Изобель Холдейн, проходя мимо сказала, чтобы он не торопился, ибо в этом нет нужды: его жена не разродится ребенком, пока с этого дня не пройдет пять недель. И что ребенок, хотя и родится и будет крещен, никогда не будет лежать в колыбели и сосать, но умрет и попадет на кладбище. И все произошло так, как говорила упомянутая Изобель.

В.: Как она это узнала?

О.: Мужчина с седой бородкой сказал ей.

Свидетель Джон Роуч показал под клятвой: упомянутая Изобель Холдейн пришла к Маргарет Бьюкенен, супруге Давида Ринда, находившейся в здравии за своей обычной работой и посоветовала ей приготовиться к смерти, ибо она умрет перед рождественским постом, который должен был начаться как раз через несколько дней. И случилось так, как она сказала, женщина умерла.

В.: Как она узнала срок ее жизни?

О.: Она узнала от того же мужчины с седой бородкой.

16 мая 1623 г.

Свидетель Патрик Ратвен, скорняк из Перта, показал под клятвой: Он был околдован Маргарет Хорнслей и Изобель Холдейн, пришедшими повидать его. Она подошла к кровати и легла на него, головой к голове, вытянув руки вдоль его рук и так далее, бормоча слова, которых он не понял.

Признание. Перед тем, как упомянутый Патрик был околдован, она встретила его и запретила ему выходить, пока она не пойдет с ним.

19 мая 1623 г.

Свидетель Стефен Рей из Мьюртона показал под клятвой: Три года тому назад эта Изобель Холдейн украла немного пива в Белхауз-Холле, а он выследил ее и привел обратно. Похлопав его по плечу, она сказала: «Иди своей дорогой! Ты не заработаешь ни крошки хлеба в течение года и дня». И как она пригрозила, так оно и произошло. Он тяжело заболел.

Признавшись, что она унесла пиво и наслала болезнь на мужчину, она сказала: «Человек, который избавил меня от сказочного народца, наслал на тебя болезнь».

Она призналась также, что молча пошла к святому колодцу в Ратуэне и вернулась молча, принеся оттуда воды, чтобы обмыть ребенка Джона Коу. Когда она брала воду из колодца, она оставила там часть одежды ребенка, которую специально взяла с собой; придя домой, она помыла ребенка тем же самым образом, как она сделала с ребенком Джона Поури.

21 мая 1623 г.

Признание. Она давала напитки, чтобы излечить детей; среди прочих к ней приходила жена Дэвида Морриса, и она отправила затем ее сына собирать [звездную траву], которую она указала матери ребенка, чтобы сделать питье.

Свидетельница м-с Моррис показала под клятвой: упомянутая Изобель Холдейн без приглашения явилась к ней в дом и увидела ребенка. Она сказала, «что это ребенок, подкинутый эльфами вместо похищенного». Она взялась излечить его, и для достижения этой цели дала ребенку питье, выпив которое ребенок умер.

Уильям Янг, писец пертского пресвитера, написал собственноручно, с его соизволения.

Джонатан Девидсон, общественный нотариус и чиновник Пертского суда, скрепил собственноручно.

Суд над ней продолжался еще два дня, 22 и 26 мая, и включал похожие признания, например:

В.: Где она обучалась своему искусству?

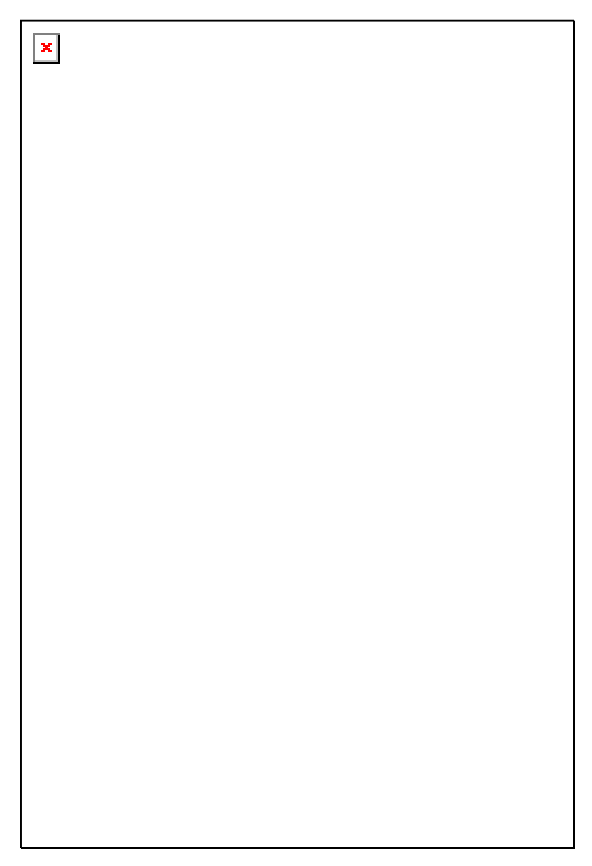
О.: Когда я лежала на родильном ложе, меня выбросило из кровати в лужу около дверей моего дома в Даннинге, и там я барахтались, [ошеломленная] и перепуганная.

В.: Кем это было сделано?

> О.: Сказочными существами, появившимися передо мной верхом на лошадях, и одетыми кто в красное, кто в серое. На серой лошади ехал главный из них, который заговорил со мной; он был приятным белым человеком. Он захотел, чтобы я говорила от имени Господа и делала добро бедным людям, и показал мне, как делать это: с помощью омовения, купания, заговаривания словами, протягивания больных через моток шерсти и подобное.

Записи неполные, но достаточные для того, чтобы утверждать, что Изобель Холдейн была признана виновной, задушена и сожжена.

ПИКО ДЕЛЛА МИРАНДОЛА, ДЖАНФРАНЧЕСКО (1469–1533). Племянник и однофамилец известного гуманиста, граф крошечного княжества Мирандолы, около Модены. Учился в университете Феррары. Ли так писал о нем: «Едва укладывается в голове доверчивость столь образованного человека». Труд П. «Strix» [«Ведьма»] ясно показывает, что теория колдовской ереси полностью сформировалась уже к началу XVI в., а поздние демонологи просто совершенствовали ее. П. обходил канон «Episcopi», утверждая, что некоторым образом современные ведьмы отличаются от упоминаемых там последователей Дианы. Он принимает фантастическую идею о ведьмовском шабаше: «Подобный ритуал не является простой выдумкой, по своей сути он очень древний и только видоизменился, впитав новые элементы в соответствии с желаниями дьявола».

Титульный лист «La Strega» (Пешия, 1555) Пико делла Мирандолы — первой книги о колдовстве, напечатанной в Италии. Из БКУ.

П. особо отмечает сношения между ведьмами и дьяволами, причем большее удовольствие, по его мнению, вызывает соитие с инкубом, чем с человеком. Для объяснения он цитирует высказывание инквизитора Дикасте:

> «Ведьмы заявляют, что получают такое удовольствие, что с ним ничто не сравнится на земле. И я думаю, что это происходит по нескольким причинам. Во-первых, из-за того, что эти злые духи принимают необычно красивый и привлекательный внешний

вид; во-вторых, из-за необычайных размеров их членов [la grandezza straordinaria de' membri], с помощью которых они вызывают наслаждение в интимных местах. Кроме этого, демоны притворяются, что они сильно влюблены в ведьм, что для этих порочных глупых женщин является самым дорогим на свете. Дьяволы могут даже трясти членом, когда он находится внутри, из-за чего женщины получают большее удовольствие, чем с мужчинами. Я убежден, что все вышеприведенное относится и к мужчинам, которые используют демонов как своих любовников; так, тот отвратительный священник (о котором я рассказал выше) говорил, что он испытывает гораздо больше удовольствия от того, что спит с демоном-суккубом, который называл себя Армелиной, чем с любой другой женщиной, которую он имел. Он имел дело с несколькими женщинами и среди них даже с собственной сестрой, и говорят, что у него был сын от нее. Этот бедный человек был так ослеплен любовью к Армелине, что очень часто она сопровождала его во время прогулок».

«Strix» занимает особое место в истории колдовства, потому что это была первая книга о нем, изданная в Италии. Сначала она была напечатана по-латыни, в 1524 г. — на итальянском и в 1555 г. — на тосканском диалекте. Немецкий перевод вышел в 1612 г. Предисловие к изданию 1524 г., написанное доминиканцем Альберти, выражало сожаление по поводу повсеместных протестов простого народа против процессов 1523 г. в Болонье. Многие возражали против сожжений, потому что считали, что обвиненные в посещении шабаша признавались только из-за пыток и позже отрекались от своих признаний. Колдовство было идеей церкви, но не народа.

ПИТТЕНВИМСКИЕ ВЕДЬМЫ. Никто из обвиненных в колдовстве в маленьком портовом городке Питтенвиме, на востоке Шотландии, не был умерщвлен в судебном порядке, но двое умерли при ужасных обстоятельствах в результате обвинений, а третий — после жестокой пытки в изгнании. Причиной этих несчастий был 16-летний юноша, Патрик Мортон. Его случай сходен с тем, что произошел с Кристиной Шоу в 1607 г.; история ее припадков неоднократно пересказывалась и была широко известна. После того, как священник по крайней мере дважды прочитал эти памфлеты Патрику, воздействие оказалось настолько сильным, что подросток стал сознательно подражать юной мошеннице из Бергерна. Действительно, в считанные минуты церковная сессия установила, что «его состояние очень похоже на то, что было у девушки из Бергерна на западе».

В 1704 г., когда он работал со своим отцом, кузнецом, юного Мортона попросили выковать несколько гвоздей для Беатрис Лейнг, жены бывшего питтенвимского казначея. Мортон был слишком занят другой работой, чтобы оказать ей услугу, и она ушла, «пригрозив отомстить, что несколько испугало его». На следующий день он увидел, как Беатрис бросает горячие угли в воду, и понял, что это его судьба определяется с помощью колдовства. Вскоре после этого он был поражен слабостью в конечностях, утратил аппетит и начал терять в весе. К маю 1704 г. он начал демонстрировать признаки эпилептических припадков: затрудненное дыхание, опухание живота, постоянные спазмы, заглатывание языка. Он сделал безумные признания о том, что его преследуют призраки Беатрис Лейнг, миссис Николас Лоусон и другие. Как и дети из Салема, он показывал отметины на руке, куда его кололи ведьмы. 19 мая 1704 г. он заявил священнику, что не получит облегчения, пока не накажут миссис Лейнг.

Истерия Патрика подробно описана в рукописи того времени «Narrative of the Trouble of Patrick Morion». В ней сообщается, как Мортон сам описывал одно из своих видений.

«Он сказал, что видел Сатану, стоящего у кровати и говорящего ему: „Мое дитя, я дам тебе серебряный костюм и серебряную ленту на шляпу, если ты признаешь, что не было Спасителя, и, хотя двое моих дорогих детей [Беатрис Лейнг и м-с Николас Лоусон] понесут наказание, с тобой в конце концов все будет в порядке».

После подачи петиции в Тайный совет 13 июня 1704 г. обвиняемые были заключены в тюрьму. Несмотря на свое социальное положение, Беатрис Лейнг подверглась мучительной пытке. Она была обыскана на предмет клейма дьявола, затем содержалась без сна в течение пяти дней и ночей. Последовало признание, вовлекшее в процесс Джанет Корнфут, миссис Николас Лоусон, Изобель Адам и других, но она тотчас отказалась от него. В отместку магистрат заключил ее в колодки, перевел в «Воровскую яму» и затем содержал в «темнице, где не было ни света, ни человеческого общества» в течение 5 месяцев. Наконец, благодаря влиянию двух членов Тайного совета, рвение местных судей было обуздано, и Беатрис, вместе с несколькими другими обвиняемыми, была освобождена с уплатой денежного штрафа в 8 шотландских фунтов (В 1700 году пара одеял стоила 3 шотландских фунта или 5 английских шиллингов). Но ярость местного населения была столь велика, что она не смогла вернуться домой и была вынуждена скитаться за границей; умерла она в Сент-Эндрюсе.

Приводим образец признания, к которому в итоге принуждали судьи. Он сделан Изобель Адам, которой после заключения было также разрешено купить свою свободу с помощью совершенно противозаконного штрафа:

> «Призналась в том, что примерно спустя две недели после Мартынова дня [11 ноября], она пришла к Беатрис Лейнг и там увидела небольшого черного человека в шляпе и черных одеждах, сидящего на краю доски, и Беатрис сказала: „Вот господин, который наймет [примет тебя] на работу“. После того, как она была нанята, дьявол поцеловал ее и рассказал ей, что знает о ее недовольстве своей судьбой и что, служа ему, она будет иметь столько денег, сколько сама захочет. И что перед Новым годом и после него дьявол появлялся перед ней в доме Томаса Адама, и там она отреклась от обряда крещения; и точно также она призналась, что побывала в доме Макгрегора вместе с Беатрис Лейнг, [миссис] Николас Лоусон, Дженет Корнфут и Томасом Брауном, чтобы задушить упомянутого Макгрегора».

Вторым, расставшимся с жизнью, был Томас Браун. Он умер от голода в тюрьме. Третьей погибшей вследствие галлюцинаций Патрика Мортона, была Дженет Корнфут. Она была подвергнута пытке на основании новых обвинений в околдовывании Александра Макгрегора. Дженет призналась под пыткой, состоявшей в бичевании ее приходским священником Патриком Купером, но потом отказалась от своих слов. Поскольку это вдохновило других обвиняемых отказаться от своих признаний, она была перемещена из Толбутской тюрьмы в башню. Она бежала, но вернулась к священнику (известному охотнику на ведьм), отказавшемуся предоставить ей убежище. После этого Дженет искала убежища в доме одной из обвиняемых в колдовстве.

> Там, где священник пылал рвением против дьявола и его эмиссаров (как в Питтенвиме), приход становился идеальным парником для культивации ведьм, он производил столь удивительный урожай, что ничто другое уже не могло произрасти там. Но, если священник обладал частицей гуманности и небольшим здравом смыслом, дьявол очень редко ступал на его территорию, и колдовства здесь не обнаруживалось.
>
> Томас Джордж Стивенсон (1871).

В ночь на 30 января толпа, разъяренная ее побегом, схватила Дженет, связала, избила и притащила на берег. Здесь ее подвесили на канате, протянутом с берега на корабль, раскачивали взад и вперед и забрасывали камнями. Затем ее отвязали, снова избили и, наконец, накрыли дверью, и, наложив на нее камней, раздавили до смерти. «И чтобы убедиться в том, что это произошло, они позвали человека с лошадью и тележкой и заставили его переехать через ее труп взад и вперед несколько раз». Ни магистрат, ни священник не предприняли никаких попыток предотвратить линчевание, хотя в предыдущий вечер бей-

лиф разогнал толпу. Священник отказал ей в христианском погребении, и лидеры толпы не подверглись преследованиям.

Со временем мошенничество Патрика Мортона было разоблачено, и вскоре после этого один шотландский дворянин сказал: «Все здравомыслящие люди должны испытывать стыд от того, что поверили этому субъекту».

ПЛАВАНИЕ (пытка). Испытание погружением в воду является одним из древнейших способов определения невиновности или вины. Монтегю Соммерс, издав труд Хопкинса «Discovery of Witches» (1647), привел образцы ранних законов, начиная с вавилонского кодекса Хаммурапи, III тысячелетия до н.э.:

> «Если человек обвинит другого в черной магии и если его дела не поправятся, того, кто таким образом обвинен, должно отвести к реке и погрузить в воду. Если река поглотит его, тогда его собственностью будет обладать обвинитель. Если, однако, река докажет его невиновность, и он не утонет, обвинитель должен быть предан смерти, и собственность казненного должна перейти к тому, кто прошел испытание».

В англосаксонских законах короля Ательстана (925–939) и короля Эдуарда Исповедника (1042–1066) испытание водой (indicium aque) тесно связывается с колдовством, а «суд с помощью воды» становится единым испытанием для всех преступлений, причем погружение теперь доказывает невиновность. Однако в 1219 г., при Генрихе III, испытание водой было упразднено, хотя его продолжали использовать неофициально.

Подобно многим традиционным суевериям, инкорпорировавшимся в ересь колдовства, «плавание» сопровождало все развитие суеверия. Оно достигло своей вершины примерно в первой половине XVII в., особенно (в Англии) благодаря одобрению этого испытания королем Яковом I.

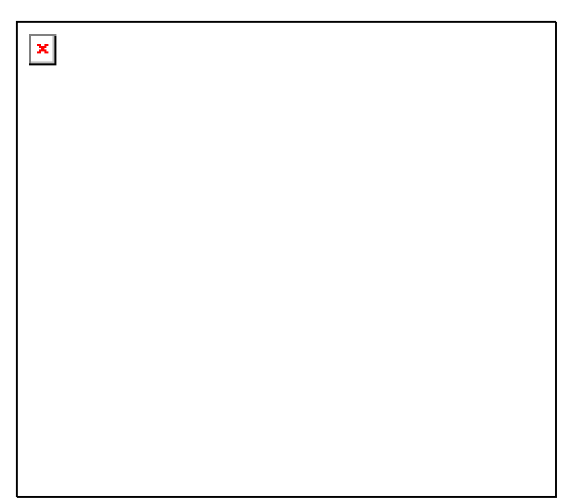
> «Установлено, что Господь определил как сверхъестественный признак чудовищного богохульства ведьм то, что вода, которая смывает с них святое крещение отказывает им в милости, не принимая их в свои глубины».

Хопкинс, оригинальный «генерал-охотник за ведьмами», поощрял «плавание», но писал, что никогда не принимал к рассмотрению свидетельств, основанных на нем. Он опровергал обвинение, будто «плавание» является «отвратительным, антигуманным и безжалостным судом над несчастными существами, …судом, не дозволенным ни законом, ни совестью». Примерно в то же время во Франции (в 1601 г. и снова в 1641 г.) парламент Парижа запретил использовать плавание как доказательство, и 10 августа 1642 г. он осудил на смерть судей из Бражелона за применение водяного испытания ведьмы, во время которого она умерла.

Как пишет Филмер в 1653 г., метод состоял в привязывании большого пальца правой руки к большому пальцу левой ноги, так что ведьма оказывалась связанной «крест-накрест», и трехкратно погружалась в воду. В более ранние времена правый палец руки привязывался к правому пальцу ноги. Если она плавала [держалась на поверхности] и не тонула, то признавалась виновной. Если тонула, она была невинна, и, конечно, могла утонуть, если ее не спасали палачи. Некоторые знали о специальных приемах, которые могли заставить испытуемую плавать и, следовательно, делали ее виновной. Эйди утверждал, что в Библии нет указаний на испытание ведьмы погружением или плаванием, но он указывал, что расположение жертвы «прямо на спине и [поддержка] ее ног веревкой, приведут к тому, что ее «передняя часть не утонет» («A Candle in the Dark», 1656).

Основным европейским приверженцем испытания водой был Уильям Адольф Скрибониус, гессенский школьный учитель, написавший «De sagarum Natura et Potestate, deque his recte cognoscendis et punienddis physiologia» [«О природе и силе ведьм и о теории их правильного обнаружения и наказания»], (1588). Его работа была переведена на анг-

лийский язык гораздо позже, чем «Certainty of the World of Spirits» (1601) Бакстера. Однако, большинство европейских юристов и теологов не выделяли плавание как свидетельство против ведьм, а Бинсфельд фактически говорит о том, что оно было запрещено, наряду с другим общепринятым испытанием каленым железом.

Плавание Мэри Саттон (1612), часть титульного листа памфлета Бодена «Witches Apprehended, Examined, and Executed» (Лондон, 1613).

Следовательно, испытание плаванием появилось позже и обычно применялось по настоянию обвиняемого, но не принималось в расчет гражданскими судьями.

Первое допущение «плавания» как доказательства в английских судах произошло в 1612 г. в Нортхемптоне, в деле Артура Билля и его родителей, а последнее официальное использование состоялось в 1717 г. в Лестере, когда обе обвиняемых, мать и дочь, «плавали, как пробка, кусок бумаги или пустой бочонок, хотя и делали все, что могли, чтобы утонуть». Последний случай был явным нарушением запрета Верховного судьи лорда Паркера, вынесшего в 1712 г. «общее предупреждение, что, если кто-нибудь в будущем осмелится действовать подобным образом, и человек лишится из-за этого жизни, все, кто явятся причиной этого, будут признаны виновными в преднамеренном убийстве.….ни указ короля Якова, ни все имеющиеся прецеденты не спасут их от виселицы». В связи с нарушением этого запрета в 1694 г. было возбуждено дело против трех мужчин, заставивших плавать Анну Уэдден.

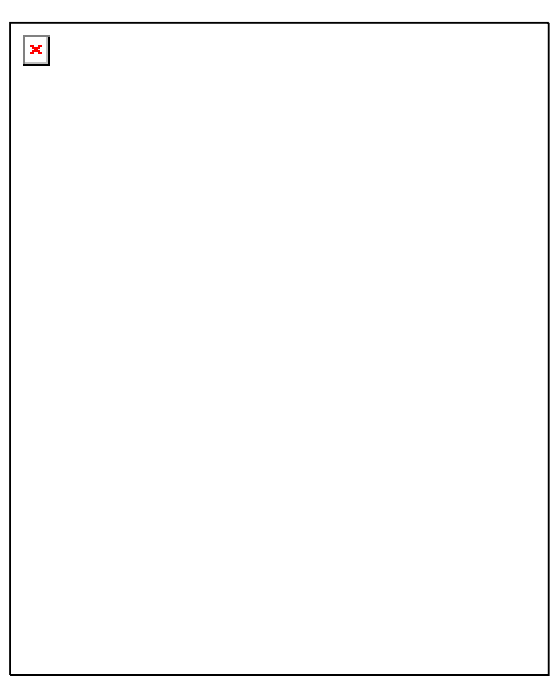
В Америке супруги, связанные с г-жой Гринсмит, повешенной за колдовство в Хартфорде в 1633 г., «плавали наподобие буйков, частью над, частью под водой… [зная] о том, что не вода, а виселица угрожает им, тем не менее держались на поверхности» [см. Коннектикутские ведьмы]. В 1706 г. Грасс Шервуд, ведьма из Вирджинии, хотела доказать свою невиновность, подвергшись «испытанию водой и нырянием». Суд согласился, «проявив заботу о ее жизни, позаботиться, чтобы она не утонула».

После запрета лорда Паркера «плавание» стало уделом черни. В 1751 г. толпа убила двух старых нищих в Тринге, Нортхемптоншир [см. Осборн, Руфь]. В 1760 г. в Лестере было начато судебное преследование против зачинщиков толпы, устроившей «плавание». В 1783 г. в Нортхемптоне Сара Бредшоу, пользовавшаяся всеобщей известностью как ведьма, умоляла, чтобы ее пустили плавать, как утку, и, к счастью для нее, она быстро утонула. В 1829 г. в Монмуте несколько человек подверглись испытанию плаванием как подозреваемые в колдовстве. Е.Линн Линтон в «Witch Stories» (1861) рассказывает о «старом джентльмене, умершем не так давно, [который], когда он был мальчиком видел ведьму в полстедском пруду, и она плавала по воде, как пробка». В 1865 г. в замке Хедингем Эмма Смит и Самуэль Стаммерс были обвинены в том, что руководили толпой в 60 или 70 человек для испытания плаванием старого и глухонемого француза. Он умер на следующий день от простуды, и двое зачинщиков предстали перед челмсфордской выездной сессией [«Таймс», Лондон, 24 сентября, 1865]. На протяжении XIX в. можно собрать и

другие подобные случаи, отражающие живучесть веры в чародейство после того, как колдовство перестало считаться ересью.

ПОЛТЕРГЕЙСТ. Немецкое слово, буквально обозначающее дух [«geist»], производящий шум или гам [«polter»]. Введено в Германии Лютером, в Англии впервые употреблено в 1848 г. Кетрин Кроув, но получило широкое распространение только после 1926 г., когда медиум Элеонора Заган получила обширное печатное сообщение от «П.-девочки». Из всего легиона демонов, в которых верили во времена колдовской истерии, П. является единственным демоном, в которого до сих пор верят, хотя и не до конца, многие легковерные.

П. находится вне основного традиционного течения христианского колдовства, но его проявления известны с ранних столетий и включались в maleficia ведьм. Так, тедвортского «барабанщика» обвиняли в звуковых проявлениях в доме м-ра Момпсона и «допрашивали как колдуна» [см. Полтергейст в Тедворте]. Распространенную точку зрения дает легковерный Кроуч в книге о предрассудках «The Kingdom of Darkness» (1688): «И поскольку ведьмы существуют, они и являются причинами тех странных беспорядков, которые бывают в домах, населенных злыми духами». Только в XVIII и XIX вв., когда в колдовство уже не верили, появились многочисленные описания П., возникавших независимо от ведьм.

Озорные проделки полтергейста. Гравюра из немецкого перевода (1693) книги Николаса Реми «Daemonolatreia» (1595). Иллюстрации с изображением полтергейста достаточно редки.

Классические демонологи XVI и XVII вв. отмечали несколько явлений П. и приписывали их демонам. Уже де Спина (1460) и Нидер (1470) приписывали озорные проделки duende de casa (домашних духов) иерархии демонов. Джироламо Меньи описывает отвратительный П. 1579 г. в Болонье, производивший шумы и беспорядки и безобразничавший с молоденькими служанками. Бинсфельд (1589) узаконил разрыв арендатором договора, если его дом беспокоили назойливые демоны. Гваццо в «Compendium Maleficarum» (1608) описал странные происшествия, которыми сопровождалась смерть молодой девушки в Калласе:

> «Камень ударил служанку в плечо; сосуд, стоявший на столе, полетел в нее. И над большей частью города были видны черепица и шифер, брошенные с сильным ревом на расстояние в две мили (в пригородах Калласа не было такого количества черепицы

и шифера, поскольку почти все дома этого города были покрыты пальмовыми листьями) …в сад влетел кирпич и перевернул накрытый обеденный стол».

Испанский писатель Антонио де Торкемада (чей роман «Повествование о непобедимом рыцаре Оливанте Лаврском, принце Македонском…» находился в библиотеке Дон Кихота) в «Jardin de las Flores Curiosas» (1570), переведенном на французский как «Hexameron», описал типичный П., досаждавший в Саламанке, в доме, где проживали «две вовсе не красивые молоденькие девушки». Вызванные из-за беспокойства мэр и 20 мужчин обыскали дом.

> «И вот! Едва они достигли места, где перед этим был сильный шум, как в них с силой полетели камни и сбили их с ног, не причинив им вреда. И поэтому они снова отправились, чтобы увидеть, откуда этот град камней продолжал падать; и хотя они ничего не обнаружили в том месте, град камней продолжал падать. …Один из [мужчин], посмелее остальных, бросил один из камней в дом, говоря: „Если это пришло от тебя, о дьявол, брось этот камень обратно в меня“. И когда это было тотчас сделано, не осталось никакого места для сомнения, что дом был населен демонами, как и говорила экономка».

Некоторые скептики полагали, что происшествия были сфабрикованы девушками, чтобы способствовать их свиданиям с возлюбленными.

Его преосвященство отец Герберт Тарсон в 1954 г. отмечал, что католическая церковь «никогда не собирала значительных отчетов об этих призрачных видениях-духах, которые, как говорят, время от времени нарушают спокойствие в некоторых обычных жилых домах». Более того, П., оказались невосприимчивыми к христианскому вероучению и сопротивлялся экзорцизму: известно очень немного общепринятых ритуалов для изгнания демонов из домов [см. Экзорцизм]. Роберт Бойль, основатель Королевского общества, открывший физический «закон Бойля» засвидетельствовал опыты священника-гугенота Франсуа Перроля в 1612 г.; по его просьбе д-р Петер де Мулен опубликовал рассказ об этом случае в 1658 г. в Оксфорде. В одном случае французский П. насмехался над протестантским священником и иронически предлагал священнику отправиться к католическому кюре, «которому он должен исповедаться и попросить святой воды; если он осмелится принести ее с собой, это тотчас заставит меня убраться».

Из различных описаний того, что подразумевалось под П., собраны следующие типичные проявления:

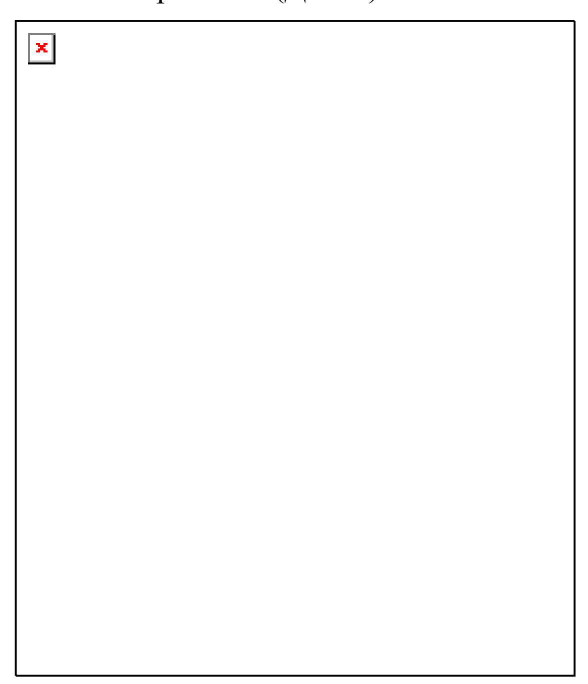
1. Шумы или стуки явно не естественного происхождения, по стенам или потолкам, или шаги по полу и лестницам.

Характерное описание привел Джозеф Гланвиль в случае с тедвортским «барабанщиком» (1622):

> «Однажды ночью, проделав свои штучки около ножек кровати [хозяина], он отправился к другой кровати, где лежала одна из хозяйских дочерей. Там он ходил из стороны в сторону, поднимая ее вверх, когда проходил мимо. При этом от кровати доносились три. различных шума. Когда хозяин бросился на него с саблей, он продолжал двигаться и аккуратно избегал опасности, подлезая под ребенка, когда его пытались ударить. На следующую ночь он пришел, дыша как запыхавшаяся собака. Когда же кто-то взял деревянную кроватную доску, чтобы его стукнуть, она была выхвачена из руки и отброшена. Когда все поднялись, комната тотчас наполнилась зловонным будоражащим запахом, и стало очень жарко, хотя огонь не был разожжен, несмотря на то, что стояла очень резкая и суровая зима. Пыхтенье и царапанье в кровати продолжалось на протяжении полутора часов, а затем все переместилось в соседнюю комнату, где еще немного постучало, и, кажется, зазвенела цепь».

2. Неконтролируемые передвижения [телекинез] небольших предметов (например, тарелки или всякого старья), иногда разбивавшихся, а иногда медленно падавших, явно

потеряв вес, случайные перемещения других небольших предметов (например, колокольчиков); бросание небольших камней [литоболия] как внутри, так и снаружи дома. В разряд телекинеза можно включить якобы непроизвольные перемещения очень тяжелых предметов, таких как столы, кровати, тяжелая кухонная посуда, стаскивание постельных принадлежностей (старая шутка, известная еще парижскому епископу XIII в. Гильому Овернскому). Демон XVII в. из Шпрейтона (Девон) забавлялся со шнурками от ботинок:

Представление о демоне-полтергейсте конца XVII в.

> «В другой раз видели, как один из шнурков без прикосновения рук выскользнул из его ботинка и перелетел на другую сторону комнаты. Другой пополз за ним, но служанка, завидев это, своей рукой повернула его назад, но он поразительным образом схватил ее и обкрутился вокруг ее руки, наподобие настоящего угря или змеи» (Бове, «Pandaemonium», 1684).

Бросание камней является другим распространенным проявлением П. и, очевидно, самым ранним из отмеченных, поскольку о «ливнях камней» в VI в. до н.э. сообщал еще Тит Ливий, а в 530 г. н.э. св. Киприан рассказал, как врач короля Теодориха претерпел «дьявольское нападение» в виде града камней в его доме. И.Мазер упоминает «дьявола, бросавшего камни», из Нью-Хемпшира.

3. Исчезновение небольших предметов и их случайное обнаружение в неожиданных потайных местах.

И.Мазер рассказывает, как в Ньюбери (Массачусетс) в 1679 г. Уильям Морз вместе со своим юным внуком Джоном Смайлзом после многочисленных любопытных происшествий стал есть сыр, причем «куски, которые он отрезал, вырывались у него и потом были обнаружены на столе под фартуком и парой брюк» («Illustrious Providences», 1684). На следующий день «чернильница, сделанная из рога, была взята у него, когда он писал, и когда после долгих поисков он не мог ее найти, то увидел, как она упала из воздуха около очага». Подобно другим одержимым детям, у Джона Смайлза были припадки, во время которых «он лаял как собака и кудахтал как курица… его язык вываливался изо рта». В этом случае в результате П. и одержимости обвинили в колдовстве Морз и Калеб Пауэлл (обеим удалось избежать повешения).

Синистрари, один из последних демонологов, приводит классическую историю подобных проделок. Демон-инкуб, разгневанный тем, что его ухаживания были отвергнуты, заставил исчезнуть стол, приготовленный для званого обеда, и унес из кухни всю еду. Ко-

гда опечаленные гости собрались уходить, инкуб вернул стол и даже накрыл его новой превосходной едой и винами. «Все гости были полностью удовлетворены, так что никто не мог даже думать об ужине после такого великолепного обеда».

4. Случайные крупные разрушения, например, поджог.

В «Daemonolatreia» (1595) Реми приводит следующую историю:

> «Лет двадцать назад некий распутный демон начал беспрерывно днем и ночью бросать камни в слуг одного из жителей Дольмара, [Лотарингия], однако после того, как он безрезультатно проделывал это длительное время, жители начали рассматривать это как шутку и, в свою очередь, осыпали его насмешками и оскорблениями. Тогда под покровом ночи он поджег сразу весь дом, и никакое количество воды не помешало дому тотчас сгореть дотла».

Согласно ранней традиции подобные беды приписывались колдовству, затем, когда легковерие приняло другие формы, — столь же фантастическому П. Когда выявлялась определенная причина подобных разрушений: самовозгорание или дело рук человека, пусть и не слишком сознательного (например, «маньяка-поджигателя») — веровавшие в духов видели в ней не источник, а лишь сопровождение вспышки, вызванной демоном-П.

Перечисленные выше четыре типа беспорядков могут быть найдены в большинстве примеров П.

Преследуемый дворецкий. Рис. Крукшенка. «Несмотря на усилия лорда Оррери, несмотря на двух епископов, бывших в то время его гостями, несмотря на знаменитого м-ра Геатрикса, они едва ли могли отнять дворецкого у фей, уносивших его как свою законную добычу. Феи подняли его в воздух над головами смертных, которые могли только бежать внизу, чтобы воспрепятствовать его падению, когда те соизволят отпустить его». — Вальтер Скотт (1830).

В большинстве отмеченных случаев явления П. связывают с определенными личностями, чаще с маленькими детьми, особенно девочками, такими как Хетти Веслей [см. Полтергейст в Эпворте]. Описания множества детей включают признаки истерии сходные с теми, что встречаются при демонической одержимости. Когда обман был точно доказан, причина того, что казалось сверхъестественным или аномальным явлением, оказывалась или происками зловредного и хитрого ребенка, или следствием душевного заболевания взрослого. Иногда чтение историй о происходивших ранее беспорядках вызывало новые явления. Так называемый П. из Деригоннелли, ставший известным благодаря исследованию профессора сэра Уильяма Барретта в 1877 г., аналогичен подобному случаю в Эпворте, возможно, потому что пятеро детей-методистов услышали рассказ Джона Веслей о Джефе. Подобным же образом легкомысленное обращение с памфлетом об уорбойских ведьмах вдохновило многих других юных мошенников подделать припадки и обвинить старых женщин в колдовстве.

Люди не часто получали повреждения от П.; наиболее серьезные увечья являлись следствием поджогов. Молодые люди, медиумы, через которых якобы проявлялись неприятности от П., иногда заболевали. Петр Тирский в «Loca Infesta» [«О местах, населенных призраками»] (1598) рассказывает о нескольких монахинях, которым досаждал любящий увеселения П., щекотавший их «почти до смерти». Действия П. не всегда были зловредными или опасными, чаще являясь злонамеренными проделками, с помощью которых подросток пытался обмануть взрослых. Фактически П. ведет себя как шаловливый мальчишка. Джон Веслей рассказал, как его мать попросила П. из Эпворта, чтобы он не беспокоил ее между пятью и шестью часами, когда она находилась на вечерней молитве, и с тех пор «его никогда не слышали в комнате с пяти до тех пор, пока она не поднималась наверх, и ни в какое другое время, когда она молилась». Бергернская мошенница также была школьницей и, в соответствии со своим собственным развитием и воображением, убедила нескольких священников в демоне-П.

То, что многие исследователи приписывают все действия П. мошенничеству или самообману свидетелей, не должно вызывать удивления. Поступая так, они принимают механистическое объяснение, данное в одной из самых ранних книг в Англии, описывающей явления П., — «Of Ghosts and Spirits Walking by Night, and of strange noises, cracks, and sundry forewarnings» (1572) Людвига Лафатера, переведенной с латинского издания 1570 г., где автор высказывал серьезные опасения по поводу некритичного легковерия:

> «Меланхолики и сумасшедшие воображают многие вещи, которые по самой своей сути не могут происходить… Многие естественные вещи приписываются демонам, так, например, когда они слышат крики крыс, котов, ласок, куниц или любых других зверей, или когда лошадь бьет копытом в обшивку стойла в полночь, — снова и снова покрываются они потом от страха, представляя, как призраки прогуливаются глухой ночью. … Если жук-древоточец случайно грызет стену или стенную панель или другое дерево, они будут говорить о том, что слышали, как кто-то тихо стучал по наковальне кувалдой [молотом]».

Восемь классических исторических описаний П., связанных с колдовством, отобраны в отдельных статьях не только для того, чтобы предоставить увлекательное чтение, но и потому, что они отражают распространенные черты проявлений П.:

Бергернская мошенница (1697); Гленлусский дьявол (1654); дьявол, кидающий камни (1682); Мегги-Айлендский суд над ведьмами (1711); Полтергейст в Салмон-Фоллсе (1683); Полтергейст в Сидвилле (1849); Полтергейст в Тедворте («Барабанщик» из Т.) (1662); Полтергейст в Эпворте (1716).

ПОЛТЕРГЕЙСТ В САЛМОН-ФОЛЛСЕ. Описание странного происшествия в Салмон-Фоллсе в Бервике (Мэн), включенное И.Мазером в «Ilustrious Providences» (1684), представляет собой любопытный рассказ об американском Полтергейсте 1683 г. Эту историю поведал Мазеру преп. Джошуа Муди, переписавший ее у Томаса Бруктона, известного бостонского торговца, который в свою очередь записал ее «со слов женщины и ее мужа».

> Краткое повествование о различных появлениях Сатаны и множественных оскорблениях, нанесенных им Мери, жене Антонио Хортадо, проживающей около Салмон-Фоллса. Записано с ее слов 13 августа 1683 года.
>
> В июне 1682 г. (день она не помнит), вечером, упомянутая Мери услышала голос у двери своего дома: «Что ты здесь делаешь?» Примерно через час, также у двери, она получила удар в глаз, так что ее голова едва не стукнулась о дверной косяк. И два или три дня спустя, камень (как она считает) весом примерно полфунта или фунт был сброшен через трубу в очаг. Когда же [она] захотела подобрать его, он исчез. Вся семья находилась в доме, и не было видно ни одной руки, которая могла бы служить орудием для бросания камня. Примерно два часа спустя все услышали, как сковородка, до того

висевшая над очагом, начала звенеть так громко, что не только те, кто был в доме слышали ее, но также другие, жившие на другой стороне реки на расстоянии сотни ярдов или более того.

После того упомянутая Мери и ее муж, плывшие в каноэ через реку, увидели нечто, похожее на свежеобритую голову мужчины, и хвост белого кота на расстоянии примерно двух или трех футов друг от друга, плывущих перед их каноэ, но не было видно тела, которое соединяло бы голову с хвостом. Когда они менее чем через час плыли обратно, упомянутый призрак снова преследовал их каноэ, но исчез, когда они пристали к берегу.

Спустя день или два, когда упомянутая Мери находилась в ярде от дома, она получила удар в голову (как ей показалось) камнем, вызвавший опухоль и большую шишку на голове. И вскоре, при входе в дом, обе ее руки были искусаны до черных и голубых синяков, и одна ее грудь исцарапана, и следы зубов (подобные зубам мужчины) ясно видели многие свидетели.

Когда после этого они покинули свой дом, чтобы поселиться у соседей на другом берегу реки, перед упомянутой Мери в доме ее временных сожителей появилась женщина, одетая в зеленую накидку, короткую голубую мантилью и белую шапочку, намеревавшаяся ударить ее головешкой, но так и не ударившая. На следующий день тот же призрак снова явился ей, но теперь уже в сером одеянии, белом фартуке и в белом платке, несколько раз смеясь при появлении, но никакого голоса не было слышно. С тех пор упомянутая Мери была свободна от этих сатанинских приставаний.

Но упомянутый Антонио, в конце прошлого марта вернувшийся с семьей в свой собственном дом, войдя туда, услышал шаги человека, ходившего по комнате, и увидел, как доски гнулись под его ногами по мере того, как он ходил, но, заглянув в комнату, они никого там не увидели.

После этого он вернулся с семьей жить на другую сторону реки. Хотя он и бросил свой дом, но все же засеял землю, а у него было пять ярдов хорошо ухоженной земли. Хотя на каждом поле он видел следы скота, а самого скота не было видно, посевам не было причинено никаких повреждений, кроме объеденных колосьев.

ПОЛТЕРГЕЙСТ В СИДВИЛЛЕ. Беспорядки, отмечавшиеся в 1850 г. в доме приходского священника в Сидвилле, в двадцати милях к северо-западу от Парижа, возможно, представляют пример наиболее разнообразных проявлений отдельно взятого полтергейста. Более того, их подтвердили перед судом 34 свидетеля, а juge de paix (мировой судья) справедливо заметил, что «какова бы ни была природа необычайных фактов, происшедших в Сидвилле, их причина остается неизвестной, несмотря на все представленные показания».

П. стал предметом судебного разбирательства, когда Феликс Торель, 40 лет, обвинил в клевете деревенского священника, назвавшего его колдуном. Как полагал отец Тинель, неслыханные события в его приходе были слишком запутаны, чтобы быть просто выходкой двух его учеников. Случись околдовывание двумя или тремя столетиями ранее, Торель, похвалявшийся тем, что причинит беспокойство кюре, был бы сожжен как колдун, но в XIX в. Торель лишь спровоцировал судебное разбирательство.

История начинается, как и многие тысячи прежних судов над ведьмами, с кратких сухих, почти классических угроз с пожеланиями зла (malum minatum) и последовавшего за ними зла (damnum secutum). Посетив одного из прихожан, которого лечил пожилой знахарь, отец Тинель посоветовал ему отправиться к врачу. Спустя несколько дней колдун, обозначаемый как Ж., был арестован за врачебную практику без лицензии, во многом, как он подозревал, благодаря священнику.

Чтобы отомстить, Ж. нанял Тореля, деревенского дурачка из Сидвилла. Торель должен был дотронуться до двух учеников отца Тинеля. Вскоре мальчики стали жаловаться на появление пугавших их призраков, П. и избиение невидимками — словом, сделались одержимыми.

26 ноября 1850 г. мальчики слышали постукивания, наподобие легких ударов молотком по стенной панели учебного класса. К субботе, 1 декабря, удары стали очень на-

зойливыми, и отец Тинель тоже услышал их. Когда он произносил «Plus fort», шумы становились громче. В понедельник Клемент Бюнель, старший ученик, четырнадцати лет, решил приказать П. «отбить время мелодией «Maitre Corbeau», что он тотчас исполнил (наподобие барабанщика из Тедворта, который отбивал «Roundheads and Cuckolds» на протяжении часа). Они реагировали подобным же образом и на команду отца Тинеля. С этого момента и в течение двух следующих месяцев до 15 февраля 1851 г., когда мальчики были переведены из дома священника по приказу архиепископа Парижского, дом был заражен. Столы двигались, щипцы и совки подскакивали на очаге и прыгали таким же образом обратно, молоток летал по комнате и тихо возвращался отдыхать на пол, подсвечник опрокинулся на горничную, двери отказывались открываться, шумы в комнате мальчиков стали оглушающими.

Сашеверель Ситуэлл в увлекательной, изобилующей фактами книге «Poltergeists» замечает, что сидвилльский случай содержит почти все разновидности феномена П.: постукивания, ответы с помощью стука, выстукивание популярных мелодий, перемещение столов и мебели, бросание ножей, поднимание и опускание половиц, бросание камней, вызывание сквозняков, сбрасывание подушек и постельных покрывал. Перечень его проявлений читается как краткое изложение всех типичных случаев П.

Подозрение пало на Тореля, как главного виновника. Однажды Торёль посетил дом приходского священника (возможно, для того, чтобы проверить эффективность своего колдовства), и отец Тинель заставил его попросить прощения у своего младшего ученика Густава Лемонье, который жаловался, что черная рука (не прикрепленная к телу) ударила его и тащила за ногу. «Человекоподобный призрак, одетый в блузу, повсюду преследовал меня в течение пятнадцати дней, когда я выходил, и никто, кроме меня, не мог его видеть». Приведенный на очную ставку с Торелем, ученик узнал в нем того, кто преследовал его в течение двух недель, и заявил Тинелю: «Вот человек, преследовавший меня». Старший ученик также опознал в Тореле призрака, досаждавшего ему. Согласно более поздним показаниям Бюнеля, после этого столкновения «у Лемонье произошел нервный срыв, и он потерял сознание».

Торель продолжал хвастаться своими сверхъестественными способностями, утверждая, что, если бы он только мог снова дотронуться до одного из мальчиков, мебель бы пустилась в пляс, и окна разбились. Так и случилось. Отмечались даже примеры симпатической магии: гвозди вбивались в пол, туда, где Лемонье видел призрак Тореля; один гвоздь раскалился, вызвав возгорание пола, и Лемонье заявил, что видел, как гвоздь поразил щеку «человека в блузе». Вскоре после этого Тореля видели с раной на лице.

Перелом в отношениях между отцом Тинелем и Торелем произошел, когда Торель потерял работу пастуха в связи с подозрением в колдовстве, и когда отец Тинель ударил его своей прогулочной тростью. В связи с этим оскорблением Торель возбудил судебное дело за клевету. Слушания открылись 7 января 1851 г., были отложены до 28 января для сбора показаний и закончились 4 февраля 1851 г.

Среди свидетелей были некоторые известные и уважаемые люди: Адольф Шеваль, мэр Сидвилла; отец Мартин Транквилл Леру из Соссе; отец Атанас Буффе из Сен-Маклу в Руане; отец Адальберт Оноре Гобер также из Руана; месье и мадам Рауль де Сен-Виктор, владельцы местного замка; Мари Франсуаза Адольфа де Шамп де Буа-Эбер; Шарль Жюль, маркиз де Мервиль. Несмотря на нападки со стороны защиты, все эти свидетели и большинство местных жителей сошлись в одном — реальности происшедшего.

Отец Леру свидетельствовал: «Я видел вещи, которые я не могу объяснить, …кусок хлеба, лежавший на столе, исчез под столом; и поскольку все оставались на своих местах, казалось невозможным, чтобы кто-нибудь из нас бросил его подобным образом». Мадам де Сен-Виктор слышала, как часы бьют мелодию, и поклялась, что она наблюдала очень пристально за мальчиками. Она не видела движений их ног или рук. «Они никак не могли этого сделать». Отец Буффе «специально отметил, что дети оставались неподвижными, когда начинались беспокойства, и было очевидно, что они не могли вызвать их».

Наиболее подробное заявление было сделано маркизом де Мервилем, известным исследователем оккультных явлений, приехавшим для наблюдений из Парижа. Позднее он опубликовал сидвилльскую историю в книге «Des Esprits» («Духи»).

> «Итак, после завтрака, когда кюре отправился служить мессу, а дети занимались в классе, он осуществил свое намерение наедине провести эксперимент следующим образом:
>
> «Сколько букв в моем имени? Ответь количеством ударов».
>
> Последовало восемь ударов.
>
> Сколько букв в моем имени, данном при крещении?
>
> Пять ударов (Jules).
>
> «Сколько во втором имени?» Исследователь отметил, что этим именем его никогда не называли, и оно было записано только в метрической книге.
>
> Семь ударов (Charles).
>
> «Сколько букв в имени моей младшей дочери?»
>
> Девять ударов. В этот раз была первая ошибка, имя было Blanche, но удары тут же возобновились, и простучали семь раз, таким образом первоначальная ошибка была исправлена.
>
> «Сколько букв в названии моего прихода? Будь осторожнее и не сделай распространенной ошибки при написании его».
>
> Пауза. Затем десять ударов — правильное количество (Gomerville, хотя часто ошибочно писалось Gommerville)».

Заслушав показания, суд закрыл дело, объяснив, что, хотя отец Тинель публично высказал свои подозрения, «многочисленными свидетелями доказано, что упомянутый [истец] говорил и делал все, что было в его силах, дабы убедить общественность» в том, что он колдун; вследствие этого истец не имеет права «возбуждать дело об оскорблении своего доброго имени, поскольку сам явился источником такового». Торель был приговорен к уплате судебных издержек, и все удовлетворение, которое он, быть может, получил от происшедшего, состояло в том, что кюре потерял своих учеников.

Эндрю Ланг так оценивает это странное происшествие: «Искушенный читатель может заметить, что в семнадцатом веке Торель мог быть сожжен на основании «призрачного показания» мальчика о видениях. Скептик же будет считать, что мальчики сами создавали все беспорядки, потому что им надоело учиться у г-на Тинеля».

ПОЛТЕРГЕЙСТ В ТЕДВОРТЕ (Тедвортский барабанщик). Барабанная дробь, слышимая на далеком расстоянии от дома; дети, поднимаемые в воздух; Библия, спрятанная в уголь; обувь, летящая в лицо; ночные горшки, выливаемые в кровать; лошадь с собственной задней ногой в зубах, — все это типичные проявления П., случившегося в доме Джона Момпсона, тедвортского магистрата из Уилтшира, с марта 1662 г. по апрель 1663 г.

Могло ли это быть на самом деле?

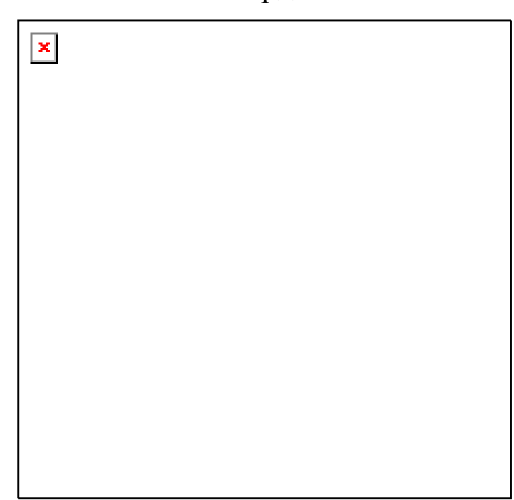
> «Мистер Момпсон является …рассудительным, здравомыслящим и отважным человеком. …местом действия всего происходившего был его собственный дом, и он сам был свидетелем этого, и не один раз или дважды, а сотни раз, в течение ряда лет, наблюдая все события заинтересованно и пытливо.
>
> И неужели хотя бы один из членов его семьи был заинтересован в том, чтобы втайне (если такие вещи вообще возможно сохранить в тайне) заниматься столь утомительным и вредоносным мошенничеством на протяжении столь долгого времени?
>
> Едва ли представляется правдоподобным и то, что мистер Момпсон был введен в заблуждение собственной меланхолией, поскольку это состояние души (при том, что он вовсе не сумасшедший и не слишком впечатлителен) никогда не бывает столь продолжительным и стойким…

Даже если все дело было в мистере Момпсоне, то неужели он заразил всю семью, многих своих соседей и прочих людей, которые столь часто были свидетелями подобных выходок?

И при всех этих обстоятельствах невозможно представить, чтобы обычные жульнические трюки могли произвести впечатление на столь многих взыскательных и пытливых людей, бывших их свидетелями».

На основании подобных доводов, с учетом собранных показаний от очевидцев и проведя собственное расследование, Джозеф Гланвиль поручился за реальность истории тедвортского барабанщика.

Беспорядки начались с ареста в марте 1662 г. Уильяма Друри, «барабанщика, бродившего по стране и показывавшего фокусы: глотавшего шпагу, танцевавшего на проволоке, и все такое прочее». Друри был обвинен в использовании фальшивых документов для получения денег во время своего путешествия в Портсмут. Местный магистрат Джон Момпсон освободил его, но конфисковал его барабан — Друри был полковым барабанщиком. Со времени изъятия Момпсоном барабана и начались странные явления в его доме в Тедворте, особенно усилившиеся после уничтожения барабана. В начале следующего года Друри был задержан в Глочестере за кражу свиней, но, хотя был признан виновным, избежал виселицы. Когда его приговорили к ссылке, он выпрыгнул за борт судна, перевозившего заключенных, и вернулся домой в Уффкот, находившийся всего в нескольких милях от Тедворта. Здесь он купил новый барабан и начал играть на нем. В течение 24 часов магистрат Момпсон изловил его и поместил в тюрьму в Солсбери. Друри был обвинен в занятиях колдовством, но освобожден со снятием обвинения ввиду отсутствия необходимых показаний, хотя некоторые местные дворяне, а также пастор свидетельствовали против него. По первоначальному обвинению в краже свиней барабанщика признали виновным и снова приговорили к высылке в Вирджинию.

«С восьми до четырех утра,
С грохочущим громоподобным шумом».
«A Wonder of Wonders» (1662).
Барабанщик из Тедворта. Иллюстрация из «Saducismus Triumphatus»
Джозефа Гланвиля (1683).

Первый комментарий по поводу тедвортского барабанщика дал преп. Джозеф Гланвиль, капеллан Карла II и член Королевского общества, отправившийся в Тедворт на расследование. Следующие отрывки взяты из его «Saducismus Triumphatus»:

«Шум ударов и барабанной дроби был очень частым, обычно подряд в течение пяти ночей, а затем прекращался на три ночи. Он шел снаружи дома, большей частью почти от его границы. Шум всегда начинался, когда они собирались спать, независимо от того, было это рано или поздно. После месячного беспокойства вне дома он пере-

местился в комнату, где лежал барабан, продолжаясь четыре или пять дней в неделю в течение получаса, а затем почти два часа после того, как они ложились спать. Перед началом стука в воздухе над домом начиналось гудение, и прекращаясь, стук напоминал удар в барабан перед пробуждением стражи.

5 ноября 1662 г. случился сильный шум, и слуга, видевший, как две доски в детской вроде бы двигались, попросил дать ему одну из них. После чего доска поднялась (при этом он не увидел, чтобы кто-то двигал ее) на расстоянии ярда от него. Слуга сказал: „Теперь пусть она окажется в моей руке“. После чего она переместилась совсем близко от него. Он бросил ее обратно, и она снова приблизилась к нему, и так опять и опять, взад и вперед, по крайнем мере, раз двадцать, пока м-р Момпсон не запретил своему слуге такие вольности. Все это происходило днем, и комната была полна людей…

М-р Момпсон, понимая, что все это докучало маленьким детям, поселил их у соседей, переселив свою старшую дочь, которой было примерно 10 лет, в свою собственную комнату, где ничего не происходило в течение предыдущего месяца. Как только она легла, там начались новые беспокойства, продолжаясь в виде стука барабана три недели, сопровождаясь другими шумами; было замечено, что барабан откликался на все звуки или крики. После этого, поскольку в доме, где находились дети, поселилось много приезжих, они были возвращены домой и размещены в гостиной, где не происходило никаких беспорядков. Хотя их преследователь нашел их и здесь, он лишь теребил их за волосы и ночные рубашки, не причиняя никакого другого беспокойства…

После этого неприятности испытал слуга м-ра Момпсона, который был бравым малым и отличался здравомыслящим поведением. Как только он ложился в постель во время самых больших беспорядков, в течение нескольких ночей некто стремился сдернуть одеяло с его кровати так, что он вынужден был крепко держать его, но иногда его тащили изо всех сил, и в голову слуге летели его башмаки. И в первом, и во втором случае его держали так сильно, что он не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой, но обнаружил, что как только ему удавалось добраться до своей сабли и ударить ею, дух прекращал его держать.

В связи с этим происшествием барабанщик был привлечен к суду выездной сессией в Солсбери. Он был сначала передан в Глочестерскую тюрьму за воровство, и, когда человек из Уилтшира пришел посмотреть на него, он спросил, что там слышно. Посетитель сказал, что он ничего не знает. „Нет, — сказал барабанщик. — Разве ты не слышал о барабанщике в доме одного джентльмена из Тедворта?“ — „Ничего не слышал“, — ответил тот. „Я, — заявил барабанщик, — я наслал на него это бедствие, и он не получит покоя, пока не вернет мне мой барабан“. После этого сообщения Друри был привлечен к суду за колдовство в Солсбери, и все основные обстоятельства, на которые я ссылаюсь, были подтверждены в суде священником прихода и другими наиболее интеллигентными и значительными жителями, которые были очевидцами происходившего из года в год на протяжении нескольких лет».

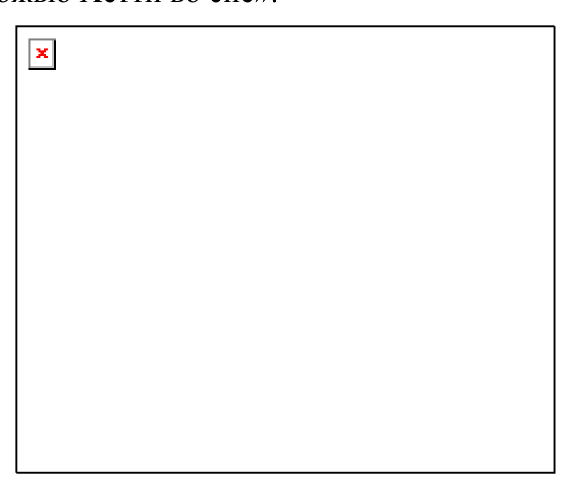
Две особенности в сообщении Гланвиля о фантастическом воздушном барабанном бое остались без должного внимания, и даже сам Гланвиль не придал им значения. Когда против П. использовалось оружие, барабанщик отступал. «Решительный» приятель, один из слуг м-ра Момпсона, обнаружил, что, когда он мог использовать свою саблю и ударить ею, дух покидал свою жертву. Естественное происхождение барабанщика также предполагается в отчете Момпсона, который «увидев, как дрова двигались по трубе камина в комнате, где он был, выстрелил в них из пистолета, после чего обнаружил несколько капель крови в очаге и в различных местах лестницы.

Внимание к подобным деталям могло бы разрушить легенду о его сверхъестественном происхождении в глазах Гланвиля, который после этого стал, можно сказать, отцом современных психических исследований. Джон Бимон писал, что ему говорили о том, что беспорядки «совершались двумя молодыми женщинами, жившими в доме, чтобы напугать мать Момпсона». Возможно, здесь были замешаны также Момпсон и Гланвиль.

Комиссия, посланная королем Карлом, не услышала никаких необычных шумов.

Сообщения о пушечных и оружейных выстрелах и барабанной дроби в Йоркшире и Линкольншире были широко распространены в 1683 г., за два года до происшествия в Тедворте. Хотя эти мнимые шумы не связывались с конкретными виновниками, сведения о них могли заставить людей поверить заявлению Друри («A True Relation of a Very Strange and wonderful Thing That Was Heard in the Air», 1658.)

ПОЛТЕРГЕЙСТ В ЭПВОРТЕ. Местом, где происходили эти явления, был дом сельского священника в Эпворте (Линкольншир), приходе преподобного Самуэля Веслея (1662–1735), сыном которого был Джон Веслей. Авторитет последнего, основавшего впоследствии крупную религиозную секту, придал особый оттенок П., который при других обстоятельствах не стал бы настолько известен. Письма, которые Веслей писал своему брату Самуэлю во время появлений П. (со 2 декабря 1716 по январь 1717 гг.), воспоминания членов семьи, собранные Джоном в 1726 г., и описание событий, сделанное Веслеем-старшим, были опубликованы только спустя 75 лет членом Королевского общества Джозефом Пристли в «Original Letteres by the Reverend John Wesley and His Friends» (1791). Джон Веслей ранее опубликовал сокращенную версию в «Arminian Magazine», самом первом религиозном периодическом журнале в Британии, в 1784 г. Пристли предполагал, что Веслей постарался скрыть письма своей сестры Хетти (Мехитабель) по поводу этого дела — все они отсутствуют в его сообщении. Хотя в то время Хетти было девятнадцать лет, уже тогда подозревали, что она является тем связующим звеном, медиумом, от которого распространялись проявления П. Все беспорядки сконцентрировались вокруг ее кровати и отмечались «сильной дрожью Хетти во сне».

Джон Веслей (1703–1791).

Однако Веслей не сомневался в подлинности П., как и в существовании мира духов. «Отрицание колдовства, является, в сущности, отрицанием Библии», — писал он в «Journal» от 25 мая 1768 г. Роберт Саути в «Биографии» Веслея писал о нем:

> «Вера в колдовство естественно вытекала из подобных предпосылок, но, после удовлетворения собственного представления о том, что сверхъестественные действия и проявления соотносятся с порядком мироздания, санкционированным Священным Писанием, и доказательствами того, что они являются настолько всеобщими и мощными, что их нельзя не принимать во внимание, он обесценил свой авторитет, прислушиваясь к самым нелепым россказням и записывая их как достоверные факты».

С другой стороны, поздние критики объясняли факты, якобы имевшие место при эпвортском П., теорией гиперболизирующей памяти с «галлюцинациями, вырастающими из чрезмерного ожидания» или (как заявлял Самуэль Тэйлор Кольридж) «заразительными эпидемическими галлюцинациями свидетелей».

Мы приводим собственные высказывания свидетелей, извлеченные из их подлинных писем и воспоминаний, записанные в форме диалога.

Вот семья Веслей, рассказывающая сыну… Самуэлю, находившемуся в то время в отъезде, о «старом Джефри» (существе, которого Эмилия Веслей назвала именем того, кто когда-то умер в этом доме).

Самуэль: Моя мать рассказывала мне очень странную историю о беспокойствах в вашем доме. Я хотел бы услышать от тебя о некоторых подробностях.

М-с Веслей: В этом деле существуют некоторые примечательные обстоятельства. Они могли бы составить замечательную брошюру для Джека Дантона.

М-с Веслей: Первого декабря…

Молли, служанка: А мне кажется, что это было в ноябре.

М-с Веслей: Первого декабря наша служанка услышала у двери столовой несколько приглушенных стонов, как будто кто-то испускал последний вздох.

Сусанна: Она сказала, что это было подобно стонам умирающего. Это так напугало ее, что в течение длительного времени она не осмеливалась в одиночку переходить из одной комнаты в другую, после того, как начинало темнеть.

Молли: Мы думали, что это был м-р Турпин, у которого был камень, иногда приходивший, чтобы навестить нас.

М-с Веслей: Мы не обратили внимания на ее чувства и осмелились посмеяться над ее страхами.

Другая служанка: [Я] рассмеялась от всей души и сказала: «Какие же вы дураки! Говорю вам, что я ничего не боюсь».

М-с Веслей: Через несколько ночей (две или три) после этого, кто-то из домашних слышал странное постукивание в различных местах, обычно три или четыре удара одновременно, а затем небольшой перерыв. Это продолжалось каждую ночь в течение двух недель, иногда это было на чердаке, но гораздо чаще в детской или в зеленой комнате.

Сусанна: Я не верила во все это примерно две недели, с тех пор как послышались первые звуки. В первую ночь, когда я это услышала, мы с сестрой Нэнси сидели в столовой. Мы услышали, как нечто промчалось за дверями, ведущими в сад, затем три громких удара, затем еще три и через полминуты то же самое количество стуков над нашими головами.

Эмилия: Моя сестра услышала шум в кабинете и сказала мне о нем, но я не очень поверила, пока однажды ночью, примерно через неделю после того, как слышали первые стоны, с которых все и началось, как раз после того, как часы пробили десять, я спустилась вниз запереть двери (что я всегда делала). Едва я поднялась по парадной лестнице, как я услышала шум, как будто кто-то высыпал много угля в кухне у дверей, и казалось, что оттуда летели какие-то осколки. Я испугалась не слишком сильно, но пошла к своей сестре Сьюзи, и мы вместе прошли по нижним комнатам, но там не было никакого беспорядка.

М-с Веслей: Прошло некоторое время, прежде чем я смогла поверить в то, что дети и слуги рассказывали о шумах, которые они слышали в различных частях дома.

Самуэль: А может быть, эти шумные духи были кошками, крысами или собаками?

М-с Веслей: Нет, хотя после того, как я услышала их, я пыталась убедить себя и других, что нас беспокоят только крысы или ласки.

Самуэль: Как я понимаю, мой отец не слышал их первые две недели, когда их слышали остальные.

М-р Веслей: По-моему, я не слышал их до двадцать первой ночи.

М-с Веслей: Мы все слышали это, кроме твоего отца, и я не хотела, чтобы он знал об этом, потому что он мог вообразить, будто это предзнаменование его смерти, которую мы все предчувствовали.

М-р Веслей: Они не говорили мне некоторое время, потому что, в соответствии с простонародным мнением, я не мог слышать того, что причиняет мне зло.

М-с Веслей: Но, когда это стало происходить и днем и ночью, настолько ужасно, что никто из семьи не осмеливался оставаться наедине, я решила рассказать ему, уверенная в том, что и он уже знает об этом.

Эмилия: [Мой] отец улыбнулся и не ответил, но с этого времени стал сильнее заботиться о том, чтобы мы вовремя ложились спать, предполагая, что это была какая-нибудь из молодых девиц, которые засиживаются допоздна и шумят. Его недоверчивость и, особенно, подозрения насчет нас или наших любовников были так неприятны, что я даже захотела, чтобы беспорядки продолжались до тех пор, пока он не убедится.

М-с Веслей: Я была полностью убеждена, что никакое человеческое существо не способно производить столь странные и разнообразные шумы.

М-р Веслей: Мне стыдно за тебя! Эти мальчики и девочки пугают друг друга, но ты — рассудительная женщина и должна лучше знать. Я не хочу больше слышать об этом.

М-с Веслей: Сначала он не поверил, но кто-то потревожил нас на следующую ночь. Как только он лег в кровать, что-то громко простучало девять раз точно у его кровати. Он поднялся и пошел посмотреть, что это было, но так ничего и не увидел.

М-р Веслей: На следующую ночь я услышал шесть ударов, но не таких громких, как предыдущие.

Эмилия: Я часто слышала между девятью и одиннадцатью часами ночи звуки, напоминавшие вращение флюгера на дымовой трубе в углу своей комнаты у моего изголовья кровати, стук колес или скрип жести. Это был обычный сигнал его приближения.

Джон: Правильно шли наши часы или неправильно, оно всегда приходило, когда мы предполагали, а ночью это было без четверти десять.

М-с Веслей: Однажды ночью в комнате над нашими головами начался такой шум, как будто несколько человек ходили, а затем забегали вверх и вниз по лестницам.

М-р Веслей: Мы слышали нечто наподобие шагов мужчины, ходившего вверх и вниз по лестницам, на протяжении всей ночи.

М-с Веслей: И он так неистовствовал, что мы подумали, что дети испугаются, поэтому мы с отцом поднялись и отправились в темноте вниз, чтобы зажечь свечу. Как только мы спустились до конца широкой лестницы, держась друг за друга, мне показалось будто кто-то рассыпал у моих ног мешок монет, а ему — будто все бутылки под лестницей (которых было много) вдруг разлетелись на тысячи кусков.

М-р Веслей: Как и Эмилия, мы слышали звон бутылок, как будто их разбивали на куски.

Самуэль: Вся ли семья спала?

М-с Веслей: Когда мы с отцом отправились вниз по лестнице, все спали и не проснулись, хотя мы держали свечу совсем рядом, мы заметили, что Хетти сильно дрожала во сне, как с ней бывало всегда, прежде чем шум будил ее. Он обычно был ближе к ней, чем к остальным, потому что она больше всех беспокоилась и пугалась, полагая, что он сердится на нее.

М-р Веслей: Хетти и две ее младших сестры были сильно напуганы во сне, покрылись потом и сильно дрожали.

Самуэль: Очевидно, моя сестра Хетти подвергалась большему беспокойству?

Эмилия: Моя сестра Хетти, которая обычно ждала, когда отец пойдет спать, все еще сидела на нижней ступеньке лестницы, ведущей в мансарду. Дверь за ее спиной была закрыта, и вдруг некто, похожий на мужчину, спустился по лестнице позади нее, в свободно ниспадавшей ночной рубашке, что заставило ее бегом броситься ко мне в детскую.

М-с Веслей: На следующую ночь твой отец попросил м-ра Хула [викария из Хекси] остаться на ночь в нашем доме, мы все сидели вместе до двух часов утра и слышали стук, как обычно. Иногда он производил звук, похожий на вращение флюгера, в другой раз, когда м-р Хул был с нами — шуршал, наподобие рубанка плотника. Но гораздо чаще он стучал трижды и останавливался, и затем снова трижды, и так много часов подряд.

Сусанна: Под утро, когда м-р Хул находился с нами, я лежала в детской, и оно вдруг стало очень сильным. Я услышала частные стуки над и под комнатой, где я лежала, и в изголовье детской кровати, которая была сделана из досок. Казалось, будто что-то ударилось о нее очень сильно и громко, так, что кровать прогнулась под ним. Я услышала, как около моей кровати ходит кто-то, похожий на мужчину в длинной ночной рубашке. Стуки были такие громкие, что м-р Хул вышел из своей комнаты к нам.

М-р Хул: Как только мы перешли в кухню, звук стал слышаться в комнате, которую мы покинули. Мы вернулись по черной лестнице и услышали, как кто-то поднялся по парадной лестнице, шаркая ногами (все кроме нас были уже в постелях), и затем проплелся мимо, прошуршав шелковой ночной рубашкой. Очень быстро он оказался в детской у изголовья кровати постукивая, как это было и в первый раз, трижды по три.

М-с Веслей: Мы уговорили твоего отца заговорить с ним и попытаться услышать его ответ. Однажды ночью, примерно в шесть часов, он отправился в темноте в детскую и сначала услышал несколько глубоких стонов, затем стуки. Он предлагал ему поговорить, если у него есть такая возможность, и рассказать, почему он беспокоит наш дом, но не услышал голоса, только снова громко постучало три раза.

М-р Веслей: 26 декабря, в среду ночью, я поднялся наверх (по лестнице) и обнаружил, что он по-прежнему стучит, хотя с некоторыми остановками, иногда под кроватью, иногда у изголовья кровати. Я увидел, что мои дети были испуганы во сне и сильно дрожали, пока не просыпались от этих стуков. Я оставался с ними, уговаривал их уснуть и сидел у их кроватей, когда шум начался снова. Я спросил, что это было, и почему оно беспокоит невинных детей и не приходит ко мне в мою комнату, если ему нужно что-то сообщить мне. Вскоре после этого оно постучало один раз снаружи. Все остальные находились внутри, и той ночью не стучали.

М-с Веслей: Так это продолжалось до 28 декабря, когда он громко застучал (как обычно делал твой отец у ворот) в детской и удалился.

Самуэль: Я не думал, что вы все настолько суеверны.

Эмилия: Я настолько далека от суеверий, что гораздо более склонна к безверию, поэтому не может быть, чтобы я сама убедила себя в существовании того, что мы не можем видеть.

Самуэль: Не было ли в доме новой служанки или слуги, которые могли производить подобные проделки? Не было ли кого-нибудь наверху на чердаке, когда там слышались шаги?

Эмилия: Месяца оказалось вполне достаточно для того, чтобы все убедились в реальности происходящего и испробовали разные способы для обнаружения любых проделок, какие только были возможны.

Самуэль: Я хочу знать, видел ли кто-нибудь из вас хоть что-нибудь?

Эмилия: Нечто видели трижды. В первый раз моя мать под кроватью сестры видела нечто напоминавшее барсука.

М-р Веслей: Я ничего не знал о том, кто это был, до воскресенья, 23-го. Моя жена посмотрела под кровать и ей показалось, что нечто выбежало оттуда, правда, она не могла точно сказать, какой формы, но скорее всего оно было похоже на барсука.

М-с Веслей: Выбежало нечто, очень похожее на барсука и, казалось, пробежало прямо под нижней юбкой Эмилии.

Эмилия: То же самое существо сидело однажды вечером в столовой перед огнем, когда наш слуга вошел в комнату, оно пробежало мимо него через зал под лестницу. Он последовал за ним со свечой и искал, но оно исчезло. Последний раз он увидел его в кухне, оно было похоже на белого кролика, который явно напоминал ведьму.

М-р Веслей: После девяти, когда Роберт Браун сидел один перед огнем на задней кухне, из дыры в бочке вышло нечто, похожее на кролика, но поменьше, и очень быстро повернулось вокруг пять раз. Его уши плашмя лежали на его шее, и он прямо стоял на своих маленьких лапах. Он погнался за кроликом со щипцами, но не смог его найти, испугался и отправился к служанке в гостиную.

Самуэль: С 28 декабря оно вовсе не беспокоило вас?

М-р Веслей: С этого времени до 24 января у нас все было спокойно. В этот день на утренней молитве во время молитвы за короля семья услышала обычные постукивания. Ночью они стали более отчетливыми, как во время молитвы за короля, так и за принца, и один сильный стук был услышан моей женой и большинством моих детей внутри моей кровати. Сам я ничего не слышал.

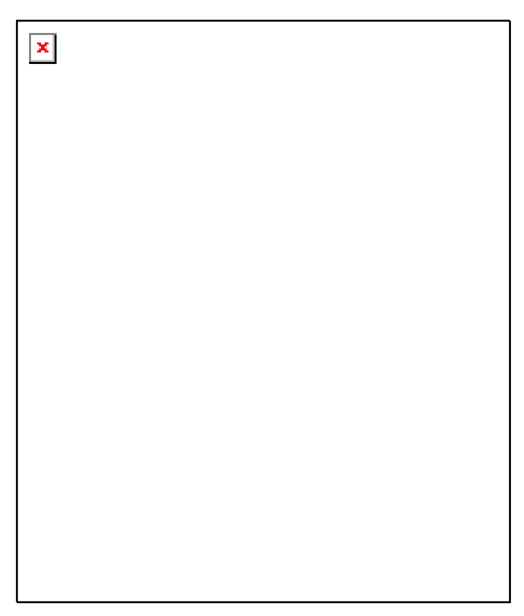
Эмилия: Затем он прервался на две недели или более, и когда он снова начался, он стучал только по ночам.

М-р Веслей: В воскресенье, 27 января, слышались два легких негромких удара во время утренней молитвы за короля Георга, над лестницей.

Эмилия: Он беспокоил нас все меньше и меньше, пока наконец не затих совсем.

М-р Веслей: Что касается всех этих шумов в нашей семье, то я благодарю Господа, что теперь все у нас спокойно».

ПОНЦИНИБИО, ДЖАНФРАНЧЕСКО. Спустя 15 лет после нападок Кассини на инквизицию за распространение заблуждений о колдовстве, в 1520 г. прозвучало еще более сильное ее осуждение П., выдающимся адвокатом из северной Италии, известным благодаря своему «Tractatus de Lamiis» [«Трактат о ведьмах»]. Принимая чародейство, он выступал против судов над ведьмами, потому что для обеспечения их осуждения использовались незаконные судебные процедуры. Только на судах над ведьмами принимались показания от отлученных от церкви и сообщников, свидетельства на основании последней исповеди. Заключенным не разрешалось знакомиться с обвинениями или показаниями против них. П. осуждал как основу судов, так и методы их проведения, полагая, что колдовство было просто наваждением, а реально ведьмы не летали на шабаш и не умерщвляли детей.

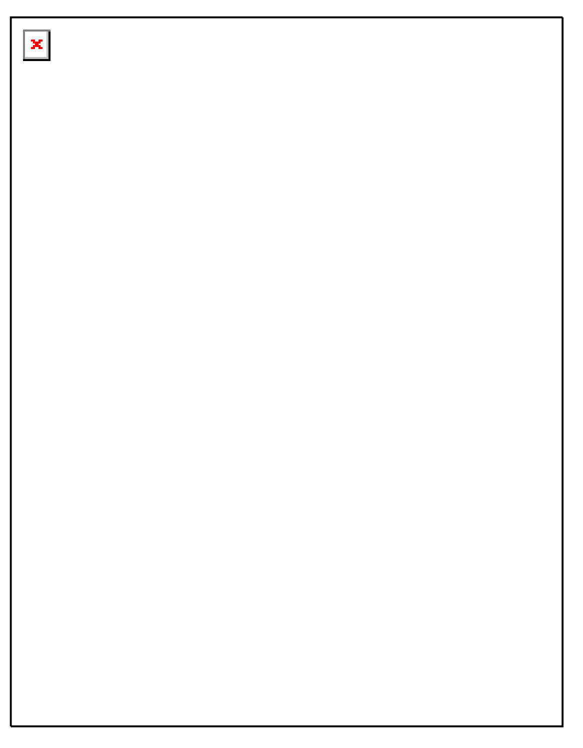
Джанфранческо Понцинибио.
Из «Tractatus de Lamiis» (1520). Венецианское издание 1563 г.

Как адвокат, П. выступал против непорядочного поведения теологов. Вскоре против него выступил Бартоломео Спина, член папской академии, отметивший, что благодаря своему скептицизму и нападкам на инквизицию, П. фактически помогает ведьмам и должен сам быть подвергнут преследованиям.

Убеждения П. «взрастили» Дитриха Фладе, оспаривавшего законность обвинений, сделанных сообщниками; он сам был обвинен как колдун и сожжен (1589). Бинсфельд признал, что Фладе возрождает идеи П., и (как де Спина) написал свою книгу, чтобы доказать их несостоятельность. Еще в 1672 г. сэр Джордж Макензи, шотландский юрист и адвокат короля, рассматривал П. как признанного авторитета.

ПОРЧА (maleficia). Несчастья, повреждения и беспокойства, претерпеваемые людьми, животными или собственностью, для которых не находилось немедленного объяснения, назывались maleficia. Подобные несчастья приписывались мстительному нраву ведьм. Разгневанные своими соседями или просто получающие удовольствие от совершения зла, ведьмы угрожали злодейством [damnum minatum]; любое последующее несчастье [malum secuturn] вменялось им в вину. Подобное предвзятое объяснение многочисленных естественных бед — от небольшого беспокойства, такого как головная боль, до национальных бедствий, вроде неурожая — способствовало тому, что граждане одобряли со-

жжение своих друзей и соседей, тогда как без этого объяснения они бы яростно сопротивлялись любым попыткам казнить их за ересь. Обвинения в конкретных злодеяниях были понятны всем, и преследователи мнимых преступников, ненавистные охотники за ведьмами, воспринимались как защитники общественного благополучия. Таким образом, свидетельства о мнимых злодеяниях способствовали судебному преследованию мнимых инакомыслящих.

Гнев ведьм. Старинная гравюра (ББ).

Лоэр отмечал, как быстро колдовская истерия изменяла общественное мнение. В 1610 г. около Бонна поздние майские морозы сильно повредили урожай, и это было приписано воле Божьей или естественным причинам. В 1631 г., после активной деятельности Бюирманна, судьи по делам колдовства, те же разрушения были, согласно общему мнению, приписаны злобным действиям ведьм. Лишь связав простые телесные недуги, испытываемые обычными людьми, со сложной теорией ереси, гражданские и духовные инквизиторы смогли так долго удерживать свой авторитет в Европе. «Подобные вещи совершаются благодаря соглашению, заключенному между ведьмой и злым духом», — писал протестант Гланвиль. Джанет Рейд на суде на Оркнейских островах в 1643 г. была осуждена к удушению и «сожжению до пепла» за maleficia, совершенные с помощью Сатаны ради возмездия Господу и человеку: «Своими проклятиями и угрозами ты вредила людям и животным, на которых ты вызвала несчастья с помощью власти и деятельности дьявола, твоего хозяина». Томас Мюрнер, автор «De Pythonico Contractu» (1499), был одним из немногих демонологов, допускавших, что повреждения могут вызываться как ведьмой, так и самим дьяволом, действовавшим независимо от ведьм, самим потерпевшим или даже Господом. Ведьмы различались по видам производимых maleficia, согласно Нидеру (1435), они могли вызывать порчу и повреждения людей и собственности семью способами:

1. Внушением любви.
2. Внушением ненависти.
3. Вызыванием импотенции.
4. Вызыванием болезни.
5. Лишением жизни.
6. Лишением рассудка.
7. Повреждением имущества или животных.

Следовательно, все вышеперечисленные действия были, в широком смысле, проявлениями зла, поскольку они совершались ради maleficia. (Лигатура для вызывания импотенции рассматривается в специальной статье). Однако слово maleficia обычно применялось только для обозначения вызывания болезни и повреждения имущества или животных (пункты 4 и 7). Инквизитор Бернард из Комо (1510) считал, что все заболевания, которые не могут объяснить врачи, вызваны чародейством. Мартин из Арля (1460) также относил к maleficia все происшествия, где результат был более серьезен, чем это можно было бы объяснить естественным образом. Исходя из этого, он приходил к выводу, что maleficia подразумевает безоговорочное служение Сатане. Отсюда вытекает, что суды, особенно в Англии, основанные на показаниях о причинении вреда или повреждений людям, следовали принципу, что ведьму осуждают за поклонение дьяволу, независимо от того, предполагалось или нет злодеяние.

В «Discourse of Damned Art of Witchcraft» (1608) Перкинс перечисляет злодеяния ведьм, включая как физический, так и духовный вред:

1. Вызывание штормов и бурь, ветров и непогоды на море и на суше [см. Вызывание бури].

2. Отравление воздуха.

3. Гибель урожая.

4. Убийство скота и причинение беспокойства мужчинам, женщинам и детям.

5. Вызывание странных страстей и телесных мучений у людей и у других существ и их излечение [см. Одержимость].

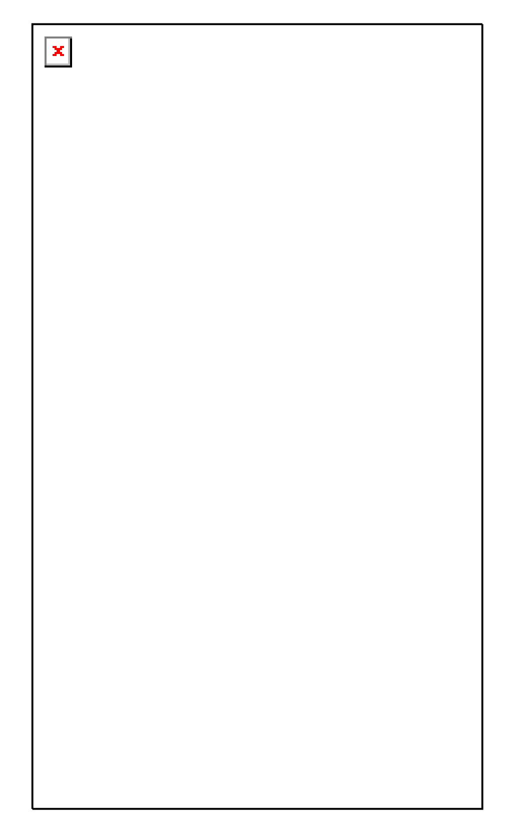
6. Изгнание дьяволов [см. Царапанье].

Согласно фольклорным представлениям, подобные преступления против людей точно соотносились с преступлением против Господа, а согласно теории, принятой церковью — с детально разработанным договором с дьяволом.

Ужасающие примеры подобных сверхъестественных повреждений были рабочим арсеналом демонологов. Алексия Бельэр ссорилась со своим мужем, потому что он не зарабатывал достаточно денег, за что и попросила дьявола наказать его. В Сочельник муж отправился в город купить немного припасов и на обратном пути был избит; таким образом дьявол выполнил свое обещание. Знавшая об этом Алексия разыскала мужа и заявила, что его ограбили разбойники. «Все ей поверили, потому что она была уже не молода и не красива, чтобы иметь предприимчивых любовников», — писал Гваццо в «Compendium Maleficarum» (1626). Он же приводит другой известный рассказ, о maleficia, связанный с damnum minatum, угрозой навести болезнь и последующем зле, malum secutum. Сын некой Апры Хозлотт,

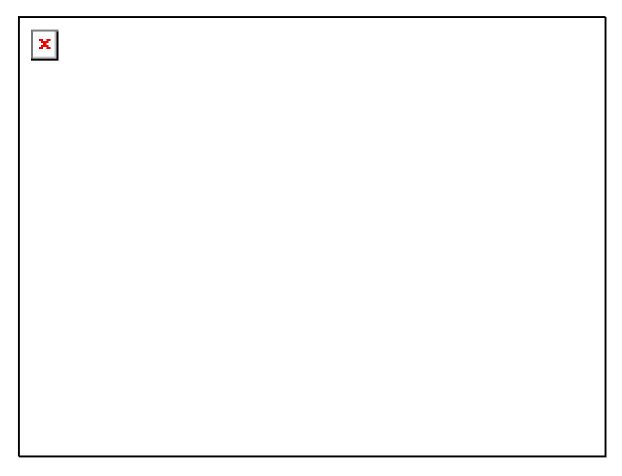
> «находившийся на службе у Жана Аленкура, был жестоко наказан за кражу лишь потому, что его подозревали более, чем остальных слуг. Это разозлило его мать и заставило ее думать о мщении, подыскивая благоприятный случай. Когда хозяин гнал своих лошадей с пастбища и беспечно ехал на одной из них, она и ее домашние духи невидимо подошли к нему и так стиснули шею лошади, что всадник упал на землю и сломал ногу. Он был сильно изуродован в результате падения, и все еще хромает, но выступил свидетелем против ведьмы».

В Новой Англии К.Мазер в «Remarkable Providences» находит подтверждение maleficia в следующем примере, о котором он добросовестно сообщает из первых рук. Очень добропорядочный человек обидел двух женщин, которые прокляли его. Вскоре после этого часть его скота умерла странным образом, и его самого «часто посещали призраки женщин». Он пытался рассказать о своих невзгодах на церковном собрании, но ему помешал эпилептический припадок.

Околдованный конюх и проклятие ведьм. — Ганс Бальдунг Грюн.

«После этого у него были еще один или два приступа, а затем они начали истязать его более изощренным способом. Заслуживающий доверия человек посоветовал ему обратиться к магистрату и предупредил, что он вскоре погибнет, если не сделает этого. Он не внял совету и угасал в течение нескольких недель, по-прежнему не в силах ни ходить, ни работать. Но когда он восстановил свое здоровье, он неожиданно лишился жизни, причем ни одно описание не сообщает о том, как это произошло».

Ведьм часто обвиняли в поджигании зданий и городов посредством магического искусства.

Пример maleficia в Англии приводит У.Дрейдж в «Daimonomageia» (1665). В Бедфорде в 1637 г. Роза Гудвайф была брошена плавать в реку, поскольку околдовала чей-то горох на поедание червями, отомстив за то, что когда-то ей отказали в порции гороха, а также заразила мужчину вшами.

Во всех этих примерах нет ни одного упоминания о том, как ведьмы осуществляли свои намерения. Очевидно, дьявол помогал им, особенно в Англии, с помощью чертенят

или домашних духов — маленьких животных, которых сам Сатана посылал выполнять гнусные распоряжения ведьм. Другое объяснение можно найти в традиционном рассуждении об обольщении или дурном глазе. Перкинс в «Discourse» поясняет:

> «Есть старое общепринятое мнение, что из глаз порочных и склонных к дурному личностей исходят зловонные и зловредные духи, которые заражают воздух, отравляют или убивают не только тех, с кем они ежедневно общаются, но и тех, в чьем обществе они часто бывают, какого бы возраста, силы и физического сложения они ни были».

Хотя Перкинс и допускал реальность договора с дьяволом, он отвергал теорию колдовства, основанного на этом договоре, «как глупую и устаревшую».

Кроме этой неопределенной и недоказуемой способности причинять вред, ведьмы якобы могли использовать другие, более материальные физические средства, ассоциировавшиеся с незапамятных времен с магией и чародейством, — такие как мази, порошки, травы, яды, веревки с узлами или лигатуру, восковое подобие или жуткую руку повешенного. Или же они могли попытаться получить что-нибудь принадлежащее жертве, — зуб, обрезок ногтя, волос или кусочек одежды — чтобы использовать это для причинения зла. Поскольку подобная техника описана в отдельных статьях, здесь приведены только несколько общих примеров.

Примерно в середине XVIII в. (13 августа 1746 г.) Джон Веслей описал в «Journal» случай околдовывания, с которым он встретился в Корнуэлле. После его проповеди женщина рассказала Веслею, что его молитва «временно или насовсем» освободила ее от болезни, подобной артриту или ревматизму. Случилось так, что 7 лет назад волшебник по просьбе женщины, которую она оскорбила, наслал на нее чары. Во время «неожиданной бури с громом, молнией и дождем… она почувствовала, как ее плоть содрогается, и поняла, что дьявол был рядом с ней… с этого времени она не знала покоя ни днем, ни ночью, пребывая не только в страхе и душевном ужасе, но и постоянных мучениях, чувствуя, будто ее плоть разрывают горячими щипцами».

На салемских судах Роджер Тутейкер был обвинен Томасом Гейджем в изъятии небольшого количества мочи его дочери, которую он поместил в глиняном горшке в горячую печь. «И на следующий день вышеупомянутый ребенок умер».

Джон Петерсон был обвинен в Лондоне 7 апреля 1652 г. в том, что, будучи «практикующим врачом, он подозревается в колдовстве», поскольку назначил яд или «посеет» (горячий напиток из молока, сахара и пряностей, створоженный вином) старой даме, «которая вскоре после того, как выпила, умерла». В брошюре с описанием, опубликованной на следующий день после обвинительного акта и перед вынесением вердикта, отмечалось, что «многие предполагали, что она умерла естественной смертью, поскольку ей было 80 лет» [см. Уопингская ведьма].

Другая история связана с женщиной из Метца, попросившей помощи у дьявола, когда пекарь отказал ей в кредите. Гваццо сообщает, что дьявол

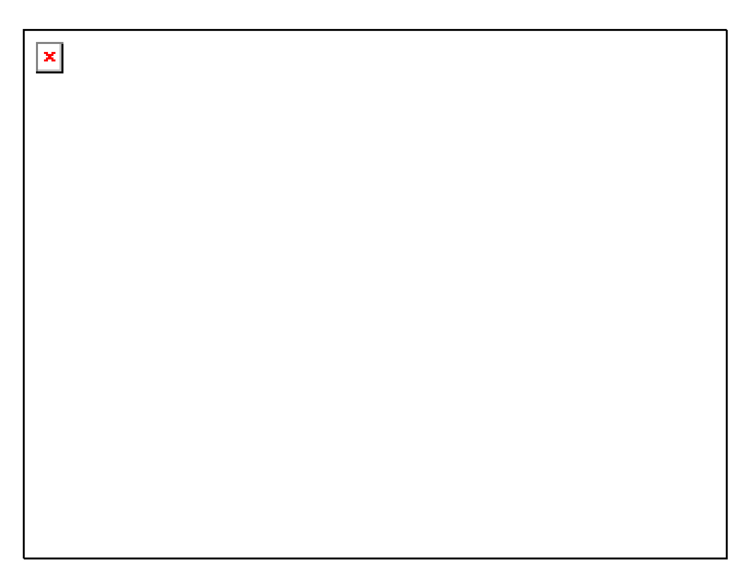
> «готовый причинить любое зло, дал ей немного трав, завернутых в бумагу и велел разбросать в месте, которое часто посещалось пекарем и его семьей. Она тотчас взяла их и рассыпала по дороге, где они должны были ходить в деревню, и пекарь, и после него жена и дети, пройдя по ней, все были поражены одной и той же болезнью. И они не поправились до тех пор, пока ведьма, движимая жалостью, не взяла у дьявола другую траву, чтобы вылечить их. Она тайно спрятала ее в их постели, как ей велено было сделать, и вскоре все они выздоровели после болезни до прежнего состояния».

Во время инспекционного объезда своей епархии в 1543 г. архиепископу Кранмеру из Кентербери представили Жанну Мерриуэзер в связи с любопытным обвинением в причинении зла. «Она подожгла навозную кучу Елизаветы Колеи, уронив на нее освященную

свечу, и сказала своим соседям, что это заставит ягодицы девушки разделиться надвое» («Memoirs of Archbishop Cranmer»).

Живописные версии обвинения были более характерны для ведьмовских процессов на европейском континенте. Иоганн Мюллер из Вельфердингена в конце XVI в. дал показания под присягой по поводу своего годовалого ребенка:

> «Агатина из Питтелингена и Мьятта из Хоэнэха выкрали этого ребенка из колыбели и положили его в костер, который они разожгли для этой цели на крутой горе, называемой Ла Гризе, и бережно собрали его обгоревшие останки. Они смешали их с росой, собранной с хлебных колосьев и верхушек травы, и приготовили таким образом сыпучую массу и посыпали ею виноградники, хлеба и деревья, вызывав увядание цветов и препятствуя завязыванию плодов» («Compendium Maleficarum»).

«Отомсти или умри!». Дьявол дает ведьмам порошок и мазь и обещает уничтожить сады и хлеба или, по крайней мере, заставляет их поверить в то, что они могут это сделать.

Иногда личное недовольство добавлялось к чародейству, как было в 1533 г., когда слуга, уволенный со своей работы, якобы в отместку сжег город Шильтах в Вюртемберге.

При обвинениях ядовитые мази и порошки были наиболее частыми методами причинения maleficia. Классический случай симпатической магии с использованием подобий приводится на суде над абингтонскими ведьмами, казненными в 1579 г. Некая матушка Даттон была обвинена в умерщвлении 4 человек с помощью «изображений» или фигурок «примерно в пядь длиной и в три или четыре пальца шириной». Матушка Д. вонзила шип или колючку шиповника в левые стороны этих подобий, «где, по ее мнению, находились сердца людей, которых представляли эти изображения». Предполагалось, что все 4 жертвы тотчас умерли.

Джон Палмер и Элизабет Кнотт, казненные в Сент-Олбени в 1649 г., были обвинены в убийстве с помощью колдовства; они согласились «создать изображение» (то есть слепить фигурку) женщины из глины, «которую после этого помещали на огонь, поворачивали соответствующим образом на горящих угольях, и пока она трескалась и обгорала, женщина лежала в страшных мучениях. Когда изображение разрушилось полностью, женщина умерла («The Devil’s Delusions», 1649).

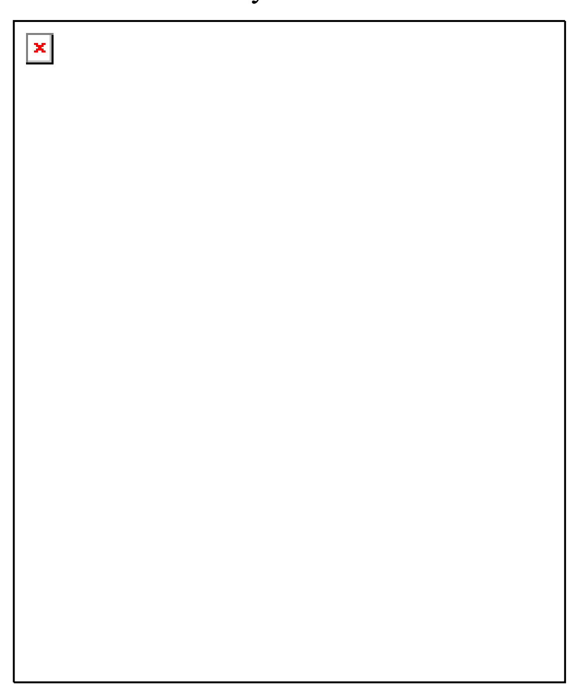
К счастью для облеченных властью чиновников, осуществлявших практическое применение законов, демонологи изобрели теорию о том, что, как только чиновник дотрагивался до ведьмы, она теряла свою способность производить maleficia. Однако Приериас (1521) предупреждал, что ведьма может околдовать их и предлагал чиновникам брать для

экзорцизма соль и освященный воск. Другие теоретики даже предлагали доставлять ведьму в тюрьму в большой корзине, чтобы ее ноги не касались земли [см. Тенглер, Ульрих].

Одной из наиболее неприятных черт традиционного взгляда на ведьму как виновницу всех происшествий было юридическое признание колдовства «фактором окончательной причины», вводившимся для объяснения того, что не могло быть объяснено иным образом. Вменяемое в вину могло иметь обратную силу: так, на суде над нортбервикскими ведьмами смерть Арчибальда, графа Ангуса, была представлена как доказательство колдовства, однако во время его смерти «этого еще не подозревали». Эйди сетовал на то, что

> «Рука Господня редко направляется против человека, его поместья, здоровья, тела, или еще чего-нибудь, но бывает, что он кричит на своих бедных невиновных соседей, что он или она околдовали его; поскольку, говорит он, этот старик или старуха недавно подходили к моей двери и хотели отдохнуть, но я отказал в этом, и — да простит меня Господь! — мое сердце восстало против нее в этот миг, а разум подсказал мне, что она выглядит как ведьма. И вскоре мой ребенок, моя жена, я сам, моя лошадь, моя корова, моя овца, моя свинья, мой боров, моя кошка или еще что-нибудь были так-то и так-то затронуты, таким странным образом, что я могу поклясться, что она — ведьма, или в том, что подобное действительно происходило» («A Candle in the Dark»).

Подобным же образом Скотт, первый англичанин, противостоявший вере в колдовство, в 1584 г. резко заявлял: «Порочные наклонности и тому подобное, а не проклятья, ведьмы или духи являются причиной подобных заболеваний. Некоторая же часть их скота погибает из-за болезни или несчастного случая».

Ронве, демон, дающий знание языков. Из «Dictionnaire infernal» (1863) Колена де Планси.

Отсутствие логики в рассуждениях о колдовстве и maleficia наглядно видно как на примере Хопкинса, так и на примере его континентальных двойников. Как следует объяснить смерть человека от неизлечимой болезни? Тем, что врачи не смогли излечить это заболевание? Да, но… В «Discovery of Witches» Хопкинс объясняет это следующим образом:

1. Ведьмы боятся, что их вот-вот арестуют.
2. Ведьмы прибегают к помощи дьявола.
3. Дьявол велит им околдовать некоего человека, который является его заклятым врагом («дьявол знает, что этот человек предрасположен к неожиданному заболеванию»).

«Что ты хочешь, чтобы я для тебя сделал, мое дорогое и драгоценнейшее дитя, заключившее сделку и договор со мной в моем дьявольском союзе и скрепившее его своей кровью, мой милый и верный друг»?

4. Человек умирает естественным образом.

5. Дьявол рассказывает ведьмам, что они убили его заклятого врага с помощью порошка, который он им дал.

6. Ведьмы славят дьявола за то, что он помог им.

> После того, как распространяются новости о смерти человека, [дьявол] приходит к ведьме и получает слова благодарности, доверия и уважения за свою силу и дела, в то время как на самом деле человека убила болезнь, а не ведьма и не дьявол (только дьявол знает, что это заболевание было предопределено), и ведьма усиливает свое проклятие с помощью своих домашних духов и союза с дьяволом, таким образом вступая в противоречие с законом.

Порча, наводимая ведьмой очень часто вызывала признаки, похожие на одержимость, когда дьявол входил в человека или обладал его телом. Считалось очень важным различать эти заболевания, поскольку каждое из них требовало различного лечения. При одержимости облегчение мог принести экзорцизм. При околдовывании могла помочь молитва или, как предполагали некоторые демонологи, привлечение для консультации ведьмы или «белой ведьмы», чтобы излечить maleficia. Великий специалист по колдовству Гваццо в «Compendium Maleficarum» (1626) приводит следующие 20 признаков околдовывания с помощью простой maleficia, отличающих его от демонической одержимости:

1. Во-первых, когда очень сложно диагностировать болезнь околдованного, так что врачи колеблются и сомневаются, все время меняют свое мнение и боятся выносить однозначное решение.

2. Если, хотя лекарства применяются с самого начала, болезнь не ослабевает, но, наоборот, усиливается и больному становится хуже.

3. Если болезнь усиливается не постепенно, как это бывает при обычном заболевании, но сразу же после начала болезни человек претерпевает жесточайшие боли, хотя для этого нет очевидных патологических показаний.

4. Если болезнь чрезвычайно неустойчива, появляется периодически и не имеет регулярного характера и, напоминая природное заболевание, отличается от него по многим признакам.

5. Хотя больной человек часто страдает от сильнейшей боли, он не может сказать, в какой части тела чувствует боль.

6. Время от времени больной издает печальные вздохи [quae lucluosa] без всякой видимой причины.

7. Некоторые теряют аппетит, а другие срыгивают еду, и их желудок так раздражен, что они часто скрючиваются от боли, можно наблюдать у них что-то вроде комка, поднимающегося и опускающегося от желудка до горла, они пытаются вытолкнуть его, когда он поднимается к горлу, но все их усилия тщетны, хотя очень скоро это проходит само по себе.

8. Колющие боли в области сердца, как будто оно разрывается надвое.

9. У некоторых видно биение пульса и пульсация на шее.

10. Некоторые страдают от спазмов в шейной части, в почках или нижней части желудка, и часто холодный, ледяной воздух проходит через их желудки и быстро выходит обратно, или они чувствуют жар, наподобие горячего пламени, поражающий их тем же самым способом.

11. Некоторые становятся импотентами.

12. Некоторые покрываются легким потом, особенно по ночам, несмотря на холодную погоду или время года.

13. Некоторым кажется, что определенные части их тела как бы скручиваются в узел.

14. Болезнь, которой страдают околдованные, наиболее часто бывает связана с упадком сил или истощением всего тела, с сильной слабостью, отупением, приступами меланхолии, различными видами лихорадки, представляющей большие сложности для врачей, конвульсиями наподобие эпилепсии, окоченением конечностей, предвещающим наступление конвульсий. Иногда голова распухает или такая усталость овладевает всем телом, что больной едва может двигаться.

15. Лицо, а иногда и все тело некоторых околдованных становится желтым или мертвенно-бледным.

16. Веки некоторых околдованных так опухают, что они с трудом открывают глаза, это заметно при специальном обследовании.

17. Околдованные едва могут выносить взгляд священника, даже и не прямо на них направленный, и всевозможными способами закатывают глаза.

18. Когда заговор сжигают, больному обычно становится хуже в большей или меньшей степени, в зависимости от того, являлось их околдовывание легким или жестоким; это часто заставляет их издавать ужасные крики и стоны. Но если никаких изменений или ухудшений не наблюдается, вполне возможно, что больной человек при небольшом уходе восстановится в добром здравии.

19. Если ведьма случайно приблизится к больному человеку, он сразу же чувствует большое беспокойство и его охватывает ужас и дрожь. Если это ребенок, он немедленно кричит. Глаза становятся черными (зрачки расширяются) и наблюдаются другие видимые изменения.

20. Наконец, когда священник, чтобы ослабить болезнь, применяет освященные жидкие мази на глаза, уши и другие части, и пот или другие изменения появляются в этих местах, это знак, что личность околдована.

Данную статью можно завершить несколькими примерами еще совсем недавних злодеяний, описания которых иногда встречаются в газетах. Несколько подобных примеров приведено в статье Чародейство. В 1879 г. в деревне Врачево в Новгородской губ. Аграфена Игнатьева, женщина чуть старше 50 лет, была заподозрена в околдовывании скота [см. Чародейство]. Жители деревни заперли ее в собственном доме и подожгли его. Когда зачинщики предстали перед судом, судья приговорил их только к незначительному церковному покаянию, другие жители были отпущены, уплатив штраф.

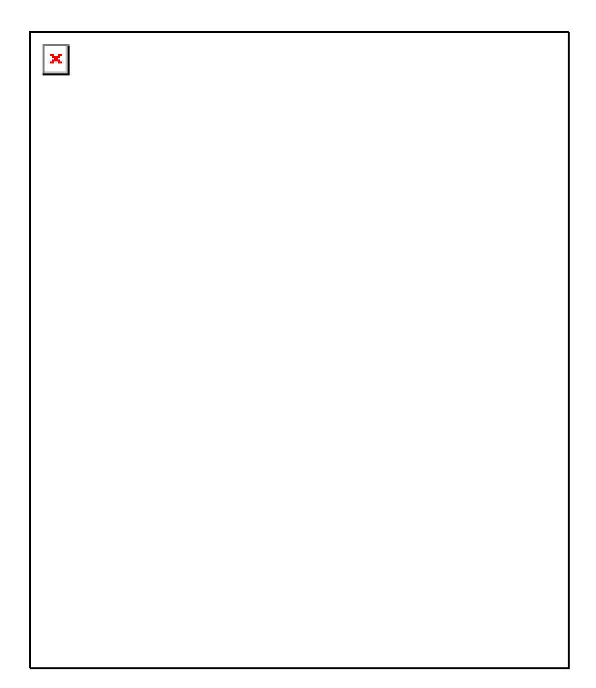
В том же году в Ист-Дерхеме (Норфолк, Англия) мужчина был привлечен за нанесение оскорблений и побоев 18-летней девушке. В свою защиту он заявил, что девушка и ее мать были ведьмами. Он сказал, что, несмотря на свой юный возраст, девушка «может околдовать любого, она околдовала меня, и я из-за нее не имел покоя ни днем, ни ночью, пока не нашел жабу под кучей торфа». Затем он описал, как девушка якобы совершала чародейство:

> «Она вырыла ямку и положила ее туда, чтобы заговорить меня, благородные господа, это истинная правда. Я извлек оттуда жабу, завернул ее в тряпку, вынес наверх и, показав ее моей матери, выбросил в глубокую яму в саду. Она обошла вокруг этой жабы, когда закапывала ее, и я не имел покоя днем и не спал ночью, пока не нашел ее» (Кристин Хоул, «Mirror of Witchcraft»).

В «News Chronicle» (Лондон) от 6 января 1947 г. описан случай, относящийся к середине XX в. Старый мужчина был обвинен в оскорблении пожилой женщины. Она заявила, что собирала на его земле петрушку, но он заявил, что она околдовала его: «Вы знаете, что все это восходит к колдовству средних веков. Я не осмеливаюсь вам рассказать, какие ужасные вещи она проделывала со мной. Я мучился пять лет».

Таким образом, порча существует и сегодня, но она может быть четко определена как магическое или чародейское действие, которое следует отличать от концепции кол-

довской ереси, известной и описывавшейся на протяжении трехсот лет охоты на ведьм. Как в Европе, так и в Америке, по-прежнему отмечаются описания maleficia, и из-за путаного использования слова многие верят, что колдовство продолжается от античности до настоящего времени. Но подобные происшествия и сообщения, знакомые всем, скорее относятся к фольклору, чем к колдовству, которое в основе является религиозной ересью.

Уробах, один из низших демонов. Из «Dictionnaire infernal» (1863) Колена де Планси.

> «Порча является злонамеренным действием, направленным против тела, и совершаемым властью, данной дьяволом через тайный или открытый договор, заключенный с ведьмой, и при посредстве человека, удовлетворяющего порочные наклонности собственной натуры; всегда, пусть даже и тайно, она производится с Божьего соизволения». — Кандид Броньолус Бергамский, «Manuals Exorcistamm», 1651.

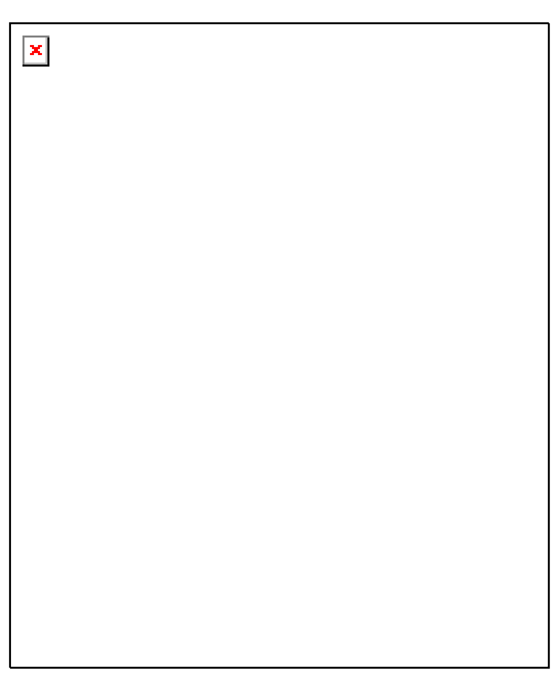
ПОТТ, ИОГАННЕС ГЕНРИХ. Автор книги «Specimen Juridicuum de Nefando Lamiarum cum Diabolo Coiti» (Йена, 1689), профессор права Йенского университета. Труд П. является фантастическим нагромождением экстравагантных легенд о сношениях между дьяволами и ведьмами. Весьма научно П. рассказывает истории о ведьмах, родивших червей, которых они позже использовали в качестве человеческих рук или ног, о чудовищных союзах (таких, как приведенное Гваццо описание потомка человека и коровы, который вырос набожным человеком, но имел склонность пастись в стаде) и о чудесах (женщинах, родивших львов, собак и змей). П. также приводит историю порочного волшебника, который, наряду с прочими уловками, научил одного человека, как сделать свою кожу гладкой без бритья. К несчастью, мышьяковый депилятор снял с него не только щетину, но и кожу вместе с мясом! Для каждого мужчины или женщины, по договору или без него вступившего в связь с дьяволом, достойным наказанием П. считал смерть через сожжение.

В дополнение к 70 страницам, на которых обсуждается секс, П. напечатал текст договора с дьяволом, сделанный в 1676 г., приведенный в статье Договор с дьяволом.

ПРЕВРАЩЕНИЯ. Широко распространенная вера в то, что люди могут превращаться в животных, имеет первобытное происхождение. Она лежит в основе тотемистических представлений американских индейцев: так, например, каждое племя связывало свое происхождение с определенным животным или птицей. В Ветхом Завете у Навуходоносора вырастает свиная щетина. Спутники Одиссея превращаются в свиней на острове

Цирцеи. Эрисихтон вновь и вновь продает свою дочь в облике коровы или лошади. Классическим примером является и «Золотой осел» Апулея. Превращение происходит на первых страницах книги, когда Луций, гостивший у Телефрона, наблюдает, как его хозяйка раздевается, натирает мазью все тело и поднимается в воздух. Ауций пытается последовать за ней, но использует не ту мазь и превращается в осла. С этого момента «Золотой осел» становится пересказом как фантастических, так и реалистических приключений Луция в его новом облике осла. Апулей так подробно описывает сцены магии, что его обвинили в чародействе; сохранилась запись его успешной защиты. Вергилий в восьмой эклоге «Буколик» рассказывает о травах и ядовитых растениях, растущих на Понте: «Видел я и не раз, как в волка от них превращался Мерис и в лес уходил» (пер. С.Шервинского).

Самое распространенное в теории колдовства превращение человека в волка (ликантропия) рассматривается в отдельной статье. Некоторые другие превращения, гораздо реже встречающиеся, обозначаются по названиям животных: «элюрантропия» (превращение в кота), «боантропия» (в корову или быка), «лепантропия» (в зайца), но эти термины используются нечасто.

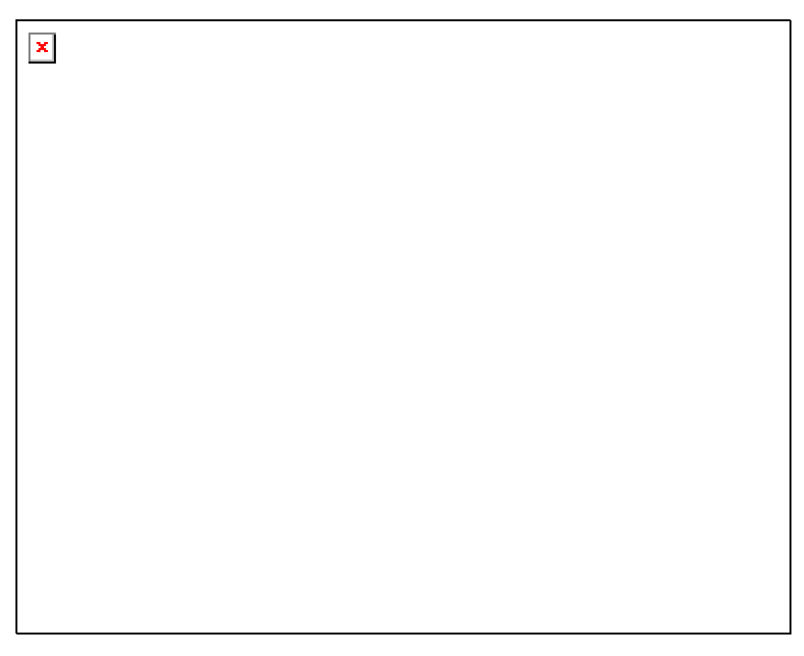
«Подожди, пока тебя полностью не намажут». — Гойя (1799).

Типичными превращениями в Англии были превращения человека в кошку, собаку или зайца. Изобель Грирсон была сожжена в Эдинбурге в 1607 г. за посещение дома в образе кота — обычное обвинение на шотландских судах (вплоть до 1752 г.). В различных судебных отчетах ведьмы появлялись в образах почти всех небольших животных и птиц. Например, Джон Палмер, казненный 16 июля 1649 г., признался в том, что, «встретившись с молодым человеком, он превратился в жабу и улегся на дороге, а проходивший молодой человек ударил его, вследствие чего Палмер, разгневанный ушибом голени, околдовал молодого человека, к своему большому сожалению и раскаянию». — «The Devil’s Delusion» (1649).

В «A True and Exact Relation» (1645) описываются ведьмы, принимавшие образ собак, хорьков, крыс, змей, дроздов, мышей и черных кроликов. Поразительное показание о превращении в кролика позволило обвинить в 16оЗг. миссис Юлиан Кох [см. Свидетельские показания на судах ведьм в Англии].

Всеобщая вера в принятие звериного облика настолько распространилась, что один из персонажей «Dialogue Concerning Witches» (1593) Гиффорда видит ведьм повсюду, когда входит в свой сад: «Я боюсь, поскольку вижу там и тут зайца, который в моем сознании предстает как ведьма или некий дух ведьмы, который таращится на меня. И иногда я

вижу безобразную ласку, пробегающую через мой двор, а иногда в моем амбаре — паршивый, отвратительный кот, который мне совсем не нравится». В Европе Гваццо писал: «Ведьмы могут обращаться в мышь или в кота, или в саранчу, или в любое другое маленькое животное и вползать в маленькое отверстие и затем восстанавливать свою форму». Как предполагали, подобная способность сохранялась у особенно преданных ведьм, как вознаграждение от дьявола. Один колдун, Скавиус (ок. 1375 г.), всегда ускользал от своих врагов, превращаясь в мышь, пока однажды не был убит саблей, когда беспечно сидел на окне, прежде чем смог осуществить свое превращение (Нидер, «Formicarius», ок. 1435).

«Я за вами пойду, я вас в круг заведу;

Сквозь кусты, через гать буду гнать и пугать.

То прикинусь конем, то зажгусь огоньком,

Буду хрюкать и ржать, жечь, реветь и рычать,

То как пес, то как конь, то как жгучий огонь!»

Шекспир. «Сон в летнюю ночь» (1594)

Любое повреждение животного вызывало аналогичное повреждение у колдуна, когда к нему возвращался человеческий облик; эта легенда, связанная с представлениями о симпатической магии, повторяется вновь и вновь. Так, очень давно Жерве из Тильбюри писал: «Тайно наблюдавшие заметили женщин в образе котов и ранили их, на следующий день у женщин были обнаружены раны и утраченные конечности». Спустя 400 лет Стерн, прихвостень Хопкинса, рассказывал почти такую же историю о старой карге, демонстрировавшей рану, которую она получила, находясь в облике собаки («Confirmation and Discovery of Witchcraft»).

В годы колдовской истерии редкостью были люди, сомневавшиеся в реальности превращений. Одним из таких людей был англиканский епископ Харснетт, записавший в «Declaration of Egregious Popish Impostures» (1603):

> «Какой же судья, руководствующийся разумом, пониманием или здравомыслием, может представить себе, что ведьма способна превратиться в подобие кота, мыши или зайца; и что, если ее в облике зайца травили гончие, или ущипнули за зад, или ударили бичом в обличьи кота, на ягодицах ведьмы окажутся следы, оставленные гончими на заячьем заду?»

Спустя 50 лет подобная точка зрения была еще распространена, и Филмер замечал: «Многие признаются в совершении вещей фантастических и невозможных, …что они могут иногда превращаться в кошек, зайцев и других существ, но все это чистые небылицы, и быть этого не может».

Но поскольку подобные вещи были нереальны, сторонники охоты на ведьм еще более решительно настаивали на своей точке зрения по аналогии с «credo quia impossibile» («верую, потому что невозможно»). Так, например, даже в конце XVII в. в «Saducismus Triumphatus» Гланвиль, обсуждая, как ведьм «сосали в неких интимных местах домашние духи», писал: «Чем более абсурдными и нелепыми кажутся эти действия, тем более убедительными кажутся они мне благодаря правдивости этих сообщений о реальности, отрицаемой скептиками».

Позиция Гланвиля по поводу превращений совпадала с мнением большинства демонологов XVI и XVII вв. Однако сторонники этой теории встречались с той же проблемой, что и сторонники теории ночных полетов: следовало учитывать мнение более раннего авторитарного канона «Episcopi». Некоторые из них, такие как Боден и Боге, принимали превращения без всякой оговорки по поводу их реальности, но другие (например, Бернард из Комо и Бинсфельд) присоединились к утверждениям Августина и Фомы Аквинского, что превращения не происходят на самом деле, но являются дьявольской иллюзией, при которой людям кажется, что они приобретают облик животных. Один из первых авторов, Молитор, объясняет это следующим образом:

> «Таким образом дьяволы обманывают зрение людей, появляясь перед ними в химерических формах, в реальность которых люди верят, например, тот, кто смотрит на человека, а видит на его месте осла или волка, хотя человек не принял ни одну из этих форм… Только его глаза верят в фантасмагорию до такой степени, что заблуждение принимается за реальность».

Все подобное совершалось только с допущения Господа. Гваццо в «Compendium Maleficarum» (1626) так обобщает сказанное: «Никто не должен заблуждаться относительно того, что человек может в действительности превратиться в зверя или зверь в реального человека; поскольку существуют магические чудеса и иллюзии [praestigias], которые не реальны, а имеют видимость тех вещей, которыми они кажутся».

Подобное различие было трудноуловимым, и едва ли можно определить, насколько доступным оно было для понимания необразованных мужчин и женщин, обвинявшихся в судах, и руководствовались ли им судьи в своей практике. Но для Перкинса, длительное время являвшегося авторитетом по колдовству в Англии, этот довод был неубедительным. Он писал в «Discourse of Witchcraft» (1608):

> «Инквизиции Испании и других стран, где отмечаются эти и другие подобные вещи, связанные с ведьмами, считают, что ведьмы действительно превращаются в подобных существ, но это не может происходить на самом деле, вследствие того, что дьявол не имеет силы так превращать одно существо в другое».

Предполагалось, что превращения совершались с помощью магической мази, подобно той, что использовалась при перемещениях. Кроме того, на судах шотландских ведьм в 1662 г. Изобель Гоуди привела ряд заклинаний для превращений в различных животных и, соответственно, для возвращения человеческого облика. Она признавалась, что для принятия облика зайца необходимо троекратно произнести:

> «„Именем дьявола да стану я зайцем
> С печалью, заботой, тревогой большой,
> Покамест я снова не стану собой“.

И мы сразу же превращаемся в зайца. И чтобы выйти из этой формы, мы должны произнести:

„Заяц, заяц, Бог с тобою,
Я сейчас с тобою схож.
Возвращаюсь в образ женский
Не похожий на тебя“.

Когда мы входим в обличье кота, мы должны трижды произнести:

„Именем дьявола да стану я кошкой
Грустной, печальной и черной такой,
Покамест я снова не стану собой“».

Она привела аналогичные формулы для превращения в ворону или любое другое животное. Другие ведьмы могли превращаться в тех же самых животных, просто произнося: «Я заклинаю тебя, войди в меня, …и они тут же становились тем, кем хотели: кошками, зайцами, воронами».

ПРИГОВОР. Хотя инквизиция применяла в своих собственных тюрьмах самые варварские пытки, она никогда сама не казнила тех, кого находила виновным, а передавала их светским властям, теоретически рекомендуя проявить милосердие, а практически предупреждая светских судей, что милосердие с их стороны будет рассматриваться как показатель их собственной еретичности. Подобная формулировка приговора, смягчающего обвинение или передающего еретика в ведение светской власти, может вызвать лишь содрогание.

В качестве типичного образца приведем приговор, вынесенный инквизитором-доминиканцем Себастьяном Михаэлисом в Авиньоне в 1582 г. против 18 мужчин и женщин. Он сам «перевел его на латынь, в том виде, как он был тогда зачитан и объявлен».

«Мы, NN, рассмотрев пункты, по которым вас обвинили и обвиняют в нашем присутствии, и исследовав ваши показания и показания ваших сообщников и ваше собственное признание, сделанное перед нами и скрепленное присягой в соответствии с законом, в равной степени как и показания и обвинения свидетелей и другие законные доказательства, основываем свой вердикт на том, что было сказано и сделано во время этого суда.

На законном основании мы согласны с тем, что вы и ваши помощники отрицали единого и триединого Бога, создателя и творца всего, и что вы поклонялись дьяволу, старинному и безжалостному врагу человечества.

Вы клялись ему в вечной верности, отвергнув как ваше святое крещение, так и тех, кто был вашими покровителями, вместе с местом в Раю и вечным спасением, которое наш Господь купил для вас и всего человечества своей смертью.

Все вы отреклись перед упомянутым дьяволом, существующим в облике человека, и этот неистовый дьявол снова крестил вас водой, которую вы приняли, и вы сменили имя, данное вам при крещении в святой купели, приняв другое, ложное имя при ложном крещении.

И как залог вашей верности дьяволу, вы дали ему кусок от вашей одежды, и прародитель лжи стер ваши имена из книги жизни, повелев вам собственноручно вписать ваши имена в черную книгу, приготовленную для тех, кто проклят на вечные муки.

И чтобы связать вас более крепкими узами для большого предательства и богохульства, он поставил на каждом из вас свою мету или печать, как знак того, что вы принадлежите ему, и вы поклялись в поклонении ему и покорности его распоряжениям с помощью круга (который является символом божественности), прочерченного на земле (которая является подножием Господа), и вы и ваши сообщники связали себя попранием ногами образа Господа нашего и креста.

И вы, подчинившись Сатане, поместили между ног посох, смазанный некой отвратительной мазью, полученной вами от самого дьявола, приобрели способность летать по воздуху глухой ночью к указанному месту в час, подходящий лишь для гнусных преступников, и в установленные дьяволом дни сам он поднимал и перемещал вас туда. И там, на сборище (синагоге) всех ведьм, чародеев, еретиков, заклинателей и поклоняющихся дьяволу, вы зажигали вонючий костер, и после многих совокуплений, веселых плясок, еды и питья и игр в честь вашего президента Вельзевула, князя дьяволов, находившегося здесь в форме и обличьи уродливого и отвратительного черного козла, вы восхваляли его делом и словами как Господа, и приближались к нему на коленях, как просители, и предлагали ему зажженные напрестольные свечи, и (какой стыд!) с большим почтением целовали кощунственным ртом его гнуснейший и пакостный зад, называя его именем истинного Бога и призывая его на помощь, чтобы отомстить за себя всем тем, кто оскорбил вас или отверг ваши просьбы.

И, наставляемые им, вы давали волю своей злобе в maleficia и очаровывании как людей, так и животных и умерщвлении множества новорожденных детей, и с помощью упомянутого змея Сатаны вы поражали человечество проклятиями, потерей молока, изнурительной болезнью и другими самыми серьезными расстройствами.

И даже ваших собственных детей, многие из которых с вашего ведома и согласия злодействуют, вы душили, закалывали и убивали и, наконец, тайно по ночам выкапывали их из могил и затем приносили на вышеназванный шабаш и сборище ведьм.

Затем вы предлагали их князю дьяволов, сидящему на своем троне, вытапливали их сало, сохраняя его для ваших дел, отрубали им головы и ноги и тушили, а иногда поджаривали их [assari curalis] и, по приказанию вашего вышеназванного злого отца, отвратительно пожирали их.

Затем, добавляя грех к греху, мужчины совокуплялись с суккубами, а женщины развратничали с инкубами, и во время мерзейших соитий с демонами вы совершали тягчайшее преступление содомии.

И, что является гнуснейшим из всего, по приказанию вышеназванного Змея, низвергнутого из Рая, вы брали в рот святые дары, полученные в святой церкви во время причастия, и мерзко выплевывали их на землю с величайшим презрением и богохульством, чем бесчестили Господа Бога нашего и прославляли честь, триумф и царство самого дьявола и, поклоняясь ему, чтили и славили его со всем почтением, почестями, поклонением и восхищением.

Все перечисленные тягчайшие и гнусные преступления, прямо осуждаются Господом Богом нашим.

По этой причине Мы, брат Флорус, архиепископ ордена доминиканцев, доктор догматического богословия и главный инквизитор Авиньона, заседая в трибунале, именем Божиим распорядились составить сей окончательный приговор в соответствии с законодательными предписаниями всеми почитаемых теологов и юристов, смиренно моля о милости Господа Бога нашего Иисуса Христа и Пресвятую деву Марию, настоящим официально приговариваем и объявляем всех вас, вышеназванных, и ваших сообщников — истинных вероотступников, идолопоклонников, бунтовщиков против самой Святой Веры, отрицающих и оскорбляющих Всемилостивого Господа, совершивших самые мерзкие преступления, оскорбивших супружескую верность, чародеев, ведьм, кощунствующих еретиков, ворожей, убийц, поклонявшихся дьяволу, сатанистов, приверженцев дьявольского и адского закона и отвратительной и безнравственной веры, богохульников, клятвопреступников, — обвиняемыми во всех названных злонамеренных преступлениях и оскорблениях.

Настоящим приговором мы передаем вас и ваших сообщников как дьявольское отродье светскому суду, для наиболее достойного и справедливого наказания в соответствии с установлениями закона».

Приговор и казнь, осуществлявшаяся светскими властями, всегда становилась поводом для дальнейшего устрашения. Так, например, в Невшателе обвиненных приводили на террасу замка, где они выслушивали приговор. Церемонию открывал капеллан:

В.: Знаете ли вы, месье лейтенант, что настал час справедливого воздаяния за совершенное преступление?

О.: Да, я знаю, монсеньор Шателен, что этот час настал, и правосудие должно свершиться.

В.: Таково же ваше мнение, господа члены суда?

О, Да.

Звонили церковные колокола, иногда обернутые в мокрую ткань, чтобы сделать звон более печальным. Ведьму выводили вперед. Стоя на коленях перед зрителями, она должна была выслушать решение суда. В ответе на вопрос мэра заключенная должна была признать его справедливость, если же она отказывалась, ее снова уводила в тюрьму для дальнейших пыток. Затем один из ассистировавших священников произносил проповедь, после чего писарь зачитывал приговор, и заключенный официально передавался палачу. Казнь считалась публичным зрелищем, учащиеся получали каникулы с тем, чтобы стать свидетелями гибели ведьм. Судебное производство завершалась банкетом (оплачиваемым за счет осужденного) для капеллана, мэра, четырех судебных чиновников, двенадцати судебных помощников, двух стражников [sautiers] и двух школьных учителей.

В протестантских государствах Германии казнь тоже превращалась в незабываемую драму. Например, в 1635 г. Карпцов утверждал, что судебное производство должно считаться недействительным, если строго не соблюдены необходимые формальности, и описал его общепринятый порядок, обязательный для всей Саксонии. Публику необходимо было призывать звуками фанфар и звоном колоколов. Держа жезл (символ власти), судья требовал от судебных чиновников или советников, чтобы суд проводился в соответствии с законом. Обвиняемых выводили вперед одного за другим, чиновник спрашивал у них, за что они осуждены. Заключенные публично подтверждали свою вину. Затем судья объявлял приговор: «Поскольку ты, NN, признаешь, что ты, NN [совершил означенное преступление] так, что я, NN, находящейся под юрисдикцией саксонских выборных судей в Лейпциге постановляю, что ты за совершенные тобой [преступления] должен быть приговорен к [способ казни], лишен жизни и умерщвлен». Затем судья преломлял свой жезл и приказывал палачу выполнять его распоряжения. При вынесении общественного приговора бейлиф просил тех, кто хотел разоблачить кого-либо, выйти вперед и объявить об этом судье.

В протестантской Пруссии казнь также носила ритуальный характер. В современном документе описывается процедура 1687 г. в Арендзее (Альтмарк). Магистрат [Amtmann] спросил у заключенных, виновны ли они. Они признали свою вину. Затем нотариус зачитал приговор. Палач попросил полицейских защитить его, когда он будет отрубать головы (если он промахивался при первом ударе, толпа могла забросать его камнями). Затем магистрат преломил свой жезл, и, согласно обычаю, столы и стулья в судебной комнате были перевернуты. Была сформирована процессия, возглавляемая группой мужчин с палачом, ведущим заключенных за веревки, окруженная вооруженными стражниками, затем следовали священники, сопровождаемые мужчинами города, несущими оружие. Во время пути вся процессия молилась и пела псалмы. Хор школьников сопровождал ее пением гимнов — «Gott der Vater wohn uns bei» [«Да будет с нами Отец Небесный»], пока жертву вели к подмосткам, и — «Nun bitten wir den heiligen Geist» [«Теперь мы молим Святого Духа»] после казни. Тела цепями перетаскивали в погребальный костер и сжигали до пепла, пока зрители продолжали петь гимны.

ПРИЗНАНИЕ. Единственным надежным источником для доказательства такого преступления как колдовство было признание. Согласно теории, судом принимались два вида доказательств: П. обвиняемого и изобличающие показания свидетелей, которые, согласно нормам европейской системы инквизиционного права, не должны были встречаться на очной ставке с ведьмой. Если признавшаяся ведьма подтверждала, что она видела обвиняемого на дьявольском шабаше, этого обвинения было достаточно. Было доказано

также, что, если обвиняемый признается в своем участии в шабаше, то этого достаточно, чтобы осудить не только его, но и всех, кого он там якобы видел. Однако не каждая ведьма отправлялась на шабаш, некоторые совершали индивидуальные и тайные соглашения с дьяволом. «Может и не быть никакого свидетеля данного преступления, — писал Синистрари в 1700 г., — поскольку дьявол, видимый ведьме, не виден никому, кроме нее». Поскольку самого Сатану невозможно вызвать в суд, единственным доступным свидетелем была сама обвиняемая ведьма. Было бы нелогичным предположить, чтобы ведьма добровольно призналась в преступлении, влекущем за собой смертную казнь. Следовательно, ведьму следовало пытать до получения П. Если обвиняемый, осведомленный об ужасах пытки, признавался сразу же после ареста, его все равно следовало подвергнуть пытке, поскольку, согласно распространенной точке зрения, первое П. могло быть ложным, сделанным только для того, чтобы избежать мучений пытки. Однажды обвиненная, жертва должна была выдержать пытку и неизбежно сделать П. вины. «Общепринятые законы устанавливают, что ведьма не может быть осуждена на смерть иначе, чем на основании ее собственного признания», — говорится в «Malleus Maleflcarum».

Совершенно типичное П., сохранившееся в судебных отчетах Нойерберга в Люксембурге, сделанное некой Сюзанной Штейн из Вассвейлера за четырехмесячный период с 6 августа по 20 ноября 1627 г. Рукопись из БКУ включает ее П. о визите дьявола, делавшего с ней все, что он хотел, и описание ее воздушного путешествия на метле на дьявольские танцы.

Каждый суд над ведьмами сопровождался своими признаниями и многие характерные образцы помещены в настоящей «Энциклопедии». В Англии записи признаний обычно не столь подробны, как в континентальной Европе, но относительно подробным является П. одной из фавершемских ведьм, Жанны Уиллифорд, казненной в 1645 г. Сообщение о сенсационном суде над ланкаширскими ведьмами, составленное Томасом Поттом, одним из судебных чиновников, включает в себя П. заключенных. Не менее интересным примером являются зачитанные на эшафоте П. трех женщин, осужденных на третьем челмсфордском суде 1589 г.

Подробное описание того, как добивались П. в Германии в первой половине XVII в., приводится Фридрихом фон Шпее, немецким иезуитом-гуманистом, принявшим последнюю исповедь у сотен ведьм, сожженных у столба:

> «Признается она или нет, результат одинаков. Если она признается, ее вина очевидна: ее казнят. Любые отречения напрасны. Если она не признается, пытка повторяется — дважды, трижды, четыре раза. При «исключительных» преступлениях пытка не ограничивается ни по продолжительности, ни по жестокости, ни по частоте… Она не может оправдаться… Следственная группа сочла бы за бесчестье для себя оправдать хотя бы одну из этих женщин; если ее арестовали и заковали в цепи, то ее вина должна быть доказана, честным способом или хитростью».

В XVI в. И.Вейер описывал такую же процедуру судебного разбирательства:

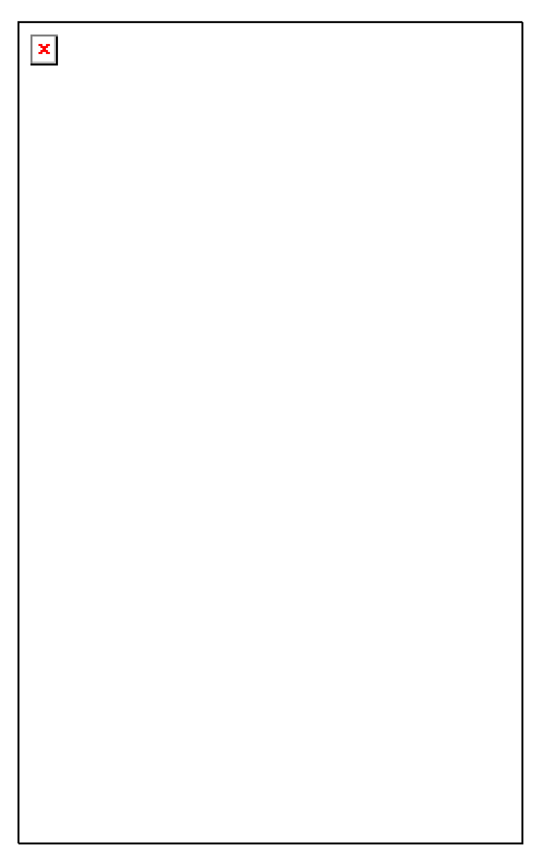
> «Таковы эти жалкие женщины, чьи умы уже повредились от обмана и хитростей дьявола, а теперь подавленные непрерывной пыткой; они находятся в постоянной грязи и темноте своих тюрем, отданные призракам дьявола и постоянно вытаскиваемые, чтобы претерпевать ужасные пытки, пока они не предпочтут смерть этому отвратительнейшему существованию и признание во всех преступлениях, которые им приписываются, возврату в свою мерзкую тюрьму с непрерывно продолжающейся пыткой» («De Praestigiis Daemonum», 1568).

В основе подобной иррациональной юриспруденции лежит принцип, что признание обвиняемым своей вины является необходимым основанием для казни, даже при наличии любых других признаний, доказывавших виновность (например, разоблачения сообщником). Даже при обвинении в maleficia, вызвавшей болезнь человека или поврежде-

ние, П. было необходимо. Д-р Франц Йоэль, профессор медицины Грейфсвальдского университета, например, утверждал, что даже опытный врач не может различить естественное и насланное ведьмой заболевание и что единственным надежным доказательством является признание самой ведьмы. Лимбох в «History of Inquisition» (1692) указывает, как легко было

> «извлечь признание из тех, кто является самым невиновным, с помощью жестоких пыток, которыми [инквизиторы] наказывали, не зная меры, всех, кого они подозревали, как будто чума поражала человеческое естество, даже по отношению к преступлениям, о которых они никогда не подумали бы и о которых они слышали, иначе как по описаниям».

Ле Сьер Буве, главный профос французских армий в Италии в XVII в., добавлял, что отрицание вины заключенным являлось наиболее благоприятной причиной для продолжения пытки.

Орудия пытки. Из «Истории инквизиции» Генри Ч. Ли.

Ни одна страна не была свободна от П., получаемых под принуждением, даже Великобритания, относительно более цивилизованная по сравнению с Европой. Пытка запрещалась английским обычным правом. Однако даже в Англии (в 1645 г., в Сент-Эдмундсберри) 70-летнего священника преп. Джона Лоувса заставляли бегать кругами по комнате «в общей сложности несколько дней и ночей, пока он не устал от такой жизни настолько, что едва чувствовал, что говорит и что делает [см. Хопкинс, Метью]. В том же самом году в Бодмине (Корнуэлл), некая Анна Джефри была лишена пищи согласно решению суда, и в следующем году, в Йорке, некую Мери Миджли избивали до тех пор, пока она не призналась. В 1632 г. в Коммене (Шотландия) священник и еще несколько человек совершили самосуд. Они притащили нескольких обвиненных в колдовстве в частный дом

> «и жестоко и зверски пытали женщин, не давали спать, подвешивали за пальцы, поджаривали подошвы ног на огне; прочих же привязали к конским хвостам и, затянув удавку на их шее и ногах, перевезли в тюрьму на лошадином крупе. От подобных и иных пыток одна из них сошла с ума, другая из-за жестокого обращения рассталась с жизнью, но все они признались в том, что от них требовали».

Аналогично, после пытки Дэвидом Ситоном своего слуги, началась серия судов в Нортбервике (в Шотландии) в 1590 г. На салемских судах над ведьмами Джон Проктор протестовал из тюрьмы, когда два младших сына Марты Керриер «не пожелали ни в чем признаться, пока им не стянули шеи и пятки, так что кровь готова была хлынуть из их ноздрей. И таково достоверное сообщение об обстоятельствах, заставивших их признаться в том, [чего] они никогда не делали».

Суд 1659 г. над Томасом Лоотеном представляет собой детальное описание типичных средств извлечения П. Другой аналогичный отчет из северо-восточной Франции, извлеченный из официальных судебных документов, посвящен отцу Доминику Горделю, осужденному на основании собственного П. и сожженному в Сен-Дье (Лотарингия) в 1631 г.

П. в колдовстве все ложны, поскольку они допускают совершение невозможного преступления. После каждого преступления, получившего огласку, несколько человек являлись в полицию и настаивали на своей собственной вине, так же безоговорочно, как и некоторые из признавшихся ведьм верили в собственные П. Так, одна ведьма призналась в краже и убийстве ребенка — ребенок же в это время находился в безопасности с матерью. Тем не менее, ведьма была повешена за то, что лжесвидетельствовала под присягой, сообщает Лимбох, цитируя «Ferrerius». По аналогичному обвинению была привлечена миссис Кендал из Кембриджа, Массачусетс (1652). Только потом родители обнаружили, что ребенок умер из-за небрежности няньки [см. США, колдовство в]. Первоначальное П. Изобель Гоуди было сделано совершенно добровольно: «Я совершила так много злых поступков, особенно убивая людей. …Я хочу быть разорвана железными щипцами и даже претерпеть еще более злую муку, если ее можно назначить». В свои 70 лет майор Вейр настаивал на П., которое обрекло его на смерть. И Агнесс Семпсон настаивала на том, чтобы сделать П. перед королем Яковом I, хотя он посчитал ее лгуньей [см. Нортбервикские ведьмы].

В отчете пятерых мужчин, назначенных наблюдать за Жилем Финдерленом в ночь, предшествующую казни, можно, найти еще один пример того, как заключенный настаивал на своем П. даже после осуждения, поскольку действие происходило в Англии, где после отречения не следовала пытка. Люди услышали шум в тюрьме, и некий Роберт Тодд спросил осужденного мужчину, в чем дело. Тот сказал, что «его снова мучил» дьявол, приходивший к нему в виде чертенка. Наблюдавшие ответили, что все они «являются здравомыслящими людьми» и [не могли] увидеть ничего. Затем следует такое сообщение:

> «Упомянутый Жиль ответил: „Но, хотя вы ничего не видите, я уверен, что чувствую это“. И тут же он заявил, что домашний дух приближается к нему. Тем временем упомянутый Роберт Тодд спросил его, в своем ли он уме, и думает ли он, о чем говорит. „Может быть, усталость внесла смятение в твои мысли, или чувство вины не позволяет тебе заснуть?“ На это упомянутый Жиль ответил: „Нет, я в здравом уме и понимаю, что делаю и говорю столь ясно, как никогда в жизни“» («The Trial and Examination of Mrs. Joan Peterson», 1652).

Во Франции и Германии признавшиеся ведьмы не могли отрекаться от своих показаний вследствие нескольких практических причин. Если они отрекались во время судебной процедуры, они немедленно возвращались в комнату пыток и подвергались пытке дважды: чтобы ликвидировать последствия своего отречения и затем сделать «настоящее» П., подтверждавшее первоначальное. Если они отрицали свое П. на пути к месту казни, им

не предоставлялась «милость» в виде удушения перед повешением, и они сжигались живьем.

В 1460 г. в Аррасе инквизиция обвинила нескольких известных людей в колдовстве и, спустя некоторое время получила П. Вынеся приговор, инквизитор зачитал вслух их П. о присутствии на шабаше, и заключенные подтвердили, что они соответствовали истине. Тогда заключенные были переданы для казни светскому суду. Они тотчас закричали, что им обещали помилование в обмен на П., и смерть, если они будут отрицать колдовство. Они настаивали на том, что никогда не были на шабаше и не являются ведьмами. Однако все они были сожжены живьем, без удушения, крича о своей невиновности до самой смерти [См. Аррасские ведьмы].

Несмотря на опасность отречения от П., некоторые из осужденных смогли настоять на своей невиновности. В Англии это было в некотором роде проще. Синклео в «Satan's Invisible World Discovered» (1685), например, сообщает об осужденной ведьме, которая по пути на эшафот говорила с толпой, пришедшей наблюдать за казнью:

> «Пусть все, кто видит меня сегодня, знают, что я теперь должна умереть как ведьма на основании моего собственного признания. И я прощаю всех мужчин, особенно священников и магистрата, виновных в моей крови, я принимаю все на себя, пусть моя кровь прольется на мою голову. И поскольку я должна сейчас ответить перед Господом, я заявляю, что свободна от колдовства, как и любой ребенок, но, будучи обвиненной порочной женщиной и помещенная в тюрьму под именем ведьмы, от которой отреклись муж и знакомые, и не находя никакой возможности освободиться из тюрьмы или восстановить когда-либо свое доброе имя, по наущению дьявола я сделала это признание с намерением покончить с жизнью, устав от нее, предпочитая скорее умереть, чем жить».

Синклер приводит пример, рассказанный ему сэром Джорджем Макензи, генеральным прокурором короля Карла II:

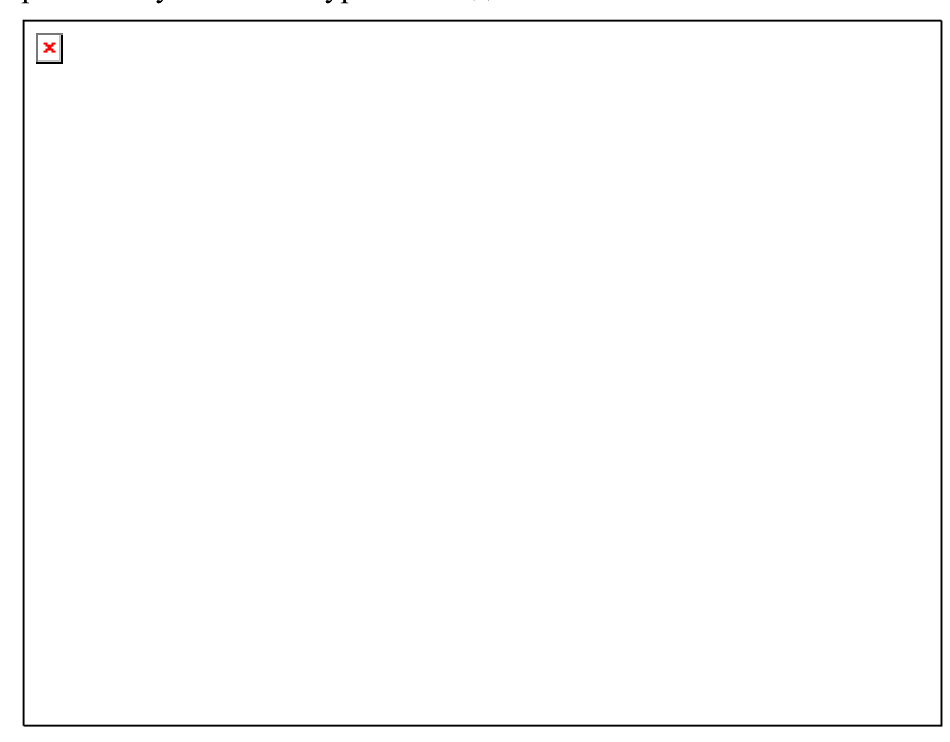
> «Он отправился допрашивать неких признавшихся женщин, и одна из них, …весьма простодушная, рассказала ему „по секрету, что она призналась не потому, что была виновна; но, будучи бедным существом, работавшим, чтобы не умереть с голода, и оказавшись обвиненной в колдовстве, она знала, что должна будет голодать, поскольку после этого никто не даст ей ни еды, ни жилья, и что все люди могут побить ее, и спустить собак на нее, и что, следовательно, она хочет уйти из мира“. После чего она заплакала самым жалостным образом и на коленях призвала Господа в свидетели всему тому, что она сказала».

Стапириус в «Brillentractat», известной только по отрывкам, представленным Лоэром, приводит примеры вынужденных П., сделанных в Вестфалии в начале XVII в. Подозреваемый сознался лишь при третьем применении пытки; как раз перед тем, как его должны были бросить в пламя, он выкрикнул: «Все, в чем я уже признался, является ничем иным, как паутиной лжи. Подвергая меня этой невыносимой пытке, вы вынудили меня дать под присягой ложное показание». Другая женщина рассказала священнику, что боится, что ее П. приведет ее к вечному проклятию: «Я никогда не думала, что с помощью пытки человека можно довести до того, что он станет рассказывать небылицы, подобные тем, что я рассказала вам. Я не ведьма, и никогда не видела дьявола, и все же я должна признать себя виновной и обвинить других. Я умоляю вас, ради всего святого, помочь мне спастись!»

Следующим примером из Германии является чудом сохранившееся письмо бургомистра Юниуса. Оно написано с большим трудом и предназначалось только для его возлюбленной дочери.

В письме пожилого магистрата говорится: «Теперь, мое дорогое дитя, здесь перед тобой все мои действия и признание, на основании которого я должен умереть. И, видит

Бог, все это чистейшая ложь и вымысел. Ибо я принужден был все это сказать под угрозой пытки, которой и так уже был изнурен». Сходство с письмами Ребекки Лемп очевидно.

Признание «без пытки». Из «Истории инквизиции» Генри Ч. Ли.

Когда парламент Нормандии в 1670 г. выразил протест королю Людовику по поводу смягчения первоначального смертного приговора 12 ведьмам, осужденным в Руане, члены парламента спорили о том, являлось ли единообразие признаний достаточным доказательством реальности колдовства и, следовательно, основанием вины обвиняемых:

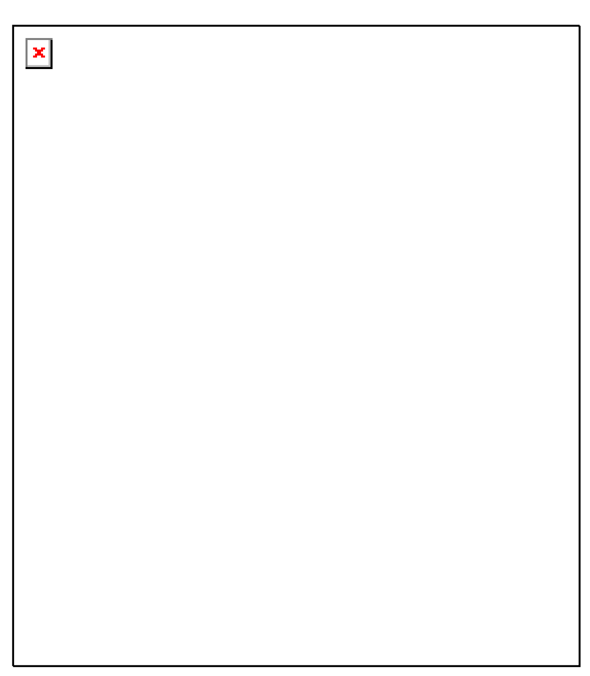
> «…столь сильное согласование и совпадение в различных делах, и то, что самые невежественные личности, осужденные за это преступление, говорят при одних и тех же обстоятельствах одно и то же и почти одними и теми же словами, отмечает большинство ученых, которые пишут об этом. И все это может быть легко доказано, если Вашей милости будет угодно, с помощью отчетов различных судов, представленных парламенту».

Но истина заключалась в обратном. Все эти «чистосердечные» П. сходятся, поскольку они должны были подтвердить стандартную идею колдовства, выстроенную теологами, инквизиторами, адвокатами и судьями. Эту точку зрения может прояснить даже беглый взгляд на способ допроса ведьм. Обвиняемым задавались вопросы, ответы на которые должны были доказать их вину. В стенографическом или судебном отчете, в котором сообщалось о допросе, вопросы и ответы часто появлялись в параллельных колонках, каждый лист пронумеровывался, как в случае допроса Катерины Бюхер в Гросс-Мюлингене (Анхальт-Бернбург) в 1689 г. Обычно количество вопросов не превышало трех дюжин; здесь, однако, отражено 130 вопросов из 133, вопросы находятся в левой колонке и ответы Катерины Бюхер в правой. Интерес представляет и П. 1650 г. Николауса Вейтлюфта из Гмунда (Швабия), что в тридцати милях от Штутгарта, сделанное под пыткой.

Вейтлюфта обвинил в колдовстве мальчик-нищий по имени Захерлен. Писец не записал настоящие имена тех, кого Вейтлюфт назвал своими сообщниками, но использовал латинские псевдонимы. Подобная замена была, возможно, следствием того, что Вейтлюфт указал на судебных чиновников, друзей судей или людей, присутствовавших во время

пытки. В отчетах о данном суде не говорится о дальнейшей судьбе Вейтлюфта, но, поскольку он признался, нельзя сомневаться в его смерти.

Иногда вопросы записывались писцом до допроса, а ответы обвиняемого вставлялись во время пытки. Данное положение можно показать с помощью отчета одного очень известного позднего суда над сестрой Марией-Ренатой Зангер, помощницей настоятельницы Премонстратенского монастыря в Унтерцелле близ Вюрцбурга в 1749 г. Здесь 11 вопросов написаны на правой стороне страницы, а левая сторона оставлена чистой. Страница озаглавлена иезуитскими инициалами: O.F.V.D.G. (Ad majorem Dei gloriam) и B.V.I.H.

Камера пыток. Из «Истории инквизиции» Генри Ч. Ли.

В других европейских отчетах записаны только пронумерованные ответы, а вопросы опущены: подразумевалось, что у суда был заранее подготовленные списки вопросов, столь хорошо известных следователям, что переписчик мог их опустить. Один из таких листов с обязательными вопросами использовался судьями в Кольмаре в Эльзасе, год за годом на протяжении трех столетий колдовской истерии. Он был озаглавлен:

Вопросы, которые следует задать ведьме

1. Как долго ты являешься ведьмой?
2. Почему ты стала ведьмой?
3. Как ты стала ведьмой, и что произошло с тобой в связи с этим?
4. Кого ты выбрала в качестве своего инкуба [сожителя]? Как его звали?
5. Каково было имя твоего хозяина из числа злых демонов?
6. Какую клятву ты была принуждена произносить ему?
7. Как ты произнесла эту клятву, и каковы были его условия?
8. Какой палец ты была принуждена поднять? Где ты осуществляла свою связь с инкубом?
9. Какие демоны и другие люди участвовали [в шабаше]?
10. Какую еду ты там ела?
11. Как был организован банкет на шабаше?
12. Где ты сидела на банкете?
13. Какая музыка там исполнялась и какие вы танцевали танцы?
14. Что давал тебе твой инкуб после сношений с тобой?
15. Какое клеймо дьявола поставил твой инкуб на твое тело?
16. Какой вред ты нанесла такой-то и такой-то личности, и как ты сделала это?

17. Почему ты нанесла такой вред?
18. Как ты можешь это снять?
19. Какими травами или другими способами ты можешь излечить подобные повреждения?
20. Кто те дети, которых ты заговорила? И почему ты это сделала?
21. Каких животных ты околдовала до болезни или смерти и почему ты совершала подобные действия?
22. Кто является твоими сообщниками по злодействам?
23. Почему дьявол бьет тебя по ночам?
24. Из чего сделана мазь, которой ты натираешь свою метлу?
25. Как тебе удается летать по воздуху? Какие волшебные слова при этом ты бормочешь?
26. Какие бури ты вызывала, и кто помогал тебе вызывать их?
27. Какое [нашествие] паразитов и гусениц было вызвано тобой?
28. Из чего ты создала этих вредоносных существ, и как ты их сделала?
29. Ограничивал ли дьявол время действия ваших злодеяний?

Если вспомнить, что обвиняемый должен был ответить на эти вопросы, а отказ от ответа считался умолчанием, обуславливавшим еще более жестокую пытку, и что судьи или другие судебные чиновники могли «оживить память» обвиняемого, становится ясно, что нет никакого чуда в том, что все признания были одинаковы.

Подобной практике следовали и в Англии. Например, Хопкинс в «Discovery of Witches» приводит вопросы, которыми следовало руководствоваться (сам он якобы не использовал их).

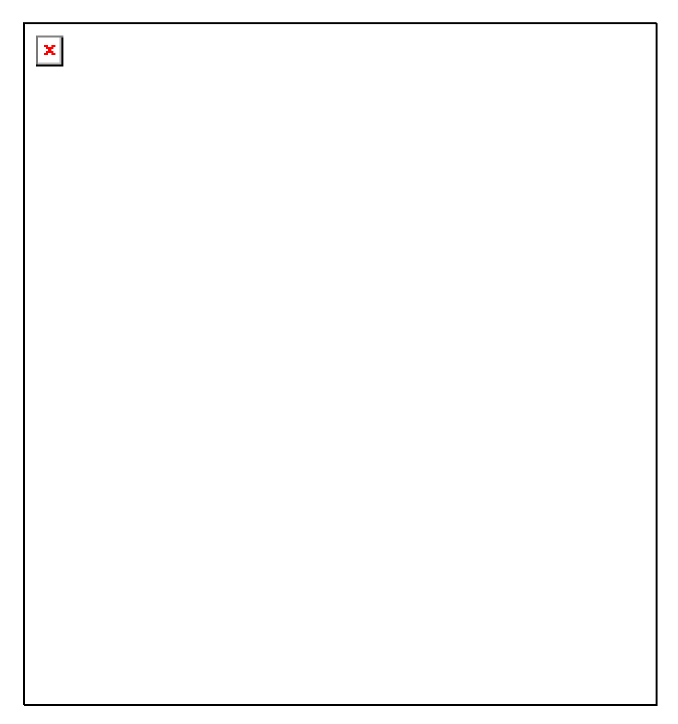
В.: У тебя было 4 чертенка, не так ли?
О.: Она отвечает утвердительно: «Да».
В.: Их имена не были такими-то и такими-то?
О.: «Да», — отвечает она.
В.: Не посылала ли ты чертенка убить моего ребенка?
О.: «Да», — отвечает она.

Все прочие отчеты отражают не ответы обвиняемого, но просто слово affirmat [лат. — «признает»], записи же вопросов, на которые были даны утвердительные ответы, отсутствуют. В приведенном на иллюстрации примере из допроса Агнесс Брюсс из Брандшагена, вдовы шихеля Хооге из Трептова в Померании, в 1679 г. ответы идут с 35 по 66.

После судебного заключения, как только обвиняемый признавался виновным, писарь должен был составить relatio, что-то вроде официального меморандума или сообщения для печати, включающего признание жертвы, написанное от первого лица, как будто продиктованное самой ведьмой. Такова была стандартная процедура, даже когда ведьма односложно отвечала на заготовленные вопросы или кивала головой, возможно, находясь под пыткой. Перед смертью обвиняемый должен был подписать полное признание, которое писалось для него.

При сожжении, согласно стандартному немецкому кодексу императора Карла (ст. 60 Каролинского кодекса), приговоры судей и П. осужденных всегда зачитывались публично. В этом случае власти внедряли теорию колдовства в массы людей, которые затем его пропагандировали. Яркие подробности сохранялись прежде всего в памяти впечатлительных детей, которые на всю оставшуюся жизнь приходили к сознательной вере в колдовство. Так, в Утрехте 1 августа 1595 г. Шолькер Дирксен и его дочь после жестокой пытки признались в том, что были волкодлаками и убивали скот.

Три его сына, от 8 до 14 лет, были приговорены наблюдать за их сожжением, после чего их должны были сечь до тех пор, пока не хлынет кровь.

Судебная камера, XV в. Из «Истории инквизиции» Генри Ч. Ли.

Практически же унифицированные П. не только не доказывали колдовство, но и опровергали его.

Из угроз демонологов очевидно, что всегда существовали те, кто оспаривал ценность П. В «Flagellum» (1458) Жакье советует судьям проверять обвинения, даваемые под пыткой, поскольку они являются следствием пережитого ужаса. Молитор в «De Lamiis» (1489) пытается убедить эрцгерцога Сигизмунда Австрийского в том, что П. под пыткой допустимы. Сообразительные юристы находили разумные доводы, чтобы обходить подобные сомнения, Виньяти, например, еще в 1468 г. указывал на то, что П. под пыткой должны были впоследствии подтверждены без пытки!

По мере усиления жестокости пыток защитники колдовства все более и более ощущали необходимость успокоить тех, кто оспаривал законность П. «Malleus Maleficarum» советует спрашивать обвиняемых, «верят ли они, что ведьмы действительно существуют?» …Если же они отрицают это, то их нужно спросить так: «Были ли сожженные осуждены без вины? И они обязаны ответить». Таким образом те, кто не участвовал в этой массовой истерии, даже если они твердо верили в колдовство, могли быть признаны союзниками ведьм, и вскоре оказаться среди обвиняемых. «Одно слово могло лишить надежды тех, кто протестовал против уничтожения ведьмы», — писал беспощадный охотник на ведьм Генрих фон Шультхайс. Его слова показывают глубокую порочность той системы, которую он сам защищал: «То, что дьявол, ведьмы и их защитники являются главными врагами инквизиции ясно уже из того, что они не сказали обо мне и инквизиторах ни одного доброго слова».

ПРИЗРАЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ. Поскольку основой колдовства был договор с дьяволом, идеальным вариантом доказательства вины было бы вызвать в суд самого дьявола, чтобы он дал показания против обвиняемого. Но, поскольку даже самый отъявленный охотник за ведьмами не мог этого сделать, связь с дьяволом должен был подтвердить сам подозреваемый (под пыткой) и другие признавшиеся ведьмы, которые должны были засвидетельствовать (также под пыткой), что подозреваемый был с ними в присутствии дьявола на шабаше; или же невинные жертвы должны были заявить, что видели дух, призрак или тень подозреваемого, мучившего их. Джон Котт обосновал подобную возможность опознания духов ведьм по аналогии: «Опыт показывает, что тот самый глаз, который видел тень, очертания и фигуру с надлежащего расстояния, так же четко видит и уз-

нает их, как и тогда, когда они отделяются от сущности с помощью искусства художника» («Trial of Witchhcraft», 1616).

На основании подобных свидетельств были казнены сотни тысяч людей.

Однако уже с первых судов над ведьмами некоторые придерживались мнения, что подобные показания недостоверны. Демонологи постоянно вступали в дискуссии, доказывая, что, даже если муж свидетельствовал, что его жена не вставала со своей постели в течение ночи, или уважаемые горожане ручались, что они сторожили женщину, которая никуда не отлучалась из комнаты, такая женщина все равно могла переместиться на шабаш, и если об этом заявляли свидетели, то им следовало верить. Они объясняли столь явное логическое противоречие тем, что дьявол принимал облик женщины, лежавшей на кровати в то время как настоящая женщина посещала шабаш. Более умеренные авторы полагали, что женщина просто воображала себе полет на шабаш, но все равно считали ее виновной, поскольку она признавалась в этом на допросе, находясь в бодрствующем состоянии, и верила в то, что шабаш происходил на самом деле.

Уже в 1523 г. де Спина выступал против сомневающихся, указывая, что, за немногим исключением, все те, кого ведьмы обвиняли в присутствии на шабаше, в конце концов сами признавались в этом. Более того, добавлял он, милость Господня не позволяет дьяволу принимать облик невиновного человека. Епископ Хатчинсон в 1718 г. отвечал на это следующим образом: «Разве Господь когда-нибудь обещал спасти легковерных от обмана, чтобы не пролилась кровь невинных людей?»

Даже в 1692 г. протестантский историк Лимбох в «History of the Inquisition» возражал против принятия подобных показаний не в связи с нереальностью шабаша, но на основании того, что дьявол может способствовать осуждению невиновного; вследствие этого он призывал судей учитывать двойственность призрачных показаний и… выносить обвинения на основании еще более ненадежных «показаний и оснований», таких как околдовывания и проклятия. Епископ Хатчинсон и здесь нашел единственно возможный аргумент; он писал в 1718 г.: «Многие люди истинно верили, что видели дух перед собой, когда это был только плод воображения, мельтешивший в их сознании».

Таким образом, доказательство реального присутствия обвиняемого на шабаше не было главной сложностью в вопросе призрачных показаний. Основная проблема заключалась в том, может ли дьявол с целью совершения зла принимать облик невинного человека. Характерный пример приводит И.Мазер в «Illustrious Providence» (1684). Элизабет Кнапп из Гротона (Коннектикут) была подвержена сильным припадкам и выкрикивала странные богохульства. «Она кричала во время одного припадка, что женщина (соседка), появившаяся перед ней, является причиной ее несчастий». Элизабет могла опознать эту женщину даже с закрытыми глазами. (По различным причинам обвинения девушки не были решающими, и обвиненная женщина, к счастью, спаслась). Такие показания типичны для многих — возможно, большинства — английских судов над ведьмами и, вероятно, большинства американских.

Наиболее известная дискуссия о П. п. была вызвана салемскими судами над ведьмами (1692), где несколько девочек, подобно Элизабет Кнапп, утверждали, что их мучили призраки людей, которых они обвинили. Утверждалось, что дьявол не обладал властью воплощаться в благочестивого человека, и что, следовательно, дьяволу было позволено использовать тела всех тех, кого обвинили девушки. На основании подобного заявления, обвиняемые были осуждены и повешены. Характерным вкладом в дискуссию были «Some Miscellany Observations» преподобного Самуэля Вилларда (1692), настаивавшего на том, что слова призрака нельзя рассматривать как доказательство вины. Чтобы доказать вину, писал Виллард, необходимы две вещи: во-первых, «свободное и полное признание обвиняемого, находящегося в здравом рассудке, не напуганного и не принуждаемого». Во-вторых, «показания двух правомочных свидетелей об одном и том же индивидуальном факте, как совершенном обвиняемой личностью». Его воображаемый оппонент, сторон-

ник призрачных показаний, ответил ему следующим тезисом: «если всегда придерживаться этого правила, будет трудно наказать порочность».

Тем временем большинство образованных людей начали сомневаться в призрачных показаниях. Голландский священник из Нью-Йорка сообщал губернатору Массачусетса Фипсу, что «дьявол способен принимать облик добропорядочного человека». В апреле 1693 г., после судов, жители Салема принудили преподобного Самуэля Перриса, подстрекавшего обвинителей, признать свою ошибку. Он заявил, что теперь убежден: «Господь иногда страдает от дьявола, поскольку последний может творить зло не только в облике людей невиновных, но даже весьма благочестивых». Однако он уклонился от сути вопроса, добавив «…или так затуманивает мысли одержимых, что они в значительной степени [представляют себе], что невиновные и благочестивые люди являются источником их болезни, хотя это на самом деле не так». Даже К.Мазер был вынужден несколько отступить и заявить, что показания о призраках должны использоваться с осторожностью.

См. Признания; Свидетельские показания на судах над ведьмами в Англии; Свидетельские показания на судах над ведьмами в Европе; Свидетель.

> «Ибо ложные доктрины, поддерживаемые простонародными понятиями о колдовстве, лишают нас всей той защиты, которую Господь и природа создали для нашей безопасности против ложных обвинений.
>
> Ибо в других случаях, когда злобные или заблуждающиеся люди обвиняют нас в преступлениях, которых мы не совершали, мы оправдываемся, доказывая, что в это время мы были дома или в некоем другом месте, занимаясь нашим честным делом. Но при преследовании за колдовство самая естественная и справедливая защита оказывается простой шуткой. Поскольку, ежели какой-либо порочный субъект заявит, или какая-нибудь слабоумная девушка вообразит себе, или какой-то лживый призрак заставит ее поверить, что ей являлась знакомая старуха или кто-нибудь еще, защитники плебейских колдовских суеверий под присягой принимают у нее показания об этом воображаемом и недоказуемом явлении и вешают обвиняемых за преступления, при совершении которых они, возможно, спали в своих кроватях или молились, или, при одержимости обвинителя, находились в двойных кандалах.
>
> Но подобные фантастические понятия все равно не способны превратить бредовые видения в законное доказательство вины, поскольку они основываются на языческих и католических предрассудках и делают жизнь невинных людей беззащитной».
>
> *Епископ Френсис Хатчинсон «Historical Essay Concerning Witchcraft» (1718)*

ПРОКАЛЫВАНИЕ (пытка). На волне преследований ведьм в Англии во время Гражданской войны Хопкинс сделал короткую бесславную карьеру как профессиональный охотник за ведьмами, заставляя подозреваемых ведьм плавать и прокалывая их. Последний способ был связан с теорией «клейма дьявола» — участков кожи, которые были обезображены бородавками, родинками или шрамами, якобы указывающими на то, что сам Сатана отметил их обладателя. Если у подозреваемой ведьмы не было такой видимой отметки, она могла иметь невидимые клейма, обнаруживаемые только прокалыванием. Все подобные дьявольские отметки были, по общему мнению, нечувствительны: если в них втыкали длинную булавку, то боль не должна была ощущаться, а кровь — сочиться. Обычно перед поисками клейма дьявола подозреваемого полностью обривали [см. Сбривание волос], чтобы обнаружить все, скрываемое под волосами.

Хопкинс значительно обогатился за счет денег, которые платили ему города и деревни за обнаружение ведьм; в 1645–1646 гг. дело приняло такой размах, что Хопкинс и его партнер Джон Стерн наняли 4 помощников, чтобы прокалывать возможных подозреваемых. Возможно, Хопкинс использовал уловку европейских прокалывателей. Шпее предупреждал, что следует очень пристально наблюдать за палачом; поскольку он просто притворяется, что прокалывает, и кричит, что обнаружил клеймо дьявола, поскольку он применяет «обманные, магические или заговоренные булавки, сделанные так, что они

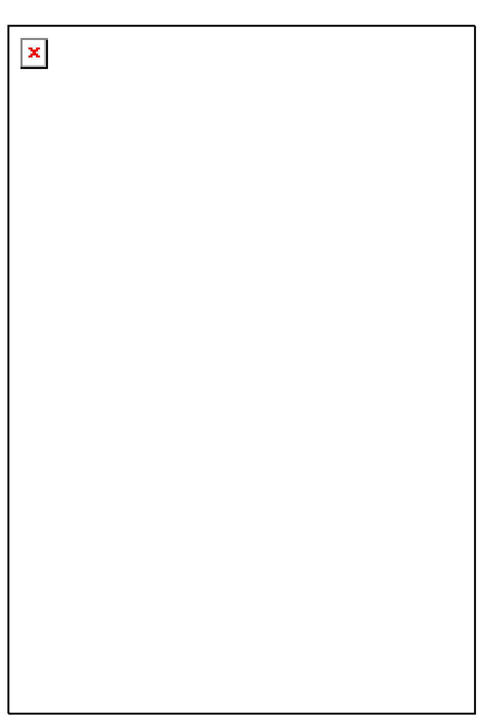
легко входят и не ранят совсем или только скользят, складываясь внутрь» («Cautio Criminalis»),

В Шотландии около второй четверти XVII в. развелось множество прокалывателей, таких как Джон Кинкейд из Тренента, Джон Бальфур из Корхауса и Джон Дик. Ральф Гардинер в «England Grievance Discovered in Relation to the Coal Trade» (1655) рассказывает о типичной карьере одного из них. Оттуда и взято следующее описание. Это петиция, поданная под присягой тремя свидетелями в Ньюкасле, оспаривавшими законность судебного производства. Эпизод подтверждается записью в метрической книге прихода Св. Эндрю (Ньюкасл), где перечислены имена 15 женщин, «казненных тогда в городской тюрьме для ведьм». В марте 1650 г. магистраты Ньюкасла решили пригласить «человека, который пытал ведьм в Шотландии», — его имя не указано — провести свои испытания в Ньюкасле, с оплатой «по двенадцать шиллингов за каждую, кого он сможет обвинить как ведьму, и свободным проездом во всех направлениях».

Гардинер продолжает:

> «Когда сержант привез на лошади упомянутого охотника на ведьм в город, магистрат отправил своего звонаря по городу, чтобы он звонил в колокол и кричал: „Все должны принести жалобы против любой женщины, подозреваемой в колдовстве, и те должны быть приведены и подвергнуты испытанию“. Тридцать женщин были приведены в ратушу и раздеты, а затем при всех в них были воткнуты булавки. И двадцать семь из них были признаны виновными и посажены отдельно».

В результате этой очень прозаичной охоты на ведьм один мужчина и четырнадцать женщин были казнены.

Уловки прокалывателей ведьм. Образцы двух ложных длинных кожных игл (слева) и настоящей кожной иглы «для демонстрации» (справа). Центральный образец имеет убирающееся лезвие и полую ручку, чтобы обвиняемая ведьма не могла почувствовать боль, когда его «вонзали» в ее плоть.

Эти бедняги ни в чем не признались, а утверждали, что невиновны. И одна из них, по имени Маргарет Браун, умоляла Господа, чтобы он послал знамение во время их казни, чтобы подтвердить их невиновность, и когда ее столкнули с лестницы, ее кровь хлынула вниз на людей к изумлению всех наблюдавших.

Во время прокалывания некий магистрат, подполковник Хобсон, вмешался и смог спасти жизнь одной «достойной и привлекательной» женщине [см. Клеймо дьявола].

Прокалыватель ведьм отправился в Нортумберленд, где увеличил свой тариф до 3 фунтов за каждую осужденную ведьму. Но в конце концов его остановили. «Генри Огл, эсквайр, бывший член парламента, схватил его и потребовал заковать в кандалы, чтобы он ответил перед сессией присяжных, но он скрылся в Шотландии. И все были убеждены, что, если бы он остался, то сделал бы за деньги большинство женщин в Нортумберленде ведьмами». Однако, правосудие преследовало его и в Шотландии, где ему было предъявлено обвинение. «На виселице он признался, что был причиной смерти более чем 220 женщин в Англии и Шотландии, ради платы за каждую в отдельности по двадцать шиллингов».

Также был призван к ответу лордами шотландского Тайного совета Джон Бальфур, «обманывавший простых и невежественных людей ради собственной выгоды и материального удовлетворения». Однако его «умение было признано обманом, и ему лишь запретили заниматься этим ремеслом».

Следует заметить, что П. в поисках клейма дьявола было распространено по всей Европе, но, поскольку обвиняемый всегда подвергался пытке до признания, доказательства, получаемые при П., не играли существенной роли, несмотря на их мнимую законность. Поэтому в сообщениях о пытках только указывается, как проходило П., легко или с осложнениями. В этом отношении характерно следующее описание П. в Швейцарии в 1652 г. Мишель Шадрон из Женевы, была обвинена в околдовывании двух девочек, утверждавших, что они чувствуют постоянное покалывание в разных частях тела. Врачи осмотрели Мишель в поисках клейма дьявола и воткнули длинные иглы в ее тело, но кровь текла из каждого прокола, и Мишель кричала от боли. Не найдя клейма дьявола, судьи приказали подвергнуть женщину пытке; от страшной боли она призналась во всем, что от нее требовали. После ее признания врачи вернулись к поиску клейма дьявола, и на этот раз нашли крошечное черное пятно на ее бедре. Находившаяся после пытки в состоянии полного изнеможения, Мишель не вскрикнула. Подобное доказательство подтвердило ее признание, и она была немедленно приговорена к удушению и сожжению.

ПЫТКА. Использование пыток на судах ведьм основывалось на такой теории:

Во-первых, следующие положения должны были быть приняты в качестве предпосылок. Правда и добродетель, присущие Господу, являются вечными истинами, сохраняемыми христианской церковью, а не предметом переменчивых людских суждений о добре и зле. Все люди обязаны следовать той концепции пути истинного, которая совершенствуется и углубляется церковью. Только церковь обладает исключительным правом определять жизненное предназначение человека. Все другие идеи являются ложными и не могут быть приемлемыми. Существует не просто единый для всех Бог, но только один единственный Господь. Поэтому дьявол постоянно прилагает усилия, чтобы собрать своих сторонников среди людей и установить альтернативную систему. Всякий, кто поддерживает дьявола, явно выступает против христианского Бога и, следовательно, должен быть остановлен христианской церковью прежде, чем он распространит дальше эти порочные идеи. Уже в начале 382 г. н.э. христианская церковь установила, что всякий, обвиненный в оппозиции, т.е. ереси, должен быть казнен.

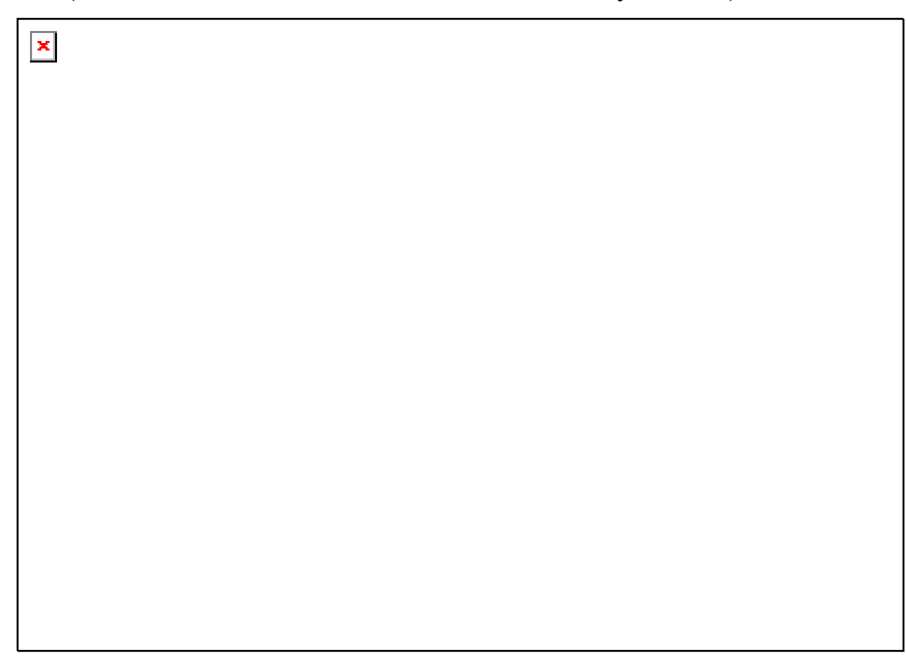
Выводы из изложенного вполне логично вытекают из главных исходных положений. Поскольку преступное содействие дьяволу — колдовство — носит не физический, а духовный характер — оно не может быть доказано в рамках законных способов получения показаний, которые соблюдаются при других преступлениях. Европейское и римское право квалифицировало колдовство как «crimen excepta», т.е. исключительное преступление, настолько серьезное и сложное по доказательству, что все обычные законодательные процедуры отменялись. Лучшим способом доказать связь между человеческим существом и дьяволом, поскольку дьявол не мог явиться, чтобы дать показания против одного из

своих сторонников, было получение признания от человеческого существа. Тем более, если действия, направленные против христианской церкви считались изменой, заслуживавшей смерти, то ни один смертный не мог самостоятельно совершить столь сурово наказуемого проступка. Следовательно, подозреваемого в сотрудничестве с дьяволом на основе определенных признаков и предположений [indicia], следовало пытать, пока он не признавался в своем преступлении. Его следовало убить во имя всеобщего благосостояния мира, чтобы остановить разрушение дьяволом Царства Божьего. Его следовало убить и ради его собственного блага, чтобы, умирая раскаявшимся, он не впал в еще больший грех и избежал бы еще больших мучений после смерти и был безоговорочно принят в Царство Божье.

Боден в «Demonomanie» (1580) так обобщает ортодоксальные взгляды:

> «Если существуют какие-либо способы утихомирить гнев Господний, внушить благоговейный страх одним посредством наказания других, чтобы сохранить одних от поражения другими, уменьшить число грешников, сохранить жизнь благочестивым и наказать самые отвратительные преступления, которые могут зародиться в человеческом сознании, то ведьм следует наказывать с наибольшей строгостью».

Когда колдовство рассматривалось просто как примитивная магия или чародейство (как было до 1200 г.), то можно было попросить дьявола помочь в осуществлении действий, находившихся вне пределов возможного, без всякой задней мысли об отрицании превосходства христианского Бога, и это преступление не считалось ересью и должно было наказываться светскими судами как одно из наименее тяжких преступлений. Однако, поскольку все подобные просьбы означали признание власти дьявола над установленным Господом порядком, любая форма колдовства признавалась потенциальным противодействием христианскому Богу и, следовательно, ересью. «Отчаявшись, церковь нанесла последний удар для защиты от инакомыслящих, она изобрела священную инквизицию и дала ей в руки пытку». Однако, искореняя ересь, эта «алчная организация положила глаз на другие жертвы» (Гиббонс «Some Rhenish Foes of Credulity», 1920).

Пытка выворачиванием рук.

В «Manual of the Inquisitor» Бернард Гидонис (1261–1331) утверждал: «Ересь является преступлением против божественного монарха, состоящем в осознанном отречении от догмы или сурового соблюдения правил сект, чьи доктрины осуждены церковью как противоречащие вере». Как ересь, секты ведьм распространялись в провинциях вместе с

папской инквизицией, чьим занятием стало искоренение любой оппозиции или отступлений от откровений Господа, данных церковью. Впервые инквизиция учреждена в Тулузе в 1233 г., в Арагоне — в 1238 г. В течение XII-XIV вв. был создан эффективный и успешно действующий институт, подавивший большинство основных ересей, инквизиция осознала, что колдовство также может быть ересью. В 1257 г. она стала просить разрешение на действия против гадания и чародейства, но это началось не ранее 1320 г., когда папа Иоанн XXII потребовал от инквизиции уничтожения поклонников дьявола. Гидонис собрал все предшествующие юридические обоснования для сожжения еретиков в одно большое руководство — «Practica Inquisitionis Heretice Pravitatis». Когда папа Климент V потребовал уменьшить жестокость пыток, применяемых инквизицией, Гидонис выступил с протестом, утверждая, что папская конституция мешает деятельности инквизиции и, следовательно, должна быть исправлена!

В течение XV в. инквизиция усиленно доказывала, что колдовство — это ересь, и распространяла эту точку зрения по всей Западной Европе. Та же самая методика, которая применялась, чтобы избавиться от ранних ересей (не включавших магию) была подготовлена для использования против новой ереси (связанной с магией), или колдовства. Пытка была апробированным и, следовательно, самым обычным методом борьбы со сторонниками новой секты, т.е. ведьмами. Подобная позиция получила поддержку в 1350 г. от одного из самых известных юристов того времени, итальянского профессора Бартоло, применившего к ведьмам слова Христа: «Кто не пребудет во мне [т.е. в католической церкви], извергнется вон, как ветвь, и засохнет, а такие ветви собирают, и бросают в огонь, и они сгорают».

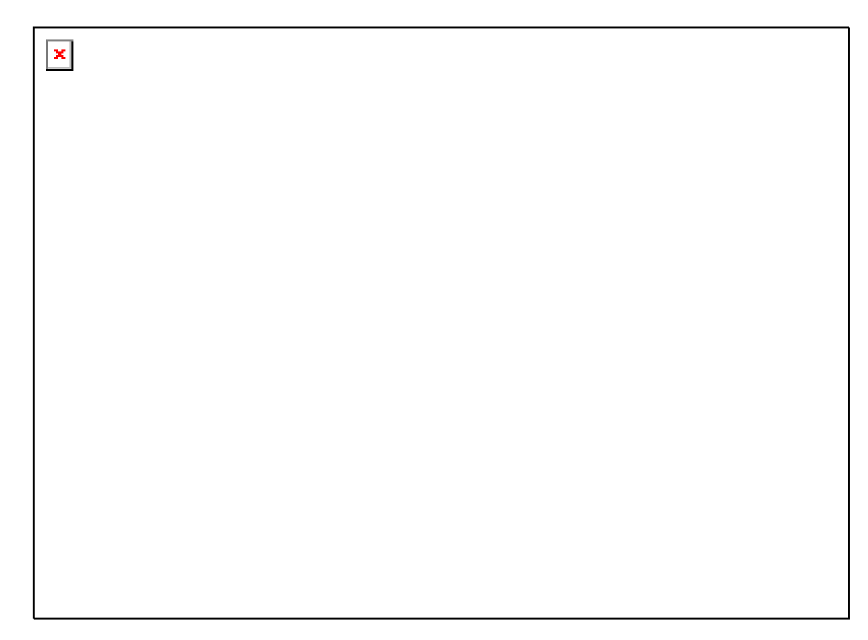
Инквизиция всегда демонстрировала высочайшее милосердие и ходатайствовала перед гражданскими властями, если те осуждали заключенного. Николас Эймерик (ум. в 1399 г.) в «Directorum Inquisitorum» приводит форму приговора:

> «Тому, кто воистину впал в порок ереси, мы отказываем в праве нашего духовного суда и передаем его светским властям. Однако мы настоятельно просим светский суд смягчить свой приговор с тем, чтобы можно было избежать кровопролития и угрозы смерти».

Однако любой гражданский суд, проявивший милость, мог быть заподозрен в сочувствии еретикам и обвинен инквизицией [см. Лев X].

После религиозных разделений в Европе протестанты разошлись с католической церковью по многим догмам и доктринам, но сохранили концепцию колдовской ереси. Протестанты и католики исходили из одних и тех же посылок и пользовались сходными аргументами. В большинстве своем протестанты преследовали ведьм столь же сурово, как и католики, и смягчение преследований в некоторых протестантских землях было связано не с реформированностъю религии, а с языческими традициями обычного права, сохранившимися у германских народов. В отличие от европейского римского права, обычное право германцев противостояло применению пытки и допускал преследование не на основе презумпции вины, а лишь при соблюдении права обвиняемого доказать свою невиновность. Остатки этих традиций были рано подавлены в Германии и Англии, и лишь Голландия и Скандинавские страны избежали катастрофы всеобщих сожжений во время колдовской истерии — даже Англия подпала под неблагоприятное влияние Европы, примирившись с жестокостью пыток.

Однако с усилением оппозиции, дискредитировавшей инквизиторские методы, инквизиция была вынуждена отступить, и в булле папы Григория XV (1623), где даются официальные инструкции для католической церкви по ведению судебного разбирательства, отразилось неизбежное влияние более гуманных и просвещенных взглядов. В 1657 г. священная инквизиция выпустила официальный пакет инструкций, как следует допрашивать ведьм, где признавалось, что за последние 200 лет судьи слишком легко и поспешно применяли пытки и даже смертную казнь, без тщательного расследования показаний.

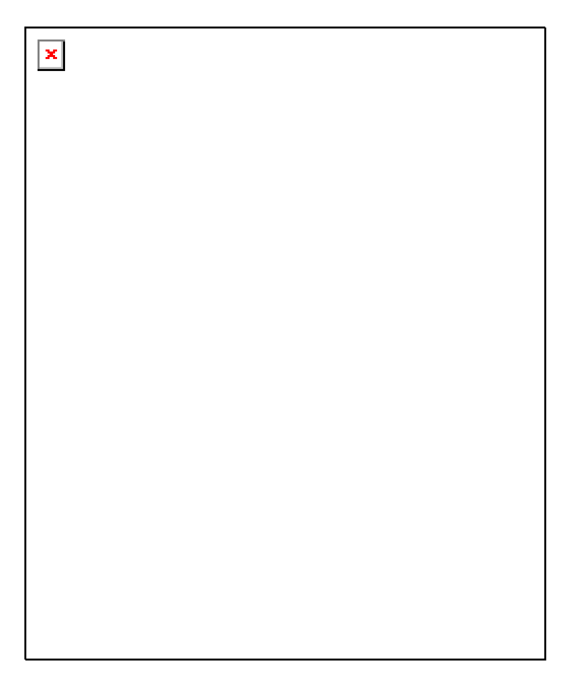

Пытка «испанским сапогом».

Чтобы быть заподозренным в колдовстве, не требовалось никаких показаний: обычный донос или анонимное обвинение считались «вполне достаточным основанием» и допускали применение пытки. В 1520 г. протест Понцинибио против применения пыток на основании подозрений был оставлен без внимания. «Следовательно, простое подозрение вырастало до настоящего преступления, поскольку, если пытка применялась хоть один раз, сама возможность доказательства невиновности исключалась. Никакая высшая власть уже не могла спасти заключенного: он был обречен» (Гиббонс).

В определенном смысле заключение в тюрьму уже являлось пыткой. Тюрьма XV-XVI вв. не была похожа на гигиеничные железобетонные камеры современных тюрем — это была зловонная темница, в которой многие умирали от заболеваний. Даже в Англии, где применялся очень умеренный процессуальный кодекс, 12% заключенных (как, например, в Гилфордском замке в 1598 г.) умирали в тюрьме. Как утверждает Стоу в «Surrey of London», за 6 лет, с 1573 по 1579 гг. от инфекций в королевской тюрьме Бенч умерло почти 100 заключенных. Описание 1630 г. Колчестерского замка гласит: «Страдания бедных заключенных велики и достойны сожаления, частично по причине жестокости тюремщика и частично по причине крайней нужды, от которой они страдали столь сильно, что многие из них находились на грани голодной смерти».

В Европе было повсеместно принято, что нельзя казнить ведьму без ее собственного признания вины, независимо от количества неблагоприятных для нее показаний (установлено Приериасом в 1504 г.). Но добровольно сделанного признания было недостаточно, оно должно быть сделано под пыткой, потому что только в этом случае, как предполагалось, оно шло из сердца и являлось подлинным. Более того, как отмечалось в «Errores Gazariorum» (1450), многие осужденные ведьмы были добропорядочными прихожанками, которых никто ни в чем не подозревал, до тех пор пока они не подвергались пытке; тогда они признавались во всех видах преступлений. Пытка неизбежно приводила к признаниям, и приведенные в «Энциклопедии» стенографические отчеты отражают, как продолжительная боль могла заставить человека признаться во всем. В начале 30-х гг. XVII в. женщина, подвергнувшаяся пытке в Падерборне, рассказала своему духовнику Старпириусу, что ее признание и заявления были ложными.

Образцы простейших орудий пыток в Германии начала XVII в.: глазной выдавливатель, железные крючья, вращающиеся шипы и жгут для стягивания головы.

Когда он попытался уговорить ее отречься и реабилитировать невинных людей, которых она была вынуждена назвать как сообщников, она ответила:

> «Отец, посмотрите на мои ноги! Они как будто готовы вспыхнуть — настолько мучительна боль. Я не могу выносить ее, даже прикосновение мухи болезненно для меня, я ничего не скажу, чтобы снова не подвергнуться пытке. Я предпочту тысячу раз умереть, чем снова выдержать эту смертельную боль. Я не могу никому описать, насколько она мучительна».

Следует также помнить, что методика пыток зависела от места, времени и исполнителя. Самые жестокие пытки применялись в Германии в начале XVII в., когда Бамберг стал синонимом ужаса и позора. Однако основные принципы и ход судебного разбирательства оставались постоянными по всей Европе на протяжении трех столетий.

Первая стадия пыток была разработана для того, чтобы жертва призналась. Это была так называемая подготовительная пытка, question preparatoire. Обычно она была простой, но ужасной и эффективной. Она начиналась с угроз и продолжалась введением жертвы в комнату пыток, чтобы та могла увидеть, что ей предстояло вытерпеть («in conspectu tormentorum»). На этой terrific или стадии вызывания ужаса, палач должен был объяснить использование каждого инструмента и характер вызываемой им боли. Часто осмотр мог завершаться обвязыванием веревок вокруг заключенного, возможно на лестнице или дыбе. Ведьму раздевали и обвязывали веревками вокруг конечностей, а иногда и просто привязывали их к концам лестницы, чтобы тело медленно растягивалось при натяжении веревок.

В «Молоте ведьм» (1486), настольной книге охотников за ведьмами, даются подробные инструкции по проведению этой предварительной пытки:

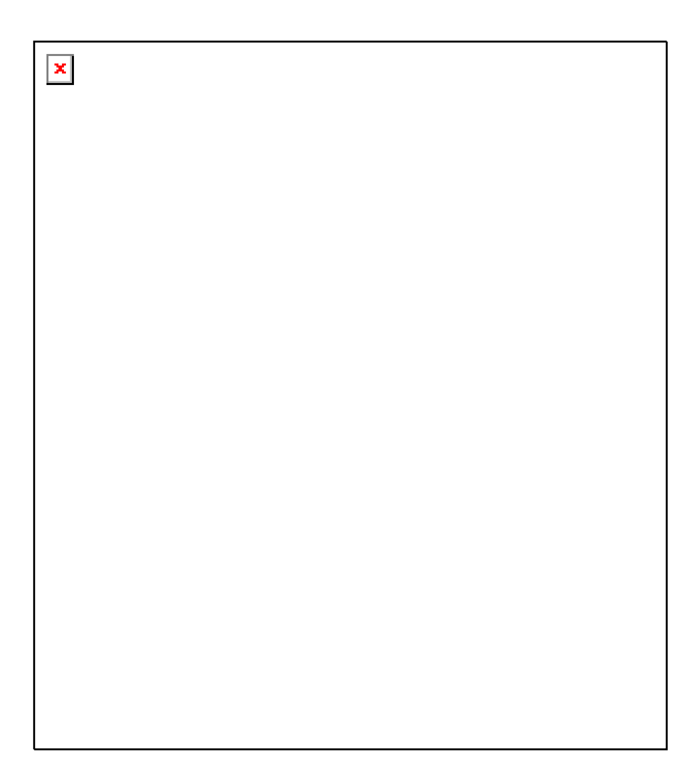
> «Если судья безуспешно ждал некоторое время признания обвиняемой, которая была неоднократно увещеваема, то, имея уверенность в том, что обвиняемая продолжает запираться в правде, он приступает к умеренным пыткам, не прибегая к кровопролитию. Ведь известно, что допросы под пыткою обманчивы и, на что уже раньше указывалось, зачастую остаются без результата. Перед началом пытки обвиняемый раздевается. Если это женщина, то она раздевается надежными почтенными женщинами. Это делается для того, чтобы исследовать, не вшито ли в ее одеяние какого-либо орудия ведьм, как это ими часто совершается по наущению беса, когда они пользуются

членами тела некрещеного мальчика. Покуда орудия пытки готовятся к действию, судья от своего имени и от имени других уважаемых мужей и ревнителей веры снова предлагает обвиняемой добровольно признаться. Если она упорствует, то она передается палачам, которые и начинают пытку. По просьбе кого-либо из присутствующих пытка на время прекращается, и обвиняемый снова увещевается сказать правду. При этом ему обещают, что он не будет предан смерти, если сознается.

…Если ведьмы, несмотря на угрозы и обещания дарования жизни, продолжают упорствовать, то пусть палачи исполнят приговор о пытках по обычному способу, не прибегая ни к новым, ни к утонченным приемам. Ведьмы подвергаются более легким или более мучительным пыткам, смотря по тяжести преступления. Во время пыток им задаются вопросы касательно тех проступков, за которые их пытают. Вначале задаются вопросы, затрагивающие более мелкие проступки. Ведьмы скорее сознаются в них, чем в тяжких преступлениях».

В «Malleus Maleficarum» рассматривается то, что можно определить как идеальные условия пыток; на практике, как отчетливо отражено в отчетах, суды просто полагались на садизм преследователей ведьм. В «History of the Inquisition» (1692) Филипп Лимбох замечает в соответствии с фактами, обнаруживаемыми в судебных документах:

«Раздевание производится безо всякого уважения к чести и достоинству людей; раздевают не только мужчин, но и женщин, и девственниц, большинство из которых добродетельны и целомудренны. И их заставляют не только раздеться до нижней сорочки, но снять и ее, и, простите за выражение, обнажить половые органы, а затем надеть грубое льняное одеяние».

Испытание водой. «В горло с силой вставляли скрученные в узел тряпки и затем с помощью бечевки вытаскивали их обратно, вызывая рвоту». — Кларк (1651). Судьи наблюдали за пыткой, а писарь записывал признания заключенных.

Часто помощник палача насиловал женщину во время раздевания, как это произошло с фрау Пеллер, женой судебного чиновника, во время суда над ней в Рейнбахе в 1631 г. Ее преднамеренно обвинили в колдовстве, потому что ее сестра отказалась сожительствовать с судьей по делам ведьм Бюирманом, назначенным в Кельн князь-епископом. От домогательств страдали и монахини, как это было, например, с сестрой

Мадлен Буве, которую в 1643 г. «грубо и непристойно» осмотрел в поисках отметок дьявола главный пенитенциарий в Эвре (разновидность инквизитора) [см. Луденские монахини].

Предварительной пытке уделялось настолько незначительное внимание, что во многих судебных отчетах она отсутствует и просто констатируется: «Заключенный признался без пытки». Протестантский профессор Мейфарт на основании собственного опыта писал в 1635 г., что

> «заключенных кормят только пересоленной едой, и все их питье смешивается с селедочным рассолом, и им не дают ни глотка чистого, неразбавленного вина, пива или воды, что поддерживает их в состоянии постоянной жажды. …Но подобная жестокая, неистовая, испепеляющая жажда не считается инквизиторами пыткой».

Даже, когда заключенных раздавливали, как виноград, в тисках или вытягивали наподобие кожаной шкуры на дыбе, «это также могло не считаться пыткой».

Мейфарт объясняет, что означают на самом деле публичные добровольные признания ведьм:

> «Что же означают эти слова? Маргарет [обвиняемая], ведьма по своей собственной воле подтвердила перед собравшимся судом все признания, которые она сделала под пыткой. Но вот что было на самом деле: когда Маргарет после жестокой пытки, которую она не могла больше выдержать, наконец призналась, палач заговорил с ней следующим образом: „Теперь ты сделала свои признания. Ты будешь снова их отрицать? Скажи мне это сейчас, когда я еще рядом с тобой, и я снова подвешу тебя. И если ты отречешься завтра или послезавтра или перед судом, то снова попадешь ко мне в руки, и тогда узнаешь, что я только забавлялся с тобой. Я буду мучить и пытать тебя так, что даже камень заплачет от жалости“. В день, назначенный для суда, Маргарет привезли к судьям на повозке, с цепями по всему телу, с руками, связанными так сильно, что из них сочилась кровь. Вокруг нее находились тюремщики и палачи, сзади — вооруженные стражники. После ее заявления, прочитанного вслух, сам палач спросил Маргарет, подтверждает она его или нет, чтобы он знал, что ему делать дальше. Вслед за этим Маргарет подтвердила свое признание. Является ли оно сделанным по доброй воле? Разве могла она свободно сделать признание, принуждаемая подобной бесчеловечной и такой жестокой пыткой, наблюдаемая и охраняемая такими выродками, связанная крепкими веревками?»

Однако признание вины не было единственной и даже первоначальной целью пытки. Настоящие истязания приберегались для question definitive, заключительной пытки, целью которой было обнаружить сообщников ведьмы. Истязания Клары Гейслер, 69-летней вдовы из Гельнхаузена (1597 г.), являются наглядным подтверждением подобной цели. Она устояла перед тисками для больших пальцев, но, когда

> «ее ноги были раздроблены, а тело растянуто на большую длину, она жалобно завизжала и сказала, что все, что они требуют от нее, является истиной: она пила кровь детей, которых воровала во время ночных полетов, и умертвила около шестидесяти младенцев. Она назвала двадцать других женщин, которые были с ней на шабашах, и сказала, что жена бывшего бургомистра возглавляла полеты и банкеты».

Когда Клару сняли с дыбы, она отреклась от своих обвинений и заявила: «Что касается того, что она говорила о других, то она их лично не знала, но передала слухи, распространяемые другими людьми». Однако, судьи арестовали тех, кого она обвинила и подвергли пыткам. Одна из женщин призналась в более поразительных преступлениях, чем те, в которых Клара обвинила ее, так, что та была снова подвергнута пытке, чтобы подтвердить правдивость своих первоначальных заявлений. После прекращения пытки она отреклась во второй раз; подвергнутая пытке в третий раз «с наибольшей жестокостью» в

течение нескольких часов, она призналась во всем, чего хотели судьи. Претерпевая страшные мучения, она умерла во время пытки. Судебный отчет заканчивается заключением: «дьявол не позволил ей признаваться дальше и поэтому свернул ей шею». 23 августа 1597 г. ее труп был сожжен.

Заключительная пытка состояла из двух ступеней: обычной пытки, за которой следовала вторая, чрезвычайная пытка или question extraordinaire. При этом обычно использовались: страппадо для обычной и выворачивание (squassation) для чрезвычайной пыток (подробно описанные в отдельных статьях). Squassation фактически было более жестокой формой страппадо, когда к ногам заключенного, подвешенного за руки, связанные за его спиной, привязывали тяжелый груз и резко дергали за конец веревки. С помощью squassation полностью выворачивались руки, ноги, локти, конечности и плечи.

Согласно «Malleus Maleficarum», во время пытки существовала практика: нотариус «записывал в протокол, как заключенный подвергался пытке, по каким пунктам он допрашивался и каковы были его ответы». Из старых судебных отчетов современный читатель может услышать стоны и вопли осужденных. Ужасными образцами могут служить суды над Домиником Горделем и Луи Гофриди [см. Экс-ан-Прованские монахини].

После жестокой пытки жертва должна была быть согрета и одета, чтобы она восстановила силы для следующей пытки и не слишком быстро потеряла во время нее сознание. Часто наготове были врачи, чтобы прекратить пытку, если жертва была близка к смерти.

Последовательность пыток на судах за колдовство

I. Предварительная (подготовительная) пытка. Чтобы вынудить признание вины. Способы: раздевание, угрозы, ослепление, порка, щипцы, растягивание на дыбе или лестнице. (О предварительной пытке в судебных отчетах часто не сообщалось, и обвиняемый, как говорилось, признавался добровольно).

II. Заключительная пытка. Чтобы вынудить признание в случае отказа говорить и заставить назвать имена сообщников, которые, при обвинении могли быть затем подвергнуты пытке.

А. Обычная пытка.

Способ: страппадо.

Б. Чрезвычайная пытка.

Способ: выворачивание (squassation).

(Пытка могла быть применена трижды без представления новых доказательств. К данным основным методам могли быть сделаны дополнения, такие как порка, применение огня, щипцы и т.п.)

III. Дополнительные пытки за особые преступления.

Чтобы вызывать мучения как воздаяние. Способы: отрубание рук или ног, вырывание плоти раскаленными щипцами.

IV. Особые пытки, используемые в отдельных тюрьмах.

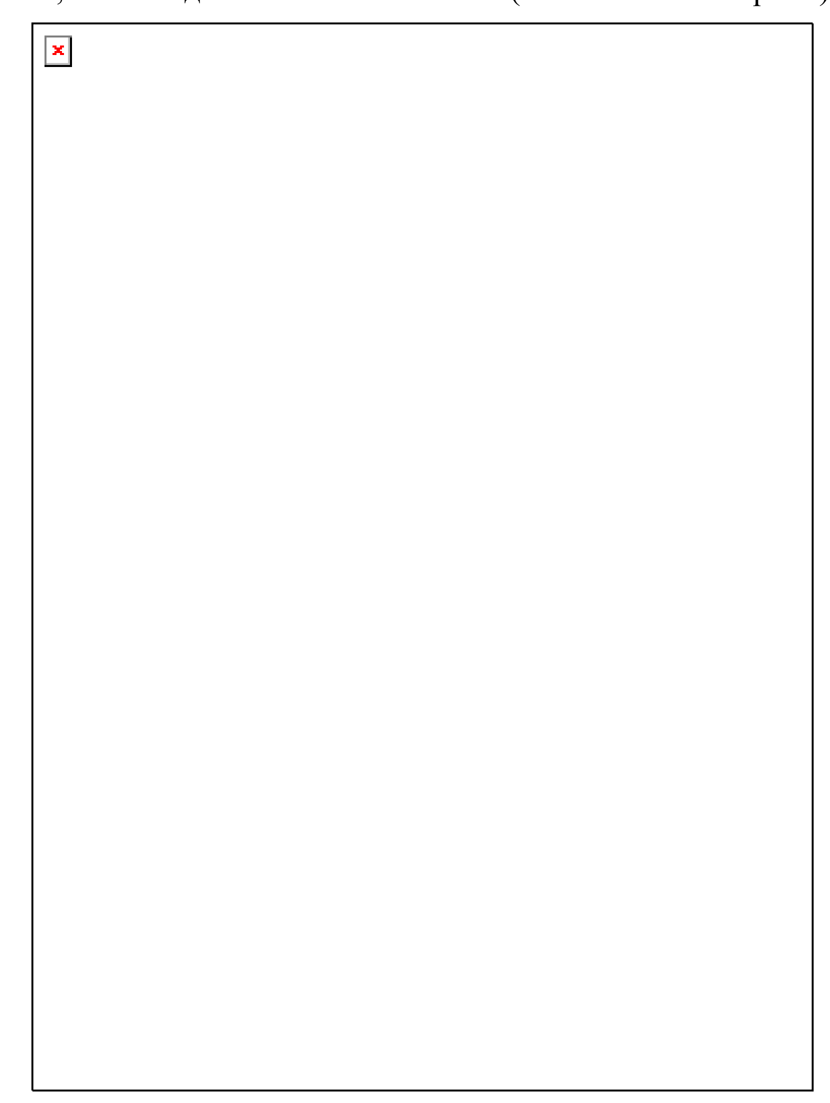
Чтобы удовлетворить садистские наклонности судей или палачей. Способы: ничем не ограниченная жестокость, т.е., например, придавливание к стулу с шипами с разведенным под ним огнем, обваривание кипятком и т.д.

V. Казнь.

Способы: сожжение на огне. Возможно удушение перед сожжением, если обвиненный не отрекся от своих показаний; в противном случае — сожжение живьем. В зависимости от места проведения обвиняемого привязывали к столбу, помещали в соломенный шалаш или на вязанку дров. Для медленного сожжения нераскаявшихся ведьм использовалось сырое дерево. Иногда повреждение тела перед сожжением раздавливанием на колесе или насечкой на конечностях.

Подобные пытки были логическим следствием теории, что существует только один обязательный для всех образ жизни, а все другие пути ошибочны; пытка устанавливалась, чтобы устранять любые отклонения мнений. Но на практике, из-за злобности судей, как гражданских, так и духовных, этот утилитарный подход превращал пытку в жуткое и жес-

токое приложение к смертной казни. Первый оппонент, выступивший против пытки, Себастьян Костелло, говорил, что инквизиторы «прикрывают все подобные вещи именем Христа и заявляют, что они делают их по его воле» («Traite des heretiques»).

Способы пыток в Германии (1527) — сожжение, повешение, обезглавливание, вытаскивание внутренностей, дробление с помощью колеса, стягивание рук и ног, выдавливание глаз, отрубание уха или руки, плавание. Из БКУ.

В Европе существовало множество дополнительных наказаний за предполагаемые действия, которые суд считал преступлением. Никакие ограничения не препятствовали изобретательности судей по делам колдовства; один из подобных субъектов, судья Шультхайс в Эрвитте, разрезал женщине ногу и влил в рану горячее масло. В судебных отчетах Валенсии отмечена выплата 10 су палачу «за прокалывание языка Матье Годфруа 4 июля 1573 г.». Специальные пытки, применявшиеся в Бамберге, как, например, ужасное кормление обвиняемого соленой селедкой, сопровождавшееся отсутствием воды — изощренный метод, который можно сравнить с погружением обвиненного в бассейн с кипятком, куда добавлялась известь. Другие способы обращения с ведьмами включали деревянную кобылу (скамью для порки), разнообразные виды дыбы, раскаленный железный стул, щипцы для ног [«испанский сапог»] и огромные колодки из кожи или металла, куда (конечно, когда в них были вставлены ноги) вливали кипяток или расплавленный свинец. Во время пытки водой, question de l’eau, воду вливали в горло обвиненного вместе с мягкой тканью, чтобы вызвать удушье. Тряпку вытаскивали так быстро, что внутренности могло разорвать. Щипцы для больших пальцев [gresillons] представляли собой тиски, раз-

работанные таким образом, чтобы сдавливать пальцы до основания ногтей, так, чтобы сплющивание пальцев вызывало острейшую боль.

Ведьм часто обвиняли в осквернении причастия, взяв данное обвинение из ранних судов над еретиками. Обычным наказанием за это было вырывание кусков плоти раскаленными щипцами или отрубание руки перед сожжением заживо. Например, в 1642 г. в Шамони Жану Жео отрубили ногу, которой он якобы топтал причастие. В 1629 г. в Целле женщина была приговорены к четырехкратному вырыванию плоти раскаленными щипцами за четырехкратное оскорбление причастия.

Перед сожжением ведьм по договоренности сначала душили (с помощью гарроты [веревочная петля с палкой] или повешения), тем самым добиваясь, чтобы они не отрекались от своих признаний. Знакомство с подобным обычаем заставляло большинство мужчин и женщин сохранять молчание, с тем, чтобы получить право даже на такую маленькую милость. Генри Ли комментирует подобную практику: «Человеческая слабость ломала сопротивление при признании, чтобы избежать ужасной смерти на костре. Вся система только усиливала веру в колдовство и умножала количество жертв». Бинсфельд объяснял, что подобная неожиданная милость разрешалась, потому что иначе агония медленной смерти приводила жертв к отчаянию и нераскаянной смерти. Однако, если обвиняемые упорствовали и явно не раскаивались, тогда их следовало сжечь только живьем (как это всегда происходило, замечает Бинсфельд, с каждой обвиненной ведьмой в Италии и Испании), потому что отчаяние не имело ничего общего с нераскаянием. Предпринимались попытки продлить предсмертную агонию. Известный французский юрист профессор Боден рекомендовал сожжение ведьм «на медленном огне, поскольку эта боль несравнима с той, от которой собирается заставить их страдать Сатана… поскольку огонь здесь не может продолжаться более получаса, прежде чем ведьма умрет». Сырое дерево вместо сухого хвороста замедляло горение в делало смерть более длительной и болезненной. Казнь отца Луи Гофриди была специально организована подобным образом.

Шотландия скорее следовала европейским, чем английским традициям, и здешних ведьм жестоко пытали и сжигали, следуя закону, приписываемому королю Кеннету I (умер в 860 г.), который предписывал сжигать тех, кто вызывает духов. В Шотландии ведьм преследовали дольше, чем в Англии, где последняя ведьма была казнена в 1682 г., в то время как в Шотландии последняя казнь имела место в 1727 г. Самые жестокие пытки, очевидно, применялись на процессе над нортбервикскими ведьмами.

Демонологи предвосхитили отдельные проблемы, возникавшие из-за пыток, и попытались помочь судьям в процессах против ведьм. Данные проблемы могут быть объединены в 7 статей:

1. Что должен делать судья, если заключенный отказывается говорить?

С молчавшими поступали сравнительно просто. В «Malleus Maleficarum» дается следующий совет: «Если пытаемый продолжает запираться, то перед ним раскладываются иные орудия пытки, и его предупреждают, что они будут применены к нему, если он не скажет правды». Здесь юристы изобрели хитрый трюк, чтобы обойти запрет применения повторной пытки. Официально пытка могла быть повторена, если представлялось новое подтверждение вины. Но юристы установили, что применение новой пытки без представления новых доказательств вины является не повторением, а продолжением, и судья должен сообщить заключенному, что назначен «такой-то и такой-то день для продолжения пытки». Спустя почти два столетия, в 1659 г., судья Буве, профос-маршал во французских армиях в Италии, рекомендовал подобным же образом, чтобы судья усилил пытку и продолжал допрос, «невзирая на крики, которые неизбежно будет издавать заключенный, и требовал имена его друзей, чтобы убедиться, являются ли они его сообщниками [en le peut encore interroger de ses compagnons et complices pour savoir s'ils oni participe au delit]». Пытка могла быть «продолжена» до трех раз, следовательно, лишь смерть могла положить ей конец. В 1630 г. Барбару Шварц подвергли пытке 8 раз и, не добившись признания, бросили на 3 года в бамбергскую тюрьму.

Даже отказ говорить считался преступлением и наказывался сожжением. Человек, обвиненный в колдовстве и отказавшийся отвечать на обвинение, был виновен в неуважении к органам власти и, следовательно, обречен на казнь, но не по первоначальному обвинению в колдовстве, а по дополнительному и побочному обвинению в запирательстве. Такая уловка позволяла обходить закон, по которому обвиненная ведьма, утверждавшая свою невиновность, выдержав три пытки, должна быть признана невиновной. Фридрих фон Шпее гневно спрашивал: «Теперь, во имя Господа, я хотел бы знать: если та, что призналась, и та, что не призналась, в равной степени обречены на смерть, то кто же, будь он хоть трижды невиновен, сможет избежать наказания?» В Англии наказанием за умолчание в любом уголовном деле было peine fort et dure (сдавливание до смерти). Так в 1654 г. в Медстоне, мужчина не признавался по обвинениям в убийстве и грабеже; он был раздет и «на его тело было наложено так много железа и камней, что он не мог вынести больше». Подобным образом был убит в Салеме Жиль Кори. Peine fort et dure сохранялось в Англии до 1722 г.

Демонологи объясняли молчание не силой характера, а дьявольскими чарами и талисманами. В хорошо известной истории, повторенной Гваццо, рассказывается, как

> «женщина пятидесяти лет терпела обливание всего тела кипящим жиром и жестокое растягивание всех ее конечностей, не ощущая никакой боли. И она была снята с дыбы, не чувствуя боли, целой и невредимой — лишь ее большой палец, который был оторван во время пытки, не прирос на место, но это не мешало ей и не причиняло боль никоим образом» («Compendium Maleficarum», 1626).

Дамхудер, известный юрист, рассказывает, как он сам наблюдал за ведьмой, выдержавшей 3 жесточайшие пытки, насмехаясь и издеваясь над палачом. При дальнейшем осмотре ее тела был обнаружен кусок пергамента; когда его убрали, женщина быстро уступила и призналась в своем договоре с Сатаной. Гриландус приводит образец латинского заговора для сохранения молчания:

> «Подобно сладости млека Пресвятой Девы Марии устам Господа нашего Иисуса Христа, да будет эта пытка сладка и приятна рукам моим и ногам моим».

2. Как далеко должен заходить судья при обещании милости или неприкосновенности для заключенного, чтобы побудить его к признанию, и до какой степени он может быть связан своим обещанием?

В «Malleus Malleficarum» ставится эта проблема. Точка зрения определялась в зависимости от трех факторов. Известному главарю шайки можно было пообещать ссылку вместо казни, не подразумевая при этом пожизненного заключения в тюрьме на хлебе и воде. Но это обещание следовало исполнять лишь в том случае, если обвиняемый сотрудничал с судом в изобличении большого количества ведьм. Согласно второй точке зрения, «некоторое время обещание следует выполнять, содержа ведьму в заключении, но затем она должна быть сожжена». Третья точка зрения заключалась в том, что обещавший судья должен взять самоотвод, а приговор о сожжении ведьмы должен вынести другой судья.

3. Следует ли подвергать пытке больного человека?

Буве пишет об опыте общения с подобными людьми, которые говорили, что они слишком больны, чтобы их подвергали пытке. Простым способом было выливание кипятка в подмышечные впадины, это восстанавливало здоровье столь быстро, «что это казалось чудом». Если у заключенного был сифилис, судья мог соединить пытку с лечением. Подошвы ног заключенного следовало поместить на огонь, так что заключенный покрывался сильным потом. Струившийся из всех кожных пор пот мог вылечить заболевание и в то же время заставить заключенного говорить правду.

4. Должен ли судья ослаблять пытку, чтобы заключенный не умер в комнате пыток?

Беспокойство об ответственности за возможную смерть не могло позволить судьям ослаблять пытку. Если заключенный падал в обморок, его лицо обливали водой или вливали в его ноздри уксус. Судья не должен был испытывать жалости к искалеченному заключенному, он не должен был позволять своему сердцу управлять его поведением. Часто ведьмы симулировали признаки смерти, такие как пена у рта или спазмы, но судья не должен был доверять им.

5. Как предотвратить совершение самоубийства у заключенного, претерпевающего пытку?

«Malleus Maleficarum» предупреждает о возможном самоубийстве заключенного, доведенного до отчаяния, и рекомендует, чтобы во время перерывов между пытками «стражники постоянно были вместе с заключенным, так, чтобы его не оставляли одного». Самоубийство всегда приписывалось ухищрениям дьявола, обещавшего ведьме, что она не попадет на костер: если ему удавалось убедить ведьму покончить с собой, его обещание было исполнено.

6. Может ли быть оказано милосердие ведьмам слишком юного возраста?

Простой факт молодости не должен был сам по себе приводить к смягчению наказания. Дети младше 14 лет могли получить более легкий приговор. На суде шотландских ведьм, обвиненных в изготовлении воскового подобия, чтобы убить сэра Джорджа Максвелла, девочка 13 лет была помилована с заменой сожжения тюремным заключением. Сэр Джордж Макензи, королевский юрист, добавляет: «Все это зависит от нашей прихоти». — «Laws and Customs of Scotland» (1678). Потт (1689) упоминает о 9-летней девочке из Ринтела, которую обвинили в сношениях с дьяволом; она должна была просто подвергнуться порке, одновременно наблюдая за сожжением своей бабушки. Но в Вюрцбурге в 1628 г. две девушки 11 и 12 лет были сожжены. И.Реми (1595) сожалел, что вместо сожжения детей, наряду с более старшими, он просто приговорил их к порке во время сожжения их родителей.

7. Должно ли быть оказано какое-либо снисхождение беременной женщине?

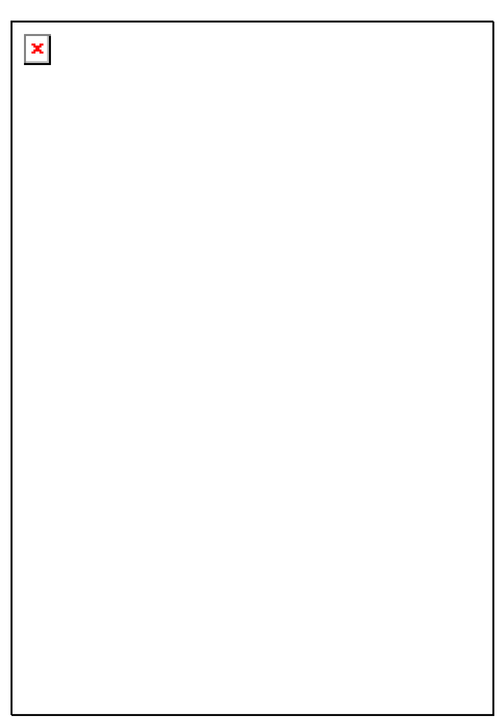
Все теоретические исследования признают необходимость отложить казнь беременной женщины, пока не пройдет месяц после рождения ребенка (согласно Френсису Пенье, 1584 г.). В Англии женщин обычно содержали до следующей выездной сессии присяжных, примерно в течение года; так на третьей челмсфордской сессии в 1589 г. Жанна Кони была казнена через 2 часа после вынесения приговора, но ее дочь Алиса заявила о своей беременности и не была повешена до 1590 г. Однако в Германии не всегда следовали подобной практике. В 1630 г. в Бамберге была подвергнута ужасной пытке и сожжена беременная жена советника Думлера.

> «Представьте себе бедное старое существо, вокруг дома которого собрался весь сброд из десяти городов, и которое, невзирая на его слабость и немощь, подобно дураку поместили в центр комнаты, связав ноги крестом, чтобы весь вес тела пришелся на зад. После применения этого средства в течение нескольких часов циркуляция крови может полностью прекратиться, и тогда сиденье становится болезненнее деревянного коня. Такую боль она могла испытывать все двадцать четыре часа без сна и еды, поскольку это был богопротивный способ ведения суда, и нет ничего удивительного в том, что опасаясь за свою жизнь, она признавалась неизвестно в чем и в любых небылицах, которые ей предлагались». — Епископ Френсис Хатчинсон, «Historical Essay Concerning Witchcraft» (1720).

Следует внести дополнение о пытках в Англии. Необходимость пытки не оспаривали, но и не следовали европейским образцам. Перкинс придерживался мнения, что пытка может быть «без сомнения законной и использоваться с добрыми намерениями, однако не в каждом случае, но только на основании неопровержимых и основательных доказательств, полученных ранее, а также когда обвиняемый запирается». — «Discourse of Witchcraft» (1608). Во-первых, согласно обычному праву, пытка не разрешалась. Во-

вторых, обвиненный мог быть казнен за колдовство без признания — достаточным доказательством было обнаружение клейма дьявола или домашних духов. В-третьих, поскольку не существовало такой тщательно разработанной организации как инквизиция, зависевшая от постоянного пополнения подозреваемых, не было и свойственного ей маниакального стремления к выявлению сообщников. Пытка в Англии так и не развилась в науку изощренной жестокости, как это произошло в Германии. В Англии пытки были менее жестокими, и здесь не допускалось богохульственного освящения орудий пытки.

Распространенными пытками в Англии (возможно, лучшим словом для их обозначения будет оскорбление) было прокалывание и ходьба, в меньшей степени — лишение сна. Прокалывание применялось, чтобы обнаружить доказательство вины: позор публичного раздевания сочетался с болью от прокалывания длинными булавками. С другой стороны, применялась ходьба для ускорения признания с лишением сна, это была уже настоящая пытка. Хопкинс в течение нескольких дней и ночей заставлял ходить старого священника, преп. Джона Лоуэса, пока тот не слег и не признался. Бинсфельд, который определенно не был новичком в результативности различных типов пытки, увидел в лишении сна почти безотказный эффективный способ, поскольку он мог быть продлен без нанесения серьезных телесных повреждений. В некоторых частях Германии пытка лишением сна использовалась и для получения признаний от уголовных преступников (не ведьм). Ходьба продолжала использоваться долго, так, в 1693 г. в Беклзе (Суффолк) обвиняемая вдова Чемберс, «старательная, работящая, бедная женщина», умерла от нее в тюрьме (Хатчинсон, 1718).

Пытка колесованием.

Третий метод, распространенный в Англии, описывает преп. Джон Гоул, противостоявший в 1646 г. Хопкинсу, «ведьминскому генералу», — это вариант ходьбы, разработанный, чтобы вызвать истощение лишением сна. «[Подозреваемая ведьма] помещалась в середину комнаты на стул или на стол со скрещенными ногами или в любой другой неудобной позе, если она не подчинялась, ее связывали веревками, потом за ней наблюдали и содержали без еды или сна на протяжении двадцати четырех часов» («Select Cases of Conscience Touching Witches and Witchcraft»).

В отчетах английских судов над ведьмами указаны и другие виды пыток, такие, как использование подогретых ботинок в случае с Алисой Гудридж [см. Бартонский мальчик]. «Он надел ей на ноги пару новых ботинок, поместив близко к огню, пока ботинки не на-

грелись, чтобы вынудить ее сознаться от усиливающейся боли. Совершенно распаренная женщина попросила пощады», обещая признаться, но, как только ее ноги остыли, она отказалась. В 1614 г. Лайона Глина поместили в колодки, и, поскольку он подозревался в вызывании духов, «его раздели от пояса и выше и …пороли вожжами, пока его тело не стало кровоточить». В 1645 г. Анна Джеффрис содержалась в бодминской тюрьме «на своих харчах», т.е. практически без пищи.

Общественная враждебность против ведьм иногда поднималась очень высоко. В 1603 г. в Каттоне (Суффолк) сэр Томас Гросс подбил толпу напасть на 80–летнюю Агнесс Фенн, подозреваемую в околдовывании больного человека. Мужчины подгоняли ее уколами ножей, подталкивали, бросали порох в лицо и, «посадив на стул, в который были вбиты гвозди и воткнуты ножи острыми концами вверх, внезапно сильно ударяли по этому стулу, так что она была серьезно исколота и ужасно изранена» (Эвен, «Witchcraft in the Star Chamber»). Следует заметить, что сожжение никогда не было в Англии наказанием за колдовство. Сожжение полагалось за измену, даже небольшую, например, для женщины, убившей своего мужа, или служанки, умертвившей своего хозяина, или «большую измену» — преднамеренное убийство, попытка убить своего сюзерена или фальшивомонетчество. Этот закон был отменен только в 1790 г. В то время как колдовство считалось преступлением против Господа, в соответствии с гражданским кодексом оно не каралось казнью. Женщинам, сжигавшимся в Англии, предъявляли одно из вышеперечисленных обвинений (которое могло включать и колдовство). Так 9 сентября 1645 г. в Ипсвиче была сожжена матушка Лейкленд за убийство своего мужа с помощью колдовства; подобным же образом в Норвиче была наказана Мэй Оливер. Отчет свидетеля-очевидца о сожжении, возможно заживо, Пруденса Ли 10 апреля 1652 г. приведен в статье Уопингская ведьма.

Типичный день пытки

Стенографический отчет о первом дне пытки женщины,
обвиненной за колдовство в Пресснеке (Германия) в 1629 г.

1. Палач связал ей руки, отрезал волосы и поместил на лестницу. Он натер ее голову спиртом и развел огонь на голове с тем, чтобы сжечь ее волосы до корней.
2. Он поместил кусочки серы ей под мышки и на спину и развел здесь огонь.
3. Он связал ей руки за спиной и подвесил ее к потолку.
4. Он оставил ее висящей там от трех до четырех часов, пока отправлялся обедать.
5. По возвращении он разлил спирт по ее спине и поджег его.
6. Прикрепив очень тяжелый груз к ее телу, он снова подвесил ее к потолку. После этого он снова поместил ее на лестнице и положил на нее необтесанную доску, полную острых булавок. Устроив все, он резко подбросил ее к потолку.
7. Затем он сдавил ей пальцы в тисках и скрутил ее руки палкой и в подобном положении продержал ее висящей примерно с час, пока она не упала в обморок несколько раз.
8. Затем он зажал икры ног в тисках, постоянно чередуя пытки с допросом.
9. Затем он порол ее кнутом, сделанным из сыромятной кожи, чтобы заставить кровь течь по ее сорочке.
10. И снова он поместил ее пальцы в тиски, и оставил ее так мучиться с десяти часов утра до часу дня, пока пытавший палач и судебные чиновники отправились немного перекусить.

В полдень появился чиновник, который не одобрил эту безжалостную процедуру. Но тогда они снова высекли ее самым ужасающим образом. Так закончился первый день пытки.

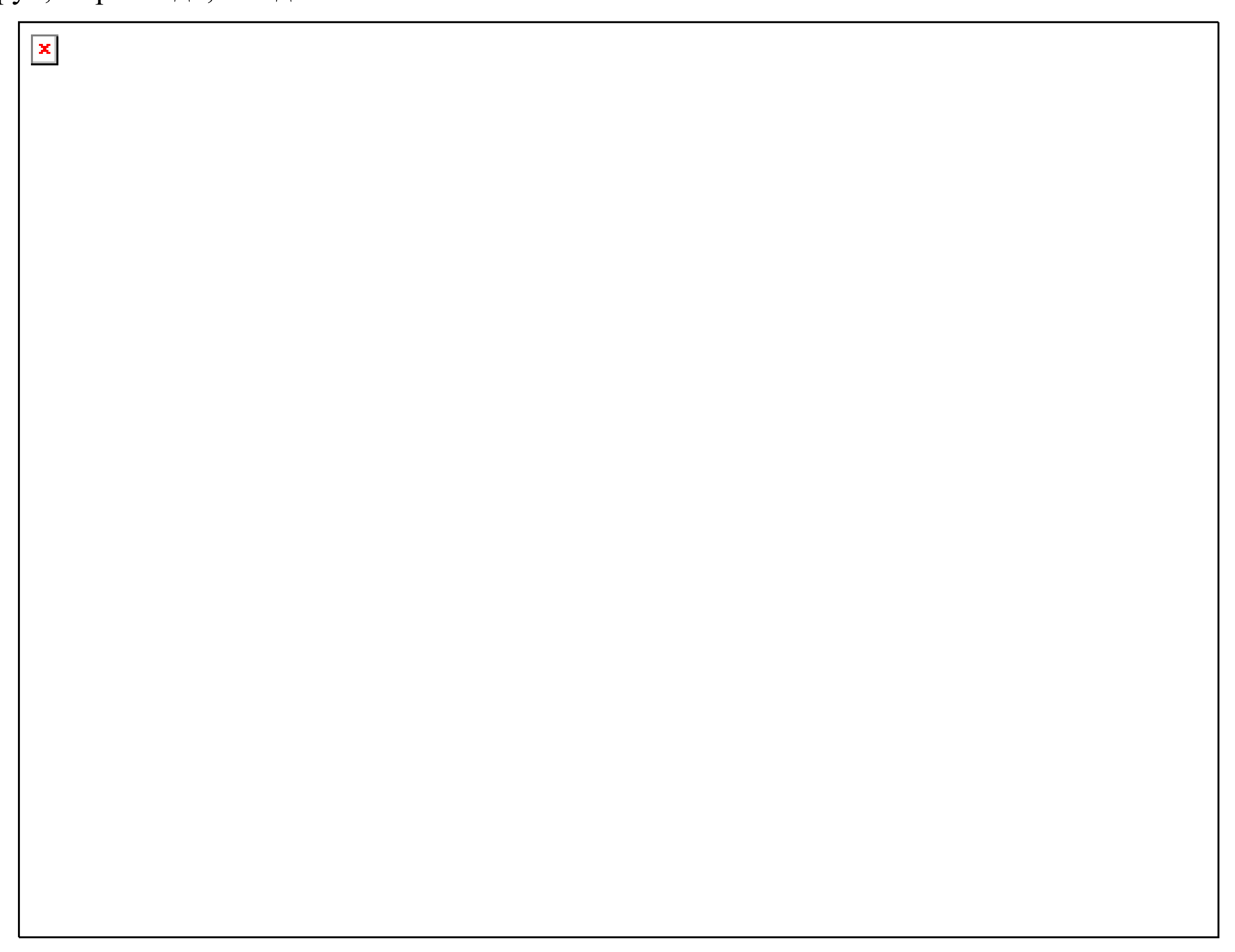
На следующий день они начали все сначала, но не доводя дело так далеко, как в первый день.

Wilhelm Pressel «Hexen und Hexenmeister» (1860).

Аналогично и в Новой Англии, следовавшей английским обычаям, ни одна ведьма не была когда-либо сожжена. Рабы сжигались живьем за убийство своего хозяина (предательство), как это случилось с негритянским рабом Шилисом, отравившим Джона Гудмана из Чарльстона, и в 1691 г. с рабыней Марией, сожженной за убийство своего хозяина.

В заключение необходимо упомянуть об одной детали. Расходы по проведению суда и пыток должны были оплачиваться из состояния обвиненного (перед конфискацией его имущества властями, осуществлявшими юрисдикцию) или его родственников. Подробно эта практика описана в отдельной статье [см. Судебные издержки процессов над ведьмами].

См. также: Бамбергские суды над ведьмами; Сапоги; Бюирманн, Франц; Признания, Эйхштадский суд над ведьмами; Свидетельские показания на судах ведьм в Европе; Казни; Германия, колдовство в; Гордель, Доминик; Инквизиция; Юниус, Иоганнес; Лестница; Лемп, Ребекка; Лоотен, Томас; Прокалывание; Рената, сестра Мария; Шулер, Иоганн; Шультхайс, Генрих фон; Сбривание волос; Шпее, Фридрих фон; Выворачивание рук; Страппадо, Свидетель.

«Увещевание» истязуемого. «Mysteres de l'Inquisition», C. de Fereal.

Р

РЕ, ЖИЛЬ ДЕ (1404–1440). Жиль де Лаваль, барон де Ре вошел скорее в историю алхимии и магии, чем колдовства, поскольку он вызывал дьяволов, дабы они научили его, как делать золото. Р. обвинялся в том, что «обожествлял духов и поклонялся им, вызывал их и заставлял других вызывать их, пожелал заключить договор с упомянутыми злыми духами и с их помощью получать, если б смог, знания, силу и богатство». На основании всего этого был казнен. Однако его известность в основном была связана с его предполагаемыми сексуальными извращениями.

В расцвете своей власти Р. был самым богатым дворянином в Европе и в 1420 г. его состояние еще более увеличилось благодаря женитьбе на сказочно богатой наследнице Катрин де Туар. Как маршал Франции, Р. сыграл достойную роль в сражениях против англичан, но после коронации Карла VII вышел в отставку и поселился в своем поместье. Здесь он жил как император, с охраной в две сотни рыцарей, личной церковью с тридцатью каноникам, обширной библиотекой редких рукописей. Но расточительность, траты на похотливые увеселения заставили его начать продавать свои земли. В 1436 г. его наследники добились указа Карла VII, запрещающего дальнейшие продажи, но декрет проигнорировали в Британии, где герцог Иоанн V и канцлер жаждали заполучить его собственность. Таким образом, чтобы противодействовать финансовому оттоку своих средств, Р. обратился к алхимии в поисках философского камня, который мог бы превращать неблагородные металлы в золото.

Когда Жилю де Силль, священнику, не удалась подобная попытка, его наниматель обратился к другим шарлатанам, больше опиравшимся на магию, чем на науку. Так, например, Жан де ла Ривьер и дю Меснилъ молились на него и в дальнейшем потеряли свои состояния. В 1439 г. другой некромант, отец Франческо Прелати, присоединился к трем другим итальянцам в Тиффоже и организовал поразительные сеансы, вызывая демона по имени Барон. По мере того, как неудача следовала за неудачей, Прелати, стремившийся умаслить духов, стал обращаться к более редкостным вещам, например, к маленьким детям, чья кровь умиротворяла демонов, а кости становились магическими порошками.

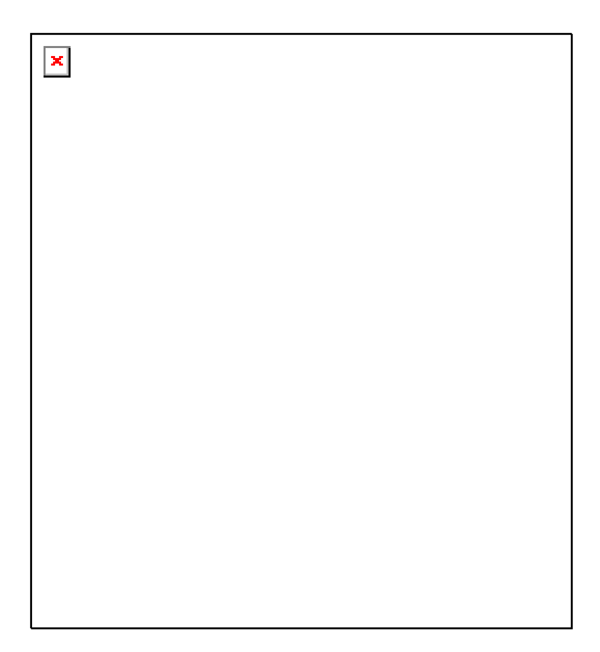
Несмотря на широко распространившуюся репутацию злодея, падение Р. началось с относительно незначительного преступления. Жоффруа ле Феррон, казначей Британии, также заинтересовался замками Р. и в сентябре 1440 г. купил Сент-Этьен де Мальмор. По глупости Р. отказался принять брата Жоффруа, Жана ле Феррона, пришедшего, чтобы принять титул, избил его и заключил в тюрьму. Подобное обращение могло остаться незамеченным, если бы Феррон не был священником. Епископ Малеструа ухватился за этот предлог, чтобы заставить Р. предстать перед судом по обвинениям, которые он тайно заготавливал, начиная с 29 июля. К епископу присоединилась инквизиция, преследовавшая ересь, и одновременно гражданский суд, поддержанный при дворе герцога. Епископ, инквизитор и герцог использовали этот великолепный повод, чтобы объявить Р. еретиком, поскольку таким образом они конфисковывали его собственность. Отобрать было проще, чем купить. Сначала Р. отверг их обвинения как «произвольные и не имеющие основания». Но его виновность была столь очевидна, что 3 сентября, за 15 дней до начала суда, герцог уже распоряжался предполагаемой долей земли Р. В связи с подобными обстоятельствами трудно поверить в обвинения против него, наиболее фантастичные и нелепые из всех, представленных в «Энциклопедии».

Первичное обвинение, которое подготовили епископ нантский Жан де Малеструа и инквизитор Жан Блуэн, представлявший главного инквизитора Франции Гильома Меричи, состояло из 47 пунктов, охватывавших три главных вопроса: оскорбление служителя церкви (за совершение насилия над Ферроном), вызывание демонов и сексуальные извращения с детьми. Например, в пункте 16 утверждалось, что

> «в одной из нижних комнат замка или крепости Тиффож, принадлежавшего жене вышеназванного Жиля, около пяти лет назад монсеньер Франческо Прелати, самозваный специалист в запрещенном искусстве геомантии, и Жан де ла Ривьер начертили множество магических знаков, кругов и цифр. Также в некоем лесу около вышеназванной крепости Тиффож некто по имени Антуан де Палерм из Ломбардии вместе с другими волшебниками и вызывателями демонов, занимался гаданием и вызыванием злых духов по имени Орион, Вельзевул, Сатана и Велиал с помощью огня, фимиама, мирра, алоэ и других ароматических веществ».

Вызывание духов дополнялось обвинениями в человеческих жертвоприношениях. В 15 пункте обвинения читаем:

> «В соответствии с первоначальными обвинениями на основании общественных слухов, завершившихся тайным расследованием, проведенным Его высокопреподобием епископом Нантским в его городе и епархии, с помощью уполномоченных представителей инквизиции и обвинителя епископского суда по следующим обвинениям в преступлениях и нарушениях, предусматриваемых церковными законами, и по поводу жалоб, угроз и стенаний, исходящих от многих личностей обоих полов, вопивших и жаловавшихся о потере и смерти своих детей. Вышеназванный обвиняемый Жиль де Ре [и его сообщники] брали невинных мальчиков и девочек и бесчеловечно забивали их, убивали, расчленяли, сжигали и подвергали всяким пыткам, а вышеупомянутый Жиль, обвиняемый, приносил тела упомянутых невинных детей дьяволам, призывал и заклинал злых духов и предавался гнусному содомскому греху с маленькими мальчиками и противоестественно удовлетворял свою похоть с молоденькими девочками, отвергая естественный способ копуляции, когда невинные мальчики и девочки были живы, а иногда и мертвы или даже во время их смертных судорог».

Суд над Жилем де Ре (справа) перед епископом Нанта и Генеральным инквизитором Франции (миниатюра из рукописи, ПНБ).

Другие обвинения дополняли перечисленные преступления. В одном говорилось, что он распорядился «сжечь тела вышеназванных невинных детей и выбросить их в рвы и канавы вокруг упомянутых замков и в выгребные ямы упомянутого замка Ла-Сюз». В другом утверждалось, что Р. якобы предлагал «руку, глаза и сердце одного из упомянутых детей со своей кровью в хрустальном кубке демону Барону в знак уважения и поклонения». По третьему Р. подвергался судебному преследованию за хранение и чтение запрещенных книг по магии.

В целом Р. был осужден как «еретик, вероотступник, вызыватель демонов, …повинный в преступлениях и противоестественных пороках, содомии, богохульстве и осквернении неприкосновенности святой церкви».

13 сентября 1440 г. епископ вызвал Р. (не оказавшего сопротивления) в суд. Предварительные слушания состоялись 28 сентября, 8, 11 и 13 октября, официальный суд открылся 15 октября. Герцог Бретонский Иоанн V санкционировал действовавший одновременно светский суд, начавшийся 17 сентября. После шести заседаний 19 октября Р. был подвергнут пытке, и, чтобы обеспечить необходимые изобличающие показания, его слуги и четыре предполагаемых сообщника были также подвергнуты пытке. В целом было заслушано 110 свидетелей, включая доносчиков.

Показания в гражданском суде связывались с исчезновением детей. Типичным было свидетельство Тома Эйсе:

> «Томас Эйсе и его жена, проживающие в Сент-Питергейте, свидетельствуют под присягой, что они жили в Машекуле в течение года и были там на прошлое Рождество. И тогда, поскольку они были бедными людьми, они отправили своего сына, около десяти лет, просить подаяние в замок Машекуль, где тогда находился сир де Ре, и с того времени не видели вышеназванного ребенка и не имели вестей о нем. За исключением того, что жена вышеназванного Эйсе сказала, что маленькая девочка, чьего имени и происхождения она не знает, сказала ей, что она видела, ее сына на раздаче подаяния в вышеназванном замке, и что подаяние было сначала роздано девочкам, а затем мальчикам. Эта маленькая девочка сказала, будто она слышала, что один из людей из замка сказал сыну вышеупомянутого Эйсе, что у него нет мяса, но, если он придет в упомянутый замок, то получит немного, и после этой беседы он вошел в упомянутый замок».

Двое приближенных Р. — Анри Гриар, 26 лет, и Этьен Корилло по прозвищу Пуату, 22 лет, дали показания перед обоими трибуналами об участи пропавших детей. Пуату сказал, что он насчитал примерно от 36 до 46 голов мертвых детей, и что он видел, как его хозяин

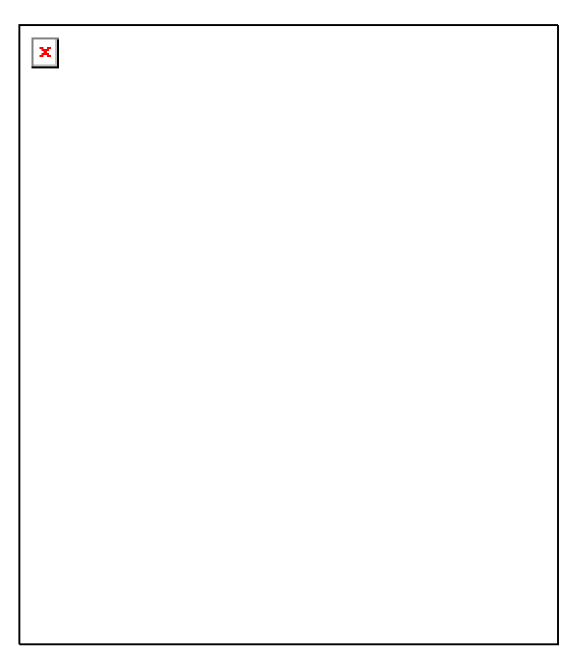
> «занимался своим противоестественным распутством с упомянутыми детьми, мальчиками и девочками, для чего сначала с распутной страстью брал свой член в левую или правую руку и тер его, чтобы он стал прямым и торчащим, затем помещал его между бедрами или ногами упомянутых мальчиков или девочек, не беспокоясь насчет естественного женского вместилища, и с большим удовлетворением, пылом и сладострастным возбуждением терся своим мужским членом об их животы, пока не испускал на них свою сперму».

Перед светским судом Пуату добавил несколько дополнительных деталей, которые, как было заявлено, он дал «без пыток первой или второй степени». Он присягнул, что слышал, как Р. говорил, что,

> «после оргазма на животах упомянутых детей, держа их ноги между своими, он получал значительное удовольствие, наблюдая за отделением голов детей от туловища. Иногда он делал надрезы на их шеях, чтобы заставить их умирать медленно, от чего сильно возбуждался, и, пока они истекали кровью до смертельного исхода, иногда мог мастурбировать с ними, а иногда он делал это после того, как они умирали, пока их тела были еще теплыми. …Чтобы заглушить крики детей, когда он хотел иметь с ними отношения, он сначала обвязывал веревку вокруг их шеи и подвешивал их на три фута над полом в углу комнаты, и, как раз перед тем, как они умирали, он приказывал снять их, говоря, что они не должны промолвить ни единого словечка, затем возбуждал свой член, держа его в руке, и производил эякуляцию на их животы. Сделав это, он перерезал им горло и отделял их головы от тел. Когда они умирали, он спрашивал иногда, у кого из этих детей была самая красивая голова».

После пяти заседаний светского суда, начавшегося в 2 часа пополудни в пятницу 21 октября 1440 г. Р. был подвергнут пытке, пока не пообещал сознаться «добровольно и свободно» (как отмечено в судебных отчетах). Теперь он подтвердил все выдвинутые против него обвинения, признавшись, что наслаждался своим пороком, собственноручно отрубая голову ребенку с помощью кинжала или ножа, или избивая детей палкой до смерти, а затем сладострастно целуя мертвые тела, с вожделением глядя на тех, у кого были прекраснейшие головки и наиболее привлекательные конечности. Величайшим удовольствием для него было, сидя на их животах, наблюдать, как они медленно отходят. Р. закончил свой рассказ обращением к «отцам и матерям тех, кто был столь прискорбно умерщвлен, молиться за него» и просьбой, чтобы его грехи были публично обнародованы, — верное средство для получения общественного одобрения его казни.

Тесно сотрудничая друг с другом, объединенный епископско-инквизиторский суд с четырьмя местными епископами среди судей, и светский суд распределили преступления и обвинения между собой. Инквизитор нашел Р. виновным в вероотступничестве, ереси и вызывании демонов, епископ обвинил его в содомии, богохульстве и осквернении привилегий церкви. Духовные суды продолжались почти 40 дней и завершились решением передать Р. светским властям для наказания. Тем временем гражданский суд под председательством Пьера де Лопиталя, канцлера бретонского парламента, снова предъявил обвинение в убийстве (чего не могли сделать церковные суды) и вскоре осудил его по этому обвинению.

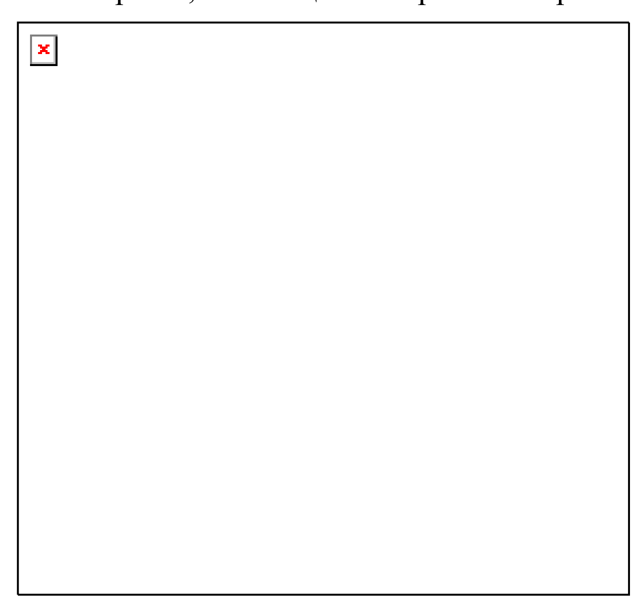
Казнь Жиля де Ре в 1440 г. (миниатюра из рукописи, ПНБ).

26 октября 1440 г. в Нанте после молитвы и покаяния Р. (накануне отлученный от церкви) был задушен, а его тело помещено на погребальный костер вместе с двумя его сообщниками (Анри Гриаром и Пуату). Затем, однако, его родственникам было разрешено взять тело, прежде, чем огонь доберется до него, и поместить в ближайшую кармелитскую церковь.

Судебное разбирательство над Р. выглядело как незаконное даже среди судов по ереси. Ни один из 5000 слуг Р. не был вызван в суд для дачи показаний, незначительные показания вообще не заслушивались, а его собственные приближенные подвергались пыткам и, дав показания против своих сообщников, освобождались. Прелата, который был столь же виновен, как и Р., был освобожден герцогом Анжуйским после нескольких месяцев пребывания в церковной тюрьме. Чтобы Р. не отрекся от признания, ему была обещана милость в виде удушения перед сожжением. Монстреле, хронист XV в., высказывал свои подозрения по поводу обоснованности суда: «Большинство дворян Бретани,

особенно те, что находились с ним в родстве, пребывало в величайшей печали и смущении от его позорной смерти. До этих событий он был гораздо более знаменит как доблестнейший из рыцарей».

РЕМИ, НИКОЛА (1530–1612). Один из классиков французской демонологии. Родился в 1530 г. в Шарме, департамент Вогезы в Лотарингии. Происходил из семьи адвокатов: его отец, Жерар Реми, был профосом в Шарме, а дядя — наместником в Вогезах. Вполне естественно, что юный Р. последовал семейной традиции, начав изучать право в университете в Тулузе, где преподавал Боден. С 1563 г. работал в Париже, покинул его в 1570 г., чтобы занять пост наместника в Вогезах в связи с отставкой его дяди. В 1575 г., кроме всего прочего, был назначен членом Тайного совета при Карле III, герцоге Лотарингском, и в 1584 — сеньором Розье де Блуа и дю Брейля. В 1591 г. получил повышение и стал Генеральным прокурором Лотарингии, благодаря своему положению мог отменять решения местных магистратов, казавшиеся ему слишком снисходительными, и сохранил ненависть к ведьмам до последних дней своей жизни. Умер на службе у герцога в апреле 1612 г. Был женат на Анне Маршан, стал отцом по крайней мере семерых детей.

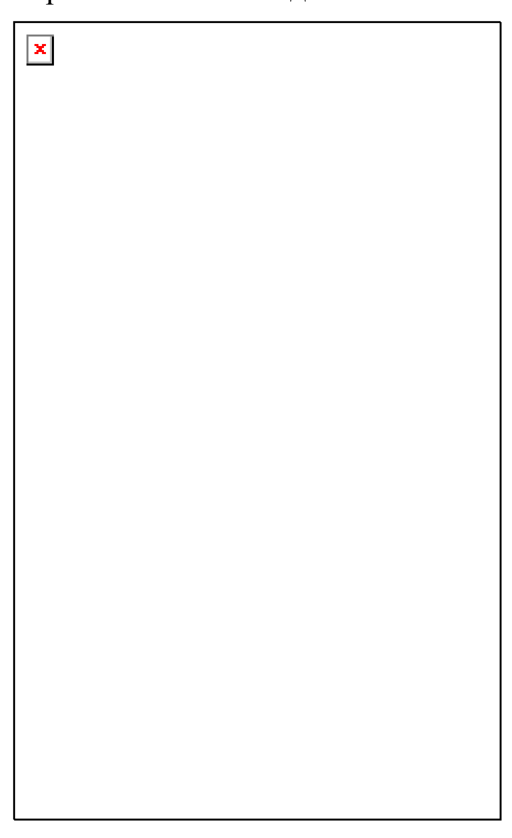

Никола Реми, Генеральный прокурор Лотарингии,
хваставшийся, что он сжег за колдовство 900 человек в 1581–1591 гг.

Основной труд Р. — «Daemonolatreia» (Лион, 1595) — часто переиздавался. Уже на первой странице Р. подчеркивает свои претензии на роль эксперта, хвастаясь, что за 15 лет он осудил 900 ведьм; фактически же он не приводит никаких ссылок на суды до 1581 или после 1591 гг. За десятилетний период Р. поименно упоминает 128 осужденных ведьм, но его цифры и имена не могут быть документально подтверждены, поскольку отчеты за эти годы утрачены. Возможно, Р. одолжил эти документы для своей книги и не смог возвратить их.

«Daemonolatreia» находится в ряду известнейших французских исследований колдовства, среди книг таких авторитетов как Боден (1560), Ле Луайер (1586), Креспе (1590), дель Рио (1599), Боге (1602) и де Ланкр (1612). Имел многочисленные личные контакты с ведьмами. Так, он еще ребенком наблюдал, как старух судили по подобным обвинениям. В 1582 г. Р. лично подверг судебному преследованию за колдовство одну нищенку, потому что его старший сын умер спустя несколько дней после того, как Р. отказал ей в подаянии. Когда чума поразила Нанси в 1592 г., Р. отправился в провинцию, где и написал свою книгу. Он так хотел опубликовать свое предупреждение против зла, причиняемого колдовством, что пренебрег общепринятой структурой работы. В результате его труд представляет собой мешанину впечатлений, набросков лекций, случаев, судебных отчетов и

цитат, хотя Р. и пытается систематизировать свой материал по трем разделам или книгам: 1) изучение сатанизма, 2) описание деятельности ведьм с особым вниманием к их сексуальной жизни, 3) примеры и практические выводы.

Титульный лист дополнительной второй части немецкого перевода (1693) «Daemonolatreia» (1595) Никола Реми.

Р. отдает дань традиции, пытаясь обосновать и узаконить обскурантизм с помощью доводов разума. «Все, что неизвестно, — писал он, — лежит, как я полагаю, в проклятой области демонологии; поскольку необъяснимых фактов не существует. То, что ненормально, принадлежит дьяволу». Отвечая на вопрос: «Почему следует наказывать ведьм?», Р. выдвигает в качестве аргумента то, что существующие законы настаивают на их наказании, и многие специалисты — Р. цитирует около 800 — подтверждают их. Наряду со своим современником Боденом, Р. до некоторой степени заменил авторов «Malleus Maleficarum» в качестве главного авторитета по охотам на ведьм.

Смертный приговор, подписанный Никола Реми, Генеральным прокурором Лотарингии, 4 мая 1596 г. ведьме, сожженной в Нанси, Лотарингия.

Нижеподписавшийся генеральный прокурор Лотарингии, присутствовавший при проведении месье профосом и чиновниками юстиции из Сен-Дье допроса и пытки Жоржа де О из Кленготта, содержавшегося в качестве заключенного в вышеназванном Сен-Дье по обвинению в колдовстве (о чем он был поставлен в известность), чтобы получить сведения о фактах, слухах и т.п., а также при заявлениях, чтении признаний, [протокола] очных ставок и стенографического отчета о пытке, которой он был подвергнут, подтверждает, что этот человек был должным образом обвинен и осужден в связи с вышеназванными обвинениями в колдовстве, и для воздаяния, положенного за эти преступления, присужден к сожжению заживо у столба, специально приподнятого над местом для подобных казней, чтобы он сильнее почувствовал пламя перед тем, как задохнется. Принадлежащее ему имущество, перечисленное ниже, объявляется конфискованным после взыскания положенных судебных издержек. Дано в Нанси 4 мая 1596 г. Реми.

«Среди тех, кто до последнего времени писал о демонах, духах и их орудиях, мужчинах и женщинах, ведьмах и чародеях, Боден и Реми являются, как я думаю, наиболее известными и читаемыми. Несмотря на то, что оба …считаются образованным людьми, я вовсе не считаю себя обязанным верить во все то, во что верили они, даже если это является правдивым… в некоторых вещах, они, быть может, были более легковерны, чем я». — Морис Касобон, «Credulity» (Лондон, 1668).

РЕНАТА, СЕСТРА МАРИЯ (Мария Рената Зангер фон Моссау). Одна из последних жертв колдовского наваждения, захваченная последним водоворотом морского отлива, который иногда с большой силой сметает все просто потому, что это попадается ему на пути; была помощницей настоятельницы Премонстратенского монастыря в Унтерцелле, близ Вюрцбурга. Сестра Рената успешно, строго и ревностно посвятившая монастырю почти 50 лет, была обвинена в околдовывании нескольких истеричных монахинь, подвергнута пытке до фантастических признаний, обезглавлена и сожжена как ведьма.

В течение нескольких лет у некоторых монахинь проявлялись признаки одержимости демонами. Сесилию Пасторини из семьи итальянцев, проживавших в Гамбурге, особенно беспокоили судороги, контрактуры и галлюцинации. Как одна из высших членов монастыря, сестра Р. сомневалась в готовности Сесилии принять монашество и посоветовала ей дальнейшее послушничество. В действительности же она считала, что Сесиль была истеричкой, а ее одержимость — вымышленной. Однако, Сесиль стала монахиней в 1745 г. Когда другие монахини, подражая ей, стали пронзительно кричать во время службы, корчиться и пускать пену изо рта, а одна из старейших монахинь, на смертном одре публично обвинила помощницу настоятельницы, сестру Р. в том, что она околдовала ее, настоятельница и исповедник вынуждены были принять все это к сведению и действовать, сопротивляясь разгоравшемуся скандалу.

Освальд Лошерт, аббат из Оберцелля, соседствовавшего с Премонстратенским монастырем, являвшийся экспертом на суде, написал отчет очевидца обо всем деле, направленный императрице Марии-Терезе. Лошерт был столь же легковерен, сколь и предубежден против сестры Р. Он писал,

> «что монахини предпочитали терпеливо страдать, чем позволить убедить себя, что монахиня или, по меньшей мере, личность, обладающая религиозными наклонностями, может быть склонна к подобным гнусностям. Однако, демон заявил через уста одержимой монахини, что он поймал Р. еще в утробе ее матери, и она стала его рабыней и проклятой».

Связанные с монастырем священники участили службы и усилили молитвы, чтобы установить контроль над одержимостью, и, наконец, попробовали применить экзорцизм. Однако, спустя 3 дня монахиням было хуже, чем прежде, и их судороги и крики невозможно было выносить. Они проявляли все типичные признаки одержимости демонами, о которых они читали или им рассказывали. Их устами демоны кричали: «Наше время пришло! Мы не можем больше прятаться». Они даже раскрыли свои странно звучащие имена — Датас Кальво, Дюсакрус, Наташурус, Набаскурус, Аатальфус, Элефатан. Затем аббат Лошерт продолжает:

> «С этого момента никто не сомневался в том, что шесть монахинь были одержимы дьяволом. Можно было лишь удивляться, что небеса позволили такому ужасному проклятью пасть на монастырь, где все проживающие денно и нощно воздавали хвалу Господу и молились. Однако, видимо, самым провидением тогда было предопределено разоблачить ту гнусную ведьму, которая скрывала свое чародейское искусство под святым обликом, исключить ее из этого священного сообщества, к которому по духу и по сути она никогда и не принадлежала».

Посетив монастырь, аббат Лошерт навел официальные справки и, хотя сестра Р. отрицала все подобные обвинения, поместил ее в заточение. Ее комнату в монастыре обыскали и нашли мази, оказавшиеся якобы колдовским зельем, травы, якобы ядовитые, и желтое платье, якобы для поездок на шабаш, использованные как доказательства против нее. В течение нескольких месяцев 69-летнюю сестру Р. допрашивали и, наконец, по совету иезуитских теологов Вюрцбургского университета, подвергли пытке до признания. Во-первых, она получила «двадцать ударов освященной сыромятной плетью [Karbatsche].

Это была новинка — недавно введенная в Германии пытка с Востока.

В своем признании сестра Р. дала обычное описание преступлений, ожидаемых от ведьмы. Она отдала себя Сатане в возрасте 8 лет, была соблазнена в 11, имела интрижку с двумя чиновниками (замаскированными демонами) в 13 и еще подростком обучалась искусству сатанизма. В 19 лет по приказанию Сатаны, вступила в монастырь, чтобы вызвать его разрушение. Почти каждую ночь она летала на шабаш в Вюрцбург, натерев тело магической мазью, оседлав метлу и надев желтое платье, найденное в ее комнате. Она публично отреклась от Бога и от церкви, была крещена именем Эмы, получила клейма дьявола, вступала в беспорядочные связи с дьяволами. Она также завербовала еще троих на службу дьяволу. Кроме того, она наслала на несколько человек болезни и вызвала одержимость шести монахинь демонами и осквернила святое причастие.

Отрывок из стенографических отчетов о суде.

В.: Почему она в тюрьме?

О.: Из-за нечестивой жизни, которую она вела.

В.: Как она начала и смогла вести безбожную жизнь, поскольку так долго была в монастыре?

О.: Это не представляло никакого труда, поскольку ее клятвы не были даны по внутреннему убеждению, и она всегда вела безнравственный образ жизни. В то время, когда она приносила обет, ее мысли оставались в миру, и его соблюдение не шло от сердца…

В.: Почему она вступила в монастырь, если у нее не было склонности к послушанию?

О.: Она родилась у бедных, но благородных родителей. Естественно, что ее родители сразу увидели, что о ней позаботятся, если она поступит в монастырь.

В.: Как же тогда она смогла вести безнравственную жизнь?

О.: С помощью колдовства [Zauberei] и других дьявольских искусств.

В.: Была ли она ведьмой?

О.: Да.

В.: Где она научилась этому и у кого?

О.: Один гренадер научил ее в Вене, куда она и все домочадцы отправились вместе с ее отцом во время венгерской войны. Как случается в военное время, гренадер часто давал ей хлеб, когда она была голодна, и, наконец, пообещал научить ее чему-нибудь.

В.: Чему же, наконец, научил ее этот гренадер?

О.: Он дал ей бумагу, на которой были написаны все буквы. На этом листе она должна была нарисовать круг и стоять внутри его. Кроме того, она получила заговор [Zetel] с различными словами в нем, и, если она читала эти слова, то могла делать прохожих на улице хромыми и увечными.

В.: Делала ли она когда-нибудь подобные вещи и становился ли кто-нибудь хромым?

О.: Да, она делала это несколько раз; но действительно ли люди становились хромыми, она не знает.

В.: Где же теперь этот круг и бумага?

О.: Она порвала и выбросила этот круг и бумагу, когда однажды она познакомилась с дьяволом и узнала больше [о колдовстве].

В.: Расписалась ли она тогда в книге дьявола? Где и когда?

О.: Да, когда она перемещалась из Вены в Прагу, куда этот гренадер взял ее. Этот человек перенес ее в Прагу, в комнату во дворце, где собиралось их собрание. Гренадер подвел ее к высочайшему господину, который сидел в середине, предложив ему принять ее в число членов братства.

В.: Кто тогда был этим великим господином?

О.: Без сомнения, это был дьявол.

В.: Допускал ли потом дьявол ее в свое братство?

О.: Он ответил, что она еще слишком молода и дал ей картинку, где были нарисованы две ведьмы. На этих двух ведьмах она должна была написать чернилами свое имя.

В.: Что она использовала, чтобы поставить свою подпись?

О.: Ничего. Она использовала собственную кровь, чтобы подписать свой обет ему, то есть дьяволу.

В.: Действительно ли она там-то и тогда-то собственной кровью и подписью отдала себя дьяволу?

О.: Да. Когда ей было четырнадцать лет, гренадер доставил ее в Прагу в вышеупомянутый салон, где она была принята им и подписалась собственной кровью.

По повелению дьявола она зарегистрировала себя в большой книге, выдавив кровь из руки между мизинцем и безымянным пальцем. Вместо Марии она написала — Эма Рената. Совершив подобное в присутствии «многих графинь и знати из Вены», она должна была отречься от святой Троицы и от всех святых таинств. За это она получила новое платье, в котором отправлялась на шабаш ведьм, мазь, порошок и заговор с разнообразными письменами, с помощью которых она могла околдовывать людей на расстоянии своего голоса. Несмотря на свое безнравственное поведение, она вступила в монастырь под давлением своих родителей. Там она должна была так выполнять свои религиозные обряды, чтобы никто не смог заметить порочную жизнь, к которой дьявол принудил ее. Так, она тайно осквернила семь святых причастий, четыре из которых спрятала в руках и в ногах, одно бросила в выгребную яму и другое в море, а последнее взяла с собой на шабаш ведьм.

В.: Как или каким образом она спрятала эти гостии?

О.: Она сделала разрез на своих руках и ногах перочинным ножом и поместила святые причастия под кожей, погрузив их внутрь, и таким образом спрятала их. Она претерпела ужасную боль, пока раны зажили [Она демонстрирует раны]. На шабаше гостии были проколоты ногтями, и из проколотых мест хлынула прозрачная вода.

На допросе она рассказала о своем путешествии на шабаш ведьм, что также соответствовало общепринятым описаниям.

В: Верила ли она в то, что это не было наваждением, а происходило на самом деле?

О.: Это часто бывало наваждением, но гораздо чаще это происходило на самом деле.

В приятном лесу или на большом прелестном лугу воздавались высшие почести дьяволу, который присутствовал в виде великого господина и властелина. Среди присутствующих были граф фон Х. из Вены. Они ели бисквиты, анисовый хлеб и подобную пищу, пили кислое вино и развлекались танцами, прыжками и другими безумствами под музыку дьяволов. Некоторые из танцующих были одеты, но большинство совершенно голые. Однажды она получила золотой талер от дьявола. Она назвала еще двух участников, монахиню и монастырского священника. Лорд-канцлер Рейбельт разрешил Инквизиции привлечь этого священника. Каждый понедельник дьявол посещал ее в монастыре.

В.: Что он делал с ней?

О.: Каждый понедельник он ложился с ней для блуда.

В.: Как была возможна подобная вещь, поскольку дьявол является духом, неспособным на подобные развратные действия?

О.: У него всегда было тело, и он был настолько реален, когда совокуплялся с ней, что она испытывала ужасную и почти непереносимую боль. Он часто оставался с ней на два или три часа, но никто не знал об этом.

Теперь наступила очередь главных вопросов, связанных с ее околдовыванием монахинь. Она призналась во всем. Ее заклинания вызывали «помутнение разума, судороги, боли и мучения всех пяти чувств». Из зависти она также околдовала трех дворцовых дам и рыцаря. Ее враждебность к монахиням возникла, когда они исповедовались аббату Премонстратенского монастыря, которого она невзлюбила. Господь не позволил ей сделать его хромым и слепым с помощью чародейства.

О.: Она не могла лечить тех, кого околдовала, поскольку, как только ее колдовство было раскрыто, она сожгла свое платье, мази, заговоры и т.п. Теперь она не может никому причинить вреда.

В.: Как же тогда эти люди могут быть освобождены от этого зла?

О.: С помощью церковных обрядов, экзорцизма и религиозных действий.

В.: Как же тогда раскрылась ее безнравственная жизнь?

О.: Через кошек, которых она вынуждена была выбросить.

В.: О каких кошках она говорит?

О.: Монастырь и все комнаты были наполнены таким большим количеством мышей и крыс, что они не знали, что делать. Они так настойчиво жаловались аббату, что он разрешил каждой монахине держать в своей комнате кошку, чтобы избавиться от всех этих вредителей.

В.: Как же через этих кошек раскрылась ее порочность?

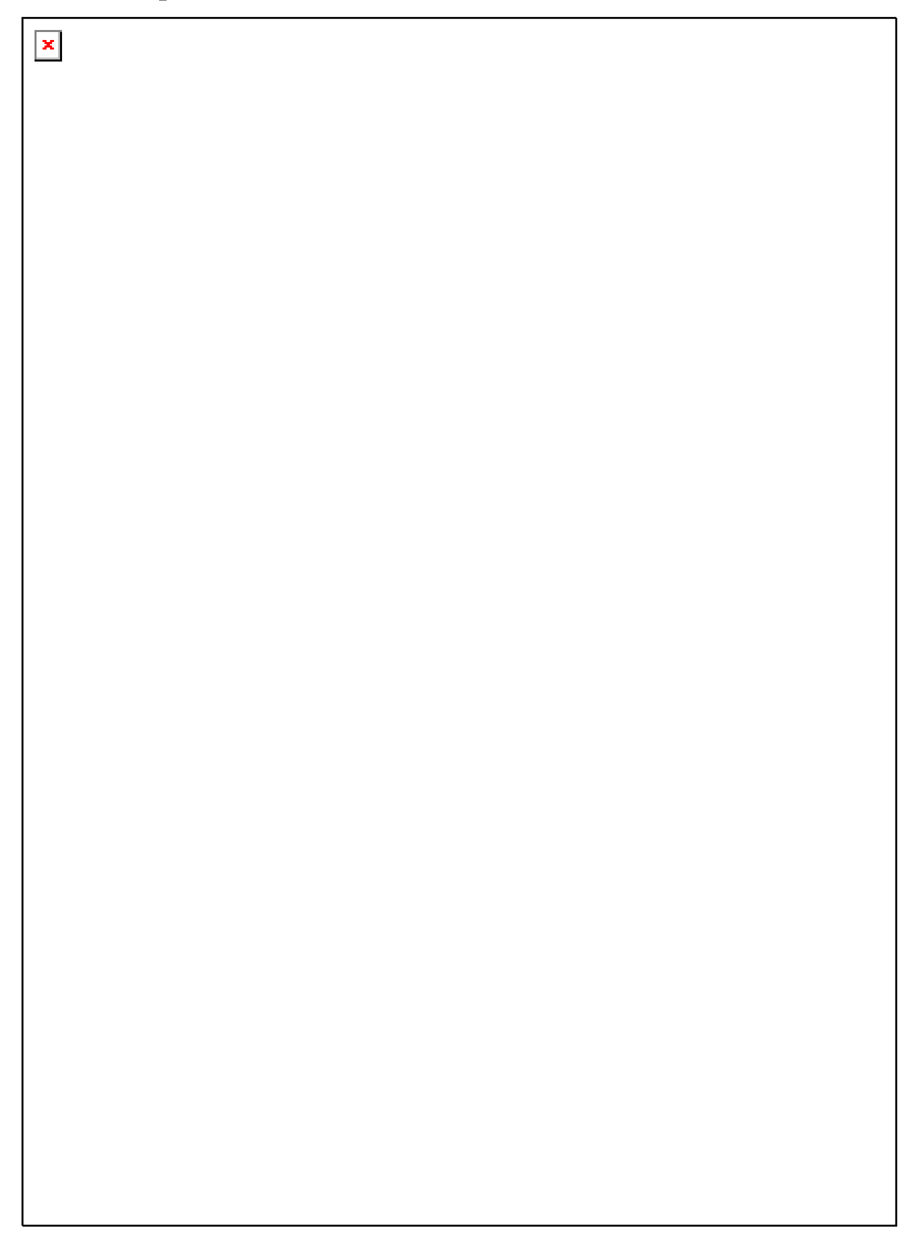
О.: Вместо одного она содержала трех котов. Однако, они были тремя дьяволами, которые говорили с ней в ее комнате и в монастыре. Монахини услышали, как эти коты разговаривали по вечерам и ночью, и были озабочены этим. Одна монахиня рассказала другой, они донесли аббату об этих разговорах, и вскоре весь монастырь был в ужасе от этих трех говорящих котов.

Вследствие этого аббат велел убрать всех кошек и высказал ей «самое острое» порицание. С момента ареста дьявол не навещал ее.

Заслушав это признание, шесть священников, включая аббата Лошерта, раздававшего милостыню при монастыре, и двух иезуитов, осудили ее по 13 статьям за чародейство, ересь и вероотступничество. Епископ Вюрцбурга подтвердил приговор и лишил ее сана 28 мая 1749 г. Светский суд постановил сжечь ее как ведьму, но епископ, «принимая в расчет чрезвычайную молодость обвиняемой, когда она была впервые соблазнена гнуснейшим грехом колдовства, позволил умертвить ее перед сожжением.

17 июня 1749 г. Р., уже не являвшаяся монахиней, одетая в длинное черное платье, белый фартук и белый шейный платок, и белый, и черный чепец, была препровождена отцом Маурусом и отцом Гааром в Мариенберг. Здесь она была обезглавлена, а ее тело брошено в костер из просмоленных бочек и дерева. В соответствии с отчетом очевидца, палач отрубил ей голову так ловко, что наблюдатели кричали от восхищения «браво». Во время сожжения иезуит отец Джордж Гаар читал проповедь, узаконивавшую казнь, рассказывая о ее порочности и грехе колдовства. Он так гордился своей речью, что опубликовал ее по-немецки и в переводе на итальянский. Однако подобное распространение речи вызвало полемику с участием итальянского юриста Тараторри, от которого отец Гарр получил неблагоприятный отзыв. Суд произвел настолько шокирующее впечатление, что вызвал изменение в общественном сознании, и его противники смогли предотвратить эпидемию подобных судов.

РИО, ДЕЛЬ МАРТИН АНТУАН (1551–1608). Известный ученый-иезуит и автор энциклопедического труда «Disquisitionum Magicarum», наиболее полной во многих отношениях работы по колдовству, не менее известной, чем «Malleus Maleficarum». Родился в Антверпене (Бельгия) от известного отца-кастильца и состоятельной матери-арагонки. Отец, королевский чиновник, пережил ограбление своего замка в местном восстании против испанского господства, и Р. потерял свою библиотеку. Получил хорошее классическое образование, знал еврейский, халдейский и 5 современных языков, имел юридическое образование; в 19 лет опубликовал издание Сенеки, ссылаясь более чем на 1300 источников. В 24 года стал вице-канцлером и генеральным прокурором Брабанта. Позже Вольтер высмеял это назначение, назвав его генеральным прокурором Вельзевула. Однако в 1580 г. Р. решил вступить в орден иезуитов, учился и работал в таких различных иезуитских центрах как Лувен (где собирал материал для своей демонологии) и Брюссель, где и умер в 1608 г. В течение 26 лет учебы и научной деятельности написал по крайней мере 15 книг проповедей и комментариев.

«Кто не должен ненавидеть и уничтожать ведьм?» титульный лист издания 1604 г. известной книги иезуита Мартина дель Рио «Disquisitionит Magicarит», впервые опубликованной в 1599 г., настаивавшей на поспешном истреблении ведьм. Иллюстрации по краям представляют «казни египетские» при Моисее.

«Disquisitionum Magicarum» (в шести книгах) была написана около 1596 г. и впервые опубликована в Лувене в 1599 г., посвящена князь-епископу Льежа, постоянно переиздавалась, была переведена на французский в 1611 г. К 1747 г., когда эта книга была в последний раз переиздана, насчитывалось около 20 ее изданий. В 6 разделах обсуждаются следующие проблемы:

1. Магия в целом, различия между естественной и искусственной магией; алхимия.
2. Дьявольская магия; ведьмы на шабаше, настоящие и фальшивые призраки.
3. Maleficia и их осуществление. Как и почему Господь допускает, чтобы злые духи мучили людей.
4. Предсказания, гадания (когда ересь, когда просто предрассудок), «суд Божий» (Р. отчасти сомневается в ценности bain des sorciers или плавания).
5. Наставления судьям: признаки и доказательства колдовства сопровождающегося ересью, но судьям предоставляется определенная свобода действия.
6. Обязанности исповедника; естественные (коралл, оникс) и сверхъестественные (экзорцизм, амулеты) средства, чтобы противостоять maleficia.

Прикрываясь умеренными взглядами, Р. запретил законодательную защиту ведьм, отвергал ликантропию, в то же время возвратил теоретические положения и судебную практику «Malleus Maleficarum» с их невежеством и слепой нетерпимостью. Например, Р. приводит «совершенно достоверную историю»:

> «В 1587 году солдат, стоявший на карауле, выстрелил в темное облако, и, подумать только, к его ногам упала женщина. Теперь что скажут те, кто отрицает, что ведьмы ездят на собрания? Они скажут, что не верят в это; позвольте им оставаться столь же неверующими, потому что они не верят очевидцам, которых я могу представить во множестве».

К 1600 г. злоба охотников за ведьмами была направлена против защитников ведьм, подвергавших сомнению теорию и практику судов над ведьмами. Р. утверждал:

> «Судьи обязаны под страхом смертного греха осуждать на смерть тех ведьм, кто признался в своих преступлениях; всякий, кто выступит против смертного приговора, совершенно справедливо подозревается в тайном соучастии; никто не должен убеждать судей отменить казнь; более того, это является indicium колдовства, защищающего ведьм, или подтверждением того, что истории о ведьмах, которые рассказывают как очевидные, не являются обманом или иллюзиями».

Подобно Бодену, Р. был принят и протестантскими охотниками за ведьмами благодаря своей дружбе с Юстусом Липсиусом из Лейдена. Р. был хорошо известен в Англии благодаря тому, что, как и Перкинс, возражал Филмеру.

> «Если, как это часто бывает, Господь позволяет, чтобы ребенок умер, прежде, чем его окрестят, то это для того, чтобы воспрепятствовать совершению им в последующей жизни тех грехов, которые могли сделать его вечные муки более жестокими. Поступая подобным образом, Господь не бывает ни жестоким, ни несправедливым, потому что благодаря простому факту первородного греха дети уже заслуживают смерти». — Мартин дель Рио (1599).

РУКА ПОВЕШЕННОГО. Во многих grimoires и руководствах по магии описывается рука повешенного — ужасный атрибут, иногда предъявлявшийся на судах за колдовство. Чародей обертывал руку повешенного куском савана, крепко стягивая, чтобы выдавить оставшуюся кровь, и мариновал в соляном растворе с различными сортами перца в глиняном кувшине. Через две недели руку вынимали и выставляли на солнце или высушивали в печи вместе с вербеной и папоротником. В одном рецепте предполагалось ис-

пользовать руку как подсвечник для свечей, сделанных из сала повешенных, натурального воска и лапландского кунжута.

Иезуитский демонолог дель Рио рассказывает, как вор зажег пальцы руки повешенного, чтобы погрузить в сон обитателей дома. Его заметила служанка. Пока вор обшаривал дом, девушка пыталась погасить пламя, дуя на него и поливая пивом или водой, и, наконец, залила его молоком. Тотчас домашние проснулись и схватили вора. История была широко распространена в фольклоре и вошла в «Ingoldsby Legends».

Другой демонолог, Гваццо, позаимствовав эту историю у Реми, рассказывает о суде, состоявшемся в 1588 г. в Гермингене над Никелем и Бессерсом, двумя ведьмами, обвиненными в эксгумации трупов. Они готовили руку повешенного, и пока пальцы ее горели, успешно отравляли людей; закончив свою maleficia, они задували пламя и сохраняли руку для дальнейшего использования.

РУЛЛ, МАРГАРЕТ. К.Мазер назвал труд по колдовству своего противника Роберта Калефа «гнусным клубком небылиц, вдохновленным энергией и уловками Сатаны, написанным, чтобы подорвать саму возможность утонченного прославления моего Господа». Причиной такой реакции стало скептическое отношение Калефа к описанной Мазером, якобы демонической, одержимости страдавшей депрессией Р., которая, пронзительно визжа, была выведена из церкви Мазера в Северном Бостоне 10 сентября 1693 г.

Распространив рукописные сообщения, Мазер, очевидно, стремился вызвать в Бостоне панику по поводу ведьм. Р. сообщила ему их имена, добавив имя одной женщины, недавно освобожденной от подобных обвинений, но Мазер не стремился возобновлять обвинения лишь на основании призрачных показании. Он определил обвиняемую как «одну из несчастных, много лет находившуюся под таким же подозрением в колдовстве, как и любой из живущих на этой земле». Очевидно, что Калеф не верил в способность ведьм управлять дьяволами ради одержимости людей.

Диагнозы Р. и Мерси Шорт совпадали. Внешние симптомы у обеих молодых женщин «напоминали друг друга почти по всем показателям, так что описание одной из них может быть применено к другой». У нее были приступы судорог, сведение челюстей, вызывавшее отказ от пищи в течение нескольких дней, иногда она задыхалась, будто глотая огромное количество жидкости и показывала черные и голубые следы невидимых уколов. 17-летние девушки также демонстрировали признаки, похожие на полтергейст, например, похищение проповедей у Мазера и последующее обнаружение их на улице, появление небольшого движущегося предмета (чертенка!) в кровати, появление (неизвестно откуда) булавок и левитация (подъем) из кровати к потолку. Подобно Мерси Шорт, одной из околдованных салемских девушек, у Р. были галлюцинации, не только типичные для подобных видений черного человека или дьявола, но и Белого Духа (рассматриваемого И.Мазером в «Illustrious Providences»).

> «Она говорила, что никогда не видела его лица, но лишь яркие сверкающие одеяния. Он стоял около кровати, постоянно утешая ее, подбадривая и укрепляя ее веру и надежду на Бога».

Мазер полагал, что комментарии Калефа к его описанию Маргарет «настолько наполнены фальсификациями и ошибками, что их можно назвать преднамеренной и специально разработанной грубой ложью». Особенно же он был разъярен тем, что Калеф описывал, как Мазер успокаивал девушку, «поглаживая ей живот и грудь, не прикрытую бельем, и не позволяя другим делать то же самое». Когда же одна из девушек предложила свои услуги, Маргарет закричала: «Не вмешивайся не в свое дело!» и поспешно отвела ее руку в сторону. Сочувствия к Маргарет не испытывал не только Калеф в своих наблюдениях, но и те тридцать или сорок зрителей, которые ежедневно наблюдали за изгнанием из нее дьявола Мазером.

> «После того как священники ушли, одержимая захотела, чтобы ушли и женщины, говоря, что мужское общество не было для нее оскорбительным, и усадила на место молодого человека, бывшего ранее ее возлюбленным, заметив, что сегодня он не уйдет».

Спустя несколько ночей после того, как Мазер уехал, Калеф обнаружил, что Р. занялась новым молодым человеком, сказав, что ей нравится его общество, и она не позволит ему уйти, пока не поправится, добавив: «Я умру, если он уйдет!» Мазер издал распоряжение о привлечении Калефа к суду за клевету, но не смог настоять на его исполнении.

Благодаря медицинскому образованию, Мазер, возможно, отдавал себе отчет в том, что некоторые свидетели сомневались, что причиной припадков у Р. являлось колдовство, но подчеркивал, что «предположение о том, будто припадки молодой женщины были просто мошенничеством, являются антихристианскими и антиобщественными». Во время одного из «приступов смеха» Р. сказала, что «удивляется, насколько гнусны люди, считающие, что она не больна, а притворяется». Спустя два или три месяца припадки Р. прошли, вследствие молитв и постов, как считал Мазер. Он был весьма заинтересован в ее выздоровлении, поскольку молодая женщина начала очень иронично жаловаться во время припадков, что «он досаждал и угрожал ей».

Одной из наиболее примечательных особенностей дела является отчет Мазера в «New England Puritan», где излагается версия классического договора с дьяволом.

> «Эти проклятые демоны, приносившие тонкую красную книгу в локоть длиной, заставляли положить на нее руку или хотя бы прикоснуться к ней, чтобы стать слугой Сатаны».

Эта книга часто упоминается в обвинениях и признаниях на американских судах над ведьмами.

С

САЛЕМСКИЕ СУДЫ. Для Новой Англии 1692 г. выдался одним из самых беспокойных. Это было время политической нестабильности, когда И.Мазер, находившийся при английском дворе, добивался проведения «чистки» в колониальном правительстве. Французы готовились к войне, а индейцы уже вышли на тропу войны. Невыносимые налоги (1,3 фунта в 1691 г.), жестокая зима, нападения пиратов на торговые суда, распространявшиеся случаи заболевания оспой, и, кроме того, рост напряженности в небольших поселениях, где землевладельцы ссорились из-за границ своих участков, усиливали общественное напряжение.

Людям, воспитанным в полном запретов евангелическом мире, все несчастья 1692 г. казались происками дьявола. Пуританскому мышлению Новой Англии был подозрителен и дьявол, и его пособники на земле, т.е. ведьмы. Вера в сверхъестественное не подлежала сомнению. В Библии действительно говорилось о ведьмах и вселении дьявола, но в штате Массачусетс легенды обрели силу закона.

Вера в колдовство, ставшая составной частью мировоззрения колонистов, была особенно сильна в Массачусетсе, где была практически не республика и даже не монархия, а теократия. Линия, проводимая руководством церкви, одновременно стала и законом страны. Любое сотрудничество с Сатаной считалось преступлением не только против Бога, но и против колонии. Подобный религиозный контроль над государством частично объясняет замешательство, возникшее в Массачусетсе, когда повсеместно вера в колдовство стала ослабевать. (В Англии последнюю ведьму казнили в 1685 г.) Когда Уильям Баркер, один из обвиняемых в колдовстве, был обвинен в соединении религиозного инакомыслия с политическим, пуритане поверили в это: «Он собирался разрушить салемское поселение, начиная с дома священника и церкви, и установить царство Сатаны» (Хейл, «Modest Inquiry into Witchcraft», 1702). Сходное высказывание принадлежит Джону Ивлину, отметившему в дневнике 4 февраля 1693 г.: «Наслушался рассказов о всеобщем увлечении колдовством в Новой Англии: мужчины и женщины посвящают себя дьяволу, чем подрывают основы государства».

Непосредственной причиной этого «подрыва» явилась группа незамужних девушек, собиравшихся дома у преп. Самуэла Перриса, чтобы послушать индейские сказки его рабыни Титубы. Самые младшие из них — 9-летняя дочь Перриса Элизабет и ее 11-летняя кузина Абигейл Уильямс, находившиеся в начале полового созревания, были настолько возбуждены этими вечеринками, что начали страдать припадками непроизвольных рыданий и судорог. Даже после того, как Элизабет отправили жить к Стефену Сьюэллу (брату судьи Самуэла Сьюэлла, позже отрицавшего свое участие в судах), у нее продолжались припадки. В первом опубликованном сообщении о салемских несчастьях «A Brief and True Narrative» (Бостон, 1692) Деодат Лоусон и Самуэл Перрис пишут, что видели, как Абигейл «подбежала к очагу и начала разбрасывать головешки по дому, а потом забежала в очаг, как будто собиралась лезть в трубу».

Элизабет Перрис и Абигейл Уильямс были зачинщицами неповиновения окружавшему их миру взрослых, проявлявшегося в беззаконии, непослушании, правонарушениях, надругательстве над властями, которые трудно представить даже в XX в. Воспитанная в уважении к старшим, маленькая Элизабет бросала Библию через всю комнату и убегала с ней. Абигейл, жившая в доме Перриса, для облегчения наваждения несшая фонарь во время пасхальной мессы 11 марта, начала кататься и пронзительно кричать, мешая молящимся.

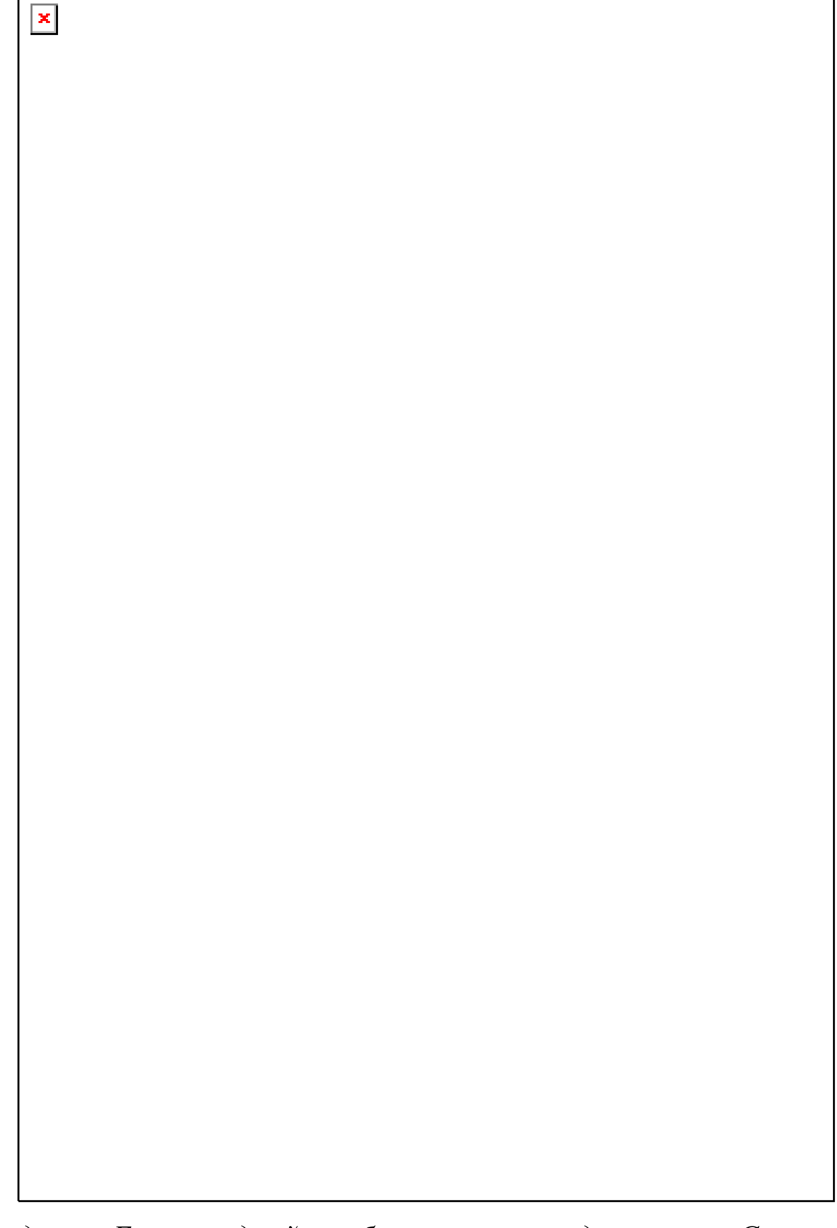
В субботу, 20 марта, во время проповеди преподобного Деодата Лоусона все были изумлены ее наглым бесстыдством. Лоусон описывает его так:

> «После того, как пропели псалом, Абигейл Уильямс сказала мне: „Теперь встань и прочитай свой текст“. И после того, как он был зачитан, она сказала: „Он слишком длинный“. …И в полдень, в ответ на мои поучения, сказала мне: „Я не знаю догм, которым ты учишь. Если можешь, назови хотя бы одну, я забыла ее“».

Позже, при допросе Джона Проктора, Перрис, исполнявший тогда обязанности секретаря, писал:

> «Когда мы наблюдали за происходящим, чтобы описать его, припадки Джона [индейца] и Абигейл были настолько сильными, что мы были вынуждены отослать их прочь, чтобы я мог без помех записать все это».

Таково было начало. Истерия легко возбудимых девочек дополнялась искусной изобретательностью следовавших за ними припадков более взрослых девушек. Роберт Калеф, бостонский купец, наблюдавший за происходящим, отметил, что сначала девушки действовали у себя дома, «принимая странные позы с шутовскими жестами, бормоча нелепости, лишенные всякого смысла».

Казнь Бриджит Бишоп, одной из обвиненных в колдовстве на Салемских судах. Фрагмент картины XIX в.

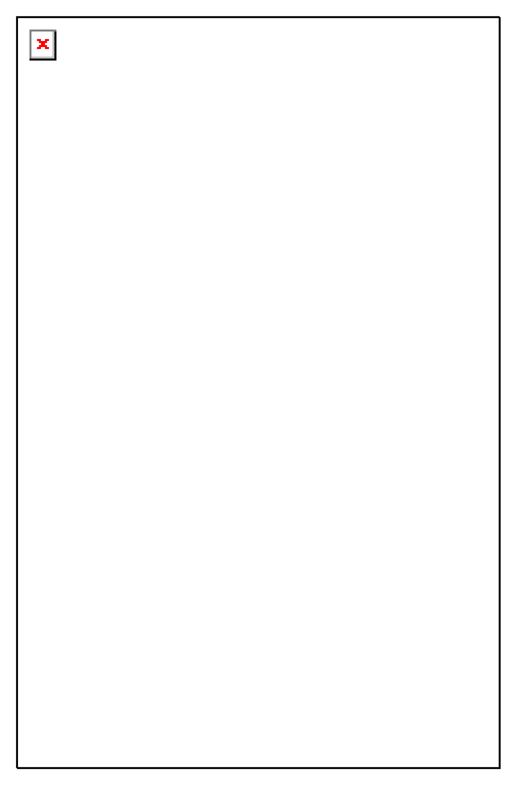
Анна Патнем была самой младшей из девушек — ей было 12 лет. Элизабет Хаббард, работавшей у своих тети и дяди, было 17, Мери Уолкотт — 16, а Мери Уоррен, служившей у Джона Проктора, — 20. Другой служанке, Мерси Льюис, — 19, Сьюзен Шелдон и Элизабет Бут — по 18. Эти 8 «ведьминских сучек», как назвал их один из обвиняемых, стали лидерами. Кроме них, обвинять своих соседей стали и другие молодые люди, действовавшие так же странно, — Сара Черчилль, 20-летняя служанка Джорджа Джекобса; Сара Траск, 19 лет; Маргарет Редингтон, 20 лет; Феба Чендлер, 12 лет и Марта Спрегью, 16 лет.

Все эти девушки были уже не детьми, а подростками, и к моменту завершения суда стали еще на год старше, так что судьи признали их «взрослыми людьми». Даже 12-летняя Анна Патнем именовалась на суде не ребенком, а «незамужней женщиной».

Еще в 1668 г. общественное мнение, озабоченное случаями одержимости, приписало дьяволу хромоту детей Джеймса Гудвина из Бостона. Дети Гудвина продолжили длинную череду детей-обвинителей. Массачусетский губернатор Хатчинсон заметил: «Поведение [салемских] детей настолько безупречно, что не остается никакого сомнения в том, [что] им прочитали или хотя бы рассказали [о других одержимых детях] Новой Англии».

В свете этой традиции, считавшей помешанных подростков одержимыми, оценка поведения салемских девушек общественностью не вызывает удивления. И доктор Григгс, местный врач, поселивший одержимую девушку в своем доме, и местные пасторы «диагностировали» околдовывание. В свою очередь, местные судьи признали подозреваемых ответственными за кривлянье и тем самым установили факт колдовства.

Хотя врач и священники не могли предложить другого объяснения, кроме колдовства, по крайней мере, один человек (Джон Проктор) предпринял практические меры, чтобы остановить развитие колдовской истерии. «Если бы [девчонкам] дали действовать по своему разумению, то мы все быстро превратились бы в дьяволов и ведьм; они заслуживают хорошей порки». В доказательство Проктор добавил, что, когда у его служанки Мери Уоррен произошел «первый припадок, он подвел ее к [прядильному колесу] и пригрозил выпороть, после чего припадки прекратились, и случались снова лишь в его отсутствие».

Какой домашний дух был у Сары Осборн?
Это было существо с женской головой, двумя ногами и крыльями.

Но предложение Проктора было оставлено без внимания, и народ предпочел колдовство в качестве объяснения происходящего. Мери Сайбли, тетка Мери Уолтон, неосторожно привлекла внимание к этому делу. Она попросила Джона, мужа индианки Титубы, изготовить «ведьмин пирог». В новоанглийском альманахе того времени можно найти его рецепт: «Сделать тесто из ячменя и мочи ребенка, испечь и скормить собаке. Если собака задрожит, ты будешь исцелен». Возможно, миссис Сайбли надеялась на то, что если собака заболеет, девочки скажут, что или кто стал причиной их болезни. Когда преп. Уильям Перрис наконец понял, что происходит у него под носом, события приняли взрывной характер.

Дело, начавшееся с шалости подростков, превратилось в cause celebre (сенсацию). Возможно, девушки уцепились за идею преследующих их призраков, чтобы избежать наказания за свое эксцентричное поведение. Точные мотивы их поведения не ясны, но понемногу вся схема совершенствовалась. Видимо, Титуба первой рассказала суду о призраках в облике соседей, пытавшихся склонить их на сторону дьявола. Вопрос: «Кто вас мучил?» — остался без ответа, но в ответ на последовавшие наводящие вопросы девушки были вынуждены называть имена. Первыми козлами отпущения стали слабые и увечные: негритянка-рабыня Титуба, Сара Гуд, курившая опиум, и Сара Осборн, калека, три раза менявшая мужа. Четвертая обвиняемая, Марта Кори, имела незаконнорожденного сына-метиса. Увидев ужасающие последствия своих первых шагов, девушки стали еще больше бояться открыть правду.

29 февраля 1692 г. Сару Гуд обвинили в умышленном совершении «отвратительных действий, называемых колдовством и чародейством», в результате которых Сара Биббер, Элизабет Хаббард и Анна Патнем были «околдованы, претерпели мучения и зачахли». Предварительное расследование, проведенное 1 марта 1692 г., стало пробным шаром для возбуждения общественного мнения и подготовки почвы для будущих обвинений. С накоплением опыта техника поведения девушек улучшалась. Судьи Готторн (предок Натаниэля Готторна) и Корвин, оба из Салема, твердо верили во всю эту чертовщину и чародейство:

В.: Сара Гуд, с каким злым духом вы были близки?
О.: Ни с каким.
В.: Разве у вас не было договора с дьяволом?
О.: Нет.
В.: Почему вы вредили этим детям?
О.: Я не вредила им, я их презираю.
В.: Тогда кого вы заставляли это делать?
О.: Никого.
В.: А какое существо вы использовали?
О.: Никакого. Меня обвиняют ложно.

Такова была стандартная форма допроса. Увидев, что вопросы не дают достаточных оснований для обвинения, судья обратился за помощью к девушкам. «Судья Готторн потребовал, чтобы дети, все до одного, посмотрели на нее и сказали, была ли она их мучителем. И все они посмотрели на нее и сказали, что она была одной из тех, кто их мучил». Демонстрируя мучения, девушки кричали как от боли, жаловались на щипки, укусы и паралич. Очевидно, что во время этого первого суда не все девочки были уверены в своих видениях, поскольку в отчете добавлено: «Тут же все они стали мучиться».

Представив явные доказательства способности Сары к околдовыванию, судья Готторн потребовал назвать имена ее сообщников:

В.: Итак, кто это был?
О.: Я не знаю, но это был некто, кого вы привели с собой в молитвенный дом.
В.: Мы привели в молитвенный дом тебя.
О.: Но вы привели еще двоих.

В.: Кем был тот, кто мучил детей?
О.: Это была Осборн.

Девочки подтверждали показания друг друга не только тем, что корчились в припадках, когда обвиняемая представала перед судом, но и тем, что предсказывали припадки других детей. При допросе Уильяма Хобса «Абигейл Уильямс показала, что он приходил к Мерси Льюис, после чего у той тотчас случился припадок. Затем упомянутая Абигейл закричала: „Он подходит к Мери Уолкотт“. И упомянутая Мери тотчас тоже упала в припадке». Без задней мысли о возможных последствиях судья Готторн сам дал характеристику девочкам во время своего допроса Ребекки Нарс: «Они обвиняют тебя в причинении им боли и, если ты считаешь, что это результат преступного сговора, то можешь считать их убийцами».

Свидетельские показания всех девушек настолько схожи, что, стерев имена, их можно отнести к любой из них. Так, Элизабет Бут обвиняет Джона Проктора:

> «Показания Элизабет Бут, восемнадцати лет, которая клятвенно подтверждает, что с тех пор, как она была поражена, ее мучил сосед, Джон Проктор-старший или его призрак. Также я видела, что Джон Проктор-старший или его призрак подверг страшным мучениям и околдовал Мери Уолкотт, Мери Льюис и Анну Патнем-младшую, щипал, скручивал и чуть не задушил их. Jurat in curia. Скреплено клятвой перед судом».

Спустя три месяца Мери Уолкотт повторила этот образец, обвиняя Абигейл Фолкнер:

> «Показания Мери Уолкотт, которая клятвенно подтверждает, что около 9 августа 1692 г. ее самым страшным образом мучила женщина, назвавшаяся Абигейл Фолкнер. 11 августа, в тот день, когда допрашивали Абигейл Фолкнер, она причиняла мне ужасные страдания в течение всего времени ее допроса. Я также видела, как Абигейл Фолкнер или ее призрак, ужасно мучили Сару Фелпс и Анну Патнем. Я искренне верю в то, что Абигейл Фолкнер — ведьма, и что она часто поражала меня и всех вышеназванных людей с помощью своего колдовства».

Когда же девушки начали колебаться в ходе судебного разбирательства, инициатива перешла к другому свидетелю, миссис Патнем, матери Анны. Внимательное прочтение отчетов ясно указывает на то, что она руководила обвинением [см. Патнем, Анна].

Вторым взрослым свидетелем была 36-летняя Сара Биббер, упоминаемая как истица по первому обвинению от 29 февраля. Сохранились записи десяти ее показаний против высокопоставленных людей. Обычно при девочках ей отводилась вторая роль. Так, на суде над Ребеккой Нарс она выступила как второй свидетель видения: «Я видела призрак Ребекки Нарс, страшно мучивший и поразивший телесным недугом Мери Уолкотт, Мерси Льюис и Абигейл Уильямс, щипавший их и почти задушивший». Так она показала под присягой перед судом.

Но родные и друзья миссис Нарс тщательно обследовали ее. Сара, дочь Ребекки, обнаружила обман и показала под присягой: «Я видела, как г-жа Биббер вытащила из своего платья булавки и, зажав их между пальцами, прижала руки к коленям, а затем вскрикнула и сказала, что г-жа Нарс ее уколола. Я готова поклясться в этом».

Немного позже и некоторые соседи выступили с заявлениями против этой Сары Биббер. Джон и Лидия Портер утверждали, что она — «женщина бурного темперамента, часто впадавшая в странные припадки, когда кто-нибудь противоречил ее капризам». Это же подтвердил и Ричард Уолкер. Некоторые из тех, у кого жила Биббер, выступили с убийственными замечаниями о ее порядочности как свидетеля: «Она может сказать непристойности и заведомую ложь про кого угодно». Другие соседи дополняют: «Она может иметь припадок, когда захочет».

Те из обвиняемых, кто сразу признал свою вину, оказались в выигрышном положении, поскольку девушки не давали против них подробных показаний. Салемские жертвы были повешены не потому, что признались в том, что являлись ведьмами, а потому что отрицали это. Ни один из признавшихся не был повешен, хотя, если уж колдовство было уголовно наказуемым деянием, то признавшегося преступника все равно следовало наказать.

Признание означало отмену смертного приговора, поскольку обвинители не могли устроить публичного скандала. При допросе Мери Уоррен «ни один из пострадавших не был поражен с того момента, как она начала признаваться, хотя до этого они испытывали мучения». После признания Титубы, Анна Патнем, как и Элизабет Хаббард, заявила: «Она прекратила мучить меня и с тех пор лишь легонько ударяла». Преп. Френсис Дейн также отметил, что «между собой мы часто говорили, что обвиняемых можно было бы освободить, если бы они признались». В то же время, Семюэл Уордвелл, признавшийся первым, но позднее отрекшийся от своего признания, был повешен. Всего 55 из 150 обвиняемых признали свою вину, чтобы добиться отмены смертного приговора (Томас Бреттл, «Letter»).

Только две «ведьминские сучки», потрясенные ходом судебного разбирательства, признались в обмане, но под влиянием открыто враждебных выступлений других девушек, напуганных возможностью разоблачения, отступницы вернулись в ряды обвинителей.

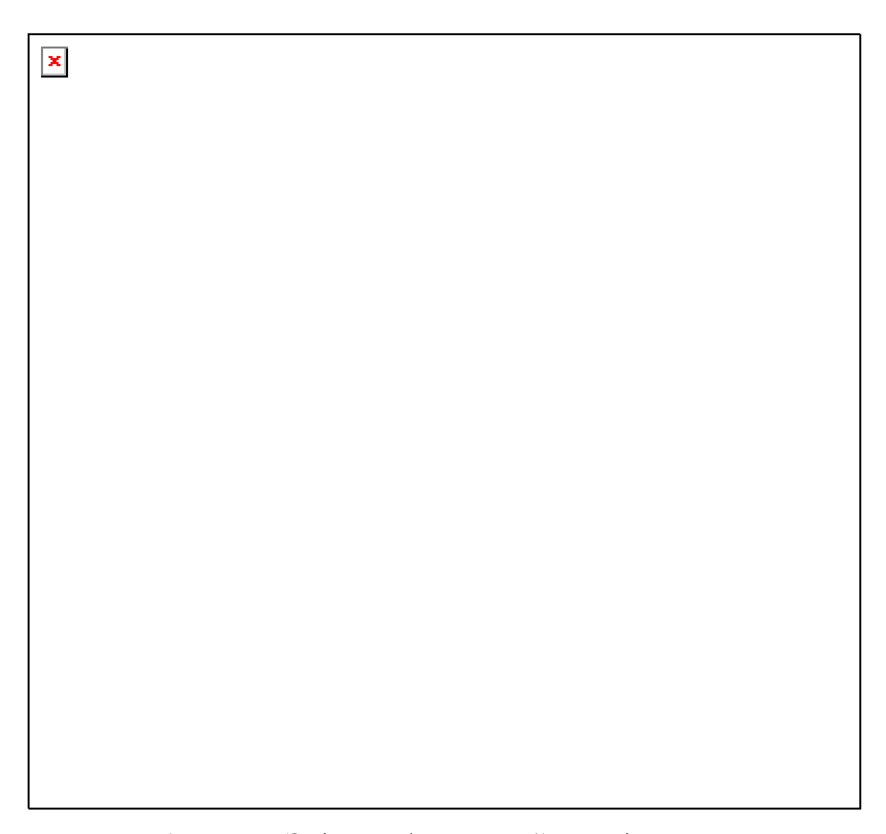
Сара Черчилль, 20 лет, служанка Джорджа Джекобса, была одной из наименее красноречивых обвинительниц. Когда Джекобс был арестован и допрошен, она отказалась продолжать мошенничество. Другие девушки тотчас обвинили ее в колдовстве. Напуганная таким поворотом событий, она быстро переменила свое решение и присоединилась к «одержимым».

Однако ее мучила совесть, и она поведала о своих сомнениях Саре Ингерсолл, незамужней дочери Дикона Ингерсолла, церковного старосты и держателя таверны и гостиницы в деревне Салем. Сара свидетельствовала об этом в суде, но суд проигнорировал ее показания, так же, как и разоблачение Сары Биббер:

> «В показаниях Сары Ингерсолл, примерно тридцати лет, говорится, что она увидела Сару Черчилль после допроса, когда та пришла к ней заплаканная, потрясенная, заламывая руки. Я спросила, что ее беспокоит. Она ответила, что оклеветала себя и других, сказав, что поклялась на дьявольской книге, хотя ничего подобного она никогда не делала. Я сказала, что тоже думала, что она клялась на той книге. Заплакав, она ответила: „Нет, нет, нет. Я никогда, никогда не делала этого!“ Тогда я спросила, что же заставило ее сказать, что она это делала? Она ответила, что сделала это, потому что ей угрожали и сказали, что посадят ее в тюрьму и оставят одну с мистером Барроусом. И так было несколько раз, она преследовала [меня] здесь и там, рассказывая, что оклеветала себя и других. …Она еще сказала, что, если бы она хоть раз сказала мистеру Нойесу о том, что клялась на книге дьявола, то он ей поверил бы. Но, если бы она даже сто раз сказала правду, что не клялась на книге, то он все равно не поверил бы ей».

Другим отступником — правда временно — стала Мери Уоррен, служанка в доме Прокторов. Судьба этой семьи явилась достаточным примером, чтобы образумить даже слабоумных. Джон и его жена Элизабет оказались в тюрьме. Мери Уоррен осталась с их пятью детьми (младшему из которых было 3 года). Не в меру усердный шериф, сам устанавливавший для себя законы, конфисковал имущество семьи. Задолго до суда он явился

> «в дом и захватил все добро, провизию и скот, которые смог найти, продал часть скота за полцены, а остальную зарезал и отправил в Вест-Индию; забрал бочонок, из которого перед этим вылил пиво, и, опорожнив горшок с бульоном, унес и его с собой, ничего не оставив для пропитания детей».

Капитан Элден, обвиняемый в колдовстве.

Как и Сару, ее не смогли убедить дать показания против своего хозяина. Однако, вместо того чтобы поддержать показания пятидесяти двух соседей, смело подтвердивших его невиновность в публичном заявлении, она лишь поделилась своими сомнениями с подругами. Почувствовав опасную слабость ее позиции, Анна Патнем, Мерси Льюис, Мери Уолкотт и Абигейл Уильямс обвинили Мери Уоррен в колдовстве.

С 21 апреля до 12 мая ее преследовали магистраты и поносили «ведьминские сучки», пока она не призналась в том, что призрак Джона Проктора поразил ее. Большинство вопросов сводилось к ее подписи в дьявольской книге, в чем она наконец призналась, сказав, что ее палец оставил там черную метку. Но был ли он мокрым от пота, слюны или «сидра, который она выпила», она не могла сказать. Когда ее перевели в тюрьму, и она избавилась от давления со стороны судей, она заявила:

> «„Когда я страдала недугом, мне казалось, что я видела призраки сотен людей“. Но, поскольку, как она утверждает, ее сознание было помрачено, она не смогла рассказать о том, что видела. И упомянутая Мери рассказала нам, что, когда ей снова стало лучше, она уже не может сказать определенно, видела ли она каких-нибудь призраков в вышеупомянутое время».

Возможно, заслуживают снисхождения те юные охотники за ведьмами, которые действительно страдали эпилепсией или судорогами. Но ничто не может смягчить тяжесть преступлений салемских девчонок. Никогда, даже во время казней, они не испытывали ни искреннего раскаяния, ни малейших угрызений совести (возможно, за исключением Сары Черчилль и Мери Уоррен). Они точно знали, что делают. Их действия в 1692 г. полностью преступны, ибо они обрекали людей на смерть безо всякого повода, просто ради развлечения. 28 марта в таверне Ингерсолла одна из девушек заявила, что видела, как миссис Проктор навела на нее порчу. Миссис Ингерсолл «сказала девчонке, что она врет, поскольку ничего такого не было». Тогда та призналась, что сказала это ради развлечения: «Должны же мы как-нибудь развлекаться».

Некоторые из этих юных обвинителей продолжали свою зловещую деятельность и после судов, пока, по словам принятого в 1711 г. постановления о реабилитации осужден-

ных, «некоторые из главных обвинителей и свидетелей [запятнали] себя распутством и порочными связями». Единственным документом, доказывающим бессмысленную порочность обвинений, является исповедь Анны Патнем, сделанная спустя 14 лет, когда ей уже было двадцать шесть [см. Патнем, Анна].

Вдобавок к девушкам, обвинявшим «ведьм» в причинении им вреда в облике злобных призраков, взрослые обвиняли большинство «ведьм» в наведении порчи (maleficia). Обвинительные заключения никогда не включали таких мнимых злодеяний, которые допускались лишь постольку, поскольку «чтобы побить собаку, любая палка годится». Показания Сары Холтон против Ребекки Нарс достаточно типичны и ничуть не глупее остальных. Во всех обвинениях в причинении вреда людям или скоту истец был совершенно не способен связать причину и следствие и соотнести два случая, произошедших в разное время, пытаясь доказать их взаимосвязь.

> «Показания Сары Холтон, вдовы Бенджамина Холтона, заявившей и утверждавшей, что, примерно в это же время, года три назад, когда мой дорогой и любимый муж, Бенджамин Холтон, (ныне) покойный, чувствовал себя, по-моему, лучше, чем когда-либо, в субботу утром к нам в дом явилась Ребекка Нарс и обрушилась на него с бранью, потому что наши свиньи оказались на ее поле (хотя наши свиньи были хорошо заперты, а их изгородь укреплена в нескольких местах). Однако все, что мы ей говорили, не могло ее успокоить, и она продолжала браниться и проклинать нас одновременно, призывая своего сына, Бенджамина Нарса, взять ружье и перестрелять наших свиней, не дав им уйти с поля, хотя мой бедный муж не сказал ей ни одного плохого слова. И, спустя короткое время, когда мой бедный муж рано утром, выйдя на двор, возвращался домой, то в дверях он был поражен очень странным припадком, наполовину ослеп и два или три раза терял сознание. Придя в себя, он сказал мне, что ему показалось, будто он никогда больше не войдет в дом. И все следующее лето он испытывал слабость, боли в животе и частые приступы слепоты. Но, примерно за две недели до смерти, у него начались странные и сильные приступы, очень напоминавшие те, что были у околдованных, когда мы полагали, что они должны были умереть. Находившийся у него доктор не смог установить причину недуга. И за день до смерти он был очень бодр, но около полуночи у него вновь случился очень сильный приступ, и он ушел из жизни в жестоких мучениях».

Но преступления редко соотносились с грехом, скорее имело значение зло, проистекавшее из договора с дьяволом. К.Мазер определял колдовство, как «отречение от Бога и выдвижение на престол дьявола, гнуснейшую измену Господу».

Истерия, охватившая Салем и его окрестности, во многом была обязана огульным обвинениям девушек, вследствие которых любой мог оказаться ведьмой. Те, кто, возможно, одобрял арест таких «убогих», как Титуба или Сара Гуд, спустя всего несколько недель могли сами оказаться обвиненными, как Марта Кори, заявившая: «Я не могу упрекать дьявола в том, что он сделал их ведьмами, потому что они — нерадивые лентяйки и не склонны ни к чему хорошему».

Фактически обвиняемые представляли все слои салемского общества: от батраков до землевладельцев.

Джон Виллард, фермер и выборный констебль Салема, арестовал первых подозреваемых и пришел к выводу, что настоящими преступницами были девушки, сидевшие в комнате осведомителей. Он воскликнул: «Повесить их!» Эти слова явно выходили за рамки допустимого для офицера полиции, и Виллард отдавал себе в этом отчет. Он бежал из Салема, но через 10 дней был пойман, обвинен шестью девочками и миссис Патнем по семи пунктам (обычным для всех обвиняемых), допрошен 2 августа на третьем заседании суда и повешен 19 августа.

У Джона Проктора были усадьба, скот и служанка по имени Мери Уоррен, помогавшая ухаживать за его пятью детьми. Он нетерпимо относился к верующим в колдовство, что и предопределило его гибель. Сэм Сайбли, дядя Мери Уолкотт, донес, как Проктор

обошелся с Мери Уоррен. В ту пору было опасно высказывать свое мнение, даже друзьям. «Если бы он [Проктор] содержал в тюрьме Джона-индейца, то он вскоре выбил бы из него дьявола». Дикон Ингерсолл представил это замечание суду как показание. Обычный человеческий скепсис и несогласие с предрассудком, в который верило большинство, сделало его колдуном.

Самой выдающейся жертвой стал бывший священник деревни Салем преп. Баррроус, покинувший деревню в 1682 г.

Другой пример, ставший классическим, представляет история Ребекки Нарс. Она была старшей из трех сестер, причем обе младших, Сара Слойс и Мери Эстей, состоятельные горожанки, были также осуждены и казнены. Муж Ребекки, Френсис, был простым поселенцем, но не чуждался тяжелой работы и с помощью четырех сыновей и зятьев почти выкупил 300 акров земли. Сара призналась и получила отсрочку смертного приговора. Когда семья Патнем обвинила Ребекку в околдовывании девочек, ей исполнился семьдесят один год, и она не вставала с постели. Со страниц стенографического отчета о суде ярко видна эта пожилая матрона, отстаивавшая свою правоту до последнего, разгадавшая смысл поиска «необычайных отметок»:

В.: Чем вы болеете? Об этом идет множество разговоров.
О.: У меня больной желудок.
В.: Есть ли у Вас раны?
О.: У меня нет ничего, кроме преклонного возраста.

Вначале большинство обвиняемых были жителями Салемского поселения или окружавших его ферм, равных по размерам городку площадью около тридцати квадратных миль, состоящему не менее, чем из сотни усадеб. Многие другие происходили из соседнего Топсфилда, что показательно, поскольку между населением двух районов происходили постоянные жесткие перепалки. По мере того, как девушки приобретали все большую известность в выслеживании ведьм, последних стали обнаруживать и в более отдаленных местах.

Главной площадкой продолжавшихся поисков стал Эндовер. Некий Джон Беллард, болезнь жены которого не поддавалась ни определению, ни излечению, предложил, чтобы салемские девушки расследовали ее и другие загадочные заболевания. Препятствием для Анны Патнем и Мери Уолкотт стало незнание имен местных жителей, но они нашли даже более действенный способ испытания «прикосновением». Анна и Мери впадали в припадки, подозреваемые выстраивались, чтобы по очереди дотронуться до девушек. Если девушки оставались неподвижными, подозреваемый был ведьмой. «Анна Патнем заявила, что она никогда не видела ее, но, когда она [обвиняемая] последний раз приезжала в Салем, у названной Патнем случился припадок. Упомянутой [Анне] Пьюдейтер велели взять ее за запястье, что та и сделала. И упомянутой Патнем тотчас стало лучше». Анна Пьюдейтер была повешена 22 сентября. Когда Мери Паркер из Эндовера «предстала перед судьями, она излечила всех пораженных от их припадков прикосновением своей руки». Ее повесили 22 сентября.

Анна и Мери заявили, что причиной болезни миссис Беллард явно было ее околдовывание Анной Шостер, ее дочерью Мери Лейси и внучкой Мери. Миссис Шостер умерла в тюрьме, заболев от плохого обращения и переохлаждения, но Мери Лейси спасла свою жизнь, сделав признание. Допросы этих трех женщин являются ярким доказательством того, как разум и сила воли могут быть сломлены под давлением заключения и хитроумных допросов. Фостер призналась, что «дьявол появлялся перед ней несколько раз в виде птицы, какой она никогда раньше не видела». Она «завязала узел на тряпке и бросила ее в огонь, чтобы навредить Тимоти Свену, и причинила вред остальным, кто жаловался на нее, путем удушения их кукольных подобий, и тем почти уморила их». Она подтвердила легенду о помеле:

> «Вместе с Мартой Керье они летели на палке или шесте на сборище ведьм в деревню Салем. Когда они пролетали над верхушками деревьев, палка сломалась, и они упали. Но она крепко ухватилась за шею г-жи Керье, и они тотчас оказались в деревне, хотя она сильно повредила ногу».

Через несколько дней Фостер, не ведая, что ее дочь Лейси уже сделала трагическое признание, отказалась обвинить ее. Затем была вызвана Лейси, сказавшая:

> «О матушка, как ты поживаешь? Мы покинули Христа, и дьявол овладел нами. Как мне избавиться от этого зла? Я призываю Господа разбить мое каменное сердце, чтобы я смогла победить на этот раз!»

После того, как Фостер и Лейси были допрошены и уведены, ввели юную Мери Лейси, и сразу же у Мери Уоррен начался сильный припадок, продолжавшийся до тех пор, пока Лейси не дотронулась до нее. Затем она начала поносить свою мать: «Я не хочу знать, где моя мать, сделавшая из меня ведьму». Обвинить другого было лучшим способом продемонстрировать сотрудничество с судьями в расчете на снисхождение.

После оглашения имен судья Готторн продолжал настаивать:

> В.: Твоя мать и бабушка сказали, что там был священник. А сколько людей видела ты?
>
> О.: Я видела только Ричарда Керри.
>
> В.: И больше никого?
>
> О.: Еще там был священник, и я думаю, что теперь он в тюрьме.
>
> В.: Не было ли там двух священников
>
> О.: Не могу сказать.
>
> В.: Разве там не было некоего мистера Барроуса?
>
> О.: Да, он там был.

Судья из Андовера Дадли Бродстрит выдал 40 ордеров и отказался подписывать остальные. Поскольку отказ в сотрудничестве по вылавливанию врагов церкви и государства предполагал сочувствие ведьмам и автоматически делал его колдуном, он был обвинен в совершении 9 убийств. Он бежал вместе с женой, хотя был сыном бывшего губернатора. Его брат Джон, тоже будучи сыном бывшего губернатора, был также обвинен в преступлении — использовании собаки для насылания болезней. «Упомянутая собака была подвергнута пытке и повешена как ведьма».

После Андовера девушки переместились в район Бостона.

Натаниэль Кери из Чарльстона посетила Салемское поселение, чтобы избавиться от порочащих ее слухов. Кери сообщал:

> «Когда она предстала перед судьями, ее главными обвинителями стали две девушки. Моя жена заявила судьям, что до этого, дня она и не слышала о них. Ее принудили стоять с вытянутыми вперед руками. Я хотел поддержать ее за одну из рук, но мне было в этом отказано. Тогда она попросила, чтобы я вытер ее слезы и пот с лица, что я и сделал. Затем она попросила, чтобы ей разрешили опереться на меня, заявляя, что иначе она упадет в обморок. Судья Готторн ответил, что, если у нее достаточно сил, чтобы мучить этих людей, то их должно хватить и чтобы стоять на ногах. Я говорил что-то против жестокости их судопроизводства, но они велели мне замолчать, пригрозив в противном случае выставить меня из комнаты» (Калеф, «More Wonders of the Invisible World»).

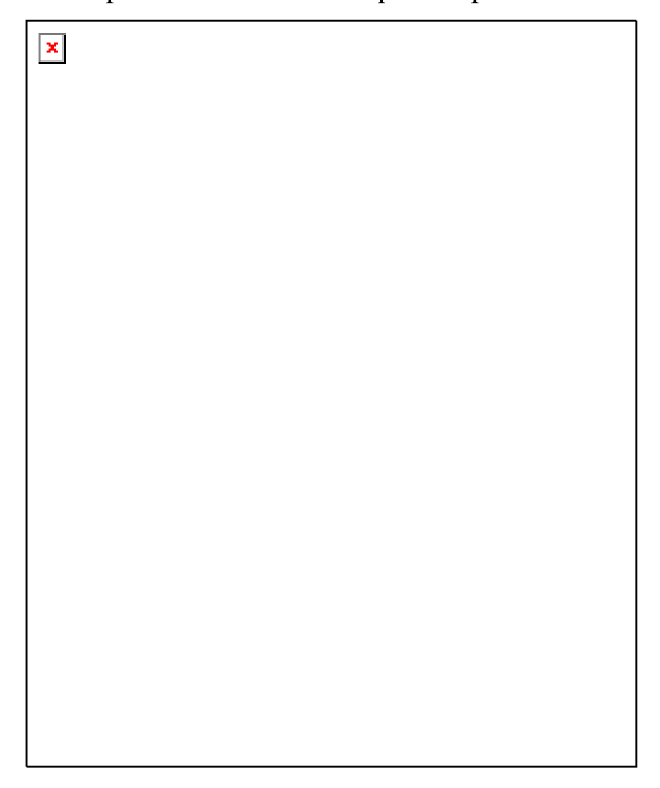
Был обвинен капитан Джон Элден из Бостона. Тогда, конечно, у него не было того романтического ореола, который создало ему стихотворение Лонгфелло. Но он был настолько известен и почитаем как знаменитый мореплаватель и участник индейских войн, что ордер на его арест был подписан самим губернатором Стоутоном. Девушки действо-

вали по заведенному порядку, одна из них указала на капитана Хилла, но ей подсказал свидетель, и только тогда она правильно опознала его: «Вот стоит Элден! Наглец не снял шляпу перед судьями. Он продает порох и дробь индейцам и французам, спит с индейскими женщинами и имеет от них детей».

Когда его привели обратно в зал суда, ему приказали стоять на стуле и смотреть прямо на девушек: они все упали ничком. На них положили руку Элдена, и они тотчас поправились. В этом месте он задал судьям вопрос, и если бы на него ответили, то это положило бы конец всем судам: «А почему вы не падаете, когда я смотрю на вас? Может ли это сделать хоть один из вас?» У Элдена отобрали шпагу и заключили в бостонскую тюрьму. Спустя 15 недель он бежал.

Несмотря на повсеместно растущее недоверие к девушкам, в октябре Глочестер послал за ними, но они выявили только четырех ведьм. В июле стала спадать паника, вызванная нападениями французов и индейцев. Снова вызванные в суд в ноябре, девушки были приняты гораздо прохладнее, и никто не был арестован. По дороге, в Ипсвиче, они впали в свои обычные припадки при виде старой женщины, но население Ипсвича не обратило на это внимания.

Во время истерии было арестовано почти 150 человек. Эта цифра, скорей всего, занижена, поскольку изучены не все судебные отчеты. Из-за времени, отведенного на обвинение каждому заключенному, только 31 человек предстал перед судом в 1692 г. (не считая Сару Черчилль и Мери Уоррен, двух обвинителей, которые вскоре отреклись от своих признаний). Суд последней инстанции осудил на смерть всех 31 (шестеро из них были мужчинами). 19 были повешены. Из оставшихся 12 двое (Сара Осборн и Анна Фостер) умерли в тюрьме; один (Жиль Кори) был задавлен до смерти; еще одна (Титуба) содержалась бессрочно в тюрьме без суда; двоим (Абигейл Фолкнер и Элизабет Проктор) отложили казнь из-за беременности, и они прожили достаточно долго, чтобы дождаться реабилитации; Мери Бредбери сбежала из тюрьмы после вынесения приговора; и пятеро признались, что способствовало отсрочке исполнения приговора.

Самуэль Уордвелл, повешенный 22 сентября 1692 г. Иллюстрация XIX в.
«Перед казнью он обратился к народу, заявляя о своей невиновности. Палач, куривший в это время трубку, пустил дым ему в лицо, перебивая его речь, а обвинители заявили, что это дьявол мешал ему дымом». — Роберт Калеф (1700).

Особенно потрясает следующая подробность данных судов: обвиняемые должны были платить за свое содержание в тюрьме, даже если они были оправданы! Распоряжение об отсрочке смертного приговора имело одну стоимость, освобождение — другую. Родственники платили палачу плату за казнь. Многие оставались в общей тюрьме после своего освобождения, потому что за это время их имущество было распродано, чтобы поддержать их семьи. Сара Дастин была оправдана в январе 1693 г., но, поскольку никто не пришел ей на помощь, умерла в тюрьме. Маргарет Джекобс была оправдана, но собственность ее родителей была конфискована, и она содержалась в тюрьме, пока, наконец, великодушный незнакомец (мистер Геммон), прослышав о ее положении, не купил ей свободу. Уильям Бакли потратил все до последнего шиллинга, выплатив 10 фунтов за освобождение своей жены и дочери. Следующие 10 лет он вел жалкое существование. Его духовник, преп. Джозеф Грин, сделал следующую запись в своем дневнике: «2 января 1702 г. Старый Уильям Бакли умер этим вечером. Он обрел последнее отдохновение в молитве и, боюсь, умер от холода, нуждаясь в утешении и хорошем обращении. Господи, прости его! Ему было около восьмидесяти лет. Он был очень беден». Титуба оставалась в тюрьме до мая 1693 г., когда, прекратив дело за недоказанностью обвинения, ее формально освободили: после 13 месяцев заключения, она была наконец продана в рабство, чтобы покрыть тюремные расходы. Анна Фостер умерла в тюрьме, ее сыну пришлось заплатить 2 фунта 16 шиллингов судебных издержек, прежде, чем он смог получить тело для погребения. За тело Сары Осборн потребовали оплату судебных издержек в 1 фунт, 3 шиллинга 5 пенсов. Когда, наконец, Элизабет Проктор и Абигейл Фолкнер, чей приговор был отсрочен из-за беременности, были освобождены, по закону они числились умершими и лишенными прав на собственность и наследство.

Список прегрешений суда присяжных бесчислен: признаний добивались притягиванием пяток к шее до тех пор, пока кровь не начинала сочиться из носа; были приняты показания у 7-летней девочки, на основании которых ее мать, Марта Керье, была повешена, и у другой, тоже 7-летней, Лидии Николс, подтвердившей обвинение Абигейл Хоббс; отказ выслушивать мнение обвиняемых и предоставлять им адвокатов; провокационные вопросы и запугивание, — короче говоря, стремление использовать любые уловки, чтобы признать обвиняемого виновным. Вместе с тем, К.Мазер считал, что судебное разбирательство на салемских судах было более беспристрастным, чем на других, также известных, ланкаширских судах.

Однако, ошибки судей в отдельных случаях, какими бы вопиющими они ни были, не были главным злом этих судов — важнее была та внутренняя философия, на которой основывались суды и против которой напрасно протестовали Мери Эсти и Сара Клойс, теория, что дьявол использовал облик или тела порочных людей (тех, кто заключал с ним договор) в качестве призраков, чтобы мучить и даже убивать невинных. С показаниями о призраках были связаны две другие противозаконные предпосылки: обвинение по аналогии и обвинение другими обвиняемыми.

Первое значительное публичное обсуждение вопроса о призрачных показаниях было предпринято преп. Самуэлем Виллардом, священником Старого Южного Собора в Бостоне, который в конце 1692 г. опубликовал «Some Miscellany Observations». Среди прихожан Вилларда было трое судей, и, возможно, его терпимость и проницательность помогли им освободиться от слепого фанатизма.

Требовалось безотлагательно решить вопрос, как выявить истинных ведьм и отвести ложные обвинения от невиновных. С другой стороны, существовали твердолобые служаки, придерживавшиеся мнения, что дьявол действует только через тех, кто заключил с ним договор, и, следовательно, призрачные показания являются доказательством колдовства. Духовенство же утверждало, что дьявол может вводить в заблуждение людей появлением в виде призрака добропорядочной личности. Следовательно, призрачные показания не считались бесспорным доказательством. Как отмечал Виллард, ведьмы должны быть прежде всего обвинены в совершении определенных действий, и необходимо про-

вести «полное, ясное и законное выявление совершенных подсудимыми деяний, преступный характер которых очевиден… Показания [должны] быть даны и о том, как [свидетель] получил свои сведения, и что он за человек», — что они не являются ни откровением Божьим, ни происками дьявола.

О недопустимости тех показаний, на которых основывались приговоры суда присяжных, заявлял и И.Мазер. 7 октября 1692 г. он обратился к группе священников из Бостона, поддерживающих его точку зрения, и решительно выступил против показаний, основывающихся на появлении призраков, «прикосновениях» для излечения припадков или признаниях одержимых. Он признавал только два вида доказательств: добровольное признание и подтверждение двумя свидетелями того, что обвиняемый, сказал или сделал нечто, «связанное с тем, что совершил или мог совершить дьявол». Возможно, осознавая, что во второй группе доказательств он оставляет лазейку для сомнительных показаний, он добавил весьма важное предостережение:

> «Лучше отпустить десять подозреваемых ведьм, чем осудить одного честного человека. … Лучше оправдать виновного, чем вынести безосновательный приговор. Я гораздо охотнее признаю ведьму честной женщиной, чем осужу честную женщину как ведьму».

> Возникшая в Новой Англии, в Салеме паника была не чем иным, как последней яркой вспышкой того отвратительного кошмара, который так долго вселял ужас в ночи Европы». — Джордж Линкольн Барр «The Literature of Witchcraft» (1890).

Ребекка Нарс
Ярмут, Англия, 1621
Салем, Массачусетс, 1692

О, мученица, смерть принявшая за Правду,
Когда воспрянет мир от власти предрассудков,
Покрывших память о тебе гнуснейшей ложью,
Пусть о тебе вспомянут добрым словом.

Джон Гринлиф Уиттер.

Более резкая критика призрачных показаний и порядка судопроизводства исходила от состоятельного и образованного бостонца, Томаса Бреттла, в октябре 1692 г. распространившего среди своих друзей весьма пространное послание. Он применил к судопроизводству законы здравого смысла и задал несколько «нескромных» вопросов. Почему, объявив прикосновение тестом для определения колдовства, судьи требуют множества других показаний? Почему ведьмы нападают только на нескольких девушек и не нападают на других? Почему судом принимаются признания, полные небылиц и явных противоречий? Почему показания признавшихся ведьм, признанных подручными дьявола, принимаются против истинных христиан? «Удивительно и то, что признание в колдовстве, отречении от Господа и всего святого должно быть, однако, допущено к святой присяге и заверено именем великого Господа! Мне кажется, что это — вульгарное произнесение имени Господа всуе». Почему не принимается во внимание различие между призраком и реальной личностью? Почему все виды показаний, не имеющих отношения к делу, допускаются на судах за колдовство? Почему высокопоставленные лица, обвиненные в колдовстве (такие как Маргарет Тетчер, свекровь судьи Корвина) не подвергаются судебному преследованию? Почему беглецы не выдаются Нью-Йорком? Почему рьяные родители так подстрекают детей? «Только потерявшие рассудок могут придавать этим показаниям законную силу; похоже, что мы имеем дело именно с таким случаем». Сам предмет разговора абсурден: «Собрания ведьм, крещение дьяволом и фальшивое причастие, о которых часто рассказывают обвиняемые и признавшиеся ведьмы, являются не более, чем плодом

их воображения, развращенного и замутненного дьяволом, а не реальностью, достойной рассмотрения или внимания любого здравомыслящего человека».

Влияние письма Бреттла было настолько обширным, что Уильям Стоутон, Джон Готторн, Стивен Сьюэлл, К.Мазер и капитан Джон Хиггинсон, поощрявшие существовавший порядок ведения суда, решили опубликовать свою «апологию». Впрочем, Мазер заявил, что этот труд был написан им по просьбе губернатора Фипса. Таким образом, книга «The Wonders of the Invisible World» стала полуофициальной историей салемских судов. Губернатор лично следил за ее выходом (потому что «люди были разочарованы, большинство считало [повешенных] невиновными»), пока новый «преобразованный» суд не смягчил воспоминания о прежнем. Однако, в начале января 1693 г. более сотни человек все еще оставалось в тюрьме. Работа Мазера бесценна по своим почти стенографическим отчетам пяти наиболее характерных судов над Дж. Барроусом, Бриджит Бишоп, Сьюзен Мартин, Элизабет Хоу и Мартой Керьер.

Единственное затруднение с книгой заключается в том, что она совершенно тенденциозна и явно направлена на оправдание приговоров суда. В дальнейших работах Мазера тоже отразилась его наивная вера в колдовство. Так, в рассказах о Мерси Шорт и Маргарет Рулл, написанных после разоблачения салемских обвинительниц, Мазер ни на йоту не сомневается в демонической природе их припадков. С другой стороны, Роберт Калеф, купец из Бостона, считал их обычным эксгибиционизмом. Позже Калеф подтвердил свои взгляды на основании дополнительных сведений о салемских судах в книге «More Wonders of the Invisible World» (Лондон, 1700), явно направленной против Мазера. В свою очередь Калеф был подвергнут поношению со стороны группы сторонников Мазера из духовенства в «Some Few Remarks upon a Scandalous Book» Обедайи Гилла (Бостон, 1701) и был вынужден переехать из Бостона в Роксбери.

Когда показания о призраках был скомпрометированы, осуждение за колдовство стало невозможным. С января 1693 г. судьи, принимавшие показания о призраках летом и в конце 1692 г., теперь стали отвергать их. Когда присяжный заседатель спрашивал, какое значение должно быть придано этому, ему отвечали: «такое же, как щепке в пиве». Из 52 обвиненных судьи осудили только троих с расстроенной психикой, признавшихся в том, что они были ведьмами. Председатель суда Стоутон отдал распоряжение повесить всех троих вместе с пятью другими, содержавшимися в заключении с 1692 г. (включая Элизабет Проктор, разрешившуюся от бремени), но губернатор Фипс не принял это решение во внимание и отменил все 8 приговоров. Позже, в апреле 1693 г., Мери Уоткинс, служанка, призналась в Бостоне в колдовстве, но присяжные вернул и дело за отсутствием состава преступления (ignoramus). Когда присяжных отправили на совещание, чтобы они пересмотрели свой вердикт, поскольку обвиняемая добровольно призналась, они возвратились с тем же самым решением об освобождении. 15 января 1697 г. заседатели, вынесшие вердикт виновности, внесли свои поправки. Тот день был днем поста в колонии, чтобы выразить раскаяние в прегрешениях судов. Спустя 10 лет после казней судья Самуэл Сьюэлл признался в предвзятости суда, выразив желание «принять на себя вину и позор, прося прощение у людей». В июле 1702 г. 12 священников из графства Эссекс подержали петицию выживших ведьм из Эндовера и Топсфилда о реабилитации, поскольку «их имена были обесчещены и опозорены, в то время как суд и обвинение основывались на общественных слухах». Наконец, Верховный суд штата постановил, что использование показании о призраках было незаконным и 17 октября 1711 г. отменил лишение гражданских и имущественных прав лиц, осужденных в 1692 г. (двадцати двух из тридцати одного), чьи родственники или они сами (если выжили) подавали по этому петиции. Решение суда не вступило в силу, поскольку оно так и не было подписано губернатором: существует определенное подозрение в том, что постановление должно было защитить сторонников Салема от гражданского преследования. Восстановление в правах тех, кто не выжил и не имел покровителей (как Бриджит Бишоп и Сара Осборн), смогло состояться через 150 лет, когда в 1957 г. штат Массачусетс, наконец, отменил лишение гражданских и имуществен-

ных прав всех тех, кто не был затронут предыдущим постановлением. В 1709 г. почти две дюжины обвиненных или их потомки (объединившиеся друг с другом), обращались за финансовой компенсацией ущерба, понесенного во время судов. Их претензии были признаны в 1711 г., хотя для возмещения ущерба выжившим и их семьям была ассигнована бесконечно малая сумма, менее чем в 600 фунтов.

Чарльз Юфем, написавший в 1867 г. двухтомную «Salem Witchcraft», до настоящего время остающейся наиболее четкой работой по данному предмету, так подытоживает историческое значение Салема:

> «Заблуждения редко опровергаются чистой логикой рассуждений. Это происходит только благодаря логике событий. Ни влияние образования, ни разум не смогли искоренить колдовские предрассудки в умах людей. Ни что, за исключением демонстрации их ущербности, глупостей и ужасов, таких, как представлены здесь, вынесенных на всеобщее обозрение, не могло нанести им смертельного удара. Это был заключительный случай салемского колдовства, и он делает его одним из величайших вех мировой истории».

Осужденные на Салемских судах над ведьмами в 1692 г.

Барроус, преп. отец Джордж — повешен 19 августа.
Бишоп, Бриджит — казнена 10 июня.
Бредбери, Мария — осуждена 6 сентября, бежала.
Виллард, Джон — повешен 19 августа.
Гуд Сара — повешена 19 июля.
Джекобс, Джордж — повешен 19 августа.
Имс, Ребекка — осуждена 17 сентября, отсрочка в исполнении смертного приговора.
Керьер, Марта — повешена 19 августа.
Клойс, Сара — осуждена 6 сентября.
Кори, Жиль — раздавлен до смерти 19 сентября.
Кори, Марта — повешена 23 сентября.
Лейси, Мери — осуждена 6 сентября, отсрочка смертного приговора.
Мартин, Сюзанна — повешена 19 июля.
Нарс Ребекка — повешена 19 июля.
Осборн, Сара — умерла в тюрьме.
Оэр, Дорсес — осужден 6 сентября; отсрочка смертного приговора.
Паркер, Алиса — повешена 22 сентября.
Паркер, Мери — повешена 22 сентября.
Проктор, Джон — повешен 19 августа.
Проктор, Элизабет — осуждена; отсрочка смертного приговора из-за беременности.
Пьюдейтер, Анна — повешена 22 сентября.
Рид, Вильмонт — повешена 22 сентября.
Скотт, Маргарет — повешена 22 сентября.
Титуба — содержалась в тюрьме.
Уайлдс, Сара — повешена 22 сентября.
Уордвелл, Самуэл — повешен 22 сентября.
Фостер, Анна — умерла в тюрьме.
Фолкнер, Абигейл — осуждена; отсрочка из-за беременности.
Хоббс, Абигейл — осуждена 6 сентября; отсрочка смертного приговора.
Хоу, Элизабет — повешена 19 июля.
Хоэр, Дорсес — осуждена 6 сентября, отсрочка в исполнении приговора.
Эсти, Мери — повешена 22 сентября.

Неполный список обвиненных в колдовстве на Салемских судах

Ашер Иезекия (место не указано)
Бакли, Сара (деревня Салем)
Бакли, Сара младшая (деревня Салем)
Бакстон, Джон (деревня Салем)
Баркер, Абигейл (Андовер)
Баркер, Мери (Андовер)
Баркер, Уильям (Андовер)
Баркер, Уильям мл. (Андовер)
Барри, Уильям (Андовер)
Барроус, Джордж преп. (Уэллс, Мэн)
Бассет, Сара (Линн)
Бекер, Эбенезер (Андовер)
Бишоп, Бриджит (деревня Салем)
Бишоп, Сара (деревня Салем)
Бишоп, Эдвард (деревня Салем)
Бредбери, Мери (Солсбери)
Бриджес Сара (Андовер)
Бродстрит, Джастис (Андовер)
Бродетрит, Джон (Андовер)
Брумидж, Гудвайф (место не указано)
Виллард, Джон (деревня Салем)
Вильд, Сара (Топсфилд)
Вильсон, Сара (Андовер)
Вильсон, Сара младшая (Андовер)
Гарди, Томас (Грейт Айленд)
Грин, Мери (Хейверхилл)
Гуд, Дороти (деревня Салем)
Гуд, Сара (деревня Салем)
Дастин, Лидия (Рединг)
Дейн, Деливренс (Андовер)
Дейн, миссис Натан (Андовер)
Дерик, Мери (Линн)
Деррилл, Мери (Линн)
Джекобс, Джордж (деревня Салем)
Джекобс, Джордж младший (деревня Салем)
Джекобс, Маргарет (деревня Салем)
Джекобс, Марта (деревня Салем)
Джекобс, Ребекка (деревня Салем)
Джексон, Джон (место не указано)
Джексон, Джон младший (место не указано)
Джонсон, Стефан (Андовер)
Джонсон, Элизабет (Андовер)
Джонсон, Элизабет младшая (Андовер)
Доливер, Анна (Глочестер)
Имс, Ребекка (Биксфорд)
Имс, Роберт (Биксфорд)
Инглиш, Мери (Салем)
Инглиш, Филипп (Салем)
Канди [раб] (Салем)
Картер, Бетти (Воберн)
Картер, Бетти младшая (Воберн)
Кейв, Сара (Андовер)
Кери, Натаниэль (Чарльстон)
Кери, Элизабет (Чарльстон)
Керье, Марта (Андовер)
Керье, Ричард (Андовер)
Керье, Сара (Андовер)
Кларк, Мери (Хейверхилл)
Клинтон, Рашелъ (место не указано)
Клойс, Сара (деревня Салем)
Колсон, Элизабет (Рединг)
Коль, Сара (Линн)
Кори, Жиль (деревня Салем)
Кори, Марта (деревня Салем)
Коффин, Мери (Глочестер)
Лейси, Мери (Андовер)
Лейси, Джон (Андовер)
Марсон, Мери (Андовер)
Мартин, Сьюзен (Эмсбери)
Меррилл, Сара (Беверли)
Мори, Сара (Беверли)
Осборн, Сара (деревня Салем)
Осгуд, Мери (Андовер)
Паркер, Алиса (Салем)
Паркер, Мери (Андовер)
Пейн, Элизабет (Чарльстон)
Пиз, Сара (Салем)
Пост, Мери (Роули)
Пост, Сара (Андовер)
Принс, Марта (Салем)
Проктор, Бенджамин (деревня Салем)
Проктор, Джон (деревня Салем)
Проктор, Сара (деревня Салем)
Проктор, Уильям (деревня Салем)
Проктор, Элизабет (деревня Салем)
Пьюдейтер, Анна (Салем)
Райе, Сара (Рединг)
Рид, Вильмонт (Марблхед)
Риле Мери де (Салем)
Рист, Сара (Беверли)
Рич, Мери де (деревня Салем)
Рут, Сьюзен (Беверли)
Сирс, Анна (Воберн)
Скотт, Маргарет (Роули)
Соме, Абигейл (Глочестер)
Спарк, Марта (Челмсфорд)
Тайлер, Джоанна (Андовер)
Тайлер, Марта (Андовер)
Тайлер, Ханна (Андовер)
Титуба [рабыня] (деревня Салем)
Тутейкер, Джейсон (Байлрик)
Тутейкер, Мери (Байлрик)
Тутейкер, Мисс (Байлрик)
Тутейкер, Роджер (Байлрик)
Тьюки, Джоб (Беверли)
Уайт (Салем)
Уайтридж, Мери (деревня Салем)
Уордвелл, Мери (Андовер)
Уордвелл, Самуэль (Андовер)
Уоррен, Мери (деревня Салем)
Феррер, Томас (Линн)
Флуд, Джон, капитан (Ромни Марш)
Фолкнер, Абигейл (Андовер)
Фолкнер, Абигейл младшая (Андовер)
Фолкнер, Доротея (Андовер)
Фосдик, Элизабет (Мелден)
Фостер, Анна (Андовер)
Фрай, Юнис (Андовер)
Хаббард, Элизабет (деревня Салем)
Харрисон (Андовер)
Харт, Элизабет (Линн)
Хатчинсон, Френсис (Хейверхилл)
Хоббс, Абигейл, (Топсфилд)
Хоббс, Деливренс (Топсфилд)
Хоббс, Уильям (Топсфилд)
Хоу, Элизабет (Топсфилд)
Хоу, Джеймс (Топсфилд)
Хоукс, Сара (Салем)
Хоэр, Дорсес (Беверли)
Черная Мери [рабыня] (деревня Салем)
Эббот, Гудман (Биллерица)
Эббот, Ноэмия (Андовер)
Эббот, Ноэмия младшая (Топсфилд)?
Эдвард, епископ (деревня Салем)
Элден, Джон, капитан (Бостон)
Эндрю, Даниэль (деревня Салем)
Эндрю М. (Байлрик)
Эсти, Мери (Топсфилд)

Распоряжение о казни Бриджит Бишоп

(первой из приговоренных к повешению в Салеме).

Джорджу Корвину, джентльмену, шерифу графства Эссекс, привет. Поскольку Бриджит Бишоп (урожденная Оливер), жена Эдварда Бишопа из Салема в графстве Эссекс, лесоруба, в специальном выездном заседании суда присяжных, состоявшемся в Салеме во второй день текущего месяца июня во время выездной сессии в графствах Мидлсексе, Суффолке и Эссексе, перед лицом Уильяма Стоутона, эсквайра и его помощников — заседателей упомянутого суда, была осуждена и обвинена по пяти различным обвинениям за пользование и постоянное совершение 19 апреля прошлого года и в различные другие дни как до, так и после этого, действий, признанных колдовскими, над Абигейл Уильямс, Анной Патнем младшей, Мерси Льюис, Мери Уолкотт и Элизабет Хаббард, незамужних женщин из деревни Салем, вследствие чего их тела были повреждены, сдавлены, исколоты, усохли, зачахли и подверглись мучениям вопреки своему естеству.

Упомянутая Бриджит Бишоп заявила, что невиновна во всех перечисленных обвинениях но, суд, перед которым она предстала перед лицом Господа и ее страны, признал ее виновной в преступлениях и колдовстве, в которых ее обвиняли и приговорил к смерти в соответствии с законом. Засим остается совершить казнь. Именем Их королевских величеств Уильяма и Марии, короля и королевы Англии и прочая повелеваю и приказываю вам, в пятницу, в шестой день текущего июня месяца, между восемью и полуднем доставить в сохранности названную Бриджит Бишоп (урожденную Оливер) из тюрьмы Их величеств в Салеме к месту казни и там казнить через повешение. По совершении доложить секретарю вышеназванного суда. Да сопутствует вам удача.

Сие предписание является достаточным для вас. Подписано мною собственноручно и скреплено печатью июня восьмого дня года 1692, четвертого года царствования Их величеств Уильяма и Марии, короля и королевы Англии и проч.

Уильям Стафтон.

Обвиняемый в колдовстве поясняет свое признание.

Когда г-жу Тайлер впервые арестовали, она не испытывала никакого страха, ибо считала, что ничто не может ее заставить свидетельствовать против себя. Но, к ее великому сожалению, оказалось, что она скрыла правду и ложно обвинила себя.

Она сказала, что ее брат, сопровождавший ее на протяжении всего пути из Эндовера в Салем, принуждая сознаться, твердил, что она должна быть ведьмой, поскольку одержимые обвинили ее, а ее прикосновения к ним прекращали их припадки.

Она столь же настойчиво говорила, что она не ведьма, и ничего не смыслит в колдовстве, умоляя не вынуждать ее признаваться.

Однако, по приезде в Салем, ее привели в комнату, где ее брат с одной стороны и м-р Дж. Эмерсон с другой сказали ей, что она, несомненно, ведьма, и что видит перед собой дьявола, которого, как заявил упомянутый Эмерсон, он и пытался сбить рукой с ее глаз. И они так принуждали ее признаться, что ей хотелось скорее оказаться в тюрьме, чем подвергаться такому обращению.

Эмерсон снова и снова говорил ей: «Ладно! Я вижу, что ты не хочешь признаваться! Хорошо! Сейчас я тебя покину, и ты погубишь свое тело и душу!»

Брат также принуждал ее, говоря, что она не должна лгать. Она ответила: «Мой добрый брат! Не говори так, ибо я солгу, если признаюсь, и кто же ответит за мою ложь перед Господом?» Он продолжал настаивать и сказал, что Господь не допустил бы, чтобы столько добрых людей ошибалось, и что ее повесят, если она не признается. И он так долго и настойчиво убеждал ее признаться, что ей показалось, что жизнь покинула ее, и напуганная этим, она подтвердила почти все, что от нее требовали.

Поступая таким образом, она обесчестила себя, ибо повинна в величайшем грехе лжесвидетельства и оболгания себя и хочет замаливать его всю жизнь. Ее рассказ был наполнен такой страстью, печалью и скорбью, что никакое перо не способно передать это.

Записано, очевидно, Томасом Бреттлом 19 октября 1692 г.

Лжесвидетельство на судах ведьм.

О признании ложности собственных показаний Маргарет Джекобс, ее дедушкой Джорджем Джекобсом, Джоном Виллардом и преп. Дж. Барроусом, казненными за колдовство.

Смиренное заявление Маргарет Джекобс перед Высоким судом, заседающим в Салеме, о том, что

Податель сего, скромная и почтительная заявительница, находившаяся в строгом заключении в салемской тюрьме за преступление колдовства, о котором она совершенно не была осведомлена, вплоть до дня настоящего суда.

С соизволения высокочтимого суда мое имя было выкрикнуто некоторыми одержимыми, обвинившими меня в том, будто я их поразила. После этого я была доставлена на допрос и упомянутые личности, увидев меня, упали, чем ужасно испугали меня.

Господь свидетель, что я ничего не знаю о том, кто поразил их. Они же сказали, что это без сомнения я, иначе они не упали бы. Они сказали, что если я не сознаюсь, то буду посажена в тюрьму и повешена, а признавшись, я спасу свою жизнь. Это так напугало меня, что, по слабости и греховности своего сердца, я призналась, чтобы спасти свою жизнь, однако мое признание, возможно, удовлетворившее суд, является ложью и неправдой.

В первую ночь, после того как я сделала признание, я была в таком ужасе от сознания содеянного мною, что не могла спать, потому что боялась, как бы дьявол не унес меня за столь ужасную ложь. Если угодно суду я подтвердила признание клятвой, но не поняла тогда, что значит эта клятва. Я надеюсь, что Господь в своей беспредельной милости простит мое лжесвидетельство.

Все, что я заявила против моего дедушки и м-ра Барроуса, чтобы спасти свою жизнь и получить свободу, является ложью. Господь, вложивший это в мое сознание, поверг меня в такой ужас, что я не могла не опровергнуть свое признание, сделанное потому, что я не видела впереди ничего кроме смерти, но лучше смерть со спокойной душой, чем жизнь в таком ужасе, который я не смогу перенести.

Вследствие отречения от признания я была помещена в строгое заключение, где испытывала большее блаженство духа, чем до заключения.

И теперь, с соизволения вашей чести, ваша скромная и почтительная заявительница, частично предоставившая вашей чести описание всех обстоятельств, оставляет на ваше благочестивое и справедливое рассмотрение проявить жалость и сострадание к моим нежным и юным годам и поступить со мной, как вас обязывает Господь и ваша совесть. Не имея друзей, я полагаюсь на Господа, который всегда видит хорошее, остаюсь невиновной ни в колдовстве, ни в другом смертном грехе, ваша бедная и почтительная заявительница, которая за вас вечно будет Бога молить.

Маргарет Джекобс

Губернатор Томас Хатчинсон. «History of the Colony of Massachusets Bay» (1764).

Методы получения показаний на салемских судах над ведьмами.

Салемская тюрьма.

23 июля 1692 г.

М-р Мазер, м-р Аллен, м-р Муди, м-р Уиллард и м-р Бейли.

Уважаемые господа!

Наша невиновность и враждебность наших судей, присяжных и обвинителей, жаждущих нашей невинной крови, осудивших нас еще до судов, разъяренных и настроенных против нас дьяволом, заставляют нас просить и умолять Вас снизойти к настоящему смиренному прошению, чтобы не допустить пролития нашей невинной крови, которая, несомненно, прольется, если всемилостивый Господь не заступится за нас.

Магистраты, судьи, священники и все люди разъярены и ожесточены против нас не иначе как благодаря дьявольскому наваждению, ибо все мы убеждены в том, что невиновны.

Есть пятеро недавно сознавшихся в том, что они — ведьмы, и обвиняющих нас в «причастности» к ним, поскольку нас поместили в особо охраняемую тюрьму, но мы знаем, что все это — ложь.

Двое из них — сыновья Марты Керье, молодые люди, ни в чем не признавались, пока им не привязали шею к пяткам, так, что из носу у них едва не пошла кровь. Все это чистая правда, и при таком способе получения признаний в том, чего они не совершали, один из них сказал, что был колдуном месяц, а другой — несколько недель, и что они делали это по принуждению матери — женщины, которая была в заключении здесь же девять недель!

Мой сын, Уильям Проктор, был подвергнут допросу потому, что не хотел признавать свою вину, ибо был невиновен. Ему связали шею и пятки и давили до тех пор, пока кровь не хлынула из его носа и продержали бы так двадцать четыре часа если бы один [из них], более сострадательный, чем остальные, не сжалился над ним и не велел его развязать. Все эти дела очень напоминают зверства папистов. Они уже разорили наши поместья, и мы не хотим удовлетворять их прихоти своей невинной кровью.

Если нельзя разрешить, чтобы у нас были собственные суды в Бостоне, то мы покорнейше просим заменить этих магистратов, судей и тех, кто у них работает, умоляем и просим, чтобы вы сами присутствовали на наших судах, а если и не вы сами, то кто-нибудь от вас, надеясь, что вы могли бы выступить в нашу защиту с молитвами к Господу во имя спасения нас от пролития невинной крови. Остаемся Вашими бедными и страдающими слугами.

Джон Проктор.

Р.Калеф, «More wonders of invisible world» (1700).

Признание своих ошибок членами Большой коллегии Салемского суда над ведьмами четыре года спустя (14 января 1696).

Мы, нижеподписавшиеся, бывшие в 1692 г. присяжными заседателями на суде в Салеме над многими подозреваемыми в совершении колдовских действий над различными лицами.

Мы признаем, что сами были не способны ни понять, ни противостоять таинственным наваждениям сил Тьмы и Сатаны, но те показания против обвиняемых, которые мы, по недостатку собственных знаний и нехватке информации, предпочитали принимать к сведению, при дальнейшем размышлении и получении дополнительных сведений оказались недостаточными для того чтобы на их основании «должен был умереть осуждаемый на смерть» (Второзаконие 17, 6).

Опасаясь, что мы, по невежеству или невольно, стали орудиями других, взяв на себя вину в невинной крови этих Божьих людей — грех, который Господь, как говорится в Писании, не захотел простить (4 Царств 24, 4), мы полагаем относительно этих светских судов следующее:

Настоящим выражаем всем и особенно выжившим страдальцам наше глубочайшее сожаление и скорбь за наши ошибки в осуждении на основе подобных показаний. Настоящим заявляем, что мы были обмануты и введены в заблуждение, чем мы подавлены и обеспокоены. За эти ошибки мы униженно просим прощения у Господа и молим Его не вменять их в вину ни нам, ни другим. И мы молим выживших страдальцев, чтобы они прямо и искренне сочли нас жертвами общего и сильного заблуждения, не имевшими никакого опыта в подобных делах.

От всего сердца мы просим прощения у всех, кого тогда обидели и заявляем, что никто из нас не совершит более ничего подобного и, в соответствии с нашим настоящим состоянием, молим Вас принять это в удовлетворение за наши оскорбления, ибо благословенны заветы Господа, которые могут воплотиться на земле.

Томас Фиск, председатель
Уильям Фиск
Джон Батчлер
Томас Фиск младший

Джон Дейн
Джозеф Эвелит
Томас Перли старший
Джон Пибоди
Томас Перкинс
Семюэл Сойер
Эндрю Эллиот
Генри Гаррик старший

Приведено по: Роберт Калеф «More wonders of invisible world» (1700).

САПОГИ (испанский сапожок). Сапоги, иногда называемые «испанскими сапогами», — орудие пытки, применявшееся при таких преступлениях, как государственная измена и колдовство. Состояли из тисок, захватывавших ноги от лодыжек до колен и стягиваемых шурупами или клиньями. Когда эти тиски с силой сжимались, кости и плоть ног жестоко раздирались и раздрабливались. Красочное описание использования сапог или «башмачков» в Шотландии можно найти в отчете о суде над Файаном, предполагаемым главарем нортбервикских ведьм. При каждом ударе огромного молотка, которым вгонялись клинья, стягивавшие тиски, вопрос повторялся. Сохранились официальные отчеты, где описывается, как пытали с помощью сапог [brodequins] французских предсказателей будущего в «Огненной палате» [см. Слушания в «Огненной палате»].

СБОРИЩА (СОБРАНИЯ) ВЕДЬМ. В некоторых недавних работах, посвященных колдовству, описываются многочисленные организации ведьм, собиравшиеся в пещерах или подземельях. Например, Маргарет Маррей и Пентхорн Хьюз верят, что для получения истинного представления о традициях ведьм необходимо соотносить их с «деятельностью их современников в сопоставимой культурной среде». Рассуждая подобным образом, Хьюз выделяет четыре группы приверженцев культа колдовства:

1. Потомки верующих в бытовавшую в каменном веке религию «Рогатого Бога» — «маленькие люди», чаще всего сохранившиеся в горных районах.
2. Женщины, тайно надеявшиеся на выживание раннего матриархального общества в Европе.
3. Катары, чья ересь возникла под влиянием мистических религий Востока, пародировавших христианство.
4. Поздние приверженцы культа.

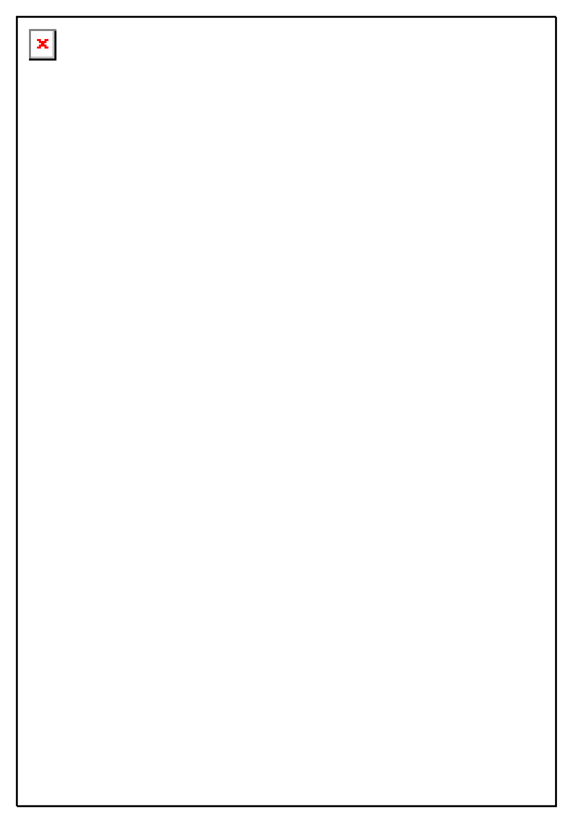
Маргарет Маррей, в частности, выдвинула идею собрания из 12 ведьм, возглавляемого дьяволом или главарем, маскировавшимся под него. Как замечает Киттредж, данное заключение «не выдерживает элементарной исторической критики. Нет ни малейших свидетельств того, что [ведьмы] вообще имели какие-либо организации». В поддержку рассуждений Маррей приводится 18 примеров сборищ по тринадцати ведьм (12+1), происходивших с 1567 по 1673 г., по одному во Франции, Германии, Ирландии и Северной Америке, пяти в Англии и девяти — в Шотландии. Сам термин (coven) впервые употреблен в 1662 г., через двести лет после появления колдовства, когда Изобель Гоуди из олдернских ведьм призналась, что «в каждом сборище — тринадцать человек».

В 1922 г. Алекс Кейлер, «после подробного изучения списков шотландских и ирландских ведьм, составленных Маррей, чтобы доказать преобладание сборищ из тринадцати ведьм, установил, что в ряде случаев подобные организации не обнаруживаются, а подсчеты не «заслуживают доверия». В 1932 г. Ивен «проверил соответствующие цифры предполагаемых сборищ в Англии и обнаружил, что в каждом случае группы дам из тринадцати достигались недопустимыми пропусками, вставками или некорректными [неподходящими] перестановками». Даже, если подсчеты Маррей верны, ни одна теория не может основываться только на 18 случаях из 15 000 потенциально возможных сборищ (установлено, что за всю историю колдовства было казнено около 200 000 ведьм). К сожале-

нию, статья о колдовстве в «Британской энциклопедии» (14-е изд.) была написана этим «авторитетом».

Как истинный ученик классиков демонологии, Монтегю Саммерс принял реальность сборищ. В «Geography of Witchcraft» (1927), например, он ссылается на Бесси Данлоп, встретившую, когда она находилась в бедственном положении, мужчину, который «очевидно был руководителем ведьм их округа и уговаривал ее присоединиться к их сборищу».

Основная причина подобных просчетов ученых заключается в принятии как подлинных фактов признаний ведьм, полученных под пытками, когда их принуждали признавать выдумки, изобретаемые церковными или светскими судьями. Поскольку колдовство рассматривалось как непристойная пародия на христианство, где распространенной формой организации монахов было (как отмечал Чосер) «братство» из тринадцати человек (в память о Христе и апостолах), так и демонологи в конце концов придумали сборище из тринадцати ведьм. Сегодня подобная глупость поддерживается авторами, которые видят в существующих в наши дни собраниях подтверждение нерушимой связи с традициями язычества эпохи каменного века, объяснявшими использование числа тринадцать как наибольшее количество танцующих, вмещавшихся в девятифутовый «ведьмин круг!»

Четыре волшебницы. — Альбрехт Дюрер.

СБРИВАНИЕ ВОЛОС (пытка). При заключении в тюрьму по подозрению или обвинению в колдовстве голова и тело человека полностью обривались. Такова была традиционная процедура по всей Европе и Британии с начала преследований за колдовство. Одно из очень ранних упоминаний можно встретить у Джордано де Бергамо (ок. 1470 г.).

Для этой простой формы пыток обычно приводились три обоснования:

1. В волосах, под ногтями, во рту, в ушах или любом другом отверстии тела обвиняемый может прятать амулет или оберег с заклинанием, чтобы сохранять молчание или нечувствительность к боли, претерпеваемой во время пытки. Подобное обоснование обычно было распространено в Европе. Все тело, «даже интимные места, о которых не принято упоминать», должны были быть тщательно обследованы. В «Malleus Maleficarum» говорится о некоторых инквизиторах, которые просто стригли волосы, и побуждали обвиняемых к признанию, заставляя их пить натощак святую воду. Некоторые

авторитеты (например, Приериас) писали, что следует нанимать женщин, чтобы обыскивать женщин, но подобному совету не всегда следовали. Гваццо ссылается на суд над мужчиной по имени Бениньус, который был замешан в убийстве советника датской королевы. Хотя он находился за границей во время своего обвинения, он вернулся, чтобы предстать перед судом, веря в действенность магического заклинания, которое он спрятал на своем теле. «Он невредимым прошел через все виды пыток, не признался и был оправдан». Однако, как только он был освобожден из тюрьмы, мужество покинуло его. Он признал свою вину и был казнен (Гваццо, «Compendium Maleficarum» (1626).

2. Дьявол мог прятаться в волосах ведьмы и, следовательно, незамеченный советовать ей, что делать и говорить, и как противостоять судьям. В случае одержимости дьяволом, когда обвиняемых нельзя было наказать путем обривания, применялась другая техника, чтобы избавиться от дьявола. Следовало поместить на голову одержимого парик, и, когда начиналась истерика, его следовало быстро сдернуть и поместить в стеклянную посудину, как считалось, вместе с дьяволом.

3. Волосы следовало удалить и для того, чтобы тело можно было тщательно осмотреть на предмет отметки дьявола. Такое обоснование сбривания применялось, в основном, в Англии, хотя и не являлось единственным. Так, во Франции отец Гофриди был очень тщательно обрит, после чего были найдены три дьявольские метки, ранее не замеченные [см. Экс-ан-Провансские монахини].

СВИДЕТЕЛЬ. Во Франции и Германии обвинение в колдовстве обычно считалось достаточным для осуждения, суды над ведьмами были изобретены не для установления виновности или невиновности, а для обеспечения палачей жертвами. Вследствие этого суд, в смысле беспристрастного подхода к делу и установления справедливости, был бутафорским и часто напоминал третьесортное полицейское расследование убийства. С тех пор, как публичное шельмование или сплетни стали считаться достаточным основанием для осуждения, фактически отпадала необходимость и в показаниях свидетелей. Тем не менее, для свидетелей были установлены правила. Так, например, все свидетели, включая обвиненных ведьм, приносили присягу. Типичной является клятва, произнесенная в 1659 г. в Невшателе, где свидетель поклялся «верой в Господа, во имя спасения своей души, что его показания правдивы, и пусть он поменяет врата небесные на преисподнюю, если говорит неправду» (Ларди). И эти правила, и те, что определяли весь порядок судопроизводства, были впервые выработаны Инквизицией и на самом деле были «инквизиторскими», так как обвиняемый должен был сам доказывать свою невиновность. Эта судебная процедура была легко усвоена и светскими судами, поскольку они также основывались на положениях классического римского права.

Инквизитор Сильвестр Приериас в «De Strigimarum Mirandis» (1521) привел общепризнанную точку зрения на свидетеля. Он говорит, что лучше всего, когда существуют два свидетеля. Их имена не должны разглашаться, однако заключенного следует попросить назвать каких-нибудь своих смертельных врагов, и, если среди них окажется предполагаемый свидетель, его отводят. Однако Приериас считает, что судья должен попытаться заманить заключенного в западню серией ходов, подобных игре в шахматы:

Судья: Есть ли у тебя враги, которые могут тебя ложно обвинить?
Заключенный: [Или] 1) (будто застигнутый врасплох): Нет.
[Или] 2) Да.
Судья: Почему эти свидетели являются твоими врагами?
Заключенный: (Указывает свои причины).

Затем судья собирает группу экспертов, которые могли бы знать об отношениях между заключенным и свидетелем, чтобы решить вопрос об обоснованности доводов заключенного о смертельном враге. Или судья мог попытаться разыграть другой гамбит:

Судья: Вы знаете основных свидетелей против себя?

Заключенный: [Или] 1) Нет (тем самым он не может позже заявлять о смертельной вражде).

[Или] 2) (предполагая возможных свидетелей): Да.

Судья: Прибегал ли когда-либо данный свидетель к колдовству?

Заключенный: Да (и описывает это).

Судья: Является ли этот свидетель вашим другом?

Заключенный: (в том случае, если можно верить его предыдущему ответу): «Да». (Следовательно, он не может обвинить друга как смертельного врага.)

Если заключенный требовал очной ставки со свидетелем, судья не был обязан выполнять это требование; но, если свидетель заявлял о готовности повторить свои показания перед заключенным, судья мог разрешить их встречу. В редких случаях судья назначал защитника, однако, если адвокат слишком ревностно защищал заключенного, он мог и сам оказаться обвиненным в ереси. Имя свидетеля должно было храниться в секрете от адвоката или обнародоваться отдельно от показаний, чтобы адвокат не мог точно определить свидетелей.

На судах по обвинению в ереси, заключенному не разрешалось вызывать свидетелей защиты. Редкие исключения подтверждают правило. Свидетелями обвинения могли быть лица, не допускавшиеся к участию в других судах; такими «нежелательными свидетелями» были близкие родственники, например, жена, свидетельствующая против мужа и наоборот, или ребенок, свидетельствующий против родителей и наоборот, или служанка, свидетельствующая против своего хозяина. Кроме того, допускались показания сообщников (данные под пыткой), лжесвидетелей и самых бесчестных свидетелей из всех — отлученных от церкви.

Позже, но лишь под давлением, инквизиция была вынуждена смягчить свою позицию, и в 1683 г. в Риме был издан труд кардинала Альбицци «De Inconstantia in Jure Admittenda vel non», где приводилась официальная точка зрения римской инквизиции на порядок дачи показаний и свидетельствования.

Английские традиции обвинительных законов (заключавшиеся в том, что обвинение должно было доказывать виновность обвиняемого) помешали судам над ведьмами в Англии стать такой же комедией, какой они были в Европе. Тем не менее, в Англии следовали европейскому обычаю, допуская «нежелательных» свидетелей. Множество английских мужчин и женщин было повешено на основании неподтвержденных показаний маленьких детей. Официальный возраст, с которого наступала уголовная ответственность, определялся в 14 лет, но на сент-осайтском суде в 1582 г.:

7-летняя незаконнорожденная дочь обвинила свою мать, Агнесс Херд, 8-летний сын обвинил свою мать, Урсулу Кемп, 7-летний сын и 9-летний сын обвинили свою мать, Сисилию Селс.

Во время третьего челмсфордского суда в 1589 г. два юных мальчика свидетельствовали против своей бабушки и своей незамужней матери (повешенной на основании их признания), удостоившись похвалы судьи. Во Франции Боге призывал маленьких детей выступать в качестве свидетелей, поскольку, как он заявлял: «С помощью детей были обнаружены и подвергнуты справедливому наказанию многочисленные ведьмы». Боден также ценил свидетельские показания детей, потому что в нежном возрасте легко можно было уговорить или принудить к доносу.

В Европе большинство обвиняемых в колдовстве были выданы другими обвиняемыми под пыткой, главной целью которой было выявление сообщников. Так, в Коломбьере (Невшатель) 5 января 1630 г. Пьер Перре накануне сожжения назвал 30 человек, якобы присутствовавших на шабаше. Подобных субъектов уместнее было бы именовать доносчиками, нежели свидетелями [см. Доносчики].

СВИДЕТЕЛЬСКИЕ ПОКАЗАНИЯ НА СУДАХ ВЕДЬМ В АНГЛИИ. Когда накопилось большое количество судебных отчетов, английское духовенство и судьи начали составлять руководства по обнаружению ведьм. Скотт в 1584 г. приводит пример типичных показаний свидетеля перед судом против обвиняемого в колдовстве:

> «Недавно она была в моем доме и хотела получить стакан молока. Она удалилась в [ярости], потому что не получила его. Она ругалась, проклинала, шептала и шипела и наконец сказала, что никогда не покинет меня. И вскоре после этого мой ребенок, моя свиноматка и моя курица умерли или были непонятно чем поражены. Кроме того, если это удовлетворит вашу милость, у меня есть дополнительные доказательства: я был у знахарки, и она сказала мне, что у меня есть дурная соседка, и что беды будут продолжаться, пока она будет приходить в мой дом, и так оно и случилось. И что у нее есть отметка выше талии, и так оно и оказалось, и, что, прости, Господи, меня сильно рвало при ее виде. Ее мать тоже считалась ведьмой. Ее били и расцарапывали ей лицо, пока не полилась кровь, потому что ее подозревали, и после этого несколько человек, как говорят, поправились».

Из подобных «фактов» составлялись руководства по колдовству. Основными книгами такого рода в Англии были:

Уильям Перкинс, кальвинистский богослов, «Discourse of the Damned Art of Witchcraft» (опубликована посмертно, 1608).

Томас Потт, судебный чиновник, «Wonderful discovery of witches» (1613), отчет о судах над ланкаширскими ведьмами в 1612 г.

Майкл Далтон, мировой судья, «The Country Justice» (1618,1630, 4-е изд., доведено до конца Р.Бернардом), стандартное руководство для низших судов.

Ричард Бернард, священник, «Guide to Grand Jurymen» (1627).

Джон Гоул, священник, «Select Cases of Conscience Touching Witches and Witchcraft» (1646).

Метью Хопкинс, профессиональный охотник за ведьмами, «Discovery of Witches» (1647).

Роберт Филмер, военный и судья, «Advertisement to the Jurymen of England» (1653), заменившее работу Перкинса более простыми доказательствами колдовства.

Коттон Мазер, богослов новой англиканской церкви, «Memorable Providences» (1689), на основе работ Потта, Бернарда и Гауля.

Перечисленные исследования в «Certainty of the World of Spirits» Бакстера или «Kingdom of Darkness» Кроуча формировали общественное мнение по поводу свидетельских показаний.

Книга Перкинса сохраняла значительное влияние на протяжении первой половины XVII в. В ней различались: 1) «фальшивые или неопределенные» признаки колдовства; 2) «презумпция» вины; 3) «точные и достаточные доказательства».

В первую рубрику «неопределенных или менее достаточных доказательств» Перкинс включил испытание раскаленным железом, расцарапывание ведьмы до крови, погружение ведьмы в воду, чтобы убедиться, может ли она держаться на воде [см. Плавание]. Также не следовало рассматривать как доказательство показание от свидетеля, заявлявшего о причинении вреда ведьмой, проклявшей его, или от умирающего человека. Правда, подобные обвинения могли «побудить судью допросить субъекта, но ни в коем случае [не могли стать] основанием для обвинения».

«Презумпция вины» давала судье основания для проведения проверки личности по поводу колдовства; тех, «на кого предположительно указывали как на ведьму, и тех, у кого могли быть обнаружены его явные признаки»:

> 1. Заведомо подозрительным является мнение большинства людей, с которыми общается подозреваемый, что она является колдуном. Это дает основание для сильных подозрений.

2. Если знакомый ведьмы или волшебник свидетельствуют о том, что кто-то является ведьмой (добровольно, или при допросе, или при его или ее смерти).

3. Если после проклятья следует смерть, или, по крайней мере, какое-то несчастье; поскольку ведьмы охотно практикуют свои злонамеренные действия с помощью проклятий и угроз.

4. Если после вражды, ссоры или угроз действительно происходит несчастье.

5. Если подозреваемая личность является сыном или дочерью, слугой или служанкой, приятелем, близким соседом или старым компаньоном признанной и осужденной ведьмы [виновность по связи].

6. Если у подозреваемой личности обнаруживается клеймо дьявола.

7. Если подвергаемый допросу дает неуверенные или преднамеренно противоречивые ответы.

«Презумпция» (предположение, которому соответствовало indicia европейских богословов) и в Англии, и в Европе являлось достаточным основанием для судей, чтобы допросить подозреваемого, однако, согласно английским законам, любое свидетельство против обвиняемого обычно предъявлялось на суде, и, поскольку пытка никогда не бывала столь же жестокой, как в Европе, многие обвиняемые были способны противостоять попыткам заставить их признать свою вину.

Для действительности показаний, доказывающих колдовство, Перкинс требовал:

1. Свободное и добровольное признание вины, сделанное подозреваемым и обвиняемым после допроса [Если обвиняемый отказывался признаваться, то было достаточно показаний свидетелей].

2. Показаний двух свидетелей, добропорядочного и честного поведения, утверждавших перед магистратом на основании собственного опыта следующие две вещи:

а) что обвиняемый вступил в союз с дьяволом;

б) что он занимается колдовством практически. [Обвиняемый] вызывал и призывал дьявола; забавлял домашнего духа и общался с ним в облике или подобии мыши, кота или другого видимого существа;

в) или использовал стекла [хрустальные шары для гадания].

На английских судах в разгар истерии главным критерием колдовства стали упомянутые Перкинсом домашние духи, и, поскольку кошки и мыши были повсюду, обнаружить и доказать, что человек являлся ведьмой, не составляло труда. Подобным же образом в руководствах для судей и присяжных Майкла Далтона и Ричарда Бернарда обладание домашними духами означало колдовство. Работа Далтона «Country Justice» основана на отчете Томаса Потта о суде 1612 г. над ланкаширскими ведьмами; вслед за Поттом, Далтон привел 7 признаков колдовства. Он предупреждал судей «не ожидать прямых свидетельств, осознавая, что все их [ведьм] деяния являются делом темным, и что ни один свидетель не будет обвинять их в их присутствии». В 4-м издании (1630) Далтон расширил список признаков, включив еще 8 показателей, которые он взял из книги Ричарда Бернарда «Guide to Grand Jurymen», относительно осторожной работы. Домашние духи и отметки дьявола оставались основными свидетельствами колдовства, и Далтон подчеркивал: «Два первых пункта являются основными для обнаружения и осуждения ведьм, поскольку можно точно доказать, что у данных ведьм есть домашний дух, и они вступили в союз с дьяволом». Дальнейший признаками по Далтону является владение восковыми подобиями, свидетельства детей и показания о призраках.

Самозваный «генерал-охотник за ведьмами» Хопкинс на основании собственного опыта обсуждал ценность признаний. С лицемерным красноречием он отрицал законность признаний, полученных под пыткой, наводящих вопросов, и обещаний неприкосновенности признавшимся, — его отрицание (помимо отчетов о судах, в которых он принимал участие) является достаточным свидетельством того, что он использовал подобные методы. Если находили ведьму с любым кожным недостатком (здесь снова сделан упор на от-

метку дьявола как показание), ее могли довести до признания собственной вины такими вопросами, которые сам Хопкинс, очевидно, использовал сотни раз:

> Что было причиной появления дьявола — невежество, гордость, гнев, ярость, злоба?
> О чем они говорили?
> На что он был похож?
> Какой у него был голос?
> Каких домашних духов он послал к ней?
> Сколько их было?
> В каком образе они появились?
> Какие поручения она им давала?

«Доказательств реальности всех этих несчастий достаточно для опровержения всех ее отрицаний». С 1645 по 1646 гг. с помощью такого допроса, усиленного бессонными ночами и связыванием жертвы как цыпленка, Хопкинс умудрился повесить около 200 человек — 68 известны поименно. Его список вопросов очень похож на заранее заготовленные листы, использовавшиеся в европейских судах [см. Признание].

Хотя Филмер в «Advertisement to the Jurymen of England Touching Witches» (1653) высмеивает предположения Перкинса, но фактически повторяет его прежние критерии. Во-первых, признание, хотя он и допускал, что «многие признаются в вещах ложных и невозможных: что они мгновенно поднимаются в воздух, проходят через замочные скважины и дверные щели, что они иногда превращаются в котов, зайцев и тому подобных существ — все это является чистой выдумкой и невозможной вещью». Во-вторых, домашние духи и призрачные показания: «Два свидетеля, доказывающие на основании своего опыта, что обвиняемый вступил в союз с дьяволом, и что он совершил какие-либо колдовские действия, вызывал дьявола или желал его помощи».

Как писал Ричард Бултон в 1715 г., вернейшими признаками ведьмы являются «нечувствительная отметка на коже (клеймо дьявола), «ведьмин знак» (след от сосания тела ведьмы ее демоном) и испытание водой (плавание). Книга Бултона, вобравшая в себя основные принципы европейских демонологов, стала одной из последних работ, поддерживавших веру колдовство. Включение испытания водой означало, что народная вера в колдовство изменялась, возвращаясь от концепции колдовской ереси к фольклорному чародейству.

Кроме доказательств, обсуждаемых в этих руководствах, известны и другие приемы, такие как доказательство посредством невозможности ведьмы произнести без запинок молитву Господу. Несколько судей были готовы вообще отказаться от любых показаний. Так, сэр Эдмунд Андерсон в 1603 г. писал, обвиняя членов суда присяжных:

> «Вред от [ведьм] велик, их действия дьявольские, и они в короткое время заполонят всю землю, если мы не будем осуждать их без их собственного признания или прямых доказательств, когда имеются серьезные основания и обстоятельства очевидны».

К тому времени, как Бернард одним из первых среди английских авторов стал обсуждать призрачные показания, они уже длительное время допускались в английских судах. Призрачное показание было свидетельством о том, что ведьма появлялась перед околдованным в виде призрака; или (что было более распространено в Европе) ведьма видела кого-то другого на шабаше ведьм или при общении с дьяволом. На большинстве судов подобные показания имели определяющее значение [см. Призрачные показания].

Возможно, наиболее поразительным показанием, из когда-либо принятых на английских судах, было то, согласно которому судья Роберт Арчер осудил Джулиан Кокс в Таунтоне (Сомерсет) в 1663 г. Оно отражает, насколько легковерными могли быть судьи, даже, когда истерия шла на убыль, и как легко могли быть сняты даже незначительные

ограничения для обвинительных показаний, устанавливаемые в руководствах. Один свидетель, охотник, преследуя за кустами кролика, обнаружил миссис Кокс и никаких следов животного. Второй свидетель сказал, что, раскуривая трубку в доме миссис Кокс, он увидел между своих ног жабу. Вернувшись к себе домой, он снова закурил и увидел, как ему показалось, ту же самую жабу. «Он вышвырнул жабу, чтобы убить ее, — сообщает Гланвиль в «Saducismus Triumphatus» (1681), — и по своему разумению разрубил ее на несколько кусков, но, когда он вновь взял свою трубку, жаба появилась снова. Наконец, она закричала и исчезла». Третий свидетель видел миссис Кокс влетающей к себе в окно «во весь рост». «Возможно, это было самое абсурдное переплетение свидетельств, когда-либо использовавшихся против ведьмы, — заметил Нотштейн, — но судья добился признания ее виновной».

[См. также Свидетельские показания на судах ведьм в Европе; Призрачные показания; Признание; Свидетель].

СВИДЕТЕЛЬСКИЕ ПОКАЗАНИЯ НА СУДАХ ВЕДЬМ В ЕВРОПЕ. На судах во Франции и Германии свидетельским показаниям придавалось относительно мало значения, и часто свидетелей вообще не вызывали для дачи показаний против обвиняемого. Действительно, как признавал образованнейший юрист Боге, «ведьмы действуют ночью и тайно, и явные доказательства таких деяний… невозможны». Имели значение indicia (признаки), что данная личность является ведьмой. Ряд таких indicia включал и безобразный облик, и уродства, и общественное мнение, и flagrante delictio (поимку на месте преступления), например, во время расплескивания воды, чтобы вызывать бурю.

Любой мог способствовать аресту человека по подозрению в колдовстве, более того, в обязанности судей входил поиск и арест подобных подозреваемых. Еще в 1254 г. папа Иннокентий IV постановил, чтобы выдвинувший обвинение не сталкивался с обвиняемым, пока того не захочет сам обвинитель. Подозреваемому обычно не разрешалось ни с кем консультироваться, хотя иногда суд назначал адвоката. Не разрешалось никаких показаний в его пользу, хотя любая несообразная и неблагоприятная болтовня принималась к сведению, чтобы, как говорится в «Malleus Maleficanim», вызывать подозрение. Не было перекрестного допроса свидетелей, если даже кого-нибудь и вызывали, а, следовательно, и оценки достоверности обвинений.

Подозреваемого, даже если он признавался сразу, всегда подвергали пытке, чтобы подтвердить его собственное признание вины. Более того, под пыткой, он должен был назвать имена предполагаемых сообщников, замешанных в колдовстве, которых затем, на основании его признания, могли обвинить по подозрению в колдовстве, подвергнуть пытке до признания и получить новые имена. Подобным образом суды разрастались, как снежный ком, и никогда не испытывали недостатка в подозреваемых.

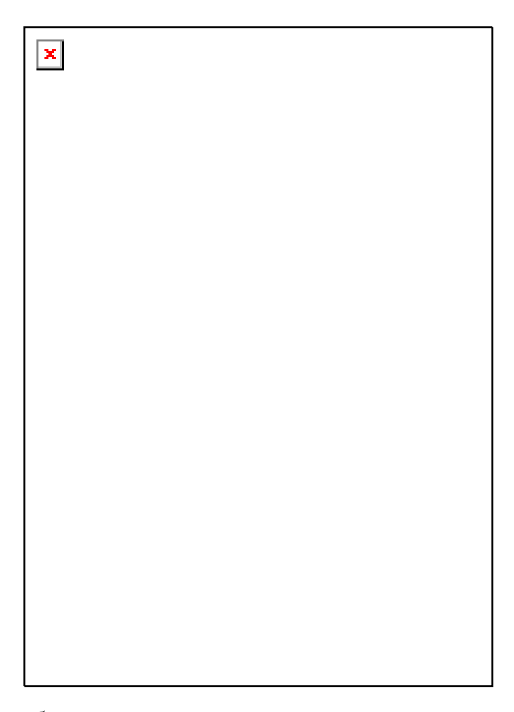
Таким образом, признание было фактически единственным необходимым доказательством, но даже признание считалось менее существенным, чем indicia. Обвиненный единожды, «не мог спастись, будь он даже графом», — говорил бургомистр Юниус. Стенографический отчет о его суде является поистине разоблачающим документом.

В «Commentarius» (1622) Бинсфельда, известного демонолога, в доступной форме представлены типичные основания, узаконивающие арест по подозрению в колдовстве, некоторые из которых восходят к Приериасу (1521). Подобные indicia могли быть легкими (remote), серьезными (propinqua) или изобличающими (propinquissima), но основными правами обладал судья. Самыми серьезными показаниями для обвинения были:

1. Обвинение сообщником.
2. Договор с дьяволом.
3. Связь с уличенным в колдовстве.
4. Общественное мнение.
5. Причинение зла, сопровождаемое угрозами (damnum minatum).
6. Владение колдовскими принадлежностями, особенно летательной мазью.

Кроме того, весомыми аргументами были бегство во избежание ареста, неоднократное богохульство и игнорирование общественного мнения о колдовстве. Менее серьезными считались отметки дьявола, происхождение от ведьмы, смущение или страх во время допроса. Боге так характеризует обычную судебную процедуру: «Считалось законным возбуждение преследования за преступное колдовство на основании этих бесспорных показаний и предположений, более или менее применимых к другим ужасным преступлениям, совершаемым тайно». — «Discours des sorciers» (1602). Такое же беззаконное отношение подтверждал и Жан Боден в 1580 г.:

> «Поскольку доказательство подобных преступлений так затруднено и затемнено, ни одна ведьма из миллиона не была бы обвинена или наказана, если бы процедура определялась обычными правилами».

«Дующие ведьмы наиболее отвратительные и глупые в окружении дьявола. Если бы они обладали хоть крупицей разума, то не дули бы». — Гойя (1799).

СВИДЕТЕЛЬСТВО ПОКОЙНИКА. Один из видов доказательств, иногда представлявшихся на судах ведьм, основанный на первобытных народных верованиях. Задолго до изобретения колдовской ереси для изобличения преступников применялись различные виды «судов Божьих», некоторые из которых сохранились в общественной памяти и были вновь введены в практику, прежде всего, духовенством. Свидетельство покойника было воссоздано в конце XII в. Испытание свидетельством покойника — способностью трупа кровоточить при приближении убийцы — считалось особенно ценным, когда все другие способы доказательства вины оказывались неэффективными. Оно применялось, например, на суде 1628 г. по делу об убийстве, на сессии в Хартфорде. Как писал Яков I в «Demonology» (1597), кровь убитого хлынула струей, «будто взывая о мщении к небесам». В «Ричарде III» (1597) леди Анна выражает похожие чувства, когда выступает против прерывания герцогом Глочестерским похоронной процессии ее мужа, которого он заколол:

> «О посмотрите, джентльмены, раны,
> Застылые, открылись, кровь течет!»

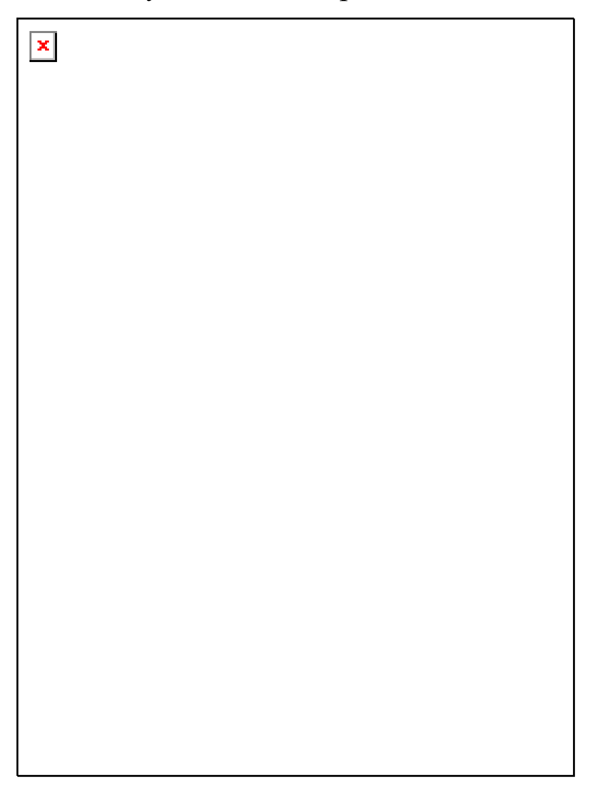
(Шекспир В., «Ричард III». Пер. А.Радловой).

Впоследствии это испытание иногда использовалось и на судах за колдовство, когда кто-нибудь обвинялся в околдовывании до смерти. Свидетельство покойника признавали такие известные демонологи как дель Рио, де Ланкр, Бинсфельд и Лафатер. Дель Рио объяснял данное явление ненавистью убитого к убийце, что якобы приводило к выявлению скрытых свойств в трупе. Это достаточно спорное мнение приводит в «Physiologia» (Лондон, 1654) Уолтер Чарлтон, врач короля Карла I, назвавший свидетельство покойника «благороднейшей из антипатий».

В описании далкейтского суда, происшедшего в Шотландии в 1661 г., рукопись которого принадлежит (шотландскому) Национальному музею древностей, говорится, как некая Кристина Вильсон, заявлявшая о своей невиновности,

> «отказывалась приблизиться к трупу или дотронуться до него, заявляя, что она никогда в жизни не дотрагивалась до мертвых. Но, поскольку священник и бейлиф очень хотели… чтобы она сделала это, она… очень нежно дотронулась до раны. Как только ее палец оказался на ране мертвеца, до этого очень белой и чистой, без всякого пятнышка крови или чего-то подобного, так тотчас кровь хлынула из раны к [удивлению] всех очевидцев, воспринявших это как доказательство убийства».

СГЛАЗ («дурной глаз»). Вера в силу взгляда («дурной глаз») была древнейшим и наиболее распространенным представлением, связанным с магией, которое вошло в богословские руководства по колдовству. В каждой цивилизации верили, что недружелюбный взгляд может приносить несчастье. Слово, обозначающее данное понятие, встречается практически во всех языках, как европейских, так и неевропейских — mauvais oeil во Франции, mal occhio или la iettatura (более красиво) в Италии, baser Blick в Германии или glamour в Шотландии (слово введено в англ. язык Вальтером Скоттом). Английский термин fascination (от лат. fascinum) обычно означает околдовывание или очаровывание, но также обозначает и противодействующий заговор, обычно связанный с фаллосом.

Сила дурного глаза. Фронтиспис книги «Tractatus de Fascinatione» (Норберг, 1675) Иоганнеса Христиана Фромана, доктора медицины из провинции Саксен-Кобург.

Предрассудок отразился и в Библии: «Ибо извнутрь, из сердца человеческого, исходят злые помыслы… завистливое око…» (Марк 7, 21). Матфей проводит связь между злым глазом и злой личностью или ведьмой: «Светильник для тела есть око. Итак, если око твое будет чисто, то все тело твое будет светло; если же око твое будет худо, то все тело твое будет темно» (Матфей 6, 23). Сам Христос подал пример, когда проклял фиговое дерево после чего оно засохло (Матфей 21). В XIII в. Фома Аквинский заметил, что особенно чувствительны к дурному глазу старых женщин дети, и его поддержал ряд демонологов: Винетти (1450), Нидер (1470) и инквизитор Бернард де Комо (1510). «Malleus Maleficarum» (1486) предостерегал, «что существуют ведьмы, которые умеют околдовывать своих судей обычным взглядом или взглядом из-под бровей, и публично хвастаются, что их нельзя наказать». В 1599 г. дель Рио обобщил принятые в то время взгляды: «Дурной глаз — это способность, вытекающая из договора с дьяволом, который, в то время как так называемый обольститель смотрит на кого-нибудь с дурным намерением… причиняет этому человеку зло».

Эта способность упоминалась на многих судах над ведьмами. Классический пример сглаза связан с Джанет Вишерт, сожженной в Шотландии в 1597 г. [см. Абердинские ведьмы]. Бриджит Бишоп представляет другой пример силы злого глаза в американском колдовстве. Она была обвинена в таких взглядах на салемских девушек, от которых «они немедленно падали ниц».

СЕКСУАЛЬНЫЕ СНОШЕНИЯ С ДЬЯВОЛОМ. Согласно признаниям, извлеченным у ведьм на судах, женщины, посещавшие шабаш, всегда имели сношения с дьяволом. Теологи принимали как реальность отношения между человеческими существами и дьяволом, независимо от того, выступал он в образе инкуба (существа мужского пола) или суккуба (женского). Они только спорили о происхождении дьяволов (телесном или духовном), степени греха и технике сношения. «Любопытство судей было ненасытным, — писал Генри Ли, — они стремились удовлетворить свои желания и узнать все возможные детали сексуального сношения, и их рвение в ведении допросов вознаграждалось за счет расцвета гнусного воображения». Большинство показаний являются плодами эротического и экзальтированного воображения истеричных молодых женщин, соединенного с притворной стыдливостью инквизиторов.

Теологи и демонологи были озадачены тем, как дьяволы, являвшиеся духами, могли вступать в сношения с людьми. Сам их факт принимался как постулат, за которым стоял авторитет Библии и Церкви. Августин в «Граде Божьем» ссылался на слова из Библии: «Сыны Божьи входили к дочерям человеческим, и они стали рождать им» (Бытие 6, 4). Он первым согласился с тем, что «хотя ангелы и являются духами, они способны иметь телесные сношения с женщинами», хотя и не считал, что они настолько греховны, чтобы вступать в них. Позже папа Бенедикт XIV в «De Seworum Dei Beatidcatione» писал:

> «В данном отрывке говорится о дьяволах, называемых инкубами и суккубами, …хотя почти все исследователи допускают сношения с ними, некоторые авторы отрицают, что от них может произойти потомство. …Другие же, допуская, что сношение возможно, утверждают, что могут быть и дети, и заявляют, что так действительно и происходит, хотя и неким новым и необычным способом, не известным обычному человеку».

Папа Иннокентий VIII и Бонавентура также соглашались, что сношения между дьяволами и человеческими существами возможны. Августин и, в особенности, Фома Аквинский уверяли, что демоны, выступающие как злые духи, входили в трупы или каким-то другим способом создавали новые тела из частиц. Иногда, как отмечал Боге, дьявол использовал тело недавно повешенного человека. Подобная традиционная точка зрения проходит через всю литературу по демонологии, и еще в 1665 г. в кармелитском уставе «Theologia Moralis» высказано сожаление, что «некоторые отрицают это мнение, полагая

невозможным, что дьяволы способны осуществлять реальные сношения с человеческими существами, хотя совершенно очевидным является противоположное мнение, которое и должно быть принято».

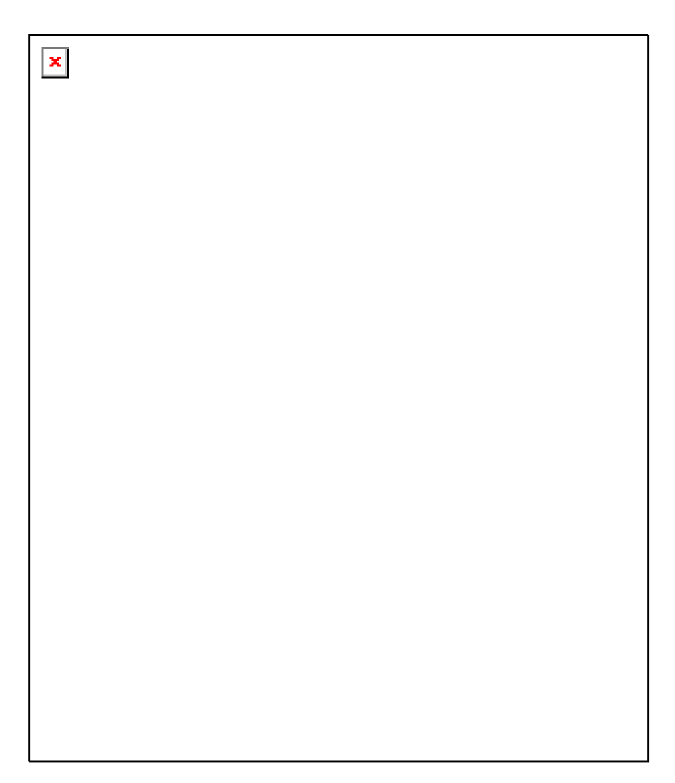
Чтобы преодолеть сложности, неизбежные при физических сношениях между духом и человеческим существом, Синистрари (ум. в 1701 г.) в «De Daemonialitate et Incubis ei Sucubis» дополняет данное Августином описание «сельских духов и лесных богов, чаще известных как инкубы», рассматривая их не как злых ангелов, а как существа другого (и более низкого) происхождения, объясняя их поступки стремлением удовлетворить похоть. В этом он отходит от ортодоксальной точки зрения, что, поскольку демоны являются духами, «они не могут испытывать ни радости, ни удовольствия» [де Ланкр] и действуют так только для того, чтобы унизить человека. С точки зрения Синистрари, молчаливое согласие человека вызывает благосклонность демона, а неприятие порождает враждебность. Согласно Синистрари, инкуб просто стремится к удовлетворению своих желаний, тем не менее, он часто принуждает партнера отказаться от веры и предаться чародейству, как «предварительному условию противозаконного сношения». Когда же нет оскорбления религии, «нет и оснований, чтобы считать это более тяжким преступлением, чем содомия и скотоложство». Хотя, замечает Синистрари в заключение, если люди верят в то, что инкубы являются дьяволами, они виновны в соответствии с установлениями церкви.

Примерно с 1430 г. инквизиция преследовала женщин за сношения с дьяволом, хотя они и не стали основной составляющей процессов над ведьмами. Даже молоденькие девушки могли иметь такие сношения. Потт в конце XVII в. рассказывает о девушке 9 или 10 лет, соблазненной дьяволом под влиянием мачехи. Однако, в связи с молодостью, она была просто выпорота и принуждена наблюдать за сожжением мачехи. Боден в «Demonomania» (1580) пишет, что девочка шести лет может иметь сношения, ибо находится «в достаточном возрасте, чтобы стать женщиной». В январе 1628 г., в Вюрцбурге, трое детей — Анна Рауш, 12 лет, Сибилла Лутц, 11, и Мурчин, 8 с половиной, признались в сношениях с инкубом. Анна заявляла, что она шесть раз имела сношения с «мастером Хамерлейном» («Джек, поймай дьявола»). В судебных отчетах отмечается, что «ребенок описал подобные сношения стандартным образом». Сибилла совокуплялась с «Федерлейном». Маленькая Мурчин под присягой заявила, что имела соитие с демоном. Сибилла и Анна были преданы смерти, а Мурчин и еще семеро, после допроса были переданы своим родителям для исправления. — Дифенбах, «Der Hexenwann» (1886). Ne plus ultra (несостоятельность) подобных фантазий, очевидно, отразилась в письме канцлера Вюрцбурга от 1629 г.: «Дело складывается не поддающимся описанию образом. …Имеется около трехсот детей трех-четырех лет, вступавших в сношения с дьяволами».

Дьявол мог появиться в любом виде. Он мог принять образ идеальной возлюбленной, подобно Мефистофелю, вызвавшему для Фауста призрак Прекрасной Елены из Трои. Броньолус в «Alexicacon» приводит типичную историю о суккубе. В 1650 г. он услышал признание молодого человека, к которому пришла его возлюбленная, сказав, что она убежала из дома. После ночных удовольствий юноша понял, что его Тереза на самом деле — суккуб, но она доставляла ему такое наслаждение, что эта «чудовищная сделка» продолжалась каждую ночь в течение нескольких месяцев.

Этот юноша был более удачлив, чем отшельник, у которого оказался столь требовательный суккуб, что он выдержал только один месяц [см. Суккуб], или мужчины, о которых рассказал Реми в «Demonolatreiae» (1595):

> «Те, кто рассказывают о сношениях с демонами, как в мужском, так и в женском обличье, в один голос заявляют, что не может быть ничего более холодного и неприятного. Петроний рассказывал, что как только он заключал в объятия своего „Абраэля“, все его конечности коченели, а Хеннцель утверждал, что вводил свой инструмент, вроде как в ледяную пещеру [speculum], и должен был покидать своего „Шварцбурга“, не испытав оргазма. На самом деле суккубов называли такими странными именами».

Происшествия, связанные с происхождением Мерлина. В центральной и нижней части левого столбца изображено соблазнение женщины дьяволом, за ним — женщина, признающаяся священнику и преследуемая в доме своим мужем.
Из старинного французского манускрипта, хранящегося в БП.

Однако, мужской опыт редко становился предметом обсуждения, и основной интерес сосредотачивался на женщинах.

Некоторые авторитеты (например, Вейер, 1563, Карпцов, 1635, Потт, 1689) установили, что даже когда дьявол появляется в образе животного или птицы, особенно змеи, козла или ворона, сношение оказывалось возможным. Боге писал, что Франсуаза Секретен имела сношения с дьяволом в образе собаки, кошки и птицы, а иногда и черного человека. Ведьмы из Борроустона (Шотландия) перед сожжением рассказали своим инквизиторам, что дьявол «мог иметь с [ними] плотские сношения в облике оленя или любом другом, тогда и теперь. Иногда он был похож на оленя или аиста, быка, косулю или собаку и имел [с ними] сношения». Одна из этих ведьм, Маргарет Гамильтон обвинялась в «плотском сношении с дьяволом в образе мужчины, уходившим от нее похожим на черного пса». — Питкерн, «Criminal Trials». Потт (1605) приводит старый анекдот о жене купца из Виттенберга, чей любовник воскликнул однажды ночью: «Смотри, как я превращаюсь в дятла», затем вылетел в окно, и больше его никто не видел. Когда демон появлялся в виде животного, церковь считала, что он больше не являлся инкубом, но обычные люди не понимали этого различия.

По общему мнению, монахини наиболее часто становились объектами искушения животными (реальными и мнимыми). Боге в «Discourse des sorciers» полагал, что дьявол часто принимал образ собаки, чтобы вводить в заблуждение женщин, и привел «великолепный пример» из кельнской епархии, где в 1566 г. собака, которую все считали дьяволом, задирала одежды у монахинь, чтобы оскорблять их. Боден, рассказавший похожую историю, относится к ней с несколько меньшим доверием: «По-моему, это был не демон, а обыкновенная собака». В «Demonomania» он приводит и другие примеры:

> «Он приехал в монастырь Монт де Гесс, в Германии, где монахини были якобы одержимы дьяволами, и увидел собак, которые лежали в их кельях, бесстыдно ожидая, когда можно будет изнасиловать подозреваемых, лицемерно называя это «тайным грехом» [потому что слово «содомия» слишком шокировало честные уши]. В Тулузе он

> обнаружил женщину, которая развратничала таким способом и на глазах у всех хотела, чтобы на нее возлегла собака. Она призналась и была сожжена».

Боден приводит и еще один случай, произошедший в Париже в 1540 г.

Одно из немногих описаний того, как мог осуществляться подобный акт скотоложства, приведено де Ланкром в «Tableau» (1612). Он утверждал, что это — свидетельство очевидца. Жеанна д'Агуэрра заявила под присягой:

> «Дьявол в образе козла, имевшего сзади член, имел сношения с женщинами, толкая и тряся им по их животам. Мари де Мариграна, пятнадцати лет, жительница Биаррица, показала под присягой, что часто видела, как дьявол сходился с множеством женщин, которых она знала по именам, причем с красавицами он обычно сходился спереди, а с некрасивыми — сзади».

Другой свидетель, допрошенный де Ланкром, 17-летняя Маргарет де Сар, заявила под присягой, что, независимо от того, появлялся дьявол в образе человека или козла,

> «у него всегда был член, как у мула, выбор же данного животного был связан с тем, что он был наилучшим образом устроен самой природой, являясь таким длинным и толстым, как рука… и что он всегда обнажал свой инструмент такой красивой формы и огромный».

Де Ланкр добавляет:

> «Совершенно противоположное рассказывает Боге, который заявляет, что ведьмы из Франш-Конте никогда не видели члена, превышавшего по размерам палец. Все это говорит о том, что Сатана лучше служил ведьмам из Лабура, чем из Франш-Конте!»

Поскольку, согласно традиционной точке зрения, выдвинутой Фомой Аквинским, демоны были бесполы, они могли являться как в образе мужчины, так и женщины. Доминиканец Шарль Рене Билюар (1685–1757) писал в «Tractatus de Angelis»: «Один и тот же злой дух может служить как суккуб мужчине и как инкуб — женщине». Благодаря подобной двойственности они могут использовать семя, получаемое от действий в качестве суккуба для последующих эмиссий в виде инкуба. В «Compendium Maleficarum» Гваццо так обобщает эту теорию:

> «Дьяволы могут овладевать мертвыми телами или создавать для себя из воздуха и других элементов осязаемое тело, похожее на плоть, наделяя его теплом и движением по своему усмотрению. Они могут наделять его обычными признаками пола и совращать мужчин образом женщины, а женщин — мужским, ложась на женщин и под мужчин, и также могут выделять семя, приносимое ими откуда-нибудь и имитировать его естественное извержение».

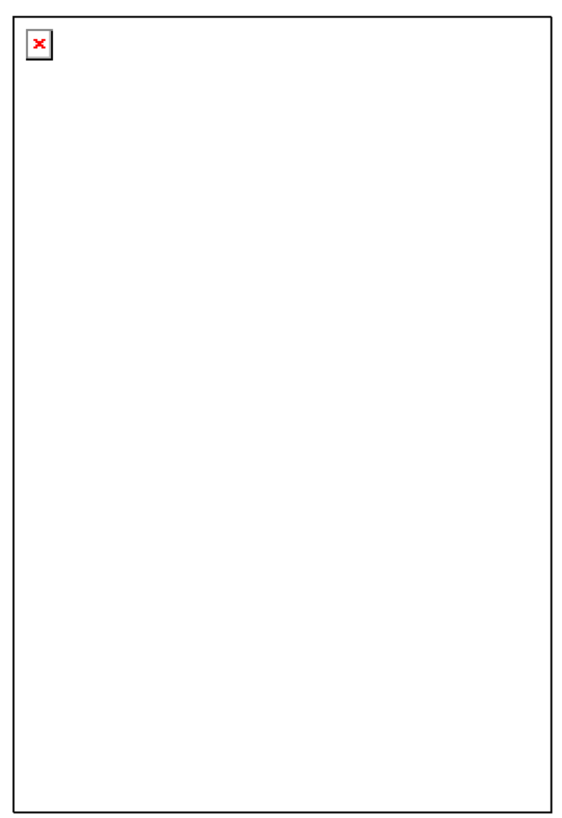
Мартин из Арля предполагал, что инкуб вынимает семя из трупов, другие демонологи, например, Гваццо, считали, что он ворует его во время ночных извержений мужчин, и «благодаря скорости и знанию физических законов сохраняет это семя в его естественной теплоте». Однако, обладавший определенным авторитетом Никола Реми (1595) и некоторые другие авторы, например Ульрих Молитор (1489), верили, что все инкубы — стерильны.

Если женщина хотела забеременеть, использовалось законсервированное семя, иным словами, демон «испускает нечто, похожее на семя, но достаточно теплое, чтобы не был раскрыт подлог» (Гваццо). Жанна д'Абади призналась де Ланкру, что «семя дьявола было необычайно холодным, так что она не могла забеременеть от него». Синистрари приводит «частное мнение», что сам по себе инкуб способен к размножению, следуя традиционной точке зрения, представленной у дель Рио и в «Malleus Maleficarum». Другие

авторы, например, Потт (1689), верили, что сам дьявол стерилен, и что для родов он предоставлял украденного ребенка.

В относительно поздней по времени написания диссертации Иоганна Клейна, представленной в университет Ростока в 1698 г., приведено несколько подробных сообщений о чудовищных порождениях подобных союзов. В отчете одного магистрата сообщается о признании женщины, заявлявшей, что она родила ленточного червя (глиста) и девочку в виде кувшина [Pottkruug], сосавшего ее грудь. Ее инкуб по имени Давид унес обоих. От другого инкуба, Гансена, у нее были мальчик и девочка, которых тот также унес. Она призналась, что инкуб продолжал утешать ее в тюрьме, и что она родила там еще одного ребенка, которого тоже унесли. «Все следы и пятна крови, запачкавшие ее одежду и пол, исчезли». Боден приводит и другие истории о чудовищах, появившихся вследствие подобных союзов. Так в Тулузе в 1275 г. считали, что Анжела де Лабарт, ставшая первой женщиной, сожженной за сношения с дьяволом, родила чудовище с головой волка и хвостом змеи. Карпцов и Потт также передают множество историй подобного рода, включая рассказ о женщине из Аугсбурга, родившей двухфутовую змею.

С именами многих исторических деятелей связывались легенды об их происхождении от дьявола, возникшие из слухов, распространявшихся их врагами. Среди них были Роберт (отец Вильгельма Завоевателя), Лютер, Александр Македонский, Платон, Цезарь Август, Сципион Африканский, а также Ромул и Рем, Мерлин, племя гуннов, а также обитатели острова Кипр (Синистрари). Вместе с тем Молитор верил, что Мерлин не был сыном дьявола, а человеческим детенышем, которого дьявол принес во время родов.

Одно из первых изображений дьявола, занимающегося любовью с женщиной.
Из книги Ульриха Молитора «De Lamiis» (1489).

Другие ведьмы признавались, что отцами их детей был дьявол. В «Chronicle» Холиншеда рассказано о молодой шотландской девушке, пойманной за совокуплением с чудовищем, и родившей затем «нечто бесформенное, подобное которому не видели ранее». Чтобы избежать позора, ее родственники сожгли этого отпрыска. В «Prodigious and Tragical History of the arraignment, trial, confession, and condemnation of six witches at Maidstone in Kent…» (1652) говорится, что «Анна Эшли, Анна Мартин и еще одна из их

группы заявили, что беременны, но не от какого-то мужчины, а от дьявола». Однако, обычно доверчивый Боге, здраво относился к подобным признаниям и задал следующий вопрос: «Разве мы не поверили бы, что эти женщины [Гея и Леда] прибегли к помощи богов, чтобы скрыть кровосмешение и супружескую измену? И поэтому я утверждаю, что вдова, о которой говорит Боден, забеременела от конкретного человека, а не от дьявола».

В некоторых ранних описаниях подчеркивается невероятное удовольствие, получаемое от сношения с дьяволом. Инквизитор Никола Жакье писал в 1458 г., что это был inordinate carnaliter (свальный грех), и многие ведьмы «в течение нескольких дней после этого были полностью вымотаны» [afflicti et debilatati]. Итальянские описания совпадают с ним. Грилландус, известный папский адвокат, сообщает о признаниях женщин, наслаждавшихся с дьяволом «maxima cum voluptate». Гильом Парижский в «De Universo» рассказывает, что дьявол мог обмануть женщин, чтобы они представили себе, что происходившие однажды или дважды сношения повторялись пятьдесят или шестьдесят раз за ночь. С другой стороны, в «La Vauderye de Lyonois» (1460) приведена более поздняя точка зрения, что ведьмы имели сношения с «большим страхом [timore et pavore]». Заявление об испытываемом страхе и боли впервые появилось в печати около 1470 г., в книге Джордано де Бергамо: «Одни и те же ведьмы признаются и заявляют, что инструмент дьявола, как и его семя, всегда холоден».

Практически во всех поздних описаниях обвиняемые в колдовстве говорили, что во время сношения они испытывали боль и не получали удовольствия. Так, Боге сообщал:

> «Тевьенн Паже заявила, что, когда Сатана имел с ней связь, она испытывала такую же боль, как и работающая женщина. Франсуаза Секретен показала, что в это время она иногда ощущала жжение в животе, и практически все ведьмы говорили, что эти сношения никоим образом не доставляли им удовольствия, как из-за безобразного и уродливого облика дьявола, так и благодаря физической боли, которую он причинял им, о чем мы только что говорили».

Реми также ссылается на показания ведьм, заявляя, что сношения были лишены удовольствия и являлись болезненными. В «Tableau» де Ланкр проясняет некоторые моменты:

> «Мария де Маригран из Биарритца, пятнадцати лет, рассказала, что член данного дьявола, развернутый во всю длину, состоял из двух частей, наполовину из железа, наполовину из плоти, и такими же точно были и его яички, которые она много раз видела на шабаше. Кроме того, она слышала, что многие женщины, спавшие с дьяволом, говорили, что он заставлял их кричать как во время родов, и всегда держал свой инструмент обнаженным. Пьер де Линар свидетельствовал, что дьявол имел инструмент, сделанный из рога или чего-то подобного, и именно поэтому он заставлял женщин так сильно кричать».

Другой свидетель де Ланкра добавляет новые подробности о дьявольском пенисе:

> «Он был обычно извилистым, остроконечным и змееподобным, сделанным иногда наполовину из железа и наполовину из плоти, в другое время — полностью из рога, и обычно расщепленный наподобие языка змеи, как правило, он одновременно занимался совокуплением и педерастией, причем иногда третий отросток достигал рта любовника».

Уже в начале двадцатых годов XV в. упоминается о дьявольском «cum membra bifurcato».

Подобные же признания из Лотарингии были отмечены Реми в «Demonolatreiae»:

> «Все ведьмы в один голос заявляют, что когда они спят со своими демонами, они могут принимать их, только претерпевая величайшую боль, причиняемую их инстру-

ментом, потому что он очень твердый и тяжелый. Алексия Дригье, осмотревшая пенис ее дьявола, когда он поднимался, заявляла, что, оказываясь на виду, он всегда был таким же длинным, как кухонные принадлежности (на которые она указала пальцем), а там, где должны были находиться яички, ничего не было. Клаудиа Феллет заявляла, что она сама часто чувствовала, как нечто входит в нее, достигая такой величины, что женщина не могла удержать его в своем влагалище, не испытывая сильной боли. И почти все остальные ведьмы жаловались, что они очень неохотно обнимались со своими демонами, но было совершенно бесполезно противодействовать им».

Боге сообщает о ведьме по имени Антида Колар, имевшей отверстие под пупком, через которое она вступала в сношения с дьяволом, а со своим мужем она сожительствовала через влагалище. Однако, когда ее обследовали на суде, был виден только шрам на животе.

Во всех показаниях единодушно описывается холодность дьявола. Боге приводит рассказ Жакемы Паже, ведьмы из Франш-Конте, которая

«несколько раз держала в своих руках член дьявола, который спал с ней, и он был такой холодный, как лед, и длиной в палец, но не такой толстый, как у мужчины. Тевьенн Паже и Антуана Торнье также рассказывали, что у их дьяволов члены были такими же длинными и большими, как один из их пальцев».

Другая девушка, на которую ссылается Боге, заявила, что семя «имело естественную теплоту», но подобное замечание не типично. Так, например, Сильвина де ла Плен двадцати трех лет, осужденная на сожжение парламентом Парижа в 1616 г., описывает свои ощущения: «дьявол познал ее до этого только один раз, и его член напоминал тот, что был у лошади, и при введении он был таким холодным, как лед, и извергал ледяное семя, а при выведении обжигал ее, будто его нагрели на огне».

Гваццо рассказывает, как «ведьма приятной наружности» предстала перед парламентом Аквитании в 1594 г. Описав приготовления к шабашу ведьм, она продолжила свои показания:

«Позже итальянец [ее приятель] снова взял девушку на то же самое место, в этот раз козел попросил у нее прядь ее волос, которые итальянец отрезал и отдал ему. Получив этот талисман, козел увел ее как невесту в соседний лес и, положив на землю, проник в нее. Девушка сказала, что это не доставило ей никакого удовольствия, поскольку она скорее испытывала страх и очень сильную боль от члена козла, который был холодным, как лед».

Несколько похожих отчетов обнаружены и в Англии. Матушка Буш из Бартона в 1649 г. рассказывала, что дьявол, посещавший ее в виде молодого человека, был «холоднее, чем мужчина, и тяжелее, и не мог проявлять естество, как человек». — Стерн, «Confirmation and Discovery of Witchcraft». В 1662 г. Изобель Гоуди (а также Джанет Брейдхед) из Олдерна в Шотландии, описывали дьявола как «большого, черного, грубого мужчину, очень холодного, а его естество было таким же холодным, как вода в весеннем ручье» (Питкерн, «Criminal Trials», 1833).

В Трире в 1572 г. Ева из Кенна признавалась в сношениях с дьяволом, но «они были как ледяные». И Иоганн Клейн (1698), признавая, что женщины придумывают сношения в своих эротических снах, тем не менее верил в реальность сообщений о действительно имевших место соитиях — «cum semine frigidissimo». Гваццо объяснял: «Что же касается холодного семени, то оно обнаруживается только в делах ведьм, которые полностью убеждены в том, что имевший с ними сношения мужчина являлся дьяволом».

Холодность дьявола вскоре вошла и в фольклор, так, в «Strange and Wonderful History of Mother Shopton» (Лондон, 1686), представляющей собой нечто вроде «рождест-

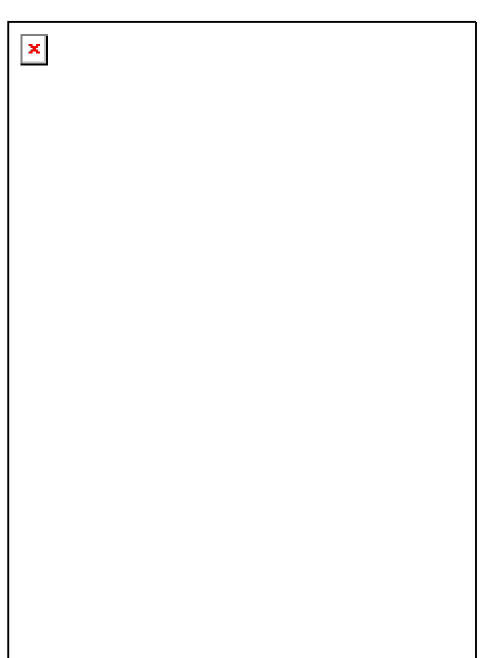
венской сказки», рассказывается об Агате Сутхелл, соблазненной дьяволом в шестнадцать лет

> «в виде очень привлекательного молодого человека… [который] преуспел настолько, что овладел ею, но его прикосновения (как она впоследствии признавалась повивальной бабке) были холодными, как лед или снег. С этого времени и в дальнейшем ее дьявольский ухажер посещал ее раз в день, и никогда не просил денег».

Известный английский философ Генри Мор в «Antidote Against Atheism» (1653) приводит то, что он считает научным объяснением подобного явления:

> «Следует полагать разумным мнение, что тела дьяволов, являясь ничем иным, как сгущенным воздухом, должны быть ледяными, как и конденсированная вода (представляющая собой снег или лед), и что он должен быть более острым и пронизывающе холодным, поскольку состоит из более мелких частиц, и следовательно, более глубоко проникающих частиц, чем вода, и способен сильнее и точнее поражать и возбуждать нервы».

Независимо от того, что думал Синистрари о природе инкуба — являлся ли он духом, человеком или животным, сношения с дьяволами приравнивались к скотоложству, которое наказывалось сожжением. В некоторых признаниях проведено различие по типу сношений. В 1621 г. Мария де Сенс, самозваная принцесса магии, заявляла, что она совершала грех «обычным образом» и также «грех содомии и скотоложства» — с дьяволом в виде животного («Histoire veritable», Париж, 1624). Буве ле Сьер, главный прокурор французской армии, приравнивал сношения с дьяволом к сожительству христианина с «евреями, турками, язычниками и другими неверными, рассматривая их как животных, не имевших пути к спасению, из-за страшной ненависти, которую они испытывали к католической церкви». Однако, греховная пара могла быть сожжена вместе, а дьявол отправлял ведьму к столбу в одиночестве.

Молодая ведьма, бесстыдно соглашающаяся на сношения с посланцем дьявола.

В раннем латинском трактате 1490 г., посвященном аррасским ведьмам, обобщены любопытные верования в сексуальные сношения с дьяволами:

> «На шабашах вальденсов председательствующий дьявол отводил в сторону неофитку (новообращенную) и вел ее в грот, чтобы, в свойственной ему манере, занимать-

ся с ней любовью и плотски познать ее. Он сказал ей, что положит ее на землю, а она должна будет привстать на руках и ногах, потому что он не может иметь сношения ни в каком другом положении, и именно таким образом. Председательствующий дьявол наслаждался ею, потому что в первый раз член дьявола показался неофитке холодным и мягким, как и все его тело. Вначале он поместил его в естественное отверстие и изверг испорченную желтоватую сперму, собранную из ночных эмиссий и повсюду, а затем в задний проход и таким образом необычно соблазнил ее. …После возвращения на шабаш, перед банкетом, неофитка (новообращенная) имела сексуальные сношения со всеми бывшими там мужчинами. …Затем светильники (если имелись таковые) гасили, каждый по приказу председательствующего дьявола брал своего партнера и вступал с ним в связь. Иногда действительно, по приказу председательствующего дьявола, осуществлялись не поддающиеся описанию изнасилования при обмене женщинами, при передаче одной женщины другой, мужчины — мужчине, чтобы оскорбить естество женщин и мужчин обоими полами, иным образом, нежели вхождением в природное или в иное отверстие. …На самом деле мужчина не испытывал удовольствия от дьяволицы, равно как и женщина с дьяволом, причем они соглашались на сношения только из страха и послушания. …Однако, во время второго сношения сама женщина неофитка, плотски познала некоего демона, интимно и глубоко, тем же самым образом, как впервые это было проделано председательствующим демоном. Последующие же сношения были с мужчинами, а не с демоном, за исключением случаев нехватки мужчин, чтобы составить пару [что происходило, когда большая часть группы состояла из женщин], когда демоны заменяли часть мужчин при сношениях, хотя это происходило далеко не всегда. Когда женщин было меньше, замена осуществлялась дьяволицами, и это происходило гораздо чаще. В других группах при возвращении к председательствующему дьяволу, мужчина мог сходиться с дьяволицей. Иногда это так и происходило, когда один из мужчин имел сношения с дьяволицей, что указывало на его крайнюю порочность, как и женщины, которая имела большую часть связей с дьяволами, а не с мужчинами» (Хансен, «Quellen»).

СЕНТ-ОСАЙТСКИЕ ВЕДЬМЫ.

«Анализ использования показаний на этом суде может привести к предположению, что тогда (в 1582 г.) в Англии еще не существовало никаких правил дачи показаний. Охотно принимались свидетельские показания детей, в возрасте от шести до девяти лет. Без возражений были приняты показания соседа, открыто заявившего, что он подслушал то, что ему кажется изобличающими высказываниями… Свидетельство эксперта в заявлении, направляемом в суд, окружалось такими намеками, как будто врач подозревал, что данное дело было колдовством. Ничто не исключалось из дела».

Так описывает суд над ведьмами из Сент-Осайта на выездных заседаниях в Челмсфорде в 1582 г. Уоллес Нотштейн. Как явствует из памфлета, написанного председательствующим судьей, Брайаном Дарси, было обвинено 13 женщин и еще 10 — в околдовывании до смерти. Скотт, спустя два года, побужденный подобными действиями к написанию своей знаменитой книги против веры в ведьм, утверждал, что 17 или 18 человек были казнены. Однако недавнее расследование, проведенное Ивеном на основании эссекcских отчетов, показывает, что повешены были только две женщины, исполнение остальных приговоров (если виновные были найдены таковыми) было отсрочено или обвиненные оправданы.

Однако, несмотря на немногочисленность казней, сент-осайтское дело попрежнему остается, как писал Киттредж, «одним из самых примечательных дел Елизаветинского времени». Отразив психологию женщин-доносчиц, оно, как барометр, показывает специфику английского колдовства, находясь между известным челмсфордским судом 1566 г. и не менее знаменитым судом над уорбойскими ведьмами 1593 г. Вместе с тем в нем представлены местные традиции колдовства, без перемещений, превращений и шабашей — не отмечавшиеся в судах до 19 мая 1612 г. (такое «домашнее» дело представля-

ют ланкаширские ведьмы, обедавшие английской бараниной) — традиция вполне безобидная и сопровождающаяся участием злобных и странных домашних животных, в качестве домашних духов выполнявших злонамеренные распоряжения ведьм.

Отказ от правил дачи показаний отражает, как игнорировалось распоряжение, данное в Челмсфорде Генеральным атторнеем. В 1566 г. 12-летней Агнесс Браун разрешили представить показания о призраках; в 1579 г. 4-летний мальчик выкрикнул: «Прочь, ведьма»; в 1593 г. дети из Трокмортона установили формулу, использовавшуюся Абигейл Уильямс и Анной Патнем спустя столетие. К 1582 г. поиск ведьминских знаков стал обыденным явлением и часто сопровождался обвинением ведьм (таких как Урсула Кемп и Сесил Селс). Эти тенденции обнаруживаются и в сент-осайтском деле, однако, хотя показания такого рода и были представлены, присяжные признали четверых невиновными.

Охота, пронесшаяся через отдаленные пограничные деревни побережья Эссекса — района, столь любовно описанного в «The Snow Goose» Пола Джелико (1941), — была повседневной практикой. Урсула Кемп (не хуже и не лучше других), зарабатывала на жизнь ухаживанием за детьми и «антиколдовством». Когда ребенок заболел, Урсула Кемп вылечила подростка с помощью заклинания. «Я уверяю тебя, что ребенок полностью поправится», — говорила она Грейс Торлоу, матери Давида. Получив отказ нянчить новорожденную дочь Грейс, она была возмущена; и, когда ребенок выпал из своей кроватки и сломал шею, «Урси» заподозрили в колдовстве. Однако вскоре после этого Грейс приняла помощь Урсулы по излечению ее артрита, но, после отказа уплатить ведьме 12 пенсов, она обнаружила что «ломота в костях» вернулась. Грейс тогда пожаловалась своему хозяину, Брайану Дарси, судье на выездной сессии в их графстве. После предварительного допроса местными судьями Урсула была направлена на выездную сессию. С этого момента начался суд над ведьмой.

Склонив незаконнорожденного 8-летнего сына Урсулы рассказывать разные фантастические истории о своей матери, судья Дарси сломал отказы Урсулы фальшивыми обещаниями милости: «Те, кто признаются в содеянном, получат большую милость, другие же будут сожжены и повешены». Матушка Кемп, «разразившись рыданиями», дополнила данное ее сыном описание домашних духов и затем назвала некоторых из своих знакомых как ведьм. Так Элизабет Беннет, Алиса Хант и ее сестра Марджори Саммон, Алиса Ньюмен, все из Сент-Осайта, предстали перед судом. В свою очередь эти женщины вовлекли себя и других. Алиса Хант вовлекла не только свою сестру (которая таким образом оказалась обвиненной дважды), но и Джоан Печей. Марджори Саммон ударила рикошетом свою сестру и подтвердила обвинение Джоан Печей. Алиса Ньюмен назвала ведьмой Элизабет Беннет. И так далее.

За короткое время судья Дарси раскрыл целое гнездо ведьм. Обвинения предъявили 14 женщинам, большинство из которых имело дурную репутацию и отличалось слабохарактерностью. Их имена не так важны, имеет значение то, что произошло с женщинами:

Двое не были осуждены, поскольку для этого не нашлось оснований, хотя одна из обвиненных, Маргарет Саммонс, сама дочь известной ведьмы, сделала признание.

Еще двоим не предъявили обвинения, поскольку оно не было выдвинуто. Их содержали в тюрьме по подозрению в разнообразном мошенничестве, которое они отрицали. Судья Дарси заслушал обвинения об околдовывании до смерти двух людей и скота, выдвинутых против одной из женщин, но в списке освобожденных из тюрьмы отмечено, что для дальнейшего заключения не было найдено необходимых оснований.

Четверо были оправданы, по их делу был вынесен вердикт — невиновны. Трое были осуждены по обвинению в околдовывании до смерти, и свидетельство еще против двух было принято от 7-летней дочери и 8-летней внучки. Две женщины признались во время суда в повреждении собственности. В одном случае обвинение основывалось на смерти, происшедшей 5 годами ранее.

Четверых осудили после того, как они заявили о своей невиновности, но исполнение приговора было отсрочено. Любопытно, что Алиса Ньюмен, обвиненная в совместном

преступлении с Урсулой Кемп, также получила отсрочку, в то время как матушка Кемп была повешена. В соответствии с решением судьи Дарси Алиса Ньюмен в дальнейшем была обвинена (хотя не были найдены обвинительные акты) в околдовывании до своего мужа и еще четверых «как предполагалось». Агнесс Гласкок официально обвинили по 3 пунктам, все обвинения были связаны с околдовыванием до смерти. Обвинение против Сесил Селс было равнозначно околдовыванию до смерти. Четвертая отсрочка приговора не ясна: Джоан Тернер, очевидно, была обвинена в околдовывании «взглядом» (per fascinatione), приговорена и возвращена в тюрьму на год.

Двое были повешены. Элизабет Беннет обвинили в убийстве супругов, умерших за несколько недель до суда, и (согласно Дарен) еще двоих. Она призналась. Урсулу Кемп обвинили в трех смертях, происшедших с октября 1580 г. по февраль 1582 г.; в конце концов она призналась, была найдена виновной по всем пунктам и повешена.

Различная участь обвиняемых является наглядным примером утверждения Ивена, что лишь небольшой процент обвинений заканчивался казнями. На территориях, граничащих с Лондоном, где действовали постоянные суды присяжных, только 19% (с 1558 по 1736 г.). Однако, как установил Ивен, с 1598 по 1607 г., повесили 41% осужденных. Эта цифра снова возросла в 1645 г. благодаря деятельности Метью Хопкинса.

В большинстве английских судов основанием для обвинения женщин в колдовстве являлось просто несчастье или причиненное беспокойство, и к таким относительно незначительным раздражителям было приковано больше внимания, чем к действительно серьезным обвинениям в околдовывании до смерти. Так, в Сент-Осайте имела место кровная деревенская месть. Поссорившись с Элизабет Юстес, ее сосед получил неприятности с коровой и гусем. Элизабет Беннет была заподозрена в убийстве человека, отказавшегося продать ей молоко и назвавшего ее «старой каргой и старой шлюхой». Алиса Менсфилд околдовала телегу перед своим домом, так что ее не могли сдвинуть в течение часа. Не угодив Маргарет Гревелл, один сосед испытал затруднения с пивоварением, другой — со сбиванием масла.

Разумное объяснение подобных неприятностей дала сама Маргарет Гревелл, защищаясь в суде. Она сказала, что сама «несколько раз теряла пиво, хлебную выпечку и борова, но никогда не жаловалась на это». Агнесс Херд отвечала подобным же образом.

Такие реальные или вымышленные действия maleficia могли быть связаны с убийством. Как и другие свидетели, Джон Уэйд дал показания, что, «после разговора с Агнесс Херд он потерял много скота и овец». «После обмена колкостями [Томас Картрайт] имел неприятности со своим скотом, вызванные, как он полагал, колдовством Агнесс Херд». Другие жаловались, что после пустякового разговора с Агнесс масло не сбивалось, а пиво не бродило. Все обвинения подобного рода достигли кульминации при обвинении в околдовывании до смерти жены священника.

> «Ричард Гаррисон, клирик, приходской священник из Бомонта заявил, что он проживал со своей последней женой в ее доме в Литл Окли и что ему, упомянутому Ричарду Гаррисону, принадлежала ферма в приходе Окли. Прошлым летом, когда он был в Лондоне, у его жены была утка, сидевшая на яйцах в загоне под вишней. И, когда у этой утки вылупились утята, его жена стала подозревать Агнесс Херд, продажную женщину и местную проститутку, в краже ее утят, и отправившись к упомянутой Агнесс Херд, изругала ее, и всем на нее жаловалась. Ничего не узнав о своих цыплятах, она вернулась домой, очень рассерженная на упомянутую Агнесс».

Спустя короткое время Ричард Гаррисон пошел в кабинет и читал там книгу два или три часа, сказав своей жене, чтобы она ложилась вместе с детьми, а он позже придет к ней. Так она и сделала. Недолго пробыв в постели, его жена начала кричать: «О, Господи, Господи! Спаси меня и сохрани!» Когда он прибежал узнать, что с ней случилось, то она сказала: «О, Господи! Мне так страшно, что и сказать нельзя!» — и добавила: «Муж мой, я не сомневаюсь, что эта старая карга Агнесс Херд околдовала меня». Харрисон сказал

жене: «Умоляю тебя, успокойся и не думай так, но верь в Господа и доверяй только ему, и он защитит тебя и от нее, и от самого дьявола». Затем [он] сказал: «Что скажут люди, если я, будучи священником, допущу слабость веры у своей жены?»

И этот допрашиваемый сказал, что спустя два месяца жена сказала ему: «Умоляю тебя, если еще есть любовь между нами (я надеюсь, что это так, поскольку у нас с тобой есть пять прелестных детей, слава Господу!), поискать какое-нибудь средство для меня против этой гнусной скотины (имея в виду упомянутую Агнесс Херд). И если ты не сделаешь этого, я пожалуюсь своему отцу, и, думаю, он найдет какое-нибудь средство для меня. «Поскольку, — сказала она, — если я не получу лекарства, она полностью уничтожит меня». После этого допрашиваемый увещевал свою жену, как он делал перед этим, и хотел, чтобы она молилась Господу, и [сказал], что повесит упомянутую Агнесс Херд, если сможет все это доказать.

После этого он отправился в свой пасторат, и, как он говорит, собирал там сливы. А упомянутая Агнесс Херд подошла к краю изгороди вместе с женой Энвика и сказала ему: «Я прошу вас дать мне немного слив, сэр». И допрашиваемый сказал ей: «Я рад, что ты здесь, грязная шлюха! Думаю, что ты околдовала мою жену, и, это правда, как и то, что, клянусь Господом, если она будет испытывать беспокойство, как уже происходит с ней, я переломаю тебе все кости. И, кроме того, я постараюсь тебя повесить!» И [он] сказал ей, что его жена попросит вмешаться своего отца. «Так что, я предупреждаю тебя, что он добьется, чтобы тебя повесили, поскольку имеет добрых друзей, да и сам является человеком решительным». И [он] сказал, что затем перечислил ей то, что, как полагали, она околдовала, например, гусей и свиней. И, когда он стал спускаться с дерева, упомянутая Агнесс неожиданно убежала от него, не взяв слив.

Далее допрашиваемый сказал (передав то, что он сказал ей и перед Рождеством), что его жена тяжело заболела, и много раз пугалась как во сне, так и наяву. И [она] призвала своего мужа к себе не более, чем за два дня до своей смерти и сказала ему: «Супруг мой, да благословит Господь тебя и твоих детей, поскольку я теперь полностью уничтожена этой злобной скотиной [назвав по имени упомянутую Агнесс Херд]». Эти слова, как он говорит, были произнесены ею в присутствии Джона Поллина и матушки Попп. И через два дня после этого его жена покинула этот мир, истово веруя, повторяя такие слова: «О, Агнесс Херд! Агнесс Херд! Она погубила меня!»

Агнесс Херд была найдена судом присяжных невиновной и оправдана.

Кроме очень спорных свидетельских показаний, примечательной чертой суда над сент-осайтскими ведьмами является преобладание практически во всех обвинениях и признаниях домашних духов или чертенят. У Алисы Хант было «два духа, похожих на маленьких чертенят, один черный и другой — белый, звали их Джек и Робин». Ее внучка сказала, что «она держала [их] в маленьком низком глиняном горшке с шерстью, окрашенной белым и черным, …и что она видела, как ее мать кормила их молоком». Элизабет Беннет призналась, что у нее было два «духа, одного звали Саккин, он был черным, как собака, другого звали Лейэрд, и он был рыжим, как лев». 7-летняя незаконнорожденная дочь Агнесс Херд дала показание, что у ее матери было 6 дроздов. Алиса Менсфилд и Маргарет Гревелл держали четырех чертенят по имени Робине, Джек, Уилл и Паппет, «похожих на черных котов».

Еще одна поразительная история о домашних духах была изобретена извращенным воображением 9-летнего Генри Селса, украшенная конкретными домашними деталями. Однажды к его брату Джону подошел дух,

> «похожий на его сестру, только весь черный, взял его за левую ногу и за мизинец. В это время его брат закричал: „Отец, отец, приди, помоги мне! Что-то черное держит меня за ногу, такое большое, как моя сестра!“ После этого его отец сказал его матери: „Почему, ты, сука, не можешь держать своих чертенят в стороне от моих детей?“ После чего она сразу же прогнала нечто от своего сына, приговаривая: „Иди прочь, иди прочь“. И при этих словах он исчез».

Мальчик был так напуган, «что весь покрылся потом и едва мог снять рубашку». Его мать только сказала: «Ты лжешь, ты лжешь, сукин сын!»

Для людей времен Елизаветы подобные показания не казались необычными — если здравомыслящие, ограниченные горожане считали их достаточно убедительным основанием для обвинения женщин, которых они подозревали и ненавидели. Присяжные заседатели не могли остаться безразличными к таким истцам как преп. Ричард Гаррисон, Джон Уэйд или Томас Картрайт. Следовательно, примечательным аспектом этого суда является то, что присяжные признали невиновными многих обвиняемых (как Агнесс Херд), и даже после вынесения обвинительного вердикта четверым из шести осужденных было отсрочено исполнение приговора (например, Сесил Селс).

СЕНТ-ЭДМУНДСБЕРРИЙСКИЕ ВЕДЬМЫ. «Наиболее прискорбный пример легковерия и бесчеловечности». Таково было мнение лорда Кэмпбелла в «Lives of the Chief Justices» (1849) об известном суде над ведьмами, проведенном в 1662 г. сэром Метью Хейлом, будущим Верховным судьей Англии. И не только потому, что это был один из самых тщательно документированных судов (памфлет с его описанием содержит 60 страниц), но и один из самых известных во всей Новой Англии и оказавший влияние на проведение салемских судов. Преп. Джон Лейл, чью жену обвинили в Салеме, в «Modest Inquiry into the Nature of Witchcraft» (1702) отмечает, как судьи справлялись о процедуре предшествующих судов над ведьмами по книгам, среди которых были труды Гланвиля, К.Мазера и «A Trial of Witches… at Bury St. Edmunds». Таким образом известность этого суда простерлась через океан от Сассекса до Массачусетса, и он имел гораздо большее значение, чем предыдущая казнь 60 или 70 ведьм в Сент-Эдмундсберри в 1645 г. [см. Хопкинс, Метью].

Исходная ситуация, обвиняемые и защитники, виды показаний, отношение судей и вердикт очень напоминают события в Салеме, происшедшие 30 годами позднее, а также дело уорбойских ведьм, бывшее 70 годами ранее. В обвинении, предъявленном двум пожилым вдовам, Розе Каллендер и Эми Дьюни из Ловестофта (Суффолк), утверждалось, что они околдовали 7 детей в возрасте от нескольких месяцев до 18 лет (один ребенок, видимо, в результате этого умер) и вдобавок на протяжении ряда лет занимались различными видами чародейства и maleficia. После распоряжений, данных судьей Хейлом присяжным, обе подзащитные за полчаса были признаны виновными по 13 пунктам обвинения. Они настаивали на своей невиновности, но спустя 4 дня были повешены. «Судья и весь суд были полностью удовлетворены вердиктом».

Следующие примеры (взятые из оригинального памфлета 1682 г.) демонстрируют различные виды показаний, допускавшиеся судом.

> В заключение присяжные и весь суд были полностью удовлетворены вердиктом. — «A Trial of Witches»

1. Голословное соотнесение причины и следствия, особенно в связи с maleficia.

М-с Дороти Дарент наняла Эми Дьюни сиделкой к ребенку. Вопреки распоряжениям Эми попыталась нянчить младенца. Когда ей сделали выговор, Эми пробормотала, «что лучше бы [миссис Дарент] присматривала за всем остальным, нежели выискивала ее промахи». Когда, вскоре после этого происшествия, у ребенка начались припадки, м-с Дарент отнесла его к «белому колдуну», д-ру Джекобу, предписавшему заворачивать ребенка в одеяло, предварительно подвешенное в трубе, чтобы сгорело то, что из него выпадет. Была найдена жаба и сожжена, «вспыхнув в огне, как порох». Сообщалось, что Эми после этого видели с обожженными лицом, ногами и бедрами. Хотя Эми снова угрожала Дарент, ребенок поправился. [В 1720 г. Хатчинсон заметил, что сжигая жабу и опалив при этом Эми, сама м-с Дарент поступила как ведьма].

Когда 9-летняя Дебора Пейси, страдавшая хромотой, сидела на солнце, Эми подошла к дому, чтобы купить сельдь. Поскольку она пользовалась репутацией ведьмы, ее отослали прочь. После третьего отказа «она ушла прочь, бормоча что-то, чего никто точно не понял. Но через короткое время упомянутый ребенок был охвачен сильнейшими припадками с непереносимой болью в желудке». В своих несчастьях ребенок обвинил Эми.

Кроме обвинений в околдовывании детей, ряд соседей сообщил о некоторых предполагаемых случаях maleficia, случившихся несколько лет назад. Ниже рассмотрены три подобных заявления. В первом (а) рассказывается о типичных беспокойствах, связанных с неустойчивостью тележки в жаркий летний день. Во втором (б) проливается дополнительный свет на личную чистоплотность в XVII в. Третий случай (в) представляет собой анекдот, который может позабавить любого жильца, который когда-либо просил домовладельца починить холодильник и слышал в ответ, что он работает превосходно и совершенно новый!

> Это был процесс, очень высоко оцененный судьями Новой Англии. — Коттон Мазер (1693).

а) Вышеназванный Джон Соум из Ловестофта, фермер среднего достатка, свидетельствовал, что не так давно, во время страды, он нанял три телеги, которые привезли домой его урожай. И когда они направлялись в поле загружаться, одна из телег зацепила окно в доме Розы Каллендер, из-за чего она выскочила в большом гневе и угрожала свидетелю наказанием за этот дурной поступок. И затем они проследовали в поля и загрузили все три телеги. Две другие телеги благополучно вернулись домой и снова вернулись, загружавшись дважды в течение дня. Но что касается той телеги, которая коснулась дома Розы Каллендер, то она в тот день дважды или трижды опрокидывалась, как только ее грузили. И когда, загрузив телегу второй или третий раз, они провозили ее через калитку, которая вела из поля в город, телега так сильно застряла в воротах, что они никак не могли протащить ее и были вынуждены срубить столб, чтобы телега смогла пройти, хотя и не могли понять, какой же стороной телега касалась ворот [Хатчинсон комментирует: «Но, если она не задевала столб, то что заставило их срубить столбы?»]. Дальше этот свидетель рассказал, что, после того, как они провели ее через ворота, они с трудом доставили ее домой через скотный двор. Но, как бы они не старались, они не могли близко подвести телегу к месту, где они должны были выгрузить зерно, и были вынуждены выгрузить его на большом расстоянии от места. И, когда они начали разгрузку, то снова встретились с большими трудностями, и это была такая тяжелая работа, что они были вынуждены позвать на помощь других людей, а у них самих пошла кровь из носа, так, что они не смогли продолжать и оставили все до следующего утра [Хатчинсон: «Если у человека во время страды идет кровь из носа, разве жара и работа не могут вызвать это без дьявола?»]. И наутро они разгрузили ее без всякого труда.

б) Роберт Шерингем также свидетельствовал против Розы Каллендер, что примерно в течение двух лет… его очень сильно беспокоило множество вшей необычайной величины. И, хотя он много раз переменял одежду, ему не становилось легче, и он снова покрывался ими. В конце концов он был вынужден сжечь всю свою одежду, оставив две смены белья, и тогда очистился от них.

в) Упомянутая Эми [Дьюни] сдала в аренду свой дом мужу этой свидетельницы, и сказала ей [свидетельнице], что, если она будет плохо смотреть за дымовыми трубами в ее доме, они рухнут. Свидетельница не придала этим словам большого значения, потому что трубы были новые, и они на этом расстались. Но вскоре труба провалилась, как и говорила Эми.

2. Истерические обвинения детьми, включая проявления припадков.

11-летняя Элизабет Пейси во время суда «большую часть времени …оставалась совершенно бесчувственной, как человек находящийся в глубоком сне, и не могла двинуть

ни одной частью своего тела — ее желудок и живот сильно раздувались при дыхании». Когда Эми Дьюни заставили дотронуться до ребенка, Элизабет подпрыгнула вверх, царапнув лицо Эми, «так, что пролилась кровь».

Обе девочки Пейси страдали истерией. В памфлете дается ее полное описание:

> «Их припадки были различными. Иногда им парализовывало одну сторону тела, иногда — другую. Иногда судорога сводила им все тело так, что они не могли вытерпеть ничьего прикосновения. В другое время они могли двигать своими конечностями, но при этом теряли слух. Временами они слепли, временами немели, иногда на день, иногда на два, а однажды они замолчали на целых восемь дней и затем снова заговорили. Иногда их били судороги, и при восстановлении дара речи они сильно кашляли и выплевывали большое количество слизи, и с нею вместе гнутые булавки, а однажды — двухпенсовый гвоздь с очень большой головкой. Каковые булавки числом сорок или более, вместе с двухпенсовым гвоздем, были представлены суду с заявлением упомянутого свидетеля, что он присутствовал, когда дети срыгнули упомянутый гвоздь и большую часть булавок. Обычно в конце каждого припадка они выблевывали булавку, и иногда за один день у них случалось четыре или пять припадков».

Другая юная одержимая, Мерси Шорт занималась похожими делами, проглатывая булавки и надувая свой живот. Подобно Маргарет Рулл, Джейн Бокинг, другим детям из Сент-Эдмундсберри, она могла не принимать пищу в течение нескольких недель. К.Мазер помогал как Мерси, так и Маргарет, был полностью осведомлен о ходе суда и перечислил его основные особенности в «Wonders of the Invisible World» (1693). Дети из Салема заикались или пропускали священные имена, явно выучив этот урок на основании показаний в Сент-Эдмундсберри.

> Подобным образом упомянутые дети продолжали обращаться с этим свидетелем в течение двух месяцев, за это время в перерывах свидетель смог заставить их читать некоторые главы из Нового Завета. Причем свидетель несколько раз наблюдал, что они читали до тех пор, пока не встречались с именами Господа, Иисуса или Христа, и не успевали они произнести эти имена, как с ними случались внезапные припадки. Но, когда они доходили до имени Сатаны или дьявола, они хлопали пальцами по книге, выкрикивая: «Это кусает, но заставляет меня говорить правильно».

4. Привлечение заинтересованных личностей как назначенных судами профессиональных свидетелей.

Мери Чендлер была матерью 18-летней Сьюзен, бывшей одной из истиц. Несмотря на это, миссис Чендлер была назначена обыскать Эми на предмет ведьминских отметок, и вот что она нашла:

> «Они начали с ее головы и потом раздели ее догола, и в нижней части ее живота нашли нечто, похожее на сосок длиной в дюйм. Они спросили ее об этом, и она сказала, что надорвалась, когда несла воду, и это вызвало данный нарост. Но при более тщательном осмотре они нашли в ее интимных местах еще три нароста или соска, но меньше, чем предыдущие. Позже эта свидетельница сказала, что в большом соске на конце была маленькая дырочка, и им показалось, что из нее недавно сосали, при надавливании из нее выделялось какое-то молочное вещество».

4. Призрачные показания отдельных свидетелей о призраках.

Элизабет и Дебора утверждали, что видели призраки Эми Дьюни и Розы Каллендер, напугавшие их.

> Во время своих припадков они выкрикивали: «Там стоит Эми Дьюни или Роза Каллендер». И иногда в одном месте, а иногда в другом, быстро перебегая к месту, где, как они представляли, должны были находиться ведьмы, они ударяли их, как будто

они действительно там были. Ведьмы появлялись перед ними, иногда быстро вращаясь или оставаясь неподвижными в той или в другой позе, насмехаясь над ними или угрожая им.

После того, как Розе Каллендер было также отказано в сельди Дарентом, рыбаком как и Пейси, его дочь Анна сказала, что «видела призрак упомянутой Розы, который пригрозил, что будет мучить ее».

Две другие особенности данного суда заслуживают комментария.

Сэр Томас Браун, врач, пользовавшийся известностью как автор «Religio Medici» (1642), дал заключение специалиста. Хотя он предусмотрительно отказался ясно подтвердить, что верит в околдовывание детей, любой из членов суда присяжных мог остаться при своем мнении.

> «И его мнение, что дьявол в подобных случаях воздействует на тела мужчин и женщин естественным образом, то есть будоража и чрезмерно возбуждая их до величайшего экстаза, посредством чего необычным способом поражает их такими телесными расстройствами, к каким они не были склонны, что, в частности, проявилось у этих детей. И он понял, что эти припадки, сопровождавшиеся обмороком, были естественного происхождения и ничем не отличались от прочих припадков такого рода (кроме того, что дети звали мать). Но заболевание было доведено до высочайшей степени происками дьявола, взаимодействующего со злобой тех, кого мы называем ведьмами, по чьему наущению он делает эти пакости».

Самым возмутительным в данном суде для читателя XX в. является игнорирование судом доказательств мошенничества свидетелей и постоянное принятие показаний о призраках. Заподозрив, что дети могли мошенничать, когда они визжали при прикосновениях предполагаемых ведьм, некоторые из судей предложили тест:

> «Чтобы избежать подобных колебаний, Судья высказал личное пожелание, чтобы лорд Корнуоллис, сэр Эдмунд Бекон и мистер Сержант Килинг вместе с другими джентльменами, присутствовавшими в суде, проводили одного из страдавших расстройствами детей в дальнюю часть зала, в то время, когда она находилась в припадке, а затем послали бы за одной из ведьм. Что они соответственно и сделали. И Эми Дьюни была выведена из-за решетки и подведена к девушке. Они завязали ей глаза и затем кто-то другой дотронулся до ее руки, что вызвало то же действие. Джентльмены вернулись и заявили публичный протест, что все данное дело было чистым мошенничеством».

Однако, председательствующий сэр Метью Хейл был убежденным сторонником охоты на ведьм и охотно принял «объяснение» отца девушки, что, «возможно, девушка была обманута подозрением, что эта ведьма трогала ее, хотя она этого не делала». Другой председательствующий, сэр Джон Холт, во время последних судов над ведьмами в 1694 г. в Сент-Эдмундсберри занял другую позицию и создал прецедент, настояв на освобождении матушки Маннингс, обвиненной в предсказании будущего, вызвавшем смерть. Если бы сэр Метью вел себя как его преемник, вердикт мог быть другим, и Салем был бы предотвращен.

Закон 1711 г. оправдал некоторых казненных за колдовство в Салеме в 1692 г., другие должны были ждать до 1957 г.

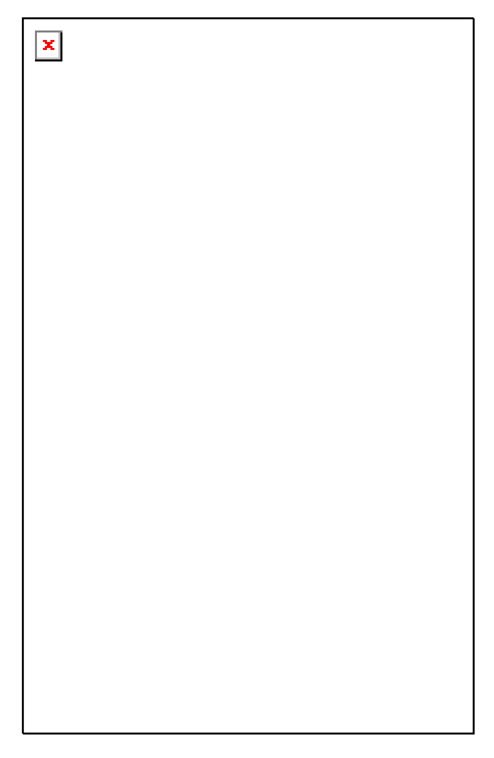
СИНИСТРАРИ, ЛЮДОВИКО МАРИЯ (1622–1701). Последний из демонологов, следовавший инквизиторским традициям Реми, Боге и других. В свое время был известен как ученый и человек благородного обхождения, хороший лингвист и интересный собеседник. В возрасте 25 лет вступил в орден францисканцев, после чего состоял профессором теологии в Падуанском университете, консультантом Высшего трибунала ин-

квизиции в Риме и викарием архиепископа Авиньонского. В 1688 г. составил устав францисканского ордена. Самая большая работа С. «De Delictis et Poenis» («О преступлениях и наказаниях») была опубликована в Венеции в 1700 г., но затем включена в «Индекс запрещенных книг», пока в 1753 г., уже после смерти автора, не была откорректирована в Риме. Сегодня С. известен благодаря «De Daemonialitate» [Demonialitaty], подробному изложению частей «De Delictis», не доступных его современникам. Рукопись была обнаружена только в 1875 г. в Лондоне французским издателем Исидором Лизо, заплатившим за нее 6 пенсов.

«Demoniality» посвящена проблемам, возникающим в связи с отношениями между смертными и дьяволами. Согласно С., инкуб и суккуб были не злыми ангелами или дьяволами, а folleti или duendes, человекоподобными существами, обладавшими чувствами и имеющими право на искупление своих грехов Христом. Отличаются же они от смертных тем, что могут становиться невидимыми и проходить сквозь стены (подобно блаженной Кларе д’Аголанто). Следовательно, сношения с инкубом или суккубом не являются ни содомией, ни скотоложством. Поскольку молодые женщины иногда видят эротические сны, их истории об инкубах должны, как правило, восприниматься как вымысел.

СИНКЛЕР, ДЖОРДЖ. Профессор философии и математики в университете Глазго, из которого был уволен в 1666 г. за несогласие с епископальной церковью. В это время С. работал горным инженером, но даже в техническом труде «Hydrostatics» (1672), представил историю гленлусского дьявола. «Если неверие в колдовство распространится, — писал С., — прощай все религии, все верования, все надежды жизни рухнут».

Книга С. «Satan’s Invisible World Discovered» (1685) — известнейшее собрание историй о ведьмах, выдержала множество изданий. Как писал Ли, книга С. «на протяжении всего XVIII в. находилась в библиотеке любого сельского шотландского дома». С. искал пути опровержения «саддукеев» («сомневавшихся») и надеялся обратить их историей о «гамельнском дудочнике». Тем самым он способствовал утверждению веры в колдовство, спустя долгое время после того, как к ней охладели в Англии.

Титульный лист книги Педро Сирвело «Reprobacion»
(из издания, выполненного в Медине аль Кампа, в 1551 г.), БКУ.

СИРВЕЛО, ПЕДРО САНЧЕС (ок. 1475–1560). Написанная С. «Opus de Magica Superstitione» [«Книга о вере в магию»] более ста лет оставалась классической работой по колдовству в Испании. Отразившийся в ней тридцатилетний опыт работы С. в качестве инквизитора Сарагоссы и каноника в Саламанке увеличил ее популярность. Значение книги было также обусловлено широким распространением ее перевода («Reprobacion», 1539), первой книги по колдовству, напечатанной на испанском языке.

С. писал, что перемещения ведьм [jorguinas] могут происходить в действительности или быть дьявольским наваждением, когда ведьмам кажется, что они летали. Однако состояние транса, в которое они впадают, столь же греховно, как и само действие, поскольку оно является следствием договора с дьяволом. Формально не считаясь ересью, колдовство, должно всегда рассматриваться и наказываться как таковая.

СКОТТ, РЕДЖИНАЛЬД (1538–1599). Родился в Кенте, в сельской дворянской семье, посещал Оксфордский университет, но вышел без степени и начал жизнь сельского дворянина. Занимал некоторое время правительственный пост сборщика налогов, в течение года был членом парламента, управлял имением своего кузена, сэра Томаса Скотта. Был дважды женат на женщинах из порядочных семей. Умер в 1599 г. Его практический и хозяйственный опыт вылился в написание «Хмельника» («The Hop Garden», 1574), руководства, способствовавшего развитию производства хмеля в графстве Кент.

Возможно, что потрясение, испытанное в 1582 г. в Сент-Осайте (Кент) от массовых казней или от суда над Маргарет Симонс, ведьмой из Кента, вдохновило С. написать «Discovery of Witches», подобно тому, как Джейн Венхем вдохновила труд епископа Хатчинсона. Поскольку С. обрушился на представление о колдовстве как о преступлении, он опубликовал книгу на свои средства без имени издателя, из-за чего она не вошла в «Statiner's Register» (списки изданных книг), лишь имя печатника было названо в конце книги. С. полагал, что колдовская ересь была изобретением инквизиции:

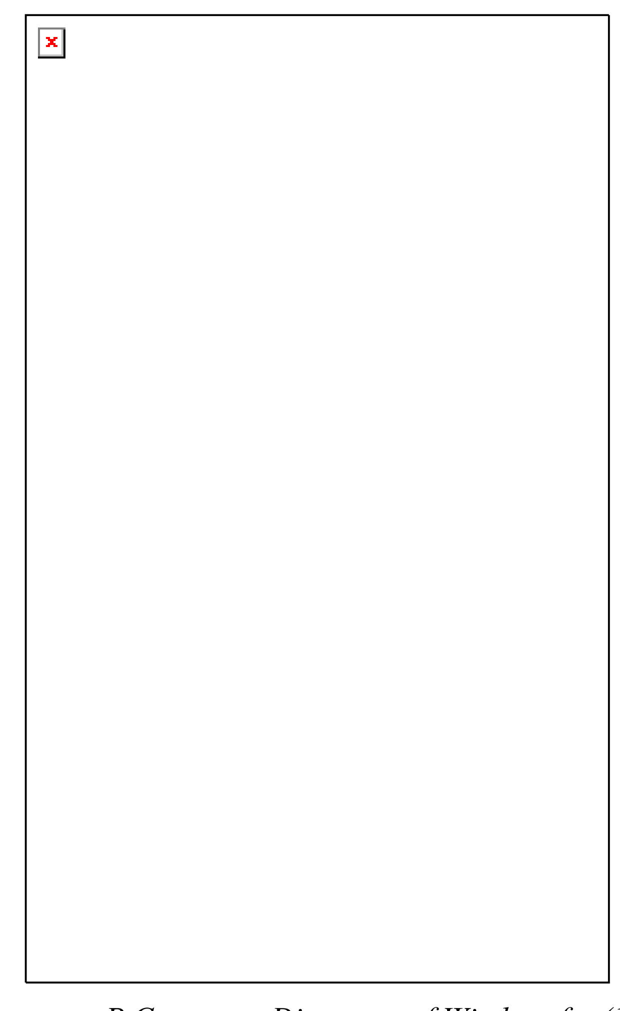
> «Поскольку перед всем миром это может выглядеть как коварные дела неверных, чрезмерная и непереносимая жестокость, явная и глупейшая нелепость, чудовищная и противозаконная грубость, оскорбительная, варварская жестокость… гнусные дьявольские изобретения, подлость, просто мошенничество, направленные против этих старых женщин, я считаю все установления инквизиции вечным, не имеющим оправдания и очевидным позором всех искоренителей ведьм».

Позиция С. основывалась на том, что «проявления спиритуализма были искусным мошенничеством или иллюзиями, вызванными душевными расстройствами очевидцев». В целом его отношение было скептическим и саркастически насмешливым, за исключениям тех случаев, когда он отдает должное драгоценным камням и сказочным предметам (вроде рога единорога), наделенными излечивающими свойствами. Не все из 16 разделов книги посвящены колдовству, в последних четырех рассматриваются заговоры и дается объяснение мошенничествам и трюкам фокусников.

Король Яков I назвал высказывания С. отвратительными и, вероятно, распорядился, чтобы все экземпляры его книги были сожжены (первого издания книги нет ни в библиотеке Ламбетского дворца, ни собора Св. Павла). «В „Discovery of Witchcraft“ [1584] С. — отметил в 1593 г. Габриэль Харвей, — разоблачаются все без исключения известные мошенники, а некоторые абзацы основных глав бьют не в бровь, а в глаз». В 1688 г. легковерный Мерис Касабон находил С. «малопорядочной… очень ничтожной личностью», правда, отмечая при этом, что «я никогда не держал в руках и не читал его книгу».

Из цитируемых С. 23 английских авторов, среди которых Чосер, Бейль, Фокс и Томас Мор, ни один прямо не связан с колдовством. Не считая переводов «De Spectris» (в 1572) Лафатера, «Les Sorciers» (в 1575) Дано и «The World Possessed with Devils» (1583)

Пьера Вире, книга С. является первой английской работой о колдовстве. Из нее Шекспир взял материал для своих ведьм из «Макбета», а Милтон — для пьесы «Ведьма».

Первая страница книги Р.Скотта «Discovery of Witchcraft» (1584), важнейшей из английских книг, направленных против колдовства. Является редким изданием, поскольку, по восшествии на престол в 1603 г., король Яков I распорядился уничтожить все экземпляры. 2-е издание появилось лишь в 1651 г. (БКУ).

Поскольку С. не стремился давать советы судьям или теологам, а хотел высмеять веру в колдовство в глазах широкой общественности, его «Открытие» написано и читается легче, чем работы известных демонологов. Среди его язвительных анекдотов (например, насмешек над лигатурой), есть рассказ о молодом человеке, которого кастрировали после вступления во внебрачную связь. Он

> «отправился для восстановления к ведьме. Она привела его к дереву, где показала гнездо и приказала вскарабкаться наверх и взять его. И, когда он влез на вершину дерева, он вынул из гнезда самый большой […] и показал его ей, спрашивая, может ли он взять его. Нет, отвечала она, это инструмент нашего приходского священника, так что возьми любой другой. И, как здесь говорится, в гнезде находилось двадцать или тридцать […], сохраняемых, как корм в кормушке… Все это не розыгрыш, поскольку записано и подтверждено теми, кто был судьями над жизнью и смертью этих людей».

Генри Ли так охарактеризовал значение этого труда: «Ему выпала честь быть первым в ряду работ, решительно отрицавших реальность колдовства и могущество дьявола».

СЛУШАНИЯ В «ОГНЕННОЙ ПАЛАТЕ». Только эпитет «фантастичные» подходит для описания черных месс, когда католические священники резали новорожденных

младенцев над грудью обнаженной девушки, распростертой на алтаре, о чем рассказывали свидетели в Chambre ardente (Огненной палате), где заседал суд, учрежденный Людовиком XIV, чтобы расследовать широко распространившиеся среди французской знати случаи отравлений. Это расследование, растянувшееся с января 1679 г. до июля 1682 г., возможно, является единственным судом над ведьмами, основанным скорей на действительно имевших место фактах, нежели на необузданном воображении юных истеричек или болезненно извращенной логике судей по делам колдовства и инквизиторов. Добросовестный полицейский чиновник, лично ответственный перед самим королем, говорил о показаниях: «Я снова и снова искал хоть что-нибудь, что могло бы убедить меня в том, что обвинения ложны, но подобное заключение просто невозможно». Тем не менее, обвинения, затрагивавшие знатнейших людей Франции, были в значительной степени обусловлены показаниями, полученными под пыткой, от женщин, чьи ноги по восемь раз раздрабливались в «сапогах».

Расследование основывалось на ряде отравлений. В начале 1673 г. два известных священника из Собора Парижской Богоматери, не называя имен, рассказали полиции, что многие из исповедавшихся у них признались или в предполагавшихся, или в действительно имевших место убийствах, совершенных, чтобы развязать «любовные треугольники». В 1677 г. полицейский комиссар Парижа Никола де Реюни раскрыл хорошо организованную международную сеть отравителей с ответвлениями в Португалии, Италии и Англии. Возглавляемая несколькими дворянами, адвокатом и банкиром, она распространяла яды по всей Франции. Были обнаружены большие запасы ядов. Главарь банды, аристократ Франсуа Гало де Шастейль, бежал. (Он был яркой фигурой своего века — сын генерального прокурора Экса, доктор права, бывший мальтийский рыцарь, алжирский флибустьер и кармелитский приор, содержавший свою любовницу в погребе). Остальную часть банды допрашивали более года, но полиция так и не вышла на ее руководителей, хотя один из подозреваемых, Ваненс, позже выдал связного с розничными торговцами, предсказателями будущего, занимавшимися также сводничеством и абортами.

Просвет в деле наступил вследствие случайной беседы с Мари Босс, devuineresse (предсказательницей будущего): «Как прекрасно мое занятие! Какие превосходные клиенты! Одни маркизы, принцы и высшая знать. Еще три отравления, и я ухожу в отставку, мое будущее обеспечено!» Женщина — полицейский агент, ухватившись за представившуюся возможность разгадки, сказала, что жаждет избавиться от своего мужа и ушла с бутылкой яда. Полиция совершила облаву и нашла в заведении мадам Босс тайник с ядами.

4 января 1679 г. полицейский комиссар Реюни приступил к допросам вдовы Босс, ее дочери и двух сыновей, одновременно с другой предсказательницей, дворянкой Вигоре, любовницей обоих покойных мужей мадам Босс. Это была странная компания: все пятеро спали вместе в одной кровати. Чтобы прекратить применение ядов, месье Реюни должен был получить имена покупателей. Мадам де Пулельон стала первой обвиняемой femme de qualite (дамой благородного происхождения), в течение же последующих месяцев было вовлечено еще несколько сотен придворных. Все преступления строились по одной схеме. Так, например, у мадам де Пулельон был любовник, а ее старый муж цеплялся за свои мешки с деньгами. В связи с этим мадам купила poudres de succession (яды), но муж стал подозревать ее и скрылся в монастыре. Распространенным способом применения яда было замачивание рубашки в мышьяковистой кислоте, что вызывало раздражение тела, напоминающее сифилис. Затем женщина приносила якобы исцеляющую, а на самом деле отравленную мазь, которая при втирании в кожу ее больного мужа, вызывала его смерть в течение нескольких месяцев.

На основании подобных показаний 8 марта 1679 г. король Людовик XIV согласился создать commission de l’Arsenal, суд, тайно заседавший в «Огненной палате», не подлежащий обжалованию и прозванный в народе Chambre ardente (потому что комната была задрапирована черным и освещалась свечами). Была схвачена и другая предсказательница,

известная Катрин Дешайе, вдова Монвуазена, известная как Ла Вуазен. Она заявила, что ее ремеслом были хиромантия и физиогномика, и, в свою очередь, обвинила г-жу Босс. При перекрестном допросе были названы две вдовы парижских магистратов, покупавшие у Ла Вуазен яды, их также арестовали. Третья sage femme (знахарка), г-жа Лепер, специализировавшаяся на абортах, была арестована как сообщница Ла Вуазен. Она заявила, что помогала только тем женщинам, у которых задерживались менструации, и никогда не прерывала беременность. И она никогда бы не брала денег у этих девушек, которые считали себя беременными, но Вуазен сказала ей, что, если эти девушки считают себя проститутками, то им стоит поверить. Как и предполагали, в саду ее дома в парижском пригороде Вильнев сюр Гравуа было похоронено множество зародышей и младенцев. Одна свидетельница обвинила Ла Вуазен в том, что она уничтожила 2500 нежелательных детей.

Полагая быстро покончить с расследованием, 6 мая 1678 г. Chambre ardente приговорила г-жу Вигоро и г-жу Босс к сожжению заживо, а сына г-жи Босс, Франсуа, — к повешению. Мадам де Пулельон была освобождена при условии высылки. Суд отложил исполнение приговора Ла Вуазен и г-жи Лепер, а также г-жи Ванен, их посредницы.

До этого этапа следствия колдовская ересь не затрагивалась. Чародейство отмечалось: предсказатели продавали любовные зелья [poudres pour l'amour], смешивая мышьяк, серу и купорос с сушеными крысами, жабами, семенем и менструальной кровью. Колдовство не упоминается ни в показаниях, полученных позже от других предсказателей, во время летней и последующих сессий, ни в показаниях, связанных с привлечением в качестве возможных продавцов ядов нескольких забеременевших фрейлин, являвшихся любовницами короля. Среди вовлеченных в дело дворян был великий драматург Жан Расин; был подписан, но так и не предъявлен ордер на его арест по обвинению в отравлении собственной любовницы.

После года расследований, когда все большее и большее количество лиц из королевского окружения оказывалось замешанным в использовании ядов, 23 января 1680 г. Chambre отдала распоряжение об аресте графини Суассон, маркизы д'Аллуэ, мадам де Полиньяк (фаворитки короля), мадам де Тингри, герцогини Бульонской, маркиза дю Руар, герцога Люксембургского (капитана королевской гвардии) и маркиза де Фекьера. Они были заключены в Венсеннском дворце или в Бастилии. Все французское высшее общество было охвачено волнением, и несколько обвиняемых бежали из страны. Шедшая тогда в Париже пьеса Корнеля «La Devineresse» («Ворожея») приобрела двусмысленное звучание.

Герцогиня Бульонская появилась в суде, сопровождаемая своим мужем (в отравлении которого она обвинялась) и любовником. Ее допрос был кратким:

В.: Знаете ли вы г-жу Вигоре?

О.: Нет.

В.: Знаете ли вы г-жу Вуазен?

О.: Да.

В.: Почему Вы хотели убить собственного мужа?

О.: Убить его?! Вы бы лучше спросили моего мужа, что он думает об этом. Он проводил меня до двери зала заседаний.

В.: Но почему Вы так часто виделись с г-жой Вуазен?

О.: Я хотела выяснить, что эти сивиллы хранили для меня в запасе; вы, наверное, знаете, как нам живется в эти дни?

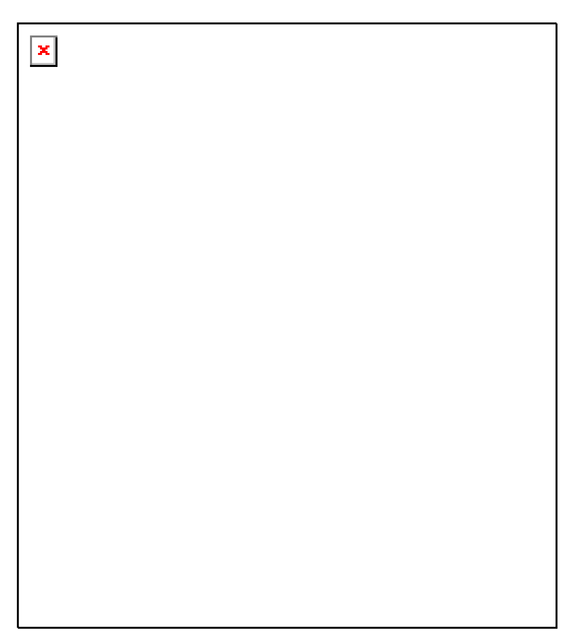
В.: Много ли вы заплатили этой женщине?

О.: Нет, только в пределах разумного. Есть ли у вас еще вопросы ко мне, господа?

Когда герцогиня покинула зал суда, мадам де Севинье заметила: «Если говорить честно, я бы никогда не поверила, что образованные люди могут задавать такие глупые вопросы». Эта и другие язвительные реплики, конечно, были убраны из официальных отчетов. Маркиз де Пас так обобщил впечатления знати: «Некоторые профессиональные отравители, мужского и женского рода, придумали способ продления своих никчемных

жизней, разоблачая многих аристократов, чей арест и допрос хоть немного оттягивал гибель этих несчастных».

Озабоченный растущим противодействием своей деятельности, полицейский комиссар Реюни прибег к давлению на небольшую группу обвиняемых предсказателей будущего, особенно на некоего Лесажа, ранее осужденного к галерам и ставшего профессиональным свидетелем. Месье Реюни использовал пытку, начиная с sellette (скамейки), стула для пыток, затем brodequins (сапога), когда клинья, вбиваемые в сапоги деревянными молотками, раздрабливали ноги. После 3 дней ужасной боли Ла Вуазен по-прежнему отрицала все обвинения в отравлении. В стенографическом отчете секретаря отмечаются ее крики во время успешных раздрабливаний ног. Во время второго удара она закричала: «О, мой Господь! Святая дева! Мне нечего сказать». Во время третьего удара она громко закричала и сказала, что скажет правду. Как отметил секретарь, после четвертого удара она закричала «необычайно», но ничего не сказала. Пытка продолжалась. Полицейский комиссар приписал ее молчание слишком мягкому обращению. Генеральный атторней потребовал вырвать ей язык и отрубить руки, но суд удовлетворился сожжением заживо. Она приняла тяжелую смерть (22 февраля 1680 г.). Ее привязали к столбу, «связанную и опоясанную железом. Изрыгавшую ругань, ее покрыли соломой, которую она сбрасывала пять или шесть раз, но, наконец, пламя усилилось, и она исчезла из виду» (Мадам де Севинье, «Письма»).

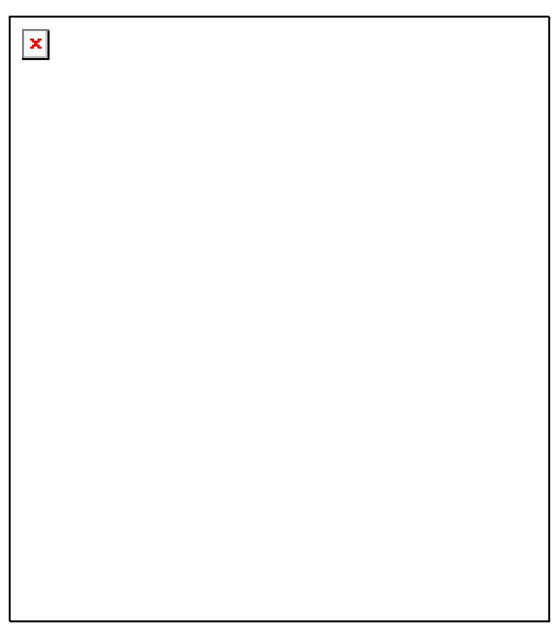
Асмодей, демон-разрушитель, соблазнивший Еву.
Иллюстрация из «Dictionnaire infernal» (1863) К. де Планси.

Колдовство было введено в качестве обвинения, когда Лесаж обвинил двух священников, отцов Даво и Мариэтта, в служении черной мессы над обнаженными животами юных девушек. Отец Жерар, священник из Сен-Савьера, был обвинен в служении подобной мессы, во время которой он лишил невинности девушку, служившую ему алтарем. Но только после постоянного применения пытки обвинения в черной магии распространились на всех. Чтобы получить необходимое ему признание, Реюни использовал самые ужасные пытки в виде дыбы и question de l’eau (пытки водой), когда в глотку вливали до 8 пинт (4 литров) воды! У него даже появилась идея вызвать в суд Мадлен Буве [см. Лувьерские монахини], якобы связанную с несколькими предсказателями судьбы. Однако комиссар Реюни был смещен, и Мадлен осталась в неведении в монастыре в Нормандии. 24 февраля 1680 г. сфера деятельности Chambre ardente расширилась до расследования «святотатства, осквернения святынь и богохульства».

В Тулузе был арестован и препровожден в Париж аббат Мариэтт. 21-летняя дочь г-жи Вуазен и Лесаж (профессиональный свидетель) рассказали, как священник приносил

в жертву белых голубей и изготавливал восковые подобия. Другая предсказательница, г-жа Филастр, призналась в жертвоприношении ребенка дьяволу в центре круга из черных свечей и в отречении от таинств. Во время одной черной мессы, отправлявшейся аббатом Котто и аббатом Дешайе, она принесла в жертву своего новорожденного ребенка, а священник произнес мессу над последом. Священники крестили маленькие фигурки, наделяя их крестными родителями, с намерением вызвать любовь или смерть.

Другие многочисленные священники также совершали богохульственные обряды. Например, отец Даво отслужил эротическую мессу над обнаженной девушкой, церемониально целуя ее parties honleuses (половые органы). Мадам Лузиньян, обнажившись, занималась всяким мерзостями со своим священником в лесу Фонтебло при больших пасхальных свечах. Отец Турне отслужил 3 эротические мессы, во время одной из которых он публично возлег с девушкой на алтаре.

Астарот, добивающийся дружбы сильных мира сего.
Иллюстрация из «Dictionnaire infernal» (1863) К. де Планси.

66-летний аббат Гибур, горбун, незаконнорожденный сын Анри де Монморанси, пономарь церкви Св. Марселя в Сен-Дени, был вовлечен как сообщник Ла Вуазен. Он также произнес мессу над последом для мадемуазель Ла Кудрей (для которой он подделал свидетельство о браке) и другие мессы над обнаженными женщинами. Иногда, при вознесении гостий, он произносил заклинания для отыскания сокровищ или сексуального притяжения. Одно из них было адресовано двум традиционным дьяволам похоти:

> «Астарот и Асмодей, принцы братства, я призываю вас принять в дар этого ребенка, за что я прошу [ради той, для кого совершается эта месса], чтобы король и дофин сохраняли свое расположение по отношению к ней, чтобы ее чтили принцы и принцессы королевской фамилии, чтобы король не отказывал ей ни в чем, чего она не попросила бы у него для своих родственников или домашних».

Дочь Ла Вуазен описывает полуночную мессу с большим количеством подробностей: «Она видела женщину, распростертую на матрасе, ее голова свешивалась с края и поддерживалась подушкой, находившейся на стуле, перевернутом кверху дном, ее ноги свешивались, салфетка с крестом покрывала ее грудь, потир покоился на животе». Избежавший казни Лесаж добавлял, что женщина держала в руках свечи на протяжении всей службы.

Отец Гибур описывает другую мессу, во время которой, как он утверждал, он убил ребенка. Его показание подтвердила дочь Ла Вуазен (которой в то время было только шестнадцать) и Жанна Шофрен, одна из трех его любовниц (у которой от него было 7 детей).

> «Он принес ребенка, чтобы принести его в жертву во время мессы, совершаемой ради знатной дамы. Он перерезал горло ребенка ножом и, выпустив его кровь, вылил ее в потир, после чего унес тело в другое место, чтобы позже использовать его сердце и внутренности для другой мессы. …Он произнес эту вторую мессу в крепости Сен-Дени над той же самой женщиной и с теми же самыми церемониями. …Тело ребенка, как ему сказали, должно было использоваться для изготовления магических порошков».

Другой вариант эротической мессы был совершен ради королевской любовницы.

> Облачившись в белый стихарь, епитрахиль и фелонь, [Гибур] прочитал заклинание в присутствии мадемуазель де Олье, которая изготовляла амулет для короля. Ее сопровождал мужчина, передавший ему текст заклинания. Для данного обряда было необходимо иметь семя обоих полов, но, поскольку у мадемуазель де Олье были mois (месячные), и она не могла его дать, она положила вместо него в потир немного менструальной крови. Дворянин, который был с ней, зашел в пространство между кроватью и стеной, и Гибур направил его семя в потир. В эту смесь каждый положил порошок, сделанный из крови летучих мышей, и добавил немного муки, чтобы придать ей твердую консистенцию. Затем [отец Гибур] произнес заклинание и вылил то, что было в потире, в бутылку, которую мадемуазель Олье и дворянин забрали с собой.

Подобные обряды совершались на протяжении двух столетий охоты на ведьм, развившись из значительно более ранних представлений о великой силе дьявола. В то время, когда богословы объясняли, что Сатана ничего не делает без соизволения Господа, множество людей не могло разрешить противоречия: как всемилостивый и всемогущий Господь допускает, чтобы совершалось зло. Гораздо легче оказалось принять уже существовавшую манихейскую ересь с добрым Богом и злым дьяволом, и считать, что, если Бог не смог помочь, то, возможно, это сделает дьявол. В подобном дуализме богохульственные обряды смешивались с церковными. Ла Вуазен была арестована при возвращении с воскресной утренней мессы, г-жа Лепер добросовестно крестила преждевременно родившихся детей, добываемых ею для черных месс. С философской точки зрения, французские дворяне поступали так же, как французские крестьяне, искавшие помощи у друзей дьявола. Кроме того, поскольку католические мессы совершались и с определенными намерениями — существовали моления о дожде, здоровье, победе, — распространение этого принципа на любовь представляется закономерным.

Несмотря на убежденность полицейского комиссара в обоснованности обвинений, на самом деле они оставались никуда не годными. Все свидетели имели плохую репутацию, и на любом другом суде усомнились бы в их показаниях. Самые сенсационные откровения добывались только мучительными пытками. Однако Ла Вуазен постоянно отрицала всякую связь с колдовством. В двух случаях ее дочь явно противоречит своим собственным показаниям. Перед сожжением заживо г-жа Филастр отреклась от своих признаний, сделанных под пыткой, заявив полицейскому комиссару, что «все, что она заявила по данному поводу, было сделано только ради избавления от боли и мучений пытки и из боязни ее продолжения». С другой стороны, более убеждающими являются колдовские инструменты, найденные у предсказателей — не только яды, но и восковые фигурки, заговоры для абортов, книги по магии и черные свечи. Несмотря на заявление г-жи Трианон, одной из предсказательниц, такого рода свечи не предназначались для чистки обуви. Расписки на крупные суммы денег, выплаченные аббату Гибуру, являются не менее обличающими показаниями. Вполне возможно, что, когда приворотные действия не оказали нужного действия, французские дамы обратились к черным мессам. Описание службы, состоявшейся в 1668 г. (за помощь в которой тайный осведомитель Лесаж был сослан на

галеры), является всего лишь описанием обыкновенной мессы, произнесенной с эротической целью: письменная просьба об успехе в любви была возложена на алтарь. Однако к 1680 г. служба стала дополняться разрезаемыми младенцами и обнаженными красотками.

Тем не менее французское общество поддержало эти обвинения, и перед королем встала задача, как замять величайший скандал столетия. Он временно приостановил работу Chambre ardente в августе 1680 г., но, поскольку в показаниях говорилось о попытке его бывшей любовницы, мадам де Монтеспань, отравить самого Людовика и его новую юную любовницу (мадемуазель де Фонтанж), Людовик распорядился, чтобы Реюни продолжал сверхсекретные расследования. Собранные показания выявили, что мадам де Монтеспань была ключевой фигурой во всем этом сатанизме. Возникла еще более настоятельная необходимость скрыть этот позор. Комиссар Реюни продолжал свою деятельность до июля 1682 г., без разбора сжигая и подвергая пыткам многих мужчин и женщин из низших слоев, обвиняемых в продаже ядов и помощи в колдовстве. Однако за все 4 года ни один дворянин не был подвергнут пытке или казнен. Правосудие было действительно слепо.

За время расследования было арестовано 319 человек и 104 приговорено: 36 к смерти, 4 к галерам, 34 к изгнанию и 30 оправданы. Последовавшие за этим законы запретили предсказание будущего, контролировали продажу ядов и объявили колдовство суеверием [см. Людовик XIV, эдикт 1682 г.]. В 1709 г., в возрасте 70 лет, Людовик XIV решил уничтожить отчеты, и 13 июля они были сожжены. Но так или иначе копии официальных стенограмм и записи полицейского комиссариата избежали уничтожения, и попытка короля стереть страницу истории провалилась.

СОННЫЙ ОБЕРЕГ. Заговор против вреда, который может быть причинен ночью, особенно против ночного кошмара или мары. В «Рассказе мельника» Чосера плотник читает белую молитву или заговор против ночного verge [чудовища]:

> «Иисус Христос и святой Бенедикт,
> Благословите дом сей от любой грешной твари».

Другое заклинание упоминается Флетче-ром в одной из его пьес (1619):

> «Святой Георгий, святой Георгий,
> Храни меня ночью, храни меня днем».

В «Compendum Maleficarum» (1626) Гваццо дает указания, как защитить себя во время сна:

> «чтением святых псалмов и молитв, таких как «Qui habitat in adiutorio altissimi», «In te Domini speravi» или некоторых других. Пусть они осеняют себя крестом, читая «Salve regina mater misericordiae» («Помоги мне, пречистая матерь»), «Отче наш», «Ave Maria», и т.п., и тогда они будут спасены от подобных напастей. Пусть возьмут воскового агнца Божьего, благословленного папой, или другие священные реликвии. Молитвенное рвение служит наиболее надежной зашитой и оплотом против всех ухищрений Князя Тьмы» [см. также Заговор].

СПИНА, БАРТОЛОМЕО (ок. 1475–1346). Ученик Сильвестра Приериаса, назначенный папой, наряду с ведущими теологами середины XVI в., для оценки Тридентского собора. Назначение доминиканца, обладавшего подобным авторитетом, отмечал скептически настроенный Понцинибио, отражает широко распространившуюся в Италии апатию и даже сопротивление охоте на ведьм. Основной труд С. — «Quaestio de Strigibus» («О ведьмах», 1523) направлен против основ главным образом итальянской магии, где сохранялась вера в ведьм, и, прежде всего, в ночные полеты, сексуальные сношения с дьяволом и превращение в животных. Подобно другим демонологам, С. отвергал положения канона «Episcopi», согласно которому неверие в ведьм является обязательной церковной догмой.

До своей смерти отстаивал призрачные показания, замечая, что, если признания ведьмы являются достаточным основанием для ее сожжения, то их следует рассматривать и как надежное свидетельство и против тех, кого она назвала (под пыткой) как сообщников. Подобные сообщники признают все, поскольку Господь не допустит, чтобы были обесчещены невиновные люди.

Чтобы доказать реальность колдовства, С. приводит два примера, а современный читатель может дать им свое объяснение:

> «Однажды утром молоденькая девушка из Бергамо была найдена обнаженной в постели мужчины в Венеции. Она объяснила, что наблюдала за тем, как ее мать использовала летательную мазь, она полетела следом и успела как раз вовремя, чтобы предотвратить убийство ее матерью ребенка этого мужчины. Мать прокляла ее и улетела прочь. На основании этих показаний мать девушки была схвачена инквизицией и сожжена».

История перешла в фольклор и была, например, пересказана Бинсфельдом в 1589 г. Другая история связана с мужчиной, которого нашли пьяным в погребке одного аристократа. Он объяснил, что повторил приготовления своей жены к ночному полету на шабаш и оказался среди ведьм. Когда они увидели его, то исчезли, а он остался среди бочонков. Его жена была схвачена и сожжена инквизицией. Эта история также перешла в фольклор и в 1595 г. была пересказана Реми.

СПИНА ДЕ, АЛЬФОНСО (ум. 1491). Альфонсо де Спина (не путать с Бартоломео Спина) был крещеным евреем, вступившим в орден францисканцев. Состоял духовником короля Кастилии Хуана, был профессором в Саламанке и, до своей смерти в 1491 г., епископом Фермопильским.

Автор книги «Fortalicum fidei» («Крепость веры», 1459 г., опубл. 1467), первой печатной книги, где рассматривается колдовство. В 5 частях обсуждается «оружие» всех верующих и войны против еретиков, евреев, сарацинов (т.е. магометан) и демонов. В последней части описываются 10 видов демонов, последний из которых — [bruxae] обманывает старых женщин, внушая им, что они могут причинять зло [см. Демонология]. Подобные заблуждения особенно многочисленны в Дофине и Гаскони, где женщины собираются на горе Boch de Biterne и поклоняются борову, целуя его в зад. Многие из этих убогих были сожжены. В доме инквизитора Тулузы можно увидеть изображения их сборищ и казней. По сравнению с другими авторами своего времени, взгляды С. на колдовство можно считать умеренными (например, перемещения он считал простым наваждением).

Его работа наполнена множеством антисемитских историй: например, о еврее, бросившим святое причастие в кипяток. С. рассказывает также легенду о Хьюго из Линкольна, который якобы был брошен евреями в выгребную яму (in loco profundissimo et immundo fetoribusque piano) и погиб, не переставая славить Пресвятую Деву. Современные читатели увидят здесь аналогию с «Рассказом настоятельницы» Чосера.

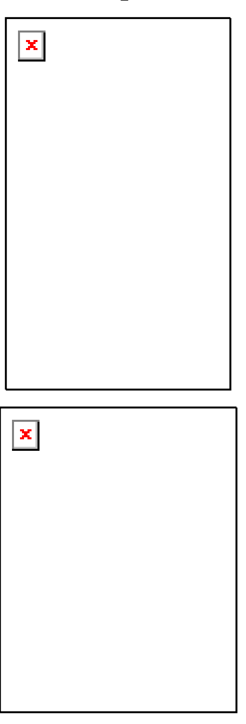
СТАПИРИУС, МИХАИЛ. Преп. С. был не великим героем, а всего лишь простым священником из Хиршберга (Падерборн), возненавидевшим преследования за колдовство после назначения капелланом в Вестфалии. Около 1628 г. он написал пылавший негодованием «Brillentractat», небольшую книжку, известную сегодня лишь благодаря ее описанию, данному Германом Лоэром. Пастор С. имел опыт, подобный опыту св. отца Фридриха фон Шпее, отца Кирхера из Бамберга или пастора Винанда Харманна из Рейнланда. С. сообщает о многих предсмертных исповедях сожженных «ведьм», где все они рассказывают, что показания вырывали у них под пыткой. Когда он умолял их отречься от ложных показаний и спасти свои души, он встречал ответ, подобный словам некоего Вольрата:

> «Меня подвергли пытке и задали вопрос: „Что вы знаете о таких-то и таких-то, живущих у кладбища?“ Меня так настойчиво спрашивали, что я не мог не понять, кого он [инквизитор] хотел, чтобы я назвал. Так я упомянул имена тех, о ком шептались люди. Но на самом деле я не знаю о них ничего плохого… Я умолял чиновника вычеркнуть их имена, но он отвечал, что, если я объявлю их невиновными, то буду снова подвергнут пытке».

Немногое известно о С., кроме того, что говорится в его сочинении, но Луис Гиббоне так обобщает мнение об этом храбром человеке, очевидно, содействовавшем, насколько это было в его силах, прекращению колдовской истерии:

> «Убежденностью и глубоким религиозным чувством в сочетании с ясным умом и исключительно острым чувством справедливости С. напоминает Корнелиуса Лооса и Фридриха фон Шпее. Он красочно изобразил эти трагические, раздирающие сердце сцены. Немного найдется аргументов против жестокости и глупости этой процедуры, более убедительных, чем случаи, которые он описывает».

Цитаты из труда С. — см. Введение; Признание и Пытка.

Инструменты пыток, использовавшиеся на судах, свидетелем которых был Михаил Стапириус: стул, утыканный гвоздями и груша (внизу) для разрывания рта.

СТРАППАДО. Strappado [Zug], (от лат. strappare — тянуть, тащить) — распространенная форма пытки, чтобы принудить к признанию и назвать сообщников.

Руки заключенного связывались за его спиной веревкой, прикрепляемой к крюку, затем он поднимался в воздух. Часто к его ногам прикреплялся груз, чтобы вывернуть плечевой сустав, не оставляя видимых следов грубого обращения. Иногда, когда жертва висела, применялись тиски на пальцы.

Обычно считалась одним из «легких» средств, использовавшихся инквизицией и гражданскими властями, но могла легко перейти в squassation (выворачивание рук). Выворачивание рук отличалось от С. тем, что жертву неожиданно бросали с высоты, так что она не достигала всего нескольких дюймов до пола, постоянное же подергивание связанных конечностей вызывало совершенно невыносимую боль. Цитируя Юлиуса Клариуса («Practica Crimina»), Лимбох называет С. среди приемов пыток второй степени, использо-

вавшихся инквизицией. Первая степень предполагала обривание и жестокое бичевание, третья — выворачивание рук. «С., — пишет Лимбох, — совершаемое приподниманием человека вверх и удерживанием некоторое время в висящем положении», применялось при расследовании гораздо чаще, чем обыкновенная пытка («History of The Inquisition», 1692). Ли предполагает, что tratti di corde (ит. эквивалент С.) впервые использовалось на судах над ведьмами в 1474 г. в Пьемонте. В Англии С. не использовалось, но применялось (например, в 1652 г.) в Шотландии.

СУДЕБНЫЕ ИЗДЕРЖКИ ПРОЦЕССОВ НАД ВЕДЬМАМИ. Все судебные издержки судов над ведьмами во Франции, Германии и Шотландии оплачивались из имущества осужденных ведьм, или родственниками или, в тех редких случаях, когда жертва не имела денег, землевладельцем или жителями города. Охота за ведьмами самоокупалась и стала основным занятием, для множества людей, наживавшихся на сбережениях жертв. Ведьмы, особенно в Германии, в основном не были бедными, и часто самые богатые становились первыми обвиняемыми. Их собственность распределялась между священниками, судьями, врачами, писцами, помощниками в суде, палачами, охранниками, посыльными — вплоть до рабочих, рубивших лес для сожжения и сооружавших эшафоты. Косвенную прибыль получали содержатели гостиниц и таверн от толпы, собиравшейся наблюдать за казнями. Собственность осужденных ведьм обеспечивала средствами к существованию не только тех, кто был непосредственно связан с судами, но и становилась добычей местных властей, наделенных судебными полномочиями. После уплаты судебных издержек собственность ведьм конфисковывалась городским самоуправлением, местным дворянином, королем, епископом или инквизицией, что зависело от статуса города или поселения, в котором проживала жертва; иногда несколько судов, церковных и светских, делили добычу. В Англии, только при Елизавете, собственность ведьм конфисковывалась короной одновременно с приговором к пожизненному заключению — без казни. При таком легком источнике приобретения капитала неудивительно, что правители Германии и Англии в течение столь длительного времени соглашались на продолжение преследований ведьм.

Ниже приводится стоимость некоторых характерных судов из различных районов. В большинстве случаев семья со скромными доходами должна была неизбежно впасть в нищету.

1. Отчеты о судах над ведьмами в XVII в. в Оффенберге (Баден), вольном городе Римской империи, представляют интересную дополнительную информацию о судебных издержках. В 1629 г. советник Филипп Бек, чья жена была сожжена как ведьма, был оштрафован за оскорбление Rath [парламента]: он оспаривал стоимость ее суда как покушение на свою собственность. Оплачиваться должно было все. Так, каждый из двух сопровождающих, охранявших обвиняемую, получал еженедельную плату в десять батценов и 7 мер вина. Палачу было заплачено 10 батценов только за перевод заключенного из одной тюрьмы в другую. После каждого заседания судьи наслаждались банкетом, на который отпускали по четыре батцена за голову и по два батцена посыльным. За три дня между их приговором и казнью три женщины, сожженные заживо в Аппенвейере 22 июня 1595 г. должны были заплатить:

Пункт	Флоринов	Батценов	Пфеннигов
Палачу	14	7	10
За развлечения и банкет для судей, священников и адвоката	32	6	3
За содержание заключенных и их сторожей	33	6	6

Часто стоимость суда была настолько обременительной, что, в сущности, все добро и собственность обвиненного использовались для оплаты, еще до конфискации соответствующими властями. Например, 8 октября 1608 г. суд над фрау Дитрих был отложен за недостатком доказательств; 17 января 1609 г. ее муж потребовал прекращения дела из-за на-

копившихся судебных издержек. Подобным же образом собственность семьи Пабстов была продана с аукциона в феврале 1612 г., чтобы выплатить стоимость суда над фрау Пабст, который начался 15 октября 1608 г. и затянулся из-за отсутствия показаний, пока она не умерла в сумасшедшем доме в апреле 1611 г. Судебные издержки возрастали с каждым днем в течение более, чем трех лет, пока она находилась под арестом по явно ложному обвинению.

2. На судах в Монтебельяре (Франш-Конте), тогда еще входившем в Римскую империю, собственность осужденных иногда конфисковывалась, а иногда требовалось оплатить судебные издержки. Так в 1652 г. Катрин Жано должна была заплатить 480 франков 3 сантима. Пьер Турнье-Фосилье и его жена в 1655 г. были обязаны заплатить 437 франков 1 сантим. Суды в этой стране редко обходились менее чем в 500 франков из-за высоких сборов, налагавшихся на каждого со дня ареста до дня казни. Каждое действие и оказываемая услуга, независимо от их причин, предъявлялись к оплате жертвой. Даже после сожжения для всех чиновников устраивался банкет, оплачиваемый из состояния казненной ведьмы. Так, при казни Андриенн де Хер 11 сентября 1646 г. владельцу гостиницы Давиду Морло заплатили 25 франков за сервировку завтрака для настоятеля, переписчика, мэра, 4 сержантов и тюремщика. Франсуа Паро также устроил завтрак и обед, очевидно, для бюргеров и дворян, наблюдавших за казнью, обошедшихся в 15 франков 9 грошей. За исключением стоимости этой еды, сожжения и оплаты палача расходы только на гонорары и заработную плату составили 26 франков.

3. Полная смета расходов из Туля, около Нанси, 1597 г., включающая перечень расходов на заключение Катин Жуйез, также известной как жена мэра Этьена, которые менее чем за месяц составила 104 франка. Стоимость за ее пребывание в тюрьме и ее казнь будут представлены во второй сводке.

Пункт	Франки	Гроши
За хлеб с 14 ноября 1597 г. по 11 декабря 1597 г., когда она была передана мэру	**2**	**11**
За мясо, масло, соль, рыбу и другие продукты, предоставленные ей во время заключения	**4**	**10**
За вино (включая вино для тюремщиков)	**13**	**0**
За солому	**0**	**6**
За переноску ее вещей, когда она переходила в другие тюрьмы	**0**	**2**
Тому, кто вел суд	**20**	**0**
Прокурору	**10**	**0**
Писцу	**10**	**0**
Офицерам	**10**	**0**
Дополнительно на другие расходы: сделанные сержантами, охранявшими упомянутую Катерину от оглашения решения о пытке и до времени этой пытки	**3**	**6**
За исследование судебного отчета	**4**	**0**
Женщине, которая обрила ее	**1**	**0**
Палачу	**20**	**0**
На расходы человека, который должен был отправиться в Нанси, чтобы привести упомянутого палача	**4**	**4**

Пункт	Фунты	Шиллинги	Пенсы
За десять лоудов угля, чтобы сжечь их, 5 марок или	**3**	**6**	**8**
За бочонок смолы		**14**	**0**
За веревку для палача		**6**	**0**
За рогожу для балахонов	**3**	**10**	**0**
За их изготовление		**8**	**0**
Тому, кто отправился в Финмут за лэйрдом, чтобы он сидел на выездной сессии присяжных в качестве судьи	**8**	**14**	**0**
Палачу за его старание	**8**	**14**	**0**
За его содержание здесь		**16**	**4**

4. Высокая стоимость сожжения обнаружена и во время казни двух абердинских ведьм, Дженет Вишерт и Изобель Крокер в феврале 1596 г.:

Пункт	Шиллинги	Пенсы
За двадцать лоудов торфа для их сожжения	40	0
За болл [шесть бушелей] угля	24	0
За 4 барреля дегтя	26	8
За пихтовые и железные бочки	16	8
За столб и его установку	16	0
За 4 фатома [24 фута] бечевы (веревки для повешения)	4	0
За переноску торфа, угля и бочонков на гору	8	4
Каждому судье за их казнь	13	4

5. Другая иллюстрация стоимости сожжения ведьм взята из Кирккалди, где 19 ноября 1636 г. Уильям Коук и Алисой Дик, его жена, были казнены за колдовство. В Кирккалди ведьм облачали в сшитый специально для казни балахон из рогожи и помещали в просмоленные бочонки, чтобы ускорить их сожжение. Расходы на данную казнь были разделены между городским советом и пресвитерианской церковью.

Пункт	Франки	Гроши
Священникам, двум по 1 франку, 8 грошей каждому	3	4
Адвокату	1	8
Мэру	1	8
Девяти бюргерам и четырем дворянам	13	0
Писарю	1	0
Двум асессорам и «Якобу» по 9 грошей каждому	2	3
Четырем сержантам	3	0

6. Шестой пример связан с осужденной за колдовство, арендовавшей участок большого поместья в Шотландии в середине XVII в. Собственность осужденной конфисковывалась, оценивалась, и счет прикладывался к общему счету стоимости ее суда, остаток был заплачен владельцам поместья, где у нее был домик (Отметим ссылку на Джона Кинкейда, получившего шесть футов за прокалывание). Следующие суммы, приведенные ниже, назначены за казнь Маргарет Данхем [варианты написания — Динхем, Доллмаун] в Бернкастле в 1649 г., приведены по расписке управляющего поместьем (ввиду того, что владелец занимал меньшую часть). Расходы исчисляются в шотландских фунтах, равных примерно одной шестой английского фунта. Счет был доведен до 4 фунтов, общая стоимость — 88 фунтов, 14 шиллингов 0 пенни вместо заявленной в счете.

Дополнительно причитается с Маргарет Данхем за время, что она была в тюрьме и до ее казни. 65 ф. 14 ш. 0 п.

Счет, предъявленный Александром Лоудоном в Лильстауне, в 1640 год от рождества Христова за Маргарет Данхем из Бернкастла.

Пункт	Фунты	Шиллинги
Во-первых, Уильяму Карри и Эндрю Грею за наблюдение за ней на протяжении 30 дней, каждый день — 30 шиллингов	45	0
Дополнительно за ее прокалывание Джону Кинкейду	6	0
Дополнительно за мясо и питье и вино ему и его человеку	4	0
Дополнительно за одежду для нее	3	0
Дополнительно за два просмоленных дерева [перекладины и столба]		40
Дополнительно за два дерева и установку их, рабочим	3	0
Палачу из Хаддингтона, его доставку, три доллара на его расходы, что составило	4	14
Дополнительно за мясо и питье и вино для его содержания	3	0
Дополнительно за мужчину и двух лошадей, за привоз его и доставку домой после казни		40
Дополнительно: за ее еду и питье, за каждый день, 4 шиллинга на протяжении 30 дней, всего	6	0
Дополнительно двум офицерам в качестве их жалованья, за каждый день по 6 шиллингов, восемь пенсов, всего	10	0

Сумма в целом — 4 скора 12 фунтов, 14 шиллингов

Гильберт Лаудер (бывший Лаудер Бильзаур)

Из вышеуказанной суммы исключено 27 шотл. фунтов, которые упомянутая Маргарет Данхем имела в собственности 92 ф. 14 ш. 27 ф. 00 ш. итого: 65 ф. 14 ш.

7. В сравнении с ними счета, представленные на Салемских судах, кажутся незначительными, но для фермеров с очень небольшой наличностью цена их была чрезмерно велика. Поскольку заключенные официально не были подвернуты пытке, этот пункт не включался в счет, но они должны были заплатить за то, что их заковывали в кандалы. Кандалы для человека, обвиненного в колдовстве, стоили 5 шиллингов, для женщины набор наручников и более легких ножных кандалов (около восьми фунтов) стоил семь шиллингов и шесть пенсов. Типичный счет, предъявленный Саре Паркер из Андовера, которая находилась в заключении в течение 17 недель:

Пункт	**Фунты**	**Шиллинги**	**Пенсы**
Тюремщику	2	8	4
Судебные издержки	1	10	4
Оплата сопровождения в суд	1	4	0

Даже, когда обвиняемые объявлялись невиновным, им наносился дополнительный ущерб содержанием в тюрьме до выплаты расходов по их незаконному заключению. Маргарет Джекобс была освобождена благодаря щедрости незнакомца. Титуба фактически была освобождена в мае 1692 г., но, не имея денег, чтобы заплатить за свое заключение в течение 13 месяцев, была продана за издержки как рабыня. Чтобы получить тело Энн Фостер, умершей в тюрьме, ее сын должен был заплатить 2 ф. 16 ш., прежде чем он смог обеспечить своей матери достойное погребение. Что касается трупа Сары Осборн, умершей в тюрьме от лихорадки, то следовало оплатить еще и 1 фунт 3 шиллинга 5 пенсов за его доставку.

Расценки за пытку 1757 г., одобрены архиепископом Кельна

Хотя Кельнское архиепископство и обеспечивало главного палача постоянным ежегодным жалованьем в 80 рейхсталлеров, 20 альбусов, 12 мальдеров зерна и 4 корда дров, однако, оказалось, что во время и после исполнения казни и других вещей, связанных с ними, было так много неподтвержденных и завышенных дополнительных расходов, что это стало слишком накладно для Главного архиепископского суда. Следовательно, архиепископ уполномочен, чтобы упорядочить эти требования, установить следующие правила, согласно которым за каждую отдельную операцию взыскивается своя стоимость, которая обнародуется ниже:

Ценовый лист

	Рейхсталлеров	Альбусов
1. За разрывание на части и четвертование четырьмя лошадьми	**5**	**26**
2. За четвертование	**4**	**0**
3. За веревку, необходимую для этой цели	**1**	**0**
4. За вывешивание четырех четвертей в четырех местах, включая необходимые веревки, гвозди, цепи и транспорт	**5**	**26**
5. За обезглавливание с сожжением, в сумме	**5**	**26**
6. За веревку, необходимую для этой процедуры и за приготовление и поджигание костра	**2**	**0**
7. За удушение и сожжение	**4**	**0**
8. За веревку, приготовление и поджигание костра	**2**	**0**
9. За сожжение живьем	**4**	**0**
10. За веревку, приготовление и поджигание костра	**2**	**0**
11. За разламывание живьем на колесе	**4**	**0**
12. За веревку и цепи для этой процедуры	**2**	**0**
13. За подъем тела, которое привязано к колесу	**2**	**52**
14. Только за обезглавливание	**2**	**52**
15. За веревку, необходимую для этой цели и материю, чтобы закрыть лицо	**1**	**0**
16. За копание ямы и зарывание трупа	**1**	**26**
17. За обезглавливание и привязывание тела к колесу	**4**	**0**
18. За необходимую веревку и цепи, вместе с материей	**2**	**0**
19. За отрубание руки или нескольких пальцев и обезглавливание	**3**	**26**

20. То же самое с выжиганием раскаленным железом	1	26
21. За необходимую веревку и материю	1	26
22. За обезглавливание и укрепление головы на колу	3	26
23. За необходимую веревку и материю	1	26
24. За обезглавливание, привязывание тела к колесу, прикрепление головы на кол	5	0
25. За необходимую веревку, цепи и материю	2	0
26. За повешение	2	52
27. За веревку, гвозди и цепь, нужные для этой цели	1	26
28. За уязвление раскаленными щипцами прежде чем начнется настоящая казнь, не считая вышеупомянутой платы за повешение, за каждое прикладывание	0	26
29. За отрубание языка полностью или части его, и затем за выжигание рта раскаленным железом	5	0
30. За веревку, щипцы и нож, используемые при процедуре	2	0
31. За прибивание к перекладине вырванного языка или отрубленной руки	1	26
32. За снятие, переноску и рытье ямы для захоронения трупа повесившегося, утопившегося или покончившего с собой иным способом	2	0
33. За высылку человека из города или страны	0	52
34. За порку в тюрьме, включая розги	1	0
35. За порку	0	52
36. За выставление к позорному столбу	0	52
37. За выставление к позорному столбу, порку, включая веревку и розги	1	26
38. За выставление к позорному столбу выжигание клейма и порку, включая угли, веревку и розги, а также притирание для клейма	2	0
39. За обследование заключенного после того, как он был заклеймен	0	20
40. За приставление лестницы к виселице, независимо от того, один или несколько повешены одновременно	2	0
Относительно пытки		
41. За устрашение показыванием орудий пытки	1	0
42. За первую стадию пытки	1	26
43. За закрепление и раздрабливание большого пальца на этой стадии пытки	0	26
44. За вторую стадию пытки, включая выворачивание конечностей и использование мази	2	26
45. Если личность подверглась обеим степеням пытки, палач должен получить за исполнение обоих степеней в одно и то же время, выворачивание конечностей и использование мази, за все это следует заплатить	6	0
46. За перемещения и ежедневные расходы за каждый день, исключая, однако, дни казни или пытки, независимо от того, был ли казнены в эти дни один или несколько преступников	0	48
47. За ежедневное питание	1	27
48. За каждого помощника	0	39
49. За нанимание лошади, вместе с фуражом и конюшней, ежедневная плата	1	16

50. Если пытка или казнь состоятся в Кельне, палач получит за эту процедуру выше упомянутое жалование за казнь, без добавления любых дополнительных расходов, таких как путешествие, ежедневные издержки, еда, сено и фураж для лошади, и должен удовлетвориться вышеупомянутой платой за казнь.

51. Когда он совершает казнь в Мелатене и Дейтце, он получает дополнительную оплату расходов на сено для своей лошади и ничего больше.

52. Поскольку пункты 16, 32 и 40 настоящих правил в провинции падают на оружейного мастера, следовательно, оружейный мастер должен получить соответствующую плату.

53. Если палач выполняет работу для тех, кто является вассалами или субвассалами архиепископа, он должен получить на третью часть больше, чем выше перечислено, по причине того, что он получает свое ежегодное жалованье без какого-либо вознаграждения от вышеупомянутых вассалов.

54. Только палач, а не посторонний должен быть нанят вассалами или их подчиненными для исполнения любой казни.

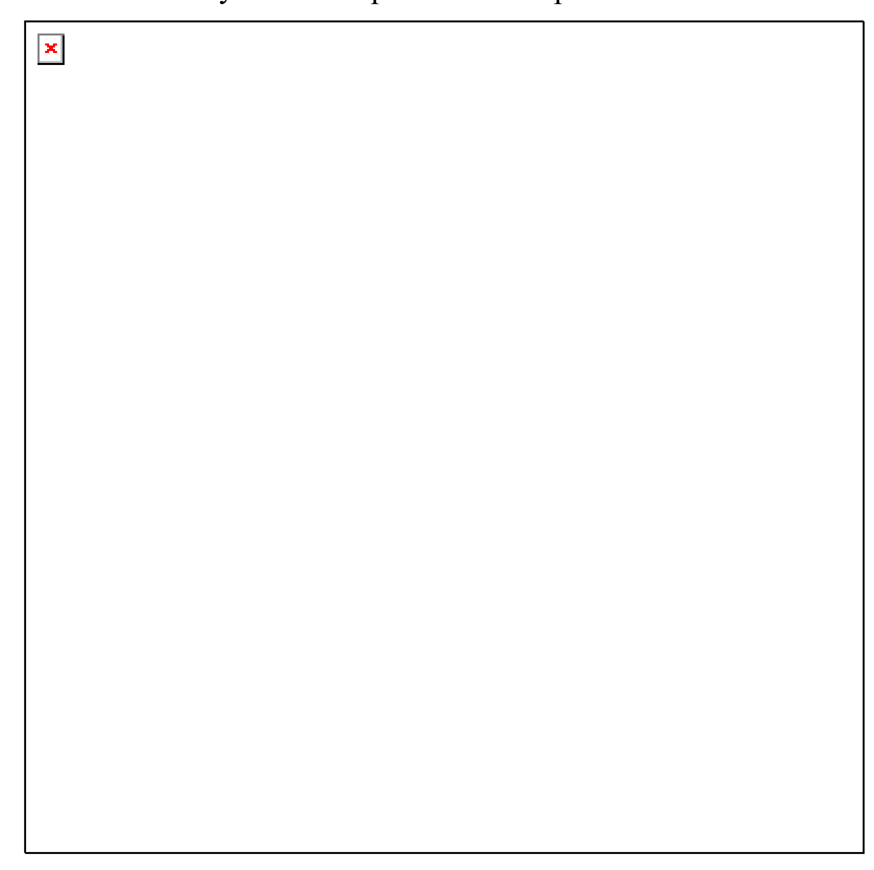
55. Поскольку было много жалоб, что во время казни, когда председательствующий служащий архиепископства или палач в дополнение или вместо положенного жалования осмеливался требовать определенную сумму денег, и поскольку это рассматривается как оскорбление, это раз и навсегда запрещается. Следовательно, нижеследующим мы приказываем, чтобы каждое должностное лицо архиепископства строго придерживалось вышеприведенных правил и платило палачам только обусловленную

плату и ничего сверх того при любой казни, а все расчеты вместе с расписками представлялись в казначейство архиепископа.

Дано в Бонне, 15 января 1757. L.S.

СУДЫ. В данной статье обсуждаются только самые первые суды по обвинениям в чародействе или колдовстве, чтобы наглядно показать истоки теории колдовства как ереси. Процедура поздних судов описана в других статьях [перечисленных ниже].

Еще в 1258 г. инквизиция запросила папу, «не следует ли обратить внимание на гадание и чародейство». Папа Александр IV ответил, что нет, «nisi manifeste haeresim saperent» — пока они не станут явным проявлением ереси.

*Палата правосудия — зал заседаний окружного гражданского суда в Валансьене, судившего обвиняемых в колдовстве. **A** — Место для короля. **B** — Граф Валансьенский, присягающий герцогу де Эно, представлявшему короля, от чьего имени могло быть вынесено обвинение. **C** — Окружной профос. **D** — Мэр. **1–10** — Магистраты (Echevins), назначенные графом, который, вместе с настоятелем формировал суд присяжных. **E** — Последний echevin. **F** — Судебные чиновники.*

Первые суды по обвинениям в еретическом чародействе были проведены инквизицией в соответствии с буллой папы от 22 августа 1320 г., когда папа Иоанн XXII уполномочил инквизитора из Каркасона преследовать тех, кто поклонялся демонам, вступал в сговор с ними, изготовлял подобия или использовал священные предметы для магических действий. Однако и раньше, в XIII в., женщин казнили за чародейство. Анжела де Лабарт была, возможно, первой женщиной, сожженной за «колдовство» в Тулузе в 1275 г. В Каркасоне женщина призналась, что у нее был ребенок от дьявола, родившийся с головой волка и змеиным хвостом — чтобы прокормить его, она воровала детей; в «Histoire de Languedoc» говорится, что женщина была сожжена в 1274 г. В течение XIV в. чародейство было переоформлено в колдовскую ересь. Первая волна нападок изголодавшейся инквизиции обрушилась на южную Францию, недавно столь сурово очищенную ею от альбигойцев, что там почти не осталось еретиков. Суды за чародейство были проведены в 1330

и 1335 гг. в Каркасоне (когда были обвинены 74 человека), и, по крайней мере, по одному суду в каждое последующее десятилетие до 1400 г. Тулуза (место зарождения инквизиции) была еще одним центром, где инквизиция действовала против ведьм. В 1335 г. инквизитор Бернар Гидонис привлек к суду 63 человек и сжег восьмерых из них. На этом массовом суде были представлены самые ранние признания о шабаше (Суды над 6 ведьмами, казненными в Аррасе в 1460 г., часто приводятся как первое упоминание о нем). После пытки некая Анна-Мария де Жоржель призналась, что высокий темноволосый человек соблазнил ее, когда она умывалась, и перенес ее на шабаш, и что козел научил ее тайнам зла. С 1350 г. в этих двух городах инквизиция подвергла преследованиям за чародейство 1000 человек и 600 из них сожгла. В этом регионе сожжения продолжались на протяжении XIV в., а к 1393 г. распространились на восток, к Беарну.

В начале XV в. инквизиция (к тому времени возглавлявшаяся францисканцами вместо традиционных доминиканцев) проводила расследования в Дофинэ, охватив территорию от Лиона до Гренобля. 15 марта 1438 г. Пьер Валлен, старик из Ла Тур де Пена, признался, что 63 года назад он предался дьяволу, платившему ему ежегодное денежное пособие, пожертвовал свою шестимесячную дочь дьяволу, убившему ее, вызывал бури, ездил на палке на шабаш (называемый здесь синагогой), ел детей и имел сношения с демоном-суккубом в образе 22-летней девушки. Расследования продолжались на следующий день, чтобы выявить сообщников, и Валлен назвал трех мужчин и одну женщину, к тому времени уже умерших. 23 марта Валлен был снова допрошен по поводу сообщников, и ему сказали, что не может быть, чтобы за 63 года колдовства он смог вспомнить только четверых мертвых колдунов. Под пыткой первой степени он назвал еще пять имен. Затем, на страппадо, в кухне замка Квинезоназиум, он назвал еще пятерых. Отчет о суде был затем отправлен в гражданский суд.

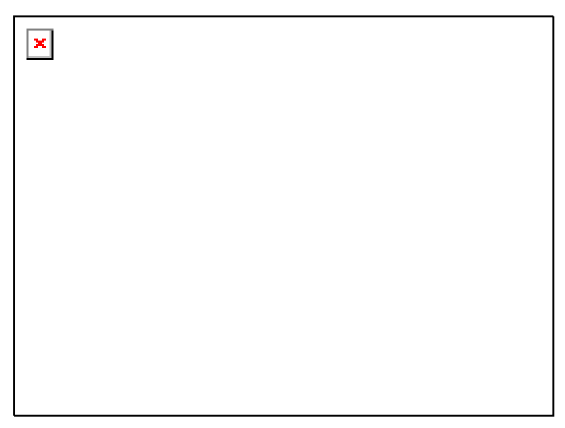
Значение суда над Пьером Валленом в том, что в столь ранний период на нем была представлена развитая концепция колдовства, точно такая, как на судебных разбирательствах конца XVI в. Он знаменателен и тем, что все обвиняемые были состоятельными людьми, и инквизиция делила с гражданскими судами конфискованную собственность осужденных.

Из южной Франции суды за колдовство распространились через юг и запад Швейцарии, включая Французскую Савойю, в северную Италию, где епархия Комо стала одним из первых центров деятельности инквизиции. Спина в «Quaestio de Strigibus» (1523) пишет, что в Комо сжигалась по крайней мере сотня, а иногда до тысячи ведьм в год. На одном из ранних судов, о котором сообщалось в «La Vauderye de Lyonois» (1460), использовался один из самых популярных впоследствии тестов для ведьм — произнесение «Отче наш» без запинок или ошибок [см. Аррасские ведьмы]. В 1462 г. в Шамони, в Савойе инквизитор передал гражданским судам для сожжения 4 мужчин и 4 женщин, под пыткой признавшихся в колдовстве. Одну из них, Перонетту, признавшуюся в том, что она ела детей на шабаше (синагоге), перед тем как сжечь заживо, заставили в течение 3 минут сидеть обнаженной на раскаленном железе. До нас дошли сообщения и о других судах в Савойе. Например, в 1477 г. женщина из Аннеси, которую выдала осужденная ведьма, была допрошена инквизитором. Под пыткой мадам Антуан дала подробное описание шабаша, без сомнения, подсказанное инквизитором. Она воздавала почести собаке, поцеловав ее под хвостом, получила клеймо дьявола, летала на палке длиной в 18 дюймов, которую натерла мазью и поместила между ногами, скотским способом вступала в половые сношения с мужчинами, использовала ядовитые мази, поедала детей, попирала освященную облатку и пыталась жарить ее. На страппадо она назвала сначала трех, затем тринадцать, и, наконец, еще четверых сообщников.

На основе подобных признаний, сделанных под самой мучительной пыткой, инквизиторы развили ересь колдовства, и, поддерживаемые папскими буллами, двинулись в другие страны, чтобы искоренять мнимых ведьм. То, что о колдовстве сперва было известно лишь инквизиторам, и вера в колдовство изобретена ими, доказывает обществен-

ная оппозиция судам над ведьмами. Шпренгер и Крамер, окончательно оформившие это заблуждение в «Malleus Maleficarum», жаловались на апатию и даже враждебность правителей и людей, когда оно распространилось в Германии. В дальнейшем ни один светский суд до 1390 г. [см. Парижские суды над ведьмами] не вел дела о колдовстве, светские суды занимались только ядами или любовными зельями, т.е. поступками, а не идеями. Первые трактаты по колдовству, как на латыни, так и на родных языках — французском и испанском, были написаны доминиканскими инквизиторами, такими как Никола Эймерик, Никола Жакье, Жан Винетти и Джироламо Висконти [см. Первые исследователи колдовства]. Первоначально францисканцы зачастую противостояли идее колдовской ереси, как, например, их великие теологи — Астезан де Аст (1317) в XIV в., Альфонс де Спина (1458) в XV в., Самуэль де Кассини (1505) в XVI в.

Взгляды инквизиции на колдовство вскоре были приняты как духовными, так и светскими судами, делившими доходы от конфискации собственности жертвы. В течение XV в. светские суды также преследовали ведьм, одновременно с судами инквизиции, начав с Савойи и Вале, прилегающих к Швейцарии районов. В «Хронике Люцерна» Иоганна Фрюнда зарегистрировано сожжение 200 ведьм в 1428 г. в Вале. В Люцерне светские суды продолжались на протяжении XV в. С 1450 г. начались суды над ведьмами в отдельных частях Лотарингии, особенно в Метце и Кельне, а с конца столетия колдовство пришло в Трир. В 1493 г. в Юи (Бельгия) Изобель Паке, признавшаяся в участии в оргиях на шабаше, была сожжена как sorceresse (колдунья) — и, что особенно примечательно в аспекте связи колдовства со старой ересью — vaudoise (вальденская). Колдовское заблуждение распространялось по западной Европе как чернильное пятно по скатерти.

Обвинения в колдовстве были наиболее простым способом доказательства существования ереси. В 1509 г. доминиканцы из Гейдельберга выступили против новой концепции «непорочного зачатия». Строгие францисканцы, благоволившие к этой доктрине, обвинили доминиканцев в подписании договора с дьяволом, пытали их до признания вины и затем сожгли. Изображение казни из французского трактата «Histoire veritable… de quatre Iacopins», Женева, 1549.

Между 1500 и 1700 гг. все суды следовали установленному образцу, основанному на единой теории, созданной инквизиторами для любых судов: светских или духовных, инквизиторских или епископских, протестантских или католических, безотносительно к времени или месту. Цель была двоякая: добиться признания вины (чтобы придать казни законность) и получить имена сообщников (обеспечить постоянный приток подозреваемых, чтобы суды могли продолжать функционировать и приносить доход). Заключительные пытки — страппадо и выворачивание рук — предназначались для получения имен сообщников. За исключением Англии, где сохранились некоторые гарантии объективного судопроизводства, оставшиеся от англосаксонского обычного права (включая отдельные случаи помилования осужденных ведьм королем); Голландии, где после 1610 г., не было судов за колдовство; скандинавских стран, едва затронутых этим заблуждением, и некоторых исключительных случаев, все суды над ведьмами предполагали виновность обви-

няемого еще до судебного разбирательства. Заключенный не мог иметь адвоката (за исключением очень редких случаев, когда он назначался судьями), был лишен права на перекрестный допрос и вообще на предоставление доказательств в свою пользу. Поощрялись свидетели, неприемлемые при других преступлениях, их личность могла быть скрыта, судьи получали инструкции дурачить и обманывать заключенных, осведомители вводились в камеры, чтобы выведывать сведения, порочащие заключенных, или уговаривать их признаться.

После всего этого, даже, если заключенного оправдывали, суд не признавал его невиновным, а заявлял, что обвинения не были доказаны, и дело может быть снова открыто в любой момент.

Правовые факультеты университетов включались во многие процессы для разрешения сомнительных случаев в обход судов высших инстанций. В связи с этим диссертации ученых посвящались подлинным случаям колдовства, полученным из первых рук, и служили справочниками для судей, пользуясь большим, чем чисто теоретическое влияние.

Характер проведения последних судов обсуждается в отдельных статьях: Доносчики; Обвинительный акт; Приговор; Признание; Прокалывание; Пытка; Свидетель; Свидетельские показания на судах ведьм в Англии; Свидетельские показания на судах ведьм в Европе; Судебные издержки процессов над ведьмами. Подлинные отчеты судов над ведьмами воспроизведены следующим образом для различных стран:

Англия — Сент-Эдмундсберрийские ведьмы; Челмсфордские ведьмы; Ланкаширские ведьмы; Сент-Осайтские ведьмы.

Франция — Аррасские ведьмы; Гордель, Доминик; Жанна д'Арк; Лоотен, Томас; Люксейльский суд над ведьмами; Парижские суды над ведьмами.

Германия — Эйхштадский суд над ведьмами; Юниус, Иоганнес; Лемп, Ребекка; Рената, Мария.

Шотландия — Барклей, Маргарет; Грирсон, Изобель; Пертский суд над ведьмами.

США — Нью-Йоркские ведьмы; Салемские суды над ведьмами.

Другую информацию о судах над ведьмами можно найти также в статьях — Бамбергские суды над ведьмами; Бюирман, Франц; Файан, Джон; Хольт, Джон; Шпее, Фридрих фон; Тенглер, Ульрик; Трирские суды над ведьмами.

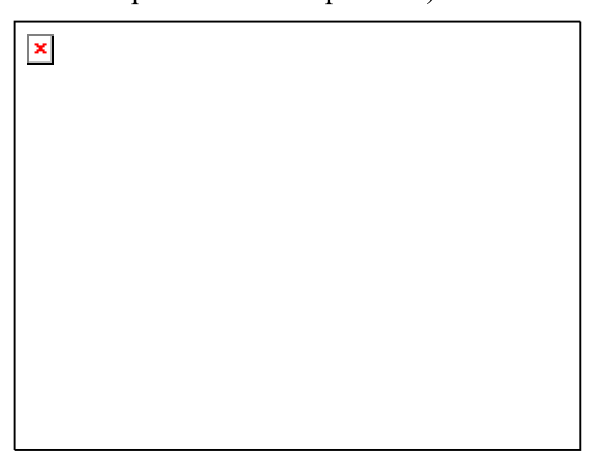
СУККУБ. Дьявол в женском обличье, специализировавшийся на обольщении мужчин. Обозначающее женскую сущность, средневековое латинское слово succubus — мужского рода (видимо, потому, что демоны якобы были бесполыми), форма женского рода — succuba [проститутка] употребляется редко. Поскольку предполагалось, что женщины более похотливы, чем мужчины, в работах по демонологии чаще упоминается мужской персонаж — инкуб; считалось, что инкубов в девять раз больше, чем суккубов.

Личностное и образное объяснение С. появилось в 1801 г. в «The Magus» Френсиса Барретта, любопытной книге верующего в магию и демонов. Он полагал, что С. на самом деле был лесной нимфой, хотя и вполне серьезно соглашался с мнением, что сам Сатана мог появиться в образе молодой леди:

> «Когда лесные нимфы и фавны увидели, что красотой они превосходят других [духов], они стали производить потомство, и, наконец, начали вступать в брак с мужчинами, воображая, что с помощью подобных сношений они обретут бессмертную душу для себя и своих потомков. Но это происходило благодаря уговорам и обманам Сатаны, допускавшего плотское совокупление этих чудовищ, на которое невежественные легко соглашались, и вследствие этого подобные нимфы называются суккубы, хотя затем Сатана совершал еще худшее, постоянно изменяя свой вид и принимая форму то инкуба, то суккуба, обоих полов, из-за чего от мужчин он производил не настоящих младенцев, но только одних нимф».

В первых сообщениях С. предстает скорее желанным, чем ужасным. Пико делла Мирандола рассказал о мужчине, спавшим с С. в течение 40 лет и предпочитавшим умереть в тюрьме, нежели бросить ее. В «Malleus Maleficarum» сообщается о происшествии в Кобленце. Перед лицом своей жены и товарищей мужчина был вынужден вступить в половые сношения с С. Он входил в нее 3 раза, но, когда С. захотел продолжить, мужчина свалился на пол полностью изнуренным. Более поздние авторы, возможно, стремившиеся к аналогии с ведьмами, находившими совокупление с дьяволом холодным и болезненным, сделали сношения с С. столь же фригидными. Гваццо рассказывает, как супружеская пара достала С. для своего сына. Хотя у нее были копыта вместо ног, юноша стремился к соитию, «но оно было подобно вхождению в ледяную пещеру».

Большинство раннехристианских святых искушалось подобными дьяволами, особенно, как замечает Джироламо Кардане (1550), когда дух и тело ослаблялась продолжительным воздержанием в пустыне. Св. Антонию Египетскому (251–356 до н.э.) по ночам сильно докучал дьявол, «по-своему распространявший грязные мысли» и «имитируя женские жесты». Как пишет в его житии Афанасий, «несчастный дьявол однажды ночью даже появился перед ним в образе женщины и воспроизвел все ее действия, чтобы обольстить Антония». Его ученик, Св. Иларий, приготавливаясь ко сну, бывал «окружен обнаженными женщинами» («Житие св. Илария» блаж. Иеронима).

Демон-суккуб, из книги проповедника Матиаса де Жиральдо «Histoire curieuse et pittoresque des sorciers, augmentee par M.Fornari» (Париж, 1854).

Конечно, святые оказывали сопротивление дьяволу, но один из них, св. Виторин, уступил. Епископ Веронский Ермолай (1453–1471) приводит рассказ об отшельнике, уступившем уговорам дьявола, замаскировавшегося под женщину; отшельник, предавшийся разврату, умер в течение месяца. Св. Ипполита (ум. в 236 г. н.э.) однажды посетила обнаженная женщина, но, когда он накинул на нее ризу, чтобы прикрыть наготу, женщина превратилась в труп (оживленный дьяволом, чтобы склонить святого к греху). Благодаря подобным видениям, страх перед С. был увековечен в гимне св. Амвросия «Procul recedant somnia» — «Да сгинут ночные кошмары и видения, оставя тела наши неоскверненными».

Истории о С. проходят через все средневековье, в XVI и XVII вв. их можно найти в основном в отчетах о судах. Хотя обвинение появляется в преследованиях примерно с 1430 г., только в последующие столетия совокупление с дьяволом приобрело отчетливые признаки. Возможно, самую известную историю поведал Уолтер Мапес в «De Nugis Curialium» (ок. 1185), связанную с Гербертом из Орильяка, будущим папой Сильвестром II (999–1003). В молодости Герберт влюбился в дочь реймсского профоса. Девушка отвергла его, и Герберт впал в такое отчаяние, что дошел до нищеты и умопомрачения. Однажды он увидел молодую девушку, сидевшую на шелках, окруженную грудами монет. Она сказала, что ее зовут Меридиана, и если он будет предан ей, то сможет обладать ею, ее магическими познаниями и деньгами. Герберт охотно согласился и начал быстро процветать, став архиепископом Реймса, кардиналом, архиепископом Равенны и в

конце концов папой. Все это время он тайно каждую ночь наслаждался обществом Меридианы и был даже прощен своим С., когда дочь профоса, обнаружив его пьяным, соблазнила его.

Наконец Меридиана предсказала, что Герберта постигнет смерть, когда он будет служить мессу в Иерусалиме (он поклялся совершить паломничество в это святое место). Однако этот Иерусалим находился вблизи от его дома, это была церковь, названная так потому что, как предполагалось, в ней хранился кусок св. Креста. Осознавая, что конец близок, Герберт публично признался в своих грехах и умер раскаявшимся. Мапес рассказывает, что его гробница в Латеране обильно покрывалась влагой накануне смерти какого-нибудь папы.

Другую из ряда вон выходящую историю сообщает доминиканец Нидер (1435). Как он пишет, многие проститутки предлагали свои услуги тем, кто собрался на собор в Констанце (1414–1418), но большинство из этих девок были С., которые даже хвастались заработанными деньгами. В 1468 г. подобные выдумки привели к осуждению на смерть одного человека из Болоньи за посещение публичного дома, устроенного С. Спустя 2 столетия Синклер в «Satan's Invisible World Discovered» рассказывает о казни в 1655 году в Шотландии Уильяма Бартона и его жены. «Он признался, что возлежал с дьяволом в образе дворянки, и [она] дала ему пятнадцать фунтов золотом, но перед казнью он снова отрицал это [см. также Моровские ведьмы; Финляндия, колдовство в; Норвегия, колдовство в.].

США, КОЛДОВСТВО В. Салем — быть может, самое громкое имя во всей истории колдовства. Несмотря на это, проявления охоты на ведьм в Америке были единичными и не столь жестокими, а в сравнении с европейскими бойнями XVI и XVII вв. даже незначительными. Всего было казнено только 36 человек. Суды над ведьмами практически ограничились северными английскими поселениями в Новой Англии. Почти не подверглись влиянию южные колонии, вероятно, потому, что они были населены более умеренными епископалианцами (приверженцами англиканской епископальной церкви). Отмечается несколько незначительных случаев. Так, в Вирджинии в 1706 г., в округе принцессы Анны была привлечены к судебной ответственности и, по-видимому, освобождена Грейс Шервуд [см. Шервуд, Грейс]. В 1709 г., в Южной Каролине, несколько человек были также наказаны за колдовство. Ребекка Фаулер была единственной повешенной из пятерых, обвиненных в колдовстве в Мериленде в 1685 г. Несколько обвиненных в колдовстве подали в суд на своих обвинителей за клевету; некоторым удалось выиграть дело.

Отношение к колдовству в Северной Каролине было обусловлено действиями судьи из Чарльстона Николаса Тротта, давшего в 1703 г. следующие инструкции своим присяжным заседателям:

> «Я полагаю, что могу вполне обоснованно утверждать, что те, кто предоставил нам достаточно доказательств существования призраков и ведьм, оказали услугу общему делу религии, поскольку, если ведьмы действительно существуют, то есть и духи, с чьей помощью и поддержкой они действуют, а, следовательно, существует и другой, невидимый мир духов. …И я не сомневаюсь в том, что ведьмы существуют на самом деле, и, отрицая это, я отрицал бы Священное Писания, или самым серьезным образом извращал бы его смысл».

Северные пуритане были приверженцами теократической форме правления, где церковнослужители (священники и иеродьяконы) составляли и применяли законы в соответствии с собственным толкованием Библии. В любом обществе, где, независимо от причины, с суровой непреклонностью сохраняется непоколебимость веры, инакомыслие всегда сурово наказывается. Однако, несмотря на все это, в Новой Англии состоялось немногим более 50 судов.

За исключением продолжавшихся с 1648 по 1691 г. салемских судов, в Новой Англии было казнено едва ли более дюжины ведьм, и еще несколько приговорены к бичеванию или изгнанию. Подобная относительная свобода в отношении к колдовству в течение 40 последующих лет делает суды в Салеме затмевающими все остальное, так что можно сказать, что история американского колдовства — это Салем. Нью-Йорк был фактически свободен от колдовской истерии; Род Айленд принял закон против колдовства, но судов здесь не было; в Коннектикуте было казнено 4 обвиняемых в колдовстве, включая Элси Янг, первую ведьму, казненную в Америке (26 мая 1647 г.) [см. Коннектикутские ведьмы]. В Дувре (Нью-Гемпшир) Дженет Велфорд была обвинена в 1656 г. и освобождена в связи с хорошим поведением. Позже, через 13 лет, она предъявила оклеветавшим ее иск и была вознаграждена 5 фунтами и выплатой судебных издержек. В Пенсильвании, где до 1717 г. не было никаких законов против колдовства, состоялось только 2 суда (по обвинению в нанесении ущерба собственности) в 1684 г., когда губернатор Уильям Пени распорядился, чтобы присяжные возвратили дело с вердиктом невиновности из-за процессуальных ошибок в обвинительном акте. Его поступок, возможно, предотвратил вспышку, подобную той, что произошла в Салеме, поскольку шведское и немецкое население унаследовало сильную веру в колдовство [см. Квакерское колдовство]. За исключением перечисленных выше штатов, остальные немногочисленные американские суды состоялись в Массачусетсе.

15 июня 1648 г. в Бостоне была повешена Маргарет Джонс, использовавшая примитивные лекарства для лечения больных. «Частично ее подозревали потому… что после обмена колкостями между ней и ее соседями случилось некое несчастье с животными или другим имуществом данных соседей». Она была обвинена в околдовывавши детей, и на ней был обнаружен ведьмин знак, «сосок, такой свежий, будто из [него] недавно сосали». Вскоре после этого была казнена миссис Лейк в Дорчестере. В 1654 г. был проведен официальный день молитвы, чтобы решить, насколько «Сатана овладел нами с помощью колдовства». На следующий год в Ипсвиче был обвинен в «приятельских отношениях с дьяволом» Джон Бродстрит. Он был приговорен к штрафу в 20 шиллингов или к порке. В том же самом, 1692 г., Хью Парсонс из Спрингфилда был признан в Бостоне «юридически невиновным в колдовстве», но его жена была осуждена. В Кембридже была привлечена к судебной ответственности за околдовывание до смерти маленького ребенка миссис Кендал. Нянька свидетельствовала, что миссис Кендал «многое сделала для ребенка», но вскоре после этого ребенок переменился в цвете и умер. Суд не вызвал в суд родителей ребенка, позднее обнаруживших, что их ребенок умер от переохлаждения, вызванного нерадивостью няньки. К этому времени последняя уже находилась в тюрьме за прелюбодеяние, там она умерла, и дело само собой сошло на нет.

В 1656 г. Уильям Хиббинс, весьма уважаемая вдова, сестра губернатора Ричарда Беллингхема, была осуждена в Салеме за колдовство и повешена 19 июня. Некий Джошуа Скотоу выступил в ее защиту и свидетельствовал в ее пользу; его поступок вызвал недовольство судей, и он был принужден принести суду унизительное извинение за нанесенное оскорбление.

В течение двух последующих десятилетий (1660–1680) большинство дел, связанных с колдовством, было прекращено, и зачинщики истерии были почти подавлены, пока девушки и судьи Салема не раздули ее снова. Так, в 1673 г. Юнис Коул в Бостоне был признан «по закону невиновным» в совокуплении с дьяволом, и ему просто было предписано покинуть пределы юрисдикции суда. В 1674 г. в Салеме судьи прекратили дело Кристофера Брауна, вынеся предупреждение не вступать в отношения с дьяволом. В 1680 г. в Ипсвиче Маргарет Рид не явилась в суд, чтобы ответить на обвинения, и, по-видимому, ничего не было предпринято, чтобы арестовать ее. Гуди Гловер, ирландская эмигрантка, была последней женщиной, повешенной за колдовство в Бостоне 15 ноября 1688 г.

Один из последних судов (1679 г.) был вызван проявлениями полтергейста в доме Уильяма Морза в Ньюберри: матрос по имени Калеб Пауэлл, заподозренный в колдовстве,

приведшем к беспорядкам, был отпущен после уплаты стоимости судебных издержек, но миссис Элизабет Морз была признана виновной, правда, получила отсрочку приговора и была освобождена после года тюрьмы в Бостоне.

После салемских судов люди начали стыдиться своей легкомысленной доверчивости, и обвинения прекратились. Последний суд в Массачусетсе был фактически отголоском Салема: Сара Пост из Андовера в 1693 г. в Ипсвиче была признана невиновной «во вступлении в договор с дьяволом и подписании дьявольской книги».

Т

ТЕНГЛЕР, УЛЬРИХ. Губернатор Хехштадта на Дунае, Т. в 1590 г. написал «Layenspiegel» — неоднократно переиздававшееся на протяжении XVI в. руководство по применению законов. 2-е издание (1511), было дополнено его сыном Кристофером, профессором канонического права в Ингольштадте, и другими теологами. В главах, посвященных колдовству, которые основывались на «Malleus Mdleficarum», он призывал светских судей поощрять доносчиков, которые не должны были подвергаться наказанию, даже если их обвинения оказывались ложными. Ряд иллюстраций в книге изображает пытки того времени.

Книга Т. «Layenspiegel» («Зерцало мирянина») соответствует бамбергским законам, основанным на Каролинском кодексе. Он опубликовал первое руководство по судопроизводству против ведьм на национальном языке, предшествовавшее аналогичным сочинениям, появлявшимся на протяжении последующих 200 лет. Ниже приведены два его раздела: обращение, побуждающее доносить на подозреваемых ведьм, и серия вопросов, которые, по его мнению, должны задаваться обвиняемой ведьме.

Форма привлечения ведьмы к судебной ответственности

> «Я, N, судья, довожу до сведения всех, на кого распространяется власть суда в N, а также их родственников и проживающих у них лиц, что до нас дошли слухи и молва о том, что появились некоторые лица, известные как ведьмы, а также и те, кто с помощью злого духа тайно навлекают несчастья и причиняют ущерб молодым и старым, скоту и урожаю и те, кто занимается всяким чародейством и еретическими делами.
>
> Поскольку, во исполнение взятых на себя обязательств и по соизволению всемогущего Господа, которому мы молимся и которого почитаем, и во исполнения нашего христианского долга я обязан сокрушать и искоренять это еретическое зло везде, где только смогу, я заявляю нижеследующее:
>
> Исходя из вышеизложенного, под страхом тяжкого наказания, я призываю всех вас, и особенно тех, кто проживает в округе N., в течение установленных мною двадцати дней, из которых первые четыре отводятся для наших подданных, четыре — для их родственников и четыре — для их жильцов, сообщить и дать мне понять, если кто-то из вас знает, видел или слышал о лицах, которые известны как ведьмы или подозреваются в этом, или слывут ведьмами, а также о прочих еретиках или о тех, кто занимается такими делами, как причинение зла людям, животным, или нанесение ущерба урожаю или общественному достоянию.
>
> Никто не должен беспокоиться о доказательстве выдвигаемых им обвинений или бояться, что будет наказан или привлечен к ответственности, если выдвинутое им обвинение не будет доказано. Но если выяснится, что кто-то виновен в названных деяниях, то отныне и далее да падет он жертвой всех предписанных наказаний. Да будет это известно для руководства и неукоснительного исполнения.
>
> Скреплено моей подписью».

Особый порядок привлечения к ответственности отдельных лиц можно представить и в следующей форме с внесением необходимых изменений.

> «Если кто-либо пожелает выступить с обвинением, то судья вместе с нотариусом и двумя заслуживающими доверия лицами должны выполнить свой долг. Обвинителя, принесшего присягу (чтобы заставить его осознать серьезность его обвинений), следует спросить, на чем основываются его сведения и обвинения, и особенно о месте и времени, когда он это обнаружил, а также и о том, как часто, каким образом и в какое время он обнаружил обвиняемого при подозрительных обстоятельствах или в дурной компании и о том, что еще он увидел. Но если кто-либо заявить, что лишь слышал о чем-то, то его следует подробно расспросить, от кого, когда, где, каким образом и в чьем присутствии [он это слышал]. В заключение [судья] должен предупредить каждого и взять обязательство о сохранении всего сказанного в тайне.

В случае, когда подобные показания имеют место, светский судья должен решить, целесообразно ли передать дело на рассмотрение светскому или церковному суду.

Если же [судья] опасается, что один или более из обвиняемых могут сбежать, то он может заключить их в тюрьму или обеспечить их охрану иным путем. И когда их заключают в тюрьму, следует обыскать жилище такого обвиняемого в колдовстве или подозреваемого в иных преступлениях. Следует также внимательно осмотреть все углы, трещины и потайные места вверху и внизу, чтобы обнаружить возможные орудия или признаки [колдовства] и, если они не были тщательно спрятаны, то они, несомненно, будут найдены.

Если же [подозреваемый] имеет дочерей, служанок или домашних, то следует также отправить их в тюрьму и допросить. И, если они будут взяты под домашний арест, то надо позаботиться о том, чтобы не разрешать им оставаться в одиночестве в их собственной или другой комнате, где они могут уничтожить имеющиеся у них улики, и следует предотвращать произнесение ими заговоров, которые помогут им хранить молчание. Иногда целесообразно следовать обычаю и переносить их на простыне (если их ноги не касаются земли, то у них не будет колдовской силы).

Когда подозреваемый будет таким способом задержан, в тюрьме его следует подвергнуть мягкому общепринятому допросу, не говоря ему, кем и в чем он обвиняется. В частности, следует задать вопросы: где он родился, вырос, проживает, где и с кем бывает, имеет ли он друзей, все ли они живы, если же они умерли, то естественной смертью или нет. Далее по пунктам:

— особо, покидали ли они свою родину;

— в частности, почему их коровы дают больше молока, чем коровы их соседей, кто вызывает их неприязнь или у кого больше скота, чем у них, и почему люди стали их врагами;

— слышали или подозревали они или нет, что их место проживания нечисто и почему они блуждают средь полей в ненастную погоду;

— почему животные, дети и мужчины иногда слабеют и испытывают мучения

— знают ли они, что те, кто делают подобные вещи, творят зло;

— знают ли они, что такие лица должны арестовываться и сжигаться в специальных местах;

— почему здешнее население враждебно к ним;

— почему несколько подобных обвиняемых было утоплено?

— зачем они крадут у людей некоторые вещи, которые прекрасно могут получить иным путем; для какой цели они их используют;

— зачем они занимаются прелюбодеянием и оскверняют любовь…

— для чего они делали то или это во время родов фрау N».

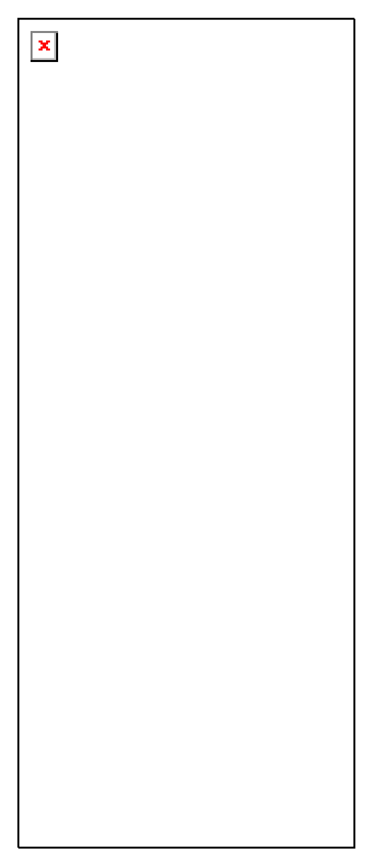
Опытный судья может построить аналогичную линию расследования обвинений, выдвинутых против подозреваемого и на основе своего собственного опыта. Если же подозреваемый не будет подобающим образом отвечать на вопросы, все отрицать или молчать, то судья вправе предположить, что он околдован и не скажет правды, и может предпринять против него дальнейшие действия. Нельзя установить единых правил в вопросах судопроизводстве против подобных чародеев, иначе злой дух сможет предвидеть то, что будет предпринято против него и сможет избежать расставленных для него ловушек.

Если же при допросах эти люди пожелают получить очную ставку с теми, кто их обвиняет, то по многим причинам этого не следует допускать… Эти и другие вопросы рассматриваются в упоминаемом выше «Malleus Maleficarum».

«Любой судья и его помощники должны тщательно готовиться к работе и предохраняться от телесного соприкосновения с злодеем посредством смазывания мягким мылом, воском или чем-либо иным, что церковь предписывает применять против подобных дьявольских козней и чар. Приступая к допросу этих нечестивых вероотступников, заставьте их перекреститься и тщательно следите, чтобы с Божьей помощью вырвать их ядовитые зубы».

ТИРСКИЙ, ПЕТР. Признанный иезуитский проповедник и профессор теологии Майнцского университета, опубликовал «De Spectris Apparitionibus» [«О явлениях призраков»] в Кельне в 1594 г. Работа в основном посвящена проблеме призрачных показаний. Дьявол наделен возможностью предстать на шабаше в облике невиновного человека, но, поскольку он ограничен в своих действиях Господом, фактически он принимает облик только порочных людей. Господь защищает невиновных; если бы дьяволу было дозволено принимать их облик на шабаше, он мог бы также принимать его и вне шабаша, совершая другие преступления, например, прелюбодеяние и воровство. Но, как утверждает Т., этого не происходит. Если бы дьявол совершал подобные деяния, то честные люди должны были жить в постоянном страхе ложного ареста и пытки; но люди не живут подобным образом — следовательно, показания о призраках являются надежным доказательством колдовства.

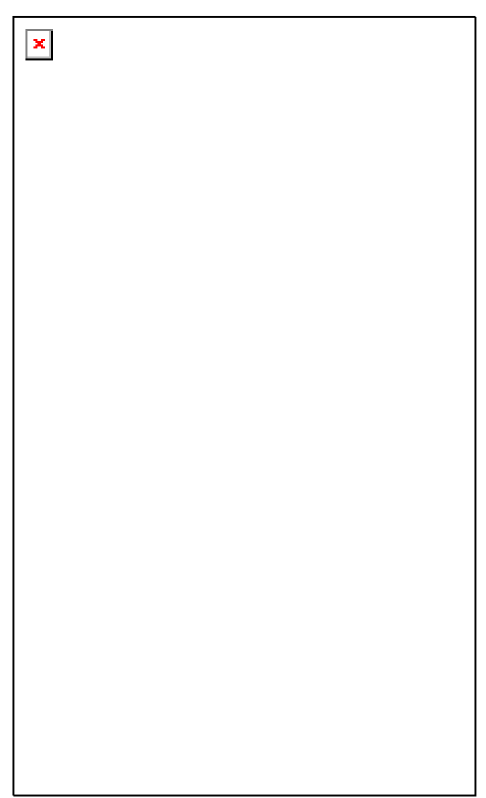
ТИСКИ ДЛЯ БОЛЬШИХ ПАЛЬЦЕВ (пытка). Также известны как захваты, щипцы и gresillons (во Франции). Общепринятое и эффективное средство принуждения к признанию. В простейшем виде этой пытки на один из пальцев рук или ног оказывалось давление с помощью куска веревки. Металлические же тиски могли оказать такое давление, что раздрабливали кости. В течение XVI в. приспособление использовалось во Франции, где его рекомендовалось применять только для кончиков пальцев или ногтей, помещаемых в зажимы. В Англии тиски были введены, по-видимому, в конце XVII в., потому что в 1684 г. они были названы «новейшим изобретением и средством», которое «ранее не использовалось». Епископ Гильберт Барнет в «History of his own Times» (1724) писал о двух мужчинах, Спенсе и Карстерсе (не обвиненных в колдовстве), подвергшихся пытке одними из первых:

«И затем пришел — О, Боже милостивый! — палач и наложил мне тиски, связав обе руки вместе, так что кровь хлынула из-под ногтей и отовсюду, так что в течение 4 недель я не владел своими руками, как ты можешь понять по моему почерку». — Из письма к дочери Иоганна Юниуса (1628). Образец тисков и зажимов для костей, использовавшихся в то время.

> «Когда пытка оказала воздействие на Спенса, Карстерсу было предложено дать ту же самую клятву. После его отказа, они вставили его пальцы в тиски и затянули их, как при чрезвычайной пытке, так сильно, что не смогли отвернуть, пока не привели сделавшего их кузнеца, который и отвернул их своими инструментами».

ТОМАСИУС, КРИСТИАН (1655–1728). Впервые привлек к себе внимание благодаря защите смешанных браков. Сын профессора из Лейпцига, изучал право; читал первые лекции в Лейпциге, рано заявив о своем нонконформизме. Когда лютеранский герцог Саксонии захотел жениться на дочери кальвиниста Фридриха III, курфюрста Бранденбургского, впоследствии первого короля прусского, саксонские университеты Лейпцига и Виттенберга выступили против их союза. Т., поддержавший герцога, потерял свою должность и должен был бежать в кальвинистски настроенный Бранденбург, где получил место в малоизвестной Riiterschule в Галле. Но его лучшие студенты из Лейпцига последовали за ним, к ним присоединились и остальные. Вскоре Фридрих III создал в Галле университет и назначил Т. его ректором. Новая организация подверглась насмешкам со стороны старых академий и была прозвана Hoelle (Адом). Здесь Т. развивает либеральные традиции протестантского адвоката Пуфендорфа и католического адвоката Гроциуса (их книги были внесены в «Индекс запрещенных книг»), основанные на естественном праве и христианской морали, установившие истинные основы международного права и договоров между странами. Т. особо выделял исторические методы исследования, считая, что явления можно изучать только в их историческом развитии.

Полеты ведьм на шабаш, в соответствии со взглядами начала XVIII в.
Сатирический фронтиспис книги К.Томасиуса «Kurze Lehr-Salze» (1712).

В своих исследованиях Т. рассматривал основные проблемы своего времени. Одной из них была вера в колдовство. В сентябре 1694 г. он принял участие в предпринятом юридическим факультетом университета Галле пересмотре 150 судебных производств, последовавших за ведьминским судом над Барбарой Лабаренцин. Т. голосовал за использование легкой пытки для получения признания, однако большинство решило, что обвиняемую следует оправдать с предупреждением. Т. изучил доводы своих оппонентов и при-

шел к выводу, что ошибался; дальнейшие исследования привели к тому, что он перестал верить во все предрассудки о дьяволе. Под давлением теологов он изменил свою позицию, признав существование ведьм, но все равно отрицал возможность договора с дьяволом. Такой компромисс никого не удовлетворил. Однако Т. продолжал распространять свойственный ему скептицизм через диссертации своих учеников, например, Иоганна Райхе (1701) и Иоганна Пауля Ипсена (1712). Т. также выступал против пыток (хотя и приветствовал их применение на отдельных судах) и религиозной нетерпимости. «Обязанность правителей, — писал он, — не в спасении душ, а в сохранении мира». Несмотря на подобные колебания, Т., как отмечал Эндрю Уайт, был «величайшим и самым храбрым из немцев от Лютера до Лессинга». Ли замечает, что, принимая во внимание «веру в абсолютную истинность Священного Писания и характер имперских законов по данному вопросу, удивительно не то, что люди, воспитанные в почтении к подобным авторитетам, верили в колдовство, а то, что любой образованный человек мог оказаться достаточно смелым, чтобы расшатывать традиционные предрассудки».

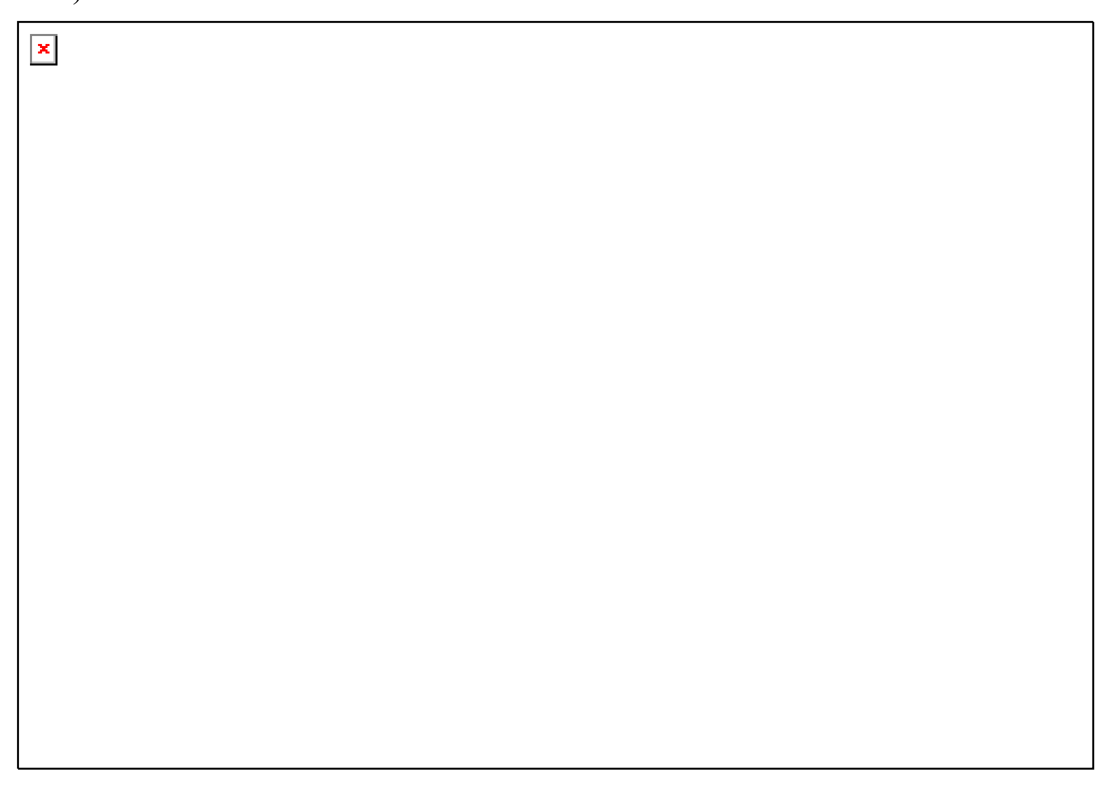
Труд Т. «De Crimine Magiae» был напечатан в 1701 г. по-латыни, в 1703 г. вышел немецкий перевод, часто переиздававшийся. Т., в частности, опровергал Теофилуса Шпитцеля (1687) и известного юриста-протестанта Карпцова (пользовавшегося влиянием с 1635 г.). В многочисленных отступлениях Т. проявляет необычайную проницательность. Например, он замечает, что теория договора помогает осудить даже благочестивого человека, который оказывает сопротивление тирании, но не может быть сожжен за ересь: ложные свидетели принесут присягу в том, что он является колдуном и тем самым отправят его на костер. Поскольку никакого договора не существует, все ведьмы сжигается за несуществующее преступление, а их признания являются следствием пытки. Под пыткой любой мог признаться в том, что от него требовали судьи.

ТРИРСКИЕ СУДЫ НАД ВЕДЬМАМИ. Трирское (или Тревское) архиепископство (с кафедрой в Кобленце) — электорат Священной Римской империи, имевший духовную юрисдикцию также над соседними Лотарингией и Люксембургом. Из этих двух государств и пришла в Трир колдовская истерия в последние годы XVI в. Реми, печально известный судья над ведьмами, хвастался, что с 1581 по 1595 г. он сжег в Лотарингии 900 человек. В Люксембурге, находившемся под властью Испании, преследования начались около 1580 г. В Эльзасе организованные охоты на ведьм начались в 1570 г. В Трире суды начались несколько позднее, хотя уже в 1572 г. в аббатстве святого Максимина было сожжено 5 женщин. Однако они не стали примером для подражания, поскольку фактически массовые преследования начались в княжестве лишь в 1582 г., а в самом городе — в 1586 г., за несколько десятилетий до жесточайшего террора в других церковных государствах, таких, как Вюрцбург и Бамберг. Теологи отождествили ведьм с еретиками и возложили вину за колдовство на протестанта Альберта Браденбергского, который якобы занес его в княжество во время вторжений в 1552 г.

Охота на ведьм в Трире связывается с тремя именами: Фладе, Бинсфельда и Лооса. Гонения на ведьм начались при князь-епископе Иоганне фон Шененбурге (1581–1599), при содействии губернатора Иоганна Цандта, нотариуса Питера Ормсдорфа и викарного епископа Бинсфельда. Светский суд в Трире, руководимый Дитрихом Фладе, не отличался таким энтузиазмом в преследованиях, как суд церковный, и осудил всего нескольких ведьм. Наконец Цандт, раздосадованный нерешительностью Фладе в добывании показаний о сообщниках, обвинил его в колдовстве и после процесса, продолжавшегося 2 года, добился его осуждения. Сомневавшихся, по-видимому, было много, как заявлял Бинсфельд, написавший в 1589 г. «Tractatus», чтобы направить колеблющихся. Спустя всего 3 года после казни Фладе, известный католический теолог Корнелиус Лоос пытался опубликовать свое изложение порядка ведения судов над ведьмами, но папский нунций уничтожил книгу, и отца Лооса выслали в Брюссель. За его беды, в основном, несет ответст-

венность Бинсфельд, обновивший свой трактат, чтобы опровергнуть этого нового оппонента.

Согласно Джорджу Л.Барру, «одной из наиболее замечательных реликвий времен преследования ведьм» является реестр ведьм из бенедиктинского аббатства св. Максимина, находившегося как раз за городскими стенами и обладавшего юрисдикцией над 10 деревнями. В нем содержатся подробные отчеты о судах с 1587 по 1594 гг., о 306 обвиняемых в колдовстве, чье разоблачение вовлекло еще около 1500 человек (записи содержат 6000 имен).

Шабаш ведьм в Трире, ок. 1600 г. Очевидно, эта листовая гравюра являлась приложением к книге по колдовству Томаса Зигфрида из Эрфурта, опубликованной в Трире в 1594 г. В приложенных стихах упоминается Трир, но на картине просто изображены действия, приписываемые ведьмам.

Бинсфельд приписывал быстрое распространение колдовской истерии невежественным священнослужителям и скептически настроенным судьям. Однако главной причиной все же были плохие урожаи и постоянная нищета [см. Фладе, Дитрих]. Каноник Трирского собора Иоганн Лиден в «History of Treves» оставил яркое описание размаха судов. Его комментарии по поводу того, что охота на ведьм была «большим бизнесом» и «корыстным предприятием», звучат особенно разоблачающе:

> «Все настолько поверили, что продолжающийся в течение многих лет неурожай вызван ведьмами [strigibus et maleficis] по наущению дьявола, что вся страна поднялась, чтобы уничтожить ведьм. Это движение было поддержано многими церковными деятелями, которые искали богатство в пепле сожженных ведьм. Итак, от суда до суда, по городам и деревням всей епархии, стремительно передвигались специальные обвинители, инквизиторы, нотариусы, судьи, присяжные заседатели, констебли, тащившие на пытки и суд существа обоих полов и сжигавшие их в огромных количествах. Мало кто из обвиненных избегал наказания. Даже проживавшие в Трире администраторы не избежали этой участи. Так, были сожжены судья [Фладе], два бургомистра, несколько советников и помощников судей. В этой катастрофе погибли каноники различных коллегиальных церквей, приходские священники, сельские дьяконы. Безумие [insania] людской злобы и судов, алчущих крови и добычи, распространилось так широко, что едва ли остался кто-либо, не затронутый подозрением в этом преступлении.

Тем временем нотариусы, переписчики и содержатели постоялых дворов богатели. Палач, разодетый в золото и серебро, ездил на породистой лошади как придворный вельможа, его жена соперничала богатством нарядов с дворянками. Дети осужденных и наказываемых высылались, их имущество конфисковывалось, пахари и виноградари терпели банкротство, вследствие чего снижалось производство продуктов. Едва ли суровая чума или самый безжалостный захватчик смогли бы подвергнуть такому разрушительному воздействию территорию Трира, как данная инквизиция и преследования, не знавшие границ. Было много оснований для сомнений, все ли обвиняемые были виновны. Подобные преследования продолжались несколько лет, и некоторые из судебных руководителей связали свои имена с множеством костров, на которых человеческие существа предавались огню.

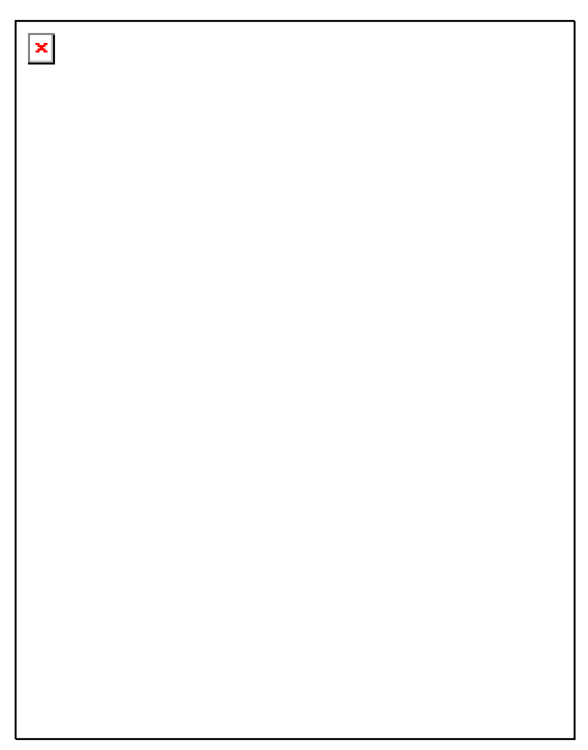
Наконец, хотя пламя все еще требовало все новых жертв, население впало в нищету, были введены законы и усилены ограничения стоимости расследований и доходов инквизиторов, и, неожиданно, как будто их боевой пыл вдруг иссяк, жажда преследований сошла на нет».

У

УОПИНГСКАЯ ВЕДЬМА. Процесс над Джоан Петерсон в Лондоне примечателен благодаря свидетелям защиты, подтвердившим, что обвиняемая была «белой ведьмой» и умела лечить головную боль и снимать порчу с коров. Однако многие свидетели защиты были отведены судом, а некоторых подкупили, чтобы они свидетельствовали против нее. Судебное преследование основывалось на якобы имевших место злодеяниях и наличии домашних духов, включая, в дополнение к традиционному черному коту, менее традиционных белок. Одна служанка показал, что «ее хозяйка разговаривала с этими тварями почти всю ночь; когда же ее спросили, о чем они ей рассказали, она сказала, что слушала их беседу очень внимательно, но они околдовали ее, и теперь она не может вспомнить ни одного слова». Член совета Кромвеля сэр Джон Денвере неожиданно появилась в суде, чтобы принудить остальных магистратов вынести обвинительный вердикт. Процесс был повернут в нужную сторону, и Джоан Петерсон повесили в Тайберне 12 апреля 1652 г.

Брошюра, описывающая этот процесс, сообщает также о некоей Пруденс Ли, сожженной в Смитфилде двумя днями раньше за убийство собственного мужа. Это преступление приравнивалось к государственной измене и было единственным, за которое полагалась такая казнь; никогда в Англии не сжигали женщин просто за колдовство.

> «Затем палач поставил ее в бочку со смолой, привязал к столбу и обложил соломой и вязанками хвороста… Палач поджег солому, и женщина закричала „Господи Иисусе, помилуй мою душу!“. И прежде чем огонь разгорелся, она еще ужасно кричала, пять или шесть раз».

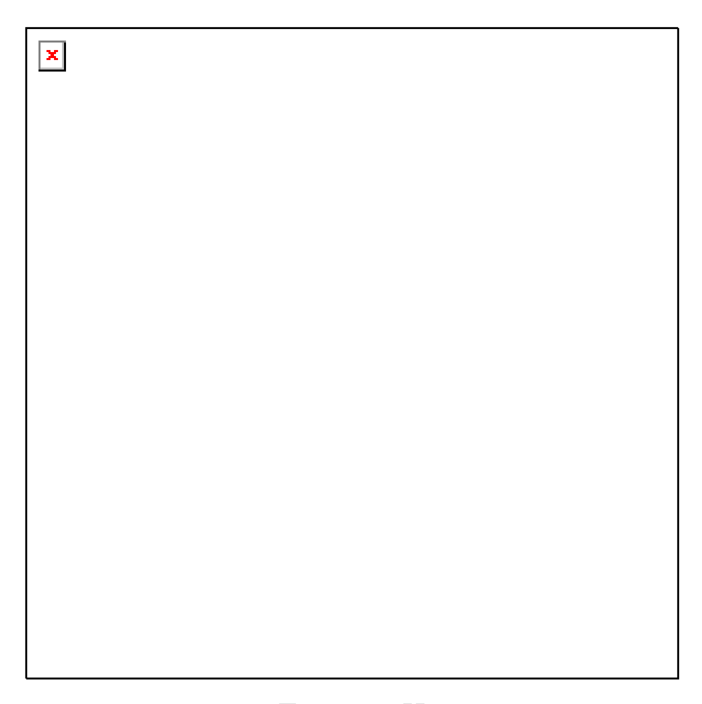
Титульный лист памфлета того времени о Джоан Петерсон, уопингской ведьме повешенной 12 апреля 1652 г. в Лондоне.

УОРБОЙСКИЕ ВЕДЬМЫ. Печально известный суд, напоминавший заговор против трех невинных людей, был наиболее широко обсуждавшимся процессом по делу о колдовстве изо всех, состоявшихся в Англии до 1600 г. Во многих отношениях он предопределил успех на Бродвее пьес «Детский час» и «Дурное семя», а также повести Генри

Джеймса «Поворот винта». Суд над семьей Уорбоев фактически был историей того, как несколько маленьких чудовищ в облике девочек послали на смерть старых и бедных людей. Доверие, которое власть имущие оказали детским выдумкам, сделало эти события особенно отвратительными. Поскольку дети, выступавшие с обвинениями, принадлежали к богатой и влиятельной семье, их подростковые галлюцинации стали одной из причин происшедшего. «От начала до конца, — писал Нотштейн, — это были выпады сильных против слабых… все объединились против этой бедной, но уважаемой семьи».

Роберт Трокмортон был известным сквайром из Уорбоя (графство Хантингтон). Его дочь страдала сильной истерией и, без сомнения, эпилептическими припадками:

> «Примерно десятого ноября года 1589, мистрис Джейн, одна из дочерей упомянутого мастера Трокмортона, которой было примерно десять лет, страдала неожиданными припадками слабости и телесного недомогания со следующими внешними проявлениями. Иногда она очень громко и сильно чихала в течение получаса и тотчас же впадала как бы в глубокий транс и обморок, лежа так тихо, как только было можно. Вскоре она покрывалась потом и так раздувала живот, что никто не мог ни повернуть, ни удержать ее. Иногда одна нога у нее тряслась, притом что другие части тела не двигалась, будто ею овладел паралич; иногда тряслась другая нога. Иногда у нее тряслась одна рука, потом другая, и затем вскоре после этого — голова, как будто она была поражена прогрессирующим параличом».

Миссис Семуэл, вызывающая Дьявола. Иллюстрация из поверхностной «Complete history of magic» Р.Бултона (1715) — одной из последних английских книг, защищавших веру в колдовство.

Во время одного из этих припадков пришла выразить свое почтение семье Алиса Семуэл, их 66-летняя соседка, но Джейн проявила не столь уж необычную во все времена неприязнь богатого подростка к старой и бедной женщине: «Посмотрите, вот сидит старая ведьма… Разве вы не видите (сказал ребенок), она похожа на ведьму, как никто другой. Снимите с нее эту черную обтрепанную шапку, чтобы я могла разглядеть ее получше». Однако родители девочки мудро проигнорировали эту выходку и обратились к известным врачам Филиппу Барроу и профессору Батлеру из Кембриджского университета, находившегося всего в 20 милях. В течение двух месяцев 4 сестры Джейн начали проявлять похожие симптомы, а вскоре за ними последовали семеро слуг. Перед нами явный пример сознательного или бессознательного подражания (они также утверждали, что Семуэл бы-

ла ведьмой), с целью получить хотя бы толику внимания, уделяемого Джейн, без сомнения психически и телесно больной.

Осознавая ограниченность своих возможностей по лечению Джейн, д-р Барроус, друг семьи Трокмортонов, сказал им, что «имея некоторое представление о зле, причиняемом ведьмами, он полагает, что к [их] ребенку было применено какое-то колдовство или чародейство». Родители долгое время не соглашались с этим заключением, но в конце концов приняли его, поскольку другие их дочери вели себя подобным образом, и насильственно устроили очную ставку матушки Семуэл с детьми. Девочки тотчас начали вести себя как безумные, падали на землю, «странно скрючиваясь» и расцарапывая руку миссис Семуэл [см. Царапанье]. Естественно, что миссис Семуэл отрицала все обвинения, относя их к детским «проказам». Однако Трокмортоны настаивали на принуждении ее к признанию (видя состояние своих детей), и девочки продолжали обвинять ее. Сначала дети падали в припадок только в ее присутствии, но позже они изменили свое поведение, притворяясь пораженными и в ее отсутствие. Таким образом, миссис Семуэл была вынуждена жить у Трокмортонов, но отказывалась принимать от них пищу.

Дети находили удовольствие в травле миссис Семуэл:

> «Много раз, когда она сидела у огня, разговаривая с детьми, у тех начинались припадки, и они говорили ей: „Посмотрите сюда, матушка Семуэл, неужели вы не видите того, кто сидит здесь с нами“? Она отвечала, что никого не видит». „Почему же? — удивлялись они. — Странно, что вы его не видите. Посмотрите, как оно скачет, прыгает и играет тут и там“, — и они указывали на него пальцами, показывая, как оно скачет.

В сентябре 1590 г. самая влиятельная женщина округи, леди Кромвель, жена сэра Генри, нанесла визит вежливости Трокмортонам и, увидев старуху, жившую у них, назвала ее ведьмой, сняла с нее чепец и отрезала прядь волос, которую велела сжечь. Миссис Семуэл поняла, что ее пытаются оговорить, и сказала: «Мадам, почему вы обращаетесь со мной подобным образом? Я не причиняла вам никакого вреда». После такого ответа, выраженного в эмоциональной форме, леди Кромвель начала страдать от плохих снов, и от этого или чего-то другого, ее здоровье настолько ухудшилось, что она умерла через 15 месяцев (в июле 1592 г.).

Психические расстройства у детей продолжались до Рождества 1592 г., когда, чтобы успокоить их родителей, матушка Семуэл приказала детям, чтобы они прекратили свои припадки. Они подчинились. Это не только доказало Трокмортонам, что миссис Семуэл была ведьмой, но и стало причиной подрыва ее веры в собственную невиновность. Ей так часто говорили, что она ведьма, что она почти поверила в это: «О, сэр, я была причиной всех этих несчастий с вашими детьми… Добрый хозяин, простите меня». По наущению местного священника Доррингтона она публично призналась. Однако на следующий день после небольшого отдыха, восстановившего силы, она отреклась от своего заявления.

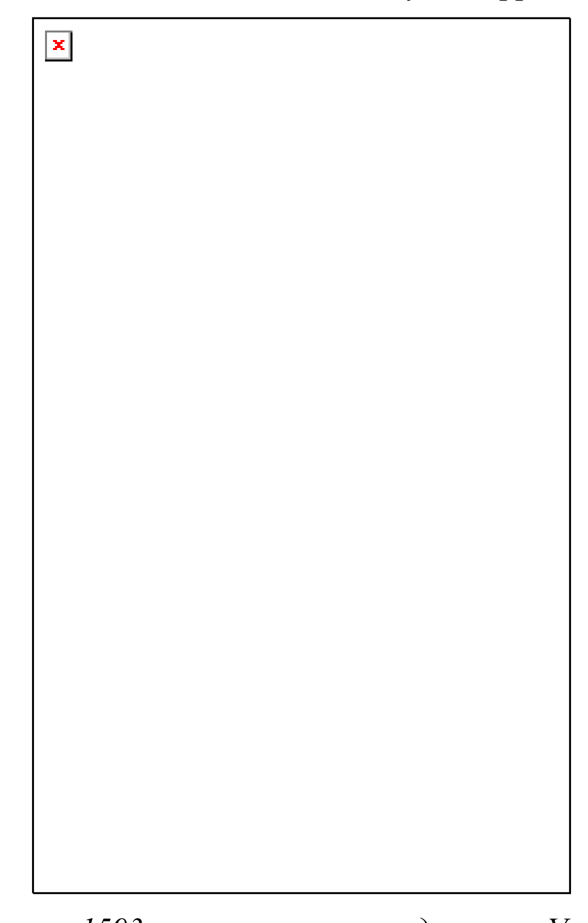
Затем Семуэл была передана полиции, чтобы предстать перед Уильямом Викхемом, епископом Линкольна, где, основательно напуганная, она развила свое первое признание и назвала имена своих домашних духов: трех серых цыплят по кличке Смелый, Охотник и Белый. Ее привез обратно в Хатчинсон и, в ожидании выездной сессии суда присяжных, поместили в тюрьму вместе с ее дочерью Агнесс и мужем Джоном Семуэлом, которого к этому времени дети Трокмортона обвинили вместе с ней.

Но пятеро детей не только продолжали припадки, но и выступили с новыми измышлениями, заявив, что Алиса Семуэл вызвала смерть леди Кромвель (более года назад). Всех троих подвергли пытке в Хантингтоне 5 апреля. 1593 г. в связи с убийством с помощью колдовства леди Кромвель. При поддержке детей (как доказательства вины семьи Семуэлов) эта история была представлена как свидетельство: девочки продемонстрировали свое выздоровление при словах Алисы или Агнесс: «Будучи ведьмой, вызвавшей смерть леди Кромвель, я призываю тебя, дух, выйти из нее и оставить ее здоровой». Если

формулировка менялись на «Не будучи ведьмой», эти бесстыжие дети продолжали притворяться, равно как и в том случае, когда этот экзорцизм произносил кто угодно, кроме трех Семуэлов. Кроме того, еще одним доказательством явилась болезнь и падеж скота, о которых сообщили двое или трое деревенских жителей. Тот факт, что никто не обвинял матушку Семуэл все предыдущие годы, когда она якобы занималась колдовством, не был принят во внимание.

При столь неопровержимых доказательствах присяжным потребовалось только пять часов, чтобы признать всех троих виновными по пункту «околдовывание до смерти леди Кромвель». Матушка Семуэл «призналась» и добавила, что дьявол «плотски познал ее» Агнесс Семуэл принуждали к заявлению о ложной беременности, но ее презрение к подобному обману даже сегодня заслуживает нашего уважения и восхищения: «Нет, я не сделаю этого: никогда не будут говорить, что я была и ведьмой, и проституткой».

Обвинение и повешение можно объяснить только тем, что к концу XVI в. вера в колдовство уже прочно воцарилась в умах англичан. Вера в ведьм, конечно, не была новинкой, но к 1600 г. ее стали отделять от чародейства — maleficia или порчи, которая могла быть причинена любому невинному человеку и которую вначале усиленно обсуждали в книгах и памфлетах. Если предубеждение против идеи или человека являлось достаточно сильным, тогда любые показания извращались таким образом, что становились основанием для расправы с обвинителем. Так, сэр Томас Браун, выдающийся врач и автор известной «Religio Medici», в 1662 г. выступавший на аналогичном суде в Сент-Эдмундсберри с экспертизой свидетельских показаний, утверждал, что дьявол может действовать «на естественной основе». Более того, он «считал, что эти обморочные припадки имеют естественное происхождение и являются ничем иным, как так называемым «родимчиком» (истерией), но, — и здесь наступает полное отсутствие здравого смысла, — они чрезмерно усилены благодаря коварству дьявола, объединившегося в злодеяниях с теми, кого мы называем ведьмами, и по чьей просьбе он творит свои мерзости» («Суд над ведьмами на выездной сессии присяжных, состоявшейся в Сент-Эдмундсберри», 1682 г.).

Титульный аист трактата 1593 г., посвященного ведьмам из Уорбоя, хранящегося в БМ.

Лишь немногие разобрались в обмане. «Осведомленные люди сообщали из графства, что эта матушка Семуэл… была наивной старой женщиной и что хитрыми речами ее могли убедить признаться во всем, что от нее хотели». Спустя шесть лет Харснетт, будущий архиепископ Йоркский, в книге «Discovery of the Fraudulent Practices of John Darrell» (1599), критикуя мнимого экзорциста, пользовавшегося этим методом и в конце концов осужденного, приоткрыл истину, назвав трактат 1593 г., посвященный делу в Уорбое, «очень нелепой книгой».

Значение суда над уорбойскими ведьмами велико. События развивались почти 4 года и вовлекли выпускников Кембриджа и многие высокопоставленные семьи — Трокмортоны и Кромвели имели обширные связи в обществе. Сэр Генри Кромвель, дед Оливера Кромвеля, был богатейшим членом Палаты общин Англии. Распространялось и подтверждалось народное суеверие о дурном глазе, «имевшее глубокое и продолжительное влияние на класс, который создавал законы». Кеттридж осмеливается высказать предположение, что личная вовлеченность некоторых законодателей в судебное разбирательство могла стать дополнительным стимулом к утверждению билля 1604 г. против колдовства, предусматривавшего смертную казнь для всех, кто был обвинен и осужден за это преступление.

Суд оправдал незаконное изъятие скудного добра Семуэлов сэром лордом Кромвелем (как владельцем поместья), чтобы субсидировать ежегодную проповедь «против отвратительных действий, греха и преступления колдовства» в Хантингтоне — подобный обычай сохранился до 1812 г., хотя в это время в проповедях предупреждали против веры в ведьм. Все это подробно отражено в памфлете, напечатанном по инициативе судьи, пославшего Семуэлов на виселицу, — «The Most Strange and Admirable Discouery of the Three Witches of Warboys» (Лондон. 1593 г.), сохранившемся только в одном экземпляре, хранящемся в Британском музее, с напечатанной на обороте балладой. Памфлет написан с использованием записей, сделанных Трокмортонами во время припадков, с таким мастерством и тщательностью, что на него постоянно ссылались в последующих диспутах по поводу существования ведьм.

Ф

ФАВЕРШЕМСКИЕ ВЕДЬМЫ. Признания Джоан Уиллифорд, Джоан Кериден и Джейн Холт, казненных в Фавершеме (Кент) 29 сентября 1645 г., отражают типичные преступления, рассматривавшиеся на судах над ведьмами. В Европе вынужденные признания ведьм, сделанные публично перед их казнью, помогали формированию общественного мнения. Памфлеты с теми же самыми признаниями выполняли аналогичную функцию в Англии XVII в. Стенографические судебные отчеты никогда широко не распространялись, и поэтому колдовство было в основном известно по сообщениям в небольших дешевых книжках.

Приведенное ниже «признание» Джоан Уиллифорд, полученное 24 сентября 1645 г., оказалось достаточным для того, чтобы отправить ее на смерть. Следует отметить вовлечение ею новых жертв, поскольку именно данным способом могли быть удовлетворены интересы охотников за ведьмами.

> Она призналась в том, что около семи лет назад дьявол появился перед ней в облике маленькой собачки и склонил ее отречься от Христа и обратиться к нему. [Она] с неохотой приняла предложение. Она также призналась, что хотела отомстить Томасу Летерленду и Мери Вудраф, вышедшей за него замуж. Она добавила еще, что дьявол обещал ей, что она не будет нуждаться ни в чем, и что у нее иногда бывали деньги, которые ей приносили — она не знает откуда — иногда один шиллинг, иногда восемь пенсов, но не более. Она называла своего дьявола именем Банни. Далее она рассказала, что ее слуга Банни выбросил Томаса Летерленда из окна, и он упал в выгребную яму. Она рассказала, что прошло почти двадцать лет с тех пор, как она отдала душу дьяволу. Далее она рассказала, что выдавила немного своей крови дьяволу, чтобы тот составил договор между ними. Дьявол обещал служить ей примерно двадцать лет, и этот срок почти истек. Далее она рассказала, что Джейн Холт, Элизабет Харрис, Джоан Эрголл были ее подругами. Она поведала, что дьявол сказал ей, будто Элизабет Харрис шесть или семь лет назад прокляла лодку некоего Джона Вуфкотта, и ее проклятие сбылось. Она призналась, что дьявол обещал ей, что она не утонет, если ее бросят в воду. Дальше она рассказала, что матушка Эрголл прокляла мистера Мейджера, а также Джона Меннингтона, и сказала, что не видать ему удачи. Так и случилось. Она также рассказала, что, с тех пор, как она находится в тюрьме, дьявол сосал ее дважды, приходя к ней в форме мыши.

ФАЙЕН, ДЖОН (Джон Каннингем). Наиболее известный из 70 человек, вовлеченных в самый большой процесс над ведьмами в Шотландии, состоявшийся в Нортбервике в 1590 г., и, возможно, храбрейших из всех шотландцев, претерпевших пытки. Комментируя этот суд, Линн Линтон писал в «Witch Stories» (1861): «Ф.(школьный учитель из Солтпенса, не будучи носителем высокой идеи, которая поддерживала бы его, и не имея друзей, восхищение которых приободрило бы его, вел себя благородно, как настоящий герой, отстаивая свою честь и достоинство с таким мужеством и силой, которые возвышают человеческую натуру до божественного уровня». Сила характера д-ра Ф., отказавшегося признаваться в колдовстве, резко контрастирует с поведением юридического совета и короля Якова VI Шотландского (Якова Английского), наблюдавшего за его агонией и лично приговорившего школьного учителя к смерти.

Доносчиком, положившим начало этой серии судов, была Джилли Дункан, служанка, подвергнутая жестокой пытке своим хозяином, без всяких притязаний на законность еще до того, как делом заинтересовался суд.

Она вовлекла других, и постепенно фантастическая история превратилась в обширный заговор против жизни короля. Д-р Ф. был вовлечен как предполагаемый секретарь или регистратор «ковена» или тайной группы, планировавшей убийство, а, следовательно, считался главарем. 26 декабря 1590 г. он был привлечен к суду за колдовство и

государственную измену по 20 пунктам. Обвинительный акт, приведенный Питкерном в «Criminal Trials» (1833), содержит наряду с другими следующие пункты:

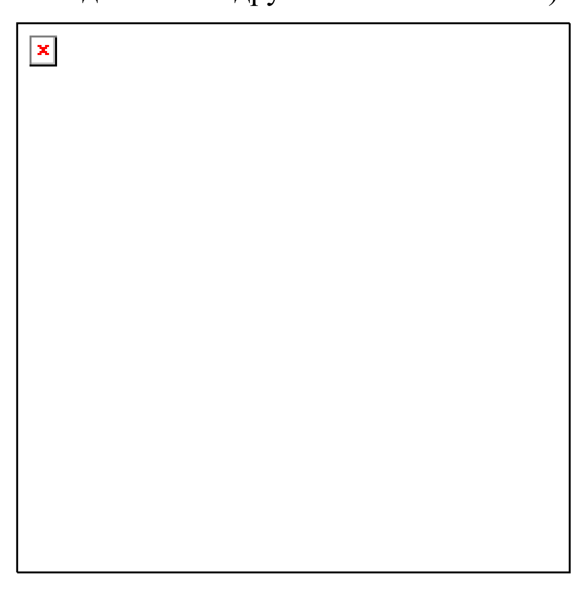
1. Сговор с Сатаной, дабы вызвать крушение корабля, на котором король отправился в Норвегию к будущей королеве, посредством бросания в море мертвого кота.

2. Составление соглашения с Сатаной, который появился перед ним, когда он лежал «задумавшись и размышляя», как отомстить рабочему за то, что он вовремя не побелил его комнату, а также получение клейма дьявола.

3. Воздаяние почестей Сатане в нортбервикской церкви, «большому черному человеку с большой черной бородой, торчащей, как у козла, и длинным ребристым носом, свешивающимся, как клюв сокола, и с длинным мохнатым хвостом».

4. Впадание «в экстаз и транс, когда он лежал замертво на протяжении 2 или 3 часов, а его дух вылетал, чтобы носиться и перемещаться по горам».

5. Раскапывание могил, чтобы получить трупы для использования в чарах (согласно признаниям, сделанным под пытками другими обвиняемыми).

Два примера обвинений против Джона Файена на суде над нортбервикскими ведьмами в 1590 г.: томящаяся от любви к доктору Файену корова (околдованная вместо молодой леди) и его лошадь со сверкающими магическими свечами. Из «News from Scotland» (1591), уникальной копии, сохранившейся в ЛБ.

Другие пункты охватывали различные магические действия, совершенные д-ром Ф., например, открывание запертых дверей дыханием, перевозка по ночам на своей лошади ярких волшебных свечей, соблазнение вдовы, полеты по воздуху, вызывание бури, использование любовных заговоров (ни к чему не приведшее) и составление гороскопов.

В современном памфлете «News from Scotland» (1591), единственный экземпляр которого хранится в ЛБ, описано, как пытали Ф. «Во-первых, стягивание головы веревкой. Его голову обвязывали веревкой и затем резко дергали во всех направлениях. После часа всего этого Ф. убеждали «добровольно» признаться, но он отказался.

Тогда его «подвергли самой жестокой и безжалостной боли на свете», вызываемой «сапогами», разновидностью тисков, раздрабливавших ноги. После третьего сдавливания д-р Ф. потерял сознание. Судебные чиновники истолковали это как молчание, дьявольскую уловку. Несомненно, благодаря подсказке других подозреваемых, они обыскали его рот в поисках амулета и нашли две булавки, «воткнутые по самую головку». Здесь, без сомнения, поменялись местами причина и следствие: палачи сами втыкали булавки в его язык, чтобы сломить сопротивление Ф. После пытки булавками в присутствии короля Якова I, он признался в том, что от него требовали. Его вынудили признаться, что все было в «полной истине, без привлечения свидетелей, которые могли подтвердить все это», и отречься от «заклинаний, колдовства, очаровывания, чародейства и тому подобного».

На следующую ночь, согласно «News from Scotland», Ф. убежал из тюрьмы и направился домой в Солтпенс. Получив эту новость, король «распорядился, чтобы провели тщательный розыск с целью его задержания… Благодаря напряженному и трудному преследованию по горячим следам он был снова взят и доставлен в тюрьму». Если учесть состояние ног д-ра Ф., то побег, очевидно, является редакторским добавлением, чтобы придать повествованию дополнительную остроту. Однако все отчеты сходятся в том, что он снова предстал перед королем и его советом. Ф. отрекся от своего признания, и вслед за этим его обыскали второй раз, потому что за прошедшее время он мог «вступить в новое соглашение и союз с дьяволом». Ничего нового не было найдено. Тогда, чтобы предотвратить его отречение и принудить к подтверждению его первого признания, было «приказано подвергнуть его самым страшным мучениям».

Пытка сменялась пыткой, снова применили «испанские сапоги»; Ф. испытал так много ударов, что его ноги были совершенно раздроблены и разбиты, а кости и плоть так размозжены, что кровь и костный мозг текли так сильно, что их никак нельзя было остановить».

Он по-прежнему отрицал обвинения и настаивал на своем первоначальном признании, что «сделал и говорил все под страхом мучений, которые он претерпевал». Однако, несмотря на его отрицания и отсутствие признания, Королевский совет решил казнить его «для острастки, чтобы устрашить тех, кто впоследствии попытается предпринять подобные злобные и нечестивые колдовские действия». Суд проходил точно по установленной форме: раз обвинение было предъявлено, казнь была неизбежной. Она наступила через пять недель. Ф. отказался признаться и был сожжен. Семпсон, якобы его сообщница, призналась и также была сожжена. Единственным отличием было то, что Ф. перед сожжением подвергли ужасным пыткам. В соответствии с обычаем, Ф. был сначала удушен и «тотчас помещен в огромный костер, уже приготовленный для этой цели, и сожжен на Кастл-Хилле в Эдинбурге в конце января прошлого года [23 или 30 января 1591 г.]».

ФЕРИ, ЖАННА. История одержимости сестры Ф. из Монса в 1573–1585 гг. восемью дьяволами читается почти как клинический диагноз истерии Возможно, поэтому брошюра, опубликованная в 1586 г. архиепископом Камбраи Франсуа Биссере, привлекла внимание Малюара Бурневилля, переиздавшего ее спустя 300 лет. Симптомы сестры Жанны во многом идентичны тем случаям психической неуравновешенности, которые он наблюдал как врач, например, у Луизы Лато.

Ф. сказала, что ее соблазнил дьявол, когда ей было 14 лет; впоследствии, в возрасте 25 лет она получила помощь в виде экзорцизма: она страдала истерико-эпилептическими припадками или, как пишет современный рассказчик мучилась от malings esprits (носившими странные имена Эрези, Третр, Армажик, Белеал, Врай, Либерте, Намон, Санжинер и Омисид)

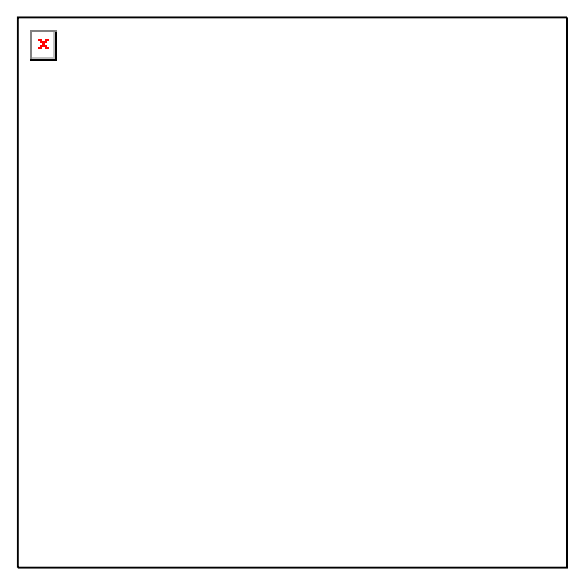
Подобные мучения заключались в конвульсиях и иступленном безумии.

Чтобы уменьшить конвульсии, ее помещали в горячие ванны, во время которых она срыгивала через рот и ноздри «огромное количество грязи, похожей на волосяные шарики из шерсти козла и других животных в форме волосяных червяков», и все это сопровождалось отвратительным зловонием. Часто она прыгала в окна или в реку. Приступы безумия обычно случались «между сном и бодрствованием». У нее возникали видения ада, вкратце изображавшие услышанное ею на проповедях. Она испытывала зрительные, слуховые и обонятельные галлюцинации: «Там были огонь, горящая сера, темнота и зловонный отвратительный запах». У нее были боли в животе, как будто ее жестоко грызла змея, и «для облегчения [она] согласилась присоединиться к демонам, чтобы остановить непрекращающуюся агонию». Она бормотала оскорбительные слова (за которые были ответственны демоны). Ее состояние менялось от douleurs continuelles до grand joye (продолжительной невралгической боли до беспричинной радости). Во время своего экстаза она не могла ни разговаривать, ни есть, ничего не чувствовала и не испытывала боли от

собственных или вызванных демонами мучений. Однажды она вернулась «в состояние детской невинности и, позабыв свои религиозные познания, произносила такие простые слова, как „Отче, Иоанн, Возлюбленная Мария“, и указывала пальцем на предметы вокруг нее».

Она поступала как избалованное дитя. Она играла с фигуркой св. Марии Магдалины, как девочка с куклой, «как будто хотела дать ей свою грудь». Наиболее точное описание ее истерии появилось в отчете об экзорцизме от 24 мая 1585 г. Сестре Жанне разрешили выйти из лазарета, чтобы послушать мессу. Во время запричастной молитвы начались ее мучения. Она издала печальный грустный стон.

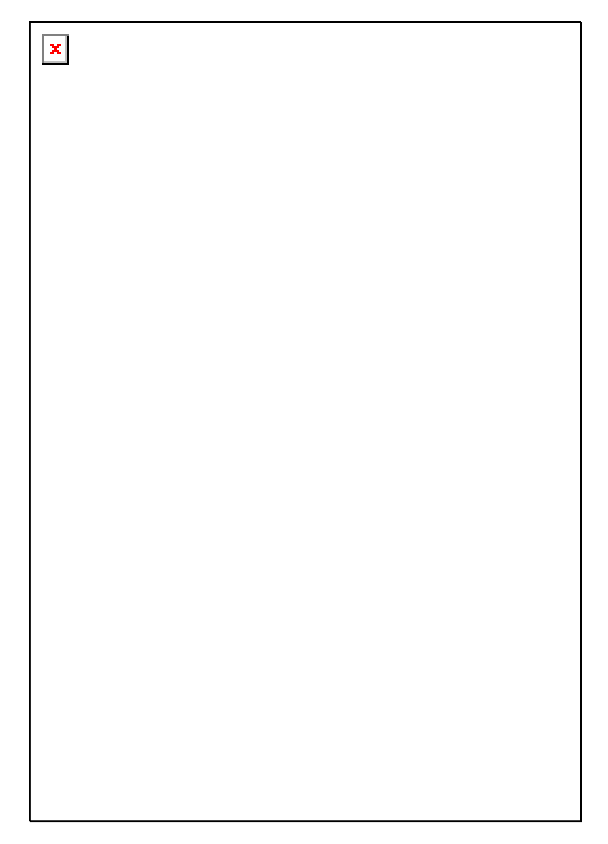
> «Священник увидел, что она стоит на коленях, тело ее вытянулось вверх, цвет лица изменился, стал мертвенно-бледным и желтовато-болезненным, глаза были широко открыты и сосредоточены на статуе св. Марии Магдалины над алтарем… Некоторое время спустя он увидел, как монахиня наклонилась и тихо засмеялась, оставаясь все время в возбуждении, при этом все тело ее было охвачено дрожью и сердце чрезмерно билось. Неспособная произнести ни слова из-за крайней слабости, она делала знаки руками, …одна из монахинь растирала ее руки, ставшие жесткими и сухими, как дерево. Немного спустя, все еще дрожавшую, ее отвели в комнату и согрели перед огнем, в то время как недуг постепенно отступал от нее».

Успешный экзорцизм, показывающий бегство дьявола из уст одержимой монахини. На гравюре изображен экзорцизм монахини из провинции Эно, столицей которого является Монс (где жила Жанна Фери), в архиепископстве Камбре. Он состоялся через четыре года после случившегося с Жанной Фери, в 1589 г.

ФЕРФАКС, ЭДВАРД. В 1621 г. элегантный дворянин эпохи Елизаветы Ф., ученый и переводчик Тассо, настоял на обвинении 6 женщин, живших в лесу Кнерсборо, которые якобы околдовывали его детей и вызывали у них припадки и видения. Хотя женщины были освобождены на выездной сессии в Йорке, Ф. привлек их к суду. Судьи снова отпустили их, поскольку в свидетельских показаниях «не содержалось состава преступления». Ф. крайне разгневался на своих «лучших, способнейших и наиболее разумных» соседей, благодаря которым судьи «заподозрили, что обвинение вызвано обманом и детскими шалостями и возникло в результате заговора, вдохновленного злобой, а не серьезными намерениями».

Наибольший интерес представляет описание суда, сделанное Ф., проиллюстрированное преподобным Майлсом Гейлом, викарием из Кейхли. На включенных в «Энциклопедию» рисунках изображены чертенята или домашние духи, досаждавшие детям, и одна из предполагавшихся ведьм, Элизабет Флетчер, являвшаяся дочерью ведьмы.

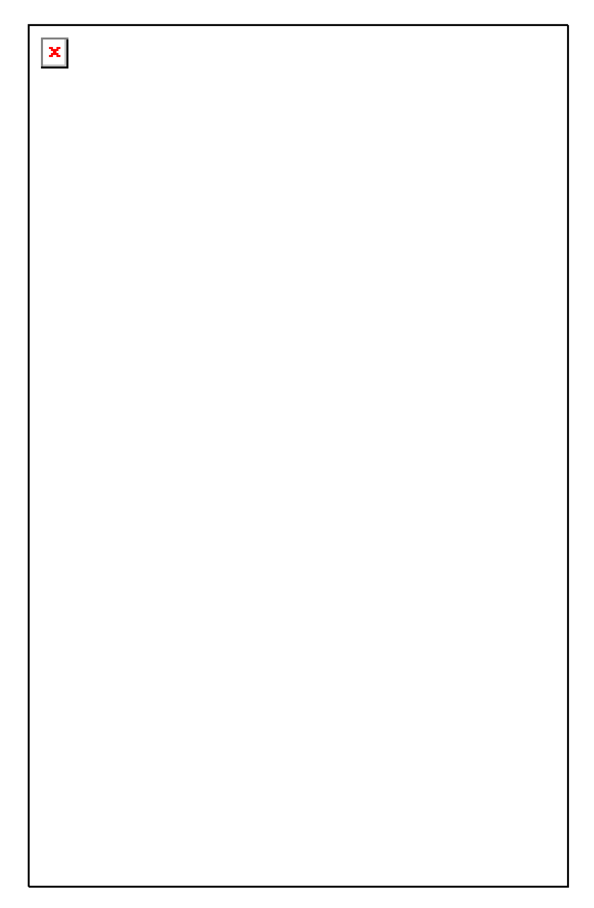
Элизабет Флетчер и ее чертенята. Рисунок, приписываемый преп. Майлсу Гейлу, викарию из Кейхли, из составленного Эдвардом Ферфаксом в 1621 г. описания околдовывания его детей шестью ведьмами в лесу Кнерсборо. Из рукописи, хранящейся в БМ, Лондон.

ФИЛМЕР, СЭР РОБЕРТ. Деревенский помещик, получивший образование в Кембриджском университете (1604), был известным политическим автором в середине XVII в. Стойкий роялист, противостоял Гоббсу, Мильтону, придерживался абсолютистских политических взглядов, но по таким противоречивым предметам как ростовщичество и колдовство занимал очень рациональную позицию. Основная политическая работа Ф. «Patriarcha, or the Natural Power of Kings» оставалась в рукописи до 1680 г. Единственная работа по колдовству — небольшая, всего в 24 странички, книжка «An Advertisement to the Jurymen of England Touching Witches, together with a difference between an English and Hebrew witch» была анонимно опубликована в Лондоне в 1653 г.

«Прямо не отрицая колдовства, [Филмер] сатирически выступает против Перкинса, его защитника», — отмечал дель Рио. В определенной мере книга Ф. оказала прогрессивное и успокаивающее воздействие. Под влиянием повешений в Мейдстоне (Кент), Ф. пытался указать на «большие трудности в изобличении ведьм». Дель Рио утверждал: «Главным основанием является договор с дьяволом, отречение от Господа и Пресвятой Девы». Следовательно, полагал Ф., «если верить дель Рио, никто не может стать ведьмой, не будучи христианином, и к тому же католиком, ибо кто же еще может отречься от покровительства Пресвятой Девы Марии». Если колдовство — «искусство творить чудеса», то оно должно быть либо делом рук колдуна, либо деянием дьявола. Еще одно определение гласит, что «колдовство есть редкое искусство, не делая ничего, заставлять других делать это». Но как может быть осужден соучастник (ведьма) без руководителя (дьявола), и как дьявол «может быть законно вызван в суд в соответствии с нормами нашего общинного права»? Конечно, судьи должны были призадуматься над поставленными вопросами и не проявлять готовности к утверждению обвинительного приговора.

Перкинс предложил 18 признаков или доказательств ведьм, и его критерии оказали существенное влияние на судебные заседания. Ф. анализирует «признаки» Перкинса и опровергает их.

Первые семь признаков сам автор признает незначительными для обвинения ведьмы. Следующие восемь доказательств (которые, как он утверждает, использовали люди из [высших] кругов), он признает фальшивыми или недостаточными. Таким образом, из восемнадцати доказательств которые вызвали большой переполох, пятнадцать отбрасываются сами по себе. За сим остается шестнадцатое доказательство, которым является признание ведьмы хотя в настоящее время он вынужден согласиться, что само по себе признание не является достаточным доказательством. Итак, он подходит к своему семнадцатому доказательству, которым являются два надежных свидетеля. И здесь он допускает, что соглашение между дьяволом и ведьмой совершается тайно, и практические действия ведьм совершаются в глубокой тайне, так что едва ли может быть найден человек, который (на основании своего собственного опыта) может утверждать подобные вещи. Следовательно, наконец, когда все остальные доказательства оказываются недостаточными, он принужден прибегнуть к своему восемнадцатому доказательству и рассказать нам, что существует способ, с помощью которого можно прийти к изобличению ведьмы, заключающийся в том, что Сатана использует все средства, чтобы изобличить ее. Но, как это может быть сделано, если только дьявола не обязывают давать показания против ведьмы, понять невозможно.

Титульный лист небольшого трактата (1653) сэра Роберта Филмера, адресованного судьям, в котором он призывает их к умеренности на судах над ведьмами.

ФИНЛЯНДИЯ, КОЛДОВСТВО В. Христианство проникло в Ф. из Швеции в 1157 г. Вследствие этого языческие верования в природные и магические силы там сохранялись дольше, чем где-либо в Европе, и создавали благодатную почву для новых доктрин христианской демонологии. В начале XVII в. вера в ведьм отчасти распространялась шведскими бродягами, зарабатывавшими себе на жизнь чародейством, немецкими ремес-

ленниками, приносившими с собой заблуждения своей родины, финскими юношами, возвращавшимися после обучения в Германии, ветеранами, вернувшимися с Тридцатилетней войны и теми финнами, которые, используя мнение о лапландцах как вызывателях бурь, претендовали на подобные оккультные способности.

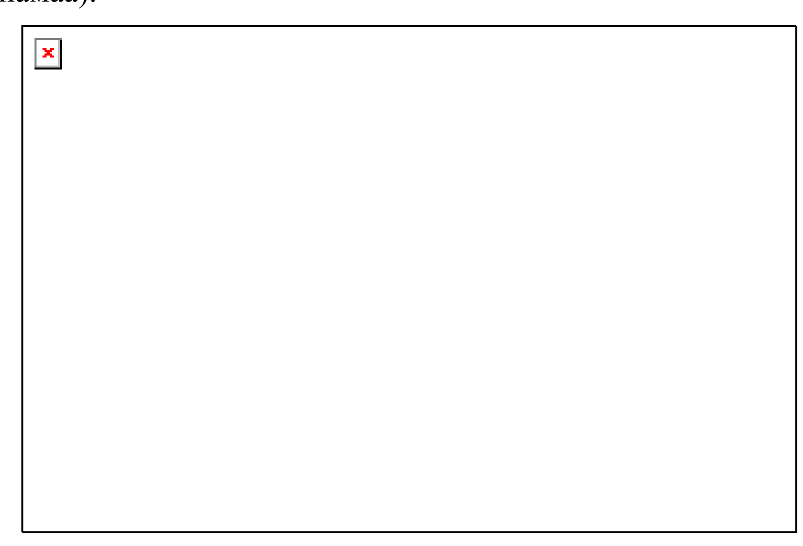
Во всех ранних сообщениях о колдовской ереси в Ф. особое значение придавалось чародейству. Епископ Конрад Битц (1460–1489) осуждает как смертные грехи бросание жребия, предсказания, толкование снов и использование заговоров. Спустя примерно столетие, в 1573 г. синод в Турку [Або], тогдашней столице страны, отлучил от церкви предсказателей и ведьм, передав их светским властям для наказания, но, потерпев неудачу в их перевоспитании, присудил их к изгнанию. Даже в течение XVII в. в колдовстве редко развивались теории договора и шабаша. В 1640 г. епископ Фсак Ротовиус в проповеди в новом университете Турку сетовал по поводу суеверности ведьм, но не их ереси. «Когда люди заболевают, они ищут помощи у дьявола, раскладывая восковые фигурки, свечки, беличьи шкурки и другие вещи на алтарях, и в определенные дни совершают жертвоприношение овцами и деньгами».

Одновременно с лютеранской церковью, гражданские власти выступили против чародейства. Согласно «Acta Ecclesiastica» (1554) короля Густава Вазы, штраф в 40 марок налагали на тех, кто давал приют ведьмам и другим бродягам, не сообщая об этом священнику или шерифу [швед. — landsman]. В 1575 г. король Швеции Иоганн III издал распоряжение, чтобы во время инспекторских поездок власти его великого герцогства выискивали идолопоклонников и ведьм. Задержанных в первый и второй раз следовало высечь у церковных ворот, в третий — осудить в присутствии судей. В 1618 г. король Густав Адольф отдал распоряжение епископу Олафу Элимеусу предпринять аналогичные действия в своей епархии Виипури [Выборг], где было распространено чародейство. В 1641 г. апелляционный суд предложил, чтобы духовенство в Вээмаа и Нижней Сатакунте читало проповеди против колдовства; предложение было повторено в 1649 г. Пером Браге, генерал-губернатором Ф., и еще в 1669 г., следом за дикой вспышкой против моровских ведьм в Швеции. Специальные молитвы против колдовства (определяемого как непредсказуемое бедствие) должны были читаться по воскресным и праздничным дням. Чтобы помочь духовенству, епископы Эрик Эричи (Соролайнен) в 1621 г. и Лоренцо Петри в 1644 г. опубликовали сборники пасторских наставлений; оба сборника, однако, отличались умеренностью взглядов. Уничтожение слуг дьявола огнем и мечом отстаивал и Андреас Хассельквист.

Несмотря на все подобные выпады, запрещенные оккультные книги, такие как «Kabbala» Палетца, grimoire, «Clavis Salamonis» [«Ключи Соломоновы»] и «De Occulta Philosophia» Корнелиуса Агриппы, имели широкое распространение среди профессоров и священников. Ученых, особенно исследователей-практиков, как и везде, часто подозревали в особенном интересе к магии. Один из широко известных судов конца XVI в. состоялся над профессором Мартином Стодиусом и его двумя студентами выпускных курсов, Эолениусом Гуннером и Иоганнесом Арвиди, перед университетским советом в Турку. Другой известный суд состоялся над вдовой Дина Алануса, обвиненной епископом Гизелиусом Старшим.

Финское законодательство против колдовства следовало шведским образцам. Провинциальные законы [Ostgota] предусматривали смертную казнь за maleficia и штрафы за предрассудки (например, предсказания, жертвоприношения деревьям), и распространялись как на село (швед. — landslag), так и на город. В судах обвинения предъявлялись согласно этим законам, различным королевским уложениям (особенно принятому в 1575 г.) и «Закону Господнему» из Ветхого Завета. В Военном артикуле 1683 г. устанавливается, что мужчина, вызвавший смерть с помощью колдовства, должен быть повешен, а женщина — сожжена. Так было еще в 1687 г., когда уложение предусматривало смертную казнь и за колдовство, и за договор с дьяволом, а «суеверия» наказывало как преступление и измену — заключением на хлебе и воде, прогоном сквозь строй (швед. — gatlopp) или пор-

кой. Определяющим фактором при вынесении приговора было положение обвиняемого и его репутация: те, кто мог представить свидетелей для доказательства своей невиновности, могли быть освобождены, но бедные и одинокие, бродяги и нищие неизбежно осуждались. Эти законы основывались на представлении о том, что воздерживаться от колдовства заставляет боязнь наказания, а страх Божий. Первый суд по делу о колдовстве в Ф зафиксирован 1 августа 1595 г. в Пярну, когда на казнь была осуждена женщина по обвинению в том, что ее угрозы причинить несчастья людям осуществились, и что она вызвала болезни, которые, как она заявила позже, она могла бы вылечить. Неизвестно, был ли приведен в исполнение приговор. Однако уже до конца 20-х годов XVII в. состоялись многочисленные суды над ведьмами, чаще в тех районах, где говорили по-шведски (Похьямаа и Ахвеннамаа).

«Жители Финляндии обычно были склонны среди других заблуждений [язычества] «продавать ветры» купцам, которые задерживались у их берегов из-за неблагоприятной погоды. Получив плату, они завязывали три магических узла, ...обвязывали их ремнем и отдавали купцам, сообщая им правило: когда они распустят первый, то получат хороший сильный ветер, когда второй — еще более сильный ветер, но, когда они развяжут третий, то получат такую жестокую бурю, что не смогут выглянуть с бака, чтобы лавировать среди скал». — Олаф Магнус, «История северных народов» (1555).

В Похьямаа преследования достигли своей вершины в 50-е гг. XVII в., когда на выездных судах было рассмотрено 50 случаев колдовства. В это же время в других местах Ф. состоялось только 11 судов. К концу XVII в. суды в Похьямаа, в основном, пошли на спад, но в других местах их количество возросло. В целом по Ф. только 50 или 60 обвиняемым вынесли смертные приговоры (но не все они были приведены в исполнение), и около 30 из них в Похьямаа. Около 10 из них были мужчинами. Большинство мужчин носило финские имена, женщин — шведские.

Обычно в Ф. не создавали специальных трибуналов для обвинения ведьм, отличавшихся по порядку судопроизводства от тех, что использовались и для других видов преступлений. Суды организовывались надлежащим образом, и пытки запрещались, хотя иногда отдавалось распоряжение о нанесении увечий в качестве наказания. В Ф. не было систематически организованных преследований и обвинения в колдовстве обычно возникали из за каких-либо предполагаемых действий maleficia, а не на основе порочащих слухов.

Только в одной области финские суды сближаются с беззаконием и пытками инквизиторских процессов. В конце 60-х годов XVII в. рассказы об оргиях ведьм в Блоксберге или Блокуле (швед. — Blakulla, фин. — Horna) выплеснулись из шведской провинции Далекарлия. Их отголосок достиг как Стокгольма, где среди сожженных в 1675 г. ведьм оказалась финка Магдалена Маттсдоттер, так и Похьямаа и Ахвеннамаа.

В Ахвеннамаа преследования разгорелись с 1666 по 1678 г. благодаря усилиям не в меру старательных судей и священников, находившихся под немецким влиянием. В приговорах часто цитировались немецкие демонологи (не всегда самые известные) — Михаэль Фрейдиг, Мендеринг, Кестер и Людвиг Дунте. В 1666 г. 10 женщин были осуждены на казнь, и тела их сожжены. Первой жертвой стала Карин Персдоттер, больная и глупая жена нищего Зигфрида Эриксона; она назвала имена 13 других женщин, привлеченных к суду за колдовство. Карин была осуждена на чрезвычайной сессии в Финстреме в апреле 1666 г. «Закон Господень» (Исход 12, 18) стал единственным основанием для казни ведьм. Инквизиторские методы использовались только в Ахвеннамаа и не применялись по всей Ф. Итак, мы видим, что Яков I ошибался, когда утверждал в «Demonology», что власть дьявола была самой сильной в Лапландии, Ф., на Оркнейских и Шетландских островах, потому что здешнее население было наиболее невежественно. Напротив, в Ф. это суеверие было встречено с большим хладнокровием, здравым смыслом и неподкупностью законодательной системы, чем в большей части Европы. В XVIII в. преследования ведьм, как и во всей Европе, здесь подходили к концу. Хотя в 1734 г. закон еще предписывал смертную казнь за колдовство, к нему, по-видимому, никогда не обращались, и в 1779 г. он был отменен.

ФЛАДЕ, ДИТРИХ. «За все два столетия, пока продолжались сожжения ведьм (до 1589 г.), вплоть до наших дней, дело Ф. остается самым примечательным в своей стране благодаря его огромной документированности». Так писал Джордж Л.Барр в 1891 г., после того, как обнаружил обширные, общим объемом 245 страниц судебные документы, считавшиеся утраченными на протяжении 300 предшествующих лет.

Происходивший из известной семьи и взявший жену из состоятельной и высокопоставленной семьи, д-р Ф. готовился к большой карьере. В 1559 г. трирский князь-епископ избрал его для подавления местных протестантов. В течение 20 лет Ф. возглавлял светские суды, в 1580 г. стал вице-губернатором Трира, а в 1586 — ректором университета (единственным священником, когда-либо управлявшим данным учреждением). «Благодаря своему гражданскому рвению и доказанной делом преданности верховным властям, — писал современный историк, иезуит Кристоф Брауэр, — Ф. получил место судьи в этом городе. Сведущий и в частном, и в публичном праве, он высоко ценился за свои советы, завоевал славу и уважение среди князей Империи, ему также удалось разбогатеть». Однако, несмотря на свой престиж, в 1589 г. Ф. был сожжен, подобно тысячам других, обвиненных в колдовстве.

Он столкнулся с дилеммой, повторявшейся в более поздние времена, — выдающийся человек был вынужден подчиняться безжалостным фанатикам или погибнуть. Соглашаясь с теорией, Ф. позже пришел к несогласию с практическими действиями и задерживал исполнение того, что он должен был выполнять. Он стал препятствием, которое следовало удалить, вследствие чего и был ложно обвинен как один из приверженцев оппозиции. Викарный епископ Бинсфельд, возглавлявший охоту на ведьм, намекал на истинные причины нападения на Ф.: «Я слышал, как один известный юрист сказал, — не знаю, в шутку или всерьез, — что, будь его воля, он не рассматривал бы и одного обвинения из тысячи». Другой современник Ф., известный демонолог дель Рио, также использовал его имя как пример защитника ведьм, оказавшегося колдуном: «В наши дни доктор Ф., один из советников курфюрста Трира, изо всех сил пытался [препятствовать судам], но, оказавшись под арестом, наконец, признался в своем преступлении и обмане и был сожжен на костре».

Иоганн фон Шененбург, принявший в 1581 г. трирскую епархию, способствовал подавлению еретиков-протестантов, затем высылке евреев и, наконец, искоренению ведьм. Пока Ф. был вице-губернатором, активность в последнем направлении была незначительной: первая ведьма, обвиненная в городе (1582), была просто выслана. Но преследования были усилены прошедшим иезуитскую подготовку викарным епископом [Wei-

hbischof] Бинсфельдом, автором руководства для судей по делам колдовства, принятого по всей Германии (1589), а также Иоганном Цандтом, новым (с 1584) губернатором, опытным охотником за ведьмами в сельских округах Трира.

Общественная поддержка данных лидеров обеспечивалась неблагоприятными природными явлениями (плохой погодой, нашествиями мышей, улиток и саранчи), полностью уничтожавшими урожай с 1580 по 1599 гг. (за исключением двух лет). Кроме того, протестантские и испанские наемники и разбойники опустошили местность, и поступления налогов с Нижнего Рейна прекратились. Объяснением всему стало колдовство. Сатанинские ведьмы были способны «обрушить жестокие несчастья на смертных, околдовывать до смерти скот, уничтожать урожаи и вызывать самые ужасные беды». В «Хронике» Броувера читаем: «Бедные и богатые, люди любого возраста, пола, достатка и положения участвовали в проклятых преступлениях».

Как добивались признаний на судах над ведьмами. Один судья допрашивает заключенного, который претерпевает пытку, другой руководит писцом, записывающим признания. Сохранилось множество признаний, записанных подобным образом в комнате пыток. Из «Bambergische Halsgerichtsordnung» (1508).

Чтобы противостоять влиянию Ф., ограничивавшего жестокость преследований, губернатор Иоганн Цандт должен был избавиться от него. И он начал постепенно создавать дело:

1. Цандт склонил на свою сторону архиепископа, обвинив Ф. в злом умысле против него. Цандт представил мальчика, поклявшегося, что он слышал, как Ф. на шабаше хвастался, что изобрел «смертельный яд, способный воздействовать на Его преосвященство, благодаря его привычке перед отходом ко сну оставлять на столе ладанку с освященным воском, которую он носил на шее, но этого порошка оказалось недостаточно, и архиепископ в этот раз избежал смерти». Как выяснилось из секретной переписки иезуитов, подросток находился под их покровительством, и обладал «большой слабостью рассудка», потому что «во время пира [на шабаше] съел мозг кошки».

2. Из 118 женщин и 2 мужчин, сожженных при юрисдикции Цандта в Пфальце, он нашел некую «старуху Марию Мейерс» которая за то, что ей пообещали удушение перед сожжением, происшедшим 5 июня стала кричать, что Ф. — колдун.

3. Цандт обеспечил множество подобных обвинений осужденными, которые повторяли известное имя, названное Марией.

4. После того, как Ф. был предупрежден о подобных обвинениях, и архиепископ публично обвинил Ф. в сопротивлении преследованиям ведьм, Цандт нанес свой последний удар. Полностью использовав положение сложившееся в стране, 15 апреля 1588 г. он представил некую Маргарет из Эйрена, по клявшуюся, что на шабаше д-р Ф. добивался уничтожения урожая с помощью бури с градом и улитками. Ф. якобы заставлял присутствующих ведьм съедать куски сердца ребенка чтобы обеспечить их молчание во время пыток. Маргарет, правда, съела очень немного.

Ф. оставался еще год жизни, но судьба его была предрешена.

4 июля 1588 г. была назначена комиссия для расследования обвинений, включая и дела тех двадцати трех человек, которых Ф. осудил за колдовство. Петер Ормсдорф, нотариус, увидел в судах над ведьмами хороший источник доходов. Одна из его жертв, избежавшая сожжения, показала, что во время подвешивания при пытке она видела, как судья подкупал нотариуса, который затем спросил ее поименно о лицах, которых назвал судья. Разгневанный тем, что она не захотела свидетельствовать против них, Ормсдорф выхватил у палача пику и стал колоть ей грудь, пока она не покрылась кровью. Большинство из показаний против Ф. были записаны и, возможно, инспирированы Ормсдорфом.

21 августа 1588 г. Комиссия сообщает, что четырнадцать ведьм обвинили Ф.

4 сентября 1588 г. Архиепископ отдает комиссии распоряжение продолжать работу; она принимает еще шесть показаний.

3 октября 1588 г. Ф. пытается бежать, его перехватывают и возвращают обратно в город, теперь враждебно к нему настроенный. Большинство его родственников и друзей уже мертвы. Он находится под домашним арестом, за ним наблюдают четыре горожанина, которым он должен платить. Бинсфельд рассматривает эту попытку бегства как indicium (доказательство) его вины.

5 января 1589 г. Вторая попытка Ф. оправдаться.

14 января 1589 г. Архиепископ обращается к теологическому факультету Трирского университета за согласием на начало судопроизводства. Факультет противодействует намерениям архиепископа и задерживает ответ.

23 марта 1589 г. Архиепископ обращается со вторичным запросом и издает распоряжение об аресте Ф., но суд сопротивляется и также задерживает его исполнение.

22 апреля 1589 г. Ф. наконец заключен в Rathaus губернатором Цандтом.

10 мая 1589 г. Устраивается очная ставка Ф. с двумя обвиняемыми священниками, которые признаются, что видели его на шабаше. Ф. возражает: «Вполне возможно, что они видели мою тень, но не меня самого».

11 июля 1589 г. Ф. снова допрашивают.

29 июля 1589 г. Архиепископ дает указания светскому суду обвинить Ф. в колдовстве.

5 августа 1589 г. Советники и судебные исполнители собрались из сельских округов, чтобы допрашивать Ф. Они пытались уклониться, заявляя, что по закону Ф. все еще остается их руководителем, но их протесты отклонены.

17 августа 1589 г. Открывается официальный суд, Ф. подвергают пытке. Из-за грыжи его страдания во время пытки на дыбе усиливаются. В конце концов Ф. признается в своем присутствии на шабашах, сношениях с дьяволом, действиях maleficia. «Он, также присутствовал при вызывании слизняков, с тем, чтобы семена сгнили. Когда решили сделать это, он помогал им, скатывая маленькие комочки из грязи и подбрасывая их в воздух с именем дьявола, вследствие чего из них образовывались слизняки. По его мнению, договор был заключен на горе Лонгвишер» (из его признания). Ф. назвал соучастников, определяя каждого следующим образом: «Я не могу сказать, был ли это он сам лично или злой дух, принявший его форму». Он обвинял известных людей и судей, но записывали только имена тех, кто еще не подвергался пытке. Не удовлетворенный признанием Ф., архиепископ распорядился продолжить пытку.

16 сентября 1589 г. Суд вынес решение, и Ф. заставили признаться в покушении на жизнь архиепископа.

18 сентября 1589 г. Состоялась казнь. Ф. сначала «милостиво и по-христиански удушили, а тело сожгли дотла. Помилуй его, Господи, и прими его душу».

Барр приходит к следующему выводу:

> «Ф. не был мучеником, вряд ли даже героем. Из того немногого, что мы знаем о нем, очевидно, что едва ли он умер из-за принципов, он окончательно сдался еще до того, как пришел его конец. Однако, необходимо помнить, что даже в самые безрадостные схоластические времена, жил упорный человек дела, который, вопреки догмам и панике, тяготел к здравому смыслу и человечности и с такой же твердостью противостоял уготованной ему судьбе».

Форма «Приговора» Дитриха Фладе

По уголовному делу между благородным и добропорядочным Иоганном Цандтом из Мерля, владетелем Гамме, представляющим архиепископа Трирского, советником и комиссионером в Пальтцелле и Гримбурге, как главным обвинителем, с одной стороны, и доктором Дитрихом Фладе как ответчиком, с другой:

Отвечай на обвинение, основанное на его собственном признании после всех судебных формальностей и на основании опыта и установлений инквизиции в соответствии с общественными законами короля Карла V и Священной Римской империи, мы, судьи и присяжные заседатели настоящего высокого суда, установили, что Дитрих Фладе, представший перед настоящим судом как обвиняемый, вследствие злодеяний, совершенных им в отрицание всемилостивейшего Господа, фанатично преданный дьяволу, занимавшийся колдовством и нанесший ущерб урожаю и растениям, предназначенным для добрых дел, должен быть наказан посредством лишения жизни огнем, к чему мы его и приговариваем, проклинаем и предаем его душу на милость Господа.

Засвидетельствовали: господа Зульцбах, Эншнеген, Фидлер, Шодер, Фах, Килбург, Вольф и Тольс. Больцхейм просил присоединить его голос ввиду отсутствия по болезни.

ФЛАУЭР, МАРГАРИТА И ФИЛИППА.

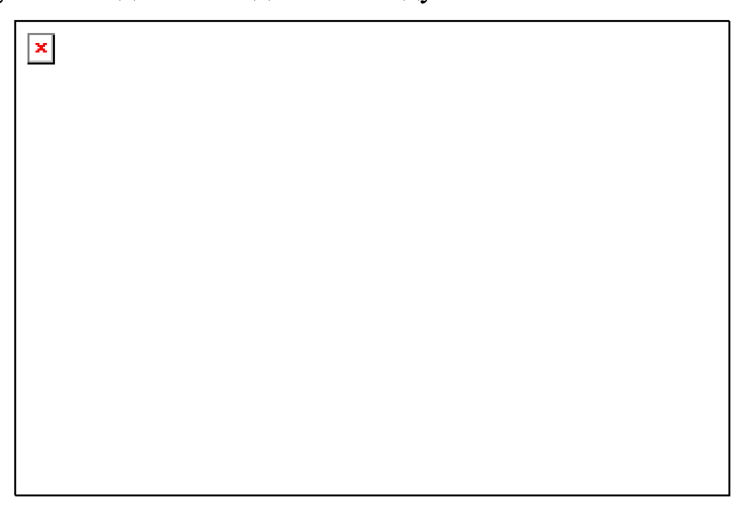
> «Специально привлечены к суду и осуждены перед сэром Генри Хобартом и сэром Эдвардом Бромлеем, судьями выездной сессии, признавшиеся в соучастии в умерщвлении Генри, лорда Росса и гнусных действиях, направленных против других детей достопочтенного Френсиса, графа Ратленда («Wonderful Discovery»).

В данном трактате, напечатанном в Лондоне в 1619 г., после высокопарного перечисления мнений и примеров колдовства, рассказывается о суде, завершившимся казнью сестер Ф. в Линкольне в 1618 г. Матушка Жанна Ф. была «ужасной злобной женщиной», известной как ведьма. Две ее дочери, Маргарет и Филиппа (в памфлете — «Филип»), очевидно, унаследовали злонравие своей матери. Когда их уволили со службы в замке, они обратились к магии и напустили порчу на семью графа, вследствие чего его старший сын умер.

В признании Филиппы последовательно отражено, как она осуществляла maleficia. Она

> «принесла из замка правую перчатку лорда Генри Росса, отдала ее своей матери, которая потерла ею о спину своего духа Раттеркина и затем положила в кипяток. После этого она проколола ее в нескольких местах и похоронила во дворе, пожелав, чтобы лорд Росс никогда больше не здравствовал. Ее сестра, Маргарет, жившая с матерью, часто видела с ней кота, которому она позволяла вспрыгивать на плечо и сосать шею».

В том же самом трактате содержатся признания трех ведьм, вероятно, связанных со скандалом Ф.: Анны Бейкер, Джоан Уилмот и Элен Грин. Правда, их «признания» не содержат ничего примечательного кроме обычного списка домашних духов (белой собаки, белой мыши, совы и котенка по прозвищу Пусси) и случаев maleficia, но трактат иллюстрирован гравюрой, изображающей этих трех женщин в соответствии с типичным представлением о старухе — ведьме и ее домашних духах.

Три английские ведьмы — Анна Бейкер, Джоан Уилмот и Элен Грин.

ФОНТЕН, ФРАНСУАЗА. Ф. впадала в такое же яростное безумие как и любая из известных одержимых монахинь конца XVI-XVII вв. Ее конвульсии напоминали те, что были у большинства других одержимых: например, Элизабет Алье (1639) или Жанны Фери (1585), Бартонского мальчика в Англии (1596), Маргарет Рилл в Америке (1693). Хотя в «Memoires» (ок. 1600) Пьера-Виктора Пальма Кайе дается краткое описание дела, официальная стенограмма 1591 г. оставалась неопубликованной до 1883 г. Луи Морель, генеральный прево Нормандии, диктовал ее во время суда greffier (секретарю суда) Луи Воке. Зафиксированы даже его реплики, такие, как распоряжение принести свечи и факелы, «puor nous esclarier» («для нашего освещения»), чтобы допрос мог продолжаться и после наступления темноты.

Издатель рукописи заявляет, с небольшим преувеличением, что в ней описаны все классические симптомы истерии и эпилепсии: дрожание, обмороки, падения, корчи, потеря чувствительности, паралич, судороги, напоминающие столбняк, аномальные движения (иногда завершавшиеся в форме распятия), каталептические контрактуры, потеря памяти и так далее.

Помимо важности для истории психических заболеваний, по некоторым другим причинам отчет примечателен и для истории колдовства. Во-первых, Франсуаза была освобождена светским судом, хотя и признала договор и сношения с дьяволом. Во-вторых, не предпринималось никаких попыток к розыску женщин, обвиняемых в ее околдовывании. В-третьих, у Франсуазы были и конвульсии, и сексуальные фантазии, а в большинстве других случаев подчеркивалось или то, или другое. В-четвертых, Франсуаза не подвергалась пыткам, за исключением прокалывания; наоборот, за ней ухаживали изгонявшие из нее дьявола прево, врач-протестант и католические священники. В-пятых, Франсуаза оправилась от своего расстройства, смогла выйти замуж и вести нормальную жизнь.

В апреле 1591 г. Лувьер находился в состоянии гражданской войны, накануне захвата силами роялистов. Население было в напряжении и возбуждено. Поэтому, когда Франсуаза Ф. вызвала беспокойство, заявив, что некий дух спустился по трубе, чтобы досаждать ей и другой девушке, и когда начались происшествия, похожие на полтергейст, ее поместили в тюрьму. Другие заключенные протестовали, ибо необычные проявления сопровождали ее и в тюрьме, и тогда было решено, что Ф. является ведьмой. Во время суда

два священника попробовали изгнать дьявола, и 2 сентября 1591 г., перед аудиторией в 1200 человек, собравшихся в церкви Нотр-Дам, Ф. была публично раздета и полностью обрита по всему телу, чтобы облегчить прокалывание и обнаружить потайные места, где могли спрятаться дьяволы.

Суд открылся 17 августа 1591 г. Во время допроса Ф. «навзничь упала на землю, ее руки были с силой раскинуты в стороны, как у распятого… Мы заметили, что ее горло распухло, глаза почти вылезли из орбит, а лицо покрылось крупными каплями пота». Прево заметил, что она не дышала, хотя он нащупал ее пульс и температура была нормальной. Однако, когда он попытался передвинуть ее руки, все еще застывшие подобно кресту, «это оказалось невозможным, без надавливания на них ногами и дерганья ее рук изо всей силы».

Показывая, насколько впечатлительными бывали молодые девушки, Ф. повторила шаблонные признания ведьм о демоне-любовнике и даже приукрасила их. Прево был так потрясен ее любовными историями, которые, как она сказала, имели место и в тюрьме, что взобрался на крышу, чтобы исследовать дымоход и найти признаки входа, где увидел множество мелких следов, которые могли быть оставлены недавно.

Дьявол появлялся в виде grand homme (крупного мужчины), одетого в черное, с черной бородой и сверкающими глазами». Она отдавалась ему охотно (de bon coeur — от всего сердца), как она заявляла, и даже обнажила в зале заседания свою грудь, чтобы показать любовные укусы дьявола. Во время своего первого визита «он приказал ей снять одежду и, когда она сделала это, grand homme бросил ее на кровать и овладел, лежа на ее животе, познал ее плотски два раза, каждый раз на протяжении получаса».

Затем Ф. отбарабанила цепочку клише:

> «У него был membre viril (мужской член) очень крепкий и такой плотный, что свидетельница испытывала значительную боль, когда он совокуплялся с ней, потому что упомянутый membre был твердым, как кремень (dm comme un caillou), и необычайно холодным… Когда упомянутый мужчина покидал ее, он несколько раз поцеловал ее и нежно погладил грудь и интимные места».

Вместе с тем она добавила деталь, которая не прослеживается в других признаниях:

> «Она также сказала, что, когда однажды вышеназванный grand homme наслаждался ее прелестями, он испытал большие сложности, извлекая свой membre viril из ее nature (здесь: влагалища), которое она не смогла расслабить, как он уже сделал со своим, так что они оставались соединенными вместе, подобно кобелю и сучке, когда они наслаждаются друг другом».

Во время своего второго визита дьявол изменил свою технику:

> «Он привлек ее к себе, поместил между коленями, целовал и, даже не заставляя снять одежду, совокупился с ней. Он сделал это только однажды, но это продолжалось почти полчаса, и он закончил, выделив что-то очень холодное в ее желудок. С тех пор вышеназванный grand homme регулярно каждую ночь посещал вышеназванную свидетельницу, только единожды наслаждаясь ею при каждом визите».

Невероятно, что после подобного добровольного признания Ф. не была сожжена. Она поправилась и счастливо жила, что столь же удивительно после всего пережитого ею.

ФРАНЦИЯ, КОЛДОВСТВО В. Каждая страна реагировала на колдовство в соответствии со сложным комплексом факторов — национальными, экономическими, религиозными, политическими и иными особенностями. Для удобства развитие колдовства во Ф.

рассматривается в пяти основных разделах, ни один из которых точно не повторяется в Англии или Германии:

I. Определение инквизицией колдовства как ереси и искоренение ордена тамплиеров в 1307 г.

II. Политические суды над национальными героями по обвинению в ереси, включая чародейство (например, над Жанной д'Арк и Жилем де Ре).

III. Эпидемии охоты на ведьм, состряпанные на скорую руку гражданскими судьями в «великие дни колдовства» (1450–1670), вызвавшие классические описания колдовства французскими демонологами.

IV. Распространение в первой половине XVII в. одержимости демонами, особенно среди монахинь, склонных к обильным сексуальным фантазиям. Подобные скандалы заставляли многих людей усомниться в основах теории колдовства.

V. Всеобщая коррупция французской знати, связанная с использованием ядов и черных месс, обнаружившаяся при полицейских расследованиях в 1682 г. [см. Слушания в «Огненной палате»], приведших к окончанию колдовского заблуждения.

I. Определение колдовства как ереси.

Еще до того, как колдовство было приравнено к ереси, в ранних законах преследовались чародеи. Салический закон (примерно 500 г. н.э.), однако, требовал доказательства совершения определенного злонамеренного действия, такого как отравление; даже когда яд вызывал смерть, чародею разрешалось заплатить определенную сумму денег как компенсацию семье жертвы.

Если убийца не мог выплатить этой виры, его сжигали. При неудачных попытках отравления или случаях лигатуры налагался небольшой штраф. Признавая фольклорные представления о ночных собраниях, Салическая правда, в противоположность инквизиционному праву, устанавливала, что тот, кто назовет другого strix, lamia и.ли stioportius (колдун мужского рода) и не сможет доказать этого, должен оплатить причиненный ущерб. Если бы Салическая правда осталась в силе, ни один из тысяч обвиненных в посещении шабаша не был бы сожжен.

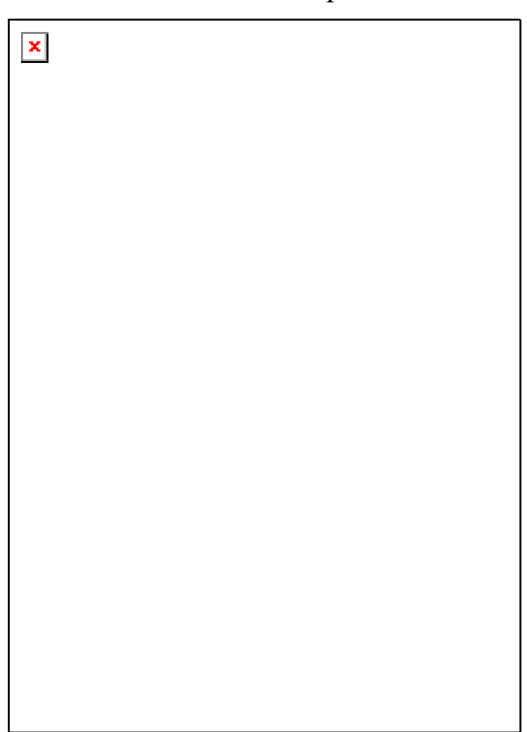
В VIII в. законы Хильдерика III помогли церкви в подавлении проявлений язычества, включая магию. Эдикт Каролинского периода позволял церкви арестовывать чародеев, продавать их в рабство и присваивать прибыль. Однако преследование носило хаотичный характер, хотя штрафы предусматривались не только за колдовство, но и за отравительство или магию.

Колдовская ересь родилась во Франции. Богословская основа для колдовства обеспечивалась продолжительными дискуссиями, начиная с епископа Гильома Овернского из Парижа (1228–1249), Фомы Аквинского (ум. в 1274 г.) и Дунса Скота (ум. в 1308 г.) и заканчивая Пьером де Палу (ум. в 1342 г.) и Габриелем Бьелем (ум. в 1484 г.). На основании их заключений теологи и адвокаты создали свои законы судопроизводства, в итоге разработав подробную концепцию договора с дьяволом, ставшую основой правового обоснования колдовских судов [см. Первые исследователи колдовства]. На основании данных формулировок, впервые предложенных во Франции Парижским университетом в 1398 г., колдовство из магии превратилось в религию и стало антикатолической ересью, а, следовательно, объектом деятельности инквизиции.

Сокрушив религиозные отклонения в южной Франции, например, альбигойцев и вальденсов, инквизиция почти утратила обоснование дальнейшего своего существования. Она сделала свое дело. Несмотря на это, инквизиция распространяла и развивала теорию колдовской ереси, посредством которой расширяла сферу своей деятельности. В качестве основы в ней сочетались фантастические и невозможные утверждения, рассеянные по ранним судам. В течение XIV в., прежде, чем теория приняла определенную форму, отдельные осуждения за ересь включали обвинения, которые позже стали стандартными образцами для массовых судов за колдовство, проводимых по нормам гражданского права.

Суды состоялись уже в начале 1245 г. в Тулузе. В 1275 г. Анжела де ла Барт, заподозренная в поедании детей и сношениях с дьяволом, была сожжена Югом де Баньолем, тулузским инквизитором. Ее можно считать первым человеком, сожженным за колдовство. В ряде папских булл, направленных инквизиторам южной Франции, систематизировалась ересь ведьмовской секты: в 1318 г. — против черной мессы, особенно в Лионе; в 1320, 1326 и 1330 гг. — против сатанизма в Тулузе и Нарбонне [см. Иоанн XXII]. После 1331 г. Париж был включен в число районов распространения колдовства.

Гонения на военно-религиозный орден рыцарей-тамплиеров, во многом предвосхитившие усиливающиеся атаки на ведьм, были узаконены папой в 1307 г. Комиссию возглавил Гильом де Ногаре, министр короля Филиппа IV (Красивого) и брата Гильома Имбера, духовника короля и Великого инквизитора Франции. Предметом обвинения была ересь, но его пункты включали действия, характерные для ведьм и спустя 300 лет, например, поклонение дьяволу в образе козла (ведьминский «козлиный бог»), попирание креста, беспорядочные сношения с суккубом-демоном и «поцелуй стыда», когда новообращенный целовал главаря в губы, зад и половые органы. Признание подобных заявлений легко подтверждалось под пыткой, но большинство тамплиеров отрекались от своих признаний. Главный магистр ордена Жак де Моле и наставник Нормандии Жоффруа де Шарней отреклись от своих признаний перед сожжением заживо в Париже 14 марта 1314 г. Причина уничтожения ордена заключалась не только в получении его огромного богатства — король оказался его неплатежеспособным должником — но и в стирании с лица земли внецерковной религиозной системы, которую развивали тамплиеры. Одновременно с преследованиями тамплиеров усилились и гонения на евреев.

Филипп IV Красивый, король Франции (1285–1314).

Если пытки могли сломить военных, воспитанных в подчинении религиозному идеалу, неудивительны признания ведьм, подвергавшихся подобным мучениям. Успешное искоренение тамплиеров стало образцом для последующего преследования ведьм.

После 1390 г. парламент Парижа призвал светские суды расследовать случаи колдовства, разумеется, за исключением тех, которые расследовались инквизицией. До этого времени гражданский суд сосредотачивался только на явных случаях нанесения вреда, при котором чародейство занимало несущественное место, наказывая за поступок, а не за намерение. Но и когда королевские суды начали столь же энергично преследовать ведьм за договор с дьяволом, церковные суды (инквизиторские и епископские) не запретили это

расширение юрисдикции. Несколько ранних судов отмечены в этой «Энциклопедии»: первый светский суд в Париже (1390 г.), инквизиторские суды в Аррасе (1459 г.), Люксейле (1529 г.), Авиньоне (1582 г.) [см. Приговор] и Туле (1631 г.).

II. Суды над дворянами по обвинению в политической ереси.

Как в Англии, так и во Франции обвинения в колдовстве выдвигались в политических целях, поскольку они могли успешно привести к исполнению приговора. Так, в 1278 г. епископ Пьер из Байе и его племянник были обвинены в использовании чародейства против короля Филиппа III; епископ был освобожден, но его племянник казнен. В 1308 г. епископ Гишар из Труа был аналогично обвинен в использовании чародейства против жены короля Филиппа Красивого и других. В 1314 г. король Людовик X обвинил Алипс де Монс, жену д'Энгеррана де Мариньи, и ее сестру в заговоре с целью убить его с помощью восковых подобий. Они вовлекли Жака Дюло, волшебника, и его жену. Мадам Дюло была сожжена живьем, Дюло умерщвлен в тюрьме, а д'Энгерран казнен. Спустя всего несколько лет граф Робер д'Артуа изготовил восковое подобие, намереваясь убить сына короля Филиппа III, Жана, заставив священника крестить фигурку, чтобы сделать свое чародейство более эффективным. Робер был изгнан в 1331 г. В 1340 г. была предпринята попытка околдовать Филиппа Валуа, за которую двое монахов были привлечены к суду. В 1398 г. обвинение в договоре с дьяволом явились следствием длительного скандала, вовлекшего безумного французского монарха (свекра английского короля Генриха V) и герцога Орлеанского. Чтобы вылечить недуг короля, призвали ведьм, а затем двух монахов-августинцев, занимавшихся магией. Королю стало хуже, и «специалисты» были обезглавлены. Список подобных судов может быть продолжен. Хотя в них была вовлечена только знать, суды ускорили распространение колдовства по всем сословиям.

Два самых интересных политических суда в связи с использованием колдовства как повода для преследований привели к сожжению Жанны д'Арк (1431) и Жиля де Ре (1440). Эти суды рассмотрены в специальных статьях «Энциклопедии».

III. Типичные французские суды за колдовство.

Суды за колдовство с перерывами продолжались на протяжении XV и XVI вв. В конце концов светские суды заменили собой суды инквизиции, которая, однако, продолжала вести некоторые дела (например, в 1592 г. Гренье) и рассматривать религиозные отклонения священников и монахинь (например, в 1611 г. в Экс-ан-Провансе). Инквизиция также влияла на философию светских судей, следовавшими за такими теоретиками, как Жан Винетус, инквизитор в Каркасоне (1450); Жакье, инквизитор Франции (1458); Петрус Мамор (1462) и Жан Винсент из ла Венде (1475).

С 1500 по 1670 г. едва ли хоть один год проходил без казни каких-нибудь ведьм. Некоторые из них, несомненно, несли ответственность за смерть людей и животных (отравления спорыньей, болезни, вызывание поеданием зараженного зерна (типично для Ф. XVI и XVII вв.). Ниже перечислены некоторые типичные суды. Перечисление судов, связанных с одержимостью см. отдельно [см. Одержимость].

1275–1500: Теория колдовской ереси еще не получила широкой поддержки.

1390. Первый суд за колдовство, проведенный светским судом в Париже с некоторой степенью законности, в отличие от судов инквизиции.

1428 г. В Брианконе 110 женщин и 57 мужчин сожжены заживо за колдовство за два десятилетия до середины века.

1453 г. Инквизитор в Эвре приговори. Гильома Эделина, приора в Сен-Жермен-ан-Лэ, к пожизненному заключению за совокупление с суккубом, полеты на помеле и целование козла под хвостом.

1456 г. Робер Олив сожжен в Фальезе за полеты на шабаш.

1459 г. Инквизиция расследовала вспышку ереси вальденсов в Аррасе, сожгла четырех старых женщин и одного мужчину. Ее действия были настолько возмутительны, что вмешались парламент Парижа и три епископства и безоговорочно настояли на осво-

бождении остальных заключенных. В 1491 г. парламент реабилитировал тех, кто был казнен.

1479 г. Священник из Макона был казнен за ересь, чародейство и дьявольские искусства.

1490 г. Король Карл VIII опубликовал вердикт против предсказателей, чародеев и некромантов; их собственность должна была конфисковываться.

1500–1575 гг.: Рост количества судов за колдовство.

1508 г. Массовые суды в Беарне.

1521 г. Волкодлаки из Полиньи, осужденные инквизицией.

1529 г. Суд в Люксейле, проведенный инквизицией.

1556 г. Ведьмы из Бьевра около Леона, по ошибке сожженные живьем. Боден объяснил эту ошибку тайным судом Господа.

1557 г. Сорок ведьм сожжено в Тулузе.

1564 г. Четыре ведьмы (трое мужчин и женщина) сожжены в Пуатье за целование козла и танцы спиной к спине.

1571 г. Казнь в Париже чародея Труа-Эшеля, утверждавшего, что во Франции существуют сотни тысяч ведьм.

1574 г. Жиль Гарнье сожжен живьем в Дувре 18 января 1574 г. за ликантропию.

1575–1625 гг.: Вершина колдовской истерии во Франции.

1579 г. Собор в Мелуне провозгласил: «Каждый шарлатан и гадатель и другие, практикующие некромантию, пиромантию, хиромантию, гидромантию должны быть наказаны смертью».

1581 г. Собор в Руане запретил grimoires под страхом отлучения.

1582 г. Восемнадцать ведьм сожжены инквизицией в Авиньоне [форма приговора — см. Приговор].

1583 г. Суды над ликантропами в Орлеане.

1584 г. Собор в Бурже распространил решения ранее состоявшихся судов на накладывавших лигатуры, добавив смертный приговор для тех, кто советовался с les devins [духами]. В целом церковные суды, в отличие от инквизиции, нападали на гадание и чародейство, почти игнорируя колдовство как ересь.

1588 г. Ликантропия в Оверне — охотник ранил волка, позже оказавшегося женой дворянина. Женщина была сожжена в Риоме.

1589 г. Четырнадцать ведьм в Туре обратились к королю Генриху III, королевский врач не обнаружил предполагавшихся отметок дьявола и решил, что обвиняемые были «бедными дурочками». «Мы дали совет не наказывать их, а лечить чемерицей, и парламент [Парижа] оправдал их, как мы рекомендовали» (Байле). Король впоследствии был обвинен в защите ведьм.

1597 г. В Риоме два мужчины сожжены за наложение лигатуры на мужчин, кошек и собак.

1598 г. Жак Руле сожжен в Париже как ликантроп [см. Волкодлак из Анжера].

1598 г. Жак д'Отюн, ликантроп, сожжен в Ренне.

1598 г. Волкодлаки из Сен-Клода.

1603 г. Жан Гренье, ликантроп из Ланд (Бордо).

1625–1682 гг.: Ослабление колдовской истерии.

1631 г. Отец Доминик Гордель подвергнут пытке (до смерти) инквизицией в Лотарингии.

1659 г. Томас Лоотен из Вальеля умирает под пыткой, проведенной светским судом.

1670 г. Суды над ведьмами в Руане [см. Людовик XIV: эдикт 1682].

Но основной интерес центрального периода судов над ведьмами, состоявшихся между 1580 и 1620 гг., заключается в массовых преследованиях светскими судами, отра-

женных в классических работах французских демонологов, таких, например, как Боден (1580), Реми (1595), Боге (1602) и де Ланкр (1612).

Эльзас, составлявший тогда большую часть империи: после 1572 г. много сожжений было в небольших селениях; например, в Танне, на юге, с 1572 по 1620 г. было сожжено 102 ведьмы (некоторые источники сообщают о 152, исключая округа). В Сент-Амарине с 1596 г. было сожжено больше 200 ведьм. По всему же региону погибли тысячи [см. также Германия, колдовство в].

Лотарингия: Реми, генеральный прокурор Лотарингии, лично обвинил 900 ведьм меж-ду 1581 и 1591 г.

Нормандия: две серьезные эпидемии колдовской истерии в 1589–1591 гг. и снова в 1600–1645 гг., когда многие ведьмы были сожжены в Руане.

Бургундия: (Франш-Конте), находившаяся под властью инквизиции, хотя главный судья всегда был адвокатом. Анри Боге, главный судья в Сен-Клоде, провел интенсивную кампанию (убив примерно 600 ведьм). Вследствие его неистовства суды в Бургундии продолжались дольше, чем где-либо.

Беарн: в 1609 г. король Генрих IV уполномочил судью Пьера де Ланкра и президента д'Эспанье искоренять колдовство в баскоязычном Па-де-Лабуре [см. Баскские ведьмы]. Де Ланкр утверждал, что все 30 000 жителей были заражены колдовством, и заявлял о сожжении 600 ведьм за 4 месяца. Из Лабура преследования распространились в Бордо.

Центральные территории Ф. не испытали массового террора. Парламент Парижа препятствовал охотам за ведьмами; уже в начале 1601 г. он запретил использование «плавания» как средства обнаружения ведьм и, чтобы воспрепятствовать злоупотреблениям ретивых судей, потребовал в свою юрисдикцию все случаи чародейства. Там, где единственным обвинением было посещение шабаша, без обвинения в maleficia, он отказывался возбуждать преследование. Однако в случае, если чародейство было связано с святотатством, оно наказывалось смертью. Конкретным результатом подобных ограничением стало оправдание 14 человек, осужденных на смерть за чародейство судами низшей инстанции. В то время, когда юрисдикция ограничивалась парламентом, его влияние и авторитет были значительны. Соответственно, во Ф. XVII в. не было ни германских массовых сожжений, ни продолжения дебатов ранних демонологов по поводу колдовства.

IV. Колдовство и демоническая одержимость.

Хотя ведьм, которых считали одержимыми, наказывали очень жестоко, подобным образом пострадало лишь несколько человек. Наиболее известные французские суды по поводу обладания описаны отдельно и в общих статьях.

V. Слушанья в «Огненной палате» и конец колдовской истерии.

Поразительные дела придворного круга, рас крытые полицией в Chambre ardente, привели к эдикту, изданному королем Людовиком XIV в 1682 г. Данный акт отрицал реальность колдовства и признавал преступлениями только предсказание будущего и магические действия, включавшие богохульство. Господствующая точка зрения совпадала с мнением энциклопедистов, что «колдовство [является] постыдным или нелепым магическим действием, основанным на неразумной и напрасной вере в вызывание дьявольской силы».

Однако в некоторых областях истерия затянулась, и отдельные суды происходили в течение следующих 50 лет. В Нормандии в 1684, 1692 гг., в 1699 г. в Руане (когда парламент заменил смертный приговор ссылкой) и в 1730, в Париже в 1701, в Тулузе — в 1702 и Везуле в 1707 г. В 1691 г. 3 пастуха в Бри были приговорены к сожжению за вызывание гибели скота, двое были изгнаны и один умер в тюрьме; все приговоры были ратифицированы парламентом Парижа. В 1718 г. в Бордо мужчина был казнен за наложение лигатуры; этот случай часто упоминается как последняя казнь во Франции, но позже были и другие казни. В 1728 г. в Лувьере несколько человек, включая священника, были отправлены на галеры или сосланы за попытку обнаружения спрятанных сокровищ путем договора с

дьяволом; тем женщинам, которые оказались замешанными в этом, было объявлено публичное порицание. Аналогичный суд за гадание с целью нахождения сокровищ состоялся в Дижоне в 1712 г., когда отец Бертран Гилодо был сожжен заживо. Его признание привело к аресту 29 сообщников, после длительного суда в Лионе, закончившегося в 1745 г., пятеро были приговорены к смерти, а другие или к галерам или к изгнанию. Отец Луи Дебараз, произносивший богохульственные мессы, чтобы обнаружить сокровища, был сожжен живьем. Такова была последняя казнь за колдовство во Франции (Бен, «Les Sorciers de Lyon»).

Колдовство для королевы Екатерины Медичи. Из ББ. «Сообщается, что королева Екатерина много общалась с чародеями и магами, сделавшими ей магическое зеркало, в котором она могла видеть будущих монархов Франции. Она увидела сначала Генриха IV, затем Людовика XIII и после него — Людовика XIV, и, наконец, орду иезуитов, которые искали, как сбросить монархию и править самим. Данное зеркало можно увидеть сегодня в королевском дворце».

Сравнительно короткая история колдовства во Франции прослеживается в 40 статьях данной «Энциклопедии»: развитие теории еретического чародейства и ранние суды во Франции обсуждены в статьях: Инквизиция; Иоанн XXII; Парижские суды над ведьмами (1390); Аррасские ведьмы (1460) и Люксейльский суд над ведьмами (1529). Развитие теории в: Ранние авторы о колдовстве и Жакье, Никола (1458). Некоторые из нижеследующих статей содержат отрывки из судебных отчетов; кроме того, два суда XVII в. подробно воспроизводятся на основании стенографических отчетов: Доминика Горделя (1631) и Томаса Лоотена (1659). Два известных политических процесса: над Жанной д’Арк (1431) и Жилем де Ре (1440); Слушания в «Огненной палате» (1680) воссозданы на основании секретных полицейских регистрационных книг: разоблачение спровоцировало эдикт Людовика XIV (1682). Некоторые из известных французских авторов, писавших о колдовстве: Жан Боден (1580), Никола Реми (1595), Анри Боге (1602), Пьер де Ланкр (1612) (окончание разговора о нем — Баскские ведьмы), Ле Сьер Буве (1659) — в специально посвященной ему статье и в общей статье о демонологах. Оппонентом теории колдовской ереси выступал Лоран Борделон (1710). Известные эпидемии одержимости во французских монастырях, включавшие описания сексуальных извращений, обсуждены в

ст.: Экс-ан-Прованские монахини (1611); Лилльские послушницы (1613); Луденские монахини (1634); Лувьерские монахини (1647) и Оксоннские монахини (1661). Известные индивидуальные случаи одержимости включают: Жанну Фери (1585); Франсуазу Фонтен (1591); Элизабет Алье (1639); Катрин Кадье (1731) и Луизу Лато (1868) в Бельгии. Другие материалы о французских монахинях можно найти в статьях Одержимость; Сексуальные сношения с дьяволом; Экзорцизм.

Примеры волкодлаков, не столь частые у французских демонологов, можно найти в основной статье Ликантропия, а также в ст. Волкодлаки из Полиньи; Гарнье, Жиль; Волкодлаки из Сен-Клода; Волкодлак из Анжера и Гренье, Жан.

Типичный случай французского полтергейста рассматривается в статье Полтергейст из Сидвилла.

ФРИАС, АЛОНСО САЛАЗАР ДЕ. 22 мая 1611 г. Алонсо Салазар де Ф., высокопоставленный инквизитор из Испании начал то, что Ли назвал «поворотным пунктом в истории испанского колдовства». В предыдущем году светские судьи в Логроно (Наварра) начали охоту на ведьм, редкую в истории Испании, быстро собрали жертвы, принудили к признанию и сожгли обвиненных. Всемогущая испанская инквизиция, ревностно относившаяся к своему авторитету, тотчас отправила трех инквизиторов и других теологов в район Сигаррамунди, чтобы составить отчет. Инквизиторы были поражены легковерием судей и обнаружили более 280 взрослых и много детей (слишком юных, чтобы быть сожженными), поклонявшихся дьяволу. 40 из этих ведьм предстали перед местным судом испанской инквизиции. Однако, были заподозрены многие другие ведьмы, находившиеся на соседних территориях, и было названо 20 aquellarre (шабашей) ведьм.

Испанская инквизиция решила объединиться с королем, архиепископом Бургоса, местными епископами и главами монашеских орденов в массовой кампании, чтобы известить народ об опасностях колдовства и избавиться от ведьм, как это сделал де Ланкр в Бордо. Чтобы побудить общественность к сотрудничеству, 7 ноября 1610 г. было организовано тщательно спланированное аутодафе, когда ведьмы были публично сожжены. Зрелище оказалось не таким впечатляющим, как планировалось: его не посетил король Филипп III, многие ведьмы отреклись от своих показаний и были «прощены», так что казнили только шесть закоренелых преступниц, и их вынужденные признания в том, что они ели разлагавшиеся тела своих родственников были настолько неестественными, что даже наиболее влиятельное духовенство, и миряне проявили естественное недоверие. Королевские чиновники арестовали местных судей за превышение своих полномочий, но Супрема (Верховный комитет инквизиции) не смогла поддержать свой собственный трибунал, когда начались протесты против ареста гражданских судей. В дальнейшем, 26 марта 1611 г., Супрема приняла «Эдикт милосердия», во время действия которого ведьмы могли признаваться в своих преступлениях без наказания. Ф. был одним из инквизиторов, направленных 22 мая в подозрительные районы, чтобы исполнять эдикт.

Ф. был знаком с ситуацией, поскольку был членом первоначальной комиссии, проводившей аутодафе в Логроно. Тогда он не был удовлетворен показаниями и теперь получил возможность детально расследовать обвинения. Он провел почти 8 месяцев, побеседовал с 1802 раскаявшимися ведьмами, из которых было 1384 детей в возрасте от 12 до 14! Ф. пообещал сохранить тайну и неприкосновенность тем, кто воспользовался преимуществом периода милости, так что 81 человек взяли назад свои первоначальные признания. Другие бы тоже отвели свои показания, если бы не боялись казни за лжесвидетельство.

Отчет Ф. насчитывает 5000 страниц и сгруппирован по 4 главам: перемещения, шабаш, доказательства колдовства и доказательства для наказания. Он находил доказательства иллюзорными. Одна 80-летняя женщина, спавшая в одной кровати со своей дочерью, утверждала, что никто не видел, как ее дочь ночью ездила на шабаш. Другая женщина сказала, что, ожидая Ф., она побывала на aquellarre, хотя многие собеседники продолжали

разговаривать с ней все то время, что она отсутствовала. Мать рассказала, как она трогала свою дочь все то время, что, как предполагалось, она была на шабаше. Многие девушки, признавшиеся в сношениях с дьяволом, оказались девственницами. Мальчики рассказывали о некоем месте, в котором якобы происходит aquellarre, в то время как 2 секретаря Ф. оказались там и ничего не видели. 36 человек, давших описание aquellarre, разошлись в указании места. Мазь, якобы данная дьяволом для перемещений, была исследована аптекарем и найдена бесполезной и безвредной. Объективных показаний не было. Более того, признания получали под пытками, один колдун сказал, что его жгли горящими углями. Другие были подкуплены, чтобы назвать чьих-то врагов, в одном месте юный нищий обвинил 147 человек. В целом 1672 человека были обвинены на основании ложных показаний.

После подобных бесед Ф. пришел к однозначному заключению: истерия была спровоцирована присутствием инквизитора, ищущего ведьм. Он подводит следующие итоги своих изысканий:

> «Я не обнаружил никаких показаний, на основании которых можно сделать заключение, что имел место хоть один случай колдовства, в равной степени как и посещения aquellarre, присутствие на нем, нанесение повреждений или другие утверждавшиеся факты. Подобное просветление во многом укрепило мои прежние подозрения, что показания сообщников без объективных доказательств от других лиц недостаточны даже для обоснования ареста. Более того, мой опыт приводит к убеждению, что те, кто прикрываются Эдиктом милосердия, более чем на три четверти ложно обвинили себя и своих сообщников. Кроме того, я верю, что они могли бы свободно прийти в инквизицию чтобы отречься от своих признаний, если бы знали, что их примут доброжелательно без наказания, поскольку я боюсь, что мои усилия, направленные на это, не получили достаточной огласки».

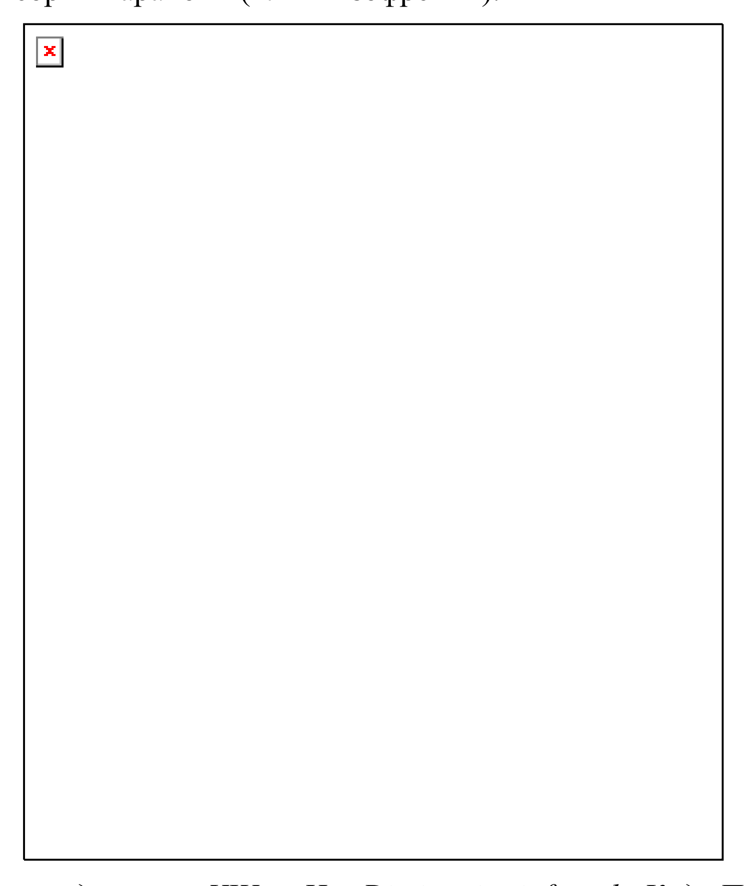
Другие инквизиторы, которые сотрудничали с Ф. по обнародованию Эдикта милосердия, не согласились с его выводами, но Супрема приняла его заявление и пресекла дальнейшие расследования. 31 августа 1614 г. она опубликовала комплект из 32 инструкций, приписываемых Ф., как руководство инквизиторам в отношении колдовства. Он настаивал на независимых показаниях, чтобы подтвердить обвинения, предъявленные обвиняемым в колдовстве. Свидетели могли отрекаться от своих признаний без страха пытки; признания следовало тщательно исследовать, но при возникновении сомнений в их истинности никакая конфискация собственности не допускалась. Ни один трибунал испанской инквизиции не мог предпринять никаких действий без единогласного голосования, и все подобные решения, связанные с колдовством, должны были направляться для рассмотрения в Супрему. Кроме того, следовало прекратить все дела по колдовству, находившиеся на рассмотрении. Некоторые изменения касались жертв аутодафе 1610 г. в Логроно: их собственность не должны были конфисковывать, а их потомки не должны были подвергаться наказаниям.

В результате данного поразительного заявления, исходившего от Ф., колдовство в Испании фактически прекратилось, и позже отмечено лишь небольшое количество отдельных и единичных судебных процессов

См. также Инквизиция; Испания, колдовство в.

Х

ХАЙЦМАН, КРИСТОФ. Незначительный баварский художник. В 1677 г. описал свой договор с дьяволом, наподобие того, что заключил Фауст. Кроме того, он проиллюстрировал его изображениями дьявола. Подобная иллюстрированная автобиография одержимого уникальна, интерес к ней усилился благодаря цитированию ее Фрейдом для объяснения своей теории паранойи (или шизофрении).

Представление о дьяволе в XIX в., Из «Dictionaire infernal» К. де Планси (1863).

Согласно клинической истории появления видений, 29 августа 1677 г. Х. был охвачен «некими необычными конвульсиями», когда работал художником в Поттенбрюне; его доставили в полицию. Он сделал удивительное признание. Девять лет назад он якобы продал себя Сатане. Опасаясь приближения Судного дня, Х. умолял полицию отправить его ради защиты к близлежащим святым мощам в Мариацель. Ему поверили, и 5 сентября кающийся художник прибыл в Мариацель. После экзорцизма, продолжавшегося в течение трех дней и ночей, Х. увидел, как Святая Дева Мария восторжествовала над дьяволом и вырвала у него тот самый договор, который он написал «кровью, взятой из ладони правой руки». В договоре было сказано: «Я, Кристоф Хайцман, отдаю себя Сатане, чтобы быть его собственным кровным сыном и принадлежать ему как телом, так и душой в течение девяти лет». Вроде бы излечившись, художник отправился жить к своей замужней сестре в Вену, но через месяц его страхи вернулись. К маю 1678 г. он вернулся в Мариацель, где Святая Дева вернула ему другой договор, подписанный чернилами, который Х. увидел лежащим на ступенях алтаря порванным на четыре части. После этого события Х. вступил в монастырь и, хотя его одолевали дьяволы, вел набожный образ жизни до самой смерти, последовавшей 14 марта 1700 г. в Нейштадте (Модао, Бавария).

Портреты дьявола работы Х. мрачны, благодаря неистовому красноватому фону (поэтому их оказалось невозможно воспроизвести для данного издания). Дьявол изображен с человеческим телом, с рогами, женской грудью, птичьими лапами и когтями. Хотя

картины иллюстрируют различные стадии его болезни, они немногим отличаются от традиционных концепций дьявола — впрочем, никто этого и не ожидал.

> «Впервые дьявол появился передо мной в облике бюргера, с ним была черная собака, и он спросил меня, почему я так встревожен и печален. Он мог бы помочь мне выйти из моего бедственного положения, если бы я согласился подписать чернилами обязательство быть его сыном, тогда он окажет мне содействие и поможет любым возможным образом».

В восьмой раз дьявол появился в виде дракона, снова с женской грудью и птичьими лапами. Галлюцинации Х. включали видения ада,

> «наполненного горячим пламенем и ужасным зловонием. В аду находился огромный котел, из которого раздавались душераздирающие стоны и вопли человеческих существ. На краю котла сидел злобный дьявол, который только и делал что поливал их сверху кипящей смолой и серой».

Фрейд находил в этой автобиографии доказательство наличия у Х. «эдипова комплекса» и кастрационной фобии, но психиатры оспаривают данный диагноз.

ХАРСНЕТТ, САМУЭЛЬ (1561–1631). «Один из самых здравомыслящих людей своего времени», — так охарактеризовал Х. Джордж А.Барр. Сделав карьеру, он стал архиепископом Йорка. Получил образование в Кембридже, был посвящен в священники и быстро сделал себе имя, выступая против кальвинистской доктрины «абсолютного предопределения», провозгласив «чудовищным» мнение, когда «говорят, что не один или два, но миллионы людей должны гореть в аду, и что [Господь] именно для этого их создал». Вернулся в Кембридж, чтобы получить более глубокое теологическое образование, затем был назначен капелланом епископа Банкрофа в Лондоне. В этой должности он расследовал мошеннические трюки бартонского мальчика. В итоге появилось «Discovery of the Fraudulent Practices of John Darrell», содержавшее беспощадную критику мошенничества и суеверий. Позже, в связи с распоряжением Частного совета, Х. написал «A Declaration of Egregious Popish Impostures», где предпринял очередную атаку на экзорцистов (из этой книги взяты имена духов, упомянутых Эдгаром в «Короле Лире» (акт III, сцена IV). «В этой работе Х. проявляет себя как последовательный ученик Скотта (на которого он ссылается) и открыто издевается над всей сущностью колдовского суеверия, объявляя колдовство заблуждением и обманом» (Барр). В 1603 г. английская церковь запретила священникам изгнание дьяволов, кроме совершавшихся по специальной лицензии от епископа, «под страхом обвинения в мошенничестве и обмане».

В 1605 г. Х. сменил своего друга Ланселота Эндрю на посту магистра Пемброк-Холла в Кембридже; данную должность он занимал до 1616 г., хотя часто уклонялся от ее исполнения ради преподавательской деятельности. Был избран в 1606 г. вице-канцлером Кембриджа, в 1609 г. стал епископом Чичестерским, в 1628 г. — архиепископом Йоркским. Последние годы Х. прошли на фоне роста пуританства, которое, в отличие от епископальной церкви, подстрекало к преследованию ведьм.

См. также Бартонский мальчик; Даррелл, Джон.

ХАТЧИНСОН, ФРЕНСИС. Х. нанес coup de grace (смертельный удар) охоте на ведьм в Англии. Родился в Девоншире в 1660 г., получил образование в Кембридже. В 1692 г. стал викарием церкви Сент-Джеймс в Сент-Эдмундсберри, где состоялись известные суды над ведьмами (1662) во время правления Карла II и ранее, в 1645 г., во время Английской республики и массовых облав Хопкинса. Многочисленные местные рассказы об этих событиях укрепили интерес Х. к колдовству; его эпохальный труд «Historical Essay Concerning Witchcraft» (1718) представляет особую ценность, поскольку здесь при-

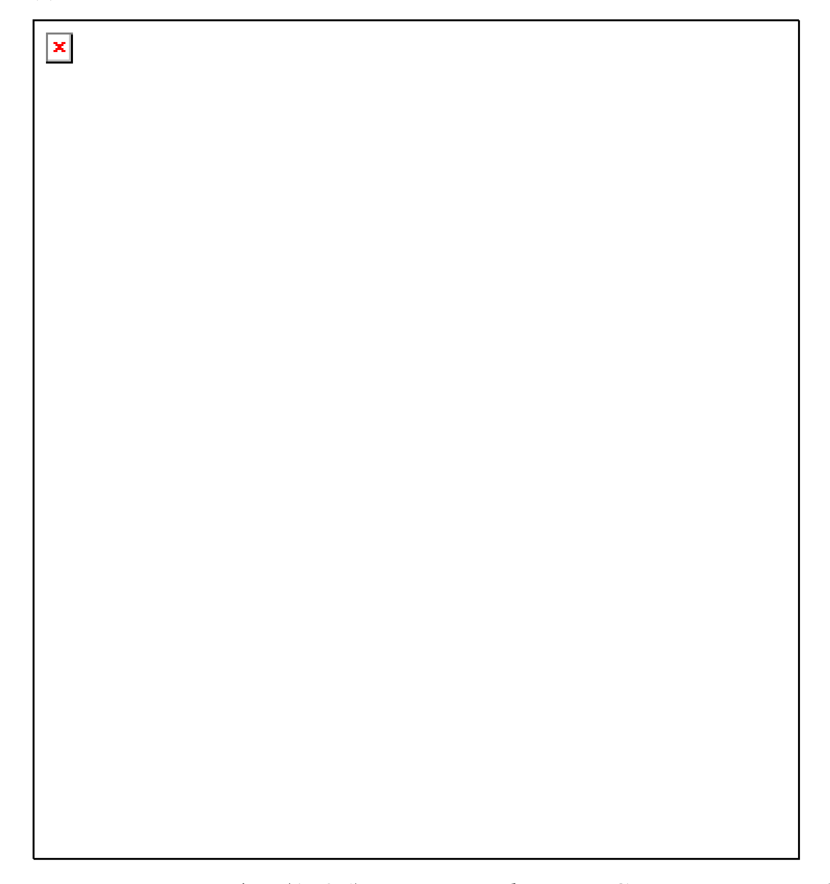
ведены личные свидетельства выживших «ведьм». Американский критик Нотштейн писал, что эта работа «нанесла окончательный и смертельный удар умирающему суеверию. Немногие образованные люди осмеливались после этого признаваться в том, что они верят в колдовство; и, быть может, очень и очень немногие втайне сохраняли подобную веру».

Хотя «предмет этот был скучен, непопулярен и очень неприятен», Х. посвятил «Historical Essay» трем Верховным судьям Англии. Он указал на большое количество обвинений на ранних судах над ведьмами по политическим причинам и на то, что позже многие суды возникали на основании показаний детей, заявлявших о демонической одержимости. Конечно, это было единственным средством, которое позволяло бороться про-

тив суеверия. «Historical Essay» фактически является собранием известных судов, рассмотренных с резко критической точки зрения. Таким образом, эта книга стала ответом на суеверную «Complete History of Magic» (1715) Бултона. Х. предложил повернуть острие судов против верующих в колдовство, обвиняя в колдовстве тех, кто «расцарапывал» ведьм!

Великолепным обобщением порочности судов за колдовство является посвящение Х.:

> «Если подобные взгляды восторжествуют снова (поскольку предрассудки никогда не исчезают бесследно), никто не будет в безопасности даже в своем собственном доме, поскольку фантастические доктрины, которые поддерживают вульгарную веру в колдовство, лишают нас полностью той защиты, которую Господь и Природа установили ради нашей безопасности против ложных обвинений. Ибо в других случаях, когда злобные или лживые люди обвиняют нас в преступлениях, которых мы не совершали, мы оправдываемся, доказывая, что в это время находились дома или в каком-то другом месте, занимаясь своим частным делом. Но при преследовании за колдовство самая естественная и справедливая защита оказывается просто бессмыслицей, поскольку, ежели какой-либо порочный субъект заявит, или какая-нибудь слабоумная девушка вообразит, или какой-то лживый призрак заставит ее поверить, что ей являлась знакомая старуха или кто-то еще, — защитники плебейских колдовских суеверий под присягой принимают у нее показания об этом воображаемом и недоказуемом явлении и вешают обвиняемых за преступления, совершенные, возможно, в то время, когда они спали в своих кроватях или молились, или, при одержимости обвинителя, находились в двойных кандалах».

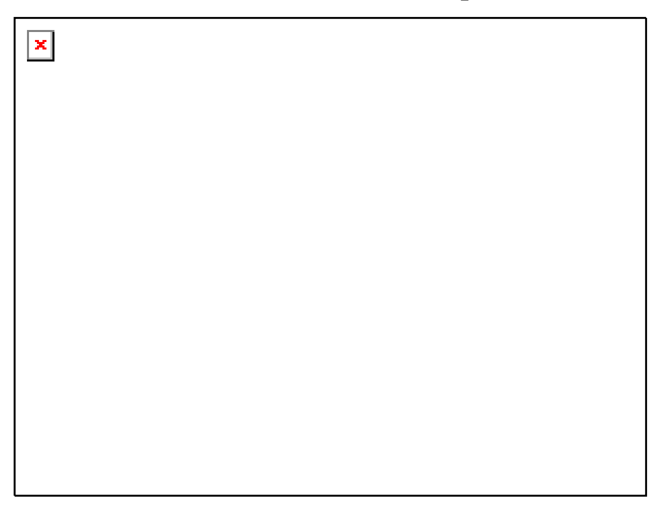

Фронтиспис немецкого перевода (1726) «Historical Essay Concerning Witchcraft» (1718), символизирующий роль книги в «рассеивании» заблуждений. Со всех сторон видны исчезающие дьяволы и ведьмы.

ХЕЙЛ, СЭР МЕТЬЮ (1609–1676). Известнейший английский судья, «крупнейший юрист своего времени», своими законодательными решениями сумевший продлить

веру в колдовство. Как Верховный судья имел возможность отводить явно предвзятые показания, но предпочитал закрывать глаза на недостоверность показаний и направлять мнение присяжных в соответствии со своими собственными пристрастиями. В этом Х. был гораздо менее прогрессивен, чем его преемник на посту Верховного судьи суда Королевской скамьи сэр Джон Холт, который решительно добивался оправдания обвиняемых ведьм в том же самом Сент-Эдмундсберри, где за тридцать лет до этого, в 1662 г. Х. вдохновлял охотников за ведьмами. Благодаря своей репутации, Х. мог бы выступить с подобной инициативой, но то, что он не смог подняться над своим временем, не делает чести его якобы глубокому юридическому уму. Уже спустя несколько лет после смерти Х. его рассуждения на судах ведьм казались настолько спорными, что в 1682 г. его биограф епископ Гилберт Барнет опустил все упоминания об известном суде в Сент-Эдмундсберри.

Х. был воспитан своим опекуном в пуританском духе, но, умудренный жизненным опытом, во время гражданских войн сохранял нейтралитет, приняв от Кромвеля назначение на пост председателя суда общегражданских исков в 1654 г., а позже стал членом делегации на переговорах по возвращению Карла II, вознаградившего его титулом первого лорда казначейства и впоследствии (в 1671 г.) — Верховного судьи. С 1654 г. Х. был членом парламента. В предисловии к памфлету, посвященному судам в Сент-Эдмундсберри, Х. превозносится как «судья, которому трудно найти равного по неподкупности, образованности и знанию законов как сейчас, так и в былые времена».

Сэр Метью Хейл (1609–1676), лорд, Верховный судья Англии,
возглавлявший преследования ведьм и допускавший ложные свидетельства
для получения обвинений. Из БГУ.

На суде над ведьмами в Сент-Эдмундсберри Х. был председательствующим судьей и, веруя в преступность колдовства, принимал показания, основанные на слухах пяти- или семилетней давности, неподтвержденные показания детей, свидетельства профессионального прокалывателя ведьм, полученные от заинтересованных свидетелей (матери детей) и показания о призраках от единичных свидетельниц. Более того, когда некоторые судьи-помощники (например, сержант Килинг) обнаруживали мошенничество детей-обвинителей, Х. принимал неуклюжие отговорки их отца. Он объяснял судье, что существуют всего два вопроса, требующие обсуждения: были ли дети околдованы? был ли обвиняемый виновен в их околдовывании? Затем он сделал следующее заявление:

> «Он никоим образом не сомневается в том, что существуют ведьмы. Во-первых, это во многом подтверждается Священным Писанием. Во-вторых, опыт всех наций предусматривает законы против подобных лиц, что является еще одним аргументом для уверенности в существовании такого преступления. И решение суда в этом королевстве должно соответствовать парламентскому акту, предусматривающему наказание пропорционально характеру преступления».

В результате воскресных — после казней — размышлений о суде сэр Метью опубликовал «Трактат, обсуждающий величайшую милость Божью в оберегании нас против силы и ненависти злых духов». Внимательно наблюдавший за этим процессом К.Мазер заметил: «Это был суд, высоко оцененный судьями Новой Англии». В определенной мере пример Х. поддержал судей в Салеме.

Репутация Х. могла бы быть выше, если бы его поступки не требовали оправданий вроде тех, которые пытался приводить лорд Кемпбелл: «Если простить ему его непреклонную веру в колдовство, то вполне можно согласиться с тем, что его убеждения практически соответствуют сути его проницательного и гуманного характера».

«Всякая всячина: Легковерие, Предрассудки и Фанатизм» Уильяма Хогарта (1762).

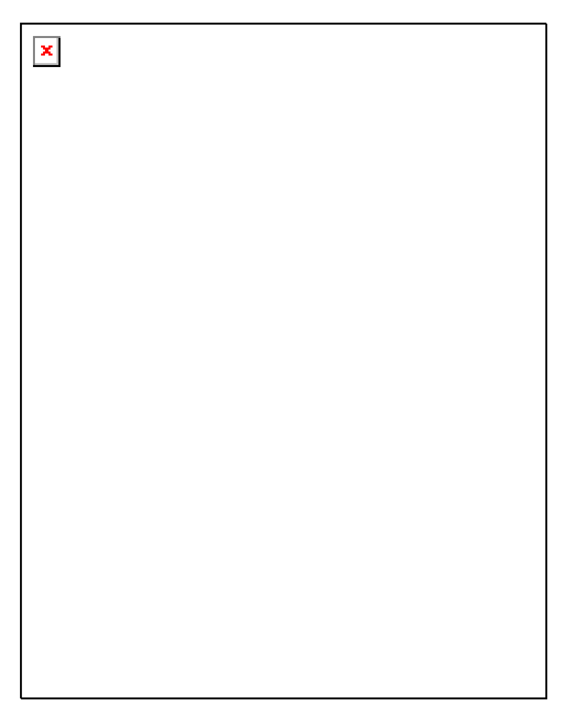
ХОГАРТ, УИЛЬЯМ (1697–1764). Большинство поздних классических примеров ведьм и духов, представленных в данной «Энциклопедии», высмеиваются в книге великого английского художника и графика Х. «Всякая всячина: Легковерие, Предрассудки, Фанатизм». Он опубликовал эту работу в 1762 г. (когда ему было 64 года), чем внес свой вклад в век Разума против предрассудков. Цитаты из Библии, которыми подписаны гравюры, подчеркивают скептическое отношение к тому, на чем основаны построения многочисленных теологов, и высмеивают «легковерие людей своего времени». Книга была издана в год кок-лейнского полтергейста: справа в верхней части термометра можно увидеть, как «царапающая Фанни» стучит в дверь спальни умирающей жены м-ра Кента. «Барабанщик» из Тедворта стоит над этим термометром, измеряющим температуру мозга методиста, который покоится на проповедях Весли [см. Полтергейст в Эпворте] и Гланвиля. Другая сенсация 1762 г. — Мери Тофтс из Суррея рожает кроликов. Два доктора потрясены ее намерениями произвести неортодоксальное потомство, но сэр Уильям Маннигхэм, личный врач короля Георга I, разоблачает ее! Рядом с ней билсонский мальчик выплевывает булавки и гвозди. Его корзина покоится на «Демонологии» короля Якова I и «Журнале» Витфельда (чей гимн читается церковным служителям, стоящим наверху). Два ангелоподобных мальчика-хориста, буквально воспринимая слово «cry» (кричать) из «Te Deum», демонстрируют повсеместно распространенные конвульсии одержимых детей [см. Дети-обвинители]. В избытке чувств слетает парик священника и обнажается тонзура иезуита, распахивается его мантия, открывая клоунский костюм. Его слова «Я говорю, как дурак» точно соответствуют ему. Чтобы ввести собрание в заблуждение, он размахивает изображениями типичной ведьмы с котом — домашним духом, сосущим гипертрофированный сосок, и демоном, вооруженным сенными вилами. С левой стороны священника — шкала громкости, поднимающаяся от спокойного тона внизу до бычьего рева из разинутого рта наверху. Три панели кафедры представляют, слева направо, известный короткий рассказ Дефо о явлении призрака м-с Вил м-с Баргрейф; призрак Юлия Цезаря появляется перед Брутом в Филиппах; а также призрак сэра Джорджа Вильера, предупреждающий герцога Бэкингема о его скорой кончине. С канделябра свешивается карта ада, напоминающая диаграмму «De Inferno» (1621) Антонио Руска. В конгрегации мужчины и женщины находятся на различных стадиях страха и безумия. Через окно варвар-турок, курящий трубку, с восторгом наблюдает происходящее. «Всякая всячина» была перерисована с оригинального медного раннего оттиска, в подобном роде критиковавшего «суеверные нелепости папизма».

ХОЛТ, СЭР ДЖОН (1652–1710). Самый влиятельный судья в истории колдовства в Англии, внес большой вклад в прекращение охоты на ведьм благодаря своему непреклонному влиянию на вынесение вердиктов. В «Британской энциклопедии» (11 изд.) дается следующее толкование: «В английском суде едва ли кто мог превзойти его по справедливости, знанию законов и умению их применять, ясности приговоров и неизменной честности. В отношении гражданских прав сограждан он проявлял ревностную щепетильность».

Х., сын адвоката, сначала вел в Оксфорде беспорядочный образ жизни, характерный для новичка, но затем с большим прилежанием изучал право в Грей-Инн. Вскоре он приобрел известность благодаря непредвзятому отношению к ограничению прав подсудимых, когда оказал противодействие королю Якову II (посвятившему его в рыцари), и король сделал его своим советником, дабы лишить Х. возможности защищать государственных преступников. Х. содействовал приглашению на английский престол принца Вильгельма Оранского. При новой власти стал Верховным судьей.

В то время, когда другие судьи не осмеливались препятствовать осуждению ведьм (подобно осуждению вдовы Чемберс в Суффолке в 1693 г. или Анны Харт в 1694 г.), Х. склонял одно заседание присяжных за другим к вынесению оправдательных вердиктов Его мнение как Верховного судьи влияло на низшие суды, которые в противном случае

могли следовать по стопам таких сторонников охоты на ведьм, как предыдущий Верховный судья Хейл. Впоследствии деятельность Х охватила территорию от Суффолка до Корнуэлла. Всего Х. распустил по крайней мере 11 судов над ведьмами, а в последнем случае даже заставил подвергнуть истца (одержимого юношу) обследованию как обманщика. Годом позже юношу и его нанимателей осудили за мошенничество. Лучшее описание этих судов принадлежит епископу Хатчинсону, имевшему доступ к личным судебным отчетам Х.

Сэр Джон Холт (1642–1710), убежденный сторонник гражданской и религиозной свободы. Из библиотеки Гарвардского университета.

1691. Трех женщин обвинили в околдовывании молодой девушки Мери Хилл из Фрома (Сомерсетшир). «Одна из них умерла в тюрьме, две другие предстали перед судом в присутствии достопочтенного Верховного судьи Х. и были оправданы. Что же касается служанки, которая, как полагали, была околдована, то она за короткое время поправилась и оказалась способной выполнять свои обязанности».

1694. Матушка Маннингс подвергнута пытке в Сент-Эдмундсберри за maleficia, причем основное обвинение опиралось на события семнадцатилетней давности! Дополнительное обвинение было предъявлено мужчиной, возвращавшимся домой из пивной.

> «Под присягой показано, что Томас Пеннел, ее лендлорд, не зная, как убрать ее из своего дома, снял и унес с собой дверь. Спустя некоторое время, когда ему довелось проходить мимо, она сказала ему: „Иди своей дорогой, до следующей субботы ты будешь лежать кверху носом на церковном дворе!“ В ближайший понедельник ее хозяин заболел, а во вторник умер и был похоронен в течение недели, как она и сказала. В обвинении указывалось, что у нее был чертенок, похожий на черного хорька. Еще один свидетель поклялся, что, возвращаясь из пивной примерно в девять часов вечера, он заглянул в ее окно и увидел, как она вынимает из своей корзины двух чертенят, черного и белого».

Х. так хорошо руководил судьями, что матушка Маннингс была оправдана. Предположили, что белый чертенок был «куделью, вынутой из корзины для прядения, а ее тень, очевидно, была черным чертенком».

1694. Маргарет Элнор судили в Ипсвиче. Показание против нее включало принятие домашних духов от бабушки, повешенной вместе с ее теткой за колдовство. «Повивальная бабка, которая обыскала ее бабушку, …заявила, что эта женщина имела более отчетливые

отметки, чем другие. Другие поклялись в том, что покрылись лишаями после ссоры с ней. Но, вопреки этим показаниям, данным под присягой, суд признал ее невиновной».

1695. Мери Гью из Лаунчстона (Корнуэлл). «Было установлено, что [одержимая] девушка, которая срыгивала булавки, солому и перья, часто наблюдала появления упомянутой Мери Гью. Но, несмотря на подобные показания, заключенная была оправдана».

1696. Элизабет Хорнер из Экстера обвинили трое одержимых детей.

> «У другой девочки были искривлены ноги, однако на руках и коленях она могла подпрыгнуть на пять футов. Дети срыгивали булавки. Их мать свидетельствовала, что одна из них ходила по гладкой оштукатуренной стене, пока ее ноги не оказались на высоте девяти футов, а голова и того выше. Она утверждала, что это проделывалось пять или шесть раз. Были установлены и многие другие странные вещи, но присяжные признали женщину невиновной, и после ее оправдания не последовало никаких неприятностей».

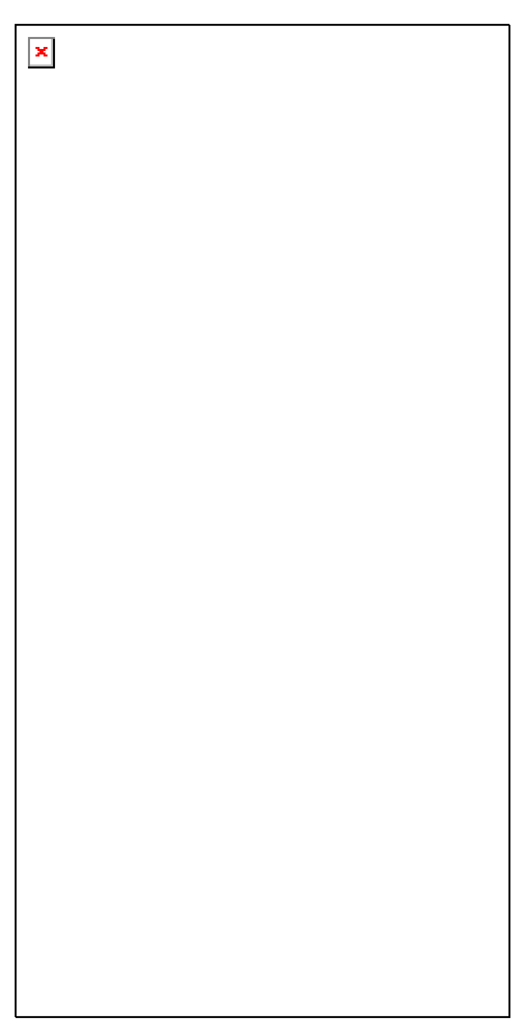
1701. Сара Мэрдок из Гилфорда — за околдовывание Ричарда Хартвея, помощника кузница. «Оправдана, а Хартвей обвинен в мошенничестве». Сара Мэрдок была несколько раз «расцарапана» Хартвеем, демонстрировавшим распространенные проявления одержимости (срыгивание булавок, контрактуры тела, появление пены изо рта); по отношению к ней проявилась такая общественная неприязнь, что ей пришлось переехать в Лондон. Даже там ее «преследовали на улицах, и она часто подвергалась опасности быть разорванной на куски». Когда судьи оправдали ее, люди были «оскорблены, как будто они поступили нечестно». В связи с этим судья Х. распорядился установить наблюдение за Хартвеем и спустя шесть месяцев добился его вызова в суд. Был представлен длинный список его мошеннических проделок, тщательно проверенных «многими и солидными свидетелями»: он прятал булавки в брюках, производил таинственные звуки, «царапая ногой столбик кровати», притворялся, что постится, хотя на самом деле ел очень много. В то же самое время его наниматели были подвергнуты судебному преследованию за оскорбление Сары и нарушение общественного порядка. Следует отметить, что обвинители ведьм вызывались в суд очень редко.

Конечно, можно уверенно сказать, что со времен Республики, когда Хопкинс организовывал свои массовые суды, английская горячность несколько поутихла. Последняя казнь состоялась в 1684 г., и шок, произведенный Салемом, настроил Англию против охоты на ведьм. Но суеверие по-прежнему процветало: многие из творцов общественного мнения верили в колдовство. Казни за колдовство вполне могли продолжаться в Англии еще два или три десятилетия (до 1722 г., как это было в Шотландии), если бы не шлагбаум, поставленный на их пути судьей Х.

ХОПКИНС, МЕТЬЮ. В течение одного года, с 1645 по 1646 г. Х. приобрел дурную репутацию, которая впоследствии сделала его имя синонимом осведомителя, доносчика и платного лжесвидетеля. Вместе со своим приятелем, «прокалывателем ведьм» Джоном Стерном, «за четырнадцать месяцев Х. отправил на виселицы больше ведьм, чем все другие охотники Англии… повесили за сто шестьдесят лет, когда подобные преследования процветали в Англии» (Нотштейн). Монтегю Соммерс говорит о безнравственности Х., «которая придает его имени дурной запах, …запах гнуснейшего из гнусных паразитов, грязного собрата Иуды и Каина».

Подобно многим безжалостным людям, он смог преодолеть первые неудачи и добиться скандальной известности, возбуждая одну из болевых точек общественного сознания и извлекая из этого выгоду. О его ранних годах известно очень мало. Сын священника из Суффолка, он стал адвокатом, «но очень низкого уровня»; не сумев заработать на жизнь в Ипсвиче, переехал в деревню Маннигтри, Эссекс. В Эссексе, как и в других восточных графствах Англии, обстановка была особенно напряженной и беспокойной, поскольку эта территория во время Гражданской воины стала опорой «круглоголовых» го-

рячей точкой, начиная с 1642 г. Республиканцы безоговорочно отстаивали протестантизм, выступая против утвердившегося епископата, претендовавшего на роль католической церкви в Англии, но в первые дни борьбы никто не мог быть уверен в ее исходе. Как и во все времена перемен, люди нервничали. Выбрав подходящий момент, демагог Х. смог отодвинуть в сторону тревоги военного времени и оказать давление на местные власти требуя искоренения подрывных элементов (заявляя, что у него есть полученный от дьявола список всех английских ведьм) Призывая продемонстрировать сплоченное под знаменем протестантизма, Х. начал свое жуткое представление, атакуя врагов парламента и Господа. Легче было нападать на «тупых, невежественных, неразумных и бедных глупцов», каковыми являлись ведьмы нежели охотиться за католиками: «пороховой заговор» Гая Фокса был возможен лишь при сильной централизованной власти. Кроме того, охота на ведьм была более прибыльной: католика мог изобличить каждый, а чтобы изобличить ведьму, требовалось умение — ведьмы слыли очень хитроумными. А за умение люди хорошо платили: Х., например, получил шесть фунтов за поездку в Олдборо и двадцать три фунта за посещение Стоумаркета. Средняя заработная плата в то время была шесть пенсов в день.

Метью Хопкинс (ум. 1646), «Генерал-охотник за ведьмами».
Из библиотеки Пепуса, колледжа св. Магдалины, Кембридж.

Итак, примерно в марте 1645 г. Х., не обладая никакими иными познаниями в демонологии, кроме труда Якова I, описания ланкаширских ведьм, составленного Поттом, и «Guide to Jurymen» (Руководства для присяжных) Бернарда, начал охоту за ведьмами. Для первого разоблачения он избрал одноногую старую каргу (Элизабет Кларк), заставил ее соседей донести на других женщин, разработал методы пытки, позволяющие добиться признаний, не упуская при этом из виду изобличающих искалеченных конечностей, и

вскоре пойманных ведьм стало шесть: матушка Кларк и пять других обвиненных ею женщин. К Х. присоединился Джон Стерн, и количество подозреваемых росло, пока не достигло тридцати двух, которых, после допроса местными судьями, передали в суд графства в Челмсфорд. Х. ухватился за один абзац в «Demonology» короля Якова I как за примету для определения ведьм: все ведьмы держали чертенят. Чертенята или домашние духи сосали ведьм не только для того, чтобы питаться, но «более для того, чтобы усугубить муки ведьм». Практическое приложение данной теории видно из первого заявления Х. против Элизабет Кларк. По этому обвинению в «увеселении» злых духов Элизабет Кларк была повешена:

> «Упомянутая Элизабет далее сказала данному осведомителю и некоему мастеру Стерну, присутствовавшим там, что если они останутся и не причинят упомянутой Элизабет никакого вреда, она могла бы позвать одного из своих белых чертенят и играть с ним на коленях. Но этот осведомитель ответил ей, что они не позволят этого. И оставаясь там немного дольше, упомянутая Элизабет призналась, что шесть или семь лет у нее были плотские отношения с дьяволом, и он появлялся перед ней три или четыре раза в неделю у постели, отправлялся с ней в постель и проводил с ней половину ночи в образе представительного господина с кружевным воротом, обладающего всеми пропорциями мужчины. И [он] мог сказать ей: „Бесси, я должен лечь с тобой“. И она никогда не отвергала его».

Затем Х. сделал удивительное заявление, подтвердив под присягой, что «в течение четверти часа» он вместе со Стерном видел появление четырех чертенят в виде белой собаки, борзой, хорька и черного чертенка, быстро исчезнувших. Мери Филипс, помощник Х. по обнаружению ведьм, а также Эдвард Пейсли и Френсис Майлс поклялись, что также видели этих домашних духов.

Все показания следовали этому образцу. Переходя через мост, мужчина слышал крик, «который сильно напоминал визг хорька», и лошадь едва не сбросила его. Умер ребенок, которого нянчила женщина, жившая по соседству с двумя подозреваемыми в колдовстве, и его отец верил, что это ведьмы вызвали его смерть. Женщина говорила, что «нечто упало справа от нее», когда она находилась в постели. «Поскольку было темно, она не может сказать, какой оно было формы, но верит, что Ребекка и Анна Вест были причиной ее мучений». Ребекка свидетельствовала, что ее мать (ранее заключенная в тюрьму как ведьма) угрожала ей, после чего на следующую ночь она «почувствовала, как что-то прошло по кровати между ее ног… но она не могла ничего найти». Показания такого рода Х. представлял судьям. И ему пришлось потрудиться, чтобы получить их, он даже посетил Колчестер, чтобы добиться признания Ребекки Вест, что она вышла замуж за дьявола.

Большинство челмсфордских ведьм сделали признания, что вовсе не удивительно, поскольку Х. и его помощники разработали технологию для получения нужного им признания. Предпочтение отдавалось «плаванию», но парламентская комиссия по разбору кассационных жалоб в августе 1645 г. отнеслась к этому с неодобрением, и Х. был вынужден прекратить бросать женщин со связанными руками в пруд, чтобы посмотреть, утонут ли они. Но другие его приемы были одобрены, признания вытягивались с помощью голодовки, продолжительного сидения со скрещенными ногами на табурете, одиночного заключения, лишения сна и принудительного длительного хождения, пока ноги не покрывались волдырями. При последнем расследовании Х. в Сент-Эдмундсберри в Суффолке в августе 1645 г. из пятнадцати допросов, где фиксировался способ получения признания, четыре, как отмечалось, были даны добровольно, два — после суток «бодрствования», четыре других — после двух дней лишения сна, и пять — после трех дней (что, кажется, было наибольшим периодом вынужденного хождения, который мог вынести заключенный, прежде чем потерять сознание).

Самым частым обвинением на четвертых судах в Челмсфорде 29 июля 1645 г. было околдовывание до смерти, но восьмерым добавили дополнительные обвинения в содер-

жании на службе злых духов. Тем не менее, девятерым эти обвинения были предъявлены без обвинения в убийстве или покушении на убийство, а также в причинении ущерба или повреждения скоту или собственности [см. Яков I]. Двоих признали виновными, но исполнение приговора было отсрочено. Еще семеро других были признаны виновными и повешены. Чертенята или домашние духи были просто мелкими ручными или домашними животными — белкой, рыжим котом, красной или серой мышью, кротом. Так, Бриджит Мейер, жена моряка, уверявшая, что она невиновна, была осуждена за увеселение 6 мая 1645 г. злого духа в образе мыши по имени «Голоухий» (прозвище пуритан).

Епископ Хатчинсон рассказал об одной женщине, вынужденной признаться, что у нее был чертенок по имени Нан. Несколько соседей, приведенных в ярость обращением с ней, освободили ее. Когда жертва пришла в себя,

> «она ничего не знала о том, в чем призналась, и у нее не было никого по кличке Нан, кроме курицы, которую она иногда так называла… Мое мнение таково, что охотники за ведьмами содержат бедных людей без еды или сна, пока они не перестанут осознавать, что говорят, и тогда, чтобы избавиться от пыток, они рассказывают истории о своих собаках и котах».

При легковерных судьях — Роберте, графе Варвике и сэре Харборне Гримстоне — 19 из обвиненных ведьм были приговорены и «повешены за шею, пока не умрут». Пятерым, найденным виновными, смертные приговоры были отсрочены. Восемь были перенесены на следующие сессии, по крайней мере четверо из них три года спустя, в марте 1648 г. все еще находились в тюрьме. Только один был признан невиновным. Четверо из тридцати двух обвиненных умерли в тюрьме до открытия сессии, им было 80, 65, 60 и 40 лет.

Х. не ждал окончания челмсфордского суда, он был занят посещениями городов и деревень, где — иногда по запросам, чаще по собственной инициативе — выискивал ведьм, становясь от этого богаче. После Эссекса он возвратился в Норфолк и Суффолк. На следующий год он расширил свою деятельность с группой из пятерых человек — Джона Стерна и четверых прокалывателей — в графствах Кембридж, Нортхемптон Хантингтон и Бедфорд. Он на самом деле стал «Генералом-охотником за ведьмами».

К суффолкским судам 1645 г. в Сент-Эдмундсберри по подозрению в колдовстве было арестовано почти 200 человек, включая семидесятилетнего пастора Джона Лоуэса Из него исторгли признание с помощью группы часовых, которые «несколько ночей подряд не давали ему спать и заставлял бегать взад и вперед по комнате, пока он не начинал задыхаться. Тогда они позволяли ему немного отдохнуть и затем заставляли бежать снова. Они проделывали это несколько дней и ночей, пока жизнь не стала ему в тягость, и он перестал сознавать, что говорил, или делал» (Хатчинсон). В этом состоянии он признался, что заключил договор с дьяволом, в течение пяти лет кормил домашних духов (Тома, Фло, Бесси и Мери) и околдовывал скот. Более того, вызвал крушение корабля при штиле близ Хариджа, унесшем четырнадцать жизней. В памфлете Стерна говорится, что Лоуэс «радовался, увидев какой силой обладают его чертенята». После этого пастор отрекся от своего признания и поскольку ему не разрешили, чтобы священник прочитал над ним погребальную молитву произнес ее сам на пути на эшафот. Этот позорный суд, возможно, является лучшим подтверждением того, насколько судьи потеряли рассудок: никто не предложил проверить затонул ли в тот день хоть один корабль.

До конца 1645 г. комитет Х. проводил расследования по всему Суффолку и Норфолку, когда Х. по-прежнему переезжал из города в город. Так, он посетил Олдборо в Суффолке 8 сентября (оставив своего помощника, прокалывателя Мери Филипса, собирать показания), затем 20 декабря и снова 7 января 1646 г. Установлено, что только в Суффолке он несет ответственность за арест по обвинению в колдовстве по крайней мере 124 человек, из которых не менее 68 были повешены.

Уже в апреле 1646 г. у него появились затруднения, приведшие к неожиданному завершению его карьеры. Возможно, он и раньше встречался с определенным сопротивлением, поскольку в сентябре 1645 г. в журнале парламентских новостей («The Moderate Intelligencer») был помещен следующий комментарий к казням в Суффолке: «Многие были осуждены и некоторые уже казнены, но еще большее количество должно быть казнено. Жизнь человека драгоценна, и необходимо проводить тщательное расследование, прежде чем ее лишать». Однако первый открытый протест исходил в апреле 1646 г. от Джона Гоула, священника, возмутившегося набегами Х. в Хантингтон и прочитавшего проповедь, направленную против него. Х. неистовствовал и угрожал внезапно напасть на город и заставить Гоула публично отречься от сказанного. Вскоре после этого Гоул опубликовал «Cases of Conscience», где inter alia (между прочим) разоблачил применявшееся Х. способы пыток. Явно убогие ответы Х., его критикам были опубликованы в небольшом памфлете «Discovery of Witches», где он прикрывает свои выходки ореолом непорочности и законности.

Поддержка и восторженное отношение к Х. увяли так же быстро, как и вспыхнули. Он стал жертвой собственного азарта, подобно салемским девушкам, которые обвинили слишком много людей, отправившись в Эндовер. Люди начали сомневаться в его честности: судьи расспрашивали его относительно проведенных пыток и о его доходах (вместе с полученным Стерном, они могли составить тысячу фунтов).

Хотя суды над ведьмами продолжались, массовых процессов стало намного меньше — по крайней мере, в восточных территориях. Произошла отдельная вспышка в Кенте в 1652 г., когда шесть человек были повешены на мейдстонской сессии. Однако в данном случае судьи проявили определенную осторожность. Элизабет Хайнс из Торпа была обвинена в использовании двух злых духов, одного в образе белого котенка по имени Бесс и другого в образе черного котенка по имени Катт. Присяжные заявили: «Мы не признаем это иском». С другой стороны, тех, кого обвиняли в околдовывании до смерти, по-прежнему признавали виновными и вешали.

Х. вышел в отставку летом 1646 г., поселился в своем доме в Меннингтри и в следующем году умер от туберкулеза. Является апокрифической легенда о том, что его подвергли «плаванию» по подозрению в колдовстве. Стерн был напуган общественной враждебностью в Меннингтри и переехал в Сент-Эдмундсберри.

Отчеты 1645 и 1646 гг. неполны, не сохранились или каким-то образом потеряны, памфлетная литература не содержит надежной статистики (исключая книгу Стерна). Следовательно, невозможно установить, сколько ведьм было повешено в результате деятельности Х. и Стерна. Томас Эйди, писавший в 1656 г., говорит о том, что в Сент-Эдмундсберри было повешено около сотни человек. Можно только гадать, сколько было сотен во всех восточных графствах.

Разве не он в течение года
Повесил троих в одном графстве?
Некоторых, потому что не тонули,
Некоторых, сидевших высоко
Дни и ночи напролет на ягодицах,
Не снесших боли, вешали как ведьм,
Некоторых — за плутовские штучки
Над гусятами и индюшатами,
Или свиньями, что вдруг заболевали,
Как он предполагал,
От тайного злодейства.

Самуэль Батлер. «Hudibras» (1664).

Ц

ЦАРАПАНИЕ. Ц. было низшей формой пытки, применяемой к ведьме для исцеления якобы околдованного ею человека. Применялась почти исключительно в Англии. «Расцарапать и пустить кровь причинившему такой же вред есть средство излечения того, кто был искалечен». Выздоровление пораженной личности после выпускания крови у ведьмы обычно воспринималось как доказательство вины подозреваемой. Это распространенное поверье основывалось на представлении о том, что чертенок или демон ведьмы, посланный ею в тело пораженного, чтобы захватить и мучить его, может выйти наружу, чтобы пососать крови своей хозяйки. На данном поверье основана баллада «Царапанье ведьм» (1579). Аналогичные представления способствовали развитию поисков «ведьминских знаков», из которых домашние духи или чертенята сосали кровь.

Видимо тогда же, когда вышеизложенные меры предпринимались родственниками или друзьями как практические средства для помощи страдавшему, Ц. было разрешено как вид доказательства в суде. В 1615 г. обвинители Алисы Смьюэн расцарапали ее лицо ногтями, «так сильно, что по нему потекла кровь». При этом они насмехались, зловеще предвещая: «Этой крови нам не достаточно, мы доберемся и до крови из твоего сердца». В 1717 г. в Лестере подозреваемая сопротивлялась расцарапыванию, и вследствие этого была принуждена силой. В сообщении о суде отмечалось: «У старой женщины была настолько плотная кожа, что кровь при расцарапывании не появилась, поэтому были использованы большие булавки и подходящие для этой цели инструменты».

Дети Трокмортона, дразнившие м-с Алису Семуэл и ее дочь Агнесс, получили разрешение сесть к ней на колени и расцарапывать ее лицо «до ссадин шириной в шиллинг». Во время суда заболел сын тюремщика, и ему также разрешили расцарапать м-с Семуэл. Проделав это, он поправился. В другом примере, относящемся к 1592 г., рассказывается о матушке Аткинс: Ричард Барт, рабочий на ферме в Пиннере (Мидлсекс), ел в амбаре кусок яблочного пирога, когда увидел чудовищного черного кота. Его неожиданно подбросило вверх, протащило на значительное расстояние в сторону Харроу, бросило в огонь и поранило, лишь через четыре дня он добрался до дома, онемевший и способный лишь указать на дом матушки Аткинс. После того, как он пустил кровь ведьме, к нему «вернулся разум» («A More Wicked Work of a Wretched Witch», 1593).

Большинство женщин сопротивлялись или по меньшей мере, обижались на расцарапывание, но некоторые относились к нему спокойно. Когда юный выскочка Томас Дарлинг царапал ногтями Алису Гудридж, пока «не полилась кровь», она кротко сказала «Дитя выпусти достаточно крови и Господь поможет тебе». На что дерзкий юноша ответил: «Молись за себя, твоя молитва не принесет мне ничего хорошего» [см. Бартонский мальчик]. Гиффорд рассказал, о том, как отец мальчика, околдованного так, что у него выступили болячки, вынудил ведьму вернуться тем что сжег на открытом воздухе волосы мальчика завернутые в тряпку. «Женщина со всех ног убежавшая домой, пришла в его дом, подошла к мальчику и сказала: „Джон, расцарапай меня“ Он царапал ее, пока не хлынула кровь, и прежде, чем кто-либо мог соскрести его болячки, они зажили сами собой» («Dialogue», 1593).

Сэр Роберт Филмер в 1653 г. писал, ссылаясь на авторитет книги Перкинса «Discourse of Witchcrart» (1608), что «расцарапывание подозреваемого и, как следствие, настоящее выздоровление» являются одними из «наименее существенных доказательств» колдовства. Не полностью отвергая царапанье как основание для признания виновным, Перкинс находил его безнравственным: «Поскольку это средство основывается на силе дьявола, а не Господа или природы, чтобы достигнуть результата, следует применять его добровольно, а не по принуждению».

Ч

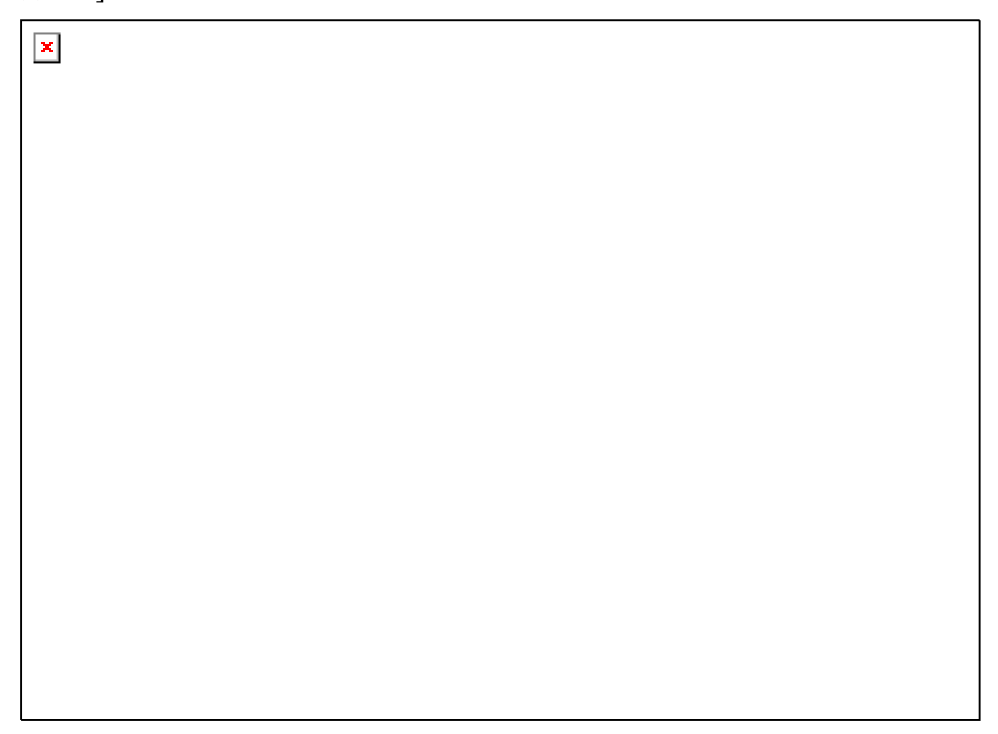
ЧАРОДЕЙСТВО. Чародейство следует отличать от колдовства. Как указывается в статье о колдовстве, Ч. не относится к какому-либо определенному времени и распространено по всему миру, в то время как колдовство явно ограничивается приблизительно тремя столетиями с 1450 по 1750 г. и территорией христианской восточной Европы (исключением является Салем). Ч. представляло собой попытку контролировать природу, вызывать положительный или отрицательный результат, в основном, с помощью злых духов. С другой стороны, колдовство включает и Ч., но далеко опережает его, поскольку ведьма сотрудничает с дьяволом, чтобы использовать магию с целью отрицания, отречения и поношения христианского Бога. Считалось, что преступления чародеев и ведьм, — то есть весь круг maleficia, — внешне сходны между собой, но различны по мотивам. Таков был фундамент, на котором инквизиция выстроила теорию колдовства как ереси, сознательного отречения от Господа и церкви. Колдовство стало не фактическим (действительно ли ведьма околдовала коров, так, что их молоко высохло?), а идеологическим вопросом. Колдовство заняло свое место среди «преступлений совести». Колдовство «было ничем иным, как тенью, ночным кошмаром; ночным кошмаром религии, тенью догмы» (Джордж Л.Барр).

В ранние годы, когда создавалась теория, отдельные инквизиторы и судьи были неуверенны в подобном определении. Их замешательство неудивительно, поскольку у католической церкви существовали свои собственные традиции Ч. и намерение отвести человека от теневой стороны магии. Так, например, Ветхий завет заполнен тайной магией. Несмотря на версию, будто все Ч. прекратилось с рождением Христа, в первые несколько столетий после его рождения разрослась обширная литература о Симоне Волхве, волшебнике, чьи попытки летать были расстроены его современником и соперником, апостолом Петром. Инквизиторы исследовали Ч. очень тщательно, чтобы раскрыть намерения или мотивы обвиненных. К середине XIII в. «Summa de Officio Inquisitionis» скрупулезно исследовала все аспекты Ч. и предсказаний будущего, вероятно, преследуя цель расширить свою юрисдикцию. Принимая во внимание, что инквизиция использовала пытку, она могла извлечь из обвиняемых все, что хотела.

Начиная примерно с 1321 г. отмечается, успешная деятельность церковных судов, в основном, в северной Франции, в Тулузе и Каркасоне, по обнаружению ереси в актах Ч. К 1330 г. женщины уже признавались в посещении шабаша, перемещениях и сношениях с дьяволом, поедании младенцев и поклонении козлу. Между 1320 и 1350 гг. 200 человек, обвиненных в еретическом Ч., то есть в колдовстве, были сожжены в Каркасоне и 400 в Тулузе. Однако спустя более полстолетия после 1395 г. гражданский судья, Петер из Берра (Петер фон Грайэрц) сжигал тех, кого он считал malefici или ведьмами, в то время как в действительности они были чародеями — поскольку в этом случае не было упоминаний о каком-либо договоре или шабаше (Нидер, «Formicarius», 1435)

Очевидно, что булла папы Иннокентия VIII (1484 г.) должна была покончить с неопределенностью. Гриландус (1525), влиятельный адвокат, также посвятил многие страницы своего «Трактата о ведьмах» определению момента, превращающего чародейство в ересь. Большинство его аргументов основывались на трудах Жоана Андрэ, самого известного специалиста по каноническому праву первой половины XIV в. Бог наделил дьявола некоей властью, например, способностью склонять людей к греху, познавать природу вещей и лечить болезни. Обращение за помощью к дьяволу, чтобы овладеть данными «разрешенными» действиями является Ч., если же у дьявола просят разрешения делать другие вещи, которые Господь оставил в своем ведении, то это и есть ересь. Например, когда дьявола просят помочь соблазнить женщину, это не является ересью, поскольку подобная помощь находится в компетенции дьявола.

Однако имеет значение и та форма, в которой осуществляется просьба: если человек приказывает дьяволу совершить зло, разрешенное Господом, он не считался еретиком, но, если он просил дьявола, то та же самая просьба делала его еретиком. Более того, если некто, якобы вступив в договор с дьяволом, в любой форме просил позволения совершать действия, недозволенные Богом, он был колдуном и еретиком. Францисканец отец Кандидус Броньолус в «Manuale Exorcistarum» (1651) приводит очень полное обсуждение того, чего можно требовать от дьявола на законном основании. Ли сухо комментирует: «Эти тонкости не различались на практике». На практике, как заявляет Томас Блаунт в «Glossographia» (1674), все чудеса считались сотворенными «с помощью дьявола». К концу XVI в. Пенья определяла как ересь все чары или заклинания, использующие священные предметы, не только святую воду, но даже публичное чтение «Отче наш» или «Аве, Мария». Так шотландский суд, осудив в 1590 г. Агнесс Семпсон за произнесение вечерней молитвы, действовал в соответствии с общепринятой церковной традицией [см. Нортбервикские ведьмы].

Чародейки Вандервельта.
Со старинной гравюры (1626), хранящейся в коллекции Дусе, ББО.

Примерно с 1700 г. светские власти начали перенимать утрачиваемый церковью (как католической, так и протестантской) контроль над умами. Однако, поскольку современный мир подчиняется не религии, а экономике и политике, колдовство, подразумевающее личный договор с дьяволом, не может быть тем средством, с помощью которого действуют современные искатели ересей. Слово «колдовство» продолжает использоваться после того, как перестало существовать обозначаемое им явление; оно снова стало синонимом слова «Ч.» Так, например, вполне можно говорить об африканском или гаитянском «колдовстве». Чтобы избежать путаницы, повсюду в этой книге слова ведьма (колдун) и колдовство используются исключительно для обозначения ереси, преобладавшей в XVI и XVII вв., а слова чародейство и магия — для обозначения актов maleficia, обнаруживаемых во всех странах мира.

Сравнительная фольклористика может привести многочисленные аналоги магической практики европейских ведьм — например, мексиканского демона Тлацольтеота, который носит остроконечную шляпу и летает по воздуху на метле. В мексиканской легенде отражено Ч., но не колдовство, потому что оно не имеет ничего общего с отрицанием христианского Бога. Но, если назвать это колдовством, в соответствии с тем значением, кото-

рое вкладывалось в это слово во всей Европе с 1500 по 1700 г., то можно допустить смешение понятий.

Почти каждый месяц, газеты и журналы сообщают о случаях «колдовства». В данной книге подобные сообщения были бы неуместными, но некоторые из них можно привести в качестве примеров, иллюстрирующих Ч.

Примерно в 1816 г. в Найэке (Нью-Йорк) один приезжий человек, собиравший травы и практиковавший гомеопатический тип медицины, был заподозрен в высушивании вымени у коров и сквашивании молока. В связи с этим фермеры подвергли допросу г-жу Каниф на Старой мельнице. Они стали взвешивать ее на мельничных весах, положив на противоположную чашку окованную медью Библию, взятую из церкви. Если бы она не выдержала испытание, ее бы утопили в мельничном пруду. Очевидно, возобладал более трезвый подход, и г-жа Каниф не была утоплена.

В Новгородской губернии в 1879 г., женщина пятидесяти лет, некая Аграфена Игнатьева, была заподозрена в околдовывании скота. Деревенские жители взяли дело в свои руки, заперли ее в собственном доме и подожгли его. Зачинщики были привлечены к суду за убийство, но судья так сочувствовал им, что они были освобождены с условием церковного покаяния.

В 1885 г. пожилая вдова, мадам Лебон из Солони (Франция), сэкономившая несколько тысяч франков, переехала к своей дочери, усиленно домогавшейся ее денег. Вскоре после ее приезда корова отелилась до срока и яйца протухли. Вывод был очевиден: старая мадам Лебон — ведьма.

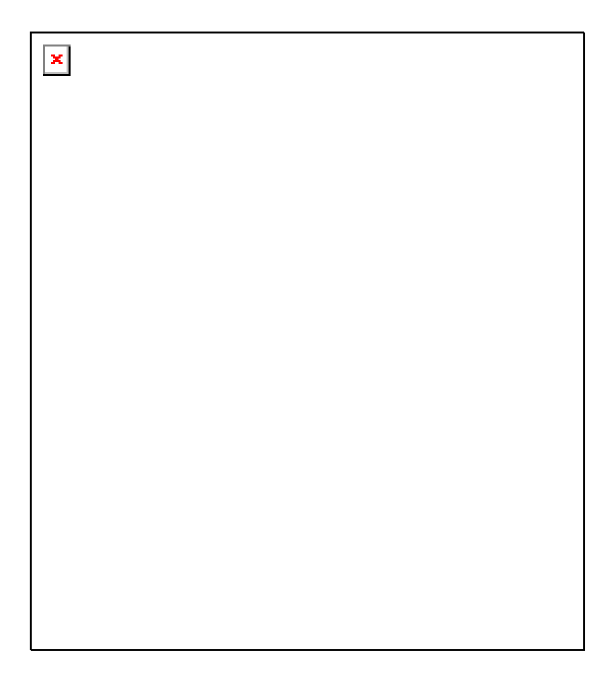
Дочь позвала приходского священника исповедовать мать, потом крепко ее связала, сложила костер из хвороста, сухого дрока и дров, облила его керосином, и затем сожгла живьем собственную мать. «Мне очень тяжело, — заявила дочь, — но нужно убить эту старую ведьму именно сейчас. Если мы отложим, она сможет снова нагрешить в своих мыслях или действиях, и исповедь окажется напрасной». Наблюдая за сожжением старой женщины, она велела своим детям читать литанию по умирающей и просить Господа простить их бабушку за то, что она была ведьмой. «Огонь, — добавила она, — покажет вам, на что похож ад». Мадам Лебон визжала и корчилась в пламени, но зять загонял ее обратно своими деревянными башмаками. После этого супружеская пара исповедалась перед священником, связанным обетом молчания, а затем сообщила мэру, что когда они работали в поле, их старая мать упала в костер и сгорела.

В Массачусетсе, в апреле 1892 г. Эдвин А.Браун из Экстера заболел туберкулезом. Он посчитал, что злые духи, обитающие в сердце и печени его покойной сестры, подрывают его жизнь (иссушали). В соответствии с этим он подверг эксгумации тело своей сестры на кладбище Шраб Хилл и сжег ее сердце и печень. Браун почувствовал себя лучше, но вскоре его состояние ухудшилось, и он умер 5 мая того же самого года.

В Гаване, 10 марта 1905 г. 14 человек были обвинены в колдовстве. Одна больная женщина, пораженная неким злом в те времена, когда она была рабыней, должна была добыть кровь белого человека, чтобы исцелиться от болезни. Двухлетний малыш был украден и расчленен, кровь из его сердца была использована как припарка для живота женщины, а его сердце было съедено. Несколько обвиненных были осуждены, двое из них казнено (Невинс, «Witchcraft in Salem»).

В Суссексе (Англия) в двадцатые годы XIX в. была распространена история о старой женщине:

> «Однажды к ней пришел черный человек, показал книгу и попросил написать в ней свое имя. Женщина расписалась в книге, и затем таинственный незнакомец сказал, что она будет хозяйкой пятерых чертенят, которые будут выполнять ее приказания. Вскоре после этого видели, как женщину сопровождали крыса, кошка, жаба, хорек и мышь. Все верили, что она — ведьма, и многие люди навещали ее, чтобы излечиться («London Sunday Chronicle», 1928, 9 сентября).

Ведьма, льющая воду на двух тонущих чудовищ. Гравюра Эртингера.
Из коллекции Дьюса, ББО.

И эта история представляет случай Ч. под внешней оболочкой традиционной ведьмы. Ивен, представивший эту газетную вырезку в «Witch Hunting and Witch Trial» дает следующий комментарий: «Подобный отчет мог быть в равной степени взят из документов XVII в.».

В июле 1950 г. Марта Миннен из (Фландрия) возбудила дело против своих соседей, ославивших ее как ведьму. Церковный сторож отказался от ее приношений во время службы, соседи не позволяли своим детям играть с ней. При этом не имелся в виду ни один акт maleficia, — только эксцентрические выходки. Г-жа Миннен содержала у себя кошек. «Просто невероятно, как много черных кошек можно увидеть ночью вокруг дома Марты», — свидетельствовал против нее один очевидец. Г-жа Миннен вручила соседскому ребенку в некотором роде необычный подарок — гнездо ласточки. Мария Декс, одна из обвинительниц, заявила: «Я всегда хорошо относилась к г-же Миннен, но мне не нравится, что вокруг моего дома так много птиц». Она, вероятно, выразила всеобщее мнение, когда сказала: «Я верю в ведьм и продолжаю верить в них. И, по-моему, это имя как раз ей впору [Марте Миннен]». Суд постановил выплатить г-же Миннен половину суммы, которую она требовала в качестве возмещения ущерба.

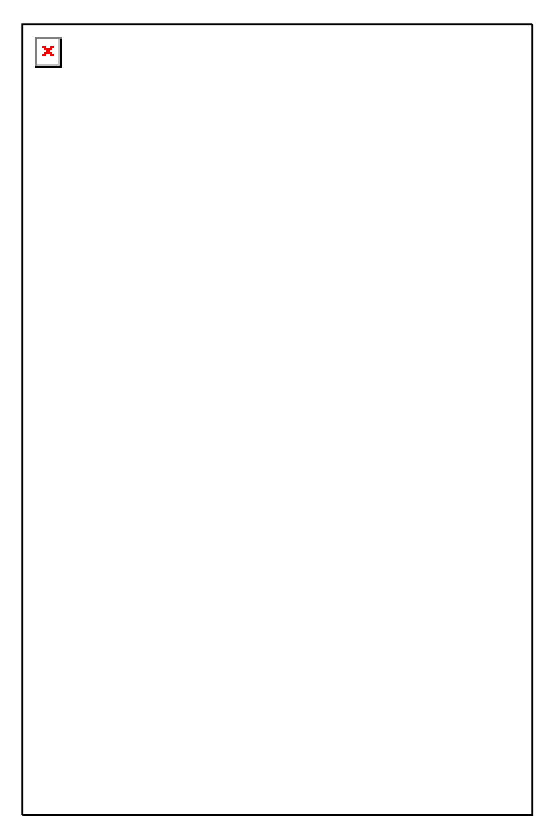
Разницу между Ч. и колдовством можно окончательно определить словами широко известного в свое время английского пуританского автора Перкинса, выразившего типичное мнение всех инквизиторов, судей, адвокатов, ученых и писателей, веривших в колдовство. «То, что делает ведьму ведьмой, — писал Перкинс в 1608 г., — это согласие заключить договор». Он исключил из этого определения тех, кто «заражен безумием или сумасшествием», тех, кто слабоумен и

> «всех подобных суеверных людей, мужчин или женщин, которые используют чары и околдовывание для достижения каких-либо целей под влиянием суеверий и ложного убеждения, будто чары дадут им силу совершить те или иные вещи; при этом они не знают, что действуют при посредстве дьявола, но полагают, что силу им дает Бог, как это бывает в случае с лечебными травами».

ЧЕЛМСФОРДСКИЕ ВЕДЬМЫ. В Челмсфорде (Эссекс) в Англии в летнюю сессию 1566 г. произошел первый действительно примечательный суд за колдовство, порожденный биллем 1563 г., изданным при королеве Елизавете. Вдобавок, процесс впервые был отражен в сенсационной и злободневной брошюре, первой из сотен подобных изда-

ний, появившихся в последующие два столетия: «The Examination and Confession of Certain Witches at Chelmsford in the Country of Essex before the Queen's Majesty's Judges, the 26th Day of July, Anno 1566. At the Assize held there as then, and one of them put to death for the same offense, as their examination declareth more or large».

Суд стал типичным образцом английского судопроизводства по колдовству, поскольку включил все традиционные составляющие поздних судов над ведьмами. Авторитет судей сделал судебные решения прецедентом, которому должны были следовать на последующих судах. В первый день суд проводили преп. Томас Коул, пастор церкви, находившейся около Челмсфорда, и сэр Джон Фортескью, будущий министр финансов, во второй день — сэр Гилберт Джерард, Генеральный атторней, и Джон Сауткот, судья суда Королевской скамьи. Вмешательство Генерального атторнея является наглядным доказательством того, как незначительное происшествие раздувалось до суда, имевшего ключевое значение.

Матушка Агнес Уотерхауз, повешенная как ведьма в Челмсфорде в 1566 г. Страница из памфлета, в котором описывается первый, имеющий историческое значение суд над ведьмами в Англии. Из единственного сохранившегося экземпляра, хранящегося в ЛБ.

В различных странах колдовство принимало разнообразные формы, в зависимости от множества исторических и экономических факторов. Отличительной особенностью английского колдовства, отразившейся в первых челмсфордских судах, стало отсутствие даже предполагаемого договора с дьяволом (о котором говорилось на протяжении всех салемских судов) или каких-либо организованных сборищ на пресловутых шабашах (входивших в европейские отчеты). За исключением домашних духов и распространенных простейших видов maleficia, все казавшиеся обычными домашние происшествия приписывались неприязни соседа, становившегося благодаря данному объяснению колдуном.

Более существенным для будущей истории колдовства в Англии является принятие судом как доказательства, имеющего силу, совершенно фантастических рассказов детей (хотя на других судах минимальный возраст свидетеля согласно законодательству равнялся 14 годам), показаний о призраках, отметок дьявола и неподтвержденных признаний обвиненных.

Обвинения против трех подсудимых: Элизабет Френсис, Агнесс Уотерхауз и ее дочери Джоан не были связаны между собой, единственным общим моментом было происхождение всех троих из Хетфилд Певерелла, небольшой деревушки в Эссексе, и передача м-с Френсис м-с Уотерхауз своего любимца кота Сатана.

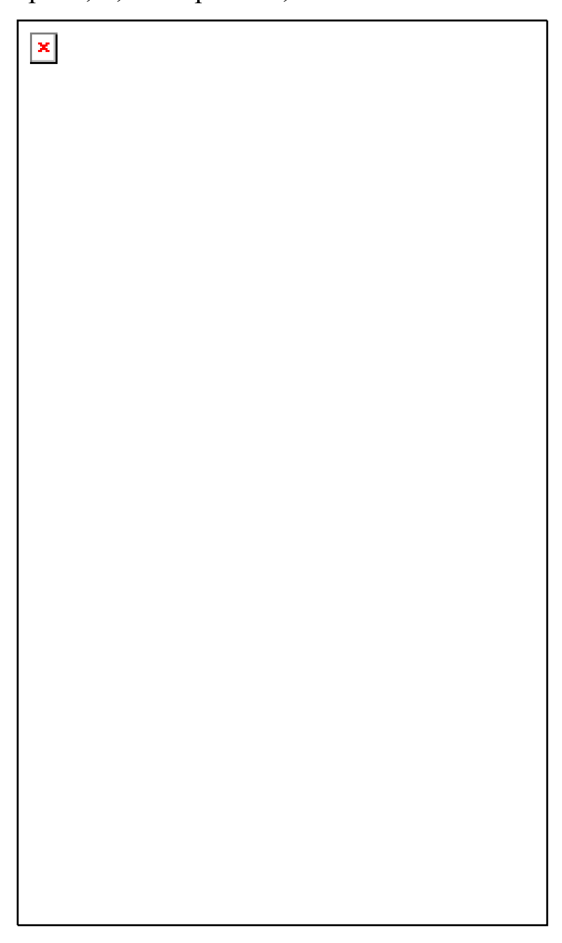
Элизабет Френсис, жена Кристофера Френсиса, мелкого землевладельца, была обвинена в околдовывании младенца Уильяма Аугера, «утратившего жизненную силу». Она созналась в различных других злодеяниях, была признана виновной и приговорена к годичному заключению. Согласно закону о колдовстве, принятому при Якове I, она была бы повешена. Позже Элизабет была предана суду за околдовывание Мери Кок, «которая десять дней после этого слабела», она заявила о своей невиновности, но была признана виновной и (вместо того, чтобы быть повешенной за второе преступление) была приговорена к годичному заключению в тюрьме и четырехкратному стоянию у позорного столба. В 1579 г. Элизабет была снова обвинена в околдовывании Алисы Пул, «которая чахла до ноября [1578], когда она умерла». Несмотря на мольбы о невиновности, Элизабет была осуждена и повешена.

Поскольку сохранились записи суда над Элизабет Френсис, памфлеты не могут быть вымыслом. Ее признание, сделанное в 1566 г., видимо, записано с ее слов, но в памфлете отсутствуют какие-либо упоминания о вынесенном приговоре. Но существовал ли Уильям Аугер, отец околдованного ребенка, и почему Элизабет была приговорена за преступления, в которых она призналась, не имевшие никакого отношения к первичному обвинению? Была ли общественность времен Елизаветы более заинтересована в брачных и внебрачных связях м-с Френсис и ужимках ее белого пятнистого кота Сатана, способного превращаться в жабу?

> Во-первых [Элизабет Френсис], обучилась искусству колдовства в возрасте 12 лет от своей покойной бабушки Евы из Хетфилд Певерелла.
>
> Затем: когда она обучала ее колдовству, она советовала ей отречься от Господа и слова Божьего, и дать свою кровь Сатану (как она его называла), которого она доставила ей в образе белого пятнистого кота, обучив ее как кормить упомянутого кота хлебом и молоком. Так она и делала. И также она [матушка Ева] научила ее звать кота именем Сатан и держать его в корзине.
>
> Когда матушка Ева передала ей кота Сатана, Элизабет сначала захотела, чтобы упомянутый кот (названный ею Сатаном) сделал ее богатой и дал ей всякого добра. И он пообещал ей дать все, что она захочет. И она пожелала овец (как она призналась, кот говорил с ней странным, глухим голосом, но она понимала смысл). И затем кот принес на ее пастбище овец, числом восемнадцать, черных и белых, которые оставались у нее некоторое время, но потом все исчезли, и она не знает, как это произошло.
>
> Затем: получив этих овец, она захотела выйти замуж за некоего Эндрю Байлса, обладавшего определенным состоянием. Кот пообещал ей это, но сказал, что сначала она должна согласиться, чтобы Эндрю совратил ее, и она так и сделала.
>
> Совратив ее, Эндрю не захотел на ней жениться. После чего она велела Сатану, чтобы Байлс потерял свое имущество, что он, следовательно, и сделал. Не довольствуясь этим, она захотела, чтобы Сатан дотронулся до его тела, что он, следовательно, и сделал, после чего тот умер.
>
> Затем: она говорила, что каждый раз что-либо делая для нее, он требовал каплю крови, которую она давала ему, укалывая себя, иногда в одном месте, иногда в другом, и там, где она колола себя, оставалось красное пятно, которое и сейчас можно увидеть.
>
> Затем: когда Эндрю умер, она, сомневаясь [думая], что может быть беременна, пожелала, чтобы Сатан уничтожил ребенка. И он предложил ей взять некую траву и выпить ее, что она и сделала, тем самым уничтожив ребенка.
>
> Затем: когда она захотела другого мужа, он пообещал ей помочь, назвав Френсиса, который и сейчас с ней, но сказал, что он не так богат, как другой, пожелав склонить к внебрачной связи с Френсисом, что она и сделала. И после этого она зачал дочь, которая родилась через четверть года после того, как они поженились.

После того, как они поженились, он жили не так спокойно, как ей хотелось бы, привлекая всеобщее внимание сильным беспокойством, руганью и проклятьями. Тогда она захотела, чтобы Сатан, ее кот убил ее ребенка, которому было примерно полгода, и он сделал это. Но так и не обретя желанного покоя, она захотела чтобы кот наслал хромоту на Френсиса, ее мужа. И он сделал это следующим образом подойдя утром к ботинку Френсиса, заполз в него как жаба, и, когда тот почувствовал его и дотронулся до него своей ногой, он бы страшно удивлен и спросил у нее, что это было. И она уговорила его убить это, и после этого он был поражен хромотой, от которой так и не смог излечиться.

После всего этого, когда она держала своего кота в течение пятнадцати или шестнадцати лет, или, как некоторые говорят (хотя это и неправда), устав от него, она пришла к некоей матушке Уотерхауз, своей соседке (бедной женщине), когда та собиралась печь пироги, и попросила, чтобы та дала ей пирога, пообещав, что взамен она даст ей вещь, которая будет нравиться ей всю жизнь. И эта матушка Уотерхауз дала ей пирога. После чего она принесла ей этого кота в своем переднике и научила ее так, как в свое время ее обучила бабушка Ева, сказав ей, что она должна называть его Сатаном, давать ему свою кровь, и, как принято, молока и хлеба.

Титульный лист современного (1579) трактата, посвященного второму крупному суду над ведьмами в Челмсфорде (Эссекс). По экземпляру, хранящемуся в БМ.

Второй обвиняемой стала матушка Агнесс Уотерхауз, 63-летняя вдова, обвиняемая в околдовывании Уильяма Фине, «чахнувшего до 1 ноября [1565], когда он умер». Она была связана с м-с Френсис тем, что, сильно нуждаясь в шерсти, наполнявшей его коробку, взяла ее кота, которого потом превратила в жабу. Матушка Уотерхауз призналась в преднамеренной попытке убийства другого соседа, который, оказался «так силен в вере, что она не смогла причинить ему вред». Она также призналась в многочисленных мелких пакостях, из мести причиненных домашнему скоту. Почти таким же вредным явилось произнесение ею молитв на латинском языке (естественное для того, кто родился в католической Англии в 1503 г.), что предвосхитило будущие испытания ведьм.

Не считая рассказа Агнесс Браун, 12-летней девочки, самое изобличающее свидетельство против матушки Уотерхауз исходит из ее собственных уст. Типичными являются следующие признания:

> «Она также призналась, что, поругавшись с некоей вдовой Гудей, пожелала, чтобы Сатан утопил ее корову, и он сделал это, а она вознаградила его, как и прежде.
>
> Поссорившись с другой соседкой, она убила трех ее гусей подобным же образом.
>
> И после отказа другой соседки дать масло, через два или три дня уничтожила ее сырную закваску».

К концу суда Генеральный атторней еще раз осведомился о ее домашних духах, сосущих кровь. Хотя она призналась во всем остальном, отвечая на прямой вопрос, м-с Уотерхауз отрицала свою виновность:

> Генеральный атторней: Агнесс Уотерхауз, когда твой кот сосал твою кровь?
>
> Агнесс Уотерхауз: Никогда.
>
> Генеральный Атторней: Нет? Давайте посмотрим! [Затем тюремщик снял платок с ее головы, и там оказались разнообразные пятна, а одно — на носу]. Ну, во имя веры, Агнесс, когда он в последний раз он сосал свою кровь?
>
> Агнесс Уотерхауз: Клянусь верой, мой господин, не в эти две недели.

И снова в памфлете ничего не говорится о первоначальном обвинении, поскольку оно не было упомянуто выше среди различных менее значительных оскорблений: «Пункт: поссорившись с другой своей соседкой и его женой, она пожелала, чтобы Сатан убил его с помощью кровавого поноса, отчего он и умер». Следовало ожидать, что вдова, м-с Фине даст показания на суде против убийцы. Матушка Уотерхауз была допрошена в течение двух последующих дней, 26 и 27 июля, признана виновной и повешена 29 июля 1566 г., видимо, став первой женщиной, повешенной за колдовство в современной Англии. На эшафоте старая женщина «с радостью уверовала, предав душу Христу, своему спасителю, который дорого заплатил за нее своей драгоценной кровью».

Третьей обвиняемой стала Джоан Уотерхауз, 18 лет, обвиненная в околдовывании 12-летней Агнесс Браун, «которая с 21 июля чувствовала онемение правой ноги и правой руки». Джоан «обратилась непосредственно к присяжным» и была признана невиновной. Основной интерес в этой части суда представляет свидетельство Агнесс Браун, утверждавшей, что черная собака была Сатаном, замаскировавшимся котом!

Агнесс Браун свидетельствовала, что

> «в тот день (назвав определенный день), когда она сбивала масло, перед ней появилось существо, похожее на черную собаку с лицом как у обезьяны, с коротким хвостом, с серебряным свистком на цепочке, надетым на шею (как ей показалось) И парой рогов на голове. Во рту [он] принес ключ от двери молочарни».
>
> «И тогда, мой господин, — она сказала, — я испугалась, потому что он прыгал и скакал взад и вперед и сидел как на иголках. И тогда я спросила его, чего он хочет, и он сказал, что он хочет масла. И я сказала, что у меня нет для него ничего. И тогда он сказал, что он хотел бы чего-нибудь, прежде чем уйдет, и затем он побежал, чтобы вставить ключ в замок двери молочарни. И я сказала, что он не получит ничего. И он ответил, что возьмет что-нибудь. И тогда он открыл дверь и подошел к полке, и там положил ключ на свежий сыр. И, пробыв там некоторое время, он снова вышел и запер дверь и сказал, что сбил для меня масло в маслобойке и с тем и ушел».

И затем она рассказала своей тетке об этом, и тогда та послала за священником, и когда он пришел, то велел ей молиться Господу и призывать имя Иисуса.

> «И на следующий день, мой господин, он снова пришел ко мне с ключом от нашей молочарни во рту, и тогда я спросила: „Во имя Иисуса, что ты здесь делаешь?“ И тогда он положил на землю ключ и сказал, что я говорю дурные слова, произнося подобное

имя, и затем он ушел. И, наконец, моя тетя взяла ключ, поскольку он держал его у себя два дня и ночь, и затем мы отправились на молочарню, и там мы увидели на сыре кусок сбитого масла, а через несколько дней он снова пришел с бобовым стручком во рту».

«И затем она сказала: „Мой господин, ради Бога скажи, что ты здесь делаешь?“ И тогда он положил его и сказал, что я говорю дурные слова и ушел, и снова и снова приходил с куском хлеба во рту. И я спросила его, что он хочет, и он сказал, что масла, вот чего он хочет, и с тем он и ушел. И, мой господин, я не видела его больше до последней среды, которая была двадцать четвертым днем июля, …он пришел с ножом во рту и спросил меня: разве я не умерла? И я сказала: „Нет, слава Богу“. И затем он сказал, что, если я не умру, тогда он вонзит нож в мое сердце, но он заставит меня умереть. И тогда я сказала: „Ради Бога, положи твой нож“. И он сказал, что никак не уйдет без ножа своей прекрасной госпожи, и тогда я спросила его, кто его госпожа, и он кивнул головой и указал в сторону твоего дома, матушка Уотерхауз».

Единственный раз — только по этому пункту, матушка Уотерхауз возразила против показаний Агнесс, заявив, что у нее дома был только большой кухонный нож, и что, следовательно, она не могла быть ведьмой, владеющей кинжалом:

Агнесс Уотерхауз: На что был похож нож?

Агнесс Браун: Это был нож, похожий на кинжал.

Агнесс Уотерхауз: Тогда ты лжешь!

Королевский атторней: Почему?

Агнесс Уотерхауз: Как же так, мой господин, она говорит, что нож похож на кинжал, а у меня дома нет ничего, кроме большого ножа. И, следовательно, она лжет.

Подобный пример является одним из первых в Англии случаев показаний о призраках, когда призрак или дьявол связывался с обвиняемым через свидетеля. При этом допускали, что большая черная собака была котом Сатаном в видоизмененной форме, получающим распоряжения от ведьмы, матушки Уотерхауз. Спустя 130 лет подобных показаний оказалось достаточно для обвинения салемских ведьм, но Салем также увидел подобные показания отвергнутыми и окончание колдовского безумия.

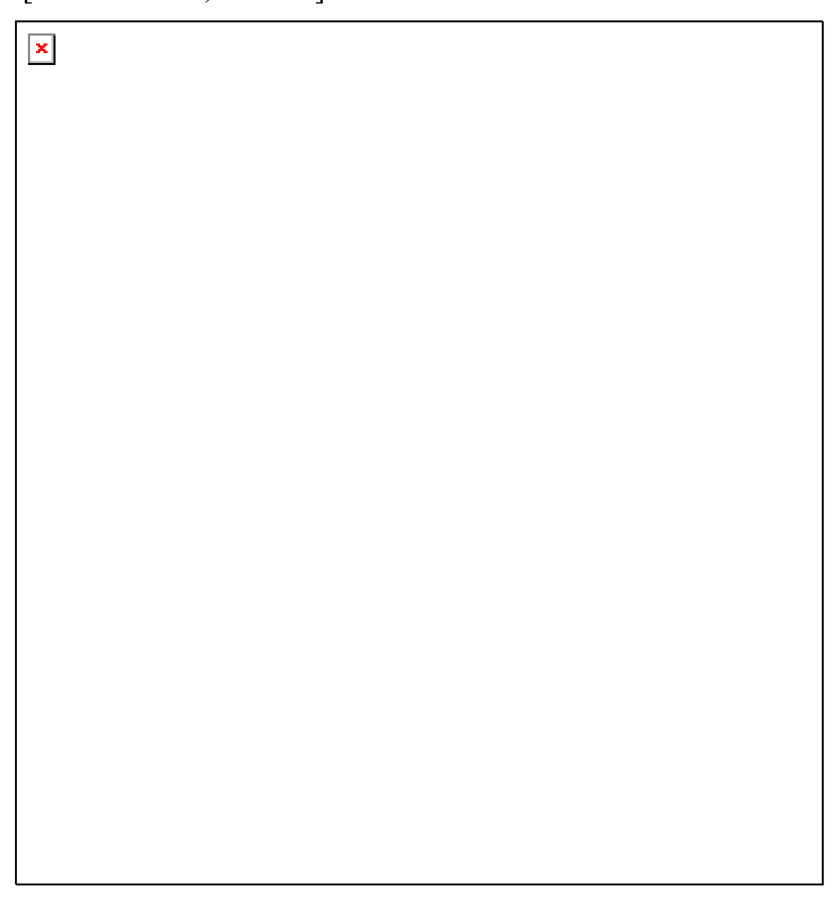
Другие примечательные суды, состоявшиеся в Челмсфорде, заслуживают здесь лишь краткого упоминания. Они свидетельствуют о продолжительности и цепкости устоявшейся веры в ведьм и необходимости охоты на них, с того самого времени, как она началась.

Второй заметный суд над четырьмя женщинами из различных местностей был проведен в 1579 г. Джоном Сауткотом и сэром Томасом Гоуди, являвшимися судьями суда Королевской скамьи. По этой причине этот суд имел не столько местное, сколько общественное значение. Порядок судебного разбирательства напоминал первые суды, были предоставлены обычные признания. Элизабет Френсис, была вызвана в последний раз, осуждена и повешена. Эллен Смит, чья мать была повешена как ведьма в 1574 г., была обвинена в околдовывании 4-летнего ребенка. Когда ребенок умирал, она выкрикнула: «Прочь, ведьма!» Тотчас после его смерти «матушка Уэбб заметила нечто вроде черной собаки, выходившей из ее дома, увидев которую, она тут же упала в припадке безумия». Преследования продолжались. Нотштейн предположил, что все дело выросло из выходок больного 4-летнего ребенка. Эллен Смит предстала перед присяжными, была осуждена и казнена. Похожие обвинение и приговор были предъявлены и Алисе Нокс. Марджори Стентон была обвинена в околдовывании до смерти «одного белого мерина, оцененного в три фунта, и одной коровы, оцененной в сорок шиллингов», владелец которых не был установлен. Суд счел обвинение недостаточным, и, поскольку не было ни преднамеренного ни неумышленного убийства, она была отпущена за отсутствием состава преступления.

(Спустя три года после второго суда, в 1582 г., в Челмсфорде, месте проведения выездных сессий, состоялся суд над ведьмами из Сент-Осайта [см. Сент-Осайтские ведьмы].

Третий крупный суд в Челмсфорде (1589 г.) состоялся над одним мужчиной и девятью женщинами. Большинство из них обвинялось в околдовывании до смерти, четверо были осуждены и повешены, трое признаны невиновными в менее тяжких преступлениях: околдовывании людей и собственности. Показания были такими же фантастичными, как и на ранних челмсфордских судах, и основывались, в основном, на признании чертенят или домашних духов в качестве причин беспокойств или смерти. Большую часть показаний дали дети, и два мальчика были отмечены судьями за обвинение своей незамужней матери (Эйвис Кони или Канни) и их бабушки (Джоан Кони). Три ведьмы (Джоан Кони, Джоан Упней и Джоан Прентис) были казнены в течение двух часов после вынесения приговора, признавшись в своих преступления на эшафоте.

Четвертый массовый суд в Челмсфорде состоялся спустя 50 лет, в 1645 г. и стал худшим судом над ведьмами, проведенным в XVII в., когда из 32 обвиненных женщин 19 были повешены [см. Хопкинс, Метью].

Три женщины, что здесь висят,

Освободясь от Велиала

Теперь попали в самый ад,

Такая участь им пристала.

Титульный лист современного памфлета, посвященного третьему челмсфордскому суду 1589 г., где изображены Джоан Кони и Джоан Упней, висящими на виселицах.
Из единственного сохранившегося экземпляра, хранящегося в ЛБ.

ЧЕРНАЯ МЕССА. В ряде сообщений о колдовстве бросаются в глаза упоминания о «черной мессе» — богохульной пародии на католическое богослужение, включавшей

сексуальные непристойности. Некоторые ученые детально разрабатывали эту идею. Так, Жюль Мишле, вполне уважаемый французский историк XIX в., рассматривал черную мессу как символ неповиновения крестьян католической церкви. «Пренебрежение Царством Небесным, братство всех людей, поклонение божеству, олицетворявшему силы природы, принявшее неестественную и извращенную форму — вот истинный смысл черной мессы». Монтегю Саммерс, рассматривавший Ч. м. с позиций католической ортодоксальности, видел в ней краеугольный камень учения о физической реальности дьявола.

Предполагалось, что каждый шабаш ведьм включает службу сатане, но такой Ч. м. нет ни в одном современном сообщении о колдовстве, а сам термин получил распространение только в конце XIX в. в связи с сатанизмом (впервые был использован в Англии в 1896 г.). Независимо от того, насколько они щекочут нервы, все отчеты о Ч. м. (за исключением одного) должны быть отброшены как безосновательный вымысел. И Мишле, и Саммерс принимали признания ведьм за истину, но как можно относиться с доверием к тому, что было предварительно заготовлено следователями и подтверждено обвиняемыми только после жестоких пыток? Стремясь облегчить страдания, некоторые обвиняемые развивали задаваемые им вопросы. Как историческое явление Ч. м. — одно из величайших интеллектуальных заблуждений, когда-либо вынесенных на общественное рассмотрение. Вполне естественно, что инквизиторы и охотники за ведьмами, подражавшие им, определяли колдовство в рамках исповедуемой ими религии, где колдовство рассматривалось как осознанная пародия на христианство. Подчеркивая преступный характер колдовства и узаконивая необходимость его искоренения, демонологи придавали особое значение мессе, как самой священной из церковных служб. Так, отец Гофриди на суде над ним в Экс-ан-Прованс в 1611 г. кратко рассказал (под пыткой) о мессе, во время которой он перекрестился наоборот и заменил благословение словами «Изыди, во имя дьявола» [см. Экс-ан-Провансие монахини]. Кто же мог осмелиться задавать вопросы демонологам, если их фантазии были защищены авторитетом церкви?

Наряду с историями об осквернении гостии (стандартных во всех обвинениях, с незапамятных времен предъявляемых еретикам и ведьмам) Жакье (1458), инквизитор во Франции и Богемии, рассказывал, как священник совокуплялся в церкви, собирал свое семя и смешивал его со священным елеем. Подобное действие не является зачатком Ч. м., а представляет пример проявления идолопоклонства или богохульства. Один из первых судей ведьм, Гриландус (ок. 1525 г.), описывает торжественную литургию дьяволу со свечами и молитвами. Инквизитор из Каркасона обнаружил в 1335 г. пастуха, пародирующего мессу обнаженным, подобно Адаму. На основе подобных намеков последующие авторы строили свои версии, вследствие чего спустя столетие или два, уже могли поверить в самые непристойные действия, такие, как обряды, проводившиеся отцом Пикаром или отцом Буле над монахинями из Лувьера.

Легковерный монах Франческо-Мария Гваццо (1608), известный охотник за ведьмами, приводит отчет Флорина де Раймонда о суде 1594 г. состоявшемся в Аквитании [Верхняя Гаронна]. Молоденькая девушка описала типичный шабаш, сопровождавшийся подписанием договоров, танцами и совокуплениями с козлом, ведьминским богом:

> «Они также представляли пародию на мессу, отправлявшуюся неким человеком, облаченным в черную ризу без креста на ней. Ко времени жертвоприношения и поднятия гостии, он поднял сегмент или круг из репы, испачканный черным, над которым все они, в один голос, прокричали: „Мастер, помоги нам!“ В потире вместо вина была вода, и они сделали святую воду следующим образом: козел помочился в ямку, вырытую в земле, и этой жидкостью, не разбавленной водой, отправлявший обряд окропил их с помощью черного кропила».

Другой известный демонолог, Пьер де Ланкр (1612), создал единственный в своем роде воображаемый образ в виде козла, облаченного в клобук и читающего по молитвеннику в переплете из волчьей шкуры с красными, белыми и черными страницами.

Во время исторически достоверного колдовства (до 1750 г.) отправление сатанинских месс отмечено только в самом конце XVII в., в деле «Огненной палаты». Глубоко взволнованные угрозой чародейства в связи с его возможным влиянием на предстоящие события, аристократы из двора Людовика XIV наняли группу примерно из пятидесяти или шестидесяти священников католической церкви, поименно известных и опознанных, для совершения специальных месс. Идея совершения мессы священником на животе обнаженной девушки, распростертой на алтаре, с добавлением к обычной литургии некоторых заклинаний для обеспечения верности ее любовника, восходит к раннехристианским службам любви. Если месса совершалась с целью возбуждения любви, то, как полагал Грилавдус, «она вроде бы не имела оттенка ереси, поскольку божественные предписания побуждают к любви и состраданию». Когда испанский священник, посетивший Рим, влюбился в четырех монахинь и заставил нескольких монахов отслужить мессу со специальным молитвами в поддержку его распутства, его просто на время выслали из города. Д-р Иоганн Вейер (1563) описывает, как священник пытался провести экзорцизм молодой монахини из монастыря, известного своими строгими обетами, совершив мессу на ее животе. Подобным же образом похоронные мессы, произносимые ради вызывания смерти живого существа, не считались еретическими. Однако тот, кто платил за мессу, равно как и священник, совершивший ее, должны были подвергнуться изгнанию (Грилавдус). Следует помнить, что оргии на мессах отца Гибура в деле «Огненной палаты» были изобретены только к концу расследования и что признания делались под угрозами или пытками. Так, Маргерит, дочь Ла Вуазен, подробно описывает представленную в обвинении первоначально простую и бесхитростную любительскую мессу:

> «Каждый раз во время мессы, когда священник должен был целовать алтарь, вместо него он целовал тело девушки. Он освящал облатку над ее интимными частями, в которые он вставлял маленькие кусочки гостии. Наконец месса закончилась, и священник вошел в женщину, и, погрузив свои руки в потир, омыл все ее половые органы».

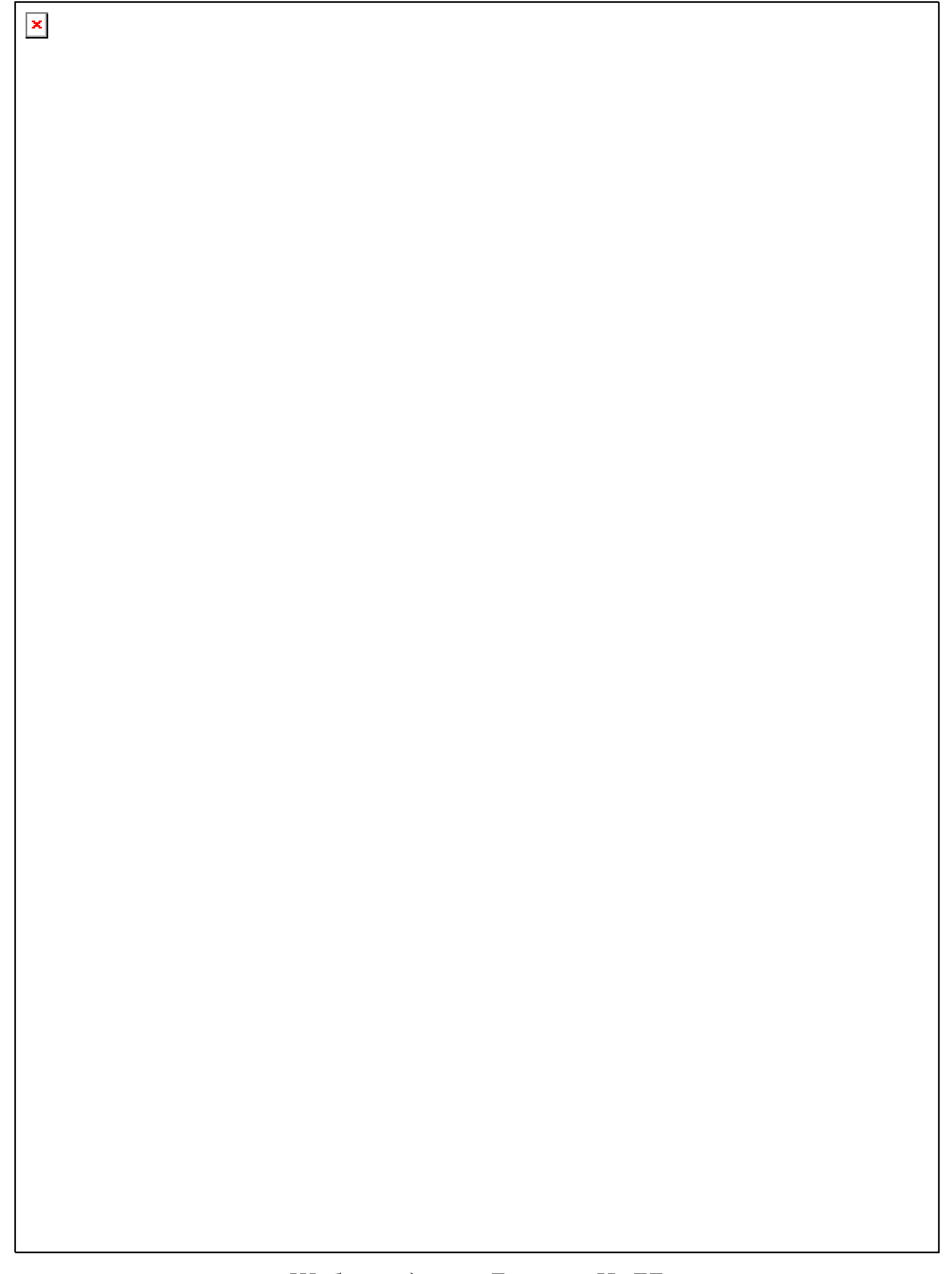
Сатанинская месса была, в сущности, литературным вымыслом. Одно известное описание дает маркиз де Сад в «Жюстине». Несколько порочных монахов одели Флоретту, молодую девушку, чтобы она представляла деву Марию. Совершая действия, выглядевшие как чудеса, она давала их церкви известность и доход. Жюстина рассказывает, как после этого богохульства,

> «отягощая свою нечестивость, наши распутные монахи захотели, чтобы Флоретта появилась на их ночных оргиях в тех же самых одеждах, которые принесли ей такое поклонение в образе Пресвятой Девы. Каждый из них разжигал свои непристойные желания, чтобы удовлетворить свою похоть с ней в этом костюме. Возбужденные начавшимся богохульством, они посчитали другие святотатства ничтожными. Монахи заставили эту девственницу раздеться и лечь плашмя на животе на большом столе. Они зажгли священные свечи и поместили статую нашего Господа между ее ногами, осмелившись совершить самые священные из наших обрядов на ягодицах этой молодой девушки. При виде всего этого ужасного зрелища я потеряла сознание, поскольку не смогла все это вынести. Отец Северино увидел меня в этом состоянии и сказал, чтобы посрамить меня, что я должна, в свою очередь, служить алтарем. Они схватили меня и положили, туда, где была Флоретта. Во время обедни было совершено жертвоприношение. Северино схватил гостию, этот священный символ нашей святой религии, и затолкал ее в то непристойное отверстие, которое он использовал для своих извращенных удовольствий, оскорбительно вдавив ее внутрь, а затем недостойно раскрошил ее повторяющимися движениями своего чудовищного инструмента [dard], и, выкрикивая богохульства, испустил нарастающий поток своей гнусной спермы прямо на тело своего создателя».

Не ранее XIX в., когда колдовство перестало существовать, отдельные умы, ставшие на преступный путь, воссоздали черную мессу в современном ее понимания, как службу, посвященную Антихристу или как предполагаемый пережиток антихристианского фольклора. Только те, кто искажают случайные упоминания об отдельных извращениях в христианской обрядности и игнорируют историческое развитие в целом и значение колдовства, могут провести какие-либо параллели между мистификациями Лео Таксиля, забавами Пьера Вентра и аббата Булана в «Work of Mercy» (изображенные Йорисом Карлом Гюисмансом в «La Bas»), оккультизмом Гуаиты и Жюля Буа с одной стороны, и описаниями шабашей ведьм, приводимыми демонологами, с другой. Так называемая погребальная месса святого Секирия на баскоязычных территориях и месса Святого Духа в Нормандии относятся к фольклору или антропософии, но не к колдовству

Ш

ШАБАШ (собрание, синагога). Ш. всегда привлекал к себе больше внимания, чем другие стороны колдовства, как со стороны профессиональных демонологов, так и просто любопытных мирян. Это понятие соединило в одну систему древние легенды о чародействе и новые ереси: богохульные пародии на христианские обряды, развратные оргии, считавшиеся запретными, совершавшийся при поддержке всех сил зла тайный заговор против закона и порядка и умствования богословов о том, что эти собрания ведьм и демонов являлись крайним проявлением сатанизма.

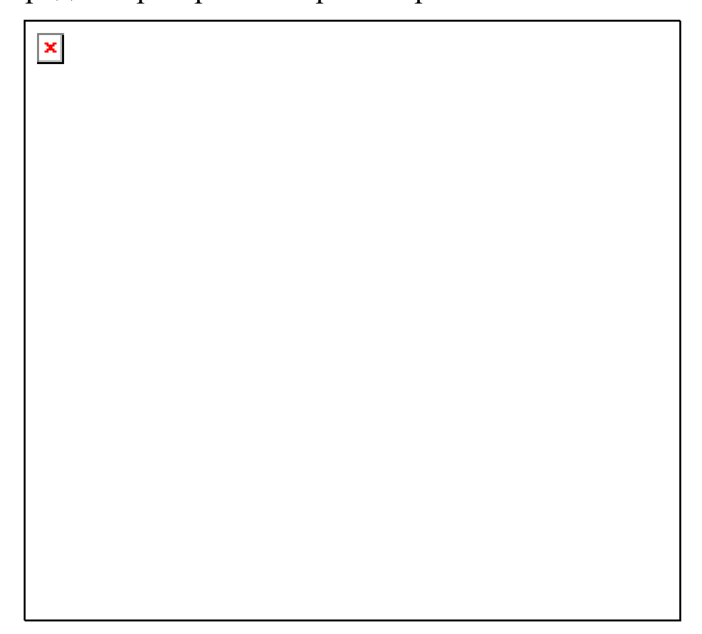

Шабаш ведьм на Брокене. Из ББ.

Концепция Ш., вероятно, была разработана в течение XIV и XV вв., преимущественно следователями и судьями, связанными с инквизицией. Ее зачаточная форма была представлена в 1335 г. на суде в Тулузе. Мартин де Франк (около 1440 г.) включил в «Champion des dames» тщательно разработанное признание старой женщины, поведавшей, что она посещала Ш. начиная с 16 лет. Это позволяет датировать Ш. уже 1440 г. Раннему демонологу Иоганнес Нидеру Ш. был неизвестен, но в анонимном французском трактате «Errores Gazariorum» (1450) содержится подробное описание «синагоги». Никола Жакье примерно в 1458 г. использовал современное слово «шабаш», хотя его описание носило схематический характер; «шабаш» также упомянут в отчете о преследованиях ведьм в Лионе в 1460 г. («La Vauderye de Lyonois»). В северной Италии около 1460 г. двум инквизиторам удалось получить разрешение на посещение Ш., однако разъяренная толпа ведьм обнаружила их и атаковала столь неистово, что они погибли раньше, чем смогли сообщить о своих наблюдениях. Однако в булле папы Иннокентия 1484 г. нет никаких упоминаний о Ш., и «Malleus Maleficarum» также умалчивает о нем. Но все же к XVI в. Ш. утвердился как часть колдовства. И Бернард из Комо (1510), и Бартоломео Спина (1523) придерживались «передовых» взглядов на Ш. Сложные и детальные анализы можно найти в работах классиков демонологии, например, Бодена (1580), Реми (1595), де Ланкра (1612) и Гваццо (1608).

Предлагались различные версии происхождения этого слова. На самом деле, «Ш.» (sabbat) — еврейское слово, обозначающее седьмой день недели; на ведьм оно перенесено благодаря враждебной ассоциации — евреи, ведьмы и мусульмане были традиционными объектами нападок католической церкви. В ранних работах даже слово «синагога» чаще использовалось в значении «Ш.».

Однако более важными, чем происхождение, являются дополнительные оттенки значения понятия «Ш.» — это не просто собрание ведьм, славящее дьявола, но и отправление дьявольских обрядов и развратные оргии. Три оттенка слились воедино.

«Поклоняясь дьяволу, ведьмы принимали разнообразные позы. Иногда они умоляли о милости коленопреклоненно, иногда падали навзничь на спину, иногда взбрыкивали ногами в воздухе и склоняли головы до живота, всегда двигаясь так, чтобы подбородок указывал в небо». — Гваццо (1626).

1. Во-первых, когда, во многом благодаря инквизиции, около 1440 г. сформировалось представление о ведьмах как об организованной группе или секте предавших Господа, на них легко были перенесены обряды и церемонии, представлявшие пародию на христианскую литургию. (Спустя столетия черная месса стала изощренной насмешкой над католическим богослужением.) Многие описания совершенно однообразно изображали

Ш. антихристианским обрядом, тайно совершаемым в церкви [см. Договор с дьяволом]. Так, например, Себастьян Михаэлис, видел ведьм, поющих гимны: «Маги и те, кто может читать [ноты] поют некие псалмы, как они делают в церкви, особенно «Хвалите Господа в вышних», переводя все во славу Люцифера» — «Admirable History» (1613). В протестантской Шотландии в 1678 г. дьявол отправлял службу с ведьмами из Лидса: «приобщая их к святым дарам: хлеб был похож на вафлю, питье иногда было кровью, иногда черной болотной водой».

2. Во-вторых, стремясь возбудить всеобщее любопытство и, как надеялись, враждебность к этой новой секте ведьм, теологи перенесли на них те мерзости, которые раньше приписывались другим ересям, например, альбигойцам, катарам, беггардам [от имени которых образовано современное слово buggery — мужеложство]. Так, около 1336 г. и вновь в 1387 г. видны предпосылки Ш. ведьм в тайных собраниях австрийских вальденсов, заканчивавшихся беспорядочным совокуплением или в подобных признаниях, заимствованных из ереси катаров в середине XV в. или от итальянских фратичелли (строгих францисканцев, которые не могли выносить распущенности постоянно странствующих монахов). Фратичелли обвинялись в удушении младенцев и последующем их сожжении, дабы изготовить из них священный порошок. В самом конце XV в. папа Иннокентий VIII организовал крестовый поход против вальденсов из Дофине и Савойи и тайной синагоги Сатаны.

3. В-третьих — что менее существенно — вокруг богословской концепции Ш. сосредоточились традиции язычества и классической древности. Петроний, Апулей и Гораций — все описывают разновидности Ш., возможно, восходящие к древнейшим праздникам Бахуса и Приапа. На протяжении раннего средневековья, начиная примерно с 1100 г., появлялись отдельные сообщения о ночных собраниях, которые, возможно, и способствовали развитию идеи Ш. Так, например, Одрик Витали приводит удивительный рассказ о толпах мужчин и женщин всех сословий и возрастов, пешком и верхом путешествующих по ночам. Они говорили, что являются духами, испытывающими муки за грехи, совершенные ими на земле. Несколько позже Вальтер Мап ссылался на легенду о духе Герлы (призраке англосаксонского короля), рассекающем небеса по ночам — призраке, который, 200 лет пропировав с гномами, был вынужден остаться на спине лошади. О подобных всадниках в последний раз сообщалось 19 декабря 1154 г. Похожих призраков видели и в Британии. Другие группы ночных путешественников включали в себя безобидных добропорядочных женщин, сопровождавших Богородицу Млекопитательницу, принявшую черты римской Гестии (Весты), осмысливавшейся как женская ипостась Санта-Клауса. Джакомо Пассаванта (середина XIV в.) утверждал, что многие женщины представляли, будто они присоединялись к их обществу и совершали удивительные вещи. То, что эти, введенные в заблуждение, женщины не имели впоследствии практически никаких неприятностей, свидетельствует о том, что идея еретического Ш. ведьм в то время (1353 г.) не была еще разработана.

Некоторые авторы связывали с колдовством два традиционных праздника друидов — день Всех Святых 31 октября и Вальпургиеву ночь 30 апреля, в память св. Вальпургии, девонширской святой, якобы умершей в Германии в 777 г. н.э. Кроме того, grand sabbats, вероятно, имели место во время четырех основных языческих праздников, внесенных в христианский календарь и свободно связывавшихся с колдовством: зимний праздник 2 февраля (Сретенье), весенний праздник 23 июня (вечер на рождество Иоанна Предтечи), 1 августа (Преображение), день св. Фомы (21 декабря). Форферские ведьмы в Шотландии, видимо, устраивали большие Ш. на Сретенье, Воздвижение Креста Господня (3 мая), Преображение и день Всех Святых (1 ноября). Менее регулярно происходили национальные или региональные собрания ведьм на этих или подобных праздниках в таких жутких местах как гора Блоксберг около Граца, Венусберг в центральной Германии (Г. фон Кайзерсберг и Альбертини), Хейберг в Шварцвальде, Блокула в Швеции, дуб в Беневентуре на реке Иордан (Спина) или Пье де Дом в Оверне (Реймонд и Гваццо). Одна-

ко подобные сборища не существенны для теории колдовства, ибо в основном связаны с народными поверьями и редко представлены в трактатах или на судах.

Для удобства рассмотрения Ш. может быть представлен в 5 разделах:

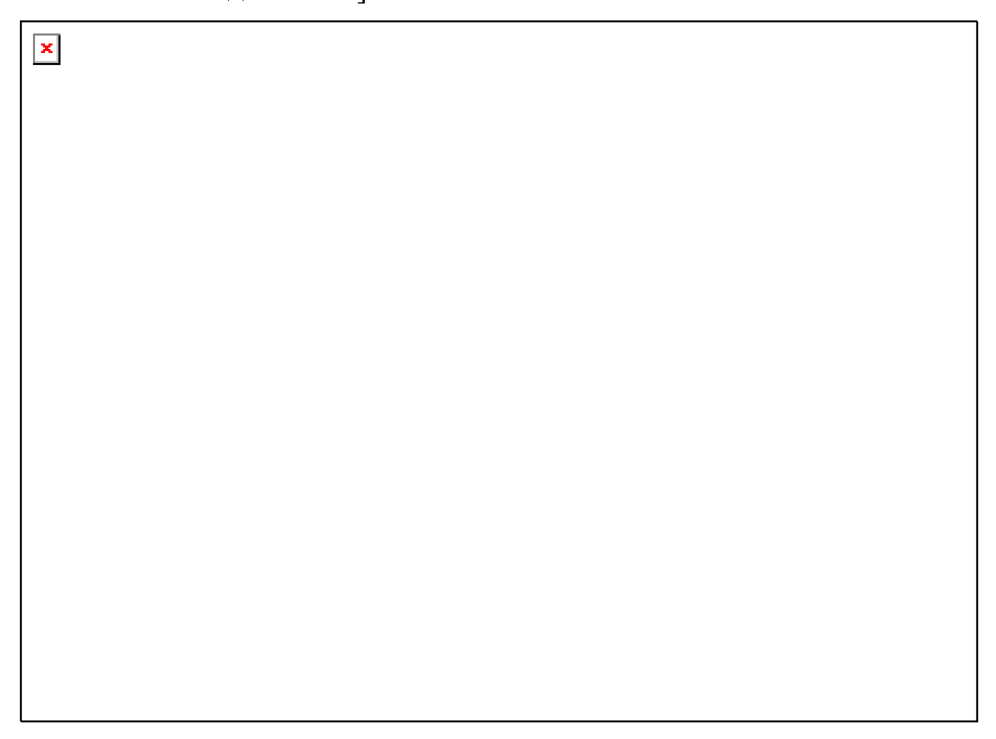
1. Собрание для (проведения) Ш. [см. Летательная мазь; Перемещения].

2. Поклонение дьяволу. Религиозное преклонение перед дьяволом, здесь же устанавливалось общественное признание договора, и новые ведьмы клеймились отметкой дьявола.

3. Банкет.

4. Фестивали, особенно с танцами.

5. Свальный грех, завершавший каждый Ш. [Более подробно см. Инкуб; Суккуб; Сексуальные сношения с дьяволом].

Шабаш, фантазия Брейгеля. Из ББ.

1. Собрание (ассамблея).

Ведьмы совершали собственные приготовления, чтобы посетить Ш.; они натирались летательной мазью, способствовавшей перемещению, и летели на расщепленной палке или метле. Или для этой цели получали от дьявола козла, барана или собаку. Ш. проводились в различных местах — на перекрестках дорог, в лесах, необработанных (диких) полях или даже в церквах.

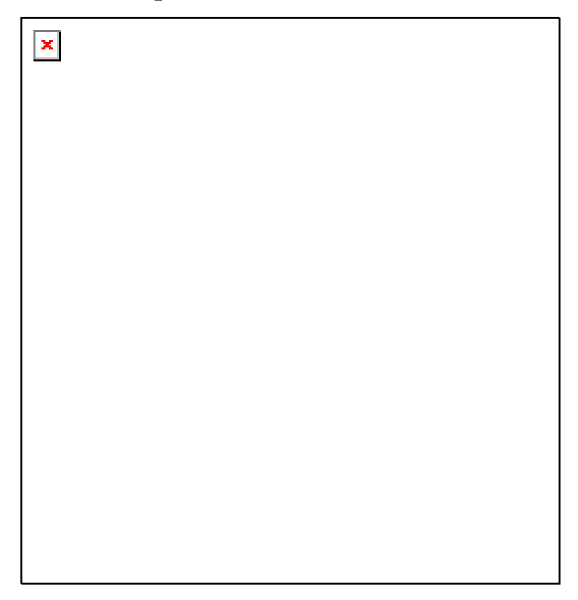
Демонологи расходились во мнении — какой день недели наиболее благоприятен для собраний (не говоря о субботе, упоминавшейся реже, поскольку она посвящалась святой деве Марии). Никола Жакье (ок. 1458 г.) называет четверг, Бернард из Комо (1510) предлагает «ночь, предшествующую пятнице», Спина (1523) говорит, что днями Ш. были среда и воскресенье, Луи Гофриди на своем суде свидетельствовал, что это — среда и пятница. Хопкинс считает, что эссекесские ведьмы встречались по пятницам, де Ланкр — по понедельникам, средам и пятницам. Последние были и наиболее часто упоминаемыми днями в признаниях ведьм в Бамберге. Гваццо верил, что Ш. отмечался различно в зависимости от региона; в Италии — по четвергам, в Лотарингии — по средам. Боге, посвятив этому целую главу «Du jour du sabbat», выделял четверг, а также находил, что ведьмы собирались по ночам в понедельник, пятницу и воскресенье; фактически же они собирались тогда, когда хотели.

Реми был одним из немногих, кто верил, что большинство Ш. проводились по субботам. Любопытное объяснение в пользу именно этого дня дал историк XIX в. из Берна (родины де Ланкра) аббат Картье, высказавший предположение, что крестьянский bal masque [маскарад] стал основой для описаний Ш. Танцы крестьян часто проходили в субботнюю ночь, чтобы можно было отдохнуть в официально разрешенный воскресный праздник, а по ночам — потому что это было единственно свободное время.

Пирушки цыган или нищих, как предполагает Джордж В.Харрисон, дали толчок развитию историй о Ш. в Англии. Он цитирует дневник Джона Маннингхэма, 1603 г.:

> «Примерно три года назад в Беркшире жили какие-то негодяи, по ночам собиравшиеся в овчарнях. Судья выявил место сборищ и, вооружившись, отправился туда, чтобы арестовать их, и около полуночи нашел их в овчарне, где шесть пар мужчин и женщин танцевали обнаженными, а остальные лежали вокруг».

Ш. всегда проводились ночью. Обычно женщины сначала ложились спать, а затем покидали постель, отправляясь на Ш. Гваццо и Реми называют время — два часа до полуночи; большинство ведьм из Бамберга — одиннадцать часов вечера. Ш. продолжался с заката до крика петуха. Одна ведьма, по имени Латома, рассказала Реми, что крик петуха был сигналом для прекращения собрания.

Послушание дьяволу. Из французского манускрипта XV в. Из ББ.

Никогда не устанавливалось количество ведьм, посещающих Ш. Это зависело от воображения ведьмы и обвинителя. Нигде нет заслуживающего внимания признания о ковене из тринадцати человек. В Сен-Дье, в соответствии с судебными показаниями, вместе собирались от 50 до 100 ведьм. Некоторые судьи сообщали о многочисленных массовых собраниях. Известный врач из Феррары рассказывал Спине о 6000 танцующих и пирующих около костра ночью. В одном необычном признании 1440 г. упоминаются 10 000 женщин, едущих на палках на собрание в Вальпют (Бургундия). Де Ланкр, используя признания своих жертв, позволил разгуляться собственной фантазии: «Шабаш напоминает ярмарку купцов, смешавшихся, разгневанных и наполовину сумасшедших, прибывающих из разных районов, колышущуюся как море стотысячную толпу поклонников Сатаны».

По мере того, как демонологи накапливали знания, Ш. обретал ясные очертания. Сестра Мадлен де Демандоль [см. Экс-ан-Провансkие монахини], одержимая дьяволами, рассказала инквизитору Себастьяну Мишелю о трех социальных классах на Ш., от «людей подлого и низкого сословия» до «благородных людей». Сестра М. признавалась:

«Со времени моего обращения [в колдовство] Ш. совершается каждый день, но ранее он совершался не более трех раз в неделю, начинаясь в одиннадцать часов ночи и продолжаясь до трех часов после полудня. …Чародеев (с помощью определенной мази, которую они использовали) дьяволы на середине пути поднимали в воздух, и, пролетая мимо, они кланялись ему и выказывали глубочайшее почтение, и затем торопились в синагогу в условленное место.

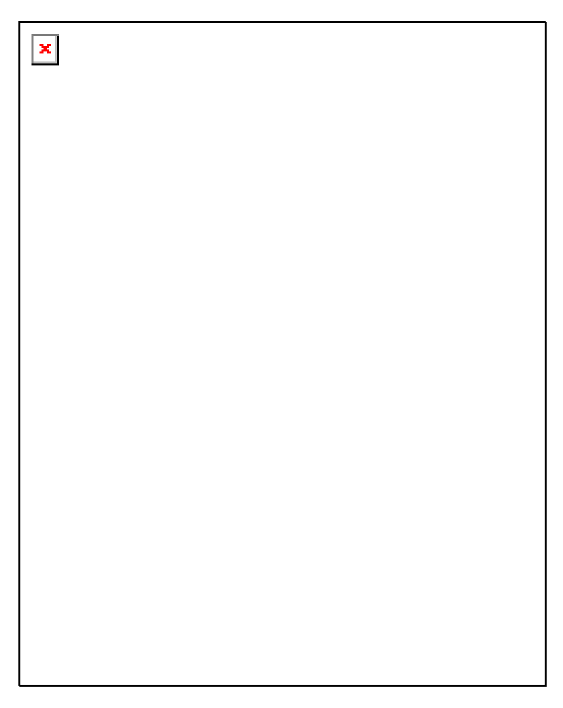
Собравшись там, карги и ведьмы подлого и низкого сословия, чьим ремеслом и обычаем было убийство детей и принесение их на Ш. после того, как они были похоронены, были первыми, кто являлся, чтобы поклониться Князю синагоги. Затем они шли и кланялись дьяволу, который сидел на троне, как принц. Вторыми появлялись чародеи и чародейки из среднего сословия, чьей обязанностью было околдовывать и распространять повсюду заговоры. …Третьими появлялись волшебники, которые были благородными людьми высшего сословия, их задачей было очернить Господа, как только возможно».

2. Поклонение дьяволу.

Вне зависимости от иногда наблюдавшихся новых крещений дьяволом или свадеб ведьм, совершавшихся на Ш., во все Ш. включался ритуал верности Сатане. В Англии, где Ш. играл незначительную роль в судах над ведьмами, поклонение было скромным и ограниченным, в соответствии с протестантскими традициями. Так, например, в «Demonology» (1597) Яков I заставляет Эпистемона, специалиста по данным вопросам, описать Ш. следующим образом:

«Что касается совещаний, то они часто проводят их в церквах, где собираются для поклонений. В это время их господин спрашивает, что они могли бы сделать; каждый из них предлагает ему те порочные выходки, которые они могли бы совершить или для достижения богатства, или ради мщения любому (против кого они накопили злобу); и господин, приняв их требования (нет никакого сомнения в том, что он делает это охотно, поскольку его просят совершить зло), учит их, как исполнить то, чего они хотят».

Некоторые ведьмы, вроде тех, которых пытали в Бамберге, признавались, что дьявол называл по списку присутствующих, читая имена из красной книги. Ту же самую роль якобы взял на себя Джон Файан, регистратор нортбервикских ведьм. В это время должны были регистрироваться все свадьбы между ведьмами. «Вместо обычных свадебных подарков требовалось от пар только падать ниц и дуть на всех последующих».

Шабаш ведьм.

Гваццо описывает европейский Ш., сосредоточившись на поклонении дьяволу в его классическом проявлении — в виде козла. В «Compendium Maleficarum» (1626) это поклонение описано следующим образом:

> «Когда члены (собрания) дьявола собираются вместе, они обычно зажигают вонючий и противный костер. Дьявол является президентом собрания и сидит на троне в некоем ужасном обличьи козла или собаки, и они приближаются к нему, чтобы поклониться, но не всегда в одной и той же манере.
>
> Иногда они сгибают колени как просители, а иногда стоят, повернувшись спиной, а иногда высоко взбрыкивают ногами, так что их головы клонятся вниз, а подбородки указывают в небо. Они поворачиваются к нему спиной и, пятясь как раки, вытягивают руки назад, чтобы дотронуться до него. Когда они говорят, то склоняют лица к земле и совершают все действия в манере, одинаково чуждой для повторения другими людьми».

Затем наступает osculum infame или osculum obscenum — знаменитый поцелуй стыда:

> «Тогда они предлагают ему черные как смоль свечи или пуповину младенцев и целуют его в ягодицы в знак уважения [ad signum homagii eum in podicem osculantur]. Совершив это и подобные отвратительные пакости, они присоединяются к другим бесстыдникам».

«Поцелуй» отмечался многими исследователями, однако особенно подробное описание дал известный адвокат Жан Боден: «Не существует большего позора, бесчестия или злодейства, чем то, которое допускают ведьмы, когда они должны поклоняться Сатане в виде вонючего козла и целовать его в то место, которое приличие запрещает описывать или упоминать». «Поцелуй» появился даже в шотландских судах, когда, например, Агнесс Семпсон поклялась, что «дьявол заставил все собрание подойти и поцеловать его в зад, который, как они говорили, был холодным как лед».

На синтетический характер Ш. указывает тот факт, что те же самые обвинения в поцелуе стыда были сделаны против вальденсов и рыцарей тамплиеров в 1307 г. Их руководителей инквизиция подвергла пыткам, чтобы принудить к признаниям, во многом напоминающим те, что извлекались из ведьм. Среди других обвинений было попирание кре-

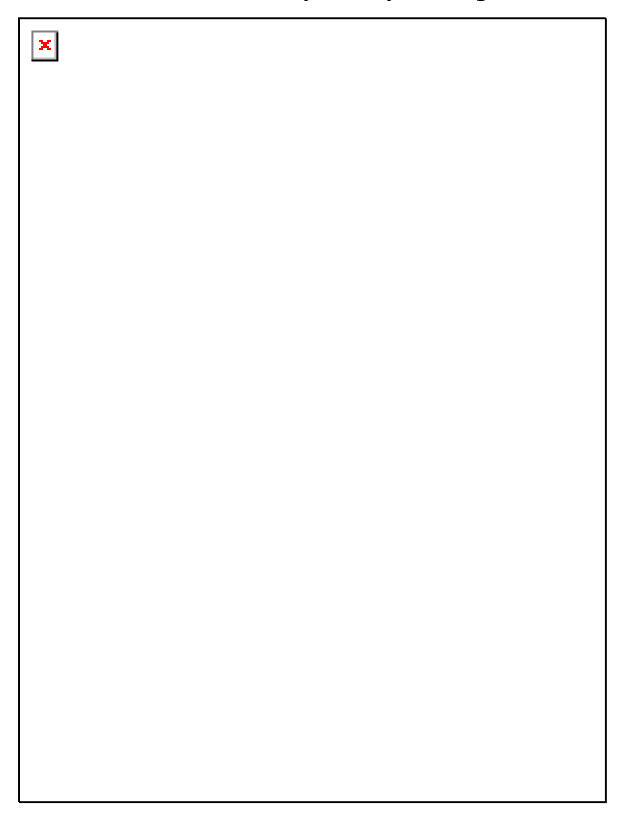
ста, непристойный поцелуй, поклонение идолу (иногда коту), содомия и обладание дьяволом в качестве домашнего духа. Подобно многим ведьмам, тамплиеры отрекались от своих признаний на костре. Чародеи смешивались в одну кучу с еретиками — катарами и вальденсами. — «Erores Gazariorum» (1450). В районе Лиона на протяжении всего XV в. ведьм называли vaudois (вальденсы).

3. Банкет.

Демонологи наделяли Ш. элементами оргии — обжорством и похотью, но, не допуская даже в собственном грязном воображении права жертв на развлечения, тут же начинали принуждать их к признанию, что пиры их были пресными, а сексуальные отношения — болезненными. Однако Альфонсо де Кастро замечает, что чувственные удовольствия были главным побуждением для женщин стать ведьмами. Гваццо дает классическое описание пиршества:

> «Расставлены и выстроены столы, и они садятся и начинают есть пищу, которой их обеспечивает демон или которую они сами приносят. Но все, кто сидел за подобными столами, признаются, что блюда мерзостны или по внешнему виду, или по запаху, так что легко могут вызвать отвращение даже у самых голодных. Они говорят, что на столе есть все, кроме хлеба и соли».

Гваццо вторил Реми: «Они говорят, что запах отвратительный, резкий и горький, так что они вынуждены немедленно выплюнуть еду с отвращением».

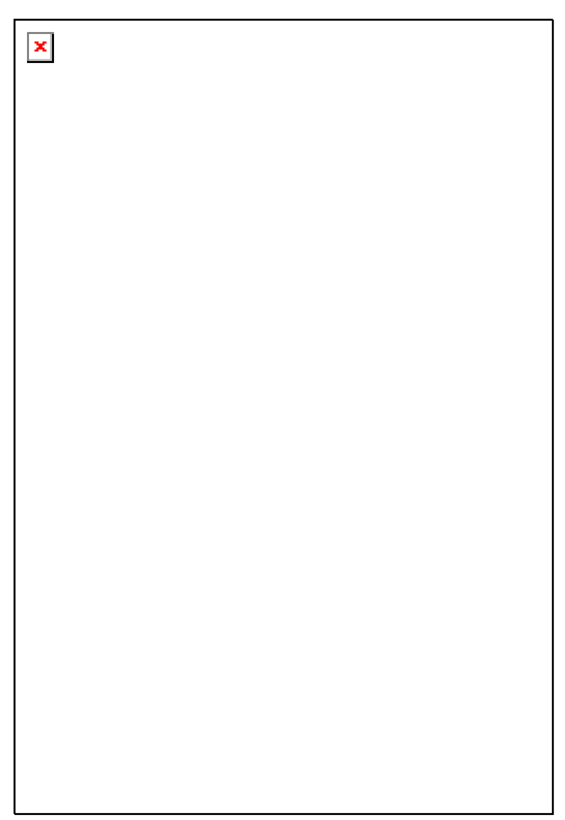
Сидящая молодая ведьма проходит через ритуал зажигания свечи. В качестве магической поддержки ритуала используются человеческие останки и ожерелье из костей. Офорт Ганса Б.Грюна.

Сестра Мадлен де Демандоль [см. Экс-ан-Прованские монахини] примерно в 1611 г. оснащает описание Ш. еще большими подробностями:

> «Напиток, который они пьют, это мальвазия (красное вино), возбуждающая и готовящая плоть к распутству. …Мясо, которое они обычно едят — мясо маленьких детей, которое они готовят в синагоге, иногда принося их туда живыми, выкрав из домов, ку-

да они имеют возможность входить. Они не используют ножей за праздничным столом из страха положить их поперек в форме креста, у них нет соли, которая символизирует мудрость и понимание, в равной степени не знают использования маслин или масла, которые являются символами милосердия».

После банкета ведьмы могли отведать магического пирога, сделанного из черного проса, смешанного с мясом некрещенных младенцев, что, как предполагалось, обеспечивало обет молчания под пыткой.

Танец на шабаше. Гравюра Г.Доре.

Первое признание о пире на Ш. в Англии, прозвучавшее спустя 50 лет после пятидесятилетней охоты на ведьм, было сделано на большом процессе над ланкаширскими ведьмами в 1612 г. Одна из главных обвиняемых, старуха Чаттокс, рассказала о своей семейной встрече с другой ведьмой, старухой Демдайк, в Малкинской башне.

> «Там была еда, то есть мясо, масло, сыр, хлеб, и питье… и после еды дьявол по имени Тибб унес прочь остатки. И она сказала, что, хотя они ели, но не чувствовали себя в равной степени ни наевшимися, ни получившими удовольствие, и что на их банкете упомянутые духи дали им свет, чтобы было видно, что они делают, хотя у них не было ни огня, ни зажженной свечи, и что среди них были и духи женского рода, и дьяволы».

Обвинения, выдвинутые 14-летней Грейси Соуэрбатс против солсберийских ведьм (вовлеченных вместе с ланкаширской группой), якобы плясавших и развратничавших на Ш. европейского типа, как выяснилось позже, были подсказаны иезуитами. Антикатолические настроения спасли обвиняемых. Во время вторых ланкаширских судов в 1638 г., сфабрикованных мошенником из Пендла, последний состряпал версию о Ш., посещаемом 60 личностями, раскрасив ее буйными сексуальными фантазиями подростка о летающих масле и молоке. Примечательно сравнительное отсутствие Ш. в английском колдовстве, хотя латинские авторитеты (такие как авторы «Malleus Maleficarum» и Боден) были широко известны в Англии и цитировались большинством английских авторов. Однако в Шот-

ландии Ш. был описан на суде над нортбервикскими ведьмами в 1590 г., и в 1661 г. — форферские ведьмы впервые пили эль с виски [aqua vitae] и так веселились».

4. Фестивали.

За банкетом следовали «танцы, происходившие в виде хоровода, всегда вращавшегося справа налево. …Иногда они танцевали перед едой, а иногда после еды. …Все обряды осуществлялись в самой нелепой форме в безумном кольце, с соединенными руками и спиной к спине». — «Compendium Maleficarum» (1626). Танец спиной к спине был одной из форм средневекового народного театра, часто практиковавшегося отбросами общества, обычно он считался неприличным. Он был впервые упомянут в связи с Ш. Паулем Грилландусом, возможно, чтобы указать на извращение обычных христианских обрядов, таких, как крестное знамение справа налево или жульнический пропуск слов воплощения («hoc est corpus») во время мессы.

Музыку обеспечивали несколько ведьм: «виолы и другие инструменты приносили туда те, кто был обучен играть на них» (Михаэлис). В Шотландии играли на еврейской арфе. Гваццо поместил в своей книге изображение музыканта, сидящего на дереве. Генри Мор в «Antidote Against Atheism» (1653) с явным одобрением рассказывает историю, заимствованную у Реми:

> «…когда Джон был мальчиком, он часто сидел на дереве, играя на Ш. Для подростка танцы показались настолько нелепыми, что он сказал себе: „О Господи, что за сумасшедшая компания!“. Священное имя заставило исчезнуть всю компанию, а Джон свалился с дерева».

Генри Мор, магистр искусств Кембриджского университета, нашел доказательства танцев ведьм с дьяволами, которые казались ему неопровержимыми:

> «Добавим к этому, что в том месте, где они танцевали, находили правильный круг, внутри которого были явные отметки следов раздвоенных копыт, каковые можно было видеть со следующего дня после Nicolea и до следующей зимы, когда плуг перепахивал их; подобные вещи происходили в 1590 г. » [см. иллюстрации в ст. Демонологи].

5. Свальный грех.

Озабоченность давших обет безбрачия священников прелестями сексуальных сношений была ненасытной. Здесь даны только отдельные показательные примеры, поскольку этот предмет обсуждается в других статьях. «Заканчивая танцевать, ведьмы предавались копуляции, сын не избегал матери, брат сестры, отец дочери — кровосмешение было повсюду». Большинство ведьм, согласно мнению демонологов, находили сексуальные сношения болезненными. Де Ланкр, например, дает заверенное под присягой свидетельство 16-етней Жанетт де Абади:

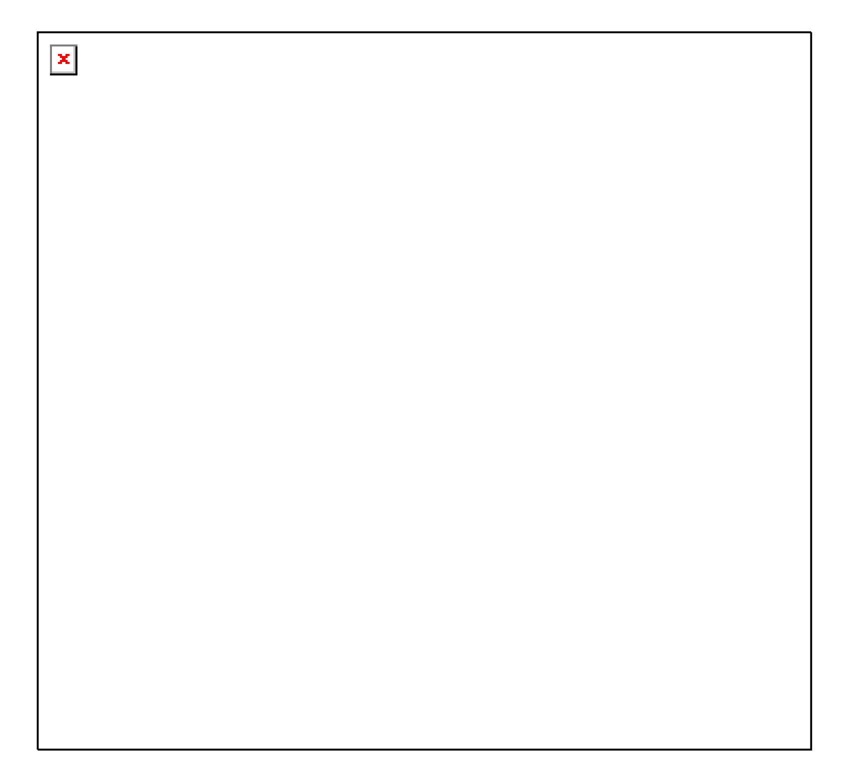
> «При разделении на пары она видела каждого сходившегося с другим беспрестанно и в нарушение законов природы… она винила себя в том, что была лишена девственности Сатаной и была плотски познана бесчисленное количество раз [une infinit de fois] одним из своих родственников и другими, которые снизошли войти в нее. Она говорила, что боялась сексуальных сношений с дьяволом, потому что его член был покрыт чешуей и вызывал невыносимую боль, кроме того, его семя было исключительно холодным, таким холодным, что она ни разу не забеременела от него, фактически ее не обрюхатили и другие, обычные мужчины, бывшие на Ш..

Инквизитор Мишель предлагает другой аспект в описаниях Ш. Сестра Мадлен де Демандоль призналась ему, что отправлялась каждую ночь на Ш., где применялись различные формы половых сношений:

> «По субботам они оскверняли себя грязными совокуплениями с дьяволами, которые были суккубами и инкубами, по четвергам они оскверняли себя педерастией, по воскресеньям они развратничали, совершая скотоложство, в другие дни они пользовались обычным способом, который подсказывала им природа».

Это описание Ш. можно завершить признанием, представленным де Ланкром, которое затрагивает все виды деятельности, начиная с приготовлений к перемещениям и заканчивая сексуальными сношениями:

> «Маргарит Бремен, жена Ноэля Лаверэ, показала, что в прошлый понедельник после наступления сумерек она была со своей матерью Марьон на сборище на лугу около мельницы во Франк-де-Лоньи. Ее мать оседлала метлу и, произнеся слова, которых она не поняла, неожиданно перенеслась вместе с нею по воздуху в место, где они нашли Жеанну Робер, Жеанну Гильемин, Мари, жену Симона д'Анье, и Гильеметту, жену человека по имени Ле Гра, и у каждой из них была своя собственная метла. В этом месте было также шесть дьяволов в облике мужчин, но таких безобразных, что на них невозможно было смотреть. …Когда танцы закончились, дьяволы спали с ними и наслаждались их обществом. Один из них, который был ее партнером по танцам, взял ее, поцеловал дважды и сожительствовал с ней более чем полчаса, но его извержение было чрезвычайно холодным. Жеанна Гильемин свидетельствовала то же самое и сказала, что двое из них соединялись в половом акте добрых полчаса, и что ее дьявол выпустил очень холодное семя».

«Черный козел нес зажженную свечу в своем заду, у всех ведьм были свечи, которые они зажгли от его свечи, и танцевали в кругу спина к спине». — Фрэнсис Хатчинсон (1720).

Иллюстрации, представлявшие Ш. в традиционных работах по колдовству, изображали типичные предполагаемые преступления и, тем самым, способствовали усилению колдовской истерии. Очень интересная иллюстрация была в издании 1613 г. «Tableau des mauvais» де Ланкра. Другая гравюра (прим. 1594 г.) дает представление немецкого гравера о Ш. [см. Трирские суды над ведьмами]. Эти две иллюстрации показывают сходство представлений о Ш. в разных странах. Сотни лет спустя общественное мнение переменилось, и нападки на Ш. иллюстрировались остроумными сатирами. Немецкий перевод

«Displaying of Supposed Witchcraft» (1677) Джона Вебстера был снабжен фронтисписом (1719). На стене висит портрет (гравюра) г-на Уфле, чем-то напоминающий сатиру Борделона «Histoire des imaginations exiravagantes de Monsieur Oufle» (1710), украшенную пародийными фантазиями о деяниях ведьм.

Воздействие иллюстраций видно из высказывания Джорджа Л.Барра, назвавшего подобную книгу «одной из наиболее замечательных книг в истории колдовства». «Christlich Bedencken und Erinnerung von Zauberey» (1585 г.; 2-е изд. 1586 г., Страсбург) была написана неким Лерхаймером — псевдоним должен был защитить личность автора. Герман Витекинд был профессором Гейдельбергского университета и другом Меланхтона. Поскольку его книга стала действительно «смелым и удивительно красноречивым протестом против худших черт преследований», он замаскировал ее подлинную сущность, выгравировав на титульном листе ведьм и дьяволов в круге. Витекинд надеялся, что читатели, обманутые этим трюком, начнут читать и уже потом встретятся с его рассуждениями.

ШВАГЕЛЬ, АННА МАРИЯ. Невероятно, но всего лишь наши дедушки могли видеть женщину, обезглавленную за колдовство! Только три поколения отделяют середину XX столетия от колдовского мракобесия. Смерть Анны Марии Швагель в Кемптене (Бавария) 11 апреля 1775 г. была последней казнью за колдовство в Германии — обезглавливание стало следствием ее безумного признания, что она имела сексуальные сношения с дьяволом.

Подходя к своему тридцатилетию, возрасту, когда девушка уже перестает ждать суженого, Ш. стала легкой добычей служившего у нее кучера. Он обещал жениться, если она примет лютеранство, вследствие чего Анна Мария отправилась в Меммлинген, чтобы официально отречься от католицизма. Соблазнив женщину, кучер оставил ее. В отчаянии от двойной потери (веры и чести) она искала отпущения грехов у августинского монаха. Спустя некоторое время она узнала, что монах сам был обращен в протестантство, и ее сомнения и страхи возросли. Только дьявол мог дважды так обмануть ее. Она бродила по округе, потрясенная и душевнобольная. В конце концов ее поймали и поместили в сумасшедший дом в Ланегтене, близ Кемптена. Мария Кунстхаллер, больничная сестра-хозяйка, также психически неуравновешенная, била ее и принудила сознаться в сношениях с дьяволом (которым Ш. считала кучера). На основании данного признания Кунстхаллер донесла на нее магистратам, и 20 февраля 1775 г. Ш., искалеченная и телесно, и духовно, была брошена в тюрьму.

Спустя две недели начался суд над ней по обвинению в колдовстве. Очевидно, пытка не применялась. Полностью сбитая с толку интенсивными допросами, Ш. призналась в договоре и сексуальных отношениях с дьяволом во сне и наяву. Обвинения в maleficia не выдвигалось. 30 марта трое судей приговорили ее к казни, обсудив, должна ли она быть сожжена, повешена или обезглавлена. Кардинал-настоятель Кемптена изучил стенографический отчет о суде и утвердил вердикт. 11 апреля 1775 г. Ш. была умерщвлена в соответствии с законом.

ШВЕЦИЯ, КОЛДОВСТВО В. Самое известное проявление колдовства в Швеции имело место в Море в 1669 г. Вопреки, а, может быть, и благодаря суровости репрессий, в последующие годы истерия распространилась и в других частях королевства. В 1670 г. были назначены специальные комиссии для Упсалы и Хельсинки, шведских провинций Финляндии, которые, по-видимому, и продолжили охоту на ведьм. Спустя некоторое время, между 1674 и 1675 гг., 71 человек был обезглавлен или сожжен в трех приходах, а в 1676 г. истерия поразила Стокгольм. Обвинения были обычными, многих заключили в тюрьму, а церковь усилила панику с помощью всеобщих постов и молитв. Наконец, когда было выявлено несколько юных доносчиков, действовавших из зависти и злобы, король

Карл XI немедленно запретил все дальнейшие преследования. Как по волшебству, колдовство исчезло.

Преследования совершались в соответствии с законами, принятыми Карлом IX в 1608 г. и Густавом Адольфом в 1618 г., охватывающих преднамеренное отравление или чародейство и совершение maleficia. Обвинения в чародействе должны были подтверждаться шестью свидетелями, и обвиняемый мог оправдаться, если его поддерживали 12 свидетелей защиты. Вынесение смертных приговоров было отменено в 1779 г.

Несмотря на мягкость и скептическое отношение к колдовству, король Карл XI, очевидно, ответственен за эту единственную массовую вспышку колдовской истерии в истории Швеции. Он подписал распоряжение, препятствующее применению пыток в Море; его ответ герцогу Гольштинскому содержал намек на то, что преступления обвиняемых ведьм были вымышленными. К этому времени для него не составляло труда употребить свою власть для борьбы с суеверием, и поэтому он в значительной степени проигрывает своей предшественнице, королеве Кристине. Во время Тридцатилетней войны, после восшествия на престол, она запретила суды над ведьмами. Она писала одному из своих министров, что, как показывает опыт, преследования просто увеличивают количество обвиненных ведьм; вследствие этого он был вынужден освободить всех подобных заключенных, кроме тех, кто был явно виновен в убийстве. По ее словам, она была убеждена в том, что женщина, заявлявшая о своем договоре с дьяволом, страдала или от дьявольских иллюзий или от женских болезней. Ее письмо от 16 февраля 1649 г. примечательно как первая попытка законодательного ограничения охоты на ведьм.

См. также Моровские ведьмы; Финляндия, колдовство в; Норвегия, колдовство в.

ШЕРВУД, ГРЕЙС. В некоторых частях Вирджинии (графство принцессы Анны) вера в колдовство сохранялась вплоть до начала XVIII в. Грейс Ш., имевшая репутацию ведьмы, была возмущена клеветой. В 1698 г. она и ее муж предъявили судебный иск Джону и Джейн Гисберн на 100 фунтов за очернение ее имени и слова: «Она — ведьма и околдовала наших свиней до смерти». Судьи приняли сторону ответчиков. Шервуды также возбудили судебный иск против Энтони и Элизабет Барнов, требуя такое же возмещение за слова, что Ш. якобы «вышла из замочной скважины или скребла когтями дверь, как черный кот». И снова судьи вынесли приговор в пользу ответчиков. В 1705 г. уже одна Грейс преследовала судебным порядком Люка Хилла и его жену за оскорбление, и в этот раз была вознаграждена 20 шиллингами в возмещение ущерба, однако ей пришлось оплатить расходы нескольких свидетелей за 4 дня каждому.

В 1706 г. Люк Хилл нанес ответный удар и обвинил Ш. «по подозрению в колдовстве». Хиллу было велено оплатить стоимость суда, но Ш. задержали для поиска ведьминских отметок. 7 марта 1706 г. коллегия женщин обнаружила у нее «две штучки наподобие сосков и несколько других пятен». 2 мая судьи запросили новое обвинительное заключение, чтобы избежать расплывчатости первоначального, и распорядились обыскать дом Ш. в поисках восковых подобий. Во время нового заседания, 6 июня, женская коллегия отказалась вновь обыскать ее на предмет ведьминских отметок; этих женщин обвинили в сочувствии, и был составлен новый список присяжных.

5 июля Ш. попросила, чтобы ее «испытали погружением в воду. Но поскольку погода была очень дождливой и плохой, что могло угрожать ее здоровью, [было] отдано распоряжение, чтобы шериф велел судьям лично явиться в следующую среду в десять утра к зданию суда». 10 июля они привели Ш. на плантацию Джонатана Харпера для испытания водой, позаботившись о «мерах по защите ее жизни от утопления» и о «пожилых и знающих женщинах», чтобы искать ведьминские знаки. Грейс плавала, а женщины нашли «в ее интимных местах две штучки черного цвета, наподобие сосков, темнее, чем остальная часть ее тела». Она содержалась в кандалах в общей тюрьме в ожидании суда, но дело само собой сошло на нет.

ШОРТ, МЕРСИ. Ш. стала предметом монографии К.Мазера как яркий пример одержимости дьяволом. То, что у нее были столь необыкновенные галлюцинации, не удивительно, поскольку ее отец, мать, брат и сестра, а также другие родственники были убиты индейцами в Салмон-Фоллсе 18 марта 1690 г., а саму Мерси индейцы увезли в Канаду. В конце года ее освободили и привезли в Бостон, где она стала домашней служанкой.

С конца ноября 1692 г. до своего «избавления» 16 марта 1693 г. она была подвержена таким сильным припадкам, что «многие крепкие мужчины не могли удержать ее совместными усилиями», и так громко кричала, что ее «пронзительные крики» заставляли «многих людей покидать комнату». В другое время она была веселой и «сумасбродной, как дикая кошка, всегда необычайно сообразительная и чрезвычайно свободно дразнившая всех людей, имевших в своей внешности что-нибудь, вызывавшее удивление или выделявшее их». Кроме того, она страдала от приступов депрессии, когда «представляла себя в заброшенном погребе, где день не отличался от ночи». Она могла не есть в течение нескольких дней, однажды постилась 15 дней. Если ей предлагали еду, «ее зубы стискивались, и она испытывала ужасные мучения». Кроме того, Ш. глотала булавки и, тяжело дыша, могла заставить свой живот раздуться, «как будто она отравилась крысиным ядом».

Среди ее галлюцинаций был дьявол, появлявшийся перед ней в традиционной форме черного человека с расщепленным копытом, хотя Мазер говорит, что «она никоим образом не могла познакомиться с рассказами о том, что происходило повсюду». Однако собственные проповеди Мазера содержат подобные образы. Не удивительно, что для девочки, чья семья была вырезана индейцами, символом зла был «человек смуглый или индейского цвета, с прямыми волосами». Мазер приписывает ее одержимость салемской ведьме Саре Гуд, которая, когда Ш. издевалась над ней в бостонской тюрьме, «произнесла в ответ несколько зловредных слов». Случай Мерси Ш. является одним из трех примеров одержимости, детально описанных Мазером на основе личных наблюдений в течение месяца. Все они сопровождаются именами околдовывателей, но, очевидно, Мазер не смог собрать дополнительных показаний, чтобы усилить обвинения в колдовстве. Во всех трех случаях можно отметить симптомы маниакально-депрессивных расстройств, [см. также Дети Гудвина; Патнем, Анна; Рулл, Маргарет].

ШОТЛАНДИЯ, КОЛДОВСТВО В. Ш. занимает второе место после Германии по жестокости судов над ведьмами. Пресвитерианское духовенство действовало наподобие инквизиторов, и церковные сессии часто не уступали светским судам в жестокости преследований. Шотландские законы, если таковые и имелись, были прежде всего направлены против обвиняемых. Наконец, только технологическая отсталость в изготовлении механических приспособлений не позволила Ш. довести изощренность пыток до предела. Однако подавление всех, кто отрицал существование колдовства, здесь было доведено до совершенства.

До конца XVI в. свидетельства о магии и чародействе имели простой фольклорный характер (сохранившийся в различных обычаях и предрассудках до настоящего времени), и суды за колдовство были немногочисленны. Вплоть до Реформации не было ни одного случая сожжения за колдовство. Как и в Англии, на ранних судах обвиняли за колдовство по политическим причинам, и в Ш. была своя собственная серия «благородных судов». Так, в 1479 г. граф Мар был обвинен в попытке отравления с помощью колдовства своего брата, короля Якова III. В 1537 г. леди Глемис была сожжена за применение чар против короля Якова V. В 1590 г. леди Фауллиз была обвинена в применении заговоров, восковых подобий и ядов против Балнагоун, дабы получить возможность выйти замуж за лорда Балнагоуна; суд присяжных, состоявший из ее арендаторов, освободил ее.

Преследования за колдовство были введены в Ш. королевой Марией, но, в соответствии с собственными местными традициями, новый закон направил свое острие против «белой магии» и предсказаний будущего. Тот, кто искал помощи у ведьмы, считался заслуживающим наказания, как и сама ведьма. После принятия этого закона полился непре-

рывный поток судов. В 1576 г. была сожжена Бесси Данлоп из Лайна (Айршир) за то, что она якобы состояла в тайном конклаве ведьм из «восьми женщин и четырех мужчин» и получала лекарственные травы от Королевы фей. В 1588 г. была сожжена Эллисон Пейрсон из Байр-Хиллз (Файфшир) за то, что она якобы общалась с королевой Эльфама и прописывала магические снадобья — она посоветовала епископу Сент-Эндрю лечить свою ипохондрию кларетом со специями и отварным каплуном. На этом и более поздних судах отмечается отсутствие призрачных показаний и обвинений в сексуальных сношениях с дьяволом.

Еретическое колдовство в Ш. получило признание только в годы правления короля Якова VI Шотландского (Якова I Английского), лично наблюдавшего за известным судом и пыткой над нортбервикскими ведьмами в 1590 г. и установившего в «Demonology» (1597) образец для шотландских судов над ведьмами в соответствии с положениями европейских демонологов. Хотя к концу своей жизни король переменился и стал скептиком, описания охоты на ведьм в Ш. подтверждают вывод Линна Линтона:

> «Всем кровавым преступлениям, совершенным шотландскими судами в то время — и впоследствии — он [король] дал первоначальный импульс, и каждый стон несчастных истязуемых, влекомых своей ужасной судьбой, и каждая слезинка выживших, ослепленных и несчастных, влачивших свои жалкие дни в печали и страхе, покрывают память о нем позором и осуждением, нестираемым во все времена». — «Witch Stories», 1861.

Обычным способом проведения суда в Ш. было использование комиссии, назначаемой Тайным советом из 8 местных дворян, из которых любые трое или пятеро могли действовать, расследуя предполагаемое колдовство. Подобные комиссии, выносившие зачастую смертный приговор, были губительны для шотландского правосудия. Так, например, 7 ноября 1661 г. было узаконено 14 подобных комиссий, и еще 14 — 23 января 1662 г. Если свидетельство подтверждалось, комиссия уполномочивала шерифов созывать присяжных заседателей: не более 45 местных жителей, из которых 15 избирались в коллегию присяжных. Члены комиссии действовали как судьи. Часто священник и церковные старосты участвовали в сессии на правах «старейшин», чтобы поддержать обвинение в колдовстве и затем обратиться в Тайный совет к гражданским судьям для вынесения приговора. Генеральная ассамблея шотландской пресвитерианской церкви в 1640 и 1642 гг. призвала к бдительности и приказала всем священникам выискивать подозреваемых ведьм и наказывать их. Действительно, худшие периоды преследований — 1590–1597, 1640–1644 и 1660–1663 гг. — связаны с господством пресвитерианства.

Издержки судов и казни осужденного оплачивались из его имущества, после чего оно конфисковывалось королем. Если жертва была арендатором поместья, за выплату отвечал его хозяин. Если жертва проживала в городе или деревне и была несостоятельной, стоимость заключения и сожжения разделялась поровну между городским советом и церковной сессией. Для бедной общины подобные платы могли быть очень обременительны [см. Судебные издержки процессов над ведьмами].

В Ш. закон против колдовства имел ряд отличительных признаков. Только в Ш. арестованному позволялось нанять адвоката (но большинство ведьм были слишком бедны, чтобы обеспечить свою защиту). С другой стороны, также в отличие от немецкого обычая, признание не было необходимым условием для обвинения и казни. Если общество считало человека колдуном, это принималось как показание, не требующее доказательств; входя в состав обвинения (как это бывало по большей части), оно делало обвинительный приговор неизбежным. Иногда подобная практика встречала сопротивление, как на ист-лотайнском суде над Изобель Янг из Истбарнса в 1629 г., когда Жан Боден — единственный из всех специалистов — ратовал за «условное освобождение», исходя из недостатка фактических доказательств вины, свидетельских показаний и отсутствия доб-

ровольного признания обвиняемой. Но обвинение на основании репутации оставалось в силе вплоть до начала XVIII в.

Если dittay [обвинение] уже было выдвинуто, обвиняемый не мог оспорить его, даже если оно было явно ложным. Так, например, Изобель Янг обвинили в преднамеренной остановке водяной мельницы 29 лет назад и в оказании пагубного влияния на человека, у которого после этого отнялись ноги (1629). В качестве опровержения она настаивала на том, что мельница могла разрушиться в силу естественных причин, а человек был хромым прежде, чем она прокляла его. Обвинитель Томас Хоуп заявил, что подобная защита «противоречит исковому заявлению», то есть, она выступает против обвинения, предъявленного прокурором. Его поддержали, и Изобель Янг была осуждена, удушена и сожжена.

Образцы пыток — иногда незаконных — применявшихся на шотландских судах, приводятся в других статьях [см. Пытка; Барклей, Маргарет; Файан, Джон; Нортбервикские ведьмы; Питтенвимские ведьмы]. Содержание заключенного без сна в течение нескольких дней и ночей, без одежды в холодной каменной тюрьме в течение 28 дней, заключение в одиночную камеру в подземной тюрьме — были легкими мучениями в сравнении с поркой, раздрабливанием ног в колодках, стягиванием головы веревками, раздроблением пальцев в тисках, сдавливанием ног в железных сапогах или вырыванием ногтей щипцами. Чисто шотландская пытка заключалась в надевании на заключенного волосяной рубашки, вымоченной в уксусе, так что кожа слезала с тела. За каждое применение пытки жертва должна была платить: так, на судах над абердинскими ведьмами в 1597 г. отмечено требование уплаты 6 шиллингов и 8 пенсов за выжигание клейма на щеке.

Именно шотландские судьи комбинировали физические истязания с психическими. 4 июня 1596 г. Элисон (или Маргарет) Балфаур, «известная ведьма, пользующаяся дурной славой», содержалась 48 часов в «caspie claws», железных тисках, раздрабливающих руки. Находясь под пыткой в Эдинбургском замке, она должна была наблюдать за тем, как ее 81-летнего мужа раздавили под 700 фунтами железных прутьев, ее сына обули в «испанские сапоги», нанеся 57 ударов по клиньям, сжимавшим ноги так, чтобы превратить его кости в месиво, а ее 7-летняя дочь подверглась пытке приспособлением для стискивания пальцев (разновидности тисков). Ее слуга Томас Палпа, которого также привлекли к суду, содержался в течение 264 часов в «caspie claws», и ему наносили удары «веревками такого рода, что они не щадили ни плоти, ни того, что пряталось под ней». Элисон Балфаур и Томас Палпа отреклись от своих признаний, как только их прекратили пытать, но оба были сожжены; Элисон сожгли 16 декабря 1596 г.

Другой позорный случай, отмеченный в 1652 г., описан в материалах «Английской комиссии отправления правосудия», заслушавшей двух беглых ведьм, рассказавших, как они были подвешены за большие пальцы, выпороты и обожжены между пальцами ног, во рту и на голове. Четверо из шестерых обвиненных умерли во время этой пытки.

В Ш. вера в колдовство сохранялась, за исключением конца XVII в., вплоть до конца XVIII в. Сэр Джордж Макензи, королевский адвокат, писал в конце 1678 г.: «То, что существуют ведьмы, для богословов несомненно, поскольку словом Божьим приказано, что не должна жить ни одна ведьма; и юристы в Ш. тоже не должны сомневаться в этом, видя, что наш закон предписывает наказывать их смертью». Преподобный Роберт Кирк, священник из Гладсмуира, в 1691 г. без колебаний поверил в клеймо дьявола («Secret Commonwealth»), как и преп. Джон Белл в 1705 г. («Trial of Witchcraft»). Но в то же самое время росла оппозиция заблуждению. В 1678 г. сэр Джон Клерк отказался заседать в комиссии по расследованию колдовства. В 1718 г. Роберт Дандас, королевский адвокат, сделал выговор уполномоченному шерифу Кайтнесса за преследования ведьм без его ведома и за сложность обвинений. (Уильям Монтгомери якобы был заражен чумой с помощью кошек; он побил двух котов и в результате, как говорили, две ведьмы умерли.) И в 1720 г. он отказался выступить против женщин, заключенных на основании обвинения сына лор-

да Торфикена, одержимого ребенка, обвинившего нескольких женщин из Кальдера в колдовстве; хотя обвинения были со временем сняты, две из обвиненных умерли в тюрьме.

Несколько дат обозначают конец колдовской истерии в Ш. 3 мая 1709 г. Элспет Росс стала последней из допрошенных судом юстициариев по общему обвинению в том, что она пользовалась дурной славой ведьмы и угрожала окружающим. Ее заклеймили и сослали. В июне 1727 г. Джанет Горн была сожжена в Дорноке (Росшир) за использование своей дочери в качестве летающей лошади: дьявол подковал ее так, что она постоянно хромала. Однако судья, капитан Дэвид Росс, отвел обвинения против дочери Горн. В июне 1736 г. «Акты относительно колдовства» были официально отменены. Спустя почти 40 лет (в 1773 г.) богословы ассоциации пресвитерианцев провели резолюцию, в которой заявили о своей вере в колдовство — еще одно указание на часть священников, вдохновлявших суеверие.

О количестве ведьм, казненных в Ш., приводились различные данные. Томас Эйди говорил, что руководство пресвитерианской церкви Ш. допустило сожжение около 4000 ведьм. В «Scottish Review» (1891) Ф.Легге приводит цифру 3400 человек с 1590 по 1680 гг. Георг Ф.Блэк в 1938 г. называет имена 1800 ведьм, но не все из них были казнены; его оценка в 4400 сожженных ведьм, является, возможно, самой близкой к реальному.

Самые важные процессы над ведьмами в Шотландии

1590. Нортбервикские ведьмы; фантастическая история о множестве ведьм, плывущих по морю в решетах и вызывающих бури, ставшие причиной кораблекрушения короля.

1590. Джон Файан: предполагаемый главарь группы нортбервикских ведьм, подвергнут жесточайшей пытке.

1597. Абердинские ведьмы: колдовская истерия, выросшая из «Demonology» короля Якова I.

1607. Изобель Грирсон: типичный в период расцвета истерии суд над женщиной, пользовавшейся славой «общеизвестной колдуньи и ведьмы».

1618. Маргарет Барклей: ужасный суд, опиравшийся на damnum minatum или проклятье, завершившийся пыткой и смертью четверых обвиненных.

1623. Пертский суд над ведьмами: стенографический отчет, связанный с простейшими действиями «белого» колдовства.

1651. Гленлусский дьявол: типичные полтергейстские штучки, вызываемые подростками.

1662. Изобель Гоуди: образное и свободно данное признание, охватывающее все виды колдовства; двое обвиненных, предположительно, осуждены.

1670. Томас Вейр: 70-летний мужчина сходит с ума и признается в чудовищнейших извращениях.

1697, Бергернская мошенница: двадцать четыре человека осуждены, семь ведьм из них сожжены по обвинению в колдовстве, на основании показаний 11-летней Кристины Шоу.

1701. Питтенвимские ведьмы: пример ярости толпы, завершившейся смертью двух обвиненных ведьм, прощенных духовенством и судьями.

ШПЕЕ, ФРИДРИХ ФОН (1591–1635). В «Cautio criminalis» [«Предостережение обвинителям»] (1631) Ш. предпринял наиболее значительную попытку остановить волну террора против ведьм в Германии первой половины XVII в. Его отчет о кошмарных судебных процедурах требует пристального внимания, поскольку Ш. не только пережил вместе с обвиняемыми все ужасы охоты на ведьм, но и, будучи образованным теологом, доказал полную несостоятельность теории колдовской ереси.

По мнению Кардона (Cardaun), биографа Ш., «Cautio» в некотором роде создало демаркационную линию, разделившую людские умы, став памятником победы разума и гуманизма, торжествующих над бредом и жестокостью». Однако Ли утверждает, что не

следует преувеличивать значение этой работы, поскольку все католики были склонны верить в существование дьявола, и действенная оппозиция преследованиям ведьм могла исходить только от протестантов. Поздние противники судов над ведьмами были склонны воспринимать «Cautio» в соответствии со своими собственными прогрессивными взглядами.

Когда юный Иоганн Филипп фон Шенборн, будущий архиепископ Майнцский, спросил Ш., почему его волосы преждевременно поседели, тот ответил: «Печаль сделала мои волосы белыми — печаль о ведьмах, которых я сопровождал на костер». Но не только печаль о подобных антигуманных наказаниях, но и печаль о злобе и глупости всей процедуры охоты на ведьм, свирепствовавшей в то время от Франконии до Вестфалии. Многие процессы, продолжал Ш. (по словам философа Лейбница, спустя десятилетия сообщившего о беседе), он лично и прилежно расследовал и, после сравнения обвинений и признаний, ни разу не находил ничего, что доказывало бы виновность обвиняемых в колдовстве.

Ш. провел всю свою жизнь в центре немецких судов над ведьмами. Посещал иезуитский колледж в Кельне (рядом с Кайзерсвертом, где он родился), стал послушником в 1611 г., затем изучал философию в Вюрцбурге (центре преследований ведьм) и теологию в Майнце (другой «горячей точке»), в 1624 г. стал миссионером-священником в соборе Паденборга и был назначен профессором в Вюрцбург, где исповедовал обвиненных в колдовстве. После двух неурожаев 1626 и 1628 гг. общественное недовольство искало выход в обвинении ведьм, и в последующие годы были сожжены живьем примерно 600 человек в Бамберге и 900 человек в Вюрцбурге (во времена правления епископа Филиппа Адольфа). Заразившись чумой, Ш. умер в Трире, где служил приходским священником у прокаженных.

Хотя лирическая поэзия Ш. — «Trutznachtigall» («Пренебрегая соловьями») и «Gueldenes Tugendbuch» («Золотая книга добродетели»), оба сборника опубликованы посмертно — позволяют Ш. занять лишь нижнюю ступень в немецкой литературе, его притязания на посмертную славу основываются на «Cautio criminalis», убедительном обвинении немецких князей и судей, поощрявших жестокость. Конечно, Ш. не мог отрицать существование ведьм, но в «Вопросе 51», включенном в его книгу, он показывает методы создания обвинений: если о любом человеке распространяется молва, что он — колдун, за этим непременно следует смерть через сожжение.

Его критика была настолько смелой, насколько допускало то время. Основное внимание он уделил всеобщему пренебрежению даже теми призрачными законодательными гарантиями, которые допускались для обвиняемого, и повсеместному использованию пытки для получения признания. «Невиновные фанатики, которые поощряют охоту за ведьмами, должны понять, что, коль скоро истязуемый должен обвинить нескольких человек, суды станут более и более многочисленными, руководствуясь этими обвинениями, и в конце концов все будут сожжены». Ш. живо изображает ужасную картину обычных действий на судах ведьм. Инквизиторы и судьи объявляли виновным всякого опороченного «молвой». Они сделали своей профессией доказательство вины, считая неприличным кого-либо оправдывать. Они хорошо получали за свою работу, по четыре или пять талеров с каждого. Обвиняемого обычно содержали incommunicado (в одиночном заключении), не допускали адвоката, часто даже не информировали об отдельных пунктах обвинения или свидетельствах и пытали до признания вины — в тех формулировках, которые предлагались следователями. Более того, говорит Ш., «невиновного человека пытками вынуждают назвать других людей, о которых он не знает ничего, и так дело растет, и, следовательно, едва ли прекратится череда обвинителей и обвиняемых, и, поскольку никто не осмеливается отречься, все они помечены смертью». Однако на основании подобных вынужденных признаний основываются теории всех крупных специалистов (особенно яростно Ш. выступает против «Malleus Maleficarum», Бинсфельда, Реми и иезуита дель Рио). Он приходит к такому выводу: «Раньше я никогда не сомневался, что в мире существует множество

ведьм, однако теперь, когда я исследую протоколы, я не уверен в том, что существует хотя бы одна».

Поскольку многие князья и судьи, которых критиковал Ш., были покровителями иезуитов, «Cautio criminalis» была опубликована анонимно, но для общества иезуитов имя его автора едва ли было тайной. Эту книгу критиковали многие члены его ордена — некий отец Ресциус пытался поместить ее в «Индекс запрещенных книг», а Генерал (о. Муциус Вителлески) и Провинциал заявили, что он согрешил, опубликовав книгу без разрешения и должен «ревностно охранять свою рукопись в будущем». Критическая заметка противника иезуитов, «неправедного судьи над ведьмами» Генриха фон Шультхайс, дает понять, что Ш. за свое противодействие был заключен в тюрьму. Шультхайс обвиняет Ш. в «ужасном оскорблении, которое он нанес, рассматривая инквизицию и власти, предпринимающие специальные меры против ведьм». Вскоре после этого Ш. был переведен в иезуитский колледж в Кельне.

Судья формально отвечал за смерть заключенного под пыткой, хотя в руководствах содержалось предупреждение, чтобы не упускалась любая возможность получить признание. Шлее отмечает: «Если заключенный умирает во время интенсивной пытки, они говорят, что дьявол сломал ему шею». — Из «Hochnotige Klage» Германа Лоэра.

«Cautio criminalis» имело некоторое практическое воздействие, свидетельством чего является предисловие ко второму изданию, написанное Иоганнесом Гронойсом, отмечающим, что после его публикации князь-епископ Филипп фон Шенборн и епископ Брунсвикский прекратили преследовать ведьм. Однако фактически истерия продолжалась на протяжении еще 30 лет после смерти Ш. Правда, популярность «Cautio» как среди протестантов, так и католиков явно помогла ослабить суеверие. Немецкий перевод этой книги вышел в 1632 г., переиздан в 1647 г. в Бремене и Поссене, польская версия вышла в 1680 г., в целом было 16 изданий (включая переводы на нем., голл., франц. и польск.) в течение столетия (последнее в 1731 г.).

«Однако, каковы же суды над ведьмами, проводимые сегодня? — Это вопрос, достойный обсуждения в Германии» (вопрос 51). Ответ отца Ш. стал важнейшим документом в истории колдовства. Следующее сжатое изложение является вольным переводом с латинского оригинала (1631).

Вопрос 51 из «Cautio criminalis».

1. Невероятно, насколько среди нас, немцев, и особенно (мне стыдно об этом говорить) среди католиков распространены простонародные предрассудки, зависть, клевета, злословие, порочащие измышления и прочее, что при безнаказанности и отсутствии опровержений возбуждает подозрения в колдовстве. Теперь уже не Бог и не природа, но ведьмы отвечают за все напасти.

2. Поскольку все настойчиво требуют, чтобы магистраты расследовали случаи колдовства, именно народная молва сделала их такими многочисленными.

3. Вследствие этого князья приказывают своим судьям и советникам начать процессы против ведьм.

4. Судьи едва ли знают, с чего начать, поскольку не имели никаких свидетельств [indicia] или доказательств.

5. Между тем, народ считает подобную нерешительность подозрительной, и доносчики склоняют князей к тому же мнению.

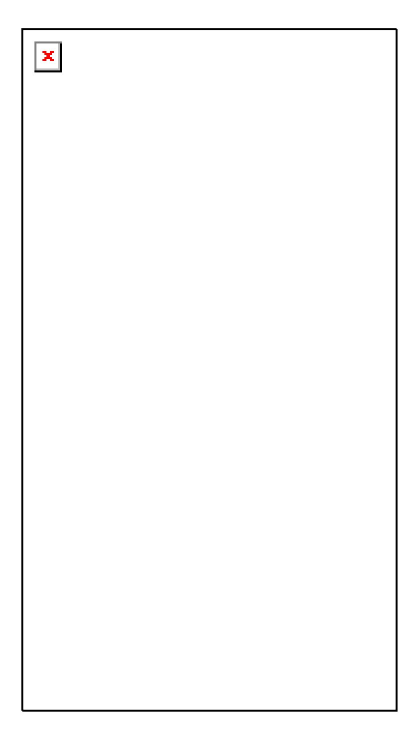
6. В Германии неповиновение князьям является серьезным преступлением; даже священники одобряют то, что им по нраву, не задумываясь о том, кто побуждает к действию этих князей (впрочем, довольно благонамеренных).

7. Наконец, судьи идут навстречу их пожеланиям и собираются судить колдунов.

8. Другие запаздывающие судьи, напуганные тем, что могут быть поставлены в щекотливое положение, посылают специального следователя. Будучи неопытным и невежественным в своей сфере деятельности, он страстно жаждет правосудия. Эта жажда также усугубляется перспективой получения выгоды, особенно если следователь беден, жаден, имеет большую семью; если он получает в качестве жалованья за каждую сожженную ведьму так много талеров, не говоря о случайных штрафах и дополнительных удержаниях, которые он, по своему желанию, может наложить на любого привлеченного к расследованию.

9. Если бред сумасшедшего или некие злые и бессмысленные слухи (поскольку злословие никогда не нуждается в доказательствах) указывают на некую беспомощную старую женщину, она страдает первой.

10. Однако, чтобы не привлекать к суду по обвинению, основанному на одних лишь слухах, создается определенная презумпция вины с помощью следующей дилеммы: образ жизни обвиняемой может быть либо порочным и неправильным, либо добропорядочным и правильным. Если она ведет порочную жизнь, тогда она должна быть виновна. С другой стороны, если она ведет добропорядочную жизнь, это просто прикрытие, поскольку ведьмы маскируются и пытаются выглядеть особенно порядочными.

Фридрих фон Шпее (1591–1635).

11. Таким образом, старую женщину помещают в тюрьму. Новое доказательство вины выводится из второй дилеммы: напугана она или не напугана. Если она напугана (когда она слышит о тех ужасных пытках, которые используются против ведьм), это является достаточным доказательством ее вины, поскольку ее собственная совесть об-

виняет ее. Если она не боится (веря в собственную невиновность), это также является доказательством ее вины, поскольку ведьмам свойственно притворяться невиновными и вести себя нагло.

12. Пока доказательства ее вины ограничиваются на этом, следователь ведет собственный сыск, зачастую с применением порочных и подлых средств, выведывая всю ее прошлую жизнь. При этом, конечно, не обходится без превратного толкования отдельных ее высказываний или поступков, каковые могут быть искажены или извращены предубежденными людьми и превратиться в доказательства колдовства.

13. И все, кто держит на нее зло, теперь могут получить достаточную возможность, чтобы выдвинуть против нее любые обвинения, какие им заблагорассудится, и все сходятся на том, что показания против нее достаточно обоснованны.

14. И теперь ее спешат подвергнуть пытке, хотя часто бывает, что ее пытают прямо в день ареста.

15. Во время данных судов не разрешается иметь адвоката или пользоваться любыми средствами надлежащей защиты, поскольку колдовство рассматривается как исключительное преступление [такой чудовищной гнусности, что все правила судопроизводства могут быть отменены], и кто бы ни рисковал защитить заключенного, попадает сам под подозрение в колдовстве — в равной степени как и те, кто осмеливается выразить в подобных случаях протест и настаивают на том, чтобы судьи проявляли благоразумие, поскольку таковые люди немедленно получают ярлык сторонников колдовства. Так страх заставляет всех замолчать.

16. Чтобы создать видимость, будто обвиняемая может защитить себя, ее вызывают в суд, где зачитываются доказательства ее вины и производится дознание — если это можно назвать дознанием.

17. Даже если она отрицает эти обвинения и удовлетворительно отвечает на каждое из них, это не принимается во внимание; ее ответы даже не записываются, все обвинения сохраняют свою силу и законность и лишь совершенствуются благодаря ее ответам. Ее приказывают отвести обратно в тюрьму, чтобы она еще раз подумала, стоит ли ей запираться — ибо то, что она отрицает собственную вину, считается простым упрямством.

18. На следующий день ее приводят снова, и она узнает, что ее приказано пытать — как будто она ничего не ответила на предъявленные обвинения.

19. Перед пыткой, однако, ее обыскивают в поисках амулетов, все ее тело обривается, и даже те интимные места, которые указывают на женский пол, добросовестно обыскиваются.

20. Что здесь возмутительного? Со священниками обращаются точно так же.

21. Когда женщина обрита и обыскана, ее пытают, чтобы заставить сказать правду, то есть произнести то, что они хотят услышать, поскольку ничто иное не может быть и не должно быть истиной.

22. Они начинают с пытки первой степени, т.е. с менее жестокой пытки. Хотя эта пытка достаточно жестока, она все же легче следующей пытки. Однако, если обвиняемая признается, они говорят, что она призналась без пытки!

23. Может ли теперь князь сомневаться в ее виновности, если ему говорят, что она призналась добровольно, без пытки?

24. Вследствие этого ее без колебаний приговаривают к смерти. Но она будет казнена, даже если не признается, поскольку, раз уж пытка началась, смерть предопределена, она не может спастись, она должна умереть.

25. Признается она или нет — результат один и тот же. Если она признается, ее вина очевидна: ее казнят. Любое отречение бесполезно. Если она не признается, пытка повторяется — два, три или четыре раза. При исключительном преступлении пытка не ограничивалась по времени, жестокости или частоте ее повторения.

26. Если во время пытки у старой женщины от боли искажаются черты лица, они говорят, что она смеется, если она теряет сознание — она спит или околдовывает себя, чтобы молчать. А если она молчит, ее следует сжечь живьем, что и было впоследствии сделано с некоторыми людьми, которые, несмотря на то, что подверглись многократной пытке, не сказали того, чего хотели обвинители.

27. И тогда даже исповедники и священнослужители соглашаются, что она умрет упорствующей и нераскаявшейся, и что она не желает вернуться в лоно церкви и покинуть своего инкуба, но хочет сохранить ему верность.

28. Если, однако, она умирает от жестокой пытки, они говорят, что дьявол сломал ей шею.

29. По этой причине ее труп сжигают под виселицей.

30. С другой стороны, если она не умирает под пыткой и если некий исключительно добросовестный судья сомневается, должен ли он пытать ее дальше без новых доказательств вины или сжечь ее без признания, она продолжает содержаться в тюрьме и в более прочных оковах гниет там до тех пор, пока не уступит судьям, пусть даже это займет целый год.

31. Она никогда не может оправдаться. Комитет по расследованиям может попасть в опалу, если он оправдает обвиняемую; коль скоро ее арестовали и заковали в цепи, ее вина всеми правдами и неправдами должна быть доказана.

32. В это время невежественные и тупоголовые священники изматывают несчастную до такой степени, что, искренне или покривив душой, она признает себя виновной, ибо, — говорят они, — она не спасется и не примет причастия, пока не признается.

33. Более понимающие или образованные священники не могут посещать ее в тюрьме, поскольку они могли бы дать ей совет или проинформировать князей о происходящем. Нет для них ничего страшнее, чем огласка сведений, доказывающих невиновность обвиняемых. Те, кто пытаются это сделать, получают ярлык нарушителей спокойствия [justitiae turbatores].

34. Пока она содержится в тюрьме и подвергается пытке, судьи изобретают хитроумные уловки, чтобы выстроить новые доказательства вины для того, чтобы обвинить ее открыто, так, чтобы при пересмотре ее процесса определенные университетские факультеты смогли подтвердить ее сожжение живьем.

35. Некоторые судьи, чтобы проявить себя сверхскрупулезными, подвергали женщину экзорцизму, перевозили в другое место и пытали снова и снова, чтобы сломить ее молчание, если же она продолжала молчать, тогда, в конце концов, они могли сжечь ее. Теперь, во имя Господа, я хочу спросить: если и признавшаяся, и непризнавшаяся равно погибают, может ли кто-нибудь, будь он хоть трижды невиновен, избежать наказания? О, несчастная женщина, зачем ты столь необдуманно надеешься? Почему ты, едва лишь войдя в тюрьму, не признаешься во всем, что они хотят? Почему, глупая и безумная, ты хочешь умирать много раз, когда ты можешь умереть только один раз? Послушайся моего совета, и еще до начала всех этих мучений признай себя виновной и умри. Ты не спасешься, ибо это было бы чудовищным позором для старательных германских судей.

36. Когда под влиянием боли ведьма сознается, ее положение нельзя описать. Она не только не может спастись сама, но она также должна обвинить других, кого она не знает, чьи имена часто просто вкладываются в ее уста следователями или предлагаются палачом, или о ком она слышала как о подозреваемых и обвиняемых. Те в свою очередь вынуждены назвать остальных, и те еще других, и так далее; и что делать, видя, что этому не будет конца?

37. Судьи должны либо приостановить эти суды (и тем самым признать их недействительными), либо сжечь свой народ, самих себя и всех остальных, поскольку рано или поздно каждый будет ложно обвинен, и если он подвергнется пытке, то вина его будет доказана.

38. Так внезапно все те, кто сперва очень громко требует раздувать огонь, сами оказываются вовлеченными, ибо по неосмотрительности они не захотели увидеть, что их очередь настанет очень скоро. Так Небеса справедливо наказывают тех, кто своим ядовитым языком создал такое множество ведьм и отправил невиновных на костер.

39. Теперь многие мудрые и более образованные судьи открывают глаза на эти мерзости и действуют более медленно и осторожно.

40. Пусть судьи не отрицают, что они применяют пытку на основании простого доноса.

41. Когда донос становится общеизвестным, тот, на кого донесли, может либо попытаться бежать, либо остаться. Если они убегут, это значительная презумпция их ви-

ны; если они останутся — то же самое, ибо дьявол задерживает их, и они не могут убежать.

42. Более того, если тот, кого оклеветали таким образом, отправляется к следователям и спрашивает, правда ли то, о чем говорят люди, чтобы иметь возможность подготовиться к защите своего доброго имени, этим он доказывает лишь то, что его совесть нечиста.

43. Независимо от того, что он делает, он приобретает дурную славу, которая через год вместе с доносом является достаточным основанием для пытки.

44. То же самое происходит и с жертвами злостной клеветы: если они не требуют возмещения ущерба — это является доказательством их вины, если же требуют — клевета распространяется, подозрения возрастают и возникает дурная слава.

45. Также и те, кого вынуждают доносить под пыткой, очевидно, назовут их имена.

46. Из чего следует вывод, достойный быть записанным красными чернилами: если суды будут продолжаться все время, не уцелеет никто, какого бы он ни был пола, состояния, положения или сословия, если какой-нибудь враг или клеветник пожелает навлечь на него подозрение в колдовстве.

«Самые стойкие из тех, кто страдал таким образом, уверяли меня, что вполне возможно придумать преступление, в котором можно тотчас сознаться, даже если это принесет небольшое облегчение, и они предпочтут десять раз умереть, чтобы избежать повторения пытки».

«Опытные исповедники знают, что существуют те, кто сделал под пыткой ложное обвинение; и когда им говорят, что они должны снять обвинения с невиновных, они отвечают, что охотно сделали бы это, если бы существовал какой-нибудь способ избежать повторной пытки, но они не могут так рисковать даже во избежание смертного греха».

«Это была самая распространенная фраза, произносимая судьями: что обвиняемые признавались без пыток и таким образом явно были виновными. Я удивился этому и навел справки и узнал, что в действительности их пытали, но всего лишь железными тисками с заостренными прутьями, раздавливая им голени в лепешку, что вызывало кровь и нестерпимую боль; формально это называлось „без применения пытки“, вводя в заблуждение тех, кто не понимал языка инквизиторов».

Шпее «Cautio criminalis» (1631).

ШТУББ, ПЕТЕР. Суд над Ш. или Штумпом (Штумпфом или Штубе) в 1589 г. около Кельна, по обвинению в ликантропии, вызвал большой интерес по всей Европе — дель Рио, Роуленд и Ферфакс — все комментировали его. В целом он следовал традиционным представлениям о волкодлаках, но два аспекта достойны внимания: непринужденность, с которой здравомыслящие (в других случаях) люди объясняли невозможное и превращали опровергающие показания в подтверждающие доказательства, во-вторых, множество предсмертных истязаний, выпавших на долю Ш. Приводимые ниже английские отчеты «дословно переведены с верхнеголландского» — волкодлаки редко встречались на английских судах над ведьмами.

Ш. признался, что он изменял свой облик с помощью волшебного пояса, который превращал его в «алчного кровожадного волка, сильного и могучего, с огромными глазами, сверкавшими как факелы в ночи, с большой и широкой пастью, полной ужасных острых зубов, могучим телом и мощными лапами». Будучи волком он совершил множество убийств. Снятие пояса возвращало ему «человеческий облик».

На суде Ш. сказал, что он оставил свой пояс в некой долине. Магистраты обыскали указанное место и ничего не нашли. Однако в истинности истории Ш. не сомневались, «поскольку можно было предположить, что [пояс] отправился к дьяволу, от которого он был получен, поэтому он и не мог быть найден».

28 октября 1589 г. был вынесен приговор и 31 октября приведен в исполнение в Бедбурге «в присутствии многих дворян и князей Германии». Приговор является, возможно, самым суровым из известных. Ш. приговорили:

> «сначала положить на колесо и шестью раскаленными докрасна щипцами вырвать его плоть в десяти различных местах до костей; после этого его ноги и руки раздробить деревянной колотушкой. Затем отсечь голову от тела, а его труп сжечь дотла».

Немец по имени Петер Штубб принес много вреда с помощью волшебного пояса. Превращаясь в волка, он много лет скрывался от правосудия, пока палач не встретил его, и из волчьей шкуры он не попал прямо на виселицу. — Самуэль Роуленд, «Knave of Hearts», Лондон, 1612.

ШУЛЕР, ИОГАНН. Генри Ли, большой знаток колдовства, считал бланкенштайнскую трагедию олицетворением «слепой и глупой жестокости этого суеверия». Однако суд, состоявшийся в 1676 г. в Наумбурге, был культурен и мягок по сравнению с делом Иоганна Шулера и его жены, развернувшимся в 1663–1664 гг. в Линдхейме, имперском городе округа Веттерау в протестантском Гессен-Дармштадте, находившемся под Herrenschaft (управлением) Германа фон Ойнхаузена, главного пристава Брунцвик-Люнебурга, и Гартмана фон Розенбаха, настоятеля Вюрцбургского собора, и нескольких других дворян. Дело возможно, является самым жестоким в этой «Энциклопедии».

Уклонявшиеся от своих обязанностей князья передали управление Линдхеймом главному магистрату Гейссу, вульгарному и жадному ветерану Тридцатилетней войны. В 1661 г. Гейсс убедил барона Ойнхаузена, что Линдхейм кишит ведьмами. «Большинство горожан очень подавлено и предлагают, если Его светлость только выразит желание, сжечь их, охотно обеспечив дровами и платой за все расходы». В этой запланированной охоте на ведьм Гейсс видел большую выгоду: «Посредством этого Его светлость может также приобрести много денег, так что и мост, и церковь можно хорошо отремонтировать. Кроме того, Его светлость может получить такое состояние, что в будущем можно будет намного больше платить своим чиновникам».

Получив подобную подсказку, барон Ойнхаузен и другие Herrenschaft согласились возобновить суды над ведьмами (временно приостановленные на восемь лет), и в июле 1661 г. Гейсс назначил помощниками судей четверых самых низких и порочных мерзавцев города [их прозвали Blutschoffen — присяжные кровопийцы]. Эти судьи арестовывали всех, кого могли: состоятельных мужчин и женщин, даже детей в возрасте от 8 до 12 лет. Была арестована одна робкая женщина, всегда убегавшая при виде этих новых судей, подвергнута пытке до потери чувствительности и сожжена в течение нескольких недель. Обычно жертв привязывали короткими цепями к стене примерно в 15 футах от земли, чтобы они медленно обугливались на огне. По любопытному стечению обстоятельств местом этих зверств, Ведьминской башней, позже владел писатель Захер-Мазох.

Неприятности Ш. начались в 1663 г. Гейсс захотел получить собственность этого богатого и уважаемого мельника, чья жена в предыдущем году родила мертвого ребенка. Гейсс получил признание повивальной бабки, что ребенок был убит с помощью колдовства, при содействии еще шестерых людей. Все они были арестованы и под пыткой поклялись, что извлекли труп младенца, разрубили его и куски топили в горшках для изготовления ведьминской мази. Шулеры настаивали, что в смерти их ребенка никто не виноват, и требовали, чтобы для доказательства вскрыли его могилу. В присутствии отца судьи обнаружили неповрежденный труп. Угрозами жестоких пыток Гейсс принудил мельника хранить молчание и затем, поскольку признание, сделанное под пыткой, должно быть истинным, сжег повивальную бабку и шестерых, кого она вовлекла.

В конце года Гейсс арестовал старую женщину, известную как Бекер-Маргарет. Один из его подручных пообещал, что добровольное признание освободит ее от пытки и позволит, чтобы после казни ее тело было погребено на кладбище при церкви. Несчастная

женщина знала, что она пропала, и подчинилась своей судьбе, обвинив еще 14 человек, включая жену Ш., в соучастии в смерти ребенка, в отчаянии сказав: «Пусть и они узнают, как пахнет горящее тело». Тотчас фрау Шулер была заключена в тюрьму по подозрению в колдовстве, и старый шрам от падения, который лечил хирург-цирюльник из Ханау, был определен как клеймо дьявола. Однако Ш. удалось выбраться из города и быстро направиться в Вюрцбург, чтобы убедить настоятеля собора, соправителя города, освободить его возлюбленную жену. Но в его отсутствие Гейсс подверг ее пытке, вынудил признаться в соучастии в убийстве и обвинить своего мужа в колдовстве. Гейсс, очевидно, ожидал Ш. и сразу по возвращении бросил его в промерзавшую Башню ведьм, без соломы, одеяла или носок. Через 5 дней Ш. был подвергнут пытке со специально разработанной для него жестокостью, и признал свою вину. Как только пытка прекратилась, он тотчас отрекся, вследствие чего подвергся пытке во второй раз. Ш. снова отрекся от своего признания, но как раз в то время, когда Гейсс был готов растянуть его в третий раз, разгневанные жители города начали мятеж. Ночью, во время продолжавшегося беспорядка, Ш. удалось бежать и, вместе с несколькими другими, освобожденными их друзьями, 18 февраля 1644 г. пробиться к Шпейеру, заседавшему в имперском Верховном суде [Reichskammergericht]. Вид спасшихся женщин, подвергшихся пытке, вызвал общественное негодование, и известный адвокат подал в суд петицию в их защиту. В это время ввиду растущей враждебности в Линдхейме Гейсс продолжал свирепствовать и 23 февраля 1664 г. заживо сжег фрау Шулер, когда ее муж все еще находился у Шпейера. В начале марта общественный подъем вынудил Гейсса и его людей бежать. Настоятель Вюрцбурга посоветовал Ойнхаузену утихомирить Гейсса. Однако, видя ненависть против своего избранника и склоняясь к решению Верховного суда о прекращении в Линдхейме охоты на ведьм, Ойнхаузен больше не смог защищать своего судью и уволил его. Но Гейсс не был наказан, хотя и казнил 30 невиновных человек.

В документах из Линдхейма обнаруживается, что Гейсс получил наличными сумму в 188 талеров и 18 альбусов от тех, кого он сжег. Он даже не считал скота, который достался ему. То, что он делал, прикрываясь своим служебным положением, не входит ни в какие рамки; так за посещение (для поиска ведьм) деревни, находившейся на расстоянии в два часа пути, он потребовал 5 талеров. Гейсс также заботился о своих охранниках: «За гостиницу в Хайнхене [в получасе езды от Линдхейма], за то, что стражники сидели рядом с пьяной королевой ведьм [Hexenkonigin] — два талера и семь альбусов. 29 июля. Келарю в связи с охотой на ведьм [Hexenverfolgung] в присутствии распорядителя — 12 талеров, 15 альбусов».

В свою защиту Гейсс привел оправдание, типичное для правителя области. Он получал только свою постоянную плату (обычно третью часть конфискованного)! Он не был растратчиком, он посылал надлежащую долю (примерно две трети) всего, что конфисковывал, Herrenchaft. Неважно, насколько Гейсс обманывал своих соруководителей, но что-то они получали. Данный факт, может быть, объяснит, почему и барон Ойнхаузен, и настоятель Вюрцбургского собора медлили с прекращением его охоты на ведьм.

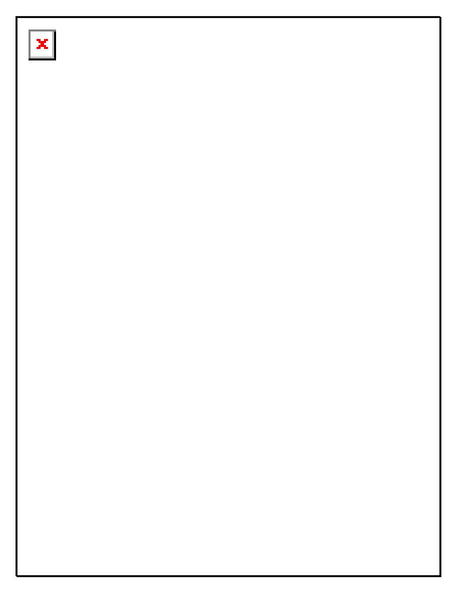
ШУЛЬТХАЙС, ГЕНРИХ ФОН. По определению Джорджа Л.Барра, книга Генриха фон Шультхайса «Detailed Instructions how to proceed in the inquisition against the horrible vice of witchcraft» (1634) является «ужаснейшей из всей ужасной литературы о преследованиях ведьм». Написанная секретарем нескольких епископов, охотившихся за ведьмами в Рейнланде, доктором как гражданского, так и духовного права, она является «самым благочестивым и самым жестоким из всех подобных руководств» по преследованию и обвинению ведьм. Инструкции строятся как ответы доктора [Ш.] на вопросы воображаемого барона («Freyherr») Филадельфуса по вопросам судопроизводства против ведьм.

Один любопытный отрывок дает представление о том, как во время действия закона против ведьм добивались осуждения. Принимались свидетельства, которых никогда бы

не допустили в любом другом суде. Воздействие книги усиливалось благодаря тому, что извращения закона постоянно оправдывались включенными в диалог рационалистическими комментариями «Freyherr'а». Четыре свидетеля присягают, что они видели мистера «Альфу» на шабаше, Грета говорит, что он ехал на черной лошади, Томас — на рыжепегой, Курт клянется, что на серой и юный Фундеман рассказывает о гнедой. «Как можно построить обвинение на четырех противоречащих друг другу показаниях, — спрашивает барон, — поскольку человек не может сидеть на четырех разных лошадях одновременно». Ш. объясняет, что люди, видевшие белую кобылу, принадлежавшую соседу, все согласятся, что она была белой, но ведьма обладает лошадью различных цветов. «Все это очень странно, — указывает барон. — Совершенно невозможно, чтобы один видел лошадь белой, другой — черной, третий — гнедой, и еще кто-нибудь — желтой». Тогда Ш. говорит, что лошадью «Альфы» на самом деле был Сатана, который, как чародей, может делать многие странные вещи. Он просит барона посмотреть на серую лошадь через темно-зеленые очки. «Лошадь зеленая! — восклицает тот. — Но что общего у этих очков с тем, о чем мы говорим? Эти свидетели не смотрели через затемненные стекла». Ш. отвечает, что, если сделанные человеком очки могут вызывать изменение цвета, то насколько сильнее может быть обман чувств, вызванный дьяволом. Следовательно, выдвинутые обвинения имеют доказательную силу.

Ш. встретился с оппозицией, которая привела его в особенную ярость. В Падерборне в 1631 г. он осудил ряд состоятельных горожан и был особенно разгневан неким «Пизано», который признался, что попросил дьявола разрешить появление многих невиновных людей на шабаше, чтобы их затем разоблачить. Благодаря этому множеству имен процедура суда была поставлена под сомнение, истинность разоблачений оспорена и преследования прекращены. Ш. был искренне ожесточен насмешками, которые могли предотвратить конфискацию собственности тех, кого он сжигал.

Этот «фальшивый судья ведьм» (как его назвал Лоэр) был объектом нападок со стороны иезуитов, Адама Теннера (1572–1632) в «Theologia Scholastka» (1617) и Фридриха фон Шпее. Но его яростная защита практики истребления ведьм указывает на то, что росло влияние скептиков, и позиции инквизиции и князь-архиепископа майнцского (Петера Остерманна), чье одобрение разрекламировано в книге, нуждались в укреплении.

«Я хотел бы пытать тебя с таким же, а, возможно, и большим безразличием, как я отбрасываю палкой сучок со своего пути, ибо, делая это, я ничего не приобретаю. Но когда, пытая с помощью суровых средств, допускаемых законом, я принуждаю тебя к признанию, тогда я совершаю богоугодное дело и это мне зачтется». — Генрих фон Шультхайс, известный охотник на ведьм в Рейнланде в первой половине XVII в. Его книга (1634) сохранилась в единственном экземпляре, находящемся в БКУ.

Э

ЭДУАРД VI: закон 1547 г. В декабре 1547 г. — шестого года правления Эдуарда VI — был принят Генеральный билль, отменивший законы об ответственности за уголовные преступления и измену, принятые при Генрихе VIII, большинство из которых было направлено против ранних протестантов. Среди отмененных был и закон 1542 г., объявлявший колдовство уголовным преступлением.

При отмене отмечалось, что люди в других странах могут считать некоторые законы, принятые при Генрихе VIII, «очень прямолинейными, чрезмерно тяжкими и жестокими». Именно поэтому Эдуард VI пожелал, чтобы «жестокость некоторых нижеследующих законов была бы смягчена и уменьшена, …отменена и объявлена недействительной».

С 1547 по 1563 гг., когда был принят второй билль против колдовства, по-прежнему не существовало специального закона против чародейства, за исключением случаев, когда оно приводило к убийству или государственной измене. Фактически в билле было специально упомянуто как явно преступное «преднамеренное убийство с помощью яда». Однако, как и раньше, политическое колдовство любым своевольным распоряжением могло быть объявлено как законным, так и незаконным. В «Autobiography of Edward Underhill» (1859) рассказывается о предсказателе XVI в., брошенном в тюрьму за предсказание о продолжительности жизни Эдуарда VI:

> «Когда мы обедали, майор послал двух своих офицеров со мной, чтобы найти Алана, которого мы встретили внутри [собора] Святого Павла, взяли и привели его с собой в его комнату, где мы нашли фигурки, установленные, чтобы вычислить рождение короля и дату его смерти, в которой этот глупый негодник был так уверен, что он и его советники-паписты повсюду говорили о ней. Король находился в это время в Хэмптон-Корте, и я доставил этого Алана, с его книгами заклинаний, кругами и множеством вещей, относящимися к данному дьявольскому искусству, к лорду-регенту, и этот Алан заявил лорду, что его занятия — это разрешенные законом науки, поскольку закон против них был отменен. „Ты — отъявленный мошенник, — сказал лорд, — если бы ты и твои науки могли сказать мне, что я буду делать завтра, я отдал бы тебе все, что имею“.

Алан был приговорен к годичному заключению в Тауэр, но «освобожден благодаря связям. Так всегда избегают наказания порочные люди».

ЭЙДИ, ТОМАС. Во многих английских дискуссиях о колдовстве спорящие стороны подыскивали аргументы, чтобы убедить воображаемых судей в том, что колдовство является вымыслом (или реальностью). Так, книга Э., безрезультатно цитировавшаяся преп. Дж. Барроусом на судах в Салеме, полностью называлась следующим образом: «A Candle in the Dark, or a Treatise concerning the nature of witches and witchcraft: being advice to judges, sherifs, justices of the peace and grandjuremen what to do before they pass sentence on such as are arraigned for their livesas witches» — («Светильник во тьме, или Трактат о природе ведьм и колдовства: рекомендует судьям, шерифам, мировым и верховным судьям, что им следует сделать, прежде чем вынести приговор кому-либо из привлеченных к суду за колдовство», Лондон, 1656). Э. выступал против суеверия и смело атаковал его, используя оружие самих «торговцев ведьмами» — Библию. Джордж Л.Барр назвал этот поступок «одним из наиболее храбрых и самым разумным из ранних выступлений» (протестов). «A Candle in the Dark» состоит из 3-х частей. Первая часть, исследуя многочисленные значения слова «ведьма», опровергает современное Э. употребление библейского завета «Ворожеи (ведьмы) не оставляй в живых». К примеру, во Второзаконии (18, 10–11) упоминаются девять разновидностей, включая прорицателя, чародея, вызывающего духов (например, Аэндорская волшебница), гадателя, вопрошающего мертвых, и очаровывателя

(как в: Исход 12, 15). В соответствии с этими определениями, настоящими ведьмами должны считаться «паписты, изобретатели заклинаний, вводящие людей в заблуждение».

Во второй книге показано, что современные доказательства колдовства не встречаются нигде в Библии.

> «Где это вообще записано в Ветхом и Новом Заветах, что ведьма является убийцей или обладает силой для убийства с помощью колдовства или для поражения любой болезнью или немощью? Где записано, что у ведьм есть чертенята, сосущие их? Где написано, что у ведьм есть соски для того, чтобы чертенята могли сосать их, …что дьявол оставляет личные отметки на ведьмах, …что ведьмы могут поражать урожай или скот… или могут летать по воздуху… Где мы читаем о дьяволе или дьяволице, называемых суккубом или инкубом, использующих генерацию или совокупление?»

В третьей книге содержатся нападки на «тщеславие некоторых английских писателей, рассматривающих ведьм», особенно на короля Якова I, чья «Demonology», как предполагает Э., фактически была написана «Джеймсом, епископом Винтона [Винчестера]». Он выступает против Томаса Купера, «кровавого преследователя бедных», и книги Метью Перкинса «Discovery», «собрания бредовых заметок» из Бодена, Спины и «других папских прихлебателей», составивших огромные тома ужасных небылиц и нелепостей». Менее галантно он поправляет Гоула и Гиффорда.

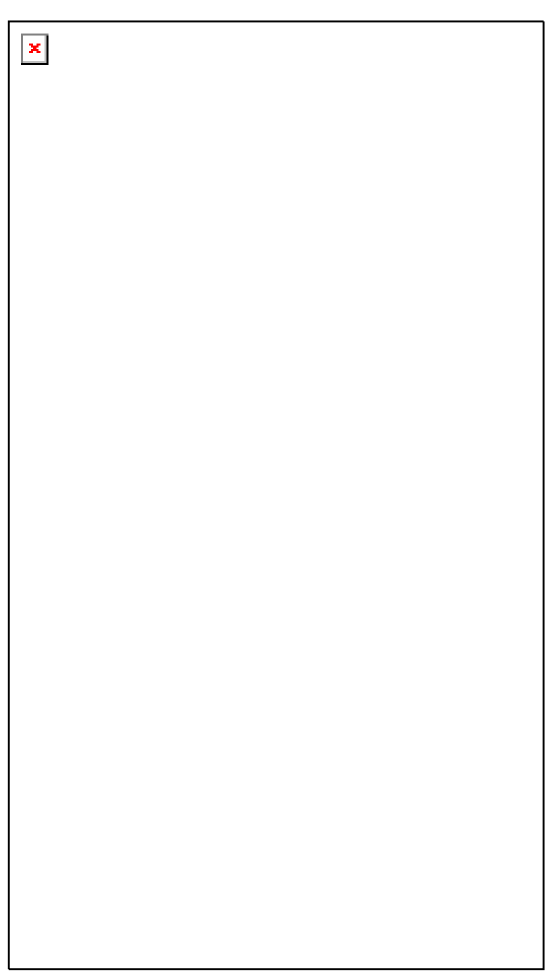
Однако, памятуя о назначении своей книги, — склонить на свою сторону судей и присяжных заседателей — Э., следуя за Реджинальдом Скоттом, говорит о «плавании», ведьминских метках, колдовском проклятии, вере в заговоры и амулеты, чревовещателях и фокусниках, часто использовавших искусственную мышь на пружинке в качестве домашнего духа. Догматы евангелического протестантизма основываются на Библии, и вера протестантов в колдовство, хотя и присущая им изначально, имела католическое происхождение и, вследствие этого, была легко уязвима. Поскольку однажды библейская санкция на охоту за ведьмами была опровергнута, протестанты лишались важнейшей опоры: они не могли претендовать, как римские католические демонологи, на традиции церкви. Таким образом, Э. поступил очень проницательно, основывая свою аргументацию в целом не на критике отдельных случаев или судов над ведьмами, а на отсутствии письменных свидетельств о колдовстве в Библии.

ЭЙХШТАДСКИЙ СУД НАД ВЕДЬМАМИ. Следующий отчет о суде над ведьмами в епископстве Эйхштадском близ Ингольштадта был записан официальным писцом, во время суда находившимся в зале суда и комнате пыток. Он был опубликован наряду с четырьмя другими в 1811 г., но, возможно, из-за уважения к потомкам, имена всех, с ним связанных, были опущены в тексте и указаны как NN. Подлинник рукописи, где сохранились имена, теперь, к несчастью, потерян. Переписчик сообщает о суде от третьего лица, вводя показания обвиняемых словом «Sagt» — «говорит». Английский текст является вольным переводом с немецкого; два или три абзаца переставлены, там где буквальный перевод не имеет никакого смысла.

На этом суде судебное разбирательство следует общему канону ведьмовских процессов. Обвиняемая сначала все отрицает, затем подвергается пытке, выдумывает то, что, как она считает, хотят услышать судьи, затем, когда ее перестают пытать, отрекается от своего признания и тотчас подвергается пытке снова. Вскоре она становится полупомешанной и в конце концов воображает себя ведьмой. Ни одно из преступлений, в которых она обвиняется, — ночные полеты, пиры на шабашах, прохождение сквозь запертые двери — не было реальным или доказуемым, но ни одного доказательства и не предлагалось. Однажды встретившись с пятнадцатью обвинениями, возможно, произнесенными под пыткой такими же обыкновенными людьми или взятыми из перечня колдовских преступлений, она была обречена. Судьи, как явствует из этого отчета, были заинтересованы только в признании вины и получении имен предполагаемых сообщников, которые рано

или поздно подвергались подобным судебным разбирательствам. В это время обвиняемой не разрешалась никакая юридическая помощь, она не встречалась на очной ставке со свидетелями, и только после вынесения приговора к ней допускали священника.

Обвиняемая — явно бедная крестьянская женщина, сбитая с толку ужасом и, возможно, уникальностью собственной роли: многие высокооплачиваемые чиновники посвятили три недели своего времени, чтобы убить это существо. Когда она колебалась, ей показывали инструменты для пыток, и ее память «оживала». Надевались «испанские сапоги», и, испуганная, она отвечала, одновременно ожидая ослабления тисков, которые могли раздробить ей ноги. Когда она не хотела сотрудничать, к ней применяли страппадо. Ее речь становилась почти бессвязной, полубессмысленные фразы лились, смешиваясь с воплями: «О, Иисус Христос, приди ко мне… Господи милосердный, услышь меня. После двухнедельного допроса и пыток она билась при звуке колоколов, звонящих «Angelus», запиналась при чтении длинного «Верую» (символа веры) и затем произносила то, что хотели услышать судьи.

Концепция шабаша на эйхштадском суде над ведьмами. Гравюра из немецкого издания (1693) «Demonolatreiae» Н.Реми.

Стенографические отчеты о других судах могут показаться еще более ужасающими, шокирующими, отвратительными. Этот суд над неизвестной женщиной из Эйхштадта трогателен и отвратителен одновременно.

Этот и другие судебные отчеты, включенные в данную «Энциклопедию», типичны для десятков тысяч подобных судов, состоявшихся в Восточной Европе. Любому читателю, который хочет понять, что такое колдовство, данный отчет дает очень ясное представление.

Суд в Эйхштадте

Присутствовали: г-н канцлер, г-н муниципальный судья, г-н доктор, г-н секретарь и г-н регистратор.

Понедельник, 15 ноября 1637 г.

После серьезного обсуждения с гражданскими советниками, заключенная, повсеместно известная как NN, находившаяся под стражей по обвинению в колдовстве и, согласно пятнадцати свидетельским показаниям, заслуживающая смерти, подвергнута следующему допросу:

В.: Каково ее имя?

О.: NN, сорока лет от роду, не знает имен ни отца, ни матери, ни где они родились, воспитывались или умерли. Она жила с мужем двадцать три года и за это время родила восемь детей, пять из которых еще живы. Из трех умерших один умер от оспы двадцать один год назад в возрасте двух лет, другой умер восемь или девять лет назад в возрасте двух лет и третий умер шесть лет назад также от оспы. Из-за подозрительных обстоятельств их смерти ей было велено явиться в городскую ратушу.

В.: Знает ли она, почему ей было велено явиться в ратушу?

О.: Она не знает никаких других причин, кроме обвинения в колдовстве.

В.: Это правда, иначе бы ее не доставили сюда. Следовательно, она должна начать признавать свою вину и не искать никаких оправданий.

О.: Она вытерпит все, но не признается в том, что она — ведьма.

Затем судьи приложили все свои силы, чтобы уговорить или заставить ее, но все было безуспешно, поэтому приготовленный список показаний, полученных под присягой, и окончательное обвинение были зачитаны ей и специально обсуждены.

Когда первое обвинение было зачитано, она от всей души рассмеялась над ним и заявила, что скорее умрет, чем признает его. Она ответила, что не могла совершить все это, поскольку отсутствовала в данных местах. Она признала, что может быть виновна по второму обвинению. Рассматривая обвинения 3, 4, 5 и 6, она сказала, что никогда за всю свою жизнь не была на шабаше. Говорит, что ничего не знает по поводу обвинений 7, 8, 9, 10. То же самое по поводу обвинений 11, 12, 13, 14 и 15; снова отрицает любое участие.

И хотя она никоим образом не может ответить на эти обвинения и принять на себя ответственность, она еще раз заявляет, что скорее умрет, нежели признает себя виновной.

В.: Хочет ли она умереть как ведьма?

О.: Если такова воля Божья, то и ее воля такова же.

В.: Воистину так. Следовательно, она должна начать свое признание и рассказать, как долго она погрязала в этом пороке, и как она была впервые вовлечена в него.

О.: Да, ваша честь, я охотно сделала бы то, что вы хотите от меня, но я не ведьма; это такая же истина, как муки и распятие Христово.

Затем она была обследована в поисках клейма дьявола, которое было найдено на правой стороне ее спины, около лопатки, величиной примерно с полкрейцера. Затем эта отметка была проколота и найдена нечувствительной; однако, когда ее кололи в других местах, она тут же вела себя как сумасшедшая. Были рассмотрены еще многие подозрительные отметки. Ее спросили:

В.: Где она получила эти отметки дьявола?

О.: Она не знает. Она ничего общего не имеет с дьяволом.

Поскольку обвиняемая не отвечает на милосердное обращение, она доставлена в комнату пыток.

Свидетельство, полученное в комнате пыток

После того, как ее поместили на лестницу и чуть-чуть натянули веревки, она сказала: «Да, возможно, она — ведьма». Когда ее отпустили, она заявила, что она не ведьма. После этого ее снова поместили на лестницу и потянули раз, два и три; наконец, ее отпустили после признания, что она — ведьма. Но она тотчас стала упираться и отрицать, что она ведьма. Тогда ее растянули более сильно на лестнице.

Она призналась, что это правда, что четырнадцать лет назад, когда она не была замужем, она стала ведьмой.

В.: Но поскольку она призналась, что была замужем двадцать три года, как может быть, что только четырнадцать лет назад она стала ведьмой?

О.: При этом она попросила, чтобы ее сняли с лестницы, и она скажет правду.

В.: Нет, она сначала должна начать признаваться, иначе она останется на лестнице.

Когда она поняла, что ее не собираются освобождать, она сказала, что примерно восемнадцать лет назад ее муж пришел домой пьяный и пожелал, чтобы дьявол взял ее (к этому времени она как раз родила очередного ребенка), и также ее детей, младшего и старшего.

Ее заявления начали путаться. И она подумала: о, если бы он пришел! О, поскорее бы! И в это время она имела незаконную любовную интрижку с палачом, и дьявол явился ей на следующую ночь в облике этого самого палача. На самом деле он прибыл еще во время первой ночи, но, поскольку все время горел свет, он не мог пробраться к ней. И поскольку она считала, что он был палачом, на следующую ночь, примерно около десяти часов, она вступила с ним в сексуальные сношения, и его член был очень холодным. После второго раза дьявол раскрыл, кто он такой, разговаривая непристойно и требуя, чтобы она вся отдалась ему, и отрицал Господа и нашу дорогую Госпожу и всех святых. Он угрожал ей, так что она должна была ему подчиниться, но теперь она раскаялась и хотела бы снова вернуться к Господу.

В.: Не требовал ли еще чего-нибудь дьявол от нее?

О.: Восемь дней спустя после соблазнения, дьявол дал ей зеленый порошок и черную мазь на глиняном блюде, которую она применяла на человеке и животных.

В.: Есть ли еще у нее эти вещества?

О.: Нет. Она выбросила их в воду четыре недели назад.

В.: Была ли она заранее предупреждена о своем приближающемся аресте?

О.: Нет, ничего, кроме того, что ее сестра предупредила ее.

В.: Значит, она беседовала со своей сестрой?

О.: Нет, но они виделись на дьявольском шабаше.

В.: Как дьявол называл ее, и каким именем она называла дьявола?

О.: Она называла дьявола Cokhelhaan [петух], а он называл ее Schinterin [живодерка]. Три недели спустя после ее соблазнения дьявол крестил ее и полил чем-то сверху ее голову.

В.: Все ли, что она говорила, является правдой?

О.: Да.

Она была выведена из комнаты пыток.

Вторник, 16 ноября 1637 г.

Присутствовали: делегаты, г-н муниципальный судья, г-н доктор и г-н регистратор. Обвиняемая введена, и обычные молитвы произнесены.

В.: Может ли она полностью подтвердить сердцем и устами то, в чем она призналась вчера?

О.: Да, ее все признания истинны. Между прочим, она боится, что из-за своих великих прегрешений она не попадет на небеса. Из-за своего падения она не может больше молиться Господу. Дьявол вынудил ее подчиниться частыми и жестокими избиениями. Только прошлой ночью она дважды слышала шуршащий звук в своей камере. Даже сейчас, во время этого допроса, она слышит шелестящие звуки.

Затем суд дал ей хороший совет, как защитить себя от порочных врагов и обеспечить свое спасение.

О.: Да, это правда. Если она останется вне церкви, она никогда не найдет спасения. Если такова воля Господа, чтобы весь мир стал свидетелем ее злых деяний, она хочет сделать публичное признание, и она хочет молиться за гг. судей… потому что они приказали ей появиться в этом суде. Дьявол часто делал ей больно, в то время, когда они были вместе в кровати, так что она визжала и будила своего мужа, который вскоре после этого стал спать отдельно. [Дословная цитата]: «О, Иисус Христос, приди ко мне, ибо я много грешила против тебя. Молю тебя, Господи милосердный, обрати свой взор на меня».

В.: Как часто она получала порошок и мазь от дьявола? Есть ли у нее еще порошок и мазь?

О.: Да. В ее кладовой, слева, как входишь с аллеи, есть коробка, в которой сверху находятся четыре выдвижных ящика, в одном из них — мазь.

После обыска в кладовой судебный чиновник нашел три маленькие коробочки мази и одну коробку с порошком, которые он доставил в ратушу.

В.: Кому она нанесла вред этим материалом?

О.: Сначала, примерно восемь или девять лет назад, дьявол приказал ей втереть мазь в вишню и дать ее своей 6-летней дочери съесть, чтобы отравить ее. Затем ребенок заболел и в течение одного часа перешел из состояния жизни к смерти. Вследствие этого ей было предписано явиться в ратушу. Если бы ее муж не был таким религиозным, дьявол убил бы его тоже.

Во-вторых, около тринадцати или четырнадцати лет назад как-то ночью, когда ее муж спал, дьявол разбрызгал порошок над ним, чтобы он не проснулся и намазал мазью его ноги и руки, спину и шею, так, чтобы он умер. В течение трех дней ее муж начал страдать от недержания мочи, от чего он мучается и до сего дня. Она говорит, что не признавалась в этом преступлении, поскольку, если бы она призналась, дьявол явился бы к ней и не оставил бы ее в покое. [Признание становится бессвязным]. Ведьма находит спасение только тогда, когда предстает перед судом, и она хочет сама заявить ему об этом.

В-третьих, три года назад она смешала дьявольскую мазь с тушеным мясом и дала его 4-летнему сыну своей бывшей хозяйки. Мальчик тотчас заразился гангренозной чумой и умер в течение двух дней.

В.: Все ли ее слова истинны?

О.: Да, она хотела признаться не только в этом, но и во многом другом.

[Затем она рассказывает о трех других случаях порчи с использованием мази и вовлекает одну из своих жертв, которую, как она сказала, она научила колдовству. Позже она отрицает это. Она рассказывает, как ее маленькая дочка заболела от этой мази. На следующий день она думает, что нарыв на боку является признаком чумы, но палач Матес заявляет, что это не предмет для обсуждения. Суд затем спрашивает, что с ней случилось].

О.: Прошлой ночью ей явилась Матерь Божья, такая красивая и белая, как снег.

Поскольку заключенная симулирует болезнь и готова отрицать свое показание и поскольку признаки вчерашнего раскаяния могут исчезнуть, ее приказывают выпороть в комнате пыток, чтобы усилить страх и вызвать истинное признание. После трех ударов бича она говорит, что дьявол, одетый в черное, приходил в ее тюремную камеру прошлой ночью и этим утром. Прошлой ночью он прибыл точно между одиннадцатью и двенадцатью часами и вступил в сексуальные сношения с ней, но причинил ей такую боль, что она едва могла выдержать, и ей казалось, что ее спина и бедра сломаются. Более того, она обещала снова отдать ему свое тело и душу, ничего не рассказывать об этом договоре и оставаться верной, противостоя судьям так долго, как сможет. В свою очередь ее инкуб обещал помочь ей и приказал ей придумать, каким образом она могла бы совершить самоубийство. Наконец она продолжила расцарапывать ногтями средние вены на своей правой руке, наполовину вскрытые, где ей делали кровопускание две недели назад, потому что шрамы были очень недавними, и вены можно было вскрыть очень легко. Подобным образом она могла легко убить себя, не привлекая внимания, и отдать свое тело и душу дьяволу.

[Затем следует какое-то незначительное признание относительно того, как дьявол велел ей приписать смертельное действие мази чуме, и как дьявол принуждал ее отдаться ему].

Когда все это было записано, ей велели отвечать на следующие вопросы:

В.: Что представляют собой эти четыре коробки, доставленные в ратушу — среди них две коробки, наполненные красной мазью, одна с белесой мазью и одна с белесым порошком? Поскольку еще в начале своих показаний она упомянула только об одной, а когда ей предъявили эти четыре, сказала, что настоящая коробочка пропала — какое показание истинно?

О.: Она получила эти маленькие коробочки от своего демона-инкуба Cokhelhaan'а, чтобы причинять вред людям и животным. Когда она сказала вчера, что настоящая коробочка отсутствует, это было сделано для того, чтобы запутать судей.

Теперь она снова отрекается от дьявола и готова ответить перед Господом и миром, что ее новое показание будет правдивым.

После обсуждения одного специального вопроса она рассказывает о двух последних примерах своих злодеяний с использованием мази и порошка:

Восемь-девять лет назад она убила свою собственную черную корову, используя дьявольский порошок, который она смешивала с ее пищей. Она была здорова, но умерла в течение двух или трех дней.

Восемь или шесть лет назад она посыпала порошком свою гнедую лошадь, и та пала.

В.: Правдиво ли ее предыдущее показание?

О.: Да.

Она отведена под охраной и оставлена под более пристальным наблюдением.

Пятница, 19 ноября 1637 г.

Заключенная снова введена и допрошена.

Она говорит и заявляет публично, что за всю жизнь она никогда не видела дьявола и не вступала с ним в сексуальные сношения. Все ее прежние показания ложны. Ни ее совесть, ни ее преданность и любовь к Иисусу Христу не позволяют ей продолжать рассказывать эти небылицы. Она пришла к этому решению только что, прошлой ночью. Если бы она могла найти нож, чтобы вонзить в свою грудь, она бы убила себя. Действительно, она дважды просила сторожей дать ей нож, приводя как довод, что воротник ее сорочки был слишком тесным, и она хотела распустить его.

Судьи выслушали ее отречение и признали, что сердце ее дьявольски упрямо. Ее глаза были красными, как будто дьявол пытался вынуть их из глазниц. Палачу было велено растянуть ее на лестнице. Вскоре после этого она попросила, чтобы ее освободили, и обещала рассказать все, что она делала в течение своей жизни.

В.: Является ли ее прежнее показание правдивым?

О.: Да, к несчастью, и не только оно, но и все прочие, которые она даст.

В.: Какова была причина ее отречения?

О.: Дьявол посетил ее прошлой ночью в двенадцать часов, совершил бесстыдство с ней и приказал ей отрицать все, в чем она раньше призналась, сказав, что поможет ей.

После этого она была снята с лестницы, как раскаявшаяся грешница.

Допрос, продолжение после обеда.

В.: Почему она противоречила сама себе в это утро? Когда ее допрашивают, она должна говорить всю правду. Приказываем заявить под присягой, правдивы или ложны ее показания, и когда она начнет делать настоящее признание?

О.: Она проявляет свое расположение, сказав «Да». Она говорит, что дьявол был с ней всю ночь, он не только успокаивал ее и обещал ей снова помочь, но также приказал ей подумать серьезно, как она может покончить с собой. При этой подсказке она затем решила попросить нож с тем, чтобы сделать петлю из шейной ленты своей сорочки и повеситься. Позже она подумала, что сможет вытащить свой язык изо рта и попытаться удушить себя с помощью своего указательного пальца.

Недовольный ее попытками и усилиями удовлетворить его, дьявол жестоко побил ее, проколол ей глаза (иссиня-черные и налитые кровью), так что они начали кровоточить, и потребовал, чтобы она подписала договор, написанный собственной кровью, грубо направляя ее левую руку, чтобы написать новый контракт, диктуя: «Я, Schinterin, буду твоей — душой, плотью и кровью, кожей и волосами, всем, что у меня есть, ныне и всегда».

Затем дьявол взял контракт и приказал повторить это собственными словами. Что она и сделала, пообещав ничего не раскрывать. Дьявол сказал, что он не бросит ее [признание здесь становится бессвязным], и снова принуждал ее продолжать свои дьявольские поступки, а затем исчез. Она до глубины своего сердца опечалена тем, что совершила, и никогда не повторит этого снова. Судьи прочли ей длинную проповедь,

сказав, что если она будет снова одолеваема порочным врагом, они благословят и защитят ее.

[Далее опущены два показания о порче, нанесенной детям с помощью волшебной мази; ее собственный ребенок до сих пор страдает головной болью, а другой мальчик умер].

Суббота, 20 ноября 1637 г.

Она вызвана в суд и сначала допрошена о следующем:

В.: Как ей живется?

О.: …Поскольку… она одинока, то ощущает страх, и не знает, почему.

В.: Действительно ли дьявол не нападал на нее прошлой ночью?

О.: Нет.

В.: Как часто в течение каждого месяца и каждого года она летала? Куда она летала и с какой целью?

О.: Дважды в месяц, двадцать четыре раза в год. Чтобы предотвратить пробуждение своего мужа, и чтобы он не вмешивался, дьявол рассыпал над ним порошок, так что дьявол и она могли встречаться друг с другом, как пожелают, в кухне, в спальне, зале или на чердаке. Дьявол подарил ей расщепленную палку, чтобы она использовалась только для полетов, и натер ее какой-то магической мазью. Дьявол всегда сидел спереди, а она сидела сзади. Когда она хотела попасть на шабаш, она читала такой заговор:

«Вверх в трубу и в оконную щель!
Во имя дьявола, вон и вперед!»

Во время езды на раздвоенной палке дьявол испускал огненные струи, так что она мало что могла видеть. Насколько она помнит, места встреч были на лугах в N., под виселицами, и в N-ских горах… Сначала казалось, что у них много еды и питья, жареное и тушеное мясо, поданное на зеленых блюдах. Но еда была пресной и землянистой, совсем черной, приторной, безвкусной и плохо приготовленной. Она никогда не видела ни хлеба, ни соли, и пила белое вино из деревянных или глиняных чашек. Вино приносилось в кувшинах или кожаных бурдюках. Они сидели на скамейках и сиденьях, так же как и на виселицах. Во время еды они поносили Господа и замышляли, как совершить порчу.

Они также говорили о муниципальном суде и комиссарах, и как они должны ходить среди людей и не иметь жалости к ним. Ведьм побуждали смело продолжать свое дело, не сомневаться и не бросать его. Человек, произносивший проповедь, был маленьким и толстым с черной бородой, и он говорил с деревянной кафедры. Подобные шабаши происходили в ночь с четверга или с субботы, в зависимости от времени года. Место освещали огнями, которые держали бедные старые женщины, она сама держала светильник одной рукой. И после этого начинались танцы. Главный дьявол сидел на легком стуле, и ему следовало воздать особые почести, сделав реверанс перед его задом. После общего хоровода в свободной манере пары группировались, чтобы совершить бесстыдство у боковых линий. Она полагает, что музыка исполнялась трубачами и скрипачами, но она не знает никого из них. Примерно пятьдесят человек, некоторые из них в масках, посещали эти шабаши. Присутствовал также некий NN из N. Они все сидели за круглым столом.

Но, когда состоялся большой шабаш, ведьмы были так многочисленны, что их нельзя было сосчитать. Когда наступило время расходиться, главный дьявол сказал: «Хей! Прочь вы, во имя дьявола!», и они покинули шабаш таким же образом, как и пришли. В особенности же она заметила на шабаше следующее:

Помощники:

1. NN из N, Маленькая Дорожка. Она видела ее два года назад в N-ских горах зимой и в последний раз на N-ском лугу, пирующей на банкете во время шабаша. Эта женщина танцевала с демоном-инкубом в обличьи помощника кузнеца и также имела сексуальные отношения с ним. На нем был кожаный передник и кепка, а на ней — меховой полушубок и черная юбка.

Вторник, 23 ноября 1673 г.

2. Она видела женщину NN восемь или десять раз, и в первый раз шесть лет назад на N-ском лугу, а в последний раз полтора года назад в N-ских горах на банкете во время шабаша. Она ела, пила, плясала и скакала. В частности, год назад она летала с ней в погреб к NN и пила там вино. Ее два демона-инкуба присутствовали здесь же, и женщина NN была в черном платье. Ее инкуб был похож на кожевника.

[В течение следующих дней, до ноября… обвиняемая опознала 45 помощников. Для каждого упомянутого человека она описала характерный вид одежды и действия и соответствующего инкуба или суккуба].

В.: Все ли предыдущие показания соответствуют истине?

О.: Да. Она может полностью удостоверить эту информацию перед Господом и миром, она хочет получить отпущение грехов и святое причастие и затем отдать Богу свое тело и душу.

Пятница, 26 ноября 1637 г.
Святотатственные действия

Обвиняемая говорит, что в течение времени, когда она находилась под влиянием дьявола, она исповедалась и получила святое причастие пятнадцать раз. Но четырнадцать лет назад, получив причастие, она завернула облатку в платок, отнесла ее домой и выбросила в отхожее место. Двенадцать лет назад она опозорила священную гостию подобным же образом.

Шесть лет назад, когда она получила причастие, она сохранила священную гостию у себя во рту, принесла ее в сад и поместила на крышку колодца. Она колола ее ножом много раз, пока священная и чистая кровь не вытекла из нее, затем она бросила ее вместе с небольшой тряпицей в колодец. Вместо того, чтобы произносить молитвы, она молилась о том, чтобы гром и град вызвали разрушения.

Она называла нашего Спасителя убийцей, Матерь Божью — нечестивой женщиной, и всех святых она называла жидами, палачами, рабами, лакеями и самыми бесстыдными именами, которые она могла придумать.

В.: Правдиво ли ее признание?

О.: Да.

Она подозревается в вызывании бури и в прохождении через запертые двери в щели.

Суббота, 27 ноября 1637 г.
Вызывание бури

Обвиняемая сказала, что она думала о вызывании бури в течение долгого времени, и помогла вызвать восемь ураганов. Первую бурю она сделала пятнадцать лет назад, между полуднем и часом дня, в своем собственном доме, подстрекаемая дьяволом вызвать опадание фруктов, чтобы деревья не плодоносили. Так и получилось.

В.: С помощью каких материалов она вызывала бури, или каким образом она делала это?

О.: Она не хочет разглашать свой секрет.

После чего она также пыталась отречься от показаний, но ее поставили перед палачом и снова спросили:

В.: Хочет ли она признаться добровольно или под пыткой? Это было обсуждено.

О.: Она признается добровольно.

Итак, палач уходит, и она снова допрошена.

О.: Она говорит, что дьявол снабдил ее порошком, сделанным из трупов детей, и сказал ей использовать его для вызывания бури. Она дала порошок NN, своей местной помощнице, которая закопала его в землю, но он неожиданно выскочил. Затем она сама закопала его, но она притворяется, что плохо знает о том, что случилось дальше. Она говорит, что ее показания все еще правдивы, но затем тяжко вздыхает.

Кажется, она снова будет отрекаться. Поэтому ее снова ставят перед палачом и допрашивают.

В.: Как она влияла на погоду?

О.: Она не знает, что сказать, и способна лишь прошептать: «Помилуй меня, Царица Небесная!»

В.: Как она получила царапину на правом глазу?

Был применен к одной ноге «испанский сапог», но винты не затянуты.

О.: Дьявол в облике палача пришел к ней прошлой ночью в двенадцать часов и успокаивал ее, говоря, что все улучшится, и что она не должна бояться ничего из того, что может произойти с ней. Затем она сказала, что дьявол не велел ей ничего делать, но что он был с ней и имел с ней сношение.

Ввиду того, что ее ответы неудовлетворительны, и похоже, что она находится во власти дьявола, она связана веревками с тем, чтобы подвергнуться бичеванию. После нескольких ударов она призналась, что она и NN пятнадцать лет назад зарыли в ее саду порошок, который она получила от дьявола, в надежде, что он вызовет плохую погоду и помешает созреванию фруктов этим летом. И это произошло.

Она не хочет продолжать.

Она говорит, что дьявол приказал ей ничего не говорить. О чем бы они ее не спрашивали, она лает на них и читает символ веры. И после длительных и повторяющихся приказаний признаться она была высечена три раза кнутом, в то время как колокола отбивали «Аве, Мария». Но она продолжала выдавать черное за белое, и наконец заявила, что дьявол заставил ее допустить уловки и опущения в своих признаниях, но теперь она не хочет следовать больше его советам. Прошлой ночью дьявол оцарапал ей левый глаз своим когтем или плоской ступней. Затем ее снова отвели в зал суда и допросили насчет вызывания бури.

О.: Первая буря, которую она вызывала, произошла немедленно, и фрукты опали с деревьев в тот же самый день. Она вызывала другую бурю четырнадцать лет назад, когда сожгла немного порошка вечером на N-ckom лугу, надеясь, что от этого намокнет сено. И начал греметь гром, и пошел дождь, и сено было полностью затоплено.

[Опущено несколько признаний о вызывании бури и насылании чумы с помощью гусениц].

Уведена. Подозрение о разногласиях между ней и ее мужем.

Среда, 1 декабря 1637 г.

Вызвана для допроса и обсуждения следующего пункта. Она говорит, что не чувствует себя виновной в вызывании каких-либо разногласий. Она теперь еще более подозреваема в вырывании детских трупов.

Пятница, 3 декабря 1637 г.
Эксгумация трупов детей

Она говорит, что однажды, семь-восемь лет назад, она помогала NN выкапывать ее собственное дитя из могилы. Ребенок был положен в могилу шесть лет назад, и все тело прогнило. Они взяли останки домой и положили их в горшок, и мешали их в течение двух дней и ночей, затем растолкли их в порошок рукояткой косы. Они отдали порошок дьяволу. NN здесь ни при чем, потому что даже тогда, когда дьявол попросил еще порошка, она отказалась делать его и была побита дьяволом.

Она уведена и заподозрена в подстрекательстве к совершению преступления.

Суббота, 11 декабря 1637 г.

Она говорит, что не подстрекала никого.

Прохождение в щель

Она проходила через закрытые двери в винные погреба (приведены пять имен) примерно сорок раз. При этом также присутствовали две другие ведьмы, известные поименно, которые пили вино из мерной чаши или прямо из втулки.

Она также летала в конюшню к NN и с помощью дьявола ездила на животных, так чтобы их уморить. Они не умерли.

Она также часто ходила в комнату слуг и соблазняла своего слугу NN. Действительно, он часто позволял ей показываться ему.

В.: О каких других преступлениях она может подумать, и о каких других делах она может вспомнить? Этот вопрос обсуждается.

О.: Ни о каких. Но те ответы, что она дала под присягой, являются правдой, за которую она отвечает перед Богом и миром. Она хочет жить и умереть в соответствии с данным признанием и быть оправданной по приговору суда. После этого ее отводят снова в комнату пыток, зачитывают ей список ее помощников, и она признает его.

Понедельник, 13 декабря, вторник, 14 декабря, среда, 15 декабря 1637 г.

Она снова подтверждает истинность предыдущих показаний.

Пятница, 17 декабря 1637 г.

Она умирает, раскаявшись.

Эйхштадт пострадал также в 1590 г. и с 1603 по 1630 г. Так, например, за двадцать четыре года до 1627 г. было сожжено 113 женщин и 9 мужчин. В 1629 г. один эйхштадтский судья сказал, что он приговорил 274 ведьмы. Эти охоты на ведьм поддерживались епископом Эйхштадтский Иоганном Кристофом. Очевидно, он вызывал определенное сопротивление, поскольку в 1627 г. прекратил конфискацию поместий своих жертв, многие из которых принадлежали к высшему свету, чтобы доказать, что его рвение направлено только во славу Господа. Типичным для этих ранних процессов является дело Анны Кезер из Эйхштадта, казненной в Нойбурге 29 сентября 1629 г. Единственное обвинение против нее — посещение шабаша — было построено на вынужденных признаниях других обвиняемых, восходящих к делам почти десятилетней давности, начиная с первого показания под присягой, данного в 1620 г. Все они вместе с позднейшими обвинениями от 1624, 1626 и 1627 гг. были тщательно собраны и наконец использованы, чтобы обезглавить и сжечь ее. Она рассказала своему духовнику, что ее показания были получены под пыткой, и что она и все остальные — невиновны. Священник сообщил об этом суду, и Анна была подвергнута пытке в пятый раз, более жестоко, чем прежде.

ЭКЗОРЦИЗМ. В отличие от колдовской ереси — христианской аберрации, территориально ограниченной пределами Западной Европы, одержимость и Э. распространены повсеместно, свойственны всем религиям и всем временам. Демоническая одержимость — удобный и емкий термин для описания определенной теории психической неуравновешенности; Э. — это способ, с помощью которого иногда удавалось вернуть больного в нормальное состояние.

Действие, когда-то совершаемое священниками, — лечение психически больных — теперь осуществляется психиатрами. Это сравнение можно расширить: как психиатр может сам подвергаться психоанализу, так и экзорцист часто сам подвергался одержимости. «L'Hiustorie des diables de Loudin» отмечает, что «экзорцисты почти все в большей или меньшей степени подвергаются воздействию демонов и страдают от их козней, и немногие из тех, кто предпринимает изгнание демонов, способны избежать их злобы.

Языческий знахарь соотносится с чародейством также, как христианский экзорцист с колдовством. Католические демонологи свели одержимость любым злым духом к одержимости христианским дьяволом. Будучи христианским, этот дьявол признает превосходство христианского Бога и, следовательно, подчиняется распоряжениям христианского священника, действующего с помощью экзорцизма во имя Господа и церкви. Однако христианские обряды Э. немногим отличаются от похожих церемоний в других религиях, направленных против одержимости демонами. Как отмечали демонологи, только элементарный и примитивный полтергейст не признавал христианства и в минимальной степени подчинялся Э.; однако христианские богослужебные книги содержат Э. против шумных демонов, осаждающих дома и даже нападающих на свадебную процессию.

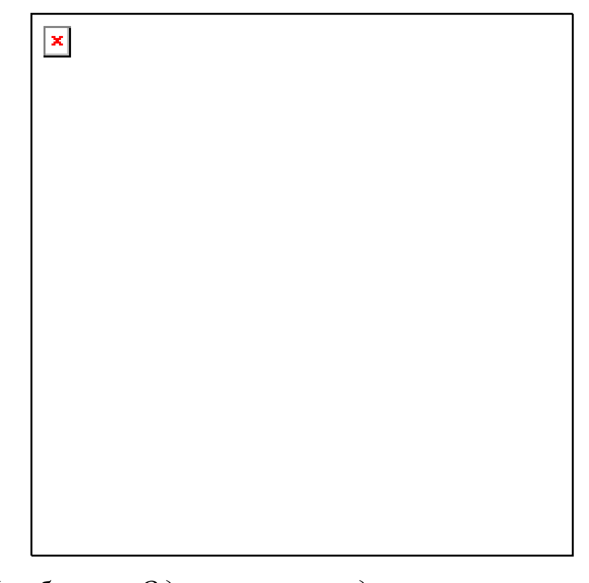
Э. вырос из текстов Нового Завета, например: «…именем Моим будут изгонять бесов» (Марк 16, 17; см. также Лука 9, 1; 10, 17). Э. был довольно рано введен в практику христианской церкви, и экзорцисты образовали один из четырех ее низших слоев. Их репутация помогла распространению новой веры. Во II н.э. Юстин Мученик писал в своей «Апологии»:

> «Поскольку многие христиане исцеляют бесчисленных одержимых по всему свету и в городе Риме во имя Иисуса Христа… [Они] излечивали и излечивают их, делая беспомощным дьявола, вселившегося в них, и изгоняя его из людей, которые не могут быть вылечены другими экзорцистами или теми, кто использует заклинания и порошки».

Высказывания современников свидетельствуют о том, что ранние формы Э. напоминали более поздние ритуалы, окончательно оформленные в «Rituale Romanum», но были гораздо проще. Они включали в себя обычные литании, молитвы и возложения рук для изгнания дьявола. Ориген (III в. н.э.) подчеркивал магическую действенность слова «Иисус», «чье имя, как уже было замечено, совершенно явным образом извлекало мириады злых духов из душ и тел [людей]: так велика власть, которую оно имело над теми, из кого изгоняли духов».

Сила ранних экзорцистов распространялась и на животных. Иеремия в «Житии св. Иллариона» (ок. 390 г.) рассказывает о том, что к святому

> «ежедневно приводили взбесившихся животных; среди них был бактрианский верблюд огромных размеров, кричавший громче, чем тридцать человек, которые удерживали его с помощью прочных веревок. Он уже многих покалечил. Его глаза были налиты кровью, его рот был наполнен пеной, его вращающийся язык распух и, кроме того, страх наводил его громкий и ужасный рев. Несмотря на это, старик приказал, чтобы его отпустили. Тотчас те, кто привел его, и все, кто присутствовал при этом, разбежались. Святой же пошел ему навстречу и сказал ему по-сирийски: «Ты не причинишь мне зла, дьявол, хотя твое тело сейчас огромно. Будь ты хоть верблюдом, хоть лисицей, по сути ты один и тот же». При этом он стоял с вытянутой рукой. Разъяренный верблюд, глядевший так, как будто он хотел проглотить Иллариона, подошел к нему, но тотчас упал навзничь, положив свою голову на землю, и, к удивлению присутствующих, внезапно стал столь же кроток, сколь перед тем был яростен. Старик же объяснил собравшимся, что дьявол, желая навредить людям, вселяется даже во вьючных животных, и они воспламеняются такой сильной ненавистью к людям, что хотят уничтожать не только людей, но и их имущество».

Случай из жития св. Ламберта. Одержимого ведут к алтарю, в это время дьявол стоит у него на лбу и мучает его. Из книги о чудесах, НБ.

Определив по различным признакам или симптомам наличие одержимости, экзорцист должен был далее решить, является ли вселившийся дух добрым или злым. Винценциус фон Берг, составивший известное руководство по изгнанию дьявола, «Enchiridium», приводит список специальных тестов. Дух считался злобным, если он

> «Убегал от крестного знамения, святой воды, имени Христа и т.п.
>
> Говорил что-либо против католической веры.
>
> Склонял сознание одержимых к гордыне, тщеславию, унынию и т.п.
>
> Отказывался обсуждать одержимость со священником.
>
> Проявления его были отвратительными либо гнетущими; уходя, он оставлял зловоние, чувство страха, либо причинял какой-нибудь вред.
>
> Приближался тихо, но после этого наступали печаль, уныние, душевная тревога либо помутнение сознания».

Следующей обязанностью экзорциста было выяснить, как злой дух вошел в тело. Полидори утверждает, что одержимость возникала одним или двумя способами: во-первых, дьявол (с разрешения Господа) входил в тело по своей собственной воле; во-вторых, через ведьму, использующую заклинания, чтобы побудить дьявола войти в тело [см. Одержимость]. Берг приводит список «признаков, по которым можно определить, что одержимость наслана в результате колдовства»

1. Одержимый просит худшую еду.

2. Он не может удержать съеденное, изнурен постоянной рвотой и неспособен переваривать пищу.

3. Некоторые испытывают острую боль в желудке, как будто нечто вроде шара спустилось из желудка в пищевод; они пытаются выблевать это, но оно возвращается на прежнее место.

4. Некоторые чувствуют постоянную ноющую боль в нижней части живота, другие чувствуют или частую пульсацию в шейных жилах, или боль в почках. Некоторые чувствуют постоянную боль в голове или в мозгу, совершенно невыносимую, из-за которой они выглядят подавленными и разбитыми.

5. У околдованного болит сердце; ему кажется, что его разрывают собаки или едят змеи, или колют ногтями и иголками, или сдавливают и стискивают.

6. Иногда все части их головы раздуваются, так что по всему телу они чувствуют такую усталость, что едва могут пошевелиться.

7. Некоторые испытывают частые и неожиданные боли, которые они не могут описать, а только громко кричат.

8. У других тело слабеет и становится как тень по причине крайнего истощения, утраты бодрости и чрезвычайной слабости.

9. Иногда их члены чувствуют себя так, как будто их секли, выкручивали, связывали или стягивали, особенно сердце и кости.

10. Некоторые постоянно ощущают нечто похожее на холодный ветер или обжигающее пламя, пробегающее по их желудку, вызывая сильнейшие сокращения в их внутренностях и внезапное и чрезмерное разбухание желудка.

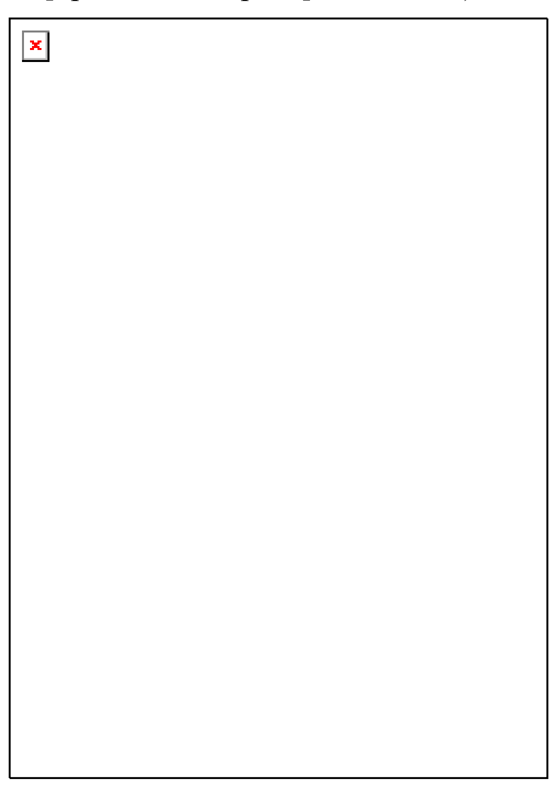
11. Многие околдованные подвержены меланхолическому расположению духа. Некоторые их них так ослаблены, что не хотят ни говорить, ни общаться с людьми.

12. Те, кому причинена порча с помощью колдовства, могут иметь суженные зрачки, и все их тело, особенно лицо, почти целиком имеет желтый или пепельный цвет.

13. Если околдованный уже болен, у него случается значительное ухудшение состояния, приступы страха и ужаса; мальчики тотчас впадают в уныние, их глаза темнеют, и с ними происходят другие заметные изменения. В связи с чем опытный экзорцист должен рассказать о знаках такого рода родственникам больного и всем присутствующим, во избежание недоразумений.

14. Особенно важно то, что опытный врач не уверен в характере заболевания и не может сформулировать свое мнение о болезни; медикаменты же, прописанные больному, не только не улучшают, но ухудшают его состояние.

15. Иногда вывод об околдовывании можно сделать, исходя из предшествующих обстоятельств (в случае применения колдовства для вызывания ненависти, любви, бесплодия, бури, лигатуры или [причинения вреда] животным).

Блаженный Андреас де Конти (ум. в 1302 г., канонизир. в 1724 г.), получает ризу от двух ангелов, символизирующих его славу экзорциста. Фигуры справа изображают одержимых с демоном в облике змеи, который покидает одну из них.

Даже когда экзорцист подозревал, что одержимость наслана ведьмой, ему практически запрещалось выяснять имя подозреваемого, поскольку поступать подобным образом означало искать помощи у дьявола. Частично вследствие суда над Луи Гофриди [см. Экс-ан-Провансские монахини], обвиненного одержимыми девушками, Сорбонна в 1620 г. запретила принимать к рассмотрению показания демонов. В противоположность узаконенным в то же самое время призрачным показаниям, университет указывал на то, что дьявол никогда не скажет правду, даже при Э. Однако это постановление не всегда принималось во внимание, и основная участница процесса Гофриди сестра Мадлен де ла Палю год спустя, в 1653 г., сама была обвинена в колдовстве. Показания одержимых также принимались на процессе Урбена Грандье в 1634 г. [см. Луденские монахини].

Если после всех этих тестов экзорцист считал, что ему не хватает сведений для принятия определенного решения, он мог объявить всеобщий Э.

> «Зафиксировав свой взгляд на одержимом и положив свою руку на его голову, и в этом положении тайно приказав дьяволу, потому что дьявол сам является источником зла, экзорцист делает некий знак, во всеуслышание заявляя одержимому:
>
> „Я, NN, священник Христа и церкви, во имя Иисуса Христа, повелеваю тебе, нечистый дух, если ты находишься и прячешься в теле данного человека, созданного Богом, или если ты каким-либо образом истязаешь его, чтобы ты немедленно дал мне знак того, что ты действительно присутствуешь и обладаешь этим человеком… как ты делал прежде, в мое отсутствие, в привычной тебе манере“».

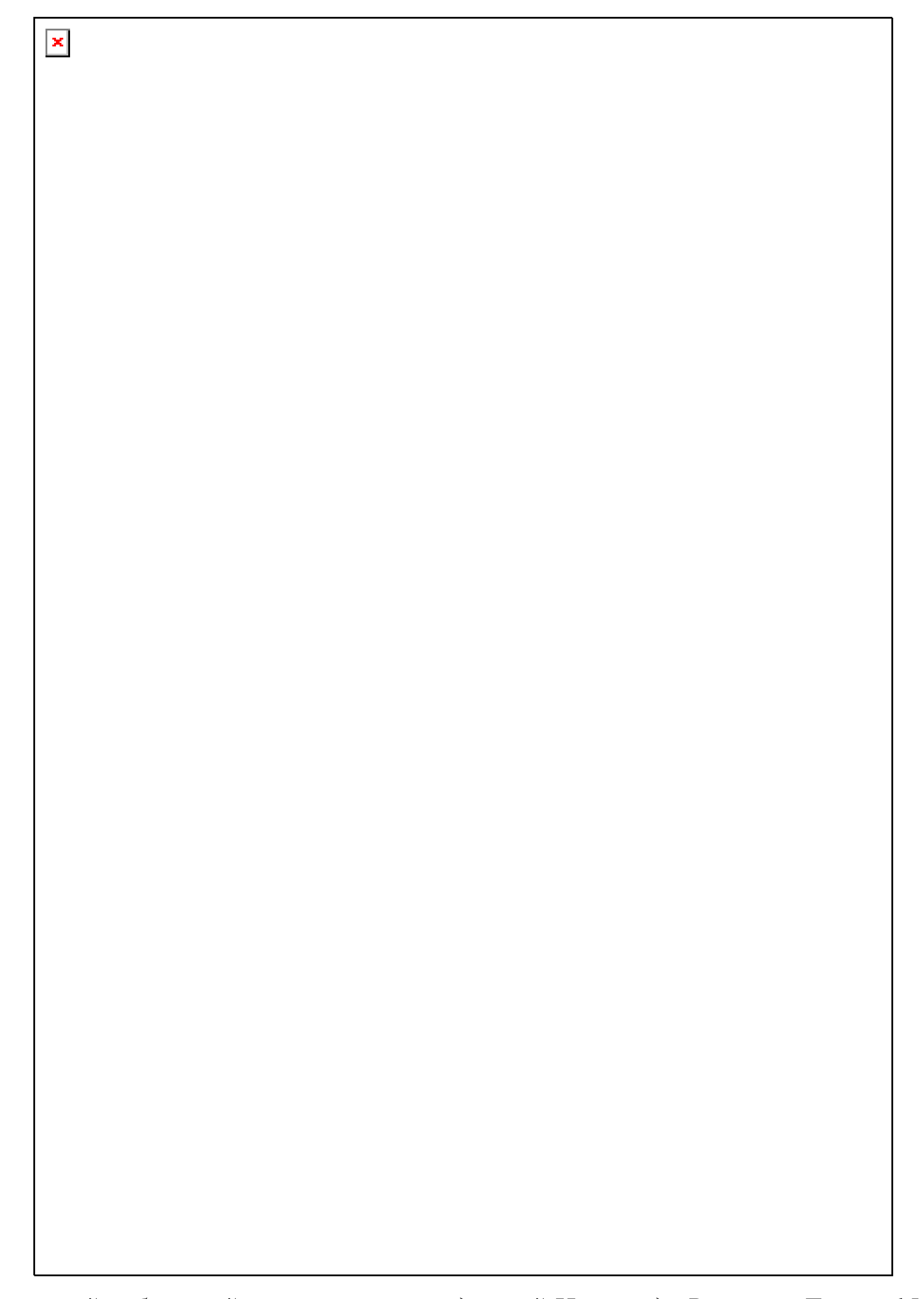
Убедившись в наличии одержимости дьяволом, экзорцист был обязан следовать нескольким общим правилам. Он должен был спросить имя дьявола, он должен был узнать, как много дьяволов обладают больным, он должен был выявить причину одержимости и, если дьявол не желает уходить, узнать срок его дальнейшего пребывания; и, наконец, он должен был определить точный час, когда демон вошел в тело.

Экзорцисты следовали этим инструкциям. Так, например, действовал корпус доминиканцев, иезуитов и капуцинов, производивший Э. над некой дворянкой в церкви Нотр-Дам-де-Грирсон, диоцеза Ош. 16 ноября 1618 г. они изгнали из нее демона по имени Маго. Четырьмя днями позже они возобновили свой Э. против второго дьявола:

> «Дух… начал говорить с большим трудом устами пациентки, и мы стали допрашивать его следующим образом:
>
> Как его зовут, откуда он пришел и из какой области? Поскольку ему было приказано силой Господа, он отвечал, что его зовут Маонин, он из третьей иерархии и второго чина архангелов, и что его местообитание, прежде чем он вошел в тело одержимой, было в воде.
>
> Когда его заставили сказать, какой святой на небесах является его противостоятелем, он ответил, что это св. Марк Евангелист.
>
> Когда его допросили о том, из какого места он родом, он назвал город Безьер в Лангедоке, на испанской границе…
>
> Когда его спросили, в какой день он вошел в тело, он ответил, что это случилось в третий четверг после Пасхи, в месяце марте, когда вышеупомянутая одержимая находилась в городе Ажене.
>
> Когда его спросили, как долго длилось околдовывание, он ответил, что в течение двух лет.
>
> Когда ему приказали дать сигнал, когда он выйдет, он ответил, что бросит камень с башни в ров с водой («Les Conjurations faites a un demon possedant le corps d'une grande dame», 16l9).

Когда колдовская истерия достигла пика, были опубликованы многочисленные антологии ритуалов Э., большинство из которых претендовало быть «cum permissu superiorum». Наиболее известен «Flagellum Demonum» Джироламо Менги с семью различными Э. Очевидно, Менги сам был экзорцистом, и его широко цитировали последующие демонологи. Позже он включался в работы других четырех авторитетов, Вальдерио Полидори, Захариаса Висекомеса, Пьетро Антонио Стампы и Максимилиана ван Эйнаттена, в 1232-страничный «Thesaurus Exorcismorum», и, что достаточно странно, вскоре попал в «Индекс запрещенных книг.

«Thesaurus Exorcismorum» содержит Э. для почти всех возможных случаев: Э. против демона, досаждающего в доме (сперва молитва, чтобы освятить место, затем заклинание против «древней змеи», чтобы она вышла, и, наконец, литания); Э. против высыхания вымени у коров; против вредных насекомых, таких как гусеницы и саранча); против различных болезней (включая «боли в животе» и желудочные боли») и лигатуры. «Нигде больше экзорцизм не может быть применен экзорцистом с такой пользой, как в случае этого maleficium [лигатуры], которая разрушает супружеские связи».

Массовый публичный экзорцизм, проведенный Никола де Вервии в Лаоне, 1569. Одержимые с разной степенью помешательства размещены на платформе возле церкви, в то время как священники молятся за них. Слева вверху виден дьявол, покидающий тела одержимых.

Экзорцист молился о благословении «тех супругов… вступающих в супружескую связь», и о том, чтобы «милость Твоя снизошла на них и освободила их от лигатуры, обольщения и сатанинского колдовства, чтобы жить им в добром здравии, плодиться и породить потомство». Винценциус фон Берг приводил «духовное лекарство против демонов суккуба и инкуба», которые могли быть изгнаны с помощью искреннего раскаяния одержимых, частых причастий, святой воды, милосердных деяний, размещения амулетов по четырем сторонам кровати, благословения кровати, посещения святых мест, Э. и двух порций вина с лечебными травами (Это напоминает совет Синистрари изгонять инкуба окуриваниями.) [см. Заговоры].

Согласно этим учебникам, ритуал Э. над одержимым злыми духами был длительным и впечатляющим. Он не должен был проходить легко, и рекомендовались некоторые предосторожности, такие как присутствие свидетеля, особенно при одержимости женщины. Также священника предостерегали, чтобы он не говорил и не делал ничего «способного вызвать непристойные мысли». Церемония делилась на несколько частей, Э. чередовался с молитвами; некоторые современные критики отмечают глубокую психологическую обоснованность контраста между уговорами и угрозами. В «литаниях площадной брани» дьявола называли тощей свиньей, паршивой бестией, грязным угольщиком, раздутой жабой или вшивым свинопасом, и молились, чтобы Господь «вонзил кол в твой висок и ударил по нему молотом, как сделала Иаиль с Сисарой».

Ритуал Э. по-прежнему практикуется сегодня в католической церкви. (Большинство протестантских церквей отвергают теорию одержимости и Э.). В 1947 г. Нью-Йоркское издание «Rituale Romanum» (с предисловием Франциска, кардинала Спеллмана) воспроизвело ритуал в том виде, в каком он напечатан у Максимилиана ван Эйнаттена и включен в «Thesaurus Exorcismorum», откуда взят для перевода следующий отрывок.

Порядок проведения Э. Из католического ритуала, установленного распоряжением Его святейшества Павла V.

Священник, облаченный в стихарь и фиолетовую епитрахиль, один конец которой обернут вокруг шеи одержимого, связанного, если он буйствует, окропляет присутствующих святой водой. Затем начинается служба.

1. Литания.
2. Псалом 54.
3. Моление о Божьей милости в предстоящем Э. против «злобного дракона» и приказ вошедшему духу «назвать мне свое имя, день и час, когда ты намерен выйти, с помощью некоего знака».
4. Евангелие (Иоанн, 1; и/или Марк, 16; Лука, 10; Лука, 11).
5. Подготовительная молитва.

Затем священник, защищая себя и одержимого крестным знамением, поместив часть своей епитрахили вокруг шеи, а свою правую руку на голову одержимого, решительно с большой верой должен сказать нижеследующее:

6. Первый Э.:

«Я изгоняю тебя, нечистый дух, истинное воплощение нашего врага, призрака, весь легион, во имя Иисуса Христа, выйди вон и беги из этого Божьего существа».

«Это повелевает тебе Тот, Который сбросил тебя с небесных высот в земные глубины. Это повелевает тебе Тот, Который правит морем, ветрами и бурями».

«Итак, слушай и содрогайся, о, Сатана, враг веры, недруг рода человеческого, носитель смерти, похититель жизни, нарушитель справедливости, источник алчности, причина беспорядка, производитель несчастий. Почему ты стоишь и сопротивляешься, если ты знаешь, что Господь Иисус Христос сокрушит твою силу? Бойся его, принесенного в жертву в Исааке, проданного в Иосифе, умерщвленного в агнце, распятого в человеке и затем вознесенного на небеса.

(Следующие крестные знамения должны быть сделаны на лбу одержимого)

«Итак, изыди, во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, уступи место Святому Духу, по крестному знамению Иисуса Христа, Господа нашего, Который с Отцом и Святым Духом есть Бог Единый, ныне, и присно, и во веки веков».

7. Молитва для достижения успеха и крестные знамения над одержимым.
8. Второй Э.

«Я заклинаю тебя, древний змий, именем Судии над живыми и мертвыми, именем твоего Создателя, Создателя мира, Того, Который обладает властью сослать тебя в ад: скорей покинь этого раба Божьего, возвращающегося в лоно церкви в страхе и ужасе от тебя. Я заклинаю тебя снова (+ на лбу), не своею слабой силой, но Духом Святым: покинь этого раба Божьего, которого всемогущий Господь создал по своему образу и подобию.

Покорись же, не мне, но служителю Христа. Ибо Его властью приказываю тебе, склонившемуся здесь перед Его крестом. Трепещи от его руки, которая ведет к свету испытавших горести ада. Да убоишься ты отныне тела человеческого (+ на его грудь), образа и подобия Божьего (+ на его лоб). Не сопротивляйся, скорей беги из этого человека, поскольку в теле этом поселится Христос. И пусть ты знаешь, что я грешен не меньше, чем ты, — не презирай меня.

Ибо сам Господь повелевает тебе. Величие Христово повелевает тебе. Бог Отец повелевает тебе. Бог Сын повелевает тебе. Дух Святой повелевает тебе. Святой крест повелевает тебе.

Вера святых апостолов Петра и Павла и всех других святых повелевает тебе.

Кровь святых мучеников повелевает тебе.

Постоянство верующих повелевает тебе.

Благоговейное заступничество всех святых повелевает тебе.

Верность таинствам христианской веры повелевают тебе.

Изыди, окаянный. Изыди, соблазнитель, полный порока и греха, враг веры, растлитель невинных. О ужаснейший, уступи место, уступи место, нечестивейший, уступи место Христу, в Котором нет места твоим деяниям, Который поверг тебя, Который разрушил твое царство, Который взял тебя в плен и разорил твои владения, Который заключил тебя во внешнюю тьму, где для тебя и твоих служителей уготована гибель.

Но, свирепый, зачем ты сопротивляешься? Падший, зачем ты отказываешься?

Твои козни осуждены всемогущим Господом, чьи установления ты нарушил.

Твои козни осуждены Иисусом Христом, Сыном Божьим, которого ты обрек на муки и на распятие.

Твои уловки осуждены человечеством, которое ты заставил испить смертную чащу.

Итак, я призываю тебя, окаянный дракон, во имя Святого Агнца, который ходит между гадюкой и василиском, между львом и драконом, оставить этого человека (+ пусть знамение будет сделано на его лбу), покинуть Храм Господень (+ пусть стоящие рядом будут осенены крестом). Трепещи и беги при обращении к имени Господа, от Которого трепещет ад, Которому подчинены добродетели небес, Силы и Власти, и Которого, не переставая, славят Херувимы и Серафимы, восклицая: свят, свят, свят Господь Бог Саваоф.

Слово, создавшее плоть, повелевает тебе.

Господь, пречистою девой рожденный, повелевает тебе.

Иисус Христос из Назарета повелевает тебе; когда ты смеялся над Его учениками, Он повелел тебе, разбитому и поверженному, покинуть тело человека, и, отделившись от этого тела, в присутствии Христа ты не побрезговал войти в стадо свиней.

Итак, заклинаю тебя во имя Его, оставить этого человека, которого Он создал. У тебя нет силы на Его силу. И чем медленнее ты будешь выходить, тем сильнее будет наказание, поскольку ты оказываешь пренебрежение не человеку, но Господу всех живых и мертвых, Который придет судить живых и мертвых и весь мир огнем.

9. Молитва.

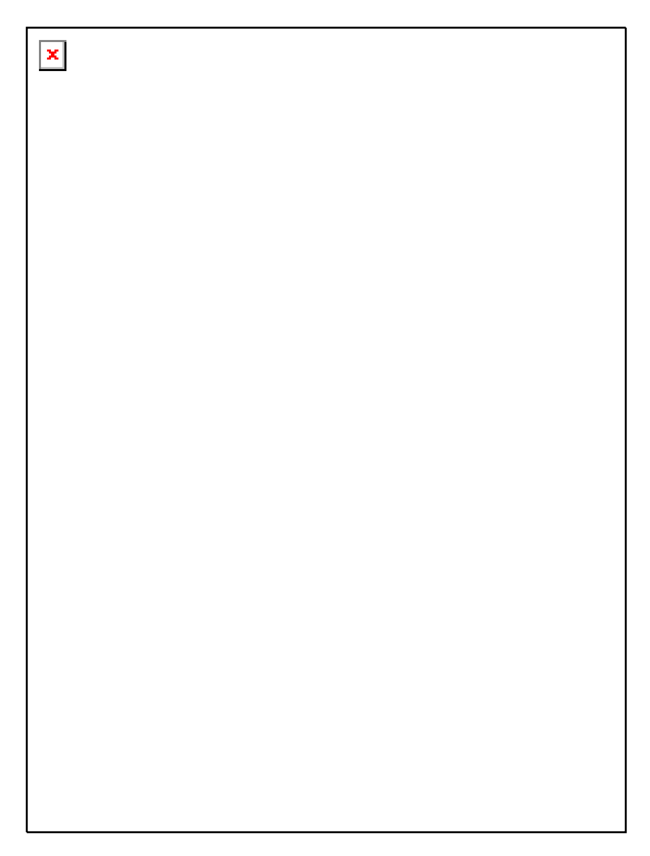
10. Третий и последний Э.

Итак, я заклинаю тебя, нечистый дух, призрака, воплощение Сатаны, во имя Иисуса Христа из Назарета, Который после крещения в Иордане ушел в пустыню и победил тебя в твоих владениях, — прекрати оскорблять этого человека, которого Он создал из праха земного ради славы Своей; и трепещи не от слабых сил презренного человека, но от образа Всемогущего Бога.

Итак, взываю к Господу, Который с помощью раба своего Моисея утопил тебя и твое зло в образе фараона и его армии в пучине морской.

Взываю к Господу, Который изгонял тебя из царя Саула благочестивыми песнями его верного слуги Давида.

Взываю к Господу, Который проклял тебя в образе Иуды Искариота, предателя. Поскольку он наказал тебя карой Божьей, при виде Его, трепеща и плача вместе со своим легионами, ты сказал: «Чего ты хочешь от нас, Иисусе, Сын всемогущего Бога? Ты явился, чтобы мучить нас до срока?» Он повергает тебя в геенну огненную, Он, Который в конце времен скажет всем нечистым: Отойди от меня, проклятый, в неугасимый огонь, который приготовлен для дьявола и присных его.

Титульный аист «Alexicacon» (Венеция, 1668), книги францисканца Кандидуса Броньолуса, посвященной изгнанию злых духов. Из БКУ.

Для тебя, проклятого, и для твоих присных приготовлен червь, который не умирает.

Для тебя и присных твоих приготовлен неугасимый огонь, ибо ты — главарь злейших убийц, вдохновитель кровосмешения и святотатства, мастер худших злодеяний, учитель еретиков, изобретатель всех непристойностей. Итак, зловредный, изыди, изыди, ты, негодяй, изыди со всеми твоими присными, потому что Господь не оставил этого человека своей милостью.

Но почему ты задерживаешь и остаешься здесь?

Прояви покорность Господу, Богу Отцу, перед которым всякое колено да преклонится.

Уступи место, Господу Иисусу Христу, Который отдал ради человека свою драгоценную кровь.

Уступи место Святому Духу, Который через благословенного апостола Петра победил тебя в Симоне волхве, Который осудил твой обман в Анании и Сапфире, Который поразил тебя в царе Ироде, не почтившем Бога, Который через апостола Павла победил тебя в Елиме волхве, поразив его слепотой, и, через того же самого апостола, словом его изгнал тебя из пифии.

Итак, изыди. Изыди, искуситель. Ты, чье жилище — безумие, чье обиталище — змий. Будь повержен и проклят. Отсрочек больше нет. Ибо взгляни: Господь приближается быстро, и его огонь горит перед ним и предшествует ему и испепелит его врагов везде. Ты можешь обмануть человека, но не можешь насмехаться над Господом.

Он изгоняет тебя, Тот, от Которого ничто не укроется.

Он изгоняет тебя, Тот, Чья власть повсюду.

Он изгонят тебя, Тот, Кто предуготовил тебе и твоим ангелам вечный адский огонь: из уст Которого исходит острый меч, Он, Который придет, чтобы судить живых и мертвых и весь мир огнем».

11. Заключительная молитва, включающая песнопение, символ веры и разные псалмы.

Кроме того, часто применялись окуривание и бичевание. Санчес (1661) отличает суеверное использование этих средств для изгнания демонов от их религиозного использования с целью выражения своего презрения дьяволам. Броньолус Бергомензи (1651) цитирует многих специалистов, но по-прежнему предупреждает, что бичевание должно применяться «бережно и умеренно», больше для унижения дьявола, нежели для воздействия на одержимого.

ЭКС-АН-ПРОВАНСКИЕ МОНАХИНИ.

> «Воистину ты, Мадлен, являешься ведьмой и совершила то, что ввергло всех в величайшую печаль: ты трижды отреклась от Господа на разных мессах: в полночь, на рассвете и на торжественной мессе».

Приведенное обвинение, предъявленное Мадлен Демандоль де ла Палу вселившимся в нее дьяволом Вельзевулом было высшей точкой экзорцизма, проведенного великим инквизитором Себастьяном Мишелем над молодой послушницей. История монахинь, околдованных отцом Луи Гофриди, красивым приходским священником из Марселя, не изобилует такими красочными деталями, как позднейшие обвинения, выдвигавшиеся против отца Урбена Грандье в 1634 г., отца Томаса Булле в 1647 г. или отца Жерара Жан-Батиста спустя сто лет, в 1731 г. Однако суд над отцом Гофриди в 1611 г. (вскоре после лабурдской паники, расследованной де Ланкром), вызвал больший интерес не только в Эксе и Марселе, но и во всей Западной Европе. Сообщения о нем быстро переводились на иностранные языки. Благодаря тщеславию инквизитора Мишеля были составлены подробнейшие описания длительных ежедневных экзорцизмов двух девушек, истязуемых дьяволом. Труд «The Admirable History of a Penitent Woman who was seduced by a mangician in the country of Provence in France, and of the end of the said magician» («Удивительная история о раскаявшейся женщине, соблазненной магом во французской земле Прованс, и о гибели этого мага») повествует об искусстве Мишеля в разоблачении колдуна, наславшего дьяволов на монахинь. Его английский перевод (Лондон, 1613), выполненный неким «W.B.», должен был продемонстрировать «плохое состояние католицизма». К счастью, описание М. можно скорректировать по тысячам страниц судебных отчетов, сохранившихся в национальной библиотеке в Париже.

Мадлен Демандоль происходила из аристократической и очень состоятельной провансальской семьи. Нервная девочка, несколько тщеславная и возбудимая, она была еще и глубоко верующей. В 1605 г., в возрасте 12 лет, Мадлен поселилась в только что созданном урсулинском монастыре в Экс-ан-Провансе, где насчитывалось только 6 монахинь, причем все были благородного происхождения. Их духовным наставником был основатель монастыря отец Жан-Батист Ромильон, также руководивший и его филиалом в Марселе. После более чем двухлетнего пребывания в монастырской школе Мадлен впала в депрессию и была отправлена обратно к родителям в Марсель. Ее душевное состояние улучшилось после общения с другом ее семьи Луи Гофриди, священником марсельского прихода Аккуль. Несмотря на низкое происхождение и незначительное образование, он был принят в нескольких состоятельных семьях. Он был весел, даже развязен, временами игриво перебрасывался через стол с гостями мягким сыром. Около двух дюжин женщин, одиноких и замужних, избрали его своим духовником и явно наслаждались его обществом, возможно шестеро были даже влюблены в него.

Приближаясь к 14 годам, Мадлен влюбилась в отца Гофриди, которому тогда было 34, часто навещавшего ее дома. Когда слухи о его полуторачасовых задержках наедине с Мадлен стали распространяться повсюду, настоятельница монастыря урсулинок в Марселе матушка Катрин де Жомер, аристократического происхождения, предупредила мадам Демандоль по поводу поведения ее дочери. Мадлен рассказала матери, что священник украл ее самую красивую розу. Матушка Катрин также предупредила отца Гофриди об опасностях подобной связи.

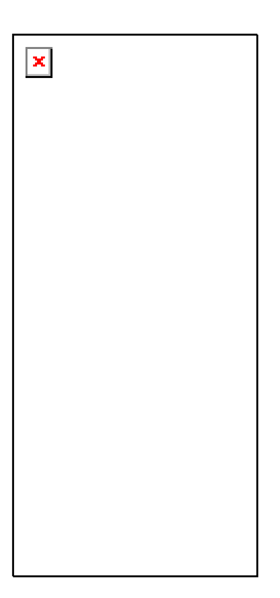
В XVII в. безнравственность священников казалась менее шокирующей, чем в XX в. В «Жизнеописании» отца Ромильона, написанном Бургиньоном (Марсель, 1669), например, описывается прием, данный монахом после его первой мессы. Местная семья оплатила праздник, а дочь выступила в качестве «Марианны» или партнерши нового священника во время празднества, состоявшего из танцев, поцелуев (игры «в бутылочку») и «других вольностей». Все монахи появились в светских одеяниях, украшенными лентами. Когда отец Ромильона попытался воспрепятствовать подобному празднеству в своем родном городе, монахи перехватили его по дороге и избили дубинками, спрятанными под рясами. Очевидно, что немногие считали этот обычай богохульственным. При подобном отношении вольности, допускавшиеся молодым священником, не привлекали внимания до тех пор, пока дело не осложнилось колдовством.

В следующем (1607) году Мадлен вступила в монастырь как послушница. Она исповедовалась перед матушкой Катрин о вольностях, допускавшихся отцом Гофриди. Это не возымело никаких последствий, кроме того, что Мадлен была переведена в более отдаленный монастырь в Эксе, где отец Гофриди не мог навещать ее. Здесь, спустя год или два, у Мадлен, которой к тому времени исполнилось 16 или 17 лет, стали случаться сильные припадки и конвульсии, а также видения дьявола. Как раз перед Рождеством 1609 г., во время исповеди, она разбила вдребезги распятие.

Пожилой отец Ромильон решил провести экзорцизм, но не добился успеха, и симптомы Мадлен перешли на трех других монахинь, впадавших в конвульсии, терявших дар речи и способность глотать. На Пасху 1610 г. отец Ромильон и другой священник предупредили отца Гофриди о симптомах Мадлен, и в июне допрашивали его об их отношениях. Гофриди отрицал интимную связь. Однако во время экзорцизма Мадлен продолжала обвинять отца Гофриди: он отрицал Господа, предоставил ей «зеленого дьявола» в качестве домашнего духа и имел с ней сношения с 13 лет (позже она сказала, что с 9). Он говорил ей: «Поскольку я наслаждаюсь твоими прелестями, я дам тебе питье, сделанное из специального порошка, чтобы быть уверенным в том, что, если ты понесешь от меня, твои дети не будут похожи на меня; благодаря этому никто не заподозрит меня в безнравственном поведении».

В течение года отец Ромильон продолжал проводить тайные экзорцизмы над этой сексуально озабоченной девочкой. Ее истерия передалась 5 другим монахиням. Одна из них, сестра Луиза Капо, явно завидовавшая более богатой и родовитой Мадлен, попыталась превзойти ее в проявлениях одержимости демонами. Наконец, отчаявшись, отец Ромильон взял обеих девочек к находившемуся в преклонном возрасте Себастьяну Мишелю, известному великому инквизитору из Авиньона. Отец Мишель обладал огромным опытом в колдовстве, поскольку в 1582 г. он сжег 18 ведьм в Авиньоне. Он попытался провести публичный экзорцизм в известной обители Св. Марии Магдалины в гроте Сен-Боме, но преуспел не более, чем отец Ромильон.

Затем обе девушки были доставлены в королевский монастырь Святого Максима для излечения другим признанным экзорцистом, фламандским доминиканцем Франсуа Домптиусом. Здесь Луиза постоянно привлекала к себе его внимание, вещая грубым глухим голосом перед многочисленными зрителями, что трех дьяволов, овладевших ею, зовут Верен, Грезиль и Сонильон. Она обвиняла сестру Мадлен в одержимости Вельзевулом, Левиафаном, Баалберитом, Асмодеем, Астаротом и еще 6661 дьяволом [см. Демонология]. В ответ Мадлен богохульствовала, «воя и крича во весь голос». 15 декабря Луиза, действуя от имени дьявола Верена, публично назвала отца Гофриди виновным в одержимости Мадлен дьяволами: «Ты [Мадлен], была обманута священником, являвшимся твоим исповедником… Он из Марселя и зовут его Луис». Экзорцисты «верили, что обе девушки были действительно одержимы».

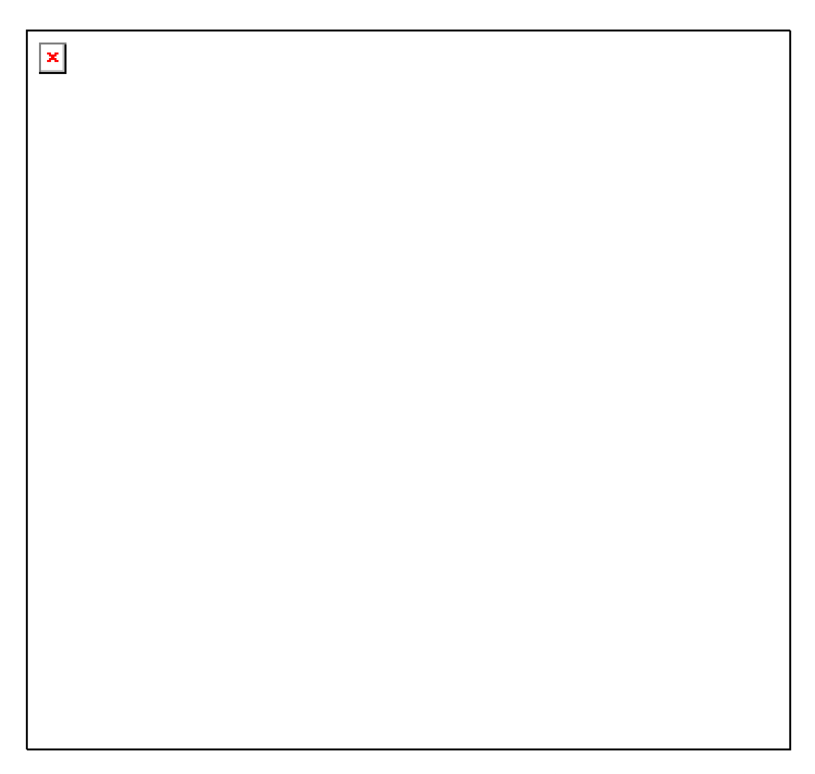
«Шабаш проходит каждый день… Ведьмы собираются вместе по звуку рожка, в который дует дьявол». Сестра Мадлен де Демандоль (1611). Из книги Ричьеру «Lectionum Antiquarum» (1617).

Инквизитор решил расследовать предполагаемый случай околдовывания, отец Гофриди должен был сам попробовать изгнать дьявола, чтобы излечить девушек. 3 декабря 1610 г. в сопровождении трех священников отец Гофриди прибыл в Сен-Боме в неистовую снежную бурю. Он ничего не знал об экзорцизме; обе девочки насмехались над его неумением. Луиза обвинила его в колдовстве, заставив ответить: «Если бы я был колдуном, я бы, конечно, отдал мою душу тысячам дьяволов!» На основании данного доказательства (!) Гофриди был помещен за решетку в углу грота «с его гнусной, зловредной силой».

Сестра Мадлен развила свои обвинения, обвинив Гофриди практически во всех непристойностях, известных демонологам. Даже у алтаря она насмехалась над ним: «Tu non lou dises pas de hon coeur» [«Ты не молишься с чистым сердцем»]. В то же время комнаты отца Гофриди в Марселе были осмотрены в поисках «каких-либо документов или предметов магии», но ничего не было найдено. Очевидно, он имел влиятельных знакомых, особенно среди капуцинских монахов, помешавших «похоронить» его. Фактически, все показания, которые смог собрать инквизитор, были благоприятны для Гофриди, и Мишель неохотно разрешил священнику вернуться в его приход.

Поскольку ложные обвинения не были доказаны, отец Гофриди потребовал более однозначной реабилитации. Многие священники согласились, что обвинения были «просто традиционными и глупыми». Гофриди подал апелляцию епископу Марсельскому и папе; он добивался, кроме прочего, ликвидации урсулинских монастырей и заключения монахинь в Сен-Боме.

У Мадлен, заключенной инквизитором в Сен-Боме, развились маникально-депрессивные проявления: у нее были видения, она танцевала и смеялась, пела любовные песни, ржала как лошадь, мешала церковной службе (сдергивая головные уборы со священников и разрывая ризы), рассказывала фантастические истории о шабашах (с содомией и поеданием маленьких детей). Она выплевывала шарики легкого вещества, похожие на «сгустки меда и смолы». Вельзевул заставлял «ее кости стучать и биться одна о другую». Во время судорог ее внутренности смещались и «переворачивались вверх тормашками… так что легко можно было услышать звуки неестественных движений. Когда подобные муки закончились, [дьяволы] погрузили ее в глубокий сон или летаргию, так что она казалась совершенно мертвой».

Голова злого демона. Сестра Луиза Капо смеялась над сестрой Мадлен, что она одержима демоном Астаротом и 6665 другими дьяволами. Иллюстрация из редкой и любопытной работы Френсиса Барретта «The Magus» (1801).

Вторая половина истории одержимых монахинь из Экс-ан-Прованса развивалась в гражданских судах, неизбежно сопровождаясь известиями об одержимости их дьяволом, попытками отца Гофриди очистить себя от подозрений в колдовстве и политическим давлением инквизитора Мишеля, требовавшего наказать обвиняемого. В феврале 1611 г. парламент Экса, руководимый суеверным президентом Гильомом де Вером, начал вербальный процесс, располагая только призрачными показаниями.

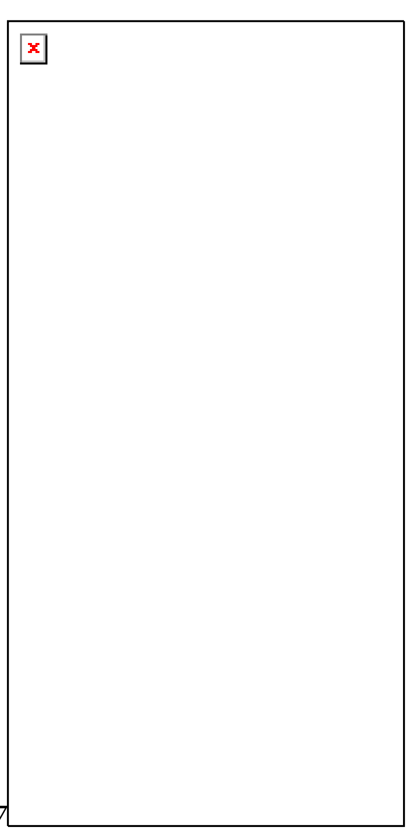
Показания большей частью основывались на том, что происходило во время экзорцизмов; во время суда с Мадлен и Луизой часто случались припадки. Девушки говорили на прованском диалекте, который нужно было переводить для отчета на французский. Мадлен перемежала сумасшествие с просветлениями. Своей наглостью по отношению к священникам в суде она предвосхитила девушек из Салема, сказав одному из них, чтобы он подтвердил свой сан, показав свою тонзуру! Затем она успокоилась и призналась в том, что ее заявления «были выдумкой, иллюзией и в них не содержалось ни капли истины» (Processe verbal, 21 февраля 1611 г.). Она в восторге заявила о своей любви к Гофриди: О! que si aqueste lengo li poudi pourta uno bonero paraulo a l’aureillo, que contentamen!» [«О! Если бы он мог сказать мне хоть слово дружбы, как я была бы счастлива!»]. После этого она забилась в сладострастной дрожи, «напоминающей половой акт с неистовыми движениями нижней частью живота».

Она демонстрировала отметки дьявола на своих ногах и под левой грудью, в которые врачи вонзали булавки, при этом не было ни крови, ни боли. Эта пятна неожиданно исчезали. Ежедневно она сама себе противоречила, обвиняя и затем отрекаясь от показаний. По мере продолжения суда Мадлен становилась все более подавленной и дважды попыталась покончить жизнь самоубийством.

В мае допросили отца Гофриди. Он был измучен инквизицией в течение года и потерял здоровье после пребывания в подземной тюрьме, закованным в тяжелые кандалы, среди крыс и паразитов. После того, как все его тело было тщательно обрито, были найдены 3 дьявольских отметки. В конце месяца Гофриди признался в том, что он был «Князем Синагоги». Он якобы подписал договор своей собственной кровью, и дьявол пообещал, что все женщины будут «очарованы и подчинены ему» (Михаэлис). Он изобрел изыскан-

ное описание шабаша, более напоминающее обычное богослужение, чем праздник сладострастия. Инквизитор Михаэлис ликовал и опубликовал приписанное Гофриди фальшивое признание, состоявшее из 52 пунктов. Найдя в себе силу, Гофриди отрекся от всех признаний, сказав, что они были вырваны под пыткой. «Все это ложь, приписанная ему и изобретенная для того, чтобы придать большую яркость и достоверность тому, что он скажет».

Несмотря на его отречение, 18 апреля 1611 г., суд признал Гофриди виновным на основании того, что он признал все пункты обвинения: магию, колдовство, идолопоклонство и обольщение (врачи установили, что Мадлен не была девственницей). Отец Гофриди был приговорен к сожжению живьем sur un feu de busches — на костре, сложенном из веток, потому что сжигаемые подобным образом горели дольше, чем сжигаемые с помощью вязанок хвороста. Даже после вынесения приговора, допросы Гофриди, частично повредившегося рассудком, продолжались. Во время его последнего появления перед судьями 28 апреля, он отрицал свою связь с Мадлен, хотя и признал, что был добрым другом семьи. Затем он начал жаловаться, что никто не верит в то, что он говорит, и что он признается во всем, что хотят судьи. Да, он ел детей на шабаше — но какое имеет значение, было это или нет на самом деле?

7

Отношения между духовниками и их исповедницами часто высмеивались во Франции XVIII в. Типичным примером книги подобного рода является «Les amours de Sainfroid, Jesuite, et d Eulalie, fille devote» (Гаага, 1729).

Смертный приговор был подписан 29 апреля, а 3 апреля 1611 г. состоялась казнь. Отец Гофриди был сначала лишен сана и расстрижен церковными властями, а затем снова доставлен в парламент Экса. Чтобы сделать его смерть более ужасной, отца Гофриди подвергли пытке, чтобы принудить назвать имена своих сообщников. Его трижды подвешивали на страппадо: за связанные сзади руки его вздергивали на веревке и бросали вниз. Он кричал: «Mon Dieu, je ne scay point de complices! Ay, laisso, siou mouert!» [«О Господи, я не знаю никаких сообщников. О, оставьте меня, я умираю!»] При третьем падении он сказал на прованском диалекте: «Yo, diriou, Messies, non siou pas christian; si noun lou disiot, ay conegut Magdalens a la sinagogo, parce que la conession de deca». [«Я скажу вам, господа,

нет, я не христианин. Если я говорил, что не познал Мадлен на шабаше, это потому, что я познал ее раньше»].

После страппадо пришел черед question extraordinaire, жесточайшей пытки выворачиванием. Палач, месье Оливье, прикрепил тяжелый груз к его ногам и 4 раза поднимал и бросал жертву, не доводя нескольких дюймов до пола, пока его тело не перекорежилось от ужасных рывков. Однако, по-прежнему, отец Гофриди не назвал никаких имен.

Охраняемый стрелками, Гофриди был принужден пройти amende honorable и попросить прощения у Господа и судей. Затем, привязанного к деревянной оглобле, его протащили по заполненным толпой улицам Экса. Спустя 5 часов процессия достигла соборной площади. Благодаря специальному разрешению (возможно, данному епископом Марселя) Гофриди был задушен перед сожжением. На следующий день, как следует из «Chronique de l'Ordre des Ursulines» (1673), Мадлен Демандоль излечилась от своей одержимости дьяволом.

Луиза Капо не излечилась. Она продолжала видеть ведьм. Она была непосредственно ответственна за сожжение слепой девушки Онории, обвиненной ею 19 июля 1611 г. И другие монахини в других монастырях (Сен-Клер в Эксе и Св. Бригитты в отдаленном Лилле) тоже заразились этой инфекцией. Отцы Михаэлис и Домптиус были направлены во Фландрию, чтобы провести экзорцизм сестры Марии де Сен, недавно побывавшей в Эксе и распространившей дурное влияние на монастырь Св. Бригитты в Лилле. К счастью, в дело вмешался архиепископ Малинский и заставил тихо поместить сестру Марию в тюрьму Турне.

Последние дни жизни Мадлен Демандоль были такими же тревожными, как и ее молодость. В 1642 г., когда ей исполнилось 49 лет, ее обвинили в колдовстве. Отвергнутая своими родственниками, она должна была защищаться самостоятельно, расходуя свое небольшое наследство. В 1652 г. ее обвинили снова и, несмотря на вклад в орден монахов-тринитариев, арестовали в следующем году. Против нее свидетельствовали многие, были найдены отметки дьявола, и 12 декабря 1652 г. Мадлен была осуждена на пожизненное заключение с выплатой огромного штрафа. После 10 лет тюремного заключения ее выслали под опеку родственника в Шатовье, где она и умерла 20 декабря 1670 г. в возрасте 77 лет.

Ю

ЮНИУС, ИОГАННЕС. Суд, состоявшийся в 1628 г. над Ю., бамбергским бургомистром, описан в современных судебных отчетах. Еще более душераздирающим является чудом сохранившееся письмо, которое он тайно переправил из тюрьмы своей дочери. Из всех кошмаров колдовской истерии не существует более волнующего документа, чем этот. Он высвечивает безумие и порочность всей концепции колдовства, отражая одновременно возможность сохранения личностью присутствия духа. Генри Ли писал об этом письме: «Сама отрывочность отдельных абзацев подтверждает подлинность того, что написано тем, кто находился в таком напряжении духа и тела».

Бамберг был признанным центром преследований, особенно при князь-епископе Иоганне Георге II (1623–1633), который лично был ответственен за сожжение по крайней мере 600 человек, включая многих прогрессивных городских жителей: канцлера княжества и пятерых его бургомистров. Ю. служил в этой должности с 1608 г. до дня своего ареста. Ему было 55 лет. Вскоре после его ареста его жена была казнена как ведьма, с тех пор он писал к своей дочери, общаясь с ней как с женой. Описание его суда, характерно, как и тысячи других по всей Германии; оно приведено ниже по официальной копии:

Подробный отчет о суде над бургомистром Иоганнесом Юниусом

28 июня 1628 г., в среду, был допрошен без применения пытки Иоганнес Юниус, бургомистр Бамберга, по обвинению в колдовстве: на предмет того, как и каким образом он впал в подобный порок. Заявляет, что полностью невиновен, ничего не знает о составе преступления, никогда в своей жизни не отрекался от Господа; говорит, что, если он виновен перед Господом и перед миром, то хотел бы услышать об этом хотя бы от одного человеческого существа, видевшего его на подобных сборищах [таких как шабаш ведьм].

Очная ставка с д-ром Георгом Адамом Хааном. Говорит ему в лицо, что готов поклясться своей жизнью [er wolle darauf leben und sterben], что он видел его, Юниуса, полтора года назад на сборище ведьм в избирательной совещательной комнате, где они пили и ели. Обвиняемый все это полностью отрицает. Очная ставка со служанкой Эльзой. Говорит то же самое, что он был в Хауптсморвальде на шабаше, но сначала святая вода была осквернена. Ю. отрицал это. После этого ему сказали, что его сообщники свидетельствовали против него, и ему дано время для раздумий. 30 июня 1628 г., в пятницу, вышеназванный Юниус был снова без пытки побуждаем к признанию, но снова ни в чем не признался, вследствие чего был подвергнут пытке и сначала были применены тиски для больших пальцев. Говорит, что он никогда не отрекался от Господа, своего Спасителя, не подвергался иному крещению, готов поклясться своей жизнью в этом; не чувствует никакой боли в тисках для больших пальцев. Ножные тиски [Beinschrauben]. Не признается ни в чем, ничего не знает об этом. Он никогда не отрекался от Господа, никогда не совершал ничего подобного, никогда не был виновен в подобном пороке. Также не чувствует никакой боли. Обрит и допрошен: на его правой стороне найдена голубоватая отметка в форме трилистника, ее трижды прокололи, не вызвав никакой боли или кровотечения. Страппадо. Он никогда не отрекался от Господа. Господь не простил бы его. Если бы он был таким негодяем, он никогда не позволил бы себя так мучить. Господь должен дать знак его невиновности, он ничего не знает о колдовстве. 5 июля вышеназванный Юниус без пытки, но после настойчивых уговоров был побужден к признанию и наконец признался:

Признание бургомистра Иоганнеса Юниуса

Когда в году 1624 г. его судебный сюртук в Ротвайле обошелся ему в 600 флоринов, он отправился в месяце августе в свой огород [Baumfeld] в Фридрихсброннен; и там, когда он сидел в раздумье, перед ним появилась женщина, похожая на садовницу, которая спросила его, почему он сидит в такой печали. Он ответил, что вовсе не пал

духом, но она заставила его соблазнительными речами подчиниться ее воле. …И после этого данная мошенница превратилась в козла, который заблеял и сказал: «Теперь ты видишь, с кем ты имеешь дело. Ты должен быть моим, или я иначе сломаю тебе шею». От этого он испугался и весь задрожал от страха. Затем трансформировавшийся дух схватил его за горло и потребовал, чтобы он отрекся от всемогущего Бога, в то время как он сказал: «Господи, помоги мне». И после этого дух исчез, благодаря силе этих слов. Однако он тотчас вернулся обратно, привел с собой еще больше людей и настойчиво потребовал, чтобы он отрекся от Господа на небесах и всего святого причастия, так ужасно угрожая, что он принужден был сказать такое заклинание: «Я отрекаюсь от Господа на небесах и его причастия и буду с настоящего времени признавать дьявола как моего господа».

После отречения он был так принуждаем теми, кто присутствовал, и злым духом, что допустил, чтобы дьявол окрестил его именем злого духа. Morhauptin дал ему дукат из дутого золота, который потом стал просто глиняным черепком. Он был затем назван Криксом. Его суккуб был назван Лисой [ruchsin]. Присутствующие поздравили его от имени Вельзевула и сказали, что они теперь все одно целое. При его крещении среди прочих были вышеуказанная Morhauptin Кристиана, Гайзерлин-младший, Пауль Глязер, Каспар Виттих и Клаус Гебхард, садовники. После этого они исчезли. В это время его любовница пообещала обеспечить его деньгами и время от времени брать его на шабаш. Когда он хотел ехать на шабаш, черная собака появлялась у его кровати и говорила ему идти; после этого он взбирался на нее, и собака поднималась и летела с именем дьявола дальше. Примерно за два года перед этим он был приведен в избирательную комнату, слева при входе. Наверху, за столом, сидели канцлер, бургомистр Нойдекер, д-р Георг Хаан [и еще двадцать четыре человека]. Поскольку он не обладал хорошим зрением, он не мог распознать никого больше. Тогда ему было дано дополнительное время для размышлений. 7 июля 1628 г. вышеупомянутый Юниус был снова допрошен, чтобы узнать, что с ним приключилось далее, и признался в этом. Он признался, что примерно два месяца назад, в день после того, как состоялась казнь, он был на танцах ведьм у Черного Креста, где Вельзевул показался им всем и ясно сказал прямо в лицо, что они все будут вместе сожжены на этом месте, и насмехался и подразнивал тех, кто присутствовал. Назвал еще четырех ведьм.

Преступления бургомистра Иоганнеса Юниуса

Тотчас после совращения его суккуб потребовал, чтобы он убил своего младшего сына Ганса Георга и дал ему для этой цели серый порошок; однако, поскольку это было слишком тягостно для него, он вместо этого убил свою гнедую лошадь. Его суккуб также постоянно принуждал его убить двух своих дочерей, а из-за того, что он отказался, он был избит. Однажды, по настоянию своего суккуба, он выплюнул святую воду изо рта и дал ее ему. Иногда принуждался вступать в сексуальные сношения со своим суккубом. Спустя неделю после своего ареста, когда он направлялся в церковь Св. Мартина, дьявол повстречался ему по дороге в форме козла и рассказал, что он будет вскоре заключен в тюрьму, но что он не должен беспокоиться — его вскоре освободят. Кроме этого, он клянется спасением своей души, что не знает ничего; но то, что он говорит — чистейшая правда; в этом он клянется своей жизнью. 6 августа 1628 г. вышеназванному Ю. было зачитано это самое признание, которое он затем подписал и подтвердил, и был готов своей жизнью поклясться в этом. И после этого он подтвердил это же самое перед судом.

Таков был конец суда, и Ю. был сожжен у столба. Перед сожжением, хотя он едва был способен держать перо из-за примененной пытки, 24 июля 1628 г. он отправил последнее письмо своей дочери Веронике. Он содержался без права переписки и свиданий, но его сторож тайно пронес письмо — он должен был получить талер за свой риск. В конце письма Ю. советует Веронике собрать денег столько, сколько она сможет, и выбраться из города, пока террор не спадет, сказав, что она отправляется в паломничество. Ю. добавляет постскриптум:

Дорогое дитя, шестеро признались против меня одновременно: канцлер, его сын, Нойдекер, Цанер, гофмейстер Урцель и Эльза; и все это ложь, произнесенная по принуждению, как они говорили мне, и просили меня о прощении перед казнью во имя Господа. …Они знали обо мне только хорошее. Они были принуждены сказать это, так же как и я был принуждаем.

Письмо бургомистра Иоганнеса Юниуса дочери Веронике 24 июля 1628 г.

Многие сотни тысяч пожеланий доброй ночи дорогой возлюбленной дочери Веронике. Невиновным я пришел в тюрьму, невиновным я был подвергнут пытке, невиновным я должен умереть, поскольку вошедший в тюрьму ведьм должен стать ведьмой или подвергнуться пытке до тех пор, пока он не придумает что-нибудь, и Господь сжалится над ним — вспомнит о нем когда-нибудь. Я расскажу тебе, как это произошло со мной. Когда я впервые был подвергнут пытке, мой шурин д-р Браун, д-р Кетцендерфер и два незнакомых врача присутствовали при этом. Затем д-р Браун спросил меня: «Родственник, как ты попал сюда? «Я ответил: «Из-за обмана и несчастья». «Послушай, ты, — возразил он, — ты — колдун. Признаешься ли ты добровольно? Если нет, мы приведем свидетеля и палача для тебя». Я сказал: «Я не колдун, я ясно вижу это. Если бы даже были сотни свидетелей, я и тогда бы не беспокоился, но я охотно выслушаю их». Тогда сын канцлера встал передо мной, сказав, что он видел меня. Я попросил, чтобы он принес присягу и был допрошен в соответствии с законом, но д-р Браун отказал в этом. Тогда привели канцлера, д-р Георга Хаана, который сказал то же самое, что и его сын. После этого Эльза. Она сказала, что видела меня танцующим в Хауптсморвальде, но отказалась поклясться в этом. Я сказал: «Я никогда не отрекался от Господа и никогда не сделаю этого — Господь милостиво удерживает меня от этого. Я скорее вынесу то, что я должен претерпеть». И тогда пришел — Господи, помилуй, — палач, и наложил тиски для больших пальцев на меня, обе руки были связаны вместе, так, что кровь хлынула из-под ногтей и повсюду, так что в течение четырех недель я не мог владеть своими руками, как ты можешь видеть из моего почерка. После этого они обрили меня, связали мне руки за спиной и растянули на лестнице. Тогда я подумал, что небеса и земля слились вместе. Восемь раз они растягивали меня и вновь пускали падать, так что я страдал от ужасных мучений. Я сказал д-ру Брауну: «Да прости тебя Господь, за подобное неправильное обращение с невиновным и уважаемым человеком». Он ответил: «Ты — мошенник». И все это произошло в пятницу, 30 июня, и с Божьей помощью я выдержал пытку. Когда наконец палач вел меня обратно в камеру, он сказал мне: «Господин, я умоляю вас, во имя Господа, признаться в чем-нибудь, будь то правдой или нет. Придумайте что-нибудь, потому что вы не сможете перенести пытку, которой вас подвергнут; и если вы выдержите все это, вы не спасетесь, даже если бы вы были графом, но одна пытка будет следовать за другой, пока вы не скажете, что являетесь колдуном. Никогда, ни сейчас, ни впредь, они не отпустят вас, как вы могли наблюдать на всех их судах, поскольку они все одинаковы». Затем явился Георг Хаан, который сказал, что комиссары сказали, что принц-епископ пожелал сделать из меня такой образец, что все будут поражены. И так я умолял, поскольку находился в таком жалком состоянии, чтобы мне дали один день для раздумий и допустили священника. В священнике было отказано, но время для размышлений было дано. Теперь, мое дорогое дитя, посмотри, в каком смятении я был и по-прежнему нахожусь. Я должен сказать, что я — колдун, хотя я им не являюсь, должен теперь отречься от Господа, хотя я никогда не делал этого прежде. Днем и ночью я находился в сильном смятении, но наконец ко мне пришла новая идея. Я не должен беспокоиться, но поскольку мне не дали никакого священника, с кем бы я мог посоветоваться, я сам должен все обдумать и сказать это. Так будет действительно лучше, чтобы я просто сказал это моими устами и моими словами, даже, если я действительно не делал этого; и после этого я могу признаться в совершенном священнику и возложить ответственность за содеянное на тех, кто вынуждает меня поступать подобным образом. И так я сделал мое признание, как оно следует, но это все было ложью. Следовательно, теперь

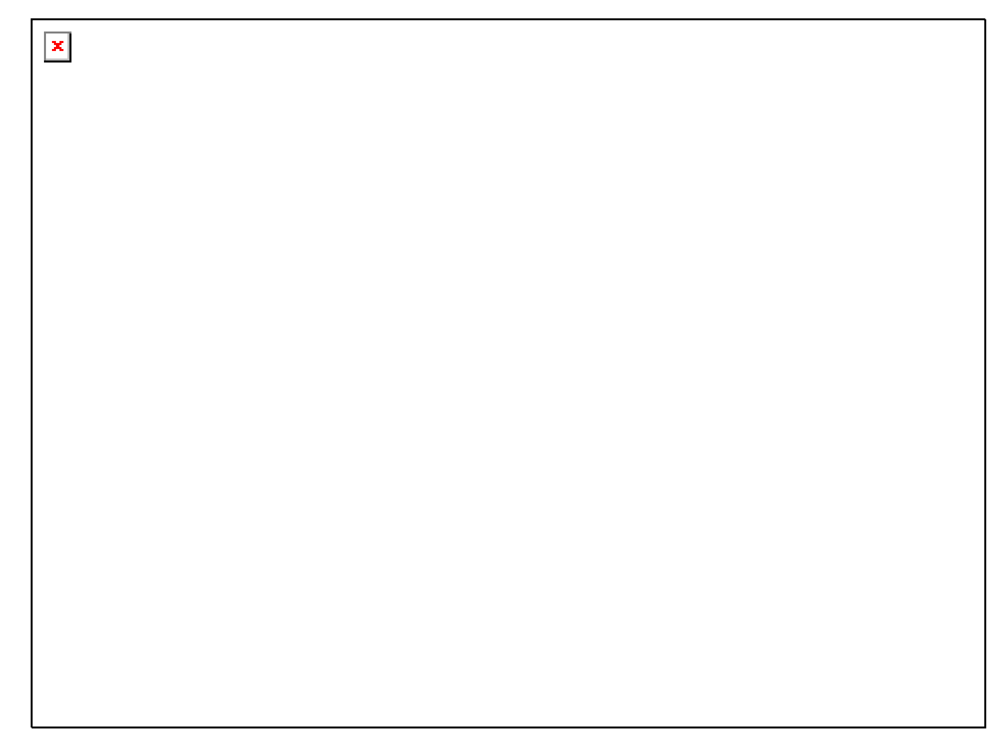
> ясно, дорогое дитя, что я признался с тем, чтобы избежать большего гнева и худшей пытки, которую я не мог более выносить.

Ниже следует его признание, во многом подобное тому, что было сделано на суде.

> Затем я должен был сказать, каких людей я видел [на шабаше ведьм]. Я сказал, что я не узнаю их. «Ты, старый мошенник, я должен приставить палача к твоему горлу. Скажи — не было ли там канцлера?» И я сказал: «Да». «Кто, кроме него?» — я не назвал никого. Тогда он сказал: «Проведите его по одной улице за другой. Начните с рынка, выйдите на одну улицу и затем на другую». Я должен был там назвать нескольких человек. Затем появилась длинная улица [die lange Gasse]. Я никого здесь не знал. Но я должен был назвать здесь восемь человек. Затем Цинкенворт — еще один человек. Затем над верхним мостом в Георгтор, по обе стороны. Здесь я снова никого не знал. [Мне сказали], если я знаю кого-нибудь из замка, не важно, кто бы это мог быть — я могу назвать их без страха. И так постоянно допрашивали меня по всем этим улицам, хотя я не мог и не хотел бы сказать больше. И они передали меня палачу, велели ему раздеть меня, обрить меня повсюду и подвергнуть меня пытке. «Негодяй знает кого-то на торговой улице, виделся с ним ежедневно, но не хочет назвать его». Они имели тем самым в виду бургомистра Дитмайера, и так я был принужден назвать его тоже. Затем я должен был сказать, какие преступления я совершил, я ничего не сказал. …«Поднимите этого мошенника вверх!» И так я сказал, что должен был убить моих детей, но вместо этого я убил лошадь. Но это не помогло. Я также сказал, что взял освященную облатку и закопал ее. Когда я сказал это, они оставили меня в покое. Теперь, мое дорогое дитя, здесь перед тобой мои деяния и признания, из-за которых я должен умереть. И все это чистейшие небылицы и выдумки, — Господи, помоги мне. Поскольку все это я был принужден сказать под страхом пытки, боясь, что не выдержу больше, поскольку они не прекращают пытку, пока человек не сознается в чем-то; будь он даже самым набожным, он должен стать колдуном. Никто не может спастись, будь он хоть графом. Если Господь не позволит мне пролить свет на все это, все наши родственники будут сожжены. Господь на небесах знает, что я ничего не знаю. Я умираю невиновным как мученик. Дорогое дитя, сохрани это письмо в тайне, так, чтобы люди не нашли его, иначе я буду подвергнут самой беспощадной пытке и тюремщики будут обезглавлены. Так строго это запрещено. …Дорогое дитя, заплати этому человеку талер… Мне потребовалось несколько дней, чтобы написать это — обе мои руки изуродованы. Я в тяжелом состоянии. Спокойной ночи, поскольку твой отец Иоганнес Юниус никогда больше не увидит тебя.

Я

ЯДОВИТАЯ МАЗЬ. Повсеместно было распространено мнение, будто составной частью ведьмовских maleficia является отравление людей. Кроме смертельных ядов использовались специальные убивающие мази. Состав подобного отравляющего концентрата дает Гваццо в «Compendium Maleficarum»: листья, стебли и корни растений, животные и рыбы, ядовитые рептилии, металлы и камни. Мазь могла быть применена перорально, путем вдыхания, или каким-либо образом втерта в тело, когда жертва спала. Жир поджаренных мертвых младенцев также являлся хорошим Pinguedo Pagini, как отмечал Гриландус в своем «Trac-tatus de Sortilegiis» (1536); болезни, вызванные подобным образом, считались неизлечимыми и могли привести к смерти. Допускалось, что ведьмы могут обыскивать могилы в поисках трупов, особенно тех, что принадлежали детям и казненным преступникам, дабы использовать их как ингредиенты в магических смесях, порошках и ядовитых мазях.

«Чтобы вызывать жестокую гибель людей, ведьмы обычно выкапывают из земли трупы, особенно тех, кто был казнен и повешен на виселице. Из этих мертвых тел, пользуясь теми же самыми инструментами пыток, которые используют и палачи, они получают материалы для своей магии, наделяя их необыкновенной силой с помощью заклинаний». — Гваццо (1626).

В Экс-ан-Провансе безумная сестра Мари де Сен прослышала об отце Гофриди; когда она вернулась от него в свой монастырь в Лилле, ее голова была заполнена колдовством. Она рассказала, как Гофриди делал концентрат, чтобы вызвать демоническую одержимость, из «священного причастия и священного вина с размолотыми в пыль козлиными и человеческими костями, черепами детей, волосами, ногтями, плотью и семенем волшебника, с кусочками мяса гуся и крысы и мозгами» (Жан Ленорман де Ширмон, «Exorcismes de trois filles possedees», 1623).

В Англии, в Челмсфорде в 1616 г. одним из обвинений против Сюзанны Баркер было то, что она

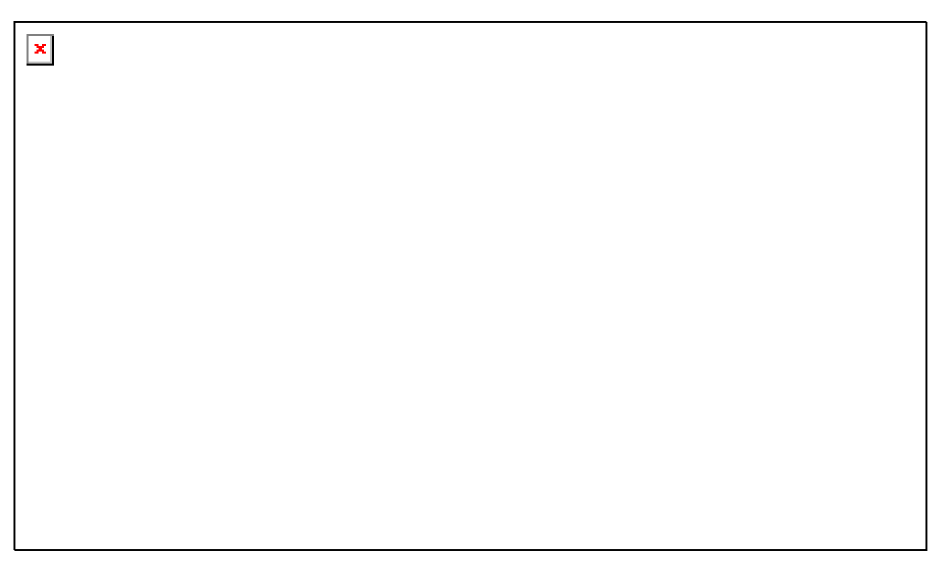
> «злонамеренно вырыла из некой могилы на кладбище приходской церкви вышеназванного Апминстера череп, являвшийся частью тела некоего умершего человека, дав-

> но там похороненного, с намерением использовать упомянутый череп в определенных злых и дьявольских искусствах, называемых колдовством, заговорами и чародейством, с целью околдовать и очаровать некую Мери Стивене».

Другие формулы смертельных мазей были записаны Вейером, скептически настроенным лекарем герцога Клевского:

> «Болиголов крапчатый, сок из аконита, тополиные листья, сажа.
>
> Водяной болиголов, ирис сладкий, лапчатка ползучая, кровь крысы, белладонна, растительное масло.
>
> Жир ребенка, сок водяного болиголова, аконит, лапчатка ползучая, белладонна, сажа».

Суды, состоявшиеся в «Огненной палате», показывают, что использование ядов, связанное с черной магией, было широко распространено. В своей основе мазь состояла из мышьяка, который применялся в виде кислоты, безвкусной и нераспознаваемой в трупе. Кроме того, профессиональные отравители использовали красный и желтый колчедан, купорос, в смеси с такими отвратительными составляющими, как кровь крыс и жаб, а также различные токсические или усиливающие половое чувство растения, семя и менструальную кровь.

Ведьмы, пытающиеся убить спящую женщину.
Из книги Гваццо, «Compendium Maleficarum» (1626).

Ядовитые мази ведьм рассматривались как причина эпидемий чумы. Кальвинисты в Женеве в середине XVI в. объясняли распространение инфекций исключительно колдовством. Так, в 1545 г. один человек признался в том, что он натирал ноги повешенного мужчины магической мазью и смазывал ею дверную задвижку. Подобным образом он якобы распространял болезнь. Преступный заговор расследовался. Были отданы распоряжения о серьезных наказаниях: осужденных мужчин следовало заживо уязвить щипцами, а женщинам перед сожжением отрубить правую руку. Особым пыткам подвергали бедных людей с сомнительной репутацией, чтобы обнаружить, не они ли являются распространителями чумы; тех, кто отказывался признаться, следовало заживо замуровать в стену. Несмотря на то, что в 1545 г. 31 человека казнили как ведьм в течение 3 месяцев, Кальвин жаловался: «И все-таки заговорщики не прекращали мазать дверные замки своими мазями. Опасайтесь несчастий, которые могут нас постичь!» (Тревор Девис, «Four Centuries of Witch Beliefs», 1947).

ЯКОВ I. В начале своего правления, будучи еще королем Шотландии, Я. истово верил в колдовство, а в конце, в 1623 г., стал столь же убежденным скептиком. Легковерие

короля показывает суд над ведьмами из Нортбервика, которых заставили признаться в том, что, плавая по морю в ситах, они пытались вызвать бурю, чтобы потопить корабль, на котором король отправился в Норвегию за своей невестой. Я., которому тогда было только 24 года, поверил этому фантастическому рассказу, потому что Агнесс Симпсон, одна из обвиняемых,

> «повторила ему те слова, которыми он обменялся со своей женой в первую брачную ночь в Осло. Его королевское величество сильно удивился и поклялся именем Господа, что все дьяволы в аду не могли бы этого узнать, чем признал ее слова самыми правдивыми и подтвердил все остальное, что было заявлено ранее» («News from Scotland», 1591).

Когда суд присяжных оправдал одну из обвиняемых, женщину благородного происхождения, Я. пришел в такую ярость, что назвал суд присяжных «сборищем дураков». Вслед за тем, 7 июня 1591 г. судьи согласились «подчиниться воле короля». Я., лично наблюдавший за пыткой обвиняемых, объяснил свое вмешательство тем, что сделал это «лишь для примера, чтобы люди, вынесшие неправильный вердикт, были повнимательнее», потому что «колдовство, которое очень часто вырастает среди нас, является наиболее гнусным грехом» («The Tolbooth Speech»).

Интерес к делу ведьм из Нортбервика, без сомнения, побудил Я. начать работу над «Демонологией» (опубл. в 1597, Эдинбург). Она. представляет собой диалог в 3 частях, написанный в классической традиции европейских демонологов. Королевская «речь» по сути является кратким изложением этой книги. «Демонология» была написана, чтобы опровергнуть «The Discovery of Witchcraft» (1584) Реджинальда Скотта и «De Praestigiis Daemonum» (1563) Иоганнеса Вейера и доказать, что «подобные нападки Сатаны широко распространились, и все, кто является его орудием, должны быть жестоко наказаны». В 1603 г. Я. пытался уничтожить сохранившиеся экземпляры книги Р.Скотта. Неверие Я. в ликантропию придало его труду незаслуженный оттенок беспристрастности. Он подчеркнул, что и плавание, и клеймо дьявола в равной степени являются показаниями для искоренения «этого гнусного преступления против Бога». Похожий взгляд отличает и книгу «Basilicon Doron», написанную им для своего сына Генриха (ум. в 1612 г.), в которой молодому принцу внушалось, что колдовство является «ужасным преступлением, о котором [король] всегда должен помнить». В то же время Я. предупреждал, что «судьи должны быть внимательны и не доверять никаким обвинениям без тщательной проверки».

Став в 1603 г. королем Соединенного Королевства Англии и Шотландии, Я. выпустил новое издание своей книги в Лондоне в 1604 г. (в том же году вышел ее голландский перевод, а в 1604 и 1607 гг. — два латинских издания, опубликованные в Ганновере). В первый же год своего правления он заставил парламент принять новый закон против ведьм. В Уложении 1604 г. акцент был перенесен с maleficia на договор с дьяволом, в соответствии с европейскими взглядами, что, несомненно, усилило нападки на ведьм.

Благодаря тому, что «Демонология» была написана автором, принадлежащим к королевскому роду, она с особым вниманием цитировалась на процессах того времени. Суд в Дорсете нашел, что обвиняемая совершала «деяния, достойные наказания, поскольку король в своей книге против ведьм, озаглавленной „Демонология“, установил, что действия, произведенные Джоан (обвиняемой), имеют все качества и признаки, свойственные колдовству или чародейству». В 1613 г. Потс в случае с ланкаширскими ведьмами снова подтверждает судебный приговор цитатой из «Демонологии»: «Здесь обнаруживалось и не в первый и не в последний раз подвергалось наказанию то, что Его величество написал и опубликовал в своей книге „Демонология“ в виде предостережения и предупреждения».

Пристрастия короля повлияли и на перевод Библии. Всякий раз, когда в Септуагинте упоминался «некто, советующийся с духами», авторизованная версия использовала слово «ведьма», поскольку в «Демонологии» ведьма определена как человек, советую-

щийся с домашними духами. Таким образом, в Библии была узаконена совершенно не свойственная ей концепция.

Возможно, первый удар по легковерию Я. был нанесен в 1605 г. на процессе по делу женщины из Эбингтона, обвиненной 14-летней Анной Гюнтер. Узнав об этом деле, король направил преп. Самуэля Харснетта допросить девочку, внеся 300 фунтов на погашение судебных издержек. Гюнтер призналась, что симулировала истерию и ложно обвинила трех человек. Следующий случай мошенничества был связан с делом лестерского мальчика, Джона Смита, которого допросил сам король после того, как обвинения подростка отправили на виселицу 9 ведьм. Король забрал дело у Верховного судьи сэра Эдварда Кука и отменил казнь женщин, обвиненных Смитом. В 1620 г. городской суд Стаффорда аннулировал сходные обвинения билсонского мальчика.

В 1621 г. Катрин Мелпас из Вестхема (Эссекс), другая юная мошенница, допрошенная королем, так умело изображала одержимость, что видевшие ее люди давали ей милостыню. Она обвинила двух женщин в околдовывании. В конце концов одна из них призналась, что научила Катрин различным трюкам: выпячиванию живота, заламыванию рук, подпрыгиванию и подергиванию. Особенно же ей «удавалось надувать желудок до размеров полупенсовой булки, биться головой о стену, подергивать плечами, трещать костями под кожей и перекашивать на сторону рот» (Ивен, «Witchcraft in the Star Chamber», 1938).

Эти случаи разоблачения подростков, ложно обвинявших людей в колдовстве, были во многом связаны с изменением взглядов короля. Д-р Томас Фуллер в книге «Church History of Britain» заметил: «Частые разоблачения одержимых так изменили взгляды короля, что он сначала стал безразличен, а затем решительно отрицал преступления ведьм и дьяволов, считая их только обманом и заблуждением». Кроме того, на короля повлияло и чтение разнообразных авторов — умеренных, вроде Агриппы, и придворных скептиков, таких, как Бэкон, Флорио (переводчик Монтеня) и его личный врач У.Гарвей. Изменению религиозного климата способствовала и реакция против кальвинизма.

Наиболее наглядным показателем изменения политической ситуации, однако, является тот факт, что в последние 9 лет правления короля только 5 человек были казнены за колдовство. Но, несмотря на изменение позиции короля, Уложение 1604 г. оставалось в силе. Почти выйдя из употребления при Карле I, оно стало основой преследований при Кромвеле.

Из «Толбутской речи» короля Якова I

[Король назвал эдинбургский суд «сборищем дураков», поскольку суд снял обвинение в колдовстве с Барбары Напье, одной из нортбервикских ведьм 7 июня 1591 г.]

Зная, что колдовство, которое часто появляется среди нас, является одним из самых гнусных грехов, я потратил три четверти года, чтобы собрать факты против тех, кто обвиняется здесь. Как по божеским, так и по человеческим законам этот грех является самым отвратительным. По закону Господа он заслуживает наказания смертью. И по человеческим законам он называется maleficium или veneficium и карается смертью как злодейство и отравление.

Члены суда руководствуются единственным мотивом для своего решения — признание ведьм является недостаточным свидетельством их вины. Известно, что по гражданскому закону свидетельства преступников, лишенных гражданских прав, не рассматриваются, за исключением дел о ереси или преступлениях против короля. Однако в данном случае должны быть приняты во внимание разумные обоснования. Во-первых, ни один порядочный человек не может знать обстоятельств этого дела; во-вторых, ведьмы не станут обвинять себя; в-третьих, совершаемые ими поступки невозможно увидеть. Я называю их ведьмами, потому что они отрицают Бога и отдаются дьяволу, но, когда они отреклись от дьявола и раскаялись, они перестали быть ведьмами, и поэтому их показания могут быть признаны достаточным основанием».

ЯКОВ I: уложение 1604 г. По этому Уложению было проведено большинство важнейших английских судов над ведьмами: ланкаширские массовые процессы 1612 и 1633 гг. (где большинство обвиняемых было оправдано) и лестерский 1616 г. (где 9 было повешено). Закон оставался в силе во время Гражданской войны и Республики (1642–1660) и был основой обвинений на знаменитых судах в восточных графствах (челмсфордский, норфолкский, сент-эдмундский, хантингтонский, бервикский и ньюкаслский суды 1646 г.; грейт-ярмутский 1645 г.).

Уложение отменяло аналогичный закон, принятый при Елизавете в 1563 г. (хотя и сохраняло большинство его формулировок) и вводило более жестокие законы. Уложение предусматривало обязательное повешение по первому обвинению в maleficia, даже, если околдованный и не умирал (в соответствии с законом, принятым при Елизавете, данное преступление наказывалось годичным заключением). В то же время, гадание об украденной собственности, изготовление приворотного зелья или порча собственности наказывались годом тюрьмы и стоянием у позорного столба (при первом проступке). Договор с дьяволом объявлялся в Уложении преступлением, заслуживающим смертной казни: «любое чародейство, колдовство или вызывание злых или нечистых духов, соглашение, увеселение, пользование услугами, кормление или вознаграждение любого злого и нечистого духа с любой целью или намерением».

Колдовство перестало быть предрассудком, распространенным среди необразованных людей. Уложение создавали способнейшие и образованнейшие люди Англии: герцог Нортумберлендский, епископ Линкольнский, Верховный судья Палаты общин, Генеральный прокурор, королевский верховный судья и лорд-казначей.

Сэр Роберт Филмер, великий юрист, 50 лет спустя в труде «Advertisement to the Jurymen of England Touching Witches» (Лондон, 1653) с насмешкой описывал сложности, возникавшие, когда с помощью Уложения требовалось определить ведьму или провести различие (на котором оно настаивало) между колдовством, вызыванием духов и чародейством: «Это Уложение предполагает, что всем известно, кто такие ведьма, чародей, колдун (как будто все вокруг только и делают, что изучают богословие), и не описывает ни их самих, ни различий между ними». Затем Филмер добавляет, подчеркивая, что Уложение не дает возможности вынести справедливый приговор: «А ведь закон вполне справедливо требует соблюдения необходимых юридических формальностей при вынесении приговора». Филмер отмечает, что преднамеренность убийства обычно является одним из важных обстоятельств для вынесения приговора:

> «Несмотря на то, что Уложение применяет дизъюнктивный союз „или“, и тем самым превращает каждое единичное преступление в особо тяжкое, судьи обычно толкуют закон, как им самим удобно, и, заменяя дизъюнктивное „или“ конъюнктивным „и“, не выносят приговор ни одной ведьме, если она не обвиняется в убийстве».

Однако тюремные отчеты показывают, что в 1645 г. в Челмсфорде 7 женщин были повешены только на основании обвинения в том, что им служили злые духи. Кеттридж добавляет: «С тех пор неизвестно ни одного случая, когда мужчина или женщина были бы приговорены к смерти за одно лишь такое преступление (выкапывание мертвых), и, следовательно, можно пренебречь этой статьей как не имеющей практического значения».

По данному Уложению было проведено большинство салемских судов над ведьмами, а последующие обвинительные акты ссылались на него. 14 декабря 1692 г. совет штата Массачусетс предписал судьям основываться на Уложении 1604 г., «дающем общее направление исполнительному законодательству против колдовства». Это постановление оставалось в силе до 1695 г. В Англии Уложение было отменено только в 1736 г. при Георге II.

Акт против колдовства, заклинаний и сношений со злыми и нечистыми духами.

ПОСТАНОВЛЕНО

I. Королем, нашим верховным правителем и членами Палаты лордов, духовными и светскими, и Палатой общин и текущей сессией парламента, что закон, принятый на пятом году царствования последней королевы, блаженной памяти Елизаветы, озаглавленный «Акт против заклинаний, колдовства и ворожбы», в день Михаила Архангела, равно как и постановления, принятые после него, настоящим отменяется.

II. Для лучшего обуздания вышеназванных преступлений и более сурового их наказания, вышеназванные установили, что любая личность или личности, которые после названного дня Михаила Архангела будут:

a) заниматься, упражняться или использовать вызывание или заклинание любых злых и нечистых духов с любой целью или намерениями;

b) выкапывать мужчин, женщин и детей из их могил или других мест погребения, использовать кожу, кости или любую часть мертвого тела для применения в чародействе, заклинаниях или заговорах;

c) использовать, практиковаться или упражняться в любом колдовстве, заклинаниях, заговорах или чародействе, посредством которых кто-либо может быть убит, уничтожен, изнурен, иссушен, исколот, искалечен в любой части тела, любой такой преступник или преступники, их помощники, подстрекатели, соучастники и советчики да будут должным образом и по закону осуждены и присуждены к смерти или к изгнанию с лишением гражданских прав, казнены как уголовные преступники и лишены привилегий и права убежища в храме.

III. Чтобы уничтожить любые намерения к использованию, занятиям или упражнениям в колдовстве, заклинании, заговаривании или чародействе, да будет установлено на настоящей сессии парламента, что любая личность или личности, которые, начиная с указанного дня Михаила Архангела будут заниматься колдовством, заклинанием, заговариванием или чародейством следующее:

a) донос или объявление места, где находятся сокрытые в земле клады из золота и серебра или может быть найдено утерянное или украденное;

b) намерение к побуждению кого-либо к противозаконной любви;

c) порча, повреждение или разрушение чьего-либо движимого или недвижимого имущества;

d) намерение причинить боль или искалечить телесно кого-либо, даже если оно и не было выполнено.

Каждый, кто совершит подобное преступление и будет осужден согласно закону, должен понести наказание в виде тюремного заключения сроком на год без права выхода под залог и один раз за каждую четверть указанного года должен будет простоять шесть часов у позорного столба на рыночной площади города в базарный день и публично покаяться в совершенном.

IV. И если кто-либо, однажды осужденный за вышеназванные преступления, снова совершит любое из вышеуказанных преступлений, то должен понести наказание в виде смертной казни как уголовный преступник с лишением привилегий и права убежища в храме. Оставлять жене указанного выше преступника ее титул и приданое, равно как и его наследникам и преемникам, в соответствии с их правами на наследство и титул, если они не подвергаются изгнанию с лишением гражданских прав.

ПОСЛЕСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Представляя читателю настоящую «Энциклопедию», мы надеемся, что она не затеряется в потоке изданий на данную тему, пришедших в последнее время на книжный рынок. Более того, мы предполагаем, что книга профессора Роббинса станет для русского читателя таким же открытием неизвестного, как и появление ее первого издания (Лондон, 1959). Ведь с тех пор только на английском языке она выходила 17 раз. В чем же заключен секрет столь завидного долголетия «Энциклопедии колдовства и демонологии»?

Наверное, в том, что ее автору удалось достичь органичного соединения научной и исторической точности с доступной широкому читателю формой подачи материала. Практически впервые в научный оборот и читательский обиход вводится множество источников, хранящихся в различных архивах Европы и Америки. Это разнообразные судебные отчеты, записи признаний, допросов, письма, изобразительные материалы (редкие гравюры, иллюстрации из книг). Многие из них впервые воспроизводятся по единственным сохранившимся экземплярам.

«Энциклопедия» — весьма необычный словарь, разрушающий привычные представления о справочном издании. Традиционная словарная статья имеет четко заданную структуру, материал излагается сухим, «академическим» языком, где информативность изложения подавляет авторскую индивидуальность. Труд Роббинса — увлекательное чтение, где благодаря живому, даже местами разговорному стилю авторской речи воссоздается красочная и вместе с тем трагическая реальность одной из самых мрачных страниц человеческой культуры. Автор не навязывает читателю своих взглядов, воздерживаясь от традиционного определения того или иного понятия, предлагая выбрать одну из представленных точек зрения. И вместе с тем в книге просматривается вполне четкая авторская позиция, выраженная через отношение к описываемому. Конечно, подобный способ подачи материала своеобразен, но он не требует предварительного знакомства со специальной терминологией, а потому «Энциклопедию» можно читать как книгу, состоящую из отдельных глав-статей. Несомненным достоинством предлагаемой книги является четкое определение места «колдовства» в культурном и историческом процессе. Тем не менее, автор считает необходимым ограничить рассматриваемый материал рамками Западной Европы и отчасти Америки. С другой стороны, Роббинс намеренно не входит в этнографические и фольклористические аспекты рассматриваемого явления, оставляя это соответствующим специалистам. Столь резкая самоограниченность представляется вполне мотивированной ввиду обширности материала, хотя и приводит к тому, что иногда в изложении материала появляются серьезные пробелы.

Недостаточность информации особенно заметна в статьях о демонологах. Не стала предметом изучения деятельность Андреа Альциата (Альчато, 1492–1550), который одним из первых противопоставил слепой и неразумной ярости здравый смысл, хотя и не осмелился открыто выступить против веры в ведьм. Тем не менее, именно его считал своим главным врагом Ж.Боден, о котором тоже рассказано до обидного мало. Для истории колдовства очень важен не только интерес Бодена к проблемам естественной религии, хотя его труд «Семичастник» («Heptaplomeres») представляется более значительным, чем «Демономания». Многие выдающиеся деятели вовсе не упомянуты Роббинсом, как, например, Томас Браун (1605–1682), знаменитый английский врач и естествоиспытатель, неутомимый борец с суевериями. Его книга «Pseydodoxia Epidemica» (1646) явилась самым ярким откликом на «Демонологию» Якова I (1599). Браун не поколебался проанализировать и экспериментально исследовать то, что он сам назвал «простонародными предрассудками». Безусловно заслуживает упоминания и видный английский богослов Томас Спрат (1636–1713). Хотя его «История королевского общества» (1667), ставшая явлением для своего времени, и является попыткой примирения религии и науки, ведьм и колдовство он называет «лживыми химерами», как бы подхватывая эстафету у Ф.Шпее и являясь

предшественником Б.Беккера и К.Томасиуса. Введение в «Энциклопедию» всех названных выше имен позволило бы показать, что на всем протяжении истории колдовства находились люди, осмеливавшиеся в той или иной форме выступать против него. Конечно, любознательный читатель может обратиться к имеющимся обобщающим трудам, список которых (ограниченный отсутствием русских переводов) мы приводим ниже.

Не менее заметно и отсутствие сведений историко-культурного характера. Статья о герцоге Жиле де Ре несомненно выиграла бы, если бы автор остановился на его судьбе во французской литературе (он стал прототипом герцога Синяя Борода). Следовало бы более подробно рассказывать и о том воздействии, которое оказывали на мировую культуру наиболее известные процессы над ведьмами. Так, история Луденских монахинь уже в середине XX века стала основой известного романа О.Хаксли «Дьяволы из Лудена» («The Devils of Loudun»), а затем и материалом для оперы известного польского композитора К.Пендерецкого. Однако, высказывая подобные замечания, необходимо учитывать, что круг интересов каждого исследующего данную тему индивидуален, ограничен его опытом и просто физическими возможностями.

Рассел Хоуп Роббинс родился 22 июля 1912 г. в Уэлси (Чешир). Получил образование в университетах Ливерпуля и Кембриджа. С 1941 года проживает в США. Состоит профессором более 10 университетов США и Англии. Роббинс избран членом многочисленных научных обществ в США, Великобритании, Германии и других странах, в том числе Королевского общества и академии медиевистики. Роббинс — признанный во всем мире исследователь культуры европейского средневековья, автор более 200 научных трудов. Главные научные интересы Роббинса сосредоточены на исследовании литературы английского средневековья. Начиная с фундаментального справочника «The Index of Middle English Verse» (1943, приложение — 1965), он занимается поэзией XIV — XV веков. Книги Роббинса «Secular Lyric of the XIV — XV centures» (1952), «Historical Poems of the XIV — XV centuries» (1959) и «Early English Christmas Carols» (1961) давно уже признаны многими поколениями специалистов.

Предлагаемая вниманию читателя «Энциклопедия колдовства и демонологии» опубликована в 1959 г. и с тех пор выдержала 17 изданий. «Энциклопедия» открывает ряд работ Роббинса, посвященных отдельным проблемам истории европейского колдовства. Среди них стоит отметить «Sex and Witchcraft» (1961), «The Imposture of Witchcraft» (1963), «The Real Crime of Witchcraft» (1966), «The Heresy of Witchcraft» (1966) и «The Witchcraft Collection» (1971). Они адресованы специалистам и местами существенно расширяют и дополняют материал «Энциклопедии». Стоит также отметить, что труд Роббинса сразу же получил высокую оценку специалистов, причем не только на Западе но и в Восточной Европе — одна из первых рецензий на него появилась в Польше («Аргументы» (1961, №14 (147), с. 9). Теперь с книгой Роббинса сможет познакомиться и русскоязычный читатель.

Признавая правомерность авторской концепции, с которой можно спорить и из которой можно исходить при дальнейших исследованиях, нужно согласиться с мнением одного из рецензентов: «Энциклопедия» Р.Роббинса «остается наиболее масштабным и полным справочником, автором которого является один из крупнейших ученых-медиевистов нашего времени».

При переводе и научном редактировании сохранялась максимальная приближенность к тексту оригинала, не опущены отдельные эротические и даже сексуальные сцены, воспроизводимые Роббинсом из различных источников (статьи — Ре, Сексуальные сношения с дьяволом). Подобная «обнаженность» изложения может шокировать современного читателя, но она органично сочетается со стилем самой книги, написанной иногда как живой непосредственный рассказ очевидца об увиденном. В ряде случаев использованы русские эквиваленты понятий — знахарь, оберег — хотя славянские и, в частности, русские материалы не привлекались Роббинсом (за исключением единичных упоминаний).

По мере возможности переводчик и редактор унифицировали терминологию, употребляемую автором «Энциклопедии». Это прежде всего касается статей, посвященных основным теоретическим понятиям колдовства — «Ведьма», «Колдовство», «Чародейство», «Шабаш». Именно поэтому такой распространенный термин как «ведовство» заменен на «колдовство» и «чародейство». Также проведена композиционная унификация статей-персоналий, что позволило придать им более законченную форму, традиционную для статьи подобного рода. Вместе с тем авторы перевода старались сохранить индивидуальность стиля Роббинса, хотя в ряде случаев налицо стилевые погрешности и даже неряшливость в отдельных выражениях. Примечания автора словаря обозначаются [], а примечания редактора и переводчика (). Библейские тексты даются по каноническим переводам, художественные произведения, тексты «Молота ведьм» и некоторых документов — по имеющимся русским переводам, ссылки на которые даются при цитате. Тексты некоторых заговоров воспроизводятся по переводам, опубликованным в русских изданиях. Претерпел изменения и иллюстративный ряд. Сохранив авторскую концепцию, редактор дополнил книгу воспроизведениями ряда редких гравюр из книги Ч.Ли «История инквизиции» (1914) и некоторых других изданий.

Основные сокращения являются общепринятыми в энциклопедической литературе, а потому специально не оговариваются. Приводим лишь те, которые обусловлены спецификой настоящей «Энциклопедии».

Список сокращений

ББ — Бодлеанская библиотека в Оксфорде, коллекция Дьюса
БКУ — Корнельская университетская библиотека
БП — Национальная библиотека (Париж)
БМ — Британский музей (Лондон)
ЛБ — Библиотека Ламбетского дворца
НПБ — Публичная библиотека Нью-Йорка (Резервный фонд)

Некоторые меры и денежные единицы

Линейные меры

1 furlong (fur) фарлонг = 10 chains (surveyor's) = 40 rods = 660 feet = 220 yards = 201,17 м
1 chain (engineer's) (ch) чейн (строительный) = 100 feet = 30,48 м
1 rod (pole, perch) (rd) род (поль, перч) = 16.5 feet = 5.5 yards = 5,03 м
1 yard (yd) ярд = 3 feet = 16 nails = 91,44см
1 foot (ft) фут = 3 hands = 12 inches = 30,48см
1 span спен = 4 nails = 9 inches = 22,86 см
1 inch (in) дюйм = 12 lines = 2,54 см

Меры объема

1 cord (short) корд (малый) (для круглого леса) = 126 cubic feet = 3,568 куб. м
1 load лоуд (для круглого леса) = 40 cubic feet — 1,416 куб. м
1 load лоуд (для пиломатериалов) = 50 cubic feet = 1,416 куб. м
1 barrel, bulk баррель, балк (уст.) = 5–8 cubic feet) = 0,14–0,224 куб. м

Меры жидкостей

1 barrel (bbl) баррель = 31–42 gallons = 140,6–190,9 л
1 barrel (for liquids):
    British = 36 Imperial gallons = 163,6 л,
    U.S. = 31.5 gallons = 119,2 л
1 gallon (gal) галлон:
    British = 4 Imperial quarts = 8 pints = 4,546 л,
    U.S. = O.833 British gallon = 3,785 л
1 quart (qt) кварта:
    British= 1/4 gallon = 2 pints = 1,14 л,
    U.S. = 0.833 British quart = 0,946 л

1 pint (pt) пинта:
British = 1/8 gallon = 4 gills = 0,57 л,
U.S. = 1/8 U.S. gallon = 0,47 л

Меры сыпучих тел

1 bushel (bu) бушель:
British = 4 pecks = 8 gallons = 1.032 U.S. bushels = 36,35 л
1 gallon (gal) галлон
1 gallon (gal) галлон:
British = 4,546 л
U.S. = 0.83267 Imperial gallon = 3,785 л
1 pint пинта:
British = 0.568 л,
U.S.= 0.551 л
1 barrel (bbl) баррель:
British = 163,6–181,7 л,
U.S. = 117,3–158,98 л

Избранная библиография

Вульфиус А. Вальденское движение в развитие религиозного индивидуализма. Пг., 1916.
Григулевич И. История инквизиции. М.,
Канторович Я. Средневековые процессы о ведьмах. М., 1990.
Крывелев И. История религий. Т. 1–2. М., 1975.
Коккьяра Д. История фольклористики в Европе. М., 1960.
Ли Ч. История инквизиции в средние века. Т. 1–2 М., 1912.
Лозинский С. История инквизиции в Испании. М., 1914.
Лозинский С. История папства. Т. 1 М., 1934 (переизд. — 1961, 1986).
Орлов М. История сношений человека с дьяволом. М., 1992.
Рейнак С. Всеобщая история религий. М., 1919.
Ронини А. Люди, идолы, боги. М., 1962.
Тэйлор Э. Первобытная культура. М., 1939.
Фрезер Дж. Золотая ветвь. М., 1980.
Эншлеген Ш. Происхождение религии. М., 1954.

СПИСОК СТАТЕЙ «ЭНЦИКЛОПЕДИИ КОЛДОВСТВА И ДЕМОНОЛОГИИ»